This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

~~Vet Stor Per 2~~

Vet. DK4. S2775.085

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книга седьмая.

ІЮЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРІЕВА.
1850.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 20-го іюля 1850 года.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

Исправляющій должность Цензора *В. Лангеръ.*

Редакторъ *К. Масальскій.*

Издатель *К. Жерняковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕДЬМОЙ КНИГИ.

Стр.

Іюль . . . . . 23—24

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

Геройскіе подвиги Русскихъ на Кавказѣ . . . . . 1—4
Отъ Императорскаго Археологическаго Общества. Объявленія о трехъ задачахъ на соисканіе премій, объ изданіи собранія древнихъ русскихъ надписей и о сообщеніи свѣдѣній по предметамъ русской археологіи вообще . . . . . 5—20

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

Внутреннія извѣстія . . . . . 1—47
Извѣстія съ кавказа . . . . . 48—54
Празднество лейб-гвардіи Измайловскаго полка . . . . 55—60
Иностранныя извѣстія . . . . . 61—120

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Вѣчный источникъ (изъ Виктора Лапрада.) *Е. Вердеревскаго* . . . . . 1—5
Современные мадригалы. *Зайцева* . . . . . 5—6
Нѣкоторымъ собирателямъ милостыни. *З—ева* . . . . 6—6
Басня. *Заморейцева* . . . . . 7—8
Эллада . . . . . 8—9
Древняя колонна . . . . . 9—10
. . . . . 10—11
. . . . . 11—11
. . . . . 11—12
Греческая мелодія. *Н. Щербина* . . . . . 12—
Изъ дневника слишкомъ молодаго человѣка. Соч. *П. К—скаго* . . . . . 1—18
Рыбакъ. Соч. *Петра Корбутовскаго* . . . . . 19—32

Стр.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Начало и происхожденіе пароходства. *В. Карелина* . . 1—18
Біографическіе очерки. Берцеліусъ. . . . . 19—24

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

63. Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. *Изданіе А. Смирдина.* (Статья вторая.) Нахимовъ.—Милоновъ.—Судовщиковъ. *В. З.* — 64. Описаніе Государственнаго Архива старыхъ дѣлъ. *Иванова. Л.* 1—68

СМѢСЬ.

Походная жизнь въ Африкѣ. (*Изъ записокъ французскаго офицера.* — Мадридъ и его жители. — Два рудокопа. (*Разсказъ*).—Забывчивость маркиза де-Бранкà. (*Анекдотъ*).

Новости ученаго міра.

Похожденія провинціала въ столицѣ.

Русская Почта.

Иностранная Почта.

Мысль и улыбка. Вопросы и отвѣты: Скука.—Самолюбіе. — Нелюдимость. — Очень наивно.—Что такое счастіе?—Дѣвушка и жена. — Практика и теорія — по русски. — Зачѣмъ Сократъ принесъ Эскулапу въ жерву пѣтуха.—Мимолетно—вѣчно. — Древо познанія.—Высокое.—Торговка и мальчишка. — Два кровельщика. — Бракъ. — Все-таки о вкусахъ спорить можно.—Дѣдъ, сынъ и внукъ.

Петербургскія моды.

Русскія книги. . . . . 1—128

Къ этой книгѣ *Сына Отечества* приложены *двѣ* парижскія картинки мод.

ІЮЛЬ.

(31 день). По славянски Липецъ, отъ того, что въ этомъ мѣсяцѣ цвѣтутъ липы; по церковному Іюліи; получилъ свое *названіе* отъ Юлія Кесаря. Іюль послѣдній лѣтній мѣсяцъ, и въ немъ между яркою зеленью начинаютъ уже мелькать желтые листья, изъ цвѣтовъ образуются плоды, и всѣ растѣнія достигаютъ своего конечнаго развитія. Пчеловоды въ началѣ Іюля, и чаще еще въ концѣ Іюня, должны особенно стараться чтобы пчелы, *ролщіяся въ красные, перемежающіеся съ дождями дни*, не оставили своего прежняго мѣстопребыванія, не отъ того, чтобы помѣщеніе было тѣсно, но отъ того, что образуется новая матка. Поэтому для уловленія новыхъ роевъ должно имѣть въ запасѣ новые улья, которые ставятся на приличномъ мѣстѣ, съ нужными снаровками. Въ Іюлѣ стоятъ самые тягостные жары, которые часто прерываются грозами. Дни отъ 30 Іюня по 7 Іюля замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ случаются грозы съ градомъ; выпадаютъ холодныя и зловредныя грозы, которыя изъ зеленыхъ растеній, особенно изъ сочнолистныхъ, какъ то: клевера, капусты и пр., извлекаютъ осадочное, растительное, мучнистое вещество. Въ Іюлѣ для земледѣльцевъ особенно важны примѣты погодопредвѣщательныя. Если солнце заходитъ ясно, то будетъ хорошій день; если оно садится за темными облаками, то обыкновенно на другой день будетъ дождь; если дни стоятъ пасмурные и прохладные, то дождя опасаться не надо и работы могутъ продолжать-

ся безостановочно; когда же душно и тягостно, и насѣкомые особенно злы и ѣдки, тогда будетъ дождь; если подкошенное и высушиваемое сѣно и хлѣбъ шелестятъ и трещатъ, то это предвѣщаетъ дождь. Въ огородахъ главная работа въ Іюлѣ въ окучиваніи капустныхъ и рѣпныхъ растеній; въ сбираніи съ нихъ гусеницъ и червей; въ пропалотіи и очищеніи грядъ отъ сорныхъ травъ и въ посѣвѣ овощныхъ растеній, которыя въ позднюю осень должны составлять домашнюю пищу. Въ Іюлѣ убираются всѣ травы или какъ говорится: до Ильина дня сѣно сметать, пудъ меду въ него накласть. Въ Іюлѣ добывается также самый лучшій, бѣлый и душистый медъ, называемый липецкимъ. Въ концѣ Іюля или въ 1-хъ числахъ августа начинаютъ засѣвать озимую рожъ. Это дѣлается въ сѣверной Россіи, въ средней нѣсколькими днями позже.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

ГЕРОЙСКІЯ ПОДВИГИ РУССКИХЪ НА КАВКАЗѢ.

20-го числа сентября 1849 года, взрывомъ мины, въ Ахтинскомъ укрѣпленіи, сбросило съ 1-й баттареи Кегернову мортирку въ крѣпостной ровъ. Чтобы не дать непріятелю воспользоваться ею, многіе охотники вызвались достать ее, но эта честь была предоставлена рядовому Ивану Гродько, молодому солдату, прежде всѣхъ вызвавшемуся на это дѣло.

Въ 4 часа по-полудни, подъ непріятельскими пулями, онъ спустился на веревкѣ въ ровъ, отрылъ мортирку и втащилъ ее въ укрѣпленіе.

— Ахъ, бестіи! сказалъ онъ осмотрѣвшись,—шинель-то вѣдь мнѣ совсѣмъ перепортили—что я теперь буду дѣлать! И дѣйствительно, она была изрѣшечена пулями.

Прошлаго года Гродько отправился въ Гвардію, какъ кавалеръ Св. Георгія.

Послѣ штурма, того же 20-го числа, Полковникъ Роттъ вызывалъ охотниковъ изъ нижнихъ чиновъ, идти къ князю Аргутинскому съ извѣстіемъ, въ какомъ опасномъ положеніи находится укрѣпленіе.

Унтер-офицеръ Иванъ Меркуловъ и рядовой Тихоновъ (въ минувшемъ году Тихоновъ отправленъ въ гвардію) первые вызвались на этотъ опасный подвигъ, а съ ними одинъ изъ ахтинскихъ бековъ. Получивши наставленіе лично отъ Полковника Ротта, эти три смѣльчака, въ 11-ть часовъ ночи, переодѣтые и вооруженные по туземному, напутствуемые общими молитвами, вышли изъ укрѣпленія, и 21-го числа вечеромъ, часовъ въ 5, явились къ князю Аргутинскому въ лагерь близъ села Зухулъ,—найдя уже тамъ Штабс-Капитана Бучкіева, отправившагося еще 16-го числа.

Когда были перебиты артиллеристы на 2-й батареѣ, барабанщикъ Костычевъ вызвался управлять орудіемъ, и во-время штурма 20-го числа, когда непріятель бросился на 1-ю баттарею, мѣткимъ картечнымъ выстрѣломъ заставилъ Мюридовъ остановиться, и тѣмъ далъ возможность офицерамъ ободрить отступившихъ, при вылазкѣ, съ перваго бастіона солдатъ,—и занять прежнее мѣсто.

При этомъ нельзя умолчать о выходкѣ Костычева: когда, въ первый разъ зарядивши орудіе и навелъ его, онъ сдѣлалъ выстрѣлъ, то, по незнанію, остался позади орудія, которое при откатѣ, ударило его въ грудь, отчего онъ упалъ на платформу безъ чувствъ.

Въ это время, неутомимый подпоручикъ Шлиттеръ, подоспѣвъ на эту баттарею, поднялъ Костычева, и когда онъ началъ приходить въ себя, спросилъ его: какъ онъ себя чувствуетъ?

Барабанщикъ-артиллеристъ отвѣчалъ:

— Ничего, ваше благородіе, матушка поцѣлована, — да за-то и я сейчасъ пошлю поцѣлуй этимъ гололобымъ башкамъ, да такой, что будутъ помнить!

Дѣйствительно, слѣдующимъ выстрѣломъ онъ разбилъ сдѣланный непріятелемъ изъ дровъ завалъ, и нѣсколько мусульманскихъ шапокъ взлетѣло къ верху. Въ честь Шнитера и Костычева всѣ присутствовавшіе прокричали «ура»!

—

Рядовые Зайцевъ и Мелешко, въ продолженіе 3-хъ сутокъ управляли орудіями на 3-й баттареѣ и исполняли свою обязанность, какъ бы давно знакомое имъ дѣло,—толкуя товарищамъ—«что надобно учиться и антиллеріи—вѣдь не знаешь, чѣмъ сподручнѣе придется отбивать этихъ безтолковыхъ—они, вишь, лезутъ себѣ, да и только.»

—

Послѣ штурма укрѣпленной Мискенджинской позиціи, при преслѣдованіи бѣжавшихъ въ страхѣ непріятелей, торопился догонять, съ прочими солдатами, сѣдовласый служивой; отъ раны камнемъ въ голову лицо его покрыто было кровью; сѣдые, огромные бакенбарды его были тоже окровавлены; онъ угрюмо понукалъ молодежь не отставать отъ него—это былъ славный унтер-офицеръ и кавалеръ Ермолай Рындинъ.

— Что̀ братъ съ тобою? спросилъ его подъѣхавшій офицеръ.

Рындинъ остановился, перевелъ духъ, секунды двѣ молчалъ, махнулъ рукой, и отвѣчалъ:

— Эхъ, ваше благородіе, мнѣ ничего—я здоровъ, рана ничемъ,—а Никифорова-то убили!... и тяжекъ былъ вздохъ стараго солдата!

Никифоровъ, давишній Георгіевскій кавалеръ, былъ его другомъ, отказавшимся отъ унтер-офицерскаго званія.

Этотъ Никифоровъ (вѣчная ему память) былъ любимцемъ и другомъ цѣлой роты; весь полкъ его любилъ и уважалъ; онъ всегда былъ веселъ и не только самъ не зналъ горя, но при всякихъ тяжкихъ солдатскихъ случаяхъ веселилъ другихъ, даже офицеровъ. Но Никифоровъ всегда усердно маливался предъ образомъ Св. Чудотворца Николая.

Газета «Кавказъ» обѣщаетъ продолженіе этихъ любопытныхъ подробностей солдатской жизни, духа и подвиговъ, которыя мы съ особеннымъ удовольствіемъ передадимъ во всеобщее свѣдѣніе.

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Объявленія о трехъ задачахъ на соисканіе премій, объ изданіи собранія древнихъ русскихъ надписей и о сообщеніи свѣдѣній по предметамъ русской археологіи вообще.

ЗАДАЧИ,

предлагаемыя на соисканіе премій.

ПЕРВАЯ ЗАДАЧА.

(Премія графа А. С. Уварова.)

I.

Для соисканія первой археологической преміи предлагается задача: *О металлическомъ производствѣ въ Россіи до конца XVII вѣка, въ отношеніи къ искусствамъ, художествамъ и ремесламъ.*

II.

Сочиненіе должно быть написано на русскомъ языкѣ, изложено ясно и понятно для всѣхъ сословій, по прилагаемой программѣ.

III.

Отъ сочиненія, назначаемаго къ соисканію преміи, требуется:

1. Чтобы оно было написано съ критическимъ изслѣдованіемъ происхожденія и развитія искусствъ, художествъ и ремеслъ въ Россіи, и описаніемъ ихъ вліянія на жизнь русскаго народа;

2. Чтобы оно было составлено на основаніи историческихъ актовъ, лѣтописей и памятниковъ, существующихъ въ казенныхъ и частныхъ собраніяхъ;

3. Чтобы оно заключало въ себѣ историческія данныя о русскихъ памятникахъ, критически очищенныя и представленныя въ обработанномъ видѣ, сообразно современнымъ требованіямъ науки.

IV.

За лучшее сочиненіе, написанное по объявленной программѣ, выдается медаль въ *триста рублей* серебромъ; если же ни одно изъ присланныхъ сочиненій не будетъ заслуживать полной преміи, то за сочиненія, которыя наиболѣе приближаются къ программѣ по своему изложенію и описанію предметовъ, назначается половинная премія въ 150 рублей серебромъ.

V.

Срокъ для предъявленія сочиненія къ соисканію преміи графа *А. С. Уварова* назначается годовой, считая его съ 1 января 1850 г. по 1-е января 1851 года.

VI.

Господа сочинители присылаютъ свои рукописи, въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ 1851 года, въ С. Петербургъ, на имя Императорскаго Археологическаго Общества.

VII.

Сочиненія доставляются въ Общество безъ подписи сочинителя; но отъ каждой рукописи требуется, чтобы она

имѣла какой-либо *девизъ*, который находился бы и на приложенномъ къ сочиненію конвертѣ, съ запечатанною запискою, содержащею въ себѣ имя, отчество, фамилію, званіе и мѣсто жительства сочинителя.

VIII.

Отъ соисканія премій исключаются одни только Дѣйствительные Члены Общества.

IX.

Присужденіе премій публикуется въ вѣдомостяхъ; причемъ не дается отчета о причинахъ, послужившихъ къ отказу премій тому или другому сочиненію; но до свѣдѣнія публики доводятся только причины, по которымъ сочиненіе признано отъ Общества достойнымъ награды.

X.

Сочиненіе, признанное Обществомъ достойнымъ премій графа *А. С. Уварова*, печатается въ первый разъ въ Запискахъ Общества; но сочинитель имѣетъ право печатать его другими изданіями, на основаніи существующихъ законовъ.

ПРОГРАММА

ЗАДАЧИ НА ПРЕМІЮ ГРАФА А. С. УВАРОВА.

Общество желаетъ, чтобы изыскатели прежде всего обратили вниманіе на историческое происхожденіе и развитіе искусствъ и художествъ въ Россіи, и обозрѣли эту часть по свидѣтельствамъ лѣтописей, актовъ и описей монастырскихъ и

казенныхъ имуществъ. Это обозрѣніе, какъ частное въ области художествъ, должно соотвѣтствовать наличнымъ памятникамъ, находящимся въ русскихъ хранилищахъ, и предметамъ, предназначеннымъ для разрѣшенія задачи, но не должно быть общимъ выводомъ изъ исторіи всѣхъ русскихъ искусствъ и художествъ.

Общество надѣется, что при обозрѣніи русскихъ искусствъ и художествъ, изслѣдователи обратятъ особенное вниманіе на отличительные признаки металлическихъ произведеній: *византійскихъ, восточныхъ, западно-европейскихъ и русскихъ.*

Произведенія Византіи были первыми образцами для Русскихъ, и первыя положили у насъ основаніе искусствамъ и художествамъ: мы ихъ видимъ и въ царскихъ регаліяхъ, и въ церковныхъ вещахъ, и въ домашней утвари. Эти произведенія доселѣ существуютъ въ русскихъ хранилищахъ. Изыскателю нетрудно будетъ, по наличнымъ памятникамъ, опредѣлить ихъ основные признаки и отличія отъ восточныхъ и западно-европейскихъ.

Произведенія восточныхъ народовъ переходили въ Россію изъ средней Азіи и Персіи, черезъ Кавказъ и съ береговъ Чернаго моря. Восточныя искусства, извѣстныя нашимъ отцамъ подъ именемъ *кизильбашскихъ, турскихъ и арабскихъ*, являются въ самыя отдаленныя времена, и едва ли не съ IX вѣка. Волжскіе Булгары первые ознакомили Рускихъ съ этими издѣліями на берегахъ Волги, а потомъ привозили ихъ внутрь Россіи Армяне, Татары, Греки и Турки. Изыскатель найдетъ въ нашихъ хранилищахъ самое ограниченное число изъ восточныхъ произведеній. Таковы: кунганы, кувшины, обручи, пояса, жгуты, бляхи, запястья, ожерелья, бубенчики и пр.

Западно-европейскія произведенія переходили въ Россію прежде черезъ Новгородъ и Смоленскъ, а потомъ, съ XV вѣка, послѣдовало водвореніе ихъ въ Москвѣ. Великій Князь Іоаннъ III Васильевичъ, первый призвалъ въ Россію иностранныхъ художниковъ, и произведеніями ихъ усвоилъ Рос-

сія европейскія художества. Изъ западныхъ художниковъ, жившихъ въ Россіи, извѣстны: *Клеусъ* Севастьянъ, *Маружинъ* Фридрихъ, *Сифретъ* Яковъ, *Тирманъ* Андрей, *Адвудъ* Томасъ, *Гансъ Келеръ*, *Дитмеръ*, *Карникъ* Францъ, *Конертъ* Ернстъ, *Котаро*, *Томасъ* Борисъ, *Госомъ* Иванъ, *Іоръ Іуляковъ*, *Раиздесъ* Іаковъ. — Западно-европейскія произведенія встрѣчаются въ нашихъ хранилищахъ въ числѣ мужскихъ и женскихъ нарядовъ, въ столовыхъ сосудахъ и разныхъ домашнихъ вещахъ. Изъ обозрѣнія этихъ произведеній изслѣдователь можетъ вывести вѣрныя данныя, что Россія въ XV, XVI и XVII вѣкахъ имѣла и производила сама всѣ тѣ издѣлія, которыя существовали тогда въ Европѣ.

Произведенія русскихъ художниковъ извѣстны въ Россіи съ давныхъ временъ. Русскій народъ, до открытія металлическихъ рудниковъ въ своей землѣ, получалъ металлы посредствомъ торговли, и умѣлъ ихъ обработывать сообразно своимъ обычаямъ и нуждамъ. Въ обученіи Рускихъ металлическимъ художествамъ участвовали прежде Греки, а потомъ западные мастера, вызванные въ Россію. При усвоеніи чужеземныхъ искусствъ, русскіе художники умѣли воспроизводить и свои собственныя издѣлія, неизвѣстныя въ другихъ земляхъ. Наши художники умѣли сами *ковать, выливать, чеканить, басмить, сканить, золотить, рѣзать, оборонить, волочить, канителить, выбивать, воронить, чернить, наводить, гладить, чернить, узорочить, канфарить, клеймить*. Въ нашихъ хранилищахъ встрѣчаются произведенія художниковъ *кіевскихъ, новгородскихъ, владимірскихъ, московскихъ, ростовскихъ, устюжскихъ*. Изъ русскихъ художниковъ извѣстны: *Аринъ* Иванъ (XV в.), *Бовыкинъ* Богданъ (XVII в.), *Братиловъ* Флоръ (XV в.), *Бѣлый* Василій (XVI в.), *Васильевъ* Шемяка (XVII в.), *Григорьевъ* Александръ (XVII в.), *Григорьевъ* Иванъ (XVII в.), *Григорьевъ* Матвѣй (XVI в.), *Дмитріи* гость (XVII в.), *Евдокимовъ* Гавріилъ (XVII в.), *Евсигнеевъ* Ѳедоръ (XVII в.), *Ивановъ* Петръ (XVII в.), *Ильинъ* Нечай (XVI в.), *Исаковъ* Ѳедоръ (XVII в.), *Козьма* (XIII в.), *Константинъ* (XV в.), *Лисицынъ* Булгакъ

(XVI в.), *Лисицынъ* Иванъ (XVI в.), *Лопухинъ* Лашукъ (XVI в.), *Макаръ* (XIV в.), *Макаровъ* Никита (XVI в.), *Максимовъ* Богданъ (XVI в.), *Матвѣевъ* Иванъ (XVI в.), *Михайловъ* Козьма (XVI в.), *Михайловъ* Некрасъ (XVI в.), *Осиповъ* Мартьянъ (XVII в.), *Оскаревъ* Тимофей (XVI в.), *Остафьевъ* Третьякъ (XVI в.), *Первой Козьминъ* (XVI в.), *Парамша* (XIV в.), *Петровъ* Артемій (XVI в.), *Пестриковъ* Кириллъ (XVII в.), *Петровъ* Иродіонъ (XVI в.), *Поповъ* Иванъ (XVII в.), *Романовъ* Григорій (XVI в.), *Сверчковъ* Дмитрій (XVII в.), *Степановъ* Романъ (XVI в.), *Тимоѳеевъ* Ѳедоръ (XVII в.), *Чеховъ* Андрей (XVI в.), Шишка (XIV) в.), *Юрьевъ* Иванъ (XVII в.), *Ѳедуловъ* Кириллъ (XVII в.), *Ѳедоровъ* Проня (XVII вѣка).

Изъ сравнительнаго сличенія памятниковъ изыскатель можетъ открыть истинники (оригиналы) и подражанія. Наличныя данныя приведутъ къ окончательнымъ выводамъ: кому болѣе и въ чемъ подражали русскіе художники? что̀ усвоили себѣ изъ произведеній византійскихъ, восточныхъ и западно-европейскихъ? что̀ мы должны считать собственно русскимъ произведеніемъ?

Изъ древнихъ металлическихъ памятниковъ, находящихся въ русскихъ хранилищахъ, Общество предлагаетъ обозрѣть: 1) *вещи священныя и утварь церковную;* 2) *вещи, служившія для столоваго прибора и домашнихъ принадлежностей,* и 3) *вещи, бывшія въ числѣ мужскихъ и женскихъ нарядовъ.*

Къ первымъ принадлежатъ: 1) *образа* литые и вычеканенные; 2) *оклады* на образахъ, крестахъ, евангеліяхъ и царскихъ вратахъ; 3) *кресты* напрестольные, водвизальные, тѣльные; 4) священные сосуды: *потиры, дискосы, лжицы, копіи, звѣзды и блюдцы;* 5) *вѣнцы* образные и брачные: 6) образныя украшенія: *гривны, цаты и рясны*; 7) *ковшики;* 8) *кадилы*; 9) *кацеи;* 10) *ладоницы;* 11) *лампады;* 12) *сіоны;* 13) *хоресы;* 14) *паникадилы;* 15) *рипиды;* 16) *ковчеги* для храненія Св. Даровъ и Мощей; 17) *раки* для Св. Мощей;

18) *панаѳія* святительскія и артоносныя; 19) *подсвѣчники*; 20) *сѣни*; 21) *шатры*; 22) *врата* царскія и выходныя; 24) *блюда* панихидныя, водосвятныя, хлѣбныя для выноса благословенныхъ хлѣбовъ и артоса; 25) *купели* для крещенія, 26) *рукомойники* святительскіе; 27) *посохи* святительскіе и настоятельскіе; 28) *цѣпи наперстныя* для ношенія святительскихъ крестовъ; 29) *печати* просвирныя, владычныя и церковныя; 30) *колокола*.

Ко вторымъ относятся: 1) *тарелки*; 2) *ножи*; 3) *вилки*; 4) *ложки*; 5) *солонки*; 6) *братины*; 7) *ковши*; 8) *кубки*; 9) *чарки*; 10) *стаканы*; 11) *сковороды*; 12) *бокалы*; 13) *мисы*; 14) *чаши*; 15) *блюды*; 16) *стопы*; 17) *кунганы*; 18) *разсольники*; 19) *воронки*; 20) *подливочники*; 21) *передачи*; 22) *наливки*; 23) *ендовы*; 24) *цѣдилки*; 25) *сулеи*; 26) *овощники*; 27) *четвертины*; 28) *бочки*; 29) *кувшины*; 30) *кружки*; 31) *лоханы*; 32) *подсвѣчники*; 33) *люстры*; 34) *печати*; 35) *чернильницы*; 36) *рукомойники* причестные, посольскіе, боярскіе; 37) *зеркала*; 38) *крошни*; 39) *коробочки*; 40) *ларчики*; 41) *баклажницы*; 42) *ведры*; 43) *тазы*; 44) *котлы*; 45) *лейки* 46) *подносы*.

Къ третьимъ принадлежатъ: 1) *кольцы*; 2) *перстни*; 3) *серьги*; 4) *запястья*; 5) *кружево*, кованное изъ золота и серебра; 6) *гривны*; 7) *монисты*; 8) *ожерелья*; 9) *пуговицы*; 10) *плащи*; 11) *крюки*; 12) *пояса*; 13) *цѣпи* для тѣльныхъ крестовъ; 14) *блестки*; 15) *обручи*; 16) *наручники* (браслеты); 17) *гребни*; 18) *жгуты*; 19) *запонки*; 20) *перевязи*; 21) *запоны*; 22) *дробницы*; 23) *бляхи*.

Изъ металлическихъ произведеній Общество предлагаетъ описывать тѣ только, которыя были сдѣланы изъ *золота*, *серебра*, *мѣди*, *олова* и замѣчательнѣйшія изъ *желѣза*.

Съ металлическими произведеніями соединялись и другія художества: *финифтевое*, *черневое* и *цвѣтное*. Они, какъ украшенія издѣлій, требуютъ только совокупнаго обозрѣнія, а не отдѣльнаго изслѣдованія.

Финифть мы получали изъ Греціи. Она является у насъ на издѣліяхъ цвѣтная: *бѣлая, черная, голубая, красная, синяя, зеленая и желтая*. Едва ли найдемъ изъ древнихъ памятниковъ, который бы не былъ испещренъ финифтью. Мы не должны смѣшивать съ нею западную *эмаль*, какъ искусство, производившееся на другихъ основаніяхъ и при другихъ условіяхъ. Изыскатель, вѣроятно, не забудетъ отличить русскую финифть отъ греческой.

Черневое производство есть древнее художество въ Россіи. Мы не имѣемъ историческихъ данныхъ о перенесеніи его къ намъ изъ древнихъ земель; но знаемъ, что оно существовало въ Россіи съ XI вѣка, и что русскіе мастера умѣли наводить чернь на золотѣ и серебрѣ безъ помощи чужеземныхъ мастеровъ.

Ценинное производство перешло къ намъ изъ Греціи, и извѣстно въ Россіи съ XI вѣка. На металлическихъ произведеніяхъ ценина накладывалась въ видѣ цвѣтныхъ поливъ: *бѣлыхъ, чорныхъ, жолтыхъ, красныхъ, синихъ, зеленыхъ и голубыхъ*. У насъ доселѣ смѣшиваютъ ценину съ финифтью безъ всякаго основанія.

Безъ всякаго сомнѣнія, изыскатели обратятъ особенное вниманіе на надписи, сохранившіяся на металлическихъ произведеніяхъ. Художники производили надписи *литыя, чеканенныя и вырѣзныя*. Письмо этихъ надписей было *уставное, скоропись, вязь, литорейное и тарабарское*. Надписи для насъ важны, какъ историческіе источники, какъ дополненія для родословныхъ книгъ, какъ любимыя изреченія нашихъ отцевъ.

Металлическія производства въ русской землѣ имѣли свои собственныя названія. Таковы:

1. *Вольяжныя*, (*вольячныя, вольяшныя*). Въ этомъ словѣ заключалось искусство литое, работа массивная, производство крупныхъ и мелкихъ издѣлій. Еще доселѣ нашъ народъ говоритъ: *пуговки вольящатыя, стремя вольящатое, тавлеи вольящатыя*.

2. *Басенныя*, (*басемныя*, *басебныя*). Въ этомъ словѣ заключалось искусство *выбивное* или *выбочайтое*, *тощее*, *отдутое*. Древніе басменные оклады состояли изъ тонкихъ серебряныхъ чешуекъ, наложенныхъ на мастичный составъ. Были басменныя цаты, гривны, дробницы, плащи, кресты, вѣнцы на св. иконахъ и проч.

3. *Обронныя* (или *выпуклыя*). Въ этомъ словѣ заключалось искусство *чеканное*, битое изъ вылитыхъ листовъ, съ разными узорами, обликами и личинами. Таковы нащи оклады, выбиваемые изъ отлитыхъ листовъ съ выпуклыми изображеніями. Таковы были древнія блюда и чаши съ обликами и личинами. Обронной работы были издѣлія *прорѣзныя*, *чешуйчатыя*, *ложчатыя*, *грановитыя*, *дорожчатыя*. Такъ обронили кубки, братины, стопы, кружки и проч.

4. *Сканныя*. Въ этомъ словѣ заключалось искусство *сквозное*, *прорѣзное*, *филигранное*. Скань накладывалась на металлическія издѣлія въ видѣ кружевныхъ узоровъ, пластинныхъ сквозныхъ листовъ. Таковы были сканные оклады на древнихъ евангеліяхъ. Риза на иконѣ Владимірской Божіей Матери покрыта сканнымъ листомъ.

Общество желаетъ, чтобы изслѣдователи избѣгли чужеземныхъ терминовъ. Древняя русская терминологія искусствъ и художествъ, забытая съ XVIII вѣка, столь богата и обильна, что не имѣетъ надобности въ чужеземныхъ словахъ. Старыя описи церквей, монастырей и въ особенности архивъ московской Оружейной Палаты представляютъ драгоцѣнные источники для изученія старинной русской терминологіи.

ВТОРАЯ ЗАДАЧА.

(*Премія И. Т. Яковлева*).

I.

Для соисканія второй археологической премія назначается задача: *Описать русскія народныя одежды до конца XVII вѣка.*

II.

Отъ сочиненія, назначаемаго къ соисканію премія, требуется:

1. Критическое обозрѣніе русскихъ и иностранныхъ источниковъ о русскихъ народныхъ одеждахъ, съ опредѣленіемъ ихъ исторической достовѣрности;

2. Историческое изслѣдованіе о существовавшихъ русскихъ одеждахъ съ X вѣка, и о введеніи въ послѣдующихъ столѣтіяхъ чужеземныхъ одеждъ, греческихъ, татарскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ;

3. Описаніе мужскихъ и женскихъ одеждъ, уборовъ и нарядовъ царскихъ, боярскихъ, посадскихъ и деревенскихъ съ указаніемъ, какіе изъ нихъ уже болѣе не существуютъ и какіе сохранились или въ своемъ первобытномъ видѣ или съ измѣненіями;

4. Обозрѣніе матерій, изъ которыхъ шились русскія народныя одежды, съ объясненіемъ ихъ *названій, узоровъ и цвѣтовъ*, съ указаніемъ, какія изъ нихъ были въ употребленіи русскаго народа въ разныя времена.

Изъ русскихъ народныхъ одеждъ Общество предлагаетъ описать:

а. *Мужскіе и женскіе головные уборы:* ватола, каптуръ, кика, кучма, кокошникъ, колпакъ, корабликъ, налобникъ, наурузы, перепелъ кичный, повязка, повойникъ, подзаты-

ленъ, подкапокъ, полочка, сборникъ, сорока, тафья, треухъ, убрусъ, фата, чело, шапка, шляпа.

б. *Мужскія и женскія одежды*: азямъ, армякъ, бугай, варьги, голицы, душегрѣйка, епанча, епанечка, зипунъ, исподница, кабатъ, кафтанъ, кобенякъ, кожухъ, корзно, кофта, коць, лѣтникъ, ментень, однорядка, опашень, охабень, платно, понева, поддѣвка, порты, полукафтанье, приволокъ, роспашница, растегай, рубашка, рукавицы, ряса, сарафанъ, тегиляй, терликъ, шуба, шубейка, шушунъ, юбка.

в. *Мужская и женская обувь*: башмаки, босовики, валенки, ичетыги, коты, лапти, онучи, подвязки, сапоги, чеботы, черевики, чулки.

г. *Мужскіе и женскіе наряды*: аламъ, бахрама, ворборка, запястье, завѣса, зарукавье, косоплетина, кушакъ, муфта, нагрудникъ, наручни, нашивки, ожерелье, платокъ, подпояска, поясъ, пронись, пузыри, тесьма, фартукъ.

д. *Убранство палатное и комнатное*: взголовье, грива, завѣсъ, занавѣска, коверъ, лентій, наволока, настольникъ, небо, одѣяло, пелена, перина, подзоръ, подпростынникъ, подушка, подножіе, покрывало, полавочникъ, пологъ, полотенце, постеля, простыня, скатерть, столечникъ, утиральникъ.

IV.

Сочиненіе должно быть написано на русскомъ языкѣ, изложено ясно и понятно для всѣхъ сословій, безъ вмѣшательства чужеземныхъ словъ, но съ сохраненіемъ всѣхъ старыхъ названій матеріямъ, уборамъ, одеждамъ и нарядамъ, съ соблюденіемъ историческихъ данныхъ, критически очищенныхъ и представленныхъ въ обработанномъ видѣ.

V.

Общество желаетъ получить отъ изслѣдователя изображенія одеждъ, уборовъ и нарядовъ; но не поставляетъ этого требованія въ непремѣнную обязанность.

VI.

За лучшее сочиненіе, написанное по этому объявленію, выдается *четыреста рублей* серебромъ; если же ни одно изъ присланныхъ сочиненій не будетъ заслуживать полной преміи, то за сочиненія, которыя, по своему изложенію и описанію предметовъ, наиболѣе будутъ приближаться къ требованіямъ объявленія, назначаются двѣ половины преміи, каждая въ 200 рублей серебромъ.

VII.

Срокъ для предъявленія сочиненій къ соисканію преміи И. Т. Яковлева назначается *двухгодовой*, считая его съ 1-го мая 1850 по 1-е мая 1852 года.

—

Остальныя условія тѣ же самыя, какія изложены въ §§ VII — X касательно первой преміи.

—

ТРЕТЬЯ ЗАДАЧА.

(*Премія Г. С. Кузьмина*).

I.

Для соисканія третьей преміи предлагается задача: *Написать исторію русскихъ школъ иконописанія до конца XVII вѣка.*

II.

Изъ русскихъ школъ иконописанія предлагается описать школы: *кіевскую, новгородскую, московскую, устюжскую, строгоновскую и фряжскую.*

III.

Отъ сочиненія, назначаемаго къ соисканію преміи, требуется:

1. Критическое изслѣдованіе происхожденія и развитія каждой русской школы, съ объясненіемъ ихъ пошибовъ и различій между собою, по кореннымъ признакамъ;

2. Описаніе сохранившихся произведеній русскихъ иконописцевъ, съ указаніемъ, въ какихъ мѣстахъ Россіи находятся они нынѣ, и объясненіемъ: въ своемъ ли первобытномъ видѣ сохранились эти памятники иконописнаго художества, или возобновлены;

3. Исчисленіе русскихъ иконописцевъ каждой школы, съ краткими извѣстіями о нихъ, заимствованными изъ лѣтописей, актовъ, житій русскихъ святыхъ, надписей и старыхъ описей церковныхъ имуществъ;

4. Объясненіе техническаго производства, существовавшаго въ старыхъ русскихъ школахъ иконописанія.

IV.

Сочиненіе должно быть написано на русскомъ языкѣ, изложено ясно и понятно для всѣхъ сословій, съ избѣжаніемъ чужеземныхъ словъ, но съ сохраненіемъ всѣхъ техническихъ названій иконописнаго художества, съ соблюденіемъ историческихъ данныхъ, критически очищенныхъ и представленныхъ въ обработанномъ видѣ.

V.

Общество желаетъ получить отъ изслѣдователей снимки образцовыхъ произведеній каждой школы; но не поставляетъ этого требованія въ непремѣнную обязанность.

VI.

За лучшее сочиненіе, написанное по этому объявленію, выдается *четыреста рублей* серебромъ.

VII.

Срокъ для предъявленія сочиненій къ соисканію преміи Г. С. Кузьмина назначается двухгодовой, считая его съ 1-го мая 1850 по 1-е мая 1852 года.

Остальныя условія тѣ же самыя, какія изложены въ §§ VII — X о первой преміи.

О СОБРАНІИ НАДПИСЕЙ

СЪ ДРЕВНИХЪ РУССКИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ.

По предложенію Дѣйствительнаго Члена своего И. П. Сахарова, Общество предприняло издать *Собраніе надписей съ русскихъ древнихъ памятниковъ до конца XVII вѣка.*

Надписи, послѣ лѣтописей и актовъ, составляютъ самый важный источникъ нашей исторіи, и полное собраніе ихъ будетъ главнымъ основаніемъ къ объясненію русскихъ древностей. Онѣ дополнятъ наши родословныя книги, объяснятъ время основанія церквей и монастырей, и откроютъ имена художниковъ, занимавшихся въ Россіи искусствами. Надписи объяснятъ частную жизнь русскаго народа, которой не найдемъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ актахъ. Памятники съ надписями истребляются безпрерывно, а съ потерею ихъ исторія лишается нужныхъ пособій.

Общество, обращаясь къ просвѣщеннымъ соотечественникамъ, занимающимся изученіемъ русскихъ древностей въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества, проситъ о сообщеніи извѣстныхъ имъ надписей:

1) съ надгробныхъ камней,
2) съ колоколовъ,
3) съ иконъ и крестовъ,
4) съ разныхъ древнихъ зданій,

5) съ вышитыхъ одеждъ и разныхъ церковныхъ утвареи — ризъ, епитрахилей, плащаницъ, воздуховъ, антиминсовъ, хоругвей, надгробныхъ покрововъ и проч.

6) съ пушекъ, пищалей и другихъ ратныхъ доспѣховъ.

7) съ металлическихъ издѣлій — кубковъ, блюдъ, чашей, братинъ и проч.

8) съ древнихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ: надписи вкладныя, отмѣтки о событіяхъ церковныхъ, монастырскихъ и городскихъ.

Общество желаетъ, чтобы надписи эти были списаны съ буквальною точностію, со всѣми монограммами, сокращеніями и подстрочными знаками.

О ДОСТАВЛЕНІИ СВѢДѢНІЙ

ПО ДРЕВНОСТЯМЪ ВООБЩЕ.

Русская земля вмѣщаетъ въ себѣ многочисленные памятники народовъ восточныхъ и западныхъ, отъ древнѣйшихъ до ближайшихъ къ намъ временъ. Эти древности русскаго подземнаго міра уже обогатили науку многими важными данными. Императорское Археологическое Общество, обращая вниманіе публики на историческую важность находимыхъ въ русской землѣ древностей, покорнѣйше проситъ всѣхъ, кому случай открылъ существованіе древностей, сообщать возможно подробныя свѣдѣнія о нихъ, или же присылать въ Общество самыя вещи, которыя, по разсмотрѣніи, будутъ съ благодарностію возвращаемы владѣльцамъ, при описаніи и оцѣнкѣ ихъ.

Русскія древности доселѣ обращали на себя менѣе вниманія, чѣмъ инородческія, находимыя въ Россіи, по этому Археологическое Общество предположило разработывать русскую археологію во всѣхъ ея видахъ, по наличнымъ памятникамъ, сохранившимся отъ древнихъ временъ. Сюда

входятъ всѣ *памятники* семи вѣковъ древней русской жизни, съ одиннадцатаго вѣка до исхода семнадцатаго. Къ главнымъ предметамъ принадлежатъ: *зодчество церковное* и *гражданское*, 2. *иконопись*, 3. *живопись*, 4. *ваяніе*, 5. *гравированіе*, 6. *рѣзьба на деревѣ*, 7. *мозаика*, 8. *чернь*, 9. *финифть*, 10. *ценина*, 11. *нумизматика*, 12. *ратные доспѣхи и оружія* 13. *металлическія произведенія* въ церковныхъ, утвaряхъ, домашнихъ вещахъ и нарядахъ, 14. *музыкальные инструменты*, 15. *народныя одежды*, 16. *вышиваніе*, 17. *надписи*, 18. *городища*, *курганы*, *древнія могилы и мѣста открытія кладовъ*.

Общество съ полною увѣренностію обращается къ соотечественникамъ, и проситъ ихъ о принятіи участія въ обозрѣніи памятниковъ русской древности, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества. Всякое свѣдѣніе будетъ принято съ признательностію, и запишется въ протоколъ засѣданія, котораго экземпляръ доставится сообщившему, а любопытнѣйшее помѣщено будетъ вполнѣ или въ извлеченіи въ «Запискахъ» Общества.

Примѣчаніе. Посылки и письма адресуются: *въ Императорское Археологическое Общество, въ С. Петербургѣ*, или же на имя Секретаря, *Павла Степановича Савельева*, живущаго на Васил. острову, въ 1 линіи, въ собств. домѣ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

послѣдовавшій на имя Главнокомандующаго Дѣйствующею арміею, Генерал-Фельдмаршала Князя Варшавскаго Графа Паскевича-Эриванскаго.

Князь Иванъ Ѳедоровичъ! Осмотрѣвъ 1-й, 2-й и 3-й Пѣхотные корпуса, Я нашелъ ихъ въ отличномъ во всѣхъ отношеніяхъ положеніи, и съ истиннымъ удовольствіемъ удостовѣрился, что войска, совершившія въ прошедшемъ году венгерскій походъ, приведены вновь въ самое блистательное по всѣмъ частямъ состояніе. Относя сіе къ особеннымъ, неусыпнымъ трудамъ вашимъ, Мнѣ пріятно видѣть, что ввѣренная вамъ армія, стяжавшая, подъ вашимъ предводительствомъ, незабвенную славу военными подвигами, обязана вамъ и своимъ теперешнимъ примѣрнымъ устройствомъ. Зная Мои желанія, вы ихъ выполнили къ совершенному Моему удовольствію. Цѣня вполнѣ ваши великія заслуги, возобновляю изъявленіе глубокой Моей сердечной признательно-

сти за ваше достославное служеніе Престолу и Отечеству, пребывая навсегда неизмѣнно къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*НИКОЛАЙ*».

Городъ Ковно, 23 го мая 1850 года.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя Московскаго Военнаго Генерал-Губернатора.

Графъ Арсеній Андреевичъ! Обративъ вниманіе на подвиги усердія и человѣколюбія, оказанные во-время посѣтившей Имперію эпидеміи, нынѣ, по благости Всевышняго уже повсюду прекращенной, Я съ особеннымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ готовность, съ какою многіе изъ начальствующихъ лицъ во ввѣренной вамъ столицѣ, именно: Преосвященный Филаретъ, Митрополитъ Московскій и Коломенскій, Предсѣдательствующій въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Князь Голицынъ, Московскій Комендантъ Генералъ отъ Кавалеріи Стааль, Генералъ-Лейтенанты: Генералъ-Адъютантъ Графъ Строгановъ, Чертовъ и Перфильевъ и Московскій Гражданскій Губернаторъ, Тайный Совѣтникъ Капнистъ, участвовали въ мѣрахъ, принятыхъ Правительствомъ противъ сего общественнаго бѣдствія. Видя въ семъ новый опытъ усердія къ общей пользѣ, коимъ постоянно ознаменовано было полезное служеніе означенныхъ лицъ, Я поручаю вамъ объявить имъ Мою совершенную признательность и благоволеніе.

Пребываю навсегда къ вамъ благосклонный.

С.-Петербургъ, апрѣля 25-го дня 1850 года.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано,

«*НИКОЛАЙ*».

— Въ Высочайшемъ Приказѣ, по Военному Вѣдомству, іюня 11-го, изображено:

По случаю совершившагося нынѣ пятидесятилѣтія со дня назначенія Его Величества Шефомъ Лейб-Гвардіи Измайловскаго полка, Государь Императоръ, въ ознаменованіе особеннаго къ сему полку Монаршаго благоволенія за вѣрную и ревностную службу онаго Престолу и Отечеству, Всемилостивѣйше жалуетъ тремъ дѣйствующимъ батальйонамъ сего полка, въ-замѣнъ имѣющихся у нихъ, новыя знамена, съ изображеніемъ на бантѣ лентъ и на скобахъ, принадлежащихъ къ знаменамъ всѣхъ четырехъ батальйоновъ: «*1850 года*», въ который совершилось пятидесятилѣтіе со времени назначенія Его Величества Шефомъ сего полка. При семъ сохраняется и прежняя на знаменахъ, лентахъ и скобахъ надпись: «*За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи 1812 года*».

— Государь Императоръ, въ 13-й день марта сего года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе въ видѣ опыта, на два года, особаго Комитета, для разсмотрѣнія предварительно всякаго рода учебныхъ книгъ и руководствъ, издаваемыхъ частными людьми, со включеніемъ вообще всѣхъ сочиненій и переводовъ, назначаемыхъ для дѣтскаго чтенія, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Комитету сему, который будетъ называться Комитетомъ разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ, вмѣнить въ обязанность разсматривать всѣ помянутыя выше книги, съ обращеніемъ строгаго вниманія, не только на нравственное ихъ направленіе, но и на самыя методы изложенія наукъ. 2) Вѣдѣнію Комитета не подлежатъ сочиненія и переводы этого рода, относящіеся къ закону Божію, и потому зависящіе исключительно отъ Духовной Цензуры. 3) Разсмотрѣніе въ Комитетѣ должно предшествовать цензурному разсмотрѣнію: посему, всѣ Гражданскіе Цензурные Комитеты, получивъ отъ частныхъ лицъ предполагаемыя къ печатанію рукописи, книги и вообще произведенія учебной словесности, препровождаютъ ихъ въ Комитетъ разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ, и не прежде приступаютъ къ цензурованію, какъ по возвращеніи ихъ съ одобрительнымъ заключеніемъ послѣдняго. Это предварительное разсмотрѣніе не снимаетъ, однако, съ Цензоровъ отвѣтственности за пропускъ книгъ, по Уставу о Цензурѣ. 4) Въ случаѣ какихъ-либо недоумѣній между Цензурою и

Комитетомъ, они подлежатъ разсмотрѣнію Главнаго Управленія Цензуры. 5) Отъ Министра Народнаго Просвѣщенія зависитъ поручать предварительно разсмотрѣнію Комитета и такія учебныя книги и другія пособія, которыя онъ предполагаетъ ко введенію въ Гимназіи и Училища своего вѣдомства; окончательное же ихъ одобреніе, на основаніи Св. Зак. т. I Учрежд. Мин. ст. 1405, зависитъ отъ Главнаго Правленія Училищъ. 6) Для производства дѣлъ по Комитету употребить одного изъ чиновниковъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а наемъ писца и канцелярскія издержки отнести на хозяйственную сумму Департамента Народнаго Просвѣщенія.

— По опредѣленію 1-го Департамента Правительствующаго Сената, Г. Министръ Юстиціи вносилъ въ Комитетъ Гг. Министровъ записку по дѣлу о поясненіи постановленія касательно пріѣзда Евреевъ-мѣщанъ во внутреннія губерніи, для закупки продовольственныхъ припасовъ. На положеніи Комитета по дѣлу сему, 2 мая сего года, послѣдовало Собственноручное Его Императорскаго Величества повелѣніе: «*Данное разрѣшеніе, какъ временное, нынѣ вовсе прекратить, и Евреевъ выслать, гдѣ еще есть, развѣ находиться будутъ по законнымъ причинамъ*». Правительствующій Сенатъ, по выслушаніи рапорта Министра Внутреннихъ Дѣлъ о поясненіи 7 пункта Положенія 27 декабря о пріѣздѣ Евреевъ во внутреннія губерніи, 13 сентября 1849 года опредѣлилъ: сообразивъ представленіе Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ съ Высочайше-утвержденнымъ, въ 27 день декабря 1847 года, Положеніемъ Комитета объ устройствѣ Евреевъ, Правительствующій Сенатъ находитъ: 1) что 7 пунктомъ сего положенія мѣщанамъ-Евреямъ разрѣшенъ пріѣздъ во внутреннія губерніи, для закупки продовольственныхъ припасовъ, безъ семействъ, по особеннымъ билетамъ отъ Городской Думы, одинъ разъ въ годъ, срокомъ на 6 недѣль; 2) что таковое разрѣшеніе относится собственно къ внутреннимъ Великороссійскимъ губерніямъ, *сосѣдственнымъ* съ мѣстами осѣдлости Евреевъ, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія, ибо для сказанной цѣли Евреямъ и можетъ встрѣтиться надобность пріѣзжать только въ эти губерніи; 3) между тѣмъ оказывается, что подъ предлогомъ закупки продовольственныхъ припасовъ, Евреи-мѣщане пріѣзжаютъ въ отдаленныя губерніи и даже въ столицы,

по выдаваемымъ имъ для сего особымъ видамъ отъ Городскихъ Думъ, и тамъ занимаются мастерствами и производятъ различнаго рода торговлю, или бродяжничаютъ. Почему, для устраненія сего, Правительствующій Сенатъ, согласно со мнѣніемъ Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, полагаетъ: подтвердить повсемѣстными указами, чтобы по точному смыслу Высочайшаго повелѣнія, распубликованнаго въ указѣ Правительствующаго Сената, 5 марта 1848 года, Евреямъ-мѣщанамъ дозволяемъ былъ мѣстнымъ Начальствомъ пріѣздъ для закупки продовольственныхъ припасовъ только въ губерніи *сосьдственныя* съ мѣстами постоянной ихъ осѣдлости, на каковую мѣру, какъ требующую поясненія 7 пункта Высочайше-утвержденнаго журнала Комитета объ устройствѣ Евреевъ, испросить предварительно, чрезъ Г. Министра Юстиціи, Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія.

— Въ Высочайшемъ указѣ, за Собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, данномъ Правительствующему Сенату, изображено: «При изданіи въ 1848 году Устава и Штата Ветеринарнаго Училища въ Дерптѣ, Мы повелѣли Министру Народнаго Просвѣщенія озаботиться учрежденіемъ втораго ветеринарнаго училища въ одной изъ тѣхъ губерній, гдѣ наиболѣе развито скотоводство.

Одобривъ нынѣ составленные, вслѣдствіе того, Министромъ Народнаго Просвѣщенія, по соглашенію съ Министромъ Государственныхъ Имуществъ, и разсмотрѣнные въ Государственномъ Совѣтѣ Уставъ и Штатъ Ветеринарнаго Училища въ Харьковѣ и препровождая оные въ Правительствующій Сенатъ, повелѣваемъ привести ихъ въ дѣйствіе, въ видѣ опыта, въ теченіе четырехлѣтняго срока, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Министру Народнаго Просвѣщенія предоставить: а) опредѣлить время преобразованія существующей при Харьковскомъ Университетѣ Практической Ветеринарной Школы въ отдѣльное училище, по нынѣ одобреннымъ Нами для онаго Уставу и Штату, сообразуясь съ имѣющимися въ виду способами и успѣхомъ приготовительныхъ для того мѣръ; б) для предварительныхъ распоряженій, коль скоро представится въ томъ надобность, назначить Директора Училища и прежде окончательнаго преобразованія Школы,

съ производствомъ ему штатнаго содержанія; а профессоровъ и прочихъ лицъ—по преобразованіи оной; при чемъ на первый разъ въ означенныя должности могутъ быть избраны и такія лица, которыя не имѣютъ ученой степени Магистра ветеринарныхъ наукъ.

2) Въ составъ 24,920 руб. сер., назначаемыхъ по Штату на содержаніе Ветеринарнаго Училища въ Харьковѣ, отчислять 20,690 руб. 45 коп. сер. изъ суммы, отпускаемой Министерству Народнаго Просвѣщенія изъ Государственнаго Казначейства, на учрежденіе ветеринарныхъ учебныхъ заведеній, и 4,229 руб. 55 коп. сер. изъ 4,887 руб. 19 коп. сереб. въ годъ, назначенныхъ по штату Харьковскаго Университета 26 іюля 1835 года на ветеринарную кафедру съ принадлежностями и употребляемыхъ на содержаніе при семъ Университетѣ Практической Ветеринарной Школы. За тѣмъ, упразднивъ въ Харьковскомъ Университетѣ означенную кафедру, опредѣлить въ оный для изложенія, въ Медицинскомъ Факультетѣ, ветеринарной полиціи и эпизоотическихъ болѣзней, особаго Адъюнкта при кафедрѣ судебной медицины и медицинской полиціи, съ жалованьемъ и квартирными деньгами, наравнѣ съ прочими Адъюнктами того Университета, на что и обратить 657 руб. 64 коп. сер. въ годъ, остающіеся свободными отъ вышеупомянутыхъ 4,887 руб. 19 коп. сер.

3) На устройство помѣщенія для Ветеринарнаго Училища въ Харьковѣ, по разсмотрѣніи, установленнымъ порядкомъ, проектовъ и смѣтъ, также на первое обзаведеніе его, употребить, сколько окажется дѣйствительно нужнымъ, изъ составившагося на сей предметъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія капитала.

4) Свободный остатокъ отъ 34,647 руб. 57 коп. сер., отпускаемыхъ по смѣтамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія изъ Государственнаго Казначейства на учрежденіе ветеринарныхъ учебныхъ заведеній, составляющій, за назначеніемъ изъ нихъ 20,690 руб. 45 коп. сереб. въ годъ на Ветеринарное Училище въ Харьковѣ,—всего 10,957 рублей 12 коп. серебромъ въ годъ, обращать Министерству въ капиталъ означенныхъ заведеній.

5) По истеченіи четырехлѣтняго срока со дня дѣйствительнаго преобразованія существующей нынѣ при Харьковскомъ Университетѣ Ветеринарной Школы въ отдѣльное училище, вмѣнить въ обязанность Министра Народнаго Про-

священія Уставъ и Штатъ его представить, въ установленномъ порядкѣ, на окончательное Наше утвержденіе, съ надлежащими по указаніямъ опыта, дополненіями и измѣненіями, если въ томъ окажется надобность».

— Въ Высочайшемъ Указѣ за Собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, данномъ Святѣйшему Правительствующему Суноду, 15-го апрѣля, изображено: «Въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ, по утвержденнымъ Нами нормальнымъ штатамъ, получили содержаніе сельскіе причты въ епархіяхъ: литовской, могилевской, минской, полоцкой, волынской, кіевской, подольской, с.-петербургской, новгородской, псковской, черниговской, полтавской, олонецкой, казанской, астраханской, архангельской, оренбургской, кавказской, херсонской, смоленской, екатеринославской, харьковской, въ беховскомъ Округѣ тобольской, въ округахъ: верхнеудинскомъ, нерчинскомъ, нерчинозаводскомъ, троицкосавскомъ и киренскомъ и въ области якутской—иркутской епархіи, а также причты городскихъ церквей въ западныхъ епархіяхъ и въ губерніяхъ курляндской и лифляндской. По внесеніи въ роспись государственныхъ расходовъ на 1850 годъ еще 100,000 р. сер. на сей-же предметъ, повелѣваемъ:

1) Назначить производство жалованья сельскимъ причтамъ калужской епархіи и въ остальныхъ округахъ — иркутскомъ и нижнеудинскомъ — епархіи иркутской.

2) Слѣдующимъ по сему назначенію жалованьемъ удовлетворить причты за вторую половину текущаго года, равно и впредь производить оное на основаніи правилъ, одобренныхъ Нами въ 11-й день минувшаго февраля; касательно же выдачи священникамъ единовременныхъ пособій, при первоначальномъ опредѣленіи ихъ къ сельскимъ церквамъ и переводѣ отъ одной церкви къ другой, а также вычета изъ окладовъ причтовъ по два процента съ рубля, на составленіе особаго капитала для пособій сельскому духовенству, и остатковъ некомплекта мѣстъ по штатамъ, руководствоваться правилами 4-го апрѣля 1842 года.

3) Получаемое нынѣ нѣкоторыми причтами изъ казны по прежнимъ положеніямъ содержаніе, по прекращеніи его за введеніемъ тѣхъ причтовъ въ штаты, а равно и сумму, какая можетъ остаться отъ 100,000 р. сереб. за распредѣленіемъ на причты, предоставить въ непосредственное распоряженіе Святѣйшаго Синода, на томъ же основаніи, какъ

это разрѣшено третьимъ пунктомъ Указа Нашего Святѣйшему Сѵноду 10-го марта 1849 года.

4) Сумму, долженствующую остаться отъ 100,000 руб. серебромъ, безъ производства съ января по 1-е іюля обратить, по прежнимъ примѣрамъ, въ составъ капитала для пособій сельскому духовенству, въ вѣдѣніе Святѣйшаго Сѵнода.

— Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія сообщилъ Г. Министру Юстиціи, что Его Императорское Величество, по всеподданнѣйшему докладу, въ 15 день апрѣля 1850 г., Высочайше повелѣть соизволилъ: оставивъ въ своей силѣ существующія постановленія на счетъ принятія въ гражданскую службу молодыхъ людей, имѣющихъ по учебнымъ ихъ аттестамъ право на класные чины, дозволить, въ видѣ изъятія изъ общаго правила, окончившихъ курсъ и удостоенныхъ степени Кандидата въ С-Петербургскомъ Университетѣ опредѣлять прямо въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, въ Канцелярію Министра Народнаго Просвѣщенія и въ Комитетъ Цензуры Иностранной.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Государственныхъ Имуществъ, въ 1-й день сего мая, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Открыть въ Бессарабскомъ Болгарскомъ водвореніи, по числу округовъ, четыре вспомогательныя кассы, съ обращеніемъ на составленіе основнаго капитала каждой вспомогательной кассы по 5,000 р. сер. изъ капитала, образовавшагося въ этомъ водвореніи отъ доходовъ съ міроскихъ оброчныхъ статей, и составляющаго нынѣ до 79,000 руб. сереб. и

2) Примѣнить къ этимъ кассамъ положеніе о крестьянскихъ вспомогательныхъ кассахъ, съ допущеніемъ только, въ видѣ опыта и съ разрѣшенія Министерства, измѣненій, которыя, по мѣстнымъ условіямъ, признаны будутъ полезными, особенно въ отношеніи размѣра ссудъ, который, по бо́льшей состоятельности колонистовъ, можетъ быть усиленъ противъ постановленнаго для государственныхъ крестьянъ.

— Высочайше-утвержденнымъ положеніемъ Комитета Гг. Министровъ, 25-го октября 1849 г., назначенъ былъ для Тюменской ярмарки срокъ съ 1-го января по 1-е февраля, собственно на нынѣшній 1850 г.; на будущее же время

назначеніе срока для этой ярмарки предоставлено ближайшему мѣстному соображенію Генерал-Губернатора Западной Сибири.

Получивъ нынѣ отзывъ Князя Горчакова, въ которомъ онъ, сообщая объ удовлетворительности оборотовъ торговли на бывшей въ нынѣшнемъ году Тюменской ярмаркѣ, ходатайствуетъ объ установленіи вышеприведеннаго срока оной, т. е. съ 1-го января по 1-е февраля, и на будущее время, и изъявивъ, въ отзывѣ своемъ къ Князю Горчакову, согласіе на приведеніе сказаннаго предположенія его въ исполненіе, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ донесъ объ этомъ Правительствующему Сенату, испрашивая распоряженія, дабы объ установленіи постояннаго срока Тюменской ярмарки объявлено было во всеобщее извѣстіе.

— По Высочайше-утвержденному 27 декабря 1849 года, положенію Комитета Гг. Министровъ, Г. Министръ Государственныхъ Имуществъ входилъ въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ о приведеніи правъ воспитанниковъ Московской Земледѣльческой Школы въ единообразіе съ правами другихъ подобныхъ учебныхъ заведеній. Государственный Совѣтъ въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе это, согласно ему, *мнѣніемъ положилъ:* въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ, постановить: 1) Земледѣльческая Школа, учрежденная при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, въ правахъ и преимуществахъ учащихся уравнивается съ Земледѣльческимъ Училищемъ, состоящимъ при Горыгорѣцкомъ Институтѣ; но Высочайше-утвержденный 22 сентября 1835 года штатъ означенной Школы остается безъ измѣненія. 2) Воспитанникамъ Московской Земледѣльческой Школы и Горыгорѣцкаго Земледѣльческаго Училища, удостоеннымъ, на основаніи 44 пункта приложенія къ 177 статьѣ постановлен. о благоустройст. въ городскихъ и селен. Св. Зак. т. XII продолж. XI, званія управителей, если они, по истеченіи десяти лѣтъ послѣ полученія этого званія, продолжали постоянно заниматься управленіемъ сельско-хозяйственныхъ имѣній съ похвалою, при честномъ поведеніи, и представятъ въ томъ законныя удостовѣренія, испрашивается, чрезъ Министерство Государственныхъ Имуществъ, званіе личнаго Почетнаго Гражданина. *Примѣчаніе.* Законныя удостовѣренія для воспитанниковъ Московской Школы должны быть такія же, какія

по содержанію примѣчанія къ упомянутому 44 пункту, требуются для полученія званія учепаго управителя отъ воспитанниковъ Горыгорѣцкаго Училища. Таковое мнѣніе Государственнаго Совѣта, Государь Императоръ, въ 8-й день мая сего года, Высочайше-утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

— Г. Министръ Статс-Секретарь Великаго Княжества Финляндскаго сообщилъ Г. Министру Юстиціи, что для точнѣйшаго опредѣленія правъ и обязанностей финляндскихъ Торговыхъ Стряпчихъ въ Имперіи при исполненіи возложеннаго на нихъ долга охранять пользу и выгоды финляндскихъ купцовъ, кораблехозяевъ и шкиперовъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: По дѣламъ торговли и мореплаванія, равно какъ и по всему, что до подобныхъ дѣлъ касаться можетъ, финляндскіе Торговые Стряпчіе имѣютъ право подавать въ надлежащія Присутственныя мѣста Имперіи объявленія и протесты отъ имени финляндскихъ купцовъ, кораблехозяевъ и шкиперовъ. При крушеніяхъ и аваріяхъ финляндскихъ кораблей, обязаны Стряпчіе принимать надлежащія мѣры къ поданію помощи экипажу, входить въ распоряженіе о спасеніи, осмотрѣ и оцѣнкѣ кораблей и грузовъ; для предупрежденія сомнѣній и споровъ о правильности этихъ дѣйствій, представлять документы объ этомъ къ засвидѣтельствованію въ мѣстныя Присутствія; продавать суда и грузы или же продажу оныхъ запрещать, и вообще во всемъ, что отъ нихъ зависѣть будетъ, соблюдать по всевозможности всѣ выгоды финляндскихъ хозяевъ. По всѣмъ вышеозначеннымъ дѣламъ Стряпчіе могутъ являться въ Присутственныя мѣста въ качествѣ повѣренныхъ финляндскихъ купцовъ, кораблехозяевъ и шкиперовъ, и заступать ихъ мѣста безъ особой формальной довѣренности. По просьбѣ хозяевъ, Стряпчій обязанъ, или самъ, если онъ пользуется правомъ торговли въ Имперіи, очищать пошлинами финляндскіе суда и ихъ грузы и вообще принимать всѣ требуемыя въ этомъ отношеніи мѣры, или же исполнять это чрезъ Коммиссіонера, пользующагося означеннымъ правомъ торговли. О семъ Высочайшемъ повелѣніи объявлено Указомъ Правительствующаго Сената 18 мая сего года.

— Государь Императоръ, вслѣдствіе представленія Государственнаго Канцлера, по положенію Кавказскаго Коми-

тета, въ 20 день апрѣля сего года Высочайше повелѣть соизволилъ: относительно снабженія паспортами россійскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ Азіятской Турціи, постановить слѣдующія правила: 1) Россійскіе подданные, пребывающіе нынѣ въ пограничныхъ съ Россіею областяхъ Азіятской Турціи, занимающіеся ремесленными или черными работами, могутъ быть снабжаемы отъ надлежащаго россійскаго Губернскаго Начальства паспортами на дальнѣйшее пребываніе за границею, по истеченіи установленнаго ст. 432 т. XIV Св. Уст. о паспорт. (изд. 1842 года) срока, если россійское Консульство удостовѣритъ, что они ведутъ себя безукоризненно, и не имѣютъ возможности возвратиться въ Россію. 2) Тѣ изъ сихъ лицъ, кои вовсе не имѣютъ россійскаго паспорта, получаютъ оный только тогда, когда будетъ доказано, что они принадлежатъ къ одной изъ областей, входящихъ нынѣ въ составъ Россійской Имперіи, и не могутъ быть признаваемы турецкими подданными; и 3) паспортъ высылается россійскому Консулу, и выдается лицу, коему оный назначенъ, но не прежде, какъ по взносѣ симъ послѣднимъ слѣдующихъ съ него казенныхъ податей и повинностей. О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи объявлено Указомъ Правительствующаго Сената мая 25 дня 1850 г.

—При Указѣ Правительствующаго Сената 2 іюня сего года, обнародована слѣдующая Конвенція о торговлѣ и мореплаваніи, заключенная $^{2}/_{14}$ февраля 1850 г. между Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ и Его Величествомъ Королемъ Бельгійцевъ.

Статья 1. Между владѣніями Обѣихъ Высокихъ договаривающихся Сторонъ будетъ существовать свобода и взаимство торговли и мореплаванія. Жители обоюдныхъ ихъ государствъ будутъ свободно входить въ порты каждой изъ Обѣихъ Державъ, всюду, гдѣ иностранная торговля дозволена. Имъ предоставлено будетъ свободно проживать или имѣть пребываніе, по дѣламъ своимъ, во всѣхъ областяхъ помянутыхъ государствъ, и для того они будутъ пользоваться тою же безопасностью и тѣмъ же покровительствомъ, какъ и туземные жители, съ условіемъ однакоже подчинять себя существующимъ тамъ законамъ и постановленіямъ.

Ст. 2. Бельгійскія суда, приходящія съ балластомъ или съ

грузомъ въ россійскіе порты, или выходящія оттуда, и взаимно россійскія суда, приходящія съ баластомъ или грузомъ въ бельгійскіе порты, или выходящія оттуда, безъ различія мѣста отправленія или назначенія ихъ, не будутъ подлежать другимъ сборамъ, ластовымъ, за флагъ, портовымъ, на постановку вѣхъ, лоцманскимъ, якорнымъ, буксирнымъ, маячнымъ, шлюзовымъ, за проѣздъ по каналамъ, карантиннымъ, за спасеніе, куртажнымъ, складочнымъ или инымъ пошлинамъ или сборамъ, какого бы рода или наименованія они ни были, собираемымъ отъ имени или въ пользу Правительства, служащихъ лицъ, какихъ-либо обществъ или учрежденій, кромѣ тѣхъ, которые нынѣ взимаются или впредь могутъ быть взимаемы съ туземныхъ судовъ при входѣ ихъ, во-время пребыванія, или при выходѣ изъ этихъ портовъ.

Ст. 3. Относительно всего, что̀ касается до размѣщенія судовъ, ихъ нагрузки и разгрузки въ портахъ, на рейдахъ, въ гаваняхъ и бассейнахъ, и вообще касательно всѣхъ формальностей и распоряженій, коимъ могутъ быть подчинены коммерческія суда и ихъ грузы, постановляется, что туземнымъ судамъ не будетъ предоставляемо никакихъ правъ или преимуществъ, которыя не были бы въ то же время распространены и на суда другаго изъ сихъ государствъ, потому-что обѣ договаривающіяся Державы желаютъ, чтобы и въ этомъ отношеніи съ судами ихъ было поступаемо на основаніи совершеннаго равенства.

Съ экипажами россійскихъ судовъ въ бельгійскихъ портахъ, и взаимно съ экипажами бельгійскихъ судовъ въ портахъ Россійской Имперіи, будетъ поступаемо точно также, какъ съ экипажами судовъ, принадлежащихъ въ этомъ отношеніи къ наиболѣе благопріятствуемымъ народамъ.

Ст. 4. Всѣ произведенія и прочіе предметы торговли, дозволенные къ привозу во владѣнія Высокихъ договаривающихся Сторонъ на туземныхъ судахъ, могутъ быть равнымъ образомъ привозимы на судахъ, принадлежащихъ другой договаривающейся Сторонѣ.

Товары, привозимые въ россійскіе и бельгійскіе порты на судахъ, принадлежащихъ той или другой Сторонѣ, могутъ быть предназначаемы тамъ къ потребленію, къ транзиту или къ обратному вывозу, или наконецъ къ складкѣ въ пакгаузы, согласно желанію хозяина или повѣренныхъ, во всѣхъ сихъ случаяхъ на тѣхъ же самыхъ условіяхъ и не

подвергаясь пошлинамъ за складку, надзоръ или какимъ-либо другимъ сего рода, болѣе возвышеннымъ, нежели тѣ, коимъ подлежатъ товары, привозимые на туземныхъ судахъ.

Ст. 5. Товары, произведенія земли или промышлености россійской, привозимые непосредственно изъ россійскихъ портовъ въ бельгійскіе на россійскихъ судахъ, и равномѣрно товары, произведенія земли или промышлености бельгійской, привозимые непосредственно изъ бельгійскихъ портовъ въ россійскіе на бельгійскихъ судахъ, не будутъ платить въ обоюдныхъ портахъ другихъ или болѣе возвышенныхъ привозныхъ пошлинъ, и не будутъ подлежать другимъ формальностямъ, какъ только тѣмъ, которымъ подлежали, еслибъ привезены были на туземныхъ судахъ.

Вслѣдствіе сего постановленія никакая надбавочная пошлина не будетъ взимаема въ Бельгіи съ россійскихъ произведеній, привозимыхъ непосредственно подъ россійскимъ флагомъ.

Такимъ же точно образомъ надбавочная пошлина въ 50%, установленная Указомъ 19 іюня 1845 года, не будетъ взимаема съ произведеній Бельгіи, привозимыхъ непосредственно на бельгійскихъ судахъ въ порты Россійской Имперіи. Сверхъ сего положительно постановляется, что если судно принуждено будетъ, по необходимости зайти въ какой-либо сторонній портъ, не принадлежащій ни Россіи, ни Бельгіи, то это обстоятельство не лишаетъ его того преимущества, которымъ бы оно пользовалось, еслибъ пришло прямо, лишь бы только причины, принудившія его зайти на пути, были доказаны по существующему на то порядку, въ томъ Государствѣ, куда судно пришло.

Ст. 6. Всякаго рода товары или предметы торговли, дозволенные къ вывозу или къ обратному отвозу изъ россійскихъ портовъ на туземныхъ судахъ, могутъ быть равнымъ образомъ вывозимы оттуда на бельгійскихъ судахъ къ какому бы то ни было мѣсту назначенія, не платя иныхъ или большихъ пошлинъ или сборовъ, взимаемыхъ отъ имени или въ пользу Правительства, мѣстныхъ начальствъ или какихъ-либо особыхъ заведеній, кромѣ тѣхъ, которые были бы платимы, еслибъ тѣ же самые товары или предметы торговли были вывозимы или обратно отвозимы на россійскихъ судахъ, и взаимно, всякаго рода товары или предметы торговли, дозволенные къ вывозу или къ обрат-

ному отвозу изъ бельгійскихъ портовъ на туземныхъ судахъ, могутъ быть равнымъ образомъ вывозимы оттуда на россійскихъ судахъ, къ какому бы то ни было мѣсту назначенія, не будучи обложены другими или бо́льшими пошлинами или сборами, взимаемыми отъ имени или въ пользу Правительства, мѣстныхъ начальствъ или какихъ-либо особенныхъ учрежденій, кромѣ тѣхъ, которые были бы платимы, еслибъ тѣ же самые товары или предметы торговли были вывозимы или обратно отвозимы на бельгійскихъ судахъ.

Ст. 7. Со всѣхъ произведеній земли или промышлености Королевства Бельгійскаго, привозимыхъ въ Россійскую Имперію, и со всѣхъ произведеній земли или промышлености Россійской Имперіи, привозимыхъ въ Бельгійское Королевство, не будетъ взимаемо другихъ или бо́льшихъ пошлинъ, кромѣ тѣхъ, которыя взимаются или впредь взиматься будутъ съ подобныхъ же произведеній земли или промышлености всякаго другаго иностраннаго государства.

Также, произведеніе земли или промышлености Россійской Имперіи или Бельгійскаго Королевства, при ввозѣ или вывозѣ изъ портовъ каждаго изъ обоихъ государствъ, не будетъ подлежать никакому стѣсненію или запрещенію, которое не распространялось бы равномѣрно и на произведенія земли или промышлености всякаго другаго народа.

Ст. 8. Положительно постановляется, что предъидущія статьи не должны распространяться на прибрежное или каботажное судоходство каждаго изъ обоихъ государствъ, ибо та и другая изъ обѣихъ Державъ предоставляютъ себѣ исключительное право на таковое судоходство.

Ст. 9. Равнымъ образомъ изъемлется изъ предъидущихъ постановленій привозъ соли и предметовъ, добываемыхъ туземцами ловлею въ водахъ, потому-что обѣ Высокія договаривающіяся Стороны предоставляютъ себѣ право даровать особенныя преимущества привозу этихъ статей подъ своимъ народнымъ флагомъ.

Ст. 10. Національность судовъ будетъ обоюдно признаваема и допускаема по законамъ и постановленіямъ, существующимъ въ каждомъ изъ обоихъ государствъ, на основаніи патентовъ и корабельныхъ бумагъ, выдаваемыхъ подлежащими начальствами шкиперамъ или кораблехозяевамъ.

Ст. 11. Россійскимъ судамъ предоставляется право на

возвратъ отъ Бельгіи пошлины за плаваніе по Шельдѣ, взимаемой Нидерландскимъ Правительствомъ по силѣ третьяго параграфа IX статьи трактата 19 апрѣля тысяча восемьсотъ тридцать девятаго года. Въ уваженіе того, что за таковой возвратъ не предстоитъ возможности взаимства, Россійское Правительство соглашается, чтобы изъ постановленій, заключающихся въ статьяхъ 5 и 6, сдѣлано было изъятіе въ пользу лѣснаго товара, относительно котораго существующіе нынѣ законы въ Бельгійскомъ Королевствѣ остаются въ своей силѣ.

Ст. 12. Ни тою, ни другою изъ обоихъ договаривающихся Сторонъ и никакою компаніею, обществомъ или агентомъ, дѣйствующими ея именемъ или ея властью, не будетъ предоставляемо, посредственно или непосредственно, никакого первенства или преимущества на покупку какихъ-бы то ни было привезенныхъ на законномъ основаніи предметовъ торговли, по уваженію или предпочтенію къ національности того судна, которымъ означенные предметы доставлены, принадлежитъ ли это судно той или другой изъ обѣихъ договаривающихся Сторонъ, въ порты которой сіи предметы привезены; ибо непремѣнное намѣреніе Высокихъ договаривающихся Сторонъ есть то, чтобъ не допускать въ этомъ отношеніи никакого различія или предпочтенія.

Ст. 13. Еслибы въ-послѣдствіи одна изъ договаривающихся Сторонъ предоставила какое-либо особенное преимущество другимъ государствамъ въ отношеніи къ торговлѣ или мореплаванію, въ такомъ случаѣ это преимущество должно быть немедленно распространено на другую Сторону, которая будетъ пользоваться имъ безъ всякаго возмездія, если преимущество даровано безвозмездно, а если уступка была сдѣлана условно, то съ тѣмъ же самымъ вознагражденіемъ или съ другимъ, соразмѣрнымъ оному.

Ст. 14. Суда одной изъ обѣихъ договаривающихся Сторонъ, пристающія къ какому-либо берегу, принадлежащему другой изъ нихъ, но имѣющія намѣренія войти въ портъ, или хотя вошедшія въ портъ, но нежелающія выгружать тамъ всего или части своего груза, будутъ пользоваться тѣми же преимуществами, какими пользуются туземныя суда, и съ ними будетъ поступаемо въ этомъ отношеніи также, какъ съ сими послѣдними судами.

Ст. 15. Въ случаѣ, еслибъ судно, принадлежащее одной

изъ обѣихъ договаривающихся Сторонъ или подданнымъ ея, претерпѣло крушеніе, потонуло отъ бури или понесло какое-либо поврежденіе у береговъ или во владѣніяхъ, подвластныхъ другой Сторонѣ, то этимъ судамъ и всѣмъ находящимся на нихъ людямъ будетъ оказана та же помощь и то же покровительство, каковыми обыкновенно пользуются суда того государства, гдѣ случилось такое происшествіе, и суда, претерпѣвшія крушеніе, товары и другія, находившіяся на нихъ вещи или вырученныя за нихъ деньги, если эти предметы были уже проданы, будутъ возвращены ихъ владѣльцамъ или ихъ повѣреннымъ, по уплатѣ пошлины за спасеніе, равной той, которая была бы заплачена, въ подобномъ же случаѣ, туземнымъ судномъ. Спасенные товары не будутъ подлежать платежу никакой другой пошлины, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они допущены будутъ къ потребленію.

Ст. 16. Всякое россійское купеческое судно, вошедшее по необходимости въ какой-либо портъ Бельгійскаго Королевства, и взаимно всякое бельгійское купеческое судно, вошедшее по необходимости въ какой-либо портъ Россійской Имперіи, будетъ изъято тамъ отъ платежа всякихъ портовыхъ и мореплавательныхъ пошлинъ, нынѣ взимаемыхъ, или которыя впредь взимаемы будутъ въ пользу государства, если причины, принудившія судно войти въ портъ, окажутся дѣйствительными и очевидными, лишь бы только судно не производило въ томъ портѣ никакихъ торговыхъ дѣйствій, нагружая или выгружая товары; причемъ однако же выгрузки и вторичныя нагрузки, сдѣланныя по необходимости для починки судна, не будутъ считаться торговыми дѣйствіями, влекущими за собою платежъ пошлинъ, и лишь бы только судно не продолжало пребыванія своего въ томъ портѣ долѣе того, сколько будутъ требовать причины, принудившія судно войти въ портъ.

Ст. 17. Обѣ Высокія договаривающіяся Стороны предоставляютъ себѣ взаимное право посылать въ порты и въ торговые города обоюдныхъ ихъ государствъ назначаемыхъ ими Консуловъ, Вице-Консуловъ и Коммерческихъ Агентовъ, которые будутъ пользоваться тѣми же преимуществами, правами и изъятіями, какими пользуются Консулы, Вице-Консулы и Агенты наиболѣе благопріятствуемыхъ Державъ; но въ случаѣ если бы которые-либо изъ Консу-

левъ пожелали заниматься торговлею, они обязаны будутъ подчиниться тѣмъ же самымъ законамъ и обычаямъ, которымъ подчинены въ томъ же мѣстѣ, относительно своихъ торговыхъ сдѣлокъ, частныя лица изъ ихъ соотечественниковъ и подданные наиболѣе благопріятствуемыхъ Державъ.

Ст. 18. Положительно постановляется, что когда одна изъ обѣихъ договаривающихся Сторонъ назначитъ своимъ Консульскимъ Агентомъ, для пребыванія въ какомъ-либо портѣ или торговомъ городѣ другой изъ сихъ Державъ, одного изъ подданныхъ сей послѣдней, въ такомъ случаѣ этотъ Консулъ или Агентъ, несмотря на званіе иностраннаго Консула, не перестаетъ быть считаемъ подданнымъ того государства, къ которому онъ принадлежитъ, и потому онъ будетъ подчиненъ законамъ и постановленіямъ, которыми управляются туземцы того мѣста, гдѣ онъ имѣетъ свое пребываніе; но эта подчиненность не должна однако же ни въ чемъ стѣснять его въ исполненіи консульскихъ его обязанностей, ни нарушать неприкосновенности консульскаго архива.

Ст. 19. Вышеозначенные Консулы, Вице-Консулы и Коммерческіе Агенты будутъ имѣть право требовать содѣйствія мѣстныхъ начальствъ, для отысканія, задержанія, заключенія въ тюрьму и содержанія тамъ людей, бѣжавшихъ съ военныхъ и купеческихъ судовъ ихъ народа. Для сего они будутъ обращаться къ надлежащимъ судебнымъ мѣстамъ и чиновникамъ, и требовать письменно вышеупомянутыхъ бѣглецовъ, сообщая корабельные реестры или списки экипажамъ или другіе офиціальные документы въ доказательство, что эти люди принадлежали къ означеннымъ экипажамъ. Когда требованіе будетъ такимъ образомъ доказано, то въ выдачѣ бѣглыхъ не должно быть отказываемо; эти бѣглецы, по задержаніи ихъ, будутъ отдаваемы въ распоряженіе помянутыхъ Консуловъ, Вице-Консуловъ или Коммерческихъ Агентовъ, и заключаемы въ общественныя тюрьмы по требованію и на счетъ того, кто просилъ о ихъ выдачѣ, для содержанія ихъ тамъ до того времени, когда ихъ можно будетъ возвратить на суда, къ которымъ они принадлежатъ, или передать для отсылки ихъ въ отечество на національныхъ или на другихъ судахъ. Но если они не будутъ отправлены въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, считая со дня ихъ задержанія, въ такомъ случаѣ

имъ будетъ возвращена свобода, и ихъ уже нельзя будетъ задержать по той же самой причинѣ. Однакоже, еслибъ оказалось, что бѣглецъ сдѣлалъ какое-либо преступленіе или проступокъ въ той странѣ, въ которой онъ задержанъ, въ такомъ случаѣ выдача его можетъ быть отложена до того времени, пока судъ, разбирающій дѣло, постановитъ рѣшеніе, и оное приведено будетъ въ исполненіе.

Моряки или другіе люди, принадлежащіе къ экипажу, подданные того государства, гдѣ побѣгъ совершился, изъемлются изъ постановленій настоящей статьи.

Ст. 20. Разумѣется, что постановленія настоящей Конвенціи будутъ примѣняемы ко всѣмъ судамъ, плавающимъ подъ россійскимъ флагомъ, безъ всякаго различія между собственно россійскими купеческими судами и таковыми же Великаго Княжества Финляндскаго, составляющаго нераздѣльную часть Россійской Имперіи.

Ст. 21. Настоящая Конвенція будетъ имѣть дѣйствіе и силу въ продолженіе пяти лѣтъ, считая со дня, который Высокія договаривающіяся Стороны назначатъ для совокупнаго ея исполненія, какъ скоро оная будетъ обнародована по законамъ каждаго изъ обоихъ государствъ.

Если по истеченіи пяти лѣтъ не будетъ сдѣлано о настоящей Конвенціи никакого объявленія за шесть мѣсяцевъ впередъ, то она будетъ оставаться обязательною отъ одного года до другаго, до-тѣхъ-поръ, пока одна изъ договаривающихся Сторонъ не объявитъ другой, но за годъ впередъ, о намѣреніи своемъ прекратить дѣйствіе Конвенціи.

Ст. 22. Настоящая Конвенція будетъ утверждена и ратификована Его Величествомъ Императоромъ Всероссійскимъ и Его Величествомъ Королемъ Бельгійцевъ, и ратификаціи ея будутъ размѣнены въ Берлинѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, считая со дня подписанія, или, если возможно, и ранѣе.

Въ удостовѣреніе чего обоюдные полномочные подписали настоящую Конвенцію и приложили къ оной свои печати.

Берлинъ, втораго (четырнадцатаго) февраля тысяча восемьсотъ пятидесятого года.

(Под.) *Мейендорфъ*. (Под.) *Нотомбъ*.

(М. П.) (М. П.)

1-я отдѣльная статья.

Обѣ Высокія договаривающіяся Стороны, принимая въ соображеніе, что торговыя сношенія Россіи съ Королевствами Шведскимъ и Норвежскимъ опредѣлены особенными условіями, которыя могутъ быть возобновлены впослѣдствіи, не касаясь постановленій, существующихъ относительно иностранной торговли вообще, и желая устранить отъ своихъ торговыхъ сношеній всякаго рода недоразумѣнія или поводъ къ преніямъ, согласились, чтобы эти особыя условія, постановленныя въ пользу торговли шведской и норвежской, въ уваженіе соотвѣтственныхъ выгодъ, предоставленныхъ въ этихъ государствахъ торговлѣ Великаго Княжества Финляндскаго, ни въ какомъ случаѣ не могли служить поводомъ къ требованію распространенія оныхъ на торговыя и мореплавательныя сношенія, утвержденныя торговою Конвенціею, заключенною сего числа между обѣими Высокими договаривающимися Сторонами.

2-я отдѣльная статья.

Равнымъ образомъ постановляется, что не будутъ почитаться нарушающими правила взаимства, служащаго основаніемъ настоящей Конвенціи, нижеисчисленныя льготы, изъятія отъ пошлинъ и привиллегіи, а именно:

1) Льгота, которою пользуются суда, построенныя въ Россіи и принадлежащія русскимъ подданнымъ, каковыя суда въ продолженіе первыхъ трехъ лѣтъ освобождены отъ платежа пошлинъ за право плаванія.

2) Льгота, предоставленная береговымъ жителямъ Архангельской губерніи привозить безпошлинно или съ платою умѣренныхъ пошлинъ въ порты этой губерніи, сухую или соленую рыбу, а также нѣкорые роды пушныхъ товаровъ, и такимъ же образомъ вывозить оттуда хлѣбъ, веревки, канаты, деготь и равендукъ.

3) Привиллегія Россійско-Американской Компаніи.

4) Привиллегія Гаврскаго пароходства.

5) Льготы, предоставленныя въ Россіи различнымъ англійскимъ компаніямъ, подъ названіемъ Jacht-Clubs.

Настоящія отдѣльныя статьи будутъ имѣть ту же самую силу и то же дѣйствіе, какъ если бы онѣ были включены отъ слова до слова въ торговую Конвенцію, заключенную

сего числа. Онѣ будутъ ратифицированы и ратификаціи ихъ размѣнены въ то же самое время.

Въ увѣреніе чего обоюдные Полномочные подписали настоящія статьи и приложили къ нимъ свои печати.

Берлинъ, втораго (четырнадцатаго) февраля тысяча восемьсотъ пятидесятаго года.

(Под.) *Мейендорфъ.* (Под.) *Нотомбъ.*

М. П. (М. П.)

Того ради, по довольномъ разсмотрѣніи сего договора и двухъ отдѣльныхъ статей къ оному, Мы приняли ихъ за благо, подтвердили и ратифицировали, яко же симъ за благо пріемлемъ, подтверждаемъ и ратифицируемъ, во всемъ ихъ содержаніи, обѣщая Императорскимъ Нашимъ словомъ за Насъ, Наслѣдниковъ и Преемниковъ Нашихъ, что все, въ томъ договорѣ и въ двухъ отдѣльныхъ статьяхъ къ оному постановленное, соблюдаемо и исполняемо будетъ непарушимо. Въ удостовѣреніе чего, Мы сію Нашу Императорскую ратификацію, Собственноручно подписавъ, повелѣли утвердить государственною Нашею печатью. Дана въ С.-Петербургѣ, марта 11-го дня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ пятидесятое, государствованія же Нашего въ двадцать пятое.

Подлинникъ подписанъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

«НИКОЛАЙ».

Контрасигнировалъ: Государственный Канцлеръ *Графъ Нессельродъ.*

— Государь Императоръ, по представленію Г. Намѣстника Кавказскаго и положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: предоставленное примѣч. къ ст. 2,247 Св. Уст. Тамож. т. VI (по прод. IX) шемахинскимъ промышленникамъ, занимающимся выдѣлкою шелковыхъ издѣлій, право отправлять по почтѣ въ Россію, безъ таможенныхъ свидѣтельствъ, шемахинскія шелковыя издѣлія, но не иначе, какъ съ свидѣтельствами мѣстнаго

Начальства, въ коихъ должно содержаться подробное описаніе качества и количества пересылаемыхъ издѣлій, съ удостовѣреніемъ, что оныя суть дѣйствительно мѣстныя произведенія, распространить также на промышленниковъ городовъ Нухи и Шуши, и кромѣ того предоставить это же право прочимъ жителямъ и чиновникамъ, какъ сихъ двухъ городовъ, такъ и города Шемахи, съ тѣмъ только, чтобъ свидѣтельства имъ на пересылаемыя по почтѣ внутрь Россіи шелковыя издѣлія были выдаваемы отъ мѣстнаго Начальства не иначе, какъ чрезъ посредство тѣхъ же промышленниковъ, отъ коихъ сіи издѣлія были куплены.—О семъ Высочайшемъ повелѣніи объявлено Указомъ Правительствующаго Сената мая 30 дня 1850 г.

— По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, изъ представленныхъ на первую ярославскую выставку сельскихъ произведеній въ 1844 году полотенъ, пріобрѣтено для Высочайшаго Двора нѣсколько кусковъ, на 2,300 руб. серебромъ, изъ суммъ Государственнаго Казначейства.

Нынѣ, по случаю предстоящей въ сентябрѣ текущаго года вновь ярославской выставки сельскихъ произведеній, Ярославское Общество Сельскаго Хозяйства входило къ Г. Министру Государственныхъ Имуществъ съ представленіемъ объ исходатайствованіи, по бывшему примѣру, Всемилостивѣйшаго соизволенія на пріобрѣтеніе для Высочайшаго Двора нѣкотораго количества лучшаго сорта одобренныхъ на выставкѣ полотенъ, для поощренія мѣстной льняной промышленности.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Государственныхъ Имуществъ объ удостоеніи и нынѣшней ярославской выставки Монаршаго вниманія, если представленныя на оную полотна будутъ того достойны, въ 13 день минувшаго марта Высочайше повелѣть соизволилъ: исполнить представленіе сіе по бывшему примѣру и на такихъ же основаніяхъ.

— По соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, Министръ Финансовъ входилъ въ Государственный Совѣтъ, съ представленіемъ, о запрещеніи привоза изъ-за границы зажигательныхъ спичекъ, въ коемъ полагалъ: во-1-хъ, запретить привозъ въ Имперію изъ-за границы, Царства Поль-

скаго и Великаго Княжества Финляндскаго зажигательныхъ химическихъ спичекъ всякаго рода. Во-2-хъ, тѣ зажигательныя спички, которыя окажутся въ привозѣ до полученія въ Таможняхъ предписанія о запрещеніи, дозволить торгующимъ вывезти обратно за границу, или обратить въ продажу внутри Имперіи, но съ тѣмъ, чтобы въ семъ послѣднемъ случаѣ означенныя спички были выпущены изъ Таможенъ не прежде, какъ по укладкѣ отдѣльно каждой тысячи спичекъ въ жестяныя коробочки, по наложеніи на оныя бандеролей, и по взысканіи, сверхъ тарифной пошлины за спички, еще денегъ по одному рублю серебромъ за каждую бандероль, каковыя деньги должны быть отсылаемы Таможнями въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, и—въ-3-хъ, равномѣрно допустить къ обратному отвозу за границу и тѣ химическія всякаго рода зажигательныя спички, кои могутъ быть привезены въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня полученія въ Таможняхъ предписаній о запрещеніи ихъ привоза. Состоявшееся, согласно съ таковымъ представленіемъ его, Министра Финансовъ, мнѣніе Государственнаго Совѣта удостоено, въ 8-й день минувшаго мая, Высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія. Донеся о семъ Правительствующему Сенату, для надлежащаго опубликованія, онъ, Г. Министръ Финансовъ, представилъ и засвидѣтельствованную копію съ означеннаго мнѣнія Государственнаго Совѣта. Въ означенномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта изъяснено: Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Экономіи и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министра Финансовъ о запрещеніи привоза изъ-за границы зажигательныхъ спичекъ, и принявъ на видъ объявленное Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1848 году, Высочайшее повелѣніе, по коему признано нужнымъ, для предупрежденія впредь пожаровъ въ Имперіи, ограничить приготовленіе и продажу зажигательныхъ спичекъ мѣрами, въ томъ повелѣніи означенными, какъ то: повсемѣстнымъ, кромѣ однѣхъ столицъ, уничтоженіемъ заведеній для выдѣлки спичекъ, воспрещеніемъ продажи сихъ послѣднихъ въ разносъ, установленіемъ отпуска оныхъ съ фабрикъ въ жестяныхъ помѣщеніяхъ, и учрежденіемъ бандеролей по 1-му руб. сер. съ тысячи спичекъ, въ пользу городскихъ доходовъ, нашелъ, что послѣ сихъ мѣръ должны уже сами-собою имѣть мѣсто и предлагаемыя Министромъ Финансовъ, въ томъ видѣ, какъ

онѣ, по соглашенію его съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, нынѣ представляются, именно: запрещеніе привоза въ Государство изъ-за границы, Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго однѣхъ лишь зажигательныхъ химическихъ всякаго рода спичекъ, съ дозволеніемъ поступившія уже въ Таможни, до полученія въ оныхъ предписанія о запрещеніи, зажигательныя спички—или вывезть обратно за границу, поступивъ такимъ-же образомъ и съ тѣми, кои могутъ привезены быть съ означеннаго времени въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ, или (въ первомъ только случаѣ) выпустить, по желанію торгующихъ, въ продажу внутри Имперіи, но не иначе, какъ по укладкѣ отдѣльно каждой тысячи спичекъ въ жестяныя коробки и по наложеніи на нихъ бандеролей, со взысканіемъ, сверхъ тарифной пошлины, еще по 1 р. сер. за каждую бандероль, съ обращеніемъ сихъ послѣднихъ денегъ въ распоряженіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, для поступленія съ оными на основаніи вышеприведеннаго Высочайшаго повелѣнія 1848 года. Вслѣдствіе сего Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ положилъ*: предоставить Министру Финансовъ предположеніе его по сему предмету привести, установленнымъ порядкомъ, въ дѣйствіе. Государь Императоръ таковое мнѣніе Государственнаго Совѣта утвердить изволилъ и повелѣлъ исполнить.

— По всеподданнѣйшему докладу г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, о пожертвованіи помѣщикомъ Подольской губерніи Графомъ Михаиломъ Потоцкимъ, въ пользу сиротъ, родители коихъ умерли въ С.-Петербургѣ отъ холеры, и дѣтей, находящихся въ Дѣтскихъ Пріютахъ, капитала, превышающаго 45 т. р. сер., Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, объявить *Графу Потоцкому* благоговоленіе Его Императорскаго Величества.

— Высочайше-учрежденная Коммиссія о лондонской выставкѣ объявляетъ, что вслѣдствіе представленія ея и всеподданнѣйшаго доклада г. Министра Финансовъ, Государь Императоръ въ 3-й день сего іюня Высочайше повелѣть соизволилъ: допустить къ безпошлинному отпуску на лондонскую выставку всѣ вообще россійскія произведенія, и разрѣшить къ таковому-же привозу въ Имперію тѣ польскіе и финляндскіе товары, кои будутъ назначаемы для отсылки на эту выставку чрезъ посредство Коммиссіи. Къ испол-

нѣнію сей Высочайшей воли сдѣлано по таможенному вѣдомству надлежащее распоряженіе, съ тѣмъ, чтобы мѣста съ польскими и финляндскими товарами пропускались чрезъ россійскія пограничныя таможни, при свидѣтельствахъ о мѣстномъ происхожденіи, по подаваемымъ въ сіи таможни объявленіямъ, безъ досмотра оныхъ и безъ взысканія пошлинъ, но съ приложеніемъ таможенныхъ пломбъ, для доставленія прямо въ Высочайше-учрежденную Коммиссію, гдѣ таможенные чиновники должны производить симъ мѣстамъ надлежащій досмотръ.

— Высочайше-учрежденная Коммиссія о лондонской выставкѣ объявляетъ, что пріемъ назначаемыхъ для оной произведеній въ отведенномъ на сей конецъ помѣщеніи (въ таможенномъ зданіи, гдѣ была учреждена мануфактурная выставка въ 1849 году) начнется 3 іюля, и будетъ продолжаться ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, по 1 сентября, съ 10 часовъ утра до 3 по-полудни. — Представляемыя произведенія будутъ принимаемы однимъ изъ Членовъ Коммиссіи и Коммисаромъ оной, Надворнымъ Совѣтникомъ Андреевымъ.

— Въ концѣ 1845 года Духовное Училищное Начальство публиковало о конкурсѣ на составленіе Спеціальнаго Сельскаго Лечебника, которымъ могли-бы руководствоваться лица духовнаго званія при подаваніи врачебной помощи своимъ прихожанамъ.

Вслѣдствіе этой публикаціи представлены были въ Духовно-Учебное Управленіе при Святѣйшемъ Сунодѣ подъ девизами 5-ть сочиненій, которыя были переданы на разсмотрѣніе Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Совѣтъ, по истребованіи донесеній и подробныхъ мнѣній о сихъ сочиненіяхъ отъ нѣкоторыхъ своихъ Членовъ, призналъ всѣ означенныя сочиненія неудовлетворяющими требованіямъ составленной на сей предметъ программы, находя впрочемъ, что сочиненіе подъ девизомъ: «Если ты и проч.» болѣе другихъ соотвѣтствуетъ задачѣ яснымъ, точнымъ и для не-врачей удобопонятнымъ изложеніемъ предмета съ патологической стороны, и что хотя оно неудовлетворительно въ отношеніи терапевтическомъ, но легко могло-бы быть исправлено по замѣчаніямъ рецензента.

По сему, согласно съ мнѣніемъ Медицинскаго Совѣта и

съ разрѣшенія Святѣйшаго Сѵнода, *назначается на составленіе Спеціальнаго Лечебника новый конкурсъ, на основаніи ниже-приложенной программы*, съ допущеніемъ на оный и упомянутаго сочиненія подъ девизомъ: «Если ты и проч.», въ случаѣ, если авторъ пожелаетъ исправить свой трудъ по сдѣланнымъ замѣчаніямъ.

Авторы всѣхъ представленнымъ на первый конкурсъ сочиненій могутъ получить обратно каждый свое сочиненіе, предъявивъ о томъ требованіе въ Духовно-Учебное Управленіе при Святѣйшемъ Сѵнодѣ, съ точнымъ обозначеніемъ *полнаго* девиза своего сочиненія, и званія, имени и фамиліи лица, подъ росписку котораго пожелаютъ получить его; при возвращеніи сочиненія приложенъ будетъ и подробный разборъ онаго, доставленный изъ Медицинскаго Совѣта.

Программа

Спеціальнаго Сельскаго Лечебника для руководства лицамъ духовнаго званія при подаваніи врачебной помощи своимъ прихожанамъ.

а) Сочиненіе должно быть написано врачемъ, и обнимать свой предметъ со всѣхъ сторонъ, въ отношеніи къ быту и образу жизни простаго народа въ различныхъ частяхъ Россійской Имперіи. Главная цѣль задачи практическая польза.

б) Сочиненіе должно быть написано языкомъ понятнымъ и не-врачу. Не выходя изъ границъ популярной терапіи, сочинитель однакожъ долженъ имѣть въ виду, что сочиненіе его назначается для людей образованныхъ, которымъ, кромѣ наукъ семинарскаго курса, извѣстны еще и популярныя физіологія и діэтетика.

Спеціальный Сельскій Лечебникъ долженъ заключать въ себѣ приблизительно слѣдующее:

1) Во вступленіи должны быть показаны: важность предмета и значеніе духовнаго лица, какъ врача и совѣтника для своихъ прихожанъ.

2) Достаточное и ясное описаніе болѣзней внутреннихъ и наружныхъ, которымъ наичаще подвергается простой народъ; врачеваніе этихъ болѣзней посредствомъ соблюденія діэтетическихъ правилъ и употребленія менѣе сложныхъ лекарствъ. Кромѣ извѣстныхъ и обыкновенно употребляемыхъ домашнихъ и народныхъ средствъ, авторъ можетъ указать на лекарства, которыя позволено отпускать изъ аптекъ безъ

рецептовъ, а также и на само-необходимыя изъ сильнодѣйствующихъ, которыми духовное лицо можетъ запастись чрезъ врача, каковы ипекакуана, хининъ, нарывной пластырь и т. п.; но при этихъ средствахъ слѣдуетъ упомянуть о предосторожностяхъ, которыя необходимо соблюдать при ихъ употребленіи. Сочинитель не долженъ упустить изъ виду; кровопусканія посредствомъ рожковъ и піявокъ, случаевъ, въ которыхъ можно совѣтовать кровопусканіе изъ вены (съ указаніемъ и на вредное его дѣйствіе); въ особенности-же не должно забыть о пользѣ отъ употребленія бань и леченія холодною водою. Сочинитель долженъ обратить вниманіе на мѣстныя условія, какъ въ отношеніи къ различнымъ эпидемическимъ и эпидемическимъ болѣзнямъ, такъ и въ отношеніи къ различнымъ врачебнымъ средствамъ, напр. дикорастущія лекарственныя прозябаемыя, хотя бы послѣднія и не были еще извѣстны какъ народныя лекарства. Съ другой стороны сочинитель не долженъ пропустить безъ вниманія лечебной силы природы, въ особенности въ нѣкоторыхъ горячкахъ и сыпяхъ.

3) Правила о попеченіи и хожденіи за родильницами.

4) Правила о попеченіи и хожденіи за новорожденными, о кормленіи ихъ безъ материнскаго молока, о физическомъ воспитаніи дѣтей, объ оспопрививаніи, о нѣкоторыхъ обыкновеннѣйшихъ дѣтскихъ болѣзняхъ, ихъ причинахъ и ихъ врачеваніи.

5) Наставленіе объ оживленіи утопленниковъ, удавленныхъ, замерзшихъ и проч., и о томъ, какъ должно поступать при отравленіяхъ.

6) Правила, которыя должно наблюдать при появленіи заразительныхъ болѣзней. Здѣсь авторъ можетъ упомянуть о вредномъ вліяніи павшей отъ заразы скотины на общественное здоровье людей.

7) Исчисленіе дикорастущихъ въ разныхъ странахъ Россіи врачебныхъ травъ, съ ихъ народными и латинскими названіями, и краткія правила о ихъ собираніи и сохраненіи.

8) Списокъ простыхъ лекарствъ, которыя священникъ долженъ имѣть всегда въ запасѣ, если по близости нѣтъ врача, или если врачъ не можетъ часто навѣщать больныхъ его прихожанъ.

9) Аналитическій реестръ предметовъ, содержащихся в сочиненіи.

Авторъ долженъ представить отдѣльно отъ своей рукописи списокъ всѣхъ сочиненій, которыми онъ пользовался при составленіи своей книги.

За сочиненіе, вполнѣ удовлетворяющее вышеизложеннымъ требованіямъ, назначается премія въ 1,500 руб. серебромъ.

Напечатанныя и поступившія въ продажу сочиненія не допускаются къ соисканію, точно также, какъ и переводы съ иностранныхъ языковъ, или извѣстныя уже сочиненія, хотя-бы къ нимъ были сдѣланы прибавленія.

Если между присланными сочиненіями не найдется ни одного, которое соотвѣтствовало-бы всѣмъ требованіямъ, между тѣмъ какъ два сочиненія, вмѣстѣ взятыя, составили-бы удовлетворительное цѣлое, въ такомъ случаѣ премія будетъ раздѣлена между двумя ихъ сочинителями, по относительному достоинству твореній, съ тѣмъ однако-же, чтобы сочиненія были соглашены и соединены въ одно.

Каждое сочиненіе должно имѣть девизъ; имя сочинителя и его точный адрессъ должны находиться въ запечатанномъ пакетѣ, на которомъ долженъ быть написанъ избранный авторомъ девизъ.

Поступившія на соисканіе преміи сочиненія должны быть присланы не позже, какъ чрезъ два года послѣ послѣдняго объявленія, и адрессованы въ Духовно-Учебное Управленіе при Святѣйшемъ Сунодѣ.

— Въ минувшемъ 1849 году, молодые люди, желавшіе поступить въ студенты Горыгорѣцкаго Земледѣльческаго Института, присылали прошенія съ документами и безъ документовъ, о принятіи ихъ своекоштными или казенными студентами, и объ увѣдомленіи ихъ о томъ по мѣсту жительства, и потомъ въ Институтъ не являлись; либо, оставляя низшіе классы Гимназіи, пріѣзжали въ м. Горки, для приготовленія къ вступительному испытанію въ Институтъ задолго до начала новаго учебнаго года, либо наконецъ, надѣясь быть принятыми безъ испытанія, на основаніи аттестатовъ, выданныхъ имъ изъ гимназій, или университетскихъ свидѣтельствъ, не готовились вовсе къ испытанію, и являлись по окончаніи общаго пріема въ Институтъ.

Вслѣдствіе сихъ недоразумѣній, многіе изъ молодыхъ людей не могли быть приняты въ Институтъ, и потерявъ

напрасно время и издержки, принуждены были оставить м. Горки.

Для предупрежденія подобныхъ недоразумѣній и случаевъ на будущее время, Совѣтъ Горыгорѣцкаго Земледѣльческаго Института счелъ нужнымъ объявить слѣдующее:

1) Что пріемъ студентовъ въ Институтъ бываетъ въ августѣ мѣсяцѣ, т. е. одинъ разъ въ году предъ начатіемъ курсовъ.

2) Для подачи въ Совѣтъ Горыгорѣцкаго Земледѣльческаго Института прошеній о пріемѣ въ студенты и о допущеніи къ пріемному испытанію, назначается срокъ съ 1 по 10 августа, а для производства пріемныхъ испытаній съ 11 по 20 августа. Неподавшіе своевременно въ Совѣтъ прошеній и лично неявившіеся къ испытанію въ назначенный срокъ лишаются права на поступленіе въ Институтъ въ томъ году.

3) Желающіе поступить въ число студентовъ, при подачѣ прошеній въ Совѣтъ Института, должны приложить слѣдующіе документы: a) метрическое отъ Консисторіи свидѣтельство. b) Свидѣтельство о званіи и происхожденіи; принадлежащіе къ податнымъ состояніямъ прилагаютъ увольнительныя свидѣтельства отъ своихъ обществъ, а вольноотпущенные полученныя ими отпускныя. c) Гимназическіе аттестаты, если обучались въ гимназіяхъ, или студентскія свидѣтельства, если обучались въ университетахъ. d) Лица римско-католическаго исповѣданія присовокупляютъ еще свидѣтельство о причащеніи, а евангелическаго—конфирмаціонный видъ.

4) Прошенія, присылаемыя въ Совѣтъ Института по этому предмету чрезъ почту, съ вопросами, относящимся до условій принятія въ число студентовъ, будутъ оставляемы безъ отвѣта до личнаго прибытія просителей.

5) Въ Институтъ принимаются безъ испытаній: a) окончившіе полный курсъ наукъ въ гимназіяхъ или заведеніяхъ гимназіямъ равныхъ, и представившіе въ томъ вполнѣ одобрительные аттестаты, т. е. такіе, въ которыхъ всѣ отмѣтки успѣховъ въ наукахъ и о поведеніи будутъ, по крайней мѣрѣ, хорошія. p) Выдержавшіе экзаменъ въ одномъ изъ россійскихъ университетовъ или заведеній университетамъ равныхъ, и представившіе о томъ свидѣтельства, съ отмѣтками вполнѣ удовлетворительными, о поведеніи и успѣхахъ въ наукахъ.

6) Подвергаются испытанію въ самомъ Институтѣ: а) молодые люди всѣхъ свободныхъ состояній, получившіе домашнее воспитаніе, соотвѣтствующее полному гимназическому курсу, за исключеніемъ древнихъ языковъ, греческаго и латинскаго; сей послѣдній впрочемъ испытуемые должны знать столько, сколько нужно при изученіи преподаваемыхъ въ Институтѣ естественныхъ наукъ; b) окончившіе курсъ наукъ въ гимназіяхъ или заведеніяхъ, гимназіямъ равныхъ, и представившіе въ томъ невполнѣ одобрительные аттестаты.

7) Неокончившіе полнаго курса въ гимназіяхъ допускаются къ испытанію въ студенты не ранѣе того времени, въ которое по разсчету они могли бы окончить полный гимназическій курсъ.

8) Вообще, по недостатку помѣщенія въ аудиторіяхъ, пріемъ молодыхъ людей будетъ ограниченъ только тѣми, которые представятъ лучшіе аттестаты, или же на испытаніи окажутъ удовлетворительнѣйшія познанія въ наукахъ.

9) На вышеизложенныхъ основаніяхъ, по неимѣнію свободныхъ казенныхъ вакансій, могутъ быть приняты въ Горыгорѣцкій Земледѣльческій Институтъ только одни своекоштные студенты, вольноприходящими или же пансіонерами, послѣдніе за установленную плату по 125 руб. сер. въ годъ. За тѣмъ, всѣ просьбы, какія послѣ сего объявленія будутъ получены въ Институтѣ или же въ Департаментѣ Сельскаго Хозяйства, о пріемѣ на казенное содержаніе, будутъ оставлены безъ отвѣта.

Въ состоящемъ при Институтѣ Земледѣльческомъ Училищѣ, въ которое поступаютъ ученики изъ всѣхъ свободныхъ состояній, а также помѣщичьи крестьяне, по желанію владѣльцевъ, къ началу августа откроется до 20 пансіонерскихъ вакансій. Лица, желающія воспользоваться сими вакансіями, за назначенную плату, по 80 руб. серебр. въ годъ съ каждаго пансіонера, должны заблаговременно прислать просьбы въ Институтъ, съ законными документами о происхожденіи отдаваемыхъ въ Училище молодыхъ людей, отъ которыхъ при пріемѣ требуется, чтобы они были не моложе 16 и не старѣе 20 лѣтъ и чтобы умѣли правильно читать и писать, знали катихизисъ, первыя четыре дѣйствія ариѳметики и начальныя основанія русской грамматики.

— Въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ напечатана слѣдующая статья, подъ заглавіемъ: *Дѣйствія по торгово-полицейскому надзору въ С.-Петербургѣ, за 1849 годъ.*—Дѣйствія эти заключались въ слѣдующемъ: а) въ осмотрѣ торговыхъ заведеній, рынковъ, площадей, сѣнныхъ биржъ и другихъ торговыхъ мѣстъ, гдѣ вообще производится продажа съѣстныхъ припасовъ. б) Въ открытіи разнаго рода злоупотребленій, какъ-то: продажи выше таксы хлѣба, мяса и дровъ. в) Въ обнаруженіи обмѣровъ и обвѣсовъ. г) Въ наблюденіи, во-время базаровъ, за порядкомъ и правильностію торговли, какъ въ отношеніи пріѣзжающихъ сельскихъ промышленниковъ, такъ и здѣшнихъ постоянныхъ на площадяхъ торговцевъ. д) Въ надзорѣ за правильностію сбора вѣсовыхъ денегъ на городскихъ важняхъ и за исправностію на оныхъ вѣсовъ, гирь и мѣръ. е) Въ осмотрѣ и повѣркѣ на всѣхъ публичныхъ гуляньяхъ у торговцевъ и разнощиковъ вѣсовъ, гирь и мѣръ. Равно наблюдаемо было и по прочимъ предметамъ, относящимся до торговли, напримѣръ: за чистотою при продажѣ и приготовленіи хлѣба и кваса; за торговыми документами; за жестяными знаками, выдаваемыми разнощикамъ изъ Городской Думы на право разносной торговли; за имѣніемъ клейменыхъ вѣсовъ, мѣръ и аршиновъ; за доброкачественностію разнаго рода съѣстныхъ припасовъ; за неимѣніемъ нелуженой посуды, какъ-то: сбитенныхъ самоваровъ, кувшиновъ для сливокъ, ковшей, и т. п. На дровяныхъ дворахъ, которые были осмотрѣны всѣ безъ-изъятія, наблюдалось, чтобы станки и сажени для измѣренія при продажѣ дровъ, были заклеймены и вѣрны; чтобы дощечки, показывающія цѣны на разные сорты дровъ, а равно и такса, были выставлены на видныхъ мѣстахъ; и наконецъ, чтобы самая продажа дровъ не производилась свыше таксы.

Такимъ образомъ, въ теченіе 1849 года осмотрѣно было: торговыхъ заведеній разнаго рода (какъ-то: мясныхъ, рыбныхъ, мелочныхъ и другихъ лавокъ, постоялыхъ и дровяныхъ дворовъ, саечныхъ, калачныхъ и хлѣбныхъ куреней, булочныхъ и т. п.)—2,003; разнощиковъ и торговцевъ на постоянныхъ участкахъ — 241; всего — 2,244. Изъ числа торговыхъ заведеній, найдены разныя неисправности и безпорядки въ 575; разнощиковъ, у которыхъ не оказалось жестяныхъ знаковъ на право торговли, открыто 137. Затѣмъ, остальное число осмотрѣнныхъ торговыхъ заведеній

(1,428) и разнощиковъ (104) найдено въ удовлетворительномъ порядкѣ.

Главнѣйшая неисправность, замѣченная въ торговыхъ заведеніяхъ и у разнощиковъ, состояла въ маловѣсныхъ гиряхъ, которыхъ найдено было 1,080 штукъ. Причиною такого значительнаго количества невѣрныхъ гирь было то, что Городская Распорядительная Дума отбираемыя у торговцевъ гири продавала не изломанными, а цѣлыми, въ желѣзныя лавки, откуда онѣ опять поступали въ обращеніе; вслѣдствіе того сдѣлано распоряженіе, чтобы отбираемыя отъ торговцевъ легковѣсныя гири ломать, и потомъ уже продавать на чугунные заводы, послѣ чего можно надѣяться, что неисправныя гири въ скоромъ времени совершенно выйдутъ изъ обращенія. Затѣмъ, при строгомъ надзорѣ за правильностію торговли, прочія замѣченныя неисправности состояли въ слѣдующемъ: а) не имѣлось торговыхъ документовъ—въ 10 заведеніяхъ; б) не имѣлось свидѣтельствъ Ремесленной Управы на право печенія хлѣбовъ—въ 3; в) выставлена была старая такса, вмѣсто новой—въ 4; г) оказались неисправные вѣсы—въ 58, вѣсы безъ клеймъ—въ 18, и старые вѣсы, слѣдующіе къ повѣркѣ и заклейменію вновь—въ 57; д) невѣрныя мѣры найдены—въ 65; е) аршиновъ казенныхъ не оказалось—въ 3; ж) продажа свыше таксы мяса и хлѣба обнаружена—въ 2; з) маловѣсный хлѣбъ найденъ—въ 18; и) обвѣсы при продажѣ замѣчены—въ 12; і) противузаконная торговля въ кладовыхъ и на постоялыхъ дворахъ—въ 5; к) негодныхъ къ употребленію припасовъ найдено въ разныхъ мѣстахъ—до 4 пудовъ 25 фунтовъ; л) огонь не въ фонаряхъ, а въ подсвѣчникахъ, что воспрещено при торговлѣ—въ 9; м) вообще нечистота—въ 39 заведеніяхъ.

Относительно дровяныхъ дворовъ, обнаружено: на 4—неимѣніе таксы; на 7—невыставка таксы на мѣстѣ; на 1—отсутствіе станковъ; на 38—станки безъ клеймъ; на 14—неимѣніе желѣзныхъ казенныхъ саженей; на 32—невыставка дощечекъ на сортахъ дровъ; на 22—выставка этихъ дощечекъ не въ надлежащемъ порядкѣ; на 1—продажа дровъ свыше таксы; на 11—дурная кладка; на 9—дурная сортировка дровъ. Вообще же изъ 144 дровяныхъ дворовъ исправныхъ оказалось—93; неисправности разныя найдены—въ 51.

— Въ «Сѣверной Пчелѣ» напечатано слѣдующее: Всѣмъ извѣстно, какое участіе принимали южные Славяне, Хорваты и Сербы въ войнѣ Австріи съ возмутившимися Венграми, съ какимъ постояннымъ мужествомъ они выдержали борьбу съ огромною силою, далеко превосходившею ихъ собственныя. Двѣ причины вызвали Хорватовъ и Сербовъ на войну съ Венграми—преданность къ своему законному Правительству и привязанность къ своей народности. Возмутившаяся Венгрія явилась врагомъ столько же Австрійскаго Дома, сколько и народности славянской. Желая уничтожить цѣлость Имперіи и основать независимое Венгерское государство, она стремилась въ то же время и уничтожить народность славянскую, и Хорватовъ и Сербовъ превратить въ Мадьяръ, не вліяніемъ нравственнымъ, котораго не имѣла, но внѣшнею силою.

Первая эпоха войны Венгерцевъ съ Сербами, австрійскими подданными, окончилась блистательно для Сербовъ. Венгерскія войска нѣсколько разъ были разбиты, и послѣ неудачной осады Сербобрана прекратили, на время, нападенія. Къ Сербамъ, австрійскимъ граничарамъ, подоспѣли на помощь ихъ соотечественники изъ княжества; венгерскія же войска устремились къ другой цѣли. Они, какъ бы мимоходомъ затронувъ Военную Границу, двинулись въ противоположную сторону Венгріи—къ Песту и Коморну. Встрѣтивъ на одной изъ своихъ границъ сильный отпоръ Сербовъ, Мадьяры побѣдоносно прошли всю Венгрію до другой границы, и тамъ встрѣтили Хорватовъ, которые, подъ предводительствомъ своего Бана, спасли Вѣну, и война противъ мятежниковъ приняла другой оборотъ.

Послѣ взятія австрійскими войсками Песта, въ 1849 году, венгерскія войска отступили за Марошъ (въ Банатѣ) и Терезіополь (въ Бачкѣ), и сосредоточились у стараго Арада и Сегедина.

Между-тѣмъ Сербы, раздѣленные на мелкіе отряды, разбросанные на значительномъ пространствѣ отъ Римскихъ Укрѣпленій до Францова канала, были еще болѣе обезсилены удаленіемъ Кинчанина со вспомогательными войсками Сербскаго Княжества. Непріятель могъ почти безъ сопротивленія возвратиться въ Петеръ-Варадинъ; оттуда, подъ предводительствомъ Перцеля, онъ пошелъ на Сербобранъ. Послѣ упорной защиты, Сербобранъ былъ взятъ мятежниками; 700 человѣкъ Сербовъ, долго защищались въ город-

скихъ улицахъ противъ 6,000 Венгровъ, но не могли устоять, и въ числѣ 300 едва спаслись. Городъ былъ сожженъ, разграбленъ, жители безъ разбора пола и возраста, перерѣзаны. Сербобранъ, такъ храбро отразившій первыя нападенія Венгровъ, считался Сербами неприступнымъ. Его взятіе произвело сильное дѣйствіе, и малочисленныхъ Сербовъ, лишенныхъ всякой помощи, повергло въ совершенное отчаяніе. Оно усилилось еще болѣе, когда Перцель, опустошивъ окрестности Сербобрана, двинулся къ Римскимъ Укрѣпленіямъ, и одержалъ новую побѣду. Сербскихъ войскъ не существовало; всѣ разбрелись по сторонамъ; уцѣлѣвшее отъ меча сербское народонаселеніе, изъ областей, занятыхъ непріятелями, сосредоточилось въ Чайкашскомъ Баталіонѣ и Сирміи. Начались всеобщіе безпорядки; путь къ Титтелю и оттуда въ Сирмію былъ открытъ для непріятеля. Надобно вспомнить, что въ это самое время австрійская главная армія, подъ командою барона Вельдена, по новому плану компаніи, сосредоточивалась около Пресбурга, въ ожиданіи русской вспомогательной арміи, а Банъ хорватскій съ своимъ войскомъ еще находился подъ Пестомъ, откуда долженъ былъ пройти Венгрію во всю длину, чтобъ явиться на югъ для защиты Сербовъ. Банатъ и Сирмія, совершенно отрѣзанные отъ арміи, оставались безъ помощи, безъ регулярныхъ войскъ, почти безъ артиллеріи, даже безъ извѣстій о томъ, что дѣлается на сѣверѣ и на западѣ королевства.

Почтенный старецъ, Патріархъ Сербскій, Іосифъ Раячичъ, управлялъ вмѣстѣ и гражданскою частью и Православною Церковію, и умѣлъ внушать своему народу такую же вѣрность къ Престолу, такую же непоколебимую твердость и терпѣніе, какія самъ, какъ истинный пастырь православный, показалъ въ это роковое время, и какими невольно напоминаетъ намъ, Русскимъ, тѣхъ великихъ мужей нашей Церкви, которые, въ бѣдственныя для отечества времена, такъ много способствовали спасенію Россіи и сохраненію у насъ Православія. Видя отчаянное положеніе края, ему ввѣреннаго, Патріархъ упросилъ Сербскаго Князя вновь прислать Кничанина съ отрядомъ на помощь. Кничанинъ, собравъ наскоро тысячу человѣкъ, явился въ Новый-Садъ, и потомъ въ Карловецъ, куда пришло уже извѣстіе о пораженіи при Римскихъ Укрѣпленіяхъ. Уныніе было такъ велико, что, несмотря на уваженіе и довѣренность къ Кничанину, ему не удалось собрать до-

статочнаго количества войскъ, чтобъ идти противъ Перцеля, и оградить отъ вторженія въ Сирмію. Кинчанинъ объявилъ Патріарху, что гибель неминуема, что онъ не успѣетъ дождаться нужной помощи изъ Княжества, что непріятель вдесятеро сильнѣе его, а народъ совершенно упалъ духомъ, и что развѣ одинъ человѣкъ можетъ спасти ихъ: этотъ человѣкъ — Георгій Стратимировичъ. Въ 1848 году, какъ извѣстно, молодой Стратимировичъ командовалъ охотниками сербскими, отразилъ съ ними нападеніе Мадьяръ, показалъ блистательныя военныя способности, и заслужилъ неограниченную довѣренность и любовь войска. Онъ въ это время находился въ Землинѣ, вице-президентомъ комиссіи правленія. Несмотря на бывшую между ними съ нѣкотораго времени остуду, Патріархъ, тотчасъ же по полученіи письма Кинчанина, обратился къ Стратимировичу, и спросилъ, рѣшится ли онъ взять на себя собрать разбитыя, разсыпанныя войска, отправиться въ Титтель, и спасти всю южную Венгрію? Стратимировичъ показалъ себя достойнымъ довѣренности народа и его начальниковъ: забывъ свои прежнія неудовольствія, принялъ полномочіе отъ Патріарха, и явившись въ Титтель, умѣлъ въ двое сутокъ собрать войско и одушевить его своимъ присутствіемъ; чрезъ пять дней разбилъ на голову главный отрядъ Перцеля, и съ семью батальйонами Граничаръ и 1,500 сербскихъ охотниковъ подъ Кинчаниным, защищался противъ непріятеля вдвое больше его числомъ и съ сильной артиллеріей, въ теченіе шести недѣль, до прибытія Бана съ своимъ войскомъ. Такимъ образомъ Сербы отстояли остальныя богатыя провинціи южной Венгріи, и дали новый оборотъ войнѣ, которая кончилась въ пользу вѣрныхъ защитниковъ Престола, народности и Вѣры.

Между-тѣмъ страны, по которымъ прошли венгерскія орды, были опустошены и разграблены, села и города сожжены. Война кончилась, не кончились бѣдствія Сербовъ: возвратившееся въ опустошенныя страны народонаселеніе не нашло ни домовъ, ни храмовъ; безъ хлѣба и крова должно было провести зиму.

Не станемъ повторять грустныхъ описаній положенія сербской границы, которыми были наполнены не только славянскіе, но даже и нѣмецкіе журналы. Особенно церкви и монастыри православные были жертвою ненависти и ярости Мадьяръ: они жгли, разоряли ихъ по тому именно, что знали, съ какою любовью и благоговѣніемъ Сербы привержены къ Святой Церкви своей. Вотъ отрывокъ изъ письма:

«Свирѣпство Венгровъ не простиралось токмо на вооруженныхъ, но и на всѣ невинныя чада, дѣвицы, жены, дряхлые старцы и старицы, падшія въ область ихъ. Все, что не могло спастись бѣгствомъ, безъ различія пола и возраста было истребляемо и посѣкаемо. Домы разграбленные были предаваемы огню. Особенно же свирѣствовали Венгры и ополчались на Св. Храмы Божіи, яко бо и съ Богомъ и со святыми Его рать имѣли: вшедши въ церкви, святымъ иконамъ Христа Спасителя и Пречистыя Богоматери и прочихъ Святителей мечами очи истыкивали; во святомъ алтарѣ отверзли святые кивоты, хранимые тамо Святая просыпали и попирали ногами; всѣ утвари церковныя грабили, напослѣдокъ книги молитвенныя. Св. Евангеліе и все удобосожигаемое снесше предъ иконостасъ, предали пламени и самую церковь. Словомъ, конечное истребленіе како народа Сербскаго, тако и Православія его умыслиша.—Болѣе 150,000 душъ Сербскаго народа лишаются домовъ своихъ, лишаются всякаго одѣнія и пищи, лишаются всякаго Богослуженія, наставленія и духовнаго утѣшенія. Лисамъ подобно нарыли подземныя ровы, идѣже отъ ираза спастися мняше всякаго земнаго блага лишены, алчущіе и жаждущіе чаютъ Бога спасающаго! Не можетъ языкъ изрѣщи, ниже умъ вообразити себѣ золъ и болѣзней, яже народъ Сербскій претерпѣлъ, терпитъ, и Богъ вѣсть доколѣ еще терпѣть будетъ».

Можно было бы до безконечности умножить подобныя описанія, свидѣтельствующія о дикой жестокости Венгровъ, и ужасныхъ страданіяхъ Сербовъ Но мы ограничимся только исчисленіемъ церквей и монастырей, разрушенныхъ совершенно или разграбленныхъ Венграми въ Воеводствѣ Сербскомъ:

Въ приходѣ Новосадскомъ въ Бачкѣ . . .	46
» Темешварскомъ.	57
» Вершацкомъ.	11
» Будимскомъ	1

Всѣхъ разрушенныхъ и разграбленныхъ православныхъ храмовъ 115; убытокъ простирается слишкомъ на 1,300,000 гульденовъ (800 тысячъ рублей серебромъ). — 25-го ноября 1849 года духовенство чайкашское подало прошеніе въ Землинѣ сербскому правительству, прося не только обновленія храмовъ, но пищи и крова, которыхъ они не имѣли. Правительство передало прошеніе Патріарху Раячичу; онъ его представилъ австрійскому министерству, которое дозволило ему обратиться къ другимъ народамъ съ воззваніемъ о помощи.

«Тяжки были для нижне-дунайскихъ странъ бѣдственныя событія послѣднихъ двухъ лѣтъ», говоритъ Патріархъ въ своемъ воззваніи: «австрійское правительство старалось облегчить бѣдствія, но они такъ велики, что до-сихъ-поръ только отчасти можно было помочь имъ. Какъ духовный архипастырь сербскаго народа, я считаю долгомъ обратиться, съ полною довѣренностію и христіанскимъ смиреніемъ, къ человѣколюбію тѣхъ народовъ, которыхъ Богъ сохранилъ отъ подобныхъ бѣдствій. Да облегчатъ они нужды сербскаго народа съ тѣмъ же усердіемъ, которое показывали при всѣхъ великихъ бѣдствіяхъ! Кромѣ внутренняго чувства, сопровождающаго каждое доброе дѣло, вѣчная благодарность несчастныхъ вознаградитъ великодушныхъ друзей человѣчества, принесшихъ свою дань, для того, чтобы осушить горькія слезы страждущаго народа».

— Истекшій 1849—1850 академическій годъ заключился въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ обычнымъ торжественнымъ актомъ, совершившимся 4-го іюня.

Въ этотъ день, по прибытіи въ Университетъ Ихъ Превосходительствъ, г. Управляющаго Казанскимъ Учебнымъ Округомъ Помощника Попечителя Н. И. Лобачевскаго, Ректора Университета П. М. Симонова и по собраніи прочихъ членовъ Университета, Профессоровъ, Преподавателей и Студентовъ, совершена была въ университетской церкви Божественная литургія Настоятелемъ Зилантовскаго Успенскаго монастыря и Преподавателемъ Богословія въ Университетѣ, Архимандритомъ Гавріиломъ, который, по окончаніи службы, произнесъ къ предстоящимъ краткое назидательное слово.

Потомъ всѣ присутствовавшіе при литургіи, какъ члены Университета, такъ и посторонніе посѣтители, любящіе наблюдательно слѣдить за успѣхами просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, перешли въ залу, гдѣ назначалось быть акту.

Хоръ пѣвчихъ изъ студентовъ и учениковъ Первой Гимназіи пропѣлъ: *Царю Небесный!*»

Послѣ этого Экстраординарный Профессоръ теоретической хирургіи и офтальмологіи *А. П. Бекетовъ* произнесъ рѣчь своего сочиненія: «*О хлороформѣ и о примѣненіи его въ оперативной хирургіи*». Рѣчь эта, при всей своей краткости, произвела на слушателей сильное впечатлѣніе, потому-что она вполнѣ выказала предъ слушателями чудныя свойства хлороформа, дѣйствія котораго, по новости его употребленія въ медицинѣ, еще не для всѣхъ совершенно извѣстны.

По окончаніи рѣчи оркестръ разыгралъ приличную случаю увертюру, а за тѣмъ Адъюнктъ русской словесности. *В. А. Сбоевъ* прочиталъ «Отчетъ о состояніи Университета въ минувшемъ 1849 — 1850 академическомъ году въ отношеніяхъ ученомъ, учебномъ и административномъ».

Изъ этого отчета въ настоящее время мы заимствуемъ только слѣдующіе факты: Всѣхъ студентовъ въ минувшемъ году въ здѣшнемъ Университетѣ считалось 311; изъ этого числа нынѣ окончили курсъ 69 человѣкъ: изъ нихъ Кандидатами 28 (по Историко-Филологическому Факультету 5, по Физико-Математическому 10, по Юридическому 13), Дѣйствительными Студентами 27 (въ Историко-Филологическомъ Факультетѣ 8, въ Физико-Математическомъ 11, въ Юридическомъ 8), Лекарями по Медицинскому Факультету 14.

За лучшія сочиненія, представленныя на темы, заданныя въ минувшемъ году, награждены медалями: *золотыми*: въ Историко-Филологическомъ Факультетѣ Кандидаты *Николай Сосѣковъ* (разряда общей словесности) и *Степанъ Филоновъ* (разряда арабско-турецкой словесности); въ Физико-Математическомъ Факультетѣ Кандидаты *Эрастъ Янишевскій* (разряда математическихъ наукъ) и *Константинъ Раненбаумъ* (разряда естественныхъ наукъ), въ Юридическомъ Факультетѣ Кандидатъ *Георгій Фирстовъ* (разряда наукъ камеральныхъ); *серебряными*: Кандидаты: *Михаилъ Корниловъ* (разряда наукъ естественныхъ), *Константинъ Кондаковъ* (разряда наукъ юридическихъ) и *Василій Бабкинъ* (разряда камеральныхъ наукъ).

Сверхъ того удостоена награды *золотою медалью* диссертація, написанная на тему, заданную Юридическимъ Факультетомъ («Опытъ ученой разработки купчихъ, помѣщенныхъ въ Актахъ Юридическихъ, изданныхъ Археологическою Коммиссіею») и присланная изъ Кіева, подъ девизомъ: «купить не купить, а поторговать можно». По вскрытіи пакета съ именемъ автора оказалось, что эта диссертація писана Студентомъ Юридическаго Факультета Университета Св. Владиміра *Евграфомъ Коссовичемъ*.

Четыре диссертаціи признаны Совѣтомъ Университета достойными напечатанія въ Ученыхъ Запискахъ Университета, а именно: «Исторія Халифатства Абубекра по Раузеттуссефа»—*Николая Крашенинникова*, «Исторія Династіи Сафаридовъ по Мирхонду» — *Степана Филонова*, «Анатомическое описаніе мускусной выхухоли (mygalemoschale») *Констан-*

тина Ранекбаума и «О расходахъ на государственную защиту въ Россіи»—*Николая Якишевскаго*.

По раздачѣ наградъ объявлены для сочиненія на будущій годъ слѣдующія темы: 1) *По разряду общей словесности*: «Политическое, умственное и нравственное состояніе Византійской Имперіи въ IX и X столѣтіяхъ, съ показаніемъ, въ чемъ заключались преимущества или недостатки его въ этихъ отношеніяхъ, сравнительно съ тогдашнимъ положеніемъ европейскаго запада». 2) *По разряду восточной словесности*: «Историко-прагматическій образъ развитія и упадка мусульманскаго (персидскаго и турецкаго) владычества на Кавказѣ». 3) *По разряду математическихъ наукъ*: «О способахъ опредѣленія географическаго положенія мѣстъ». 4) *По разряду наукъ естественныхъ*: «Представить описаніе частей однодольнаго зародыша (embryo monocotyledoneus), съ показаніемъ ихъ физіологическаго значенія» 5) *По разряду юридическихъ наукъ*: «О письменныхъ доказательствахъ въ дѣлахъ гражданскихъ, по отечественному праву». Для рѣшенія этой задачи требуется: a) показать значеніе этого рода доказательствъ въ ряду другихъ судебныхъ доказательствъ и различные виды письменныхъ доказательствъ вообще; b) обозначить постепенное развитіе этого учрежденія въ системѣ отечественнаго гражданскаго судопроизводства, и наконецъ c) объяснить постановленія нынѣ дѣйствующаго законодательства о письменыхъ доказательствахъ. 6) *По разряду камеральныхъ*: «О кирпичномъ производствѣ. Здѣсь требуется: a) показать мѣсто, которое занимаетъ кирпичедѣланіе въ народной промышлености; b) описать и разобрать химически матеріалъ, употребляемый для дѣланія кирпичей, и вывести на этихъ данныхъ главное условіе хорошаго кирпичнаго производства; c) подробно изложить, какъ устройство различныхъ заводовъ, ихъ печей, машинъ и формъ, такъ и самое кирпичедѣланіе; d) показать составъ кирпичей и условіе, которое долженъ выполнить хорошо-приготовленный кирпичъ; e) показать разсчетъ, на которомъ основаны выгоды кирпичедѣланія; f) желательно, чтобы сочиненіе пояснилось составленными по масштабу рисунками, и g) собственныя замѣчанія и работы автора будутъ составлять главное достоинство его сочиненія. 7) *По Медицинскому Факультету*: «De processu inflammationis pathologico, observationibus microscopicis dilucidato et dilucidando.

— Вторая половина мая и первые дни іюня были въ Одес

и политика. 39</tt>

съ чрезвычайно жарки и нестерпимо-удушливы; жары въ полдень доходили въ тѣни до 27°, и ночью термометръ едва опускался до 19-ти и 20-ти градусовъ; отъ засухи и отъ наполненія въ городѣ безчисленныхъ подводъ съ хлѣбомъ (которыхъ въ иные дни приходило въ городъ до 4,000) въ воздухѣ почти постоянно держалась густая и удушливая пыль. 8-го іюня, въ третьемъ часу по-полудни, нашла на городъ, съ сѣверо-востока, огромная, черная туча, которая, около 3-хъ часовъ, разразилась однимъ изъ самыхъ жестокихъ ураганов, которые въ Одессѣ примѣчаютъ: сначала весь городъ покрылся непроницаемыми густыми клубами пыли, при чрезвычайно порывистомъ вѣтрѣ; потомъ при громѣ и молніи пошелъ дождь, отчасти съ градомъ. Этимъ ураганомъ, продолжавшимся болѣе получаса, сорвано въ городѣ множество крышъ, изъ которыхъ иныя переброшены были на большое пространство, перебито множество стеколъ, повреждены и переломаны купальни на берегу моря, и сорвано съ якорей нѣсколько каботажныхъ судовъ, изъ коихъ три брошено на мель. Эта гроза уменьшила пыль, но жаръ оставался и сегодня нестерпимымъ.—По извѣстіямъ изъ разныхъ мѣстъ Херсонской губерніи, въ ближайшихъ окрестностяхъ Одессы, верстъ на 30 кругомъ, трава, отъ засухи, почти исчезла до сѣнокоса, и хлѣба въ жалкомъ видѣ; далѣе отъ Одессы, травы и яровые хлѣба лучше, а въ сѣверныхъ и западныхъ частяхъ губерніи, гдѣ были въ маѣ дожди, травы въ весьма хорошемъ видѣ и яровые хлѣба подаютъ надежду на урожай; озимая пшеница вездѣ пострадала, и бо́льшею частію погибла совершенно.

Вотъ подробности о бѣдствіяхъ, причиненныхъ въ городѣ и на рейдѣ жестокимъ ураганомъ 8-го іюня. Въ городѣ, на домѣ Института благородныхъ дѣвицъ сорвана половина желѣзной крыши, съ поврежденіемъ трубъ; на зданіи городскаго театра сорвана крыша съ фронтона; повреждена крыша и перебиты стекла въ зданіи городскаго дѣвичьяго училища; разбиты окна и сдѣланы другія поврежденія въ Архангело-Михайловскомъ женскомъ монастырѣ и въ тюремномъ замкѣ, и сверхъ-того въ 42-хъ частныхъ домахъ и магазинахъ сорваны значительныя части крышъ, перебито множество стеколъ и сдѣланы другія поврежденія; между прочимъ въ одномъ строившемся домѣ сорвана часть крыши и со стропилами. При этихъ поврежденіяхъ, благодаря Бога, ушибовъ или смертныхъ случаевъ отъ паденія крышъ не было. Стоявшую на практическомъ рейдѣ яхту «Оріанда» силою урагана подрей-

фовало, и оторвало отъ нея бывшіе къ ней прикрѣпленными на бачтовѣ катеръ съ 4-мя матросами и гичку съ 2-мя матросами; эти гребныя суда разбились, и изъ бывшихъ на нихъ людей четверо спасены, а двое утонули. Изъ стоявшихъ на практическомъ рейдѣ судовъ, назначенный къ отводу въ карантинъ плашкоутъ подрейфовало и прибило въ уголъ къ берегу, съ восточной стороны практическаго молла; купеческій бриггъ, шкиперъ Москаленко, и херсонская шхуна съ лѣсомъ, шкип. Коптукова, сорваны съ якорей и выброшены на Пересыпскую отмель; у стоявшихъ у молла ошвартованными двухъ купеческихъ бригговъ лопнули швартовы, и одинъ изъ нихъ брошенъ на мель за Андросовскій молъ, а другой задержанъ между судами, по обломалъ у парохода «Скромный» бугшпритъ со всѣмъ вооруженіемъ; бывшіе на всѣхъ этихъ судахъ люди спасены; два флашкоута при землечерпательной машинѣ залиты были водою, при поднявшейся сильной зыби, но на другой день они были подняты и вода изъ нихъ вылита. Тотъ же шквалъ захватилъ на практическомъ рейдѣ рыболововъ, выѣхавшихъ на трехъ лодкахъ, и изъ нихъ трое потонуло: Яковъ Кривченко, Никифоръ Маркизовъ и Иванъ Лебедевъ; а на пришедшемъ во-время бури изъ Херсона купеческомъ суднѣ шкип. Волошинова, матросу Павлу Шевченкѣ, при отдачѣ якоря, оторваны обѣ ноги; этотъ матросъ свезенъ былъ на спасительномъ баркасѣ на берегъ, и отправленъ въ городовую больницу.

— 17-го мая, по-полудни, Уманскаго уѣзда, въ имѣніяхъ, принадлежащихъ помѣщикамъ: с. Погорѣлой, Липковскому, с. Шельпаховкѣ, Чарповскому и с. Кожуховѣ, Подгорскому, съ запада появилась большая туча, отъ которой вдругъ произошелъ необыкновенный градъ, величиною во многихъ мѣстахъ болѣе голубинаго яйца, а въ нѣкоторыхъ многоугольными и большими кусками льда, вѣсомъ каждый по полуфунту и болѣе, который, падая чрезъ четверть часа, а потомъ раздѣлясь на двѣ части, съ грозою, принялъ направленіе къ востоку и югу, на Гайсинскій уѣздъ. Отъ этого градобитія понесено убытка на сумму 16,330 р.

— Апрѣля 12 дня, когда Нева и Москва уже вскрылись, въ Ярославлѣ только Которость очистилась отъ льда, а по Волгѣ во весь этотъ день ходили и ѣздили безопасно, и только съ вечера слѣдующаго дня, въ продолженіе трехъ дней, ледъ трогался раза четыре, по нѣскольку саженъ впередъ. Настоя-

шее движеніе началось 16-го числа, около полудня. Въ это время вовсе нельзя было ожидать большой водополи: снѣгъ на поляхъ весь почти уже сталъ, вскрытіе другихъ рѣкъ кончилось, дождь шелъ только за два дня предъ тѣмъ, и то недолго; за лѣвый берегъ Волги вода выплыла только въ самыхъ низменныхъ мѣстахъ, на незначительное пространство; ледъ шелъ быстро, безостановочно, густою массою, довольно измелченный, и не обѣщалъ затору; потому жители прибрежныхъ слободъ и деревень, обнадеженные маловодьемъ, безъ заботно встрѣтили слѣдующую ночь, не принявъ никакихъ мѣръ предосторожности. Но за полночь, верстахъ въ 18-ти ниже Ярославля, у Тукошенскаго острова сдѣлался заторъ; въ четвертомъ часу утра, когда все спало, вода начала подниматься съ необыкновенною скоростью, такъ что чрезъ полчаса за Волгой и за Которостью влилась уже въ жилыя комнаты, затопила имущество и дворовый скотъ, и размыла печи; ледъ, остановленный въ движеніи по руслу рѣки, устремился въ заводь, и многимъ зданіямъ нанесъ большой вредъ, а нѣсколько хижинъ и совсѣмъ сбилъ съ основанія. Пробужденные жители въ испугѣ бросились на кровли своихъ домовъ, и отвсюду слышенъ былъ отчаянный крикъ о помощи. Въ 9-мъ часу утра вода дошла до черты, которою отмѣчена была высшая степень ея въ прошломъ году. Чрезъ полчаса послѣ этого заторъ прорвался, и ледъ на Волгѣ пришелъ опять въ движеніе, но на которостномъ разливѣ стоялъ неподвижно, вода каждую минуту все прибывала, и въ 11-ть часовъ стояла уже на ½ аршина выше прошлогодней. Къ вечеру, съ разрѣженіемъ льда на Волгѣ и движеніемъ его изъ которостнаго разлива, вода стала упадать, но 18-го числа опять пошла на прибыль, и къ половинѣ дня поднялась выше вчерашняго. Это послѣдняя степень возвышенія. Вечеромъ чрезъ Волгу открылось безпрепятственное сообщеніе, а 21-го числа по ней уже неслись суда изъ Рыбинска.—Старики не помнятъ такой большой водополи. На диво были наводненія весной 1841, 1845 и особенно 1849 года, но нынѣшнее почти на аршинъ выше прошлогодняго, и немного не сравнялось съ необыкновеннымъ разлитіемъ 1709 года: вода была тогда по самую паперть существующей доселѣ церкви Успенія Богоматери, что на Мелекахъ, а нынѣ перешла только за половину пространства между оградой и папертью. Въ послѣднія 16-ть лѣтъ начало вскрытія Волги ни разу не совпадало съ 16-мъ апрѣля. Противъ прошлаго года Волга вскрылась нынѣ позже

пятью днями, а подъ льдомъ находилась, съ 14-го ноября, 5 мѣсяцевъ съ двумя днями.

— Изъ Акермана пишутъ: Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, при самомъ сильномъ восточномъ вѣтрѣ, постоянно дувшемъ въ продолженіе четырехъ дней, Черное Море возвысилось до такой степени, что выйдя изъ береговъ, въ ночи съ 29-го на 30-е апрѣля, снова вторгнулось въ соляныя озера, не только чрезъ образовавшуюся съ 1-го на 2-е февраля прорву, но даже прорвало морской валъ; сквозь промоины, сдѣланныя въ песчаной пересыпи, шириною отъ 2-хъ до 15-ти саженъ, вода хлынула въ озера. Возвышеніе морскаго уровня было особенно замѣтно потому, что самый обрывъ, вышиною до 6-ти саженъ, находящійся у Бурназскаго Кордона, отъ котораго въ прежнее время море отдѣлялось песчанымъ промежуткомъ, шириною, по-крайней-мѣрѣ, до 10-ти саженъ, омывался волнами до того, что подножіе его, отъ плеска необыкновенно прибылой воды, начало обваливаться и обрушаться. Вторженіе воды въ озера, можно сказать, было самое необычайное, и между тѣмъ, при этихъ буряхъ и наводненіи, всѣ плотины, еще прежде устроенныя вокругъ соляныхъ бугровъ, бо́льшею частью уцѣлѣли и только въ болѣе открытыхъ мѣстахъ онѣ нѣсколько были повреждены, чрезъ что́ изъ спасенныхъ прежде запасовъ соли, количествомъ до шести милліоновъ пудовъ, прибылою въ настоящее время водою уничтожено не болѣе одного милліона. Если бъ эти плотины, такъ счастливо оправдавшія цѣль огражденія соляныхъ запасовъ своею испытанною прочностью, не были устроены прежде, то нѣтъ сомнѣнія, что всѣ бугры соли, которые теперь еще остаются на морской пересыпи, въ числѣ свыше трехъ милліоновъ пудовъ, кромѣ вывезенной на твердый, безопасный, возвышенный берегъ, подверглись бы совершенной гибели въ невозвратномъ поглощеніи водою.—При такомъ до сей поры небывалоиъ наводненіи, когда всѣ озера были наполнены и вода въ нихъ необычайно возвысилась, изъ Шаганскаго Озера въ болѣе низменномъ мѣстѣ образовался протокъ, чрезъ который вода съ сильнымъ напоромъ устремилась въ Озеро Малый-Сосикъ, и быстрымъ теченіемъ сдѣлала прорву шириною до 50-ти саж., глубиною болѣе 3-хъ арш. Чрезъ то, съ одной стороны бывшія въ то время для работъ у бугровъ соли, стоящей на морской пересыпи, фуры съ рабочими людьми, конхъ было свыше ста человѣкъ, захвачены были между двухъ прорвъ и окружены со всѣхъ сто-

ром водою, оставшись безъ всякаго сообщенія съ матерою землею. Соляное Правленіе употребило немедленно всѣ возможныя старанія для загачиванія этой прорвы: въ продолженіе пяти дней она совершенно задѣлана съ должною прочностью. Этому болѣе всего способствовало крайнее положеніе людей съ фурами, которые оставались на пересыпи безъ всякаго сообщенія съ твердою землею, и которые употребили послѣднія усилія и старанія къ скорѣйшему окончанію столь необходимаго сообщенія. Самое большое вниманіе Соляного Правленія обращено теперь на то, чтобы какъ можно болѣе улучшить путь для слѣдованія подводъ, принадлежащихъ вольнопромышленникамъ, къ забиранію этой соли изъ бугровъ и выпуска ея въ продажу, что съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе улучшается. До шести тысячъ прибывшихъ на мѣсто фуръ безпрепятственно слѣдуютъ къ мѣсту своего назначенія, гдѣ, не терпя никакихъ остановокъ, забираютъ соль прежнимъ порядкомъ.

— 8-го мая, въ семь часовъ по-полуночи, въ третьей Части города Витебска загорѣлась крыша на каменномъ домѣ мѣщанки Анны Игольниковой; при бывшемъ сильномъ вѣтрѣ пожаръ распространился на сосѣдственныя обывательскія зданія, отчего сгорѣли четыре дома, четыре флигеля, одна еврейская школа, одна пивоварня, крыша на лютеранской церкви и три деревянные двух-этажные амбара, въ коихъ было ссыпано находившагося въ вѣдѣніи Коммиссіи Народнаго Продовольствія казеннаго овса 1,013 четвертей, и принадлежащей помѣщицѣ Гласковой ржи, пшеницы и ячменя до 2,000 пудовъ. Кромѣ того, для удержанія быстро распространявшагося пламени разобрано девять обывательскихъ домовъ. Причиненный этимъ пожаромъ убытокъ, по примѣрному исчисленію, простирается до 16,500 р. сер. Причиною же пожара, какъ по изслѣдованію открылось, была неисправность трубы въ домѣ мѣщанки Игольниковой.

— Въ газетѣ Кавказъ напечатано: «Агентъ Австрійскаго Лойда, проживающій въ Тифлисѣ, проситъ насъ объявить объ осуществленіи коммерческаго предпріятія, которое давно интересовало людей, занимающихся въ здѣшнемъ краѣ заграничною торговлею. Пароходы, принадлежащіе компаніи Лойда, ходившіе прежде изъ Константинополя въ Трапезонтъ, въ настоящемъ году начали регулярно ходить до Батума. Компанія предполагаетъ со-временемъ продолжить курсъ плаванія

своихъ пароходовъ до Редутъ-Кале, что, безъ сомнѣнія, оживитъ торговлю этого порта, которая съ каждымъ годомъ дѣлается значительнѣе.»

— Финляндское Общество Сельскаго Хозяйства, въ засѣданіи 1-го февраля, назначило купцу Михаилу Ивановичу Бѣлову большую серебряную медаль, и избрало его своимъ членомъ за пожертвованіе имъ шести тысячъ рублей серебромъ на улучшеніе земледѣлія въ Выборгской Губерніи. Первыя три тысячи были пожертвованы имъ въ 1846, и на оныя была основана образцовая ферма близъ города Выборга, въ гейматѣ Масколѣ, для того, чтобы жители губерніи имѣли случай наглядпымъ образомъ ознакомиться съ системами обработки земли по улучшеннымъ способамъ. Посѣтивъ въ первый разъ, въ сентябрѣ 1849 года, означенную ферму, г. Бѣловъ, желая увеличить ея средства, пожертвовалъ еще три тысячи рублей серебромъ. Завѣдываніе этою фермою поручено дирекціи Земледѣльческаго Общества Выборгской губерніи, основаннаго съ съ Высочайшаго разрѣшенія.

Опредѣленіе и назначеніе къ должностямъ.

Мая 2 Директоръ управляющій письмоводствомъ Сибургскаго Опекунскаго Совѣта, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Делинъ назначенъ Директоромъ Департамента Мануфактуръ и Внутренней Торговли. Мая 3 Старшій Совѣтникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Тайный Совѣтникъ *Струве* 2-й Чрезвычайнымъ Посланникомъ и полномочнымъ Министромъ при Дворѣ Ольденбургскомъ, и при городахъ Гамбургѣ, Любекѣ и Бременѣ.

Уволены отъ службы.

Мая 3 По прошенію: Чрезвычайный Посланникъ и Полномочный Министръ при Дворѣ Ольденбургскомъ и при городахъ Гамбургѣ, Любекѣ и Бременѣ, Тайный Совѣтникъ *Струве* 1-й. 22 мая Управляющій Отдѣленіемъ Департамента Государственнаго Казначейства, Дѣйств. Статск. Совѣтникъ *Розинъ*. 26 мая Сибургскій Вице Губернаторъ Дѣйствительный Статск. Совѣт. *Васьковъ*. Предсѣдатель Ковенской Палаты Дѣйствительный Статск. Совѣт. *Жерве*, съ прежнимъ

чиномъ Генерал-Маіора и съ мундиромъ, полученными при увольненіи отъ военной службы. Мая 29 Почетный Попечитель Московской Городской Больницы, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Волковъ*. Іюня 17 Главный Директоръ Предсѣдательствующій Правительственной Коммиссіи Внутреннихъ и Духовныхъ Дѣлъ Царства Польскаго, Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ *Стороженко*, съ мундиромъ, присвоеннымъ должности.—Директоръ Спбургской Глазной Лечебницы, Академикъ, Статскій Совѣтникъ *Соломонъ*.

Произведены.

Въ Тайные Совѣтники. Мая 4. Директоръ Спбургской Сохранной Казны, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Якубовскій*, съ назначеніемъ Почетнымъ Опекуномъ Спбургскаго Опекунскаго Совѣта, и съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Пожалованы орденами.

Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 2-й степени.

31 мая Командиръ Новогеоргіевской Крѣпости, Генерал-Лейтенантъ *Ѳедоренко*. 6, 11 и 13 іюня Начальникъ 3-й Пѣхотной Дивизіи, Генерал-Лейтенантъ *Игнатьевъ 3-й*. Присутствующій въ X-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ *Фенинъ*. Присутствующій въ X-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ *Погодинъ*.

Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго.

Мая 20 Всемилостивѣйше сопричисленъ къ этому ордену Преосвященный *Арсеній*, Архіепископъ Варшавскій и Новогеоргіевскій. Мая 23 и 25 Всемилостивѣйше пожалованы: Состоящій для особыхъ порученій при Главномъ Штабѣ Дѣйствующей Арміи Генерал-Лейтенантъ *Реадъ*.—Главный Директоръ, Предсѣдательствующій въ Правительственной Ком-

миссіи Финансовъ и Казначейства Царства Польскаго, Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ *Моравскій*. Мая 31 Командующій Гренадерскимъ Корпусомъ, Генералъ-Лейтенантъ *Муравьевъ*.— Начальникъ Запасныхъ Кавалерійскихъ Войскъ, Генералъ-Лейтенантъ *Олферьевъ*.

Бѣлаго Орла.

Мая 21. Начальникъ 3-го Округа Корпуса Жандармовъ, Генералъ-Лейтенантъ *Графъ Нессельроде*.

Св. Анны 1-й степени, съ короною.

Іюня 13 Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ *Дмитріевъ*. — Статс-Секретарь при Совѣтѣ Управленія Царства Польскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Лебренъ*.

Св. Анны 1-й степени, безъ короны.

Мая 21. Состоящій при Главнокомандующемъ Дѣйствующею Арміею Генералъ-Маіоръ *Бутурлинъ*, 28 и 31 мая. Командиръ 1-й Бригады 20-й Пѣхотной Дивизіи, Генералъ-Маіоръ *Козловскій* 1-й.—Военный Начальникъ Люблинской Губерніи, Генералъ-Маіоръ *Гостомиловъ*.—Іюня 13. Членъ Правительственныхъ Комиссій Внутреннихъ и Духовныхъ Дѣлъ Царства Польскаго, Предсѣдатель Главнаго Попечительнаго Совѣта Благотворительныхъ Заведеній и Страховаго Управленія, Графъ *Скарбекъ*. Присутствующій во 2-мъ Отдѣленіи IX Департамента Правительствующаго Сената, Тайный Совѣтникъ *Старынкевичъ*. Всемилостивѣйше сопричисленъ къ этому ордену Епископъ Сандомирской Римско-Католической Епархіи Іосифъ, Іоахимъ Гольдманъ.

Св. Станислава 1-й Степени.

Мая 28 и 30. Командиръ Егерскаго Генералъ-Адъютанта Князя Воронцова полка, Генералъ-Маіоръ Баронъ *Меллеръ-Закомельскій*. Іюня 3 и 4. Состоящій по Запаснымъ Кавалерійскимъ войскамъ Генералъ-Маіоръ *Свольнскій*. — Команд

ющій Резервными Бригадами 3 и 4-й Легкихъ Кавалерійскихъ Дивизій, Генералъ-Маіоръ *Рыжовъ*. Іюня 13 Присутствующій въ Х-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ *Потоцкій*.—Помощникъ Статс-Секретаря при Совѣтѣ Управленія Царства Польскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Петровъ*.—Членъ Варшавскихъ Правительствующаго Сената Департаментовъ и Предсѣдательствующій въ Прокураторіи Царства Польскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Рогозинскій*.

Пожалованы медалями:

По Высочайше-утвержденному положенію Комитета Гг. Министровъ въ 7-й день марта сего года, нижепоименованные церковные старосты, за службу и пожертвованія ихъ въ пользу церкви, Всемилостивѣйше пожалованы медалями: *золотыми*, для ношенія на шеѣ: на *Александровской лентѣ*: почетные граждане, Коломенскій купецъ Савинъ *Шаровъ* и Шуйскій купецъ Иванъ *Киселевъ*; на *Владимірской лентѣ*, Николаевскій 1-й гильдіи купеческій сынъ Иванъ *Соболевъ*, почетный гражданинъ Бѣлевскій 2-й гильдіи купецъ Николай *Собининъ* и Юрьевецкій 3-й гильдіи купецъ Петръ *Аристовъ*; на *Аннинской лентѣ*: почетные граждане 1-й гильдіи купцы Иванъ *Прохоровъ* и Христофоръ *Спиридоновъ*, Бронницкій 1-й гильдіи купецъ Яковъ *Ермаковъ*, Московскій 2-й гильдіи купецъ Гаврила *Поповъ*, Керченскій 1-й гильдіи купецъ Иванъ *Сапотинъ*, почетные граждане 2-й гильдіи купеческій братъ Іосифъ *Черновъ* и 2-й гильдіи купецъ Василій *Мельщиковъ*, Вологодскій 2-й гильдіи купеческій братъ Николай *Бѣлозеровъ* и Ливенскій 2-й гильдіи купеческій сынъ Андрей *Добродѣевъ*. *Серебряными*, для ношенія на шеѣ: на *Владимірской лентѣ*: купцы 3-й гильдіи Нарвскій—Абрамъ *Лавровъ*, Плесскій—Алексѣй *Подгорной*; на *Аннинской лентѣ*: Житомірскій—*Хоботинъ*, Дмитровскій — Иванъ *Полянскій*, Московскій—Иванъ *Берендѣевъ*, Иркутскій — Яковъ *Малковъ*, Торжковскій—Петръ *Малковъ*, Касимовскій — Матвѣй *Веренинъ*, Нижегородскій—Иванъ *Сачевъ*, Брянскій—Иванъ *Горбуновъ*, Болховскій—Михаилъ *Тарасовъ* и Архангельскій—Егоръ *Плотниковъ*.

ИЗВѢСТІЯ СЪ КАВКАЗА.

—

Въ послѣднее время въ двухъ противуположныхъ пунктахъ Кавказа были два частныя дѣла, въ коихъ мы должны сожалѣть о потерѣ въ каждомъ около сотни нашихъ храбрецовъ, но которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлаютъ честь нашему оружію, храбрымъ милиціонерамъ изъ Грузинъ, охотникамъ изъ регулярныхъ войскъ и линейныхъ казаковъ, а равно геройскому духу офицеровъ, которые, увлекшись пламеннымъ усердіемъ далѣе, чѣмъ обыкновенное благоразуміе того требовало, сами пали жертвою таковаго самоотверженія.

Въ началѣ мая мѣсяца свѣдѣнія о многочисленныхъ сборахъ въ горахъ, противъ Лезгинской кордонной линіи, подтвердились, и непріятель, угрожая нападеніемъ на отдѣльные пункты линіи, заставилъ генерал-майора Чиляева принять мѣры къ обезпеченію ввѣреннаго ему края. Батальйоны Эриванскаго карабинернаго полка были двинуты на правый флангъ линіи, и генерал-майору Бельгарду поручено было охраненіе пространства между Нухою и Закаталами. Въ послѣдней крѣпости шесть ротъ Гренадерскаго Его Высочества Константина Николаевича полка и батальйонъ тифлискаго егерскаго полка были готовы по первому извѣстію двинуться на тѣ пункты, гдѣ угрожала опасность; 2-й батальйонъ того-же полка занималъ укрѣпленіе Лагодехи, а 3-й находился на лѣвомъ флангѣ линіи. Фортъ Белаканскій, прикрывающій селеніе того имени и расположенный при входѣ ущелья, былъ занятъ командою 1-го Пѣшаго Грузинскаго полка, для усиленія коей прибыла команда партизановъ того-же полка, подъ командою храбраго Штабс-Капитана князя Кобулова, и часть охотниковъ Тифлисскаго Егерскаго

полка, подъ начальствомъ Поручика князя Эристова; всѣ силы, расположенныя въ Белаканахъ, могли простираться до 300 человѣкъ. 8 числа огромное скопище Горцевъ, подъ предводительствомъ наибовъ Анкрательскихъ и Джурмутскаго, быстро спустилось съ хребта Акимала, по направленію къ Белаканамъ, но встрѣченные мужественнымъ отпоромъ гарнизона форта, были обращены въ бѣгство по ущелью Белаканскому. Штабс-капитанъ князь Кобуловъ, съ горстью храбрецовъ, желая воспользоваться замѣшательствомъ непріятеля, бросился преслѣдовать его по неприступнымъ и лѣсистымъ отлогамъ хребта Акимала; на разстояніи 8 верстъ партизаны гнали непріятеля, который, наконецъ, воспользовавшись мѣстностью, обратился противъ охотниковъ, столпившихся на узкой тропинкѣ, надъ однимъ изъ отвѣсистыхъ обрывовъ Акимала. Встрѣченные градомъ камней и сильнымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля, засѣвшаго въ лѣсистыхъ вершинахъ оврага, наши мужественно отражали всѣ попытки непріятеля, бросавшагося нѣсколько разъ на кинжалы и шашки, и начали отступленіе, на каждомъ шагу вступая въ рукопашный бой съ непріятелемъ, несоразмѣрно сильнѣйшимъ и имѣющимъ на своей сторонѣ всѣ выгоды мѣстности; наконецъ, штыки гренадеръ, показавшихся въ Белаканскомъ ущельи и прибѣжавшихъ изъ Закаталъ на тревогу, остановили преслѣдованія непріятеля, который бросился въ горы, оставивъ всѣ тѣла и оружіе нашихъ храбрецовъ въ нашихъ рукахъ. Славное дѣло это, гдѣ горсть партизановъ, увлеченная храбростью, отразила силы несравненно превосходнѣйшія Горцевъ и удержала покушеніе ихъ скопищъ на нашу линію,—стоило намъ дорого, потерею извѣстнаго своею храбростью князя Кобулова, Прапорщика Иванова и Поручика князя Эристова, милиціонеровъ и охотниковъ Тифлисскаго полка до 100 человѣкъ убитыми и ранеными. Непріятель претерпѣлъ огромную потерю, по словамъ лазутчиковъ, и считаетъ въ числѣ убитыхъ Джурмутскаго наиба Бибра.

Главнокомандующій пріѣхалъ на Лезгинскую линію нѣсколько дней послѣ этого дѣла, видѣлъ всѣхъ, какъ здоровыхъ, такъ и раненыхъ, вышедшихъ изъ него, какъ въ Белаканахъ, такъ и въ госпиталѣ въ Закаталахъ, и благодарилъ ихъ за храбрость и самоотверженіе.

Около того-же времени, когда происходили описанныя происшествія на Лезгинской линіи, на правомъ флангѣ Кавказской

линіи подобное же дѣло, славное отчаянною храбростью казаковъ, происходило на Лабѣ. Агентъ Шамиля, Мегеметъ Аминъ, нѣсколько лѣтъ старавшійся волновать племена, живущія на Лабѣ и за р. Бѣлою, а также дѣйствовать на легковѣрные умы Беслиneевцевъ, Темиргоевцевъ и Хатулаевцевъ, намъ покорныхъ, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, собралъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля многочисленное скопище для приведенія въ исполненіе своихъ замысловъ. Расположась на рѣкѣ Пшахѣ и Бѣдой, онъ одновременно угрожалъ всѣмъ пунктамъ нашей линіи. Начальникъ праваго фланга Кавказской линіи, Генералъ-Маіоръ Евдокимовъ немедленно принялъ съ своей стороны мѣры для обезпеченія ввѣреннаго ему края. Отряду Полковника Ваксмунда, находящемуся на Урупѣ и состоящему изъ 12 сотенъ кавалеріи и 4 орудій, предписано было двинуться на Верхніе Тегени, чтобы, въ случаѣ надобности, подать помощь начальнику Верхне-Лабинской линіи, Полковнику Ягодину. Послѣднему приказано было собрать летучій отрядъ и 5 сотенъ линейныхъ казаковъ съ сборною командою храбраго, ввѣреннаго ему, Донскаго № 38 полка, при двухъ орудіяхъ, въ ст. Владимірской, съ тѣмъ, чтобы слѣдить за покушеніями непріятеля на ввѣренный ему участокъ линіи. Двумъ сотнямъ Ставропольскаго линейнаго казачьяго полка велѣно было идти на подкрѣпленіе Полковнику Ягодину. Начальникъ Нижней-Лабинской линіи, Полковникъ Геннигъ, съ 700 казаковъ, долженъ былъ охранять нижнія станицы по Лабѣ. Самъ Генералъ-Маіоръ Евдокимовъ, съ отрядомъ изъ 9 ротъ пѣхоты, 12 сотенъ казаковъ, 6 легкихъ и 4 конныхъ орудій, послѣ тщетныхъ попытокъ переправиться чрезъ Лабу, у укр. Темиргоевскаго, устроивъ наконецъ переправу у ст. Тенгинской, двинулся съ своимъ отрядомъ за Лабу, чтобы показать Темиргоевцамъ готовность съ нашей стороны подать имъ помощь при первой потребности. Мегемедъ Аминъ, видя такимъ образомъ нашу линію обезпеченною на всѣхъ пунктахъ, рѣшился дѣйствовать на живущихъ въ нашихъ предѣлахъ Беслиneевцевъ и съ тою цѣлію двинулъ партію къ верховьямъ Лабы. Генералъ-Маіоръ Евдокимовъ, оставивъ часть отряда за Лабою, съ остальною быстро двинулся изъ ст. Тенгинской въ верхнюю часть линіи. Между тѣмъ Полковникъ Ягодинъ, узнавъ о намѣреніяхъ непріятеля, перешелъ, 4 мая, съ отрядомъ къ посту Шелоховскому, и увѣдомленный пикетами о появленіи непріятеля на нашей сторонѣ, число коего невозможно было опредѣлить, по причинѣ густаго тумана, дви-

нулся на встрѣчу скопищамъ Мегемета Амина. Внезапно окруженный огромными массами несравненно сильнѣйшаго непріятеля, онъ спѣшилъ казаковъ, и построивъ ихъ въ каре, мужественно отражалъ всѣ попытки непріятеля разстроить ряды нашихъ храбрецовъ и уничтожить малый отрядъ его. Въ то самое время 2 сотни Ставропольскаго казачьяго полка, въ числѣ 130 человѣкъ, назначенныя для подкрѣпленія Полковника Ягодина, услышавъ выстрѣлы, поспѣшили изъ ст. Вознесенской къ мѣсту боя, избравъ ближайшій путь; увидѣвъ положеніе отряда и увлеченные своимъ мужествомъ, казаки, подъ предводительствомъ Есаула Максимовича смѣло врубились въ толпы непріятеля, въ надеждѣ отвлечь его отъ главныхъ силъ непріятеля. Изумленные Горцы, послѣ перваго момента колебанія, окаймили кругомъ горсть смѣлыхъ, которые дорого продали кровь свою, спѣшившись и отражая непріятеля, видѣвшаго въ нихъ свою жертву. Полковникъ Ягодинъ, съ своей стороны, опрокидывая непріятеля, заставилъ его наконецъ, при наступленіи сумрака, оставить поле битвы: скопища быстро переправились чрезъ Лабу. Груда тѣлъ нашихъ храбрецовъ, стройно лежавшихъ въ кучѣ, свидѣтельствовала объ упорной, мужественной защитѣ ихъ.—13 тѣлъ непріятельскихъ и множество лошадей, равно и то, что толпы ихъ, быстро отступая, не смѣли даже атаковать отдѣленныхъ отъ сотенъ 55 казаковъ, присоединившихся благополучно къ отряду, ясно доказываютъ, какъ дорого досталась жизнь нашихъ смѣльчаковъ. Съ нашей стороны убиты: Ставропольскаго линейнаго казачьяго полка Есаулъ Максимовичъ, Сотникъ Кикнивевъ и Хорунжій № 38 Донскаго полка Петровъ и 147 нижнихъ чиновъ; раненъ Лабинскаго казачьяго полка Хорунжій Чугуевичъ и 49 нижнихъ чиновъ. Полковникъ Ваксмундъ по причинѣ сильнаго вѣтра не слышавшій выстрѣловъ, не могъ своевременно подоспѣть къ отряду храбраго Полковника Ягодина. Мегеметъ Аминъ, потерявъ лучшихъ людей и видя всѣ замыслы свои разстроенными распорядительностью Генерал-Маіора Евдокимова, обезпечившаго всѣ пункты линій, и въ особенности, смѣлымъ противудѣйствіемъ отряда Полковника Ягодина распустилъ свои скопища и просилъ только, чрезъ Бесленеевцевъ, о дозволеніи похоронить оставленныя имъ на полѣ битвы и брошенныя, при поспѣшномъ слѣдованіи его, тѣла своихъ приверженцевъ.

Такимъ образомъ, почти одновременно, въ двухъ различныхъ пунктахъ Кавказа, замыслы непріятеля были уничтожены, и

чувствительная потеря наша въ этихъ дѣлахъ, какъ слѣдствіе необузданной осторожностью храбрости нашихъ войскъ, прибавляетъ еще новый блескъ тому постоянному мужеству, которое всегда и во всѣхъ случаяхъ отличало войска Кавказскаго Корпуса.

Всѣ донесенія изъ прочихъ пунктовъ Кавказа увѣдомляютъ о совершенномъ спокойствіи края.

Господинъ Главнокомандующій, вмѣстѣ съ командующимъ въ Прикаспійскомъ краѣ, княземъ Аргутинскимъ-Долгорукимъ, находится нынѣ въ Самурскомъ округѣ.

(*Изъ Корпуснаго Приказа по Кавказскому Корпусу, № 76*).

2 прошлаго апрѣля, начальникъ 2 отдѣленія Черноморской береговой линіи, Генерал-Маіоръ *Вагнеръ* выступилъ изъ форта Головинскаго, съ колонною въ 320 человѣкъ, при трехъ горныхъ единорогахъ, для заготовленія дровъ.

Отрядъ, прибывъ въ назначенное ему мѣсто за р. Субаши, продолжалъ безпрепятственно работу до 7 часовъ по-полудни; между-тѣмъ прибрежные жители, ожидавшіе нападенія на одинъ изъ своихъ ауловъ, собрались въ весьма значительныхъ силахъ, и завязали сильную перестрѣлку съ этою командою, при обратномъ ея слѣдованіи, но войска отступили въ совершенномъ порядкѣ, прикрываясь пикетами, нѣсколько разъ опрокидывавшими штыками тѣснившихъ ихъ Горцевъ.

Генерал-Маіоръ *Вагнеръ*, для предупрежденія дѣйствій непріятеля по лѣвому берегу Субаши, при обратномъ переходѣ колонны чрезъ рѣку, выдвинулъ въ ущелье ея, боковой отрядъ съ единорогами, подъ командою Подполковника *Баккевскаго*, который, встрѣтивъ на пути партію до 300 человѣкъ, остановилъ ее, и далъ тѣмъ время колоннѣ перейдти чрезъ Субаши. Горцы сильно напирали на него, и отраженные ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, снова бросились съ разныхъ сторонъ на отрядъ, стараясь опрокинуть его; но встрѣченные вездѣ штыками пѣхоты, они не только не могли воспрепятствовать обратному движенію, какъ главной, такъ и боковой

колонны, но сами потерпѣли пораженіе и весьма значительную потерю.

Г. Главнокомандующій, объявляя объ этомъ удачномъ дѣлѣ по войскамъ ввѣреннаго ему Корпуса, благодаритъ Генерал-Маіора *Вагнера*, за его благоразумную распорядительность, а равно Подполковника *Банковскаго* и всѣхъ Гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ. При этомъ упоминается о молодецкомъ поступкѣ фельдшера *Неживаго*, который, перевязывая рану одному рядовому подъ ружейнымъ огнемъ, былъ самъ контуженъ въ голову, а перевязываемый имъ рядовой вторично раненъ. Неживой схватилъ ружье, выстрѣлилъ въ непріятеля, убилъ одного изъ нихъ наповалъ, и потомъ продолжалъ спокойно перевязку. За таковой подвигъ г. Главнокомандующій назначилъ ему знакъ отличія Военнаго ордена.

— Бѣглые Кабардинцы и Башильбаевцы, живущіе въ верховьяхъ Урупа, разсчитывая на недоступность этой мѣстности и удаленіе нашихъ укрѣпленныхъ линій, неоднократно участвовали въ враждебныхъ противъ насъ замыслахъ и дѣйствіяхъ, и побуждая къ тому же сосѣднія племена, много препятствовали водворенію спокойствія на правомъ флангѣ Кавказской линіи. Хотя они были устрашены двуия удачными набѣгами, произведенными въ началѣ этого года Полковникомъ *Волковымъ*, и обѣщали переселиться на плоскость, но въ-послѣдствіи, наущенія Магомета Амина и надежда на помощь Абадзеховъ заставили ихъ поколебаться. Необходимо было побудить ихъ рѣшительными мѣрами къ исполненію даннаго ими обѣщанія.

Съ этою цѣлію Полковникъ *Волковъ* собралъ въ началѣ апрѣля на Лабинской линіи два отряда: одинъ въ укр. Недежинскомъ, изъ 12 сотенъ казаковъ, 4 орудій и 250 человѣкъ милиціи подъ начальствомъ Полковника *Вакемунда*, а другой въ укр. Ахметовскомъ, изъ батальйона пѣхоты, 4 орудій и 6 сотенъ казаковъ, подъ командою Полковника *Ягодина*.

11-го числа Полковникъ *Вакемундъ*, съ ввѣреннымъ ему отрядомъ, внезапно двинулся къ непокорному Хрепсовскому аулу, лежащему въ самыхъ верховьяхъ Урупа, въ лѣсистомъ ущельи, которое служило сборнымъ мѣстомъ всѣмъ Абрекамъ, и гдѣ въ послѣднее время поселился бѣглый Цебельдинскій

князь Эсшау Маршани, тревожившій попытками своими Цо-бельду. Казаки, подъ командою Полковника *Войтишкаго*, быстро атаковали въ шашки находившуюся тамъ сильную партію, и несмотря на упорное сопротивленіе непріятеля, овладѣли аулом съ боя, предали оный пламени, истребивъ все имущество жителей, и въ тоже утро благополучно присоединились къ главному отряду. Въ этомъ вполнѣ успѣшномъ дѣлѣ съ нашей стороны 1 офицеръ раненъ и нижнихъ чиновъ убито 2 и ранено 23 человѣка; непріятель оставилъ въ нашихъ рукахъ 5 плѣнныхъ, 26 тѣлъ убитыхъ и много оружія; потеря ранеными также весьма-значительна, въ числѣ ихъ находятся два Томовскіе князя и многіе извѣстные старшины и Абреки.

Этотъ примѣръ строгости имѣлъ выгодное вліяніе на колебавшихся Кабардинцевъ и Башильбаевцевъ, и 20 числа они окончательно переселились на правый берегъ Зеленчука, гдѣ они и будутъ находиться подъ ближайшимъ надзоромъ Тахтамышевскаго пристава. Достигнувъ, такимъ образомъ, вполнѣ предположенной цѣли, войска были распущены на другой день по квартирамъ.

ПРАЗДНЕСТВО

лейб-гвардіи Измайловскаго полка.

(*Письмо въ Редакціи «Русск. Инвалида»*).

Какъ старый инвалидъ, не могу утерпѣть, чтобы не передать всѣмъ товарищамъ, черезъ посредство вашей газеты, связывающей насъ всѣхъ однимъ общимъ именемъ, разсказъ объ умилительномъ празднествѣ Измайловскаго полка, ознаменовавшемъ 11-е іюня.

28-го мая мѣсяца минуло 50 лѣтъ отъ назначенія Его Императорскаго Величества Шефомъ Л.-Гв. Измайловскаго полка; но какъ въ 1800 году 28-е мая приходилось въ Троицынъ-день—Измайловскій полковой праздникъ—то и нынѣ торжество отложено было до Троицына же дня, 11-го іюня. Въ числѣ прибывшихъ на это празднество находились и такіе, которые служили въ полку въ то самое время, когда Его Величество назначенъ былъ Шефомъ. Наканунѣ дня праздника, всѣ Измайловцы, служащіе и служившіе въ полку, приглашены были въ Зимній Дворецъ, въ Георгіевскую залу, къ 7-ми часамъ вечера, для прибиванія новыхъ знаменъ, которыя Его Величеству благоугодно было пожаловать полку въ замѣнъ прежнихъ, отъ времени и походовъ обветшавшихъ. Государь Императоръ собственными руками изволилъ прибить первые гвозди у знаменъ; потомъ приколачивали ихъ и Ихъ Высочества Государь Цесаревичъ, Августѣйшіе Его Братья, и наконецъ всѣ мы, по старшинству. Его Величество въ самыхъ лестныхъ словахъ изъявилъ благодарность старымъ Измайловцамъ, «не полѣнившимся», какъ Онъ выразился, прибыть въ Столицу. Кто же могъ полѣниться участвовать въ семъ драгоцѣнномъ семейномъ, полковомъ праздникѣ! Предварительная эта церемонія заключилась самымъ умилительнымъ явленіемъ. Когда знамена были прибиты и переданы унтер-офицерамъ, вдругъ на стражу къ нимъ сталъ Царственный Малютка, Великій Князь Николай Александровичъ, съ ружьемъ и въ полной формѣ рядоваго Измайловскаго полка. Потомъ Его Величество сопроводилъ знамена

въ портретную галлерею, гдѣ съ глубокимъ чувствомъ свойственнаго благоговѣнія къ священной памяти Августѣйшаго Своего Предшественника приказалъ положить ихъ къ подножію Его портрета....

Въ самый день праздника, 11-го іюня, всѣ мы приглашены были къ обѣднѣ въ полковую церковь. Прежде Божественной службы, когда полкъ выведенъ былъ передъ свои казармы, Полковой Командиръ прочелъ ему Высочайшій приказъ и собственноручный рескриптъ Его Императорскаго Величества, полку пожалованный, слѣдующаго содержанія:

ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

«По случаю совершившагося нынѣ пятидесятилѣтія со дня назначенія Его Величества Шефомъ Лейб-Гвардіи Измайловскаго полка, Государь Императоръ, въ ознаменованіе особеннаго къ сему полку Монаршаго благоволенія за вѣрную и ревностную службу онаго Престолу и Отечеству, Всемилостивѣйше жалуетъ тремъ дѣйствующимъ батальйонамъ сего полка, въ замѣнъ имѣющихся у нихъ, новыя знамена, съ изображеніемъ на бантѣ лентъ и на скобахъ, принадлежащихъ къ знаменамъ всѣхъ четырехъ: «*1850 года*», въ который совершилось пятидесятилѣтіе со времени назначенія Его Величества Шефомъ сего полка. При семъ сохраняется и прежняя на знаменахъ, лентахъ и скобахъ надпись: «*За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи 1812 года*».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было пожаловать Лейб-Гвардіи Измайловскому полку и донынѣ имѣвшіяся знамена, дарованныя Императоромъ Александромъ Павловичемъ за славную службу полка при изгнаніи враговъ изъ предѣловъ Россіи въ 1812 году, при Всемилостивѣйшемъ собственноручномъ рескриптѣ слѣдующаго содержанія:

Собственноручный Высочайшій рескриптъ Лейб-Гвардіи Измайловскому полку:

«Въ знакъ особаго Моего благоволенія къ полку, къ которому, по волѣ блаженной памяти родителя Моего Императора Павла I-го, за полвѣка, Я причисленъ былъ, назна-

чилъ Я полку новыя знамена. Донынѣ имѣющіяся знамена, пожалованныя Лейб-Гвардіи Измайловскому полку Императоромъ Александромъ Павловичемъ, за славную службу полка при изгнаніи враговъ изъ предѣловъ Россіи въ 1812 году, жалую какъ Святыню, въ даръ полку, на вѣчное храненіе въ полковомъ Соборѣ, вмѣстѣ съ мундиромъ Императора, ихъ пожаловавшаго. Да послужитъ даръ сей новымъ знакомъ Лейб-Гвардіи Измайловскому полку, Моей постоянной къ нему любви и привязанности, а будущимъ поколѣніямъ полка примѣромъ, какъ искони полкъ Намъ служитъ—и служитъ будетъ: вѣрностію, честію и славою.

Старыя знамена выносить разъ въ году, въ день Рождества Господня, на торжество избавленія Россіи отъ нашествія иноплеменниковъ.

Пребываю навсегда къ Лейб-Гвардіи Измайловскому полку благосклоннымъ

пятдесятъ лѣтъ состоящій

Шефомъ полка,

«*НИКОЛАЙ*.»

Въ 10 часовъ Его Величество изволилъ прибыть къ полку, милостиво его привѣтствовалъ и въ самыхъ благоволительныхъ выраженіяхъ благодарилъ за службу. Вслѣдъ за тѣмъ пожаловала Государыня Императрица съ Великими Княгинями Государынею Цесаревною и Александрою Іосифовною, Принцемъ Фридрихомъ Карломъ Прусскимъ и Принцессою Альтенбургскою Терезіею, * и также благосклонно привѣтствовала полкъ. Не говоря уже о личныхъ нашихъ чувствахъ, я видѣлъ у старыхъ гренадеръ наверинувшіяся слезы. Полкъ прошелъ предъ Ея Величествомъ церемоніальнымъ маршемъ, подъ личнымъ Начальствомъ Государя Императора; при чемъ 1-мъ батальйономъ командовалъ Государь Наслѣдникъ, 2-мъ полковой командиръ Генерал-Маіоръ *Козловъ*, а 3-мъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Его Величество изволилъ благодарить всѣ взводы. По окончаніи Божественной службы и освященія новыхъ зна-

* Великая Княгиня Марія Николаевна не изволила быть по случаю болѣзни.

менъ, они были вынесены къ полку, который, по командѣ Его Величества, отдалъ имъ честь. Гренадеры простились съ старыми своими хоругвями, сопутствовавшими имъ въ бояхъ и побѣдахъ, и встрѣтили новыя съ восторгомъ, какъ живое напоминаніе пятидесятилѣтняго начальства Вѣнценоснаго ихъ Шефа. Его Величество громогласно и съ трогательными чувствами еще разъ благодарилъ полкъ за его службу и изволилъ изъявить полную увѣренность, что и впредь, подъ сѣнію новыхъ знаменъ, сохранитъ онъ старыя честь, мужество и вѣрность Престолу; прежнія же знамена, согласно Высочайшей волѣ, въ рескриптѣ изъявленной, отнесены были въ церковь. Полкъ вторично прошелъ церемоніальнымъ маршемъ, точно такъ же, какъ и прежде, и при новой опять отъ Его Величества благодарности каждому взводу; послѣ чего распущенъ былъ по казармамъ. Его Величество удостоилъ посѣтить полковый госпиталь, гдѣ милостиво разговаривалъ съ больными, а потомъ почтилъ посѣщеніемъ и роту Своего Имени, и обойдя всѣ покои, изволилъ пить за здоровье полка и отвѣдывать поставленнаго на столахъ для нижнихъ чиновъ кушанья.

Къ 4-мъ часамъ опять всѣ мы, Измайловцы, старые и новые, собраны были въ Зимній Дворецъ, въ Гербовую залу, къ обѣденному столу. Вскорѣ прибыли къ намъ Ихъ Величества и Ихъ Высочества. Государь Императоръ занялъ мѣсто противъ Императрицы. По правую отъ Него сторону сидѣлъ Государь Наслѣдникъ, по лѣвую Командиръ полка; за тѣмъ по обѣ стороны всѣ Генералы, имѣющіе полковой мундиръ, штабъ и обер-офицеры полка и всѣ прежніе ветераны, между которыми были четыре старые инвалида: три унтер-офицера и одинъ рядовой. Среди обѣда, Его Величество изволилъ пить за здоровье полка и всѣхъ старыхъ сослуживцевъ, ударившись бокаломъ съ Командиромъ полка. Порывались и мы выпить за здоровье Шефа; но Его Величество, относя все торжество къ полку, на сіе не соизволилъ. Послѣ стола, Ихъ Величества вышли въ залу Петра Великаго, и всѣ мы, послѣдовавъ за Ними, удостоились тамъ цаловать руку Государыни Императрицы. Каждаго изъ насъ Она съ Ангельскою Своею ласкою подарила добрымъ словомъ, а Государь Императоръ, отпуская своихъ гостей, нѣсколько разъ опять возобновлялъ благодарность офицерамъ за службу, а намъ, старикамъ, за прибытіе на Его юбилей.

Но и этимъ еще не кончилось. Многіе изъ насъ думали съ сокрушеннымъ сердцемъ, что совсѣмъ уже, а иной, можетъ статься, и навсегда, распростились съ Государемъ Императоромъ, а между тѣмъ Его Величество, въ нѣжной Своей предупредительности, готовилъ намъ еще новый праздникъ, еще новое Царственное прощаніе. Старые Измайловцы получили приглашеніе прибыть 14-го числа къ обѣденному столу въ Петергофъ. Въ распоряженіе ихъ данъ былъ придворный пароходъ, на которомъ въ 10 часовъ собравшись, отправились мы цѣлою дружною семьею. Въ Петергофѣ все было для насъ приготовлено щедрымъ Хозяиномъ. На пристани ждали придворныя линѣйки, которыя повезли насъ сначала въ *Монплезиръ*, въ приготовленныя комнаты, гдѣ устроенъ былъ завтракъ, а потомъ по всѣмъ садамъ петергофскимъ, гдѣ мы катались и осматривали все примѣчательное до 3-хъ часовъ. Къ 4-мъ всѣ собрались во Дворецъ, къ обѣденному столу. Передъ Высочайшимъ выходомъ, Государь Императоръ велѣлъ позвать всѣхъ старыхъ Измайловцевъ въ Свой кабинетъ, и благодарилъ за прибытіе.

Въ пріятномъ покоѣ столь же милостиво и благосклонно разговаривали съ нами Ихъ Величества и Ихъ Высочества. За обѣдомъ Государь Императоръ опять изволилъ занимать мѣсто противъ Императрицы, имѣя по правую Свою сторону Государя Наслѣдника, и потомъ по одну сторону—насъ стариковъ, а по другую—Генераловъ, Штабъ и Обер-офицеровъ Лейб-Гвардіи Саперная батальйона *. За столомъ Его Величество опять изволилъ пить за здоровье полка и Саперная батальйона, не забывъ также нашей братьи, и въ заключеніе, выйдя на обращенный въ верхній садъ балконъ, изъ собственныхъ рукъ жаловалъ каждому по печатному экземпляру исторіи Измайловскаго полка, весьма подробно и отчетливо написанной по сему случаю Полковникомъ *Висковатовымъ*. Теперь наступила минута дѣйствительнаго уже прощанія; при чемъ Ихъ Величества еще разъ возобновляли благосклонные Свои отзывы и выраженія признательности. Милости, которыми Они насъ осыпали, были безчисленны. Нижніе чины получили каждый по 3 руб. сер. и по рублю

* Праздникъ этого батальйона тоже въ Троицынъ день; но по случаю нахожденія батальйона въ Петергофѣ, онъ въ торжествѣ 11-го іюня въ С.-Петербургѣ не участвовалъ.

на обѣдъ; унтер-офицеры по 10 руб.; фельдфебели по 50 руб. сер.; фельдфебель роты Его Величества произведенъ въ Подпоручики; Полковой Командиръ назначенъ въ Свиту Его Величества, а Полковой Адъютантъ и Командиръ роты Его Величества пожалованы Флигел-Адъютантами; всѣ первые въ чинахъ, начиная съ Капитана, произведены въ слѣдующіе чины; дѣти многихъ изъ насъ, стариковъ, приняты въ воспитательныя заведенія на казенный счетъ, а пять старшихъ, изъ прежде служившихъ въ полку, удостоились драгоцѣнныхъ подарковъ; нѣкоторымъ, менѣе достаточнымъ, даны денежныя вспомоществованія.

Если отрадно собраться на пиръ къ Шефу, носящему этотъ титулъ 50 лѣтъ и увидѣться тамъ съ тѣми, съ кѣмъ дѣлили труды, опасности и славу военнаго поприща и съ кѣмъ, можетъ-быть, никогда бы не удалось болѣе встрѣтиться на разрозненныхъ путяхъ жизни, то сколь неоцѣненно и восхитительно такое чувство, если Шефъ сей есть— обожаемый Монархъ! Сколько сладкихъ думъ пробудилось въ сердцахъ насъ, стариковъ, помолодѣлыхъ отъ этихъ живыхъ впечатлѣній! Сколько трогательнаго и умилительнаго можно было прочесть и на лицѣ Государя! Память этихъ дней останется для каждаго изъ насъ навсегда незабвенною, а разсказы о нихъ разнесутся по лицу всей широкой и Богомъ благословенной нашей Россіи и перейдутъ въ преданіяхъ, вмѣстѣ съ любовію къ Царю и Отечеству, къ нашимъ потомкамъ.

Старый Измайловецъ.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Франція.

1-го *іюня.*—*Зак. Соб.*—Докладъ г. *Леона Фоше* о прошеніяхъ касательно новаго избирательнаго закона. Въ числѣ прошеній было много такихъ, на которыхъ были подѣльныя подписи: на одномъ изъ нихъ кто-то подписался подъ руку министра *Бароша*, на другомъ всѣ подписи были написаны одной и той же рукой; третье, наконецъ, было представлено отъ общиннаго совѣта, неимѣющаго права подавать подобныя прошенія, и т. д. Вслѣдствіе всего этого, г. *Леонъ Фоше* объявилъ, что Коммиссія, назначившая его своимъ докладчикомъ, положила:

1) Прошенія, признанныя подлинными, передать въ надлежащее отдѣленіе.

2) Прошенія двухъ общинныхъ совѣтовъ,

3) Прошенія подложныя и подозрительныя и

4) Прошенія, напечатанныя безъ означенія типографіи, въ которой печатались, передать министру юстиціи. Собраніе утвердило мнѣніе Коммиссіи, (429 гол. пр. 220). Затѣмъ было утверждено, безъ преній, три кредита.

— *Абд-эль-Кадеръ* опасно занемогъ; правительство отправило вчера къ нему, въ Амбоазъ, доктора *Алькье*.

— Недавно умеръ маркизъ *де Таларю*; его духовное завѣщаніе составляетъ теперь предметъ всѣхъ разговоровъ высшаго парижскаго общества. Чтобы дать понятіе о богатствѣ маркиза, мы сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ его

завѣщанія. Графу *де Шамбору* (Герцогу Бордоскому) оставилъ онъ 2 милліона. Графу *Шатобріану*—50,000 фр. Господину *Беррье*—40,000 фр. Князю *Монморанси-Робенъ* помѣстье цѣною въ 800,000 фр. Обществу католической пропаганды—100,000 фран. Четыремъ заведеніямъ Сестеръ Милосердія—200,000 фр. Больницѣ города Этампа—80,000 фр. Осиротѣвшимъ отъ холеры—10,000 фр. Покойный былъ въ родствѣ съ древнѣйшими дворянскими домами Франціи, съ *Бетюнами* (Bethune).

— Г. *Ламартинъ* взялъ отпускъ на два мѣсяца, и отправляется въ свое помѣстье близъ Смирны, недавно подаренное ему Султаномъ.

3-го.—*Зак. Соб.*—Несогласіе съ Англіею кончено совершенно, хотя еще неоффиціально. Морской министръ приказалъ прекратить наборъ матросовъ. Говорятъ, что Англія такъ дорожитъ союзомъ съ Франціей, что не сдѣлаетъ никакихъ запросовъ или притѣсненій Неаполю. Но въ то же время Times извѣщаетъ, что ей пишутъ изъ Рима, отъ 24 мая, что римскій консулъ требуетъ отъ папскаго правительства вознагражденія за убытки, понесенные англійскими подданными во-время смутъ въ Римѣ; это вознагражденіе простирается до 12,000 фунт. стерлинговъ.

Одна парижская корреспонденція извѣщаетъ, что папскій нунцій долго говорилъ вчера съ министромъ *Лагиттолемъ*, и сообщилъ ему ноту лорда *Пальмерстона*, въ которой онъ требуетъ отъ папскаго правительства вознагражденія за обиду, нанесенную г. *Эркюло*, канцлеру англійскаго посольства, къ которому вошла полиція, чтобы овладѣть перепискою съ *Мацини*. Въ противномъ случаѣ лордъ *Пальмерстонъ* грозитъ блокадою Анконы.

— Всѣ говорятъ теперь въ Парижѣ о проектѣ закона, по которому жалованье *Президента Республики* увеличивается до 3 милліоновъ франковъ. Журналы охранительной партіи одобряютъ проектъ, но многіе дѣлаютъ это не по доброй волѣ. Одни изъ легитимистскихъ журналовъ ничего не говорятъ объ этомъ проектѣ, другіе сильно нападаютъ на него. Журналы умѣренной партіи смотрятъ на него съ сожалѣніемъ; даже Ordre не одобряетъ его.

По слухамъ, Коммиссія семнадцати знала объ этомъ проектѣ; по другимъ, онъ былъ ей неизвѣстенъ и она

принимаетъ его только потому, что боится несогласія между правительствомъ и большинствомъ Собранія. Говорятъ, что лица, приближенныя къ Президенту, упрашивали его взять проектъ этотъ назадъ, но онъ не согласился.

4-го.—*Зак. Соб.*—Движеніе, бывшее въ Парижѣ во время пересмотра избирательнаго закона, мало-по-малу успокоилось: промышленный и торговый классъ видитъ въ новомъ законѣ единственное средство къ отвращенію разныхъ злоупотребленій, и принялъ съ радостію извѣстіе объ его утвержденіи.

—Въ Департаментахъ то же спокойствіе. Смуты, бывшія въ южныхъ провинціяхъ, кончены, благодаря здравому смыслу народа и мѣрамъ гражданскаго и военнаго начальства.

— Войско непоколебимо въ вѣрности своей присягѣ. Въ самыхъ сильныхъ гарнизонахъ, тамъ, гдѣ возмутители надѣялись найти наибольшее число сообщниковъ, солдаты схватили ихъ и предали своимъ командирамъ.

— Вчера, въ 5 часовъ вечера, назначена была дуэль на шпагахъ, въ Булоньскомъ лѣсу, между гг. *Амеде Ашаромъ* и *Фіорентино*. Послѣ продолжительнаго боя, г. *Ашаръ* былъ раненъ въ грудь, ниже правой ключицы. Рана довольно глубока, но несмертельна. Поводомъ къ этой дуэли былъ фельетонъ г. *Ашара*. Секундантами г. *Ашара* были гг. *Баганкуръ* и *Рейнсъ;* у г. *Фіорентино*—гг. *де Ровиго* и *Гашайль*.

5-го.—Говорятъ, что Папа заказалъ для *Президента Республики*, въ знакъ благодарности за полученную отъ него богатую кадильницу, великолѣпный молитвенникъ, на переплетѣ котораго будетъ утвержденъ золотой крестъ, принадлежавшій Карлу Великому.

— Вотъ новыя подробности о проектѣ закона, по которому увеличивается жалованье Президента. Въ 26 статьѣ Уложенія, на содержаніе Президента Республики назначено 600,000 фр. Министръ Финансовъ требуетъ, кромѣ этой суммы, еще 3 милліона на издержки представительства. *Легитимистъ Лео де Лаборд*ъ предложилъ по этому случаю ограничить жалованье представителей. Лѣвая сторона при чтеніи министерскаго предложенія раздѣлилась

на двѣ части: одна, въ главѣ которой стоитъ г. *Мишель Буржскій*, требовала, чтобы предложеніе было оставлено безъ вниманія; другая, къ которой принадлежатъ Гг. *де Флотъ*, *Савоа*, *Греви*, *Ж. Фавръ*, предлагала, чтобы проектъ былъ разсмотрѣнъ въ отдѣленіяхъ. Union, главный органъ легитимистовъ, говоритъ, что не хочетъ высказать свое мнѣніе объ этомъ проектѣ, потому-что въ настоящее время необходимо согласіе между правительствомъ и большинствомъ Собранія. Другіе журналы той же партіи говорятъ иначе; Opinion publique пишетъ:

«Пусть члены Горы наслаждаются униженіемъ правительства; но мы не понимаемъ грусти и удивленія большинства. Нельзя смотрѣть съ радостію на просьбу объ увеличеніи содержанія при всеобщей бѣдности. Если республика хочетъ приблизиться къ монархіи блескомъ своихъ правителей, то лучше тотчасъ же возстановить монархію. Тогда исчезнутъ всѣ неудобства республиканскаго образа правленія».

Декретъ правительства, представленный вчера Собранію, заключается въ слѣдующемъ:

«Президентъ Республики предписываетъ:

Ст. 1. Министру Финансовъ открывается съ 1 января 1850 года дополнительный кредитъ въ 2,400,000 фр., на расходы по главѣ XXII (на содержаніе исполнительной власти), съ тѣмъ, чтобы ежемѣсячно выдаваемо было на парадные пріемы Президента Республики, сверхъ прежнихъ, еще 250,000 фр.

Ст. 2. Этотъ расходъ вносится въ бюджетъ 1850 года.

Ст. 3. Кредитъ министра публичныхъ работъ, по содержанію національныхъ дворцовъ, уменьшается до 460,000 фр.»

Декретъ этотъ подписанъ *Людовикомъ-Наполеономъ Бонапартѣ* и министромъ финансовъ, *Л. Фульдомъ*.

— Здѣшній мастеръ портнаго дѣла *Фабьё* отправилъ на островъ Гаити мантію, которая была заказана у него для коронованія Императора *Сулука*. Эта мантія сшита изъ бархата, украшена золотомъ и дорогими камнями, и стоитъ 50,000 фр.

6-го.—*Зак. Соб.*—Третьяго дня одинъ изъ членовъ Горы, г. *Луріонъ*, подалъ въ отставку, вслѣдствіе утвержденія Собраніемъ новаго избирательнаго закона; говорятъ, что ег

примѣру послѣдуютъ около двадцати представителей, принадлежащихъ къ одной съ нимъ партіи. Въ засѣданіи утвержденъ былъ законъ, по которому правительство получаетъ право въ теченіе одного года запрещать клубы и избирательныя сходки, т. е. сила прежняго закона о клубахъ продолжена еще на одинъ годъ. Большинство съ нѣкотораго времени рѣшительно не хочетъ вступать въ преніи; въ сегодняшнемъ засѣданіи это выразилось чрезвычайно ясно; даже тогда, когда на трибуну взошелъ докладчикъ коммиссіи г. *Буэнвилье*, нѣкоторые члены потребовали, чтобы приступлено было къ собиранію голосовъ. Одинъ г. *Буэнвилье* говорилъ въ пользу закона; противъ него говорили Гг. *Эскиросъ*, *Матьё* (изъ Департамента Дромы), *Бансель*, *Шарль Дэнъ* и *Ларошжаклекъ*. Г. *Эскиросъ* взошелъ на трибуну въ первый разъ; его почти не слушали; въ своей рѣчи онъ доказывалъ, что законъ могъ быть предложенъ и прежде, что правительство можетъ обойтись и безъ него, и что, слѣдовательно, его разсмотрѣніе можетъ быть отложено. Г. *Матьё* опровергалъ мнѣніе коммиссіи, но также не могъ обратить на свои доводы всеобщаго вниманія; г. *Бансель*—единственный ораторъ, котораго мало прерывали во время его рѣчи—поставилъ г. *Барошу* на видъ, что въ февралѣ 1848 онъ самъ протестовалъ противъ распоряженій г. *Гизо*, которыми запрещались клубы, а теперь дѣлаетъ то же, что г. *Гизо*. Г. *Буэнвилье* привелъ нѣсколько отрывковъ изъ рѣчей, которыя произнесены въ клубахъ, и доказывалъ, на основаніи ихъ, что въ клубахъ начинаются всѣ смуты и безпорядки. Г. *Ларошжаклекъ* требовалъ, чтобы правительству дано было право запрещать избирательныя сходки только тогда, когда онѣ подали поводъ къ безпорядкамъ. Предложеніе это отвергнуто и законъ утвержденъ (409 гол. пр. 190).

— Общество и журналы заняты исключительно пересудами о предложеніи правительства увеличить жалованье Президента Республики до 3 милліоновъ. Constitutionnel пишетъ, что такая прибавка необходима для усиленія правительства, потому-что оно не можетъ пріобрѣсти на свою сторону мнѣніе толпы, если у него нѣтъ средствъ на различные расходы, необходимые для поддержанія чести Франціи. Парижскій корреспондентъ Indépendance Belge передаетъ слова многихъ членовъ большинства: Президентъ

имѣетъ огромные долги; онъ связанъ въ своихъ поступкахъ, а между тѣмъ теперешнее положеніе требуетъ именно, чтобы правительство не было стѣснено.

— Дуэль между Гг. *Ашаромъ и Фіорентино* привлекла на себя вниманіе всѣхъ литературныхъ дѣятелей Парижа: г. *Ашаръ* очень любимъ публикой, какъ писатель и какъ человѣкъ; цѣлыя толпы любопытныхъ посѣщаютъ квартиру доктора *Слидера*, гдѣ лежитъ больной; Гг. *Жоберъ де Ламбалль* и *Мезоневъ* надѣются спасти его: рана не смертельна, но чрезвычайно опасна. Средства, употребленныя г. *Жоберомъ*, очень сильны: въ теченіе 48 часовъ больному пять разъ открывали кровь.

— Въ Journal des Dèbats пишутъ:

«Аддисонъ, сравнивая людей съ музыкальными инструментами, говоритъ о скрипкѣ: «это тѣ живые, подвижные, нескромные умы, которые отличаются богатыми проблесками фантазіи, рѣзкими импровизаціями, ѣдкими выходками, которые покрываютъ весь оркестръ». Лордъ Пальмерстонъ есть одна изъ такихъ скрипокъ... не должно играть вмѣстѣ съ нимъ».

Далѣе сравнено поведеніе этого министра въ дѣлѣ Швейцарцевъ съ недавнимъ поступкомъ его:

«Ничего нѣтъ удивительнаго, что въ 1847 году лордъ Пальмерстонъ считалъ, что Англіи невыгодно защищать въ Швейцаріи сторону, которую поддерживала Франція. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ было обѣщать содѣйствіе? Ничего нѣтъ также удивительнаго, что въ греческомъ вопросѣ лордъ Пальмерстонъ считаетъ, что Англіи невыгодно принять посредничество Франціи. Но тогда зачѣмъ было принимать его?... Зачѣмъ говорить людямъ очень дружески: пойдемъ вмѣстѣ, и потомъ бросать ихъ на первомъ поворотѣ?»

— Коммиссія, которой поручено обсудить предложеніе г. *Граммона* о перенесеніи столицы изъ Парижа въ другой городъ, признала его достойнымъ разсмотрѣнія, и назначила докладчикомъ своимъ г. *Леверрье*. Удаленіе правительства изъ Парижа есть средство избавиться отъ непріятнаго положенія, быть постоянно на сторожѣ.

— Г. *Эмиль де Жирарденъ*, который былъ обвиненъ въ напечатаніи отдѣльныхъ экземпляровъ прошенія противъ избирательнаго закона, изъ издаваемой имъ газеты La Presse

ѣ, оправданъ совершенно судомъ. Слѣдовательно, это дѣло не можетъ препятствовать ему на выборахъ въ Страсбургѣ. Выборы эти будутъ произведены 9 іюня, на основаніи бывшаго избирательнаго закона, по старымъ спискамъ.

7-го.—*Зак. Соб.*—Политическая жизнь Парижа, съ нѣкотораго времени довольно безцвѣтная, какъ будто пробудилась. Сегодня въ третій разъ разсматривали представленный правительствомъ проектъ закона о ссылкѣ. Противъ проекта говорили Гг. *Лагранжъ*, *Тюріо* и *де Флоттъ*; впрочемъ возраженія ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, остались безъ успѣха. Г. *Дюпонъ* (Бюссакскій) выставлялъ климатъ Нукагивы очень вреднымъ для здоровья. Его опровергали морской министръ *Рожеръ Дефоссе* и адмиралъ *Дюпети-Туаръ*. Собраніе приняло 7-ю ст. закона.

8-го.—*Зак. Соб.*—Сегодня утверждена 8 статья, введенная въ проектъ коммиссіей; въ ней опредѣлено, что законъ о ссылкѣ обратнаго дѣйствія имѣть не можетъ. Уже при второмъ преніи, Собраніе приняло эту статью; сегодня министерство старалось убѣдить его перемѣнить свое рѣшеніе. Въ этомъ духѣ говорилъ г. *Радо*, докладчикъ. Но онъ нашелъ сильнаго противника въ Генералѣ *Фабвіе*:

— Изъ заключенныхъ въ настоящее время, сказалъ онъ, я знаю только *Гинара*: когда въ 1848 году генералъ *Пети* былъ окруженъ разъяренною толпою, *Гинаръ* закрылъ его собою.

Послѣ рѣчи генерала *Фабвіе*, пренія о 8 статьѣ кончились, и Собраніе приняло ее (329 гол. пр. 313). Этому содѣйствовали многіе легитимисты.

— Рана г. *Ашара*, кажется, не такъ глубока и опасна, какъ сначала думали; сегодня докторъ оставили его, а пріятели собираются праздновать его выздоровленіе.

— По приказанію *Президента Республики*, г. *Ге-Люссаку* будетъ воздвигнута бронзовая статуя; она будетъ помѣщена въ Парижѣ, близъ одной изъ тѣхъ залъ, въ которыхъ онъ читалъ свои лекціи.

9 го.—*Зак. Соб.*—Окончено второе преніе о проектѣ закона относительно пенсіонныхъ кассъ. Проектъ закона о назначеніи пенсій февральскимъ раненымъ подалъ поводъ

къ очень шумному пренію. Большинство, разумѣется, не обнаруживало особеннаго участія къ людямъ, въ пользу которыхъ законъ былъ предложенъ, а горцы въ-самомъ-дѣлѣ стояли горой за своихъ любимцевъ. Что касается до министровъ, то они не защищали проекта, доставшагося имъ по-наслѣдству отъ ихъ предшественниковъ. Самъ г. *Одилонъ Барро* оставилъ свое произведеніе на произволъ судьбы, и по этому, очень естественно, что Собраніе, (372 гол. пр. 226) рѣшило не приступать къ пренію объ отдѣльныхъ статьяхъ проекта.

— Вотъ подробное извѣстіе о поѣздкѣ *Президента Республики* въ Сен-Кентенъ. Онъ отправился изъ Парижа въ воскресенье (9 числа), утромъ въ 10 часовъ. Въ Понтуазѣ его встрѣтили подпрефектъ и капитанъ жандармовъ; впрочемъ онъ не выходилъ изъ вагона до Креля, гдѣ завтракалъ. Въ 12 часовъ 5 минутъ, *Президентъ* былъ встрѣченъ въ Компіенѣ подпрефектомъ, начальникомъ національной гвардіи и командиромъ 8 драгунскаго полка. Въ три четверти втораго поѣздъ остановился въ Сен-Кентенѣ, гдѣ *Президента* привѣтствовали пушечными выстрѣлами и криками:

— Да здравствуетъ Наполеонъ, да здравствуетъ Президентъ!

На возвышеніи стоялъ соассонскій епископъ съ клиромъ; при приближеніи *Президента* онъ сошелъ внизъ и сказалъ привѣтственную рѣчь, въ которой напомнилъ о пребываніи въ Сен-Кентенѣ Императора Наполеона въ 1801 и 1810 годахъ. Отвѣта *Президента* нельзя было разслышать за шумомъ отъ паровъ.

Послѣ благословенія локомотива, *Президентъ* сѣлъ на лошадь и въ сопровожденіи своей свиты отправился на смотръ войскъ и національной гвардіи. Отряды проходили предъ нимъ съ криками:

— Да здравствуетъ Наполеонъ, да здравствуетъ Президентъ!

Около *Президента* нѣсколько голосовъ закричало:

— Да здравствуетъ Республика!

Затѣмъ *Президентъ* принималъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ; потомъ присутствовалъ при раздачѣ медалей и книжекъ сохранной казны. Одному старику, пожертвовавшему своимъ хозяевамъ накопленнымъ капиталомъ, *Президентъ* далъ почетнаго легіона.

Въ половинѣ седьмаго часа въ театральной залѣ начался обѣдъ, данный городомъ Сен-Кентеномъ. Передъ десертомъ, меръ отъ всего города благодарилъ *Президента Республики* за присутствіе его при настоящемъ праздникѣ, за участіе въ раздачѣ наградъ трудолюбивымъ земледѣльцамъ и промышленникамъ.

— Надѣемся, сказалъ онъ въ заключеніе, что скоро участь ихъ будетъ обезпечена постановленіями, которыя заставятъ благословлять имя Президента.

Президентъ отвѣчалъ меру рѣчью:

— Еслибы, сказалъ онъ, я могъ постоянно слѣдовать моему желанію, я бы являлся къ вамъ безъ пышности. Я бы желалъ принять участіе въ вашихъ трудахъ и праздникахъ, чтобъ лучше понять ваши желанія и чувства.... Я жалѣю, что никогда не былъ простымъ гражданиномъ моего отечества. Нѣсколько лѣтъ провелъ я недалеко отъ вашего города, но тогда стѣны и рвы отдѣляли меня отъ васъ; теперь же я отдаленъ отъ васъ обязанностями моего званія. Вы едва знаете меня, и вамъ всячески стараются оклеветать меня. Къ счастію, имя, которое я ношу, служитъ вамъ ручательствомъ, и вы знаете, отъ кого я наслѣдовалъ мои убѣжденія.

Цѣль, которую я исполняю сегодня, не нова. Сорокъ восемь лѣтъ тому назадъ, когда Первый Консулъ присутствовалъ при открытіи Сен-Кентенскаго канала, онъ сказалъ вамъ:

«Успокойтесь, гроза миновала.... Я подавлю новыя заблужденія и старые предразсудки, оживляя промышленность, покровительствуя полезнымъ предпріятіямъ. Я открою новые источники богатства, обогащу поля, улучшу бытъ народа».

Стоитъ только взглянуть вокругъ, чтобы узнать, сдержалъ ли онъ слово.

Моя цѣль та же; но она легче достижима.... Нужно обогатить народъ предусмотрительными распоряженіями и убѣдить его, что источникъ благосостоянія лежитъ въ порядкѣ.

Не унывайте же, граждане Сен-Кентена! доставляйте по-прежнему честь вашему отечеству произведеніями своего труда. Вѣрьте, что я и правительство примемъ мѣры для покровительства вашей промышленности и къ улучшенію участи бѣдныхъ.

Рѣчь эту слушали съ восторгомъ и нѣсколько разъ перебивали громкими рукоплесканіями.

При выходѣ изъ залы, народъ привѣтствовалъ *Президента* криками:

— Да здравствуетъ Наполеонъ!

Вечеромъ всѣ общественныя зданія были иллюминованы; въ 9 часовъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ. Въ 11 часовъ *Президентъ* былъ на балѣ, даннома купечествомъ.

На другой день *Президентъ* посѣтилъ Лаферъ и Шони, городъ, въ которомъ избранъ г. *Одиллонъ Барро*, и потомъ воротился къ 5 часамъ въ Элизе.

Въ Сен-Кентенѣ старый солдатъ временъ имперіи подарилъ *Президенту Республики* серебряную чашу, полученную имъ отъ императора за храбрость.

— *Тьеръ*, съ женою и тещею, отправился третьяго-дня въ Лондонъ. Передъ отъѣздомъ, онъ былъ въ Элизе и объяснилъ *Президенту Республики* причины своей поѣздки: онъ хочетъ еще разъ увидѣть своего бывшаго государя, потому-что, какъ пишутъ, *Людовикъ-Филиппъ* очень боленъ. Журналы, разсуждая о причинахъ поѣздки г. *Тьера* въ Англію, говорятъ, что въ числѣ этихъ причинъ должно поставить желаніе *Людовика-Филиппа* посовѣтоваться съ нимъ о духовномъ завѣщаніи. Нотаріусъ Орлеанской фамиліи, г. *Дейтендъ*, уже въ Сен-Леонарѣ. Говорятъ, что Марія Амалія, супруга *Людовика-Филиппа*, сама писала къ г. *Тьеру*. Поведеніе его въ послѣднее время и приверженность, оказанная къ изгнанникамъ, возвратили ему прежнюю ихъ довѣренность.

— Г. *Меттерних* нѣсколько дней тому назадъ пріѣхалъ въ Парижъ.

— Префектъ полиціи г. *Карлье* разослалъ по всѣмъ полицейскимъ коммиссарамъ въ Парижѣ циркулярное предписаніе навести справки о всѣхъ иностранцахъ, живущихъ въ Парижѣ, призвать къ себѣ тѣхъ, которыхъ поведеніе найдено будетъ подозрительнымъ, и объявить имъ, что если на нихъ будетъ сдѣлано донесеніе, то они немедленно будутъ высланы изъ Франціи.

12-го. Коммиссія, разсматривающая проектъ объ увеличеніи денежнаго содержанія Президента, старается, чтобы совѣщанія ея оставались въ тайнѣ; не смотря на это, всѣмъ извѣстно, что проектъ отвергнутъ 9 голосами противъ 6. Въ настоящее время *Президентъ* получаетъ изъ государственной казны 600,000 фр. содержанія, на основаніи уложенія, 600,000 фр. на издержки представительства, 400,000 на содержаніе своего хозяйства и дома. Изъ суммъ министерства внутреннихъ дѣлъ выдается ему ежемѣсячно, для раздачи пособій, около 10,000 фр.; всего же около 1.720,000 фр. Нѣкоторые представители, которые не совершенно отвергаютъ проектъ, предлагаютъ назначить для лѣтней резиденціи *Президента Республики* Фонтенбло, и отдавать ему доходы съ принадлежащихъ замку земель; они простираются до 2 милліоновъ.

— Г. *Эмиль де Жирарденъ* выбранъ наконецъ представителемъ Нижне-Рейнскаго департамента; въ пяти округахъ онъ получилъ 35,269 гол. противъ 18,367, поданныхъ за г. *Мюллера*.

16-го. Г. *Тьеръ* воротился изъ Сен-Леонара.... Поѣздка эта, говоритъ Journal des Débats, есть знакъ того почтенія, которое онъ сохранилъ къ старому королю, не смотря на различіе мнѣній. Ничего нѣтъ выше, проще этого.

Г. *Тьеръ* пробылъ въ Сен-Леонарѣ только 48 часовъ; «О будущемъ, пишетъ Constitutionnel, говорили еще менѣе, чѣмъ о прошедшемъ; конечно Король *Людовикъ-Филиппъ* и г. *Тьеръ* слишкомъ политическіе люди, чтобъ не коснуться, въ разговорѣ, политики; они говорили много объ интересахъ Франціи, но ни слова не сказали о претензіяхъ той или другой фамиліи, того или другаго лица».

Гг. *де Броли*, *Дюшатель* и *Дюмонъ* отправятся завтра въ Лондонъ; въ Сен-Леонаръ поѣдетъ сначала одинъ г. *де Броли*; г. *Гизо* отправится туда же чрезъ нѣсколько времени.

18-го.—*Зак. Соб.*—Отвергло сегодня предложеніе г. *Надо*, по которому значительныя публичныя постройки и проч. должны отдаваться на подрядъ обществамъ рабочихъ. Во время рѣчи г. *Морелле* въ залу вошелъ г. *Эмиль де Жирарденъ* и сѣлъ возлѣ Гг. *де Флотта*, *Видаля* и *Евгенія Сю*. Въ концѣ засѣданія онъ сказалъ нѣсколько словъ въ пользу предложенія г. *Матье*, о назначеніи на понедѣльникъ (24 ч.) преній, касательно залоговъ и отчета г. *Тьера* о призрѣніи бѣдныхъ. Г. *Жирарденъ* говорилъ связно и непринужденно, замѣчаетъ корреспондентъ Indépendance Belge.

— *Людовикъ-Филиппъ* сильно возстаетъ противъ поведенія Собранія.

— Это политическая безсмыслица, говоритъ онъ. Съ Президентомъ возобновляютъ споръ, который былъ при мнѣ, по поводу назначенія содержанія моимъ дѣтямъ. Опытъ ни къ чему не ведетъ. Забываютъ объ услугахъ, оказанныхъ Франціи Президентомъ, и торгуются объ его жалованьи: потомъ раскаятся.

Здоровье короля поправляется.

19-го.—*Зак. Соб.*—Сегодня Собраніе было занято тяжкою мыслію о несогласіи между имъ и правительствомъ, по поводу закона объ издержкахъ представительства.

Съ двѣнадцати часовъ, залы Собранія были полны; представители разсуждали о способахъ примириться съ правительствомъ. Гг. *Дюфоръ* и *Одиллонъ Барро* объявили, что подадутъ свои голоса въ пользу рѣшенія, принятаго коммиссіей. Сегодняшнее засѣданіе нельзя назвать засѣданіемъ. Собраніе не могло правильно совѣщаться, хотя на очереди состояло нѣсколько проектовъ.

— 30 апрѣля, на югѣ Франціи близъ Викъ-де-Бигорра совершено злодѣяніе неслыханное, возможное только во времена самаго дикаго варварства: *Жанна Марія Сюбервикъ*, изъ Камалесской общины, долго страдала болѣзнью, которую медики не могли вылечить. Вѣрная предразсудкамъ, царствующимъ въ пиринейскихъ деревняхъ, она

вообразила, что ее сглазила какая-нибудь колдунья. Это скоро перешло въ убѣжденіе. Она обвинила въ этомъ восьмидесятилѣтнюю старуху *Жанну Бедуре* и сообщила свои подозрѣнія своему мужу. Тогда согласились они позвать старуху къ себѣ въ домъ и принудить ее снять порчу. Дѣйствительно, 30 апрѣля *Жанна Бедуре* пришла къ нимъ безъ всякаго подозрѣнія. Но едва переступила она за порогъ, *Сюберикъ* заперъ всѣ двери, и схвативъ ее за горло, сказалъ:

— Ты сглазила мою жену; вылечи ее тотчасъ.

— Что вы говорите, отвѣчала та: да какъ могла я ее сглазить!...

— Полно разсуждать; хочешь ли ты ее вылечить, да или нѣтъ?

И когда та увѣряла, что сдѣлала бы все для этого, но ничего не можетъ, *Сюберикъ* указалъ ей на пучокъ хворосту и сказалъ:

— Мы затопимъ имъ печь, и когда она раскалится, запремъ тебя въ нее живую.

Мольбы, слезы несчастной были напрасны. Когда печь раскалилась до бѣла, *Сюберикъ*, схвативъ старуху, спросилъ ее:

— Ну рѣшилась ли ты? и не смотря на ея крики, всунулъ ноги ея въ отверзтіе печи. Замѣтивъ, что она только кричитъ, онъ вынулъ ее на минуту, и потомъ опять всунулъ головою впередъ. Несчастная попрежнему ни въ чемъ не признавалась: *Сюберикъ* выпустилъ ее изъ рукъ на полъ и спокойно отворилъ ей двери. Она успѣла добраться до деревни Пужо, гдѣ у нея были родственники, и умерла чрезъ 6 дней.

При судебномъ допросѣ, обвиненные не отрицали справедливости обвиненія; свидѣтель *Жакъ Дюлоръ* сказалъ, что когда онъ спросилъ у *Сюберика*, вѣритъ ли онъ въ колдуній, тотъ отвѣчалъ:

— Какъ это вы меня объ этомъ спрашиваете? Вы сами вѣрите въ нихъ, весь свѣтъ вѣритъ.

На допросѣ жена его разсказала между прочимъ, что за

нѣсколько лѣтъ *Жанна Бедуръ* видѣла у нея корову, и сказала:

— Какая у васъ превосходная корова!

Корова на другой день издохла.

Одинъ изъ свидѣтелей сказалъ, что онъ вѣритъ и не вѣритъ колдовьямъ и что, можетъ-быть, на мѣстѣ *Сюберака* онъ поступилъ бы такъ же.

Судъ обвинилъ *Сюберака* и жену его въ нанесеніи смертельныхъ ранъ и приговорилъ къ тюремному заключенію на четыре мѣсяца и ежегодной уплатѣ 25 фр. мужу *Бедуръ* до его смерти.

— Г. *Эмиль де Жирарденъ* объявилъ, 19 іюня, въ письмѣ къ г. *Нефцеру*, секретарю газеты la Presse, что, на основаніи существующихъ законовъ, онъ слагаетъ съ себя управленіе дѣлами этой газеты, но даже дѣлаетъ болѣе, чѣмъ того требуетъ законъ, и отказывается отъ званія главнаго редактора и удерживаетъ только право присылать въ газету статьи. Г. *Нефцеръ* будетъ главнымъ редакторомъ.

— Газета «le Dix Dècembre» начала издаваться подъ новымъ заглавіемъ: «le Pouvoir, journal du 10 Dècembre». Во вчерашней вводной статьѣ своей она замѣчаетъ, что это заглавіе достаточно высказываетъ ея основную идею.

21-го. *Зак. Соб.*—Г. *Фландень* представилъ докладъ объ издержкахъ представительства. Коммиссія предлагаетъ разрѣшить правительству кредитъ въ 1,600,000 фр., на покрытіе долга. *Докладчику* при составленіи отчета представлялись большія трудности; большинство коммиссіи состоитъ изъ республиканцевъ, орлеанистовъ и легитимистовъ; нужно было согласить мнѣнія членовъ, принадлежащихъ къ такимъ противуположнымъ партіямъ. Послѣ перваго чтенія своего доклада коммиссіи, г. *Фландень* долженъ былъ передѣлать его. Представленнымъ теперь отчетомъ ни одна партія не удовлетворена вполнѣ. Это одна изъ тѣхъ причинъ, по которымъ думаютъ, что Собраніе не приметъ рѣшенія коммиссіи; полагаютъ, что окончательно утвержденъ будетъ кредитъ въ 3 мил. фр., на одинъ только 1850 годъ. Большей уступки Собраніе не сдѣлаетъ а между-тѣмъ министерство, видя, что противники закона несговорчивы,

снова отказывается отъ перемѣны въ первоначальномъ проектѣ.

23 Зак. Соб.—Завтра начнутся въ Собраніи пренія объ издержкахъ представительства; многія газеты не вполнѣ понимаютъ сущность представленныхъ предложеній и смѣшиваютъ предложеніе *г. Кердреля* съ тѣмъ, на которое согласилось министерство, не смотря на большое различіе между ними. Главныя измѣненія, о которыхъ будутъ разсуждать въ Собраніи, суть:

1) Измѣненіе, предложенное большинствомъ коммиссіи, по которому правительству представляется на первоначальныя издержки 1,600,000 фр.

2) Измѣненіе *г. Кердреля:* кредитъ увеличенъ до 2,160,000 фр., на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ въ теченіе 1849 и 1850 годовъ; къ нимъ должны быть отнесены расходы по управленію дворцомъ:

3) Измѣненіе меньшинства коммиссіи, которое приняли *гг. Тьеръ, Молѐ* и *де-Броли* и, какъ говорятъ, само министерство; прибавка составляетъ тоже 2,160,000 фр., но безъ издержекъ на управленіе; все же вмѣстѣ составитъ первоначальную цифру проекта 2,400,000 фр.; кромѣ того прибавка эта относится только къ текущему году; различіе этого проекта отъ первоначальнаго состоитъ въ томъ, что въ немъ сказано: «кредитъ *для* чрезвычайныхъ расходовъ» вмѣсто чрезвычайный кредитъ на издержки представительства.

4) Наконецъ *г. Беррье* предлагаетъ уменьшить кредитъ на 160,000 фр.; остальное все какъ въ предъидущемъ измѣненіи. Никто не знаетъ, какое изъ этихъ измѣненій получитъ перевѣсъ; представители считаютъ и пересчитываютъ голоса, которые будутъ поданы на долю каждаго; по этому частныя сходки членовъ Собранія представляютъ весьма интересную картину.

20-го. *Зак. Соб.* замѣчательно по рѣчи *г. Пьера Леру*, въ которой онъ снова излагалъ свое ученіе, опредѣлялъ его сущность, въ ученомъ, нравственномъ и практическомъ отношеніяхъ и порядочно надоѣлъ своимъ слушателямъ.

21-го. *Зак. Соб.* — Едва *г. Фландень* успѣлъ окончить чтеніе своего доклада, какъ къ списку ораторовъ, желающихъ говорить противъ закона, устремилось такое множество горцевъ, что порядокъ внесенія ихъ именъ въ списокъ

надобно было опредѣлить по жребію. Въ этотъ списокъ уже внесены имена 19-ти представителей. До-сихъ-поръ ни одинъ не изъявилъ желанія говорить въ пользу проекта закона правительства или предложенія коммиссіи.

24-го. *Зак. Соб.*—Засѣданіе представляло мало интереснаго въ преніяхъ: ихъ почти не было. *Г. Фульдъ* изъявилъ согласіе правительства на одно изъ предложенныхъ измѣненій (меньшинства коммиссіи) первоначальнаго проекта. *Г. Матьё* (изъ Дромы) сказалъ, что лѣвая сторона не допускаетъ прибавки, какова бы она ни была. «Теперь возвращаются къ предложенію, которое было отвергнуто при Людовикѣ Филиппѣ; правительство должно бы было прежде позаботиться о неимущихъ гражданахъ». *Г. Севестръ* объявилъ, что онъ уже потому принимаетъ проектъ, что Президентъ Республики жертвовалъ для Франціи частнымъ своимъ имуществомъ.

Большинство требовало заключенія преній; сначала хотѣло оно разсмотрѣть предложеніе *г. Дюрюфлѣ*; *генералъ Шангарнье* просилъ большинство прямо и просто подавать голоса за или противъ измѣненія, на которое согласилось правительство, какъ это прилично сильной партіи.

— Въ началѣ засѣданія,—сказалъ онъ, — *г. Матьё* (изъ Дромскаго Департамента), далъ намъ совѣтъ, который я почитаю превосходнымъ, и мнѣ хотѣлось бы, чтобы Собраніе послѣдовало этому совѣту. Мнѣ понятны щекотливость и недовѣрчивость партій; но когда правительство столько сдѣлало для предупрежденія и успокоенія ихъ, когда оно приняло столько предосторожностей для обезпеченія будущаго и для изолированія настоящаго вопроса, я не понимаю затрудненій, зависящихъ отъ одной формы. Чего хотятъ г. де-Дампьеръ и его друзья? Сохранить цѣлость кредита. Позвольте же мнѣ убѣдительно просить васъ, чтобы вы согласились на этотъ кредитъ просто, благородно, какъ приличествуетъ великому Собранію, представительству великой державы. Преніе, которое бы унизилось до безполезной траты словъ, утомило бъ Собраніе и внушило бы мнѣ тягостное чувство. Если мы хотимъ дать, повторю вамъ вмѣстѣ съ г-мъ Матьё (изъ Дромскаго Департамента), то дадимъ, не торгуясь. Умоляю Собраніе сократить преніе и принять измѣненіе, одобренное министерствомъ.

Приступлено было къ собиранію голосовъ; по требованію лѣвой стороны, ихъ подавали тайно. Предложеніе меньшинства коммиссіи принято (353 гол. пр. 308).

— Газета le Pouvoir говоритъ, что правительству было бы пріятнѣе, если бы Собраніе не согласилось на прибавку. Суммы, собранныя въ пользу Президента, по подпискѣ, очень значительны; пожертвованія, сдѣланныя знатнѣйшими парижскими и ліонскими купцами, равняются почти всей прибавкѣ, не считая приношеній, которыя были бы внесены, если бы повсемѣстно открыта была подписка. Со стороны рабочаго класса эти приношенія служатъ явнымъ знакомъ сочувствія къ Президенту.

— Приближенные къ Элизѣ увѣряютъ, что содѣйствіе *генерала Шангарнье* было не случайное; утромъ на совѣщаніи было рѣшено, что генералъ взойдетъ на трибуну. Этотъ слухъ едва ли вѣроятенъ, потому-что *г. Шангарнье*, какъ легитимистъ, не очень одобрялъ проектъ правительства. Слова его увлекли между прочимъ *г. Ларошжаклена*, къ всеобщему удивленію Собранія.

— Корреспондентъ Indépendance Belge пишетъ, что *Президентъ* принялъ очень равнодушно извѣстіе о рѣшеніи Собранія. Когда *г. Фульдъ*, удивленный, обратился къ приближеннымъ его съ вопросомъ:

— Какъ бы принялъ онъ неблагопріятное рѣшеніе?

Ему отвѣчали:

— Такъ точно, только онъ сказалъ бы вамъ, что завтра онъ переѣзжаетъ на квартиру, которую занималъ до избранія.

Таково, говорятъ, было въ-самомъ-дѣлѣ желаніе *Президента*: онъ намѣренъ былъ предоставить свое жалованье ректорамъ, а самъ бы жилъ 50 франками въ день.

Марсель, 22 *іюля*. Корреспондентъ Indépendance Belge пишетъ, что заговоръ, открытый въ Оранѣ, имѣлъ обширныя сношенія; какъ говорятъ одни, о немъ узнали по письмамъ Парижа; другіе утверждаютъ, что по ошибкѣ одному честному гражданину передано было письмо, адресован-

ное къ другому лицу, носящему то же имя. Списокъ заговорщиковъ очень длиненъ; въ числѣ ихъ были военные и гражданскіе чиновники. Большая часть изъ нихъ суть нынѣ переселенцы изъ Парижа; однимъ изъ поводовъ — бѣдность, въ которой они находятся. Комендантъ Оранской провинціи, *генералъ Пелисье*, написалъ по этому поводу прокламацію къ войскамъ, въ которой призываетъ ихъ къ исполненію долга и выражаетъ увѣренность къ ихъ здравомъ смыслѣ и знаніи своихъ обязанностей.

— Судъ-присяжныхъ Сенскаго округа разсматривалъ дѣло *г. Либри*, члена института. Еще до февральской революціи онъ былъ обвиненъ въ похищеніи книгъ изъ публичныхъ библіотекъ. До начала судебнаго преслѣдованія, *г. Буркли* представилъ дѣло тогдашнему Президенту Совѣта. Въ это время *г. Либри* бѣжалъ, взявъ съ собою 30,000 томовъ, которые были распредѣлены имъ по разнымъ мѣстамъ; въ Гаврѣ схвачено 18 ящиковъ.

Изъ обвинительнаго акта видно, что въ бытность свою, въ 1830, во Франціи, *г. Либри* имѣлъ только 4000 фр., назначенныхъ ему за лекціи въ Collége de France, библіотека же его оцѣнена въ 600,000 фран. Кромѣ того найдено, что рукописи, проданныя *г. Либри*, были именно тѣ, которыя исчезли изъ библіотекъ, постоянно посѣщаемыхъ имъ.

Г. Либри въ настоящее время въ Англіи; судъ присяжныхъ осудилъ его къ тюремному заключенію на 10 лѣтъ.

27-го. Въ дѣлѣ объ увеличеніи президентскаго жалованья, или выражаясь точнѣе, о чрезвычайномъ кредитѣ на издержки по президенству, министерство, прежде не уступчивое, одержало верхъ надъ оппозиціей, только сдѣлавъ шагъ назадъ. Согласившись на то, чтобы кредитъ разрѣшенъ былъ только на текущій годъ, оно отняло у первоначальнаго проекта его политическое значеніе. Теперь преніи объ этомъ должны возобновиться при разсмотрѣніи бюджета на 1851 годъ и они будутъ гораздо упорнѣе. Иначе президентъ долженъ отказаться отъ прибавки на слѣдующій годъ, что едва ли возможно. Слабое большинство, благодаря которому правительство одержало верхъ въ понедѣльникъ, ясно показываетъ, что помѣщеніе этого расхода въ бюджетъ на 1851 годъ сопряжено еще съ боль-

шими трудностями. По всей вѣроятности пренія начнутся послѣ вакаціи, но не извѣстно, съ какими мыслями представители возвратятся изъ своихъ департаментовъ.

— Въ прошломъ году сдѣланъ былъ опытъ раздачи войскамъ денегъ, вмѣсто провіанта; онъ былъ удаченъ, и теперь военный министръ распространилъ эту мѣру на бо́льшее пространство; правительство полагаетъ, что расходы отъ этого значительно уменьшатся.

— Въ газетѣ Union напечатано: военный министръ приказалъ принять въ Домъ Инвалидовъ стараго солдата *Коломбескаго*, родомъ Поляка, которому 120 лѣтъ отъ роду. Онъ былъ унтер-офицеромъ и скоро прибудетъ въ Парижъ. Родился онъ въ началѣ царствованія Людовика XV, по этому могъ участвовать во всѣхъ войнахъ времени Фридриха Великаго, состоялъ уже нѣсколько лѣтъ на службѣ во-время сраженія при Фонтенуа, въ 1793 г. онъ былъ слишкомъ старъ и не могъ служить: ему было тогда 70 лѣтъ а при паденіи Имперіи 90 лѣтъ. На его глазахъ во Франціи перемѣнились десять правленій.

28-го.—*Зак. Соб.*—Выслушало Гг. *Ларошжаклена*, *Ватемениля* и *Родо*, говорившихъ, противъ проекта о мерахъ, между прочимъ потому, что скоро Государственный Совѣтъ окончитъ разсмотрѣніе закона объ устройствѣ общинъ, который опредѣлитъ условія, необходимыя для того, кто хочетъ быть мэромъ. Хотѣлъ говорить еще г. *Бартелеми С. Илеръ*, но Собраніе требовало, чтобы приступлено было къ собранію голосовъ, и предложеніе министра г. *Бароша* было отвергнуто.

Министерство могло предвидѣть это: вчера еще нѣкоторые представители говорили ему, что будутъ противиться его предложенію. Замѣтили, что Гг. *Тьеръ*, *Пискатори*, *Молѐ* и еще три или четыре очень важныхъ члена большинства ушли изъ залы до собиранія голосовъ.

Собраніе продолжало разсмотрѣніе закона о ростовщикахъ; пренія будутъ возобновлены завтра.

— Г. *Валентенъ*, подвергшійся временному изгнанію изъ Законодательнаго Собранія, напечаталъ въ Presse письмо, въ которомъ требуетъ, чтобы тотъ, кто въ томъ же засѣданіи назвалъ его поступокъ подлостію, назвалъ себя. Около

сорока членовъ слышали это; обвиняли одного молодаго представителя, г. *Клари*, но тотъ опровергаетъ обвиненіе въ письмѣ, напечатанномъ въ Монитерѣ, и говоритъ, что на вызовъ г. *Валентена*, онъ отвѣчалъ:

— Я не затруднился бы (назвать себя).

Кажется, между этими двумя представителями назначена дуэль; всѣ члены Собранія очень недовольны этимъ.

— Въ Парижѣ были арестованы въ послѣдніе дни 22 человѣка, обвиненные въ участіи въ тайныхъ обществахъ; всѣ они впрочемъ освобождены, но оставлены подъ подозрѣніемъ.

29-го.—*Зак. Соб.*—Продолжались пренія о законѣ относительно ростовщиковъ; они было занимательнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Министръ юстиціи отвергалъ предложеніе коммиссіи, и доказывалъ, что законодательство 1807 года объ этомъ предметѣ совершенно достаточно. Предложеніе г. *С. Бёва* отвергнуто огромнымъ большинствомъ. Первая статья проекта коммиссіи принята. Эта неудача, сама по себѣ неважная, показываетъ, что противъ министерства можетъ составиться сильная оппозиція, если крайняя лѣвая сторона будетъ и впредь поддерживать проекты, не удовлетворяющіе требованіямъ кабинета, но принимаемые членами большинства. Въ концѣ засѣданія принято предложеніе г. *Кремьё*, по которому въ нѣкоторыхъ случаяхъ штрафъ съ ростовщика простирается до половины ссуды.

Гора всячески старается низвергнуть г. *Дюпена*. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми легитимистами и членами лѣваго центра она хочетъ доставить предсѣдательство г. *Бедо*, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ объщалъ не допускать нарушеній уложенія; думаютъ, что вслѣдствіе этого его нужно предпочесть г. *Дюпену*, тѣмъ болѣе, что скоро начнутся ваканціи. Конечно, заключаетъ корреспондентъ Indépendance Belge, г. *Бедо* въ случаѣ нужды будетъ отстаивать уложеніе, но сомнительно, чтобы кто-нибудь нарушилъ его.

— Сегодня въ Венсенскомъ лѣсу была назначена дуэль между Гг. *Клари* и *Валентеномъ*. Секундантами у перваго были *генералъ Граммонъ* и г. *Эмѐ*, у втораго—Гг. *Шельхеръ* и *Брукнеръ*. Оружіе выбрано по жребію. Вмѣшательство полиціи заставило отложить дуэль до другаго раза.

30-го. *Зак. Соб.*—Докладъ коммиссіи о законѣ относительно книгопечатанія былъ вчера представленъ Собранію довольно поздно, и г. *Лобà* не могъ изложить причинъ, по которымъ коммиссія почла нужнымъ значительно измѣнить проектъ правительства. Измѣненія состоятъ въ томъ, что существующая теперь сумма залога не увеличена; коммиссія предлагаетъ только наложить на журналы и газеты почтовую пошлину, которой равно подлежатъ нумера, раздаваемые въ городѣ и разсылаемые по другимъ департаментамъ. Въ Парижѣ пошлина эта составляетъ 6 сантимовъ съ нумера; въ департаментахъ — 2 сантима для тѣхъ нумеровъ, которые разсылаются по департаменту, и 6 сан. для тѣхъ, которые переходятъ границу его. На этомъ основаніи, корреспондентъ Indèpendace Belge дѣлаетъ разсчетъ, на сколько должны увеличиться цѣны на газеты: Constitutionnel стоитъ въ Парижѣ 32 фр. въ годъ; по новому закону онъ будетъ стоить болѣе 50 фр., если пошлина будетъ взыскиваема косвенно съ подписчиковъ, или 40 фр., какъ онъ стоилъ до декрета 2 марта 1848, если редакція 10 фр. съ экземпляра возьметъ на себя. Считая, что число подписчиковъ его простирается до 40,000, видимъ, что общая цѣна его возвысится на 344,000 фр., если половину пошлины станетъ уплачивать сама редакція. Но въ такомъ случаѣ выгоды ея значительно пострадаютъ, тѣмъ болѣе, что подписчиковъ по 40 фр. будетъ менѣе, чѣмъ ихъ теперь; если же всю тяжесть пошлины разложить на подписчиковъ, то дѣла редакціи должны пойти еще хуже, потому-что число ихъ уменьшится еще болѣе, чѣмъ въ первомъ предположеніи.

Для газеты la Presse эта пошлина будетъ еще чувствительнѣе, потому-что цѣна ея гораздо менѣе, и еще уменьшить ее трудно. Но преимущественно пострадаютъ второстепенныя (по числу подписчиковъ) газеты: выгоды редакцій не только уменьшатся, но совершенно уничтожатся; къ числу такихъ газетъ принадлежитъ и Journal des Débats.

Послѣ уничтоженія штемпельной пошлины, число листовъ, печатаемыхъ въ Парижѣ, возросло отъ 120,000 почти до 280,000; число это теперь значительно падетъ; но прежде было всего девять или десять газетъ, теперь же ихъ девятнадцать или двадцать, по этому на долю каждой приходится среднимъ числомъ мѣньшее число подписчиковъ и пошлина будетъ для нихъ тѣмъ чувствительнѣе. Дѣла газетъ le Siècle, les Dèbats, la Presse и le Constitutionnel давно уже

идутъ хорошо и ни одна изъ этихъ газетъ не падетъ окончательно, но l'Assemblée Nationale, la Patrie, l'Estafette, le Pays, l'Ordre, можетъ-быть, не будутъ вовсе издаваемы, если новый законъ будетъ принятъ.

Вмѣсто удвоенія суммы залога, какъ того требовало правительство, коммиссія предлагаетъ обязать всякаго редактора, который будетъ во-время перваго процесса обвиненъ во второй разъ, внести половину суммы, которая можетъ быть взыскана съ него, какъ штрафъ, въ теченіе года.

2-го іюля.—*Зак. Соб.*—Приняло сегодня нѣсколько статей относительно заключенія брачныхъ контрактовъ, и потомъ приступило къ третьему разсмотрѣнію предложенія г. *Граммона* относительно дурнаго обращенія съ животными; защищая его, *генералъ Граммонъ* сказалъ:—Величайшіе злодѣи обращались жестоко съ животными; такъ Домиціанъ ловилъ мухъ, Неронъ четвертовалъ зайцовъ. Собраніе приняло измѣненіе, предложенное г. *Дефонтеномъ*: «Уличенный въ жестокомъ обращеніи съ животными подвергается штрафу отъ 1 до 15 фр. и аресту отъ 1 до 5 дней.»

— Извлекаемъ сущность конвенціи, заключенной между Франціею и Англіею по поводу греческаго дѣла. По принятіи англійскимъ и греческимъ правительствами посредничества Франціи, составленъ былъ въ Лондонѣ проектъ договора, на основаніи котораго долженъ былъ рѣшиться споръ, возникшій между Англіею и Греціею. До прибытія этого проекта въ Аѳины, нѣкоторыя требованія англійскаго уполномоченнаго г. *Уэйза* были уже исполнены на основаніи Лондонской конвенціи. Въ договорѣ, заключенномъ въ Аѳинахъ, сказано: англійское правительство признаетъ, что всѣ требованія, представленныя греческому правительству 17 января 1850, исполнены, за исключеніемъ удовлетворенія г. *Пачифико*. Греческое правительство обязывается исполнить всѣ требованія его, которыя найдены будутъ справедливыми. Для этой цѣли Франція, Англія и Греція изберутъ двухъ судей и еще третьяго, на случай разногласія, которые должны назначить сумму, слѣдующую дону *Пачифико*. Англійское правительство обязуется возвратить внесенную греческимъ правительствомъ сумму 150,000 драхмъ въ видѣ залога, тотчасъ по утвержденіи настоящей конвенціи греческимъ королемъ. Въ эту конвенцію не входитъ дѣло объ островахъ Сапіенцѣ и Черви.

И такъ всѣ остальныя требованія ограничиваются расписками дона *Пачифико*!

— Баронъ *Гро* получилъ за свою дѣятельность въ Греціи орденъ Почетнаго Легіона.

— *Ашаръ*, редакторъ Assemblée Nationale, теперь совершенно оправился, и поѣхалъ для укрѣпленія здоровья въ деревню.

Англія.

1-го *іюля*.—*Палаты*.—Билль о преобразованіи уложенія и управленія австралійскихъ колоній былъ прочтенъ вчера, въ Верхней Палатѣ, во-второй разъ. Нижняя Палата отвергла (275 гол. пр. 234), предложеніе сэра *Э. Бокстона*, касательно неограниченной конкуренціи сахара изъ Штатовъ, гдѣ онъ производится невольниками, съ сахаромъ, производимымъ свободными работниками.

4-го.—Строительный комитетъ всемірной выставки представилъ главной коммиссіи докладъ о представленныхъ ей планахъ и смѣтахъ строенія. Большая часть проектовъ замѣчательна или по обдуманности цѣлаго, или по отдѣлкѣ частей. Но комитетъ не можетъ принять ни одного изъ нихъ; по разсмотрѣніи ихъ, онъ распорядился составленіемъ плана и рисунка строеній.

Въ докладѣ помѣщены имена англійскихъ и заграничныхъ архитекторовъ, представившихъ самые замѣчательные проекты; въ этомъ спискѣ до 70 именъ; между ними находится *г. Клюзенаръ* (Cluysenaar) вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ, *г. Слатеромъ* (Slater). Другой списокъ заключаетъ въ себѣ имена еще болѣе замѣчательныхъ архитекторовъ; въ числѣ ихъ только три Англичанина, Французовъ тринадцать, одинъ архитекторъ изъ Амстердама и одинъ изъ Вѣны.

Верх. Пал. — Лордъ *Станлей* представилъ предложеніе по поводу греческаго вопроса; въ пятницу онъ будетъ защищать его. Онъ считаетъ обязанностію правительства поддерживать права подданныхъ Великобританіи въ иностран-

ныхъ государствахъ; но онъ увидѣлъ съ сожалѣніемъ, что недавно греческому правительству предъявлены требованія, справедливость которыхъ сомнительна и которыя очень преувеличены, и что употреблено было насиліе, чтобы получить по нимъ удовлетвореніе, а это можетъ повредить дружественнымъ отношеніямъ Англіи къ Греціи и другимъ государствамъ.

Ниж. Пал.—Лордъ *Пальмерстонъ* защищалъ эти требованія противъ возраженій *г. Бэмлли.*

7-го. Возраженія Лорда *Станлея* отсрочены на недѣлю; министръ *Лансдоунъ* объявилъ, что въ это время несогласіе между Франціей и Англіей будетъ кончено.

— Извѣстія изъ Греціи вовсе не радостны для Англичанъ; на нихъ вездѣ смотрятъ враждебно. Іоническая Палата требуетъ исполненія даннаго Англіею обѣщанія распространить конституціонныя учрежденія. Говорятъ, что вице-адмиралъ *Паркеръ* отправится туда.

— Times, извѣщая о поѣздкѣ *г. Тьера* въ Англію, говоритъ:

«За исключеніемъ *Герцогини Орлеанской*, всѣ члены семейства *Людовика Филиппа* сильно желаютъ сближенія двухъ отраслей дома Бурбоновъ. Герцогиня не раздѣляетъ этого желанія, полагая, что сближеніе повредитъ ея сыну. Надѣются, что вліяніе *г. Тьера* превозможетъ ея опасенія».

Король *Людовикъ-Филиппъ* и дочь его, *Королева Бельгійская*, оправились отъ нездоровья.

— Globe сообщаетъ, что постройка зданія для всемірной выставки 1851 года, будетъ отдана подрядчику; для этого скоро откроются публичные торги. Зданіе это будетъ имѣть въ длину 2,300, а въ ширину болѣе 200 футовъ и покроетъ пространство земли въ 900,000 квадр. футовъ. Главныхъ входовъ будетъ четыре, соединенныхъ между собою корридорами, въ 48 футовъ ширины; мѣсто пересѣченія ихъ составитъ шестнадцатисторонникъ въ 200 Ф., діаметра; съ четырехъ сторонъ онъ будетъ окруженъ садами, крытыми желѣзнымъ куполомъ въ 60 Ф. вышины; въ куполѣ будутъ поставлены скульптурныя произведенія. Вокругъ деревъ будутъ буфеты съ фонтанами и т. д.

Надъ всѣмъ зданіемъ устроится желѣзная крыша на новыхъ желѣзныхъ колоннахъ, поставленныхъ на деревянныхъ балкахъ; вдоль всего зданія будутъ галлереи въ 48 ф., ширины; средняя галлерея будетъ имѣть ширины 96 ф.; вышина крыши отъ 24 до 50 ф., полъ и стѣны—деревянныя.

7-го.—*Ниж. Пал.*—Принятъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, билль лорда *Эшлея*, которымъ опредѣлено число рабочихъ часовъ для женщинъ и дѣтей, работающихъ на фабрикахъ. *Г. д'Израэли* спросилъ министра иностранныхъ дѣлъ, получено ли оффиціальное извѣстіе о высадкѣ сѣверо-американской экспедиціи на островъ Кубу и дано ли объ этомъ знать испанскому правительству. Лордъ *Пальмерстонъ* отвѣчалъ, что объ этой экспедиціи говорили мѣсяца два назадъ; извѣстно, что правительство Соединенныхъ-Штатовъ противодѣйствовало ей. Только нѣсколько дней тому назадъ получено отъ англійскаго посланника въ Вашингтонѣ извѣстіе объ отплытіи этой экспедиціи; тамошнее правительство не знало ничего объ ней и не могло предупредить ее. Сначала отправился отрядъ въ 2,000 человѣкъ, около 6 мая; чрезъ три или четыре дня послѣдовалъ другой въ 4—5,000 человѣкъ. Президентъ Соединенныхъ-Штатовъ приказалъ военнымъ кораблямъ догнать экспедицію или, по-крайней-мѣрѣ, предупредить ея дѣйствія. Такъ какъ это извѣстіе получено въ Лондонѣ очень недавно, то мадридскому правительству оно еще не сообщено, тѣмъ болѣе что и испанскій посланникъ пріѣхалъ въ Лондонъ только за нѣсколько дней. Вчера ему дано знать обо всемъ.

Верх. Пал. Такой же вопросъ сдѣлалъ министру лордъ *Брумъ*, называя участвующихъ въ экспедиціи морскими разбойниками; онъ сомнѣвается, чтобы правительство Соединенныхъ-Штатовъ ничего объ этомъ не знало. Маркизъ *Ландсоунъ* сказалъ, что оно въ-самомъ-дѣлѣ не знало объ экспедиціи, а теперь приняло мѣры препятствовать ей. Далѣе онъ сказалъ, что не можетъ отвѣчать на требованіе Лорда *Станлея*, который спросилъ, какія предписанія даны англійскимъ кораблямъ въ этомъ отношеніи. Лордъ *Абердинъ* замѣтилъ, что Англія тѣмъ болѣе обязана вступиться въ это дѣло, что во-время отправленія экспедиціи разрывъ съ Испаніею еще не былъ конченъ. *Графъ Грэй* сказалъ ему въ

отвѣтъ, что теперь нельзя объявить, какія предписанія даны англійскимъ кораблямъ.

10-го. Непальскій посланникъ, за которымъ, съ нѣкотораго времени, бѣгаетъ весь Лондонъ, проѣзжая недавно мимо церкви Св. Павла, увидѣлъ ост-индскаго нищаго, который живетъ здѣсь уже нѣсколько лѣтъ; онъ подозвалъ его къ себѣ, говорилъ съ нимъ, и теперь этотъ нищій явился въ великолѣпномъ костюмѣ; онъ сдѣланъ переводчикомъ непальскаго посольства.

Ниж. Пал.—Въ сегодняшнемъ засѣданіи *сэръ Грей* прочелъ отвѣтъ королевы на адресъ Палаты, въ которомъ положена просьба о слѣдствіи относительно отправленія почтъ по воскреснымъ днямъ. Королева обѣщаетъ удовлетворить этой просьбѣ.

Потомъ *г. Гёмъ* предложилъ назначить особенную коммиссію для изслѣдованія всего, что касается постройки новаго зданія парламента, равно и о причинахъ, почему издержки превзошли смѣту почти на половину. Предложеніе это поддерживалъ *г. Осборнъ*, а отвергалъ канцлеръ казначейства.

— Сравненіе купола надъ средней частію зданія, назначеннаго для выставки 1850 года, съ другими куполами: этотъ куполъ въ діаметрѣ будетъ имѣть 200 футовъ; куполъ церкви Св. Павла имѣетъ только 112, куполъ церкви Св. Петра въ Римѣ—138, куполъ Пантеона въ Парижѣ 142 ф. Средняя часть подъ куполомъ составляетъ шестисторонникъ въ 60 фут. вышины.

12-го. Въ Эссекскомъ графствѣ былъ многочисленный митингъ протекціонистовъ. Многіе члены принесли на этотъ митингъ образчики хлѣба, какой употребляютъ въ округахъ, извѣстныхъ по дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ. Этотъ хлѣбъ былъ таковъ, что членамъ митинга казалось невозможнымъ, чтобъ человѣческіе зубы могли жевать его. Такой примѣръ результатовъ, полученныхъ отъ свободной торговли въ деревняхъ, сильно подѣйствовалъ на Собраніе, и оно приняло нѣсколько рѣшеній, благопріятныхъ для запретительнаго тарифа.

18-го. Вся Орлеанская фамилія, за исключеніемъ *герцога* и *герцогини Монпансье*, находится теперь въ Сен-Леонаръ.

Принцъ Жуанвильскій занимается изслѣдованіями о французскомъ флотѣ. *Принцъ Омальскій* изучаетъ исторію Тюренна. Въ *герцогѣ Шартрскомъ*, младшемъ братѣ *графа Парижскаго*, предполагаютъ великія военныя способности. Газеты Орлеанской партіи увѣряютъ, что *Людовикъ-Филиппъ* вовсе не дѣлалъ политическаго завѣщанія; подъ завѣщаніемъ, о которомъ говорили, должно разумѣть распоряженія о частномъ имуществѣ его. Они не были измѣнены со смерти *Герцога Орлеанскаго*. Globe выставляетъ какъ причину поѣздки г. *Тьера* въ Англію желаніе воспользоваться вліяніемъ *Людовика-Филиппа*, чтобы склонить орлеанистовъ принять проектъ закона о 3 милліонахъ. Недавно *Герцогъ Бордоскій*, по просьбѣ *Г. Беррье*, въ томъ же убѣждалъ легитимистовъ. *Людовикъ-Филиппъ* отказался отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ.

17-го.—*Верх. Пал.*—*Лордъ Станлей* укорялъ министерство за поступки противъ Греціи. Онъ сказалъ, что англійское правительство имѣетъ право, даже должно требовать, чтобы подданные Англіи находились подъ покровительствомъ законовъ той страны, въ которой они живутъ. Притязанія же, которыя поддерживалъ *лордъ Пальмерстонъ*, большею частію несправедливы, а между-тѣмъ противъ Греціи употреблено насиліе, даже безъ согласія державъ, подъ покровительствомъ которыхъ она находится. Еврей *Пачифико* извѣстный обманщикъ, а его личное показаніе признано достаточнымъ. Далѣе ораторъ изложилъ въ хронологическомъ порядкѣ ходъ переговоровъ между Англіею и Греціею, указалъ на совершенно справедливый протестъ г. *Лондоса*. «Миръ Европы можетъ быть теперь нарушенъ, и этому виною будетъ Англія; если же войны не будетъ, то этого, конечно нельзя приписывать благоразумію и умѣренности кабинета». *Маркизъ Лансдоунъ* сказалъ, что всѣ народы, и преимущественно народы коммерческіе, всегда употребляли силу, чтобы достигнуть исполненія своихъ требованій, какъ поступали часто Франція и Соединенные Штаты. Далѣе онъ защищалъ *донъ Пачифико*, и утверждалъ, что какова бы ни была его личность, онъ долженъ быть вознагражденъ за потери. Слабость Греціи не избавляетъ ее отъ отвѣтственности.... Несогласіе же съ Франціей — минутное облако. Конечно, слѣдовало исполнить трактатъ, заключенный въ Лондонѣ, но онъ не могъ быть сообщенъ во-время въ Аѳины. Аѳинскій трактатъ нѣсколь-

ко отличенъ отъ лондонскаго, потому-что греческое правительство включило въ него нѣкоторыя оговорки. Впрочемъ несогласіе между Франціею и Англіею будетъ кончено чрезъ нѣсколько дней, можетъ-быть даже чрезъ нѣсколько часовъ. *Лорда Станлея* поддерживалъ *лордъ Абердинъ*. Поведеніе англійскаго правительства, сказалъ онъ, возбудило негодованіе всѣхъ. Сначала не знали истинной причины принудительныхъ мѣръ: министерство съ нѣкотораго времени скрываетъ свои виды. Нужно было согласиться предварительно съ другими государствами, подъ покровительствомъ которыхъ находится Грецiя. Ораторъ обвинялъ поведеніе англійскихъ моряковъ въ Португаліи, Іонической республикѣ, Греціи, въ Дарданеллахъ: честь Англіи вездѣ была запятнана. Несогласіе съ Франціею вовсе не маловажно и послѣдняя депеша не дружелюбна. Поведеніе Англіи въ послѣднее время было причиною многихъ несчастныхъ событій; Англія виновата въ бѣдствіяхъ Италіи. За предложеніе лорда *Станлея* говорили лордъ *Кардеганъ* и виконтъ *Кэнингъ*; противъ него лордъ *Бомонъ*. Лордъ *Брумъ* сравнивалъ поведеніе Англіи въ двухъ случаяхъ: въ дѣлѣ съ Грецiею и въ дѣлѣ съ Испаніею. Грецiя была притѣсняема только потому, что она слаба и безсильна. Въ пользу предложенія подано 169 голосовъ, противъ 132.

— Г. *Тьеръ*, въ бытность свою въ Лондонѣ, посѣтилъ засѣданіе Верхней Палаты. Онъ вошелъ въ залу палаты въ въ сопровожденіи сэра *Эдварда Эллиса*, и занялъ мѣсто невдалекѣ отъ трона. Бывшій французскій министръ обнаруживалъ самое веселое расположеніе духа и долго разговаривалъ съ разными перами и членами Нижней Палаты, которые подошли къ нему. Лордъ *Пальмерстонъ*, узнавъ о присутствіи г. *Тьера*, также поспѣшилъ подойти къ нему и съ жаромъ разговаривалъ съ нимъ о чемъ-то въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Потомъ, къ г-ну *Тьеру* приблизись лордъ *Брумъ* и маркизъ *Лансдоунъ*. Оба крѣпко пожали ему руку. Впрочемъ, авторъ «Исторіи Консульства и Имперіи» пробылъ въ Палатѣ недолго.

19-го.—*Ниж. Пал.* — Слушала второе чтеніе *билля* объ уничтоженіи должности ирландскаго лорда-намѣстника, и приняла его (295 гол. пр. 70). Г. *Брайтъ* предложилъ Палатѣ представить Королевѣ адрессъ объ учрежденіи коммиссіи, которая должна отправиться въ Ост-Индію, чтобы на

ность изслѣдовать причины, препятствующія успѣшному разведенію хлопчатой бумаги. Но президентъ ост-индскаго контроля, сэръ *Джонъ Гобгузъ* доказалъ, что эта мѣра не поведетъ къ цѣли, и предложеніе г. *Брайта* было отвергнуто. Отвергнуто также предложеніе г. *Форстера*, по которому впредь дозволялось принимать и отправлять письма, не только чрезъ почтовое управленіе, но и другимъ путемъ. Канцлеръ казначейства сожалѣлъ о недавнемъ рѣшеніи Палатъ, по которому на воскресенье не прерывалась дѣятельность почтъ, потому-что это можетъ повести къ другаго рода нарушеніямъ праздника; по-крайней-мѣрѣ, Палата не должна косвеннымъ путемъ возставать противъ установленія, котораго не хотѣла отвергнуть прямо. Лордъ *Джонъ Россель* тоже возставалъ противъ позволенія частнымъ почтамъ дѣйствовать по воскресеньямъ, и тоже сожалѣлъ о предъидущемъ рѣшеніи Палаты.

20-го. Сегодня праздновали тринадцатый годъ правленія Королевы Викторіи; во всѣхъ церквахъ раздавался колокольный звонъ; изъ парка и Тоуера было сдѣлано нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Въ Сен-Джемскомъ дворцѣ былъ большой съѣздъ; общее вниманіе было обращено на непальскаго посланника.—Вчера неаполитанскій посланникъ генералъ *князь Кастельчикала* передалъ Королевѣ на частной аудіенціи въ Букингемскомъ дворцѣ свои кредитныя грамоты; представили также свои грамоты посланники испанскій, г. *Истурисъ* и непальскій—генералъ *Джунгъ Багадуръ Куиеуръ Ренадши*, который передалъ Королевѣ, отъ лица своего государя богатые подарки. Королева Бельгійцевъ и Принцъ Саксен-Кобургскій Августъ съ супругою простились вчера съ Королевою и отправились въ Дувръ, откуда переѣдутъ на материкъ.

— *Вер. Пал.* — Здѣсь случилось происшествіе, надѣлавшее довольно шума. Вотъ какъ разсказываетъ о немъ газета «the Times:»

«Галерея въ Верхней Палатѣ, по лѣвую сторону трона, была предоставлена прежде дипломатическому корпусу; но съ нѣкотораго времени ея назначеніе измѣнилось, и она предоставлена теперь женамъ перовъ и ихъ дочерямъ. Однако жъ членамъ разныхъ посольствъ не было объявлено о такой перемѣнѣ. Въ засѣданіи 17 числа, прусскій посланникъ, кавалеръ *Бунзенъ*, явился въ Палату съ сво-

ею супругою и дочерью и попросилъ экзекутора, чтобы тотъ отвелъ его на мѣсто, которое онъ обыкновенно занималъ. Экзекуторъ спросилъ, не можетъ ли онъ, на этотъ разъ, удовольствоваться мѣстомъ на ступеняхъ трона, гдѣ надобно стоять. Посланникъ отклонилъ это предложеніе, объявивъ, что онъ едва успѣлъ оправиться отъ серьезной болѣзни, и что простоять столько часовъ было бы для него трудно. Тогда, экзекуторъ провелъ его на галлерею, попросивъ только, не занимать мѣстъ по лѣвую сторону двери, которыя были приготовлены для *Герцогини Кембриджской*. Но, едва лордъ *Брумъ* замѣтилъ посланника, какъ пригласилъ его выйти изъ галереи. Посланникъ отказался сдѣлать это, просто сказавъ, что онъ занимаетъ мѣсто, указанное ему экзекуторомъ. Лордъ *Брумъ*, недовольный такимъ сопротивленіемъ, вывелъ изъ этихъ пустяковъ сцену, которая не должна бы имѣть мѣста въ собраніи перовъ Англіи. Онъ обратился къ членамъ Палаты и сказалъ:

«Милорды! Вамъ, какъ я полагаю, извѣстно, что ни перамъ, ни членамъ Нижней Палаты нечего дѣлать въ галереѣ женъ и дочерей перовъ, и что всякій дворянинъ или джентльменъ, пребывая тамъ, нарушаетъ правила Палаты. Въ настоящее время, тамъ находится одинъ господинъ, не имѣющій никакого права быть тамъ. (*Смѣхъ между женами и дочерьми перовъ*). Если онъ не сойдетъ оттуда, то я объявлю, что онъ нарушаетъ правила Палаты. (*Молчаніе*). Этому господину назначено мѣсто въ самой Палатѣ, и своимъ присутствіемъ на галереѣ онъ лишаетъ мѣста двухъ женъ или дочерей перовъ (*Громкій смѣхъ въ Палатѣ, такъ и между дамами*). Предлагаю экзекуторамъ исполнить постановленіе Палаты. (*Смѣхъ*). Не думайте, чтобы поступокъ мой былъ невѣжливъ. Я именно объявилъ тому господину, что если онъ не удалится, то я заведу о немъ рѣчь въ Палатѣ». (*Продолжительный смѣхъ и нѣкоторое замѣшательство*). Потомъ, лордъ *Брумъ* обратился къ кавалеру *Бунзену* и сказалъ:

«Теперь, вы должны сойти».

Посланникъ сидѣлъ неподвижно, но когда, вслѣдъ за тѣмъ, въ галереѣ явился сэръ *А. Клиффордъ* и вѣжливо пригласилъ его удалиться, онъ тотчасъ же всталъ и вышелъ съ двумя или тремя дамами. Газета «the Times» сильно порицаетъ выходку лорда *Брума*. Вслѣдствіе этого

происшествіи, маркизъ *Лансдоунъ* объявилъ въ засѣданіи Верхней Палаты, что правительство предложитъ на-дняхъ нарядить особую коммиссію, которая должна отвести иностраннымъ посланникамъ, желающимъ присутствовать при засѣданіяхъ Палаты, приличное мѣсто.

22-го. Сто членовъ Нижней Палаты подарили сегодня *лэди Пальмерстонъ* портретъ ея мужа во весь ростъ, въ знакъ уваженія къ этому министру.

— Сегодня, въ 10 часовъ утра, сюда прибылъ Его Королевское Высочество Принцъ Прусскій, чтобы присутствовать, въ качествѣ свидѣтеля, при крещеніи Принца *Артура*, имѣющемъ быть сегодня вечеромъ, въ Букингемскомъ дворцѣ. Прусскій посланникъ, кавалеръ *Бунзенъ*, встрѣтилъ Его Королевское Высочество въ Доверѣ. Въ Букингемскомъ дворцѣ были приготовлены для Принца комнаты. Кромѣ Его Королевскаго Высочества, свидѣтелями при крещеніи будутъ *Герцогиня Саксен-Веймарская Ида* и *Герцогъ Веллингтонъ*.

— Крещеніе *Принца Артура* совершено въ 7 часовъ вечера, въ церкви Букингемскаго дворца. Священнодѣйствіе крещенія совершено архіепископомъ Кентерберійскимъ, въ присутствіи августѣйшихъ родителей юнаго принца, какъ равно высокихъ воспріемниковъ, всѣхъ членовъ королевской фамиліи, находящихся въ Англіи (за исключеніемъ Герцога Кембриджскаго, которому помѣшало нездоровье), и высшихъ государственныхъ и придворныхъ чиновниковъ. Новокрещенный принцъ получилъ имена *Артура—Вилліама—Патрика—Альберта*. Послѣ крещенія, въ картинной галереѣ былъ большой обѣдъ, за которымъ провозглашены три слѣдующіе тоста: «За здоровье Его Королевскаго Высочества Принца Артура! За здоровье Его Королевскаго Высочества Принца Прусскаго! За здоровье Королевы и Принца!» По провозглашеніи послѣдняго тоста, Ея Величество встала и отправилась въ Бѣлую Залу, куда скоро послѣдовалъ за нею и супругъ ея, Принцъ Альбертъ. Празднество окончилось придворнымъ концертомъ, на который были приглашены еще многія знатныя особы.

25-го іюня.—*Ниж. Пал.* Продолжалось преніе о внѣшней политикѣ министерства. Г-да *Осборнъ*, лордъ *Маннерсъ*, *Энсти* и *Кокренъ* говорили рѣчи, послѣ чего *лордъ Паль-*

мерстон оправдывалъ свою политику, которую онъ объяснилъ во всѣхъ пунктахъ.

«Мнѣніе мое то», заключилъ министръ, «что правила, на основаніи которыхъ мы дѣйствовали, суть правила сильнаго большинства англійскаго народа. (*Одобреніе*). Я убѣжденъ, что эти правила, сколько позволено Англіи имѣть вліяніе на судьбу другихъ странъ, должны принести пользу благоденствію и счастію человѣчества, способствовать успѣхамъ цивилизаціи, поддержать миръ, ускорить развитіе процвѣтанія, какъ другихъ странъ, такъ и страны, въ которой мы живемъ. (*Одобреніе*). Утверждаю также, что въ нашей внѣшней политикѣ мы не сдѣлали ничего такого, что могло-бы лишить насъ довѣрія нашей страны. (*Одобреніе*). Я безъ страха требую, чтобы Палата произнесла приговоръ, были ль приличны и справедливы правила, управлявшія до-сихъ-поръ внѣшнею политикою правительства, и были ль мы правы, почитая себя обязанными защищать нашихъ подданныхъ въ земляхъ иностранныхъ.» Палата, выслушавъ лорда *Пальмерстона*, отложила дальнѣйшее преніе до слѣдующаго дня.

— *Гарибальди* прибылъ изъ Гибральтара въ Ливерпуль, на Пароходѣ «the Queen».

— 27-го. Въ Шотландіи, въ Денфермлайнѣ, составился заговоръ противъ живущихъ тамъ Ирландцовъ. Двѣ или три тысячи человѣкъ ходили по городу и выгоняли ихъ изъ домовъ. Наконецъ отрядъ констаблей и драгуновъ успѣлъ возстановить порядокъ.

— *Ниж. Пал.* Г. *Джонъ Уэльшъ* отвѣчалъ лорду *Пальмерстону* на обвиненіе оппозиціи въ томъ, что ни одинъ изъ ея членовъ, послѣ рѣшенія Верхней Палаты, не перенесъ этого рѣшенія въ Нижнюю Палату.

— По мнѣнію оппозиціи, сказалъ г. *Уэльшъ*, министерству оставалось тогда или подать въ отставку, или перенести дѣло въ Нижнюю Палату, вмѣсто этого оно ничего не сдѣлало.

Предложеніе г. *Ребока* умалчиваетъ о томъ, какъ велико можетъ быть вмѣшательство Англіи въ дѣла другой страны; правительство должно бы въ этомъ случаѣ держаться правила: «Поступай съ другимъ такъ, какъ бы хотѣлъ, чтобъ

вступали съ тобой». Не таково было поведеніе Англіи въ греческомъ дѣлѣ. Вообще объясненія лорда *Пальмерстона* чрезвычайно недостаточны. Что же касается до участія, которое онъ принималъ въ переворотахъ европейскихъ государствъ, то оно, не принеся пользы ни одной партіи, служило только поводомъ къ кровопролитію.

Послѣ г. *Уэльша* говорило нѣсколько ораторовъ за и противъ предложенія. Сэръ *Джорджъ Грей*, защищая министра иностранныхъ дѣлъ, повторилъ сказанное имъ о значеніи настоящихъ преній.

— Конечно, продолжалъ онъ, нужно избѣгать вмѣшательства въ дѣло другой страны, но иногда оно необходимо. Лордъ *Пальмерстонъ* долженъ былъ въ послѣднее время бороться съ огромными препятствіями; онъ вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы: миръ не былъ нарушенъ. Г. *Гладстонъ* сказалъ, что даже по мнѣнію защитниковъ своихъ, лордъ *Пальмерстонъ* дипломатъ не искусный. Пока онъ будетъ министромъ, должно постоянно опасаться войны. Переходя къ греческимъ дѣламъ, ораторъ сказалъ, что процессъ г. *Финлея* могъ быть рѣшенъ обыкновеннымъ судомъ, такъ что всѣ притѣсненія были сдѣланы Греціи изъ-за дона *Пачифико*, котораго требованія явно преувеличены.

28-го.— Въ газетахъ напечатано слѣдующее извѣстіе: Около 6½ часовъ (27 ч.) Королева выѣхала изъ Кэмбриджскаго отеля, въ Пикадилли, съ тремя дѣтьми и виконтессою Жоселенъ. Предъ воротами собрался народъ, и когда экипажъ выѣхалъ со двора, къ нему приблизился человѣкъ футовъ 6-ти ростомъ, съ тростью. Одинъ изъ присутствовавшихъ ударилъ преступника по лицу такъ, что у него полилась изъ носу кровь. Наконецъ пришла полиція, избавила преступника отъ побоевъ и отвела подъ арестъ. На допросѣ онъ сказалъ, что его имя *Роберть Пэтъ*, что онъ отставной поручикъ и живетъ тамъ-то. Допрошены были также свидѣтели. При преступникѣ не было ни денегъ, ни оружія. Трость его легка и тонка. Въ квартирѣ обвиненнаго сдѣланъ былъ обыскъ; оказалось, что онъ велъ очень правильную жизнь. Въ бумагахъ его не найдено ни малѣйшаго намека на желаніе оскорбить Королеву. Изъ армейскихъ списковъ видно, что обвиненный вступилъ въ службу 5 февраля 1841 г. корнетомъ; въ слѣдующемъ году произведенъ въ поручики, потомъ продалъ свое мѣсто, предъ отправле-

ніемъ подка въ Индію, и вышелъ въ отставку. Обвиненный во время ареста велъ себя благоразумно, ночью спалъ спокойно, утромъ позавтракалъ съ большимъ аппетитомъ. Сегодня допрашивали его въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; оказалось, что *Пэтъ* былъ членомъ морскаго и сухопутнаго клуба. Держитъ онъ себя и одѣвается, какъ джентльменъ.

— Вечеромъ давали «Пророка». Во второмъ актѣ, представленіе было прервано криками:

— Королева, Королева, да здравствуетъ Королева!

Глаза всѣхъ обратились къ королевской ложѣ: въ передней части ея, явилась Королева одна, стоя. Всѣ требовали, чтобы спѣтъ былъ народный гимнъ:

God save the Queen!

Оркестръ заигралъ интродукцію, г-жи *Кастелланъ* и *Віардо* пропѣли два первые стиха, и были награждены шумными рукоплесканіями; въ это время г-жа *Гризи* вышла на сцену и спѣла третій стихъ. Скоро слухъ о преступленіи *Роберта Пэта* разнесся по всей публикѣ, и долго не умолкали рукоплесканія. Королева явилась одна, чтобы показать свое довѣріе къ подданнымъ. Принцъ Альберта, Принцъ Прусскій и придворныя дамы вошли въ ложу нѣсколько времени спустя.

Нижн. Пал. — Лордъ *Джонъ Россель*, извѣстилъ о вчерашнемъ поступкѣ противъ Королевы. Палата громкими рукоплесканіями отвѣчала оратору на воззваніе къ вѣрности Англичанъ.

Верх. Пал. — Маркизъ *Лансдоунъ* сообщилъ извѣстіе о покушеніи противъ королевы и о пріемѣ, сдѣланномъ ей въ Ковентгарденскомъ театрѣ. Ничего не извѣстно еще о причинахъ покушенія. Лордъ *Станлей* сказалъ, что только сумасшедшій могъ это сдѣлать.

—Лордъ-Мэръ и лондонскій Общинный Совѣтъ поднесли королевѣ поздравительный адресъ, по случаю счастливаго разрѣшенія отъ бремени.

29-го. Сэръ *Робертъ Пиль* упалъ съ лошади и страшно расшибся.

— Газеты заняты рѣшеніемъ Нижней Палаты о предложеніи г. *Ребока*. Globe радуется этому результату, потому, что удержится министерство виговъ, которое въ противномъ случаѣ, было бы замѣнено ихъ противниками торі.

2-го *іюля*. Въ сегодняшнемъ бюллетенѣ о здоровьѣ сэра *Роберта Пиля* сказано, что вчера, послѣ 7 часовъ, вечеромъ ему сдѣлалось гораздо хуже; къ утру онъ крѣпко заснулъ, и чувствуетъ себя лучше. Сегодня со всѣхъ сторонъ присылали узнавать о здоровьѣ знаменитаго больнаго; рано утромъ пришелъ посланный отъ королевы.

— Вечеромъ 3 іюля Сэръ *Робертъ* Пиль умеръ.

— Знаменитый восточный брилліянтъ *Коп-нуръ* (гора свѣта) привезенъ въ Лондонъ. Онъ вѣситъ 273 карата, т. е. 143 болѣе, нежели извѣстный подъ именемъ «*Регента*».

Саксонія.

4-го *іюля*. — Дрезденскій журналъ сообщаетъ объявленіе государственныхъ министровъ о причинѣ распущенія саксонскихъ Палатъ и о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ правительства.

Избирательный законъ, дѣйствовавшій до настоящаго времени въ Саксоніи, составленъ былъ въ 1848 году и изданъ 15 ноября. Правительство, чувствуя необходимость измѣненія нѣкоторыхъ государственныхъ постановленій, существовавшихъ съ 24 сентября 1831 года, сознавало однако, что при всеобщемъ безпокойствѣ умовъ, когда устройство Германскаго Союза опредѣлено не было, невозможно было издать избирательнаго закона, который бы имѣлъ дѣйствіе на продолжительное число лѣтъ. Это убѣжденіе раздѣляли и созванныя тогда въ чрезвычайное собраніе Палаты; составленный ими, по проекту правительства, избирательный законъ, имѣлъ по этому значеніе временнаго постановленія; окончательное утвержденіе его оставлено до болѣе благопріятнаго времени, когда можно бы было пересмотрѣть и другія части государственнаго уложенія.

Палаты, составленныя на основаніи этого закона, привели дѣла въ крайнее разстройство; ихъ нужно было распустить. Такой неудачный опытъ внушилъ Королю мысль заняться изданіемъ избирательнаго закона, и для этого созвать Палаты на основаніи закона 1831 года; но неудобства, существовавшія въ 1848 году не были устранены и въ прошломъ году; по этому, по совѣту министровъ, Король созвалъ новыя Палаты, руководствуясь опять тѣмъ-же временнымъ закономъ.

Въ этомъ новомъ собраніи было дѣйствительно нѣсколько истинныхъ патріотовъ, но число ихъ было слишкомъ незначительно, чтобъ получить перевѣсъ надъ представителями партіи безпорядка. Положеніе страны требовало безотлагательно изданія многихъ постановленій; между-тѣмъ несмотря на то, что засѣданія Палатъ продолжались цѣлые 6 мѣсяцевъ, даже государственный бюджетъ не былъ ими разсмотрѣнъ вполнѣ.

Такое положеніе очевидно не можетъ быть долѣе терпимо; очевидно также, что нетолько безполезно, но даже вредно для государства было бы созывать Палаты на основаніи временнаго избирательнаго закона; по этому правительство рѣшилось вновь собрать Палаты 1848 года, въ томъ-же видѣ, какъ онѣ существовали. Тогда имъ представлены будутъ на разсмотрѣніе и утвержденіе избирательный законъ и нѣкоторыя другія постановленія.

5-го. Въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ напечатаны статистическія данныя о ходѣ промышлености въ Саксоніи за 1849 годъ; сообщаемъ важнѣйшія изъ нихъ: металловъ добыто было на сумму 2.400,000 рейхсталеровъ; одного серебра на 1.189,257 рейх. Каменноугольныя копи близь Дрездена и Цвикау доставили 3½ милліона шеффелей угля (болѣе 7 милліоновъ четвериковъ). Сукна приготовлено болѣе 150,000 кусковъ. Вообще же количество станковъ, на которыхъ приготовлялись шерстяныя матеріи, простиралось до 14,000; число же станковъ для бумажныхъ издѣлій болѣе 30,000; кромѣ того 25,000 станковъ доставляли чулки. Для позументовъ, льняныхъ и бумажныхъ тесемъ, находилось около 12,000, для льняныхъ и полульняныхъ тканей 22,000, для шолковыхъ матерій 3,000 станковъ. Паровыхъ машинъ работало 212, въ 3,000 лошадиныхъ силъ; на шести желѣзныхъ дорогахъ ѣздили 93 локомотива. Лейпцигская книжная торговля сосредоточивалась въ рукахъ 130 домовъ; въ

остальныхъ городахъ Саксоніи находилось ихъ 62. На квадратную нѣмецкую милю приходится 6,754 души.

— Газета «Deutche Reform» обнародываетъ текстъ ноты, адресованный 25 мая дрезденскимъ кабинетомъ къ саксонскому посланнику въ Берлинѣ, ноты, въ которой этому посланнику было поручено объявить прусскому правительству объ отреченіи Саксоніи отъ прусскаго союза.

— Въ манифестѣ Короля Саксонскаго, относящемся къ распущенію Палатъ, сказано, что главною побудительною причиною такой мѣры служитъ то, что Палата, не изготовивъ, въ теченіе полугода, закона о выборахъ, доказала тѣмъ свое безсиліе, и только мѣшала, своею оппозиціею, дѣйствіямъ правительства. Вслѣдствіе этого, Король объявляетъ, что за неимѣніемъ новаго закона о выборахъ онъ рѣшился обратиться къ закону 1831 года и на его основаніи созвать новое Собраніе. Это Собраніе будетъ существенно отличаться отъ распущенной Палаты, потому-что оно должно состоять изъ разныхъ чиновъ, и быть почти въ совершенной зависимости отъ правительства.

Саксен-Кобур-Гота, 2-го *іюня*. — Вчера здѣшнему Собранію полномочныхъ, сообщено было предложеніе правительства о соединеніи Герцогствъ Кобурга и Готы. Далѣе въ этомъ проектѣ говорится, что Саксен-Кобург-Гота есть составная часть германскаго союза, поэтому на него распространяется дѣйствіе центральной власти. Основываясь на основномъ готскомъ законѣ, проектъ ограничиваетъ число прямо избираемыхъ депутатовъ, составляющихъ Собраніе Штатовъ, тридцатью, 21 для Готы, 9 для Кобурга; преимущество, которое имѣетъ герцогство Гота по числу депутатовъ, вознаграждается посредствомъ постановленія, что для рѣшенія вопросовъ о наслѣдствахъ, объ отчужденіи отдѣльныхъ участковъ, о перемѣнѣ основныхъ законовъ государства нужно большинство $^{5}/_{6}$, а не $^{2}/_{3}$ голосовъ.

Виртемберг.—*Штутгардтъ*, 4 *іюля*. Собственноручное письмо Короля Виртембергскаго къ Королю Прусскому, по случаю посягательствъ 22 мая, было въ Берлинѣ принято чрезвычайно хорошо; надѣются, что несогласіе между обоими правительствами скоро кончится совершенно.

Франкфуртъ на Майнѣ, 8-го *іюля*. До-сихъ-поръ ни Ав-

стрія, ни Пруссія не сдѣлали уступокъ. Хотя всѣ полномочные государствъ прусскаго союза съѣхались, но въ засѣданіяхъ участвовали только представители Великихъ Герцогствъ Гессенскаго и Мекленбург-Стрелицкаго; послѣднее впрочемъ объявило, что не принадлежитъ уже болѣе къ союзу. Изъ этого видно, что Пруссія желаетъ сначала рѣшить предварительный споръ. Австрія же не хочетъ отказаться отъ первенства, и еще недавно назначила крайній срокъ, къ которому должны явиться полномочные отъ государствъ, которыя еще не прислали ихъ.

28-го.—Копіи съ протокола, въ который внесены засѣданія суда присяжныхъ провинціи Ганау, касательно дѣла объ убіеніи Князя *Лихновскаго* и г. *Ауэрсвальда*, переданы французскому и англійскому правительствамъ, которыя объявили, что такъ-какъ изъ дѣла видно, что убіеніе это политическаго значенія не имѣетъ, то они согласны на выдачу обвиненныхъ, бѣжавшихъ во Францію и Англію; вслѣдствіе этого скоро привезены будутъ въ Ганау изъ Парижа *Ниспель*, стрѣлявшій въ князя *Лихновскаго*, а изъ Гулла *Буксвейлеръ*, давно извѣстный какъ зачинщикъ всякихъ безпорядковъ.

Кассель.—28-го. — Скоро соберется здѣсь новый конгрессъ, но цѣль его не политическая, а промышленная. Противники Пруссіи утверждаютъ, что этотъ конгрессъ уничтожитъ первенство берлинскаго двора надъ другими германскими государствами. Уже давно южныя германскія государства выражали желаніе возвысить привозную пошлину на нѣкоторые продукты; они нашли сильное противодѣйствіе въ приморскихъ государствахъ. Долго желаніе это оставалось безъ исполненія, но мало по малу оно пріобрѣло защитниковъ, между которыми однимъ изъ сильныхъ должно считать Allgemeine Zeitung, которая вмѣстѣ съ другими газетами начала доказывать необходимость стѣснить привозъ иностранныхъ товаровъ. Такимъ-образомъ составилась партія, враждебная Таможенному Союзу; она стала утверждать, что германская промышленость можетъ найти спасеніе только подъ покровительствомъ Австріи. Пруссія долго не соглашалась возвысить тарифъ, тѣмъ болѣе, что это удалило бы отъ Таможеннаго Союза всю сѣверо-западную Германію; но наконецъ она уступила и Цольферейнъ былъ спасенъ. Разсчеты защитниковъ покровительственной

системы не оправдались, потому-что они основывались на видении Таможеннаго Союза, хотя было безразсудно предполагать, что онъ не устоитъ, потому-что даже средния и южныя германскія государства, каковы Бавария и Виртембергъ, не могутъ отступить отъ него, безъ значительныхъ невыгодъ.

Изъ этого видно, что кассельскій конгрессъ не разрушитъ Цольферейна, а напротивъ, упрочитъ его существованіе, согласивъ, по возможности, интересы различныхъ германскихъ государствъ.

Баденъ, 10 *іюня*.—Сегодня, утромъ, въ 50 минутъ восьмаго, было въ Брейзахѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, землетрясеніе. Мебель въ комнатахъ колебалась такъ сильно, что многіе поспѣшили выйдти на улицу. Небо было совершенно безоблачно.

Бавария.—23 іюня.—Въ Палатинатѣ снято наконецъ осадное положеніе, которое продолжалось два года. Говорятъ о значительномъ уменьшеніи числа войскъ въ Саксоніи и Баваріи.

Пруссія.

Берлинъ, 7 *іюня*. Состояніе здоровья Его Величества Короля очень удовлетворительно; рана на рукѣ заживаетъ. Ночь съ 6 на 7 іюня провелъ онъ совершенно спокойно; воспаленіе въ ногѣ почти прошло.

— «Прусскій Государственный Указатель», въ нумерѣ отъ 8-го іюня, обнародываетъ дополнительныя и пояснительныя статьи къ закону о книгопечатаніи, цѣль которыхъ состоитъ въ томъ, чтобъ положить конецъ употребленію во зло его свободы. Королевскому декрету объ этомъ предметѣ, подписанному 5-го іюня, предшествуетъ донесеніе министровъ, въ которомъ изложены причины, дѣлающія такую строгость необходимою.

— Таже газета объявляетъ объ отъѣздѣ г-на *Матиса* во Франкфуртъ-на-Майнѣ, куда онъ отправился 3-го іюня. Въ письмахъ изъ Берлина присовокупляютъ, что г-на *Ма-*

миса сопровождаютъ уполномоченные Гамбургскій, Ольденбургскій, Брауншвейгскій и Герцогствъ Саксонскихъ. По увѣренію тѣхъ же писемъ, Пруссія настаиваетъ, чтобы въ франкфуртскомъ конгрессѣ предсѣдательствовали попеременно прусскій и австрійскій уполномоченные.

Маріенвердеръ, 4 іюня. Оффиціальная газета, издаваемая въ этомъ городѣ, сообщаетъ слѣдующія подробности о несчастіи, случившемся близъ замка Меве:

«2 іюня, утромъ, около 200 пассажировъ переправлялись отъ замка Меве чрезъ рѣчку Вейнсель къ Лонну; не успѣли они отъѣхать сажени на 4 отъ берега, какъ паромъ, на которомъ они находились, опустился въ воду; тотчасъ же подъѣхали къ нему лодки, но спасено только 30 человѣкъ. Паромъ этотъ, 14 дней тому назадъ, былъ осмотрѣнъ чиновниками рѣчнаго судоходнаго управленія, и найденъ совершенно годнымъ къ употребленію; даже въ самый день, когда онъ потонулъ, на немъ нѣсколько разъ уже переѣзжали, и не замѣтили въ немъ никакой неисправности. Нельзя также приписать причину этого несчастія тому, что грузъ былъ слишкомъ великъ: черта, до которой должна доходить вода при полномъ грузѣ, была почти на полфута выше поверхности рѣки. Случай этотъ съ бо́льшею вѣроятностію можетъ быть объясненъ такъ: пассажиры, замѣтивъ, что вода просачивается внутрь парома чрезъ небольшую щель въ передней части парома, испугались, съ крикомъ подались назадъ, и всѣ стѣснились на кормѣ; въ-самомъ-дѣлѣ, скоро по отплытіи, носъ поднялся къ верху, вода налилась на палубу чрезъ корму, и опрокинула паромъ. Кажется, что бо́льшая часть утонувшихъ упала въ воду отъ сильнаго напора людей, бывшихъ сначала на носу судна. На другой день паромъ былъ притянутъ къ берегу, и на переднюю часть его посажено 70 человѣкъ: воды чрезъ щель набралось въ судно такъ мало, что отъ этого оно утонуть никакъ не могло. При этомъ несчастіи погибло болѣе 100 пассажировъ; имена очень многихъ изъ нихъ неизвѣстны; кажется, что почти всѣ пришли издали и преимущественно изъ окрестностей Данцига. До вечера 3 іюля найдено 50 утопленниковъ, бо́льшею частію женщинъ.

— Въ Deutsche Reform напечатана нота прусскаго посланника г. *Бунзена* къ лорду *Пальмерстону*, въ которой описанъ случай, бывшій въ Верхней Палатѣ 17 іюня. Г. *Бунзену*

указано было место въ ложѣ, назначенной для женъ и дочерей лордовъ. Лордъ Брумъ требовалъ очень грубо, чтобъ онъ оставилъ ложу. По этому прусскій посланникъ просилъ англійскаго министра позаботиться о томъ, чтобы впередъ для дипломатическаго корпуса назначено было особенное мѣсто. Лордъ *Пальмерстонъ* отвѣчалъ ему, что лордъ *Ландоунъ* сдѣлалъ уже Палатѣ предложеніе объ этомъ, и выразилъ свое сожалѣніе о непріятности, нанесенной г. *Бунзену*.

13-го.—Е. В. Король, совершенно оправившись отъ болѣзни, присутствовалъ, 11 числа, при божественной литургіи въ дворцовой церкви въ Шарлоттенбургѣ, прогуливался въ саду, и потомъ отправился въ лѣтнюю резиденцію свою Сан-Суси. Таже газета, отъ 15 іюня, извѣщаетъ, что рана находится въ наилучшемъ положеніи.

12-го.—Здѣсь получено извѣстіе изъ Франкфурта-на-М., что прусскій уполномоченный, г. *Матисъ* до-тѣхъ-поръ не хочетъ участвовать въ засѣданіяхъ конгресса, пока Австрія не откажется отъ своихъ требованій. Г. *Тунъ* сильно отстаиваетъ право предсѣдательства, хотя вѣнскій кабинетъ готовъ отъ него отказаться, если австрійскій уполномоченный будетъ избранъ въ предсѣдатели, изъ уваженія къ его правительству.

— Въ Берлинѣ собрались, для составленія временной коллегіи князей, уполномоченные: отъ Пруссіи г. *фон-Сидовъ*, отъ Саксонскихъ, Ангальтскихъ, Шварцбургскихъ и Рейцскихъ княжествъ,—Г. *фон-Плецъ* отъ Брауншвейга и Ольденбурга—Полковникъ *Мозль*, отъ Мекленбургъ-Шверинскаго В. Герцогства—г. *фон-Исакъ*, отъ вольныхъ городовъ Любека, Бремена и Гамбурга—Докторъ *Банксъ*, отъ Баденскаго Великаго Герцогства—баронъ *Мейзенбухъ*, отъ Нассау, Вальдека и Липпе—г. *Фоллпрахтъ*.

По открытіи засѣданія, г *фон-Сидовъ* объявилъ временную коллегію князей открытою, и потомъ сообщилъ собранію переданный ему приказъ Короля. Въ этомъ приказѣ сказано:

«Для исполненія обязанностей, лежащихъ на мнѣ, какъ на временномъ представителѣ германскаго союза, назначилъ я, на основаніи правилъ, уставленныхъ при съѣздѣ союзныхъ князей 13 мая, моихъ министровъ барона *Мантейфе-*

страняетъ отъ себя разсмотрѣніе его. Необходимое условіе для того, чтобы подобныя предпріятія могли надѣяться на содѣйствіе правительства, есть законность ихъ основанія; проектъ *г. Эренберга* не удовлетворяетъ этому условію, потому-что по существующимъ законамъ, никто не имѣетъ права составить компанію на акціяхъ и открыть для этого подписку безъ особаго разрѣшенія министерства. Изъ этого *г. Эренбергъ* увидитъ, какое значеніе имѣетъ сдѣланный имъ шагъ.

— Правитель Босніи, Визирь *Тагир-паша* скончался. Онъ умеръ въ Травникѣ, 26 мая. Страна совершенно спокойна.

7-го.—Журналъ Австрійскаго Лойда извѣщаетъ, что Императоръ *Фердинандъ* рѣшился поселиться навсегда въ Прагѣ; по этому тамъ дѣлаются приготовленія къ его пріему.

— Правительства герцогствъ Пармы и Модены приняли подписанный въ Вѣнѣ, 4-го декабря 1849 г., трактатъ о таможенномъ союзѣ между ими и Австріею. Вслѣдствіе этого, секретарь министерства финансовъ *Капперали* и *г. Тролль* получили предписаніе отправиться въ эти герцогства, чтобы ознакомить тамошнихъ чиновниковъ съ существующими въ Австріи таможенными постановленіями.

— Въ прошломъ году Австрія выразила желаніе купить у Турціи нѣсколько египетскихъ судовъ; исполненіе этого нашло противодѣйствіе въ англійскомъ и французскомъ посланникахъ; въ настоящее время Порта сама предложила возобновить это дѣло, но, вѣроятно, и теперь оно не будетъ кончено, потому-что Англія и Франція останутся при прежнемъ мнѣніи. Финансы Турціи, какъ кажется, очень разстроены.

9-го.—Вслѣдствіе распространенія телеграфическихъ линій, депеши могутъ-быть получаемы въ Берлинѣ и Бреславлѣ прямо изъ Тріеста. Въ Берлинъ приходятъ онѣ черезъ шесть часовъ.

— Вчера былъ ровно годъ съ того времени, какъ издано постановленіе объ учрежденіи корпуса жандармовъ. Предположено было сформировать 16 полковъ; наборы производятся очень дѣятельно по всему пространству Имперіи. Полки 5, 6 и 7, назначаемые въ Венгрію, почти совершенно полны. Въ полкахъ 1 и 3, которые будутъ сто-

ять въ Австріи (Эрцгерцогствѣ), не достаетъ тоже нѣсколькихъ человѣкъ; въ бо́льшей части занимаемыхъ ими постовъ комплектъ уже и теперь полонъ. Прочіе полки, особенно 8, 9, 10, 11 и 12 формируются очень живо. Общее число жандармовъ во всѣхъ 16 полкахъ полагается въ 17,000 человѣкъ.

— Въ газ. Wanderer пишутъ: Назадъ тому нѣсколько дней, мы нашли въ «Кельнской газетѣ» извѣстіе, что фельдмаршалъ графъ *Радецкій* выходитъ въ отставку, но не повѣрили ему. Теперь это извѣстіе перепечатано въ органѣ правительства «Имперской газетѣ», и мы уже не можемъ ему не вѣрить. Новость эта вездѣ произвела необыкновенно-сильное впечатлѣніе. Да, фельдмаршалъ графъ *Радецкій* выходитъ въ отставку. Одинъ французскій помѣщикъ, владѣлецъ одной изъ прекраснѣйшихъ мызъ на южномъ берегу Цюрихскаго-острова, ведетъ съ нимъ теперь переговоры о продажѣ ему своего владѣнія. Престарѣлый полководецъ думаетъ провести остатокъ дней своихъ въ этомъ роскошномъ имѣніи, посреди Швейцаріи.

— Князь *Шварценбергъ*, президентъ министерства, узналъ о военныхъ приготовленіяхъ Пруссіи только по возвращеніи изъ Варшавы. На вопросъ о томъ, что́ намѣрена дѣлать Австрія, онъ отвѣчалъ:

— Конечно, она распуститъ часть своихъ воиновъ; такъ какъ Пруссія и Австрія должны имѣть одного общаго непріятеля, демократію въ Германіи и радикализмъ во Франціи, то Австріи очень пріятно, что Пруссія, увеличивая войска, позволяетъ ей уменьшить свои собственныя.

— Пишутъ изъ Зальцбурга, отъ 8-го іюня: «Сейчасъ прибыли сюда, на пути изъ Праги въ Инспрукъ, Е. В. Императоръ *Фердинандъ-Добрый* и августѣйшая супруга его, Императрица *Марія-Анна*. Вдовствующая Императрица, съ Эрц-Герцогомъ *Лудвигомъ*, встрѣтила И. В. при въѣздѣ въ городъ; народонаселеніе повсюду привѣтствовало августѣйшихъ гостей громкими, радостными восклицаніями. Музыканты національной гвардіи играли народный гимнъ. Комендантъ крѣпости, генералъ-маіоръ *фонъ-Зедельмайръ*, со всѣми штабъ и обер-офицерами, какъ равно всѣ представители гражданскихъ и духовныхъ властей, приняли авгу-

свѣдѣній путешественниковъ у воротъ резиденціи, куда жители Зальцбурга стремились толпами.

— По словамъ путешественниковъ, недавно пріѣхавшихъ изъ Баната, саранча преимущественно напала на поля между Тиссою и Темешваромъ. По распоряженіямъ начальства, положено скашивать всякое поле, на которомъ появятся личинки, и потомъ укатывать его каткомъ; снятое же сѣно или хлѣбъ свозить въ ровъ и жечь. Земледѣльцы, которые терпятъ отъ этого убытокъ, получаютъ вознагражденіе на общественный счетъ.

16-го.—Въ Вѣну пріѣхали *графъ де Шамборъ* и *Герцогъ де Блакасъ* и тотчасъ же отправились далѣе въ Фроздорфъ.

17-го.—Въ Лойдѣ напечатано: «Арадъ ликуетъ. Амнистія, дарованная всѣмъ офицерамъ, участвовавшимъ въ возстаніи и прежде служившимъ въ императорскихъ войскахъ, освободила 55 обвиненныхъ. Четверо изъ нихъ тотчасъ отправились въ Пестъ, между-прочимъ маіоръ *Мадарашъ*, осужденный на 20-лѣтнее заточеніе.... Имѣнія прощенныхъ не подлежатъ болѣе конфискаціи.

26-го.—Наканунѣ своего отъѣзда изъ Вѣны, баронъ *Іеллачичъ* былъ приглашенъ Е. В. Императоромъ къ семейному столу, за которымъ присутствовали всѣ чины императорской фамиліи и Принцъ Саксонскій *Альбертъ*. Послѣ стола, *Императоръ* вручилъ *Бану*, при самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, крестъ за военныя заслуги. 12-го, депутація отъ общиннаго совѣта торжественно поднесла барону *Іеллачичу* дипломъ на званіе вѣнскаго почетнаго гражданина. 23-го, *Банъ* прибылъ въ Аграмъ, гдѣ приняли его съ общимъ восторгомъ. Аграмская газета привѣтствовала *Бана* стихами, городъ былъ освѣщенъ. Фельдмаршалъ-лейтенантъ баронъ *Буричъ* и полковникъ баронъ *Іеллачичъ* выѣхали къ *Бану* навстрѣчу, до самаго Варашдина. Сегодня должны быть обнародованы въ Кроаціи, Славоніи и во всѣхъ пограничныхъ округахъ манифесты Императора и прокламаціи самаго *Бана*. Въ военномъ отношеніи, *Бану* подчиняются всѣ пограничные полки безъ исключенія.

27-го. — Въ послѣднемъ нумерѣ «Всеобщей Имперской и Правительственной Газеты» напечатана слѣдующая ампе-

ратерская грамота, которою даруется Кроація, Славонія и Банатско-Сербскому Военному Округу новый основный законъ:

«Мы, Францъ Іосифъ 1-й, Божіею милостію Императоръ Австрійскій и проч., посылаемъ вамъ, храбрымъ и вѣрнымъ пограничнымъ жителямъ, Нашъ Императорскій привѣтъ. Достойные своихъ предковъ, вы въ послѣднее пагубное время снова представили доказательства непоколебимаго мужества, самоотверженной преданности дѣлу права и порядка, трону и отечеству, и при томъ такія доказательства, что вполнѣ заслужили удивленіе современниковъ и потомства. Вы твердо устояли противъ обольщеній Нашихъ враговъ, съ вдохновенною вѣрностію принесли огромныя жертвы, съ испытанною храбростію сражались противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, и побѣдили подъ старыми, увѣнчанными славою знаменами Австріи. Примите за то сердечную благодарность вашего Императора. Послѣ того какъ, въ справедливомъ сознаніи этихъ заслугъ, Мы уже, Нашимъ Императорскимъ декретомъ отъ 31 марта н. г., освободили васъ отъ многаго, что тяготѣло надъ вами, вся заботливость Наша, по возстановленіи спокойствія, была обращена на возможно-скорое исполненіе обѣщанія, даннаго вамъ въ 75 параграфѣ Имперскаго Уложенія, и относящагося къ разнымъ льготамъ, сообразнымъ съ особеннымъ положеніемъ вашей страны. На сей конецъ Мы поручили Нашему Совѣту Министровъ, при содѣйствіи Нашего возлюбленнаго и вѣрнаго Бана, какъ равно опытныхъ, пользующихся вашимъ довѣріемъ, людей, которымъ въ точности извѣстны ваши желанія и нужды, представить Намъ предложенія, которыя могли бы и на будущее время обезпечить для военныхъ границъ ихъ важное положеніе, въ какое поставлены онѣ для охраненія цѣлости Имперіи, какъ равно дальнѣйшее преуспѣяніе и возрастающее благоденствіе ихъ. Главными предметами предложеннаго Намъ Нашимъ Совѣтомъ Министровъ статута для кроатско-славонскихъ и сербско-банатскихъ военныхъ границъ служатъ уничтоженіе прежнихъ ленныхъ отношеній и проистекающихъ изъ нихъ безвозмездныхъ полевыхъ работъ; принятіе на счетъ казны содержанія и экипировки пограничныхъ войскъ, состоящихъ на службѣ, сокращеніе срока полевой службы ихъ и свободное развитіе общинной жизни, сообразное съ мѣстными отношеніями и народными

обычаями. Въ признательность за услуги, оказанныя престолу и отечеству Нашими храбрыми пограничными жителями, подъ предводительствомъ ихъ мужественнаго Бана, утверждаемъ этотъ статутъ, оставаясь въ полной увѣренности, что вы и впредь, какъ прежде, вашею испытанною храбростію и вѣрностію будете надежными опорами Нашего трона и Нашей Имперіи, за что мы обѣщаемъ и впредь жаловать васъ Нашею Имперскою милостію. Дана въ Нашемъ столичномъ городѣ Вѣнѣ, 7-го мая 1850, во второе лѣто Нашего царствованія. (подпис.) *Францъ Іосифъ.* (контрас.) *Шварценбергъ. Краусъ. Бахъ. Бруккъ. Тинфельдъ. Шмерлингъ. Тукъ. Кульмеръ*».

— Въ редакцію «Журнала Австрійскаго Лойда» пишутъ изъ Тріеста, отъ 20-го сего м.: «Сегодня хотѣли спустить на воду первый большой военный пароходъ нашего флота, корветтъ «Лучія»; но онъ все-еще стоитъ на верфи. Этотъ красивый корабль, при громкихъ восклицаніяхъ безчисленнаго множества зрителей и при звукахъ народнаго гимна, уже былъ приведенъ въ движеніе, какъ вдругъ остановился, а вмѣстѣ съ этою остановкою, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, утихъ и восторгъ народа. Всѣ усилія, употребленныя рабочими въ продолженіе цѣлыхъ двухъ часовъ, остались напрасными: корветтъ не двигался съ мѣста. Е. И. В. Эрц-Герцогъ *Іоаннъ*, его супруга и графъ *Фонъ-Меранъ* ждали до полудня на богато-убранной террасѣ, гдѣ сверхъ того находилось избранное дамское общество. Е. И. В. былъ окруженъ вице-адмираломъ *фонъ-Дальрупомъ*, контр-адмираломъ *Бухкоричемъ* и многими генералами сухопутной арміи. Видя, что дѣло не подвигается впередъ, Эрц-Герцогъ отправился домой, и его примѣру послѣдовало высшее общество, а скоро потомъ начали расходиться и прочіе зрители.

— Пишутъ изъ Венеціи, отъ 25 іюня: «Военнымъ начальствамъ въ Падуѣ напослѣдокъ удалось захватить многочисленную разбойничью шайку, которая уже давно была ужасомъ путешественниковъ и сельскихъ жителей, особенно въ округахъ Эсте, Мональяны и Теоло. Военный судъ уже окончилъ процессъ 43 обвиненныхъ. Всѣ они были приговорены къ смертной казни, но изъ нихъ казнено только 29 человѣкъ, а остальные 14 помилованы и заключены на 20 лѣтъ въ тюрьму, въ тяжолыхъ оковахъ. Участь

другихъ разбойниковъ, число которыхъ простирается слишкомъ до 50 человѣкъ также будетъ рѣшена въ самомъ скоромъ времени.

— По повелѣнію Е. В. Императора, въ Богеміи учреждается пятое епископство, и приведеніе этого проекта въ дѣйствіе возложено на новаго пражскаго князя-архіепископа, князя *фон-Шварценберга*.

1-го *іюля*.—Газетѣ Südslavische Zeitung пишутъ изъ Землина отъ 25 іюня: Нападеніе Болгаръ въ Бѣлградцикъ и двѣ стычки ихъ съ Турками были неудачны. Христіане, живущіе въ Видинѣ, находятся въ ежеминутномъ страхѣ нападенія со стороны Турокъ; лавки закрыты, всѣ прячутся въ домахъ.

— Той же газетѣ пишутъ изъ Рагузы, отъ 22 іюня: Пріѣзжіе изъ Турціи говорятъ, что *Омер-Паша* остановился 15 числа лагеремъ близъ Пристины, съ войскомъ въ 15,000 человѣкъ. Вмѣсто умершаго *Тагир-Паши* назначенъ Пашею Босніи *Гафиз-Паша*. Многіе боснійскіе аристократы уже покорились, говоря, что подняли оружіе не противъ Султана, а только противъ несправедливаго паши.

— Osservatore Dalmato увѣряетъ, что жители Багнани (Bagnani) намѣрены отказаться отъ подданства Турціи, потому-что визирь Герцеговины не хочетъ освободить трехъ капитановъ ихъ. Въ такомъ случаѣ съ ними, по всей вѣроятности, соединятся Черногорцы и жители Грабовы.

Данія.

Шлезвигъ-Голштейнъ. Киль, 4 *іюня*.—Сегодня утромъ пароходъ «Левъ» выходилъ изъ гавани на рекогносцировку. Въ двухъ миляхъ отъ берега стояли на якорѣ два датскихъ фрегата и два парохода. Далѣе былъ 1 линейный корабль. Около $8^1/_2$ часовъ показался большой пароходъ, повидимому «Holger-Danske», выходящій изъ Экенфордской гавани; онъ, кажется, хотѣлъ овладѣть «Львомъ», который возвратился въ Киль къ 10 часамъ.

Альтона. 5-го.—Здѣсь получено изъ Киля извѣстіе, что переговоры въ Копенгагенѣ прекращены, и полномочные возвратятся назадъ. Скоро снова начнутся военныя дѣйствія.

6-го.—Въ Прусскомъ Staats-Anzeiger напечатано извѣстіе изъ Ольденбурга, въ которомъ говорится, между прочимъ, слѣдующее: «Отсюда слышны опять пушечные выстрѣлы съ моря. Они раздаются вѣроятно съ датскихъ кораблей; маневрирующихъ въ значительномъ числѣ между Лабое, Фермарнскимъ проливомъ и ближайшими датскими островами. Нѣкоторые корабли подходятъ впрочемъ такъ близко къ баттареѣ и Святой-гавани, что въ нихъ попадаютъ ядра; такъ 4 іюня былъ сильно поврежденъ одинъ корабль.

7-го.—Газета Hamburger Correspondent сообщаетъ извѣстія, полученныя изъ Рендсбурга отъ 6 и изъ Киля отъ 7 числа; главная квартира датскихъ войскъ находится въ Колдингѣ; туда ожидаютъ со дня на день гвардію. Шведскія войска получили приказаніе быть на готовѣ; впрочемъ шведскіе офицеры говорятъ, что скоро войска эти будутъ замѣнены другими. О результатѣ переговоровъ въ Копенгагенѣ ничего вѣрнаго неизвѣстно; носятся слухи, что голштейнскіе полномочные возвращаются назадъ.

Копенгагенъ, 22-го.—Вслѣдствіе послѣднихъ предложеній прусскаго правительства, собранъ былъ въ среду, въ Христіанбургѣ, Государственный Совѣтъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Короля; положено дать Пруссіи отвѣтъ въ самомъ скоромъ времени. Съ этимъ извѣстіемъ въ Берлинъ отправленъ въ четвергъ секретарь одного изъ департаментовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, камер-юнкеръ *Квадe*. Отвѣтъ ожидаютъ къ четвергу; правительство до этого времени постановитъ окончательное рѣшеніе. Вѣроятно, что оно будетъ объявлено Фолькстингу въ ближайшее засѣданіе его, въ понедѣльникъ.

24-го.—Сегодня, въ тайныхъ засѣданіяхъ Верхней Палаты и Палаты Представителей, министерство сообщило Палатамъ свѣдѣнія о ходѣ переговоровъ, до ультиматума, посланнаго въ Пруссію за нѣсколько передъ симъ дней. Объясненія эти заняли собою полтора часа времени. Сколько извѣстно, помянутый ультиматумъ клонится въ сущности къ тому, чтобы заключить съ Пруссіею отдѣльный миръ

или, если это не удастся, привести въ исполненіе первый пунктъ тайныхъ прелиминарныхъ статей 10-го іюля прошлаго года, такъ, чтобы нейтральныя войска оставили Шлезвигъ, а датскія войска заняли его. Когда, потомъ, Герцогства возвратятся къ покорности и повиновенію, то, по предложенію датскаго правительства, Е. В. Король назначитъ извѣстное число представителей Даніи, Шлезвига и Гольштейна, чтобъ они подали свое мнѣніе объ окончательномъ приведеніи въ порядокъ этого дѣла. Въ Верхней Палатѣ, сообщенія министерства не повлекли за собою никакого пренія; но въ Палатѣ представителей завязалось преніе, которое продолжалось 4 часа и въ которомъ участвовали Гг. *Христенсенъ*, *Монрадъ*, *Давидъ* и *Черкингъ*, а со стороны министерста *Споннекъ*, *Клаузенъ*, *Ганзенъ* и *Цартманъ*, сообщившіе Палатѣ многія подробности относительно переговоровъ и военныхъ приготовленій.» Газета «Kjöbenhagenspost» замѣчаетъ, что сообщенія министерства не сдѣлали вопросовъ г-на *Христіансена* излишними, и что эти вопросы, какъ ожидаютъ, будутъ предложены въ пятницу, 28-го іюня. По другимъ извѣстіямъ, преніе въ Палатѣ Представителей было очень жаркое, и кончилось не ранѣе полуночи. Говорятъ, министры выдержали при этомъ сильное нападеніе со стороны *Черкинга* и *Монрада*. Военный министръ едва ли не выйдетъ изъ кабинета; преемникомъ его газета «Nyeste Postefterretninger» называетъ маіора *Андре*. По мнѣнію газеты «Flyveposten», Сеймъ будетъ распущенъ 29-го іюня, и нерѣшеныя дѣла будутъ отложены до *октября*.

Фленсбургъ, 26-го. Правительственная коммиссія, прокламаціею отъ 19-го с. м., объявила недѣйствительными для Шлезвига распоряженія намѣстничества на счетъ избранія шлезвигъ-гольштейнскихъ депутатовъ для Законодательнаго Собранія, которое должно быть созвано. Въ Зундевиттѣ, Апенрадѣ и здѣсь уже арестовано, по приказанію правительственной коммиссіи, двѣнадцать человѣкъ, подозрѣваемыхъ въ дѣятельномъ содѣйствіи намѣстничеству при организованіи выборовъ въ Шлезвигѣ. Ожидаютъ, что эти аресты еще не кончатся.

— Другою прокламаціею, правительственная коммиссія запретила въ Шлезвигѣ всякій наборъ рекрутъ, который былъ бы произведенъ по приказанію кильскаго намѣстни-

чества. Такимъ-образомъ, послѣднее можетъ разсчитывать въ Шлезвигѣ только на волонтеровъ, въ строгомъ значеніи этого слова.

Голландія.

Гаа. 4 іюня скончался здѣсь Принцъ *Вильгельмъ Фридрихъ Морицъ Александръ Генрихъ Карлъ* Нидерландскій, второй сынъ Короля, родившійся 15 сентября 1843 года. Вторая Палата послала сегодня по этому случаю Королю адресъ, съ изъявленіемъ сожалѣнія объ этомъ горестномъ событіи.

Италія.

Римъ.—20-го мая. Вотъ содержаніе рѣчи, произнесенной Піемъ IX въ Тайной Консисторіи: Папа благословляетъ Провидѣніе за возвращеніе свое въ Римъ; потомъ благодаритъ тѣхъ, которые этому содѣйствовали, а именно Короля Неаполитанскаго, французскій народъ и Президента Республики, Австрійскаго Императора, Испанскую Королеву, наконецъ всѣхъ лицъ, свѣтскихъ и духовныхъ, дѣйствовавшихъ съ тою же цѣлію.

Въ послѣдней части своей рѣчи Папа благодарилъ Австрію за уступки, сдѣланныя ею католической церкви; онъ выразилъ сожалѣніе о послѣднемъ законѣ, обнародованномъ въ Сардинскомъ королевствѣ, который противорѣчитъ союзу, заключенному между этимъ королевствомъ и папскимъ правительствомъ. Слова, сказанныя имъ о Бельгіи, показываютъ, въ какой степени обнесено передъ нимъ ея правительство.

24-го *Мая.* Газетѣ Times пишутъ изъ Рима:

«Я слышалъ, что англійскій консулъ во второй разъ требовалъ отъ папскаго правительства вознагражденія потерь, понесенныхъ во-время республики англійскими подданными. Требуемая сумма простирается до 12,000 ф. ст. Я бы не уди-

вился, еслибы съ гаванями церковной области сдѣлали то-же, что въ Греціи. Многимъ купцамъ было бы выгодно привозить товары, раздражить народъ и заставить его истребить багажъ, а потомъ заставить правительство заплатить за издержки.

— Папа сильно занятъ вопросомъ объ устройствѣ управленія въ своемъ государствѣ; оно будетъ, какъ говорятъ, раздѣлено на 4 округа, каждый подъ управленіемъ кардинала. Главная цѣль такого распредѣленія, возможность охранять спокойствіе противъ возмутителей.

8-го *Іюня*.—Рѣчь, произнесенная Папою, произвела на Піемонтъ и Бельгію очень непріятное впечатлѣніе. Дѣло въ томъ, что его святѣйшество отзывается объ этихъ двухъ государствахъ съ невыгодной для нихъ стороны.

— Римскій министръ финансовъ объявилъ, что правительство принимаетъ мѣры къ уменьшенію количества ассигнацій, находящихся въ оборотѣ.

10-го.—La Patrie получила письмо, въ которомъ извѣщаютъ ее о событіи, случившемся въ Римѣ. Въ день послѣдней процессіи, Папа получилъ безъимянную записку, въ которой сказано было, что въ этотъ день трое злоумышленниковъ согласились покуситься на его жизнь. Къ счастію пошелъ сильный дождь и помѣшалъ ему выйти. Между тѣмъ арестованъ какой-то человѣкъ, сходный по описанію съ однимъ изъ злодѣевъ, означенныхъ въ запискѣ. Онъ, не смотря на увѣщанія, не хотѣлъ снять шляпы передъ Св. Дарами, и даже сказалъ нѣсколько дерзостей французскому офицеру, требовавшему, чтобы онъ снялъ шляпу. Швейцарцы, тѣлохранители Папы, отвели его на гауптвахту, и нашли при немъ два заряженныхъ пистолета.

— По телеграфическимъ извѣстіямъ изъ Рима, римское правительство приступило къ набору 4,000 челов. рекрутъ.

14-го.—Кардиналъ *Ламбрускини* находился въ Чивита-Веккіи. Тотчасъ по его прибытіи въ этотъ городъ были арестованы многія лица и произведены домовые обыски. По желанію муниципалитета, городъ былъ освѣщенъ.

18-го.—Сего дня выстрѣлъ съ крѣпости Св. Ангела возвѣстилъ о годовщинѣ восшествія Пія IX на папскій престолъ.

Сардинія. 3-го іюня.—Монсиньоръ *Манцони* приговоренъ судомъ къ уплатѣ 500 флориновъ и выпущенъ изъ-подъ ареста. Платить штрафа онъ не хочетъ.

Неаполь.—25-го *мая.* Оффиціальная газета, издававшаяся до-сихъ-поръ подъ заглавіемъ «Giornale costituzionale del regno di due Sicilie», выходитъ теперь просто подъ именемъ «Giornale del regno di Sicilie». Вообще, слово «costituzionale» исключено изъ всѣхъ оффиціальныхъ актовъ.

— Въ Палермо происходили, въ ночи 18-го мая, безпорядки, подавленные силою оружія.

Модена.—7-го *іюня.*—Герцогъ Моденскій издалъ декретъ, которымъ возвращаются іезуитамъ всѣ ихъ прежнія права и имѣнія.

Сан-Марино.—20-го. Въ республикѣ Сан-Марино, знаменитой между прочимъ тѣмъ, что во-время войнъ Наполеона, она одна во всей западной Европѣ не потерпѣла никакого измѣненія, собрался центральный комитетъ италіянскихъ революціонеровъ. Папское правительство требовало выдачи своихъ подданныхъ, но не получило отвѣта; оно обратилось къ Австрійцамъ, которые до-сихъ-поръ никогда не вступали въ предѣлы Сан-Марино; они требовали изгнанія всѣхъ иностранцевъ; консулы республики отвѣчали, что они принадлежатъ уже бо́льшею частію къ числу ея гражданъ, что нельзя изгнать ихъ, а можно только обязать не нарушать спокойствія. Между тѣмъ изъ Сан-Марино во всѣ концы Церковной Области и Тосканы разсылаются возмутительныя воззванія.

Испанія.

20-го *іюня.* Королева издала декретъ, въ силу котораго *Герцогиня Монпансье* получаетъ титулъ испанской инфантины, со всѣми правами, почестями и преимуществами.

— Правительство намѣрено немедленно отправить на островъ Кубу шесть полковъ, въ видѣ подкрѣпленія.

— Здѣсь открытъ карлистскій заговоръ, вслѣдствіе чего многіе уже арестованы.

— Испанскія газеты говорятъ о каменномъ дождѣ, выпавшемъ 4 іюня въ провинціи Ціудадъ-Реалъ близъ Кар

гона де-Калатрава. Нѣкоторые камни вѣсили отъ 6 до 8 унцій. Бѣдствія отъ этого дождя ужасны: истреблено 20,000 оливковыхъ деревъ, 150,000 виноградныхъ кустовъ, и много засѣянныхъ полей побито. Убито три человѣка, нѣсколько ранено. Вездѣ въ окрестностяхъ находили мертвыхъ голубей и другихъ птицъ.

Швейцарія.

1-го *іюня*. Прусское правительство адресовало къ правительству Нёшательскаго Кантона ноту, въ которой объявляетъ, что оно не признаетъ продажи церковнаго имущества, произведенной по распоряженію нёшательскаго правительства. Нота эта надѣлала въ Германіи довольно шума.

— Новый Большой Совѣтъ Бернскаго Кантона имѣлъ сегодня свое первое засѣданіе. Занимались повѣркою выборовъ, причемъ оказалось, что большинство дѣйствительно перешло на сторону оппозиціи, то есть консерваторовъ. Оппозиція уже одержала побѣду надъ партіею правительства, то-есть радикалами, въ двухъ балотировкахъ. Большинство ея состоитъ пока изъ 12 голосовъ. Этотъ переворотъ долженъ имѣть сильное вліяніе на политику Швейцаріи.

11-го — Большой Бернскій Совѣтъ избралъ членовъ Исполнительнаго Совѣта и собственнаго президента и секретарей. Кандидаты лѣвой стороны были забалотированы. Исполнительный Совѣтъ долженъ состоять изъ 9 членовъ. Радикалы предлагали каждый разъ г. *Штемпфли*, но ни разу не получилъ онъ достаточнаго числа голосовъ. Такимъ образомъ, Совѣтъ составился изъ членовъ охранительной партіи; многіе изъ нихъ даже въ явной враждѣ съ радикалами. Слѣдствіемъ этого будетъ перемѣна въ политикѣ Берна, а за тѣмъ и всей Швейцаріи. Впрочемъ меньшинство можетъ еще сильно препятствовать дѣйствіямъ Совѣта. На слѣдующій день было первое собраніе его, въ которомъ избранъ президентомъ г. *Блёшъ*; онъ же избранъ первымъ депутатомъ Берна въ Совѣтъ Штатовъ, (одну изъ двухъ Палатъ Федеральнаго Собранія), г. *Миги*—вторымъ.

Послѣ избранія своего, г. *Блёшъ* сказалъ, что нѣкоторые изъ членовъ Большаго Совѣта и многіе жители Берна предубѣждены противъ членовъ исполнительной власти, думая, что она враждебна народу; напротивъ, новый Испол-

нительный Совѣтъ хорошо знаетъ нужды его и не нарушитъ правъ его.

Несмотря на это увѣреніе, умѣренные радикалы не совсѣмъ довольны составомъ новаго правительства; въ этомъ виновата лѣвая сторона, которая съ упрямствомъ выставляла г. *Штемпфли*.

— Въ Женевѣ были муниципальные выборы; на нихъ тоже побѣда досталась охранительной партіи. Бернскіе выборы распространили между возмутителями такой страхъ, что многіе нѣмецкіе изгнанники собираются ѣхать въ Англію.

— Глава Федеральнаго Совѣта получилъ ноту отъ прусскаго правительства, въ которой означены безпорядки, производимые ежедневно на границахъ кантоновъ Базельскаго, Шафгаузенскаго, Констанцкаго и Тургови. Возмутители стараются возбудить къ мятежу сосѣднихъ жителей Бадена и Виртемберга. Въ заключеніе прусское правительство предупреждаетъ, что оно запретитъ сообщеніе по всей границѣ, если Совѣтъ не приметъ надлежащихъ мѣръ къ прекращенію безпорядковъ.

Цюрихъ, 22 *іюня*. Изъ политическихъ бѣглецовъ осталась здѣсь только десятая часть; но и она не получаетъ болѣе пособій отъ правительства. Всѣ почти баденскіе солдаты возвратились домой. Нѣсколько сотенъ нанялись въ неаполитанскую службу; нѣсколько тысячъ отправились въ Алжиръ. Алжирскій легіонъ состоитъ теперь изъ 8,000 человѣкъ, и не принимаетъ болѣе волонтеровъ. Остальныхъ иностранцамъ остается тоже наняться въ службу Неаполя.

Турція.

21-го *мая*. Оттоманская эскадра, состоящая изъ 3-хъ линѣйныхъ кораблей, 4-хъ фрегатовъ, 2-хъ корветъ, 2-хъ бриговъ, 1 голета и 5 пароходовъ, вышла на прошедшей недѣлѣ изъ константинопольскаго порта, и расположилась вдоль по Босфору. Она на-дняхъ отправится, подъ начальствомъ *Капитан-паши*, въ Архипелагъ, для морскихъ эволюцій, которыя дѣлаются всякій годъ, для обученія экипажей.

— Министръ юстиціи, *Мазлум-бей*, получившій особое порученіе въ Боснію, и главнокомандующій арміею въ Румиліи

Омер-паша, на прошедшей недѣлѣ отплыли въ Салоники, откуда они отправятся въ Монастырь и потомъ въ Боснію. Надѣются, что въ Босніи возстановится порядокъ до прибытія этихъ сановниковъ, потому-что по послѣднимъ извѣстіямъ, паши Творникскій и Зульскій, замѣшанные въ смятеніяхъ этой области, ушли въ Сербію съ нѣкоторыми босніискими начальниками и просятъ позволенія явиться въ Константинополь, и что съ оружіемъ въ рукахъ остается только въ Бигачѣ *Али-Кедичь* съ малочисленною шайкою. Положено ввести въ Босніи гражданское управленіе (танзиматъ), точно такое же, какъ и въ другихъ областяхъ турецкой имперіи.

— 14 французскихъ артистовъ прибыли изъ Парижа въ Константинополь, и предполагаютъ давать на театрѣ Наума водевили, комедіи и драмы.

Америка.

— Въ письмахъ изъ Буэнос-Айреса, доходящихъ до 10-го мая, извѣщаютъ объ избраніи вновь генерала *Розаса* въ Президенты Аргентинской Республики.

— Нью-Іоркскій корреспондентъ газеты Times говоритъ: «Всѣ поражены результатомъ изысканій о спекуляціи, въ которой замѣшаны 3 члена министерства: гг. *Мередитъ*, *Джонсъ* и особенно военный министръ г. *Крафордъ*. Ихъ обвиняютъ въ подкупѣ и въ уплатѣ изъ государственной казны долговъ по запискамъ, даннымъ прежде отдѣленія Соединенныхъ-Штатовъ отъ Англіи. Слѣдственная коммиссія, назначенная Палатою Представителей, вслѣдствіе донесенія г. *Гольфина*, раздѣлилась на три партіи; каждая напечатала особенное донесеніе. Два изъ нихъ положительно обвиняютъ министровъ, одно оправдываетъ ихъ».

— Экспедиція г. *Джиннелля*, для отысканія сэра *Джона Франклина*, недавно отправилась въ путь.

— Заимствуемъ изъ нью-йоркской газеты «The Courier and Enquirer» слѣдующія подробности хода и результата экспедиціи, предпринятой противъ острова Кубы сѣверо-американскими букканьерами.

Сѣверо-Американцы, при выходѣ ихъ на берегъ въ Карделасѣ, были встрѣчены градомъ пуль и камней, пущеннымъ

съ кровель домовъ, изъ оконъ и угловъ улицъ. Полковники *Витъ* и *О'Фоара* были ранены, но не смертельно.

Букканьеры отвѣчали залпомъ изъ ружей, и сраженіе уже продолжалось болѣе часа, когда на кровлѣ губернаторскаго дворца было выставлено бѣлое знамя. Не-смотря на этотъ сигналъ перемирія, жители скоро возобновили огонь. Тогда люди *Лопеса* зажгли губернаторскій дворецъ. Губернаторъ и его свита (около ста человѣкъ) были принуждены сдаться; ихъ заперли въ одну изъ казармъ.

Лопесъ владѣлъ городомъ до вечера. Самъ *Лопесъ*, его главный штабъ и 25 человѣкъ рядовыхъ, подъ начальствомъ одного офицера, возвратились на пароходъ «Креолъ».

Между-тѣмъ къ городу подошелъ отрядъ изъ 200 человѣкъ улановъ, который и возобновилъ сраженіе. Это новое сраженіе продолжалось болѣе часа. Уланы убили дюжину букканьеровъ; въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ.

Лопесъ поспѣшилъ посадить свой отрядъ на пароходъ, въ виду множества жителей, которые сбѣгались со всѣхъ сторонъ и готовились напасть на него. Въ то же время всѣ иностранцы, живущіе въ Гаваннѣ, за исключеніемъ Американцевъ, добровольно предложили испанскому правительству свои услуги.

Лопесъ владѣлъ Карденасомъ только шестнадцать часовъ, то есть до прибытія войскъ, посланныхъ изъ Матанзаса. Американцы, по словамъ помянутаго журнала, потеряли убитыми и ранеными 30, а Испанцы отъ 90 до 150 человѣкъ. Пишутъ, что одинъ отрядъ улановъ, силы котораго не опредѣляютъ, весь истребленъ въ аттакѣ, произведенной имъ противъ войскъ *Лопеса*.

Американцы сѣли въ безпорядкѣ на пароходъ «Креолъ» и отправились въ обратный путь, будучи преслѣдуемы испанскимъ пароходомъ «Пизарро».

Испанское правительство объявило островъ Кубу въ осадномъ положеніи, и велѣло арестовать всѣхъ, кто прямо или косвенно участвовалъ въ экспедиціи.

Нью-Іоркъ 6 іюня. Въ Вашингтонѣ получено съ острова Кубы оффиціальное донесеніе о казни 4 Северо-Американцевъ; кромѣ того арестовано 105 сообщниковъ *Лопеса*. Испанскіе чиновники передали ихъ командиру сѣверо-американской эскадры, чтобы отвезти ихъ въ Соединенные Штаты и представить суду. Правительство Штатовъ отпра-

видо телеграфическую депешу къ испанскимъ властямъ Кубы, въ которой оно объявляетъ, что оно не дозволитъ арестовать своихъ подданныхъ на другихъ островахъ. Здѣсь ходитъ слухъ, что партія Американцевъ завладѣла южнымъ берегомъ Кубы, и вошла въ сношенія съ властями въ Сіенфуэго и Тринидатѣ. Консулъ въ Лаванѣ извѣщаетъ правительство, что онъ требовалъ выдачи 105 Сѣверо-Американцовъ, арестованныхъ на нейтральномъ островѣ Контоѣ. Это требованіе не было уважено, и консулъ проситъ у правительства полномочія настоять на немъ. Туда пойдетъ сѣверо-американская эскадра. Если плѣнные не будутъ выданы, то консулъ долженъ дать знать о томъ въ Вашингтонъ, и эскадра запретъ входъ въ гавань Гаваны. Кромѣ того она должна отнимать у испанскаго правительства всякое судно, принадлежащее къ экспедиціи, которое впредь будетъ пойманно имъ. Такія распоряженія озлобили испанскихъ чиновниковъ въ Кубѣ, и они отказались дать свѣдѣнія о числѣ, именахъ и будущей судьбѣ арестованныхъ Сѣверо-Американцовъ.

Президентъ прислалъ конгрессу, по поводу дѣла о генералѣ *Лопесѣ*, посланіе, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что въ Кубѣ не замѣтно никакого революціоннаго направленія. Правительство исполняло свои обязанности въ отношеніи къ Испаніи при всякомъ нападеніи на Кубу корабля подъ сѣверо-американскимъ флагомъ.

— Вопросъ о границѣ Техаса пріобрѣлъ большую важность, потому-что правительство этого штата послало своихъ чиновниковъ на спорное мѣсто; они, кажется, не встрѣтили сопротивленія. Въ Санта-Фе произошла стычка между защитниками и противниками этого поступка; ихъ розняли сѣверо-американскія войска.

Портъ-о-Пренсъ, 10 мая. Императоръ *Фаустинъ* призналъ наконецъ консуловъ Соединенныхъ Штатовъ; въ доказательство дружескаго расположенія, 9 мая салютованъ былъ американскій флагъ. Корабли Штатовъ, присланные сюда для окончанія дѣла, пошли въ обратный путь. Экспедиція *Фаустина* противъ Сан-Доминго еще не объявлена, но осенью, вѣроятно, состоится.

Бостонъ, 14 іюня. Генералъ *Лопесъ* арестованъ въ Нью-Орлеанѣ, по приказанію президента *Тэлора*.

Нью-Іоркъ, 16 іюня. Судя по одному письму изъ Вашингтона, напечатанному въ здѣшней газетѣ, «Courier and Enquirer, правительство поручило отъ сѣверо-американскаго консула въ Гаванѣ депеши отъ 8-го с. м., въ которыхъ онъ извѣщаетъ его, что испанскія начальства, вѣроятно, казнятъ капитановъ кораблей «Georgiana» и «Sarah-Land», если правительство Соединенныхъ Штатовъ не станетъ дѣйствовать рѣшительно. Прочіе плѣнные, какъ полагали, будутъ имѣть не столь ужасную участь. Консулъ, какъ слышно, требовалъ опредѣлительныхъ инструкцій, которыми онъ былъ бы уполномоченъ настоять на выдачѣ плѣнныхъ. Извѣстіе объ арестованіи генерала *Лопеса* въ Нью-Орлеанѣ подтверждается; онъ арестованъ 7 іюня, а 12 долженъ былъ начаться допросъ. Многіе зажиточные жители острова Кубы, замѣшанные, вѣроятно, въ предпріятіе *Лопеса*, бѣжали въ Соединенные Штаты; но испанскія начальства объявили, что если эти бѣглецы не возвратятся на Кубу въ продолженіе девяти дней, то все ихъ имущество будетъ конфисковано.

— *Калифорнія*, съ ея сокровищами, все еще составляетъ предметъ, сильно занимающій американскіе журналы. Пишутъ, что въ восточныхъ островахъ Сіэры-Невады, въ 230 англійскихъ миляхъ отъ Пуэбло, въ мѣстахъ, куда еще никогда не вступала человѣческая нога, переселенцы нашли цѣлыя скалы серебра и золота.

Азія.

Китай. — Новый Китайскій Императоръ, *Тау-квангъ*, издалъ нѣсколько прокламацій, въ которыхъ объявляетъ подданнымъ свое восшествіе на престолъ и жалуетъ нѣкоторымъ членамъ императорской фамиліи и другимъ лицамъ разныя милости. Кромѣ того объявлено, что смертная казнь грозитъ всякому, кто напишетъ сочиненіе, въ которомъ пожаръ, происшедшій предъ смертію послѣдняго Императора будетъ приписанъ придворной революціи; тѣмъ, которые выдадутъ преступниковъ правительству, обѣщаны награды.

— Въ Хон-Конгѣ носится слухъ о злоумышленіи на жизнь новаго Императора; обвиняютъ брата покойнаго *Богда-Хана*.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ВѢЧНЫЙ ИСТОЧНИКЪ.

(Изъ Виктора Лапрада.)

Природа! ты живешь, но въ красотахъ твоихъ
Бездушное является мнѣ тѣло;
Въ тѣни твоихъ лѣсовъ, въ теченьи струй живыхъ
Нѣтъ ничего, что-бъ мыслило, хотѣло....

Для дѣйствій смертнаго — ты поприще одно,
Жизнь духа — только смертному доступна;
Искать въ тебѣ разумности — смѣшно,
Благоговѣть передъ тобой — преступно!

Вотъ пышный домъ; но въ немъ свободенъ только я,
Все прочее — въ бездушной формѣ сжато,
И ошибался тотъ, кто, тлѣнный міръ хваля,
Взывалъ къ нему съ слѣпой любовью брата!...

Въ лѣсахъ, чарующихъ величьемъ тишины,
Въ горахъ, долинѣ тихой и прекрасной,
Въ роскошныхъ прелестяхъ живительной весны —
Нигдѣ, ни въ чемъ не видно мысли ясной....

Но.... о, поэтъ! Когда и слабъ и грустенъ ты,
Когда часы унынія настанутъ,
Когда уста твои въ тревогахъ суеты
Искать росы питательной устанутъ;

Въ тотъ день, когда тебя шумъ свѣта изнуритъ,
И вдругъ ты станешь холоденъ къ наукѣ;
Когда подруги взоръ и жаръ ея лапитъ
Не развлекутъ твоей тяжелой скуки;

Когда для глазъ твоихъ поблекнетъ зелень травъ,
Цвѣтокъ и листъ передъ тобой завянутъ,
Любимый плескъ ручья и шумъ дневныхъ забавъ
Ни веселить, ни влечь тебя не станутъ;

Когда картина, стихъ и сладкій звукъ смычка
Твоей души не умилятъ восторгомъ,
Когда для чувствъ твоихъ на всемъ лежитъ тоска,
На всемъ, что̀ создано для смертныхъ Богомъ;

Когда ты самъ, какъ тѣнь, живущая въ гробахъ,
Какъ легкій парусъ въ бурномъ океанѣ,
Бредешь, внушая всѣмъ насмѣшку или страхъ,
И мраченъ, какъ видѣніе въ туманѣ;

Тогда, поэтъ больной! Въ печальный этотъ часъ,
Стряхнувъ съ себя невѣріе въ святыню,
Бѣги въ лѣса, къ горамъ, гдѣ слышенъ Божій гласъ,
Бѣги тогда въ безлюдную пустыню....

Тамъ встрѣтишь дебри ты, подъ снѣжнымъ ихъ плащомъ,
Тамъ въ кратерахъ увидишь ты озеры,
Тамъ бѣлыхъ облаковъ, блестящихъ серебромъ,
Передъ тобой раскинутся узоры....

И въ чудный часъ, когда востока первый лучъ
Нагорныхъ льдовъ озолотитъ вершины,
Увидишь ты изъ нихъ рождающійся ключъ,
Ты встрѣтишь сернъ, летящихъ на стремнины.

Когда жъ, съ однѣхъ высотъ переходя къ другимъ,
Очутишься на гребнѣ ихъ волнистомъ,
Увидишь ты, какъ лучъ сіяньемъ огневымъ
Ихъ очеркъ краситъ въ блескѣ золотистомъ.

Въ ущелье ли войдешь, на горныя ль гряды,
Передъ тобой предстанетъ глубь ли, высь ли,
Вездѣ замѣтишь ты незримые слѣды
Творца міровъ могущественной мысли!

И вотъ, въ полдневный зной, — усталый пѣшеходъ,
Ты вдругъ обильнымъ потомъ оросишься,
И вдругъ внутри себя во всемъ переворотъ
Почуешь ты.... какъ-будто возродишься,

И краткій отдыхъ твой на твердомъ ложѣ скалъ
Вольетъ въ тебя невѣдомыя силы;
Тебѣ трапеза — медъ, ручей — тебѣ фіалъ:
И вотъ — ужъ ты спасенъ изъ рукъ могилы,

Ужъ ты воскресъ! Твой взоръ впиваетъ жадно свѣтъ
Такъ, гдѣ ему являлись только тѣни;
Твой обновленный слухъ, среди безмолвныхъ мѣстъ
Вновь слышитъ хоръ волшебныхъ пѣснопѣній;

И въ полночь ловишь ты привѣтный взглядъ цвѣтка,
Украдкой брошенный звѣздѣ далекой;
И понимаешь ты, зачѣмъ издалека
Такъ грустенъ мѣсяцъ одинокой;

Блескъ утренней росы ты раньше всѣхъ найдешь,
Какъ свѣтлый перлъ на зелени былинки;
Едва съ небесъ падетъ, — ее ты жадно пьешь,
И жизнь впиваешь съ свѣжестью росинки....

Твое дыханіе цѣлительно понятъ
Цвѣтовъ пустынныхъ ароматъ душистый,
И подъ пятой своей ты чувствуешь, гдѣ скрытъ
Потокъ струи живой и серебристой.

Свѣтъ, ароматъ весны и пламень теплоты
Живятъ твой духъ и обновляютъ тѣло....
Поэтъ, вокругъ себя повсюду видишь ты
Мысль высшую, пространство безъ предѣла.

И, въ обаяніи, ты тайно сознаешь,
Что окрылился ты душой въ пустынѣ,
Что посреди живой природы не умрешь,
Что ей и ты доступенъ сталъ отнынѣ!

Такъ, такъ! И тѣломъ ты, и сердцемъ боленъ былъ,
Когда ушелъ отъ городскаго чада;
Смотри жъ теперь: въ тебѣ избытокъ новыхъ силъ
Бушуетъ, будто волны водопада!

Лучъ правды озарилъ способности твои,
Вновь для тебя сталъ Божій міръ чудесенъ,
И сердце чистое раскрылось для любви,
Для думъ молитвенныхъ и сладкихъ пѣсенъ.

Вновь для тебя цвѣтутъ роскошные сады,
Густая тѣнь манитъ тебя и проситъ,
И легкій вѣтерокъ, сорвавъ съ вѣтвей плоды,
Къ ногамъ твоимъ покорно ихъ приноситъ.

Поэтъ! изъ гибкихъ лозъ кошницъ ты навяжи,
Наполни ихъ растеньями пустыни,
И на алтарь святой съ молитвой положи:
Ты такъ давно не жертвовалъ святынѣ!

Ты въ жизни городской утратилъ сердца жаръ,
Тебѣ его пустыня возвратила....
Страдалецъ! оцѣни пустыни чудный даръ:
Сокрыта въ ней зиждительная сила.

Мгновенно слѣдъ тоски томительной твоей
Унынія, безплодность вдохновенья,
Все уврачуется среди лѣсовъ, степей,
И ты, страдалецъ, вкусишь исцѣленье!

Поэтъ! повѣрь вполнѣ внушеньямъ чувствъ своихъ:
Жизнь разлита въ малѣйшихъ искрахъ праха, —
Она, питая смертныхъ, щедро въ нихъ
Вливаетъ чувства счастья или страха;

Она — посредницей небесной на земли,
Въ ней Божество является намъ пышно;
Цвѣтамъ и очеркамъ и звукамъ ты внемли:
Во всемъ тебѣ святое слово слышно!

То слово — жизнь, душа и голосъ твари всей,
Живетъ имъ все: и ты, и лѣсъ, и воды;
Оно — въ любви восторженной твоей,
И въ красотахъ безчисленныхъ природы....

Поэтъ! сроднись душой съ величіемъ степей,
Когда ты слабъ, — въ пустынѣ возраждайся,
И съ каждою весной, все глубже и смѣлѣй
Въ «Источникъ Вѣчный» снова погружайся!...

К. ВЕРДЕРЕВСКОЙ.

—

СОВРЕМЕННЫЕ МАДРИГАЛЫ.

1.

Она алмазами сіяетъ
И бирюзой своихъ очей;
Но не имѣетъ и не знаетъ
Души божественныхъ лучей.

2.

Какія кудри разсыпаетъ!...
Какъ дивно грудь ея полна!
Но это все она снимаетъ,
Когда останется одна.

3.

Какъ хорошо всегда одѣта,
Какъ все свѣжо всегда на ней!
Да, такова она для свѣта,
Но не для горничной своей.

—

4.

НѢКОТОРЫМЪ СОБИРАТЕЛЯМЪ МИЛОСТЫНИ.

Когда бъ вы ближняго любили,
Вы не смущали бы его:
Вы не чужаго бы просили,
А удѣляли своего.

ЗАЙЦЕВЪ.

—

БАСНЯ.

Однажды — превеликій возъ
Простякъ мужикъ на парѣ вёзъ.
Везла усердно коренная, —
Ей иначе везти нельзя;
Это-то плутовка пристяжная
Бѣжала вовсе не везя.
И что жъ? имъ вмѣстѣ на ночлегѣ
Овса насыпалъ мужичокъ;
А самъ, поѣвши, на телегѣ
Залегъ, всхрапнуть себѣ часокъ.

Не ѣстъ съ-устатку коренная,
А пристяжная вдвое ѣстъ;
Лѣнивцамъ участь ужъ такая,
Что имъ ѣда не надоѣстъ.

Вотъ, мужичекъ встаетъ съ разсвѣтомъ;
И не подумаетъ объ этомъ,
Что коренная-то безъ силъ:
Какъ прежде пару заложилъ.

И снова возъ пошелъ въ дорогу,
Хоть понемногу.
Но вотъ, случилася гора:
Не быть добра!

Напрасно билась коренная
И помогала пристяжная:
У коренной не стало силъ....
Мужикъ ее же больше билъ!
И что́ жъ? несчастная упала —
И пала!

Тутъ въ возъ огромный заложилъ
Мужикъ одну ужъ пристяжную,
Какъ остальную.

И вспомнила она тогда,
Какъ дурно, глупо поступила,
Что коренную обдѣлила.
Но въ жизни всякой то бѣда,
Что сознается правда поздно,
Что умъ и страсти — вѣчно розно.

Вотъ пристяжная поползла,
И еле-еле довезла;
Но ѣсть ужъ также не могла,
И тоже пала.
А оттого у мужика,
У простака,
Не только выгода пропала,

А сдѣлался еще накладъ.
Самъ виноватъ!

—

На пристяжную кто походитъ?
Ахъ, много ихъ на свѣтѣ ходитъ!
И даже больше межъ людей,
Чѣмъ лошадей.

.....

ЗАМОРЕЙЦЕВЪ.

—

I.

ЭЛЛАДА.

Какъ я радъ, что оставилъ Акрополь!...
Тамъ лишь башни висятъ надо мной,
Да лепечетъ безтѣнная тополь,
Да летаютъ щуры надъ стѣной.
Мнѣ и слышать и видѣть докучно,
Какъ сова-мышеловка поетъ,
Какъ ворота скрипятъ однозвучно
И змѣя по систернѣ ползетъ....
Но на полѣ.... На полѣ — иное!
Я не въ силахъ, друзья, разсказать!...
Здѣсь отрадно воскресло былое,
Осѣнила меня благодать.
Здѣсь меня обнимаетъ свобода
И все тихо, покойно кругомъ;
Только слышишь: «Природа! природа»!
Пролепечетъ листокъ съ вѣтеркомъ.
Мѣдяница, повиснувъ на вѣткѣ,
Померанецъ лѣниво сосетъ;
Не боясь ни змѣя, ни сѣтки,

Соловей беззаботно поетъ.
Надо мною склонилась олива,
Льютъ съ утеса прохладу ключи,
И горятъ разноцвѣтнымъ отливомъ
На волнахъ голубаго залива
Заходящаго солнца лучи,
И бросаютъ развалинъ колонны
На холмы свою длинную тѣнь,
И мою неподвижную лѣнь
Оживляютъ росой анемоны....
Я всему здѣсь повѣрить готовъ,
Въ этомъ чудномъ жилищѣ боговъ,
Подсмотрѣвъ, какъ клонились ціаны,
Будто смятыя ножкой Діаны,
Пробѣжавшей незримо на ловъ....
Я всему здѣсь повѣрить готовъ!

—

II.

ДРЕВНЯЯ КОЛОННА.

Снизу подъ цвѣтущей мастикой,
Склонившись на мраморъ колонны,
Разбитой грозой и вѣками.
Мнѣ кажется, будто колонна
Глядитъ съ укоризной на время,
Что шло и проходитъ надъ нею,
Глядитъ на людей съ укоризной:
Они съ высоты пьедестала
Ей пасть допустили на землю;
И только лишь плющь прикрываетъ
Своею зеленой одеждой,
Ея красоту вѣковую
Отъ взоровъ людей равнодушныхъ,
Отъ гибельныхъ времени взоровъ.
Досадно и стыдно мнѣ стало:

Я бросилъ на базисъ колонны
Пурпурный вѣнокъ олеандра....
Но вѣтеръ изъ миртовыхъ кущей
Дохнулъ, и развѣялъ далеко
Мой даръ, красотѣ поднесенный.
Я вспомнилъ; — цвѣты олеандра
Крушительный ядъ сокрываютъ.
Досадно и грустно мнѣ стало,
И нарвалъ я листьевъ аканта, —
Аканты прикрыть капители....
Потомъ подхожу я къ колоннѣ
И вижу, въ немомъ изумленьи,
Что мраморы тѣхъ украшеній
Покрыла семья скорпіоновъ.
Я грустно оставилъ колонну,
Подумавъ, что это искусство
Съ составомъ природы слилося....
Мы право свое потеряли:
Искусствомъ народовъ Эллады
Природа ея овладѣла.

—

III.

* * *

Меня томитъ тяжелое сомнѣнье,
Когда встрѣчаю я твой непонятный взоръ,
И вижу въ немъ то страстное волненье,
То равнодушье, то укоръ....
Но если любишь ты, — довѣрчивымъ признаньемъ
Не поспѣшай, прекрасное дитя:
Я передамъ тебѣ мои страданья,
И полюблю тебя, небрежно, иль шутя;
И плѣнникъ твой тебѣ ужъ, какъ рабынѣ,
На ласку ласкою не будетъ отвѣчать,
На то, чѣмъ дорожилъ недавно, какъ святыней,

За что любилъ онъ плакать и страдать....
И празднуя свое освобожденье,
Твой рабъ ужъ промѣнять готовъ
На цѣпи новыя, на новыя сомнѣнья
Страданіемъ добытую любовь....

—

IV.

* * *

Когда колыбельную пѣсню пою,
И ложе дитяти колышу:
Я думаю, будто его хороню,
И пѣснь похоронную слышу.

—

V.

ГРЕЧЕСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Я помню, какъ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ розъ
Холодное чело твое вѣнчали,
Какъ на груди твоей цвѣты завяли,
Какъ много выплакалъ я слезъ....

И убѣжалъ далеко я отъ милой....
Скажи, возросъ твой кипарисъ,
И капли слезъ цвѣтами ль разрослись
У мрамора твоей могилы?

Я, говорятъ, на чуждомъ берегу
Тебя забылъ.... Не вѣрь; тобой любимый,
Тобою полнъ, тобой путеводимый,
Тебя забыть я не могу!

Мой слухъ, мои глаза тебя встрѣчали
Въ цвѣтахъ весны, въ весеннемъ вѣтеркѣ,
Въ лучахъ зари, въ летучемъ облачкѣ,
Въ ночной мелодіи сурьяли *.

* Пастушья флейта.

И. ЩЕРБИНА.

ИЗЪ ДНЕВНИКА

СЛИШКОМЪ МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА.

—

I.

Мнѣ было шестнадцать лѣтъ, когда меня отдали въ пансіонъ. Страшно подумать, сколько было хлопотъ при этомъ событіи, со стороны моихъ родителей! Покойный мой отецъ куда-какъ былъ тяжелъ на подъемъ; къ тому же до Твери считалось слишкомъ двѣсти верстъ. Помню, съ самой Святой-недѣли и до Великаго-поста дворовыя бабы шили мнѣ разное бѣлье, и нѣсколько другихъ людей приготовляло все нужное для дороги; но прошелъ весь Великій-постъ и Святая вся, и лѣто и осень прошли, а мы все еще не поднимались съ мѣста, все поѣздку откладывали до завтра.

Но наконецъ подоспѣлъ январь мѣсяцъ, во-время котораго въ нашемъ губернскомъ городѣ должны были совер-

шиться губернскіе *выборы*, или такъ называемая: *балтировка*; вотъ тутъ только отецъ мой, окончательно приказавъ запрягать лошадей въ два дорожные возка и въ третьи сани для слугъ и поклажи, собралъ насъ всѣхъ въ одну комнату, всѣхъ заставилъ присѣсть, помолиться Богу, а потомъ началось прощанье. У нѣкоторыхъ при этомъ навернулись слезы; нянька, лакей, горничныя—всѣ выли, какъ будто провожали меня на тотъ свѣтъ.

Чрезъ недѣлю послѣ пріѣзда нашего въ Тверь, меня отдали въ пансіонъ. Какъ водится, сперва я поскучалъ, потомъ раза два или три поплакалъ, а потомъ и привыкъ ко всему, но все-таки ѣхать на родину въ наступающіе каникулы было моею постоянною, отрадной мыслію.

Помню, три ночи сряду я не спалъ передъ роспускомъ, и наконецъ послѣ многихъ препятствій, послѣ многихъ жаркихъ мечтаній, которыя уносили меня безпрестанно въ глубину моего роднаго дремучаго лѣса, на змѣйчатую рѣку, на безпредѣльныя, жолтыя поля... Я нанялъ ямскую тройку съ открытой телѣгой, и отправился домой.—Боже мой, какая тогда была веселая дорога! И теперь мнѣ живо представляется, какъ мчался я тогда по гладкому шоссе, которое жолтой лентой вилось между густыхъ рощей и зеленыхъ полей, и потомъ пропадало въ туманной, безконечной дали, въ сіяньи голубаго неба.... Кажется, и теперь бы я сѣлъ на эту тряскую телѣгу, запряженную тройкой лихихъ коней, и опять такъ же, какъ и тогда, весело подъѣзжалъ по лужамъ и грязи къ своему родительскому дому....

По прошествіи каникулъ я очутился опять въ пансіонѣ, а черезъ три мѣсяца инспекторъ классовъ объявилъ мнѣ что я по выбору нашего дворянства помѣщенъ въ одно из

казенныхъ заведеній въ С. Петербургѣ. Мнѣ ѣхать въ Петербургъ!... воскликнулъ я въ восторгѣ.—Въ Петербургъ!.., повторилъ я вмѣстѣ съ товарищами, которые окружили меня и смотрѣли на меня, какъ будто на дикошину:—нѣтъ, это невозможно,—это должно-быть обманъ, это дѣло несбыточное!... А сердце звучно колотило тревогу; я даже дышать не могъ свободно;—такъ было сильно впечатлѣніе, такъ громко и чудно было это слово Петербургъ!... Но почти въ ту же самую минуту, вошедшій почтальйонъ подалъ мнѣ письмо за чорной печатью... Распечатавъ его—я уже былъ сирота!... Письмо было заплакано все слезами моей бѣдной матери, которая въ трехъ строкахъ писала мнѣ о кончинѣ отца....

Меня отпустили домой, на утѣшеніе матери.

Тогда былъ октябрь мѣсяцъ. Тѣ ясные дни, которые я видѣлъ лѣтомъ, на каникулахъ, замѣнились темными и дождливыми. Наша свѣтлая, рѣзвая рѣчка стемнѣла, и готова была застыть отъ перваго мороза. Нашъ темный густой лѣсъ обнажился, и завернулся въ какой-то особенный туманъ, невиданный мною никогда лѣтомъ. Богъ знаетъ, отъ чего и вѣтеръ затянулъ нерадостныя, тоскливыя пѣсни,—и птички, будто испугавшись его стона, иныя улетѣли на югъ, и иныя попрятались въ свои гнѣзда. А въ домѣ у насъ было еще грустнѣе, чѣмъ въ самой природѣ....

Вотъ, бывало, передъ вечеромъ, лежишь на кровати въ задней комнатѣ и читаешь какую-нибудь книгу, вокругъ ни души: весь домъ спитъ послѣ обѣда. А на пасмурномъ небѣ, которое еще съ утра обложено густыми, дождливыми тучами, становятся постепенно темнѣе и темнѣе; въ спальнѣ по угламъ также сгущается мракъ больше и больше.... и только черезъ двѣ комнаты слышится печаль-

ное чтеніе псалмовъ по умершемъ отцѣ. Прислушаешься бывало къ нему,—и сдавитъ сердце непонятная тоска, и черныя мысли длинной веренницей потянутся въ голову, и дрожъ пробѣжитъ по всему тѣлу....

Между тѣмъ кругомъ станетъ такъ темно, что хоть глазъ выколи; чуть только мерещатся окна. Но сонъ бѣжитъ отъ глазъ моихъ; въ ушахъ безпрестанно раздается дребезжаніе оконныхъ стеколъ, въ которыя бьетъ крупный дождь и сильный вѣтеръ.

Но вотъ наконецъ, сквозь щель двери, которая находится противъ моихъ глазъ, сверкнетъ золотая искрина вздутаго въ сосѣдней комнатѣ огня, и потомъ искры посыплются цѣлыми струями, отражая свѣтлыя нити на противуположной стѣнѣ, отчего сгустится еще больше окружная темнота. Послѣ этого послышатся чьи-нибудь шаги, потомъ голоса, и тутъ ужъ станетъ ясно, что наконецъ въ домѣ всѣ проснулись. Подадутъ огня, отъ котораго, по-крайней-мѣрѣ, минутъ съ десять продолжаешь жмуриться и отворачиваться; но наконецъ одѣнешься и пойдешь въ столовую. Тамъ кипитъ самоваръ на большомъ столѣ, а вокругъ него сидитъ все наше семейство, исключая покойника, о которомъ идетъ всегдашняя рѣчь....

Повелѣніе объ отъѣздѣ моемъ въ Петербургъ пришло въ концѣ декабря, передъ самымъ роспускомъ на Святки. Меня, какъ слѣдовало, хотѣли сейчасъ же отправить въ дорогу на казенный счетъ, но я умолилъ инспектора отпустить меня прежде домой, откуда я хотѣлъ отправиться въ Петербургъ на своихъ лошадяхъ. Просьба моя была исполнена, и я отправился домой съ однимъ изъ моихъ товарищей.

Черезъ три дня мы подъѣзжали къ дому. На восточномъ краю неба, еще только что протянулась розовая полоска утренней зари. Кругомъ простиралась безконечная равнина бѣлаго снѣга, сливавшаяся посредствомъ лѣса съ небомъ, подернутымъ сѣрыми облаками. Издали слышался звонъ къ заутрени въ нашей приходской церки. Въѣхали мы на дворъ. Собаки бросились со всѣхъ сторонъ подъ ноги лошадямъ, и проводили насъ до самаго крыльца, гдѣ мы увидѣли запряженныя сани, и въ нихъ мою мать, собиравшуюся ѣхать къ заутрени. Несмотря на нашъ неожиданный пріѣздъ и на свою радость, матушка моя все-таки поѣхала въ церковь, а мы пошли въ комнаты. Только-что я успѣлъ растворить дверь, какъ изъ боковой двери выскочила нянька, и со всего размаха обхватила меня и начала цѣловать; потомъ начали являться съ разныхъ сторонъ лакеи и горничныя, и почти всѣ вразъ приступили насъ раздѣвать.

— Знаете ль сударь, вѣдь у насъ гости есть! сказалъ мнѣ одинъ изъ лакеевъ.

— Кто же такіе?

— Барышня, сударь, Александра Владиміровна Ланская; теперь онѣ изволятъ почивать.

— Какимъ же образомъ она одна къ намъ пріѣхала?

— Третьяго-дня ваша маменька ѣздила въ гости къ ея родителямъ, и она пожелала пробыть вмѣстѣ съ вашей сестрицей весь праздникъ Рождества. А ужъ какая красавица Александра Владиміровна, такъ подлинно сказать: чудо! Даже мы всѣ, не въ обиду, сударь, будь сказано, на нее иной разъ засматриваемся.

Не давъ еще лакею совсѣмъ меня раздѣть, я бросился къ Аркадію, моему товарищу, сообщить радостную новость. По-

куда мы раздѣвались; да опять одѣвались, маменька ужъ успѣла пріѣхать изъ церкви, и насъ позвали пить чай. Мы ожидали тамъ непремѣнно встрѣтить свою гостью, но увидѣли, что маменька сидѣла одна за чайнымъ столомъ.

Мы оба съ Аркадіемъ, какъ водится, были одѣты въ форменныхъ сюртучкахъ. Тогда мнѣ страхъ какъ нравился этотъ нарядъ, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія красавицы, надѣясь, что она непремѣнно засмотрится на мой костюмъ. Но вышло напротивъ — и вотъ какъ именно:

Черезъ полчаса, дѣвушка лѣтъ семнадцати вошла къ намъ вмѣстѣ съ моею сестрою.

Я пробовалъ приниматься нѣсколько разъ за описаніе красоты этой красавицы, и ни разу ничего не выходило путнаго изъ-подъ пера моего, изъ чего я наконецъ принужденъ былъ заключить, что не въ силахъ я описывать вообще того, что разомъ и сильно дѣйствуетъ на мою душу и приводитъ ее въ состояніе, невыразимое на словахъ. Тутъ лучше только чувствуй самъ, — но другихъ не осмѣливайся заставить чувствовать то же самое.

Она была чудно хороша. Я былъ убитъ однимъ только ея появленіемъ. Обо всемъ я позабылъ, все мнѣ показалось ничтожнымъ; не помню право, какъ я поклонился моей красавицѣ, и сейчасъ же сѣлъ опять на свой стулъ.

Только по необходимости потомъ я перекинулся съ нею нѣсколькими словами, и обрадовавшись, что маменька вслѣдъ за тѣмъ начала говорить съ нею, я снова повелъ разговоръ съ своей душою, которая чувствовала въ то время больше, нежели когда-либо въ другое время... А между тѣмъ глаза мои безпрестанно останавливались на обворожительномъ

личикъ, и въ то время, какъ я ихъ свелъ къ низу, изъ-подъ темненькаго платьица моей красавицы показалась узенькая, крошечная ножка, въ бѣленькомъ, какъ первый снѣгъ на холмѣ чулочкѣ... Глаза мои какъ-будто приклеились къ этому необыкновенному снѣгу, — а мечты, а думы, будто облака послѣ тучи, разорванной вѣтромъ въ клочья, летятъ по голубому небу, полетѣли въ моемъ воображеніи... Я упивался зрѣніемъ. Казалось, что я даже не дышалъ... Но вскорѣ сестра что-то шепнула на ухо красавицѣ и почти въ тоже мгновеніе скрылись изъ глазъ моихъ бѣленькіе чулочки...

Я былъ страшно недоволенъ этимъ; хотѣлъ даже сердиться на сестру, но оказалось, что въ сердцѣ не имѣется ни одного уголка для такого чувства. Да впрочемъ и сердиться было не на что. Прелестныя чулочки хоть и скрылась въ одномъ мѣстѣ, за то въ другомъ показались вдвое больше, и притомъ съ тѣмъ удобствомъ, что они оттуда и сестрѣ не были видны...

Прошло минутъ десять. Разговоры маменьки прекратились, но я будто не слышалъ и не видѣлъ ничего, тогда какъ Александра, по словамъ моего товарища, раза три смотрѣла на меня, и наконецъ, когда я опомнился, глаза мои встрѣтились съ чорными ея глазками. Обдернувъ снова платьице, она сильно покраснѣла... Боже мой, какъ она сдѣлалась хороша! Тогда я смѣло могъ воскликнуть:

Клянусь, красавица такая
Подъ солнцемъ *нашимъ* * не цвѣла!

Черезъ минуту Аркадій позвалъ меня съ собою въ другую комнату.

* М. Лермонтовъ.

— Ты, братъ, такъ на нее пристально засмотрѣлся, что мнѣ изъ-за тебя стыдно стало! сказалъ онъ разсмѣявшись.

— Ахъ, братъ, какъ она хороша! воскликнулъ я въ восхищеніи. Неужели она тебѣ не нравится?

— Кто говоритъ, что не нравится.

Въ продолженіе этого разговора, мы подошли къ своей комнатѣ.

— Что-жъ мы съ ней будемъ дѣлать?... спросилъ я садясь и раскуривая свою трубку.

— Любоваться! отвѣчалъ Аркадій, какъ-будто приготовивъ прежде этотъ отвѣтъ.

—

II.

Тотъ день, въ который мы пріѣхали домой, былъ канунъ праздника Рождества Христова. Въ домѣ у насъ вездѣ мыли полы, и всѣ приготовлялись къ завтрашнему дню. Не успѣли мы еще отобѣдать, какъ уже начало смеркаться. Къ вечеру морозъ дошелъ, по-крайней-мѣрѣ, до 30 градусовъ. Три четверти окружности голубаго неба обняла вечерняя заря, такого яркаго свѣта, что на нее было больно смотрѣть, потому-что слипались глаза отъ ея блеска.

Бѣлое, безконечное поле казалось розовымъ отъ ея свѣта, и далеко по немъ ложились тѣни невысокихъ строеній нашего села. Тѣнь каменной церкви, стоящей на горѣ, тяну-

лась слишкомъ на 8 верстъ, до небольшой деревушки, и наконецъ пропадала на темномъ облачкѣ, чуть чуть приподнявшемся изъ-за горизонта. Всеобщее молчаніе изрѣдко прерывалось трещаньемъ, отъ мороза, деревянныхъ стѣнъ и хлопаньемъ въ сѣняхъ дверей. Ни одной птицы не носилось въ черезъ-чуръ сжавшемся холодномъ воздухѣ.

Окна нашей комнаты покрылись отъ мороза чудесными узорами, и послѣ совершенно побѣлѣли. Въ домѣ всѣ спали; собирались и мы съ Аркадіемъ уснуть, хоть и не хотѣлось спать. Я взялъ съ окна какую-то книгу въ довольно хорошемъ переплетѣ, и хотѣлъ себя заставить читать, но долго ничего не видѣлъ въ ней, однакожъ крупное заглавіе книги мнѣ бросились наконецъ въ глаза, и я прочелъ: «Робинзонъ Крузе. Романъ соч. Кампе». До совершенныхъ сумерекъ я успѣлъ прочесть половину 1-й части этой книги, и участь бѣднаго Робинзона произвела на меня сильное впечатлѣніе....

III.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ я оставилъ читать свою книгу, по разнымъ случившимся въ то время обстоятельствамъ, о которыхъ читатели узнаютъ въ концѣ этого разсказа, прошло много времени.

Помнится, я не поѣхалъ въ Петербургъ, а возвратился опять въ пансіонъ. Тамъ прошла вся зима, и я на другое лѣто, подобно прошедшему, пріѣхалъ опять на каникулы

домой. Александра, по прежнему, опять была у насъ въ гостяхъ.

Смеркалось. Будто утренній дымокъ изъ хижины, курился надъ нашей рѣчкою туманъ, постепенно сгущаясь. На ближнихъ елкахъ щебетали неугомонные воробьи, и мы, то-есть я и Александра, одни-одинешеньки, потому-что ни маменьки, ни сестры не было дома, незамѣтно подошли къ рѣчкѣ, прямо къ лодкѣ, которая стояла у берега. Красавица моя засмотрѣлась на туманъ, который продолжалъ дымиться надъ зеркальной водой. Я предложилъ ей проѣхать по теченію рѣки.

Она согласилась, и я радостно взмахнулъ веслами. Струйки, будто змѣи разсыпались во всѣ стороны по гладкой водѣ, и минутъ черезъ десять, селенье скрылось отъ насъ за ближнимъ пригоркомъ. Мы ѣхали молча. Красавица въ то время была еще лучше, нежели на прошлыхъ Святкахъ... а виды по берегамъ рѣки безпрестанно смѣнялись: то открывалось широкое поле, то темный лѣсъ, то вдали озеро, безпредѣльное какъ море и черное отъ темныхъ облаковъ, на небѣ. Рѣка, что дальше все дѣлалась шире и шире, и наконецъ стала такая широкая, что едва были видны ея берега.

Въ это время дунулъ внезапно вѣтеръ, сбилъ облака, ходившія по небу въ одну кучу, къ которой присоединилась еще бѣленькая тучка, вившаяся змѣйкой изъ-за густаго лѣса—и вслѣдъ за этимъ сдѣлалась буря.

Смирная рѣчка наша въ минуту разсердилась, потемнѣла, покрылась волнами, и наконецъ побѣлѣла отъ ихъ пѣны. Нашу легонькую лодочку сильно закачало. Моя красавица побѣднѣла, сложила вмѣстѣ свои бѣленькія ручки и стала

лась что-то выговорить, но сильный вѣтеръ, казалось, захватывалъ ея дыханіе. Положеніе наше въ-самомъ-дѣлѣ было не завидное, потому-что за сильнымъ дождемъ я не видѣлъ даже и береговъ своей рѣки. Между тѣмъ вѣтеръ усиливался, и наконецъ... точно, въ то самое время, какъ Александра хотѣла броситься ко мнѣ на руки, надѣясь найти въ этомъ спасеніе, — въ то самое время, какъ чорныя тучи раздвинулись на двѣ стороны и молнія разомъ зажгла всю туманную окрестность и вслѣдъ за тѣмъ грянулъ страшный ударъ грома,—лодку нашу повернуло вверхъ дномъ, и я, обнявъ свою красавицу, пошелъ ко дну... Страшно шумѣли и пѣнились волны надъ моей головою, покуда я еще не вынырнулъ на поверхность воды; но когда волны забились уже на равнѣ со мной,—сильный вѣтеръ быстро погналъ меня куда-то съ моей красавицей. Ручка ея, казалось, замерла въ моихъ окостенѣвшихъ рукахъ. Сѣдыя волны продолжали безпрестанно прокатываться по моей головѣ и взносить насъ—то выше къ молніи, которая огненнымъ дождемъ падала въ рѣку, то спускать опять въ темную бездну, въ которой бились волны, одна другой больше...

Вскорѣ однакожъ руки мои ударились о что-то твердое, а шедшая сзади огромная волна, выкинула насъ на зеленый берегъ. Я втащилъ немного повыше на него безчувственную Александру, а самъ, совершенно измученный, повалился у ея ногъ. Собравшись съ силами, я бросился къ ней на помощь. Изъ ея розовенькаго ротика, вмѣстѣ съ дождемъ, лившимся съ верху, текла вода; это меня обрадовало. Наскоро приподнялъ я Александру съ земли, а изъ ея ротика еще больше полилась вода. Я не спускалъ съ нее глазъ.... Блѣдное личико постепенно оживлялось, и казалось, готовы были проглянуть, изъ-подъ-закрытыхъ рѣсницъ, прежніе яркіе глазки!... Вслѣдъ затѣмъ мнѣ показалось, что буря

утихла, а свѣтитъ съ середины голубаго неба яркое, горячее солнце....

Черезъ нѣсколько минутъ Александра совершенно пришла въ чувства.

— Гдѣ я? спросила она чуть слышно, и взглянувъ вокругъ себя, снова закрыла глаза,—такъ непривлекательна была туманная окрестность съ фейерверками молній и съ безпрестаннымъ грохотомъ грома!

Я хотѣлъ отвѣчать на вопросъ моей красавицы, но вспомнилъ, что еще и самъ не знаю, на какомъ именно мѣстѣ мы находимся. Вокругъ ничего не было видно, кромѣ бури, и потому я рѣшился пробѣжать немного подальше отъ берега. Минуты черезъ двѣ я прибѣжалъ опять къ берегу рѣки. Поворотивъ оттуда въ другую сторону и миновавъ небольшой кустарникъ, я опять явился на берегу тѣхъ-же самыхъ волнъ,—и наконецъ, пробираясь дальше по берегу, пришелъ къ Александрѣ, которая увидѣвъ, что меня нѣтъ подлѣ нея испугалась и не знала что̀ дѣлать. Я поспѣшилъ ее утѣшить, и не рѣшился покуда сказать, что мы находимся на какомъ-то незнакомомъ для меня островѣ.

— Что̀-же, гдѣ это мы? спросила она почти въ безпамятствѣ.

— Близко отъ селенія, отвѣчалъ я.

Крупный дождь обратился въ мелкій и частый. Окрестность просіяла, и тучи, заклубясь сильнѣе по небу, разсѣялись какъ дымъ въ разныя стороны. Вслѣдъ за тѣмъ надъ нами явился клочекъ лазури, съ тремя, или четырьмя звѣздочками.

Красавица моя наконецъ опомнилась совершенно. Она прозябла, а я не могъ ее ни согрѣть, ни отвести домой. Я сходилъ съ ума отъ досады, но все-таки ничему не помогъ, покуда не вспомнилъ, что у меня въ карманѣ есть огниво, кремень и трутъ. На скоро вытащилъ я кожанный кисетъ для табаку, въ который не пробралось ни капли воды и трутъ былъ сухъ. Я попросилъ позволенія у Александры развести огонь, на что она согласилась. Еслибы работало пять человѣкъ, то они не успѣли бы сдѣлать того, что сдѣлалъ я одинъ въ какія-нибудь полчаса времени. Черезъ десять минутъ передъ моей красавицей пылалъ костеръ, который развести послѣ такого дождя стоило большихъ трудовъ, и вслѣдъ за этимъ я принялся ломать хрупкіе ольховые сучья, изъ которыхъ хотѣлъ построить на скорую руку палатку, полагая, что еще сегодня придется ночевать на этомъ островѣ. Окончивъ построеніе палатки, я подбѣжалъ къ Александрѣ съ разспросами.

— Какъ вы себя чувствуете, Александра Владиміровна?

— Я право сама не знаю, я теперь будто во снѣ.... отвѣчала она.—Меня почти совсѣмъ не пугаетъ теперешнее мое состояніе.... я и сама себѣ не могу этого объяснить!...

Я былъ безъ души радъ.

— Но скажите-же пожалуйста, гдѣ мы теперь находимся? спросила послѣ этого Александра.

Я долго думалъ, но наконецъ отвѣчалъ:

— На какомъ-то неизвѣстномъ для меня островѣ! Но боясь васъ испугать я скрылъ отъ васъ это прежде.

На-минуту яркіе глаза красавицы снова померкли, и она

послѣ или не хотѣла, или не могла, я ужъ не знаю, но только ничего у меня больше не разспрашивала. Я стоялъ не спуская съ нее глазъ, а ночь между тѣмъ все становилась темнѣе и темнѣе. Вокругъ острова поднялся бѣлый туманъ, и скрылъ отъ моихъ глазъ видневшійся на противуположномъ берегу темный лѣсъ. Передо мною тогда только былъ яркій огонь, отъ котораго на небѣ показалось даже небольшое зарево, да еще ярче огня—красавица, на которую и звѣзды съ голубаго неба засматривались, потому-что они, чудилось мнѣ, толпились надъ нею кучею на небѣ...

Когда ужъ совершенно стемнѣло, Александра, облокотясь на палатку, стала смотрѣть въ противуположную сторону отъ огня, въ туманную и темную даль. Я подошелъ къ ней ближе.

— Неужели-же намъ придется навсегда остаться на этомъ островѣ? спросила она меня.

— Что вы, Александра Владиміровна! отвѣчалъ я. — Да неужели же насъ дома не станутъ искать, не разошлютъ вовсѣ концы людей за нами? Кромѣ того я завтра же, какъ только разсвѣтетъ, переплыву на другой берегъ, и тамъ навѣрное дойду до дома, откуда явлюсь къ вамъ съ лодкой.

Послѣ этого мы опять замолкли.

Мнѣ было страшно подумать, что происходило тогда въ душѣ бѣдной красавицы! Прошло еще нѣсколько времени. Глазки ея устали смотрѣть въ темную даль и стали слипаться. Сейчасъ-же изъ ближняго стога притащилъ я двѣ охапки сѣна, и разостлалъ его на полу палатки. Красавица согласилась лечь на эту постель, до-тѣхъ-поръ, навѣрное, ею никогда невиданную.

Я отошелъ отъ палатки. Спокойное прежде сердце мое отъ чего-то забилось.... Часа чересъ два, за дальними тучами протянулась полоса утренней зари, а вѣтеръ, подувшій въ это время съ запада, казалось, раздувалъ ее больше и больше; вскорѣ она явилась во всемъ своемъ блескѣ и потушила яркія звѣзды.... Явилось золотое солнце и облило золотомъ всю окрестность. Крикнули со всѣхъ сторонъ безчисленные хоры птицъ, и разбудили мою красавицу.

Она вышла вонъ изъ палатки, и взойдя на ближній пригорокъ, увидѣла вокругъ острова одну золотую рѣку, которая, раздѣлясь на два рукава, соединилась потомъ въ одно русло и пропадала за темнымъ лѣсомъ. Александра согласилась остаться одна, а я отправился, какъ говорилъ вчера, переплыть на другую сторону рѣки. Раздѣвшись, я бросился въ воду. До берега было саженъ тридцать, но средина рѣка шла очень быстро, и меня противъ воли понесло по ея теченію. Я бился долго, но наконецъ усталъ. Къ счастію еще, что въ это время сзади меня плылъ круглый отрубокъ дерева. Потерявъ силу, я схватился за него и минутъ черезъ пятнадцать дерево вѣтромъ прибило опять къ берегу того-же острова. Я былъ въ отчаяніи. Хотѣлъ еще разъ плыть, но не рѣшился, и добравшись по берегу до своего платья, отправился къ палаткѣ.

Время шло уже къ полудню. Александра, пристально смотрѣла вверхъ по теченію рѣки, ожидая отъ туда посланныхъ изъ дому нашихъ избавителей, но никого не было видно. Кругомъ было тихо. Кустарникъ и рѣка стояли смирно, не шевелясь. Птицы пріутихли и попрятались отъ жара въ глубину лѣса.

Къ вечеру насъ сталъ мучить голодъ. Красавица моя

больше прежняго побледнела. У меня недоставало силъ на нее смотреть, и я пошелъ спрятаться за кустарникъ. Тень его отъ заходящаго солнца, дальше и дальше ложилась по голубой рѣкѣ, наконецъ протянулась до самаго горизонта и совершенно исчезла. Я до-сихъ-поръ не могу объяснить себѣ хорошенько, что происходило въ то время въ душѣ моей!... Настала ночь, я подошелъ къ палаткѣ, и увидѣлъ что на глазахъ Александры, какъ двѣ жемчужинки, блестѣли двѣ крупныя слезы, которыя она поспѣшила сейчасъ же отереть.

Я сталъ съ ней говорить, но о чемъ именно, и теперь не помню... Когда красавица, измученная тоской и голодомъ, снова уснула, я поправилъ огонь, и пошелъ къ берегу рѣки, подернутой густымъ туманомъ. Сѣлъ я передъ туманомъ и задумался. Въ это время мнѣ представилось во всемъ своемъ ужасѣ теперешнее наше положеніе, то есть угрожающая смерть отъ голода, если разосланные изъ дома люди не скоро догадаются заглянуть на нашъ островъ. Но наконецъ усталый, я уснулъ, и проснулся, когда уже солнце высоко гуляло надъ лѣсомъ. Александра еще спала, и я, осмѣлясь заглянуть въ палатку, увидѣлъ ея прелестную головку, закинутую назадъ и лежащую на бѣленькой ручкѣ. Розовый ротикъ ея былъ полуоткрытъ, а черезъ него тянулась узенькая ленточка черныхъ волосъ, отдѣлившихся отъ своего надлежащаго мѣста.

Къ вечеру насъ обоихъ стала томить нестерпимая тошнота. Я насилу таскалъ свои ноги, слѣдовательно легко представить, что было въ то же время съ Александрой! Когда смерклось, она легла, не раздѣваясь, опять въ палатку—и я вошелъ къ ней туда безъ приглашенія.

— Я умираю! сказала она едва слышнымъ голосомъ.

Я молчалъ.

Лицо ея блѣднѣло больше и больше, и наконецъ стало какъ полотно. Ручки ея будто не живыя лежали въ моихъ рукахъ. Немного и я былъ бодрѣе. Въ глазахъ моихъ постепенно темнѣло....

Я хотѣлъ попробовать встать.

— Куда вы? прошептала Александра.—Я умираю, Боже мой, какъ мнѣ тяжело!... шептала она. Потомъ и бѣленькая ручка ея, для чего-то приподнявшаяся къ верху, безъ силъ упала ко мнѣ на плечо.... Я силился ее поцѣловать.

—Прощайте! сказала мнѣ вдругъ слышнѣе прежняго красавица и приподнявшись немного съ земли, такъ пристально, такъ привѣтливо, долго—долго смотрѣла она на меня...

—

IV.

И въ это самое время я проснулся.

Умирающей Александры около меня нѣтъ, а стоитъ со свѣчею Аркадій.

— Полно, братецъ, тебѣ бредить: погибаю, да умираю! Что такое тебѣ приснилось? сказалъ онъ, взявъ меня за руку:—вставай, посмотри, ужъ десять часовъ ночи!

Но я вырвалъ у него руку и хотѣлъ умереть.

— Вставай, вставай! повторилъ громче прежняго Аркадій.

Я протеръ глаза, вынулъ изъ-подъ подушки книгу: «Робинзонъ Крузе» — и сейчасъ же догадался, отчего мнѣ приснился такой сонъ.

Черезъ часъ я увидѣлъ Александру на яву, и вполнѣ увѣрился, что былъ сильно въ нее влюбленъ.

П. И—скій.

РЫБАКЪ.

(Г-НУ А. В.).

Въ августѣ пріѣхалъ я изъ Петербурга въ деревню Краповку.

Передъ окошками моего стариннаго дома течетъ рѣка, именуемая также Краповкою. Въ ней есть мѣста, въ которыхъ и утонуть можно, а есть мѣста, гдѣ куры и гуси въ бродъ переходятъ. Теперь въ рѣкѣ Краповкѣ чудно отражается яркая заря, которая золотитъ верхушки высокаго, сосноваго лѣса, окружающаго со всѣхъ сторонъ мое помѣстье.

На третій день пріѣзда моего въ деревню овладѣла мною страшная тоска. Хозяйствомъ заняться я былъ не расположенъ такъ рано, а больше рѣшительно нечего было дѣлать.

Смеркалось, заря охватила цѣлыхъ три четверти неба, окаймила золотомъ облака, летѣвшія грядой по небу, освѣтила кошку, сидѣвшую на крышѣ крайней избы въ деревнѣ, отразилась въ рѣкѣ, во всѣхъ лужахъ, оставшихся отъ недавняго дождя, и перегорая, постепенно гасла....

На дорогѣ, ведущей въ деревню, лежала дворовая собака и зачѣмъ-то пристально всматривалась въ землю; вѣроятно ползла передъ ней какая-нибудь букашка. Немного дальше, — три мужика ѣхали съ сохами въ деревню. Всѣ

они трое зачѣмъ-то показали пальцами на широкую зарю, въѣхали въ улицу, распрягли лошадей и разошлись по домамъ. Собака, должно-быть боясь опоздать къ ужину, быстро вскочила съ дороги, и бросилась бѣжать въ деревню, спугнувъ на дорогѣ кошку съ крыши.

Облака долетѣли до холмовъ, возвышающихся на горизонтѣ, и улеглись на ихъ вершинахъ. Взамѣнъ потухшей зари разсыпались по всему темноголубому небу міріады золотыхъ звѣздъ. И дрожали онѣ, и искрились....

Пора было и мнѣ спать, а спать не хотѣлось; скука усилилась еще больше; докучные комары пищали во всѣхъ направленіяхъ, и безпрестанно жалили меня, то въ щеку, то въ руки, то въ шею. Я не зналъ куда дѣваться. Между-тѣмъ лакей мой преспокойно храпѣлъ въ сосѣдней комнатѣ. Я сталъ придумывать, куда-бы уѣхать изъ дому, и наконецъ выдумалъ. Покойный мой отецъ былъ большой охотникъ до рыбной ловли, и послѣ него остались всѣ лучшіе снаряды для этого препровожденія, или вѣрнѣе, убиванія времени. Онъ обыкновенно уѣзжалъ на Волгу, и жилъ тамъ по нѣскольку дней на открытомъ берегу. Тоже самое рѣшился и я сдѣлать.

Пошелъ я въ спальню и кое-какъ дождался утра.

— Петръ! крикнулъ я, когда разсвѣло.

Явился мой лакей, придерживаясь за дверь. Безъ того, чтобы за что-нибудь не держаться, онъ, кажется, и стоять не умѣлъ.

Кромѣ-того, никогда онъ не могъ смотрѣть въ глаза тому, съ кѣмъ говорилъ. Слушаетъ-ли онъ, самъ ли о чемъ разсказываетъ, а глаза его уже непремѣнно смотрятъ въ другую сторону. Отъ этихъ двухъ привычекъ его никакъ нельзя было отучить.

— Ступай, братецъ, приготовь все, что нужно къ рыбной ловлѣ. Мы поѣдемъ дня на три на Волгу, сказалъ я ему.

Когда было что-нибудь непріятно Ванѣ, онъ имѣлъ привычку, уходя, крѣпко стукнуть дверью въ прихожей, но теперь этого не сдѣлалъ: видно и онъ съ удовольствіемъ ѣхалъ на Волгу.

Часа черезъ два, къ крыльцу подъѣхала телѣга, запряженная въ одну лошадь. Телѣга съ верху до низу нагружена была посудой и съѣстными припасами. Около лошади роемъ носились мухи, слѣпни и прочія насѣкомыя, отчего бѣдное животное вздрагивало, било ногами въ землю, обмахивалось хвостомъ, а легче не было. Двѣ собаченки-дворняжки лежали невдалекѣ отъ телѣги, приготовляясь, неизвѣстно зачѣмъ, также отправиться на Волгу. Я сѣлъ, и—скрипя покатилась телѣга въ путь. Собаки съ лаемъ бросились впередъ.

Два встрѣтившіеся намъ мужика сняли шапки, и вскорѣ затѣмъ всѣ признаки человѣческаго пребыванія исчезли. Мы въѣхали въ лѣсъ, который до того былъ густъ и высокъ, что наверху нѣкоторыя деревья сплелись верхушками одно съ другимъ.

Мы ѣхали втроемъ; лошадью управлялъ знаменитый во всемъ околодкѣ рыбакъ Павелъ, который всегда сопровождалъ бывало на Волгу моего отца. Говорилъ онъ очень мало, и всю дорогу почти только и дѣлалъ, что курилъ свою *пипку*, какъ онъ самъ называлъ свою коротенькую трубочку. Курилъ онъ исключительно одни только корешки нюхательнаго табаку, которые стекались въ его затасканный, невзрачный, холстинный кисетъ, привѣшенный за поясомъ, отъ нюхальщиковъ всей дворни.

Самая трубка была сдѣлана изъ дерева и обложена внутри листовымъ желѣзомъ, съ тою цѣлью, что глиняныхъ Павелъ никакъ не могъ напастись, и цѣлыхъ три штуки на своемъ роду утопилъ въ Волгѣ. Вотъ все, что успѣлъ я выспросить у Павла до-тѣхъ-поръ, какъ телѣга наша въѣхала на мостъ, ведущій черезъ длинное болото. Впрочемъ этотъ мостъ только Павелъ называлъ мостомъ, а онъ ничуть не походилъ на мостъ. Круглыя бревна положены были лѣтъ двадцать тому, прямо на землю.

Отъ сырости и отъ времени почти каждое дерево до половины сгнило или ушло въ землю, слѣдовательно, легко себѣ представить ѣзду по этимъ половинкамъ. — Мы всѣ трое пошли пѣшкомъ, а лошадь одна поплелась съ телѣгою по-мосту, безпрестанно проваливаясь въ грязь. Павелъ отсталъ и забрякалъ огнивомъ....

Лѣсъ глухо вторилъ стуку телѣги и всхрапыванію лошади. Гдѣ-то далеко-далеко кричали дикія утки....

Петру больше всѣхъ надоѣлъ мостъ. Но наконецъ показался пригорокъ, и на немъ сама-собой остановилась наша лошадь. Павелъ объяснилъ намъ, что она, часто ѣздивши по этой дорогѣ съ покойнымъ моимъ отцемъ, уже привыкла останавливаться по окончаніи моста. Мы сѣли.

Скоро сквозь густоту деревьевъ сверкнула синяя полоса Волги съ серебрянымъ отливомъ отъ солнца. Въ воздухѣ сдѣлалось холоднѣе.

Мы подъѣхали къ избушкѣ, которая стояла на самомъ берегу. Котъ, сидѣвшій на завалинѣ, фыркнулъ и мигомъ вскарабкался на крышу. Собака громко залаяла на дворѣ. Изъ избы вышелъ старикъ и просилъ насъ зайти къ нему отдохнуть, но я отказался и велѣлъ скорѣе изъ телѣги все выкладывать въ лодку. Черезъ полчаса мы уже плыли. Собаченки, высунувъ красные языки, бѣжали по берегу. Но не обращая нисколько на нихъ вниманія, двѣ бѣлки быстро переплыли съ однаго берега на другой, и хотя собаки увидѣли ихъ, но было уже поздно: одни только рыжіе хвостики мелькали на высокой соснѣ.

Петръ держалъ у себя на колѣняхъ заряженное ружье, и жмурясь отъ лучей солнца, безполезно посматривалъ на всѣ стороны. Вдругъ Волга сдѣлалась вдвое шире. Я оглянулся; въ нее впадала другая такая же широкая рѣка. Вдалекѣ виднѣлась какая-то изба.

— Вотъ здѣсь и уженье начинается! сказалъ намъ Павелъ.

На смугломъ, морщинистомъ лицѣ его появилась улыбка; съ какимъ-то наслажденіемъ посматривалъ онъ на лѣсистые берега и на широкую, какъ озеро, Волгу. Здѣсь, откуда взялась у него и удаль, и говорливость, и удивительная расторопность въ дѣлѣ. Онъ замучилъ Петра приказаніями, и даже мнѣ безпрестанно задавалъ работу. Онъ стоялъ на краяхъ лодки съ открытой головой. Павелъ не любилъ носить шапки. Солнце жгло его, вѣтеръ ключилъ его черные, растрепанные волосы, но онъ преспокойно продолжалъ возиться съ удочками. Перевязывалъ поплавки, перемѣнялъ крючки, привязывалъ грузила.

Между тѣмъ мы съ Петромъ перетаскали все изъ лодки къ избѣ, которая оказалась нежилой; не желая быть на открытомъ воздухѣ, мы расположились на лугу. Петръ развелъ огонь.

— Чья это изба? спросилъ я у Павла, когда онъ подошелъ къ намъ.

— Моя, сударь.

— Какъ, твоя?

— Я выстроилъ ее еще при женѣ.... Тутъ Павелъ пріостановился, и потомъ отвѣчалъ отрывисто: покойникъ баринъ велѣлъ мнѣ выстроить ее здѣсь.

Вслѣдъ за этимъ онъ, какъ-будто не желая продолжать разговора, началъ опять суетиться около удочекъ. Послѣ обѣда мы отправились съ нимъ вдвоемъ удить рыбу, а Петръ ушелъ съ ружьемъ за утками.

Павелъ посадилъ меня на самое рыбное мѣсто, какъ онъ самъ его называлъ, и шепотомъ показывалъ, въ которую сторону надобно было закидывать. Шагахъ въ пятнадцати отъ меня, на мысѣ, помѣстился онъ самъ. Кругомъ его была густая трава, изъ которой роемъ вылетѣли комары и облѣпили ему лицо и руки, но хотябы вздрогнулъ онъ, хотьбы пошевелился до-тѣхъ-поръ, покуда не вытащилъ огромнаго окуня. И отмахнувшись, онова закинулъ удачку. Мнѣ не везло: хотябы разъ потопулъ у меня поплавокъ, пригрѣваемый солнцемъ. Чрезъ нѣсколько минутъ я уснулъ, и проснулся, когда уже катились надъ Волгой густые, черные туманы, волнуемые вѣтромъ, отчего темный лѣсъ на противоположномъ берегу, словно сказочный, то казался плавающимъ, то волнующимся.... Кругомъ меня на различные тоны пищали комары. Я оглянулся: Павла нигдѣ не было. Пошелъ я къ избѣ, осмотрѣлъ тамъ всѣ углы, но никого не нашелъ. При моемъ приближеніи, изъ чашки съ водой, которая осталась у насъ отъ обѣда, выпрыгнула лягушка и пошла скакать по росистому лугу.... Я принялся поправлять потухающій огонь....

Чрезъ минуту изъ лѣса вышелъ Павелъ съ цѣлой котомкой рыбы. Не говоря ни слова, высыпалъ онъ передо мной свою добычу, и улыбаясь, бралъ въ руки самую крупную рыбу, взвѣшивалъ ее и клалъ на самый верхъ.

— Ты, значитъ, хорошо удилъ? сказалъ я ему.

Рыбакъ ничего не отвѣчалъ.

— На многихъ ты мѣстахъ сидѣлъ сегодня? спросилъ я.

— На двухъ всего; да нѣтъ, баринъ, плохо: не клюетъ что-то!

— Какое плохо, чего тебѣ еще больше надо?

— Эхъ, сударь, теперь, знать, рыба вывелась. Вотъ въ тотъ годъ, какъ я эту избу выстроилъ, такъ мы съ покойнымъ барином по пуду въ полдня выуживали, и все только супротивъ этой избушки, дальше и не ходили никуда.

Павелъ о чемъ-то вздохнулъ. Я обрадовался, что онъ сдѣлался разговорчивѣе, а вздохъ его возбудилъ во мнѣ любопытство.

— Ты говорилъ, что это твоя изба? спросилъ я.

— Моя....

И вслѣдъ за этимъ Павелъ засмотрѣлся зачѣмъ-то въ сторону, а потомъ началъ посматривать на небо.

— Вишь, сударь, звѣзды-то какъ искрятся, словно, искры летятъ изъ-подъ огнива.

— Да, правда, отвѣчалъ я. Ты, Павелъ женатъ или нѣтъ? спросилъ я потомъ.

Павелъ замялся.

— Женатъ, да жены нѣтъ! отвѣчалъ онъ отрывисто.

— А гдѣ же она?

— А Богъ ее знаетъ!... Эки бестіи комары-то!... продолжалъ онъ, и принялся поправлять костеръ.

Я понялъ, что для него съ именемъ этой избы и жены сопряжено что-нибудь особенное, о чемъ онъ никакъ не хочетъ разсказывать. Любопытство мое возрастало. Я рѣшился употребить средство, часто употребляемое въ подобныхъ случаяхъ.

— Пьешь водку? спросилъ я у Павла.

— Нѣтъ сударь, не пью.

— Неужто и по праздникамъ не пьешь?

— По праздникамъ отчего же рюмки-другой не выпить.

— Ну такъ и теперь можно. Пей! Полно отнѣкиваться.

Павелъ выпилъ.

— Гдѣ же спать сегодня будемъ? спросилъ я у него.

— Коли угодно, такъ въ избу пойдемъ, а неугодно, такъ

можно лодку притащить сюда, да подъ нее и заберемся. Оно на свѣжемъ воздухѣ привольнѣй, а и сѣна цѣлая копна радомъ, и комаровъ не будетъ!

— Отчего-жъ комаровъ не будетъ?

— А мы ихъ дымомъ отгонимъ.

Чрезъ полчаса все было готово. Павелъ натаскалъ подъ лодку сѣна, и я улегся.

— Водки хочешь?

— Пожалуй, коли милость ваша будетъ.

Я налилъ ему стаканъ.

— Ты постоянно живешь въ этой избѣ? спросилъ я чрезъ нѣсколько минутъ.

— Нѣтъ, теперь только изрѣдка бываю въ ней, а года съ три тому назадъ такъ цѣлую зиму здѣсь жилъ.

— Зачѣмъ?

— А все отъ жены, сударь.

— Какъ отъ жены?... вѣдь у тебя нѣтъ жены?

— Тогда еще была она.

— А теперь умерла?

— Нѣтъ, не умерла.

Павелъ всталъ со своего мѣста и молча началъ поправлять огонь.

— А завтра день славный будетъ, сказалъ онъ потомъ.

Я налилъ ему еще стаканъ.

— Гдѣ же твоя жена, коли не умерла?

— А Богъ ее знаетъ.

— Ты, значитъ, не любилъ ее, коли она ушла отъ тебя?

— Какое не любилъ, сударь, да она сама-то, Христосъ ее вѣдаетъ, такая была мудреная....

И Павелъ на минуту задумался.

— Она такая была мудреная, сударь, повторилъ онъ. Ну, да извѣстное дѣло: въ горницѣ съ господами и выросла, такъ съ мужикомъ жить ей знать нелюбо стало....

И Павелъ снова замолчалъ, а любопытство мое возрастало больше и больше. Къ тому же и спать не хотѣлось.

— А не въ похвалу себѣ будь сказано, сударь, красавица она была у меня и любилъ я ее, вотъ-те Христосъ свидѣтель, безъ души.... сказалъ опять Павелъ.

— Ты ее откуда взялъ?

— А вотъ изволите видѣть: звали ее Ольгой, и была она у нашей барыни горничной. По всему селу славилась она первой красавицей; ну, такъ и сосватали-то ее съ сыномъ приказчика. А онъ, сударь, пьяница горькій былъ. Можетъ барыня-бъ и не отдала за него Ольгу, да Ольга-то души въ немъ не слышала. И сосватали ихъ....

Павелъ тяжело вздохнулъ.

— Да знать судьба Ванюхѣ такая выпала. Наканунѣ его свадьбы господъ дома не было, а онъ и напейся въ это время, да и побилъ окошки въ барскомъ кабинетѣ. За это баринъ, вмѣсто свадьбы, на другой день велѣлъ отдать его въ солдаты.... И повезли его.... На дворѣ, передъ барскимъ домомъ, какъ теперь помню, собралась вся дворня, всѣ плакали, а Ольга больше всѣхъ. Такъ-таки и повисла она у него на шеѣ, и отнять ее не могли, покуда совсѣмъ уже не въѣхали въ лѣсъ. Какъ увезли его, я опять и сталъ ухаживать за Ольгой, а она разъ въ сердцахъ какъ пуститъ въ меня палкой!... Досадно мнѣ было на нее за это. Но я все-таки не отставалъ отъ нея, и наконецъ.... обвѣнчали насъ....

Тутъ Павелъ снова вздохнулъ и принялся поправлять огонь.

— У меня, сударь, ни роду, ни племени не было, и жилъ я тогда въ чужой избѣ. Цѣлую недѣлю молодая жена не подпускала къ себѣ. Уйдетъ, бывало, въ сарай и реветъ тамъ цѣлый день, а спать уходила въ барскія хоромы. Даже за столъ не хотѣла вмѣстѣ садиться со мной, а ѣла отдѣльно. Оно извѣстное дѣло, сударь, будь на моемъ мѣстѣ другой мужъ, такъ онъ давно бы отвадилъ свою жену отъ такихъ дѣлъ, а я такъ все думалъ про себя: перемелется, мука будетъ! И точно: разъ какъ-то вечеромъ сижу я въ одномъ углу избы, да набиваю пипку, а Ольга сидитъ въ другомъ. И смотримъ мы оба другъ на друга. А опричь насъ въ избѣ никого больше не было. Какъ теперь помню, такъ-таки вотъ и смотримъ мы другъ на друга. Я-то вотъ здѣсь сижу, а она примѣромъ тамъ вонъ, около окна.

— Знаешь что, Павелъ? говоритъ она мнѣ.

— А что? говорю я.

— Помиримся, говоритъ.

— Помиримся, говорю: я тебѣ, Богъ видитъ, ничего худаго не дѣлалъ.

Ольга подошла ко мнѣ и сѣла рядомъ. Я посмотрѣлъ на нее. Ну, красавица да и только, а ужь молода-то какъ она была, сударь!...

— Будемъ жить въ мірѣ, полно, вѣдь я жена твоя! говоритъ она мнѣ.

И обняла меня.

— Наше, сударь, сами знаете, вѣдь мужицкое дѣло, а все же есть сердце; ну, и обнялъ ее, и глядимъ мы оба другъ на друга. Я было хотѣлъ ее поцѣловать, да она какъ вспрыгнетъ съ лавки, и опять усѣлась у окна, и опять молчимъ мы оба.

— Скажи, Павелъ, по правдѣ: любишь ты меня? спросила она послѣ этого.

— Вотъ-те Христосъ, Ольга, всей душой и всѣмъ помышленіемъ люблю, а ты, такъ-вотъ и есть со мной вмѣстѣ не хочешь!...

Ольга опять сѣла подлѣ меня.

— Такъ знаешь ли что, начала она: выстроимъ себѣ отдѣльную избу и станемъ жить вмѣстѣ.

— Хорошо, изволь, говорю я: для тебя что хочешь сдѣлаю. Деревенскую избу, сударь, вѣстимо, безъ желѣзнаго гвоздя всю можно срубить, да вѣдь въ избу-то надо и горшокъ, и ножикъ; ну, такъ я днемъ принялся избу рубить, а по-ночамъ рыбу ловить. Инда похудѣлъ я въ то время. За то мѣсяца черезъ три срубилъ избу, обзавелся хозяйствомъ, и перешли съ Ольгой жить въ ней.

— У, какая маленькая! говоритъ она мнѣ, и стѣны нетесаны!

Мнѣ стало досадно.

— А все спасибо, сказала послѣ этого Ольга и обняла меня, и поцѣловались мы, и обѣдали въ тотъ день вмѣстѣ и даже цѣлую недѣлю ни на шагъ не отходила она отъ меня. Бывало, голубушка, подойдетъ ко мнѣ, да какъ и смотритъ въ глаза, и долго смотритъ. Оно вѣстимо, сударь, баба, какъ разъ обворожитъ! Бывало принесетъ она изъ господскаго дома яблоковъ, либо пряниковъ, сядетъ ко мнѣ на колѣни и кормитъ изъ рукъ. Я и ѣмъ, хоть и не люблю пря-

Великій-постъ, инда говорить отвыкъ за это время. А въ тотъ годъ, сударь, Святая поздно была, ужъ снѣгъ былъ разстаявши. На праздникъ я справился идти домой. Да думаю, не стану совсѣмъ и спрашивать о женѣ. Пришелъ я въ деревню. На улицѣ играли ребята и дѣвки, а я пробрался помимо ихъ закоулками, будто отчужденный какой! Пошелъ я прямо въ приказчикову избу, а сердце отчего-то у меня такъ и бьется, такъ и бьется. Въ избѣ сидѣла одна только старая скотница.

— А ты жены, знать, ищешь? спросила она у меня.

— Да, говорю я. А самъ такъ и дрожу.

— Ее, братъ, знать Ванюха къ себѣ сманилъ: еще со вчерашняго дни ушла.

Я сразу все понялъ и не отвѣтилъ ничего.

— Да, родимый, ушла, да что тебѣ въ такой женѣ! повторила скотница.

Я выбѣжалъ изъ избы, и прямо черезъ лѣсъ бросился на дорогу. Тамъ я какъ угорѣлый повалился на землю и плакалъ, словно изступленный. Сперва я было думалъ, что авось воротится... да нѣтъ, не пришла... И исправникъ вездѣ искалъ ее, и баринъ посылалъ гонцовъ во всѣ стороны: не нашли. Молода она, сударь, была: сманилъ ее лукавый. Послѣ пришелъ я въ свою избу, гдѣ жили мы прежде съ нею, сѣлъ на лавкѣ, да вѣдь какъ же грустно стало мнѣ... А и день тогда такой былъ дождливый... Пусто кругомъ, словно одинъ я на свѣтѣ остался! Легъ я было спать, да нѣтъ, не спалось, и пошелъ я опять на Волгу, да какъ теперь помню, тутъ вотъ въ лѣсу, чуть не утонулъ въ болотѣ: здѣсь, сударь, трясина есть!...

У Павла навернулись слезы. Онъ всталъ съ земли, подперся руками въ бока, и съ какой-то странной улыбкой на лицѣ долго-долго смотрѣлъ на огонь.

А огонь совсѣмъ почти потухъ.

Зарумянился востокъ, и звѣзды гасли. Передразсвѣтный вѣтеръ слегка волновалъ бѣлые туманы, которые высоко стояли надъ излучистой Волгой. А въ воздухѣ было такъ тихо, такъ ароматно; кое-гдѣ, чуть слышно пищалъ комаръ...

— Пойтить за дровами! сказалъ вдругъ Павелъ.

Взялъ онъ топоръ, и пошелъ къ лѣсу, слегка пошатываясь: видно было, что онъ опьянѣлъ.

Я прилегъ ближе къ огню и сталъ засыпать. Въ лѣсу послышались удары топора, и каждый звукъ словно останавливался въ густомъ воздухѣ... Вдругъ по лѣсу раздался сильный крикъ. Я сейчасъ-же вскочилъ и сталъ прислушиваться.

Павелъ звалъ къ себѣ на помощь.

Вмѣстѣ съ лѣсомъ, къ которому я подбѣжалъ, начиналось болото, заваленное гнилыми деревьями. Минуты черезъ пять я добрался до Павла.

— Что съ тобой? спросилъ я, карабкаясь на огромное дерево, лежавшее на землѣ, за которымъ кричалъ Павелъ.

— Провалился въ трясину! сказалъ онъ; скорѣе колъ дайте.

Въ-самомъ-дѣлѣ за деревомъ начинался зеленый мохъ, вздувшійся какъ подушка, и Павелъ увязъ въ немъ почти до самыхъ рукъ.

— Тянетъ внизъ, баринъ, поищите скорѣе палки!

Саженяхъ въ пяти отъ меня лежалъ огромный сукъ. Я бросился за нимъ, безпрестанно проваливаясь въ болото.

— Ай, тону! закричалъ снова Павелъ.—Батюшки, тянетъ, тянетъ...

Черезъ силу поднялъ я на плечо сукъ и перевалилъ его черезъ дерево, туда, гдѣ кричалъ Павелъ. Но было уже поздно: только однѣ его руки виднѣлись изъ зеленаго моха, скоро и онѣ скрылись...

Невыразимый ужасъ охватилъ мнѣ душу. Я хотѣлъ соскочить съ дерева и броситься на помощь Павлу, но чувство самосохраненія взяло верхъ. Въ изступленіи я сталъ посматривать на всѣ стороны: никого не было. Подлѣ дерева, на которомъ я сидѣлъ, стояла сухая ель, которую, должно быть, подрубалъ Павелъ, потому-что возлѣ нея лежалъ его топоръ. Онъ, вѣроятно, свалился въ трясину съ этого самаго дерева, на которомъ я сидѣлъ...

И при этой мысли мнѣ показалось, что я собственно былъ причиной такого несчастнаго случая. Ужасъ еще

больше сдавилъ мнѣ душу. Безсознательно я сталъ прислушиваться: недалеко гдѣ-то свистнула птица, за ней другая, кое-гдѣ по елкамъ прыгали рыжія бѣлки....

Я разсудилъ, что Павлу нельзя было подать никакой помощи и пошелъ къ огню. Тамъ мнѣ встрѣтился Ваня, принесшій съ охоты всего двѣ утки. Молча сходили мы съ нимъ опять къ трясинѣ, и стали собираться домой.

А заря между тѣмъ разгоралась шире и длиннѣе. И облилась Волга золотомъ,—все небо покрасивѣло отъ клочковъ розовыхъ облакъ....

Мы сѣли въ лодку. Мнѣ было невыразимо грустно.

Петръ, не говоря ни слова, лѣниво взмахивалъ веслами. Сперва онъ долго-долго смотрѣлъ все вдаль, потомъ на бортъ лодки, а потомъ махнулъ головой, и ни съ того ни съ сего какъ гаркнетъ пѣсню, и живо принялся взмахивать веслами.,..

1850 г. 5-го мая.

ПЕТРЪ КОРБУТОВСКІЙ.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

НАЧАЛО И ПРОИСХОЖДЕНІЕ ПАРОХОДСТВА.

Всѣ успѣхи ума, въ теченіе двадцати пяти вѣковъ, имѣвшіе вліяніе на судьбы и измѣненія человѣческихъ обществъ, не могутъ войти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, что сдѣлали для гражданской жизни открытія и изобрѣтенія послѣднихъ шестидесяти лѣтъ. Компасъ, порохъ, книгопечатаніе, имѣвшіе такое вліяніе на европейскія общества, водворены въ Европѣ вѣками, а Китайцамъ были извѣстны съ незапамятныхъ временъ, и происхожденія ихъ мы не знаемъ. Но какое изумительное множество истинныхъ чудесъ произвели науки и искусства, начиная съ послѣднихъ годовъ прошедшаго столѣтія по наше время! Назовемъ только паровую машину съ сотнею тысячъ фабрикъ, ею одушевляемыхъ, пароходство, желѣзныя дороги, гальвано-электричество, газовый свѣтъ, прядильныя и ткацкія машины съ ихъ безчисленными принадлежностями,—вообразимъ, какой ужасной массѣ произведеній земли дало все это цѣнность, сколько дорогъ и каналовъ сдѣлало необходимыми, какой обмѣнъ труда, взаимныхъ выгодъ и отношеній все это произвело между людьми,—и мы должны будемъ согласиться, что современная намъ эпоха развитія способностей человѣческихъ не имѣетъ себѣ подобной въ лѣтописяхъ міра.

Попробуемъ слѣдить за этими дивными успѣхами, и посмот-

римъ на нихъ постепенность, взаимную связь и общее вліяніе. Начнемъ съ пароходства.

Введеніе и усовершенствованіе пароходства имѣло послѣдствія столь огромныя и важныя для общественной жизни, что не мудрено, что честь его присвоиваютъ себѣ многіе народы и многія лица. Предлагаемое здѣсь изложеніе начала и хода этого великаго дѣла, основанное на самыхъ благонадежныхъ современныхъ свѣдѣніяхъ, не можетъ быть не интересно для нашихъ читателей.

Около 1788 года Фичь и Рамзей (Fitch and Ramsay) въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ, и Серрати, въ Италіи, дѣлали по этому предмету нѣкоторые опыты. Но такъ какъ подробныхъ извѣстій о нихъ въ свое время не было, а заговорили они уже тогда, когда важность пароходства стала очевидна трудами другихъ, то далѣе и упоминать о нихъ нечего.

Гораздо болѣе, и почти въ то же самое время, сдѣлалъ соотечественникъ ихъ Оливеръ Ивенсъ, котораго труды и успѣхи такъ важны, что нельзя сомнѣваться, что если бы денежныя средства его были не такъ малы, а поступки съ нимъ его согражданъ не такъ несправедливы, какъ они были, то практическое, полное введеніе пароходства, безспорно принадлежало бы исключительно Сѣверной Америкѣ.

Въ томъ же году Миллеръ, помѣщикъ дальсвингтонскій въ Англіи, вздумалъ попробовать грести суда не веслами, а колесомъ. Для этого онъ построилъ двойную лодку въ шестьдесятъ футовъ длины и въ пустомъ промежуткѣ между лодками помѣстилъ такое же колесо, какими теперь пароходы приводятся въ движеніе, и которое вертѣли люди.

Эта двойная лодка, вмѣстѣ съ другою, равной величины, но движимой веслами, и одинакимъ числомъ людей, выѣхали въ море и пустились перегоняться.

Колесо опередило весла, и стало ясно, что такимъ образомъ двигать суда было бы выгодно, если бы нашлась для этого достаточная и удобоприлѣпимая сила.

Живши въ сосѣдствѣ Миллера учитель Тейлоръ (Taylor) присовѣтовалъ употребить для этого паровую машину, и чтобы привести эту мысль въ исполненіе, обратился къ Саймингтону (Symington), извѣстному въ то время практическому механику, который незадолго предъ тѣмъ сдѣлалъ модель, въ коей сила пара приспособлена была къ приведенію въ движеніе экипажей.

Саймингтонъ поставилъ на Миллерову двойную лодку ма-

левькую паровую машину съ двумя четырехъ дюймовыми цилиндрами, всего около двухъ лошадей силы, которая за рукоятки, къ оси гребнаго колеса придѣланныя, вертѣла его и подвигала судно четыре съ половиною версты въ часъ. Первый опытъ происходилъ въ половинѣ октября 1788 года, и съ-тѣхъ-поръ основательность дѣла была уже не подвержена сомнѣнію.

Другое судное, съ болѣе сильною паровою машиною, этими же господами въ 1789 году сдѣланное, при опытѣ, 26 декабря того года, въ Клайдскомъ каналѣ, было еще успѣшнѣе, и скорость его достигла безъ малаго восьми верстъ въ часъ. Подробности этого опыта обнародованы въ единбургскихъ современныхъ газетахъ, и рѣшительный успѣхъ втораго судна дѣлалъ дальнѣйшія испытанія ненужными, требуя только практическаго въ бо̀льшемъ видѣ введенія.

Саймингтонъ, Миллеръ и Тейлоръ, передавъ такимъ образомъ свѣту свое необычайное открытіе, не заблагоразсудили однако же входить въ дальнѣйшіе труды и издержки, предвидя тѣ препятствія, которыя предразсудки людей обыкновенно поставляютъ распространенію всякаго важнаго открытія, и предоставили это великое дѣло другимъ. Машина была снята, судно возвратилось на Дальсвингтонское озеро, служить, попрежнему, для катанья своимъ хозяевамъ; Миллеръ принялся за свое сельское хозяйство, Тейлоръ за учениковъ, а Саймингтонъ занялся своимъ механическимъ искусствомъ.

Тотъ же Рамзей въ 1793 году пытался двигать судно струею воды, выдавливаемою изъ кормы назадъ паровою машиною. Успѣха въ этомъ не было.

Въ 1795 году, графъ Станопъ, извѣстный механическій геній, пробовалъ придѣлать къ бокамъ судна механизмъ на подобіе утиныхъ лапъ, а Смитъ хотѣлъ употребить на судахъ стариннаго устройства Ньюкоменову паровую машину. Изъ всего этого не вышло ничего.

Въ 1801 году, лордъ Дондасъ (Lord Dundas), большой охотникъ до механики, заказалъ Саймингтону паровое судно, названное Шарлотта Дондасъ, самое замѣчательное въ исторіи пароходства, потому-что отъ него собственно начинается эпоха практическаго введенія паровыхъ судовъ.

Это былъ первый пароходъ съ Уаттовой усовершенствованной паровой машиною. На Клайдскомъ каналѣ онъ буксировалъ суда, но не долго, потому-что владѣльцы канала нашли, что гребныя колеса производили сильное волненіе воды, отъ котораго претерпѣвали берега канала.

Въ 1802 году Робертъ Фультонъ (R. Fulton), гражданинъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, бывшій тогда въ Англіи, услышавъ объ успѣхѣ Саймингтонова судна, нарочно пріѣхалъ въ Шотландію, къ новому пароходу, и просилъ автора показать ему его дѣйствіе.

Саймингтонъ съ охотою удовлетворилъ его желанію, много разъ ѣздилъ съ нимъ вверхъ и внизъ по каналу, и разсказалъ и объяснилъ ему всѣ подробности устройства. Фультонъ записывалъ все, говоря, что хотя по каналамъ и узкимъ рѣчкамъ Англіи вредное дѣйствіе на берега и составляетъ существенное неудобство, но что въ Америкѣ, на ея широкихъ и глубокихъ рѣкахъ и озерахъ, оно вовсе не имѣетъ мѣста, что тамъ пароходы будутъ истиннымъ благодѣяніемъ для государства и для частныхъ людей, и что онъ употребитъ всѣ свои силы ввести ихъ тамъ.

Отсюда Фультонъ поѣхалъ во Францію, построилъ тамъ первое свое судно, и сдѣлавъ ему въ Парижѣ на Сенѣ испытаніе, въ 1803 году, немедленно отправился въ Америку.

Удивительное дѣло, что мудрый и дальновидный Наполеонъ, тогда Первый Консулъ, не умѣлъ оцѣнить достоинства такого изобрѣтенія и извлечь изъ него для Франціи пользу; но еще удивительнѣе то, что съ такимъ же пренебреженіемъ смотрѣли на него и въ Англіи, гдѣ великая важность паровой машины была уже давно всѣми признана.

Одинъ Фультонъ, вполнѣ убѣжденный въ непремѣнномъ успѣхѣ и предвидя огромныя отъ него послѣдствія, принялся за дѣло съ неутомимымъ постоянствомъ и энергіею. Въ 1805 году заказалъ онъ въ Сого, у Болтона и Уатта, для предпанѣреннаго имъ американскаго парохода паровую машину, въ слѣдующемъ году получилъ ее, а въ 1807 году пароходъ его Клермонтъ (Clairemont) первый поплылъ по водамъ Америки, и прежде всего на Гудсоновой рѣкѣ (Hudson River) со скоростію, непревышавшую однако же восьми верстъ въ часъ.

Послѣ этого Фультонъ, съ другомъ своимъ Ливингстономъ, испросивъ отъ Штатовъ привиллегію, съ совершеннымъ успѣхомъ продолжалъ строить пароходы, какъ для товаровъ, такъ и для пассажировъ, одинъ другаго сильнѣе, выписывая для нихъ изъ Англіи машины Болтона и Уатта.

Въ Англіи же, хотя и хорошо было извѣстно все сдѣланное Фультономъ въ Америкѣ, все еще никто не обращалъ на это вниманія. По морю ходить на пароходахъ не смѣли еще и думать,

а для рѣкъ и каналовъ, вредное ихъ дѣйствіе на берега казалось непреодолимымъ препятствіемъ.

Не прежде 1812 года Генрихъ Бель (H. Bell), гражданинъ Глазго, рѣшился попробовать счастья на рѣкѣ Клайдѣ (Clyde). Первый пароходъ въ Великобританіи, начавшій возить пассажировъ и товары, былъ Комета, въ 40 футовъ длины, 10 футовъ ширины и съ машиною Уатта, въ четыре лошадиныя силы.

Успѣхъ Кометы, хотя ходившей не скорѣе восьми верстъ въ часъ, былъ таковъ, что тотъ же Белль началъ заводить и другія паровыя суда, одно другаго больше и съ сильнѣйшими машинами. Тогда принялись за дѣло и другіе, и въ 1813 и 1814 годахъ, уже многіе пароходы были въ дѣйствіи, и между ними одинъ, построенный Уаттомъ, отличался тѣмъ, что на немъ въ первый разъ употреблены были двѣ паровыя машины, вертящія ручки, одна къ другой подъ прямымъ угломъ на оси гребныхъ колесъ утвержденныя.

Въ 1815 году небольшой пароходъ, въ Глазго, устроенный Кукомъ (Cook), первый проплылъ изъ этого города моремъ въ Дублинъ, а оттуда въ Лондонъ, гдѣ потомъ долго возилъ пассажировъ въ приморскій городъ Моргетъ (Morgate).

Въ 1816 году явился и у насъ въ Россіи пароходъ, построенный въ Петербургѣ, по шотландскимъ моделямъ, Бердомъ. Это была простая тихвинская барка, съ паровою машиною въ шестнадцать лошадей, и котломъ, вмазаннымъ въ кирпичную печь.

Въ 1818 году учреждено первое постоянное пароходное сообщеніе моремъ, между Гринокомъ въ Шотландіи и Бельфастомъ въ Ирландіи. Это былъ Робъ-Рой, въ 90 тоннъ грузу и съ тридцати—лошадиною машиною. Строитель его былъ извѣстный Давидъ Непиръ (David Napier).

Съ этой поры морскіе пароходы стали размножаться необычайно.

Въ 1819 году Робъ-Рой служилъ постояннымъ сообщеніемъ Англіи съ Франціей между Дувромъ и Кале, а Тальботъ, того же Непира, между Дублиномъ и Голигедомъ (Holyhead), то есть между Англіею и Ирландіею.

Въ 1821 году учреждено регулярное пароходство изъ Лондона въ Литъ (Leith), служащій портомъ Единбургу. Въ этомъ году отличались предъ всѣми два парохода *Джемсъ Уаттъ* и *Сого*, каждый съ машинами въ 120 паровыхъ лошадей. Они ходили со скоростію около 15 верстъ въ часъ, и считались лучшими судами. Что значитъ эта скорость съ быстротою новѣй-

ныхъ пароходовъ, пробѣгающихъ въ часъ двадцать пять и тридцать и даже болѣе веретъ!

Орегонъ, напримѣръ, огромнѣйшій пароходъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, проходитъ въ тихой водѣ, независимо отъ морскаго прилива, не менѣе тридцати двухъ веретъ въ часъ! Слѣдовательно, быстрота его почти равняется обыкновенной ѣздѣ паровозовъ по царско-сельской желѣзной дорогѣ.

Въ то же время англійскому адмиралтейству предложили употребить паръ для буксированія военныхъ кораблей въ гавань и въ море. Первый успѣшный для этого дѣла пароходъ былъ *Комета*, въ 115 футовъ длины, 21 футъ ширины, съ осадкою въ водѣ на 9 футовъ и двумя машинами Болтона и Уатта, каждая въ сорокъ лошадей. Комета служитъ по сіе время.

Въ 1825 году учреждена Джолейфомъ (William Jolliffe) компанія всеобщаго пароходства, и два величайшіе того времени парохода, *Георгъ* IV и *Герцогъ Іоркскій*, по 600 тонновъ грузомъ и съ машинами въ сто пятдесятъ силъ, на счетъ компаніи построенные, въ 1827 году начали ходить, одинъ между Лондономъ и Кадиксомъ въ Испаніи, другой между Лондономъ и Петербургомъ. Успѣхъ обоихъ былъ совершенный, несмотря на тяжкія бури, много разъ выдержанныя ими какъ въ Бискайскомъ заливѣ, такъ и въ Балтійскомъ-морѣ.

Но самое замѣчательное событіе морскаго пароходства, къ этому же времени принадлежащее, было первое путешествіе изъ Лондона въ столицу Восточной Индіи, Калькутту, вокругъ Мыса-Доброй-Надежды, совершенное судномъ *Предпріятіе* (Entreprise), машины коего, въ 120 силъ, сдѣланы были на первоклассномъ заведеніи Модзлея и Фильда.

Этимъ послѣднимъ опытомъ превосходство пара и для рѣчнаго и для морскаго плаванія было рѣшительно доказано и всѣми признано; съ этихъ поръ пароходы стали размножаться сотнями.

Модзлей и Фильдъ, по нынѣ знаменитѣйшіе строители машинъ въ Англіи, первые ввели употребленіе насосовъ и холодильниковъ, помощію которыхъ морская вода въ паровыхъ котлахъ не можетъ сгуститься до такой степени, чтобы стала осѣдать на дно и трубы котла, и при томъ почти безъ всякой значительной потери топлива. Это было для морскихъ судовъ самое существенное улучшеніе.

Теперь оставалось только переѣхать чрезъ Атлантическій-Океанъ въ Америку. Какъ ни прельщала эта мысль многихъ предпріимчивыхъ людей, но задача долго казалась неразрѣши-

мою. Здѣсь затрудненія были совсѣмъ другаго рода. Назначенный на такое путешествіе пароходъ долженъ былъ, не только имѣть довольно крѣпости въ своихъ частяхъ и движущей силы, для преодолѣнія долговременныхъ и тяжкихъ бурь океана, но въ продолженіе всего путешествія нигдѣ не имѣя пристанища на случай надобности, долженъ былъ, кромѣ грузной машины нести съ собою и полный запасъ топлива, на весь поѣздъ.

Честь этого великаго предпріятія принадлежитъ бристольской пароходной компаніи, избравшей своимъ механикомъ славнаго Брюнеля.

Дѣло казалось до того сомнительнымъ, что сначала никто изъ заводчиковъ не рѣшался принять на себя устройство пригодныхъ для него паровыхъ машинъ. Наконецъ взялись за это Модслей и Фильдъ, и пароходъ, знаменитый Great-Western, построенный въ Бристолѣ Паттерсономъ, былъ оконченъ въ 1838 году. Въ мартѣ того года, пробный рейсъ сдѣлалъ онъ по Тензѣ, и скорость его, въ стоячей водѣ, то есть независимо отъ теченія, оказалась 18 верстъ въ часъ.

Великій Западъ (Great-Western, въ буквальномъ переводѣ Великій Западный) первый пароходъ, преодолѣвшій бури открытаго океана и достигшій Америки, имѣлъ 210 футовъ длины и 38 футовъ ширины, съ осадкою, при полномъ грузѣ, въ 15 футовъ. Онъ поднималъ 1240 тоннъ, или около восьмидесяти тысячъ пудовъ. * На немъ были двѣ паровыя машины, каждая въ 210 лошадиныхъ силъ. Вѣсъ обѣихъ машинъ, съ котлами, водою и гребными колесами простирался до 420 тонновъ или почти двадцати семи тысячъ пудовъ, такъ что на каждую паровую лошадиную силу приходилось по 63 пуда. Машины были низкаго давленія, и паръ въ котлахъ не выше 5 фунтовъ на квадратный дюймъ. Гребныя колеса оборачивались 15 разъ въ минуту.

Въ воскресенье, 8-го апрѣля 1838 года, пароходъ подъ командою капитана Госкена (Hosken), съ семью пассажирами, пятью-десятью тоннами всякаго товару и пятью стами тоннами каменнаго угля на топливо, пустился въ первое свое путешествіе, и въ понедѣльникъ 23 апрѣля былъ уже въ Нью-Іоркѣ, проѣхавши четыре тысячи пять сотъ верстъ въ тринадцать дней и десять часовъ.

Появленіе его въ столицѣ Сѣверной-Америки возбудило величайшій восторгъ. Пристань и набережныя были наполнены

* Тонна значитъ 63 пуда русскихъ.

зрителями, привѣтствовавшими безстрашныхъ и предпріимчивыхъ плавателей, восторжествовавшихъ надъ безднами и вихрями океана и приблизившихъ Новый-Свѣтъ къ старому на немногіе дни пути. Великій-Западъ выѣхалъ изъ Нью-Іорка 7-го мая, съ семью-десятью пассажирами, и возвратился въ Бристоль 23, употребивъ на обратный переѣздъ 16 дней.

Такой необычайный, всѣ ожиданія превзошедшій успѣхъ предпріятія открылъ пароходству почти безпредѣльный кругъ дѣятельности. Огромные пароходы, одинъ другаго больше и сильнѣе, Королева Великобританская (British-Queen) въ 500 силъ, Ливерпуль тоже и Президентъ въ 600 силъ, появились почти въ одно время. Гибель этого послѣдняго, отъ причинъ, доселѣ неразгаданныхъ, однако же на нѣсколько времени охладила спекуляціи. Несмотря на то, заведены четыре большіе почтовые парохода между Ливерпулемъ и Бостономъ въ Америкѣ, и двѣнадцать такихъ же для постояннаго сообщенія Англіи съ Антильскими островами.

Но какъ ни велика была польза и важность этихъ нововведеній, однако же торговая отъ нихъ прибыль очень много претерпѣвала отъ невозможности возить на нихъ вмѣстѣ съ пассажирами и значительный грузъ товаровъ. А это происходило отъ тяжести самыхъ машинъ и необходимаго для нихъ топлива.

Отсюда произошли устройства совсѣмъ другаго рода и большія усовершенствованія. Во первыхъ братья Сиуардъ (Seaward) на военномъ пароходѣ Горгона ввели *прямой напоръ* пара (direct action), то есть, заставили паровой поршень вертѣть валъ съ гребными колесами безъ посредства многихъ промежуточныхъ, доселѣ употребительныхъ рычаговъ. Миллеръ особенно успѣлъ въ этомъ улучшеніи. Потомъ явились машины съ качающимися какъ маятникъ цилиндрами, (vibrating engines) теперь входящими во всеобщее употребленіе и для судовъ имѣющія многія и важныя предъ всѣми другими преимущества *.

Съ тою же цѣлію облегченія судовъ, Модзлей и Фильдъ начали дѣлать машины съ двойными цилиндрами, и чугунъ замѣнять кованнымъ желѣзомъ. Не менѣе содѣйствовало этому и введеніе котловъ съ внутренними небольшаго діаметра нагрѣвательными трубами, или такъ называемыхъ котловъ двухъ-ярусныхъ (double storied), коихъ объемъ и вѣсъ гораздо менѣе, а

* Въ Петербургѣ такая машина находится въ дѣйствіи на гальванопластическомъ заведеніи Его Императорскаго Высочества Герцога Лейхтенбергскаго, близъ Тріумфальныхъ-воротъ, по Петергофской дорогѣ.

сила, паръ производящая, гораздо болѣе, нежели въ употребительныхъ прежде.

Всѣ эти усовершенствованія имѣли слѣдствіемъ, что въ наше время машины пароходовъ, при одинаковой силѣ со старыми, почти вдвое ихъ легче, или, говоря другими словами, при равномъ вѣсѣ, нынѣшнія машины вдвое сильнѣе.

Теперь всего желательнѣе было уменьшить количество сгараемаго матеріала, который занимаетъ на пароходахъ огромное помѣщеніе и составляетъ болѣе трети всего ихъ груза, по-крайней-мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда предстоящее имъ путешествіе продолжительно. Стали доводить паръ до гораздо бо́льшаго давленія противъ прежняго, и употребили въ дѣло его растяжимость, то есть наполнивъ паромъ только нѣкоторую часть вмѣстимости цилиндра, сообщеніе между нимъ и паровымъ котломъ прерывать, заставляя впущенный уже паръ догонять поршень до конца цилиндра его растяжительною силою.

Изъ этого существеннаго усовершенствованія, вмѣстѣ съ разумною и внимательною топкою, произошло, что на новѣйшихъ пароходахъ топлива идетъ вдвое менѣе, нежели сколько сгарало на прежнихъ, именно отъ шести до семи фунтовъ въ часъ и даже менѣе, на каждую силу лошади.

Соразмѣрно съ успѣхами постройки и управленія паровыхъ судовъ распространялись и размѣры ихъ и употребленіе въ англійскомъ флотѣ. Въ 1822 году самое большое судно имѣло силу 80 лошадей, въ 1827 уже сто шестдесятъ, въ слѣдующемъ году двѣсти, въ 1830 двѣсти двадцать; въ 1838 четыреста сорокъ лошадей, а въ 1845 году явились военные пароходы *Возмездіе* и *Ужасный* (Retribution and Terrible), имѣющіе каждый машины почти въ тысячу лошадиныхъ силъ; и завсѣмъ этимъ можно ожидать еще бо́льшаго. Уже въ 1847 году, общая сложность лошадиныхъ силъ на всѣхъ англійскихъ военныхъ судахъ простиралась до тридцати пяти тысячъ.

Въ торговомъ мореплаваніи, размноженіе пароходовъ было еще гораздо значительнѣе, и дѣло растетъ и улучшается во всякомъ отношеніи съ великою быстротою. Въ началѣ пароходства были довольны, когда безъ вѣтру и теченія могли ходить *по* 9 верстъ въ часъ; теперь ходятъ слишкомъ по двадцати пяти, и хотятъ еще болѣе.

Говоря объ успѣхахъ пароходства, справедливость требуетъ упомянуть особенно о томъ пароходѣ, который обошелъ зем-

ной шаръ. Это былъ военный англійскій пароходъ *Возница* (Driver).

Онъ пошелъ изъ Англіи 16 марта 1842 года, подъ командою капитана Хермера (Harmer), по смерти котораго, въ Китаѣ, находился до возвращенія въ Европу, подъ управленіемъ капитана Хеса (Hayes).

Путь его былъ слѣдующій: изъ Англіи дошелъ онъ безъ остановки до мыса Доброй-Надежды, потомъ былъ въ Иль-де-Франсѣ, Сингапурѣ и въ началѣ августа пришелъ въ Гонгъ-Конгъ, въ Китаѣ. Съ 5-го августа 1842 года до 9-го іюня 1845, онъ служилъ сообщеніемъ между разными китайскими портами, а потомъ выступилъ въ дальнѣйшій путь. Останавливался на островахъ Борнео, Цейланѣ, былъ въ Бомбеѣ, Манилѣ на Филиппинскихъ-островахъ и пришелъ обратно въ Китай. Отсюда пошелъ въ Новую-Зеландію, стараясь пробраться туда новымъ путемъ; но отъ страшной бури, при которой въ котлахъ его оказалась течь, а снасти переломались, принужденъ былъ воротиться въ Китай.

По исправленіи починокъ, пошелъ къ Лебединой-рѣкѣ, въ Новой-Голландіи, посѣтилъ тамъ Гобартъ-тоунъ, Сидней и прибылъ въ Новую-Зеландію, гдѣ опять въ теченіе цѣлаго года, по 18 января 1847 года, служилъ перевознымъ судномъ между разными портами.

Наконецъ отправясь въ обратный путь 28 января, чрезъ пятьдесятъ одинъ день пришелъ въ Ріо-Джанейро, столицу Бразиліи, откуда послѣ сорока-восьми дневнаго плаванія возвратился въ Англію. Всего плаванія его было 75,696 миль или почти сто четырнадцать тысячъ верстъ.

Если бы, послѣ уже сорока-лѣтняго опыта, нужно было новое доказательство всемогущества на моряхъ пара, то примѣра лучше и рѣшительнѣе этого, разумѣется, придумать невозможно.

Болѣе пяти лѣтъ Driver боролся съ бурями Великаго-Океана, и пройдя путь болѣе нежели втрое превосходящій окружность земнаго шара, съ побѣдою возвратился въ свое отечество.

Какъ ни велики были доселѣ успѣхи пароходства, однакожо оно далеко было до совершенства. Важный и коренной недостатокъ былъ въ гребныхъ колесахъ, посредствомъ которыхъ паровая сила приводила суда въ движеніе, и съ которыми неразлѣльны слѣдующія неудобства:

1) Большое волненіе воды, ими производимое, дѣлало паровыя суда вовсе непригодными къ плаванію по каналамъ и уз-

ким рѣкамъ, по причинѣ размыванія и порчи береговъ, отъ того происходящихъ.

2) Ширина и вышина гребныхъ колесъ, при противномъ вѣтрѣ, много отнимали скорости судна, а по каналамъ въ бо́льшей части шлюзовъ и проходить было не возможно.

3) На бо́льшихъ водахъ и въ открытомъ морѣ, при сильной качкѣ одно колесо глубоко погружалось въ воду, а другое вовсе изъ воды выходило и оставалось недѣйствительнымъ и подверженымъ всему напору противнаго вѣтра.

4) Паруса на пароходахъ могли служить только при самомъ благопріятномъ вѣтрѣ, а лавированіе было крайне затруднительно.

5) Значительный грузъ гребныхъ колесъ и положеніе ихъ гораздо выше центра тяжести судна, вмѣстѣ съ ударами колесъ на воду при погруженіи въ нее, производили для пассажировъ крайне непріятное, а для прочности судна вредное дрожаніе.

6) Военныя паровыя суда подвергались уничтоженію всей ихъ дѣйствительности отъ перваго удачно попавшаго въ колеса ядра, чему открытое положеніе колесъ очень способствовало.

7) Дѣйствіе гребныхъ колесъ неизбѣжно сопряжено было съ потерею, и очень немаловажною, силы паровой машины, потому-что по погруженіи въ воду и при выходѣ изъ нея, они встрѣчали сопротивленіе не въ пользу скорости хода, а противное ей. И хотя этому можно помочь особеннымъ, на многихъ судахъ уже употребленнымъ механизмомъ, посредствомъ котораго гребущія весла всегда остаются въ вертикальномъ положеніи, однакоже опытъ показалъ, что сложность устройства такаго рода колесъ несовмѣстна съ благонадежною ихъ прочностію.

Всѣ эти важныя неудобства съ давняго времени заставляли строителей помышлять о замѣненіи гребныхъ колесъ какими-нибудь другими, совершеннѣйшими средствами.

Отсюда произошелъ подводный винтъ, современное намъ нововведеніе, въ послѣднія десять лѣтъ распространяющееся съ каждымъ годомъ повсюду, и безспорно составляющее исполинскій шагъ, если не къ совершенству, то, по-крайней-мѣрѣ, къ великому усугубленію общеполезности пароходства.

Болѣе или менѣе успѣшныя догадки и попытки предшествуютъ обыкновенно всякому великому изобрѣтенію. Такъ было и съ приспособленіемъ винта къ движенію судовъ паровою си-

лою. Въ 1785 году Брама, въ 1795 Литтельтонъ получили привиллегіи, относящіяся къ этому дѣлу, но первый, съ истиннымъ успѣхомъ трудившійся на новомъ поприщѣ, былъ Шортеръ (Shorter), еще въ 1800 году устроившій винтъ, которымъ два года позже, въ гибралтарской гавани, линейный корабль *Сюпербъ* ручною работою былъ приводимъ въ движеніе. Смерть воспрепятствовала Шортеру осуществить свои открытія; но найденныя послѣ него модели и планы заключаютъ почти все существенное, что послѣ вошло въ употребленіе въ разныхъ видахъ и присвоено разными лицами.

Ивану Эриксону, шведскому уроженцу, принадлежитъ честь перваго пароваго судна съ винтомъ вмѣсто гребныхъ колесъ, которое, не только рѣшительно доказало на самомъ дѣлѣ практическое достоинство этого устройства, но которое и по сіе время оказывается наилучшимъ.

Отъ природы одаренный величайшими дарованіями и влекомый врожденною склонностію къ механическимъ занятіямъ, Эриксонъ переселился въ Лондонъ, и 13 іюля 1836 получилъ привиллегію на свои винтообразные двигатели пароходовъ.

Ему посчастливилось познакомиться съ Франсисомъ Огденомъ, бывшимъ долгое время въ Ливерпулѣ консуломъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Имя Огдена знаменито въ исторіи механическихъ искусствъ, особенно по части пароходства. Онъ первый ввелъ въ практику употребленіе преважнаго свойства паровъ дѣйствовать растяженіемъ, равно какъ и двойныя рукоятки, насаженныя на оси гребныхъ колесъ подъ прямыми одна къ другой углами.

Этотъ достопочтенный мужъ такъ хорошо оцѣнилъ достоинство Эриксонова изобрѣтенія, что оказалъ ему самое дѣйствительное пособіе въ устройствѣ перваго съ винтомъ парохода, въ честь ему благодарнымъ Шведомъ названнаго Франциссомъ Огденомъ.

Новое судно имѣло сорокъ футовъ длины, восемь футовъ ширины, съ двумя винтами, каждый въ пять футовъ и три дюйма въ поперечникѣ.

При самомъ первомъ опытѣ это судно не только пошло со скоростію пятнадцати верстъ въ часъ, но въ состояніи было буксировать суда съ грузомъ почти въ девять тысячъ пудовъ и со скоростію десяти верстъ въ часъ.

Послѣ такого рѣшительнаго успѣха, Эриксонъ не сомнѣвался что англійское правительство поспѣшитъ имъ воспользоваться. Вышло совсѣмъ напротивъ. Хотя первые лорды Адмиралтей-

ства, вмѣстѣ съ главнымъ инспекторомъ корабельныхъ работъ Саймондсомъ (Symonds) и многими отличными по этой части учеными и согласились проѣхаться на суднѣ, буксируемомъ эриксоновымъ пароходомъ; однакоже, не смотря на очевидность его достоинства и пользы и на совершенный успѣхъ опыта, сдѣланнаго передъ ихъ глазами, не только не отдали ему справедливости, но и явно отозвались о немъ дурно, приводя тому причину самую нелѣпую, а именно, что такъ какъ двигатель помѣщенъ за кормою, то рулемъ управлять будетъ невозможно.

Въ то время находился въ Лондонѣ Американецъ, капитанъ Робертъ Стоктонъ, человѣкъ знающій и предпріимчивый. Съ перваго взгляда на новое паровое устройство, онъ увидѣлъ великую его для военныхъ судовъ пользу, и не только немедленно заказалъ Эриксону, собственно для себя, два съ винтами парохода, столь унижаемые Англичанами, но и рѣшительно взялся ввести ихъ въ употребленіе въ своемъ отечествѣ, Америкѣ.

Теперь, между Филадельфіею и Балтиморомъ почти всѣ товары перевозятся на эриксоновыхъ винтовыхъ пароходахъ, равно какъ и всѣ почти произведенія богатыхъ рудниковъ Пенсильваніи.

Такимъ образомъ, Эриксонъ сдѣлалъ въ Америкѣ тоже самое съ подводными винтообразными двигателями, что Фультонъ съ гребными колесами: онъ далъ имъ полезное практическое существованіе.

Въ Америкѣ винтовые пароходы отмѣнно полезны и тѣмъ еще, что буксируютъ суда въ то время когда идетъ ледъ, и когда гребныя колеса почти недѣйствительны.

Уже въ 1847 году тамъ было ихъ болѣе ста пятидесяти. Что они выгоднѣе прежнихъ пароходовъ съ гребными колесами, очевидно изъ того, что, напримѣръ, на озерѣ Онтаріо изъ двадцати-двухъ постоянно плавающихъ пароходовъ, тринадцать устроены по системѣ Эриксона.

Но этого мало: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Америки новые пароходы нанесли величайшій ущербъ компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, которыя, чтобы при ихъ совмѣстничествѣ удержаться, принуждены были уменьшить свои цѣны за провозъ на половину.

Въ тоже время, какъ дурной и несправедливый Англичанами пріемъ Эриксона заставилъ его отправиться въ Америку, винтовые пароходы стали показываться и въ Англіи. Томасъ Смитъ, первый удачно устроилъ Архимеда, который сталъ ходить въ 1840 году; Архимедъ имѣлъ 125 футовъ длины, 21 футъ шири-

ны, отъ 9 до 10 футовъ осадки въ водѣ, и имѣлъ восемдесять паровыхъ лошадиныхъ силъ. Въ стоячей водѣ скорость его была около четырнадцати верстъ въ часъ. Въ томъ же году инженерами Ренни построенъ для англійскаго флота Карликъ (Dwarf), оказавшійся отличнымъ мореходнымъ судномъ, и достигавшій скорости девятнадцати верстъ въ часъ.

Какъ эти, такъ и многіе другіе пароходы съ подводными винтами, далеко превзошла *Волшебница* (The Fairy), паровая яхта англійской королевы. Она ходитъ почти по двадцати шести верстъ въ часъ.

Важнѣйшее неудобство, сопряженное съ употребленіемъ, вмѣсто гребныхъ колесъ, винта, есть большое затрудненіе въ передачѣ ему силы паровой машины. Положимъ, что средняя окружность винтообразныхъ крыльевъ, къ которой можно отнести общій напоръ ихъ на воду, равняется двѣнадцати футамъ. Чтобы пароходъ, приводимый винтомъ въ движеніе, могъ идти двадцать верстъ въ часъ, средняя окружность винта должна въ это время пробѣгать двадцать четыре версты или почти двадцать четыре фута въ секунду. Слѣдовательно, валъ, на который насаженъ винтъ, долженъ дѣлать два оборота въ секунду, или сто двадцать оборотовъ въ минуту. Но паровая машина такихъ размѣровъ, при которыхъ она въ состояніи двигать большое судно съ такою скоростію, болѣе тридцати двойныхъ ударовъ поршня въ минуту, безъ значительной потери силы и вредныхъ сотрясеній дѣлать не можетъ. Стало-быть необходимо, чтобы при каждомъ оборотѣ рабочаго вала машины, валъ съ винтомъ оборачивался четыре раза. И въ этомъ-то состоитъ практическое затрудненіе, котораго и по сіе время удовлетворительнымъ образомъ одолѣть не успѣли. Зубчатыя колеса сложны, подвержены ломкѣ и производятъ дрожаніе, а ремни перетираются, лопаются и вытягиваются.

Изъ всѣхъ доселѣ построенныхъ большихъ пароходовъ съ подводнымъ винтомъ, безспорно, самый совершенный есть сѣверо-американскій военный паровой фрегатъ *Принстонъ*, въ которомъ механизмъ, весь устроенный славнымъ Эриксономъ, соединяетъ величайшія достоинства съ оригинальностію.

На немъ паровая машина не дѣйствуетъ прямо на винтъ, а приводитъ въ движеніе водяные насосы, которыми вода сильно вдавливается въ особеннаго устройства барабанъ, укрѣпленный на валу винта, и напирая на устроенныя внутри его перегородки, заставляетъ его быстро вертѣться, а съ нимъ вмѣстѣ и винтъ.

Цилиндры паровых машинъ и водяныхъ насосовъ имѣютъ горизонтальное положеніе, и все устройство лежитъ гораздо ниже ватеръ-линіи, и слѣдовательно, въ защитѣ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Паровой котелъ Принстона также отличается остроумнымъ и новымъ расположеніемъ. Въ немъ дымовая труба служитъ только для отклоненія отъ находящихся на палубѣ людей дыму и газовъ, отдѣляемыхъ горящимъ топливомъ, а дувъ или притокъ нужнаго для горѣнія воздуха производится искуственнымъ образомъ, посредствомъ вѣтрогона или вентилятора, какіе теперь во всеобщемъ употребленіи на литейныхъ и въ кузницахъ. Самый винтъ можетъ легко и въ весьма короткое время изъ воды быть поднятъ, и тогда судно дѣйствуетъ парусами, совершенно также, какъ и всякое другое парусное судно, или опущенъ опять въ воду, когда безвѣтріе или поспѣшность хода заставляютъ употребить паровую силу. Не нужно упоминать, какъ много этимъ устройствомъ облегчается осмотръ и, въ случаѣ надобности, исправленіе винта.

Къ-сожалѣнію, ничего подобнаго нельзя сказать въ пользу *Великобританіи* (Great Britain), огромнѣйшаго желѣзнаго парохода, въ четыре тысячи тоннъ грузомъ, построеннаго въ 1844 году бристольскою компаніею. Въ него пошло до восмидесяти тысячъ пудовъ желѣза, а четыре машины его, каждая въ двѣсти пятьдесятъ паровыхъ лошадиныхъ силъ, отличаются только величиною и недостатками. Послѣ громогласныхъ похвалъ во всѣхъ современныхъ журналахъ, этотъ великанъ сходилъ нѣсколько разъ въ Америку, съ плохими для хозяевъ его барышами, и послѣ многихъ перемѣнъ и жидкительныхъ поправокъ, сѣлъ, у англійскихъ береговъ на мель, и продавался съ публичнаго торгу.

Здѣсь мѣсто говорить объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ нововведеній по части пароходства, именно о замѣнѣ въ судостроеніи дерева желѣзомъ. Это теперь въ модѣ, по милости Англичанъ, громко провозглашающихъ несравненныя качества желѣзныхъ судовъ. Только врядъ-ли съ ними безусловно согласны будутъ тѣ, которые заблаговсудятъ обратить вниманіе на слѣдующіе факты, никакому сомнѣнію неподверженные, и на предлагаемыя указанія и выводы безпристрастныхъ знатоковъ дѣла.

Во-первыхъ, вотъ факты:

1-е. Дерево, надлежащимъ образомъ выдержанное до того состоянія сухости, въ которомъ должно входить въ постройку судовъ, при одинакихъ размѣрахъ въ длину, ширину и глубину, въ пять разъ слабѣе желѣза, но за то въ четырнадцать разъ его легче.

2-е. Въ большихъ протяженіяхъ дерево выростаетъ само собою, готовое въ дѣло, а такой же величины желѣзныя части искуство производитъ не иначе, какъ помощію множества вин-

товъ или заклепокъ или другихъ способовъ и уловокъ, къ крѣпости желѣза, не только ничего не прибавляющихъ, но и значительно ее уменьшающихъ.

3-е. Изъ этихъ двухъ обстоятельствъ выходитъ, что если два судна, одно желѣзное, другое деревянное, имѣютъ длину, ширину и высоту одинаковыя, и если стѣны у желѣзнаго будутъ въ полдюйма толщиною, а у деревяннаго въ полфута, то есть въ двѣнадцать разъ болѣе, то тяжесть обоихъ судовъ, а слѣдовательно, и осадка ихъ въ водѣ будутъ однѣ и тѣже, но крѣпость деревяннаго будетъ по-крайней-мѣрѣ, въ пять разъ болѣе крѣпости желѣзнаго; и при томъ, что не менѣе важно, первое будетъ несравненно упружѣе, и отъ того способнѣе выдерживать потрясеніе и удары.

4-е. Много превозносимое качество желѣзныхъ судовъ, въ отношеніи совершенной ихъ безопасности отъ огня, есть также предубѣжденіе, неимѣющее никакого основанія. На судахъ случаются пожары и гибель не отъ того, что загорѣлись стѣны, а отъ того, что загорѣлась поклажа, скарбъ матросовъ и пассажировъ, всякіе запасы и товары, а все это на обоего рода судахъ бываетъ одно и тоже.

5-е. Въ простотѣ и незатруднительности работы дерева въ сравненіи съ желѣзомъ безмѣрное преимущество принадлежитъ первому. Можетъ ли намъ, Русскимъ, войти въ мысль предпочтеніе желѣза дереву, не только для морскихъ, но и для рѣчныхъ судовъ, когда мы знаемъ, что наши Лодейнопольскіе Олончане топоромъ и пилою строятъ суда, выдерживающія съ грузомъ многіе рейсы въ Америку, и что постройка мореходныхъ желѣзныхъ судовъ и по сіе время составляетъ въ Англіи исключительное занятіе богатѣйшихъ заводчиковъ, имѣющихъ въ изобиліи подъ рукою всѣ наилучшіе матеріалы и машины, и всѣ пособія новѣйшихъ механическихъ искусствъ.

Въ наше время Англичане даютъ желѣзу, матеріалу у нихъ истинно національному и котораго выдѣлка во всѣхъ возможныхъ видахъ доведена у нихъ до удивительной степени совершенства, такія приложенія, какія въ Россіи многимъ могутъ показаться невѣроятными. Они дѣлаютъ изъ него не только военные корабли, но и цѣлые трехъ-этажные домы, башни для маяковъ, и даже пространные базары. Таково было зданіе, сдѣланное въ Лондонѣ въ 1847 году, все изъ чугуна и желѣза, и отправленное въ Сан-Фернандо, на Антильскихъ островахъ.

Прибавимъ къ этому, что въ Англіи дерево, привозное изъза моря и обложенное тяжкою пошлиною, очень дорого, тогда какъ желѣзо дешевле, нежели гдѣ-либо на земномъ шарѣ, и мы должны будемъ согласиться, что хорошее и выгодное для Англіи можетъ быть совсѣмъ не таково въ другихъ земляхъ.

Теперь посмотримъ, что говорятъ опытные знатоки дѣла. Въ

1844 году правительство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ поручило особенной коммиссіи подробно обсудить и представить мнѣніе о сравнительныхъ достоинствахъ судовъ желѣзныхъ и деревянныхъ.

Вотъ, въ немногихъ словахъ, сущность отзыва коммиссіи:

1) Хотя отъ введенія желѣзныхъ мореходныхъ судовъ прошло не много лѣтъ, но уже и теперь они вовсе не оказываются такъ прочны, какъ провозглашаютъ Англичане.

За два года предъ симъ, говоритъ одинъ изъ членовъ коммиссіи, докторъ Юніусъ Смитъ, *Монтезума* и *Гвадалупа*, два желѣзныя судна, построенныя въ Англіи близъ Ливерпуля, пришли въ Нью-Іоркъ для починки. Монтезума не служилъ еще и трехъ лѣтъ. Когда, по введеніи въ сухой докъ, я сталъ осматривать его, то увидѣлъ что во всю длину грузовой линіи, то есть той, по которую судно сидитъ въ водѣ, отъ кормы до носа, желѣзо въ стѣнахъ было выгравлено ржавчиною, на глубину отъ одной шестнадцатой до одной восьмой части дюйма, и походило видомъ на пчелиныя сотовыя ячейки. Причина этого очевидна: судно на ходу то выходитъ изъ воды, то въ нее опускается, и пристающая къ стѣнамъ морская вода, дѣйствію солнечныхъ лучей подверженная, разлагается, оставляя на желѣзѣ всю свою соль, имѣющую на него сильное химическое вліяніе, и очень скоро его разрушающую.

2) Какъ ни хорошо теперь повсюду вводимое гальванизированіе желѣза, и какъ ни очевидна его польза для недопущенія ржавчины въ желѣзныхъ издѣліяхъ на открытомъ, даже совѣмъ сыромъ воздухѣ или въ пѣсной водѣ; но при соленой морской водѣ надежда на него плохая. Да и какъ быть увѣрену въ предохранительномъ его вліяніи при многихъ тысячахъ дыръ, и всегда болѣе или менѣе неплотно пропущенныхъ въ нихъ заклепокъ, отъ коихъ единственно зависитъ вся связь частей, составляющихъ судно? Особливо же, когда довольно завестись ржавчинѣ только въ нѣсколькихъ непримѣтныхъ мѣстахъ, чтобы быстро распространиться повсюду.

3.) Тѣ же самыя заклепки, держась въ дырьяхъ своихъ безъ всякаго промежуточнаго упругаго тѣла, которое бы, при напорѣ на стѣны судна вѣтра и волнъ, могло нѣсколько подаваться и уступать, а потомъ опять занимать прежнее свое мѣсто, непремѣнно должны производить чрезъ самое скорое время течь, и такую, что мѣсто происхожденія ея найдти очень трудно, а исправить почти невозможно.

Прошлаго года, продолжаетъ докторъ Смитъ, осматривалъ я одно американское таможенное желѣзное судно. Течь въ немъ была страшная. На килѣ, желѣзные листы разворотило, по-крайней-мѣрѣ, на полдюйма, и ужасныя щели были между каждыми двумя рядами листовъ и почти во всю длину судна,

отъ кормы до носу. При мнѣ мастеровые заливали эти щели свинцомъ. Бѣдное средство: очевидно, что отъ разной растяжимости желѣза и свинца, течь должна была очень скоро вновь показаться, и даже увеличиться.

Какая разница съ деревяннымъ судномъ! Тамъ между спаями деревянной обшивки плотно забивается конопатка, вся вмѣстѣ составляетъ упругое тѣло значительнаго объема, которое непремѣнно уступаетъ натугу корабельныхъ стѣнъ, не производя щелей и не пропуская воды. Да если бы и оказалась течь, то подновить конопатку есть дѣло самое простое и удобное.

Всѣ возможныя поправки въ деревянномъ суднѣ несравненно менѣе затруднительны, гораздо дешевле и благонадежнѣе, нежели въ суднѣ желѣзномъ.

Притомъ же не много найдешь искусныхъ работниковъ желѣза, тогда какъ почти всякой управится съ деревомъ.

Безпрестанное и неотвратимое образованіе тонкаго слоя ржавчины на листовомъ желѣзѣ дѣйствіемъ морской воды, всего лучше бываетъ очевидно, когда его вновь выкрасятъ масляною краскою. Масло, высыхая, размягчаетъ и отдѣляетъ ржавчину, которая отпадая, обнажаетъ желѣзо чрезъ нѣсколько часовъ по окраскѣ, подвергая его наросту новаго ржаваго слоя и чрезъ то новому ущербу въ крѣпости.

Въ заключеніе, мы должны однакоже замѣтить, что, не-смотря на чудесные успѣхи пароходства, для Россіи оно въ теперешнемъ своемъ состояніи не можетъ принести и сотой части той пользы, какую наше отечество можетъ отъ него ожидать для важнѣйшей своей потребности, внутренняго пароходства.

Вся Европейская Россія покрыта необъятною сѣтью водяныхъ сообщеній; но всеобщее свойство ея тысячи рѣкъ есть великое изобиліе воды весною, при таяніи снѣговъ и на короткое время, и великой недостатокъ воды почти во все остальное время, до самого замерзанія. Самая наша великая мать—Волга, принимающая произведенія болѣе нежели двадцати богатѣйшихъ губерній, между Рыбинскомъ и Тверью мелководна такъ, что осадка проходящихъ здѣсь грузовыхъ судовъ, закономъ опредѣлена быть не болѣе, какъ отъ 10 до 14 вершковъ. Наибольшая же часть другихъ судоходныхъ рѣкъ лѣтомъ допускаютъ немногимъ болѣе половины этого груза.

По такимъ водамъ пароходы ни съ гребными колесами, ни съ подводными винтами проходить не могутъ. Здѣсь паровая сила должна быть приспособлена совсѣмъ другимъ образомъ, которому доселѣ дѣлаются только попытки. Успѣшное разрѣшеніе этой задачи, безъ сомнѣнія, ни одному государству на свѣтѣ не принесетъ такихъ огромныхъ выгодъ, какъ Россіи.

ВАСИЛІЙ КАРЕЛИНЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

БЕРЦЕЛІУСЪ.

Берцеліусъ былъ величайшимъ химикомъ нашего времени. Многіе дѣлали блистательнѣйшія открытія или излагали остроумнѣйшія теоріи, но никто не выполнилъ столь значительныхъ трудовъ, какъ Берцеліусъ: въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, онъ направлялъ ходъ химіи.

Іоханнъ-Яковъ Берцеліусъ родился 29 августа 1779 года въ Вэверсундѣ, деревнѣ, находящейся близъ Линкёпинга въ Остготіи, въ той самой провинціи, гдѣ родился Линней, знаменитый естествоиспытатель. Отецъ Берцеліуса, завѣдывавшій приходской школой, далъ своему сыну начальное образованіе. На семнадцатомъ году, Берцеліусъ поступилъ въ упсальскій университетъ, съ намѣреніемъ изучать медицину. Афзеліусъ, племянникъ Бергманна, преподавалъ тамъ химію, вмѣстѣ съ Экебергомъ, своимъ адъюнктомъ.

Эти два профессора не подтверждали опытами излагаемую имъ теорію; только одинъ разъ въ недѣлю студенты собирались въ химической лабораторіи, куда Берцеліусъ приходилъ ежедневно. Замѣтивъ, что профессора не могли ни руководить его при совершеніи опытовъ, ни объяснять тѣ явленія, которыя происходили предъ его глазами, онъ сталъ заниматься самъ, стараясь образовать себя чрезъ чтеніе и наблюденіе. По прошествіи двухъ лѣтъ Берцеліусъ покинулъ упсальскій университетъ; это было въ 1798 году. Будучи назначенъ помощ-

никомъ врача при минеральныхъ водахъ въ Медеви, онъ сдѣлалъ химическое ихъ разложеніе. Этотъ трудъ, обнародованный имъ вмѣстѣ съ Екебергомъ,—первое звѣно въ той длинной цѣпи открытій, которыя впослѣдствіи должны были обезсмертить его имя. Въ 1807 году, онъ былъ сдѣланъ профессоромъ фармацевтической химіи въ Стокгольмѣ. Сначала лекціи его не имѣли успѣха, потому-что онъ, подражая своему учителю, Афзеліусу, излагалъ одну теорію, не подтверждая ее опытами. Докторъ Марсе, встрѣтившій Берцеліуса въ 1812 году, въ Лондонѣ, сообщилъ ему списокъ опытовъ, которыя онъ дѣлалъ, читая курсъ химіи; спустя нѣсколько времени, оба химика встрѣтились въ Женевѣ; Берцеліусъ, въ свою очередь, сообщилъ Марсе свой списокъ, значительно увеличенный описаніемъ новыхъ опытовъ, которыя были имъ произведены; Марсе оставилъ для себя снимокъ съ этого списка. Въ 1806 году, Берцеліусъ приступилъ къ печатанію періодическаго изданія, называвшагося: *Записки о физикѣ, химіи и минералогіи*, гдѣ онъ помѣстилъ превосходныя свои изысканія, доставившія ему, въ 1808 году, званіе академика; въ 1810 году сдѣланъ онъ былъ президентомъ академіи наукъ въ Стокгольмѣ, а въ 1818 году, непремѣннымъ секретаремъ академіи, и сохранилъ это званіе до самой своей смерти. Въ 1823 году онъ сталъ издавать новое періодическое изданіе, имѣвшее огромное вліяніе на успѣхи химіи: это было *Ежегоднов донесеніе объ успѣхахъ физики, химіи и минералогіи*, въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ постоянно выходившее въ опредѣленный срокъ. Въ этомъ твореніи Берцеліусъ критиковалъ всѣ сочиненія о химіи, какія только появлялись въ-продолженіе года; онъ писалъ съ знаніемъ дѣла, потому-что не только читалъ всѣ эти книги, но даже дѣлалъ опыты, о которыхъ тамъ упоминали. Чрезъ эти критическіе разборы онъ нажилъ себѣ много враговъ; потому-что рѣдко когда похвалы его успѣвали успокоить оскорбленное самолюбіе современныхъ ему химиковъ. Не смотря на это, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, книга эта почиталась образцовою здѣсь Берцеліусъ изчислялъ успѣхи химіи, помѣщалъ свои открытія и наблюденія, и, наконецъ, указывалъ вопросы, оставшіеся необъясненными. Другое сочиненіе Берцеліуса, изданное въ 1825 году,—*Опытъ о употребленіи паяльной трубки при разложеніяхъ химическихъ и минералогическихъ опредѣленіяхъ.*

Паяльная трубка уже была употребляема при розысканіяхъ химическихъ соотечественниками Берцеліуса: Свабомъ (въ 1738 году), Кронштедтомъ, Бергманномъ и Гономъ; Берцеліусу при-

надлежитъ честь ея усовершенствованія. Это сочиненіе Берцеліса произвело рѣшительный переворотъ въ химіи, минералогіи и металлургіи. Берцеліусъ открылъ, что, направивъ пламя свѣчки на кусочки большей части металловъ, положенныхъ на уголья, можно узнавать, наблюдая ихъ плавленіе, тѣла, входящія въ ихъ составъ. Если этотъ способъ оказывался недостаточнымъ, тогда прибавляли нѣсколько простыхъ реактивовъ, которые, соединяясь съ испытуемымъ тѣломъ, опредѣляли его составъ.

Берцеліусъ напечаталъ большой *Трактатъ о химіи*, который достигъ пяти изданій. Издавая вновь этотъ трактатъ, Берцеліусъ, не ограничивался простымъ его перепечатываніемъ; нѣтъ, онъ всякій разъ передѣлывалъ, исправлялъ и снова, отъ начала до конца, переписывалъ своей рукой. Послѣднее изданіе этого трактата было сдѣлано въ 1842 году; знаменитый авторъ предчувствовалъ, что ему не удастся публиковать шестаго изданія; онъ говоритъ въ предисловіи: «Чувствую, что это изданіе по необходимости будетъ послѣднимъ, даже и тогда, когда Богу угодно будетъ продлить мою жизнь и даровать мнѣ достаточно силъ для окончанія этого изданія.» Подагра, соединенная съ легкими припадками апоплексіи, заставляла его помышлять о смерти за шесть лѣтъ до ея прихода; Берцеліусъ не старался скрывать отъ себя состояніе своего здоровья, и, подобно работнику, спѣшащему окончить свой трудъ къ закату дня, занимался усердно, желая оставить потомству памятникъ учености, который былъ бы его достоинъ. Кромѣ исчисленныхъ нами сочиненій, Берцеліусъ сочинилъ множество записокъ, въ которыхъ онъ помѣстилъ большую часть своихъ открытій; именно шесть тѣлъ простыхъ: торій, церій, селенъ, кремній, цирконій и танталъ; онъ опредѣлилъ металлическій составъ кореннаго начала нашатыря, аммоніума; также свойства кремнеаёма, который замѣняетъ кислоту въ отношеніи ко многимъ основаніямъ, отъ которыхъ происходятъ соли, какъ-то поташный, желѣзный и т. д.—Онъ улучшилъ и исправилъ номенклатуру Лавуазье, опредѣлилъ законы, на которыхъ основываются химическія соединенія, и приложилъ къ нимъ теорію электро-химическую со всѣми ея выводами; наконецъ оказалъ важную услугу химіи, разложивъ кровь, молоко, урину и слезы, гдѣ онъ доказалъ присутствіе молочной кислоты,—открытіе чрезвычайно важное для физіологіи.

Но труды Берцеліуса не заключаются въ однихъ его сочиненіяхъ; онъ оставилъ по себѣ множество химиковъ, своихъ

учениковъ, вполнѣ достойныхъ продолжать начатые имъ труды; такимъ образомъ Митшерлихъ, Гмелинъ, Генрихъ и Густавъ Розе, Вёлеръ, Магнусъ, Арфведсонъ, Мозандеръ, Плантамуръ и др., въ свою очередь, передадутъ другимъ наставленія своего учителя; эти наставленія, будучи улучшены, измѣнены дальнѣйшими успѣхами науки, увѣковѣчатъ воспоминаніе о Берцеліусѣ и воскресятъ его геній среди грядущаго поколѣнія химиковъ.

Читая длинный перечень сочиненій Берцеліуса, невольно спрашиваешь самого-себя, какимъ образомъ одинъ человѣкъ могъ написать столько томовъ и произвесть столько опытовъ въ теченіе сорока лѣтъ Это чудо объясняется только умѣньемъ Берцеліуса располагать время для своихъ ученыхъ занятій. Одинъ химикъ получилъ каѳедру по рекомендаціи Берцеліуса, и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не издавалъ въ свѣтъ ни одного ученаго труда.

«Онъ извиняется всегда, говорилъ Берцеліусъ, тѣмъ, что не имѣетъ времени. Я отвѣчалъ ему, что онъ не чувствуетъ никакой охоты заниматься; потому-что тѣ, которые дѣйствительно любятъ трудиться, всегда находятъ возможность и время удовлетворить этой потребности.»

Англійскій профессоръ Джонстонъ, посѣтившій Берцеліуса въ 1829 году, описываетъ его жилище, и объясняетъ, какимъ образомъ умѣлъ онъ пользоваться такъ хорошо временемъ. Мы окончимъ нашу статью этимъ описаніемъ, потому-что послѣ твореній великихъ людей, всего интереснѣе для насъ узнать средства, которыми они пользовались для того, чтобы привесть свои труды къ желанному окончанію.

«Я пріѣхалъ въ Стокгольмъ 6 сентября, пишетъ г. Джонстонъ, и на слѣдующій день отправился немедленно въ Академію, гдѣ жилъ Берцеліусъ. Я засталъ его въ кабинетѣ; онъ занимался новымъ изданіемъ своего Трактата о химіи. Берцеліусъ принялъ меня самымъ радушнымъ, дружелюбнымъ образомъ. Онъ предложилъ мнѣ сдѣлать вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько химическихъ опытовъ; это предложеніе я принялъ съ величайшею благодарностью, потому-что мнѣ представлялся случай ознакомиться съ его способомъ производить опыты; сверхъ того, я надѣялся сдѣлать множество весьма занимательныхъ наблюденій. Производя опыты, онъ былъ чрезвычайно внимателенъ къ своему дѣлу, не желая опустить изъ виду малѣйшихъ предосторожностей, которыя могли бы повредить успѣшному окончанію какого-либо опыта. Онъ объяснялъ мнѣ всю важ-

ность и необходимость этой внимательности и предусмотрительности въ анализахъ химическихъ. «Пойдемте, сказалъ онъ мнѣ, покуда производится этотъ опытъ, я вамъ покажу двѣ или три вещицы, которыя вы конечно будете очень рады видѣть.» Я имѣлъ возможность поучаться у знаменитаго химика и проводить время самымъ пріятнымъ образомъ. Берцеліусъ показывалъ мнѣ образчики минерологическіе, между которыми находилось весьма много рѣдкостей; указывалъ на результаты, полученные иностранными химиками и касавшіеся вопроса, который насъ занималъ; наконецъ, объяснилъ мнѣ то, что казалось для меня темнымъ и непонятнымъ, и переводилъ цѣлыя страницы какого-нибудь автора, писавшаго на неизвѣстномъ для меня языкѣ.

«Въ лабораторіи Берцеліуса ничто не оскорбляетъ зрѣніе или обоняніе; воздухъ въ ней чрезвычайно чистъ; всѣ удушливые, вредные для здоровья газы уносятся немедленно чрезъ трубу камина. На окнѣ стоитъ чашка съ ртутью, которая ярко блеститъ. Далѣе, на маленькомъ фарфоровомъ столѣ съ выгнутыми краями стоитъ нѣсколько стеклянныхъ сосудовъ, употребляемыхъ при совершеніи опытовъ. Тутъ же помѣщена и большая лампа съ паяльной трубкой. Вы напрасно будете искать въ этой лабораторіи печей изъ кирпича или камня. Приборъ, употребляемый Берцеліусомъ состоитъ изъ очага, возвышающагося на одинъ метръ отъ полу, и накрытаго покрышкой, чтобы собирать пары и газы, которые отдѣляются. На этомъ очагѣ находится небольшая песчаная ванна, нагрѣваемая угольями, и небольшая желѣзная печь съ отверстіями для трубокъ, ретортъ и т. п.—Въ другой комнатѣ вамъ невольно бросаются въ глаза вѣсы, накрытые стекляннымъ колпакомъ. Какой свѣтъ пролилъ на науки естественныя этотъ приборъ, по-видимому столь несложный! сколько объяснилъ онъ явленій! открылъ новыхъ истинъ! Кто въ состояніи исчислить споры, имъ прекращенные, и ипотезы, имъ опровергнутыя? Кто бы могъ подумать въ древности, что мы будемъ одолжены этому инструменту, самому простому и общеупотребительному, знаніемъ истинъ отвлеченныхъ и законовъ природы? Въ этой же комнатѣ лежатъ и небольшія свинцовыя гири, служащія для опредѣленія вѣса всѣхъ тигелей и небольшихъ платиновыхъ сосудовъ, находящихся въ лабораторіи. Кругомъ стѣнъ комнаты размѣщены въ ящикахъ и стеклянныхъ шкафахъ различные химическіе приборы; они содержатся въ отличнѣйшемъ порядкѣ и неукоризненной чистотѣ. Наконецъ вы входите въ третью комнату; тутъ

вы находите того, кого тщетно искали въ двухъ первыхъ комнатахъ,—самаго Берцеліуса. Онъ пишетъ, столъ его завалень грудами ученыхъ журналовъ; полки его библіотеки гнутся подъ тяжестью книгъ. Влѣво отъ него стоитъ небольшой шкафъ, въ ящикахъ котораго хранятся рѣдчайшія химическія вещества и составы; которыхъ бы вы тщетно стали искать въ другомъ мѣстѣ.

«Берцеліусъ занятъ постоянно: онъ трудится въ сутки отъ двѣнадцати до четырнадцати часовъ; но должно однако думать, что онъ работаетъ постоянно въ своей лабораторіи. Часто случается, что онъ, занимаясь какимъ-либо сочиненіемъ, не заглядываетъ туда въ продолженіе цѣлаго мѣсяца; но если ему попадается какой-нибудь вопросъ, который кажется ему темнымъ и необъясненнымъ, онъ немедленно покидаетъ перо, отправляется въ лабораторію и занимается изысканіями дотолѣ, доколѣ не дойдетъ до желаемаго результата. Комнаты его весьма удобно расположены для того, чтобы онъ могъ свободно переходить изъ кабинета въ лабораторію. Его библіотека, конторка, реактивы и печи размѣщены на самомъ тѣсномъ пространствѣ, что даетъ возможность постоянно слѣдить за сдѣланными уже опытами и средства для новѣйшихъ открытій. Все содержащееся въ лабораторіи отличается порядкомъ и необычайной опрятностью; всякій предметъ находится на своемъ мѣстѣ и въ такомъ состояніи, что его можно немедленно употребить въ дѣло. Способъ Берцеліуса располагать приборы для совершенія опытовъ заслуживаетъ вниманіе своей простотой. Кромѣ того онъ употребляетъ множество небольшихъ приборовъ, которые онъ самъ, по-большей части, сдѣлалъ. Во всей его лабораторіи видны слѣды той добросовѣстной точности, которая придаетъ такъ много достоинства его анализамъ.»

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

«Добро есть, братіе, почитанье книжное».
Изъ древнѣйшей славянской рукописи: Сборникъ 1076 года.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Изданіе А. Смирдина.

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ *).

НАХИМОВЪ. — МИЛОНОВЪ. — СУДОВЩИКОВЪ.

Главный и самый важный недостатокъ Смирдинскаго изданія русскихъ авторовъ состоитъ въ томъ, что къ ихъ сочиненіямъ не прилагается никакихъ біографическихъ свѣдѣній. Мы не требуемъ, конечно, подробныхъ критическихъ очерковъ этихъ писателей, съ разборомъ ихъ произведеній и оцѣнкою литературнаго значенія; составить подобные очерки было бы труднѣе, чѣмъ издать полное собраніе сочиненій этихъ авторовъ, но не такъ было бы трудно собрать по-крайней-мѣрѣ, у-

* Первая статья была напечатана въ *Ноябрской* книгѣ *Сына Отечества* за 1849 годъ.

казанія, когда родился, жилъ и умеръ издаваемый писатель, съ хронологическимъ распредѣленіемъ главнѣйшихъ произведеній. Ничего подобнаго нѣтъ въ смирдинскомъ изданіи; многіе авторы неназваны имъ даже и по имени. Такъ читатель, не знавшій Милонова, Нахимова и Судовщикова, прочтя собраніе сочиненій ихъ, все-таки не узнаетъ ни—какъ ихъ звали, ни когда они жили и писали. Съ современными поэтами этого не могло бы случиться; нашъ вѣкъ ввелъ въ пиитику особый родъ поэзіи личной, домашней, интимной, изъ которой читатель можетъ узнать малѣйшія подробности и обстоятельства жизни поэтовъ, бо́льшею частію вовсе незанимательной. Старинные писатели были въ этомъ случаѣ гораздо скромнѣе нынѣшнихъ. Они воспѣвали другъ друга, но не самихъ себя. Мелкая поэзія домашней жизни не могла улечься въ громкихъ размѣрахъ ихъ стиховъ; они считали поэзію служеніемъ высшимъ богамъ, музамъ Піэридамъ, пѣли и бряцали на лирахъ, и можно ли было языкомъ боговъ описывать предметы, встрѣчающіеся сплошь у нынѣшнихъ писателей. Не говоримъ, чтобы старинные поэты были менѣе самолюбивы, но самолюбіе ихъ высказывалось скорѣе въ ихъ дѣйствіяхъ, нежели въ стихахъ. Они не любили, чтобы другіе бранили ихъ, но сами себя не хвалили, обращая болѣе вниманіе на сужденія современныхъ имъ писателей, на мнѣніе публики. Наши поэты пожаловали читателей въ толпу, отзываются объ ней со всею дозволенною въ печати неучтивостью, пишутъ не для нея, не для денегъ, этого презрѣннаго металла, которымъ уже давно не платятъ за стихотворенія; они пишутъ даже не для славы, потому-что слава — дымъ, — слѣдовательно, имъ остается только одна болѣе возвышенная цѣль: писать для самихъ себя и о себѣ, что они и исполняютъ по мѣрѣ всѣхъ своихъ силъ и возможности. На сужденія имъ подобныхъ писателей они обращаютъ еще меньше вниманія, чѣмъ на приговоръ публики. Если сужденіе это произнесено не въ ихъ пользу, ясно, что оно сдѣлано изъ зависти. Въ самой похвалѣ своего собрата—соперника ихъ щекотливая раздражительность видитъ скрытую насмѣшку, злую иронію. Назови современнаго поэта геніемъ, но поставь его немножко ниже Бейрона, Гете, Пушкина, замѣть ему хотя одинъ негладкій стихъ, одну темную мысль,—и онъ вѣчный врагъ твой. Могутъ ли подобные люди выгодно отзываться о произведеніяхъ своихъ собратовъ? Напротивъ того, поэты прошедшаго времени были всего щедрѣе на похвалы другимъ поэтамъ, въ надеждѣ, можетъ-быть, что и имъ отплатятъ такою же

похвалою. Самыя преувеличенныя восторженныя гиперболы попадаются у нихъ на каждомъ шагу. Имъ ничего не стоило пожаловать перваго ничтожнаго стихокропателя въ рускіе Пиндары, Горація, Ювеналы и Вольтеры. Впрочемъ всѣ эти стороны писателей добраго стараго времени, мы увидимъ ближе изъ самаго разбора ихъ сочиненій. Милоновъ, Нахимовъ и Судовщиковъ соединены въ одномъ томѣ смирдинскаго изданія, не потому, чтобы они писали въ одномъ родѣ или чтобы произведенія ихъ были равнаго достоинства. Нахимовъ гораздо выше Судовщикова, написавшаго всего двѣ комедіи, и въ особенности Милонова, изъ шестидесяти пяти стихотвореній котораго едва ли пятая часть найдется порядочныхъ. Нахимовъ былъ юмористъ, Судовщиковъ комическій писатель; изъ мелкихъ стихотвореній Милонова всего замѣчательнѣе сатиры. Равны эти писатели слѣдовательно только тѣмъ, что каждый изъ нихъ написалъ весьма мало, и что полныя сочиненія всѣхъ трехъ писателей легко умѣстились, со всѣми пробѣлами и оглавленіями, на 422 страницахъ не весьма убористой печати, заключающей около 30-ти строкъ на страницѣ. Стало-быть Смирдинъ соединилъ этихъ писателей въ одинъ томъ потому только, что Нахимовъ написалъ всего 170 страницъ, Милоновъ 183, а Судовщиковъ 160. Впрочемъ, отчего же было и не допустить этого соединенія, если изданы были прежде въ одномъ томѣ Кантемиръ и Хемницеръ, писатели разныхъ вѣковъ, направленій и различной степени дарованій?

—

Посмотримъ, кто былъ Нахимовъ, писатель весьма замѣчательный и оригинальный. Къ собранію сочиненій его приложено предисловіе подъ названіемъ: *Мнѣніе о сочиненіяхъ Нахимова*, въ 38 строчекъ. Трудно было въ этихъ немногихъ строкахъ сказать что-нибудь объ авторѣ и его сочиненіяхъ; и потому ни о томъ ни о другомъ несказано ни слова. Въ предисловіи этомъ сказано: «Сочиненія Нахимова нимало не похожи на такія, которыя до-тѣхъ-поръ только и живутъ, пока они на языкѣ у самаго автора (но какія же это сочиненія могутъ жить только на языкѣ у автора?); въ нихъ видна равная степень изобрѣтательности и отдѣлки.» Мы увидимъ при разборѣ, какъ это несправедливо; далѣе въ предисловіи говорится, что

«Надобно имѣть много остроумія и искуства, чтобы сдѣлать пріятными порки, которые разилъ авторъ даже тѣмъ, отъ кого [illegible]

ваны эти пороки и не оскорбить тонкаго чувства людей образованныхъ».

Нахимовъ успѣлъ въ этомъ совершенно, говоритъ предисловіе. Сомнѣваемся, потому-что это рѣшительно невозможно.

Всего любопытнѣе въ этомъ странномъ *мнѣніи* слѣдующій за этимъ пунктъ, который мы выписываемъ буквально, прося потрудиться объяснить, что̀ хотѣлъ сказать авторъ этого предисловія.

«Забавно для насъ одно только: именно, многіе, разумѣется такіе которые уже не стоятъ *бумаги* и *чернилъ*, берутъ нѣкоторые отрывки его прямо на свой счетъ. Всякой подумаетъ, что такіе мѣряютъ себѣ въ честь—видя точное изображеніе себя въ печатной книгѣ, еще стихами да и отмѣнными.

Что̀ все это значитъ? Въ заключеніи мнѣнія о сочиненіяхъ Нахимова, объясняется различіе между критикою, сатирою и пасквилемъ, для того, чтобы сказать, что сочиненія Нахимова принадлежитъ ко второму году. Любопытно, что по мнѣнію сочиненія предисловія, критика показываетъ погрѣшности и ошибки для того, чтобы воспользовался замѣчаніями тотъ къ кому они относятся. Стало быть критика пишется не для читателя, а для авторовъ? Довольно оригинальная мысль. Въ концѣ предисловія сказано, что *мнѣніе* это взято изъ Украинскаго вѣстника 1816 г. Вообще Смирдинское изданіе перепечатано со втораго, исправленнаго и дополненнаго изданія, напечатаннаго посмерти автора (Харьковъ, въ университетской типографіи 1816 г.) При перепечатываніи этого изданія выпущено только имя автора—Акимъ, нѣсколько строкъ отъ *издателя*, въ которыхъ, онъ говоритъ, что его побудило «ускорить вторымъ изданіемъ благосклонное принятіе сочиненій Нахимова, раскупленныхъ менѣе нежели въ годъ и справедливость, отданная имъ въ журналахъ Сынѣ Отечества и Украинскомъ вѣстникѣ, также въ разсужденіи о баснѣ и баснописцахъ Д. Масловича».

Въ смирдинскомъ изданіи сочиненій Нахимова помѣщено 119 стихотвореній и 10 статей прозаическихъ. Стихотворенія раздѣлены по *содержанію*, игравшему такую важную роль въ старинныхъ риторикахъ. Мы были бы не прочь отъ этого раздѣленія, если бы оно было сдѣлано логически и систематически. Но при этомъ распредѣленіи, принятомъ впрочемъ и въ изданіи 1816 г., сдѣлано слѣдующее раздѣленіе: съ начала помѣ-

щены стихотворенія *сатирическія*, потомъ *басни*, *надписи*, *эпиграммы* и *эпитафіи*, какъ будто все это не сатирическія же стихотворенія? Потомъ помѣщенъ особо отдѣлъ изъ 12 стихотвореній, также сатирическаго содержанія, подъ названіемъ *разныя стихотворенія*; за этимъ слѣдуютъ, *лирическія* и *священнаго содержанія*, которыхъ всего 7, и то одно изъ нихъ сатирическое. Вообще изъ всѣхъ 119 стихотвореній Нахимова только 8 не сатирическихъ; къ чему же было дѣлать подобное раздѣленіе?

Но обратимся къ этимъ стихотвореніямъ.

Въ началѣ ихъ помѣщено стихотвореніе *къ самому себѣ*, которое, какъ сказано въ примѣчаніи: «найдено написанное на печатной книгѣ (какой?) послѣ первыхъ двухъ изданій (чего?) при разборѣ библіотеки сочинителя.» Въ этомъ стихотвореніи Нахимовъ даетъ себѣ нѣсколько совѣтовъ и наставленій, впрочемъ довольно обыкновенныхъ и риторическихъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого стихотворенія, въ которыхъ авторъ описываетъ свой характеръ и свои мнѣнія:

Престань, Нахимовъ, злобу свѣта
И жребій свой ты проклинать;
Послушай моего совѣта —
И ты забудешь тосковать.

* *
*

Чего жъ, безумный, ты желаешь,
И жребій свой за что клянешь,
Тоскуешь, бѣсишься, мечтаешь,
Съ досады волосы дерешь?

* *
*

Прелестнаго Альцибіада
Что ты неодаренъ красой,
И милой нимфы нѣжна взгляда
Плѣнить не можешь ты собой?

* *
*

Не знаешь свѣтска обращенья,
Задумчивъ, медленъ, неподвиженъ,
Не любишь свѣтскаго веселья,
Суровымъ кажешься и злымъ.

* *
*

Что ты совсѣмъ почти немѣешь,
Какъ должно съ дамой говорить,
Подсѣсть подъ бокъ ты къ ней не смѣешь,
Не можешь въ модномъ свѣтѣ жить?

. . . . . .

* *
*

Судьба иль Божье Провидѣнье
Тебя желало произвесть
Не для того, чтобъ лишь мученья
Тебѣ въ семъ мірѣ перенесть.

* *
*

. . . . . .

Гнушайся глупымъ суевѣрьемъ,
Нелѣпы бредни презирай,
Не пышностью, но просвѣщеньемъ
Себя отъ черни отличай.

* *
*

Бѣги притворства и обмана
Боярамъ знатнымъ ты не льсти,

* *
*

Хоть лестью то себѣ достанешь,
Что будешь въ лентѣ и съ крестомъ,
Но счастливъ ты чрезъ то не станешь,
Коль счастья нѣтъ въ тебѣ самомъ.

* *
*

Хотя бы землю съ твердью всею
Грозила бездна поглотить,
Но мужа праваго душею
Ничто, ничто не устрашитъ.

Въ этихъ стихахъ есть жаръ и убѣжденіе; послѣдняя строфа навѣяна чтеніемъ Горація; вообще стихотвореніе замѣчательно еще и тѣмъ, что въ немъ мы узнаемъ автора, даже его недостатки. Такъ онъ самъ сознается, что не можетъ плѣнить собой милой нимфы, не знаетъ свѣтскаго обращенія, неловокъ, нелюдимъ, суровъ и золъ, — послѣднее качество впрочемъ онъ придалъ себѣ, вѣроятно, только потому, что этого требовала рифма.

Мы раздѣлимъ всѣ стихотворенія Нахимова: на *замѣчательныя* по своему дѣйствительному достоинству, или по обстоятельствамъ, въ которыхъ были написаны или наконецъ, по какой-нибудь чертѣ нрава тогдашняго времени. Ко второму разряду, *слабыхъ стихотвореній*, будутъ относиться всѣ остальныя, и объ нихъ мы скажемъ только нѣсколько словъ, или приведемъ изъ нихъ нѣсколько стиховъ.

Начнемъ съ перваго разряда.

1) Прежде всего представляется намъ здѣсь элегія, имѣвшая большую извѣстность въ свое время, написанная по поводу указа объ экзаменахъ и познаніяхъ, необходимыхъ для служащихъ лицъ. Это довольно злая сатира на невѣжество въ служебномъ классѣ людей, подавшее поводъ къ изданію закона.

Одно изъ золъ, вкоренившихся во время татарскаго владычества, было размноженіе взяточничества. Это зло соединилось впослѣдствіи съ другимъ, ябедничествомъ, развившимся между нижними приказными чинами, во время введенія Петромъ Великимъ въ присутственныхъ мѣстахъ европейской формы судопроизводства, не слишкомъ скоро привившейся къ нашимъ обычаямъ, основаннымъ на совершенно другихъ юридическихъ началахъ. Обѣ эти черныя стороны своего времени, некоренныя однако же, а привившіяся, породили, соединившись между собою, отдѣльный классъ въ обществѣ, извѣстный подъ названіемъ *подячихъ*, слово, не переводимое ни на какой языкъ. Екатерина II-я строго преслѣдовала этотъ классъ взяточниковъ и ябедниковъ.

При Александрѣ I онъ совершенно почти исчезъ, а съ появленіемъ Свода Законовъ, сдѣлавшаго невозможнымъ всѣ, такъ называемые, подъяческіе крючки, поколѣніе этихъ лицъ сдѣлалось преданіемъ, которому вѣрится съ трудомъ. Ненависть къ этому роду лицъ была очень сильна у писателей прежняго времени. Большая часть сатиръ того вѣка направлена на эти лица и пороки, укоренившіеся у насъ вслѣдствіе различныхъ несчастныхъ обстоятельствъ. Зло это, долженствовавшее необходимо изчезнуть само-собой съ распространеніемъ образованности и просвѣщенія, такъ явно противорѣчило основнымъ чертамъ нашего народнаго характера, что можно было легко извинить сатириковъ за ихъ преувеличеніе и иногда ужъ черезъ чуръ рѣзкія выходки противъ подъячества. Нахимовъ былъ однимъ изъ жаркихъ враговъ его, и элегія его именно потому и нравилась, что въ ней онъ выразилъ мысли большинства образованной публики. Въ прозѣ онъ еще безпощаднѣе преслѣдовалъ подъячество.

2) Слѣдующее за этимъ стихотвореніе *Звѣринецъ* можно было бы отнести къ баснямъ. Халдейскій мудрецъ Салманазарадомъ выучился говорить на языкѣ животныхъ и разспрашиваетъ каждаго звѣря, какъ въ ихъ царствѣ,

Въ какомъ кто званіи при жизни состоялъ?
— Я былъ судья, медвѣдь сказалъ,
И кожу не одну съ невинности содралъ,
Я назывался Ворворворомъ.
— И ты былъ не судьей, а сущимъ живодеромъ!
Рычалъ великодушный Левъ,
Сверкая взорами, разинувъ страшный зѣвъ.
— Я протестуюся! вскричала Россомаха:
Смотрите! судія смердитъ уже отъ страха,
Поступкомъ сицевымъ обижена и я,
Понеже въ должности была секретаря.
Левъ будетъ подъ судомъ по моему прошенью
И карачунъ дадимъ всему его имѣнью!
— А ты, волкъ, чѣмъ служилъ?
Халдей у бирюка спросилъ.
Я то жъ, какъ и медвѣдь, присяжный кожъ сдиратель—
Въ палатѣ предсѣдатель.
— А ты, барсукъ?
Я также былъ приказный крюкъ;
Но не лупилъ людей, какъ будто бы скотину,
А скромно продавалъ законы по алтыну.

— Ну, ты, олень, скажи, кто прежде былъ таковъ?
Я былъ охотникъ Люблюпсовъ:
Въ отъѣзжемъ полѣ мать когда звѣрей травила
Верхомъ меня родила;
И мой отецъ охоту такъ любилъ,
Что въ псарнѣ съ гончими и ѣлъ и спалъ и пилъ.
. . . . . .
—А ты что скажешь намъ, баранъ?
О! я, сударь, изъ столбовыхъ дворянъ.
На бранномъ поприщѣ—искалъ мой предокъ славы,
А я мухъ колотилъ въ деревнѣ, для забавы:
Мой предокъ для того безъ сна въ трудахъ потѣлъ,
Чтобъ послѣ правнучекъ попилъ, поспалъ, поѣлъ.
. . . . . .
— Ну ты, хомякъ, скажи, ты что былъ за дѣтина?
Ахъ, господинъ, я былъ торговый мужичина,
Товаромъ мелочнымъ сперва я началъ торгъ.
Стыдъ, правда, совѣсть, Богъ,
На чисты денежки все это продавалось;
Иной день разъ пятьсотъ божиться мнѣ случалось.
. . . . . .
Аршинъ и ножницы, вѣсы, рука и взоръ,
Зубъ каждый у купца и даже лавка—воръ!
Не долженъ покупщикъ отнюдь оберткѣ вѣрить!
Готова и она обвѣсить и обмѣрить.

Мудрецъ Салванзарадомъ оканчиваетъ этотъ разговоръ со свотами слѣдующимъ желаніемъ:

Чтобъ всякій человѣкъ, судья или купецъ,
И воинъ, дворянинъ, ученый и глупецъ,
Забывшій совѣсть, стыдъ, законъ, монарха, Бога,
Передъ зерцаломъ ли, средь царскаго чертога,
Иль въ домѣ собственномъ, пируя за столомъ,
Ко удивленью всѣхъ сталъ волкомъ и осломъ.
Примѣры бъ таковы безумцевъ устрашили,
И смертные себя и Бога бъ чтили.

3) *Рѣдкости, которыя удалось мнѣ видѣть.* Въ этихъ стихотвореніяхъ авторъ перечисляетъ нѣсколько рѣдкостей въ родѣ слѣдующихъ:

«Я видѣлъ дервиша (турецкій-то монахъ)
Который одержалъ побѣду надъ страстями;
Сталъ кротокъ, совѣстенъ, смиренъ, воздержанъ, благъ,
И грѣшный міръ презрѣлъ не словомъ, а дѣлами.

Я видѣлъ, какъ одинъ почтенный секретарь
Оправилъ праваго, не взявши ни алтына,
Такъ долгъ велитъ, онъ мнилъ; мнѣ платитъ совѣсть, царь,
И вотъ награда мнѣ безцѣнна и едина.
«Я видѣлъ торжество наукъ, достоинствъ, чести,
Позоръ невѣжества, изгнанье подлой лести,
Въ семействахъ тишину и счастіе вездѣ;
Я видѣлъ все сіе, и видѣлъ все.... во снѣ!»

4) Въ стихотвореніи *Забавная бесѣда* выведены: ринмачъ, кокетка, рубака, подьячій и педантъ, которые хотятъ только говорить, а не слушать.

«. . . . Всѣ вы любите вранье,
Лишь не чужое, а свое».

заключаетъ авторъ.

5) *Пѣснь лужѣ* принадлежитъ къ числу самыхъ оригинальныхъ стихотвореній Нахимова. Онъ начинаетъ такъ:

Пускай иной, потѣя годы,
Съ надсадой трубитъ страшны оды
Ручьямъ, озерамъ и морямъ;
Не море—лужу воспѣваю,
Грязь въ жемчугъ я преображаю,
Ударивъ музы по струнамъ.

«Лужей брезгуетъ народъ» говоритъ онъ дальше, «но неисчетные насѣкомые видятъ въ ней чудный океанъ». Онъ называетъ лужу ванною и диваномъ четвероногихъ сибаритовъ, украшенныхъ щетиною, которые не промѣняютъ тины на пухъ, и считаютъ грязь—бархатомъ.

«.... Страннику въ несносный жаръ
Вода твоя въ степи Ливійской
Или пустынѣ Аравійской
Небесный кажется нектаръ».

Въ неизмѣримой обширности море—не та же ли лужа, хотя въ немъ есть бисеръ и кораллъ?

«Но что́жъ? предъ мудрыми очами
Столь почитаемые нами
Кораллъ и бисеръ—тоже грязь».

Стихотвореніе оканчивается стихами, въ которыхъ поэтъ говоритъ: Я не презираю лужи—она для меня наставникъ.

«Чей духъ лѣнивый дремлетъ вѣчно,
Въ комъ мысль и чувствіе сердечно
Какъ въ лужѣ мутная вода;
И праздности его въ награду
Пороки въ немъ, подобно гаду,
Плодятся—множется всегда».

Эти странные стихи должны были поразить въ то время, когда въ поэзіи господствовали высокій слогъ, превыспреннія царенія, музы дѣвственницы, Кастальскій и Ипокренскій источники и всѣ высокопарно-надутыя фразы мифологическаго направленія. Объ общемъ значеніи стиховъ Пахимова, мы будемъ впрочемъ говорить, разобравши его сочиненія.

б) *Отрывки изъ письма пріятеля моего, странствующаго въ чудесномъ мірѣ.* Основаніе этого стихотворенія то же, что и въ *Звѣринцѣ*. Только здѣсь дѣйствуютъ, вмѣсто четвероногихъ—птицы. Вотъ начало его:

Не знаю почему здѣсь вздумалось природѣ
Разумны существа по птичьему одѣть;
Прилично ли уму подъ перьями потѣть?
Сей гордый господинъ, любимый небесами,
Покоиться привыкъ у насъ подъ колпаками».

Далѣе авторъ описываетъ нѣсколько птичьихъ характеровъ.

«Такъ храбры коршуны воздвигли птичій Римъ.
Когтисты Римляне гроза врагамъ своимъ;
Здѣсь хищны замыслы проникнувъ ястребины
Витійствуютъ скворцы за вольность и Афины.
Съ поклепымъ носомъ тамъ взежился Невтонъ,
И мудростью гордясь, топыритъ крылья онъ,
Здѣсь филинъ—Ришелье иль Питтъ глазища жмуритъ,
И ставя сѣть, коварну рожу хмуритъ.

. . . . . .

А вотъ шестеркою прочалася ворона,
Имѣя гордый видъ нѣмецкаго барона,
И подлинно, ее знатнѣе въ мірѣ нѣтъ
Придворнымъ конюхомъ ея былъ славный дѣдъ.

. . . . . .

.... Теперь глухой предъ кончикомъ пыхтитъ,
И кончикъ корчится предъ знатностью глухою
Въ надеждѣ, можетъ быть, учтивостью такою
Защиту иль чинокъ, иль мѣсто получить,
Чтобъ послѣ свигирей и воробьевъ душить,
Сдирать безъ жалости съ безсильныхъ птичекъ кожу
И наконецъ себя преобразить въ вельможу.
Ну! вотъ еще уродъ: ощипанный пѣтухъ –
Повѣса промоталъ и перья всѣ и пухъ.

Окончаніе этого стихотворенія гораздо слабѣе: въ немъ описывается битва филина и индѣйскаго пѣтуха за свою ученость. Можетъ-быть, въ этомъ описаніи былъ какой-нибудь современный интересъ, для насъ однако же несуществующій.

Изъ 23-хъ басень Нахимова всѣ можно назвать прекрасными и по стиху и по мысли, если не всегда новой, то всегда благородной и сильно выраженной. Басни его ниже крыловскихъ по изобрѣтенію, богатству воображенія и отдѣлкѣ аксесуарныхъ подробностей, но выше дмитріевскихъ, по обработкѣ энергическаго стиха, и не уступаютъ хемницеровскимъ въ простодушной ироніи. Приведемъ въ примѣръ тѣ изъ нихъ, которыя короче, чтобы не занимать слишкомъ много мѣста цитатами.

ЛАСТОЧКА И КОЛОКОЛЪ.

На башнѣ колоколъ висѣлъ,
И тамъ же ласточка гнѣздилась.
На колоколъ вдругъ птичка разсердилась:

«Ужъ ты мнѣ уши прозвенѣлъ,
Въ сосѣдствѣ жить съ тобой моихъ силъ недоставетъ».
— Молчалъ бы ласточка, охотно для тебя,
Но что́жъ, звонарь меня
За длинный мой языкъ всегда насильно тянетъ.—
А ты, Глупонъ, зачѣмъ ты поднимаешь крикъ!
Ужели и тебя кто тянетъ за языкъ?

ЮПИТЕРЪ И НЕТОПЫРИ.

О просвѣщеніи Юпитера просили
Нетопыри, хотя во тмѣ счастливо жили.
Смѣясь Юпитеръ тварямъ симъ,
Тотчасъ исполнилъ ихъ прошенье:
Въ жилище мрачное гнилушку бросилъ имъ,
Сказавъ: «Нетопыри! вотъ ваше просвѣщенье».

МОЛОДОЙ ОРЕЛЪ.

Не внявъ отцовскому совѣту,
Орелъ поднялся со гнѣзда:
Летитъ, летитъ по свѣту,
И въ слѣдъ за нимъ летитъ бѣда:
Орелъ попался въ сѣти:
Орломъ играютъ дѣти,
А чтобы онъ не могъ летать,
И крыльями пощечинъ надавать
Любимцу Зевсова мальчишки ощипали,
И наконецъ орла индѣйки заклевали,
О, быстрый юноша! не торопися въ свѣтъ:
Чѣмъ пламеннѣе ты, тѣмъ больше сыщешь бѣдъ.

РАЗГОВОРЪ О СОЛОВЬѢ

МЕЖДУ ДРОЗДОМЪ И СОРОКОЮ.

«Каковъ же соловей!
Вѣдь вы его сударыня, видали?»

—Видала батька мой, ужъ то-то дуралей!
•Такъ видно голоса его вы не слыхали,
Ахъ, какъ поетъ! нельзя его не почитать!
Fi donc! ты соловья чрезчуръ ужъ выхваляешь.—
•А ты, мадамъ, за что́ его такъ унижаешь?
—Онъ прыгать не гораздъ, не мастеръ лепетать!
Такъ о достоинствѣ сороки разсуждаютъ.
И въ этомъ женщины имъ часто подражаютъ.

Еще ярче проявляется талантъ Нахимова въ *надписяхъ*, *эпиграммахъ*, *эпитафіяхъ*, которыя напрасно было раздѣлять, потому-что всѣ они чисто сатирическаго или скорѣе юмористическаго содержанія. Только одна надпись—Суворову и эпитафія Петру Великому написаны въ серьезномъ тонѣ, и, надобно признаться, обѣ слабы. Вездѣ, гдѣ надо было выходить изъ своего обыкновеннаго рода, Нахимовъ былъ даже ниже посредственности. *Надписи* его, числомъ 5, впрочемъ всѣ довольно слабы. Эпиграммы также есть плохія, иногда даже черезъ чуръ странныя, какъ напримѣръ слѣдующая:

По случаю списыванія портрета съ одного премудраго мужа.

Вы пишете портретъ съ философа Ослова;
Похвально славный ликъ въ портретѣ сохранить,
Но выдумка сія повѣрьте мнѣ не нова;
Вамъ можно болѣе философа почтить—
Съ живаго кожу снять, и чучелу набить.

Какъ не сознаться, что подобная аттическая соль, не только черезъ-чуръ солона, но даже горька. Есть у него по нѣскольку эпиграммъ на одно и тоже лицо. Вотъ три къ *Гораціеву подражателю*; очень остроумна въ особенности третья.

1.

Изъ краткой оды Фирсъ лишь произнесъ два слова—
Вселенная зѣвать готова.

2.

И въ длинныхъ одахъ Фирсъ твой умъ не длиненъ былъ —
А въ краткихъ ты его лишь больше сократилъ.

3.

И Ломоносовъ нашъ ничто, Фирсъ, предъ тобою—
Страницами того не производитъ онъ,
Что можешь произвесть ты строчкою одною:
Досаду, смѣхъ, и грусть, и сонъ.

Всѣхъ эпиграммъ 44. Вотъ лучшія изъ нихъ:

КУТЕЙКИНУ,

Который, кончивши въ семинаріи поэзію, посвященъ въ пономари.

Прошедъ поэзію, крылатаго Пегаса
Кутейкинъ осѣдлалъ.
Онъ думалъ залетѣть на верхъ горы Парнаса,
Но быстрый конь его на колокольню мчалъ.

КЪ НАВѢЛЕННОЙ КОКЕТКѢ.

Кто набѣлилъ тебя, Вѣтрана?—Кто! Амуръ!—
Возможноль! богъ любви сталъ нынче штукатуръ.

ЛЕКАРЮ.

Весь городъ удивленъ твоимъ выздоровленьемъ,
Сегодня съ гордостью мнѣ лекарь говорилъ.
—Да, да! я отвѣчалъ ему на то съ почтеньемъ,
Всѣ ахаютъ, что ты меня не уморилъ.

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ.

Оставя нектаръ, скипетръ, громъ,
Юпитеръ, по уши влюбленный,
Къ Данаѣ, въ башнѣ заключенной
Спустился золотымъ дождемъ.
Прошли тѣ времена! настали вѣки бѣдны.
И рада красота, какъ льется дождь и мѣдный.

ФРАНТУ, ПРИЧЕСАННОМУ à LA COQ.

Съ забавнымъ встрѣтился сегодня я дѣтиной,
За деньги можно бы показывать его.
Петушій гребень у него —
На головѣ ослиной.

ЧОРТЪ И СМЕРТЬ.

— Куда курносая?—Иду я за душею!
— Къ кому?—Къ секретарю! такъ велѣно судьбою!
— Ахъ, какъ проста судьба! живетъ она въ глуши.
Какой въ секретарѣ, какой искать души?
А еслибъ и была, то вѣрь, что прежде смерти
Ту душу за алтынъ купить успѣли черти.

СНОВИДѢНІЕ.

Кричитъ жена во снѣ: Ага!
Поймала я барана за рога!
—Опомнись! Богъ съ тобою!
Мужъ отвѣчаетъ ей,
Ты, сонная, рукою
Меня схватила за тупей.

БЕЗВОЖНИКУ.

Другіе, можетъ-быть, тому дивиться станутъ
Что страшному суду, Свиньинъ не вѣришь ты;
Но я скажу: ты правъ! предъ Богомъ не предстанутъ
Безсмысленны скоты.

ГУРУ.

О небо! пощади несчастнаго меня!
Пусть онѣмѣетъ Гуръ иль пусть оглохну я!

ТАНЦМЕЙСТЕРУ ЛЕГКОСКОКУ.

Что̀ древле былъ Орфей – то Легкоскокъ межъ нами —
По слову вдругъ его колоды скачутъ съ пнями!

КЛИТУ.

Я Клитомъ раздраженъ, и вотъ тому причина:
Изъ подтишка меня онъ больно укусилъ;
Но можно ли, чтобъ я ему сатирой мстилъ!
Сатира для людей, а для него – дубина.

Эти эпиграммы принадлежатъ къ числу лучшихъ на нашемъ языкѣ. Кромѣ Измайлова и въ наше время Пушкина, врядъ ли кто писалъ такіе злые стихи.

Изъ 15-ти *эпитафій*, мы приведемъ 11-ть, такъ намъ жаль исключить которую-нибудь изъ нихъ. Этотъ родъ стихотвореній, чрезвычайно короткій, не смотря на то, что очень труденъ,— легко читается. Не познакомить публику съ эпитафіями Нахимова, значитъ не раскрыть лучшей стороны этого замѣчательнаго юмориста.

НАДУТОВУ.

Какъ мало черезъ смерть Надутовъ потерялъ:
Онъ въ жизни былъ ничто, во гробѣ прахомъ сталъ!

МОПСУ, ПОГИБШЕМУ ОТЪ ЛЮБВИ.

Чувствительный! вздохни о Вертерѣ второмъ,
Онъ такъ же страстенъ былъ, но только былъ съ хвостомъ.

ЛЕКАРЮ.

Здѣсь погребенъ
Врачебныя управы членъ.
Два лекаря надъ нимъ искусство истощили.
О еслибъ лекаря лишь лекарей лечили!

ИГРОКУ.

Сынъ счастія, кого всѣ *короли* любили!
Гдѣ слава днесь твоя? Увы! прошла какъ дымъ!
Холопы игроку и *дамы* измѣнили
Лишь *черви* поползли за нимъ.

БАРДУСУ.

Здѣсь Бардусъ погребенъ, что звучностію гласа
Превосходилъ и Музъ и Феба, и Пегаса.

ОДНОМУ МОЛОДОМУ ЧЕЛОВѢКУ.

Прекрасная душа, прелестно [illegible]
О преимуществѣ нѣкли спорно дѣло,

Которое рѣшить недоумѣлъ и свѣтъ,
Но тяжбу оную рѣшилъ врачей совѣтъ.

Высокоучёному.

Гніетъ здѣсь гордая латынь. —
Аминь!

Наконецъ вотъ *четыре* эпитафіи къ одному и тому же лицу, какому-то скрипачу Антипу, на котораго Нахимовъ написалъ сверхъ того еще три эпиграммы. Очень можетъ-быть, что подъ этимъ именемъ скрывается какой-нибудь виртуозъ того времени, отличавшійся своею *раздирательною* игрою. Надобно признаться, что Нахимовъ былъ къ нему безжалостенъ.

1.

Весь вѣкъ Антипъ игралъ несносно слухъ терзая;
Онъ умеръ наконецъ, гудокъ свой обнимая,
И положить его съ собою завѣщалъ!
Прохожій! берегись, чтобъ онъ не заигралъ.

2.

Здѣсь плоть Антипова по смерти почиваетъ,
Но въ адѣ духъ его вынь должность отправляетъ:
Для муки грѣшниковъ на скрипкѣ тамъ играетъ.

3.

Неутомимый здѣсь Антипъ легъ для покоя:
Онъ былъ толь дивный виртуозъ,
Что отъ игры его во время лѣтня зноя
Крещенскій всякаго по кожѣ дралъ морозъ.

4.

Прохожій! трепещи, нотилу зришь тирана;
Онъ звѣрствомъ превзошелъ Нерона, Тамерлана:

Покоя никому мучитель не давалъ
Младенцевъ, старцевъ, онъ, друзей, родныхъ терзалъ;
Ни плачь, ни вопль его не трогали утробы;
Онъ рѣзалъ у живыхъ сердца; былъ тигръ, палачъ!
Дрожишь и хочешь знать, кто, кто сей извергъ злобы,
Кто былъ сей живодеръ? – Онъ былъ Антипъ скрипачъ.

Такая ѣдкость въ иронiи и насмѣшкѣ — зла и безпощадна. Едва ли бы кто захотѣлъ быть на мѣстѣ этого несчастнаго Антипа.

Послѣ *эпитафiй* помѣщено еще 12 пiесъ подъ названiемъ *разныхъ стихотворенiй*, также сатирическихъ. Въ одномъ изъ нихъ авторъ воспѣваетъ *полученiе кандидатскаго достоинства*.

Десницей мощною ученаго сената
Се изъ ничтожества внезапно извлеченъ,
Петлицъ сiянiемъ сребристымъ озаренъ,
Стою на степени высокой кандидата,
И слава, осѣнивъ меня своимъ крыломъ,
Съ улыбкой кажетъ всѣмъ печатный мой дипломъ.

Въ другихъ стихотворенiяхъ воспѣвается *гусиное перо*, *шкатулка съ деньгами*, *кончина одного молодаго, богатаго и знатнаго человѣка*, которому говоритъ смерть:

Трава, о смертные вы предо мною всѣ;
Но тѣхъ коса моя охотнѣй подсѣкаетъ,
Которы счастiя цвѣтутъ на высотѣ.

Не можемъ также не привести слѣдующихъ маленькихъ, но весьма замѣчательныхъ стихотворенiй изъ этого отдѣла.

ЗЕРКАЛО И УРОДЪ.

УРОДЪ.

Ты, грубое стекло, меня приводишь въ стыдъ.
Такъ гнусными смѣешь ли изображать мой видъ!
Будь вѣжливо, польсти!

ЗЕРКАЛО.

Льстить право не умѣю;
Лесть свойственна лисѣ, собакѣ и лакею.

СРАВНЕНІЕ.

Коль уголь—небесный огнь, печь—наша голова;
Что жъ наши знанія?—солома и дрова.

СОБАКИ.

Погладивъ сѣраго, ласкать я жучку сталъ,
На жучку сѣрой вдругъ напалъ.
То видя, я сказалъ:
Коль можетъ зависть быть межъ тварію такою,
То какъ ужъ людямъ намъ не грызться межъ собою.

СТИХИ НА ПУТИ ИЗЪ ГОРОДА ВЪ ДЕРЕВНЮ.

Ужъ за заставой я,
Какая мнѣ отрада!
Передо мной—прелестныя поля,
За мною—пыль и кирпичей громада.

ЦВѢТОЧНИКЪ.

Теперь краса твоя, цвѣточникъ, насъ прельщаетъ;
Но ахъ — увянешь ты!
— До будущей весны!
Безбожнику цвѣточникъ отвѣчаетъ.

Весьма замѣчательно въ особенности слѣдующее стихотвореніе.

ПО ПРОЧТЕНІИ СУМАРОКОВА.

О горе, горе намъ,
Мелкопомѣстнымъ риѳмачамъ!
Когда парнасскій князь, преславный Сумароковъ,
Который бочекъ сто парнасскихъ вышилъ токовъ,
И лавки книжныя стихами завалилъ,
Когда и онъ страдалецъ риѳмы былъ.
Въ твореніяхъ его, у ногъ Екатерины
Цѣтутъ для риѳмы райски крины,
А гдѣ стоитъ Великій Петръ,
Тамъ по неволѣ дуетъ вѣтръ.—
Нѣтъ риѳма! ты забудь насъ почитать рабами
Иль, разсердясь, тебя мы превримъ сами.

Надо было имѣть много литературнаго такта и даже смѣлости, чтобы написать такіе стихи въ то время, когда все поклонялось риѳмѣ, когда сомнѣваться въ дарованіи Сумарокова считалось страшною литературною ересью, и *подъ великимъ штрафомъ*—необходимо было считать его русскимъ Корнелемъ, Горацiемъ, Пиндаромъ, Мольеромъ. И надобно отдать справедливость Нахимову, никогда и ничѣмъ онъ не жертвовалъ риѳмѣ. Она у него всегда на второмъ планѣ, всегда непринужденно ложится подъ перо.

Мы разобрали всѣ сатирическія стихотворенія Нахимова, не упомянули только еще о *шести* слабыхъ, помѣщенныхъ въ первомъ отдѣлѣ. Но и они, если не выдержаны въ цѣломъ, тѣмъ не менѣе замѣчательны по нѣкоторымъ отдѣльнымъ стихамъ или по своей цѣли. Такъ въ *отрывкахъ изъ Пурсоніады*, о которыхъ мы не можемъ строго судить именно потому, что это отрывки, есть много замѣчательныхъ мѣстъ. Вотъ нѣсколько строкъ о власти моды:

Простерла мода перстъ—и вдругъ дѣвицы, дамы,
Какъ вѣдьмы, стали всѣ съ предлинными хвостами.
Рекла—и волосы нависли на глаза;
Велитъ—и лысина, гдѣ были волоса;
Восхощетъ—и всѣ вдругъ дѣвицы обнажатся,
И будутъ голыя, какъ дикія, таскаться;
Прикажетъ имъ—и вдругъ одѣнутся въ мѣшки,
И вмѣсто чепчиковъ начнутъ носить горшки;

Мигнетъ—и тѣ, что нынѣ лепечутъ по-французски,
Заквакаютъ въ домахъ какъ жабы или лягушки.

Не знаемъ, существуетъ ли эта поэма и существовала ли вполнѣ, но жалѣемъ, что авторъ не далъ ей другой, болѣе приличной и литературной формы; а цѣль въ поэмѣ была весьма похвальная: онъ осмѣиваетъ въ ней странную сторону, господствовавшую у насъ въ извѣстныхъ классахъ общества до 1812 года—излишнее пристрастіе къ иностраннымъ гувернерамъ и воспитателямъ. Но страсть эту, впрочемъ болѣе смѣшную, Нахимовъ, осмѣивалъ черезъ-чуръ уже жесткими стихами и не совсѣмъ изящными картинами.

На эту же тему написано Нахимовымъ другое стихотвореніе также довольно слабое по исполненію: *Мерзилкинъ или русскій выродокъ, превратившійся въ офранцуженную гадину*. И здѣсь авторъ преслѣдуетъ своимъ жесткимъ стихомъ такихъ людей, у которыхъ:

Французчина, какъ моль, поѣла весь ихъ мозгъ.
Не честь ихъ движетъ, нѣтъ! ихъ мучитъ то сердчишки,
Чтобъ свѣтъ зналъ, что они французскія мартышки.
На что имъ съ предковъ брать похвальнѣйшій примѣръ?
Французовъ мало ли, сорвавшихся съ галеръ?
А какъ прибѣгнутъ тожъ къ французскимъ и мамзелямъ,
Которы свѣтъ прошли, таскаясь . . . . . .
И всяку всячину видали надъ собой
То нужно ли искать науки ужъ другой?...

Окончаніе этого стихотворенія въ особенности шероховато, непригажено и даже не умыто.

Особено слабы у него два стихотворенія: *Поэтъ и Математикъ и Саранча*; въ нихъ не видать даже искры таланта Нахимова. Весьма вѣроятно однакоже, что во-время своего появленія они относились къ какимъ-нибудь извѣстнымъ событіямъ или лицамъ, и потому въ то время могли имѣть цѣну и нравиться. Это и подобныя тому обстоятельства заставляютъ насъ жалѣть, что при стихотвореніяхъ не помѣщаются комментаріи и примѣчанія, безъ которыхъ многія произведенія темны.

Изъ четырехъ *лирическихъ* его стихотвореній одно, *Осень*, больше ничего, какъ школьная задача изъ піитики написать стихотвореніе одностопнымъ дактило-хореемъ.

Другое, *къ Россіи*—полно какимъ-то опернымъ патріотизмомъ; но хуже всѣхъ первое, *Поэтъ*; въ немъ нѣтъ рѣшительно ни тѣни Нахимова. Это какой-то наборъ надутыхъ и пустыхъ стиховъ съ высокопарными фразами, на ходуляхъ, которыми прославляется власть и могущество поэта на землѣ. Попадаются такіе стихи, которые были уродливы даже по тому времени, напримѣръ:

Умолкнулъ и вѣнцемъ оливнымъ увязенный.

. . . . . .

Не чрепами людей злощастныхъ покровенъ.

. . . . . .

Пусть чудится вамъ лесть, ползая передъ вами

. . . . . .

Священный на кого наитствуетъ восторгъ, и проч.

Подобные стихи, гдѣ насилуется даже граматическая форма словъ встрѣчаются у Нахимова только въ этомъ особенно неудачномъ стихотвореніи.

Изъ трехъ стихотвореній *священнаго содержанія* — лучшее послѣднее *Молитва*, въ четыре стиха. Первое, *Пѣснь вѣрѣ*—сухо и растянуто: О такомъ предметѣ надобно было писать не Нахимову. Вообще ему не слѣдовало бы вовсе обращаться къ предметамъ, которые не могли внушить ему сатиры или ироніи.

Изъ *десяти* прозаическихъ статей, помѣщенныхъ въ полномъ собраніи сочиненій Нахимова, шесть серьознаго содержанія—и четыре—юмористическаго. Первыя очень слабы. Это какія-то ученическія или альманачныя статейки, въ которыхъ почти ничего не высказывается и не доказывается. Первая, *Нѣчто объ умѣ и просвѣщеніи* развиваетъ на трехъ страницахъ мысль, что человѣкъ не долженъ гордиться своимъ умомъ. Истина эта доказывается однако же очень странными примѣрами. «Чѣмъ можемъ мы похвалиться передъ животными? спрашиваетъ авторъ. Прелестнѣе ли Антиной павлина, важнѣе ли Парацельсъ индѣйскаго пѣтуха? Въ коварствѣ лисица поспоритъ съ самымъ тонкимъ политикомъ».

Что это за извѣстіе? Не фраза ли это изъ трактата Руссо о превосходствѣ природнаго состоянія человѣка передъ образованіемъ, и о вредѣ наукъ? Можно ли не улыбнуться при подобныхъ аргументахъ? Не смѣшно ли опровергать ихъ, доказывать, что формы человѣческаго тѣла всегда будутъ выше самаго лучшаго произведенія природы, неодареннаго душею—именно потому, что душа и придаетъ красоту этимъ формамъ, что важность вовсе не главное достоинство Парацельса, котораго ни въ какомъ случаѣ нельзя сравнивать съ индѣйскимъ пѣтухомъ, и что, наконецъ, нельзя же отдавать преимущество лисицѣ передъ Талейраномъ.—Есть однако же въ этой странной статьѣ одна удачно выраженная мысль, которую мы выписываемъ съ удовольствіемъ, для того, чтобы хоть сколько-нибудь уравновѣсить непріятное впечатлѣніе цѣлаго: «Весьма многіе, въ отношеніи къ ихъ уму, походятъ на такого витязя, который, таская при себѣ, изъ одного хвастовства, свой мечъ булатный, не заботится нимало, что онъ часъ отъ часу болѣе тупѣетъ и покрывается ржавчиною».

Маленькая статейка *О памяти*—доказываетъ ея необходимость. Замѣчательно въ ней опредѣленіе памяти, весьма вѣрное и даже новое для того времени:

«Мозгъ нашъ, имѣя сообщеніе съ органами чувствъ, приводится во-время дѣйствія на нихъ какого-нибудь предмета въ нѣкоторое опредѣленное движеніе (modification). Въ такое точно состояніе можетъ онъ и послѣ приходить, будучи единственно волею къ тому побуждаемъ. Симъ образомъ произойдетъ въ душѣ нашей одинаковое въ обѣихъ сихъ случаяхъ измѣненіе ея положенія, т. е. она будетъ занята однимъ предметомъ или понятіемъ; и въ семъ, кажется, состоитъ память..... Спросятъ, гдѣ же понятія наши, когда мы ими не занимаемся? Ихъ нѣтъ нигдѣ, какъ звуковъ голоса нашего, когда мы молчимъ.»

О различіи между памятью воображеніемъ и разсужденіемъ, статейка на двухъ съ половиною страницахъ, опровергающая мнѣніе Кондильяка, что память, воображеніе и разсужденіе—одна и таже душевная способность, только различно дѣйствующая. Мнѣніе французскаго философа конечно ошибочно, но тѣмъ не менѣе со стороны Нахимова было много смѣлости рѣшиться опровергнуть мнѣніе, въ его время считавшееся непреложнымъ. Онъ самъ въ концѣ статейки говоритъ, что опровергать Кондильяка была бы дерзость непростительная, и что онъ только *сомнѣвается*, чѣмъ и не опасается прогнѣвать тѣнь славнаго

сего философа. —Вообще эти три статейки, какъ ни малы онѣ, но доказываютъ все-таки, что Нахимовъ былъ человѣкъ мыслящій.

Примѣръ правительства сильнѣе законовъ. Также не большая, но замѣчательная статейка, развивающая слѣдующую мысль автора:

«Законъ напоминаетъ намъ, что выгоды общественной жизни покупаемъ мы цѣною независимости своей; примѣръ удовлетворяетъ врожденной намъ склонности къ подражанію; законъ говоритъ разсудку, котораго совѣты рѣдко намъ пріятны бываютъ; примѣръ дѣйствуетъ болѣе на сердце, коему охотно мы повинуемся. Первый, будучи нѣчто отвлеченное, весьма не на долгое время останавливаетъ вниманіе наше, а послѣдній всегда почти у насъ, такъ сказать, предъ глазами.»

Въ подтвержденіе этой истины авторъ приводитъ примѣръ Петра Великаго.

Въ статьѣ *Взглядъ на просьбу къ Александру I-му*—разбирается просьба сына Фельдмаршала Румянцова о позволеніи ему воздвигнуть памятникъ въ честь своего отца. Въ ней нѣтъ и двухъ страницъ.

Особенно слаба и пуста статейка подъ названіемъ: *Гимнъ славѣ или восторгъ Александра Македонскаго предъ походомъ его въ Персію.* Это какое-то риторически-ученическое сочиненіе, написанное, вѣроятно, еще на школьной скамейкѣ, на тему, заданную учителемъ піитики, вмѣстѣ съ *восходомъ солнца, похвалою прилежанію, пользою наукъ* и тому подобными сюжетами. Слогъ этой статьи образецъ высокопарнаго, пустаго фразерства:

«Усыпляемый сладострастнымъ пѣніемъ, клонился уже я къ объятіямъ нѣги, но вспомнилъ вдругъ о славѣ, и о величіи моемъ помыслилъ... Вдругъ солнце отъ меня отвратилось, и тѣни предковъ моихъ возстенали: онѣ зрѣли меня въ унизительномъ забвеніи. Воспылалъ огнь на ланитахъ моихъ, очи мои не познали меня, и проч.»

Не школьническія ли эти фразы, громкія и пустыя, полныя заказнаго восторга и краснорѣчія? Зачѣмъ было печатать эту статью, вовсе не похожую на остальныя сочиненія автора?

Изъ юмористическихъ статей Нахимова двѣ довольно слабы: это—*Историческое и философическое разсужденіе о блохѣ* и *Словесныя обезьяны.* Первое, не имѣетъ эстетическаго вкуса.

Слосесныя обезьяны—насмѣшка надъ Французами, также не весьма остроумная и справедливая. Конечно, въ то время, когда писалась эта статья, Французы сдѣлали много зла и вреда Европѣ вообще и Россіи въ особенности; но послѣ побѣды напрасно было издѣваться надъ всею націею, не такъ виноватою въ безумствѣ нѣкоторыхъ лицъ, и даже не раздѣлявшею вполнѣ ихъ сумасбродныхъ мнѣній. По своимъ убѣжденіямъ, Нахимовъ могъ, пожалуй, преслѣдовать насмѣшками «длинную, желтую, тощую, уродливую обезьяну, слывшую мудрецомъ между орангъутангами, называвшуюся *Rloeua*, но болѣе извѣстную подъ именемъ *Vbrteoia*» (весьма ясная анаграмма именъ *Arouet* и *Voltaire*, въ которыхъ, вѣроятно, по типографской опечаткѣ, буква *t* замѣнена буквою *e* и *b* поставлено вмѣсто *l*). Но не думаемъ, чтобы кто-нибудь оправдалъ портретъ Пифака, одержавшаго верхъ надъ красными колпаками и поработившаго себѣ всѣхъ словесныхъ обезьянъ.

Двѣ другія юмористическія статьи его: *Разговоръ между двумя мертвецами и Меркуріемъ* и *Сказаніе о Ѳемидѣ и объ иноплеменныхъ приказныхъ* очень хороши, остры и смѣшны. Въ первой превосходно осмѣяна страсть къ дуелямъ и ложное понятіе о чести. При перевозѣ черезъ Стиксъ въ лодку Харона садятся тѣни убитаго англійскаго дуелиста и сѣверо-американскаго дикаря. Разговоръ между ними веденъ такъ искусно, что, не смотря на нѣкоторое образованіе Англичанина, поступки его кажутся еще отвратительнѣе въ сравненіи съ безсознательными злодѣяніями дикаря. Не цитируемъ этого разговора, потому-что намъ пришлось бы привести его вполнѣ, но не можемъ за то отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать выписку изъ *Сказанія о Ѳемидѣ*, лучшемъ изо всѣхъ произведеній Нахимова. Изъ этой выписки, которою мы заключимъ нашъ разборъ, — читатели увидятъ, что Нахимовъ писалъ также хорошо прозою, какъ стихами.

Сказаніе о Ѳемидѣ и объ иноплеменныхъ приказныхъ.

Обитаемая нами планета значитъ менѣе во вселенной, нежели какой-нибудь уѣздный городъ въ обширной Россійской Имперіи. Удивительно ли, что богиня правосудія не часто посѣщаетъ нашъ уѣздный міръ? Ея присутствіе нужно и для другихъ планетъ, въ особенности нѣкоторыя, по своему пространству и многолюдству, заслу-

живаютъ названіе міровъ губернскихъ. Таковъ Юпитеръ: онъ въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе земли. Московскій гигантъ Иванъ Великій ничто въ сравненіи съ юпитерскимъ подъячимъ, котораго карманъ ужасная бездна, могущая поглотить всѣхъ крючкотворцевъ земнаго шара. Вотъ какими приказными громадами озабочено теперь правосудіе! — Нестолько восхищается земнородный крапивнаго естества, наблюдая сквозь очки движеніе красной ассигнаціи въ рукѣ просителя, сколько восхищался одинъ знаменитый астрономъ нашей планеты, взирая сквозь волшебный телескопъ на слѣдующее происшествіе:

Быстро катилася Ѳемидина одноколка по эѳирной столбовой дорогѣ. На границѣ юпитерской атмосферы удивительное зрѣлище представилось очамъ Ѳемиды: шесть парадныхъ филиновъ важно подвигали торжественный берлинъ, откуда выглядывала угрюмая ночь, оправляя на себѣ блестящія звѣзды. Сіяющая мрачность согласилась, по усильной просьбѣ правосудія, закрыть звѣзды свои черною мантильею. Симъ воспользовалася Ѳемида, и очутилась на площади одного города, подлѣ огромнаго зданія, не въ величествѣ Богини, но въ смиренномъ видѣ челобитчика. Какое то горестное предчувствіе стѣснило сердце Ѳемиды! Появившаяся луна указала ей на крыльцѣ высокихъ палатъ чернильницы сокрушенныя, бумагу растерзанную и перья изгрызенныя.—Здравствуй правосудіе—челобитчикъ! вѣщала съ усмѣшкою луна. Странно мнѣ, Ѳемида, что ты при одномъ взглядѣ на посвященный тебѣ храмъ повѣсила уже носъ. О! сколь будешь ты утѣшена, когда лучезарный братъ мой покажетъ тебѣ служителей твоихъ. Клянусь Стиксомъ, что на Юпитерѣ подъячіе самыя неугомонныя твари. Теперь, во-время всемірной тишины, иные изъ нихъ за карточными столами гремятъ алтынами, другіе, при неистовыхъ восклицаніяхъ, бьютъ въ дребезги опорожненныя фляги и красоули; иные же въ ябедническомъ изступленіи заставляютъ кричать несчастныя перья. Райскія розы цвѣтутъ на ихъ мухлыхъ лапитахъ, и небесная лазурь (бываетъ не рѣдко) у нихъ подъ глазами.

Внезапно отворились двери храма, и вышло нѣкое приказное чудо для нѣкоего нетерпящаго проволочки дѣла. Ужасный писарь возвратился въ свое логовище зѣвая и потягиваясь. Не только бѣднаго челобитчика, но и Аврору взглядомъ онъ не удостоилъ. Само солнце никогда не зрѣло на Юпитерѣ такого дива, чтобы великолѣніемъ его восхищался подъячій. Въ гадахъ и въ чудовищахъ возбуждаютъ, кажется, солнечные лучи нѣкоторое чувство благодарности, а въ подъячихъ, въ сихъ одаренныхъ жизнію куфахъ, производятъ они только броженіе.—Вскорѣ покрылась Ѳемидина площадь нижайшими формами: онѣ имѣли скрюченное туловище, проворныя ходули, острыя когти,

желѣзный лобъ, мутные глаза, ноздри табаку алчущія, уста водки жаждущія, уши длинныя, перпатыя, и карманы широкіе, укладистые. Хищное сонмище раздѣлилось на двѣ части, меньшая, кашляя и кряхтя, вступила во храмъ правосудія, а большая направила стопы къ бахусову капищу. — Богиня — челобитчикъ дрожащею ногою коснулася порога судилища. Остановись! грозно сказала ей нѣкая плѣшивая особа: я здѣшняго храма пономарь! должность моя состоитъ въ томъ, чтобы наполнять жертвенные сосуды чернилами и собирать пошлину со входящихъ въ Ѳемидино святилище молельщиковъ. Подай алтынъ!—Ѳемида вошла во внутренность храма. Какая чрезвычайная картина поразила взоры правосудія! Тамъ страшная бумажная гора возносила до потолка гордое свое чело, увѣнчанное паутиною; а здѣсь простиралось длинное деревянное поле, усѣянное чернильницами, и табакерками испещренное; по краямъ его возвышались бумажные холмы, на которыхъ съ крикомъ бѣгало многочисленное стадо гусиныхъ перьевъ. Принуждали ихъ къ тому бездушные хозяи, дьячки храма. Къ одному изъ сихъ дьячковъ, сирѣчь подъячихъ, подошла богиня-челобитчикъ, и сказала ему, что ей нужна помощь правосудія. Подъячій, не говоря ни слова, протянулъ къ ней руку. Ѳемида подходила къ каждому изъ нихъ по очереди; но всѣ они молчали и протягивали руки. Богиня погрузилась въ мрачную задумчивость. Вижу, шепнулъ ей наконецъ подъячій голосъ, что ты челобитчикъ непросвѣщенный. Пойдемъ въ капище премудраго Бахуса, принесемъ ему на твой счетъ утреннюю жертву, и тогда открою тебѣ важныя таинства нашего храма. Открой мнѣ наперед, сказала Ѳемида, гдѣ ваши жрецы, гдѣ вашъ дьякъ, и гдѣ вѣсы правосудія? Все сіе принадлежитъ къ таинствамъ, отвѣчалъ подъячій. Взглянувъ на него съ презрѣніемъ, Ѳемида вышла изъ храма.—Она возвела къ солнцу печальные взоры. Чувствительный Фебъ и самъ прослезился. Онъ подалъ ей знакъ, чтобы слѣдовала за нимъ, и привелъ ее на одинъ пространный дворъ.—Здѣсь толпа народа, обремененнаго различными приношеніями, тѣснилась вокругъ огромныхъ вѣсовъ. Съ отчаяніемъ увидѣла Ѳемида надпись: вѣсы правосудія, и стоявшаго подлѣ нихъ жирнаго дьяка. Посмотримъ, говорилъ дьякъ, одному отвѣтчику, что ты въ свое оправданіе положишь на сіи безпристрастные вѣсы.—Я кладу, сказалъ несчастный, мою совѣсть, мою обиду, мои слезы.—И только, возгласилъ дьякъ; а ты, господинъ истецъ, что положишь въ доказательство справедливости твоего иска.—Не токмо положу, но и поставлю, отвѣчалъ сутяга. Кладу сію сафьянную архиву, наполненную синими, красными и бѣлыми документами; въ дополненіе же ставлю я на безпристрастные вѣсы фуры питательныхъ документовъ, и сороковую бочку крѣпкаго доказательства справедливости

моего иска. Ответчикъ проигралъ, воскликнулъ дьякъ: вѣсы правосудія упали на твою, истецъ, сторону. Иди съ миромъ и поклонися жрецамъ. — О солнце, вскричала Ѳемида, принявъ на себя величественный видъ богини, ты обтекаешь вселенную, вѣщай: гдѣ еще ростутъ столь подлые дьяки и подъячіе? — Нигдѣ, отвѣчалъ Фебъ. Въ небольшомъ мірѣ, называемомъ Землею, приказные не столь крупны, какъ на Юпитерѣ; но они могутъ почесться украшеніемъ своей планеты. Земные дьяки и подъячіе не опиваютъ и не обыгрываютъ просителей, не кривятъ душею, чужды ябеды, непричастны акциденціи, усердны Государю и правосудію.

Этотъ очеркъ оканчивается тѣмъ, что одного дьяка, по приказанію Ѳемиды, анатомируютъ, и въ головѣ у него находятъ:

«Множество крючковъ, основательное познаніе о ходячей монетѣ, о напиткахъ и съѣстныхъ припасахъ; подъ ябедническими когтями примѣчено ядовитое чернило, а въ груди, къ лѣвой сторонѣ отысканъ большой камень.»

Изъ этого подробнаго разбора сочиненій Аннма Николаевича Нахимова читатели наши могли ясно видѣть степень таланта одного изъ малоизвѣстныхъ, но весьма замѣчательныхъ юмористовъ, и значеніе его въ отношеніи къ своему вѣку и къ исторіи русской словесности. Мы представили много выписокъ, но не могли поступить иначе, потому-что говорили съ читателями о такомъ авторѣ, который многимъ, вѣроятно, былъ вовсе незнакомъ. Къ тому же цитированіе намъ всегда казалось лучше разсужденій, неподкрѣпляемыхъ никакими доказательствами. Критикъ, по нашему мнѣнію, не столько долженъ быть судьею, какъ посредникомъ, въ родѣ адвоката, между писателемъ и публикою. Его обязанность—объяснить разбираемаго имъ автора, сдѣлать оцѣнку ему, указать на его достоинства и недостатки. Онъ можетъ по этимъ даннымъ произнести свое заключеніе о степени значенія писателя, но не долженъ требовать, чтобы публика принимала приговоръ его безусловно, безапеляціонно. Къ тому же указаніемъ на лучшія мѣста у Нахимова мы избавили многихъ неприсяжныхъ любителей литературы отъ труда читать вполнѣ этого автора. Есть лица,

которыхъ, можетъ-быть, остановили бы отъ чтенія сочиненій Нахимова мѣстами тяжелая фактура стиха, устарѣлыя выраженія и формы языка. Но изъ нашей статьи каждый можетъ вполнѣ и подробно узнать этого оригинальнаго сатирика, полнаго ума, иронін, колкости и мѣстами неподдѣльнаго юмора, истинной поэзіи. Изъ ста восьмнадцати стихотвореній его, шестдесятъ пять очень хороши—слѣдовательно, болѣе половины. Проза Нахимова гладка и легко читается, стихъ звученъ, сжатъ и силенъ; содержаніе статей ново, оригинально, занимательно, въ особенности относительно того времени, въ которое онъ писалъ. Рѣзко выдается онъ по характеру своей поэзіи изъ круга современныхъ ему поэтовъ и писателей, еще не осмѣливавшихся сбросить съ себя оковы тяжелыхъ классическихъ формъ стиха и схоластической риторики. Онъ составляетъ переходъ къ послѣдующему направленію въ литературѣ, и весьма многія изъ его стихотвореній нынѣшніе рецензенты причислили бы пожалуй къ *натуральной школѣ*. Дѣйствительно, натуры у Нахимова больше, чѣмъ у многихъ писателей, болѣе его пользующихся извѣстностью, и если мы вспоминали объ немъ и разбирали его подробнѣе, то именно потому, что многіе совсѣ забыли о немъ.

О Михаилѣ Васильевичѣ *Милоновѣ* мы не скажемъ и не можемъ сказать многаго. Это былъ одинъ изъ числа поэтовъ, неотличающихся никакою особенностью таланта въ формѣ или содержаніи своихъ стихотвореній. По своему времени онъ былъ писатель замѣчательный, потому-что гладкость стиха считалась тогда достоинствомъ, особеннымъ даромъ. Дѣйствительно, стихъ его гладокъ, плавенъ, правиленъ; но обработкѣ и чистотѣ его—онъ даже выше, чѣмъ у Нахимова; мысль у него ложится въ стихъ не уродуя его, не измѣняя коренныхъ законовъ языка; читать его легко и пріятно; но не смотря на всѣ эти достоинства, немногія изъ стихотвореній Милонова перейдутъ въ исторію литературы, прочтутся съ удовольствіемъ въ настоящее время. Это происходитъ оттого, что Милоновъ стихотворецъ какихъ много, и что въ немъ нѣтъ ничего особеннаго, оригинальнаго, самобытнаго.—Кромѣ того, онъ написалъ весьма мало и какъ-то неясно высказывался въ своихъ произведеніяхъ, не создалъ ничего цѣлаго, задушевнаго, выработан-

наго, рѣзко обозначеннаго, въ чемъ могъ бы высказаться весь и вполнѣ.

Полное собраніе сочиненій Милонова составляетъ всего 65 стихотвореній. Изъ нихъ 14-ть можемъ мы назвать замѣчательными и относительно хорошими. Въ остальныхъ есть удачныя мысли, счастливые стихи, но въ цѣломъ они не выдержаны, блѣдны, безцвѣтны. Предметы ихъ весьма обыкновенны. Въ *Посланіи ко другу*—онъ воспѣваетъ наслажденія жизни и совѣтуетъ ему,

..... пока поспѣетъ
Пожать тебя судьбины серпъ,
Прижми на персяхъ въ нѣжны длани
Одѣту въ благолѣпны ткани
Плѣниру сердцемъ и красой,
Сбери друзей и чадъ любезныхъ,
Ударь во струны лиръ небесныхъ
И жизни радости воспой.

Этотъ поддѣльный эпикуреизмъ былъ въ большой модѣ во время Милонова, вообще слѣдовавшаго всѣмъ требованіямъ вѣка, нисколько его неопережавшаго и писавшаго только о томъ, о чемъ писали другіе. Впрочемъ и въ этомъ стихотвореніи есть удачные стихи, какъ на пр.

Надежда есть полнаслажденья.

Въ этомъ же ложно анакреотическомъ родѣ есть у него *Посланіе П. А. Никольскому на его именины*. Философія этихъ стиховъ таже самая:

Что здѣсь вѣчно? Лишь родился,
Сумракъ жизни наступилъ;
Кто всѣхъ болѣ веселился,
Тотъ всѣхъ больше въ мірѣ жилъ.
На минуту намъ едину
Жизнь дана судьбы рукой,
Пусть живемъ мы половину,
Но съ прямой ея цѣной.
Утро мудрости и славѣ,
Дружбѣ отдыхи свои
Вечеръ Вакху—ночь забавѣ
И объятіямъ любви.

Онъ пѣлъ *Юность*, *Лилу*, *Сильвію*, строфы которой напоминаютъ даже многіе современные романсы.

Ты ль, Сильвія, мой духъ-хранитель,
Луны трепещущимъ лучемъ
Проникнувъ въ спящую обитель,
Меня тревожишь въ снѣ моемъ?

Ты ль съ утренней звѣздой востока
По небу тихому течешь,
И отлученнаго далеко
Къ себѣ сопутника зовешь?

Чѣмъ эти стихи напримѣръ хуже нынѣшнихъ романсовъ? *Унылые*, *Ночь на могилѣ друга*, *На смерть Даниловой* (знаменитой танцорки) *Къ сестрѣ моей*, *Выздоровленіе*, *Монастырь*, *На кончину Державина*, *Освобожденные плѣнники*—романсъ, почерпнутый изъ происшествія 1813 года, *Прощанье казака*, *На смерть Г—в. Мечта*, *Дафнисъ и Нина*,—написаны въ этомъ же тонѣ элегическихъ романсовъ. Вообще преимущественное направленіе Милонова—элегически—сатирическое. Однако же многіе знали его только какъ сатирика, потому-что только сатиры его приводились въ примѣръ въ риторикахъ и цитировались въ хрестоматіяхъ.

Милоновъ уже и потому подходитъ ближе къ современнымъ поэтамъ, что въ этихъ элегіяхъ, романсахъ онъ много говоритъ о самомъ себѣ, своихъ чувствахъ и мысляхъ. Такъ изъ этихъ стихотвореній мы узнаемъ, что онъ родился на берегахъ Дона, что онъ былъ болѣнъ при смерти, но выздоровѣлъ, что у него умерла жена, которую онъ очень любилъ. У Милонова много также посланій къ разнымъ лицамъ, друзьямъ, покровителямъ и т. п. Самое собраніе стихотвореній его посвящено Государственному Канцлеру Графу Румянцову, а въ посвященіи авторъ говоритъ:

Вниманіемъ твоимъ мой геній окрылился —
Онъ долженъ славенъ быть, коль нравился тебѣ.

Кромѣ элегій, романсовъ и посланій, у Милонова есть нѣсколько стихотвореній патріотическихъ и писанныхъ на разные

торжественные случаи. Всѣ они очень слабы и риторичны. Есть также у него нѣсколько переводовъ изъ древнихъ и новыхъ поэтовъ, Горація, Тибулла, Парни, Жильбера, Леонара и др., довольно слабые и безжизненные, не передающіе и тѣни подлинника, кромѣ двухъ, трехъ, о которыхъ мы скажемъ ниже. Есть у него также сцена изъ комедіи *Опекунъ стихотворецъ*, въ которой одинъ гость рекомендуется хозяину дома слѣдующими стихами:

Вмѣнилъ себѣ я въ долгъ,
Пріѣхавъ быть у васъ почтенія въ залогъ.

Тогда была мода на комедіи въ стихахъ, слѣдовательно, и Милоновъ долженъ былъ попробовать написать комедію въ стихахъ; но съ трудомъ сладилъ и съ одною сценою. Вотъ еще нѣсколько лучшихъ стиховъ изъ его стихотвореній:

Шагъ каждый мой себѣ подобныхъ попираетъ,
Изъ праха нашего составилась земля.

Объятъ болѣзнію жестокой,
Я наступавшей ночи рекъ:
О ночь! во тмѣ своей глубокой
Меня поглотишь ты навѣкъ;
Я къ восходящей рекъ денницѣ,
Когда отъ ней бѣжала тѣнь:
Увы! на свѣтлой колесницѣ
Ты мой ведешь послѣдній день.

Въ славѣ лишь сыновъ отечество живетъ.

И въ нѣдра пріемля гробъ славнаго мужа,
Обитель истлѣнья святится земля.

Вѣрь: лучшій нашъ удѣлъ сія страна мечтаній,
Гдѣ мысль, свободна узъ, полетъ свой соверша,
Бросаетъ свѣтъ на путь тернистый испытаній,
И чувствуетъ свое величіе душа.

Свѣтъ бѣденъ въ знаткахъ хорошаго творенья;
Вотще у насъ пѣвцы соревнованья ждутъ,
Ихъ публики давно убилъ холодный судъ.

Есть у него также переводъ эпизода изъ поэмы Сенъ Виктора: Надежда, подъ названіемъ *Нина*. Исторія этой дѣвушки, сошедшей съ ума отъ любви, была предметомъ нѣсколькихъ драмъ, оперъ и даже балетовъ. Въ молодости намъ удалось видѣть, какъ прекрасно сходила съ ума на нашей сценѣ—въ балетѣ *Нина, или сумасшедшая отъ любви*, та Истомина, которую обезсмертилъ Пушкинъ, и которая, сказать мимоходомъ, умерла въ нынѣшнюю холеру, всѣми оставленная и забытая. Но въ стихахъ Милонова сюжетъ находится въ явномъ противорѣчіи съ главною идеею поэмы Сенъ Виктора. Въ началѣ поэтъ описываетъ все благо, которое заключается въ надеждѣ. Потомъ у Нины тонетъ ея любезный, а она сходитъ съ ума:

Взглядъ быстрый, на устахъ видна улыбка дика;
Отсутственна ума несчастная улика.

Потомъ она дѣлается счастливою оттого, что въ сумасшествіи все ждетъ своего друга и надѣется на его возвращеніе.

Наконецъ Милоновъ писалъ надписи, мадригалы и сатиры. Изъ надписей только одна у него прекрасна:

Къ Императорскому Воспитательному Дому.

Несчастнымъ сиротамъ безъ племени и рода,
Которыхъ въ слѣпотѣ отвергнула природа,
Екатерина здѣсь и жизнь и свѣтъ дала —
И въ благости своей природу превзошла.

Изъ мадригаловъ недуренъ одинъ:

А. И. Ф.

Котлабъ всесильнымъ быть природа мнѣ судила:
Я бъ одарилъ тебя любезностью, умомъ,
Душъ нѣжныхъ свойствами, плѣнительнымъ лицомъ.
Но, мудрая, она меня предупредила.

Перейдемъ теперь къ лучшимъ произведеніямъ Милонова—сатирамъ, но перечислимъ сначала другія стихотворенія, которыя сохранятъ имя Милонова въ русской литературѣ. Ихъ всего 14, какъ уже мы сказали, считая въ томъ числѣ 6 сатиръ и двѣ надписи, приведенныя нами выше.

1) *Паденіе листьевъ* — переводъ извѣстной элегіи Мильвуа, сдѣланный вѣрно, звучными, легкими стихами. Въ доказательство выписываемъ окончаніе стихотворенія:

Близь дуба юноши могила;
Но съ скорбію въ душѣ своей
Подруга къ ней не приходила,
Лишь пастырь, гость нагихъ полей,
Порой вечернія зарницы
Гоня стада свои съ луговъ,
Глубокій миръ его гробницы
Тревожитъ шорохомъ шаговъ.

2) *Похвала сельской жизни.* Переводъ или скорѣе подражаніе извѣстной одѣ Горація *Beatus ille qui procul.* Здѣсь картинности и звучности стиховъ помогаетъ впрочемъ превосходный подлинникъ.

3) *Договоръ со смертью*—очень замѣчательное стихотвореніе въ грустно-ироническомъ тонѣ. Поэтъ проситъ смерть:

Мнѣ двадцать лѣтъ—немногимъ болѣ,
Дай столько же еще желать;
А тамъ въ твоей ужъ будетъ волѣ,—
Но рано тяжко умирать.
Какая честолюбью пища
Оставить только по себѣ,
Что на краю прочтутъ кладбища:
Молитесь о ею судьбѣ!
Нѣтъ, смерть! мнѣ жизнь еще не бремя,
Пусть поживу на свѣтѣ я;

Къ тому жъ у насъ военно время!
Тебѣ дѣлъ бездна безъ меня! —
. . . . . .
Не возмутитъ мольба, роптанье
Мои послѣдніе часы;
Все что̀ узришь при разставаньи
Лишь пара словъ и двѣ слезы».

Потомъ онъ проситъ далѣе смерть:

«Предвѣстника изъ страшной свиты
Не шли къ мучительной борьбѣ;
На то чертоги знамениты —
Пусть тамъ доложатъ о тебѣ.
Ко мнѣ жъ увидя входъ не скрытный,
Послонъ не возвѣщай приходъ—
Я самъ, хозяинъ старобытный,
Съ тобою встрѣчусь у воротъ;
Другъ другу мы поклонъ учтиво,
Не будетъ спора между насъ;
Вопросъ, отвѣтъ все торопливо:
Готовъ ли вы? Готовъ сейчасъ.
Минутъ послѣднихъ я не множа,
На свѣтъ прелестный погляжу,
И мигомъ мягкое отъ ложа
Возглавье въ гробъ переложу.

Вотъ окончаніе этого стихотворенія, вообще хорошо выдержаннаго и составленнаго. Авторъ говоритъ своимъ друзьямъ:

Сберитесь всѣ—и безъ печали,
Тогда на мой вы бросьте прахъ—
Тѣ юны розы, что̀ вѣнчали
При васъ чело мое въ пирахъ.

4) *Къ колыбели сиротки.* Это прекрасное, полное грусти стихотвореніе, портятъ нѣсколько устарѣлыя выраженія. Но въ немъ столько мысли и чувства, что мы выписываемъ его вполнѣ:

Успокойся, мой дружечекъ,
Перестань меня терзать,
Хоть на часъ, одинъ часочекъ
Дай тебя мнѣ не слыхать.

—

Подъ судьбы завѣсой темной,
Въ колыбели скрытыхъ бѣдъ,
Длanью движимый наемной,
Ты съ тоской глядишь на свѣтъ.

Вопль твой: мать! ея объятій!...
Мать похищена судьбой.
Ни отца, ни нѣжныхъ братій,
Не увидишь предъ собой.

То повернется, то стонетъ,
Какъ бы въ грусти говоря:
Ахъ! кого на свѣтѣ тронетъ
Безпріютна жизнь моя.

Такъ, мой другъ, коль не увянешь,
Съ лаской встрѣтишь всѣхъ людей,
Но отъ нихъ учиться станешь
Все скрывать въ душѣ своей.

Жизни путь—есть путь страданья....
Но твой вопль терзаетъ слухъ.
И приводитъ въ содроганье,
Мой привыкшій къ скорби духъ!

Мы здѣсь въ мірѣ – Царь любви!
Для твоихъ живемъ небесъ;
Я не зрю въ немъ столько крови,
Сколько зрю его я слезъ.

---

5) *Мать убійца*, переводъ знаменитой баллады Шиллера Die Kindsmörderinn, сдѣланъ вѣрно, звучными стихами:

Пьетъ онъ радость и любовь,
Скорбь забылъ и страхи,
А моя здѣсь брызнетъ кровь
Высоко отъ плахи...
Все отвергнулъ! на земли
Скорбь со мной оставивъ,
Ты летишь одинъ вдали,
Паруса расправивъ.

6) *Идиллія*, небольшое стихотвореніе, написанное четырехстопнымъ амфибрахіемъ, въ антологическомъ родѣ.

Если мы присоединимъ къ этимъ стихотвореніямъ двѣ вышеприведенныя нами надписи и шесть сатиръ его, то получимъ все, что̀ Милоновъ написалъ лучшаго.

Первая сатира *къ Рубеллію*, переводъ Персіевой сатиры, написана противъ одного временщика. Стихи ея сильны и звучны.

Вторая сатира, *къ Луказію*, написана противъ бездарныхъ людей, желающихъ прослыть поэтами. Не сказано, чтобы она была у кого-нибудь заимствована, но мы находимъ въ ней подражаніе первой сатирѣ Персія противъ дурныхъ писателей (in scriptores ineptos). Стихи въ ней еще лучше и злѣе, чѣмъ въ первой:

«Луказій, рѣшено: ты хочешь быть поэтомъ,
И требуешь, чтобъ я снабдилъ тебя совѣтомъ,
Какъ славы достигать и имени пѣвца?
Что̀ легче, какъ найти невѣжу и льстеца?
Ищи ихъ и пиши — все будетъ совершенно!
Писателемъ прослыть весьма обыкновенно.
Стихи свои хвалой исполни гнусныхъ дѣлъ,
Будь дерзокъ, подлъ и льстецъ — и слава твой удѣлъ,
Рубеллію тверди, что онъ рожденъ вельможей,
Женѣ его шепни, что всѣхъ она пригожей
. . . . . .
Тамъ къ Бавію иди — сей ждетъ тебя бѣднякъ,
Отецъ *помѣсячныхъ* нелѣпостей и бракъ;
Дай что̀-нибудь ему — онъ скоро раззорится —
И жизнь твоя какъ разъ въ журналъ его вклеится.
. . . . . .
Лишь книга добрая явиться въ свѣтъ не смѣетъ,
А вздорная вездѣ заступниковъ имѣетъ.

. . . . . .

Комедіи своей желаешь ли успѣха?
Зови друзей въ театръ, для хлопанья и смѣха,
И слава о тебѣ промчится *въ шумный рай*!
Въ обширныхъ замыслахъ своихъ не унывай;
Быть-можетъ, за игру актрисы превосходной
Похвалятъ и стихи въ трагедіи негодной

. . . . . .

И Глазуновъ, сей мужъ толико благодарный
Распишетъ о тебѣ хвалой высокопарный,
И книжнаго ума брадатый продавецъ
Всѣхъ будетъ увѣрять, что первый ты пѣвецъ!
У насъ кто захотѣлъ, въ поэты записался,
Хоть новый рекрутъ сей съ грамматикой не знался,
Нѣтъ нужды до того! отвага, дерзость, лесть
Невѣждъ и подлецовъ нерѣдко вводятъ въ честь.

. . . . . .

Найдутся многіе, которые простятъ
Безсмыслицѣ твоей, за то, что въ ней увятъ
И нѣль полезную, и рѣзвіе благое,
Которы облечешь ты въ рубище худое!
Что добрый гражданинъ, что въ службѣ ты давно,
Какъ будто гражданинъ и авторъ все-равно!...

. . . . . .

И прозѣ и стихамъ большая часть судей:
Педантъ, надъ книгами, въ теченіе полвѣка,
Утратившій и смыслъ и образъ человѣка.

. . . . . .

Иль другъ, что о любви къ отечеству твердитъ—
И первый самъ его невѣжествомъ срамитъ....

Эти превосходные стихи сами запечатлѣваются въ памяти, обращаются въ поговорки. Сатира, впрочемъ немного длинная, оканчивается стихами:

Совѣтъ же мой легокъ, и къ славѣ путь прямой —
Рѣшился: въ добрый часъ! пиши — и Богъ съ тобой!

Третья сатира, *Къ моему разсудку*, приводится въ примѣръ во всѣхъ учебникахъ, піитикахъ, курсахъ словесности и хрестоматіяхъ, какъ образецъ сатиры. Она, дѣйствительно, прекрасна. Содержаніе ея:

Сатира для людей—худое наставленье,
Всѣ скажутъ о тебѣ: насмѣшникъ сей несчастный –
Есть язва общества, умъ вредный и опасный:
Бѣги его, страшись! для остраго словца
Готовъ онъ уязвить и матерь и отца.
Исправишь ли порокъ насмѣшкою одной?
Стихи-ль подѣйствуютъ надъ звѣрскою душой?

Не смотря на это, сатирикъ не можетъ удержать негодованія.

Благодаря уму своихъ покупщиковъ,
Какъ Крезъ отъ глупыхъ книгъ разжился Глазуновъ.
. . . . . .
Иль авторъ плачущій напишетъ пять страницъ,
Гдѣ проситъ милости, пощады, павши ницъ.
. . . . . .
Но, муза, замолчимъ, покорствовать умѣя,
До перваго глупца иль перваго злодѣя!...

Въ этой сатирѣ также одинъ недостатокъ, общій вообще всѣмъ сочиненіямъ Милонова въ этомъ родѣ—длинnота и повторенія.

Сатира четвертая *На модныхъ болтуновъ*, подражаніе Воже, одна не имѣетъ этого недостатка: она коротка и прекрасна. Поэтъ возстаетъ на общественныя пересуды и сплетни. «Какое дѣло мнѣ, говоритъ онъ, что:

Тамъ шутъ на площади, привыкшій чернь смѣшить,
Судьею посаженъ дѣла ея рѣшить,
Тамъ жалкій рабъ страстей, развратникъ вянетъ въ цвѣтѣ.
Довольно и того, что есть они на свѣтѣ.
Свѣтъ будетъ вѣчно тѣмъ, чѣмъ былъ онъ искони,
Иль мало, что со мной встрѣчаются они?
. . . . . .
Коль слабостей людскихъ нельзя намъ истребить,
Не лучшель во сто кратъ умѣть ихъ извинить?
. . . . . .
Не лучше ль чѣмъ судить, вамъ научать людей?
Чѣмъ порицать кого въ пренебреженьи вѣры,
Вамъ благочестія подать ему примѣры,
И первымъ перестать, пришедши въ храмъ святой,

Окинувши народъ, собравшійся толпой,
Ловить своихъ Лаисъ завистливые взоры,
Иль громко выхвалять ихъ модные уборы,
Взглядъ дерзкій на красу невинную кидать,
Смиренье бѣдности почтенной презирать,
Молебный старца ликъ, съ рукой, въ боляхъ увѣчной,
Встрѣчать съ холодностью души безчеловѣчной.
Судить немудрено — примѣромъ трудно быть.
Славнѣй, откинувъ брань, нелѣпость простить,
Чѣмъ слабость въ комъ найдя и ставъ его судьею,
Лишь съ тѣмъ, чтобъ уязвить, ползти за нимъ змѣею,
И собственный порокъ злословьемъ обличать;
На трудъ художника взирать съ пренебреженьемъ;
Уничижать его единымъ мановеньемъ;
Съ лицомъ безсмысленнымъ, на комъ лишь одни
Изжитые въ цѣпяхъ разврата видны дни,
Хулить твореніе, вѣнчанное отъ свѣта —
И хладной убивать улыбкою поэта!...
. . . . . .
Къ чему вы тратите ничтожныя слова?
Оставте лучше свѣтъ, какимъ онъ былъ сперва!
Повѣрьте, скучные врали и пустомѣли,
Что съ вашей брани въ немъ глупцы не поумнѣли,
Что также плутъ хитритъ, коверкается льстецъ
И съ наглостью вездѣ является подлецъ.

Сатира пятая—*На женитьбу въ большемъ свѣтѣ*—названа подражаніемъ Буало и Ювеналу. Она слабѣе предъидущихъ. Въ ней поэтъ представляетъ, впрочемъ весьма односторонними образомъ, невыгоды женитьбы, и даетъ совѣты Дамону, думающему о счастіи

.... жребіемъ съ подругою дѣлиться
И видѣть вдругъ себя малюткъ рѣзвыхъ сонмъ.

Поэтъ совѣтуетъ ему остеречься, говоря, что избранная имъ можетъ сдѣлаться преступною.

При этомъ случаѣ Милоновъ переводитъ два стиха Буало:

L'honneur est comme une île escarpée est sars bords,
On n'y peut rentrer dés qu'on en est dehors.—

Честь съ неприступною той крутизной сравнится,
Съ которой низойдя, не можно возвратиться.

Надо отдать справедливость русскому поэту, что переводъ его гораздо лучше оригинала, потому-что въ немъ не заключается нелѣпости, которую только ослѣпленіе Французовъ не могло замѣтить въ ихъ *великомъ* сатирикѣ, образцѣ легкаго и правильнаго стиха. Мы хотѣли бы спросить даже у самаго Буало: какимъ образомъ у него островъ можетъ быть безъ береговъ или краевъ (sans bords)? Вообще сатира эта очень суха, многословна и односторонна Сухость ея не выкупаютъ нѣсколько удачныхъ стиховъ, въ родѣ тѣхъ, когда поэтъ описываетъ взыскательную супругу, которая претендуетъ, когда мужъ ея,

.... будучи отецъ ужъ взрослымъ дочерямъ
Не падаетъ, актеръ, въ любви къ ея ногамъ.

или ту,

..... которая, въ любви къ тебѣ нѣная,
Ласкаетъ одного счастливца – попугая.

Въ сатирѣ этой очень мало видѣнъ даже Буало. Нечего говорить, что въ ней нѣтъ и тѣни страшной сатиры Ювенала на женщинъ:

Credo Pudititiam, Saturno rege, moratam
In terris....

въ которой римскій сатирикъ такими рѣзкими красками описываетъ, болѣе чѣмъ въ шести стахъ стихахъ, пороки выродившихся дочерей Ромула, потомковъ матери Коріолана и Гракховъ....

Сатира шестая состоитъ изъ *открывка Луцциліевой сатиры противъ его вѣка*. Она короче и слабѣе всѣхъ прочихъ. Это одни общія мѣста противъ упадка нравовъ. Поэтъ видитъ вездѣ погибель, развратъ и униженіе, и оканчиваетъ слѣдующимъ образомъ:

Оставимъ все, о вы! для коихъ предковъ слава
Еще въ лучахъ жила, еще сердецъ отрава—
И будемъ Римъ ненать.... среди одинхъ могилъ!...

Вотъ и всѣ сатиры Милонова. Конечно и Персій написалъ ихъ только шесть; но мы видѣли, что только въ двухъ изъ нихъ Милоновъ оригиналенъ, а въ остальныхъ только подражатель, часто даже не совсѣмъ удачный. Замѣтимъ кстати, что вообще онъ былъ охотникъ подражать, и иногда подражанія эти становились у него даже болѣе, чѣмъ заимствованіями. Такъ у него есть три стихотворенія: *Придонскій ключъ*, *Спутники жизни* и *Пловецъ*, которыя до того похожи на стихотворенія Державина и Жуковскаго, воспѣвавшихъ тѣ же самые предметы, что мы иначе не понимаемъ ихъ, какъ исполненіемъ задачи, по которой Милоновъ предположилъ себѣ написать тоже, о чемъ писали Державинъ и Жуковскій—только другими стихами.

Изъ цитатъ читатели могли видѣть, какъ плавенъ и правиленъ стихъ Милонова. Мы замѣтили только въ одномъ стихотвореніи его неправильность, именно въ элегіи *къ Неерѣ* — два женскихъ стиха съ различными рѳмами, стоящія одинъ послѣ другаго. Эта ученическая ошибка могла быть впрочемъ дѣломъ недосмотра, также какъ мы должны отнести къ типографской ошибкѣ то, что въ стихотвореніи: *Посланіе къ земледѣльцамъ* послѣ двухъ стиховъ:

«Всѣ недовольные—покорности къ судьбѣ.
Сколь часто въ кротости я зрѣлъ васъ терпѣливой».

нѣтъ соотвѣтствующихъ имъ рѳмъ. Это очевидно пропускъ.

Послѣ всего, что мы сказали о Милоновѣ, считаемъ излишнимъ говорить о степени значенія его стихотвореній. Читатели, слѣдя за самымъ разборомъ, могли сами оцѣнить этого поэта. Надѣемся, что онъ виденъ весь въ нашемъ короткомъ очеркѣ. Любители литературы могутъ прочесть вполнѣ его сатиры, но публика и не читая его стихотвореній, познакомится съ нимъ совершенно изъ нашего очерка.

Жизнь Милонова весьма любопытна и поучительна. Мы жалѣемъ, что не можемъ войти въ подробности объ ней. Родился онъ въ 1792 году, умеръ въ Петербургѣ 17 октября 1821 года. Учился онъ въ Московскомъ Университетѣ, служилъ при Министрѣ Юстиціи И. И. Дмитріевѣ. Вотъ все, что мы можемъ сказать объ немъ.

Обратимся теперь къ третьему писателю, съ которымъ въ из-

данія г. Смирдина соединены два столь различные писателя, каковы Нахимовъ и Милоновъ.

Изъ сочиненій Николая Родіоновича Судовщикова напечатаны двѣ комедіи и одно небольшое стихотвореніе. Вѣроятно, онъ написалъ и болѣе, но не хотѣлъ печатать, думая, что довольно одной комедіи, чтобы обезсмертить себя и перейти въ потомство. Впрочемъ и то правда, что въ его время безсмертіе покупалось иногда цѣною еще дешевѣйшею.

Мы знаемъ два изданія комедіи Судовщикова: 1802 и 1829 г. Когда она была играна, въ этихъ изданіяхъ несказано. По слогу и предмету она принадлежитъ къ старинnымъ комедіямъ нашимъ, и написана совершенно въ духѣ и тонѣ *Ябеды* Капниста, имѣвшей такой огромный успѣхъ въ первые года нынѣшняго столѣтія. Судовщиковъ служилъ при театрѣ: понятно, что успѣхъ Ябеды возбудилъ его соревнованіе, и зная хорошо сцену, онъ вздумалъ написать, въ подражаніе піесы Капниста, свое—*Неслыханное диво*.. Піеса его дѣйствительно имѣла успѣхъ. Сомнѣваемся однакоже, чтобы собственно литературное достоинство комедіи было причиною ея успѣха. Она могла понравиться, во-первыхъ потому, что въ ней не было Жеронтовъ Скапеновъ, Фронтеновъ и другихъ лицъ классической французской комедіи, начинавшихъ уже сильно надоѣдать русской публикѣ, и во-вторыхъ потому, что комедія эта, какъ *Ябеда*, была направлена противъ взяточничества, начинавшаго уже исчезать въ то время отъ строгости правительства и всеобщаго голоса свѣта, возникавшаго съ негодованіемъ противъ этого постыднаго порока. Разсмотримъ же піесу Судовщикова *Неслыханное диво или честный секретарь*, которая по самому названію своему должна была воздуждать улыбку публики.

Въ первомъ дѣйствіи мы видимъ *Кривосудова*, недавно пожалованнаго въ предсѣдатели, самымъ именемъ напоминающаго главное лицо въ Ябедѣ, сбирающагося выдать дочь свою замужъ, или какъ онъ самъ выражается: *спехать съ рукъ Милену*. Одно только немножко безпокоитъ его: невѣста что-то очень задумчива и печальна. «Ужъ не влюбилась ли она въ кого?» говоритъ онъ.

Быть можетъ. Нынѣча уже въ двѣнадцать лѣтъ
Приходитъ дѣвушкамъ на умъ любовный бредъ:
Всѣ въ матушки хотятъ.... Какіе стали годы!

Все просвѣщеніе да дьявольскія моды
Причиною тому. Они въ нихъ портятъ кровь,
Затѣйщика того, кто выдумалъ любовь,
Кнутомъ бы безъ суда....

Потомъ пославши своего слугу, Провора, за дочерью, онъ продолжаетъ:

На свадебный расходъ довольно прилетѣло,
Хоть правда, что душей маленько и вильнулъ,
Но что̀ же тутъ бѣды? пятьсотъ наличныхъ сдулъ.
И слѣдственно я чистъ, понеже наши нравы,
Сирѣчь всеобщіе судейскіе уставы,
Искони бѣ гласятъ, гдѣ можно, такъ лупить.
То слѣдуетъ ли сей законъ переступить
Тому, кто присягалъ хранить законы строго.

Является Милена, и на вопросъ отца о причинѣ ея слезъ, говоритъ:

Глядѣла лишь теперь на матушкинъ портретъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Десятый годъ уже ее на свѣтѣ нѣтъ,
Такъ поздно вздумала теперь о ней ты плакать.

Послѣ этого онъ объявляетъ, что сосваталъ дочь за Крючкостроя, полицейскаго офицера, который

. ... въ прошломъ годѣ
Глазъ выкололъ себѣ у насъ на огородѣ.

Дочь очевидно не соглашается выдти за такого красавца, и отвѣчаетъ, что не любитъ его. — «Полюбишь послѣ»! говоритъ отецъ, представляя въ примѣръ, какъ онъ самъ насильно женился на ея матери, нелюбившей его также сначала за то, что онъ держался чарочки, а потомъ жившей съ нимъ душа въ душу.

«Бывало, нечего, порядкомъ потаскаю,
А послѣ, погодя немного, приласкаю».

Назначивъ обрученье въ этотъ же вечеръ, отецъ отсылаетъ дочь. Является подрядчикъ, который проситъ о выдачѣ ему казеннаго долгу, и послѣ обѣщанія Кривосудова о подписаніи завтра же приказа о выдачѣ, хочетъ уйти. Его останавливаетъ Проворъ, и намекаетъ, что онъ долженъ заплатить. Подрядчикъ, почесавъ голову, вынимаетъ бумажникъ и подноситъ Кривосудову *презентъ*, который принимаетъ его, говоря, что это изрядный документъ, и упросивъ сѣсть дорогаго гостя, объявляетъ ему, что у него теперь нѣтъ вовсе домашней провизіи. Подрядчикъ обѣщаетъ все прислать и уходитъ. Является *Правдинъ*, герой піесы, служащій секретаремъ у Кривосудова. Съ первыхъ словъ онъ начинаетъ упрекать хозяина дома за неправильный приговоръ по какому-то дѣлу. Кривосудовъ отвѣчаетъ ему на это прямо, что онъ взялъ за него пятьсотъ рублей. Между ними происходитъ живой и рѣзкій разговоръ:

ПРАВДИНЪ.

А совѣсть?

КРИВОСУДОВЪ.

А пятьсотъ?

ПРАВДИНЪ.

Одно другова стóитъ!
Неужто весь она совсѣмъ не безпокоитъ?

КРИВОСУДОВЪ.

.... Совѣсть лишь нужна монахамъ да попамъ,
А прочимъ лишнее — а особливо намъ;
Межъ насъ будь сказано, не въ голосъ, по секрету:
Кто за пятьсотъ рублей, за чистую монету
Не будетъ въ свѣтѣ я?

ПРАВДИНЪ.

Въ комъ чистая душа.

КРИВОСУДОВЪ.

Да что торговать по грѣхъ для барыша.

Разговоръ оканчивается тѣмъ, что Кривосудовъ отсылаетъ Правдина работать. Является новое, странное лицо, хромой дворникъ *Асмодей, въ холстинномъ пестромъ халатѣ и въ колпакѣ.* Что за имя и за костюмъ! Кривосудовъ приказываетъ ему стеречь домъ во-время его отсутствія. Асмодей и Проворъ бранятся. Онъ миритъ ихъ и учитъ Асмодея, что говорить просителямъ, когда они придутъ съ просьбами.

Примолвить не забудь, что сахаръ нынче дорогъ.

АСМОДЕЙ.

Пожалуй не учи! вѣдь я тебѣ не ворогъ!

Кривосудовъ уѣзжаетъ. Асмодей проситъ у Провора грошикъ на сивуху, тотъ даетъ ему, и уходитъ къ своей возлюбленной *Стрѣлѣ*, Миленниой дѣвкѣ, какъ гласитъ афиша. Но Стрѣла является сама, шутитъ надъ хромой ногой Асмодея, заставляетъ его прыгать, и когда онъ уходитъ, говоритъ, что дѣла ихъ плохи, что Правдинъ влюбленъ въ Милену и что ей надо совѣтоваться съ Проворомъ.

. . . и стараться
Какъ въ благочинные намъ когти не попасться.

Первое дѣйствіе оканчивается. Въ немъ не дурны сцены Кривосудова съ подрядчикомъ и Правдинымъ, но по уходѣ его всѣ остальныя сцены рѣшительно ненужны и только понапрасну растягиваютъ дѣйствіе. Неизвѣстно также, для чего авторъ вывелъ на сцену этого Асмодея, очень странное и совершенно излишнее лицо въ піесѣ. Разговоръ написанъ бѣглымъ и легкимъ языкомъ. Стихи хороши и гладки, кромѣ нѣкоторыхъ устарѣлыхъ выраженій.

Второе дѣйствіе начинается длиннымъ разговоромъ Провора и Стрѣлы о любви Милены и Правдина. Приходитъ она сама, и опять въ слезахъ. Стрѣла утѣшаетъ ее. Является Правдинъ. Онъ еще ничего не знаетъ, и Стрѣла объявляетъ ему, что у барышни есть женихъ:

Вы знаете, сударь, что ходитъ къ намъ квартальной —
Онъ ростомъ не великъ, лицомъ такой фатальной.

Любовники говорятъ нѣсколько напыщенныхъ и риторическихъ фразъ; Правдинъ становится, по заведенному порядку, на колѣни. Ихъ застаетъ Кривосудовъ, возвратившійся изъ гостей немножко навеселѣ. Онъ браниТъ дочь и Правдина, потомъ прогоняетъ ихъ и Провора, и вынимаетъ изъ кармана серебряную стопу, говоря:

Давно я зубки грызъ на сей сосудъ скудельный
. . . . . .
Придавятъ, такъ и самъ барономъ заблеешь.
Бываютъ и на насъ нерѣдко передряги,
Лишь только успѣвай отсчитывать сотняги.
Вѣдь правду выполвить, кто бабушкинъ не внукъ.
Такъ нечего сказать – зѣвать тутъ недосугъ!...

Является опять подрядчикъ съ провизіей. Кривосудовъ вступаетъ съ нимъ въ разговоръ и объявляетъ, что выдаетъ дочь за мужъ.

ПОДРЯДЧИКЪ.

Благоволи Господь! Да зятя-то во дворъ
Изволите принять?

КРИВОСУДОВЪ.

Въ какую это силу!
Нѣтъ, нѣтъ, Панкратьевичъ обоихъ ихъ по тылу!...
Мой зять-то вѣдь богатъ и домъ имѣетъ свой.

ПОДРЯДЧИКЪ.

Воздай, Владыко имъ свершити бракъ честной,
И многочадіе на пользу живота;
А въ дѣвствѣ пребывать велика суета
Благое вздумали!

КРИВОСУДОВЪ.

.....Торгуешь какова?

ПОДРЯДЧИКЪ.

Изъ моды вышелъ здѣсь совсѣмъ товаръ россійской!
. . . . . .

Товары тѣже есть — да время стало модно;
У Русскаго купца, носить почесть неблагородно.
А пакостный Французъ, хотя изъ шатуновъ,
Да навезетъ сюда помады, да луковъ
Да новомодныя далъ чортъ голотерен,
Все формазонскія, проклятыя затѣи
. . . .
Преданіе гласитъ: Антихристъ народится
Отъ племя Ирода, а Иродъ былъ Французъ,
И такъ уже теперь великій гладъ и трусъ....

По уходѣ подрядчика Кривосудовъ говоритъ:

. . . . Пойтить часокъ другой соснуть.
Какія хлопоты на шею мнѣ валятся!
Что дѣлать? потружусь да будетъ все съ концомъ —

Этимъ оканчивается второе дѣйствіе. По ходу піесы оно все совершенно лишнее. Отецъ и не заставая любовниковъ могъ бы узнать о ихъ любви. Сцена и разговоры съ лакеемъ и горничной очень растянуты и вовсе ненужны. Разговоръ съ подрядчикомъ очень хорошъ, но также нисколько нейдетъ къ піесѣ и безъ всякой нужды только увеличиваетъ ее.

Въ третьемъ дѣйствіи Кривосудовъ хочетъ отложить сговоръ Милены, чтобы обнадежить Правдина, и заставить его согласиться покривить душею по одному дѣлу. Чтобы успокоить между-тѣмъ настоящаго жениха, онъ рѣшается притвориться больнымъ. Является Крючкострой.

КРИВОСУДОВЪ.

Садись-ка, да скажи, здорово ли живешь?

КРЮЧКОСТРОЙ.

Все потихохоньку впередъ таки ползешь,
По власти Божеской и вкупѣ командерской.

Женихъ въ отчаяніи, что будущій тесть его боленъ, и рекомендуетъ ему.

.......Новый дохтуръ здѣсь находится въ столицѣ,
Какой-то онъ привезъ изъ-за моря бульонъ.

Что лечитъ всяку боль, и жительствуетъ онъ
Въ Рожественской Части, въ тринадцатомъ Кварталѣ.

КРИВОСУДОВЪ.

Заморски доктора для знатныхъ лишь годятся,
Въ нихъ все нѣмецкіе недуги состоятся,
А мнѣ не надобно . . . . . .

КРЮЧКОСТРОЙ.

Коль въ страхѣ вы себя Французу поручить
У насъ есть будочникъ — ужасно золъ лечить.
. . . . . .
Онъ прежде въ конюхахъ придворныхъ находился,
А тамъ какой-то былъ изъ Нѣмцевъ коновалъ,
Всю хиромантію и дохтурство онъ зналъ,
Такъ этотъ кругъ его всегда почти вертѣлся,
И медициніи препропасть насмотрѣлся,
Припарку ли сварить, проносное ли дать,
Все знаетъ; мнѣ вотъ онъ старался помогать.

Послѣ этого Крючкострой разсказываетъ презабавный анекдотъ, случившійся съ нимъ. Какой-то Англичанинъ, купецъ, у котораго въ театрѣ украли вещи, отвѣчалъ, смѣясь, на вопросъ Крючкостроя, что вещи укралъ у него Юпитеръ, живущій на Олимпѣ; Крючкострой тотчасъ же отыскалъ въ Коломнѣ какого-то Нѣмца.

Сапожникъ, старичекъ, фамиліей онъ Питеръ,
Конечно это онъ, одной лишь нѣтъ изъ литеръ,
. . . . . .
Зовешься Питеръ ты? Да.—Это по-французски
А быть Юпитеромъ ты слѣдуешь по-русски....
Ну бился, бился, такъ и бросилъ я его. —

Послѣ этого является Проворъ, и говоритъ, что Крючкостроя куда-то требуютъ, и по уходѣ его объявляетъ, что женихъ за какую-то вину посланъ на караулъ къ тюрьмѣ. Потомъ является Правдинъ, и Кривосудовъ уговариваетъ его рѣшить одно дѣло, въ пользу ябедника, который обѣщалъ ему за то 10 тысячъ; за это Правдинъ получитъ руку Милены. Честный се-

кретарь не рѣшается на такое постыдное дѣло. Крючкострой отсылаетъ его къ Миленѣ, надѣясь, что та уговоритъ его, и также уходитъ. Являются опять слуги Проворъ и Стрѣла; послѣдняя объявляетъ, что къ нимъ пріѣхалъ Прямиковъ, дядя Милены. Стрѣла радуется этому, и увидя входящаго Крючкостроя, говоритъ:

Пойду и я къ нему.—Уйтить.—Прильнетъ, какъ клейстеръ

(*Уходитъ*).

КЛЮЧКОСТРОЙ (*думая, что-то Милена, говоритъ ей въ слѣдъ*).

Милена! Жизнь моя, душа полицейнейстеръ!
Клянусь управою, что я тебя люблю.
. . . . . .
Итти къ ней тороплюсь, какъ словно на пожаръ
. . . . . .
Хотя она ко мнѣ сурова и груба,
Мой пламень не зальетъ ни лучшая труба.

Приходитъ Проворъ, и пугаетъ Крючкостроя пріѣздомъ дяди Милены.

Является Прямиковъ, и подойдя къ Крючкострою, говоритъ ему:

Смоленскаго полку я ротмистръ Прямиковъ.
Послушай-ка ты, братъ, почтенный алгвазилъ,
Чтобъ этта я тебя теперь не потузилъ.

И потомъ на вопросъ Крючкостроя, о томъ кто онъ таковъ, отвѣчаетъ.

Рекомендую я себя и эту дуру (*показываетъ на палаша*)
Она состроитъ въ мигъ безносую фигуру.

Прямиковъ, угрожая Крючкострою всадить въ него палашъ по эфесъ, заставляетъ его отказаться отъ руки Милены, что тотъ и объявляетъ вошедшему Кривосудову. Разсерженный отецъ прогоняетъ жениха, и по просьбѣ Прямикова соглашается выдать за Правдина Милену, которой ротмистръ даетъ въ приданое свои 75 душъ. Является Правдинъ съ просьбою объ

отставкѣ, но Кривосудовъ отдаетъ ему Милену, объявляя, что дядя со своей стороны отказываетъ ей все свое имѣніе. Правдинъ спрашиваетъ, чѣмъ же будетъ жить Прямиковъ! Тотъ отвѣчаетъ:

Четыреста беру и сто рублей на крестъ!
Куда мнѣ ихъ дѣвать? одинъ я такъ, какъ перстъ.
А если отобьютъ и руки мнѣ и ноги,
Такъ къ нашему Отцу извѣстны мнѣ дороги,
Ползкомъ хоть доползу, да въ ноги чубурахъ, —
Все будетъ, что хочу, къ Нему итти не страхъ
. . . . . .
Въ Россіи не было еще сего примѣра,
Чтобъ службу позабыть такого офицера,
Который грудью все своею защищалъ,
И съ радостію кровь за славу проливалъ.

Прямиковъ же оканчиваетъ піесу слѣдующими стихами:

Правдинъ, не позабудь, питомецъ ты Монаршій,
Ступай прямымъ путемъ, кривыхъ не дѣлай маршей,
И правилъ добрыхъ ты держися всякій разъ.
Ты честностью своей, прославился у насъ
И я тебѣ скажу, любезный другъ: правдиво
Тебя у насъ зовутъ: Неслыханное диво.

Вотъ вся піеса. Читатели могутъ видѣть сами, какъ слаба она въ литературномъ отношеніи. Характеръ секретаря вовсе не развитъ. Героиня то и дѣлаетъ, что плачетъ во всѣ три дѣйствія. Лица слугъ и дворника неестественны. Самъ Прямиковъ чрезвычайно страненъ съ своими манерами, и какъ ни трусливъ Крючкострой—чего впрочемъ не видно вовсе изъ хода піесы—онъ долженъ былъ очень хорошо знать, что надо быть сумасшедшимъ, чтобы убить человѣка ни за-что, ни про-что. Эта развязка піесы болѣе, чѣмъ странна. Гораздо правдоподобнѣе и скорѣе можно было заставить Крючкострояотказаться отъ Милены деньгами или придумать что-нибудь понатуральнѣе угрозы убійства. Кромѣ этой послѣдней неестественной боязни, Крючкострой очерченъ очень удачно и вѣренъ самому себѣ. Лучше всѣхъ выдержанъ характеръ Кривосудова, хотя и онъ очень

много говорить пустаго и лишняго съ Проворомъ и Асподесисъ. Хорошъ также подрядчикъ. Стихи піесы, какъ мы уже говорили, очень недурны, въ особенности для своего времени, хотя и попадается въ нихъ много устарѣлыхъ и въ особенности грубыхъ и рѣзкихъ выраженій, даже брани. Мы замѣтили въ цѣлой піесѣ только два невѣрные стиха: въ началѣ втораго дѣйствія, I-го явленія, въ монологѣ Провора:

Который со всѣмъ дерет и грабитъ безъ разбору

Тутъ лишній предлогъ—со.
Другой стихъ въ III явленіи того же дѣйствія:

Но какъ ни клялся и сколько ни просилъ.

Вѣроятно вмѣсто *клялся* должно быть *кланялся*. Сюжетъ піесы дотого не богатъ, что она удобно умѣстилась бы вся въ одномъ дѣйствіи, особенно если исключить изъ нея всѣ ненужныя сцены и сократить конецъ, который чрезвычайно растянутъ. Въ такомъ видѣ она гораздо болѣе бы выиграла, и мы увѣрены, что имѣла бы успѣхъ на сценѣ даже въ настоящее время.

Другая комедія Судовщикова—*Опытъ искусства*, въ одномъ дѣйствіи, еще болѣе подходитъ къ современнымъ піесамъ и можетъ-быть легко играна въ любой бенефисъ. Это первообразъ всѣхъ современныхъ піесъ, основанныхъ на переодѣваньи, pièces à travestissement, въ которыхъ одно лицо играетъ нѣсколько ролей. Вся разница между старинною піесою и новыми состоитъ только въ томъ, что послѣднія гораздо хуже и пустѣе первой.

Содержаніе этой небольшой, но хорошенькой комедіи очень просто: Милонъ, построивъ театръ, набираетъ актеровъ и ждетъ къ себѣ одного, который обѣщалъ быть, но не является.

Причины не пойму, что вздумалъ онъ отстать?
Иль можетъ-быть его перетащили въ знать.
Актеру вѣришь лишь покуда онъ на сценѣ.

Слуга докладываетъ, что пришелъ какой-то учитель. Является:

Схоластикъ философъ, а купно и піита
По батькѣ Силычъ я, по имени Пынита.

Рожденъ въ Черниговѣ, и съ самыхъ малыхъ лѣтъ
Вознёсъ я въ Кіевѣ ученый свой полетъ.

. . . .

Дывишься, что къ тебѣ вошелъ я незовомый
Ходыли тако вси: Сенека, Ксенофонтъ.
Свѣтило не просясь идетъ на горизонтъ....

Милонъ приглашаетъ его сѣсть, и спрашиваетъ, что ему угодно? Учитель продолжаетъ:

Нѣтъ! сыдя говорить мнѣ будетъ несвободно,
Ораторъ не сыдитъ. . . . .
Какъ въ бурсѣ кіевской птенцовъ я обучалъ
Такъ вѣсомъ десять пудъ стиховъ я написалъ
Былъ диспутъ вѣкогда.... о свойствахъ пиррехія;
Я доказалъ, что ихъ слова—галиматія
Къ устамъ професоровъ приштемпнулъ я печать
. . . . Но сіи поганые сверчки
Отъ диспута меня прогнали у толчки.

Учитель этотъ приноситъ для театра Милона трагедію—*Потопъ*, въ двѣнадцати дѣйствіяхъ:

При первомъ дѣйствіи изображенъ ковчегъ,
Какъ Ной, нашъ праотецъ, привелъ его на брегъ;
Второе дѣйствіе—какъ звѣри собирались.
При третьемъ—какъ дожди отъ неба проливались,
Конецъ трагедіи—сожженіемъ Гоморры...

Вручивъ ему трагедію, учитель уходитъ, со словами:

Пребудь благословенъ!

За нимъ является Нѣмка, которая проситъ у него сначала работы по шитью костюмовъ, смотрѣнію за гордеробомъ, а потомъ предлагаетъ, чтобы онъ на ней женился. За Нѣмкой приходитъ подъячій, предлагая принять его въ труппу для переписки ролей. Милонъ не можетъ удержаться, чтобы не назвать его плутомъ, и платитъ ему за это безчестье. За тѣмъ является сваха сватать у него пѣвицу. Женихъ, по ея словамъ,

Красавецъ, молодецъ, а чиномъ елистраторъ,
И нечего сказать затѣйщикъ, прокураторъ,
Всего сполна начнетъ помалы выводить —

Кипячки надорвешь.... Ха! съѣхъ и говоритъ!
Учливой, ласковый, играетъ на скрипицѣ.
Дай Богъ, чтобъ суженый онъ былъ твоей дѣвицѣ.

Потомъ однакоже она признается, что

Ночи цѣлыя въ картишки онъ играетъ,
Ну и еще.... межъ насъ будь слово—испиваетъ!

Она даетъ также Милону роспись приданаго одной невѣсты. Тотъ читаетъ:

•Что нижеписанный въ приданое положилъ
За дщерію своей въ томъ роспись утвердилъ:
Иконъ святыхъ—одна въ серебряномъ окладѣ,
Старинна книжица, тисненна въ Новѣградѣ,
Различна серебра пудъ два золотника....
Три нитки жемчугу, соболья эпанечка.

СВАХА.

Глазетна батюшка! тепла-то ужъ какъ печка

МИЛОНЪ (*читаетъ*).

Кофтъ, юбокъ шелковыхъ осьмнадцать ровно паръ,
Пять колецъ золотыхъ....

СВАХА.

И всѣ горятъ какъ жаръ.

МИЛОНЪ.

Пятнадцать паръ чулокъ, сорочекъ шесть голландскихъ,
Да денегъ тысячу при всемъ при этомъ ей.
А все приданое въ три тысячи рублей.

Сваха наконецъ уходитъ, говоря, что у нея очень много дѣлъ и порученій:

. . . . . Вѣтриловъ, офицеръ,
Изволитъ ѣхать въ полкъ, потребно на мундеръ,
На прочее на все.... боярыня снабдила
Съ иголочки всего, и тристя подарила, —
Такъ гдѣ, мой батюшка, лишь только въ руки взялъ,

Да все съ Матреною своей и просвисталъ.
Бѣда на шею мнѣ: опять сбирай въ дорогу.
За то и вѣрятъ мнѣ, хоть какъ секретъ великъ,
Да ужъ молчу и я—отсохни мой языкъ.

По уходѣ ея Милонъ говоритъ тираду противъ свахъ:

Родители! и вы дерзаете вѣрять
Такимъ чудовищамъ священны брака узы —
Увидите-ль когда счастливые союзы?... и проч.

Потомъ является солдатъ, принесшій письмо, и проситъ Милона, зная, что онъ *комедіанта*:

Для скуки позабавь, отдерни представленье!
А я за это дамъ тебѣ на провіантъ.
Пожалуста сломай хоть маленьку камедь!

Онъ предлагаетъ ему за это пятакъ. Милонъ смѣется и самъ даетъ ему нѣсколько пятаковъ, но тотъ отказывается, говоря:

Безъ милости твоей найду! я самъ богатъ!

МИЛОНЪ.

А чѣмъ?

СОЛДАТЪ.

Царемъ—и тѣмъ, что русскій я солдатъ!

Сцена это лучшая въ комедіи и написана прекрасными стихами. Солдатъ разсказываетъ дальше про свое житье и походы. «Бывало въ сраженіяхъ

Случалось иногда, какъ батюшкинъ сынокъ
Попятится назадъ, такъ дашь ему толчокъ.
Пойдетъ бѣднякъ впередъ; за то ужъ, послѣ бою
И ты поплатишься ему своей спиною.

«Ты получишь крестъ? говоритъ Милонъ.

СОЛДАТЪ.

. . . . . Конечно, деревянный.
Мы служимъ не за тѣмъ, чтобъ ленточку имѣть;

Намъ правды долгъ велитъ отъ пули умереть
. . . . . .
Ступай-ка ты служить—не будешь генералъ, —
Что нужды? Можешь быть и честный ты капралъ.

МИЛОНЪ.

А руку отобьютъ?

СОЛДАТЪ.

Не годенъ при фузеѣ,
Такъ съ палочкой тебя поставятъ въ магазеѣ,
Ты будешь сытъ,—а честь все будетъ при тебѣ.

МИЛОНЪ.

Науку храбрости какъ принялъ ты себѣ?

СОЛДАТЪ

Учиться храбрости!... Не Русскій ты словами!
Въ деревнѣ, на печи она родится съ нами.

Солдатъ признается однакоже, что не знаетъ грамоты и потому отказался отъ сержантскаго чина, чтобы не смѣялись надъ нимъ. Разсказавши еще немного про Суворова, онъ уходитъ. Милонъ отъ него въ восхищеніи. «Русскій солдатъ, говоритъ онъ:

На полѣ брани—звѣрь, а дома—человѣкъ.

Наконецъ является—охотникъ. У него:

. . . . . Собакъ различны стаи
На полверсты для нихъ поварни и сараи.

Онъ разсказываетъ любопытную исторію. У сосѣда есть кобель, котораго охотнику давно хотѣлось имѣть. По счастью сосѣдъ

. . . . . По уши въ сестру мою влюбился.
Сталъ свататься. Тутъ я за дѣло спохватился.
Кондицію ему: иль кобеля отдать,
Или сестры моей во вѣки не видать.
И такъ, сударь, теперь не знаетъ чѣмъ рѣшиться:
Жениться хочется—съ собакой жаль проститься.

Милонъ сеорится съ охотникомъ за его странныя мнѣнія. Тотъ вызываетъ его на дуель—и потомъ открываетъ, что онъ не охотникъ—а актеръ, котораго ждалъ Милонъ, и который явился къ нему также въ видѣ учителя, Нѣмки, подъячаго, свахи, солдата.

Кромѣ этихъ двухъ піесъ, помѣщено еще одно стихотвореніе Судовщикова: *Три брата чудака*, чрезвычайно странное, хотя и писанное гладкими стихами.

Трудно понять безъ комментарій цѣль, съ какою оно написано. Можетъ-быть, въ свое время оно было понятно и по этому могло нравиться, но теперь оно не имѣетъ даже достоинства рѣдкости....

Вотъ все, что осталось послѣ Судовщикова, человѣка съ дарованіемъ, невысказавшимся однако же вполнѣ, опредѣлительно. Мы можемъ въ настоящее время указать на нѣсколько человѣкъ, написавшихъ двѣ-три недурныя піесы и столько же стихотвореній, но въ наше время этого мало, чтобы пріобрѣсти литературную извѣстность, и сомнительно, чтобы потомство признало заслуги этихъ лицъ и стало издавать полныя собранія ихъ сочиненій. Въ старое время слава пріобрѣталась гораздо легче и дешевле, но тогда писатели и стремились за одною славою. Деньги, интересъ, плата за статьи — почти вовсе не занимали ихъ. Мы это видѣли изъ того, что во всѣхъ стихахъ того времени, даже въ сатирѣ Милонова *къ Лукавію* нѣтъ ни одной выходки, ни одного намека на корыстолюбіе писателей, на жадность ихъ къ деньгамъ, о чемъ современный сатирикъ не могъ бы не упомянуть. Нашъ вѣкъ какъ разсчетливый покупатель, платя за сочиненія, хочетъ по-крайней-мѣрѣ, чтобы деньги его не пропадали даромъ. Лучше ли это, выигрываетъ ли отъ этого литература? Отвѣтъ не труденъ—и потому мы предпочитаемъ—не отвѣчать.

В. З.

Описаніе Государственнаго Архива старыхъ дѣлъ, составленное Инспекторомъ Государственныхъ Архивовъ и членомъ разныхъ ученыхъ обществъ Ивановымъ. Москва 1850.

Москва, городъ по преимуществу историческій: на каждомъ шагу встрѣчаются здѣсь памятники, которые были свидѣтелями, или построены на память великихъ событій отечественной исторіи. По храмамъ, иконамъ, надписямъ на нихъ, по различнымъ зданіямъ, сохранившимся отъ давнопрошедшихъ вѣковъ,

можно прочитать исторію нашего древняго быта. Сколько во всѣхъ этого рода памятникахъ заключается пособій для подобныхъ изслѣдованій, знаютъ археологъ, нумизматъ и историкъ. Въ глазахъ любознательнаго ученаго заговоритъ камень, но на свидѣтельство это, какъ на непреложное, можно положиться только тому, кто умѣетъ понять тайный его смыслъ, не для каждаго вразумительный. То мимо чего одни проходятъ совершенно равнодушно, не подозрѣвая, какъ много смысла кроется въ иномъ, повидимому, незначительномъ камнѣ, другаго наводитъ на тысячи заключеній и догадокъ.

Не удивительно по этому, что въ Москвѣ было всегда наиболѣе любителей отечественной старины, что здѣсь возрасла и окрѣпла наука нашей исторіи: историческая почва не можетъ не имѣть вліянія на направленіе дѣятельности жителей. На каждомъ шагу васъ невольно поражаетъ отпечатокъ старины, вы невольно останавливаетесь, разспрашиваете, читаете древнія надписи, всѣми зависящими отъ васъ средствами доискиваетесь до начала того, что вы видите, и незамѣтно получаете вкусъ къ изслѣдованіямъ и страсть къ собиранію остатковъ древностей.

Не говоря о сокровищахъ, хранящихся въ Оружейной Палатѣ, въ московскихъ соборахъ, церквахъ и монастыряхъ, о памятникахъ, которые, благодаря мудрой попечительности Великаго Монарха, обнародованы, въ Москвѣ такъ много частныхъ собраній разнаго рода отечественныхъ древностей, что добросовѣстное изданіе снимковъ, рисунковъ, описаній и т. п. можетъ освѣтить не одну темную точку въ нашей исторіи, можетъ дополнить не одинъ пробѣлъ въ нашей археологіи.

Въ послѣднее время, ближайшее преимущественно къ нашъ десятилѣтіе, сдѣлано очень много, но у насъ есть цѣлый, почти нетронутый отдѣлъ источниковъ для исторіи древнѣйшаго быта нашего отечества. Это древнія рукописи, хранящіяся въ архивахъ государственныхъ, монастырскихъ, церковныхъ, городскихъ, частныхъ. Многія тысячи различныхъ грамотъ изданы и тѣмъ сохранены отъ уничтоженія ихъ временемъ; но трудно повѣрить, какія еще сокровища неизвѣстны и тѣмъ, кто ими обладаетъ. Это кладъ, ждущій опытнаго и умнаго дѣлателя, который бы умѣлъ взяться за разработку его какъ слѣдуетъ, и труды котораго будутъ всегда вознаграждены сторицею.

Нѣтъ спора, что изданіе рукописей, подобное тому, какое сдѣлано г. Востоковымъ для Румянцовскаго Музеума, трудно и требуетъ многихъ усилій; нѣтъ сомнѣнія далѣе, что поверх-

ностное описаніе того, что̀ есть въ какомъ-нибудь архивѣ, неудовлетворительно. Во всякомъ случаѣ однако должно радоваться описанію, которое, удовлетворяя ученому любопытству, вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается полезнымъ для науки.

Отъ описанія рукописей, въ архивѣ хранящихся, мы желали бы многаго, какъ-то: систематическаго изложенія ихъ содержанія, приведенія самыхъ любопытныхъ отрывковъ; мы желали бы, можетъ-быть, выводовъ, которые рождаются самособою при разборѣ актовъ; но иногда исполненіе такого требованія невозможно. Самое множество разнаго рода документовъ, изъ которыхъ многіе есть не болѣе, не менѣе, какъ формальная переписка или дѣлопроизводство присутственнаго мѣста, не позволяетъ описывать ихъ въ такомъ объемѣ: въ подобномъ случаѣ необходимо довольствоваться напечатаніемъ самыхъ замѣчательныхъ актовъ и бѣглымъ очеркомъ всего прочаго, хранящагося въ архивѣ. Многое можно сдѣлать и при этихъ условіяхъ, лишь бы описывающій умѣлъ выбрать дѣйствительно важное и занимательное, умѣлъ придать всему должное значеніе, осмыслить отдѣльныя данныя, оживить мертвую букву, и если не сдѣлать выводъ, то, по-крайней-мѣрѣ, навести на заключеніе.

Конечно, всего болѣе могутъ знакомить ученый свѣтъ съ тѣмъ, что̀ хранится въ нашихъ архивахъ, лица, которымъ они ввѣрены. Для нихъ сокровища эти доступны и оцѣнка матеріаловъ возможнѣе. По этому г. Ивановъ, Инспекторъ Государственныхъ Архивовъ, заслуживаетъ особенной благодарности просвѣщеннаго изслѣдователя описаніемъ ввѣреннаго его надзору Государственнаго Разряднаго Архива (М. 1842 г.), равно, какъ Путеводителя по Государственнымъ Архивамъ (М. 1845). Имѣя въ рукахъ двѣ эти книги, долженствующія знакомить съ составомъ Архива, съ хранящимися въ немъ документами, указать способъ, какъ безпрепятственно можно найти тотъ или другой документъ, изслѣдователь и вообще лицо, имѣющее нужду въ какой-нибудь выпискѣ изъ разрядныхъ писцовыхъ и т. п. книгъ, идетъ къ своей цѣли по дорогѣ извѣстной, не боясь потерять понапрасну и трудъ и время. Благодаря книгамъ г. Иванова, мы знаемъ то, что̀ хранится въ архивахъ и гдѣ должно искать необходимый намъ документъ

Прежде другихъ обратили на себя вниманіе Разрядный и Вотчинный Архивы, потому-что они, имѣя большое значеніе для науки, вмѣстѣ съ тѣмъ необходимы для частныхъ людей при приведеніи въ извѣстность того положенія, въ которомъ пред-

ки той или другой фамиліи находились въ служебномъ или имущественномъ отношеніи. Къ какому они принадлежали сословію, какую несли службу, какія права были съ нею соединены, какія вотчины или помѣстья состояли за ними—суть вопросы, разрѣшеніе которыхъ опредѣляетъ государственныя права, гражданину принадлежащія, и потому чрезвычайно важны.

Не упоминая при этомъ о другихъ сочиненіяхъ того же автора, имѣющихъ прямо или косвенно цѣлью приведеніе въ извѣстность того, что хранится въ архивахъ, какъ то: о Систематическомъ обозрѣніи помѣстныхъ правъ и обязанностей, въ Россіи существовавшихъ (1836 г.), Обозрѣніи писцовыхъ книгъ по Московской губерніи (1840), по Новугороду и Пскову (1841) и др., мы переходимъ къ обнародованному нынѣ описанію Государственнаго Архива Старыхъ Дѣлъ, и начнемъ съ приведенія къ извѣстности его значенія.

Въ царствованіе Петра Великаго и ближайшихъ его преемниковъ было учреждено много присутственныхъ мѣстъ, какъ для государственнаго, такъ и для мѣстнаго управленія и суда: были разнаго рода коллегіи, конторы, приказы, экспедиціи, и т. д. и всѣ они существовали до Учрежденія о Губерніяхъ, изданнаго Императрицею Екатериною II въ 1782 году. Прежде существовавшія разнаго рода присутственныя мѣста были замѣнены новыми, дѣла же прежнихъ лѣтъ и упраздненныхъ мѣстъ сданы для храненія въ Государственный Архивъ Старыхъ Дѣлъ. Тогда же, т. е. въ 1782 г., были назначены къ сдачѣ въ него дѣла: Коллегій-Камеръ: Юстицъ, Ревизіонъ и Экономіи; Канцеляріи—Конфискаціи и Губернской; Конторъ—Статсъ, Бергъ и Главной Соляной; Приказовъ—Суднаго и Каменнаго; Экспедицій—Розыскной и Монетной; Магистратовъ—Главнаго и Московскаго, и Словеснаго Суда. Въ послѣдствіи времени сюда же внесены документы слѣдующихъ присутственныхъ мѣстъ: 1) бывшей Московской Полиціи, 2) Винокуренной Экспедиціи, 3) Банковой Конторы съ Экспедиціями: Казанскою, Оренбургскою и Нижегородскою, 4) Коммиссій: а) о прекращеніи моровой язвы, б) о Дмитровскомъ воеводѣ Жеребцовѣ, в) о починкѣ присутственныхъ мѣстъ, г) о строеніи Москвы и С. Петербурга, д) о бывшемъ Пензенскомъ воеводѣ Жуковѣ; 5) Ямской Конторы; 6) по милиціямъ: а) Московской, б) Владимірской, в) Рязанской и др. Кромѣ того въ 1800 году, по предписанію Генералъ-Прокурора, поступило сюда 709 вязокъ и столбцовъ дѣлъ Преображенскаго Приказа, найденныхъ въ 1798 году подъ московскимъ

Благовѣщенскимъ Соборомъ. Въ слѣдующемъ 1801 году поступило въ тотъ же Архивъ 52 сундука дѣлъ Тайной Экспедиціи.

Затѣмъ въ 1809 году къ Архиву Старыхъ Дѣлъ присоединенъ Архивъ Ревизіонъ-Коллегіи, а въ 1834 году сюда же поступили дѣла упраздненнаго С. Петербургскаго Архива Старыхъ Дѣлъ.

Изъ этого обзора ясно, какія сокровища заключаетъ въ себѣ Государственный Архивъ Старыхъ Дѣлъ и какъ велико его значеніе для отечественной исторіи. Выслушаемъ мнѣніе объ этомъ самаго автора: Въ Архивѣ этомъ заключается богатѣйшее и можно сказать единственное въ Россіи собраніе древнихъ грамотъ, объемлющее пространство времени отъ второй половины XIV до начала XVIII столѣтія, т. е. почти весь московскій періодъ, самый богатый постепеннымъ развитіемъ права, во всѣхъ его отрасляхъ. Юристъ-изслѣдователь здѣсь найдетъ неисчерпаемый источникъ для экзегетической обработки отечественной юриспруденціи. Хранящіяся въ архивѣ грамоты, не только разрѣшатъ для него всѣ юридическіе вопросы, сотнями примѣровъ древняго судопроизводства, и объяснятъ приложеніе къ тогдашней практикѣ извѣстныхъ уже законовъ, но даже отроютъ многіе же факты законодательства, теперь и не подозрѣваемые учеными, и пополнятъ тѣ значительные пробѣлы, которые мы замѣчаемъ въ исторіи отечественнаго права. Кромѣ того, это собраніе служитъ неистощимымъ запасомъ для нашей палеографіи и дипломатики. Ученый и трудолюбивый Монфоконъ, отецъ палеографіи, для составленія греческой дипломатики пересмотрѣлъ всѣ извѣстнѣйшія европейскія библіотеки. Русскому Монфокону не нужно много путешествовать: стоитъ тщательно изучить грамоты Государственнаго Московскаго Архива Старыхъ Дѣлъ, чтобы возвести палеографію и дипломатику нашу на степень науки. Историкъ отечественный, разсмотрѣвъ эти грамоты, писанныя въ теченіе пяти столѣтій, увидитъ въ числѣ ихъ множество разныхъ документовъ, совершенныхъ лицами, извѣстными въ нашей исторіи. Тутъ откроетъ онъ богатый источникъ для нашей отечественной генеалогіи знаменитыхъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій. Но едва ли неполезнѣе всѣхъ этихъ случаевъ, эти грамоты для исторіи Россійской Церкви и ея Іерархіи.... смѣло можно сказать, что нигдѣ во всей Россіи нѣтъ такого количества матеріаловъ для составленія іерархическихъ списковъ,—труда, необходимаго для нашей церковной и гражданской исторіи. Кромѣ того, въ дѣлахъ Патріаршихъ Приказовъ и Коллегіи Экономіи сосредоточены документы, относящіеся до недвижимыхъ имѣній нашего монашe-

ствующаго духовенства. Ревизіонъ, Каммеръ и прочія Коллегіи показываютъ приходы и расходы денежныхъ суммъ, и вообще все, что произвела наша древняя юриспруденція и администрація для пользы государственнаго хозяйства, и особенно въ эпоху преобразованія Россіи Петромъ Великимъ.

Справедливость словъ этихъ подтверждается описаніемъ дѣятельности тѣхъ присутственныхъ мѣстъ, которыхъ производства поступили въ Архивъ Старыхъ Дѣлъ. Въ изложеніи этого предмета авторъ начинаетъ съ Приказовъ, отмѣчаетъ, чѣмъ каждый изъ нихъ завѣдывалъ и въ чемъ заключаются оставшіяся по немъ дѣлопроизводства, за тѣмъ переходитъ къ коллегіямъ, ихъ конторамъ, къ канцеляріямъ и различнымъ комиссіямъ, для особенныхъ случаевъ учрежденнымъ. Вполнѣ уважая подобный трудъ и отдавая полную справедливость умѣнью автора пользоваться находящимися у него подъ руками документами, мы не можемъ однако не замѣтить недостатка системы въ изложеніи, отъ чего занимательныя иногда свѣдѣнія остаются отрывочными и мало объясняютъ предметъ въ полномъ его объемѣ. Съ другой стороны авторъ не воспользовался трудами гг. Мальгина, Успенскаго, Неволина, Гагемейстера, Кавелина и др., писавшихъ объ устройствѣ древнихъ присутственныхъ мѣстъ, и даже не указалъ на эти сочиненія, которыя въ нашей историко-юридической литературѣ признаются за основныя и къ которымъ книга г. Иванова составляетъ отличное дополненіе.

Несмотря однако на эти недостатки, догматическая часть книги, которой заглавіе мы выписали выше, открываетъ много новаго для исторіи отечественной администраціи и для древняго нашего судопроизводства. Особеннаго, по нашему мнѣнію, вниманія заслуживаютъ свѣдѣнія о Патріаршихъ Приказахъ, раздѣлявшихся на Патріаршій Разрядъ, на Приказы Дворцовый, Казенный, Монастырскій, Духовный, Книгопечатнаго Дѣла и Церковныхъ Дѣлъ. Дѣятельность ихъ была посвящена охраненію церковнаго собственно благочинія и управленію имѣніями, церкви и духовенству принадлежавшими. Въ Архивѣ хранится объ этомъ предметѣ очень много свѣдѣній, изъ которыхъ нѣкоторыя мы увидимъ при изложеніи содержанія присоединенныхъ къ описанію приложеній. По этому же отличается своею подробностью исторія Экономіи-Коллегіи, завѣдывавшей высшимъ надзоромъ за управленіемъ духовными имѣніями и за сборомъ съ нихъ доходовъ. Нѣсколько разъ она была переименовываема, вѣряема разнымъ лицамъ, и излагая исторію этой Коллегіи не-

вольно излагается исторія образа воззрѣнія государства на церковныя недвижимыя имѣнія, до окончательнаго обращенія ихъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины II, въ казенныя. Какъ богатъ Архивъ Старыхъ Дѣлъ свѣдѣніями, до этого предмета относящимися и какъ велико его значеніе для исторіи нашей церкви вообще и преимущественно гражданскихъ отношеній, изъ быта духовенства возникавшихъ, видно изъ того, что въ дѣлахъ Коллегіи Экономіи хранится болѣе 15,000 подлинныхъ грамотъ и выписей, отобранныхъ отъ духовнаго вѣдомства при поступленіи этихъ имѣній въ вѣдомство ея. Нѣкоторыя изъ тѣхъ грамотъ принадлежатъ XIV столѣтію, и первое между ними мѣсто занимаетъ дарственная грамота Рязанскаго Князя Олега, писанная на пергаментѣ и относящаяся къ 1380 году. Много также грамотъ XV столѣтія, и въ особенности изобилуетъ архивъ грамотами царствованій Великаго Князя Іоанна Васильевича III и Царя Іоанна IV Грознаго.

Не останавливаясь болѣе на историческомъ изложеніи вѣдомства упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ, дѣла которыхъ хранятся въ Государственномъ Архивѣ, будучи убѣждены, что послѣ приведеннаго нами выше, никто изъ любителей нашей старины не оставитъ безъ вниманія этого полезнаго изданія, мы прямо переходимъ ко второй, бо́льшей половинѣ труда г. Иванова—къ *Приложеніямъ къ описанію Архива*. Они заключаютъ въ себѣ судныя дѣла, грамоты и другіе юридическіе документы, выписки изъ нѣкоторыхъ любопытныхъ актовъ, и вѣдомости о числѣ документовъ, хранящихся въ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ.

Не исчисляя всѣхъ тѣхъ любопытныхъ актовъ, которые напечатаны въ приложеніяхъ къ книгѣ г. Иванова, мы укажемъ только на важнѣйшіе изъ нихъ, и приведемъ ихъ содержаніе. Первое между ними мѣсто занимаютъ судныя (правыя) и межевыя (разъѣзжія) грамоты. Первыя какъ нельзя лучше разъясняютъ древнее наше судопроизводство, показываютъ, какія лица и какое именно принимали въ судѣ и въ произнесеніи приговора участіе, какимъ при этомъ руководствовались правилами, какія доказательства имѣли значеніе и при какихъ данныхъ могло быть рѣшаемо дѣло. Напечатанныя нынѣ судныя дѣла служатъ отличнымъ дополненіемъ къ обнародованнымъ прежде Археографическою Коммиссіею и нѣкоторымъ другимъ правымъ грамотамъ. Преимущественно обращаемъ вниманіе читателей на судныя дѣла о землѣ митрополичьей Спасскаго села съ Семеномъ Терпиловымъ и о землѣ монастырскаго села Нагощинскаго съ Машковымъ. Что касается до разъ-

ѣзжихъ грамотъ, то они не только важны потому, что опредѣляютъ техническій способъ самого межеванія, что указываютъ на то, какъ проводились грани на березовый пень, на осину дуплистую, на какой-нибудь оврагъ и пр., но кромѣ того показываютъ, какія данныя принимались за основаніе при отведеніи земли тому или другому лицу, какіе при томъ возникали споры и какъ они разбирались. Особенно много встрѣчаемъ здѣсь свѣдѣній о *знахаряхъ* и *старожильцахъ*, на слова которыхъ, какъ людей, помнившихъ задолго, какъ шла межа, писецъ вполнѣ полагался, и показаніямъ которыхъ, сдѣланнымъ послѣ увѣщанія—сказать Божію и Государеву правду—судья вполнѣ довѣрялъ, какъ главному источнику при открытіи истины, за недостаткомъ другихъ, болѣе положительныхъ доказательствъ, грамотъ и т. п.

За тѣмъ представлено г. Ивановымъ нѣсколько жалованныхъ разнаго рода грамотъ, на освобожденіе отъ общаго суда и управленія, отъ обыкновенныхъ податей и повинностей, на льготы при совершеніи разныхъ сдѣлокъ и условій и т. п. Они имѣютъ общій интересъ и не представляютъ ничего особеннаго при той массѣ изданныхъ уже разнообразнѣйшаго содержанія жалованныхъ и тарханныхъ грамотъ, которая уяснила вопросы, до этого предмета касающіеся.

Всего болѣе у г. Иванова документовъ, относящихся до управленія и вообще быта церквей и монастырей, что̀ объясняется множествомъ актовъ, хранящихся въ Архивѣ и до этого предмета относящихся. Поэтому мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ объ этого рода документахъ.

Царская грамота Тобольскому Архіепископу Макарію объ управленіи епархіею, 1625 года, кромѣ того, что опредѣляетъ въ подробности права и обязанности сибирскаго архипастыря по отношенію къ церковному управленію, клиру и церковнымъ имуществамъ, замѣчательна потому, что заключаетъ въ себѣ положительное свидѣтельство объ участіи архипастыря въ управленіи свѣтскомъ: лицу этому вмѣнено въ обязанность «о которыхъ будетъ о Государевыхъ о всякихъ думныхъ дѣлахъ учнутъ съ нимъ, съ архіепископомъ, боярин, и воеводы и діаки совѣтовати, и архіепископу о томъ съ ними совѣтовати, и мысль своя имъ во всякія дѣла давати, опричъ убивственныхъ и кровныхъ всякихъ дѣлъ, а тои боярскіе и воеводскіе мысли никакъ ни съ кѣмъ не говорити.»

Драгоцѣнна также, по заключающимся въ ней свѣдѣніямъ, царская грамота 1648 года въ Бѣлгородъ, объ уничтоженіи су-

свѣрій и исправленія нравовъ. Много сохранилось въ народѣ обычаевъ, игръ и увеселеній, объ уничтоженіи которыхъ заботились свѣтская и духовная власти. Мы имѣемъ нѣсколько подобнаго содержанія грамотъ, но та, которой заглавіе мы сейчасъ выписали, превосходитъ другія подробнымъ исчисленіемъ запрещенныхъ игръ въ слѣдующемъ наставленіи: «чтобы отъ безмѣрнаго пьянаго питья уклонялися и были въ твердости и скомороховъ съ домрами и съ гусли и съ волынками и со всякими игры и ворожей и мужиковъ и бабъ, къ больнымъ и ко младенцомъ въ домъ къ себѣ не призывали, и въ первый день луны и въ громъ на водахъ не купались, и съ серебра по домамъ не умывались, и олова и воску не лили, и зернью и карты и шахматы и лодыгами не играли, и медвѣдей не водили, и ни какихъ бѣсовскихъ дивъ не творили, и на бракахъ пѣсней бѣсовскихъ не пѣли и никакихъ срамныхъ словъ не говорили, и по ночамъ на улицахъ и на поляхъ богомерзкихъ и скверныхъ пѣсней не пѣли, и сами не плясали и въ ладоши не били, и всякихъ бѣсовскихъ игръ не слушали, и кулашныхъ боевъ межъ себя не дѣлали, и на качеляхъ ни на какихъ не качались, и на доскахъ мужескаго и женскаго пола не скакали, и личинъ на себя не накладывали.» Нарушеніе этихъ предписаній влекло за собою болѣе или менѣе строгія наказанія.

Наконецъ для исторіи домашней жизни патріарховъ и вообще высшаго духовенства, равно какъ для исторіи быта и администраціи очень важны выписки: изъ описей Патріаршаго Приказа келейнымъ патріаршимъ вещамъ, 1630 года, изъ столовыхъ книгъ о кушаньяхъ, подававшихся святѣйшимъ патріархамъ россійскимъ въ нѣкоторые праздники и извѣстные дни года, и вѣдомость, сколько по переписнымъ 1700 года книгамъ состояло за монастырями и вообще за духовнымъ вѣдомствомъ крестьянскихъ дворовъ. Послѣдній преимущественно документъ, свидѣтельствующій о богатствѣ церквей и монастырей въ началѣ XVIII столѣтія и объясняющій причину преобразованія, произведеннаго Петромъ Великимъ въ управленіи церковными имѣніями, заслуживаетъ вниманія историка. Изъ памятника этого оказывается, что богаче всѣхъ монастырей былъ Троицкій-Сергіевъ, за которымъ съ приписными состояло 20394 двора; за тѣмъ слѣдуетъ Кирилловскій на Бѣлѣозерѣ съ 5316 дворами, за нѣкоторыми, преимущественно московскими и въ окрестностяхъ Москвы лежащими, которые посѣщались самими Государями и богатыми частными людьми, считалось болѣе 2000 дворовъ, за другими бывала тысяча и иногда не болѣе сотни дворовъ. Бѣднѣе мо-

настырей были, вообще говоря, церкви и архіерейскіе дома: за Патріархомъ впрочемъ въ 1700 и въ 1701 годахъ состояло 8842 двора, за Ростовскимъ Архіереемъ 4398, за другими менѣе. Церкви владѣли обыкновенно 10, 20 дворами, а нерѣдко за ними состоялъ одинъ только дворъ. Кромѣ того представленный г. Ивановымъ списокъ церквей и монастырей дополняетъ собою извѣстія о существовавшихъ въ Россіи въ XVII столѣтіи храмахъ и о состояніи ихъ.

Сверхъ этого, къ книгѣ г. Иванова прибавлены составленная въ алфавитномъ порядкѣ вѣдомость о числѣ хранящихся въ Государственномъ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ ландратскихъ книгъ и сказокъ 1, 2 и 3 ревизій по разнымъ городамъ и уѣздамъ, равно какъ 25 снимковъ съ документовъ XV, XVI и XVII столѣтій.

Въ заключеніе можемъ только изъявить составителю описанія благодарность, которую, конечно, чувствуетъ каждый, кто любитъ Россію и ея исторію. А какой просвѣщенный человѣкъ можетъ ихъ не любить!

Д.

СМѢСЬ.

ПОХОДНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ АФРИКѢ.

Зуавы и Спаги.

(*Изъ записокъ французскаго офицера* *.)

I.

Если вы когда-нибудь посѣтите Африку, если должны будете проѣзжать черезъ долину Верхняго-Ріу, не пускайтесь въ путь въ ноябрѣ—*отцъ бурь*. Вы завязнете въ глинистой почвѣ, превращенной потоками дождя въ топкую грязь.—Мы же должны были путешествовать по командѣ, — и намъ не позволили разсчитывать времени, дождя, снѣга, усталости.

Въ 1843 году, въ печальный ноябрскій вечеръ, собрались мы въ палаткѣ, стараясь согрѣться около впадины, насыпанной немногими горячими угольями. Крупныя дождевыя капли производили по холсту палатки стукъ, похожій на ударъ томпола. Этотъ звукъ былъ однообразенъ, печаленъ; онъ продолжался не по цѣлымъ часамъ, а по нѣсколькимъ днямъ сряду. У палатокъ стояли бѣдныя наши лошади, повернувшись задомъ

* См. *Майскую* книгу Сына Отечества.

къ вѣтру. По всему биваку царствовало глубокое молчаніе, нарушаемое иногда сильнымъ воззваніемъ дежурнаго квартирмейстера, надзирающаго за лошадьми, когда одна изъ нихъ, желая спастись отъ холода, обрывала свою коновязь и пускалась бѣгать по биваку.

Несмотря на вѣтеръ и дождь, нѣкоторые офицеры Зуавовъ, презирая бурю, пришли навѣстить насъ. Нѣсколько попонъ было тотчасъ же разостлано на погребцы, служившіе и стульями и столами. Въ честь гостей зажгли чашу водки, освѣщавшую насъ голубоватымъ своимъ огнемъ, — и всякой вынулъ изъ деревяннаго футляра почернѣвшую свою трубку. Вечеръ начался. «Когда желудокъ доволенъ, голова поетъ»—говоритъ арабская пословица; она права. Всѣ пустились въ разсказы африканскихъ своихъ одиссей. Сраженія, праздники, удовольствія, наѣзды, *радзіи*, даже и любовныя похожденія служили предметомъ разсказовъ, которые всѣ слушали со вниманіемъ. О тѣхъ, которые были менѣе насъ счастливы, и пали въ битвахъ, вспоминали мы и жалѣли—искренно. Когда равнодушные читатели газетъ черезъ часъ забывали объ имени, упомянутомъ съ честію въ реляціи, это имя свято сохранялось въ памяти общаго его семейства—въ полку, и всегда воспоминалось съ сердечнымъ чувствомъ.

Такимъ образомъ вспомнили мы поочередно парижскихъ волонтеровъ и батальйоны хартіи, бывшіе первымъ кадромъ Зуавовъ; вспомнили о штурмѣ Константины и подполковникѣ Ламориссьерѣ,—а также всѣ безчисленныя сраженія, въ которыхъ прославились Зуавы. Послѣ того вспомнили о подполковникѣ Пейрагеѣ, этомъ сѣдомъ воинѣ, бывшемъ сержантомъ на островѣ Эльбѣ. Послѣ тысячи опасностей, отъ которыхъ онъ избѣжалъ, умеръ онъ въ Тлемсенѣ, пораженный выстрѣломъ въ грудь. Въ прошедшихъ событіяхъ всякой забывалъ самъ себѣ,—и я помню еще то благоговѣйное молчаніе, съ которымъ всѣ мы слушали разсказъ о шестимѣсячномъ пребываніи Зуавовъ, въ 1840 году, въ разрушенномъ городѣ Медеахѣ.

— Чего не сдѣлаешь съ нашими Зуавами?—говорилъ разсказчикъ.—Нѣтъ тропинки, гдѣ бы не раздавался ихъ выстрѣлъ, нѣтъ куста, не ознаменованнаго какимъ-либо ихъ подвигомъ. Помните ли, въ прошломъ году, какъ вы возвращались изъ Мліаната, мы съ вами встрѣтились близъ Митиджи, у входа въ тѣснину Карубетъ-эль-Узери? У этого небольшаго возвышенія съ бѣловатою вершиною, гдѣ вы остановились тогда, совершенъ былъ подвигъ, о которомъ мы всѣ помнимъ. Тутъ, пред-

водя своею ротою, былъ убитъ капитанъ д'Аркуръ. Капитанъ Боскъ слишкомъ поспѣшно оставилъ передъ этимъ важную позицію—и полковникъ Кавеньякъ принужденъ былъ занять ее снова. Рота д'Аркура послана была для этого. Бѣговымъ шагомъ бросилась она на высоту; д'Аркуръ шелъ впереди—и пуля поразила его въ голову. Сраженіе было очень жаркое. Съ одной стороны надобно было всходить на-гору, по тропинкѣ, взрытой ложлями. Три Зуава, фурьеръ, сержантъ по имени Разенъ и туземный капралъ, Кабилъ, пошли по этой тропинкѣ. У самой вершины, старый сержантъ, украшенный орденомъ, увидѣвъ, что молодой и живой фурьеръ опередилъ его, закричалъ ему: Эй! рекрутъ! развѣ ты хочешь попасть прежде меня? Дай дорогу старшему, да поживѣе!

— Это справедливо! — отвѣчалъ тотъ, приложа руку къ козырьку, и сталъ позади.

Разенъ не сдѣлалъ еще и трехъ шаговъ, какъ палъ мертвый. Фурьеръ бросился впередъ,—и пуля положила его подлѣ сержанта. Капралъ—Кабилъ подбѣжалъ къ нему.

— Нѣтъ!—вскричалъ фурьеръ, — спасай Разена,—а я еще дотащусь самъ.

Но въ ту самую минуту, какъ капралъ поднялъ на плеча трупъ сержанта, пуля положила и его на мѣстѣ. Тогда фурьеръ сорвалъ съ сержанта крестъ, и не смотря на тяжелую свою рану, проползъ между кустарниками къ батальйону, и явился къ начальнику.

— Вы видите, г. подполковникъ,—сказалъ онъ, что я самъ Разенъ и не могъ принести сержанта; но я спасъ, по-крайней-мѣрѣ, крестъ.

При этомъ онъ показалъ на руку свою, висѣвшую безъ движенія *.

Когда офицеръ Зуавовъ окончилъ свой разсказъ, на лагерныхъ часахъ было одиннадцать. Слово *часахъ* конечно метафора. Это былъ просто барабанъ дежурнаго, который палками выбивалъ на своемъ инструментѣ число часовъ. По этому сигналу часовыхъ,—и благодаря всеобщему молчанію, мы могли слышать при этомъ шутки сержанта, который кричалъ отставшему солдату:

— Ну что? примерзъ? Не разогрѣть ли мнѣ тебя!

* Начальникъ Зуавовъ, подполковникъ Кавеньякъ, слишкомъ извѣстный потомъ диктаторъ Французской Республики, объявилъ о всѣхъ этихъ подвигахъ въ приказѣ.

— Да вѣдь ты видишь,—отвѣчалъ солдатъ,—что я по колѣна увязъ въ грязи. Развѣ можно тутъ идти?

— Болванъ! рекрутъ!—вскричалъ сержантъ. — Развѣ ты не знаешь, что тамъ гдѣ нельзя идти, тамъ надо бѣжать.

Послѣ этой остроты, мы распростились. Всѣ, которымъ надобно было расходиться, набросили на головы капишоны кабáна, подобрали нижнее платье, и проклиная погоду, бросились бѣгомъ, слѣдуя наставленію сержанта.

На другой день мы выступили, — а мѣсяцъ спустя, возвратясь къ своему гарнизону, опять сошлись съ тѣми же офицерами, которые были нашими товарищами въ Верхнемъ-Ріу. Разсказывавшій намъ о тягостномъ пребываніи Зуавовъ зимою 1840 года въ Медеахѣ, сообщилъ мнѣ журналъ, который тогда велъ. Это была довѣренность уединенія, любопытная статья страданій африканской арміи. Эпиграфомъ журнала были слова Блеза Монлюка: *Plust à Dieu, que nous qui portons ces armes prinsions cette coutume d'escrire ce que nous voyons et faisons, car il me semble que cela seroit mieux accomodé de notre main, j'entends des faits de la guerre, que n'ont pas de gens de lettres, car ils déguisent trop les choses et cela sent son clerc*, (Дай Богъ, чтобъ всѣ военные пріучались бы записывать все, что видятъ и дѣлаютъ. Мнѣ кажется, что мы, разумѣется, почасти военныхъ происшествій, лучше бы написали, нежели литераторы, которые слишкомъ искажаютъ происшествія и думаютъ только о письменности).

Журналъ этотъ требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Въ 1840 году война была еще у воротъ Алжира,—и мы были отрѣзаны отъ Митиджи. Если французскіе гарнизоны занимали Медеахъ и Миліанахъ, то надобно было употреблять цѣлую армію, чтобъ доставлять имъ съѣстные припасы. Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года двинулись на помощь къ миліанахскому гарнизону, который голодомъ и болѣзнію совсѣмъ почти былъ истребленъ. Изъ 1400 человѣкъ умерло 720, а 500 были въ госпиталяхъ. Остальные едва могли держать ружья. Еще бы нѣсколько дней,—и городъ былъ бы взятъ, потому-что некому бы было защищать его. Всѣ эти живые трупы отправлены были на вьючныхъ лошадяхъ.

Можно вообразить себѣ, что подобное зрѣлище сдѣлало сильное впечатлѣніе на армію, — потому-что если уже лѣтомъ гарнизонъ подвергся подобнымъ страданіямъ, то чего же было ожидать зимою? Надобно было однакоже смѣнить гарнизонъ Медеаха, какъ смѣнили въ Миліанахѣ. Маршалъ Валé хотѣлъ

послать туда только испытанныхъ и окрѣпшихъ людей, которые, по чувству чести и пріобрѣтенной уже славы, могли бы перенести всѣ нужды и страданія одиночества. Назначили туда Зуавовъ.

II.

18 ноября 1840 года, два батальйона Зуавовъ, каждый въ пять сотъ человѣкъ, командуемыхъ гг. Рено и Лефло, вступили въ Медеахъ, гдѣ должны были содержать гарнизонъ въ продолженіе всей зимы, подъ начальствомъ подполковника Кавеньяка, назначеннаго комендантомъ.

По принятому обычаю, называютъ всегда Медеахъ городомъ. Но въ самомъ-то дѣлѣ надобно бы было сочинить особенное названіе для этого собранія развалинъ и хижинъ. Зуавы смѣнили 23-й полкъ,—и одинъ изъ ушедшихъ офицеровъ былъ моимъ благодѣтелемъ, оставя мнѣ въ наслѣдство баранью шкуру, столъ, лавки, два сундука и нѣсколько сосудовъ. Все это было неоцѣненнымъ пособіемъ посреди всеобщей бѣдности.

19 числа армія разсталась съ нами. Въ половинѣ восьмаго снялась она съ лагеря,—и вскорѣ послѣдніе ряды арьергарда исчезли за Надарскою горою. Казалось, что съ ними исчезаетъ послѣдній образъ, послѣднее воспоминаніе Франціи. Дай Богъ, чтобъ съ нами случились какія-нибудь происшествія, иначе мы умремъ со скуки.

Сегодня поутру мы могли судить, какъ велики наши владѣнія. Полковникъ Кавеньякъ приказалъ зарядить одну пушку ядромъ и выстрѣлить изъ нее. Мы съ недоумѣніемъ смотрѣли на то мѣсто, гдѣ ядро врылось въ землю.

Вотъ граница нашихъ владѣній, сказалъ онъ, обращаясь къ намъ и указывая на пыль отъ взрытой земли.

Помѣщеніе солдатъ самое ужасное. Люди едва могутъ укрыться отъ непогоды въ такъ называемыхъ казармахъ. Госпиталь не что иное, какъ отвратительная хижина. Но дѣлать нечего. Надобно брать, что есть. По счастію, намъ оставили хорошихъ съѣстныхъ припасовъ, и благодаря нашей заботливости о сна-

дахъ, мы надѣемся, что у насъ не будетъ недостатка по этой части.

Каждой ротѣ роздано по пятидесяти коекъ. Каждому солдату дано по мѣшку и по полуодѣялу. Армейскіе обозы не могли привезти полнаго количества этихъ вещей. Недостаетъ по десяти штукъ на роту, но изобрѣтательность Зуавовъ дополнила ихъ. Старые мѣшки канцелярій набиты были сѣномъ и превратились въ матрацы. Старая шерсть, найденная въ городѣ, зашита была между холстами двухъ мѣшковъ,—и вотъ импровизованныя одѣяла.

На разсвѣтѣ дня начались работы. Маленькая наша колонія устроилась. Отысканы мастеровые въ каждой ротѣ, и посажены за дѣло. Нашлись даже садовники, которые подъ управленіемъ капитана Пейрагея принялись за разведеніе сада. Всѣ Зуавы веселы и довольны. Даже бычачьи шкуры употреблены въ дѣло. Они розданы солдатамъ, произведеннымъ въ башмачники, съ обязанностію ежедневно чинить обувь гарнизона. Всѣ эти работы не трудны, и благодаря усердію нашихъ солдатъ, мы проведемъ здѣсь время заточенія, если не весело, то, по-крайней-мѣрѣ, безъ излишней скуки.

Гуляя около городскихъ стѣнъ, нашли мы маленькой оврагъ съ бекасами и куропатками. Это прекрасная находка. Впрочемъ, въ этотъ день счастіе благопріятствовало намъ повсюду. Телеграфъ Анъ-Телазитскаго поста передалъ намъ слѣдующую депешу:

«Армія вступила въ Блидахъ безъ сопротивленія. Большин-
«ство. Палаты поддержало новое министерство. Герцогиня
«Орлеанская разрѣшилась отъ бремени сыномъ, Герцогомъ
«Шартрскимъ».

Еслибъ мы были во Франціи, или хотя, по-крайней-мѣрѣ, въ Алжирѣ, то приняли бы эти новости довольно равнодушно. Но мы уже шесть дней были совершенно отдѣлены, и должны провесть много мѣсяцевъ, не получая никакой вѣсти. Эти слухи изъ Франціи взволновали насъ тогда, какъ будтобы мы были участниками на сценѣ дѣйствій.

Вечеру мы много разговаривали о телеграфѣ и разсказывали много анекдотовъ о немъ: Вотъ одинъ, который я вспомнилъ.

У кого нѣтъ своего *конька?* Генералъ Дювинье ужасно любилъ быть въ совершенной блокадѣ. Сперва онъ стоялъ въ Блидахъ, потомъ въ Медеахъ. Онъ былъ назначенъ тутъ комендантомъ, и не хотѣлъ видѣть никакихъ сигналовъ Анъ-

Телаитскаго телеграфа. Напрасно тотъ размахивалъ своими крыльями самымъ краснорѣчивымъ образомъ: генералъ былъ слѣпъ и глухъ. Наконецъ маршалъ Вале былъ выведенъ изъ терпѣнія, и подалъ по телеграфу слѣдующее начало депеши: «Повелѣніемъ 16 числа пожалованы вы.... (прервано туманомъ)».—Дювивье, ожидавшій производства въ генерал-лейтенанты, тотчасъ же увидѣлъ знаки телеграфа и потребовалъ продолженія. Телеграфъ дѣйствительно продолжалъ: «Пожалованы вы кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона 2-й степени».—За этимъ слѣдовалъ цѣлый рядъ приказовъ.

Въ ужасную декабрскую непогоду окончилъ я свое помѣщеніе на новосельи. Квартира моя украшена разбитымъ зеркаломъ, четырьмя литографіями *Шаривари*, столомъ, сдѣланнымъ изъ сухарнаго ящика. Въ окно мое вѣтеръ нетакъ сильно продуваетъ. Каминъ хорошъ. Вообще квартира моя довольно комфортебельна. Много вечеровъ пройдутъ здѣсь въ вистѣ. Унасъ три игры картъ,—и ихъ должно намъ достать на цѣлые полгода.

Разбойникъ, пришедшій къ намъ продавать украденнаго мула, сообщилъ, что бей Миліанаха, Сид-Эмбаремъ, стоитъ у Шелифскаго моста, а Эль—Беркани, намѣстникъ Абд-Эль-Кадера на востокѣ, находится въ трехъ лье отъ насъ къ югу.

Этотъ воръ точно также занимается своимъ званіемъ, какъ мы бы были судьею, адвокатомъ и т. п. Онъ хвастается своею храбростію и честью.

Когда погода немного выяснилась, я обошелъ городскую стѣну, и въ одномъ углу нашелъ подъ великолѣпнымъ кипарисомъ могилу, воздвигнутую генераломъ Дювивье въ честь подполковника Шарпенея, убитаго передъ этимъ городомъ. На надгробномъ камнѣ была слѣдующая надпись:

A Dieu.
Par la patrie reconnaissante
A Charpeney,
Lieutenant-colonel au 23-me de ligne
Combat du 3 juillet.
1840.

Около этой могилы, какъ въ самый день битвы, лежали четыре офицера того же полка, убитые вмѣстѣ съ нимъ.

Дурная погода принудила меня опять воротиться съ прогулки. Она продолжается уже нѣсколько дней,—и заставляетъ насъ бояться за наше стадо. Всѣ перегородки въ домахъ снаты,

чтобъ построить сарай для скота. При этомъ разрушеніи перегородокъ открыли мы истинное сокровище! Это былъ большой запасъ соли, которая ровными слоями была вмазана при построеніи арабской печи. Мы ее всю собрали и сдали въ магазинъ, продолжая дальнѣйшіе розыски.

Два Зуава изъ туземцевъ, которыхъ срокъ службы кончится въ январѣ, вызвались доставить объ насъ свѣдѣніе къ маршалу въ Блидахъ. Если они исполнятъ это порученіе, то получатъ отставку тотчасъ по прибытіи. Предложеніе ихъ было принято, и подполковникъ отправилъ ихъ при наступленіи ночи. Да хранитъ ихъ Богъ! Они понесли письмо къ моей матери. Пусть всѣ опасности минуютъ ихъ. Она будетъ счастлива, получивъ отъ меня строчку. Мы съ ними разстались, какъ съ людьми, идущими на смерть. Сами они очень спокойны и почитаютъ себя уже свободными.

Со времени нашего прибытія въ Медеахъ, мы всякой день занимались устройствомъ нашего лагеря. На форпостахъ были только незначительныя перестрѣлки съ арабскими мародерами. Только 13 числа ожидали мы общаго сраженія. Окрестныя высоты покрылись Кабилами, которые готовились къ бою. Большая часть изъ нихъ бросилась на восточную сторону, къ фермѣ Дея. Гарнизонъ былъ готовъ принять ихъ. Дѣло было довольно жаркое—и стоило намъ нѣсколькихъ раненыхъ. Но Зуавы бросились преслѣдовать непріятеля на 1500 метровъ отъ города, и доказали, что на нихъ не нападаютъ безнаказанно.

Послѣ этого эпизода, мы продолжали свой прежній образъ жизни, занимаясь хозяйствомъ. Сегодня поутру дѣлали мы масло изъ бычачьихъ ногъ. Ихъ просто варятъ въ водѣ, и снимаютъ жиръ, всплывающій наверхъ. Еслибъ это масло очищать, то оно могло бы служить въ пищу, но теперь мы только употребляемъ его для смазки оружія.—Мы надѣлали себѣ также дроби для охоты, которой у насъ недоставало. Способъ выдѣлки очень простъ. Надобно сдѣлать маленькій открытый ящикъ, котораго дно состоитъ изъ обыкновенной игральной карты. Послѣдняя просверлена дырами разной величины, смазана масломъ съ обѣихъ сторонъ, и обсыпана водородно-хлористокислымъ аммоніакомъ (hydrochlorate d'ammoniaque). Въ ящикъ льютъ растопленный свинецъ, проходящій шариками въ отверстія и падающій въ воду, поставленную подъ него. Сосудъ съ водою долженъ быть на четыре, или пять дюймовъ отъ ящика. Наливая свинецъ, ударяютъ по ящику, дабы придать ему сколь можно правильное круговое движеніе. Главное дѣло тутъ

въ степени расплавленнаго состоянія свинца. Надобно давать ему остывать, покуда онъ будетъ наводить на бумагу только пригорѣлый цвѣтъ.

Покуда охотники работаютъ для своего удовольствія, Зуавы чинятъ свою одежду и придумываютъ даже новыя средства къ этому. По приказанію полковника выданы намъ мѣшки. Изъ этого толстаго холста и бычачьихъ ребръ, каждый солдатъ будетъ имѣть пару запасныхъ штиблетовъ. Старинный пуговичный мастеръ взялся надзирать за этою работою. Что же касается до нитокъ, то старые артиллерійскіе пыжи снабжаютъ насъ ими. Мы ихъ собираемъ по конюшнямъ, гдѣ они служили къ перевязкѣ лошадей. Нѣтъ ничего любопытнѣе какъ видѣть этихъ старыхъ усачей бронзоваго цвѣта лица, изукрашенныхъ ранами, прядущихъ паклю, какъ старыя бабы. Это въ-самомъ-дѣлѣ славное войско, которое столь же хорошо въ минуты опасности, какъ и для перенесенія усталости. Эти солдаты ничѣмъ не затрудняются. Съ хорошимъ начальникомъ они надѣлаютъ чудеса.—Надѣемся, что и теперешнее испытаніе окончится счастливо.

Къ намъ прибылъ 17 числа дезертеръ изъ Триполи. — Онъ былъ схваченъ съ южнымъ караваномъ, приведенъ, послѣ разныхъ происшествій, въ Беркани, и принужденъ служить въ регулярныхъ войскахъ Эмира. Этотъ человѣкъ будетъ намъ служить проводникомъ при рекогносцировкѣ, которую мы предпринимаемъ сдѣлать къ Назору. Эта страна покрыта богатѣйшею растительностію, на которой видны слѣды наилучшаго искуственнаго орошенія полей. Вѣрно у Арабовъ сохранились объ этомъ преданія, подобно какъ въ Каталоніи и Руссильонѣ. Сообщивъ намъ разныя любопытныя подробности о нѣкоторыхъ стычкахъ, дезертеръ этотъ подтверждаетъ извѣстіе, что въ лагерѣ Абд-эль-Кадера есть англійскіе офицеры,—о чемъ уже было извѣстно и маршалу Вале. Одинъ изъ нихъ находился 27 октября въ Оливковомъ лѣсу. Одинъ гибралтарскій жидъ привелъ этого офицера изъ Марокко. Дезертеръ видѣлъ его въ продолженіе двухъ дней,—и офицеръ исчезъ уже тогда, какъ дивизія наша подошла къ тѣснинѣ.

Возвратясь въ городъ, нашли мы телеграфическую депешу, сообщавшую о присылкѣ въ Алжиръ знамени, которое такъ давно обѣщано было Зуавамъ. Всѣ обрадовались этой вѣсти. Полковникъ Кавеньякъ отдалъ объ этомъ въ приказѣ,—и одни видѣли въ этомъ награду за долголѣтнюю службу, другіе смотрѣли, какъ на поощреніе къ будущимъ подвигамъ.

23-го числа, во-время вечернихъ сумерекъ, два Зуава отправились въ Алжиръ. Это два храбрые солдата, одинъ Турокъ, а другой Арабъ. Сперва послѣдній хотѣлъ идти одинъ.

— Зачѣмъ? — спросили у него.

— Я лучше хочу одинъ успѣть, или одинъ умереть, — отвѣчалъ онъ.

— Но если ты встрѣтишь непредвидимое препятствіе, то скорѣе преодолѣешь его съ товарищемъ.

— Я ничего не боюсь. Судьба написана *тамъ*! Я готовъ покориться ей, когда Богу будетъ угодно. Это такъ вѣрно,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Кавеньаку,—что ты можешь предложить меня маршалу въ должность безсмѣннаго курьера. Я буду ходить къ вамъ взадъ и впередъ сколько угодно, съ тѣмъ, чтобы могъ каждый разъ проводить недѣлю съ моею Зюльмою.

Дѣйствительно, онъ проводилъ по цѣлой недѣлѣ дни въ кофейномъ домѣ, накуривъ бороду благовоніями, напрыскавъ фуляръ розовою эссенціею, слушая плохую музыку на гитарѣ, выкуривая по сту трубокъ благовоннаго табаку и продолжая пить безпрестанно кофе и анисовую водку; ночь же—у своей Зюлемы. И послѣ цѣлой недѣли лѣни, бездѣйствія, роскоши, упоенія, вдругъ опять являлся посреди всеобщей нищеты и опасностей.

Бен-Шерги, нашъ Арабъ, хотѣлъ даже отправиться безъ оружія. Насилу уговорили мы его взять пистолетъ. Черезъ два дни сообщили намъ по телеграфу, что наши два Зуава прибыли въ Блидахъ. Но изъ Франціи не было никакихъ извѣстій. Что тамъ дѣлаютъ? Чѣмъ занимаются?

На-днихъ одинъ туземный Зуавъ распѣвалъ слѣдующую пѣсню:

«О вѣтеръ, отдай поклонъ друзьямъ, и спроси ихъ: что они дѣлаютъ?

«Куда они пошли: въ Аравію, или въ Персію,—и гдѣ остановились?

«Скажи имъ, что я о нихъ помню,—и оставь имъ воспоминаніе обо мнѣ».

«У всѣхъ мимолетныхъ птицъ спрашиваю я извѣстій объ васъ,—и ни одна не отвѣчаетъ мнѣ.

«Обласкай самымъ тихимъ дуновеніемъ ту, которую я люблю.

«О вѣтеръ! ты летишь къ ней, но никогда не возвращаешься.»

Эта старая пѣсня Араба опечалила меня, — и я заперся во весь вечеръ у себя, чтобъ мечтать о тѣхъ, кого люблю: о матери, о сестрѣ, о третьемъ еще дорогомъ существѣ. Во Фран-

ціи они не знаютъ всѣхъ мучительныхъ минутъ нашей алжирской жизни. Здѣсь всегда видишь одни и тѣже лица. Этихъ людей, конечно, любишь, уважаешь, но заранѣе знаешь даже всѣ ихъ шутки. Мы на свободѣ, а въ самомъ-дѣлѣ въ темницѣ, и цѣлые дни проходятъ безъ малѣйшей пищи для ума. Жить въ такой могилѣ, зная, что свѣтъ близко тебя; жить въ темницѣ, зная, что около тебя всѣ движенія новостей, — повѣрьте, это жестоко, — и часто самыя твердыя души впадаютъ въ уныніе. Физическая усталость, конечно, бываетъ нестерпима. Противу дождя, стужи, снѣга—едва есть убѣжище, и надобно быть готовымъ при первой тревогѣ,—но наши тѣла свыклись давно съ нуждою и трудами: только печаль уединенія убиваетъ.

Кажется, я ощутилъ минуту слабости. Когда гроза гремитъ въ воздухѣ, благодѣтельный дождь возвращаетъ землѣ всю свѣжесть. Кажется, что сердце тоже по временамъ чувствуетъ необходимость жаловаться. Но оно опять ободряется, мужество возвращается,—и человѣкъ начинаетъ опять думать о величіи собственныхъ своихъ дѣлъ. Будутъ ли они во Франціи когда-нибудь знать: сколько слезъ, крови и трудовъ стоитъ Африка?...

III.

Отпраздновавъ день Рождества, мы черезъ четыре дни потомъ стояли въ три часа утра на военной площади, въ глубочайшемъ молчаніи, ружье на перевѣсъ, патронташъ около пояса. Мы собирались произвести набѣгъ со стороны Узерской долины, по сѣверному склону Надара. Благодаря туманной погодѣ и большому восточному вѣтру, ни одинъ непріятельскій постъ не замѣтилъ насъ, — и маленькая колонна, раздѣленная на три отряда, могла достигнуть до условленныхъ позицій.

Еще не свѣтало,—и всякій изъ насъ, присѣвъ на землю, прислушивался къ малѣйшему шуму. Мы похожи были на настоящихъ бандитовъ. Въ самомъ-то дѣлѣ мы и шли больше на добычу,—но на войнѣ тотъ хорошо и дѣйствуетъ, кто наиболѣе дѣлаетъ вреда непріятелю. Первая колонна взяла слишкомъ вправо, и потому на развѣтѣ спѣшили мы выслать двѣ роты къ хижинамъ Кабиловъ, которыя видны были невдалекѣ. Каби-

лы уже начинали выходить изъ домовъ своихъ. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ головню, какъ вдругъ носъ съ носомъ столкнулся съ однимъ изъ нашихъ солдатъ.

Невозможно выразить его страха. Головня выпала изъ рукъ его. Онъ остался неподвиженъ, разинувъ ротъ и опустивъ руку.

— *Руми!*—вскричалъ онъ наконецъ, — Руми! Руми!

На этотъ крикъ—женщины, мужчины, дѣти, все бросилось и перемѣшалось; всякой старался достигнуть до лѣсистаго оврага въ лѣвой сторонѣ отъ хижинъ. Но отступленіе было уже имъ отчасти отрѣзано, и весь ихъ скотъ остался въ нашей власти.

Мы бы могли поздравить себя съ успѣхомъ этого дня, потому-что кромѣ гамковъ и бурнусовъ, въ которыхъ наши люди чрезвычайно нуждались, мы пріобрѣли много мясной провизіи,—но мы должны были оплакивать потерю г. Узарно, убитаго пулею Кабила на возвратномъ пути. Могила его была вырыта подлѣ полковника Шарпенея. Г. Узарно былъ первый офицеръ, погибшій въ Медеахѣ. Дай Богъ, чтобъ это былъ послѣдній.

Съ новымъ годомъ! съ новымъ счастьемъ!—говорятъ всѣ сегодня поутру другъ другу. У насъ 1-е января, — этотъ праздникъ для дѣтей, этотъ скучный день для взрослыхъ. Но въ скукѣ ли, въ весельи, — а всѣ собираются праздновать этотъ день въ кругу семейства, — а мы далеко отъ своихъ; мы можемъ только мечтать о нихъ. Живы ли тѣ, кого мы любимъ? Вотъ ужъ скоро два мѣсяца, какъ мы не получаемъ никакихъ вѣстей.

На разсвѣтѣ, въ шесть часовъ ординарецъ полковника Кавеньака доложилъ ему, что сержантъ Станиславъ желаетъ его видѣть.

— Что ему надо?—сказалъ полковникъ. Позови.

— Г. Полковникъ! я принесъ вамъ извѣстія изъ Алжира,—и пришелъ просить у васъ прощенія.

Только тогда Кавеньакъ вспомнилъ, что Станиславъ, пользовавшись отъ раны, остался въ алжирскомъ госпиталѣ. Это былъ храбрый унтер-офицеръ, дѣятельный, съ бурливою головою и получившій за нѣсколько времени передъ тѣмъ крестъ за мужество. Оставшись въ Алжирѣ, онъ что-то напроказилъ и приговоренъ былъ къ содержанію подъ арестомъ.

— Сержантъ съ крестомъ обезчещенъ, если проспидитъ подъ арестомъ, сказалъ онъ самъ себѣ, — и чтобъ избавиться отъ наказанія, отправился къ своему батальйону. Въ полной формѣ, но безъ оружія, одинъ, съ палкою въ рукѣ, перешелъ онъ весь

Сагель, долину, тѣснину и явился въ Медеахъ. Онъ бы могъ тысячу разъ погибнуть,—но что̀ ему было за дѣло. Крестъ свой оставилъ онъ въ Алжирѣ, чтобъ знакъ славы не служилъ трофеемъ какому-нибудь Арабу.

— Голова моя обречена на смерть, — говорилъ онъ, — но крестъ,—его я не дамъ въ обиду.—И онъ здравъ и невредимъ прибылъ въ Медеахъ.

Холодъ и дождь сильно безпокоятъ нашихъ Зуавовъ. Нѣсколько дней снѣгъ лежалъ на два фута на землѣ. Наконецъ 16-го числа мы предприняли новый набѣгъ. Иманъ Медеаха, взятый нами въ плѣнъ при послѣдней нашей вылазкѣ, взялся быть нашимъ проводникомъ. Онъ самъ предложилъ свои услуги и имѣлъ съ Кавеньякомъ слѣдующій разговоръ.

— Ты вызвался быть проводникомъ, — сказалъ ему полковникъ. Не перемѣнилъ ли ты намѣренія?

— Нѣтъ! я готовъ.

— Но можетъ-быть ты боишься сказать мнѣ, что отдумалъ?

— Я ничего не боюсь. Я рѣшился сдержать свое обѣщаніе.

— Подумай хорошенько. Забудь, что ты мой плѣнный и что я губернаторъ Медеаха.

— На что̀ мнѣ забывать! Я готовъ вести.

— Вообрази себѣ, что ты на горѣ, свободенъ, какъ птица, и что я снижу, запершись въ городѣ.

— Мнѣ все-равно! я готовъ.

— Но подумай, что въ этой экспедиціи многіе изъ твоихъ братьевъ могутъ быть убиты. Ты будешъ себя упрекать въ этомъ, а можетъ-быть и пострадаешъ за это.

— Все-равно, — я готовъ.

— Твоя братья узнаютъ тебя.

— Все-равно, я — пойду.

— Не забудь и то, что если ты захочешъ обмануть меня, то будешъ наказанъ смертію.

— Испытай.

— И такъ ты рѣшился?

— Рѣшился.

— Какую награду требуешъ ты въ случаѣ успѣха?

— Свободу, чтобъ привести сюда двоихъ сыновей.

— Теперь не желаешъ ли ты чего-нибудь?

— Пару башмаковъ, чтобъ ходить по горамъ, и капишонъ Зуава, чтобъ меня солдаты твои не приняли за непріятеля и не убили.

— Хорошо. Ступай и будь готовъ.

— До свиданья.

Часъ спустя, полковникъ собралъ у себя всѣхъ офицеровъ и раздалъ имъ приказанія на счетъ этого похода. Войска раздѣлятся на двѣ колонны. Одна будетъ въ резервѣ подъ личною командою полковника, а другая, подъ начальствомъ подполковника Лефло, должна произвесть самый набѣгъ. Въ два часа пополуночи войскамъ выстроиться и тотчасъ же выступить. Передъ выступленіемъ розданы еще слѣдующія приказанія:

Совершенное молчаніе вездѣ и во всемъ.

Кашлять въ складки тюрбана.

Не курить ни подъ какимъ видомъ.

Если произведены будутъ по насъ выстрѣлы, усилить шагъ, не отвѣчая на нихъ.

Прежде всего стараться взять плѣнниковъ.

Убивать только въ крайности.

—

Набѣгъ нашъ удался свыше всякаго ожиданія. Была минута, въ которую думали, что все погибло. Проводникъ сбился съ дороги, или обманывалъ насъ. Въ то самое время, когда собирались разстрѣлять его въ наказаніе за ошибку, или измѣну, мы нечаянно столкнулись съ племенемъ, которое отыскивали, и благодаря распоряженіемъ начальника; успѣли захватить много добычи, несмотря на нашу малочисленность. Въ восемь часовъ утра мы уже соединились съ полковникомъ, приведя съ собою четыреста плѣнныхъ, сто семнадцать быковъ, десять лошадей, или муловъ, до тридцати ословъ, тысячу пять сотъ барановъ, или овецъ—и сверхъ того до десяти Арабовъ было убито. Всѣ лица блистали радостію,—и мы задали славный пиръ. Полковникъ приказалъ раздать по двадцати барановъ на роту. Офицеры получили по двѣ дойныя овцы; унтер-офицеры получили также подобные подарки.

Послѣ этой небольшой экспедиціи принялись мы за прежнія работы. Кабилы вздумали было напасть на насъ, но кончилось все незначущею перестрѣлкою. За то стужа и снѣгъ опять начались.

Наконецъ наступаетъ и весна. Да и пора! Стада наши уже сильно голодали.

30-го явились опять Кабилы и нѣсколько всадниковъ. На другой день началась опять перестрѣлка. Она продолжалась около часа. Послѣ этого начались переговоры.

Группа всадниковъ, отличающихся красивыми лошадьми и

бѣлѣнною бурнусовъ, подъѣхала къ редуту, и спросила между прочимъ извѣстій о плѣнникѣ Бен-Аббесѣ, котораго пріѣхавшіе желали видѣть.

— Ступайте въ городъ,— отвѣчали имъ. — Вы тамъ можете съ нимъ видѣться и безопасно возвратитесь потомъ.

— Мы хотимъ видѣть его здѣсь.

— Въ такомъ случаѣ, если тотчасъ же не удалитесь, по васъ будутъ стрѣлять изъ пушки.

Черезъ двѣ минуты брошенъ къ нимъ былъ брандскугель. Они пустились во весь карьеръ обратно. Одинъ Кабилъ подошелъ между тѣмъ къ нашему часовому, и положа ружье на землю, началъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

— Положи ружье и ты, какъ я,—и подойди ко мнѣ.

— Пожалуй!—но нѣтъ ли у тебя спрятаннаго пистолета?

— Нѣтъ! Клянусь! я честный человѣкъ. Стыдъ тому, кто измѣнитъ своему слову.

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда? Зачѣмъ не остался дома обработывать свое поле и беречь стадо?

— Солдаты Абд-эль-Кадера принудили меня взяться за оружіе и привели сюда.

— Пусть же сами придутъ сюда. Или они трусятъ?

— Не знаю;—но они сильнѣе насъ.

— Ну, такъ перейдите къ намъ съ женами, дѣтьми и стадами; мы вамъ дадимъ землю,—и будемъ защищать васъ.

— Да! покуда!—А послѣ возвратитесь въ Алжиръ и оставите насъ на жертву Эмира. Онъ убьетъ нашихъ дѣтей и уведетъ женъ.

— Нельзя къ вамъ поставить часовыхъ. Вѣдь и солдаты Эмира не защищаютъ васъ.

— Да! они какъ старый замокъ, который не запираетъ двери,—и домъ стоитъ настежъ.

Въ эту минуту товарищи Кабила позвали его; онъ поднялъ ружье и сталъ опять въ рядъ. Всѣ эти люди, повидимому, неохотно дерутся. Однакоже есть и удальцы. Одинъ изъ нихъ выскочилъ изъ рядовъ и началъ махать ружьемъ, вертя его надъ головою съ видимою рѣшимостію. Вдругъ одинъ изъ нашихъ солдатъ пошелъ къ нему навстрѣчу и въ пятидесяти шагахъ приложился и выстрѣлилъ.

— Ахъ! я убитъ! — вскричалъ Кабилъ, и упалъ.

— Бѣги и возьми у него ружье, — закричали мы нашему солдату.

— Нѣтъ, извините! — отвѣчалъ солдатъ, почесываясь за

ухомъ.—Эта бестія надуваетъ меня. Я не попалъ въ него. Нѣтъ, братъ! стара-штука!

И говоря это, онъ опять зарядилъ ружье, не трогаясь съ мѣста. Тогда хитрый Кабилъ вскочилъ, схватилъ свое ружье, выстрѣлилъ, и захохотавши убѣжалъ.

Эти маленькія стычки служили намъ развлеченіемъ,—но 4-го февраля произошла настоящая тревога, только радостная. Въ сумерки увидѣли мы въ двухъ льё отъ города многочисленные огни по дорогѣ въ Миліанахъ. Мы заключили, что это, безъ сомнѣнія, французская колонна, которая снабжаетъ припасами Миліанахскій гарнизонъ. Теперь она на возвратномъ пути—и мы съ нею увидимся. Солдаты наши бѣгали, какъ сумасшедшіе по улицамъ и радостно кричали: колонна! колонна!

— Молчи! — сказалъ одинъ Зуавъ подлѣ меня. — Если мы ошиблись, — то это ужасно.

Только тѣ, которые знали когда-либо муки затворничества, поймутъ наши ощущенія. Дай Богъ, чтобъ мы получили письма или извѣстія.

Увы! вчерашніе огни были не французской колонны, а регулярнаго батальона Эль-Беркани. На разсвѣтѣ 5 февраля Кабилы и всадники явились у стѣнъ и начали перестрѣлку. Она вскорѣ стала усиливаться, — и видно было, что произойдетъ жаркое дѣло. Въ девять часовъ всѣ наши солдаты были подъ ружьемъ—и мы двинулись на встрѣчу непріятелю. Передъ нами былъ регулярный батальйонъ и многія толпы Кабиловъ, засѣвшихъ подъ кустами. Еслибъ второй регулярный батальйонъ, скрытый до тѣхъ поръ въ засадѣ, живо двинулся намъ въ обходъ, мы бы потеряли много людей. Но быстрыми движеніями успѣвая вездѣ встрѣчать непріятеля и дѣйствуя удачно картечью, мы вскорѣ разсѣяли ихъ, убивъ значительное число. У насъ тоже были убитые и до двадцати человѣкъ ранено.

Во-время сраженія телеграфъ сообщилъ намъ отъѣздъ маршала Вале, замѣщеніе его генераломъ Бюжо и временное командованіе генерала Гальбуа. Имя Бюжо внушаетъ довѣренность, будущее оправдаетъ ее.

До 13-го февраля ничего новаго. Небольшіе переговоры о размѣнѣ плѣнныхъ; незначущіе разговоры съ Арабами, но ничего рѣшительнаго, ничего важнаго; 13 числа депеша сообщаетъ, что изъ Алжира посланъ курьеръ въ Медеахъ и что генералъ Бюжо намѣренъ начать отчаянную борьбу въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Депешу тотчасъ же прибили на площади и передали на всѣ посты. Она произвела всеобщій восторгъ. Всѣ теперь гор-

дятся своими трудами и страданіями, которыя принесутъ пользу. Ввечеру всѣ офицеры собрались у полковника. Казалось, что это семейный праздникъ.

Когда намъ сегодня поутру сказали, что въ Европѣ теперь послѣдній вторникъ масляницы,—всѣ почли обязанностію смѣяться и быть веселыми. Но увы! вмѣстѣ съ тѣмъ узнали мы, что запасъ табаку истощился. Изъ всѣхъ нуждъ эта, кажется, всего легче, а для нашихъ солдатъ самая тягостная. Нѣкоторые старались обмануть сами себя, куря сухія древесныя листья, виноградныя, укропныя. Между нашими Арабами, многіе еще сохранили пеньку, и курятъ ее въ трубкахъ величиною съ наперстокъ.

Наконецъ мы получили письма и газеты изъ Франціи. У всѣхъ голова идетъ кругомъ. Всѣ говорятъ, толкуютъ, разсуждаютъ. Я не могъ заснуть во всю ночь; я еще не опомнился отъ своей радости. Вездѣ надежда и удовольствіе. Смерть послѣднихъ нашихъ двухъ курьеровъ, о которой мы узнали, не лишала Арабовъ бодрости. Трое опять отправились нынче ввечеру въ Блидахъ: одинъ туземный Кабилъ Гамедъ и два Зуава, принесшіе намъ наши письма. Прощаніе ихъ было торжественное. Въ ту минуту, какъ они выходили отъ полковника, держа ружья въ рукахъ, одинъ изъ Зуавовъ взялъ хлѣбъ, разрѣзалъ его на четыре доли, и давъ одинъ кусокъ переводчику, провожавшему ихъ до дверей, и по куску каждому изъ своихъ товарищей, сказалъ:

— Мусса! (имя переводчика—Моисей). Беру тебя въ свидѣтели, что я поравну раздѣлилъ хлѣбъ. Пусть всякой съѣстъ свою часть, —и пусть онъ послужитъ ядомъ тому, у кого на сердцѣ есть сокровенныя мысли.

Потомъ, протянувъ руку надъ жаровнею, прибавилъ:

— Да погубитъ огонь, небо и вода того, кто помыслитъ измѣнить своему товарищу.

Всѣ протянули другъ другу руки и поклялись умереть для спасенія своего товарища. Послѣ этого они ушли.

Одинъ изъ курьеровъ, Кабилъ Гамедъ, жилъ съ нами въ Буффарикѣ, гдѣ служилъ рабочимъ въ мирное время. У него откровенное, смѣющееся лицо. Ему очень понравилась наша водка и алжирская жизнь. Тамъ анисовка была дешева, женщины красивы, и музыка играла во всю ночь. Возвратясь въ свои горы, онъ все думалъ объ Алжирѣ, и однажды рѣшился предложить своей женѣ переѣхать въ Блидахъ, къ Французамъ.

Та испугалась и донесла на него начальнику племени. Тотъ велѣлъ схватить Гамеда, отколотилъ его палками, отдалъ жену его другому, а двухъ коровъ и нѣсколькихъ барановъ, составлявшихъ все его имущество, взялъ себѣ. Бѣдный и оставленный всѣми, онъ пришелъ къ намъ, сперва чтобъ отмстить за себя, а потомъ нажиться,—то есть съ опасностію жизни поскорѣе нажить тысячу франковъ. Когда онъ ихъ накопитъ, то похититъ себѣ любовницу, которую сохранилъ въ сосѣдственномъ племени, и будетъ жить въ Блидахѣ. Эта женщина согласилась за нимъ слѣдовать. При каждомъ путешествіи своемъ приноситъ онъ ей фуляръ и нѣсколько буржу. За то получаетъ яица, пироги и ласки. Съ полнымъ счастіемъ и довѣренностію возвращается онъ къ намъ и повторяетъ опасныя свои путешествія. Впрочемъ съ однимъ условіемъ,—а именно, чтобъ не заставлять его ночевать въ тѣснинѣ. Почему? А вотъ причина.

Тѣснина Музайа была мѣстомъ главныхъ битвъ прошлогодней компаніи. Много людей тамъ погибло. Всѣ дороги, какъ съ сѣвера, такъ и съ юга, всѣ прилегающіе овраги наполнены трупами, ужаснымъ образомъ обезображенными солнцемъ и изуродованными оружіемъ.

Всѣ мы были поражены этимъ зрѣлищемъ; но въ особенности подѣйствовало оно на воображеніе Арабовъ. Между ними распространился слухъ, что эти люди, умершіе безъ погребенія, были отвернуты Аллахомъ, — и потому каждую ночь собираются всѣ въ этой тѣснинѣ, чтобъ плакать и стонать вмѣстѣ. Несчастный Арабъ, проходя черезъ тѣснину, слышалъ жалобы этихъ несчастныхъ. Онъ со страха сошелъ съ ума,— и въ тѣ минуты, когда возвращается къ разсудку, разсказываетъ, что цѣлый часъ слышалъ эти стоны. Напрасно онъ бѣжалъ: каждый кустъ повторялъ ему эти жалобы. Наконецъ онъ лишился чувствъ и поутру нашли его уже у Оливковаго лѣса. Это суевѣріе овладѣло всѣми Арабами,—и вотъ почему Гамедъ никогда не рѣшится перецочевать въ тѣснинѣ, хотя бы жизнь его была въ опасности.

Съ мѣсяцъ тому назадъ прибыли къ намъ два дезертера Европейца. Одинъ изъ корпуса Зефоровъ, другой изъ иностраннаго легіона. Послѣдняго зовутъ Глокнеръ. Онъ Баварецъ, сынъ бывшаго военнаго комиссара, служившаго во Франціи, и племянникъ одного изъ значительныхъ баварскихъ генераловъ. Жизнь его—истинный романъ. Сперва вступилъ онъ въ мюнхенскій кадетскій корпусъ; потомъ за нѣкоторыя шалости от-

привелъ былъ въ легко-конный полкъ, — но пламенное воображеніе и страсть къ приключеніямъ вскорѣ увлекли его далеко. Онъ бѣжалъ изъ полка и пришелъ во Францію. Здѣсь его приняли холодно, какъ дезертера—и вписали въ иностранный легіонъ. Едва прибылъ онъ въ Африку, какъ почувствовалъ печальное свое положеніе. Увлекаемый всегдашнимъ желаніемъ новаго и незвѣстнаго, онъ въ одно утро перебѣжалъ къ Арабамъ. У нихъ онъ пробылъ три года. Сперва Кабулы продали его на рынкѣ начальнику племени Бени-Мусса. Пробывъ годъ въ невольничествѣ, онъ успѣлъ бѣжать. На немъ былъ одинъ бурнусъ, съ голыми ногами, на головѣ веревка, а въ рукахъ пилигримская палка. Онъ пустился на югъ.

Такимъ образомъ дошелъ онъ до пустыни, останавливаясь каждый вечеръ у новаго племени и привѣтствуя хозяевъ по мусульмански:

— Эй, хозяинъ дуара! гость пришелъ!

Этого было достаточно, чтобы быть вездѣ хорошо принятымъ. Ему давали пищу, ночлегъ,—и ни одинъ Арабъ не спросилъ его ни разъ: куда идешь ты?—Это ни до кого не касалось и никто объ этомъ не заботился. Да онъ и самъ не зналъ этого. Такъ достигъ онъ до города Аин-Мхади въ области Тедзина, перейдя часть Сагары. Оттуда пошелъ въ Богаръ, Тану, Текендемпть, Маскару, Медеахъ, Миліанахъ. Здѣсь онъ былъ насильно завербованъ между регулярными войсками Эль-Берканя и дѣлалъ съ ними компаніи 1839 и 1840 годовъ. Абд-Эль-Кадеръ украсилъ его знакомъ отличія 31-го декабря 1839 года, за полученную имъ рану, которая, какъ онъ думаетъ, нанесена ему была капитаномъ 2-го легкаго полка. Наконецъ теперь возвратился онъ къ намъ, какъ блудный сынъ, оплакивая свои глупости и со слезами вспоминая о своемъ семействѣ, особенно объ отцѣ, — просилъ, чтобъ его принять рядовымъ. Когда ему стали говорить, чтобъ онъ возвратился въ иностранный легіонъ, — онъ вскричалъ:

— О нѣтъ! умоляю васъ,— не отсылайте меня въ этотъ легіонъ. Примите меня во французскій полкъ, въ наши Зуавы, извѣстные всей Европѣ. Вы будете мною довольны.

Его приняли подъ именемъ араба Іосифа. Ему только двад-

цать одинъ годъ. Онъ моложавъ и робокъ, какъ дѣвушка; простъ въ обхожденіи и хорошо объясняется *.

Мы всѣ въ ожиданіи. Городъ представляетъ необыкновенное зрѣлище. На всѣхъ праздничныя лица. Всѣ собираютъ свое небольшое имущество,—и какъ греческіе философы, готовы все унести на своихъ плечахъ. Телеграфическая депеша сообщила намъ, что генералъ Бюжо скоро пріѣдетъ и что срокъ заточенія нашего конченъ. Мы возвратимся къ обществу и жизни.

3-го апрѣля, послѣ пятимѣсячнаго одиночества мы наконецъ увидѣлись съ нашими товарищами, нашими друзьями. Генералъ Бюжо дѣлалъ намъ смотръ, и видя прекрасную выправку солдатъ, велѣлъ благодарить всѣхъ насъ чрезъ полковника Кавеньяка, за новый примѣръ неутомимости Зуавовъ. Бо́льшая часть похвалъ принадлежитъ впрочемъ Кавеньяку. Его твердость, благородство и отеческія попеченія внушали намъ бодрость и мужество.

Раздались звуки трубъ,—и батальйоны наши присоединились къ главной колоннѣ. Все войско опечалено еще раною, полученною генераломъ Шангарнье два дня тому назадъ при проходѣ черезъ тѣснину. Тамъ регулярныя арабскія войска имѣли жаркое сраженіе, съ нашими. У подполковника Латуръ-Дюпена, убили лошадь. Секунду-спустя, когда генералъ Шангарнье объяснялъ адъютанту одно движеніе, пуля попала ему въ руку, по-

(*) Конецъ исторіи Глокнера достоинъ начала. Въ Зуавахъ велъ онъ себя отлично. Во всѣхъ дѣлахъ онъ отличался. Его произвели капраломъ, потомъ сержантомъ, — и отправили въ Тлемсенъ, при сформировкѣ 3-го батальйона. Рекомендованный Кавеньякомъ генералу Бедо, онъ оказалъ большія услуги своими познаніями въ арабскомъ языкѣ. Отецъ его, къ которому писали въ Баварію, подтвердилъ всѣ его показанія. Онъ былъ счастливъ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Вдругъ отправился онъ въ Марокко съ однимъ плѣннымъ, которому возвращена была свобода. Тамъ онъ долго жилъ. Наконецъ пріѣхалъ въ Танжеръ, откуда французскій консулъ прислалъ его къ намъ какъ дезертера. Онъ уже готовъ былъ подвергнуться военному суду, какъ вспомнили его званіе Араба, и за прежнія заслуги простили. У него чрезвычайная страсть къ путешествіямъ. Какъ скоро онъ слышитъ о новой землѣ, то непремѣнно хочетъ побывать тамъ.

выше плеча, близъ кости. Толстый тунисскій кабанъ изъ плотной матеріи спасъ ему жизнь.

Всего любопытнѣе было видѣть доктора Чикальди, когда онъ прибѣжалъ къ генералу, узнавъ о его ранѣ. Генералъ сошелъ уже съ лошади подъ толстое оливковое дерево.

— Осмотрите, пожалуста, любезный докторъ, мою рану, — сказалъ онъ,—и скажите мнѣ свое мнѣніе. Перевяжите ее поскорѣе. Сраженіе продолжается; мнѣ некогда; надобно еще дать нѣсколько приказаній.

Докторъ, разумѣется, началъ съ того, что успокоилъ генерала; но безпокойная физіономія ясно выражала собственное его волненіе. Онъ запустилъ зондъ,—и только тогда лицо его прояснилось улыбкою увѣренности.

— Это ничего, генералъ!—вскричалъ онъ радостно. — Кость не тронута,—и черезъ два мѣсяца, вы опять будете сидѣть на конѣ.

— Повѣрьте, милый докторъ, что раньше, — отвѣчалъ генералъ,—и дѣйствительно, какъ скоро рану ему перевязали, онъ поблагодарилъ доктора, сѣлъ опять на лошадь и началъ отдавать свои приказанія съ обыкновеннымъ хладнокровіемъ и твердостію.

Онъ принялъ насъ очень хорошо. За всѣ перенесенныя нами труды въ продолженіе пяти мѣсяцевъ обѣщалъ онъ намъ близкія и блистательныя сраженія. Это насъ больше всего обрадовало.

Какая смѣсь новостей, разспросовъ, отвѣтовъ! Мы ничего не знаемъ и все хотимъ узнать. Ввечеру мы такъ устали отъ разговоровъ, какъ будто бы сдѣлали огромный переходъ. Наконецъ сегодня по утру бьетъ тревога,—и наша колонна двинулась къ тѣснинѣ. Въ Медеахѣ остался 53-й полкъ—а мы черезъ два дни будемъ къ Блидахѣ.

Вотъ я въ маленькой комнаткѣ,—и чрезвычайно удивляюсь, что дождь не пробиваетъ крышу; что домъ мой крѣпокъ и не боится бурь. Я стараюсь припомнить, гдѣ я,—а мои Зуавы поютъ пѣсни, и смѣются, какъ корсары, которые только что сошли на берегъ. Имъ выдали все жалованье за это время, — и если въ продолженіе пяти мѣсяцовъ у нихъ не было вина, вол-

ки, табаку, а часто и хлѣба,—то теперь имъ дали за то три дня, чтобъ забыть свои нужды и утопить скучное воспоминаніе въ сокѣ винограда.

Со вчерашняго дня нѣтъ барабаннаго боя, нѣтъ службы, нѣтъ караула. Всѣ мы ходимъ по городу и обнимаемся. Изой въ одинъ обѣдъ прокутилъ весь свой экономическій запасъ.— Послѣ завтра дисциплина вступитъ опять во всѣ свои права,—а черезъ недѣлю мы получимъ новую обмундировку, — и маршъ впередъ!

IV.

Монтень сказалъ, что горе тоже, что камень, который принимаетъ оттѣнокъ отъ окружающихъ предметовъ. Горе занимаетъ именно столько мѣста, сколько мы ему даемъ. Африканская армія доказала истину этихъ словъ. Съ мужествомъ и терпѣніемъ перенесла она всѣ нужды, — и не упала духомъ. Не награжденная ни побѣдами, ни славою, она вытерпѣла все,—и однимъ мужествомъ преодолѣвала опасности. Но если французская пѣхота и въ особенности Зуавы подали столько примѣровъ самоотверженія и постоянства, сколько славныхъ дѣлъ совершила и конница!

Въ африканской кавалеріи соединены у насъ два элемента военной тактики: французской и арабской, спага и егеря. Несмотря на все свое мужество, наши солдаты не могли бы производить одни всѣ эти блистательные удары. Чтобъ отыскать Индѣйца въ индѣйскихъ лѣсахъ нуженъ непремѣнно Индѣецъ; чтобъ бороться на африканской землѣ съ Арабомъ, нуженъ былъ Арабъ. Къ нашей дисциплинѣ и оружію надобна была здѣшняя зоркость и догадка. Вотъ происхожденіе нашихъ Спаговъ. Выгоды привлекли къ намъ арабскихъ всадниковъ. Дисциплина ихъ была нѣсколько ослаблена; вмѣсто мундира далъ имъ красный бурнусъ, который тоже снимался по знаку начальника. Превратясь въ Араба, Спагъ могъ безопасно исполнять тогда всѣ порученія: онъ былъ то курьеромъ, то развѣдывателемъ, то солдатомъ. Имъ даны были французскіе унтер-офицеры; присоеди-

него также нѣсколько французскихъ всадниковъ, — и войско это, составленное такимъ образомъ, оказало величайшія услуги Франціи. Тутъ было сборище разныхъ лицъ и характеровъ, съ трудомъ покоряющихся дисциплинѣ, которыхъ жизнь наполнена самыми странными происшествіями, похожими на лѣтописи древнихъ временъ.

Наши батальйоны чрезвычайно подружились съ Спагами Москары,—и объ этомъ эскадронѣ можно разсказать многое.

Тамъ было два типа, особенно замѣчательные. Одинъ изъ нихъ, квартирмейстръ, по имени Альфредъ Сико, былъ хорошей фамиліи, страннаго и оригинальнаго характера. Другой Могамед-Ульд-Каид-Османъ, былъ офицеромъ. Оба съ одинаковымъ мужествомъ, они разнились во всемъ прочемъ. Сико былъ преимущественно *юмористъ* въ англійскомъ значеніи этого слова. Молчаливый насмѣшникъ, онъ всегда казался угрюмымъ,—и всѣ его прозвали за это *весельчакомъ*. Его страсть къ уединенію и дѣятельности, къ безцеремонности и къ похожденіямъ, привязала его къ воинственной жизни. Впрочемъ на всемъ существованіи Сико не было ни одного облака: всѣ могли читать его. Что-же касается до Могамеда-Ульд-Каид-Османа, арабское его имя скрывало настоящую фамилію и бурную жизнь, наполненную дуэлями и похожденіями, однимъ словомъ, это былъ кондотьери древнихъ временъ, ландскнехтъ среднихъ вѣковъ. Двуствольное ружье его столь же страшно было для арабовъ, какъ и для куропатокъ; собака его Томъ, пѣгая лошадь — вотъ единственные друзья его во-время похода. Когда же стояли въ гарнизонѣ, — то было и четвертое существо, пользовавшееся его привязанностію. Это была небольшаго роста Испанка, которая всегда молчала и была также ему предана, какъ и собака. *Шика*, Томъ и Каидъ составляли тогда одно нераздѣльное существо, жили, смѣялись, плакали вмѣстѣ. Иногда квартирмейстръ Сико приходилъ курить трубку къ этимъ тремъ друзьямъ.

Африканская жизнь Каида была извѣстна, — и происшествія его не разъ заставляли смѣяться наше общество на бивачныхъ вечерахъ. Два раза жилъ онъ въ Алжирѣ, въ двухъ совершенно разныхъ видахъ. Первый разъ былъ онъ тамъ во всей своей славѣ, путешествуя съ княземъ Пуклер-Мускау, который говоритъ о немъ въ своихъ письмахъ, выставляя его фамилію только начальными буквами. Во-второй разъ, въ 1840 году, онъ одѣтъ уже въ мѣшокъ пѣхотинца и маршировалъ къ музайской тѣснинѣ въ рядахъ иностраннаго легіона.

Но пѣшеходное движеніе чрезвычайно не нравилось ему. Потому-то послѣ трудной кампаніи, гдѣ въ ротѣ его изъ ста человѣкъ осталось только двадцать пять, Кандъ нашелъ вмѣсто себя охотника и вышелъ изъ легіона.

Будучи снова свободенъ, онъ пустился по большимъ дорогамъ. Тутъ встрѣтилась ему новая страсть,—любовь. Въ алжирской губѣ стоялъ бѣлый и новенькій домъ. Въ немъ жила Анна,—и ни одинъ поэтъ востока не воспѣвалъ такой красавицы. Османъ полюбилъ ее, былъ также любимъ,—и полгода провелъ въ блаженствѣ. Тутъ онъ написалъ исторію жизни одного протестантскаго миссіонера, встрѣченнаго имъ въ продолженіе скитальческой своей жизни. Анна начинала уже говорить нѣсколько словъ по-нѣмецки,—и, вѣроятно, сдѣлалась бы современемъ истинною Германкою,—но увы! любовь Канда была не такъ продолжительна, какъ страсть Араба,—и однажды западный пароходъ увезъ съ собою Османа съ ружьемъ и съ рекомендательнымъ письмомъ къ генералу Ламорисьеру, забытому уже два года. Османъ зналъ его, когда еще онъ былъ баталіонный командиръ Зуавовъ.

Въ 1841 году, Оранская провинція была еще непокорена, тамъ еще нужны были храбрые люди и сильныя руки. Потому-то Могамед-Ульд-Канд-Османъ, записавшійся подъ этимъ арабскимъ именемъ въ ряды Спаговъ, и Сико, вступившій въ одно время съ нимъ, имѣли большой успѣхъ. Вскорѣ Сико былъ раненъ, а у Канда убита лошадь. Оба упомянуты были въ реляціи. Но у героевъ всегда есть завистники. Квартирмейстръ Фруадефонъ, изъ старыхъ усачей, сказалъ однажды Канду, что онъ годенъ только на то, чтобъ чистить ногти. Возвратясь въ Маскару, они стрѣлялись въ двѣнадцати шагахъ. Фруадефонъ выстрѣлилъ первый—и Кандъ упалъ, прострѣленный пулею пониже ребръ. Всѣ бросились помогать ему.

— Постойте!—вскричалъ онъ, — теперь моя очередь стрѣлять — и приподнявшись на локоть, убилъ на повалъ квартирмейстра.—Канда отнесли въ госпиталь, гдѣ Сико лежалъ тоже раненый. При этомъ извѣстіи, Шика, привязавшаяся къ нему уже съ годъ, бросилась въ госпиталь—и черезъ три мѣсяца Кандъ былъ уже на ногахъ.

Въ 1843 году, эскадроны 4-го конно-егерскаго полка вступили въ Маскару при звукахъ трубъ, служа свитою маршала Бюжо. Абд-Эль-Кадеръ основалъ въ это время центръ своихъ дѣйствій на югъ отъ Маскары,—и регулярные батальйоны его скрывались въ лѣсахъ, отдѣляющихъ Теніь отъ Сersуса, пи-

таясь тамъ желудями и добычею, похищаемою у сосѣднихъ племенъ. Однакоже генералы Ламорисьеръ и Тампуръ не давали ему покоя. Правда, что кавалерія, изнуренная безпрестанными походами, не въ состояніи была дѣйствовать и потому-то всячески старались выпросить у маршала Бюжо красивые эскадроны 4-го конно-егерскаго полка.

Но онъ не соглашался. Всякой день являлись дезертеры изъ регулярныхъ войскъ, сообщавшіе извѣстія объ Эмирѣ; но эти свѣденія были недостаточны. Однажды къ капитану Шаррасу привели Испанца. Чорные глаза его, рѣшительный взглядъ и выразительныя черты обнаруживали понятливость и твердый характеръ. Онъ сообщилъ самыя нужныя свѣдѣнія и подтвердилъ прежнія извѣстія. Его отвели къ маршалу, который его самъ допросилъ. Часъ спустя, маршалъ уступилъ эскадроны 4-го полка—и рѣшился произвесть поискъ противу регулярныхъ батальйоновъ Сиди-Эмбарека, прежняго знаменитаго халифата Миліанаха, явившагося для предводительствованія ими.

Порученіе это дано генералу Тампуру. Отрядъ его состоялъ изъ двухъ батальйоновъ пѣхоты, четырехъ сотъ пятидесяти человѣкъ регулярной-конницы, пятидесяти Спаговъ и нѣсколькихъ нерегулярныхъ всадниковъ съ капитаномъ Шаррасомъ. Въ одно утро весь этотъ отрядъ, съ Кандомъ-Османомъ и Сико, весело двинулся въ ногу,—тогда какъ маршалъ Бюжо и генералъ Ламорисьеръ отправились въ Оранъ, куда ихъ призывали важныя дѣла.

Еслибъ разсказъ Монитёра не былъ свидѣтелемъ, еслибъ всѣ очевидцы не подтверждали этого разсказа,—то можно бы почесть описаніе этого похода баснею. Пѣхота и конница шли сряду три дни и три ночи. Поутру отдыхали полтора часа; ввечеру съ шести часовъ до полуночи. Съ той минуты, какъ напали на слѣды непріятеля, ни разу не били въ барабанъ. Какъ собаки за добычею, шли мы по этимъ слѣдамъ. Тридцать Спаговъ шли въ головѣ колонны. Ночью они—по арабскому выраженію—*читали землю*. Сколько ожиданій и волненій! Приходили на бивуаки, у которыхъ еще костры не угасли: непріятель только-что по утру ушелъ отъ сюда,—и всѣ спѣшили за нимъ въ слѣдъ. Послѣ двухъ суточнаго преслѣдованія, арабскіе наши патрули, разъѣзжавшіе по флангамъ колонны, захватили двухъ Джафрассовъ. Сперва они не хотѣли отвѣчать; но когда приставили имъ ружейное дуло ко лбу,—они начали говорить и сообщили, что регулярныя войска были наканунѣ въ Таун-

рѣ. Слѣдственно направленіе наше было вѣрно—и мы должны были догнать ихъ.

Колонна снова двинулась впередъ, предшествуемая, какъ и всегда, Спагами. Иногда поднимался вѣтеръ, шелъ дождь; минуту спустя луна освѣщала узкую тропинку, извивавшуюся вдоль холмовъ. Никто не смѣлъ курить трубки; глубочайшее молчаніе царствовало повсюду, и нарушалось только изрѣдка нечаяннымъ паденіемъ пѣхотинца, вздремавшаго на походѣ и спотыкнувшаго на какой-нибудь пень. Самые крѣпкіе были утомлены: одни фланкеры смотрѣли зорко.

Наконецъ на разсвѣтѣ увидѣли мы вдали дымъ.... Увы! это былъ опять обманъ. Регулярныя войска непріятельскія уже ушли, а огни ихъ догорали. Надежда, поддерживавшая до-тѣхъ-поръ силы наши, оставила насъ вдругъ. Мы сдѣлали однакоже привалъ въ оврагѣ,—и покуда солдаты завтракали, патрули донесли, что слѣды непріятеля свѣжи и что онъ въ эту ночь тутъ стоялъ. Генералъ Тампуръ на минуту поколебался,—но нерѣшимость продолжалась недолго,—и приказъ къ выступленію былъ данъ. Тяжело было солдатамъ, шедшимъ почти безъ отдыха семдесятъ часовъ сряду, но всѣ повиновались — и пошли впередъ. Черезъ часъ слѣды поворотили на югъ. Мы знали что тутъ нѣтъ воды. Все-равно! Надобно было идти. Слѣды безпрестанно становились свѣжѣе.... Вотъ брошенная лошадь, вотъ осленокъ.

— Догнали разбойниковъ!—вскричали солдаты, и силы ихъ ожили.

Около одиннадцати часовъ колонна вошла въ глубокой оврагъ, видя вдали за холмомъ густой дымъ. На этотъ разъ—мы дѣйствительно настигли непріятеля. Какъ по знаку волшебнаго жезла вся усталость исчезла. Еще минута,—и плащи были свернуты, затравки очищены, подпруги подтянуты, войска устроены къ бою. Триста человѣкъ пѣхоты назначены поддерживать три кавалерійскія колонны. Центромъ командуетъ полковникъ 4-го полка Тартасъ. Всѣ двинулись впередъ. Раздался выстрѣлъ. Это часовой, котораго мы не успѣли захватить.

Арабъ поскакалъ на холмъ и замахалъ бурнусомъ. Забили барабаны, раздались крики войскъ, кавалерія пошла на рысяхъ. Пѣхота, забывъ свою усталость, послѣдовала за нею бѣговымъ шагомъ,—и съ вершины холма увидѣли наконецъ два непріятельскіе батальона, поднимающіеся на противуположную крутизну. Конница пустилась въ галопъ; раздался съ обѣихъ сто-

ронъ бѣглый огонь; нѣкоторые всадники упали, но колонна прорвала непріятельскій строй, и пѣхотинцы ихъ падаютъ подъ ударами всадниковъ. Непріятельская конница спасается бѣгствомъ, ее преслѣдуютъ. Кайд-Османъ упалъ съ лошади, пораженный въ голову. Коленкуръ, догнавъ одного всадника, убиваетъ его, но въ жару погони, онъ остался одинъ и окруженъ непріятелемъ. Не теряя присутствія духа, онъ пробивается сквозь ряды враговъ,—и въ ту минуту, какъ онъ уже присоединяется къ своей колоннѣ, одинъ Арабъ, выскочивъ изъ-за куста стрѣляетъ въ него въ упоръ изъ пистолета въ глазъ. Лошадь выноситъ его — и конные егеря подхватываютъ лишившагося чувствъ. Одинъ солдатъ схватываетъ его на плечо и относитъ къ мѣсту перевязки. На самомъ узкомъ пространствѣ лежатъ пять-сотъ труповъ, ужаснымъ образомъ изуродованныхъ....

Крутыя скалы остановили бѣгущихъ. Нѣкоторые сошли съ лошадей и повели ихъ подъ уздцы въ гору. Только одинъ поѣхалъ по отлогости этихъ скалъ. По бѣлизнѣ одежды, по богатству сбруи видно было, что это одинъ изъ предводителей. Квартирмейстръ Сико и капитанъ Кассеньонъ бросились къ нему. Земля была чрезвычайно неровная. Сержантъ егерей Лабуле первый доскакалъ до него,—и арабскій всадникъ съ величайшимъ хладнокровіемъ прицѣлился въ него изъ пистолета и убилъ на повалъ. Сико явился вторымъ, и другой выстрѣлъ пробилъ ему лѣвую руку, убивъ вмѣстѣ съ тѣмъ лошадь капитана Кассеньона. Но Сико еще угрожалъ всаднику, — а тотъ массивною ручкою своего пистолета ударилъ его по головѣ, — какъ вдругъ сержантъ Жераръ, спустившись съ вершины холма, выстрѣлилъ Арабу въ грудь. Схватили его лошадь, прекраснѣйшей породы, которая только по причинѣ раны въ плечо не въ силахъ была спасти своего господина.

— Взгляните,—вскричалъ капитанъ Кассеньонъ,—не кривъ ли этотъ Арабъ?

Нагнулись, посмотрѣли; дѣйствительно у него недоставало одного глаза.

— Ну, такъ это самъ Сиди-Эмбарекъ. Отрубите ему голову.

И Жераръ отрубилъ ему голову, чтобъ Арабы не сомнѣвались въ его смерти

Раздались звуки отбоя, и всѣ соединились съ колонною. Сико и Коленкуръ сошлись при перевязкѣ ранъ. Послѣдняго надѣются спасти. Всѣ офицеры пришли къ нему, чтобъ пожать ру-

ку и пожелать скораго выздоровленія. Его не нужно было ободрять. Твердость и хладнокровіе никогда не оставляли его.

— Плохо, г. поручикъ!—сказалъ ему Нѣмецъ вѣстовой, служившій у него. Сѣрая лошадь ранена, вороная больна, а вы подстрѣлены. Плохо!

Но это *плохо* кончилось еще довольно счастливо, потому-что поручикъ остался живъ послѣ такой ужасной раны. Всѣ были увѣрены, что для выздоровленія Коленкура нужна была его удивительная сила воли.

Набѣгъ былъ конченъ; регулярные Арабы истреблены; успѣхъ увѣнчалъ жестокій нашъ походъ. Генералъ Тамуръ спѣшилъ воротиться въ Маскару, — и черезъ мѣсяцъ потомъ получены награды за этотъ подвигъ.

Случайности войны разлучили насъ съ Кандомъ. Я узналъ также, что Сико возвратился во Францію, — и по странному случаю парижскіе друзья прозвали его точно также, какъ и африканскіе. Что̀ касается до нѣмецкаго ландскнехта,—то Оранская провинція почти на каждомъ шагу была свидѣтельницею его подвиговъ *. И по счастью, онъ вышелъ здравъ и невредимъ изъ всѣхъ этихъ битвъ. Въ 1846 году, встрѣтилъ я его опять: — Томъ, лошадь и Шика—составляли попрежнему его семейство. Бѣдная *Шика*! У нея всю жизнь была одна мечта, одно желаніе: ей хотѣлось носить шолковое платье. Всѣ мы принадлежали тогда къ одному гарнизону. Когда надобно было достать что̀-нибудь на обѣдъ, Кандъ отправлялся съ Томомъ на охоту, и къ вечеру возвращались съ полнымъ ягдташемъ. Шика, распѣвая цѣлый день одна, накрывала ввечеру на столъ — и всѣ трое ужинали вмѣстѣ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, одинъ изъ нашихъ эскадроновъ возвращался въ Маскару послѣ поиска. Мы ѣхали по улицѣ, ведущей къ главной квартирѣ,—какъ вдругъ увидѣли всѣхъ офицеровъ, собравшихся передъ домикомъ Канда. Насъ встрѣтили и разсказали, что Шика, подруга Канда—умерла.

Бѣдная страдала уже давно. Наканунѣ встала она. День былъ теплый, воздухъ наполненъ благоуханіями.

— Кандъ! — сказала она,—дай мнѣ руку;—я хочу еще разъ посмотрѣть на солнце.

* Онъ въ 1849 году произведенъ въ подпоручики—и былъ послѣ того два раза упомянутъ въ реляціяхъ.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ, заплакала, взглянувъ на распускающіяся листья и на красоту дня,—потомъ побрела опять къ своимъ кресламъ,—и сказала:

— Ахъ, Кандъ, я умираю.

Она сѣла, склонила голову и испустила духъ, безъ страданій, безъ судорогъ, улыбаясь и смотря на Канда.

Теперь вынесли гробъ ея. Всѣ сняли фуражки, — и мы съ прочими пошли провожать ее на кладбище.

Кладбище въ Маскарѣ обсажено оливковыми и другими большими деревьями. Это настоящій садъ. Все тамъ дышетъ спокойствіемъ и тишиною. Могилу Шики вырыли подъ фиговымъ деревомъ. Спаги, несшіе ее, остановились; всѣ составили кружокъ; два инженерные солдата схватили легкій гробъ и спустили его въ яму. Кандъ стоялъ на краю могилы. Солдатъ подалъ ему лопату съ пригоршнею земли,—и суровая рука Спага задрожала, когда земля, ударившись о гробъ, издала глубокій и печальный звукъ. Крупная слеза катилась по смуглой щекѣ его.

Съ-тѣхъ-поръ одинъ Томъ, котораго и Шика любила, сдѣлался предметомъ привязанности Канда.

МАДРИДЪ И ЕГО ЖИТЕЛИ.—На первый взглядъ, Мадридъ предъ всѣми европейскими столицами представляетъ ту особенность, что въ немъ почти не занимаются ни земледѣліемъ, ни торговлею, ни промышленостію. Исключая двѣ три королевскія вотчины, годовой доходъ съ общественныхъ владѣній едва простирается до 40,000 талеровъ. Это отнюдь не происходитъ отъ ограниченности владѣній: Мадридъ окруженъ обширнымъ поясомъ большихъ полевыхъ угодій, гдѣ вы не найдете ни одного дома, ни одной хижины. Подобное небреженіе къ полевымъ работамъ объясняется тѣмъ, что въ Кастиліи, съ незапамятныхъ временъ, обращено исключительное вниманіе на пастбища. Въ XVI столѣтіи въ одной Новой-Кастиліи считалось болѣе шести милліоновъ мериносовъ;—въ это число мы не включаемъ прочіе роды скота;—и «mesta» обращала въ пустыню всѣ мѣстности, гдѣ только появлялась. Когда переселеніе двора въ Мадридъ, при Филиппѣ II, и, какъ слѣдствіе этого-приливъ народа, заставили жителей дать лучшее назначеніе землѣ, тогда были созжены и вырублены огромные лѣса, окружавшіе городъ въ средніе вѣка и давшіе ему прозвище La Osaria (Медвѣжій городъ). Водяные пути исчезли, и вмѣстѣ съ ними какъ

на бывало и плодотворныхъ началъ территоріи, которая съ тѣхъ поръ стала однимъ огромнымъ песчанымъ мѣстомъ, лежащимъ среди отдаленныхъ оазисовъ Аранхуэца и Гвадаррамы. Самое умноженіе населенности Мадрида ускорило исчезновеніе водяныхъ сообщеній. Въ тотъ годъ, какъ Мадридъ былъ назначенъ резиденціей (1560), въ немъ было только 2,500 домовъ, а въ 1597 г. ихъ считалось уже до 7000. Подобное размноженіе зданій могло произойти только во вредъ находившимся въ окрестностяхъ города лѣсамъ. Равнымъ образомъ центральное положеніе Мадрида, изъ всѣхъ испанскихъ городовъ наиболѣе отдаленнаго отъ обоихъ морей, отказало ему во всякой торговой дѣятельности. Еще менѣе было надежды на то, чтобы Мадридъ сдѣлался средоточіемъ промышленности: произведенія его фабрикъ проѣхали бы путь, отдѣляющій ихъ отъ иногородныхъ рынковъ, развѣ только для того, чтобъ на сѣверѣ, югѣ, востокѣ и западѣ возбудить соперничество фабрикъ Сеговіи, Толедо, Талаверы, Валенсіи и Авилы.

Городской налогъ не мало способствовалъ усыпленію дѣятельности мадридскихъ жителей. За немногими исключеніями, до 1848 года мы видимъ такія огромныя городскія пошлины, что онѣ уничтожили всякій зародышъ торговли и промышленности;—тѣмъ болѣе, что онѣ были налагаемы не только на самые необходимые съѣстные припасы, дороговизна которыхъ парализировала сельское производство extra muros, а intra muros дѣйствовала обратно на плату,—но также на фабричныя произведенія и, еще къ большему несчастію, на сырые матеріалы, употребляемые на фабрикахъ. Но это еще не все: подъ видомъ пошлины за въѣздъ въ городъ и за потребленіе, государство еще присоединяетъ новый налогъ, который удваиваетъ таможенный тарифъ, такъ-что каждый житель платитъ примѣрно около восьми талеровъ непрямаго налога, который препятствуетъ мѣстному потребленію и производству. Оба названные налога въ Мадридѣ взимаютъ съ потребителя вдвое болѣе, нежели въ Барцелонѣ, и второе болѣе, нежели въ Кадиксѣ, и все-таки кромѣ Барцелоны и Кадикса, есть города, съ которыми еще болѣе невыгоды сравнить Мадридъ, въ отношеніи къ торговлѣ, земледѣлію и промысламъ.

Къ тому еще присоединяется рѣдкая странность: городскія подати за потребленіе, сдѣланы главнымъ основаніемъ вычисленія прямыхъ налоговъ. Соразмѣрно съ этимъ, подати въ мадридской провинціи состоятъ изъ 32 реаловъ съ человѣка, а въ

барцелонской только изъ 25 реалонъ. Еще хуже торговцамъ въ отношеніи къ пріобрѣтенію правъ на торговлю: въ Мадридѣ за такое право платится около 25 талеровъ, въ Кадикѣ только 14, а въ Барцелонѣ такъ даже 12.

При такихъ обстоятельствахъ, Мадридъ могъ достигнуть значенія только главнаго города; онъ лишенъ другихъ вѣтвей торговли и промышлености, кромѣ тѣхъ, которыя соотвѣтствуютъ самымъ настоятельнымъ потребностямъ мѣстнаго потребленія. Покажемъ въ числахъ значеніе Мадрида. Только подъ этимъ условіемъ Мадридъ политически наженъ. По показаніямъ Мадоца, въ 1846 году въ Мадридѣ считалось 49,000 жилищъ и 207,000 душъ жителей.

За исключеніемъ поденщиковъ и слугъ, налогъ за производство промышлености въ Испаніи касается всѣхъ неофиціальныхъ занятій, которыя можно классифицировать, отъ адвоката и банкира до самаго мелкаго разнощика. Мадоцъ считаетъ въ Мадридѣ около 16,700 человѣкъ, имѣющихъ свидѣтельства на право промышлености. Число поденщиковъ соотвѣтствуетъ почти 7,000 домовъ. Четыре или пять мануфактуръ, которыми ограничивается промышленость Мадрида, не исключая и типографій, занимаютъ тысячу работниковъ, частію семейныхъ, частію холостяковъ. Что касается до работниковъ, представителей въ Мадридѣ тысячи небольшихъ обыкновенныхъ промысловъ, то большая часть ихъ производитъ работы на собственный счетъ, и причисляется къ разряду пользующихся правами торговли; иные принадлежатъ къ категоріи поденщиковъ; прочіе живутъ у мастеровъ и причисляются къ ихъ семействамъ. Отъ этого зависитъ большое число приказчиковъ, сидѣльцевъ, конторщиковъ, вообще—низшихъ лицъ торговли. Приказчиковъ и мастеровъ, живущихъ особо и непринадлежащихъ ни къ одной изъ этихъ категорій, считается до 2.000. Къ этому надобно прибавить 2.000 человѣкъ, которые не попадаютъ подъ оффиціальныя классификаціи,—какъ-то: членовъ обѣихъ палатъ, муниципальныхъ чиновниковъ, ученыхъ, писателей, художниковъ, и т. д. Въ Мадридѣ считается 6,400 частныхъ домовъ; но многіе изъ нихъ принадлежатъ или одному и тому же лицу, или людямъ, которые подходятъ подъ одну изъ приведенныхъ категорій, или наконецъ капиталистамъ изъ провинцій, которые, по причинѣ послѣднихъ войнъ, должны были перевести свои фонды на городскія недвижимости. Такимъ образомъ число домовладѣльцевъ, живущихъ въ Мадридѣ, уменьшается до 4,400. Къ этому причисляется еще 600 семействъ, которыя въ Ма-

ридѣ проживаютъ свои доходы. Вообще это составляетъ 34,000 домовладѣльцевъ, такъ-что на холостыхъ или на отцовъ семейства, живущихъ на государственный счетъ, приходится 15,000 домовъ, что почти соотвѣтствуетъ третя населенія.

Этому относительно большому числу не должно удивляться. Образъ испанскаго правленія дѣлаетъ необходимымъ чрезвычайное сгруппированіе чиновниковъ въ центрѣ правленія.* Къ дѣйствительнымъ чиновникамъ и въ собственномъ смыслѣ называемымъ солицитантамъ принадлежитъ еще множество отставныхъ, выслужившихъ лѣта, и временныхъ. Подъ различными предлогами, они или совершенно поселились въ Мадридѣ, или временно тамъ проживаютъ. Приливы этихъ лицъ умножали и уменьшали населеніе Мадрида, съ 1833, въ теченіе немногихъ лѣтъ, часто болѣе нежели на 50,000 душъ.

Понятна ли теперь прошедшая политика Мадрида, его совершенный недостатокъ основныхъ началъ при смутахъ послѣднихъ тридцати лѣтъ, его уступчивость къ конченному дѣлу—fait accompli, вошедшая въ поговорку. Все объясняется почти совершеннымъ недостаткомъ промышлености, этой теплицы могущества, и преобладаніемъ солицитантовъ.

Когда мы перейдемъ отъ исторіи Мадрида къ его домашнему образу жизни, то и въ этомъ отношеніи въ трудѣ господина Мадоца намъ представится большое число различныхъ поясненій.

Сравнивая число домовъ (поданнымъ 1846 года) съ числомъ жителей, мы получаемъ около 8 квартиръ и 32 души на каждый домъ. Это отношеніе не имѣетъ никакой аналогіи ни съ Парижемъ, гдѣ по многочисленности жильцовъ одного и того же дома сосѣдъ не знаетъ сосѣда, ни съ Лондономъ, который почитаетъ ту теорію домашней отдѣльности, по которой во многихъ городскихъ кварталахъ только одно семейство живетъ подъ одною кровлей. Испанскій городъ, напротивъ, имѣетъ особенную физіономію. Общая кровля служитъ въ Мадридѣ основаніемъ почти формальнаго союза дружества, къ которому постепенно присоединяются внѣшнія дружескія отношенія: такъ почти всѣ люди одного и того же состоянія, встрѣчаясь на Прадо, въ театрѣ, на Пуэртѣ-дель-Соль, привѣтствуютъ другъ друга и болтаютъ между собой. Другое статистическое отношеніе почти съ равною силой дѣйствуетъ на мадридское общество. Возрастъ отъ двадцати до тридцати лѣтъ, возрастъ баловъ, свиданій, «го-

* Въ Мадридѣ въ шестеро болѣе чиновниковъ, нежели въ Парижѣ, относительно населенности обоихъ городовъ.

воращихъ» букетовъ и опахалъ, въ Мадридѣ считаетъ самое большое число представителей, 51,000 человѣкъ (обоего пола), т. е. около четверти всего народонаселенія. Я предоставляю каждому самому представить, какія бреши проламываютъ эти люди завоеватели въ стѣнахъ частной жизни. Изящная легкость испанскихъ нравовъ вообще вноситъ въ это многое, свойственное одной Испаніи. Здѣсь любовь есть вещь необходимая. Пробыть двѣ минуты подлѣ молодой женщины, близъ молодой дѣвушки, встрѣтившейся на прогулкѣ или на балѣ, и не завести разговора съ ней, болтать съ ней пять минутъ и не вывести ее на почву мадригала — въ Испаніи значитъ погрѣшить противъ двухъ самыхъ необходимыхъ условій общественнаго быта. При второй встрѣчѣ размѣниваются уже имеѣами, и при третьей нерѣдко обмѣниваются нѣжнымъ amigo (другъ), и ни мать, ни недруги, ни соперники, не могутъ сердиться на это; точно также даже самое сильное тщеславіе не смѣетъ употребить это во зло. Дѣло становится серьознѣе, когда эта пріятная довѣренность разговора тянетъ до уменьшительнаго имени,— когда amigo напримѣръ перейдетъ въ разрядъ *amiguito*. *Ito* у Испанцевъ составляетъ настоящій рубиконъ чувствованій.

Изъ этого ясно видно, что при подобныхъ началахъ общежительности. Мадридъ очень худо олицетворяетъ кастильскую строгость и достоинство; и въ-самомъ-дѣлѣ время здѣсь проводятъ весело и шумно. Исключая боя быковъ, происходящаго почти каждую недѣлю, въ Мадридѣ — *семь* театровъ! Да и карнавалъ здѣсь продолжается вдвое долѣе, нежели въ Парижѣ. Съ половины осени до начала весны каждый молодой горожанинъ Мадрида считаетъ за безчестіе являться на балы безъ наклееннаго изъ бумаги носа. Несмотря на то, испанскимъ маскарадамъ не достаетъ надлежащей оживленности и увлекательной свободы и свѣжести; что говорить изъ-подъ маски, если почти все можно сказать открытымъ лицомъ? Слова: «Me conoces?—Te conozco?—(Знаешь меня? — Я тебя знаю!), тысячу разъ слышанныя, составляютъ почти единственный предметъ интриги.

Одно небольшое обстоятельство приправляетъ пошлую однообразность подобныхъ баловъ нѣкоторою привлекательностію: большая часть танцорокъ обыкновенно является въ домино. Кромѣ шумныхъ удовольствій, собирающихъ все главное народонаселеніе города, Мадридъ вкушаетъ также патріархальныя развлеченія провинціальной жизни. Ярмарки, процессіи, праздники—для молодаго мадридскаго населенія составляютъ весьма удобныя rendez-

vous. При этомъ истребляютъ множество конфектъ и исторгаются многочисленные вздохи. Эпоху въ сердечной исторіи преимущественно составляетъ вечеръ на Новый-годъ. Тутъ имена вздыхателей обоего пола отдѣльно бросаются въ двѣ урны, потомъ изъ каждой урны одинъ за другимъ вынимаютъ билетики, такъ что къ мужскому имени всегда присоединяется женское, и каждаго изъ участниковъ игры на цѣлый годъ объявляютъ обожателемъ сеньоры, которая досталась ему по этой лоттереѣ. Нерѣдко эта шуточная вѣжливость принимаетъ болѣе серьозный конецъ на ito! Но возвратимся къ статистикѣ.

Самое большое число браковъ въ Мадридѣ ежегодно бываетъ между мужчинами тридцати одного года и двадцатишестилѣтними дѣвицами, хотя Испанка при первомъ выходѣ изъ дѣтскихъ лѣтъ обладаетъ всею зрѣлостію возмужалости. Это продолжительное дѣвство объясняется свободою, которою пользуются молодыя дѣвушки въ Мадридѣ. Между-тѣмъ надобно сознаться, что Испанка именно потому, что свободно можетъ получать клятвы, находится всегда подъ надзоромъ сплетницъ, неблагопріятелей и соперницъ, которыя, разумѣется, составляютъ самую строгую и внимательную охранную стражу. Къ этому еще присоединяется то, что огонь тщеславія, непрерывно раздуваемый въ ней, отбиваетъ другія желанія. Наконецъ окна и внутреннія двери нижнихъ этажей, у которыхъ совершеннолѣтнія мадридскія дѣвушки выслушиваютъ своихъ любовниковъ, вообще очень надежно задѣланы рѣшеткой.

Что же касается до молодыхъ мадридскихъ мужчинъ, то вліяніе этой свободы нравовъ на нравственность не можетъ быть опровергнуто. Такъ какъ безнравственность здѣсь заранѣе предвидитъ тщету всѣхъ своихъ уловокъ, то она не старается привести въ дѣйствіе свое искусство; средины нѣтъ между чистою любовью вздоховъ и серенадъ, и дешевымъ уличнымъ порокомъ. При этомъ, въ видѣ примѣчанія къ статистикѣ общества, скажемъ, что несчастныя созданія, занимающіяся такимъ печальнымъ промысломъ, нимало не имѣютъ той цинической дерзости и той грубости, которую такъ привыкли встрѣчать въ другихъ мѣстахъ. Испанская женщина легкой нравственности, не будучи формально отдѣлена отъ общества, все еще сохраняетъ приличіе, какое характеризуетъ хорошее общество; она даже преувеличиваетъ благопристойность, какъ бы инстинктивно желая воротить себѣ уваженіе искусственною скромностію рѣчей и обращенія. Иностранецъ, полагаясь на наружность, встрѣтитъ ее съ почтеніемъ, и не найдетъ въ ней ничего не-

личнаго, кромѣ небольшой грубости. Я исключаю отсюда manolas, исключительно Мадриду свойственный родъ веселыхъ дѣвицъ, которыя обходятся съ самыми строгими и суровыми Испанцами съ тою легкостію. Въ нихъ вы видите оригинальность колкую, грубую, которую трудно опредѣлить, которая происходятъ и отъ особеннаго образа носить мантилью, и тяжелой походки, и отъ изящной особенности въ одеждѣ, и отъ взора, выражающаго дерзость. Языкъ манолы приходится съ родни образу выраженія парижскихъ рыбныхъ торговокъ (poissards). У низшаго класса испанскаго народа видно инстинктивное отвращеніе ко всему грубому, неблагородному. Возьмите самаго безпутнаго пьяницу, какого только можно встрѣтить въ кабакахъ Мадрида, Сарагоссы или Севильи, — и въ его словахъ, движеніяхъ и осанкѣ есть что-то напоминающее давателя серенадъ; и въ самомъ хрипломъ голосѣ пьяницы слышны еще, кажется, звуки гитары.

Изящество, господствующее во всѣхъ классахъ испанскихъ женщинъ, проникло и въ самые низшіе слои мужчинъ. Тогда какъ въ другихъ земляхъ работникъ только по воскресеньямъ надѣваетъ *мѣщанское* (bourgeois), платье въ Испаніи мѣщанинъ въ эти дни выступаетъ въ нарядѣ Махо, народнаго дэнди. Испанскій простой народъ показываетъ явное отвращеніе отъ подражанія высшимъ сословіямъ, чему совершенно противное видимъ въ другихъ странахъ; онъ гордится тѣмъ, что ему исключительно свойственно.

Покушенія на личность, которыя въ прочей Испаніи составляютъ почти двѣ трети преступленій, въ Мадридѣ менѣе малочисленны, нежели нападенія на собственность. Да, число жалобъ на убійство и оскорбленіе въ Мадридѣ менѣе (1 на 667 жителей), нежели въ другихъ округахъ (1 на 556 жителей). Соедините всѣ преступленія, заключеніе выйдетъ еще болѣе благопріятное. Въ истинно плебейскихъ кварталахъ, Lavapiés, Maravillas и Vistillas на 293 человѣка приходится только одинъ обвиненный; но въ средоточіи мадридской образованности, въ кварталахъ Barquillo, Rio и Prado уже изъ 150 человѣкъ одинъ подсудимый.

Между тѣмъ относительно строгая нравственность низшихъ классовъ мадридскаго народонаселенія нисколько не зависитъ отъ ихъ невѣжественности, какъ могли бы подумать нѣкоторые противники просвѣщенія; напротивъ, между ними просвѣщеніе распространено болѣе, нежели сколько можно было бы предполагать. Въ публичныхъ и частныхъ мадридскихъ школахъ

виненнымъ. Изъ этого надобно вывести то заключеніе, что въ Мадридѣ встрѣчается самое незначительное число преступленій, условленныхъ между многими лицами и показывающихъ только систематическую порчу. Въ числѣ обвиненныхъ, женщины составляютъ болѣе $^{1}/_{6}$, и въ этомъ не состоитъ единственный недостатокъ вѣжливости, какой позволяетъ себѣ статистикъ въ отношеніи къ нѣжному полу. Замужнія и женатые встрѣчаются въ числѣ обвиненныхъ болѣе, чѣмъ холостые, т. е. тѣ, которые еще неспособны къ вступленію въ бракъ. Но если супружество и не составляетъ въ Мадридѣ охранителя нравственности, то оно, въ вознагражденіе, доставляетъ превосходную защиту здоровью. За исключеніемъ двухъ упрямыхъ холостяковъ, изъ которыхъ одному 105, а другому 107 лѣтъ (въ 1846 г.), всѣ случаи глубокой старости находятся между женатыми. Впрочемъ изъ этого продолжительнаго срока мужчины выступаютъ ранѣе женщинъ. Въ статистическихъ показаніяхъ Мадрида находимъ 15,175 вдовъ, а вдовцовъ только 5,571, такъ что у мадридскихъ дамъ почти три шанса противъ одного писать эпитафіи своимъ супругамъ. Только въ періодъ жизни отъ 30 до 40 лѣтъ мужчины и женщины идутъ одинаково; послѣ же этого возраста увеличивается относительная смертность мужчинъ, такъ, что въ возрастѣ отъ 80—100 она почти вдвое болѣе дѣйствуетъ на нихъ, нежели на женщинъ. За сотымъ годомъ снова возстановляется равновѣсіе для обоихъ половъ. Въ 1846 году три женщины достигли самой глубокой старости: двѣ по 108 лѣтъ, а одна 110 лѣтъ.

Доселѣ мы обозначили характеристическія черты физіономіи Мадрида. Кто хочетъ видѣть ихъ въ дѣйствительности, тому посовѣтуемъ, вооружившись посохомъ, спѣшить за Пиренеи; потому-что черты, нами проведенныя, не рѣзки, и скоро могутъ изгладиться. Еще нѣсколько лѣтъ, и—тройкая оригинальность Мадрида исчезнетъ подъ всесокрушающею рукою времени, которая стерла и смѣшала нравственныя, и матеріальныя особенности большей части европейскихъ столицъ.

Начало уже сдѣлано: говорятъ, ни у одного rejas нижнихъ этажей не будетъ болѣе огромныхъ желѣзныхъ клѣтокъ на фасадахъ домовъ. Какъ великолѣпны эти rejas, которые вечеромъ, съ порхающими вокругъ молодыми кавалерами, подобны жужжащему улью мантилій и цвѣтовъ, — а ночью были официальнымъ rendez-vous любовниковъ, подъ благосклоннымъ и молчаливымъ надзоромъ Sereno (ночнаго сторожа), который не столько заботился о преслѣдованіи воришекъ, сколько о бдѣніи

ревнивцевъ, Aguntamiento недавно запретило всякій rejas на высотѣ ниже шести футовъ отъ земли. Каждому альмавивѣ какъ и прежде, можно болтать у рѣшетки rejas, только для этого онъ долженъ быть немного выше алебардщика; а мадридцы вообще низки ростомъ. Слѣдовательно, эта мѣра нанесла сильный ударъ беззаботному и пріятному болтанью подъ открытымъ небомъ, — этому сильному элементу мадридскаго общежитія. Но этого мало: спекуляція поднялась еще на то, что чрезмѣрно увеличиваетъ мадридскіе дома, между-тѣмъ какъ ихъ старое устройство такъ благопріятствовало сношеніямъ между сосѣдями. Прибавить ли къ этому еще то, что англо-французское нововведеніе начинаетъ похищать у мадридскихъ салоновъ ихъ неустрашимыхъ творцевъ мадригаловъ? Еслибы еще дамы изгнали куреніе сигаръ, то, можетъ-быть, это погубило бы тотъ живой романъ испанской жизни, гдѣ герой и героиня находились уже лицомъ къ лицу. Другая опасность: Мадридъ мало-по-малу лишается множества тѣхъ чиновниковъ, которые населяли его, а съ ними и тѣхъ нѣжныхъ и легкихъ манеръ, которыя составляютъ первое ихъ условіе. Такъ все клонится къ тому, чтобы только похитить у Мадрида полупровинціальныя дружескія отношенія, составляющія его особенную прелесть. Скорость, съ которою умножаются театры (съ 1840 года воздвигнуто четыре новыхъ театра), неменѣе должна безпокоить въ этомъ отношеніи: публичная жизнь развивается только во вредъ частныхъ интересовъ.

Несмотря на всѣ препятствія, о которыхъ мы выше упомянули, Мадридъ скоро сдѣлается средоточіемъ торговли, фабрикъ и даже земледѣлія. Такъ искусны были начала и основныя положенія, благопріятствующія развитію этихъ промысловъ, такъ опредѣлительны и важны были результаты, слѣдствія послѣдовательнаго преслѣдованія одной и той же цѣли. Городъ, резиденція всѣхъ государственныхъ силъ, и при прежней значительности могъ бы уже имѣть надежду на пріобрѣтеніе преимущества въ какомъ-либо отношеніи, при системѣ улучшенія, которая съ нѣкотораго времени домогается оживить всѣ города полуострова, чрезъ соединеніе ихъ одного съ другимъ. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія Мадридъ можетъ достигнуть дѣйствительнаго превосходства. Онъ населеннѣе всѣхъ испанскихъ городовъ и, по величинѣ налоговъ, можетъ объявлять самыя большія права. На жителѣ мадридской провинціи прямыхъ и косвенныхъ налоговъ лежитъ 169 реаловъ; и такъ вдвое и даже всемеро болѣе, нежели сколько платятъ

жители другихъ провинцій *. Житель же самаго Мадрида платитъ гораздо болѣе 169 реаловъ; потому-что сельскіе округи мадридской провинціи, по бѣдности, налоговъ платятъ менѣе, нежели сельскіе округи другихъ провинцій. Но по исключительности издержекъ, у Мадрида также исключительныя средства дѣятельности. Препятствуя долгое время въ провинціи закладу капиталовъ подъ помѣстья и промышленныя заведенія, и черезъ чуръ увеличивая биржевые торги, междоусобная война въ столицѣ, естественномъ средоточіи оборотовъ и процентовъ, скопила огромную массу наличныхъ денегъ и въ ассигнаціяхъ, которыя постепенное возстановленіе и упроченіе порядка обратило на полезное употребленіе; естественно вмѣстѣ съ этимъ и здѣсь воспрянулъ духъ предпріимчивости. Вотъ причина финансовой лихорадки, которая была въ Мадридѣ 1843—1847 г. Въ этотъ періодъ въ Мадридѣ, гдѣ было болѣе 200 компаній горнаго дѣла, вдругъ появились девяносто-пять проектовъ компаній о заведеніи и дѣйствіи банковъ, страховыхъ обществъ, торговыхъ, промышленныхъ, земледѣльческихъ предпріятій всякаго рода; выставленные капиталы восходили почти до двухъ мильярдовъ. Это подлинно было безуміе. Половина этихъ обществъ не могла осуществиться, а тѣ, которыя и понынѣ существуютъ, достигли этого только тѣмъ, что значительно ограничились въ выдачѣ своихъ акцій. Тѣмъ немснѣе это обстоятельство остается доказательствомъ огромнаго скопленія производительныхъ силъ. Городъ, гдѣ сосредоточиваются заразъ и самое могущественное вліяніе, и властолюбивыя потребности, и самыя большія массы праздныхъ капиталовъ, едва ли долго останется осужденнымъ на роль торговаго закоулка, которую игралъ Мадридъ по причинѣ трудности сообщеній и недостатка законодательства; и въ-самомъ-дѣлѣ уже произнесено слово, которое побѣдоносно уничтожаетъ осужденіе, тяготѣвшее, кажется, на главномъ городѣ Испаніи. Именно теперь только и думаютъ о томъ, чтобъ провести желѣзную дорогу отъ Мадрида къ обоимъ морямъ.

Не удивляйтесь этому: чѣмъ болѣе отстала Испанія относительно путей сообщенія, тѣмъ доступнѣе она для нововведенія— желѣзныхъ дорогъ; а если дороги должны быть проложены—

* Послѣ Мадрида болѣе прочихъ обложена провинція Севильская (около 96 реаловъ съ головы), между-тѣмъ-какъ въ провинціи Понтеведраской (за исключеніемъ баскскихъ провинцій всего менѣе обложенной) на человѣка приходится только 23 реала.

что каждый запиренейскій житель считаетъ необходимостію — то здравый смыслъ уже совѣтуетъ—предпочесть самую совершенную систему сообщенія. Да, еще болѣе: проведеніе желѣзныхъ дорогъ изъ всѣхъ путей сообщенія всего менѣе затруднитъ въ Испаніи состояніе финансовъ. Заведеніе и починка обыкновенныхъ дорогъ представляетъ самые далекіе и самые незначительные результаты, потому сманить частные капиталы трудно; а государство, провинціи и общины въ Испаніи такъ задолжали, что они, кромѣ незначительныхъ взносовъ, ничего не могутъ посвятить этому предпріятію. Напротивъ, желѣзная дорога дастъ спекуляціи выгодную и непосредственную надежду на возбужденіе въ обществѣ участія къ заведеніямъ такого рода. Потомъ государство можетъ въ этомъ принять дѣятельное участіе. Недавно обнародованный законъ освобождаетъ на нѣкоторое время отъ всякой подати всѣ тѣ капиталы, которые посвящаются трудамъ орошенія. Почему же не сдѣлать тогоже самаго и относительно капиталовъ для желѣзныхъ дорогъ? Капиталъ при этомъ съ одной стороны ничего не потеряетъ, потому-что многочисленность свободныхъ капиталовъ нынѣ становится безполезною, и потому избѣгаетъ подати; напротивъ съ другой стороны много выиграетъ. Представьте только огромное увеличеніе производства и потребленія, т. е. матеріяловъ и пошлины, которое произошло бы отъ созданія большой линіи желѣзныхъ дорогъ, — въ той странѣ, гдѣ, по недостатку путей сообщенія, товары въ извѣстномъ мѣстѣ необыкновенно дешевы, а часто на разстояніи семи-восьми миль отъ него дѣлаются чистымъ предметомъ роскоши! Государство видитъ это очень хорошо; оно не медлило ни одной минуты доставить еще болѣе прямыя выгоды обществамъ. Такъ какъ указъ объ устроеніи желѣзныхъ дорогъ, чѣмъ дѣятельно занимаются камеры, еще не изданъ, то конгресъ положительно и единогласно постановилъ, чтобы капиталы поручились предпринимателямъ за интересъ minimum 6%, съ 1% ежегодно, для постепенной покупки учрежденныхъ дорогъ.

Разнообразныя качества испанской почвы и необходимость прокапывать три большіе горные кряжа, напр. при соединеніи желѣзною дорогою Валенсіи съ Коруньей чрезъ Мадридъ,—составляютъ единственно извѣстныя намъ препятствія, немного охлаждающія участіе предпринимателей. Впрочемъ, не надобно преувеличивать ихъ. Опытъ показалъ, что часто дешевле бываетъ прорѣзать гору, нежели холмъ; потому-что въ первомъ случаѣ стѣнныя работы почти всегда излишни. Впрочемъ, если

принять въ разсчетъ и то, что преодолѣніе трудностей, какія здѣсь представляетъ мѣстность, требуетъ весьма большаго рачевія, то компанія за увеличеніе издержекъ была бы вознаграждена двояко. Во-первыхъ, при взглядѣ на небольшой доходъ съ земель, при настоящемъ сообщеніи путей, гораздо менѣе, нежели въ другихъ земляхъ, она должна будетъ употребить денегъ на покупку земель и на вознагражденіе владѣльцевъ; кромѣ того, половина испанскихъ земель состоитъ изъ пастбищъ и выгоновъ, принадлежащихъ государству, провинціямъ или общинамъ, которыя пріобрѣли бы несомнѣнную пользу, дозволивъ проходъ чрезъ ихъ владѣнія одной изъ линій желѣзныхъ дорогъ. Во-вторыхъ, компанія могла бы разсчитывать на болѣе значительную прибыль, нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. И въ Англіи, Бельгіи и даже во Франціи, гдѣ желѣзныя дороги должны выдержать соперничество другихъ путей сообщенія, все еще неоставленныхъ, положенные на желѣзныя дороги капиталы доставляютъ весьма большіе проценты. Какъ же выгодно было бы въ Испаніи заведеніе желѣзныхъ дорогъ, гдѣ новые пути не ожидаютъ почти никакого совмѣстничества, и гдѣ огромныя массы минеральнаго, растительнаго и животнаго богатства ожидаютъ только средствъ для перевозки, чтобы разойтись по всему свѣту!

Одинъ англійскій инженеръ недавно сдѣлалъ предложеніе въ газетѣ Heraldo объ учрежденіи желѣзной дороги между Сеговіей и Валенсіей, довольствуясь единственнымъ путемъ, который даже преодолѣлъ бы нѣкоторые изъ затруднительнѣйшихъ пунктовъ, и скоростію двадцати англійскихъ миль въ часъ для пасажировъ и четырехъ англійскихъ миль для перевозки тяжестей. Изъ этого предложенія видно, что настоящее транспортное сообщеніе на всемъ протяженіи этой линіи и на ея отдѣлахъ уже принесло бы непремѣннаго дохода акціонерамъ по 5%, за исключеніемъ издержекъ на дополненіе заведенія и на постройку второй дороги.

И такъ проблема объ испанскихъ желѣзныхъ дорогахъ сводится къ слѣдующему вопросу: можно ли предположить, что сообщеніе путешественниковъ и тяжестей на линіи отъ Валенсіи въ Мадридъ и отъ Мадрида въ Валенсію убавится, при скорости вшестеро большей нынѣшней и при платѣ за перевозъ втрое меньшей, нежели нынѣ — для пассажировъ, и платѣ за фрахтъ вшестеро низшей и скорости несравненно большей — для тяжестей? Если предположить возможность этого, то этотъ вопросъ надобно разсматривать какъ рѣшенный.

Открытіемъ линіи между Валенсіей и Сеговіей сообщеніе Мадрида съ обоими морями въ нѣкоторой степени уже осуществлено, если капиталисты согласятся на употребленіе прекрасной коруньской гавани, т. е. на продолженіе дороги отъ Сеговіи къ Коруньѣ. Именно въ Сеговіи желѣзная дорога должна встрѣтиться съ каналомъ Кастильскимъ, который за Вальядолидомъ раздѣляется на множество рукавовъ. Одинъ изъ нихъ, уже проведенный до Медина-де-Ріо-Око, будетъ продолженъ по португальской границѣ до Замморы, почти до того самаго мѣста, гдѣ Дуэро дѣлается судоходною. Такимъ образомъ придвинулись бы къ океану. Другой рукавъ идетъ до Aral del Rey, въ направленіе Сантандера, и его надѣются соединить желѣзною дорогою съ сосѣдними гаванями; при этомъ рѣчь естественно касается вопроса о другой желѣзной дорогѣ до Кастильскаго канала. Открытіе линіи отъ Валенсіи къ Сеговіи, которое удесятерило бы для Сантандера благодѣяніе этого сообщенія, могло бы только ускорить проведеніе послѣдней дороги, и тогда Мадридъ находился бы въ соединеніи съ океаномъ тремя или четырьмя гаванями—на испанскомъ берегу. Но это еще не все: лишь только Кастильской каналъ сдѣлается главнымъ путемъ большаго соединенія сѣвера и юго-востока Испаніи черезъ Мадридъ, каналъ Аррагонскій, отдѣляемый отъ Кастильскаго только незначительнымъ пространствомъ, примкнетъ къ нему въ самое короткое время; а онъ, ожививъ земледѣліе и торговлю одной изъ богатѣйшихъ провинцій полуострова, оканчивается недалеко отъ того мѣста, гдѣ очень легко было бы сдѣлать Эбро судоходною до самаго устья: опять новое соединеніе Мадрида съ открытымъ моремъ—съ Средиземнымъ. Остановимся на этомъ: осуществленіемъ этого плана, требующаго для исполненія упомянутаго проекта только риску въ 10 милліоновъ талеровъ основнаго капитала, Мадридъ, донынѣ исключенный отъ всякихъ сношеній, и лежащій въ богатѣйшей изъ европейскихъ странъ, среди пяти или шести провинцій, которыхъ самонужнѣйшія для другихъ провинцій произведенія пропадаютъ совершенно безъ толку, — Мадридъ, говоримъ, сдѣлался бы складочнымъ мѣстомъ двухъ третей внутренняго потребленія и естественнымъ транзитнымъ пунктомъ большей части внѣшней торговли. При этомъ мы даже ни слова не говоримъ о новомъ возвышеніи дѣятельности, за какое, какъ за необходимое слѣдствіе, ручается продолженіе путей желѣзныхъ дорогъ и водныхъ путей сообщенія съ одной

стороны—во Францію, съ другой—въ Андалузію и Эстремадуру *.

Быстрое умноженіе капиталовъ, пониженіе платы за трудъ, которое повлечетъ за собою еще большую чрезмѣрность средствъ пропитанія, дешевизна сырыхъ матеріяловъ, естественное слѣдствіе умноженія ихъ, быстрота, съ какою понижается цѣна перевозныхъ средствъ, наконецъ открытіе самой далекой сѣти внутреннихъ отводныхъ каналовъ — все это неумнуемо вовлечетъ Мадридъ въ область самой обширной мануфактурной дѣятельности. Тысяча частныхъ мелочныхъ промышленостей, которыя теперь остаются въ сторонѣ, въ пользу мѣстнаго потребленія, разовьется, и относительное уменьшеніе ихъ цѣнности вообще, какъ слѣдствіе успѣха, для нихъ будетъ рычагомъ для дальнѣйшихъ успѣховъ. Мадриду надобно будетъ даже опасаться этого усиленія промышленной дѣятельности на-счетъ транзитной торговли. Постройка экипажей, производство фарфора и ковровъ, и наконецъ металлическія издѣлія—вотъ единственныя отрасли промышлености, какія могли бы продолжать свое существованіе въ Мадридѣ, безъ вреда другимъ стихіямъ его будущей дѣятельности. Даже первые три промысла здѣсь пользуются прочнымъ и естественнымъ существованіемъ по причинѣ роскоши, которую въ каждой столицѣ поддерживаютъ присутствіе двора и аристократіи и быстрота оборотовъ государственныхъ капиталовъ. Что же касается до металлическихъ издѣлій, то они существенно приличны Мадриду, потому-что въ состояніи были счастливо побѣдить множество препятствій, съ которыми должны были здѣсь бороться. Хотя послѣднее обстоятельство въ-самомъ-дѣлѣ странно и объясняется только изобиліемъ минераловъ въ обѣихъ Кастиліяхъ, не смотря на удаленіе отъ гаваней и мануфактурныхъ рынковъ, удаленіе, увеличивающееся еще настоящею трудностію сообщенія,—тѣмъ не менѣе возникли и существуютъ четыре большіе металлическіе завода, которые могли быть задуманы и съ успѣхомъ исполнены только при существованіи большихъ и самыхъ слож-

* Уже учреждена англо-испанская компанія для проведенія желѣзной дороги между Мадридомъ и Бадахозомъ, и для проведенія впослѣдствіи побочной дороги къ Лиссабону чрезъ Севилью. Предварительныя изслѣдованія этой полосы доказали, что на линіи изъ Мадрида въ Бадахозъ всего менѣе можно надѣяться на преодолѣніе затрудненій со стороны мѣстности. Изслѣдованія, произведенныя на пространствахъ отъ Барцелоны до Митаро и отъ Мадрида до Аранхуэца, уже позволяютъ Испаніи вѣрнѣе оцѣнять напередъ этотъ родъ работъ.

ныхъ машинъ. Новое ободреніе для заведенія большихъ желѣзныхъ дорогъ. Лишь только руды сѣвера, юга и запада сдѣлаются доступны мадридской металлической работѣ, а всѣ большіе внутренніе и морскіе отводные каналы будутъ приведены въ прямое соединеніе съ Мадридомъ, металлическая промышленость развьется въ огромнѣйшемъ размѣрѣ.

Увеличеніе народонаселенія и соразмѣрно съ этимъ потребленія, какъ необходимое слѣдствіе преобразованія Мадрида въ средоточіе промышлености и торговли, раньше или позже подѣйствуетъ обратно на его земледѣльческія побужденія. Безплодіе сосѣднихъ странъ только — обманчивая видимость. Всюду, гдѣ только хотя немного стараются оросить почву, сама собою развивается великолѣпная растительность; да и самый недостатокъ воды менѣе ощутителенъ, нежели сколько думаютъ. Въ низменныхъ странахъ вода находится почти непосредственно подъ землею, и достаточно было бы самыхъ незначительныхъ средствъ орошенія для превращенія этой низменности въ сады. Что же касается до оплодотворенія высокихъ равнинъ, то не слѣдуетъ ли употребить нѣсколько труда и денегъ для того, чтобъ воспользоваться многочисленными водопроводами, которые изъ окрестностей, на разстояніи десяти—двѣнадцати миль, должны снабжать необходимою потребою воды 137 мадридскихъ фонтановъ? Прибавимъ къ этому, что общество, существующее уже много лѣтъ, надѣется докончить небольшой Гвадаррамскій каналъ, который будетъ орошать болѣе 30,000 квадратныхъ метровъ земли до мадридскихъ воротъ.

Въ настоящее время въ Мадридѣ считается семнадцать академій или ученыхъ обществъ. Итакъ, академиковъ здѣсь очень много! Между многоразличными маніями, въ Мадридѣ господствуетъ особенно та, которая открываетъ вкусъ публики. Впрочемъ, Мадридъ и теперь ограничивается не одними ожиданіями; многое уже сдѣлано. Выборы всегда указываютъ на имена, пользующіяся извѣстностію; такъ-что нѣтъ ни одного въ нѣкоторой степени даровитаго писателя, который бы не былъ посланъ въ парламентъ, т. е. въ Мадридъ. Между-тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не измѣняетъ своему призванію, потому-что испанскій писатель, будь это депутатъ, сенаторъ или министръ, не перестаетъ быть — писателемъ. Поэтому большая часть значительныхъ сочиненій испанской литературы выходитъ изъ мадридскихъ типографій. Поэтому также мадридская литература со вступленія новаго правительства могла пріобрѣсти такое превосходное положеніе.

Литературная дѣятельность въ Мадридѣ развилась бы еще болѣе, еслибъ не было маніи къ переводамъ, которые въ-теченіе пятнадцати лѣтъ оспаривали мѣсто у оригинальныхъ сочиненій, и на театрѣ, и въ книгахъ, и въ фельетонѣ. Только недавно, кажется, произошла реакція противъ этого. Самые лучшіе мадридскіе журналы теперь посвящаютъ свои столбцы преимущественно оригинальнымъ произведеніямъ литературы; точно также правительство назначило театръ для представленій исключительно оригинальныхъ драматическихъ произведеній. Въ заключеніе представимъ нѣсколько численныхъ данныхъ: одинъ университетъ перваго разряда, въ которомъ получаютъ высшее образованіе 5000 воспитанниковъ и изъ котораго ежегодно выходятъ 1100, удостоенныхъ званія дѣйствительнаго студента; тринадцать спеціальныхъ училищъ, четыре библіотеки, двадцать-одно собраніе древностей, десять музеумовъ, собраній или ученыхъ депо, одна обсерваторія, четыре не-лирическіе театра, не считая многочисленныхъ труппъ любителей, пятьдесятъ-одинъ журналъ (сюда же причислены и періодическія газеты всякаго рода); наконецъ, безчисленныя типографіи, изъ которыхъ одна въ 1847 году набрала почти 183,000 томовъ, все это увеличиваетъ умственную дѣятельность Мадрида и доставляетъ ей матеріалъ въ трехъ главныхъ направленіяхъ—въ изящной словесности, въ наукахъ и въ обнародованныхъ сочиненіяхъ.

Для собственно такъ-называемаго искусства есть музыкальная и декламаторская консерваторія, три лирическіе театра (оперные) и три музеума. Но это небольшое число могло бы хотя и еще уменьшиться. Въ городѣ, гдѣ немногимъ болѣе 200,000 душъ, трехъ лирическихъ театровъ, при четырехъ другихъ, — очень много, даже и тогда, еслибъ каждый изъ нихъ по-очередно закрывался. Поэтому до-сихъ-поръ еще Мадридъ не могъ удержать въ своихъ стѣнахъ ни хорошихъ пѣвцовъ, ни хорошихъ композиторовъ. Здѣсь слушаютъ только итальянскую оперу, у которой почти всегда бываетъ много слушателей. На прочихъ театрахъ дается балетъ, который въ Лондонѣ и Парижѣ составляетъ приманку, похищающую большую часть публики у оперы.

Что-же касается до живописи и скульптуры, то Испанія пробавляется славою прошедшаго. Революція нанесла жестокій ударъ живописи и скульптурѣ, обративъ всѣ частныя имущества въ золото и заперевъ монастыри. Несмотря на то, Фредерико де-Мадразо и два—три другіе художника еще поддерживаютъ въ нѣкоторой степени старую славу испанской живописи, которая,

если только суждено ей возстать, воскреснетъ именно въ Мадридѣ, потому-что здѣсь живутъ самые богатые и образованные цѣнители изящнаго. Въ Мадридѣ можно насчитать до восьми частныхъ галлерей, которыя могутъ выдержать сравненіе съ большимъ музеумомъ. И скульптура рано или поздно отыщетъ значительныя требованія въ матеріяльномъ развитіи, обѣщаемомъ Мадриду въ будущемъ,—тѣмъ болѣе, что въ монументальномъ искусствѣ въ Мадридѣ пока еще ничего не сдѣлано. Здѣсь нѣтъ ни одного замѣчательнаго зданія, потому-что Мадридъ былъ оставленъ безъ вниманія до того самаго времени, когда Филиппъ II избралъ его своей резиденціи, т. е., до 7-й эпохи, когда Испанія получила настоящее бытіе. Королевскій дворецъ, въ общемъ своемъ видѣ, возвышается съ нѣкоторою колоссальною легкостію надъ острымъ и отвѣснымъ холмомъ, увѣнчиваемымъ бѣлою массою еще неоконченнаго дворцоваго флигеля. Доровизна камня, возвысившаяся отъ трудности перевозки, много содѣйствуетъ бѣдности Мадрида относительно великолѣпныхъ зданій. За исключеніемъ нѣкоторыхъ отелей грандовъ и банка, единственныхъ зданій, имѣющихъ художественное значеніе, которыми могутъ мадридцы похвастаться передъ иностранцами, большая часть частныхъ домовъ скрываетъ убогость каменной работы подъ гипсовымъ нарядомъ или, что еще хуже, подъ обыкновенною известковою одеждой. Не смотря на это, Мадридъ не лишенъ гордой столичной наружности. Прелесть его прогулокъ, пріятность его важнѣйшихъ фонтановъ, случайный составъ его почвы, повергающій въ отчаяніе городскаго архитектора, но значительно увеличивающій и украшающій своимъ внѣшнимъ разнообразіемъ наружность Мадрида въ глазахъ иностранца, наконецъ по-истинѣ грандіозная перспектива нѣкоторыхъ улицъ, ширина и великолѣпіе которыхъ вообще перевѣшиваютъ бѣдность строительнаго искусства въ частностяхъ, — все это напоминаетъ о томъ, что въ прошедшемъ у Мадрида: возвышенная гордость Филиппа II, изящный вкусъ Карла III и неприведенный въ исполненіе планъ Наполеона....

Въ отношеніи къ будущей возможной архитектонической роскоши, Мадридъ на первый случай заботится о красотѣ и удобствѣ. Городское управленіе срываетъ старые жолобы, которые при дождливой погодѣ низводятъ на проходящихъ семь тысячъ небольшихъ водопадовъ; оно устроиваетъ отводные каналы, возвышаетъ середину улицъ, снабжаетъ ихъ троттуарами, и заботится, по возможности, о вымащиваніи ихъ; около 510

улицъ и 69 площадей, на окружности 47,000 футовъ, окончены. Эта масса работъ, которая произвела донынѣ только небольшой дефицитъ, указываетъ на объемъ многочисленныхъ источниковъ пособій, которые община, по исполненіи самонужнѣйшаго, можетъ когда-нибудь обратить на планы. Асфальтъ укореняется въ Мадридѣ. Газовое освѣщеніе, хотя составляетъ совершенно недавнее нововведеніе, вставляется въ 9,000 фонарей, которые, впрочемъ, едва въ состояніи поспорить со звѣздами, потому-что послѣднія подъ испанскимъ небомъ сіяютъ въ удивительной ясности и величинѣ. Чрезвычайная чистота воздуха, доставляющая ежегодно для наблюденій на обсерваторіяхъ 251 красный день (изъ этого числа 132 немного облачны, а 119 совершенно ясны), сухость страны, жадно впивающей самую незначительную влагу, и совершенно особенное положеніе Мадрида на высотѣ 2,000 футовъ надъ поверхностію моря—объясняютъ нѣкоторыя оптическія явленія. День показываетъ еще другое великолѣпіе, особенно лѣтомъ. Тогда въ Мадридѣ бываютъ тѣ именно фантастическіе часы полудня, когда обыкновенное разжиженіе воздуха, увеличивающееся еще палящимъ жаромъ, (иногда до 38 грасусовъ въ тѣни), увеличиваетъ отдаленнѣйшія перспективы. Или вечеромъ, когда косвенные лучи солнца, разлагающіеся на неопредѣленныя краски, но все еще окрашивающіе прозрачную атмосферу въ яркіе оттѣнки, разливаются бронзою по темному рою мантилій, пудрятъ темныя вершины деревъ и превращаютъ въ бенгальскіе огни чудное сіяніе мифологическихъ боговъ фонтановъ Прадо. Эти климатическія отношенія упрочатъ испанской столицѣ особенный отпечатокъ, даже если англійскіе и французскіе нравы отнимутъ у него всякую другую оригинальность.

ДВА РУДОКОПА. Весной 1838 года, купеческій бригъ отправился изъ Фальмута въ Южную-Америку. На немъ находилось тридцать два рудокопа изъ Корнваллиса, нанятыхъ англійскою компаніею. Это были большею частью, молодые люди, желающіе увидѣть новыя страны, болѣе или менѣе стремящіеся къ приключеніямъ и которые съ охотою, мѣняли вѣрное обезпеченіе себя грубою работою и незначительною платою на возможность пріобрѣсть богатство, которое обѣщало имъ самое названіе Перу. Нѣкоторые изъ этихъ эмигрантовъ переселялись туда со своими семействами, другіе же оставляли ихъ на родинѣ. Если дѣла ихъ шли хорошо, то семейства ихъ на слѣдующій годъ отправлялись въ-слѣдъ за ними.

Въ такихъ обстоятельствахъ находился Джонъ Шортъ, имѣющій около тридцати-четырехъ лѣтъ, и его зять Вильямъ Вакгамъ, двумя или тремя годами моложе его. Мери Шортъ, жена перваго и сестра втораго, оставалась въ Англіи со старикомъ Вакгамомъ, ея отцомъ, содержавшимъ маленькую ферму, по сосѣдству съ Пензенсомъ. Соединенная бракомъ съ Джономъ уже двѣнадцать лѣтъ, она имѣла четверыхъ дѣтей, изъ которыхъ остались живыми двое; прочіе умерли вскорѣ послѣ рожденія. Этотъ бракъ сначала встрѣтилъ сопротивленіе со стороны ея отца. Въ то время Джонъ Шортъ не былъ на счету людей хорошаго поведенія; онъ гораздо аккуратнѣе посѣщалъ кабакъ, нежели являлся на перекличку начальника рудокоповъ. Старикъ Вакгамъ даже грозилъ своей дочери выгнать ее, если она будетъ продолжать слушать лѣнтяя, а молодой Вильямъ, поссорясь на какомъ-то пиру съ любезнымъ своей сестры, такъ сильно поколотилъ его, что Джонъ пролежалъ болѣе мѣсяца въ больницѣ. Это несчастное приключеніе должно было имѣть совсѣмъ другую развязку, нежели можно было предполагать. Вильямъ не хотѣлъ себѣ простить того, что употребилъ во зло свою силу и неоспоримое преимущество въ искусствѣ боксированія. Не зная, какъ загладить вину свою передъ Джономъ, онъ выпросилъ ему у отца руку сестры, и сдѣлался его лучшимъ другомъ.

Молодые супруги сначала съ твердостью переносили трудности бѣднаго хозяйства и неблагодарнаго ремесла. Джонъ совершенно отказался отъ кабака, и когда оставилъ эту привычку, заставлявшую его часто не работать, Мери не могла нарадоваться своему выбору.

Вильямъ жилъ вмѣстѣ съ ними, но онъ не такъ велъ себя, какъ можно было этого ожидать, часто онъ уходилъ по ночамъ изъ дому, и употребленіе времени не согласовалось съ предписанными правилами для охоты. Нѣсколько разъ онъ былъ схваченъ на охотѣ, въ то время, какъ занимался браконьерствомъ, и если онъ не вздумалъ увеличить число основателей имперіи Ботани-Бей, то былъ обязанъ этимъ какому то особенному и счастливому случаю.

Если случалось, что Джонъ былъ не такъ здоровъ и не могъ спускаться въ рудникъ, Вильямъ исполнялъ работу за двоихъ и ни пустыни, ни лѣса не отвлекали его тогда отъ работы. Онъ любилъ заниматься непозволенною охотою, потому-что она доставляла въ то же время наслажденія и опасности, но онъ

никогда не лишилъ бы свою сестру куска хлѣба, и охотно работалъ за своего зятя, чтобы не лишить жены его половины платы. Если вы хотите сдѣлать хорошаго человѣка изъ повѣсы, котораго сердце еще не развращено, дайте ему обязанности, которыя онъ считалъ бы священными.

Время наступало тяжелое: недостатокъ работы или огромное число работниковъ понизило плату, а цѣна на жизненные припасы увеличивалась. Количество дичи въ сосѣднихъ мѣстахъ также должно было уменьшиться. Въ тавернахъ уже раздавались мятежные крики, вмѣсто простаго, но веселаго разговора и вакхическихъ пѣсенъ. Это былъ прекрасный случай агенту англо американской компаніи нанять рудокоповъ! Онъ употребилъ этотъ случай въ свою пользу. Блистательное объявленіе огромными буквами въ поль-футе, на голубой и красной бумагѣ, было прибито во всѣхъ мѣстахъ, часто посѣщаемыхъ. Тамъ было сказано между прочими приманками:

«Совѣтъ, какъ составить себѣ состояніе.—Золотые рудники въ Перу. Требуются искусныхъ рудокоповъ! Возвышенная плата. Переѣздъ на счетъ компаніи. Часть платы получается до отправленія.»

Вильямъ Вакгамъ умѣлъ довольно читать, чтобы разобрать это объявленіе, которое онъ громко толковалъ своимъ товарищамъ. «Совѣтъ, какъ составить себѣ состояніе.» Я думаю всякой желалъ бы этого! «Золотые рудники въ Перу.» Это должно принести болѣе выгоды, нежели свинцовые рудники. «Увеличенная плата.» Очень естественно, что намъ недостаточно того, что мы вырабатываемъ, чтобы жить. «Часть платы до отправленія!» Вотъ это хорошо! Это еще не все. Въ концѣ афиши былъ нарисованъ рудокопъ, со шляпой на головѣ, съ широкими полами, держа въ одной рукѣ заступъ, а въ другой кошелекъ, наполненный золотомъ. Совѣты судьи, имѣвшаго по сосѣдству лѣсъ съ фазанами, убѣдили Вильяма рѣшиться на эту поѣздку, если Джонъ согласился бы также на это предпріятіе. Джонъ долго колебался; но зная, что его легко могли выгнать изъ дому, потому-что не́ чѣмъ было заплатить за квартиру, онъ разсудилъ, что сумма, предлагаемая впередъ, могла вывести его изъ затруднительнаго положенія; но болѣе отстранило всѣ трудности обѣщаніе агента, который бралъ на себя отправить Мери съ двумя дѣтьми въ слѣдующую весну къ мужу. Но этого нельзя было сдѣлать въ предстоящемъ путешествіи: число женщинъ, за проѣздъ которыхъ бралось платить общество, было уже полное, а покуда Мери получала часть выданной суммы

отъ мужа, и часть отъ брата, и могла содержать себя безъ нужды.

Какъ ни старалась бѣдная женщина отговорить ихъ отъ такого намѣренія, Вильямъ взялся убѣдить ее въ этомъ. Хотѣла ли она остановить ихъ отъ пріобрѣтенія богатства, заставить дѣтей своихъ когда-нибудь также, какъ и они, добывать хлѣбъ себѣ въ потѣ лица? Мери покорилась, боясь, чтобъ ее не обвинили въ эгоизмѣ. Старикъ Вакгамъ добродушно принялъ ее къ себѣ въ домъ, но не утерпѣлъ не напомнить, что онъ предсказалъ ей все, что случилось.

Тѣ, которые предсказываютъ несчастіе, никогда не ошибаются.

Сцена разлуки была очень трогательна.

Джонъ и Вильямъ удивлялись всему, что видѣли на кораблѣ. Въ первый разъ имъ приходилось быть на морѣ. Все удивляло ихъ, все было для нихъ развлеченьемъ, все располагало ихъ забыть горесть разлуки, которая должна была продолжаться такъ долго; но когда поднялся якорь, когда зеленѣющая покатость и лѣсные холмы ихъ отечественой страны начали теряться изъ виду въ отдаленіи, тоска завладѣла ими. Какъ охотно отказались бы они отъ ихъ замысловъ о богатствѣ, чтобъ только возвратиться въ домъ, гдѣ улыбка Мери и хорошенькихъ дѣтей осчастливила бы ихъ даже и въ бѣдности! Но было поздно. Въ вечернихъ сумеркахъ, они едва могли различить облако или цѣпь холмовъ, закрывавшихъ горизонтъ позади корабля. Вокругъ нихъ, передъ ними, открывался обширный, скучный океанъ, таинственный какъ будущее....

Вильямъ Вакгамъ, имѣя болѣе твердый характеръ, вскорѣ пересталъ выражать свои печальныя сожалѣнія. Онъ старался развеселить Шорта и другихъ товарищей исторіями и пѣснями. Что касается до философическихъ и религіозныхъ утѣшеній, онъ былъ на ато неспособенъ. Его воспитаніе ограничивалось чтеніемъ. Воспитателемъ его былъ пасторъ который вдушилъ ему самыя поверхностныя знанія. Въ душѣ Вакгама сохранился инстинктъ почитанія и любви къ Богу. Мать говорила ему о Богѣ, когда она держала его у себя на колѣнахъ.

Очень часто въ прекрасныя лѣтнія ночи, роясь въ нѣдрахъ земли, онъ прерывалъ свою работу, чтобы увидѣть въ какой-нибудь расщелинѣ уголокъ неба. Онъ тогда думалъ: это Богъ, о Которомъ говорила ему мать и Который смотритъ на него глазами сіяющихъ звѣздъ, и сознавался, что есть сила выше начальника

ихъ рудокопни и даже выше судьи Требека, который такъ неумолимо преслѣдовалъ браконьеровъ.

Въ воскресенье, когда онъ въ красивомъ платьѣ и въ бѣломъ тонкомъ бѣльѣ, прогуливался на цвѣтущей поверхности земли, дыша свѣжимъ, свободнымъ воздухомъ, любуясь деревьями и рощами, стадами, пасущимися на травѣ, рыбами, плавающими въ пруду, птицами, съ радостью летающими въ воздухѣ, Вильямъ еще болѣе понималъ, что Всемогущій безконечно добръ, и чтобы не разстроить гармонію міра, сила и доброта должны всегда быть вмѣстѣ. Удары, которыми онъ прежде надѣлялъ бѣднаго Шорта, всегда оставались на его совѣсти. Онъ никогда не прощалъ себѣ этого, тогда, какъ всѣ простили ему это давно.

Путешествіе нашихъ рудокоповъ походило на всѣ путешествія. Ихъ впечатлѣнія покажутся слишкомъ пустыми читателямъ, пресыщеннымъ новостями, какъ говоритъ Шекспиръ. Джонъ и Вильямъ удивлялись, что море такъ обширно, свѣтъ такъ великъ. По мѣрѣ того, какъ они приближались къ востоку, они выдержали двѣ или три бури, отъ описанія которыхъ я избавляю читателя. Чудовищныя волны, гиганты бездны, заставили ихъ почувствовать сильный страхъ; но видя, что онѣ не намѣреваются поглотить ихъ, имъ стала смѣшна ихъ боязнь; они хотѣли подражать въ безстрастіи ихъ бригу, этой орѣховой скорлупѣ, которая однако же такъ смѣло боролась съ бунтующими волнами. Наступила совершенная тишина, сердившая ихъ еще болѣе. Джонъ сравнивалъ паруса, висящія на реѣ корабля и задѣвающія за мачты, съ бѣльемъ, вымытымъ его хозяйкою и повѣшеннымъ на веревкѣ, протянутой въ саду,—сравненіе столько справедливое, сколько и простонародное.

Проѣхавъ большое пространство, они прибыли въ Ріо-Жанейро, гдѣ имъ дали время размять ихъ усталые члены. Они воспользовались этимъ временемъ, чтобы осмотрѣть пристань, наполненную кораблями, шумную набережную, гдѣ все ихъ удивляло. Лица были также пестры, какъ и костюмы. Тамъ встрѣчались люди всевозможныхъ цвѣтовъ и тѣней, и какіе странные костюмы! Какое удивительное нарѣчіе! Что ихъ еще болѣе удивляло, это мулы ростомъ гораздо болѣе лошадей, которыхъ шерсть была также мягка, какъ шелкъ.

Они видѣли еще одну сцену, но она заставила ихъ задрожать; они увидѣли рядъ людей черныхъ, голыхъ, закованныхъ въ цѣпи, лежащихъ, какъ животныя, на публичномъ рынкѣ.

Но и Ріо-Жанейро осталось уже далеко за ними. Они проѣзжаютъ берега Патагоніи. Воздухъ дѣлается холоднѣе, мо-

ре болѣе волнуется. Они ѣдутъ мимо мрачныхъ горъ таинственной и пустынной Огненной Земли. Иногда, въ темную бурную ночь имъ случалось видѣть далеко на западѣ большой вулканическій свѣтъ.

Въ то время, какъ они огибали мысъ Горнъ, ихъ застала ураганъ, смѣшанный со снѣгомъ и ледянымъ дождемъ; но скоро бригъ ихъ выбрался въ прекрасную страну тропиковъ, и плылъ на всѣхъ парусахъ, раздуваемыхъ легкимъ теплымъ вѣтеркомъ Тихаго-океана.

Остановясь недолго у Вальпарайзо, они продолжали путь, и наконецъ пристали въ Мипѣ въ послѣдніе дни августа.

Путешественники, раздѣленные на маленькія общества, тотчасъ же были отправлены во внутренность земли. Рудникъ, гдѣ должны были работать два друга, находился на разстояніи десяти-дневнаго пути отъ береговъ.

Нѣкогда разработывали его Индѣйцы, но старый начальникъ ихъ скрылъ въ могилѣ тайну его мѣстоположенія, чтобы обмануть Испанцевъ. Случай открылъ ихъ во второй разъ, и англійская компанія получила ихъ въ свое распряженіе.

Чтобы достигнуть рудника, надо было перебраться черезъ возвышенность.

Джонъ Шортъ, Вильямъ и ихъ товарищи перешли въ нѣсколько дней земли, въ которыхъ народонаселеніе становилось все менѣе.

Они останавливались чаще всего въ бѣдныхъ деревняхъ и селахъ, лежащихъ на берегу рѣкъ, гдѣ они утоляли свою жажду и голодъ, не трогая припасовъ, которые должны были имъ служить въ концѣ путешествія.

Изобилія плодовъ, роскошнаго богатства растительности достаточно было для прокормленія людей и животныхъ.

Но въ продолженіе двухъ послѣднихъ дней ихъ путешествія сцена совершенно измѣнилась. Маленькій караванъ ихъ вступилъ въ безплодное ущелье, прорытое горными потоками, отчасти высохшими. Наконецъ они прибыли на мѣсто назначенія, и принялись за работу; большое число Индѣйцевъ и Метисовъ собрались изъ окрестностей помогать рудокопамъ построить себѣ шалаши и исполнять вмѣстѣ съ ними въ рудахъ менѣе значительныя работы. Они также занимались приготовленіемъ пищи и доставляли продовольствіе рудокопамъ. Двѣнадцать корнвалисскихъ рудокоповъ работали въ этомъ мѣстѣ.

Они начали рыть колодецъ и галерею на склонѣ горы. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло, но они не нашли руды довольно бо-

готой, чтобы вознаградить трудъ Джонъ и Вильямъ, не смотря на это, написали Мери, что все шло къ лучшему, что они непремѣнно ждутъ ее къ будущей веснѣ.

Большой колодецъ былъ конченъ, галерея готова; они открыли лучшую жилу, отчасти закрытую скалою, которую они хотѣли взорвать. Этотъ трудъ былъ порученъ Вильяму и Джону, какъ самымъ опытнымъ изъ всѣхъ. Четверо или пятеро Индѣйцевъ должны были оставаться у отверстія колодца, чтобы повернуть блокъ и вытащить Джона и Вильяма изъ колодца, какъ скоро все будетъ готово для того, чтобы взорвать скалу.

Прочіе рудокопы, радуясь, что дѣла ихъ въ хорошемъ состояніи, пировали въ тавернѣ, и ждали только шума взрыва, чтобы съ тріумфомъ явиться къ своимъ товарищамъ.

— Я думаю пора зажечь фитиль, сказалъ Вакгамъ своему зятю, бывшему съ нимъ въ колодцѣ. Если бы Мери насъ увидѣла, какъ забилось бы у бѣдной сердце! Впрочемъ у насъ осталось еще много времени выбраться изъ колодца. Фитиль длиненъ, мы успѣемъ выйти. Зажигай Джонъ, и теперь надо подать знакъ свисткомъ, съ нами можетъ случиться непріятная исторія; если фитиль коротокъ. Джонъ подалъ знакъ свисткомъ, рычагъ повернули, маленькая подвижная платформа, окруженная балюстрадой, на которой стояли рудокопы молча, медленно поднимается къ верху, такъ медленно, что Джонъ сказалъ своему брату: закричи имъ, чтобы они поднимали скорѣе. Вильямъ поспѣшилъ повторить знакъ свисткомъ, и голосомъ стентора закричалъ: Тяните скорѣе, друзья мои!

Но вмѣсто того, чтобы повернуться скорѣе, рычагъ платформы совершенно остановился, и почти дѣтскій голосъ отвѣчалъ: Я совершенно одинъ, и не могу за одинъ разъ поднять больше одного человѣка. Развѣ фитиль зажженъ?

— Зажженъ, и подкопъ сейчасъ взлетитъ на воздухъ, отвѣчалъ Вакгамъ. Тяни вверхъ сколько будетъ силы, спаси хоть одного человѣка, если ты не можешь спасти двухъ; скорѣе.... скорѣе!

— Я останусь умирать, сказалъ Джонъ спокойно.

— Ты съ ума сошелъ, а твоя жена, твои дѣти, что будетъ съ ними, если ты погибнешь?

И Вакгамъ, вырвавшись изъ объятій Джона, удерживавшаго его, спрыгнулъ съ плат-формы въ колодезъ.

— А! ты опять употребляешь во зло свою силу! закричалъ Джонъ въ отчаяніи.

— Да, но теперь для того, чтобы спасти тебя. Прости меня за все прежнее зло, которое я сдѣлалъ тебѣ. Прощай братъ, прощай!

Мальчикъ, тянувшій изъ колодца платформу, и оставленный одинъ у отверстія, по какой-то неосмотрительной оплошности, употреблялъ всѣ усилія, чтобы вытащить одного Джона, въ которомъ было очень мало вѣсу; онъ никогда не могъ бы поднять его вмѣстѣ съ Вильямомъ.

Едва Джонъ достигнулъ выхода изъ колодца, какъ бросился къ рычагу, и закричалъ внизъ:

— Скорѣе, братъ мой, теперь насъ двое, вмѣсто одного.

Но уже было поздно: страшный взрывъ потрясъ землю.

Изъ отверстія колодца вылетѣлъ столбъ дыма, песку и обломковъ утеса.

Джонъ упалъ на колѣни, не для того, чтобы благодарить Бога за свое спасеніе, но чтобы помолиться за душу бѣднаго брата....

Эту простую, но трогательную исторію разсказывали мнѣ однажды на маленькой фермѣ, въ Корнваллисѣ, принадлежавшей Джону, бывшему рудокопу. Возвратясь изъ Перу съ пригоршнею золота, онъ занимался на своей родинѣ земледѣліемъ, вмѣстѣ съ своимъ семействомъ. Но что всего любопытнѣе въ этомъ происшествіи, это-то, что мнѣ разсказывалъ не другъ и вѣрный товарищъ Джона, Вильямъ Вангамъ, возвратившійся также изъ Новаго-свѣта, живымъ и невредимымъ.

Стало-быть онъ не умеръ? Странный вопросъ! У него было девяносто-девять шансовъ противъ одного погибнуть при взрывѣ подкопа. Его могло спасти одно только чудо, и чудо это совершилось. Ему помогалъ инстинктъ самосохраненія. Безъ всякой надежды, Вильямъ прижался однако же въ углубленіи металлической жилы, выходившей изъ земли. Взрывъ сильно погнулъ эту жилу, но не разорвалъ ее. Она защитила его отъ обломковъ, утесовъ и камней, посыпавшихся въ колодецъ. Израненный, смятый, оглушенный, онъ однако же пришелъ въ себя, минуты черезъ двѣ послѣ взрыва. Тогда онъ осмотрѣлся, ощупалъ себя, чтобы удостовѣриться, что онъ точно живъ, и закричалъ Джону:

— Спускай платформу! я спишся! All right! John, all right! Ему надобно было дохнуть только чистымъ воздухомъ, чтобы совершенно опомниться.

Богъ столько же добръ, сколько и всемогущъ!

ЗАБЫВЧИВОСТЬ МАРКИЗА ДЕ-БРАНКА. — Маркизъ де-Бранкà, братъ герцога де-Виллара, камергеръ королевы—матери, Анны Австрійской, слылъ всегда за самаго разсѣяннаго человѣка, незнавшаго, какъ онъ живетъ. Онъ часто принималъ одинъ часъ за другой, а день за ночь. Разсѣянность его не имѣла границъ; онъ часто плевалъ, вмѣсто платка, на самыя дорогія женскія платья и распѣвалъ веселыя пѣсни при погребеніяхъ. Число ссоръ, въ которыхъ онъ былъ вмѣшанъ, толкая безъ разбору проходящихъ, невзчислимо, и онъ имѣлъ три или четыре поединка съ самыми преданными своими друзьями, которыхъ оскорбилъ и не узналъ по одной своей разсѣянности.

Однажды онъ явился во дворецъ, на малый выходъ, съ желтымъ сапогомъ на одной ногѣ и съ синимъ на другой. Другой разъ онъ вышелъ на улицу съ одними ножнами безъ шпаги и съ обнаженной головою; третій разъ, у королевы, на большомъ балу, пройдя подъ одною люстрой, повѣшенной ниже другихъ, онъ оставилъ на ней свой парикъ, возбудилъ общій смѣхъ, самъ громко смѣялся, и не прежде какъ чрезъ полчаса какъ-то догадался, что героемъ всей этой смѣшной комедіи былъ единственно онъ самъ.

Но всѣ эти примѣры ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что случилось съ нимъ въ день его сватьбы.

Онъ долгое время ухаживалъ за дѣвицею Гарнье, и наконецъ торжественный день сватьбы былъ назначенъ.

Онъ сосредоточилъ въ себѣ въ этотъ день все, что только сохранилось у него отъ способности внимательности, но, кажется, не смотря на всѣ свои усилія, количество присутствія вниманія оказалось недостаточнымъ, какъ это увидимъ.

Супруги, получивъ благословеніе епископа, пріѣхали домой въ сопровожденіи свидѣтелей, когда де-Бранкà, ссылаясь на одно важное дѣло, попросилъ позволенія отлучиться на минуту. Причина была такъ обыкновенна, что никто не обратилъ на эту просьбу особеннаго вниманія, даже и сама молодая. Пер-

сначальнo, чтобы убить время, сѣли играть въ карты, потомъ позвали музыкантовъ и танцовали *courante*. *Courante* былъ однимъ изъ самыхъ граціозныхъ и веселыхъ танцевъ того времени, располагавшій къ безпечности и исполненъ былъ такъ хорошо, что всѣ посѣтители совершенно позабыли о де-Бранкѣ, который не показывался и котораго молодая жена веселилась безъ него.

Между-тѣмъ, какъ по законамъ природы все когда-нибудь да оканчивается, вспомнили и о мужѣ, актерѣ самомъ необходимомъ при этомъ веселомъ представленіи.

Послышались голоса.

— Гдѣ г. де-Бранкà?

— Не видалъ-ли кто г. де-Бранка!

— Когда возвратится г. де-Бранкà?

— Что могло случиться съ г. де-Бранкà? твердили сотни веселыхъ гостей.

Но никто не могъ отвѣтить ни полслова на этотъ единодушный вопросъ.

Молодая громко выражала свое удивленіе, и даже начинала сердиться. Самые пожилые гости изъ общества начали поговаривать о невѣжливости и непростительномъ забвеніи приличій общественныхъ, помоложе смѣялись изъ-подъ тишка; всякій, кто только желалъ, ввернулъ какое-нибудь острое словцо объ этомъ странномъ отсутствіи.

Насталъ и вечеръ.... Маркиза, нѣтъ какъ нѣтъ.... наступилъ часъ разъѣзда.... Маркиза, нѣтъ какъ нѣтъ.... половина гостей уже разъѣзжалось.... никого!

Послѣ минутнаго совѣщанія, гости, видя принужденный видъ и смущеніе молодой женщины, почли наконецъ долгомъ, оставить ее въ покоѣ, и бѣдная, покинутая молодая женщина, блѣдная, разстроенная, съ трепещущимъ сердцемъ принуждена была грустно удалиться въ комнату, преобразовавшуюся для нея въ этотъ вечеръ, совершенно неожиданно, въ безплодную, холодную пустыню. Какая перспектива ожидала ее въ будущемъ! Какая странная брачная ночь....

Что-же дѣлалъ въ это время непостижимый маркизъ де-Бранкà?

Онъ пользовался жизнію самымъ веселымъ образомъ въ мірѣ.

Въ этотъ же вечеръ, около десяти часовъ, г. де-Барильонъ, бывшій впослѣдствіи посланникомъ въ Англіи, и также присутствовавшій съ прочими при утренномъ бракосочетаніи, воз-

пратясь домой, нашелъ у себя на столѣ записку, слѣдующаго содержанія:

«Любезный другъ, ты знаешь, какъ сильно я люблю дѣвицу Гарнье, но ты знаешь также и то, какъ я люблю холостую жизнь. Такъ какъ завтра я должень жениться и нынче мой послѣдній свободный день, я хочу имъ воспользоваться съ умѣренностію, и рѣшился провести весело ночь. Я уже писалъ ко многимъ изъ нашихъ общихъ друзей. Пріѣзжай поскорѣе, бокалы готовы, бутылки откупорены, а я при этомъ напоминаю, что долго откупоренному вину стоять очень вредно.»

Письмо это было нацарапано рукою маркиза де-Бранкà.

Удивленію Барильона нѣтъ описанія!

Пріѣхавъ домой спать и сожалѣя о странномъ положеніи новой маркизы де-Бранкà, онъ могъ скорѣе предполагать увидать привидѣніе, чѣмъ подобную записку, и прочитать подобное приглашеніе.

Барильонъ велѣлъ снова подавать карету, и поѣхалъ къ де-Бранкà, въ тотъ домъ, который занималъ онъ, будучи холостымъ. Онъ пріѣхалъ первый.

Нашъ амфитріонъ сидѣлъ уже въ столовой залѣ, и смотрѣлъ, какъ размѣщали шесть приборовъ. Двое слугъ, занимавшіеся этою обязанностію, были изумлены неожиданнымъ праздникомъ, и тихонько спрашивали одинъ у другаго, что бы могла значить такая странная фантазія.

Въ мудрыхъ предположеніяхъ они наконецъ оба рѣшили, что, вѣроятно, по окончаніи брачнаго праздника въ домѣ своего тестя г. Гарнье, маркизъ де-Бранкà вознамѣрился перемѣстить свою супругу на эту квартиру, и готовитъ ей здѣсь ужинъ въ сообществѣ съ нѣсколькими друзьями. Добрые эти люди не знали, что вмѣстѣ съ совершеніемъ брачнаго обряда, маркизъ де-Бранкà получалъ отъ своего тестя домъ, съ обязательствомъ тотчасъ же въ немъ помѣститься.

Въ этомъ-то самомъ домѣ и данъ былъ паръ, танцовали, играли, и ждала де-Бранкà молодая супруга.

Барильонъ едва только успѣлъ войдти въ комнату, и не имѣлъ еще времени сказать маркизу ни одного слова, какъ явился Ла-Мелероа.

Ла-Мелероа, Барильонъ, вскрикнулъ де-Бранкà, обрадованный ихъ появленіемъ; вотъ что называется быть точнымъ! Клянусь честью, если привязанность должна оцѣниваться поспѣшностію являться на дружеское приглашеніе, сдѣланное отъ полнаго сердца, вы первые и самые вѣрные мои друзья....

я уверенъ,—безъ всякихъ дурныхъ перетолкованій,—вы будете также и друзьями моей жены.... когда я женюсь...

— Его жены!... сказалъ Барильонъ, посматривая на Ла-Мелероа....

— Когда онъ женится! повторилъ Ла-Мелероа, глядя, въ свою очередь, на Барильона.

— Ну что-же? вскрикнулъ де-Бранкà.... что сдѣлалось съ вами? Что вы смотрите другъ на друга съ такимъ изумленнымъ видомъ?....

— Нѣтъ, это уже черезъ чуръ, изъ рукъ вонъ! продолжалъ Барильонъ....

— Бѣдная женщина! прошепталъ Ла-Мелероа сквозь зубы....

— Однакоже, объясните ли вы мнѣ, что все это значитъ? спросилъ де-Бранкà. Что это? неужели вы сошли съ ума?

— Послушай Бранкà, сказалъ ему Барильонъ, довольно живо, никогда не теряютъ того, что есть въ головѣ, и тебѣ по справедливости нельзя сдѣлать подобнаго вопроса. Ты спрашиваешь насъ не сошли ли мы съ ума.... по своей умъ, несчастный, куда ты запряталъ?... Какое неизлечимое безуміе поселилось въ твоей головѣ? Если ты еще не совсѣмъ помѣшался, мой бѣдный де-Бранкà, то скоро будешь сумасшедшимъ, повѣрь мнѣ....

— Я? а почему это?...

— И онъ еще спрашиваетъ! вскрикнулъ Ла-Мелероа, сложивъ руки.

— Не потому ли, продолжалъ де-Бранкà, что я, вѣря вашей дружбѣ, пригласилъ раздѣлить со мною время?... Не потому ли, что мнѣ запала странная мысль, наканунѣ женатой жизни проститься навсегда съ холостою?... Развѣ вы что-нибудь находите неприличнаго на этомъ столѣ и полагаете меня способнымъ отравить васъ орлеанскимъ дурнымъ виномъ?... Находите ли вы во мнѣ что-нибудь напоминающее сумасшедшаго? Ну, отвѣчайте же? Похожъ я на дурака?...

— Ты похожъ на все, отвѣчалъ ему Барильонъ, исключая на того, кѣмъ ты есть въ настоящее время.

— Я? Кто же я, по вашему, въ настоящее время?

— Женатый человѣкъ!

— Женатый человѣкъ!

Бранкà не сказалъ болѣе ни послова. Глаза его выступили и онъ опустилъ руки. Казалось, что онъ впалъ въ какое-то разслабленіе.

— Женатъ! повторилъ онъ глухо, чрезъ нѣсколько минутъ, какъ-бы стараясь разобрать смыслъ этихъ словъ во мракѣ прошедшихъ воспоминаній.

— Да, да, женатъ! подтвердилъ онъ.

— Теперь моя очередь сдѣлать тебѣ вопросъ, прервалъ его Барильонъ, желая воспользоваться внутреннимъ лучомъ свѣта, который начиналъ бродить въ головѣ Бранка. Развѣ вчера мы не ѣздили съ тобой вмѣстѣ къ брилліантщику Самону, который намъ продалъ діадему для твоей невѣсты? Развѣ не возилъ я тебя вчера въ церковь Сенъ-Жерменъ-де-Пре? Развѣ ты позабылъ, что нынче утромъ слушалъ превосходную проповѣдь Аббата, благословившаго твой бракъ?...

— Постой, постой, пролепеталъ Бранка, какъ будто пробуждаясь отъ сна.

— И развѣ ты не проводилъ въ новый домъ жену свою....

— Что?

— Жену твою!

— Ахъ, Богъ мой! вскрикнулъ де-Бранка, совершенно очнувшись.... Помню.... совершенно теперь вспомнилъ.... правда.... А я, глупецъ, только что... Ну скажите, на что это похоже?.. Проклятая разсѣянность, куда ты завлечешь меня?... Скажите мнѣ, друзья мои: давно я оставилъ.... мою жену?

— По-крайней-мѣрѣ шесть часовъ.

— Неужели?

— Да, если небольше!

— Шесть часовъ? Что обо мнѣ подумали?

— Что ты умеръ.

— А жена?

— Что ты ее ставишь ни во что....

— Но вѣдь это ужасно! непростительно!

— Да, признаюсь!

— Какъ вы думаете, проститъ ли она мнѣ?

— Милосердіе женщины очень странно, оно капризно и неистощимо въ одно и тоже время....

— Какъ вы думаете, попытаться мнѣ?

— Попытайся.

— Который часъ?

— Скоро полночь!

— Полночь, пробормоталъ де-Бранка, слѣдовательно, я долженъ спѣшить.

— И какъ можно скорѣе....

— Но гдѣ же гости? застану ли я ихъ?

— Вѣроятно всѣ дома, и спятъ на славу.

— А тесть мой?

— Когда мы съ нимъ разстались, онъ стоялъ на срединѣ двора, разсматривая съ помощію звѣздъ всѣ проѣзжающія кареты, надѣясь хотя въ одной изъ нихъ увидѣть физіономію своего зятя.

— А жена моя?

Ла-Мелероа и Барильонъ переглянулись и сдѣлали видъ, которымъ будто хотѣли сказать:

— Гдѣ жена твоя, мы не знаемъ....

Но де-Бранкà уже вспомнилъ все самъ, и вполнѣ оцѣнилъ, какъ свою вину, такъ и супружескія обязанности. Онъ осмотрѣлъ свое платье, приказалъ его привести въ порядокъ, и бросился вонъ изъ дому, какъ будто выбѣгалъ изъ пламени.

Между-тѣмъ онъ все-таки остановился на минуту, чтобы приказать удивленнымъ слугамъ:

— Я уже не возращусь сюда болѣе.... Подавайте ужинать этимъ господамъ, которыхъ я оставляю здѣсь хозяйничать вмѣсто себя. Прощай Барильонъ, прощай Ла-Мелероа, извините меня передъ прочими нашими друзьями и кушайте получше и побольше....

И онъ вышелъ....

— Дай-то Богъ, чтобы онъ снова не ошибся или не забылъ дороги, сказалъ Барильонъ.

Остальные приглашенные не замедлили явиться. Происшествіе Бранкà было разсказано каждому; посмѣялись, пошутили, и кончили тѣмъ, что пропировали до самого разсвѣта, желая отъ всей души, чтобы Бранкà исправился отъ своей разсѣянности.

На другой день, веселое это общество узнало, что Бранкà кое-какъ съумѣлъ доѣхать по прямому пути, сочинилъ своему тестю цѣлую исторію, которая вполнѣ извинила его предъ старикомъ Гранье. Что-же касается до молодой его супруги, то она, вѣроятно, также недолго на него сердилась, потому-что въ тотъ же самый день ихъ видѣли прогуливающимися въ саду и разговаривающими такъ нѣжно и такъ внимательно, какъ будто они были одни на свѣтѣ.

Исторія маркиза де-Бранка по неволѣ приводитъ на память другое имя—имя аббата де-Мороа, собирателя милостыни дѣвицы де-Монпансье, который также былъ однимъ изъ замыхъ замѣчательныхъ разсѣянныхъ во Франціи. Однажды, прибывъ въ деревню, чтобы навѣстить своего отца, бывшаго прежде контролеромъ королевы, аббатъ ошибся комнатою, и вмѣсто своей постели, очутился въ постелѣ старой кухарки, отнудь не предполагая никакой ошибки.

Ему часто случалось принцевъ крови называть *преподобіями*, а аббатовъ *свѣтлостію*. Но вотъ черта, которая вполнѣ выкажетъ всю разсѣянность аббата. Какъ-то аббатъ вздумалъ заняться приведеніемъ въ порядокъ своихъ дѣлъ. У него только что предъ этимъ благимъ намѣреніемъ сидѣлъ пріоръ одного аббатства. Аббатъ хватился искать очковъ,—очковъ нѣтъ. Напрасно онъ перерывалъ всѣ бумаги, искалъ у себя въ карманахъ, на полу, на окошкахъ—очковъ нигдѣ не оказывалось. Все подозрѣніе пало на пріора, бывшаго въ комнатѣ, какъ единственнаго человѣка.

Весь домъ забѣгалъ искать драгоцѣнные серебряные очки аббата, и наконецъ труды прислуги увѣнчались успѣхомъ: очки аббата отыскались—у него на носу!...

Рядомъ съ такими разсѣянными поставимъ въ примѣръ и одного ученаго, которому, въ то время, когда онъ углубился въ разрѣшеніе какой-то задачи, пришли сказать, что домъ его горитъ:

— Скажи объ этомъ моей женѣ, отвѣчалъ онъ слугѣ, продолжая преспокойно рыться въ бумагахъ: ты знаешь, что не мое дѣло заниматься хозяйствомъ.

НОВОСТИ УЧЕНАГО МІРА.

ТРУДЫ И ЗАНЯТІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ВЪ 1849 ГОДУ *.

Императорская Академія Наукъ есть первенствующее въ Россіи ученое общество, которому предназначено быть главнымъ двигателемъ наукъ въ нашемъ отечествѣ; поэтому мы полагаемъ, что нашимъ читателямъ будетъ любопытно узнать результаты ученыхъ трудовъ сословія, пользующагося съ давнихъ временъ громкою и заслуженною славою во всемъ ученомъ мірѣ.

До присоединенія къ составу Академіи Наукъ бывшей Академіи Россійской, первая состояла изъ двухъ отдѣленій: Физико-Математическаго и Историко-Филологическаго. Нынѣ, когда бывшая Россійская Академія составила *второе* Отдѣленіе Академіи Наукъ, науки физико-математическія образовали *первое*, а историко-филологическія *третье* Отдѣленія. Мы на этотъ разъ ограничимся представленіемъ результата дѣятельности нашихъ Академиковъ, по послѣднимъ двумъ Отдѣленіямъ, въ минувшемъ 1849 году.

Замѣтимъ сперва, что наша Академія, сверхъ другихъ своихъ изданій, продолжала основанное въ 1836 году и съ 1842 года раздѣленное на два отдѣла изданіе *Ученыхъ Извѣстій* или *Ученаго Бюллетеня* (Bulletin Scientifique) и шести отдѣльныхъ Сборниковъ, выходящихъ подъ общимъ названіемъ *Mélanges*. Эти сборники посвящены:

I. Наукамъ математическимъ и астрономіи;

II. Физикѣ и химіи;

III. Наукамъ естественнымъ;

IV. Исторіи, статистикѣ и этнографіи Россіи;

V. Словесности и древностямъ Востока;

VI. Классической филологіи и археологіи.

* Извлеченіе изъ отчета по Первому и Третьему Отдѣленіямъ Академіи, читаннаго на французскомъ языкѣ 29 декабря 1849 года, въ публичномъ засѣданіи, г. Непремѣннымъ Секретаремъ П. Н. Фуссомъ.

Бюллетеня выдано въ 1849 г. два тома (одинъ по I, а другой по III Отд.). Сверхъ того изданы:

1) Два тома *Записокъ*.

2) Отчетъ объ XVIII присужденіи Демидовскихъ премій.

3) XIII томъ *Beiträge*, изд. на нѣмецкомъ языкѣ Академиками Беромъ и Гельмерсеномъ;

4) Опытъ остяцкой грамматики. Кастрена.

Живая, современная дѣятельность Академіи преимущественно выражается *записками*, читаемыми въ засѣданіяхъ. Изъ этихъ записокъ, помѣщаемыхъ потомъ въ *Бюллетень* и *Мемуарахъ* Академіи, ясно выказываются труды Академиковъ. Разсмотримъ эти труды по систематическому порядку наукъ.

Начнемъ съ *математики*.

Г. *Остроградскій* предложилъ совершенно новый способъ опредѣленія равныхъ множителей алгебраическихъ многочленныхъ количествъ. Этотъ вопросъ, разрѣшенный впервые г. Гудде въ Амстердамѣ, находится во всѣхъ общихъ руководствахъ, съ упрощеніями, сдѣланными въ методѣ изобрѣтателя помощію дифференціальнаго анализа. Способъ г. Остроградскаго непохожъ на обыкновенный. Послѣдній состоитъ въ отысканіи наибольшаго общаго дѣлителя какъ многочленнаго количества, такъ и его производной, и въ дѣйствіи потомъ надъ этимъ дѣлителемъ. Напротивъ того г. Остроградскій беретъ частное, представляемое многочленнымъ количествомъ и его производною, по отдѣленіи отъ нихъ ихъ общаго большаго дѣлителя. Послѣдній способъ представляетъ нѣкоторыя выгоды, потому-что равные множители находятся имъ непосредственно.

Г. *Буняковскій* придумалъ новую методу, приложимую къ изысканіямъ надъ квадратными формами чиселъ. Извѣстно, что теорія квадратныхъ формъ, которой слѣды находятся уже въ остроумныхъ теоремахъ Ферма (Fermat), была послѣдовательно разработываема Эйлеромъ, Лагранжемъ, Лежандромъ и особливо Гауссомъ, который, замѣчательными своими трудами, довелъ эту часть науки до высокой степени совершенства. Г. Буняковскій, занятый предметомъ, повидимому чуждымъ этому роду изысканій, именно общими свойствами функціи, выражающей сумму дѣлителей чиселъ, пришелъ къ открытію прямой связи между этими двумя теоремами. Эта связь доставила нашему геометру способъ доказать весьма простымъ образомъ многія, частію новыя предложенія касательно квадратныхъ формъ чиселъ, и дать нѣкоторымъ извѣстнымъ

теоремамъ бо́льшую общность, выражая точное число рѣшеній взятыхъ уравненій, что́ довольно трудно при извѣстныхъ понынѣ методахъ. Г. Буняковскій доказалъ, наконецъ, нѣсколько предложеній, по самому свойству своему, не подчинявшихся прежнимъ способамъ.

Г. Якоби занимался машиною съ водянымъ столбомъ. Извѣстно, что эта машина очень похожа устройствомъ на паровую, и разнится отъ послѣдней физическими свойствами двигателей. Впрочемъ въ машинѣ съ водянымъ столбомъ еще не успѣли уничтожить, полезнымъ образомъ, усиленную скорость поршня. Г. Якоби вычислялъ эту машину, и указываетъ средства, помощію которыхъ можно извлекать изъ нея *максимумъ* полезнаго дѣйствія. Рѣшеніе этой задачи, по увѣренію нашего Академика, совершенно ново.

Перейдемъ теперь къ *астрономіи*.

Изъ двухъ новыхъ кометъ 1849 года, одна принадлежитъ астроному Московскаго Университета г. *Швейцеру*. Г. *Оттонъ Струве* наблюдалъ ее въ Пулковѣ девять разъ, съ 17 апрѣля по 1 мая, и элементы этой кометы вычислены имъ вмѣстѣ съ г. *Ликдигеномъ*. По этимъ элементамъ можно было сперва подозрѣвать тожественность ея съ кометою 1748 года, что даетъ періодъ обращенія въ 101 годъ или одно изъ частныхъ этого числа. Но г. Швейцеръ, вычисливъ самъ подробно весь рядъ пулковскихъ наблюденій, нашелъ, что они въ точности соотвѣтствуютъ параболической орбитѣ. Слѣдовательно, вопросъ о предполагаемой тожественности остается сомнительнымъ, до тѣхъ поръ, пока наблюденія этого свѣтила, сдѣланныя въ южномъ полушаріи, подтвердятъ ту или другую изъ упомянутыхъ ипотезъ.

Между-тѣмъ, тотъ же г. Швейцеръ подробно вычислилъ орбиту кометы, открытой имъ еще въ 1847 году, и доказалъ, что точныя опредѣленія мѣста этой кометы, въ теченіе двухъ мѣсяцовъ, такъ хорошо соотвѣтствуютъ параболической орбитѣ, что остающіяся небольшія отступленія не выходятъ изъ предѣловъ вѣроятныхъ погрѣшностей наблюденій.

Настоящій предметъ занятій главной Пулковской Обсерваторіи есть астрономія неподвижныхъ звѣздъ и, различныя явленія солнечной системы занимаютъ тамъ астрономовъ только случайно, для пополненія, помощію нашихъ превосходныхъ инструментовъ и методъ наблюденій, открытій, сдѣланныхъ въ другихъ мѣстахъ. Едва только дознано было съ достовѣрностію, что системы двойныхъ звѣздъ подчинены дви-

женію по сомкнутымъ линіямъ, какъ нѣкоторые астрономы, между прочимъ Савари, а позже его сэръ-Джонъ Гершель и Энке, указали методы для вывода изъ наблюденій элементовъ орбитъ этихъ тѣлъ. Думали, что сходство, которое окажется между вычисленіемъ и наблюденіемъ, покажетъ—подчинены ли или нѣтъ эти отдаленные міры тому же самому закону всемірнаго тяготенія, который управляетъ движеніями нашей планетной системы. Такое заключеніе, хотя и весьма вѣроятное, было тогда еще преждевременнымъ. Нынѣ, когда мы, благодаря двумъ русскимъ обсерваторіямъ, располагаемъ непрерывнымъ рядомъ 25 лѣтнихъ наблюденій и точныхъ измѣреній любопытнѣйшихъ системъ двойныхъ звѣздъ, упомянутый важный вопросъ естественно вновь представился вниманію астрономовъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, парижскій астрономъ г. Ивонъ Виллярсо предпринялъ новыя изысканія надъ орбитами двойныхъ звѣздъ. Онъ былъ снабженъ для этого, со стороны г. Струве, копіею съ микрометрическихъ наблюденій, сдѣланныхъ на Пулковской Обсерваторіи. Французскій астрономъ приложилъ свои остроумныя методы вычисленій къ тремъ весьма извѣстнымъ системамъ: *Геркулеса*, *Вѣнца* и *Большой Медвѣдицы*, и сообщилъ нашей Академіи полученные имъ результаты, изъ коихъ видно, что элементы орбитъ, вычисленныя по предположенію существованія всемірнаго тяготѣнія, весьма удовлетворительно согласуются съ наблюденіемъ. Однакожъ это согласіе, какъ весьма основательно замѣчаетъ самъ г. Виллярсо, недостаточно еще доказываетъ безусловную всемірность ньютоніанскаго закона, во всей его строгости. Въ письмѣ, адресованномъ къ г. Оттону Струве, искусный парижскій астрономъ доказываетъ, что такое доказательство будетъ только тогда окончательно положительнымъ, когда будущія появленія тѣхъ свѣтилъ, выведенныя изъ элементовъ помощію вычисленій, подтвердятся наблюденіями. Затѣмъ, г. Виллярсо развиваетъ въ томъ же письмѣ одну изъ остроумныхъ методъ для вычисленія элементовъ орбитъ двойныхъ звѣздъ. Академія съ истиннымъ удовольствіемъ приняла эти любопытныя извѣстія на страницы своего Бюллетеня.

Вообще замѣтно, что вниманіе весьма многихъ астрономовъ устремилось съ новымъ жаромъ на изученіе этихъ сложныхъ звѣздныхъ системъ, представляющихъ столь обширное поле для открытій. Еще недавно, маститый старѣйшина нѣмецкихъ астрономовъ *фонъ-Линденау* увѣдомилъ г. Струве отца, что утомленный треволненіями политической дѣятельности, онъ рѣшился посвятить вечеръ своей жизни на составле-

ніе монографіи планетныхъ системъ между неподвижными звѣздами, и просилъ о доставленіи ему нѣкоторыхъ данныхъ. Всякій, кто знаетъ прежніе классическіе труды г. фон-Линденау въ этомъ родѣ, легко поймете, что такой его вызовъ обязалъ нашего астронома возвратиться къ своему любимому предмету, послѣ десятилѣтней перемежки. Г. Струве предпринялъ, вопервыхъ, историческій и критическій обзоръ открытій двойныхъ звѣздъ, съ цѣлію пополнить ихъ каталоги, внѣ извѣстныхъ данныхъ предѣловъ, и онъ сообщилъ уже Академіи первый плодъ этихъ занятій—хронологическій обзоръ безсмертныхъ наблюденій покойнаго В. Гершеля, относительно звѣздной астрономіи. Соображая логическую послѣдовательность этого длиннаго ряда трудовъ, открываются въ немъ слѣды обширнаго, обдуманнаго плана, въ которомъ не знаешь, чему должно болѣе удивляться, величію ли задуманнаго или настойчивости, съ которою этотъ планъ былъ неутомимо преслѣдуемъ сорокалѣтними неусыпными наблюденіями. Этотъ обзоръ, разумѣется, составляетъ только часть труда предпринятаго г. Струве, труда, который достигъ уже теперь до такихъ размѣровъ, что можетъ доставить матеріалъ для второй части знаменитыхъ «Etudes d'astronomie stellaire».

Извѣстно, что въ 1842 году, г. Аргеландеръ первый замѣтилъ, что небольшая звѣздочка созвѣздія Большой Медвѣдицы, именно 1830 по каталогу Грумбриджа, имѣетъ собственное движеніе, быстрѣйшее всѣхъ прочихъ неподвижныхъ звѣздъ, не исключая и 61 Лебедя, сдѣлавшейся славною по причинѣ опредѣленія ея параллакса знаменитымъ Бесселемъ. Это собственное движеніе простирается ежегодно до 7″ большаго круга. Допустивъ, что собственное движеніе различныхъ неподвижныхъ звѣздъ обратно пропорціонально разстояніямъ ихъ отъ солнечной системы, выведемъ заключеніе, что звѣзда 1830 Грумбриджа изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ неподвижныхъ наиболѣе близка къ землѣ, и потому особенно способна для опредѣленія ея параллакса. По этому г. Фей въ Парижѣ занялся этимъ опредѣленіемъ. Еще памятны споры, которые возродились изъ этого труда, въ 1847 году, въ средѣ парижской Академіи Наукъ, въ присутствіи г. Струве отца, споры выказавшіе въ то время только одни недостатки и несовершенства методъ наблюденій. Параллаксъ, найденный г. Фэемъ, равнялся 1″,08. Дабы повѣрить этотъ результатъ, г. *Петерсъ* сдѣлалъ рядъ наблюденій большимъ пулковскимъ вертикальнымъ кругомъ, и вывелъ для искомаго параллакса цифру несравненно

мéньшую, чѣмъ французскій астрономъ, именно 0″,23 или около ½ величины полученной г. Фэемъ. Третье опредѣленіе того же самаго параллакса, Кенигсбергскимъ астрономомъ Вихманомъ, довольно приближается къ результату, найденному г. Петерсомъ, но въ другихъ отношеніяхъ представляетъ возможность для множества основательныхъ возраженій. Эти противурѣчащіе результаты побудили г. Оттона Струве повторить опредѣленіе параллакса помощію большаго пулковскаго рефрактора, приложивъ, на этотъ разъ, методу микрометрическихъ разностей по склоненію. Рядъ болѣе чѣмъ двухлѣтнихъ наблюденій теперь уже оконченъ, и результаты его извѣстны. Согласно измѣреніямъ г. Оттона Струве, годичный параллаксъ Грумбриджевой звѣзды равняется 0″,034 съ вѣроятною ошибкою ± 0″,028. Этотъ параллаксъ такъ ничтоженъ, что ускользаетъ отъ совершеннѣйшихъ способовъ наблюденій новѣйшей астрономіи. Но истинное достоинство упомянутаго изысканія заключается въ доказательствѣ точности, до которой достигли въ опредѣленіи параллаксовъ, помощію такой могущественной трубы, какъ нашъ рефракторъ, и методы разностей въ склоненіи. Теперь не возможно болѣе сомнѣваться, что при обыкновенныхъ, нѣсколько благопріятныхъ обстоятельствахъ, параллаксъ въ ¹/₁₀ секунды можетъ быть указанъ небольшимъ рядомъ наблюденій.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ другому направленію дѣятельности нашихъ астрономовъ, намъ остается еще упомянуть о замѣчательномъ трудѣ г. Линдгагена, касательно новаго опредѣленія постояннаго коэффиціента аберраціи и параллакса полярной звѣзды, выведеннаго изъ прямыхъ ея восхожденій, наблюденныхъ большимъ пассажнымъ инструментомъ Эртеля въ 1842—1844 годахъ. Величина коэффиціента аберраціи, найденная г. Линдгагеномъ, представляетъ съ извѣстнымъ уже результатомъ г. Струве отца, тѣмъ болѣе удивительное согласіе, что оно выведено совершенно различнымъ путемъ. Г. Линдгагенъ, раздѣлявшій въ теченіе двухъ лѣтъ труды астрономовъ Пулковской Обсерваторіи, отправлялся прошлымъ лѣтомъ, по порученію г. Директора этого заведенія, въ Норвегію, для совѣщаній съ г. Ганстеномъ о планѣ операцій для измѣренія сѣверной оконечности дуги меридіана близъ Норд-Капа. Этотъ планъ окончательно обдуманъ и рѣшенъ, и г. Линдгагенъ возвратился въ 1850 году въ Норвегію, для личнаго участія въ его исполненіи.

Генерал-лейтенантъ *Теннеръ* въ теченіе 30 лѣтъ руководству-

ющій геодезическою съемкою въ западныхъ губерніяхъ, достигнулъ своею сѣтью треугольниковъ до береговъ Чернаго Моря. По всему протяженію полутора тысячъ верстъ, обнимаемому упомянутою сѣтью (отъ Полангена на Балтійскомъ морѣ), г. Теннеръ постоянно бралъ, на каждомъ пунктѣ, зенитныя разстоянія отъ ближнихъ точекъ и потому находится теперь же въ возможности подтвердить неоспоримымъ образомъ важный фактъ безусловнаго равенства уровней обоихъ морей.

Наконецъ, г. Оттонъ Струве представилъ донесеніе о двухъ хронометрическихъ экспедиціяхъ, совершенныхъ въ 1845 и 1846 годахъ внутри Имперіи, на счетъ Главнаго Штаба Е. И. В., а г. *Миндингъ*, изъ Дерпта, теорическія изысканія надъ нѣкоторыми основными формулами геодезіи.

Сверхъ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей, наши астрономы не отказываютъ въ дѣятельномъ содѣйствіи даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется въ виду цѣль болѣе или менѣе чуждая ихъ спеціальнымъ занятіямъ, но гдѣ содѣйствіе ихъ знаній можетъ быть полезно для науки. Такъ, напримѣръ, физика одолжена нашимъ астрономамъ прекрасными изысканіями надъ термометрическимъ расширеніемъ льда, а статистика однимъ изъ основныхъ элементовъ ея изчисленій—опредѣленіемъ поверхности Имперіи, по губерніямъ и даже по уѣздамъ. Недавно еще, одинъ изъ нашихъ первыхъ геологовъ, г. Пандеръ, съ полною довѣренностію обратился къ нашимъ астрономамъ, *для* опредѣленія нѣкоторыхъ высотъ, необходимыхъ *для* его ученыхъ изслѣдованій надъ почвою Павловска и его окрестностей. Г. *Дёллень* доставилъ г. Пандеру относительныя и абсолютныя высоты 22 интересныхъ въ геологическомъ отношеніи пунктовъ, опредѣленныхъ съ точностію до нѣсколькихъ *дюймовъ*, и сверхъ того, прямоугольныя координаты пятнадцати изъ этихъ пунктовъ.

Неменѣе замѣчательна дѣятельность нашей Академіи и по *опытной физикѣ*.

Г. *Купферъ*, которому метеорологія и земной магнитизмъ такъ многимъ обязаны, устроилъ, благодаря горному начальству и Министерству Финансовъ, при Институтѣ Горныхъ Инженеровъ въ С. Петербургѣ, *главную физическую обсерваторію*, которая и поручена его управленію. Это новое учрежденіе, устроенное съ щедростію, отличающею всѣ дѣйствія нашего просвѣщеннаго правительства, не ограничится, вѣроятно, своимъ спеціальнымъ назначеніемъ—приводить къ общему центру все, что дѣлается въ Россіи относительно метеорологіи и земнаго

магнитизма. Это учрежденіе должно, по всей вѣроятности, сильно содѣйствовать къ преуспѣянію другихъ теорій физики, доставляя ученымъ способъ проникать въ тайны природы, часто дорого стоющимъ путемъ опыта.

Г. *Гельмерсенъ* занимался опытными изслѣдованіями надъ способностію различныхъ горныхъ породъ къ проводимости теплорода. Несомнѣнно, что еслибъ было возможно опредѣлить законы распространенія теплоты, въ различныхъ горнокаменныхъ породахъ, составляющихъ земную кору, то знанія наши объ отношеніяхъ между температурою почвы и извѣстными геологическими явленіями сдѣлали бы значительный шагъ впередъ. Многочисленные образцы уральскихъ и алтайскихъ породъ, надъ которыми г. Гельмерсенъ дѣлалъ свои опыты, были всѣ одинаковой формы и размѣровъ: полосы, имѣющія видъ параллелопипедовъ 18 дюймовъ длины и 1½ дюйма ширины были нагрѣваемы непосредственнымъ прикосновеніемъ одного изъ ихъ концевъ съ кипящею водою, и теплота была наблюдаема, чрезъ каждыя 5 минутъ, по длинѣ полосъ, на различныхъ точкахъ, одинаково удаленныхъ одна отъ другой, до-тѣхъ-поръ, пока температура достигла постоянной величины, или, что все равно, пока установилось совершенное равновѣсіе между увеличеніемъ температуры и его потерею отъ лучеиспусканія. Такіе опыты были сдѣланы надъ семью породами, именно бѣлымъ, плотнымъ кварцомъ, взятымъ изъ жилы, кристаллическимъ известнякомъ или мраморомъ, слюдистымъ кварцомъ, смѣшаннымъ со слюдою, плотнымъ известнякомъ, зеленокаменнымъ порфиромъ, серпентиномъ и мелкозернистымъ гранитомъ. Плотный известнякъ и серпентинъ или змѣевикъ оказались самыми дурными проводниками теплорода; лучшимъ проводникомъ изъ всѣхъ оказался бѣлый кварцъ. При всѣхъ этихъ опытахъ, только одинъ ближайшій къ кипящей водѣ термометръ обнаруживалъ довольно быстрыя перемѣны температуры, и въ одномъ только случаѣ, съ бѣлымъ кварцомъ, послѣдній термометръ обнаружилъ увеличеніе теплоты, превосходившее одинъ градусъ. Въ плотномъ известнякѣ это увеличеніе не превосходило 0°,2. Гг. Струве и Купферъ замѣтили по этому случаю, что подобныя же изысканія касательно разширенія тѣхъ горнокаменныхъ породъ теплородомъ и ихъ относительной упругости были бы чрезвычайно любопытны и полезны, и поэтому Академія пригласила упомянутыхъ трехъ членовъ сообразить вмѣстѣ ихъ взаимныя предположенія и способъ къ приведенію ихъ въ исполненіе.

Г. *Мориц*, молодой физикъ, обучавшійся въ Дерптѣ и недав-

но назначенный Директоромъ тифлисской магнитной и метеорологической обсерваторіи, напечаталъ записку о термометрѣ Академіи *del Cimento*, котораго экземпляръ подаренъ нашей Академіи бывшимъ почетнымъ членомъ, покойнымъ графомъ Фоссомброни. Извѣстно, что сравненіе произвольной скалы этого термометра, долгое время потерянной, съ нынѣ употребляемыми термометрами, дало ключъ къ древнѣйшимъ метеорологическимъ наблюденіямъ, дозволивъ сравнить ихъ съ новѣйшими наблюденіями.

Г. *Ленцъ* донесъ о первомъ микроскопѣ, устроенномъ въ Россіи, безъ помощи иностранныхъ оптиковъ, соединенными трудами Гг. *Нея* и *Эренберга*, изъ которыхъ первый механикомъ, а второй оптикомъ въ Казани. Сравненіе этого инструмента съ лучшими произведеніями этого рода въ Германіи и Франціи, дало довольно удовлетворительный результатъ.

Обратимся теперь къ *физикѣ земнаго шара*.

Г. *Ленцъ*, начавъ нѣкогда свое поприще трудомъ надъ температурою и соленостью Великаго Океана, на различныхъ глубинахъ, подвернулъ нынѣ вычисленіямъ подобныя же наблюденія, собранныя, во время дальняго плаванія, молодымъ соименнымъ ему физикомъ, и вывелъ изъ нихъ результаты относительно дневнаго измѣненія температуры воздуха и поверхности моря подъ тропиками. При исчисленіи дневныхъ измѣненій, г. Ленцъ употребилъ извѣстныя формулы періодической функціи, и нашелъ такое поразительное согласіе между наблюденіями и формулами, что уже третій періодическій членъ могъ быть совершенно опущенъ въ двухъ рядахъ, а въ остальныхъ двухъ имѣлъ только ничтожное вліяніе. Разсматривая составленныя такимъ образомъ формулы интерполированія, находимъ подтвержденіе результата, извѣстнаго уже изъ немногихъ прежнихъ наблюденій того же рода, что наибольшая температура подъ тропиками не соотвѣтствуетъ, какъ у насъ, 2 час. по полудни, но (по-крайней-мѣрѣ для воздуха) половинѣ двѣнадцатаго часа утра. Г. Ленцъ оканчиваетъ свою записку нѣкоторыми теорическими соображеніями, надъ причинами измѣненій дневной температуры, соображеніями, служащими для объясненія этого, съ перваго взгляда, довольно парадоксальнаго явленія.

Г. *Купферъ* читалъ записку о среднихъ температурахъ [illegible] Россіи, а г. *Бергъ* представилъ Академіи любопытныя сближенія, которыя онъ извлекъ изъ новаго тщательнаго пересмотра наблюденій замерзшей почвы Якутска. Изъ этихъ сближеній онъ

выводитъ, что интересная геотермическая загадка, столько лѣтъ обращающая на себя вниманіе Академіи и геологовъ всѣхъ странъ, еще далека отъ рѣшенія. Она, напротивъ того, представляетъ столько темныхъ пунктовъ, что, нѣкоторымъ образомъ, для чести Академіи должно сдѣлать новыя попытки къ ея разъясненію. По этому г. *Беръ* войдетъ въ соглашеніе съ г. *Миддендорфомъ* и Гг. физиками, для точнаго опредѣленія операцій, которыя должно предпринять.

Что касается до *геогнозіи*, то членъ нашей Академіи, знаменитый *Мурчисонъ*, напечаталъ сравнительный обзоръ геологическаго строенія Альповъ, Апеннинновъ и Карпатовъ, въ которомъ доказываетъ послѣдовательный переходъ вторичныхъ формацій, и именно верхней мѣловой, къ формаціямъ третичнымъ, также значительное распространеніе извѣстныхъ эоценовыхъ пластовъ на югѣ Европы, считавшихся прежде за принадлежность мѣловой формаціи.

Г. *Гамель*, которому академическій музеумъ уже обязанъ прекрасною коллекціею ихтіолитовъ изъ формаціи, извѣстной у геологовъ подъ именемъ древняго краснаго песчаника, представилъ Академіи другую коллекцію остатковъ ископаемыхъ растеній, принадлежащихъ той же формаціи. Экземпляры этихъ коллекцій собраны самимъ г. Гамелемъ въ сѣверной Шотландіи и на Оркнейскихъ островахъ. Эти двѣ коллекціи тѣмъ болѣе интересны, что упомянутая геологическая формація покрываетъ обширное пространство русской почвы, заключая въ себѣ бассейны обѣихъ Двинъ, Западной и Сѣверной, и простираясь на югъ до Воронежа. Въ Россіи, всѣ ископаемыя, свойственныя этой формаціи, находятся въ изломанномъ состояніи, тамъ-и-сямъ разбросанными кусками, тогда какъ на сѣверѣ Великобританіи они вообще такъ хорошо сохранились, что легко можно изучать всѣ ихъ подробности.

Г. *Гельмерсенъ* представилъ вторую часть путешествія *Александра Лемана* въ Бухару и Самаркандъ, составленную, подобно первой, по собственноручнымъ журналамъ путешественника. Эта вторая часть заключаетъ въ себѣ подробное описаніе воздѣлыванія почвы въ Бухарѣ, полевыхъ и огородныхъ произведеній и проч., также весьма любопытныя замѣтки о нравахъ и обычаяхъ жителей Бухаріи, ихъ училищахъ и другихъ заведеніяхъ, и наконецъ, описаніе возвратнаго путешествія г. Лемана изъ Бухары въ Оренбургъ, совершеннаго въ 1842 году. Этотъ прекрасный трудъ г. Гельмерсена, равно какъ и отчетъ г. Гревинка о его прошлогодней геологической поѣздкѣ

въ сѣверо-восточную Россію, составятъ содержаніе слѣдующихъ томовъ Beiträge.

Перейдемъ теперь къ *химіи*.

Извѣстно, что въ 1848 году г. Фрицше открылъ новый алкалоидъ, получаемый дѣйствіемъ азотной кислоты на гармалинъ. Нынѣ этотъ химикъ описалъ три любопытныя соединенія того алкалоида съ синильною кислотою, окисломъ серебра и горнымъ масломъ. Первое соединеніе похоже на соединеніе самаго гармалина съ синильною кислотою; второе представляетъ новый рядъ соединеній, потому-что донынѣ извѣстны были только соединенія алкалоидовъ съ солями, а не съ металлическими окислами. Но особенное вниманіе химиковъ заслуживаетъ послѣднее соединеніе, представляющее первый примѣръ кристаллическаго тѣла, въ составъ котораго входитъ горное масло.

Репетиторъ химіи въ Артиллерійскомъ Училищѣ, г. *Петръ Кочубей*, занимающійся химическими изслѣдованіями надъ нѣкоторыми мышьяковистыми соединеніями, сообщилъ Академіи новый придуманный имъ способъ для опредѣленія содержанія мышьяка и разложенія щелочныхъ и землисто-щелочныхъ мышьяковокислыхъ солей.

Профессоръ Харьковскаго Университета г. *Ходневъ* представилъ записку, въ которой исправилъ прежнія ошибочныя мнѣнія * о виноспиртныхъ соединеніяхъ и объ азотнокислой магнезіи, а г. *Шмидтъ*, изъ Іены, путемъ химическаго анализа изслѣдовалъ различные образцы чернозема нашихъ внутреннихъ губерній.

Г. *Якоби* изложилъ свои соображенія о химическомъ дѣйствіи гальваническаго тока, а Его Императорское Высочество *Герцогъ Лейхтенбергскій* прислалъ Академіи изъ Фалля, въ Лифляндіи, новыя подробности о гальваническомъ золоченіи въ большомъ видѣ, съ ученными и техническими изъ нихъ выводами.

Г. *Гамель* читалъ записку, съ цѣлію обратить вниманіе нашей новой духовной миссіи въ Китаѣ на растеніе, называемое Англичанами *China grass*. Г. Гамель замѣчаетъ, что еще сомнительно, одно ли растеніе служитъ въ Китаѣ для выдѣлки различныхъ встрѣчающихся тамъ полотенъ; извѣстно только, что растеніе, называемое китайцами *Ma*, есть *Urtica nivea* и доставляетъ волокны для лучшихъ сортовъ китайскаго полотна.

* Эти ошибочныя мнѣнія были введены въ науку г. Эйнбротомъ, вслѣдствіе весьма плохихъ собственныхъ опытовъ и неосновательнаго вывода изъ чужихъ наблюденій.

Г. Гамель показывалъ пряжу изъ этого растенія, привезенную въ Англію, также различныя нитки и ткани, выдѣланныя частію въ Китаѣ, а частію въ Индіи, въ Англіи. Этнографическій музеумъ Академіи содержитъ въ себѣ такое множество образчиковъ китайскихъ полотенъ и веревокъ, что возможно было доставить нѣкоторыя изъ нихъ начальнику нынѣшней миссіи, съ цѣлію дознать, изъ какихъ растеній они сдѣланы, и добыть сѣмяна послѣднихъ, чтобы испытать возможность разведенія ихъ въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, особливо за Кавказомъ.

По *Ботаникѣ*, г. *Мейеръ* напечаталъ шестой выпускъ своего Ботаническаго Сборника, посвященнаго преимущественно русской флорѣ. Этотъ выпускъ заключаетъ въ себѣ каталогъ растеній, привезенныхъ Докторомъ *Коленати* изъ внутреннихъ странъ Кавказа, съ Крестовой горы, Казбека и его окрестностей. Въ другихъ двухъ запискахъ, тотъ же Академикъ описалъ нѣсколько новыхъ видовъ, между прочимъ рода *Crepis* изъ семейства *цикорійныхъ*, также съ Кавказа.

Г. *Рупрехтъ* доставилъ первое достовѣрное извѣстіе о распространеніи на русскихъ Курильскихъ островахъ новаго вида бамбука. Это, хотя неожиданное извѣстіе, находится впрочемъ уже въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ прошлаго вѣка, но только такъ темно и неопредѣленно, что было совершенно забыто. Другой, обширнѣйшій трудъ нашего ботаника — о водорослях Охотскаго моря, войдетъ въ описаніе путешествія г. Миддендорфа, и появится въ 1850 году. Въ приложенныхъ къ нему рисункахъ, съ удовольствіемъ замѣчается первый опытъ приложенія новѣйшихъ успѣховъ хромолитографіи къ представленію изображеній живой природы. Этимъ способомъ избѣгается дорогое раскрашиванье рисунковъ, и предметы изображаются непосредственно въ ихъ естественномъ цвѣтѣ. Охотское море было доселѣ малоизвѣстнѣйшимъ изъ всѣхъ русскихъ морей, относительно его растительности, и все, что знали по этому предмету, основывалось на малочисленныхъ, недостовѣрныхъ данныхъ. Г. Миддендорфу принадлежитъ честь собранія, во-время его послѣдняго путешествія, достаточнаго числа экземпляровъ для пополненія существовавшаго пробѣла. Берега этого моря, покрытые бо́льшую часть года неподвижными или плавучими льдами, питаютъ однакожь развитіе подводной флоры, богатой недѣлимыми, но такъ однообразной, что въ ней считается не болѣе пятидесяти видовъ. Г. Рупрехтъ приписываетъ это преимущественно малой солености воды Охотскаго моря. Часть этой флоры со-

стоитъ изъ новыхъ видовъ, свойственныхъ тамошней мѣстности; остальные встрѣчаются и на другихъ сѣверныхъ берегахъ. Г. Рупрехтъ указываетъ на любопытный фактъ, что это море, въ своей растительности, представляетъ болѣе сходства съ отдаленными берегами Лапландіи, чѣмъ съ ближними водами, омывающими Курильскіе острова. Интересъ, возбуждаемый изученіемъ какой-либо флоры, вообще возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ полюсамъ растительности, гдѣ всѣ географическія и статистическія отношенія упрощиваются и проясняются замѣтнымъ образомъ. Здѣсь, слѣдовательно, результаты выводятся гораздо непосредственнѣе, чѣмъ въ болѣе богатыхъ и роскошныхъ странахъ юга. По этой причинѣ, трудъ г. Рупрехта служитъ, не только для пополненія нашихъ знаній о русской флорѣ, но можетъ имѣть право на болѣе общую заслугу, чрезъ распространеніе свѣта на разныя отрасли новѣйшей фитологіи.

Г. *Бюзе*, извѣстный своимъ путешествіемъ по Арменіи, описалъ въ Бюллетенѣ Академіи второе путешествіе, совершенное имъ въ горы, лежащія между Гиланомъ и Астерабадомъ.

Обратимся къ *Зоологіи*.

Большой трудъ г. *Брандта* надъ ископаемымъ носорогомъ, не только окончѣнъ во всѣхъ своихъ частяхъ, но и представленъ ученому свѣту. Въ конечномъ обзорѣ, которому авторъ долженъ былъ его подвергнуть предъ напечатаніемъ, онъ обогатилъ его многими замѣчательными главами, относительно строенія коренныхъ зубовъ и роговъ, внѣшнихъ формъ, систематической классификаціи и сродства этого большаго, уже исчезнувшаго толстокожаго. Тотъ же Академикъ представилъ замѣчанія о свойствахъ, синониміи и географическомъ распредѣленіи вида орловъ Aquila Leucorypha Pall. Онъ же принималъ дѣятельное участіе въ редакціи зоологической части путешествія г. Миддендорфа. Сперва онъ подвергнулъ астерій или морскихъ ежей Охотскаго, Камчатскаго и Берингова морей сравнительному пересмотру относительно подобныхъ фаунъ морей, омывающихъ сѣверную Европу. Потомъ онъ составилъ описаніе раковидныхъ изъ семейства десятиногихъ, съ длинными и короткими хвостами и съ аномальнымъ хвостомъ. Въ этомъ трудѣ, онъ не ограничился одними видами, привезенными г. Миддендорфомъ, но распространилъ свои сравнительныя изысканія на другія формы, собранныя покойнымъ Мертенсомъ, Беромъ и Вознесенскимъ, и на все то, что̀ хранится въ академическомъ музеумѣ изъ этого семейства. Такимъ-образомъ со-

ставился обширный трудъ, котораго одна только часть относится собственно до сибирской экспедиціи; остальное составило предметъ многихъ записокъ, которыя г. Брандтъ напечатаетъ постепенно въ изданіяхъ Академіи.

Г. *Миддендорфъ*, хотя чрезвычайно занятый печатаніемъ своего путешествія, не ограничился этимъ трудомъ, чему служитъ доказательствомъ третій и послѣдній выпуски его малакозоологическихъ изысканій, изданные въ 1849 году. Этотъ обширный трудъ въ самомъ дѣлѣ есть не что иное, какъ осуществленіе идеи, очерченной Палласомъ, но которая, за недостаткомъ матеріаловъ, оставалась безплодною до-тѣхъ поръ, пока обильныя коллекціи двухъ экспедицій къ крайнимъ сѣвернымъ и восточнымъ предѣламъ имперіи доставили г. Миддендорфу средства и бодрость приняться за задачу. Не говоря уже о матеріальной выгодѣ, проистекающей для науки (число русскихъ родовъ удвоилось, а число видовъ утроилось противъ прежняго), результаты наблюденій г. Миддендорфа имѣютъ болѣе обширный кругъ дѣйствія развитіемъ для науки новыхъ общихъ воззрѣній. Нашъ зоологъ раздѣляетъ фауну русскихъ моллюсковъ на шесть различныхъ областей, весьма отличныхъ одна отъ другой, именно:

1) Область *Арало-Каспійская*, замѣчательная поразительнымъ сходствомъ съ морями до-историческихъ временъ, именно, юрскаго періода. Г. Миддендорфъ находитъ въ моллюскахъ этой области весьма выразительные признаки древняго сообщенія Каспійскаго-моря съ Аральскимъ озеромъ и Чернымъ-моремъ, въ эпоху, когда уже существовали наши нынѣшнія животныя.

2) Область *Понтійская*, заключающая въ себѣ неполную средиземную фауну.

3) Область *Балтійская*, равномѣрно представляющая только бѣдные, разсѣянные остатки фауны сѣверной Европы.

4) Область *Полярная;* 5) *Охотская* и 6) *Сѣверо-Западнаго берега Америки.*

Мы не можемъ слѣдовать за г. Миддендорфомъ въ многочисленныхъ географическихъ сближеніяхъ, выведенныхъ имъ изъ его наблюденій, въ разительныхъ аналогіяхъ, установленныхъ имъ, такъ-сказать, a priori, и найденныхъ потомъ соотвѣтствующими фактамъ, въ скрытой связи, существующей между организмами, самыми послѣдними въ животномъ ряду, и законами распредѣленія теплоты, съ одной стороны, и степенью солености моря, съ другой. Трудъ ученаго зоолога находится большею

частію въ рукахъ спеціальныхъ ученыхъ, могущихъ опредѣлить его достоинство. Тотъ же авторъ пытается свою методу, придуманную, какъ выше сказано, для различенія видовъ моллюсковъ, приложить къ спорному вопросу, занимающему нынѣ зоологовъ и геологовъ, и относящемуся къ ископаемымъ пещернымъ медвѣдямъ. Г. Миллендорфъ берется за сомнительный вопросъ съ самаго его основанія, и переработываетъ вновь естественную исторію обыкновеннаго медвѣдя (Ursus arctos L.), по многочисленнымъ матеріаламъ, находящимся въ его рукахъ. Онъ находитъ окончательно, что пещерные ископаемые медвѣди принадлежатъ къ вымершимъ родамъ и не имѣютъ ничего общаго съ нынѣ живущими породами, и потому несправедливо полагаютъ, что послѣдніе произошли или, лучше сказать, выродились изъ первыхъ. Этимъ отвергаются какъ результаты, полученные Бленвилемъ, такъ и его собственная и его противниковъ метода. Эти изысканія будутъ напечатаны въ трудахъ здѣшняго Минералогическаго Общества.

Въ 1845 году, г. Беръ возымѣлъ идею посвящать отъ времени до времени одинъ изъ томовъ его «Beiträge» краткимъ обзорамъ трудовъ, постоянно совершающихся въ Россіи, съ цѣлію изслѣдовать имперію во всѣхъ направленіяхъ. Согласно этому плану, 9-й томъ упомянутаго сборника уже заключаетъ въ себѣ первый опытъ такого обозрѣнія, и разсматриваетъ, въ семи главахъ, топографическія съемки Генеральнаго Штаба, замѣчанія касательно физическаго устройства имперіи, ея естественныя произведенія, географію, статистику, этнографическія отношенія, исторію народа и государства, и наконецъ, ученыя путешествія. Хотя началомъ избранъ 1840 годъ, однакожъ, чтобы не выйти изъ обыкновенныхъ границъ тома, было необходимо раздѣлить его на два выпуска, и изданію втораго изъ этихъ выпусковъ посвятилъ г. Беръ, въ 1849 году, бо́льшую часть своего времени. Сверхъ того, онъ занимался исторіею *джигетая*, доказавъ его тожественность съ онагромъ и кулановъ, и рекомендовалъ вниманію Академіи двѣ записки: одну, доктора *Грубера*—объ открытіи неизвѣстной лицевой человѣческой косточки; другую, доктора *Маркузена*—относительно развитія зубовъ у млекопитающихъ.

Обратимся наконецъ къ наукамъ *историческимъ*.

Въ 1849 году Археографическая Коммиссія поручила г. *Куник*у редакцію издаваемыхъ ею источниковъ на иностранныхъ языкахъ, относящихся къ исторіи Россіи. Нынѣ онъ занимается изданіемъ источниковъ XVII вѣка. Извѣстно, что нынѣ, бо-

лѣе, нежели когда-либо, успѣхи историческихъ наукъ зависятъ отъ критическаго изслѣдованія и критики источниковъ. А какъ русская историческая литература можетъ представить только нѣсколько критическихъ опытовъ о весьма немногихъ отдѣльныхъ источникамъ, то она и не имѣетъ указателя для обзора всѣхъ существующихъ источниковъ, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, изъ котораго всякій начинающій или опытный уже историкъ почерпалъ бы необходимыя извѣстія о происхожденіи каждаго источника, о его годѣ, о жизни и образѣ мыслей его автора и проч. Вполнѣ сознавая всеобщую и настоятельную нужду въ такомъ обзорѣ источниковъ, г. Куникъ рѣшился приступить къ составленію его мало-по-малу. Такова цѣль его историческихъ отрывковъ (Analectes historiques), или выбора матеріаловъ для познанія источниковъ русской исторіи, — сборника, котораго значительное количество нумеровъ выпущено уже въ свѣтъ. Сверхъ-того, г. Куникъ представилъ первую статью объ исторіи морскаго искусства въ Россіи и критическій разборъ новаго сборника скандинавскихъ источниковъ русской исторіи, изданнаго въ Копенгагенѣ трудами г. *Рафна*, подъ заглавіемъ *«Русскія древности»*, и «Chronicon Normannorum», которую обѣщаетъ издать профессоръ дерптскаго университета *Крузе*. Въ послѣдней статьѣ, г. Куникъ преимущественно имѣлъ въ виду показать, что, вслѣдствіе особеннаго характера исландской исторической литературы, необходимо критическимъ путемъ оцѣнить отрывки, представленные датскимъ ученымъ въ его прекрасномъ изданіи. Г. *Куникъ* занялся прежде всего нѣкоторыми хронологическими вопросами, что естественнымъ образомъ привело его къ разсмотрѣнію приготовляемаго г. Крузе изданія, и онъ высказалъ свое мнѣніе о нѣкоторыхъ главнѣйшихъ вопросахъ труда дерптскаго ученаго.

Нашъ историкъ положилъ основаніе изысканіямъ о времени различныхъ наименованій, подъ которыми являются Датчане въ нашихъ лѣтописяхъ и актахъ съ XII по XVIII вѣкъ; онъ собралъ, въ особой запискѣ, значительное количество извѣстій о сношеніяхъ между Русскими и Датчанами, существовавшихъ до времени Петра Великаго, и оспорилъ мнѣніе знаменитаго берлинскаго филолога Якова *Гримма* объ этомъ предметѣ.

По случаю приближенія тысячелѣтія существованію Россійской Имперіи, настоитъ надобность отечественнымъ историкамъ опредѣлить, сколь возможно вѣрнымъ образомъ, эпоху, съ которой должно считать существованіе нашего отечества, эпоху, которую г. Кругъ относитъ къ 862 году. Такъ какъ осно-

ваніе предположенія этого ученаго не признано вполнѣ достовѣрнымъ, то г. Куникъ, до объявленія своего мнѣнія объ этомъ предметѣ, счелъ полезнымъ перепечатать главу изъ византійской хронологіи г. Круга, заключающую въ себѣ изысканія о началѣ русскаго лѣтосчисленія, и присоединить къ этому многочисленныя прибавленія, сдѣланныя имъ въ теченіе тридцати девяти лѣтъ.

Г. *Гамель*, во время долгаго пребыванія своего въ Москвѣ, имѣлъ случай исторически изслѣдовать различные вѣнцы Царей дома Романовыхъ, хранящіеся въ Грановитой-палатѣ, и въ особенности тотъ изъ нихъ, которымъ вѣнчанъ на царство Петръ Великій, въ 1682 году. Онъ привелъ въ порядокъ собранныя имъ извѣстія, изъ которыхъ составилъ записку, читанную въ одномъ изъ засѣданій Историческаго Отдѣленія Академіи. Онъ также изслѣдовалъ два очень тяжелые вѣнца, изъ коихъ одинъ сдѣланъ былъ для Бориса Годунова, а другой для Лжедмитрія.

Г. *Дорнъ*, продолжая наблюдать за печатаніемъ персидскаго текста исторіи Табаристана и Мазандерана Ссеғиръ-Эддина, которое приближается къ окончанію, помѣстилъ въ Запискахъ Академіи, въ видѣ вступленія въ это твореніе, исторію Табаристана и Сербедаровъ, по Хондемиру. Между тѣмъ онъ занимался также изысканіями о киргизскомъ языкѣ, и опровергъ несправедливый упрекъ, сдѣланный Академіи іенскимъ ученымъ г. Кохомъ, въ его путешествіи по востоку.

Г. *Броссе* напечаталъ первый выпускъ лѣтописи, ошибочно приписываемой Царю Вахтангу. Мы говоримъ *ошибочно*: потому-что Вахтангъ родился въ 1675 году, тогда какъ напечатанная нынѣ часть исторіи Грузіи была уже переведена и сокращена на армянскомъ языкѣ, въ 1279 году нашей эры. Г. Броссе видѣлъ въ Эчміадзинѣ списокъ такого перевода съ этимъ годомъ. Грузинскій текстъ этого сочиненія былъ возстановленъ издателемъ, преимущественно по двумъ древнѣйшимъ изъ извѣстныхъ нынѣ рукописей. Первая была пожалована Академіи Его Величествомъ въ 1848 году, вмѣстѣ съ библіотекою покойнаго Царевича Теймураза; другая находится въ Румянцовскомъ Музеумѣ, по видимому, не столь древняя и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не полная. Для критической части этого труда, присоединенной къ французскому переводу, переводчикъ пользовался, кромѣ другихъ источниковъ, десятью неизданными армянскими авторами, съ бо́льшею частію коихъ не справлялся еще ни одинъ изъ европейскихъ ученыхъ. Занятый печатаніемъ

этого сочиненія и своего путешествія. г. Броссе нашелъ еще время прочесть Академіи записку о религіозномъ расколѣ, существующемъ между Армянами и Грузинами съ конца VI вѣка. Онъ составилъ эту записку по армянскимъ писателямъ, и преимущественно по Ухтанесу, неизданному писателю X вѣка. Сверхъ того онъ представилъ донесеніе о поѣздкѣ г. *Ханыкова* въ Ани и о путешествіи по Грузіи, совершенномъ, по приказанію Намѣстника Кавказскаго, г. *Меликовымъ-Хуцесовымъ*, чиновникомъ Горійской Палаты.

Скажемъ наконецъ, нѣсколько словъ о филологическихъ трудахъ.

Г. *Бетлингъ* продолжалъ наблюдать за печатаніемъ своихъ трудовъ, касающихся якутскаго языка, которые составляютъ третій томъ Путешествія г. *Миддендорфа*, и посвятилъ обширную статью грамматическимъ изслѣдованіямъ о языкѣ турецко-татарскомъ. Сверхъ того, онъ помѣстилъ въ Бюллетенѣ отвѣтъ на сдѣланное противъ него возраженіе берлинскимъ профессоромъ *Шоттомъ*, и представилъ для печатанія свой санскритскій лексиконъ, надъ которымъ онъ трудился долгое время.

Г. *Грефе* окончилъ двѣ новыя главы сочиненія своего по части сравнительнаго языкознанія. Въ одной изъ нихъ онъ изслѣдовалъ наиболѣе характеристическія формы нарѣчій въ индоевропейскихъ языкахъ, а въ другой произволъ, господствующій въ глагольныхъ окончаніяхъ (flexions verbales), и грамматическое употребленіе ихъ въ тѣхъ же языкахъ.

Въ 1846 году, г. *Шегренъ*, во-время путешествія по Лифляндіи, узналъ въ Ригѣ, что въ самой восточной части Валкскаго уѣзда, при источникахъ рѣки Аа, жило посреди Латышей небольшое, отдѣльное племя, которое говорило особеннымъ нарѣчіемъ, отличнымъ отъ туземнаго; это племя, по мнѣнію *Бракеля*, могло происходить отъ древнихъ Ливовъ, первоначальныхъ жителей того края. Такое предположеніе еще болѣе подкрѣплялось именемъ *Ливъ*, которое носила одна изъ деревень. Хотя Географическое Общество, по порученію котораго г. Шёгренъ предпринималъ упомянутое путешествіе, имѣло въ виду изслѣдовать эти разсѣянные остатки первобытнаго населенія Лифляндіи, однакожъ время и обстоятельства не дозволили тогда г. *Шегрену* самому посѣтить тѣ мѣста, и потому онъ принужденъ былъ оставить у г. *Наперскаго*, бывшаго тогда Директоромъ Училищъ Лифляндской губерніи, рядъ письменныхъ вопросовъ, на которые обѣщалъ ему отвѣчать этотъ ученый, и списокъ словъ и рѣченій, которыя взялся послѣдній перевести на упомяну-

тое нарѣчіе. По полученіи, въ 1848 году, сихъ разъясненій, г. Шёгренъ нашелъ возможнымъ составить къ своему путешествію дополненіе, которое онъ напечаталъ подъ заглавіемъ *Этнографическія извѣстія о Лифляндіи*, и гдѣ онъ доказываетъ, путемъ филологическаго анализа, что небольшое племя Валкскаго уѣзда, простирающееся до 2500 человѣкъ, не смотря на возможность сходства языка его съ языкомъ первоначальныхъ жителей Лифляндіи, есть не что иное, какъ эстонская вѣтвь, отдѣлившаяся отъ сосѣдняго корня дерптскихъ Эстонцевъ, что признано еще въ 1782 году г. *Гюпелемъ*, свѣдущимъ туземнымъ грамматикомъ. Г. *Шегренъ* замѣчаетъ, что самое названіе деревни Ливъ можетъ быть произведено весьма просто и естественно отъ языка эстскаго, и не имѣетъ ничего общаго съ именемъ страны и ея древними жителями.

Мы упомянули выше, въ числѣ напечатанныхъ Академіею сочиненій, объ остяцкой грамматикѣ г. *Кастрена*. Благодаря г. *Броссе*, представилась возможность, при помощи грузинскаго священника Іова *Цискарова*, составить грамматику необработаннаго еще *тушскаго* языка, составляющаго одно изъ многочисленныхъ кавказскихъ нарѣчій. Почтенный священникъ сообщилъ нѣсколько разныхъ текстовъ и необработанныхъ матеріаловъ для грамматики этого нарѣчія, ожидающихъ только опытной руки филолога, который пополнилъ бы ихъ и привелъ въ порядокъ по правиламъ науки.

Г. *Шифнеръ* сообщилъ свои послѣднія предположенія о значеніи слова *Таргасъ* въ финской эпопеѣ, а г. *Шеферъ*, французскій дипломатическій агентъ въ Леванте, разъясненія о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ сочиненіяхъ по исторіи и географіи, которыя г. *Френъ* считаетъ за desedirata европейскихъ хранилищъ восточной словесности.

Дерптскій профессоръ *Стефани* напечаталъ въ академическомъ Бюллетенѣ описаніе древняго ефесскаго амулета и критическій разборъ сочиненія г. Кене: «Изслѣдованія объ исторіи и древностяхъ Херсониса Таврическаго».

Вотъ очеркъ дѣятельности нашей Академіи въ 1849 году. Мы сочтемъ обязанностію представлять читателямъ *Сына Отечества* ежегодно подобныя извлеченія изъ Академическихъ Отчетовъ, по мѣрѣ появленія ихъ въ свѣтъ.

Х.

Замѣчательный метеоръ. — Директоръ неаполитанской астрономической обсерваторіи, г. *Капочи* (Capocci) сообщилъ брюссельской Академіи Наукъ записку о весьма замѣчательномъ метеорѣ, видѣнномъ имъ въ часъ по-полуночи 13 минувшаго ноября (нов. ст.) Этотъ метеоръ имѣлъ видъ огненнаго шара, двигавшагося весьма страннымъ образомъ: онъ не описывалъ ни прямой, ни кривой, а ломаную линію, и влекъ за собою пламенный хвостъ, превращавшійся въ длинную полосу, которая оставалась видимою въ теченіе получаса. Въ Сициліи метеоръ былъ видѣнъ еще лучше, чѣмъ въ Неаполѣ; въ Палермо онъ блисталъ отъ пяти до шести секундъ, и чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того слышанъ былъ громовый шумъ его взрыва. Нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ взрывѣ, блестящій метеоръ превратился въ одинъ или нѣсколько аэролитовъ.

По собраннымъ свѣдѣніямъ о движеніи метеора, вслѣдствіе наблюденій, сдѣланныхъ какъ въ Неаполѣ, такъ и въ разныхъ мѣстахъ Сициліи, должно полагать что этотъ аэролитъ упалъ на землю близъ сѣвернаго берега Африки, въ окрестностяхъ Туниса.

Такое предположеніе дѣйствительно оправдалось, и мы сообщимъ въ слѣдующей книжкѣ подробности о паденіи этого метеора въ Триполи, слѣдовательно, недалеко отъ мѣста, назначеннаго вычисленіями à priori.

Изысканія надъ скандинавскими аборигенами. — Въ одномъ изъ прошлогоднихъ засѣданій Британскаго Общества для способствованія успѣхамъ наукъ, извѣстный профессоръ Лундскаго Университета, докторъ Нильсонъ, читалъ записку: «О первобытныхъ обитателяхъ Скандинавскаго полуострова.» Обращая преимущественное вниманіе на всѣ замѣчательныя явленія и изысканія, касающіяся сѣвера, мы считаемъ долгомъ сообщить нашимъ читателямъ любопытнѣйшіе факты, приведенные шведскимъ ученымъ въ упомянутой запискѣ.

Докторъ Нильсонъ доказалъ предварительно, что Скандинавскій полуостровъ получилъ свой настоящій видъ отъ давно извѣстнаго геологическаго факта, совершающагося уже въ теченіе тысячелѣтій и еще понынѣ продолжающагося, именно — осѣданія южной части и соотвѣтственнаго возвышенія сѣверной. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что начало такого геологическаго процесса произошло въ весьма отдаленную эпоху, и во всякомъ случаѣ въ доисторическія времена; но еще ранѣе того, сѣверная часть нынѣшняго полуострова была гораздо низменнѣе южной и покрывалась водою, тогда какъ южная возвышалась

гораздо значительнѣе, чѣмъ въ наше время, и составляя съ Даніею и Германіею неразрывный материкъ. Такимъ образомъ объясняется фактъ, что изъ Даніи и Германіи произошла послѣпотопная флора Скандинавскаго полуострова, вслѣдъ за которою появились сперва травоядныя, а потомъ плотоядныя животныя, и наконецъ человѣкъ.

По словамъ профессора Нильсона, человѣкъ пришелъ въ Скандинавію въ ту эпоху, когда первобытный быкъ (Bos primigenius) и пещерный медвѣдь (Ursus spelaeus) обитали еще на полуостровѣ. Доказательствомъ тому могутъ служить—скелетъ первороднаго быка, пронзенный древнею стрѣлою, и скелетъ пещернаго медвѣдя, найденный въ Сканіи, въ торфяной имѣ подъ грудою камней, вмѣстѣ съ охотничьими орудіями первобытныхъ жителей Скандинавіи: оба скелета хранятся теперь въ музеумѣ Лундскаго Университета. Судя по дошедшимъ до насъ вещамъ, бывшимъ въ употребленіи у скандинавскихъ аборигеновъ, этотъ народъ находился на самой низшей степени развитія. Такія вещи, состоящія изъ рыболовныхъ снастей и охотничьихъ орудій, сдѣланныхъ изъ костей и камней, находятъ, не только по болотамъ Швеціи и Норвегіи, но и въ древнѣйшихъ насыпяхъ и курганахъ, сложенныхъ изъ огромныхъ, нетесанныхъ камней и имѣющихъ узкій, длинный ходъ, обыкновенно съ южной или южной стороны. Такіе древнѣйшіе курганы рѣзко отличаются этими признаками отъ другихъ позднѣйшихъ, и въ нихъ-то попадаются скелеты аборигеновъ, форма черепа которыхъ весьма характерна и прямо видится въ глаза натуралисту: черепа эти коротки, широки и съ плоскимъ сводомъ. Ученый краніологъ Реціусъ называетъ ихъ *brachycephalen*. Подобное образованіе черепа встрѣчается и у другихъ весьма древнихъ народовъ — Иберовъ, Басковъ, Лапландцевъ, Самоѣдовъ и наконецъ въ скелетахъ Пеласговъ, нѣкогда обитавшихъ въ Греціи. Весьма любопытно, что вмѣстѣ съ скелетами этого первобытнаго племени попадаются иногда скелеты собакъ, служившихъ имъ несомнѣнно для пособія на охотѣ.

Вслѣдъ за этимъ племенемъ, промышлявшимъ исключительно звѣриною и рыбною ловлею, явилось въ Скандинавіи другое, у котораго черепъ былъ продолговато-овальный, а затылокъ узкій и выпуклый. Реціусъ называетъ ихъ — *dolicocephalen*. По мнѣнію профессора Нильсона, эти черепа принадлежали людямъ готескаго племени, которые, придя на полуостровъ, вступили въ кровавыя войны съ плосколобыми аборигенами

нами, стараясь вытѣснить или истребить ихъ. Прямымъ свидѣтельствомъ этой борьбы служитъ намъ продолговато-овальный черепъ, пронзенный копьемъ съ наконечникомъ изъ оленьяго рога, оружіемъ, очевидно принадлежавшимъ плоскозатыльному племени. Этотъ пробитый копьемъ черепъ найденъ, съ остальными костями скелета и съ сорока другими скелетами того же готескаго племени, въ южной Сканіи; тутъ же лежало и каменное оружіе, вѣроятно, служившее для умерщвленія тѣхъ, чьи были скелеты. Одно изъ этихъ оружій было обвито спиральными мѣдными кольцами, что заставляетъ полагать, что аборигены находились въ сношеніяхъ съ болѣе просвѣщеннымъ племенемъ, отъ котораго пріобрѣтали мѣдныя вещи.

Готескому племени приписываетъ также профессоръ Нильсонъ первую обработку земли на полуостровѣ.

Непосредственно за готескимъ племенемъ пришло съ востока или съ сѣвера третье племя, имѣвшее черепъ, отличный отъ двухъ первыхъ. Черепа этого третьяго племени продолговатѣе чѣмъ у перваго, шире чѣмъ у втораго, и имѣютъ значительно выпуклыя боковыя части. Г. Нильсонъ полагаетъ, что это племя, введшее обработку мѣди на полуостровѣ, принадлежало къ народамъ кельтическаго происхожденія. Въ краніологической коллекціи шведскаго профессора хранится черепъ этого племени, найденный въ Рогусленѣ, подъ курганомъ, на высотѣ 50 футовъ надъ уровнемъ моря, вмѣстѣ съ черепомъ готескаго племени. Другой черепъ того же кельтическаго племени, также находящійся въ коллекціи г. Нильсона, найденъ въ Англіи, въ одномъ изъ Корнуэльскихъ (Cornvallis) оловянныхъ рудниковъ, на глубинѣ 500 футовъ. Шведскій натуралистъ владѣетъ еще третьимъ черепомъ подобнаго же вида, найденнымъ въ финикійской катакомбѣ, на островѣ Мальтѣ.

Наконецъ, послѣ кельтическаго племени, пришла на полуостровъ колонія, отъ которой происходятъ нынѣшніе его обитатели. По преданію, сохраненному Стурлесономъ, это позднѣйшее прочихъ племя поселилось первоначально въ Мелардалѣ и, распространяясь оттуда по всѣмъ направленіямъ, дало Норвегіи династію Норреновъ, а при Гарольдѣ—Гаарфагерѣ проникло даже въ Исландію. Нильсонъ думаетъ, что первое поселеніе этого племени на Скандинавскомъ полуостровѣ относится къ VI вѣку по Р. Хр., хотя многіе полагаютъ что это событіе случилось гораздо раньше. Этому послѣднему племени приписываетъ шведскій профессоръ введеніе въ Скандинавіи употребленія желѣзнаго оружія и другой утвари изъ этого металла,

хотя и признается, что желѣзо было извѣстно на полуостровѣ гораздо ранѣе. Впрочемъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что выработка желѣза въ Швеціи начата не ранѣе, какъ этимъ послѣднимъ племенемъ.

ПОХОЖДЕНІЯ ПРОВИНЦІАЛА ВЪ СТОЛИЦѢ.

До праздника весны, даннаго въ іюлѣ Излеромъ, Францъ Францовичъ предложилъ Мошкину насладиться еще однимъ изъ лѣтнихъ удовольствій петербургскихъ жителей — именно побывать на рыбныхъ тоняхъ и попробовать на нихъ своего счастія.

Мошкинъ очень боялся воды, и потому никакъ не рѣшался ѣхать въ лодкѣ на возморье. Какъ Космополитскій ни упрашивалъ его, какъ ни представлялъ ему въ доводъ, что при маленькомъ счастіи нѣкоторые люди оставались всегда въ значительномъ выигрышѣ, Петръ Александровичъ отвѣчалъ Францу Францовичу, поматывая головою:

— Ужъ что вы мнѣ, любезнѣйшій другъ, не пойте, а я не хочу ни вашихъ драгоцѣнныхъ якорей, пойманныхъ вмѣсто рыбъ, ни вашихъ бочекъ съ мадерою, занесенныхъ Богъ знаетъ отъ куда и запутавшихся въ неводахъ, ни вашихъ трехъ-пудовыхъ осетровъ; моя жизнь, какая она ни на есть, а стоитъ всѣхъ этихъ вашихъ земныхъ благъ.

— Такъ поѣдемъ на тони на острова, замѣтилъ Францъ Францовичъ.

— Да что же можно поймать на островахъ?

— Бывали счастливцы, которые доставали вдругъ до двадцати лососей, самыхъ жирныхъ.

— Ну, ужъ будто и двадцать!... хорошо еслибъ поймали и одного порядочнаго, замѣтилъ Мошкинъ, которому очень понравилась эта невская рыба.

— И поймаютъ, вѣрно поймаютъ, подтвердилъ Космополитскій, которому пришла сильная фантазія побывать на тонях; Петя, это говоритъ у тебя предчувствіе.

— Нѣтъ, что за тони! отвѣчалъ Петръ Александровичъ.

— Ну такъ, по-крайней-мѣрѣ, хоть такъ поѣдемъ посмотрѣть, упрашивалъ Космополитскій; ты тамъ увидишь очень много любопытнаго, могу смѣло тебя увѣрить.

— Да что же тутъ любопытнаго? Вытащатъ рыбу и все тутъ; я насмотрѣлся этого и въ деревнѣ.

— Ну, нѣтъ, Петушокъ мой, ты будешь имѣть случай наблюдать нравы и обычаи.

— Какіе нравы и обычаи?

— А вотъ увидишь, только поѣдемъ.

Петръ Александровичъ не могъ похвалиться твердостію характера. Они поѣхали.

— Только вотъ что, Мошкинъ, замѣтилъ дорогою Францъ Францовъ: намъ нужно взять съ собою на тони чего-нибудь, понимаешь, отъ сырости; ты не безпокойся платить, я куплю все, что нужно, и когда ты мнѣ проиграешь, то я добавлю, по расчету, пуэнами.

— Да какъ же это можно, при публикѣ, на воздухѣ, въ открытомъ мѣстѣ.

— Тише, тише, мое невинное дитя, если я что говорю, то знаю, что дѣлаю, перебилъ Францъ Францовичъ: на тоняхъ имѣть съ собою какой-нибудь напитокъ совершенно въ тонѣ.

И онъ взялъ съ собою на счетъ Мошкина нѣсколько бутылокъ кло-де-Вужо.

— Мнѣ что-то нынче захотѣлось бургонскаго, замѣтилъ онъ: ты его пожалуй пей или не пей, мнѣ все-равно, я не буду въ накладѣ, а ты, потому-что я долговъ никогда не забываю.

Когда они пріѣхали на тони къ Крестовскому-перевозу, ловля уже началась, и на плоту стояло довольно зрителей, мужчинъ и дамъ.

Какъ тѣ, такъ и другіе, были очень хорошо одѣты и по всему видимо пріѣхавшіе изъ города.

Изъ губъ, какъ дамъ такъ и мужчинъ, поминутно вырывались, то смѣхъ, то остроты.

— Кто бы это такіе могли быть, желалъ бы я знать? сказалъ Мошкинъ.

— Тебѣ хочется знать, душечка, кто это? Я тебѣ скажу, зажмуря глаза, прервалъ Францъ Францовичъ. Это купеческіе приказчики.

— А дамы кто?

— Кто дамы?

— Да!

— Ну, какія-нибудь сестры, кузины или родственницы кого-

рые безъ родственниковъ никуда ни шагу не ступятъ. Онѣ всегда собираются на всѣ удовольствія не иначе, какъ цѣлой семьей; иногда съ ними бываютъ и тетушки; только тѣ приглашаются на болѣе положительныя удовольствія, на ходьбу подъ ручку, въ какое-нибудь уединенное мѣсто, гдѣ, кромѣ комаровъ, не увидятъ ни одного живаго существа, а это либо ихъ молодыя жены, либо свояченицы, которые сами не прочь даже потанцовать на открытомъ воздухѣ. До прочей публики имъ дѣла нѣтъ, равно какъ и до людскаго смѣха и пересудовъ; онѣ веселятся сами для себя....

Честная мужская компанія поминутно чокалась бокалами, не обращая никакого вниманія на дамъ, которыя поминутно твердили на разные тонкіе голоса:

— Ахъ, Архипъ Петровичъ, ахъ Ваничка, ахъ Иванъ Ивановичъ, ахъ Иванъ Петровичъ, что это вы, совѣсти не боитесь; за каждымъ поворотомъ круга, то и дѣло въ горло льете.

— Это отъ досады-съ, Акулина Ивановна, слышался отвѣтъ съ одной стороны.

— Это-съ за ваше-съ драгоцѣнное, Арина Ѳедоровна, раздавалось съ другой.

— Это для счастья, чтобы заманить лосося, остроумно басилъ третій.

— Ну что, замѣтилъ Космополитскій, тутъ же тотчасъ познакомившійся и съ закидывающими тони, и выпросивъ у нихъ штопоръ и стаканъ: ну что, Петруша, не говорилъ ли я тебѣ, что на горохъ, то норовъ; видишь ли, если кто истинный любитель ѣзди, тотъ остается до самаго утра и непремѣнно уже предохранитъ себя отъ сырости и вліянія ночнаго, водянаго воздуха. Не хочешь ли?

Мошкинъ рѣшительно отказался.

— Ну такъ я, не во гнѣвъ тебѣ, попотчую новыхъ своихъ знакомыхъ, замѣтилъ Космополитскій: лишнее знакомство никогда не мѣшаетъ, глядишь человѣкъ когда-нибудь и пригодится.

И онъ тотчасъ же подошелъ къ пирующимъ, очень учтиво освѣдомился о имени каждаго, и не прошло и трехъ минутъ, какъ со многими былъ уже на ты, и очень дружелюбно обходился съ нами.

— Ну, а что ребята, сколько закинули тоней?

— Да тоней штукъ десять.

— И счастливо?

— Очень; вотъ плуту этому, Ивану Ивановичу, посчастливи-

лось корюшекъ триста за-разъ вытащить; хотѣлъ продать, да рыбаки говорятъ, что и даромъ не надо.

За этимъ послѣдовалъ общій громкій смѣхъ.

— Такъ зачѣмъ же вамъ послѣ этого закидывать сѣти, вмѣшался въ разговоръ Петръ Александровичъ: когда вамъ такое несчастіе?

— А вы думаете, что еслибъ мы были счастливцы, такъ лососей что-ли бы вытащили? перебилъ Мошкина одинъ изъ закидывающихъ тони.

— Слышалъ по-крайней-мѣрѣ.

— Держите шире карманъ, батенька. Лѣтъ десять занимаюсь этимъ удовольствіемъ, только никогда самому не случалось ловить такого добра, а тоже слышалъ, что есть люди.

— Такъ зачѣмъ же, послѣ этого вы даромъ бросаете деньги замѣтилъ Мошкинъ.

— Что же, въ прокъ что-ли ихъ солить? Будетъ еще время быть скупымъ на старости.

Петръ Александровичъ молча пожалъ плечами и подвинился.

Было уже поздно; солнце совершенно сѣло, и густой туманъ, будто полотно, началъ сходить съ неба и ложиться на вершины деревъ.

Мошкинъ началъ звать Космополитскаго домой, но тотъ отвѣчалъ ему рѣшительно:

— Нѣтъ, братъ, я сошелся съ такими теплыми душами, что не разстанусь до самаго утра.

— Вотъ это по-нашенски! Акулина Ивановна, соблаговолите достать изъ кулечка еще парочку-другую шампанскаго; за истину выпить необходимо-съ; сами вы-съ не безъ глупости-съ....

— Ахъ, ужъ вы никогда безъ остраго словца, Иванъ Ивановичъ, право эндакій вы....

— На то кавалеръ-съ.

— Вотъ что называется по-французски истинное *селси*, вскричалъ Францъ Францовичъ, пожимая руки и глядя съ умиленіемъ на торчащія изъ куля бутылки.

Онъ даже не простился съ Мошкинымъ, а обнимался въ эту минуту съ новыми знакомыми.

Петръ Александровичъ пріѣхалъ домой, давая себѣ обѣщаніе никогда не посѣщать болѣе тоней. На другой день ему предстояло гулянье у Излера. Онъ рѣшился встрѣтить у него весну, но только безъ Франца Францовича Космополитскаго, на котораго онъ временно разсердился за полученный насморкъ.

Между-тѣмъ, наступилъ день праздника, объявленнаго Излеромъ на Минеральныхъ водахъ.

Мошкинъ усѣлся въ дилижансѣ и отправился, рисуя въ своемъ воображеніи садъ, весь увѣшанный гирляндами изъ цвѣтовъ, и разныя разности.

Когда онъ пріѣхалъ къ заведенію Минеральныхъ водъ, у подъѣзда стояла уже толпа экипажей, и раздавались звуки музыки. Онъ поспѣшилъ войдти. Зала была совершенно пуста, и всѣ толпились въ саду слушать оркестръ Ивана Гунгля; вмѣстѣ съ публикою прогуливались и цыганы, которымъ давнымъ давно пора бы дать, по ихъ долголѣтнему пребыванію здѣсь, вмѣсто московскихъ, названіе петербургскихъ.

Петръ Александровичъ оглянулся кругомъ, желая насладиться зрѣлищемъ цвѣточныхъ гирлянъ, которыми было обѣщано украсить садъ, и къ удивленію своему увидалъ только передъ крыльцомъ нѣсколько фестоновъ изъ березовыхъ вѣниковъ, привѣшанныхъ на шестахъ.

— Вотъ тебѣ и праздникъ весны; вотъ тебѣ и цвѣточныя гирлянды!... прошепталъ онъ.

Впрочемъ онъ скоро утѣшился, вспомнивъ, что сѣверная весна всегда бѣдна цвѣтами, и только одна дача Королева угощаетъ своихъ посѣтителей, будто какая древняя Фессалія, праздниками розъ съ безпроигрышною лотереею для дамъ. Онъ прошелъ по саду между толпою гуляющихъ, и пошелъ наблюдать разные характеры и различныя лица гуляющихъ.

У Излера лица выражаютъ всѣ одно и то же; въ многолюдствѣ толпы равно сглаживаются и самая сильная радость и самая мучительная грусть. Онъ только успѣлъ подмѣтить различные характеры гуляющихъ и заключилъ, что еслибъ онъ захотѣлъ быть наблюдателемъ, никогда бы не наблюдалъ онъ людей въ гостиныхъ, на службѣ, а только на одномъ гуляньѣ.

Мошкинъ подошелъ къ буфету, и началъ прислушиваться къ разговорамъ; въ комнатѣ собрались различные кружки, и люди, составлявшіе ихъ, толковали между собою.

— Послушай, Петя, говорилъ одинъ другому, не выпить ли намъ бутылочку хересу или лафиту?

— Хересу, у Излера! что ты, отвѣчалъ другой: за кого же меня почтутъ; шампанскаго другое дѣло.

— Да вѣдь, любезный другъ, шампанское здѣсь жжется, ты это знаешь.

— Знаю, что же въ томъ? Видишь, Ивковъ пьетъ шампанское, что же развѣ я хуже его?

— Да у Ивкова есть всегда деньги, а я знаю, у тебя, одинъ, два и обчелся.

— Нужды нѣтъ, хоть безъ хлѣба буду сидѣть, а не дамъ ему передъ собою важничать.

И Петя нарочно подвинулся къ Ивкову, и велѣлъ подать себѣ бутылку шампанскаго.

— Что это, спросилъ тотъ, сложивъ нога на ногу: вы, кажется, никогда не пили спервa шампанскаго?

— Напротивъ, никогда другаго вина не пью, отвѣчалъ Петя, расплачиваясь и чуть слышно вздохнувъ.

— Вотъ какъ, проговорилъ улыбаясь Ивковъ, также расплачиваясь и бросая всѣ остальныя деньги на водку мальчику. Оба знакомца раскланялись другъ другу, такъ какъ-будто хотѣли съѣсть одинъ другаго.

— Ну, подумалъ Петръ Александровичъ, вотъ тебѣ и глупая гордость и глупое честолюбіе на-лицо, и онъ приблизился къ другому кружку.

Тамъ стояли двое людей почтенной наружности, которыхъ прiемы не выражали такой дѣтской слабости.

Мошкинъ сталъ прислушиваться.

— А что, не выкушать ли намъ съ вами чего-нибудь, мой добрѣйшій Александръ Ивановичъ?

— Да чего бы такого выкушать, мой почтеннѣйшій Александръ Дмитріевичъ?

— Да такъ, чего-нибудь, веселія ради.

— Не прочь вкусить ради веселія....

— Такъ портерку, мы люди степенные.

— Отъ чего жъ и не портерку. Слава Богу у насъ съ вами и не на это суммы станетъ.

— Только вотъ что, Александръ Дмитріевичъ, мой почтеннѣйшій...,

— Позвольте перебить вашу рѣчь и замѣтить вамъ одно, мой добрѣйшій.

— Нѣтъ, дайте мнѣ спервa сказать....

— Позвольте мнѣ прежде выразить свою мысль; позволите?

— Извольте, вы старше меня, обязанность повиноваться старшимъ.

— Здѣсь, вѣдь вы знаете, все ужасно дорого, страшно сказать какъ дорого....

— Это именно у меня и вертѣлось на языкѣ, клянусь вамъ, батинька.

— Великіе умы сходятся. Такъ знаете ли, не пойдти ли намъ къ намъ въ Новую-деревню; удовольствіе будетъ тоже, а послѣдствія обойдутся дешевле....

— Это и у меня вертѣлось на языкѣ, когда я просилъ позволенія перебить васъ.

— А при томъ, мы всего здѣсь насмотрѣлись, такъ возьмемъ контромарочки.

— И...

— Ну, понимается, передадимъ ихъ своимъ ребятишкамъ, пускай и они позабавятся.

— Ну, братцы, не прожилете вы накопленнаго, подумалъ Петръ Александровичъ.

И онъ подошелъ къ третьему кружку.

Онъ состоялъ изъ двухъ молодыхъ людей, которые что-то жарко спорили между собою.

— Да пойдемъ, пожалуйста, говорилъ одинъ, хватая другаго за пуговицу пальто.

— Не пойду, говорятъ тебѣ, отвѣчалъ другой, я сказалъ признану...

— Воротнички что ли не à l'anglaise?

— Ну да.

— Да это пустое, mon cher, Катерина Петровна такая любезная.

— Можетъ быть для тебя, а не для меня; она уже сколько разъ мнѣ глаза колола воротничками à l'anglaise, а я нынче какъ нарочно....

— Ну, да ты извинись какъ-нибудь.

— Да, чтобы она мнѣ при тебѣ спину поворотила; знаю я, чего ты хочешь; ты хочешь, чтобы насъ обоихъ вмѣстѣ увидалъ Никаноръ Петровичъ, начальникъ нашъ и сказалъ бы про тебя: гм, гм, знать уменъ и говорить умѣетъ, а этотъ Чижиковъ всегда какъ ракъ на мели; нѣтъ братъ, я не хуже тебя.

— Оба вы пустельги и вѣрно коломенскіе моншеры, о которыхъ говорилъ мнѣ Францъ Францовичъ, подумалъ Мошкинъ, и пошелъ далѣе.

Онъ остановился предъ двумя людьми, тоже почтенными, изъ которыхъ одинъ не тащилъ, а напротивъ удерживалъ другаго.

— Да куда вы, еще будетъ пѣніе и играніе.

— Домой, милый Степанъ Степановичъ, домой, позвольте, не удерживайте меня.

— Да что вамъ дома, вѣдь не цыплятъ же кормить.

— Нѣтъ, знаете, дѣлишки маленькія есть....

— Ну, хоть побожиться такъ знаю, что у насъ ровно никакихъ дѣлишекъ нѣтъ.

— Александра Ивановна дома осталась, такъ ни знала ее, раскапризничала и не поѣхала....

— Такъ что же, она вѣдь не маленькая, со стула не упадетъ и не убьется.

— Не то-съ, только что я со двора, Шишгулькинъ къ ней.

— Ну что же, Шишгулькинъ не моложе и не красивѣе васъ, напротивъ, еще рябоватъ и косоватъ.

— Оно все-такъ, вы не подумайте чего-нибудь; но моя Сашенька такая скромная, а онъ ей надоѣдаетъ своею болтовнею, такъ что у нея всегда отъ него голова болитъ; терпѣть не могу этого человѣка.... пустите пожалуйста....

— Ишь ты куда оно пошло! подумалъ Мошкинъ, вотъ вамъ и глупая ревность; да, просто, клади здѣсь всѣ страсти и всѣ качества въ мѣшокъ, да и выноси ихъ отъ Излера.

Тутъ было Петръ Александровичъ остановился послушать споръ двухъ господъ, споривших одинъ съ другимъ, о томъ у кого лучше пекутъ пироги, у Излера или Доминика и у кого превосходнѣе мороженое—у Вольфа или Сальватора, но ему не удалось дослушать окончанія.

Чья-то рука ударила его по плечу.

Петръ Александровичъ обернулся; передъ нимъ стоялъ Космополитскій.

— А, Петя, и ты здѣсь, вскрикнулъ онъ: люблю, что у тебя развивается вкусъ.

— Да, здѣсь, только скучненько; хочу ѣхать домой, отвѣчалъ Мошкинъ.

— Со мною скучно не будетъ, прервалъ Космополитскій; пойдемъ, я тебя познакомлю и ты развеселишься.

— Съ кѣмъ?

— Не твое дѣло, узнаешь и поблагодаришь, только пойдемъ, говорю тебѣ.

— Да скажите съ кѣмъ? .. можетъ быть я и знакомиться не хочу, нужно знать.

— Ахъ какой! съ Катей и Таней, очаровательными примадоннами цыганской трупы.

— Да на что мнѣ ихъ знакомство!... вскрикнулъ съ удивленіемъ Мошкинъ.

— На то, чтобы мой Петя прославился, чтобы Петербургъ узналъ моего Петю, отвѣчалъ Космополитскій.

Петръ Александровичъ размахнулъ руками отъ удивленія.

— Какъ это? вскрикнулъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Такъ; дѣло очень ясно: Петербургъ конечно знаетъ Катю и Таню больше тебя. Ты съ ними познакомишься и будешь съ ними говорить; поговоришь разъ, другой—тебя замѣтятъ и будутъ спрашивать другъ у друга:

— Кто это такой?

— Мошкинъ.

— Кто такой Мошкинъ?

— Первое время ты только и останешься Мошкинымъ, а между-тѣмъ имя твое начинаетъ являться не въ одномъ адресномъ столѣ; при случаѣ, глядишь, твоя извѣстность къ чему-нибудь да и пригодится.

Тутъ Францъ Францовичъ наложилъ обѣ руки на плеча Мошкина.

— Мой другъ, докончилъ онъ, вертясь около какой-нибудь знаменитости и самъ получаешь какой-нибудь отблескъ знаменитости, и на тебя будутъ смотрѣть совсѣмъ иными глазами, чѣмъ сперва, когда ты былъ просто самъ по себѣ. Я всегда держусь этого правила. Повѣрь мнѣ, мало кто знаетъ гдѣ большая Медвѣдица, а Венеру маленькую, ничтожную звѣзду, всякій знаетъ. А отъ чего? отъ того, что она блеститъ недалеко отъ диска луны.

Но Мошкинъ, не-смотря на всѣ представленія Космополитскаго, отказался отъ такого почету.

— Вы, пожалуй, повезете къ нимъ; я тамъ, я знаю,—всякое слово пѣсни пахнетъ рублякомъ.

Нечужно говорить, что Петръ Александровичъ нѣсколько разъ побывалъ и въ Павловскѣ. Кто, бывъ въ Петербургѣ, не былъ въ Павловскѣ? Вопросъ, представляющій девять вѣроятностей изъ десяти. Оркестръ Іосифа Гунгля ему очень понравился; такого полнаго и согласнаго оркестра онъ не слыхалъ еще ни на одной дачѣ. Петръ Александровичъ собрался въ Павловскъ съ позаранокъ, обходилъ всѣ сады Царскаго-Села и потомъ весь паркъ и весь городъ Павловскъ. Съ послѣднею машиною пріѣхалъ въ Петербургъ, весь еще полный звуками и воспоминаніями о толпѣ гуляющихъ. На столѣ своемъ онъ нашелъ множество афишъ, извѣщающихъ о разныхъ, новыхъ увеселеніяхъ и поѣздкахъ, готовящихся жителямъ Петербурга.

Во-первыхъ, онъ прочелъ извѣщеніе Излера, что 9 іюля, въ воскресенье, данъ будетъ первый увеселительный вечеръ, въ

которомъ примутъ участіе оркестръ музыки И. Гунгля, оркестръ Кавалергардскаго полка, хоръ московскихъ цыганъ и жонглеръ Мартини.

Петръ Александровичъ махнулъ на это рукой; всѣ Излеровскія удовольствія были ему уже извѣстны, и потому онъ перешелъ къ разсматриванію другихъ афишъ. Дача Королева приглашала на свой обычный праздникъ розъ, на которомъ каждая дама получаетъ букетъ безплатно. Мошкинъ поклонился и этой афишѣ, и остановился на афишѣ, извѣщающей о праздникѣ въ Шлиссельбургѣ. Онъ еще не былъ ни въ одномъ изъ дальныхъ окрестныхъ мѣстъ Петербурга, ознаменованныхъ трудами, завоеваніями и геніемъ Великаго Петра. Дешевизна пути, многочисленность пароходовъ, отвозящихъ туда путниковъ по случаю храмоваго праздника Казанской Божіей Матери, все влекло туда Мошкина. Онъ остановился вниманіемъ на пароходѣ Петръ Великій, который возитъ въ Ладожское-озеро, на Коневецъ, Валаамскій, монастырь и въ Сердобль, и рѣшился взять себѣ мѣсто. Онъ уже надѣвалъ пальто, чтобы справиться, *какъ* и *что*, когда отворилась дверь и въ ней явилось вѣчно улыбающееся лицо Франца Францовича.

— Куда собрался, чадо мое? спросилъ Космополитскій Петра Александровича.

— Да вотъ намѣреваюсь совершить маленькое путешествіе.

— Куда, примѣрно?

— Въ Шлисельбургъ!

— Иначе въ Шлюшинъ, прервалъ Францъ Францовичъ, за чѣмъ это?

— Тамъ праздникъ, развѣ вы не знаете, Францъ Францовичъ?

— Знаю, но что же изъ этого; ты тамъ соскучишься.

— А почему это?

— Потому-что тамъ будетъ толпа народа, и если ты ѣдешь туда какъ путешественникъ, намѣревающійся осмотрѣть всѣ достопримѣчательности, то ни въ чемъ не успѣешь; ни тамошнимъ жителямъ, ни пріѣзжимъ не будетъ времени даже что нибудь показать тебѣ. Я даже увѣряю тебя, Петя, что ты не будешь даже порядкомъ сытъ, потому-что въ этотъ день въ Шлиссельбургѣ такая суета и толкотня, что избави насъ отъ нея небо....

— Но вѣдь Ладожское-озеро, Францъ Францовичъ.

— И! мой милый, будто Ладожское-озеро чѣмъ нибудь интереснѣе Финскаго-залива?... ну, представь себѣ огромную массу

воды; вотъ ты и побывалъ на Ладожскомъ-озерѣ.

— Ну нѣтъ, то да не то, озеро, ознаменованное жестокими битвами Шведовъ съ Новгородцами, озеро, славное побѣдами Невскаго—пріятно видѣть такое мѣсто.

Францъ Францовичъ покачалъ головою.

— Петя, сказалъ онъ, я очень хвалю тебя и самъ тебѣ сочувствую, не позволь замѣтить одно: развѣ Шведы и Новгородцы сдѣлаютъ тебѣ реестрацію своихъ подвиговъ? Развѣ кто тебѣ покажетъ тѣ мѣста, гдѣ были ладьи русскія, ладьи шведскія? Ты увидишь только одну водяную стихію, которая, къ сожалѣнію, не хранитъ на себѣ ни одного слѣда, ни побѣды, ни пораженія.

— Это правда, замѣтилъ Петръ Александровичъ, но мнѣ любопытно осмотрѣть Валаамскій монастырь, и все это за рубль.

Францъ Францовичъ захохоталъ.

— Позволь поцѣловать тебя за твою наивность, прервалъ онъ.

— Что вы находите смѣшнаго въ моихъ словахъ, Францъ Францовичъ?

— Очень многое—во-первыхъ, ты часто, читая, не дочитываешь, другъ мой.

— Какъ такъ? прервалъ Космополитскаго Петръ Александровичъ.

— Такъ, что пароходы, Петръ Великій, Рюрикъ, Елисавета, Сайма, Урапія и Александръ Невскій отвезутъ пассажировъ во всѣ эти мѣста за особую плату и на это нужно употребить нѣсколько дней—по-крайней-мѣрѣ недѣлю. Болѣе всего петербургскіе жители ѣздятъ въ обитель Валаамскую, замѣчательную своею пустынностію и дикою природою, среди однообразнаго озера; но этихъ путешественниковъ очень малая часть; прочіе, наскучивъ островами и другими близкими петербургскими окрестностями мчатся, кто въ Ревель, кто въ Гельсингфорсъ, кто въ Старую-Руссу.

— Но вѣдь то больные, почтеннѣйшій мой Францъ Францовичъ.

— Точно такіе же больные, какъ и мы съ тобою, Петръ Александровичъ. Путешествовать въ Ревель, въ Гельсингфорсъ, и нѣкоторымъ въ Старую-Руссу, не потребность, а модная необходимость, точно также, какъ побывать въ оперѣ или увидать какую-нибудь драму или комедію, о которой всѣ говорятъ.

— Да, но все-таки туда влечетъ болѣе здоровый морской воздухъ, замѣтилъ Мошкинъ.

— Согласенъ.

— А какъ вы замѣчали, Францъ Францовичъ: полнѣли ли отъ ревельскаго или гельсингфорскаго воздуха?

— Да, отвѣчалъ Космополитскій, не знаю какъ отъ ревельскаго, а отъ гельсингфорскаго всѣ почти полнѣютъ.

— Вотъ видите ли, слѣдовательно доктора правы, что совѣтуютъ всѣмъ пользоваться приморскимъ воздухомъ и приморскими ваннами.

— Полноту посѣщавшихъ Гельсингфорсъ замѣчаютъ не доктора, любезный.

— А кто же?

— Таможенные досмотрщики, отвѣчалъ важно Космополитскій.

— Какъ такъ? вскричалъ съ удивленіемъ Петръ Александровичъ.

— Такъ, отвѣчалъ Космополитскій, отъ того, что въ Гельсингфорсѣ безпошлинная торговля.

Петръ Александровичъ наконецъ уразумѣлъ и захохоталъ.

— Такъ съ удовольствіемъ тутъ соединяется и польза, прибавилъ онъ.

— Петербургъ никогда не отдѣляетъ пользы отъ удовольствія, сказалъ Космополитскій.

— Ну не всегда, перебилъ Франца Францовича старикъ Мошкинъ; я могу представить много противнаго въ доказательство.

— Я бы желалъ, протянулъ Францъ Францовичъ.

— Вотъ, напримѣръ, какая польза, кромѣ удовольствія, ѣздить къ Излеру, на дачу Королева, на Крестовскій?... Развѣ только та, чтобы не затянть въ себѣ скупости и привыкнуть къ безсребреничеству, оставаться довольнымъ малымъ, началъ Петръ Александровичъ.

Космополитскій перебилъ его:

— Ахъ, сколько въ тебѣ еще таится юности подъ сѣдиною, сказалъ онъ: повѣрь и въ этихъ, по-видимому, только разорительныхъ увеселеніяхъ, таится для многихъ огромная польза. Тихій супругъ отдыхаетъ въ эти минуты отъ капризовъ причудливой супруги; игрокъ, который, не будь этихъ увеселеній, глядишь, остался бы дома и—или бы проигрался самъ, или, что еще хуже, обыгралъ бы другихъ—понесетъ только легкій убытокъ.—Повѣрь другъ мой, нѣтъ ни одной моды, которая бы не имѣла какой-нибудь пользы. А сколько иногда непредвидимыхъ

удачныхъ знакомствъ дѣлается на всѣхъ этихъ публичныхъ, гуляньяхъ, сколько иногда веселыхъ грезъ лезетъ въ голову, и порою, все, что только позабыто тобою, невольно опять лезетъ въ голову — и плачется и вѣрится, прибавилъ Францъ Францовичъ, все знавшій и все видѣвшій и все читавшій, какъ для своей пользы, такъ и для другихъ....

И вдругъ онъ остановился.

— А что, Петя, началъ онъ снова, а былъ ли ты 1-го іюля на Елагиномъ-островѣ?

— Нѣтъ, къ сожалѣнію моему не удалось, отвѣчалъ Петръ Александровичъ.

— А почему же не удалось?

— По моей глупости.

— Вишь, по какой глупости?

— По той, что я, полагая празднество въ Петергофѣ, вмѣсто того, чтобы ѣхать на извощикѣ на Елагинъ-островъ, прокатился напрасно на пароходѣ въ Петергофъ, погулялъ тамъ очень грустно на пристани въ ожиданіи немедленнаго отплытія Сильфиды, и возвратился домой раздосадованный, часовъ въ одиннадцать съ половиною вечера.

— По дѣломъ тебѣ!... читай впередъ Полицейскія Вѣдомости, въ которыхъ было объявлено, что гулянье назначено въ этотъ день на Елагиномъ,

— Теперь, точно буду читать; я, кажется, много потерялъ, Францъ Францовичъ?

— И не говори уже сколько потерялъ; ну, а 3 іюля былъ ты на петергофскомъ праздникѣ?

— То же не былъ.

— Почему же ты на этомъ-то празднествѣ не былъ, позволь тебя спросить?

— По очень уважительной причинѣ, Францъ Францовичъ — не зналъ.

— Да какъ же ты смѣлъ не знать? знаешь ли, что ты потерялъ?

— Чувствую, что очень много, да уже нечего дѣлать, а вы, Францъ Францовичъ, вы, вѣроятно, были?

— Еще бы мнѣ, эстетическому человѣку не быть на такихъ великолѣпныхъ гуляньяхъ....

— А все виноваты вы; что я не былъ; вы куда-то скрылись въ это время.

— Другъ мой, были экстренныя дѣла.

— Какія это, Францъ Францовичъ, можно ли васъ спросить?

— Разныя, очень деликатныя и очень щекотливыя. Пріѣхалъ, видишь ты, одинъ молодой человѣкъ, который до-сихъ-поръ жилъ въ глуши, въ деревнѣ, и не-смотря на свое значительное состояніе, о жизни и употребленіи богатствъ не имѣлъ рѣшительно никакого понятія. Случай столкнулъ меня съ нимъ, также какъ съ тобою. Разговорились мы: онъ объяснилъ мнѣ свое положеніе, жаловался на свое одиночество въ Петербургѣ, на неизвѣстность, какъ ему быть, какъ жить, гдѣ проводить время. Петя, судьба блюдетъ надъ людьми, она какъ нарочно свела меня съ нимъ. Я ему хлопнулъ по рукѣ. Не безпокойтесь, почтеннѣйшій, говорю, я вамъ доставлю все—и вотъ мы подружились съ нимъ. Познакомилъ я его съ тѣмъ, съ другимъ славнымъ малымъ, обзавелъ его портнымъ, сапожникомъ, ввелъ въ интимныя съ лучшими погребщиками и рестораторами, нанялъ ему помѣсячно извощика, словомъ вожусь съ нимъ уже нѣсколько дней, какъ съ собственнымъ, роднымъ дитятей. Ты не повѣришь, Петръ Александровичъ, какъ пріятно быть полезнымъ человѣчеству. Я бы познакомилъ, пожалуй, новаго моего птенца и съ тобою, только ты порою любишь вдаваться въ мораль, а молодость не любитъ морали. Я самъ припряталъ свою въ карманъ, и на послѣднихъ двухъ гуляньяхъ, на Елагиномъ-острову и въ Петергофѣ сдѣлался съ моимъ Ванею самъ юношею.

— А хорошо было? спросилъ Космополитскаго Петръ Александровичъ.

— Прелесть! Представь себѣ, что были минуты, въ которыя я воображалъ себя въ Венеціи. Малая-Нева была вся запружена лодками; онѣ тѣснились одна къ другой, наполненныя зрителями, отсвѣчивались разноцвѣтными огнями, и плавали по тихой водѣ съ цыганскими и другими пѣснями; на сушѣ нельзя было пройдти отъ густой массы гуляющихъ; весь почти Петербургъ собрался на Елагинъ-островъ, чтобы полюбоваться назначеннымъ фейерверкомъ. Между толпами гуляющихъ бродили шарманщики, савояры съ обезьянами, акробаты и фокусники, увеселяя простой народъ; въ разныхъ мѣстахъ острова гремѣли хоры музыки и пѣли пѣсенники Жукова и также военные пѣсенни-

ли. Экипажи, одинъ другаго красивѣе и великолѣпнѣе, тянулись безпрерывною, нескончаемою цѣпью, едва двигаясь отъ тѣсноты на этомъ обширномъ пространствѣ. Мой Ваня смотрѣлъ на все глазами изумленными, очарованными разнообразіемъ, роскошью и съ нетерпѣніемъ дожидался фейерверка. И вотъ, когда, наконецъ, небо довольно стемнѣло, поднялся сигналъ-шлагъ.... онъ весь превратился въ зрѣніе и началъ слѣдить въ небѣ букетъ изъ ракетъ съ шлагами.

За этимъ букетомъ зажгли первую декорацію... Посредѝнѣ свѣчное колесо съ двойнымъ подвижнымъ бордюромъ и такою же серединою, окруженною подвижными и неподвижными свѣчными колесами, украшенными разноцвѣтными огнями.

По сторонамъ были: свѣчныя колеса съ подвижными бордюрами и неподвижными серединами, окруженными неподвижными свѣчными колесами, украшенными разноцвѣтными огнями.

По окончаніи этой декораціи пустили букетъ изъ ракетъ съ шлагами и бѣлыми звѣздами.

Когда послѣднія искры догорѣли въ воздухѣ, засвѣтилась вторая декорація: неподвижный четырех-ярусный каскадъ на свѣчномъ пьедесталѣ. По сторонамъ по одному трех-ярусному каскаду на свѣчныхъ пьедесталахъ.

За этою декораціею опять слѣдовалъ букетъ изъ ракетъ съ бѣлыми и разноцвѣтными звѣздочками.

Третья декорація: восьмиугольное свѣчное сіяніе, съ изображеніемъ внутри вензелей Н. и А. съ Императорскою короною въ лавровомъ вѣнкѣ, украшенныхъ разноцвѣтными огнями.

По сторонамъ: свѣчныя колонны, обвитыя лаврами и украшенныя бра̀мы.

Во время горѣнія вензеля зажжена была салютація изъ буракóвъ съ бѣлыми и разноцвѣтными звѣздами и марсовымъ огнемъ.

За этимъ слѣдовалъ букетъ изъ ракетъ:

1) Съ парашютами.

2) Съ швермѐрами.

3) Съ разноцвѣтными звѣздами.

Но болѣе всего понравилась намъ четвертая декорація: изображеніе бомбардированія крѣпости, съ употребленіемъ для этого ракетъ, римскихъ свѣчей, буракóвъ съ блестящими шлагами, съ

бѣлыми и разноцвѣтными звѣздками, которыя окончились взрывомъ фугасовъ.

Мы еще стояли, восхищенные до крайности, когда раздался новый взрывъ, и все небо превратилось въ темноголубую ткань располосованную, по разнымъ направленіямъ, огненными узорами.

Взлетѣлъ павильонъ изъ ракетъ, который развѣтвясь снопомъ, склонялся на всѣ стороны небосклона....

Но этимъ еще не было окончено празднество; вся окрестность Елагина-острова еще долго освѣщалась потомъ бѣлымъ бенгальскимъ огнемъ, при звукахъ музыки и пѣсенъ двухъ хоровъ пѣсенниковъ.

Когда мы возвращались домой было уже далеко, далеко за полночь, а между-тѣмъ по всему протяженію острововъ и Каменноостровскаго-проспекта двигались густыя массы пѣшеходовъ и ѣхали тысячи экипажей. Петербургъ угомонился въ этотъ день развѣ-развѣ предъ утреннею зарей. Мой Ваня былъ до того доволенъ мною и праздникомъ, что мы пропировали почти цѣлую ночь, и тутъ я ему поклялся вѣчною дружбою. Правда кончилъ онъ эти сутки не очень счастливо, проигрался немного у одного, тоже моего очень хорошаго пріятеля и добраго малаго, но я не могъ на него сердиться. Я тоже вмѣшался въ игру и также пощипалъ его порядочно.

Петръ Александровичъ укоризненно покачалъ головою и пожалъ плечами.

— Что это за странныя такія тѣлодвиженія сдѣлалъ ты, Петя? спросилъ Космополитскій.

— Такъ, отвѣчалъ Мошкинъ, удивляюсь вашему роду дружбы, Францъ Францовичъ.

— Что же ты тутъ нашелъ удивительнаго, дикій ты, этакой, человѣкъ?

— То, что вы, вмѣсто того, чтобы остановить своего пріятеля, сами же стараетесь затянуть его въ петлю.

— Э, любезный, у тебя старосвѣтскія понятія. У всякаго свой взглядъ на вещи. Я хочу его сдѣлать человѣкомъ, посредствомъ опыта, и выигрываю у него самъ для того, чтобы состояніе его не перешло совершенно безвозвратно въ недостойныя руки. Впрочемъ, повѣрь, онъ совершенно спокоенъ и на другой же день такъ весело пригласилъ меня ѣхать съ нимъ 3-го іюля въ Петергофъ, какъ-будто ничего и не бывало. За то уже я и повесе-

лать его тамъ, обводилъ и объѣздилъ съ ними всюду. Далъ ему полюбоваться блескомъ фонтановъ при заревѣ иллюминаціи, безчисленными палатками, разбросанными подъ столѣтними деревами, гдѣ все въ этотъ день сдѣлалось такъ дорого, какъ-будто мы заѣхали въ Калифорнію, и доставилъ моему Ванѣ случай насладиться картиною, имъ еще невиданною—балетомъ, разыгранными на водѣ на Знаменскомъ островѣ. Мы только смотрѣли на этотъ балетъ издали. Пароходы пріѣзжали и отъѣзжали до самаго поздняго вечера. Нынче мы ѣдемъ на дачу Королева, на которой дается послѣдній праздникъ розъ съ безденежнымъ сюрпризомъ для дамъ, заключающимся въ полькѣ, сочиненной Гальманомъ. Не хочешь ли туда ѣхать, Петя, тамъ я, такъ ужъ и быть, пожалуй, познакомлю тебя съ моимъ Ваней.

Мошкинъ сперва отказывался, но его взяло любопытство посмотрѣть новаго друга Космополитскаго, и онъ согласился побывать на послѣднемъ праздникѣ розъ.

Къ великому удивленію Петра Александровича, Космополитскій предложилъ ему мѣсто въ своей каретѣ.

— Какъ, вскрикнулъ наивно Мошкинъ, вы нынче завелись каретой, Францъ Францовичъ?

— Что же для тебя тутъ удивительнаго, мой милый?

— То, что я всегда почиталъ васъ за человѣка разсудительнаго, разсчетливаго.

— Имъ я и останусь цѣлую жизнь. На эту карету я не истратилъ ни копѣйки, и ѣзжу въ ней изъ благодарности, за свою готовность служить пріятелю.

Петръ Александровичъ приподнялъ голову и не понималъ ничего.

— Да, продолжалъ Космополитскій, это меня, вотъ уже три дня катаетъ одинъ благодарный извощикъ, котораго я сблизилъ съ Ванею, и который получитъ отъ него огромныя выгоды.

Мошкинъ взглянулъ на новое модное платье Космополитскаго, на его лаковыя сапоги, и сдѣлалъ такую же посылку къ портному и сапожнику.

Онъ потихоньку вздохнулъ и сказалъ Францу Францовичу:

— Такъ и быть поѣду уже на дачу Королева, посмотрю, кого вы тамъ...

Онъ не докончилъ и остановился; начатую и неопредѣленную рѣчь докончилъ Космополитскій.

— Да, да, совѣтую посмотрѣть и познакомиться съ Вами; этотъ человѣкъ заставитъ о себѣ говорить въ Петербургѣ.

— И кредиторовъ, подумалъ Мошкинъ, если будутъ у него все такіе менторы.

Космополитскій оборотился ему съ этой минуты спиной.

— А что же вы нынче, Францъ Францовичъ, не поѣхали съ вашимъ молодымъ другомъ, а предпочли ему меня? спросилъ Космополитскаго дорогою Мошкинъ.

— Я ему нынче позволилъ журировать одному, съ однимъ лицомъ, съ которымъ я также его познакомилъ, отвѣчалъ, напѣвая что-то себѣ подъ носъ, Францъ Францовичъ.

Всю остальную дорогу длилось молчаніе; Мошкинъ забился въ уголъ кареты, и дремалъ до самаго подъѣзда дачи, гдѣ уже стояло множество экипажей.

Благодаря даровой полиціи, которую многіе, можетъ-быть, должны были хранить только какъ воспоминаніе, не узнавъ ея звуковъ, отъ дамъ не было проходу. Музыка гремѣла, по аллеямъ расхаживали веселыя пары, понюхивая тощіе букеты, въ большей части которыхъ розы алѣлись только умственно.

Они ходили довольно долго, какъ вдругъ Францъ Францовичъ радостно вскрикнулъ:

— А вотъ наконецъ и моя будущая петербургская модная знаменитость!

Петръ Александровичъ взглянулъ по направленію взгляда Космополитскаго, и также удостоился лицезрѣнія новой, модной петербургской знаменитости.

Молодой пріятель Франца Францовича могъ быть ему сыномъ безъ всякаго преувеличенія. То былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-двухъ, тонкій, худой, блѣдный, на лицѣ котораго ясно отражались всѣ недоспанныя ночи и неправильно проведенные дни.

Францъ Францовичъ бросился къ нему со всѣхъ ногъ.

— Здравствуй, мой милѣйшій. Наконецъ я оживаю, видя тебя передъ собою.

— Здравствуй Францъ, а я, братъ, не знаю, что дѣлать отъ скуки.

— Что дѣлать?... Я показалъ тебѣ всѣ пути веселья.

— Они уже нескучили, нѣтъ ли чего-нибудь новаго?

— Найдемъ, мой милый, найдемъ, а прежде позволь мнѣ рекомендовать тебѣ моего пріятеля Петю Мошкина.

Петръ Александровичъ наморщилъ брови и сухо поклонился.

— Петръ Александровичъ Мошкинъ, Иванъ Ивановичъ Чешкинъ, продолжалъ Космополитскій, сводя ихъ. Мошкинъ опять сухо поклонился.

— Вашъ Петербургъ прекрасный городъ, началъ Иванъ Ивановичъ; вы давно въ немъ живете?

— Нѣтъ я пріѣзжій изъ провинціи.

— Не правда ли у насъ въ провинціи лучше, особенно если тамъ есть у кого пріятели, какіе у меня были... прелесть, скажу вамъ.

Тутъ онъ обратился къ Космополитскому.

— А знаешь ли что, братъ Францъ, сказалъ онъ ему: вѣдь у Елисѣева вина испанскія очень хороши; твой Англійскій погребъ нравится только рейнскими и бургундскими винами. Ну, Гордонъ также очень, очень туда и сюда.

— Цалую тебя умственно, перебилъ Космополитскій. Присутствія такого тонкаго, образованнаго вкуса я еще не видалъ ни у кого. Ты далеко пойдешь, предсказываю тебѣ.

Чешкинъ перебилъ въ свою очередь Космополитскаго.

— А я тамъ былъ, началъ онъ.

— Ну что, какъ?

— Мм, мм, плохо; ты ужасный негодяй....

— Toujours plaisant. Ахъ, Ваня, сколько въ тебѣ ума и наблюдательности! Я за это потѣшу тебя.

Тутъ къ нимъ подошли человѣка три совершенно новыхъ и невиданныхъ Мошкинымъ, съ которыми бы онъ, судя по выраженію ихъ лицъ, по своей недовѣрчивости, никакъ бы не захотѣлъ встрѣтиться ночью на пустынной улицѣ.

— А Жанъ!

— Вотъ онъ, милый Жанъ!

— Этотъ Ванька вездѣ, куда не посмотришь.

Таковы были первоначальныя привѣтствія, за которыми слѣдовали со всѣхъ сторонъ разныя приглашенія, всѣ въ одно время принятыя Иваномъ Ивановичемъ и всѣ скрѣпленныя имъ честнымъ словомъ.

Петръ Александровичъ, пустившійся отъ нечего дѣлать въ наблюденія, замоталъ себѣ на память покороче узнать Ивана Ивановича, тѣмъ болѣе, что при дальнѣйшемъ разговорѣ оказалось, что они были довольно близкіе сосѣди по имѣніямъ въ одной изъ губерній Россіи.

Не находя никакого удовольствія бродить до полуночи на послѣднемъ праздникѣ розъ, Мошкинъ уѣхалъ домой и началъ читать и перечитывать нумера Сѣверной Пчелы. И вдругъ онъ вскрикнулъ:

— Однако же, все-таки браво вамъ, русскія лошади!

Онъ прочелъ о закладѣ въ 2,500 руб. сер., проигранномъ московскими охотниками противъ С.-петербургскихъ почтъ содержателя г. Анненскаго. Закладъ, принятый первоначально имъ и г. Мусинымъ-Пушкинымъ, въ 5000 руб. сереб. и потомъ удержанный однимъ г. Анненскимъ, состоялъ въ томъ, чтобы лошади г. Ланскаго проскакали при немъ 30-ти верстную дистанцію со скоростію не менѣе 54 минутъ, какъ было объявлено въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Гг. Ланской, Воейковъ и Сталыгинъ согласились, и пригласили г. Анненскаго въ Москву быть свидѣтелемъ. Скачка состоялась, и лошади г. Ланскаго проиграли, проѣхавъ 30-ти верстную дистанцію въ 56 минуты 41 секунду.

— Все-таки быстрота невѣроятная, подумалъ Мошкинъ, и если принять въ соображеніе іюньскіе жары, щебень шоссе, тележную упряжь, то браво, браво, тебѣ московская тройка! Скачи ты въ тихій зимній день, можетъ быть было бы иначе. Двѣ минуты съ небольшимъ лишнихъ могли произойдти и отъ одной непредвидимой случайности.

РУССКАЯ ПОЧТА. *Состояніе Ахтальскаго и Алавертскаго заводовъ при послѣднихъ грузинскихъ царяхъ.* Рудные промыслы въ Грузіи обязаны своимъ существованіемъ царю Ираклію. Этотъ прозорливый и попечительный о благѣ Грузіи властитель за 60 лѣтъ предъ этимъ, усматривая пользу, которую приносили Турціи по рудному промыслу трудолюбивые Греки, искалъ всѣми средствами заманить ихъ къ себѣ. Онъ зналъ, что въ древнія времена существовали довольно выгодные промыслы послѣ Ахтальскаго монастыря, коего развалины и понынѣ еще существуютъ нѣсколько южнѣе Алавертскаго завода, и вознамѣрился возобновить на старомъ мѣстѣ добываніе руды. Не-смотря на всѣ усилія царя Ираклія, Греки не соглашались на предлагаемое имъ переселеніе. Они опасались подвергнуться тѣмъ бѣдствіямъ, которыя безпрестанно угрожали природнымъ жителямъ Грузіи, и предпочитали находиться въ землѣ иновѣрнаго, но сильнаго и самобытнаго государства, чѣмъ довѣрять себя покровительству слабаго царства, безсильнаго защитить даже собственные предѣлы.

Наконецъ Ираклій нашелъ случай привести въ исполненіе свое намѣреніе. Въ Грузію прибылъ, по своимъ дѣламъ, Грекъ, весьма уважаемый находящимися въ Турціи рудопромышленниками. Царь призвалъ его къ себѣ, обласкалъ его, сдѣлалъ ему самыя лестныя обѣщанія для тѣхъ изъ его соотечественниковъ, которые согласятся переселиться въ Грузію; изложилъ ему, сколь обильные источники представятъ неразвѣданныя еще мѣста въ подвластныхъ ему земляхъ, и для перваго опыта предложилъ ему ахтальскія окрестности, которыя, какъ извѣстно по преданію, въ древнія времена содержали въ себѣ богатую серебряную руду. Наконецъ, царь заключилъ свое приглашеніе, сдѣлавъ Греку порядочный подарокъ и давъ ему денегъ, дабы удѣлить тѣмъ изъ его соотечественниковъ, которыхъ ему удастся уговорить къ переселенію. Грекъ, прельщенный лестнымъ обращеніемъ и дарами царя, и осмотрѣвъ ахтальскую руду, отправился обратно въ Турцію. Оттуда ему удалось выманить небольшое число рудопромышленниковъ, которые начали свое производство противъ Ахтальскаго монастыря, на другой сторонѣ оврага. Первые опыты ихъ были довольно удачны. Занявшись изслѣдованіемъ окрестностей, въ надеждѣ новыхъ пріисковъ, они открыли, на томъ мѣстѣ, гдѣ существуетъ нынѣ Алверійскій заводъ, богатую мѣдную руду. Переселившіеся Греки тотчасъ сообщили о своихъ успѣхахъ оставшимся въ Турціи соотечественникамъ, которые прибыли оттуда въ значительномъ количествѣ,

подъ предводительствомъ Ѳедора Хатжиотова. Съ того времени началась дѣятельная обработка рудъ въ Грузіи. Сперва основанъ былъ Ахтальскій заводъ, а потомъ въ 1770 году, Аварскій или, какъ нынѣ его называютъ, Алвертскій и Шамблугскій мѣдные заводы. Послѣдній въ сторонѣ, на половинѣ дороги между Алвертскимъ и Ахтальскимъ заводами.

Скоро заводы эти пришли въ цвѣтущее состояніе, до того, что Ахтальскій въ одинъ годъ далъ 408 литровъ, или 91 пудъ и 23 фунта чистаго серебра. Но не всякій годъ былъ равенъ: въ иной получалось только 300, чаще же 200 и иногда не болѣе 150 литровъ серебра. Съ каждаго литра серебра отдѣлялось до 46 золотниковъ золота. На мѣдныхъ заводахъ добывалось до 5, 10 и 15 тысячъ пудовъ мѣди. Изъ нея стали выдѣлывать посуду, которая вошла во всеобщее употребленіе въ Грузіи.

Въ 1785 году, Омаръ-Ханъ Аварскій, дѣлавшій опустошительные набѣги на Грузію, явился, 20-го сентября, со всѣми силами, передъ укрѣпленіями Ахтальскаго монастыря. Устрашенные рудопромышленники частью разбѣжались по горамъ, частью заперлись въ монастырѣ и защищались. Но Омаръ-Ханъ, овладѣвъ монастыремъ, перебилъ многихъ, другихъ взялъ въ плѣнъ. Разворивъ рудные промыслы, опустошивъ и разграбивъ монастырь, предводитель хищниковъ направилъ путь свой къ Ахалцыху. Послѣ этого несчастнаго событія, разработка рудъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, оставалась совершенно безъ дѣйствія. Въ январѣ мѣсяцѣ 1787 года, царь послалъ Хатжиотова для возобновленія работы на Ахтальскомъ заводѣ. Дѣйствіе рудныхъ промысловъ съ того времени возобновилось, но шло уже не такъ удачно, какъ прежде. Ахтальская руда давала не болѣе какъ отъ 70 до 80 литровъ. Разъ только получено до 120 литровъ серебра.

Въ 1795 году, при нападеніи на Грузію Аги-Магометъ-Хана, оба завода были вновь разворены. Изъ греческихъ рудопромышленниковъ 700 душъ было убито, а 836 увлечено въ плѣнъ. Между послѣдними находился и Хатжиотовъ съ своимъ семействомъ. Старшій сынъ его достался на долю Джаватъ-Хану Ганжинскому, отъ котораго вскорѣ нашелъ случай бѣжать. Жена его и двѣ малолѣтнія дочери попались въ руки персидскому вельможѣ Али-Кули-Хану. Жена ему понравилась и онъ взялъ ее къ себѣ въ наложницы. Семь лѣтъ спустя послѣ этого бѣдственнаго событія, Али-Кули-Ханъ померъ и сынъ Ѳедора нашелъ возможность выкупить жену свою за тысячу рублей серебромъ.

Дочери его обѣ были воспитаны въ магометанствѣ. Отъ младшей, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отецъ сталъ получать письма: она вышла замужъ за племянника Али-Кули-Хана. О старшей же и по сіе время не имѣетъ никакой вѣсти.

Персіяне, достигнувъ цѣли варварскаго своего набѣга, возвратились назадъ съ добычею. Когда Грузія нѣсколько опомнилась отъ нанесеннаго ей удара, дѣйствіе рудныхъ промысловъ возобновилось. Анастасій Ѳедоровичъ, послѣ смерти отца, наслѣдовалъ его званіе и сдѣлался главою греческихъ рудопромышленниковъ. При царѣ Георгіѣ доходы съ заводовъ отданы были на откупъ за 12 тысячь рублей серебромъ. И Греки не пользовались уже болѣе тѣмъ попечительнымъ покровительствомъ, которымъ наслаждались при царѣ Иракліѣ.

Въ каждую печь, въ коей начинается первое производство, или выжигается добытая руда, кладется по 20 купфовъ руды (каждый купфъ содержитъ 60 грузинскихъ пудовъ *). Это количество руды даетъ 70 до 80 пудовъ черной мѣди, а иногда, если руда очень хороша, до 100, отъ коихъ, при послѣднемъ производствѣ получается до 30, а иногда и болѣе пудовъ чистой мѣди.

Изъ каждыхъ 10 пудовъ чистой мѣди, рудопромышленники отдаютъ пудъ въ казну, и сверхъ того платятъ за каждый пудъ чистой мѣди по 50 коп. серебромъ помѣщикамъ земли, на которой производятся рудные промыслы, князьямъ Аргутинскимъ-Долгорукимъ.

Работы производятся древеснымъ углемъ, что чрезвычайно затрудняетъ ихъ. Для добыванія этого угля, даются въ помощь Грекамъ-рудопромышленникамъ крестьяне, по наряду, изъ Борчалинской и Казахской дистанціи. При царяхъ давалось ихъ 175—100 изъ первой и 75 изъ второй дистанціи; при Россійскомъ Правительствѣ количество это уменьшено до 155 съ обѣихъ дистанцій, что продолжалось до персидской войны; послѣ коей стали давать въ пособіе Грекамъ не болѣе 100 крестьянъ, коихъ 70 изъ Борчалинской дистанціи и 30 изъ Казахской. Крестьянамъ, работающимъ при заводѣ, рудопромышленники платятъ по 30 коп. серебромъ въ день. При грузинскомъ правленіи рудопромышленники платили этимъ людямъ по 20 коп., а царь доплачивалъ отъ себя остальныя 10 коп.

Пудъ чистой мѣди продается отъ 7 до 8 рублей серебромъ. Мѣдь на Алвертскомъ заводѣ у самыхъ рудопромышленниковъ

* Грузинскій пудъ содержитъ на русскій вѣсъ 43 фунта 67 золот.

покупаютъ болѣе Ширванскіе жители, пріѣзжающіе изъ деревни Ланчъ. Въ этой деревнѣ, выдѣлывающіе мѣдную посуду, имѣютъ до 200 лавокъ. Ланчскіе мастеровые славятся дѣленіемъ этой посуды, которая въ большомъ употребленіи въ Закавказскомъ-краѣ.

Казна для продажи мѣди имѣетъ три конторы: одну на Алвертскомъ заводѣ, другую въ Елисаветополѣ, а третью въ Тифлисѣ. Предполагали завести контору также въ Нухѣ.

Заводы находились въ казенномъ управленіи, по устройству заведенному графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, съ 1803 года по 1819. Въ теченіе этого времени, то есть въ 16 лѣтъ, выручено мѣди съ обоихъ заводовъ Алвертскаго и Шамблугскаго 52,688 пудовъ грузинскихъ, или 57,458 русскихъ. Мѣдь эта поступила вся въ казну. Съ 1819, съ того времени, какъ заводы отданы опять въ распоряженіе Грековъ, по 1830, въ теченіе 12 лѣтъ, выплавлено 41,852 пуда россійскимъ вѣсомъ, изъ коихъ казна воспользовалась только слѣдующею ей податною мѣдью, въ общемъ итогѣ составившею слишкомъ 400 пудовъ. Наибольшее количество мѣди добыто въ слѣдующихъ трехъ годахъ: 1804 году 5,348 грузинскихъ пудовъ; въ 1805 году 5,273 на россійскій вѣсъ; въ 1825 году 5,867 пудовъ россійскимъ же вѣсомъ. Не считая 1803 года, въ который началось горное производство при графѣ Мусинѣ-Пушкинѣ, и въ коемъ добыто только 281 грузинскій пудъ, и 1812, во-время коего приходъ былъ также незначителенъ, вѣроятно по причинѣ безпокойствъ и чумы, свирѣпствовавшихъ въ Грузіи, самое мѣньшее количество мѣди выплавлено; въ 1818 году 1,590 грузинскихъ пудовъ; въ 1829 году 1,402 русскихъ пуд., и въ 1830—1,280 того же вѣса.

— *Архангельскъ*, 16-го мая, въ шесть часовъ по полудни, въ Соломбальской купеческой гавани спущенъ на воду трехмачтовый баркъ «Василій Никитинъ», принадлежащій Архангельскому 2-й гильдіи купцу Василію Алексѣевичу Никитину. Баркъ этотъ, заложенный 19-го ноября прошлаго 1849 года на собственной, вновь открытой верфи г. Никитина, построенъ по чертежу Штабс-Капитана И. Г. Карповскаго, опытнымъ и извѣстнымъ здѣсь мастеромъ, крестьяниномъ Архангельскаго уѣзда Василіемъ Хабаровымъ, который, какъ увѣряютъ, построилъ уже и благополучно спустилъ на воду 24 купеческихъ корабля.—Вновь построенный баркъ длиною 17 футъ 5 дюймовъ, грузу можетъ поднять 189 ластовъ или до 25,000 пуд. При постройкѣ его приняты были во вниманіе всѣ тѣ улучшенія, которыя въ на-

стоящее время признаны полезными и существенно-необходимыми для судовъ подобнаго рода, какъ въ самомъ корпусѣ корабля, такъ и въ рангоутѣ; притомъ отличныя качества матеріаловъ, употребленныхъ на постройку, прочность самой постройки и повсемѣстная чистота отдѣлки, по отзывамъ знатоковъ, заслуживаютъ полное и совершенное одобреніе, и ни въ чемъ не уступаютъ лучшимъ иностраннымъ купеческимъ кораблямъ, приходящимъ въ здѣшній портъ. Спускъ удостоилъ своимъ вниманіемъ Его Превосходительство, г. исправляющій должность Главнаго Командира Порта и Военнаго Губернатора Романъ Платоновичъ Бонль. Стеченіе публики, уже много лѣтъ невидавшей спуска купеческихъ кораблей, было весьма значительно, и конечно, многіе изъ присутствовавшихъ отъ души пожелали почтенному хозяину корабля всевозможныхъ успѣховъ въ предпринятомъ имъ трудномъ дѣлѣ кораблестроенія.

Иностранная почта. На-дняхъ въ одномъ изъ модныхъ парижскихъ салоновъ собралось прелестное общество знаменитостей всякаго рода, писателей, художниковъ и хорошенькихъ женщинъ.

Хозяйка, обыкновенно любезная, была въ этотъ вечеръ еще милѣе. Всѣмъ близкимъ, домашнимъ друзьямъ она говорила:

— Я готовлю вамъ сегодня сюрпризъ.

— Какого рода? спрашивали любопытные.

— Увидите.

Таинственность хозяйки возбудила общее любопытство. Пошли догадки, толки. Самые нетерпѣливые гости окружили хозяйку, прося объясненій.

— Вы увидите знаменитаго человѣка, которому мы всѣ обязаны многими прекрасными минутами, отвѣчала наконецъ хозяйка. Онъ пріѣхалъ только сегодня, и нигдѣ еще не былъ.

— Но кто, кто этотъ знаменитый человѣкъ? спрашивали гости, какъ вдругъ дверь отворилась, и лакей доложилъ:

— Г. де-Бальзакъ!

При этомъ имени наступило глубокое молчаніе.

Неожиданное появленіе знаменитаго писателя произвело глубокое впечатлѣніе на присутствовавшихъ....

Г. де-Бальзакъ находился нѣсколько лѣтъ въ отсутствіи. Многое измѣнилось въ Парижѣ, а онъ не былъ даже свидѣтелемъ страшныхъ переворотовъ. Но ему было не до политики!.... У знаменитаго романиста было другое на умѣ.

Онъ искалъ женщину, героиню, для романа собственной его жизни.

Когда въ Парижѣ разнесся слухъ, что г. де-Бальзакъ женится, никто не хотѣлъ вѣрить этому.

— Мало ли какія вещи выдумываютъ про извѣстныхъ людей! говорили одни.

— Бальзакъ такъ хорошо понялъ женщину, говорили другіе, что долженъ быть очень разборчивъ.

Толкамъ, пересудамъ не было конца, а между тѣмъ романистъ дѣйствительно собирался плыть по тому морю-окіяну, подводные камни котораго онъ самъ такъ остроумно исчислилъ.

А теперь онъ женатъ; друзья получили формальное извѣщеніе; свадебный контрактъ заключенъ и записанъ куда слѣдуетъ, и наконецъ г-жа де-Бальзакъ пріѣхала въ Парижъ со своимъ мужемъ.

Въ виду такихъ положительныхъ фактовъ уже нѣтъ мѣста сомнѣнію.

Обстоятельства этого брака весьма любопытны; иначе и быть не могло. Такой человѣкъ какъ Бальзакъ не могъ жениться какъ первый встрѣчный. Еслибъ онъ захотѣлъ вступить въ прозаическій союзъ, такъ за этимъ дѣло бы не стало; ему предлагали множество выгоднѣйшихъ партій, за нимъ ухаживали....

Это должное возмездіе писателю, посвятившему прекрасному полу столько прелестныхъ, нѣжныхъ страницъ.

Но романистъ не принималъ этихъ предложеній, не обращалъ вниманія на ухаживанья, не потому, чтобы онъ былъ нечувствителенъ,—нѣтъ! тотъ, кто такъ чудно анализируетъ ощущенія сердца, не можетъ быть нечувствителенъ, — но по другой причинѣ, а именно по той, что сердце его было уже несвободно.

Бальзакъ любилъ заочно.

Во-время путешествія по Швейцаріи, много лѣтъ тому, г. де-Бальзакъ случайно встрѣтился съ одной дамой, умъ и красота которой произвели на него глубокое впечатлѣніе. Если бы эта дама предложила тогда испытателю женскаго сердца заплатить долгъ прекраснаго пола, то романистъ, навѣрное, не отказался бъ....

Но нельзя было. Графиня ***, упомянутая дама, была замужемъ.

Бальзакъ, какъ человѣкъ не только умный, но и честный, затаилъ въ сердцѣ невольно родившуюся привязанность. Онъ позволилъ себѣ только одно, а именно: онъ посвятилъ графинѣ романъ, только что имъ оконченный.

Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ вдругъ, лѣтъ пять тому, въ одинъ прекрасный день Бальзакъ получаетъ записочку, самаго краткаго содержанія:

«*Мужъ графини* *** *скончался.*»

Больше ничего не было; ни даже подписи.

Откуда явилась эта записочка? На ней не было даже почтоваго клейма. Какой-то незнакомый человѣкъ принесъ ее и отдалъ привратнику дома, въ которомъ жилъ Бальзакъ.

Знаменитый романистъ сталъ вывѣдывать, обращался къ разнымъ лицамъ, — никто не могъ дать ему удовлетворительнаго отвѣта. Никто не видалъ графини и не зналъ, гдѣ она находилась. Г. Делессеръ, который, по званію префекта полиціи, зналъ все, приказалъ справиться въ книгѣ о пріѣзжихъ, и по справкамъ оказалось, что графини не было въ Парижѣ.

Воображеніе романиста воспламенилось. Г. де-Бальзакъ бросилъ начатой романъ, взялъ паспортъ и отправился въ Петербургъ.

Многіе изъ насъ помнятъ, вѣроятно, мужчину средняго роста, довольно полнаго, широкоплечаго, съ преждевременно волосами, выразительной физіономіей и прекрасными, огненными глазами, прохаживавшагося иногда по Невскому-Проспекту и Лѣтнему-Саду.

Этотъ мужчина былъ г. де-Бальзакъ.

Поиски его были въ Петербургѣ такъ же тщетны, какъ и въ Парижѣ. Онъ узналъ только то, что графъ *** дѣйствительно скончался.

Но гдѣ была вдова его?

Одни говорили, что она въ своемъ имѣніи, другіе, что она уѣхала за границу.

Бальзакъ не унывалъ. Прошло еще нѣсколько мѣсяцовъ, и наконецъ поиски его увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Въ Волынской губерніи, въ имѣніи, недавно купленномъ графиней, нашелъ онъ ее....

Все парижское общество заговорило о бракѣ знаменитаго романиста. Всѣмъ хотѣлось узнать, умна ли, любезна ли, хороша ли *молодая*.... Дѣйствительно ли она *молодая*? Послѣдняго предполагать нельзя уже потому, что Бальзакъ былъ всегда самый пламенный поклонникъ *тридцатилѣтней женщины*—онъ опоэтизировалъ ее.

Къ тому же и самъ Бальзакъ уже не молодой человѣкъ. Длинные волосы или, какъ ихъ называли *львиная грива*, его пропала: волосы *остепенившагося* романиста выстрижены теперь подъ-гребенку. Онъ оставилъ и свою знаменитую трость, послужившую сюжетомъ миленькому роману, и бывшую въ свое время парижскою знаменитостью. Эта огромная трость была украшена огромнымъ золотымъ набалдашникомъ, открывавшимся какъ ящичекъ; въ набалдашникѣ находились всегда носовой платокъ, кошелекъ, ключи, гребеночка и многія другія карманныя вещи. Изъ всѣхъ своихъ прежнихъ атрибутовъ Бальзакъ сохранилъ только синій фракъ съ золочеными пуговицами и застегнутый до верху....

Не измѣнилось и лицо его, открытое, добродушное, веселое; улыбка его сохранила всю свою пріятность, взглядъ—все свое прямодушіе....

— Въ театрѣ de la Gaîté давали недавно новую драму въ пяти дѣйствіяхъ: *Жанъ Бартъ*, имѣвшую огромный успѣхъ. Герой этой драмы, сначала простой корсаръ, впослѣдствіи вступилъ въ число тѣхъ знаменитостей, которыя прославили вѣкъ Людовика XIV.

Разскажу вамъ по этому поводу два случая изъ жизни этого простаго матроса, сдѣлавшагося адмираломъ.

Жанъ Бартъ, будучи еще корсаромъ, встрѣтилъ голландское судно. Корниль, двѣнадцатилѣтній сынъ Барта, впервые выѣхалъ съ отцомъ въ море. Обыкновенный способъ нападенія

Барта былъ абордажъ, а потому онъ тотчасъ далъ своему экипажу приказаніе направить свое судно на голландское.

Послѣднее, угадывая его намѣреніе, спокойно поджидало корсара; и когда судно его приблизилось, выстрѣлило по немъ изъ всѣхъ своихъ орудій.

Одиннадцать человѣкъ пало мертвыми близъ Корниля; онъ поблѣднѣлъ и ступилъ уже шагъ назадъ, чтобы бѣжать.

Жанъ, пламеннымъ взоромъ слѣдившій за сыномъ, остановилъ его за руку и вскричалъ:

— Это тебѣ гостинецъ на твое посвященіе въ корсары, малютка; не поднимай ихъ, будетъ еще!

Дѣйствительно, новый залпъ раздался, и новыя жертвы пали.

Корниль, внѣ себя отъ ужаса, вскричалъ:

— Пусти, мнѣ страшно, я боюсь!

Экипажъ наблюдалъ за своимъ капитаномъ. Минута была рѣшительная.

Жанъ-Бартъ рѣшился тогда на ужасное дѣло. Схвативъ веревку, онъ повлекъ за собою сына и привязалъ его къ мачтѣ, лицомъ къ непріятелю; потомъ, бросившись впередъ, закричалъ:

— Пали! пали! изъ всѣхъ пушекъ!... На абордажъ!...

Нѣсколько минутъ спустя, отецъ оглянулся.

Сынъ его гордо поднялъ голову; лицо его горѣло мужествомъ.

Голландскій фрегатъ былъ взятъ.

Другой случай.

Когда Людвикъ XIV призвалъ къ себѣ Жанъ-Барта въ Версаль, нѣкоторые придворные хотѣли посмѣяться надъ старымъ морскимъ тюленемъ.

Бартъ нѣсколько минутъ терпѣливо слушалъ шутниковъ, потомъ вскричалъ:

— Полно вамъ балагурить! Если я вамъ не нравлюсь, такъ почѣрнитесь саблями, и дѣло съ концомъ! Мнѣ некогда искать настоящаго смысла вашихъ словъ, которыя надоѣдаютъ мнѣ точно блохи!

Придворные поневолѣ присмирѣли, тѣмъ болѣе, что самъ король обошелся съ безстрашнымъ корсаромъ такъ, какъ онъ ни съ кѣмъ еще не обходился.

Дѣло шло о томъ, чтобы провезти принца Конти, котораго Людовикъ XIV хотѣлъ сдѣлать польскимъ королемъ, въ Данцигъ; надобно было пробраться между англійскими кораблями.

Само-собою разумѣется, что эта трудная и опасная экспедиція была возложена на Барта.

Противъ Темзы три восьмидесяти-пушечные корабля и девять фрегатовъ пустились въ погоню за кораблемъ, на которомъ находился принцъ.

Жанъ-Бартъ шепнулъ слово сыну, который поблѣднѣлъ, но не возражая ни слова, сошелъ внизъ.

Четыре часа англійскіе корабли преслѣдовали французскій; наконецъ послѣдній потерялъ ихъ изъ виду.

— Знаете ли, ваше высочество, сказалъ тогда Жанъ-Бартъ принцу, что вы спаслись отъ великой опасности

— Мнѣ кажется, что ходъ англійскихъ кораблей былъ очень тяжелъ.

— Не въ англійскихъ корабляхъ дѣло.

— А въ чемъ же?

— Пожалуйте за мною.

Они сошли внизъ, туда, гдѣ хранился порохъ.

Корниль Бартъ находился тамъ, съ зажженнымъ фитилемъ въ рукѣ. При появленіи отца, онъ сдѣлалъ быстрое движеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой, сказалъ Жанъ-Бартъ; напрасно; погаси фитиль, опасность миновалось.

— Что это значитъ? спросилъ принцъ.

— Это значитъ, что его величество не велѣлъ мнѣ выдавать васъ Англичанамъ; я намѣревался исполнить это приказаніе, взлетѣвъ съ вами вмѣстѣ на воздухъ....

Должно полагать, что принцъ былъ очень радъ, когда вступилъ на твердую землю.

Новая піеса имѣла большой успѣхъ.

Александръ Дюма по-прежнему неутомимъ и непостоянъ. Говорятъ, что онъ заключилъ съ иностранными капиталистами весьма выгодный контрактъ. Онъ обязался *поставить* имъ пятдесятъ томовъ, по 5000 фр. за *штуку*. Томы эти, немедленно переведенные на англійскій и испанскій языки, появятся въ одно время въ Лондонѣ, Мадридѣ и Буэносъ-Айресѣ. Только по прошествіи двухъ лѣтъ, Дюма вступитъ опять во владѣніе своимъ роднымъ языкомъ.

Плодовитый романистъ хочетъ, кажется, перещеголять Диккенса, владѣтеля нѣсколькихъ милліоновъ, которые онъ нажилъ какъ писатель и какъ издатель.

Но Диккенсъ не просто разсказчикъ; у него есть *мысль*, а это великое дѣло. Кромѣ-того, великое достоинство Диккенса

еще то, что онъ понятенъ вездѣ, всѣмъ, и всегда будетъ понятенъ.

Въ Лондонѣ давали новую оперу Халеви. Либретто передѣлано Скрибомъ изъ *Бури* Шекспира. Успѣхъ былъ огромный. По англійскому обычаю, Халеви долженъ былъ выдти на сцену, по требованію публики. Скрибъ ушелъ ранѣе изъ театра.

Извѣстный пѣвецъ Лаблашъ, участвовавшій въ оперѣ, написалъ слѣдующіе стихи въ альбомъ знаменитаго композитора:

Quanto dalle altre varia
D'Alevy la *Tempesta*!
Quelle fan piover grandina,
Ora fa piover questa!

То есть:

Сколько отъ другихъ разнится
Буря Халеви!
Тѣ сыплютъ градъ,
Золото сыплетъ эта!

Кстати объ альбомахъ и о Скрибѣ.

Онъ тоже написалъ экспромптомъ въ альбомъ графини Росси-Зонтагъ слѣдующее четверостишіе:

A Monsieur le Comte Rossi.

C'est toi seul qui pouvait enchaîner dans son vol
Ce rossignol divin qui nous charme à l'entendre,
Car de tout temps Rossi, chacun doit le comprendre,
Fut la moitié de *rossignol*.

Графу Росси.

Ты одинъ могъ остановить въ полетѣ,
Этого дивнаго соловья, чарующаго нашъ слухъ,
Ибо всегда Росси, каждому это понятно,
Былъ половиной соловья.

Тутъ непереводимая игра словъ.

Соловей по-французски *rossignol*, слѣдовательно половина этого слова *rossi*....

— Англійскіе журналы разсказываютъ, что одинъ изъ матросовъ, сопровождавшихъ капитана Кука, и присутствовавшій при кончинѣ знаменитаго мореплавателя, 14 февраля 1779 г., еще живъ. Онъ съ гордостію показываетъ шрамъ отъ раны, нанесенной ему въ то время однимъ дикимъ. Его зовутъ *Уэде*; ему 99 лѣтъ; онъ пользуется еще всѣми умственными и физическими способностями.

Это замѣчательный пандантъ къ тому старику, который недавно поступилъ въ Парижскій Инвалидный домъ *.

До будущаго мѣсяца.

МЫСЛЬ И УЛЫБКА.

Вопросы и Отвѣты: Скука.—Самолюбіе. — Нелюдимость. — Очень плавно.—Что такое счастіе? — Дѣвушка и жена. — Практика и теорія—по русски.—Зачѣмъ Сократъ принесъ Эскулапу въ жертву пѣтуха. — Мимолетно—вѣчно. Древо познанія.—Высокое.—Торговка и мальчишка. — Два кровельщика. — Бракъ. — Все-таки о вкусахъ спорить можно. — Дѣдъ, сынъ и внукъ.

Вопросъ. Отчего въ наше время, славящееся знаніемъ приличій и утонченностію свѣтскаго обращенія, нѣкоторыя собранія, маскарады и балы очень скучны?

Отвѣтъ. Оттого, что на этихъ балахъ часто нѣтъ искренности, ни радушія между веселящимися. Каждая женщина, хорошенькая и дурная, непремѣнно подвергаются самому строгому наблюденію, столько же неумолимому къ прелестямъ, какъ и къ недостаткамъ. Это убѣжденіе даетъ принужденный видъ всѣмъ красавицамъ; тѣ же изъ нихъ, которыя посмѣлѣе, заняты только одною мыслью: острить насчетъ другаго

* См. Иностранныя Извѣстія въ Отдѣлѣ: Современная Лѣтопись и Политика.

и злословить. На нѣкоторыхъ балахъ всѣ осторожны, всѣ боятся другъ друга. Какъ же можетъ тутъ быть веселье, которое основывается только на общей довѣренности, на общемъ снисхожденіи присутствующихъ къ чужимъ недостаткамъ. Чтобы увѣрить другихъ въ своей веселости, всѣ шумятъ, хлопочутъ; чтобы скрыть непріятность, всѣ показываютъ видъ торжествующій; каждый менѣе или болѣе измученъ тысячью ничтожныхъ досадъ самолюбія—и оттого-то подобные праздники—собранія скучны, печальны.

* * *

Вопросъ. Отчего люди, увѣренные въ томъ, что они необыкновенные умы, по милости коренного порока въ головѣ или недостатка въ воспитаніи, лишены возможности убѣдить другихъ въ своемъ превосходствѣ и переходятъ отъ неудачи къ неудачѣ, отъ полууспѣховъ въ конечное забвеніе?

Отвѣтъ. Оттого, что понятіе о внутреннемъ своемъ достоинствѣ, о правахъ своихъ на знаменитость, окружаетъ ихъ облакомъ самолюбія, ласкаетъ, прельщаетъ, обманываетъ ихъ. Устарѣвши съ той мыслью, что они геніи, они принимаютъ склонности за рѣшительныя дарованія и въ привычкѣ дѣйствовать всегда одинаковымъ образомъ видятъ доказательства своего таланта.

* * *

Вопросъ. Отчего во всѣхъ вѣкахъ бо́льшая часть великихъ умовъ обнаруживала явное расположеніе къ нелюдимости?

Отвѣтъ. Оттого, что это было слѣдствіе любви ихъ къ одиночеству, свойственной созерцательнымъ натурамъ, но имѣющей въ основаніи—самолюбіе. Отстраненіе отъ людей — это купальня, въ которой умъ освѣжается, вырвавшись изъ толпы, въ которой укрѣпляются нервы, понятія, и очищается сужденіе.

* * *

Вопросъ. Отчего нѣкоторыя купеческія дочки желаютъ за мужъ болѣе за военныхъ? спрашивала одну наивную невѣсту изъ торговаго званія.

Отвѣтъ. Оттого, отвѣчала она, — что когда мужъ умретъ, за его гробомъ пойдетъ музыка....

* * *

Вопросъ. Отчего люди жалуются, что они не могутъ быть счастливыми?

Отвѣтъ. Оттого, что для этого нужно имѣть доброе расположеніе, доброе сердце, доброе здоровье и добрый характеръ. Мелкія злополучія жизни несносны, какъ невидимыя насѣкомыя; они проникаютъ въ поры жизни; но тайна быть счастливымъ состоитъ именно въ томъ, чтобы не мучить себя бездѣлками, и радоваться незначительнымъ наслажденіямъ, частицамъ счастія, которыя Богъ разсѣялъ въ нашей жизни. Большія радости, счастье въ гигантскомъ размѣрѣ не дано въ удѣлъ человѣку. Многіе впадаютъ въ уныніе и отчаяніе именно потому, что всегда стремятся къ неизмѣримому идеалу и пренебрегаютъ мелкими удовольствіями, достающимися на ихъ долю.

* * *

Вопросъ. Отчего хорошія дѣвушки часто бываютъ дурными женами?

Отвѣтъ. Оттого, что будучи дѣвушками, онѣ тщательно скрываютъ свои недостатки, выказывая болѣе свои хорошія стороны, и не хотятъ замѣчать недостатковъ въ своихъ обожателяхъ; но выйдя за мужъ, онѣ не видятъ необходимости носить эту маску, разоблачаются сами и разоблачаютъ недостатки своихъ бывшихъ обожателей—сдѣлавшихся уже мужьями.

Одинъ очень добрый, положительный человѣкъ, мало знакомый съ тонкостями не только иностранныхъ, но даже русскаго языка, недавно долженъ былъ выслушать долгое теоретическое изложеніе одного дѣла.

Убѣдительный собесѣдникъ кончилъ.

— Хорошо, сказалъ слушавшій, но подавайте мнѣ лучше *правду*, а то—что мнѣ въ вашей *теоріи!* ....

Русскій человѣкъ приспособилъ къ своимъ понятіямъ заморскую *практику* и *теорію*.

Сократъ сказалъ:

— Жизнь наша не-что иное, какъ болѣзнь; смерть, — выздоровленіе; другая жизнь—здоровье.

Эти слова объясняютъ то, что многимъ кажется еще задачею, а именно: зачѣмъ Сократъ, передъ своею смертію, велѣлъ принести пѣтуха въ жертву Эскулапу.

Мысль мимолетна; но обнаруженіе ея въ дѣяніяхъ—вѣчно.

Въ насъ самихъ лежитъ вѣчный корень древа познанія, могущества и счастія. Философія развиваетъ въ насъ мудрость, политическое устройство даетъ намъ миръ, религія — счастіе.

Все высокое не нравится намъ только до-тѣхъ-поръ, пока оно выше насъ; но когда мы возносимся до него просвѣщеніемъ и мышленіемъ, оно становится намъ драгоцѣннымъ.

Мальчишка уронилъ коробку торговки.

— Постой, негодный! вскричала послѣдняя: подойди только сюда! увидишь, какого тумака я тебѣ дамъ!

— Хоть десять тумаковъ обѣщай, такъ я не пойду къ тебѣ, отвѣчалъ мальчишка.

Два кровельщика хвастали другъ передъ другомъ силою. Хвастовство кончилось закладомъ.

Они условились, чтобы одинъ снесъ другаго на плечахъ на крышу дома, по приставленной лѣстницѣ.

Силачъ дѣйствительно совершилъ благополучно это трудное и опасное восхожденіе, и выигралъ закладъ.

— Нечего дѣлать, сказалъ другой, расплачиваясь: ты, братъ, силачъ, но признавайся, что когда мы дошли до верху, ты началъ покачиваться....

— Маленько было.

— То-то же! Какъ ты покачнулся, я себѣ и думаю: ухъ уронитъ, ухъ уронитъ!... выиграю!... Нѣтъ, разбойникъ, не уронилъ....

Вопросъ. Какое сходство между влюбленнымъ человѣкомъ и попорченнымъ товаромъ?

Отвѣтъ. И тому и другому предстоитъ *бракъ*.

Въ отвѣтъ на замѣтку, помѣщенную въ послѣдней книгѣ Сына Отечества подъ заглавіемъ: *Можно ли спорить о вкусахъ?* редакція получила письмо слѣдующаго содержанія:

«Ваше мнѣніе, что *о вкусахъ спорить можно*, несправедливо. *О вкусахъ спорить не должно!*—Это давно извѣстное правило, которое я намѣренъ подтвердить небольшою исторійкою, довольно занимательною, хотя она и не новая.

«Славный Демокритъ, котораго мы сдѣлали всегдашнимъ насмѣшникомъ, хотя онъ въ-самомъ-дѣлѣ былъ настоящій философъ, случился однажды въ Іоніи, въ кругу прекраснѣйшихъ женщинъ. А какъ всѣ знали, что онъ много путешествовалъ, то одна изъ дамъ спросила его: въ какой странѣ нашелъ онъ совершеннѣйшую красавицу?

— Въ Эфіопіи, отвѣчалъ философъ.

— Въ Эфіопіи! вскричали прекрасныя Гречанки. А въ чемъ состояли прелести африканской Венеры?

«Демокритъ отвѣчалъ:

— Кожа ея была черная, лоснящаяся; ляжки у ней были толстыя, брюхо превеликое, отвисшее, большой зобъ на шеѣ, носъ сплюснутый, губы толстыя, волосы курчавые, щетиноватые. Во всей пространной Ефіопіи такое соединеніе прелестей составляетъ красоту совершеннѣйшую; а какъ красота не что-иное

есть, какъ-то, что нравится наибольшему числу людей, а народъ Ефіопскій несравненно многочисленнѣе Грековъ, то я принужденъ признаться, что африканская Венера прелестнѣе нашей.

«Соблаговолите напечатать этотъ отвѣтъ въ вашемъ журналѣ» и пр.

Мы исполнили желаніе почтеннаго диспутанта, но считаемъ нужнымъ замѣтить ему, что:

Не то прекрасно, что нравится массѣ, а то, что понимаютъ избранные.

Понятіе о прекрасномъ мы получаемъ изучая созданіе Творца вселенной. Разнообразіе послѣдней безконечно, но все въ ней, вмѣстѣ съ тѣмъ, гармонія, симметрія....

Въ познаніи этой гармоніи и заключается наука эстетики.

Эстетика облагораживаетъ, очищаетъ вкусъ.

Пускай же Ефіопы становятся на колѣни предъ Венерой съ брюхомъ превеликимъ, отвисшимъ; мы же будемъ любоваться медиційскою....

ДѢДЪ, СЫНЪ И ВНУКЪ.

Басня.

Какою мѣрой мѣримъ,
Возмѣрится и намъ!...

=

У мужика отецъ былъ старый и больной,
Ужъ на ногахъ не могъ отъ дряхлости держаться.
Вотъ на него мужикъ съ женой
Минуту всякую бранятся:
— Ну, что ты, старый хрычъ, лежишь,
Да стонешь безъ умолку?
Лишь ѣшь, да пьешь, да спишь,
Вотъ только отъ тебя и толку!...
А взялъ бы ты суму, да и пошелъ бы съ ней;
Тутъ подъ носомъ столбовая дорога:
Вѣдь не безъ добрыхъ же людей!
И всякъ подастъ; а ты за нихъ молилъ бы Бога. —
— Побойся Бога, сынъ, ты самъ!

Зима! Сморовить что̀ ль меня ты хочешь?
И какъ добресть туда моимъ ногамъ? —
— Эхъ, батька, ты о чемъ хлопочешь!
Тутъ нечего тебѣ брести;
Я прикажу свезти.
Афонька! подь сюда, сыночикъ!
Смотри, вонъ на дворѣ валяется лубочикъ;
Возьми-ка ты его,
Посадимъ дѣда твоего;
А ты скати его съ горы легонько,
Да у доро̀ги тамъ его и посади,
А самъ домой скорѣе приходи. —
Исполнилъ въ точности приказъ Афонька:
Онъ дѣдушку скатилъ, столкнулъ его долой,
А самъ пошелъ домой,
И потащилъ лубокъ туда же за собой.
Мужикъ смотрѣлъ въ окно;—увидѣвъ сына, закричалъ:
— Зачѣмъ ты эту дрянь тащи́шь назадъ, скотина? —
— Помилуй, батюшка! — мальчишка отвѣчалъ:
— Ну есть ли тутъ за что̀ браниться?
Лубочикъ и впередъ понадобится намъ. —
— На что̀, дуракъ?—Да какъ *ты* станешь старъ и самъ,
Скатить *тебя* же пригодится.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

—

Что-бы сообщить замѣчательнаго нашимъ читательницамъ? Правду сказать, что довольно трудно отыскивать безпрестанно новости и измѣненія въ дамскихъ нарядахъ. И по этому совсѣмъ несправедливо обвиняютъ дамъ въ непостоянствѣ и непостоянствѣ вкусовъ. Вспомнимъ, что было моднаго прошлымъ лѣтомъ: шляпки соломенныя, волосяныя, бастовыя, креповыя; платья съ фалбалами, съ тюниками или съ разнообразными украшеніями напереди; бѣлые кисейные рукавчики, вышитыя шемизетки (для полуоткрытыхъ талій); кисейные или тюлевые спензера; пояса изъ цвѣтныхъ лентъ, съ широкими висящими концами; браслеты, серьги безъ подвѣсокъ; мантильи, кофточки, легкіе платки; зонтики съ бахрамой или безъ бахрамы, и прочее—все это было въ модѣ прошлаго года, да и теперь почти все остается въ употребленіи. Посмотримъ, въ чемъ же измѣнились эти моды. Напримѣръ шляпки: солома всевозможныхъ видовъ въ употребленіи, но разница въ фасонѣ. У нынѣшнихъ шляпокъ поля шире прошлогднихъ, и признаемся, что этотъ фасонъ хуже прежнихъ, потому-что эти шляпки рѣдко кому идутъ. Чрезвычайно красивы шляпки изъ пестрой соломы.

Платьевъ съ тюниками давно невидно. Ихъ уже перестаютъ носить; а фалбалы и прочія отдѣлки все остаются въ модѣ Конечно эти отдѣлки разнообразятъ, и придумываютъ нѣкоторыя измѣненія, но въ существѣ эта мода не измѣняется. Легкихъ спензеровъ также теперь не носятъ, но за то кофточки вошли въ такое употребленіе, что, по выраженію любителей итальянскихъ оперъ, онъ производятъ *фуроръ*.

И въ-самомъ-дѣлѣ, это прелестная мода, эти кофточки. Называйте ихъ какъ угодно, по иностранному: *arragonaises*, *basquines*, *cosaques*, по-русски ихъ приличнѣе называть кофточками или же душегрѣйками. Конечно, это не тѣ душегрѣйки, которыя одинъ критикъ, говоря о стихотвореніяхъ Барона Дельвига, назвалъ *душегрѣйкою новѣйшаго уныния*, наброшенную имъ на русскія пѣсни, противъ чего возсталъ жестоко другой критикъ, но споръ, какъ обыкновенно, кончился ничѣмъ. Но намъ нѣтъ дѣла до критиковъ и до ихъ спора; мы скажемъ, съ своей стороны, что кофточки изобрѣтеніе чисто русское. Вѣроятно многія изъ насъ слыхали, что прабабушки наши одѣвались въ юбки и кофты или душегрѣйки, какъ ихъ называли. Встарину любили богатство нарядовъ, и потому прабабушки наши носили душегрѣйки штофныя, стеганныя на ватѣ, а иногда и парчевыя. Дойдемъ ли мы до парчи, неизвѣстно, но, по-крайней-мѣрѣ, теперь дѣлаютъ кофточки ко всякимъ платьямъ, шолковымъ, шерстянымъ и кисейнымъ. Для лѣта, и къ тому-же жаркаго, какъ нынѣшнее, это чрезвычайно удобный и красивый нарядъ. Скажемъ подъ секретомъ, что нѣкоторыя дамы вовсе не носятъ талій, а только одни юбки и кофточки. Прабабушки наши носили башмаки съ высокими каблуками, и что же? Теперь насъ парижскіе изобрѣтатели модъ подчиваютъ башмаками съ каблуками. И превосходно! всѣ мы будемъ высокаго роста, который, вѣроятно, считается модными, а между тѣмъ слава намъ, — русская выдумка каблучки! Но довольно, кажется, выхвалять моды прабабушекъ; перейдемъ теперь къ праправнукамъ, которые чрезвычайно привлекательны въ своихъ *модныхъ* ямщицкихъ шляпахъ. Въ-самомъ-дѣлѣ на дѣвицахъ очень красивы ямщицкія шляпки съ коротенькими, загнутыми полями и съ павлиньимъ перомъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА ПОЛЯНОВА,

КОММИССІОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛОВЪ СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА, ВАЗЫ И ЖУРНАЛА ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ.

Въ С.-Петербургѣ, въ Гостиномъ-дворѣ, по Суконной-линіи подъ № 17.

продаются слѣдующія книги:

(Цѣны на серебро).

О ЛИТУРГІИ ПРЕЖДЕОСВЯЩЕННЫХЪ ДАРОВЪ. Соч. Николая Малиновскаго, С. П. 1850. Ц. 1 руб. 50 коп.

СЛОВА, ГОВОРЕННЫЯ ЕВСЕВІЕМЪ, Епископомъ Ковенскимъ, Викаріемъ Литовской Епархіи. Вильно 1850. Ц. 75 коп.

БЕСѢДЫ И СЛОВА. Говоренныя Нижегородскаго Макарьевскаго монастыря Архимандритомъ Варлаамомъ. С. П. 1850. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ, отъ десяти до пятнадцати лѣтъ. Перев. съ франц. В. Модестовъ. С. П. 1844. Ц. 1 руб.

ПОМПЕЯ И ОТКРЫТЫЯ ВЪ НЕЙ ДРЕВНОСТИ, съ монографіею Везувія и очеркомъ Геркуланума. Соч. В. Классовскаго Съ планами и поясните льными гравюрами (второе, исправленное изданіе). С. П. 1849. На лучшей веленевой бумагѣ. Ц. 4 руб., съ перес. 4 руб. 50 коп.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ПАНТЕОНЪ Или жизнь Великихъ Князей, Царей и Императоровъ. Въ 3 томахъ, на лучшей веленевой бумагѣ, съ 64 портретами М. 1850. Ц. 5 руб., съ перес. 5 руб. 75 коп.

ВЛЮБЛЕННЫЙ ВЪ ЛУНУ. Романъ Поль-де-Кока, перев. Серчевскаго. 10 ч. С. П. 1849. Ц. 2 руб. 50 коп., съ перес. 3 руб.

ЖЕНСКАЯ ВОЙНА. Романъ А. Дюма, перев. В. М. Строева. 8 ч. С. П. 1848. Ц. 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.

ШЕВАЛЬЕ Д'АРМАНТАЛЬ. Романъ А. Дюма. 4 ч. 1848. Ц. 2 руб. 50 коп., съ перес. 3 руб.

ДОМАШНІЙ ТЕАТРЪ, Съ чертежемъ къ устройству и расположенію ширмоваго театра. 1848. Ц. 80 коп., съ перес. 1 руб.

ОЧЕРКЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ ВОЕННЫХЪ СООБРАЖЕНІЙ, съ краткимъ военно-географическимъ взглядомъ на западныя границы Россіи и Финляндіи. А. Н. Анненскаго. 1845. Ц. 1 р.

АСТРОНОМІЯ ДЛЯ ВСѢХЪ ОБРАЗОВАННЫХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ. Изложенная М. Хотинскимъ, членомъ многихъ ученыхъ обществъ. Въ 3 т. Ц. 3 руб. 60 коп., съ перес. 4 руб. 25 коп.

КУРСЪ РУССКАГО, ФРАНЦУЗСКАГО И НѢМЕЦКАГО СКОРОПИСАНІЯ, По методѣ Карстера, принятой въ Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ. Состав. В. Ходоровскимъ. С. П. 1846. Ц. 1 руб. 50 коп.

ПРАКТИЧЕСКІЕ УРОКИ, для основательнаго изученія грамматическихъ правилъ *англійскаго языка*, состав. Едвардомъ Ро. 1847. Ц. 75 коп.

АНОТОМИЧЕСКІЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ НАРУЖНАГО ВИДА И ПОЛОЖЕНІЯ ОРГАНОВЪ, заключающихся въ трехъ главныхъ полостяхъ человѣческаго тѣла, назначенныя преимущественно

для судебныхъ врачей, съ полнымъ объясненіемъ Н. Пирогова съ 22 политипажными рисунками. С. П. 1850 Ц. 2 руб. 50 коп., съ перес. 3 руб.

ИЗЯЩНАЯ КОЛЛЕКЦІЯ РИСУНКОВЪ МЕБЕЛИ И ДРАПИРОВКИ ВЪ САМОМЪ НОВѢЙШЕМЪ ВКУСѢ, исполненная съ натуры, по модѣйшимъ парижскимъ, лондонскимъ и вѣнскимъ образцамъ, въ вѣрныхъ пропорціяхъ и съ приложеніемъ масштаба, извѣстнымъ рисовщикомъ Ленцингомъ, приготовляющимъ рисунки для лучшихъ мастеровъ въ С.-Петербургѣ. 2 тетради. Ц. Отлично-иллюминованнымъ рисункамъ 7 руб. черными 5 руб., съ перес.

КНЯЗЬ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧЪ БОГОЛЮБСКІЙ. Соч. М. П. Погодина. М. 1850. Ц. 75 коп., съ перес. 1 руб.

ОБЩАЯ МЕТРОЛОГІЯ, состав Ѳ. Н. Петрушевскимъ, удостоенная Императорскою Академіею Наукъ Демидовской преміи С. П. 1849. Ц. 4 руб. 30 коп., съ перес. 5 руб.

ОПИСАНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ 1839 въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Составлено Полковникомъ Милютинымъ. С. П. 1850. Ц. 1 руб. 25 коп., съ перес. 1 руб. 75 коп.

УКАЗАТЕЛЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ОТКРЫТІЙ ПО ФИЗИЧЕСКИМЪ И ЕСТЕСТВЕННЫМЪ НАУКАМЪ, состав. М. Хотинскимъ. С. П. 1850. Ц. 1 руб. 20 коп., съ перес. 1 руб. 50 коп.

ЗИНОВІЙ БОГДАНЪ ХМѢЛЬНИЦКІЙ, романъ соч. А. Кузьмича, 5 ч. С. П. 1846. Ц. 3 руб. 50 коп., съ перес. 4 руб.

УЧЕНІЕ О ПЕРЕЛОМАХЪ КОСТЕЙ. Соч. Ж. Ф. Мальгеня. Члена парижской Королевской Медицинской Академіи, хирурга парижскаго Госпиталя Св. Людовика, и проч., по порученію Медицинскаго Департамента Военнаго Министерства перев. съ франц. докторъ Х. Чистовичъ. С. П. 1850. Ц. 3 руб., съ перес. 4 руб.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще книгами, публикованными и отъ другихъ книгопродавцевъ, на имя Василія Петровича Полякова, со всею благонадежностію на скорую и аккуратную высылку.

Требованія Гг. иногородныхъ покупателей исполняются съ первоотходящею почтою, съ препровожденіемъ отчета къ полученныхъ деньгахъ.

Гг. иногородные, желающіе имѣть книги въ переплетѣ, платятъ за каждую книгу: въ простомъ кожанномъ корешкѣ 20 коп. сер., въ сафьянномъ французскомъ корешкѣ 40 коп. Если книги встрѣтятся форматомъ въ 4 д. листа или въ листъ, то плата за переплетъ удвоивается.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Статья, обѣщанная въ Іюльской книгѣ:

ЭРНЕСТЪ МАЛЬТРАВЕРСЪ.

КНИГА I-я.

2-я и 3-я Книги принадлежатъ уже къ Августу.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книга восьмая.

АВГУСТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРІЕВА.
1850.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, предоставлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 20-го августа 1850 года.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

Цензоръ *Н. Елагинъ.*

Редакторъ *К. Масальскій.*

Издатель *К. Жернаковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВОСЬМОЙ КНИГИ.

Стр.

Августъ . . . . . 25—26

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

Вновь открытыя свѣдѣнія о почеркѣ руки Царя и Великаго Князя Бориса Ѳеодоровича Годунова. . . . . 1—8

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

Внутреннія извѣстія. . . . . 1—64
Извѣстія съ Кавказа. . . . . 65—66
Иностранныя извѣстія. . . . . 67—170

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Возвращеніе Святослава. Соч. *М. Истомина*. . . . . 1—2
***. *М. Половцова*. . . . . 3—4
Мининъ. Народное драматическое представленіе въ 2-хъ дѣйствіяхъ. . . . . 1—48
Случай. Разсказъ. *П. З.* . . . . . 1—16

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Эрнестъ Мальтраверсъ. *Романъ Э. Л. Бульвера*. (Переводъ съ англійскаго). Книги I, II и III. . . . . 1—122

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Метеорологія. О вліяніи людей на климатъ. . . . . 1—8
Географія и Археологія. Юкатанъ и Мехиканскія древности . . . . . 9—20

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

65. Письма Царевича Алексѣя Петровича къ его родителю Петру Великому.—66. Дворцовые разряды, по Высочайшему повелѣнію изданные II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Томъ первый. 1612—1628. — 67. Объ историческомъ значеніи Царствованія Бориса Годунова. Соч. *Павлова*.—68. Etudes sur quelques institutions de la Russie.—69. Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 года въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Соч. Полк. *Милютина*. — 70. Продолжительность любви. Романъ *Поль-де-Кока*. — 71. О литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ. Соч. *Н. Малиновскаго*.—72. Краткое хронологическое обозрѣніе Русской Исторіи. . . . . 1—36

Стр.

СМѢСЬ.

Письма путешественника къ друзьямъ. Письмо двадцать третье. *П. Фурманна.*—Поклонная гора.—Фанни Черито.—Нѣсколько фактовъ и мыслей, относящихся къ красотѣ и безобразію.—Нѣсколько словъ о слѣпыхъ, кривыхъ и косоглазыхъ. — Замѣтки о физіономіи и другихъ относительныхъ признакахъ нѣкоторыхъ историческихъ лицъ.—Деревянные дома въ Америкѣ.—О монетѣ въ Европѣ.—Розысканія о парижскихъ театрахъ.—Нѣсколько фактовъ, относящихся къ исторіи литературы.—Нѣсколько словъ о великихъ людяхъ.—Десятая муза.—Семейства ученыхъ. — Мода носить лорнетъ.—Большой обѣдъ. . . . . 1—39

Новости ученаго міра. Вѣсъ небесныхъ тѣлъ земными фунтами.—Электрическая лампа г. Леона Фукò.—Продольныя полосы въ призматическомъ разложеніи солнечныхъ лучей г. Кноблауха.—Дѣйствіе хлороформа на растеніе мимозу (Недо́трога). . . . . 39—46

Похожденія провинціала въ столицѣ.

Русская Почта. Ростовское огородничество.—Херсонъ 1-го іюля.—Сакскія цѣлительныя грязи.

Иностранная Почта. Парижъ.—На луну.—Новые Икары.—Г. Петенъ.—Воздушный экипажъ.—Китайцы, Персіяне и Негры. — Звѣри-артисты. — Суфлеръ и медвѣдь.—Донья Марія Мартинесъ.—Чорная пѣвица.—Халеви и Скрибъ.—Обѣдъ Люмлея. — Знаменитый кухмистеръ.—Шекспировскій крустадъ а-ла-Халеви-Скрибъ.—Кухмистеръ между Мольеромъ и Скрибомъ.

Мысль и улыбка. Правописаніе иностранныхъ словъ.—Драматическая фантазія Н. Хвощинской.—Отрывки. Новый и старый повтъ. — Присутствіе духа больнаго.—Какъ пишутся иныя критики.—Взглядъ остроумія.—Разныя племена.—Ножъ, *сказка.*—Розалинда, *романъ написанный дамою.*—Нѣтъ болѣе головъ лысыхъ или съ рѣдкими волосами.—Что́ говоритъ природа человѣку.

Петербургскія моды.

Русскія книги. . . . . 1—60

Приложенія:

1. Снимокъ съ рукописи Бориса Годунова.
2. *Двѣ* парижскія картинки модъ.

АВГУСТЪ.

Августъ, по церковному *августъ*, по славянски *заревъ*, *серпень*, имѣетъ 31 день. Онъ считается восьмымъ мѣсяцомъ нашего, также и римскаго года. У древнихъ Римлянъ августъ назывался первоначально Секстиліемъ, но въ 33 году до Р. Х. римскій сенатъ наименовалъ его настоящимъ именемъ, въ честь Императора Октавія Августа. Съ этимъ мѣсяцомъ наступаетъ осень, и все, что только было посѣяно, созрѣваетъ. Это мѣсяцъ пажитей и окончательныхъ земледѣльческихъ трудовъ. Прежде всего начинаютъ убирать пшеницу, потомъ яровой хлѣбъ, а также убираютъ макъ и другія масляничныя растенія. Ягнята, родящіеся въ январѣ и февралѣ, лучше переносятъ болѣзни, свойственныя молодымъ животнымъ, какъ-то: мытъ, оцѣпѣненіе, простуду и пр., которыя наиболѣе свирѣпствуютъ въ мартѣ, а иногда въ послѣднихъ числахъ февраля. Кажется и упоминать ненужно, что въ августѣ приготовляются въ-прокъ на зиму разныя огородныя и лѣс-

ныя произрастенія, сѣются въ огородахъ разныя зелени для осенняго употребленія, дѣлаются запасы лѣтняго коровьяго масла и пр. Въ отношеніи сельскаго хозяйства нужно замѣтить, что хозяевамъ, имѣющимъ въ концѣ этого мѣсяца въ своемъ распоряженіи множество гуменнаго корма, очень выгодно покупать за дешовую цѣну сосуновъ жеребятъ.

—

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

НОВЫЯ ОТКРЫТЫЯ СВѢДѢНІЯ О ПОЧЕРКѢ РУКИ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ БОРИСА ФЕОДОРОВИЧА ГОДУНОВА.

Въ дѣлѣ науки вообще, какъ бы наперекоръ нетерпѣливой пытливости ученыхъ, самые интересные предметы долго, а иногда и навсегда скрываются отъ любознательнаго наблюдателя. Нѣтъ ни одной науки, которая бы своимъ свѣтомъ озаряла всѣ входящіе въ нее предметы. Такъ и въ палеографіи, или древлеписаніи.

Не мало было попытокъ собрать образцы письменъ всѣхъ временъ, и въ особенности почерки людей, знаменитыхъ въ землѣ русской. И надобно сказать, даже первые опыты вышли довольно удовлетворительны. Не говоря о трудахъ А. Н. Оленина, Калайдовича, Кеппена и другихъ, довольно указать на двѣ тетради образцовъ древлеписанія, историческій альбомъ Погодина и на снимки почерковъ, изданные въ руководство Межеваго Корпуса. Довольно здѣсь со-

брано, еще болѣе остается ждать отъ преемниковъ на этомъ тернистомъ поприщѣ нашей палеографіи.

Занимаясь издавна историческими розысканіями, и въ особенности пересмотромъ и приведеніемъ въ порядокъ архивныхъ бумагъ con amore и ex officio,—давно имѣлъ я желаніе открыть почеркъ руки Царя Бориса Феодоровича Годунова,—человѣка столько же необыкновеннаго по своимъ личнымъ способностямъ, сколько (если не болѣе) по разительной превратности своего счастія. Лѣтъ десять тому назадъ напалъ я на слѣдъ его подписи; но этотъ слѣдъ былъ такъ неясенъ, примѣты такъ неотчетливы, что всѣ мои поиски не привели ни къ какому удовлетворительному результату,—только болѣе возбудили любопытство. Мое мнѣніе о важности этой находки раздѣляли многіе изъ здѣшнихъ ученыхъ и хранителей архивовъ.

Наконецъ оправдалась латинская пословица: Labor improbus omnia vincit. Дѣйствительно, усердный мой трудъ побѣдилъ всѣ препятствія. Я отыскалъ подпись руки Царя Бориса Феодоровича Годунова, къ особенному моему удовольствію, которое, конечно, раздѣлятъ со мною всѣ любознательные русскіе ученые, кому дорога каждая черта этого замѣчательнѣйшаго человѣка, предметъ удивленія и пререканія для потомства.

Занимаясь, по распоряженію начальства, приведеніемъ въ порядокъ огромнаго количества монастырскихъ грамотъ, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ, по городу Костромѣ, я отыскалъ три грамоты съ подписью Царя Бориса; изъ нихъ первая, Данная, 7080 (1572) года, Дмитрія Ивановича Годунова на сельцо Прискоково съ деревнями въ Ипатьевскій монастырь, вторая таковая же Стефаниды Годуновой съ сыномъ ея Борисомъ Феодоровичемъ Годуновымъ на деревню Стержневу и другія въ тотъ же монастырь, 7084 (1576) г. и третья жалованная грамота Царя и Великаго Князя Бориса Феодоровича Годунова на два двора въ Костромѣ, на посадѣ, 7111 (1603) года.

Обѣ Данныя писаны на двухъ вмѣстѣ склеенныхъ листкахъ обыкновенной тряпичной бумаги, каждая отдѣльно. Первый листокъ длиною 8, шириною 2¾ вершка; второй листокъ длиною 5, шириною 3 вершка. Въ бумагѣ заводскихъ знаковъ (Wasserzeichen, filigrane) не видно. Подлинники хранятся въ Государственномъ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ, по Костромскому уѣзду, за № 103-мъ.

Третій актъ писанъ на листѣ обыкновенной тряпичной бумаги, длиною 8, шириною 6¼ вершковъ. Внизу на шелковомъ малиноваго цвѣта снуркѣ средняя Государственная печать, отъ времени искрошившаяся. Въ бумагѣ просвѣчивается заводскій знакъ: сосудъ съ крестомъ вверху. Хранится тамъ же, подъ № 162-мъ. Особенную замѣчательность этой грамоты составляетъ то, что на другой сторонѣ ея, гдѣ обыкновенно подписывали Дьяки имя царствующаго Государя, подписалъ самъ Борисъ Феодоровичъ. Вѣроятно по особенному уваженію къ монастырю, основанному его предками, въ коемъ погребены многія лица этой фамиліи, грамоту собственноручно подписалъ Царь Борисъ Феодоровичъ.

Копіи съ этихъ Данныхъ и грамоты, равно и точные снимки съ подписей (fac-simile) имѣю честь представить на судъ любителей отечественныхъ древностей.

П. Ивановъ.

Се азъ Дмитрей Ивановичъ Годуновъ да азъ Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, что у насъ деревенка вотчинная, искони вѣчная дѣда нашего и отца нашего благословенія по духовнымъ грамотамъ, на Костромѣ, въ Плескомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ на Стежерѣ, селцо Прискоково з деревьнями, а въ немъ церковь Рождество Христово да теплая церковь

Никола чюдотворецъ, да к тому селцу деревня Русаново Захарово да деревня Бабкино, да деревня Пенье, да деревня Новиково, да деревня Овчинкино, да деревня Батурово. И мы то селцо и з деревнями дали въ домъ живоначальной Троицѣ и Апостолу Филипу и мученику Ипатью при Келарѣ Лаврентьѣ, при Казначеѣ Іонѣ з братьею то селцо з деревнями, с пашнею, и с луги, и с лѣсомъ и со всѣми угодьи, куды ходилъ плугъ и коса и топоръ истари, по своихъ родителехъ и послѣ нашего живота по нашихъ душахъ. И которые будетъ наши родители у нихъ написаны в сенаникѣ, игумену Никандру з' братьею и по немъ иным игуменомъ по нашихъ родителехъ пѣть вседневные понахиды и кормити братью съ тое вотчины дважды на годъ большой кормъ на Рожество Христово да на Петровъ день и Павла, а дали есмя то сельцо з деревнями в домъ Живоначальной Троицѣ выпатцкой монастырь по своихъ родителехъ и послѣ нашего живота по нашихъ душахъ в наслѣдье вѣчныхъ благъ во вѣки без выкупа. А на то послуси Дмитрей Ивановъ сынъ Золотухинъ да Степанъ Дмитреевъ сынъ Щетева да того жъ селца попъ второй Ивановъ сынъ. А даную писалъ Дмитреевъ человѣкъ Ивановича Годунова Завьялко Никоновъ. Лѣта з восмъдесятаго мѣсяца Марта въ двадесятъ пятый день.

На оборотѣ подписи:

Язъ Дмитрей сельцо Присково з деревнями выпацькой монастырь далъ и руку приложилъ.

Язъ Борисъ сельцо Присково с деревнями выпацькой монастырь далъ и руку приложилъ.

Послухъ Митка руку приложилъ.

Стенанецъ руку приложилъ в послусѣхъ.

Послухъ попъ второй руку приложилъ.

Се язъ Ѳедорова жена Ивановичя Годунова Стефанида с своимъ сыномъ з Борисомъ дали есмя в' домъ Живоначялной Троицы выпацкой монастырь деревни вотчинные свои в Костромскомъ уѣздѣ деревню Стержневу да деревню Новоселки, да деревню Яхнову, да деревню малое Яхнову, да деревню Ярцову, да деревню Зихрову, да деревню Сѣркову по своихъ родителяхъ. И игумену и братьи родители наши поминати и за насъ Бога молити. А какъ Богъ пошлетъ по наши души, и игумену и братьи насъ потомужъ поминати, а до тѣхъ до нашихъ вотчинныхъ деревень нашему роду и племяни дѣла нѣтъ, ни выкупати и ни отымати ни которыми дѣлы. А на то послуси Григорей Васильевъ сынъ Годуновъ да Ондрей, да Ѳедоръ Веригины дѣти Клешнина. А даную писалъ Дворенинко Ивановъ сынъ Домоткановъ лѣта зп четвертаго.

На оборотѣ подписи:

Язъ Борисъ вотчину далъ и руку приложилъ.

Степанъ Васильевичь Годуновъ в свое мѣсто и в брата своего Григорья руку приложилъ.

Послухъ Ѳедоръ руку приложилъ.

Божіею милостію Мы Великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичь всеа Русіи Самодержецъ и Нашего Царскаго Величества сынъ Нашъ Великій Государь Царевичь Князь Ѳедоръ Борисовичь всеа Русіи. Пожаловали есмя Троецкого Архимарита Сергіева монастыря Кирила з братьею, что били они намъ челомъ, а сказали: нашего дея Царского богомолья Живоначалные Троицы и великого чюдотворца Сергія на Костромѣ, на посадѣ два двора монастырьскіе, одинъ по конецъ посаду, а въ немъ живетъ дворникъ Якушко Полянской, а другой дворъ в кремли городѣ, а' в немъ живетъ дворникъ Безсонко Ва-

сильевъ, на пріѣздъ старцомъ и слугамъ для рыбные покупки к' Нашимъ царскимъ походомъ и для иныхъ Нашихъ дѣлъ. Да они жъ деи посылаютъ в' Нашу царскую вотчину за Казань в' Узи, на монастырьской обиходъ ловити в' Волгѣ красные рыбы, и запасы де всякіе судовые они пасутъ и ставятъ на тѣхъ же дворѣхъ. И въ прошломъ деи во 101-м году по Нашему Царскому указу писали Троецкую вотчину писцы Наши Третьякъ Бельяминовъ с товарыщи, и отписали Троецкую вотчину отъ Нашихъ Дворцовыхъ селъ и отъ черныхъ волостей, и отъ Боярскихъ, и отъ Княженецкихъ и отыныхъ монастырьскихъ вотчинъ и отъ помѣсныхъ земель. И тѣ деи ихъ монастырьскіе дворы, что на Костромѣ, на посадѣ, по старинѣ написали за Троецкимъ монастыремъ, а отъ посаду тѣ ихъ дворы отвели и послѣ де того в' прошломъ во 104-м году по Нашему жъ Царскому указу писали Костому, посадъ и Костромской уѣздъ Наши писцы Василей Вельяминовъ да Понтелей Усовъ с товарыщи, и тѣ деи ихъ Троецкіе монастырьскіе дворы приписали к Костромѣ къ посаду, и Наши деи Костромскіе приказные люди и Костромичи посадцкіе земскіе старосты и цѣловалники в' тѣ ихъ монастырьскіе дворы вступаютца и емлютъ с тѣхъ ихъ дворниковъ, съ Якушка Полянского да съ Безсонка Васильева Наши всякіе подати ровно съ посадцкими людми. А прежде и сего до Нашихъ писцовъ тѣ ихъ дворники Нашихъ никакихъ податей съ посадцкими людми не плачивали. И Мы Великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичь всеа Русіи Самодержецъ и Сынъ Нашъ Великій Государь Царевичь Князь Ѳедоръ Борисовичь всеа Русіи Троицы Сергіева монастыря Архимарита Кирила з братьею пожаловали тѣ ихъ монастырьскіе прежніе дворы, что на Костромѣ на посадѣ, по конецъ посаду, а другой дворъ на Кремлѣ городѣ и з дворники, которые нынѣ в тѣхъ ихъ дворѣхъ живутъ съ Якушкомъ Полянскимъ да съ Безсонкомъ Васильевымъ отъ посаду отписали и велѣли имъ быти по прежнему за Троецкимъ монастыремъ по сей На-

шей жаловалной грамотѣ на пріѣздъ Троецкимъ старцомъ и слугамъ и крестьяномъ, а съ Костромичи имъ съ посадцкими людми никакихъ Нашихъ податей не платити и в посадѣ тѣмъ дворомъ и з дворники впередъ не быти, а быти тѣмъ дворомъ и з дворники за Троецкимъ монастыремъ по прежнему. И Нашимъ приказнымъ людемъ тѣхъ ихъ дворниковъ, которые нынѣ в' тѣхъ дворѣхъ живутъ, с посадцкими людми ни в чемъ не вѣдать и податей Нашихъ с нихъ не имати, а вѣдать ихъ во всемъ и судить ихъ приказнымъ людемъ, кому Архимаритъ з братьею прикажетъ по сей нашей Царской жаловалной грамотѣ. Дана ся Наша Царская жаловалная грамота на Москвѣ лѣта 7111-го Іюля въ 22 день.

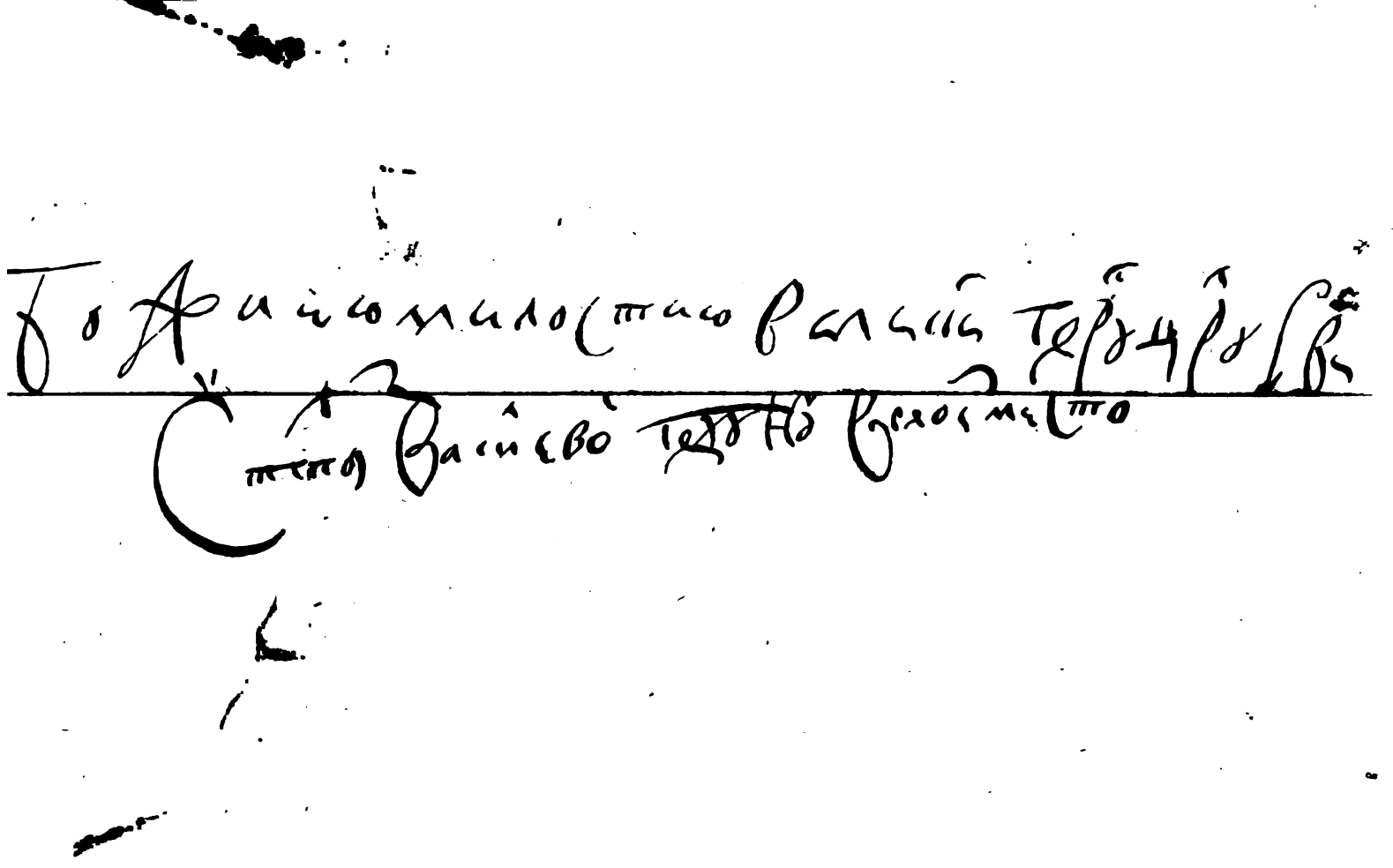
На оборотѣ подписи:

Божіею милостію Великіи Государь Царь и Великіи Князь Борисъ Ѳедоровичь всея Русіи.

Лѣта 7115-го Марта въ 26 день Государь Царь и Великіи Князь Василей Ивановичь всеа Русіи сее жаловалные грамоты слушалъ, а выслушавъ, Живоначалные Троицы Сергіева монастыря Архимарита Іасафа з' братьею, или хто по немъ в' томъ монастырѣ иный Архимаритъ и братья будутъ, пожаловалъ велѣлъ имъ сю грамоту подписати на свое Царево и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи имя, и сее у нихъ грамоты рушати не велѣлъ никому ничѣмъ, а велѣлъ имъ ходити о всемъ потому, какъ в' сей грамотѣ писано. А подписалъ Государевъ, Царевъ и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русіи діакъ Анфиногенъ Голенищевъ.

Лѣта 7121-го Августа въ 31 день Государь, Царь и Великіи Князь Михаило Ѳедоровичь всеа Русіи сее жаловалные грамоты слушалъ, а выслушавъ, живоначалные Троицы Сергіева монастыря Архимарита Деонисія да Келаря старца Аврамья Палицына з братьею или кто по нихъ в томъ монастырѣ иный Архимаритъ и Келарь и братья бу-

дутъ, пожаловалъ велѣлъ имъ сю грамоту подписати на свое Царево и Великого Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи имя и сее у нихъ грамоты рушити не велѣлъ никому ничѣмъ, а велѣлъ имъ ходити о всемъ потому, какъ в сей грамотѣ писано. А подписалъ Государевъ, Царевъ и Великого Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи діакъ Иванъ Болотниковъ.



СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

Божіею милостію,

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій

и прочая, и прочая, и прочая.

Манифестомъ Нашимъ въ 1-й день августа 1834 года, установивъ ежегодные, частные, по Государству рекрутскіе наборы, Повелѣваемъ:

1) Для укомплектованія сухопутныхъ войскъ и флота, слѣдующій девятый, частный, очередный наборъ произвесть съ губерній западной полосы Имперіи, полагая съ тысячи душъ по семи рекрутъ, на основаніи особаго распорядительнаго Указа, вмѣстѣ съ симъ Правительствующему Сенату даннаго.

1) Наборъ сей начать съ 1-го сентября, и окончить къ 1-му октября сего 1850 года,—и.

3) Въ предстоящій наборъ съ губерній: Псковской, Витебской и Могилевской, которыя Манифестами: 31-го октябрѣ 1845 года и 26-го сентября 1846 года, по случаю постигшаго ихъ неурожая, изъяты были отъ поставки рекрутъ въ 1846 и 1847 годахъ, взять по три человѣка съ тысячи душъ, независимо отъ причитающихся въ сей наборъ по семи человѣкъ, что составитъ всего съ каждой изъ означенныхъ трехъ губерній по десяти человѣкъ съ тысячи душъ; за тѣмъ сборъ остальныхъ четырехъ человѣкъ, отложить до будущихъ наборовъ.

Данъ въ Петергофѣ, въ 10-й день іюня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ пятидесятое, Царствованія-же Нашего въ двадцать-пятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано.

«*НИКОЛАЙ*».

Указъ Правительствующему Сенату.

Указомъ 19-го октября 1831 года, Мы установили: при каждомъ въ государствѣ рекрутскомъ наборѣ призывать къ личной воинской повинности однодворцевъ и гражданъ западныхъ губерній.

Манифестомъ, сего числа изданнымъ, назначивъ произвесть девятый, частный, очередный наборъ съ губерній западной полосы Государства, Повелѣваемъ:

1) Собрать по восьми человѣкъ съ тысячи душъ и съ однодворцевъ и гражданъ Витебской, Могилевской, Кіевской, Подольской, Волынской, Минской, Гродненской, Виленской и Ковенской губерній, согласно положенію о распорядкѣ воинской ихъ повинности и распорядительному указу, имѣющѣ съ симъ Правительствующему Сенату данному,—и

2) Независимо отъ восьми человѣкъ съ тысячи душъ, выше сего опредѣленныхъ, собрать съ однодворцевъ и гражданъ Витебской и Могилевской губерній все число, подлежащее къ призыву въ 1846 и 1847 годахъ, въ которыхъ граждане и однодворцы означенныхъ двухъ губерній были изъяты отъ набора по указамъ 31 октября 1845 и 26-го сентября 1846 годовъ, Правительствующему Сенату даннымъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*НИКОЛАЙ*»

Петергофъ, іюня 10-го дня 1850 года.

Указъ Правительствующему Сенату.

Манифестомъ, сего числа изданнымъ, предназначивъ произвести девятый, частный, очередный наборъ съ губерній западной полосы Государства,—Повелѣваемъ:

1) Начать наборъ сей съ 1-го сентября, и окончить оный непремѣнно къ 1-му октября сего года.

2) На обмундированіе рекрутъ принимать отъ отдатчиковъ деньги по цѣнамъ, во что обмундированіе сіе Коммиссаріатскому Вѣдомству обходится, и именно по десяти рублей двадцати копѣекъ серебромъ,—и

3) Сборъ рекрутъ съ Государственныхъ крестьянъ губерній, въ прилагаемомъ при семъ спискѣ показанныхъ, произвесть на особыхъ правилахъ, предписанныхъ Нами Министерству Государственныхъ Имуществъ.

Распоряженія по военной части предоставили Мы Военному Министру, а успѣшное производство и окончаніе сего

набора, въ положенный срокъ, возлагаемъ на попеченіе Правительствующаго Сената.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ»

Петергофъ, іюня 10-го дня, 1850 года.

СПИСОКЪ

губерніямъ западной полосы, въ которыхъ долженъ производиться рекрутскій наборъ на правилахъ, предписанныхъ Министерству Государственныхъ Имуществъ.

С.-Петербургской.	Волынской.
Новгородской.	Кіевской.
Тверской.	Подольской.
Смоленской.	Херсонской.
Псковской.	Таврической.
Ковенской.	Екатеринославской.
Виленской.	Полтавской.
Гродненской.	Черниговской.
Минской.	Курской.
Витебской.	Харьковской.
Могилевской.	

Подписалъ: Военный Министръ Генералъ-Адъютантъ *Князь А. Чернышевъ.*

ВЫСОЧАЙШІЕ РЕСКРИПТЫ,

ДАННЫЕ:

1.

На имя Г. Московскаго Военнаго Генерал-Губернатора, Генерал-Адъютанта Графа Арсенія Андреевича Закревскаго.

Графъ Арсеній Андреевичъ! Принесенное вами отъ лица жителей Москвы, всегда пріятное Моему сердцу, поздравленіе съ днемъ рожденія Моего, представляетъ Мнѣ новый случай выразить имъ, чрезъ васъ, душевную Мою признательность; она неизмѣнна, какъ ихъ любовь и преданность Престолу и Отечеству.

Пребываю всегда вамъ благосклонный.

На подлинной Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*НИКОЛАЙ.*»

Петергофъ, іюня 28 дня, 1850 года.

2.

Попечительному Совѣту Заведеній Общественнаго Призрѣнія въ С.-Петербургѣ.

Поднесенный Мнѣ Попечительнымъ Совѣтомъ отчетъ за 1849 годъ удостовѣряетъ въ отличномъ состояніи ввѣренныхъ ему заведеній и въ постоянномъ соблюденіи надлежащаго, по всѣмъ частямъ, порядка, при постепенно-распространяющемся кругѣ благотворительныхъ его дѣйствій.

Относя это къ усердію и полезнымъ трудамъ Предсѣдателя и Членовъ Совѣта, равно Попечителей заведеній,—Я пріятнымъ долгомъ считаю изъявить имъ совершенную Мою признательность и благоволеніе.

3.

Главному Совѣту Женскихъ Учебныхъ Заведеній.

Удостовѣрясь изъ представленнаго Мнѣ Главнымъ Совѣтомъ отчета о дѣйствіяхъ его за 1849 годъ, что женскія учебныя заведенія, учрежденныя въ обѣихъ столицахъ и другихъ мѣстахъ Имперіи, при утвержденіи въ нихъ единообразныхъ началъ воспитанія дѣвицъ, съ постояннымъ успѣхомъ содѣйствуютъ къ распространенію общаго женскаго образованія, соотвѣтственно Моимъ желаніямъ и предначертаніямъ,—Я пріятнымъ долгомъ считаю изъявить за то Предсѣдателямъ и Членамъ Главнаго Совѣта, равно Московскаго его Отдѣленія, искреннюю Мою признательность и совершенное удовольствіе.

4.

Воспитательнаго Дома Опекунскимъ Совѣтамъ.

Усмотрѣвъ изъ поднесенныхъ Мнѣ Опекунскими Совѣтами отчетовъ за 1849 годъ, что состоящія въ управленіи ихъ учрежденія находятся на степени отличнаго благоустройства, — Я считаю справедливымъ изъявить Предсѣдательствующимъ и Почетнымъ Опекунамъ искреннее Мое удовольствіе и признательность, за постоянное и усердное попеченіе о пользѣ ввѣренныхъ управленію ихъ частей.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«*НИКОЛАЙ.*»

Въ Петергофѣ, 1-го іюля 1850 года.

ПРИКАЗЫ.

ГЛАВНАГО НАЧАЛЬНИКА

ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

1. *Въ Царскомъ-Селѣ, іюня 6-го дня 1850 года. № 1197.*

Дежурный Генералъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, Генерал-Адъютантъ Игнатьевъ, отношеніемъ отъ 21 мая, за № 5,305, увѣдомилъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу отношенія Начальника Главнаго Штаба всѣхъ Резервныхъ и Запасныхъ войскъ Гвардіи и Арміи, Высочайше повелѣть соизволилъ: принять на будущее время за правило, дворянъ и вольноопредѣляющихся, неокончившихъ курсъ наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ и неимѣющихъ аттестатовъ, отправлять для выдержанія экзамена въ Корпусные Штабы или Кадетскіе Корпуса, ближайшіе къ мѣсту расположенія тѣхъ войскъ, въ которыхъ будутъ состоять на службѣ подлежащіе экзамену; но съ тѣмъ, чтобы дворяне и вольноопредѣляющіеся, служащіе въ войскахъ, расположенныхъ въ ближайшемъ разстояніи отъ г. Житомира, были отправляемы для экзамена не въ Корпусный Штабъ, который въ семъ городѣ располагается, а въ Петровскій-Полтавскій Кадетскій Корпусъ.

О таковой Монаршей волѣ объявляю по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ, для надлежащаго свѣдѣнія и должнаго исполненія.

Подписалъ: *Генералъ-Адъютантъ*

«АЛЕКСАНДРЪ.»

---

2 *Въ Царскомъ-Селѣ, іюля 16-го дня 1850 года, № 1201.*

7-го, 9-го и 10-го іюня, Я производилъ публичныя испытанія двухъ старшихъ классовъ С. Петербургскихъ Военно-Учебныхъ Заведеній: Пажескаго Его Императорскаго Величества Корпуса, Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ, Корпусовъ: 1-го, 2-го, Павловскаго и Дворянскаго-полка, въ составѣ котораго находились и кадеты Губернскихъ Корпусовъ: Новгородскаго Графа Аракчеева, Полоцкаго, Петровскаго-Полтавскаго, Орловскаго-Бахтина и Александровскаго-Брестскаго, и кадетамъ выпускнаго класса 1-го Московскаго Кадетскаго Корпуса.

Испытанія производились Мною: въ фортификаціи, артиллеріи, тактикѣ, военной исторіи, физикѣ, химіи, законовѣдѣніи, статистикѣ и политической исторіи.

Въ каждомъ Заведеніи, и изъ каждаго предмета, преимущественно вызываемы были Мною по два воспитанника, одинъ изъ отличныхъ или лучшихъ,—другой изъ посредственныхъ или слабыхъ; каждому изъ нихъ вопросный билетъ давалъ Я Самъ, или кто-нибудь изъ почетныхъ посѣтителей, по Моему приглашенію.

Такимъ-образомъ, въ продолженіе трехъ дней, проэкзаменовалъ Я 87-мъ воспитанниковъ—наибольшая изъ нихъ часть отвѣчали отлично, другіе вполнѣ удовлетворительно, четверо отвѣчали слабо. Отвѣтъ на вопросъ не ограничивался нѣсколькими заученными фразами, но обнималъ билетъ въ полномъ его развитіи; дополнительные вопросы, иногда и некасавшіеся билета, которые дѣлалъ Я Самъ или посѣтители, были разрѣшаемы воспитанниками находчиво и отчетисто. Вообще, воспитанники отвѣчали не только съ заученнымъ знаніемъ дѣла, но самостоятельно, размышляя и своими словами, кромѣ вышеозначенныхъ четырехъ воспитанниковъ, которыхъ назвать Мнѣ жаль.

Эти трех-дневныя испытанія привели Меня къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Что во всѣхъ Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ преподаваніе всѣхъ означенныхъ предметовъ приведено въ строгое однообразіе.

2) Что программы и руководства, по которымъ предметы сіи преподаются, удовлетворяютъ вполнѣ требованіямъ и цѣли образованія военнаго и воспитанія общаго.

3) Что метода ученія Военно-Учебныхъ Заведеній основана не на работѣ памяти, а на развитіи мышленія.

Утѣшительнымъ и справедливымъ поставляю для Себя долгомъ объявить о семъ по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ, и благодарю всѣхъ гг. Директоровъ, Инспекторовъ классовъ и учителей по всѣмъ означеннымъ предметамъ, за ихъ труды, добросовѣстные и полезные, и въ особенности Начальника Штаба Моего по управленію Военно-Учебными Заведеніями, Генерал-Адъютанта *Ростовцова*, за его неутомимую дѣятельность и успѣшное приведеніе въ единообразіе преподаванія исчисленныхъ предметовъ по всѣмъ Заведеніямъ.

Я надѣюсь и увѣренъ, что Военно-Учебныя Заведенія не остановятся въ своемъ стройномъ ходу, и будутъ всегда Меня радовать, какъ радовали онѣ всегда Моего Августѣйшаго Предшественника, Моего Незабвеннаго Друга и ихъ Незабвеннаго Благодѣтеля, на утѣшеніе Нашему Великому Государю и на пользу Нашей славной Арміи.

Приказъ сей прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ и батареѣ, въ собраніи всѣхъ воспитанниковъ.

Подписалъ: *Генералъ-Адъютантъ*

«АЛЕКСАНДРЪ.»

Въ Высочайшемъ Приказѣ. іюня 25-го, по военному вѣдомству, изображено:

За ознаменованіе особеннаго Монаршаго благоволенія, за вѣрность и преданность Престолу и Отечеству нижепоименованныхъ войскъ, коимъ нынѣ исполнилось 150 лѣтъ со времени ихъ учрежденія, Государь Императоръ Всемилостивѣйше жалуетъ онымъ, взамѣнъ имѣющихся у нихъ, новыя знамена и штандарты, съ надписью «1700—1850», изображающею годъ основанія и годъ совершенія 150-ти лѣтъ со времени ихъ учрежденія, и съ сохраненіемъ при томъ прежнихъ надписей на знаменахъ тѣхъ полковъ и баталіоновъ, которые таковыя имѣли.

Отличія сіи жалуются Его Величествомъ по нижеслѣдующему:

Георгіевскія знамена: 1 и 2 батальйонамъ Гренадерскаго Принца Фридриха Нидерландскаго полка и 1 и 2 батальйонамъ Пѣхотнаго, Фельдмаршала Графа Дибича-Забалканскаго полка, съ надписью: «За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи 1812 года». 1 и 2 батальйонамъ Гренадерскаго, Его Величества Короля Нидерландскаго полка, съ надписью: «За подвигъ при Шенграбенѣ 4-го ноября 1805 года въ сраженіи 5000-го Корпуса съ непріятелемъ, состоявшимъ изъ 30,000». 1 и 2 батальйонамъ Гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка и 1 батальйону Мингрельскаго Егерскаго полка, съ надписью: «За отличную храбрость при взятіи штурмомъ турецкой крѣпости Ахалкалаки съ 7-го на 8-е декабря 1811 года». 1 и 2 батальйонамъ Карабинернаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Александровича полка, съ надписью: «За отличіе при взятіи приступомъ Остроленки 14 мая 1831 года.» 1 и 2 батальйонамъ Пѣхотнаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича полка, съ надписью: «За взятіе французскаго знамени на горахъ Альпійскихъ.» 1 и 2 батальйонамъ Шлюссельбургскаго Егерскаго полка, съ надписью: «За взятіе подъ Фридландомъ одного знамени у Французовъ 2-го іюля 1807 года». 1 2 батальйонамъ Пѣхотнаго Генерал-Фельдмаршала Герцога Веллингтона полка, съ надписью: «За взятіе французскихъ знаменъ на горахъ Альпійскихъ». 1 и 2 батальйонамъ Кременчугскаго Егерскаго полка, съ надписью: «За взятіе приступомъ Варшавы 25 и 26 августа 1831 года». 3-мъ батальйонамъ Азовскаго и Днѣпровскаго Пѣхотныхъ полковъ, съ надписью: За оборону Праводъ противъ турецкой арміи въ 1829 году». 3-му батальйону Бѣлостокскаго и 4 батальйону Суздальскаго Пѣхотныхъ полковъ, съ надписью: «За отличіе въ войнѣ съ Турками въ 1828 и 1829 годахъ»: 1, 2 и 3 батальйонамъ Пѣхотнаго Генерал-Фельдмаршала Князя Варшавскаго Графа Паскевича-Эриванскаго полка, съ надписью: «За сраженіе 23 февраля 1814 года близь Краона».

Обыкновенныя знамена, съ надписями: 3-му батальйону Волынскаго и 4-му батальйону Московскаго Пѣхотныхъ полковъ, съ надписью: «За сраженіе при Бар-сюр-Обѣ 15-го

февраля 1814 года». 1-му, 2-му и 4-му батальйонамъ Апшеронскаго Пѣхотнаго полка, съ надписью: «За отличіе при взятіи штурмомъ Ахульго 22-го августа 1839 года». 3-му батальйону того-же полка, съ надписью: «За взятіе приступомъ Ахульго 22-го августа 1839 и за походъ въ Анди въ іюнѣ и въ Дарго въ іюлѣ 1845 года». 1-му батальйону Егерскаго Генерал-Адъютанта Князя Воронцова полка, съ надписью: «За взятіе приступомъ Ахульго 22-го августа 1839 и горы Анчимееръ 5-го іюня 1845; за походъ въ Анди въ іюнѣ и за взятіе Дарго 6-го іюля 1845 года». 2-му батальйону того-же полка, съ надписью: За взятіе приступомъ Ахульго 22-го августа 1839 и за походъ въ Анди въ іюнѣ 1845 года». Черноморскимъ Линѣйнымъ №№ 8 и 10-го батальйонамъ, съ надписью: «За отличіе въ войнахъ: съ Персіею 1826, 1827, и съ Турціею 1828 и 1829 годовъ». Финляндскимъ Линѣйнымъ №№ 5-го и 12-го батальйонамъ, съ надписью: «За отличіе въ войнѣ противъ Французовъ въ 1812, 1813 и 1814 годахъ».

Въ-замѣнъ имѣющихся въ войскахъ, безъ надписей: Штандарты: 1-му, 2-му и 3-му дивизіонамъ Драгунскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка. Знамена: 1-му и 2-му батальйонамъ Гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича полка. 1-му и 2-му батальйонамъ Егерскаго Фельдмаршала Князя Кутузова-Смоленскаго полка. 1-му, 2-му, 3-му и 4-му батальйонамъ Пѣхотнаго Генерал-Адъютанта Князя Волконскаго полка. 3-му и 4-му батальйонамъ Олонецкаго Пѣхотнаго полка. 1-му и 2-му батальйонамъ Нижегородскаго Пѣхотнаго полка. 1-му и 2-му батальйонамъ Костромскаго Егерскаго полка. 3-му и 4-му батальйонамъ Полтавскаго Пѣхотнаго полка. 3-му и 4-му батальйонамъ Елецкаго Пѣхотнаго полка. 1-му и 2-му батальйонамъ Егерскаго Генерал-Фельдмаршала Князя Варшавскаго Графа Паскевича-Эриванскаго полка. 1-му, 2-му и 4-му батальйонамъ Азовскаго Пѣхотнаго полка. 4-му батальйону Днѣпровскаго Пѣхотнаго полка. 1-му, 2-му и 4-му батальйонамъ Брестскаго Пѣхотнаго полка. 1-му и 4-му батальйонамъ Модлинскаго Пѣхотнаго полка. 1-му, 2-му и 3-му батальйонамъ Владимірскаго Пѣхотнаго полка. 3-му батальйону Суздальскаго Пѣхотнаго полка. 1-му, 2-му и 3-му батальйонамъ Московскаго Пѣхотнаго полка. 1-му, 2-му и 3-му батальйонамъ Егерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго

Князя Михаила Николаевича полка. 3-му батальйону Гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка. 1-му и 2-му батальйонамъ Тенгинскаго Пѣхотнаго полка. 1-му батальйону Ставропольскаго Егерскаго полка. 5-му батальйону Апшеронскаго Пѣхотнаго полка. 3-му батальйону Пѣхотнаго Генерал-Фельдмаршала Князя Варшавскаго Графа Паскевича-Эриванскаго полка. 5-му батальйону Егерскаго Генерал-Адъютанта Князя Воронцова полка. 2-му батальйону Минрельскаго Егерскаго полка. Финляндскимъ Линѣйнымъ №№ 2-го, 7-го и 9-го батальйонамъ. Неимѣвшимъ доселѣ знаменъ: Линѣйнымъ батальйонамъ: Грузинскому № 14-го и Черноморскому № 9-го.

Государь Императоръ изволитъ быть въ несомнѣнной увѣренности, что всѣ сіи войска, прослуживъ съ честію и славою полтора вѣка, будутъ и впредь отличаться тою-же вѣрною службою и тѣми-же подвигами, кои содѣлали Россійскую Армію достойною названія, указаннаго безсмертнымъ ея Основателемъ, Императоромъ Петромъ Великимъ.

При этомъ случаѣ Его Величество жалуетъ всѣмъ строевымъ и нестроевымъ нижнимъ чинамъ помянутыхъ батальйоновъ и дивизіоновъ по полтинѣ серебромъ на человѣка.

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Военнаго Министра, о дозволеніи принимать въ рекруты безъ зачета людей мѣрою не ниже 2-хъ аршинъ 2-хъ вершковъ, и соглашаясь съ заключеніемъ его, Министра, мнѣніемъ положилъ, въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить: 1) крѣпостные люди, какъ помѣщичьи, такъ и приписные и покупные къ фабрикамъ или заводамъ, отдаваемые въ военную службу за дурное поведеніе, безъ зачета рекрутъ, могутъ быть принимаемы въ военную службу ростомъ и менѣе противъ положеннаго въ Рекрутскомъ Уставѣ, не ниже однако-же 2-хъ аршинъ 2-хъ вершковъ, если возрастъ (Рекр. Уст. ст. 193 п. 4.) и всѣ прочія ихъ качества соотвѣтствуютъ правиламъ означеннаго Устава. 2) На семъ же основаніи принимаются безъ зачета за рекрутъ и люди свободнаго состоянія, принадлежащіе къ податнымъ сословіямъ, когда они представляются въ военную службу, по законнымъ приговорамъ ихъ обществъ, за дурное поведеніе. 3) Дозволеніемъ принимать безъ зачета

за рекрутъ людей меньшаго противъ положеннаго роста, не ниже однако-же 2-хъ аршинъ 2-хъ вершковъ, при отдачѣ такихъ людей въ военную службу помѣщиками или по приговорамъ обществъ, за дурное поведеніе, не измѣняются существующія узаконенія, коими предоставлено помѣщикамъ и обществамъ право переселять ихъ въ дальнія губерніи, и отдавать въ арестантскія роты для исправленія. (Высочайше утверждено 29 мая.)

— Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ Департаментахъ Гражданскомъ и Законовъ и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ дѣло, по разногласію изъ Общаго Собранія 4-го, 5-го и Межеваго Департаментовъ Правительствующаго Сената, о духовномъ завѣщаніи купеческаго сына Еврея *Лейбы Гордонова*, и сообразивъ возникшее въ Сенатѣ по сему дѣлу разномысліе съ законами, не нашелъ, ни въ изданныхъ особо о Евреяхъ постановленіяхъ, ни въ правилахъ о составленіи домашнихъ духовныхъ завѣщаній, запрещенія писать оныя на языкѣ еврейскомъ, или какомъ-либо другомъ, кромѣ русскаго. Дѣйствительно, примѣчаніе къ 836 ст. Св. Зак. Граж. (изд. 1842 года) могло возбудить нѣкоторое на сей счетъ сомнѣніе; но Главноуправляющій II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи объяснилъ, что означенное примѣчаніе внесено въ Сводъ Законовъ по слѣдующему, такъ сказать, частному случаю, скорѣе подтверждающему, нежели отвергающему право писать домашнія духовныя завѣщанія на всякомъ иностранномъ языкѣ. 6-мъ пунктомъ Высочайшаго, состоявшагося въ 25-й день іюня 1840 года Указа, о распространеніи силы и дѣйствія россійскихъ гражданскихъ законовъ на всѣ Западныя, возвращенныя отъ Польши Области, повелѣно: со времени обнародованія сего указа, всѣ дѣла производить и всѣ вообще акты и документы писать на русскомъ языкѣ, по правиламъ и образцамъ, въ общемъ Сводѣ Законовъ установленнымъ. При исполненіи сего возникъ вопросъ: должно ли домашнія духовныя завѣщанія писать также на русскомъ языкѣ? Вопросъ сей, по обсужденіи онаго въ Комитетѣ для разсмотрѣнія разныхъ предположеній по Западнымъ губерніямъ, разрѣшенъ, съ Высочайшаго, 29-го мая 1841 года, утвержденія, предписаніемъ мѣстнымъ начальствамъ означенныхъ губерній, чтобъ они, не воспрещая жителямъ оныхъ писать домашнія духовныя завѣщанія на томъ языкѣ, *на какомъ признаютъ для себя*

удобнѣе, давали дѣламъ по подобнымъ завѣщаніямъ, хотя бы онѣ писаны были и не на русскомъ языкѣ, законный ходъ, на основаніи общихъ постановленій, и сіе предписаніе въ тѣхъ же словахъ, вошло въ составъ примѣчанія къ 836 ст. Св Зак. Граж. (изд. 1842 г.) Прилагая сіе объясненіе историческаго основанія упомянутаго примѣчанія къ объявленнымъ въ Сенатѣ по дѣлу *Гордонова* разнымъ мнѣніямъ, Государственный Совѣтъ не могъ не найти въ томъ полнаго подтвержденія выраженной Г. Министромъ Юстиціи, въ предложеніи его Сенату, мысли, что домашнія духовныя завѣщанія получаютъ силу и значеніе публичныхъ актовъ, которые, по содержанію 6-го пункта Именнаго Указа 25-го іюля 1840 года, и въ Западныхъ губерніяхъ должны быть писаны на русскомъ языкѣ, лишь по представленіи оныхъ, послѣ смерти завѣщателя, къ засвидѣтельствованію въ Гражданскую Палату; до того же времени они, составляя тайну завѣщателя, не могутъ быть подчинены никакому распоряженію, подвергающему ихъ преждевременной огласкѣ. Сверхъ-того, усматривая изъ вышеприведеннаго Высочайшаго повелѣнія 1841 года, что встрѣтившееся по Западнымъ губерніямъ, вслѣдствіе особаго повелѣнія о повсемѣстномъ употребленіи тамъ русскаго языка, сомнѣніе, разрѣшено именно въ томъ смыслѣ, чтобъ жители оныхъ, въ числѣ которыхъ есть и Евреи, не были стѣсняемы въ употребленіи при составленіи домашнихъ духовныхъ завѣщаній того языка, какой они признаютъ для себя удобнѣе,—Государственный Совѣтъ, не только согласился съ заключеніемъ Г. Министра Юстиціи и Сенаторовъ, принявшихъ его предложеніе, что предъявляемыя въ Гражданскія Палаты завѣщанія, составленныя домашнимъ порядкомъ на еврейскомъ языкѣ, могутъ быть, при переводахъ на русскій языкъ, принимаемы къ явкѣ, но и призналъ, что даже тѣ, которыя представляются частными лицами безъ переводовъ, или присылаются также безъ переводовъ, изъ установленій, имѣвшихъ оныя у себя на сохраненія, какъ напримѣръ: изъ Опекунскаго Совѣта, должны быть принимаемы въ Гражданскихъ Палатахъ; но само собою разумѣется, что въ послѣднихъ случаяхъ завѣщанія сіи свидѣтельствуются по предварительномъ переводѣ оныхъ, по распоряженію самыхъ Палатъ. Вслѣдствіе сего, Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ: 1) предоставить Правительствующему Сенату дать знать

кому слѣдуетъ, что завѣщанія, составленныя домашнимъ порядкомъ на еврейскомъ языкѣ, должны быть принимаемы къ явкѣ, какъ тогда, когда они представляются при переводахъ на русскій языкъ, сдѣланныхъ въ какое-бы то ни было время, но вѣрность которыхъ надлежащимъ образомъ засвидѣтельствована, такъ и тогда, когда они представляются частными лицами или присылаются изъ Опекунскаго Совѣта и Попечительнаго Комитета Человѣколюбиваго Общества, безъ приложенія переводовъ; но въ сихъ послѣднихъ случаяхъ Гражданскія Палаты должны сами дѣлать распоряженія, до засвидѣтельствованія, о надлежащемъ переводѣ оныхъ на русскій языкъ; 2) на семъ основаніи разрѣшить и просьбу Еврейки *Гордоновой* о засвидѣтельствованіи оставшагося послѣ мужа ея духовнаго на еврейскомъ языкѣ завѣщанія, если къ тому не окажется другихъ законныхъ препятствій.

— Въ-слѣдствіе отношенія Рижскаго Военнаго, Лифляндскаго, Эстляндскаго и Курляндскаго Генерал-Губернатора, о дозволеніи рижскому купечеству собрать посредствомъ общественнаго займа по подпискѣ 1 милліонъ рублей серебромъ на устройство рижскаго порта, съ установленіемъ, для погашенія сего займа, временнаго въ Ригѣ четверть-процентнаго сбора съ цѣны привозныхъ и отвозныхъ товаровъ, и на основаніи объявленнаго Г. Министру Финансовъ, Г. Главноуправляющимъ Путями Сообщенія и Публичными Зданіями, въ отношеніи отъ 16 апрѣля сего года, Высочайшаго повелѣнія, о неотлагательномъ исполненіи, по изготовленному проекту, самыхъ необходимыхъ работъ въ рижскомъ портѣ, съ тѣмъ, чтобы работы сіи, на кои потребно 185 т. руб. сер., окончены были въ 1850 году, входилъ онъ, Г. Министръ Финансовъ, съ представленіемъ въ Комитетъ Гг. Министровъ, по положенію коего, Государь Императоръ, въ 30 день минувшаго мая, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Сборъ по подпискѣ рижскаго купечества, въ видѣ займа, ограничить на сей годъ 185 т. руб. серебр., исчисленными на необходимыя въ теченіе онаго работы для устройства рижскаго порта.

2) На погашеніе сего займа, равно и тѣхъ, кои впослѣдствіи могутъ оказаться нужными для приведенія рижскаго порта въ надлежащее устройство, установить, времен-

но, новый четверть-процентный сборъ съ цѣны привозныхъ и отвозныхъ въ томъ портѣ товаровъ, возложивъ взиманіе сего сбора на существующую въ Ригѣ Контору складокъ (Bewilligungs-Comptoir), на томъ-же основаніи, какъ сею Конторою взыскиваются уже въ пользу города два подобные четверть-процентные сбора съ привозныхъ и отвозныхъ товаровъ.

3) Предоставить рижскому Биржевому Комитету выпускать на означенный заемъ, по мѣрѣ дѣйствительнаго поступленія по оному въ сей Комитетъ денегъ, облигаціи въ 1,000 руб. сер. каждую, имѣющія приносить 5 процентовъ ежегодно.

4) Разрѣшить пріемъ сихъ облигацій въ залогъ въ Рижской Конторѣ Коммерческаго Банка, на томъ-же основаніи, какъ принимаются въ оной билеты Лифляндской, Эстляндской и Курляндской Кредитныхъ Кассъ.

— Государь Императоръ, по представленію Г. Министра Финансовъ и по положенію Комитета Гг. Министровъ, въ 30-й день мая сего года Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Дозволить Рижской Таможнѣ допускать въ текущемъ 1850 году съ разрѣшенія начальника Рижскаго Таможеннаго Округа, обратный вывозъ за границу, безъ выгрузки изъ судовъ, части или всѣхъ товаровъ, привозимыхъ въ Ригу и на такихъ судахъ, кои были назначены туда по документамъ.

и 2) Съ тѣхъ изъ сихъ судовъ, кои отойдутъ отъ рижскаго порта не оставивъ въ оном какой-либо части своихъ товаровъ и не нагрузивъ тамъ никакихъ товаровъ, для вывоза оныхъ за границу, взыскивать, въ текущемъ году, только тѣ корабельные сборы, платежу которыхъ подлежатъ въ Ригѣ суда, приходящія туда на спекуляцію или для пріисканія фрахта, если они не произведутъ въ Ригѣ никакой нагрузки или выгрузки товаровъ, и притомъ остановятся не ближе Болдераа.

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ внесенный, по Высочайшему повелѣнію, Главноуправляющимъ II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи журналъ Рекрутскаго Комитета, о дозволеніи помѣщикамъ перемѣнять ихъ рекрутъ нанятыми охотниками и зачетными квитанціями, *мнѣніемъ положилъ:* въ дополне-

ие статей 458 и 470 Уст. рек. (Св. Зак. т. IV) постановить: дозволяется помѣщику крѣпостныхъ его людей, въ рекруты, по объявленному набору, отданныхъ, перемѣнять не только крѣпостными-же своими, но и другими лицами, законно нанятыми изъ сословій, изъ коихъ дозволяется поступать въ рекруты за крестьянъ помѣщичьихъ (ст. 369, въ прим. по прод. V-му и въ дополн. по прод. VII), и сверхъ того на зачетныя квитанціи, съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: 1) если возвращаемый отданъ въ рекруты не по суду, въ наказаніе за какое-либо преступленіе или проступокъ; и 2) если, при перемѣнѣ на наемника или на иное избранное помѣщикомъ лицо, или-же на зачетную квитанцію возвращаемый не отправленъ еще съ мѣста набора, т. е. изъ своей губерніи, въ назначенное ему мѣсто службы или мѣсто распредѣленія по полкамъ и командамъ. При сихъ условіяхъ перемѣна натурою совершается порядкомъ, указаннымъ въ статьѣ 471, а перемѣна на квитанцію по ст. 468. Высочайше-утверждено 5 іюня.

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Экономіи и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министра Государственныхъ Имуществъ, объ измѣненіи порядка передачи участковъ земли, раздаваемыхъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ въ чиншевое пользованіе въ окрестностяхъ С.-Цетербурга, мнѣніемъ, Высочайше-утвержденнымъ въ 6 день минувшаго іюня, положилъ: 1) Въ дополненіе къ формѣ условій на отдачу отъ Лѣснаго и Межеваго Института частнымъ лицамъ мѣстъ, лежащихъ на нагорныхъ, принадлежащихъ ему земляхъ, (Св. Зак. том. VIII уст. лѣсн., прилож. къ ст. 386, по 9 продолж.) постановить слѣдующія правила: «1) Владѣлецъ участка, желающій передать оный другому, долженъ обращаться къ Начальству Института, съ просьбою о выдачѣ ему свидѣтельства въ томъ, что имъ за передаваемый участокъ поземельныя деньги внесены, всѣ прочія обязанности исполнены, и къ передачѣ онаго другому лицу препятствія не имѣется. Такія свидѣтельства выдаются Хозяйственнымъ Комитетомъ Института. 2) По полученіи свидѣтельствъ, владѣльцы входятъ съ просьбами о передачѣ участка въ подлежащія судебныя мѣста, которыя совершаютъ оную, на основаніи общихъ узаконеній о пріобрѣтеніи недвижимой собственности. 3) По сей передачѣ пользованіе землею не-

реходитъ къ новому владѣльцу, съ тѣми-же условіями и обязанностями, съ какими она была предоставлена первому пріобрѣтателю, что и объясняется въ самомъ крѣпостномъ актѣ. 4) О каждой передачѣ судебное мѣсто, совершившее актъ, увѣдомляетъ Хозяйственный Комитетъ Института, для свѣдѣнія и наблюденія за исправнымъ исполненіемъ новымъ владѣльцемъ всѣхъ сопряженныхъ съ владѣніемъ пріобрѣтеннаго имъ участка обязанностей. II.) Распространивъ сей порядокъ передачи участковъ отъ одного владѣльца къ другому и на участки, раздаваемые частнымъ лицамъ, на основаніи Высочайше-утвержденныхъ, въ 29 день апрѣля 1846 года, правилъ за Московскою-заставою, предоставить Министру Государственныхъ Имуществъ, означенныя правила, допущенныя въ 1846 году въ видѣ опыта, съ утвержденнымъ нынѣ дополненіемъ, представить въ Правительствующій Сенатъ, для распубликованія». Г. Управляющій Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ о вышеизложенномъ донесъ Правительствующему Сенату, съ приложеніемъ копіи съ Высочайше-утвержденныхъ 29 апрѣля 1846 г. и пополненныхъ настоящимъ постановленіемъ, правилъ отдачи участковъ за Московскою заставою, для зависящихъ распоряженій къ распубликованію какъ сихъ правилъ, такъ и дополненія къ формальнымъ условіямъ отдачи участковъ отъ Лѣснаго и Межеваго Института.

ПРОЕКТЪ

ПРАВИЛЪ О РАЗДАЧѢ ВЪ ЧАСТНОЕ ПОЛЬЗОВАНІЕ УЧАСТКОВЪ ЗЕМЛИ, НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ ЧЕРТѢ ГОРОДА С.-ПЕТЕРБУРГА, ЗА ЛИГОВСКИМЪ-КАНАЛОМЪ, ПО ОБѢ СТОРОНЫ МОСКОВСКАГО ШОССЕ, ЗА ЗАСТАВОЮ.

Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ отдаются участки земли, находящейся въ чертѣ города, въ Каретной-Части, за Лиговскимъ-каналомъ, по обѣ стороны Московскаго-шоссе, въ вѣчное и потомственное пользованіе и полное распоряженіе.

1) Земля эта на планѣ раздѣлена на 106 участковъ, изъ коихъ значущіеся подъ №№ отъ 3 до 25 и отъ 26 до 39-го, какъ прилегающіе къ шоссе и потому удобные для дачь и вообще подъ жилыя строенія, составляютъ I раз-

рядъ; за тѣмъ отдаленные отъ шоссе участки, подъ №№ отъ 1 и 2 до 21 и 22, и отъ 40 и 41 до 56, и отъ 57 до 71 и 72, составляютъ II разрядъ, а остальные, еще далѣе отъ шоссе находящіеся участки, подъ №№ 73 до 86 и отъ 87 до 106, составляютъ III разрядъ.

2) Участки 1-го разряда, прилегающіе къ шоссе, должны быть застроены домами каменными или деревянными; дозволяется устроивать и дачи съ садами, а также фабрики, заводы, кромѣ такихъ, которые даютъ сильный запахъ и въ срединѣ городовъ не допускаются. Постройки должны быть начаты въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ пользованія участкомъ.

3) На всѣхъ остальныхъ за тѣмъ участкахъ 2-го и 3-го разрядовъ предоставляется на волю, въ теченіе 25 лѣтъ, считая съ 1847 года, возводить строенія или употреблять землю для садовъ, огородовъ, пашенъ и сѣнокосовъ, съ условіями, о коихъ ниже сего будетъ сказано; по истеченіи-же 25 лѣтъ и эти участки должны быть непремѣнно застроены, подобно участкамъ разряда 1-го.

4) Примѣняясь къ Высочайше-утвержденнымъ условіямъ, на отдачу земель за Лѣснымъ и Межевымъ Институтомъ, помѣщеннымъ Св. Зак. т. VIII. устав. Лѣснаго въ прилож. къ ст. 493, взявшимъ участки въ свое пользованіе во всѣхъ 3-хъ разрядахъ, предоставляются льготы въ теченіе 25 лѣтъ, считая съ 1-го января 1847 года, а именно: они освобождаются отъ постоя, отъ платежа въ пользу города поземельныхъ денегъ и оцѣночнаго съ домовъ сбора, а также отъ дѣланія каменной мостовой противъ своего участка. По истеченіи-же сего срока, всѣ могущія быть казенныя, городскія и другія повинности содержатели участковъ платятъ отъ себя.

5) На участкахъ 1-го разряда, прилегающихъ къ шоссе, воспрещается выводить вдоль онаго высокіе досчатые глухіе заборы; если-же построенные дома будутъ нѣсколько отодвинуты отъ дороги, то дѣлать рѣшетки, палисадники, частоколы, или-же живую изгороду. Заборы въ другихъ мѣстахъ зависятъ отъ усмотрѣнія хозяевъ. Домы позволяется устраивать не иначе, какъ переднимъ фасомъ къ шоссе или другой дорогѣ, къ которой прилегаетъ участокъ; къ представленію фасада домовъ на утвержденіе содержатели не обязываются, выборъ зависитъ отъ нихъ самихъ. Само собою разумѣется, что фасады строеній по обѣ стороны

шоссе, пролегающаго въ городской чертѣ, должны имѣть приличный видъ.

6) Содержатели участковъ обязываются поддерживать и исправлять дорогу, канавы и мостики на прилежащей къ ихъ усадьбамъ половинѣ дороги, кромѣ Московскаго-шоссе, котораго починка и содержаніе зависятъ отъ Правительства. Они могутъ на своихъ участкахъ выкопать канавы по своему усмотрѣнію, но таковыя должны быть для стока воды проведены подъ дорогами, кромѣ шоссе, посредствомъ трубъ, на коштъ содержателей-же. Равномѣрно, если чрезъ участокъ проходитъ общій осушительный каналъ, то содержатели обязываются его также поддерживать и исправлять на своей землѣ, а не засорять и не запруживать.

7) Содержатели участковъ, которые не прилегаютъ къ шоссе, и отнесены ко 2 и 3 разрядамъ, если не пожелаютъ строиться, а займутъ участки подъ огороды, пашни, сѣнокосы и т. п., обязаны не допускать, чтобы земля обратилась опять въ болотное состояніе, и для того они должны удобрять оную, по малой мѣрѣ, въ три года одинъ разъ, чего требуетъ мѣстное свойство почвы. Кромѣ-того, по-крайней-мѣрѣ, одинъ разъ въ теченіе четырехъ лѣтъ земля должна быть непремѣнно перепахана и тщательно воздѣлана, какъ это донынѣ соблюдалось, а гдѣ свойство почвы того потребуетъ, тамъ перепашку производить чрезъ каждые два года. Со стороны Министерства Государственныхъ Имуществъ будетъ надлежащее за исполненіемъ таковаго условія наблюденіе, и если окажется, что земля оставляется въ запущеніи, то участокъ отбирается въ распоряженіе Министерства, для приведенія онаго въ порядокъ, какъ ниже сего сказано въ пун. 10.

8) Содержатели участковъ обязываются вносить за пользованіе оными, навсегда опредѣленную сумму, произведя первую уплату, сколько причитаться будетъ по 1-е января слѣдующаго года, при совершеніи акта, а потомъ всегда за годъ впередъ, не позже 10 числа января. Особыхъ залоговъ въ платежѣ сихъ денегъ не требуется.

9) Свидѣтельство на вѣчное пользованіе участкомъ, съ прописаніемъ сихъ условій, будетъ выдано изъ Департамента Сельскаго Хозяйства Министерства Государственныхъ Имуществъ, на гербовой бумагѣ въ 90 к. сер. листъ, безъ платежа крѣпостныхъ пошлинъ. При чемъ каждому содержателю будетъ выданъ безденежно и планъ участку.

10) Отданное въ содержаніе мѣсто остается въ неприкосновенномъ пользованіи содержателя или другихъ лицъ, которыя на оное пріобрѣтутъ законное право, доколѣ исправно уплачиваемы будутъ поземельныя деньги; въ случаѣ-же неисправнаго платежа за три года, если до истеченія оныхъ не пополнится весь долгъ съ указными процентами, мѣсто отбирается въ распоряженіе Министерства Государственныхъ Имуществъ, безъ всякаго судебнаго производства, полицейскимъ порядкомъ, со всѣми строеніями или заведеніями, на ономъ находящимися, кромѣ движимой собственности содержателя, безъ всякихъ разсчетовъ и безъ возмездія.—Сіе относится и къ тому случаю, если содержатель окажется неисправнымъ въ исполненіи какого-либо пункта сихъ условій.

11) Владѣлецъ участка, желающій передать оный другому, долженъ обращаться въ Департаментъ Сельскаго Хозяйства съ просьбою о выдачѣ ему свидѣтельства въ томъ, что имъ за передаваемый участокъ поземельныя деньги внесены, всѣ прочія обязанности исполнены и къ передачѣ онаго другому лицу препятствія не имѣется.

12) По полученіи изъ Департамента свидѣтельства, владѣльцы входятъ съ просьбами о передачѣ участка въ подлежащія судебныя мѣста, которыя совершаютъ оную на основаніи общихъ узаконеній о пріобрѣтеніи недвижимой собственности.

13) По сей передачѣ пользованіе землею переходитъ къ новому владѣльцу, съ тѣми же условіями и обязанностями, съ какими она была предоставлена первому пріобрѣтателю, что и объясняется въ самомъ крѣпостномъ актѣ.

14) О каждой передачѣ судебное мѣсто, совершившее актъ, увѣдомляетъ мѣсто, выдавшее свидѣтельство, т. е. Департаментъ Сельскаго Хозяйства, для свѣдѣнія и наблюденія за исправнымъ исполненіемъ новымъ владѣльцемъ всѣхъ сопряженныхъ съ владѣніемъ пріобрѣтеннаго имъ участка, обязанностей.

Высочайше одобренъ 29 апрѣля 1846 г. и исправленъ по положенію Государственнаго Совѣта, Высочайше-утвержденному 5 іюня 1850 года.

— Вслѣдствіе Высочайше-утвержденнаго, въ 26 день апрѣля 1848 года, мнѣнія Государственнаго Совѣта о нояненіи и измѣненіи статей 1511 и 1514 Устава Лѣснаго, Свода Законовъ тома VIII, относительно уменьшенія денеж-

ныхъ взысканій за самовольныя порубки маломѣрнаго дубоваго лѣса въ казенныхъ и крестьянскихъ дачахъ, Министръ Государственныхъ Имуществъ, по взаимному соглашенію съ Министромъ Финансовъ, входилъ съ представленіемъ, отъ 8 мая сего года, въ Комитетъ Гг. Министровъ о томъ, чтобы всѣ до того времени невзысканные съ государственныхъ крестьянъ денежные штрафы за самовольныя порубки дубовыхъ деревъ, исчисленные по прежнимъ постановленіямъ, со счетовъ сложить, оставя взысканіе только однѣхъ попенныхъ или посаженныхъ денегъ, по продажнымъ таксамъ, согласно состоявшемуся на будущее время Высочайшему повелѣнію. Комитетъ Гг. Министровъ отъ 6 іюня сего года сообщилъ Управляющему Министерствомъ, что на заключеніе Министра Государственныхъ Имуществъ, утвержденное Комитетомъ, послѣдовало Высочайше соизволеніе 16 минувшаго мая.

— Военный Совѣтъ, разсмотрѣвъ внесенное въ оный ходатайство Его Императорскаго Высочества, блаженной памяти, Великаго Князя Михаила Павловича, изъясненное въ отношеніи отъ 24 марта 1849 года, № 161, объ опредѣленіи Преподавателей въ Сибирскій Кадетскій Корпусъ, безъ назначенія имъ особаго испытанія, и вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Совѣта о Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ, одобреннымъ Его Высочествомъ, положилъ: опредѣлять Преподавателями въ Сибирскій Кадетскій Корпусъ окончившихъ курсъ наукъ въ одномъ изъ Россійскихъ Университетовъ и получившихъ одобрительный аттестатъ, не подвергая ихъ особому испытанію, назначенному ст. 377 кн. 1 част. 2 Свод. Воен. Пост. для преподавателей, поступающихъ на службу въ Военно-Учебныя Заведенія.

Государь Императоръ таковое положеніе Военнаго Совѣта, въ 6 день іюня сего года, Высочайше утвердить соизволилъ.

— Г. Военный Министръ отношеніемъ 7-го минувшаго іюня увѣдомилъ Г. Управляющаго Министерствомъ Юстиціи, что Государь Императоръ Высочайше соизволилъ повелѣть, чтобы о переводахъ и назначеніяхъ военно-служащихъ въ постороннія вѣдомства, Гг. Главнокомандующими сими послѣдними, предварительно испрошенія на то Всемилостивѣйшаго соизволенія, дѣлаемо было сношеніе съ Военнымъ Министерствомъ.

— Государственный Совѣтъ въ Соединенныхъ Департаментахъ Законовъ и Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, разсмотрѣвъ представленіе Министра Юстиціи о правилахъ для размежеванія земель въ государствѣ, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ статей Свода Межевыхъ Законовъ постановить:

1) Посредникъ можетъ, по согласію владѣльцевъ, приступать къ составленію полюбовной сказки и безъ предварительнаго снятія дачи на планъ, если сіе окажется удобнымъ, и въ семъ случаѣ представляетъ полюбовную сказку въ Уѣздный Судъ, безъ особаго нарѣзочнаго плана, но токмо съ назначеніемъ въ натурѣ границъ предположеннымъ участкамъ. По дачамъ-же, состоящимъ во владѣніи частныхъ лицъ, обще съ крестьянами разныхъ казенныхъ вѣдомствъ, Посредникъ обязанъ непремѣнно дѣлать распоряженіе о снятіи таковой дачи на планъ, чрезъ землемѣровъ тѣхъ вѣдомствъ, или за неимѣніемъ ихъ, и чрезъ частныхъ землемѣровъ.

2) По соглашенію владѣльцевъ на полюбовный разводъ, Посредникъ, и безъ участія казеннаго землемѣра, можетъ приступить къ составленію полюбовнаго акта, если на сіе будетъ изъявлено отъ всѣхъ участвующихъ согласіе.

3) Если владѣльцы, по общему согласію, признаютъ нужнымъ, для поясненія или исправленія составленнаго ими о миролюбномъ разводѣ акта сдѣлать дополнительную полюбовную сказку, то оная представляется на утвержденіе Уѣзднаго Суда, по установленному, въ 1053 и 1062 ст. Св. Меж. Зак., порядку.

4) Посредникъ, независимо отъ возложенныхъ на него обязанностей, по соглашеніи владѣльцевъ къ полюбовному размежеванію, долженъ, если кто-либо изъ владѣльцевъ того пожелаетъ, наблюдать также и за дѣйствительнымъ размежеваніемъ въ натурѣ самыхъ дачъ, и стараться отклонять всѣ могущія встрѣтиться въ исполненіи полюбовнаго акта затрудненія.

5) Посредники состоятъ въ вѣдѣніи губернскихъ Посредническихъ Коммиссій, и получаютъ отъ нихъ предписанія и разрѣшенія по всѣмъ предметамъ, до обязанности ихъ относящимся. Жалобы на неправильныя дѣйствія Посредниковъ приносятся въ тѣ Коммиссіи, которыя по истребованіи отъ нихъ объясненій, если признаютъ оныя уважительными, подвергаютъ Посредниковъ установленнымъ 230 ст.

Учрежд. губ. (Св. Законовъ, тома II) взысканіямъ, съ утвержденія Начальника губерніи.

II. На основаніи предположенныхъ Центральнымъ Комитетомъ, по соглашенію съ Товарищемъ Министра Государственныхъ Имуществъ, правилъ относительно полюбовныхъ соглашеній по дачамъ, во владѣніи которыми участвуютъ, съ другими владѣльцами, и государственные крестьяне, составивъ особую Инструкцію для руководства Палатамъ Государственныхъ Имуществъ и назначаемымъ отъ нихъ къ полюбовному размежеванію Уполномоченнымъ, поднести оную, при меморіи Государственнаго Совѣта, на Высочайшее благоусмотрѣніе.

III. Поручить Министру Юстиціи, по соглашеніи сдѣланныхъ Центральнымъ Комитетомъ предположеній о понудительномъ размежеваніи съ постановляемыми нынѣ Государственнымъ Совѣтомъ основаніями, составить подробныя правила понудительнаго, т. е. судебнаго межеваго разбирательства, для руководства судебныхъ мѣстъ при разсмотрѣніи имѣющихъ поступить въ оныя дѣлъ, и по сношенію съ Главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, внести оныя на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта въ скорѣйшемъ, по возможности, времени.

IV. Согласно съ предположеніемъ Министра Юстиціи, вопросъ о недѣлимости населенныхъ недвижимыхъ имуществъ, предоставить окончательному соображенію Главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, по сношеніи съ нимъ, Министромъ Юстиціи, и Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. (Высочайше утверждено 12 іюня).

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Экономіи и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министра Финансовъ объ отмѣнѣ наименованія Управъ Благочинія по частнымъ горнымъ заводамъ, *мнѣніемъ положилъ:* представленіе сіе утвердить, и вслѣдствіе того, въ примѣчаніи къ ст. 336 уст. гор. Св. Зак. т. VII (по IX продолж.) объяснить, что по казеннымъ горнымъ заводамъ названіе Управы Благочинія замѣнено общимъ наименованіемъ Заводской Полиціи, и за тѣмъ силу онаго распространить равномѣрно и на 754, 755, 759, 760, 1,494, 1,496 и 1,498 ст.

означеннаго Горнаго Устава, до частныхъ горныхъ заводовъ относящіяся. Высочайше-утверждено 12 іюня.

— Государь Императоръ, по возникшему вопросу, какъ слѣдуетъ поступать при выдачѣ аттестатовъ изъ Императорской Академіи Художествъ лицамъ казачьяго происхожденія, бывшимъ въ числѣ вольноприходящихъ учениковъ Академіи, Высочайше повелѣть соизволилъ, въ 15 день іюня: такъ какъ закономъ дозволено казачьимъ войскамъ, во уваженіе той пользы, которую они пріобрѣтаютъ, имѣть своихъ урожденцевъ въ числѣ вольноприходящихъ учениковъ Академіи Художествъ; а при выдачѣ имъ аттестатовъ въ томъ обширномъ смыслѣ правъ, какія Всемилостивѣйше дарованы Академіи Высочайшимъ Манифестомъ 11-го ноября 1764 года, послѣдовало-бы противурѣчіе съ коренными казачьими постановленіями, обязывающими урожденцевъ войска служить въ своемъ войскѣ; то принять за правило, чтобы во всѣхъ случаяхъ, касающихся классныхъ или неклассныхъ Художниковъ Академіи, изъ урожденцевъ казачьихъ войскъ, при утвержденіи ихъ Общимъ Академическимъ Собраніемъ, выдавались аттестаты, съ прописаніемъ въ самыхъ аттестатахъ, что, по принадлежности къ казачьему сословію, удостоенный долженъ оставаться въ своемъ войскѣ навсегда, съ потомствомъ, и подчиняться всѣмъ правиламъ, какія установлены для казачьихъ войскъ.

— Государь Императоръ, въ примѣненіи къ порядку выдачи патентовъ на военные чины, іюня 15, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Патенты гражданскимъ чиновникамъ, производимымъ въ чины приказами по военному вѣдомству, заготовлять въ Военной Типографіи, по особо-утвержденнымъ образцамъ.

2) Патенты для сихъ лицъ, на чины первыхъ четырехъ классовъ, представлять къ Высочайшему подписанію, и контрасигнировать Военному Министру; на чинъ Статскаго Совѣтника подписывать Военному Министру и Дежурному Генералу Главнаго-Штаба Его Императорскаго Величества, за скрѣпою Вице-Директора Инспекторскаго Департамента Военнаго Министерства; на всѣ прочіе чины отъ 6-го до 14-го класса включительно, подписывать Дежурному Генералу и Вице-Директору помянутаго Департамента, за скрѣпою Начальника того Отдѣленія, въ которомъ производят-

ся дѣла по завѣдыванію личнымъ составомъ гражданскихъ чиновъ военнаго вѣдомства.

3) Всѣмъ мѣстамъ военнаго вѣдомства относиться впредь о высылкѣ патентовъ въ Инспекторскій Департаментъ Военнаго Министерства, съ препровожденіемъ денегъ, опредѣленныхъ за пергаментъ и печатаніе патентовъ.

4) Тѣмъ чиновникамъ, коихъ деньги, слѣдующія за напечатаніе патентовъ, отосланы уже въ Типографію Правительствующаго Сената, выдать патенты отъ Правительствующаго Сената, на прежнемъ основаніи.

— Г. Статс-Секретарь Гофманъ отношеніемъ отъ 16 минувшаго іюня сообщилъ Г. Управляющему Министерствомъ Юстиціи, что Государь Императоръ, согласно съ ходатайствомъ Совѣта состоящаго подъ непосредственнымъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Патріотическаго Института, Высочайше изволилъ повелѣть: назначить Членомъ Учебнаго Комитета, учрежденнаго при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, для наблюденія за ходомъ учебной части въ подвѣдомственныхъ Отдѣленію сему учебныхъ заведеніяхъ, Инспектора классовъ помянутаго Института, для единообразнаго направленія и усовершенствованія умственнаго образованія воспитанницъ онаго, на тѣхъ-же самыхъ началахъ, кои приняты по женскимъ учрежденіямъ Императрицы Маріи.

— Г. Статс-Секретарь Гофманъ сообщилъ Г. Управляющему Министерствомъ Юстиціи, что по всеподданнѣйшему его докладу ходатайства Главнаго Совѣта Женскихъ Учебныхъ Заведеній, Государь Императоръ, въ 17 день іюня сего года, Высочайше повелѣть изволилъ: должностямъ Инспекторовъ классовъ помянутыхъ заведеній, кои, по Высочайше-утвержденному въ 1835 году общему росписанію должностей гражданской службы, отнесены къ VIII классу, присвоить высшіе классы съ причисленіемъ, сообразно съ разрядами заведеній: Инспектора Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, которое одно принадлежитъ къ 1-му Отдѣленію I-го разряда заведеній, къ V классу, наравнѣ съ Инспекторомъ Императорскаго Александровскаго Лицея; Инспекторовъ Женскихъ Учебныхъ Заведеній 2-го Отдѣленія I-го разряда и Сиротскихъ Институтовъ Воспитательныхъ Домовъ къ VI классу, наравнѣ съ

Инспекторами Военно-Учебныхъ Заведеній; Инспекторовъ-же Женскихъ Учебныхъ Заведеній II-го разряда, для соблюденія постепенности, къ VII классу. При чемъ, предоставленное въ 1843 г. Инспекторамъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и С.-Петербургскаго Училища Ордена Св. Екатерины право на производство тремя чинами выше присвоеннаго должности ихъ, Высочайше повелѣно отмѣнить.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было изъявить Всемилостивѣйше соизволеніе на отнесеніе къ VI классу, вмѣсто VIII, и должностей Инспекторовъ классовъ Мужскихъ Заведеній вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, именно: Гатчинскаго Сиротскаго Института, С.-Петербургскаго и Московскаго Коммерческихъ Училищъ и Маріинскаго Межеваго Училища.

— Рижскій Военный Губернаторъ, Лифляндскій, Эстляндскій и Курляндскій Генералъ-Губернаторъ, сообщая г-ну Министру Финансовъ о затрудненіи составлять въ Остзейскихъ губерніяхъ ревизскія сказки по-русски, ходатайствовалъ о дозволеніи писать означенныя сказки въ тѣхъ губерніяхъ на нѣмецкомъ языкѣ, на печатныхъ бланкахъ съ русскими заголовками, и подписывать оныя мірскимъ Судамъ. По сему предмету, онъ, Г. Министръ Финансовъ, входилъ въ Комитетъ Гг. Министровъ съ представленіемъ. Нынѣ Управляющій дѣлами Комитета Гг. Министровъ, выпискою изъ журналовъ онаго отъ 6 до 20 ч. іюня, сообщилъ ему къ исполненію, что Комитетъ, принимая во вниманіе причины, изложенныя въ означенномъ представленіи Генералъ-Адъютанта Князя Суворова, полагалъ: представленіе его по упомянутому предмету утвердить, поручивъ ему стараться всѣми средствами, дабы, на будущее время, при подобныхъ случаяхъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, былъ употребляемъ русскій языкъ и чтобы къ 10-й народной переписи были приготовлены тамъ лица, могущія составлять ревизскія сказки на русскомъ языкѣ, по общепринятому во всей Имперіи порядку. На таковое положеніе Комитета Государь Императоръ Высочайше соизволилъ.

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ переданное, по Высочайшему повелѣнію, изъ Комитета Министровъ представленіе Управляющаго Министерствомъ Юстиціи о порядкѣ

свидѣтельствованія денежныхъ суммъ въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ, *нынѣмъ подлежалъ* въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить: что обыкновенное срочное свидѣтельство денежныхъ суммъ и казеннаго имущества во всѣхъ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ должно быть производимо непремѣнно въ теченіе первыхъ трехъ присутственныхъ (не табельныхъ) дней каждаго мѣсяца; распредѣленіе-же дней для произведенія таковаго свидѣтельства въ присутственныхъ мѣстахъ предоставляется усмотрѣнію Начальника губерніи. Высочайше-утверждено 26 іюня.

— Г. Статс-Секретарь Гофманъ, отъ 27 минувшаго іюня, сообщилъ Г. Управляющему Министерствомъ Юстиціи, что Государь Императоръ, согласно ходатайству Московскаго Военнаго Генерал-Губернатора, Высочайше повелѣть изволилъ: должность Архитектора при тамошней Градской Больницѣ отнести, по общему росписанію должностей гражданскихъ, къ IX классу, по пенсіи къ VI и по мундиру къ X разряду.

— Министръ Императорскаго Двора, отъ 30 іюня 1850 г., сообщилъ Г. Управляющему Министерствомъ Юстиціи, что по Высочайше-утвержденному Положенію Императорской Петергофской гранильной фабрики, ей предоставлено право на отысканіе и добычу цвѣтныхъ камней на казенныхъ земляхъ въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ. Нынѣ, по всеподданнѣйшему его, Князя Волконскаго, докладу, Государь Императоръ повелѣть соизволилъ: распространить означенное право Петергофской гранильной фабрики на Забайкальскій край и прочія части Сибири.

— Согласно указу Правительствующаго Сената, отъ 24 числа истекшаго іюня, по предмету допущенія помѣщиковъ, отдавшихъ винокуренные заводы и питейныя заведенія въ аренду, къ содержанію акцизныхъ откуповъ, г. Министръ Финансовъ вносилъ представленіе въ Комитетъ Гг. Министровъ съ такимъ заключеніемъ: дозволить владѣльцамъ заводовъ, которые ни куреніемъ на нихъ вина, ни выдѣлкою, ни продажею питей сами не занимаются, а отдаютъ оные въ арендное содержаніе другимъ лицамъ, съ правомъ распоряжать оными по собственному сихъ послѣднихъ усмотрѣнію, брать лично, или чрезъ повѣренныхъ, въ содер-

жаніе акцизные откупа и въ предѣлахъ тѣхъ губерній, гдѣ принадлежатъ имъ въ собственность заводы, съ тѣмъ, чтобы, для отвращенія всякихъ при томъ злоупотребленій, распространить мѣру сію на тѣхъ лишь владѣльцевъ, которые винокуренные заводы свои отдали въ арендное содержаніе до изданія Положенія 23 ноября 1849 г., и съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы такіе владѣльцы, вступивъ въ откупъ, во все продолженіе срока онаго, ни на свое, ни на чужое имя, въ предѣлахъ той губерніи, гдѣ откупъ находится, не производили винокуренія, не выдѣлывали хлѣбныхъ водокъ и не занимались продажею питей, подъ строжайшею, въ противномъ случаѣ, отвѣтственностію, какъ за подлогъ.—Нынѣ Г. Управляющій дѣлами Комитета Гг. Министровъ сообщилъ ему, Г. Министру Финансовъ, выписку изъ журнала Комитета, изъ коей видно: а) что Комитетъ полагалъ означенное заключеніе его утвердить, и б) что Государь Императоръ, на журналѣ Комитета, 4 числа сего іюля, Высочайше соизволилъ написать Собственноручно: «согласенъ».

— По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, въ Особомъ Присутствіи, учрежденіемъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія 15 мая 1850 года, для производства торговъ на питейные съ 1851 по 1855 годъ откупа, слушали представленіе Г. Министра Финансовъ по предмету допущенія къ торгамъ на содержаніе акцизныхъ сборовъ въ 16 привиллегированныхъ губерніяхъ, дворянъ, имѣющихъ въ тѣхъ губерніяхъ винокуренные заводы, приказали: Признавая, согласно съ заключеніемъ Г. Министра Финансовъ, нисколько непротивнымъ разуму акцизнаго положенія дозволеніе помѣщикамъ 16 привиллегированныхъ губерній участвовать во всѣхъ акцизныхъ откупахъ той-же губерніи, гдѣ у нихъ нѣтъ винокуренныхъ заводовъ, сообразно тому, какъ по смыслу § 5 Положенія 23 ноября 1849 г., совмѣстное содержаніе откуповъ акцизнаго и чарочнаго одному и тому-же лицу воспрещено лишь въ предѣлахъ одной и той-же губерніи,—Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: дать знать о семъ Губернскимъ Правленіямъ тѣхъ губерній, для объявленія къ общему свѣдѣнію, а Казеннымъ Палатамъ — для свѣдѣнія и руководства, и припечатать въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ.

— Въ видахъ облегченія транзитнаго отправленія товаровъ изъ Европы въ Закавказскій край, сдѣлано распоряженіе, по сношенію съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, чтобы на будущее время было взимаемо за приложеніе консульскихъ пломбъ къ товарнымъ мѣстамъ, отправляемымъ транзитомъ чрезъ Закавказскій край въ Персію, вмѣсто 30 к. сер. за каждое мѣсто, только по пяти копѣекъ серебромъ съ каждаго ящика и небольшаго тюка; за приложеніе-же пломбъ къ бочкамъ будетъ взиматься прежній тридцати-копѣечный сборъ.

— Указомъ Правительствующаго Сената, отъ 28 февраля 1838 года, поставлено въ обязанность Цензурнымъ Комитетомъ и отдѣльнымъ Цензорамъ доставлять въ библіотеку Генеральнаго Штаба по два экземпляра всѣхъ сочиненій, выходящихъ въ Имперіи, по части топографіи, статистики, географіи, путешествій, военной исторіи и вообще всѣхъ изданій, до какой-либо части военнаго искусства относящихся, не включая въ число сіе только сочиненія чисто литературныя, историческія и съ военнымъ ремесломъ никакой связи неимѣющія. Со времени обнародованія этого указа, основаннаго на Высочайшемъ Его Величества повелѣніи, какъ извѣстно Правительствующему Сенату изъ рапорта Г. Военнаго Министра, отъ 23 января 1836 года, за № 272, Цензурные Комитеты и сами издатели не исполняютъ предписаннаго въ надлежащей точности, и въ библіотеку Генеральнаго-Штаба книги по вышеупомянутымъ предметамъ поступаютъ въ весьма-маломъ количествѣ, собственно по недоразумѣнію Цензурныхъ Комитетовъ относительно истребованія отъ издателей по точному смыслу указа 28 февраля 1838 года сочиненій математическихъ и другихъ, имѣющихъ связь съ военными науками. Во избѣжаніе таковыхъ недоразумѣній, 30 минувшаго апрѣля, онъ, Г. Военный Министръ, входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Государю Императору, и Его Величество Высочайше повелѣть соизволилъ, въ дополненіе указа Правительствующаго Сената, 28 февраля 1837 года, объявить во всеобщее свѣдѣніе, къ точному и непремѣнному исполненію, чтобы въ библіотеку Генеральнаго-Штаба доставляемы были безденежно по два экземпляра книгъ, относящихся до географіи физической, математической, политической и военной, топографіи, путешествій, стати-

стики, археографіи, исторіи политической, естественной и военной, физики, химіи, математики чистой и прикладной, астрономіи, фортификаціи, артиллеріи и вообще сочиненій, входящихъ въ обширный кругъ военныхъ познаній, исключая только сочиненій чисто-литературныхъ, какъ-то: стихотвореній, повѣстей и романовъ. О таковой Монаршей волѣ, онъ, Военный Министръ, доводя до свѣдѣнія Правительствующаго Сената, для объявленія оной во всеобщее издателей свѣдѣніе установленнымъ порядкомъ, долгомъ считаетъ покорнѣйше просить, чтобы вмѣстѣ съ симъ Сенатъ не оставилъ поставить въ обязанность Цензурнымъ Комитетамъ и отдѣльнымъ Цензорамъ, отмѣчать на поступающихъ въ Цензуру рукописяхъ: слѣдуетъ-ли таковыя, по изданіи, высылать, на сказанномъ основаніи, въ библіотеку Генеральнаго-Штаба, дабы сею мѣрою отвратить недоразумѣнія типографій и самыхъ издателей, на счетъ того, какія именно сочиненія по роду своему подлежатъ безденежному доставленію въ упомянутую библіотеку; самое-же доставленіе оныхъ возложить на сказанные Комитеты и Цензоровъ, согласно съ тѣмъ, какъ сіе опредѣлено для другихъ мѣстъ, Цензурнаго Устава глав. 1 отд. IV, ст. 52.

— Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія сообщилъ Г. Управляющему Министерствомъ Юстиціи, что Государь Императоръ, по положенію Комитета Гг. Министровъ, вслѣдствіе представленія его, Князя Ширинскаго-Шихматова, Высочайше повелѣть соизволилъ: жертвуемый Почетнымъ Попечителемъ Рязанской Гимназіи, Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ *Рюминымъ*, въ пользу Благороднаго Пансіона при Рязанской Гимназіи капиталъ въ *семь тысячъ рублей серебромъ*, принять, и проценты съ онаго употреблять, согласно назначенію жертвователя, на содержаніе въ Пансіонѣ одного воспитанника, подъ названіемъ *Пансіонера Рюмина*, и на содержаніе зданія, пожертвованнаго Пансіону имъ-же въ 1833 году.

— Въ напечатанномъ отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ объявленіи о всемірной въ Лондонѣ выставкѣ находится указаніе важнѣйшихъ предметовъ сельскаго хозяйства, которые могутъ быть посланы на эту выставку.

Имѣя въ виду поименованные въ сказанномъ объявленіи

предметы, Коммиссія полагаетъ, что они могутъ быть доставлены въ слѣдующихъ количествахъ и упаковкѣ.

1) Хлѣбныя и кормовыя растенія, и

2) Маслянничныя растенія, въ количествѣ по одному четверику, въ холщевыхъ мѣшкахъ.

3) Изъ торговыхъ, мануфактурныхъ и лекарственныхъ растеній: шафранъ, въ боченкахъ, въ количествѣ отъ 5 до 10 фунтовъ; прочіе предметы по одному пуду, въ холщевыхъ мѣшкахъ.

4) Изъ съѣстныхъ припасовъ: разныхъ родовъ крупа, пшено, орѣхи, горошекъ и подобные сухіе зернистые, нелегко растирающіеся предметы, въ холщевыхъ мѣшкахъ, по одному пуду. Мяса, приготовленныя въ-прокъ въ цѣльныхъ кускахъ, въ такомъ видѣ, какъ они отпускаются обыкновенно въ продажу, каждаго сорта по куску, въ приличной, прочной укладкѣ, предохраняющей отъ порчи. Сыры цѣльные, обыкновенной величины, по одному каждаго сорта, завернутые въ холстъ и уложенные въ ящики или боченки. Бульйоны сухіе, каждаго сорта до одного пуда, также завернутые въ холстъ и плотно уложенные въ ящикъ. Икры и рыбьяго жира по пуду, въ крѣпкихъ боченкахъ, закутанныхъ и зашитыхъ въ рогожи. Клей рыбій и визига въ такихъ видахъ, какъ разные сорты ихъ поступаютъ въ торговлю, но не болѣе, какъ отъ 20 до 40 фунтовъ каждаго вида, въ прочной укладкѣ. Въ-прокъ заготовленныя рыбы, варенья и плоды, въ приличныхъ каждому произведенію и общеупотребительныхъ въ торговлѣ видахъ упаковки или укладки, не болѣе какъ отъ 20 до 40 фунтовъ каждаго, исключая случая представленія большихъ рыбъ, превосходящихъ вѣсъ одного пуда и долженствующихъ оставаться цѣльными.

5) Льну и пеньки по одному торговому бунту или по одному пуду, зашитыхъ въ холстѣ. Коконы и шелки по одному фунту, въ плотныхъ ящикахъ, зашитыхъ въ холстъ или клеенку. Руна, овчины, смушки, выпоротки и разныя выдѣланныя шкуры, по двѣ штуки, уложенныя тщательно въ ящики, для предохраненія отъ тренія и порчи при перевозкѣ. Воскъ въ цѣлыхъ, обыкновенной величины, кругахъ, не болѣе какъ по одному пуду каждаго сорта, завернутые въ холстѣ и уложенные въ ящикахъ. Конскаго волоса, шерсти, козьяго пуха и перьевъ по пуду, въ холщевыхъ мѣшкахъ. Щетины въ связкахъ, каждаго сорта отъ

одного до трехъ фунтовъ, завернутыя въ холстъ и плотно уложенныя въ ящикахъ. Сала и масла въ чисто отдѣланныхъ простыхъ боченкахъ, по пуду каждаго сорта. Бобровой струи, животнаго угля, червеца, шпанскихъ мухъ и т. п., по фунту, въ плотныхъ ящикахъ.

6) Строительныхъ матеріяловъ, каждаго сорта не болѣе какъ отъ одного до двухъ куб. футовъ, завернутыхъ въ рогожи или мочалы и плотно уложенныхъ въ простыхъ досчатыхъ крѣпкихъ ящикахъ.

7) Смолы, поташа, дегтя, и т. п., по одному пуду, въ чисто сдѣланныхъ простаго дерева боченкахъ. Скипидару по пуду, въ бутылкахъ или кувшинахъ, закутанныхъ паклею, обвязанныхъ бичевкою и плотно установленныхъ въ крѣпкіе простые боченки или ящики.

— По опредѣленію Святѣйшаго Сунода, Духовно-Учебное Управленіе, въ изъявленіе признательности, объявляетъ, что Надворный Совѣтникъ *Иванъ Ѳедоровичъ Базилевскій* пожертвовалъ двѣ тысячи рублей серебромъ на увеличеніе преміи по конкурсу на составленіе спеціальнаго сельскаго лечебника для лицъ духовнаго званія.

— Коллежскій Совѣтникъ *Шаблыкинъ* представилъ Московскому Военному Генералъ-Губернатору, 25-го минувшаго іюня, въ день рожденія Государя Императора, 1,500 руб. серебромъ, въ составъ неприкосновеннаго капитала Измайловской Военной Богодѣльни, прося обратить проценты съ этой суммы на пріобрѣтеніе періодическихъ изданій для чтенія инвалидовъ, и кромѣ того принять отъ него на предметъ основанія при Богадѣльнѣ библіотеки, 12 русскихъ сочиненій, преимущественно военно-историческаго содержанія.

По всеподданнѣйшему донесенію о семъ Генерал-Адъютанта Графа Закревскаго, Его Императорское Величество Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: «благодарить Коллежскаго Совѣтника Шаблыкина за это приношеніе.»

— Въ Отчетѣ, представленномъ Его Императорскому Величеству Главноначальствующимъ надъ Почтовымъ Департаментомъ, о дѣйствіяхъ почтоваго управленія за 1849 годъ, находятся между прочимъ слѣдующія, особенно любопытныя свѣдѣнія:

Въ теченіе 1848 года подано было къ отправленію во всѣхъ почтовыхъ мѣстахъ Государства капиталовъ казенныхъ и частныхъ на 446,278,173 р. 5 коп.

Въ этомъ числѣ было:
казенныхъ на 234,644,074 р. 90½ коп.
частныхъ на 211,634,098 р. 14½ коп.

Суммы, пересланныя по почтѣ въ билетахъ кредитныхъ установленій, трансфертахъ, векселяхъ и другихъ бумагахъ, которыя посылаются какъ документы, въ это исчисленіе не входятъ.

Страховыхъ за отправленіе капиталовъ поступило въ 1848 г. 1,721,644 р. 99¾ к.

Въ этомъ году страховой сборъ уменьшился на сорокъ одну тысячу рублей противъ предшествовавшаго года; но въ сравненіи съ количествомъ этого сбора въ 1844 году, съ котораго воспріяла начало нынѣ дѣйствующая страховая такса, увеличился на 327,556 р.

Весьма естественно, что дарованная Правительствомъ отсрочка во взносѣ въ Кредитныя Установленія платежей по заложеннымъ въ нихъ недвижимымъ имѣніямъ частныхъ лицъ въ губерніяхъ, гдѣ были неурожаи, имѣла вліяніе на оказавшееся въ 1848 г. уменьшеніе страховаго сбора.

Конечно, нынѣшнее состояніе сего сбора, по случаю пониженія таксы, представляетъ еще разность противъ того количества, въ которомъ этотъ сборъ состоялъ въ 1843 году при дѣйствіи прежней таксы. Онъ составлялъ тогда 2,028,886 р.; слѣдовательно, 307,242 р. болѣе противъ 1848 года.

Но вѣсовой сборъ 1848 г. не только пополнилъ эту разность, но принесъ еще и увеличеніе дохода.

Вѣсовой и страховой сборы, образующіе прямой источникъ почтоваго дохода, составили въ 1848 г. 3,718,930 р.

Въ 1847 году они были въ количествѣ 3,680,189 р.

А въ 1843 году, когда еще дѣйствовала прежняя почтовая такса, составляли 3,609,497 руб.

Слѣдственно, въ 1848 году поступило, по вѣсовому и страховому сборамъ въ сложности, на 38,741 р. болѣе противъ 1847 года.

Капиталы казенные и частные пересылались въ 1848 г. по суммамъ отправленій, въ слѣдующихъ размѣрахъ:

	Переслано капиталовъ.	
	Казенныхъ.	Частныхъ.
Менѣе 300 р.	9,824,690 р.	33,694,088 р.
Свыше 300 до 600 »	5,187,100 »	15,829,245 р.
— 600 до 1,500 »	13,331,873 »	29,624,876 р.
— 1,500 до 3,000 »	24,811,716 »	33,055,492 »
Свыше 3,000 »	141,707,226 »	94,130,210 »

Сверхъ сего переслано казенныхъ капиталовъ, безъ платежа страховыхъ, на 39,743,829 р.

Казенныхъ посылокъ, съ которыхъ по объявленной имъ цѣнѣ были заплачены страховыя, отправлено на сумму 37,636 р.

Частныхъ посылокъ на 5,300,184 р.

Въ пересылкѣ капиталовъ, принадлежащихъ послѣднему отдѣлу, въ которомъ включаются отправленія свыше 3,000 р.; на 100 р. частныхъ посылокъ въ 1847 г. 150 р. казенныхъ; но въ отправленіяхъ мѣньшими суммами капиталовъ частныхъ пересылается обыкновенно болѣе, нежели казенныхъ: здѣсь на 100 р. частныхъ было послано 47 р. казенныхъ.

Великое вообще развитіе въ немногіе годы получило отправленіе капиталовъ чрезъ почту.

Это видно изъ слѣдующаго сравненія.

Въ 1838 году 233 милліона руб.
— 1843 — 274 — —
— 1848 — 446 — —

Такимъ-образомъ въ первыя пять лѣтъ послѣ 1838 года, во-время существованія прежней почтовой таксы, пересылка чрезъ почту капиталовъ получила приращеніе только на 41 милліонъ руб. или около 18% на 100.

Въ послѣднія пять лѣтъ, со времени введенія нынѣ дѣйствующей таксы, пересылка капиталовъ умножилась на 172 милліона руб., что составляетъ почти 63% на сто. Болѣе, нежели вчетверо противъ перваго пятилѣтія, или въ содержаніи 100—420.

Очевидно, что кромѣ постояннаго умноженія въ Государствѣ денежныхъ оборотовъ, промышлености и торговли, которыя даютъ капиталамъ движеніе, такому быстрому въ короткое время усиленію пересылки ихъ чрезъ почту, способствовала главнѣйше такса, установленіемъ коей Правительство даровало значительныя облегченія для денежныхъ пересылокъ.

Этотъ выводъ свидѣтельствуетъ также, какую обширность получило возложенное на почту дѣло, по пріему капиталовъ и передачѣ ихъ въ мѣста назначенія.

Количество розданныхъ въ теченіе 1848 года капиталовъ состояло изъ 253,000,215 руб. 36¼ коп. казенныхъ и 210,880,148 р. 43 к. частныхъ; всего же въ этомъ году было роздано и сошло съ отвѣтственности почтъ 463,880,363 руб. 79¼ коп.

Въ переходѣ чрезъ почты капиталовъ въ 1848 году главнѣйшее направленіе ихъ было, какъ обыкновенно, въ столицы; въ большомъ также числѣ они перешли въ Одессу и въ губерніи Екатеринославскую, Лифляндскую, Пермскую, Кіевскую и Нижегородскую. Во всѣ эти мѣста поступило капиталовъ, казенныхъ и частныхъ, на 237 милліоновъ руб., что составляетъ болѣе половины годоваго количества денежныхъ отправленій по всѣмъ почтовымъ мѣстамъ государства; а выбыло изъ нихъ капиталовъ внутрь Россіи на 194 милліона руб. Значительнѣйшій перевѣсъ по полученію капиталовъ, сравнительно съ отправленіемъ ихъ, былъ по С.-Петербургской губерніи и составилъ болѣе 40 милліоновъ. Здѣсь перевѣсъ образовали казенные капиталы; въ Екатеринославской и Пермской частные. Изъ Московской губерніи напротивъ того отправилось казенныхъ и частныхъ капиталовъ почти 10 милліоновъ руб. болѣе, противъ числа полученія ихъ тамъ, изъ разныхъ мѣстъ. Сумма отправленій превосходитъ также сумму полученій и во многихъ другихъ губерніяхъ; особенно въ Саратовской, Курской, Воронежской, Вятской, Кіевской, Смоленской и Рязанской, гдѣ отправленія перевысили число полученій 15 милліонами рублей.

Въ большей части губерній казенные капиталы высылаются въ превосходнѣйшемъ количествѣ, сравнительно съ частными капиталами; но въ нѣкоторыхъ губерніяхъ суммы обоихъ сихъ отправленій близки, а въ другихъ беретъ перевѣсъ отправленіе частныхъ капиталовъ.

Представляются выводы сего по нѣкоторымъ губерніямъ:

Въ 1848 году на 100 руб. частнаго капитала было въ отправленіи съ почтами казеннаго:

Въ Вятской губерніи.	735	руб.
— Ковенской . . .	388	—
— Тобольской. . .	370	—
— Курляндской . .	344	—
— Вологодской. . .	300	—
— Оренбургской . .	286	—
— Иркутской. . .	272	—
— Воронежской . .	238	—
— Таврической . .	200	—
— Симбирской. . .	161	—
— Казанской . . .	150	—
— Виленской . . .	148	—
— Саратовской . .	139	—
— Тверской. . . .	135	—
— Подольской . .	113	—
— С.-Петербургской.	111	—
— Черниговской. .	96	—
— Нижегородской .	93	—
— Лифляндской . .	92	—
— Московской. . .	77	—
— Ярославской . .	76	—
— Кіевской. . . .	71	—
— Енисейской. . .	68	—
— Харьковской . .	60	—
— Одессѣ	37	—

Подробнѣйшія свѣдѣнія о производившихся чрезъ почты въ 1848 г. денежныхъ оборотахъ по губерніямъ, представляются изъ слѣдующаго обозрѣнія.

Мѣста происхожденія капиталовъ, или губерніи, изъ которыхъ они были посланы, идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Казенныхъ и частныхъ капиталовъ было отправлено:

Изъ С.-Петербургской губерніи.	90,675,634 р.
— Московской.	49,777,324 »

Денежныя отправленія изъ столицъ составляютъ почти

третью долю капиталовъ, посланныхъ изъ всѣхъ почтовыхъ мѣстъ государства.

Изъ Кіевской губерніи. .	11,181,921 р.
— Одессы	10,828,312 »
— Саратовской. . . .	10,239,655 »
— Нижегородской. . .	10,023,670 »
— Екатеринославской. .	9,139,394 »

Отъ 8 до 9 милліоновъ руб. отправлено изъ губерній Тифлисской и Херсонской.

Отъ 7 до 8 милліоновъ изъ Орловской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Ярославской и Казанской.

Отъ 6 до 7 милліоновъ изъ Вятской, Воронежской, Курской, Харьковской, Полтавской, Оренбургской, Пермской, Владимірской и Лифляндской.

Отъ 5 до 6 милліоновъ изъ Иркутской, Симбирской, Тульской, Подольской, Рязанской, Ставропольской, Волынской, Новгородской, Ковенской, Тобольской.

Отъ 4 до 5 мил.	*Отъ 3 до 4 мил.*
Енисейской.	Виленской.
Костромской.	Томской.
Бессарабской Области.	Пензенской.
Смоленской.	Минской.
Калужской.	Витебской.
Черниговской.	Вологодской.
Могилевской.	Псковской.
	Земл. Войска Донскаго.

Отъ 2 до 3 мил.	*Отъ 1 до 2 мил.*
Гродненской.	Архангельской.
Астраханской.	Олонецкой.
Курляндской.	Эстляндской.
Шемахинской.	

Мѣста полученія капиталовъ распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ С.-Петербургской губерніи получено	131,292,116 р.
— Московской	39,871,921 »

Слѣдовательно, въ столицы перешло почти $^{2}/_{3}$ долей изъ суммы капиталовъ, поданныхъ къ отправленію во всѣхъ почтовыхъ мѣстахъ государства.

Въ Одессѣ получено.	14,250,184 р.
— Екатеринославской губерніи.	13,605,115 »
— Лифлянской.	10,476,504 »
— Пермской.	10,010,498 »
— Кіевской	9,091,233 »

Отъ 8 до 9 милліоновъ переслано въ губерніи Нижегородскую и Херсонскую.

Отъ 7 до 8 милліоновъ въ Тверскую, Орловскую, Таврическую, Ярославскую, Волынскую, Тамбовскую.

Отъ 6 до 7 милліоновъ въ Саратовскую, Ковенскую, Иркутскую, Енисейскую и Тифлисскую.

Отъ 5 до 6 милліоновъ въ Оренбургскую, Подольскую, Владимірскую, Полтавскую, Казанскую, Могилевскую.

Отъ 4 до 5 мил. руб.	*Отъ 3 до 4 мил. руб.*
Симбирскую.	Шемахинскую.
Калужскую.	Тобольскую.
Харьковскую.	Витебскую.
Вятскую.	Бессарабскую Область.
Воронежскую.	Ставропольскую.
Томскую.	Рязанскую.
Новгородскую.	Минскую.
Курскую.	Смоленскую.
Тульскую.	Вологодскую.
Черниговскую.	Костромскую.
	Гродненскую.

Отъ 2 до 3 мил. руб.	*Отъ 1 до 2 мил. руб.*
Виленскую.	Архангельскую.
Пензенскую.	Олонецкую.
Курляндскую.	Земл. Войскаго Донскаго.
Астраханскую.	Эстляндскую.
Псковскую.	

Въ этомъ великомъ числѣ капиталовъ, перешедшихъ чрезъ почты въ 1848 году, многіе, совершая переходъ свой на большомъ протяженіи пути изъ мѣстъ ихъ пріема до мѣста назначенія, стекались, въ слѣдованіи своемъ, въ разныхъ почтовыхъ мѣстахъ, и получали тамъ дальнѣйшее направленіе съ почтами въ тѣ пункты, куда были назначены. Такихъ переходящихъ капиталовъ было въ 1848 году по одной Московской губерніи болѣе 100 мил. руб.; около 20 милліоновъ въ Волынской; отъ 16 до 17 милліоновъ въ Нижегородской, Кіевской и Черниговской; отъ 12 до 14 милліоновъ въ Подольской, Херсонской, Гродненской и Ярославской и отъ 9 до 10 милліоновъ въ губерніяхъ Витебской, Владимірской, Симбирской, Смоленской, Тверской и въ Землѣ Войска Донскаго. Такимъ-образомъ, съ лежащею на почтовыхъ мѣстахъ обязанностію по пріему и раздачѣ денежныхъ суммъ сопрягается и наблюденіе за правильнымъ и безостановочнымъ слѣдованіемъ ихъ въ пути изъ одного мѣста въ другое.

Слѣдуя принятому порядку, представляемый отчетъ дополняется краткимъ обзоромъ дѣйствій почтовыхъ мѣстъ въ первой половинѣ 1849 года.

Собранные изъ всѣхъ почтовыхъ мѣстъ государства свѣдѣнія свидѣтельствуютъ о успѣшномъ ходѣ корреспонденціи въ продолженіе этого времени.

На почты подано было къ отправленію:

Частныхъ писемъ:	простыхъ.	5,098,643
	денежныхъ.	719,736
	страховыхъ.	457,940
	посылокъ. . . .	135,980
	Итого	6,412,299
Казенныхъ пакетовъ простыхъ и денежныхъ.		8,155,006
посылокъ		195,005
	Итого	8,350,011

Въ первые шесть мѣсяцевъ 1849 года поступило сборовъ по всѣмъ почтовымъ мѣстамъ государства 2,105,493 руб. 16 коп.

По особенной значительности столичных Почтамтов представляется обозрѣніе дѣйствій ихъ за весь 1849 годъ.

	С.-Петербургскаго.	Московскаго.
Доходовъ поступило .	740,678 р. 76½ к.	412,835 р. 71½ к.
Капиталовъ: получено.	116,846,108 » 7 »	34,818,803 » — »
отправлено.	75,936,212 » 35 »	36,385,125 » 17 »
Посылокъ: получено на сумму	2,318,555 » 8 »	1,161,617 » 45 »
отправлено.	1,509,690 » 25 »	1,899,477 » 17 »
А всего капиталовъ и посылокъ было получено и отправлено на сумму	196,610,565 » 75 »	74,265,024 » 79 »
Получено пакетовъ и писемъ: денежныхъ и страховыхъ . . .	357,449 » »	201,780 » »
Простыхъ: казенныхъ	1,311,924 »	352,005
частныхъ.	1,442,449	845,297
заграниц.	134,408	33,123
Посылокъ, узловъ и боченковъ съ монетою.	34,786	40,921
Отправлено пакетовъ и писемъ: денежныхъ и страховыхъ.	314,427	119,269
Простыхъ: казенныхъ.	1,947,094	1,044,376
частныхъ .	1,238,126	840,925
заграничныхъ.	108,695	30,074
Посылокъ, узловъ и боченковъ съ монетою.	193,595	61,333
По гор. поч. раз. отпр.	1,380,513	237,958
А всего пакетовъ, писемъ и посылокъ принятыхъ и роздан . .	8,463,366	3,807,131
Получено: почтъ . . .	3,060	2,519
эстафетъ .	690	465
Отправлено: почтъ. .	2,955	2,484
эстафетъ.	732	498

Счетоводство и отчетность по всѣму почтовому вѣдомству, слѣдуя данной имъ системѣ, представляютъ въ исполненіи своемъ совершенно удовлетворительные результаты сосредоточеніемъ въ Главномъ Управленіи полныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о кругѣ дѣйствій каждаго почтоваго мѣста. За все отчетное время Государственный Контроль уже прислалъ квитанціи, въ которыхъ всѣ обороты суммъ по почтовому вѣдомству признаны правильными.

— Комитетъ учреждаемой Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, въ сентябрѣ 1850 г., въ С. Петербургѣ, выставки сельскихъ произведеній доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что въ число премій, для выдачи въ награду производителямъ и сельскимъ хозяевамъ за представленные на выставку предметы, поступили слѣдующія пожертвованія отъ гг. Членовъ В. Э. Общества и другихъ лицъ:

Отъ Членовъ:

1) Его Императорскаго Высочества Принца Ольденбургскаго, Президента Общества, 300 р. с., за такой предметъ изъ числа представленныхъ на выставку, который опытомъ признанъ будетъ самымъ полезнѣйшимъ.

2) Вице-Президента Общества и Предсѣдателя Комитета выставки, Князя В. В. Долгорукова, 400 р. с., за лучшаго рабочаго жеребца, отъ 2 и не болѣе 3 вершковъ и отъ 5 до 6 лѣтъ, который на состязаніи повезетъ не менѣе 100 пудовъ тяжести.

3) Тайнаго Совѣтника Сенатора Графа А. Кушелева-Безбородко, 400 р. сер., за лучшую пеньку.

4) Князя С. В. Долгорукова, 400 р. с., за лучшую дойную корову.

5) Тайнаго Совѣтника М. П. Позена, 150 р. с., за лучшіе образцы подковъ для рабочихъ воловъ, вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ способа выдѣлки оныхъ и самой ковки.

6) Статскаго Совѣтника (Санктпетербургскаго Уѣзднаго Предводителя Дворянства) Н. А. Безобразова, 150 р. с., за лучшія косы, выдѣланныя въ Санктпетербургской или смежныхъ съ нею губерніяхъ, съ тѣмъ, чтобы косы эти не уступали въ достоинствѣ привозимымъ изъ Германіи, и съ тѣмъ,

чтобы производитель доказалъ, что онъ занимается выдѣлкою таковыхъ косъ въ довольно-значительномъ количествѣ.

7) Отъ него же, 50 р. сер., за изготовленіе отличнаго по качеству и лучшаго сравнительно съ другими сбитня.

8) Тайнаго Совѣтника А. Е. Жадовскаго, 100 р. с., за самое крупное руно, улучшенныхъ овецъ въ Россіи.

9) Отъ него же, 50 р. сер., за лучшее льняное крестьянское издѣліе, какъ-то: рѣдники, мѣшочный холстъ и т. д.

10) Графини М. Г. Разумовской, 100 р. с., за лучшую коллекцію розановъ.

11) Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Н. А. Жеребцова, 100 р. с. за образцы обдѣланнаго наилучше льна, тонкой пряжки и лучшихъ полотняныхъ издѣлій.

12) Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника А. Н. Муравьева, 100 р. сер., за самый лучшій способъ крестьянскаго освѣщенія, вмѣсто освѣщенія лучиною.

13) Витебскаго помѣщика Гибера фон-Грейфенфельда, 100 р. с., за лучшій снарядъ для обдѣлки льна.

14) Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника фон-Фока, 30 р. сер., за лучшее издѣліе бочарнаго производства, выдѣланное не изъ дуба, а изъ другаго какого-либо дерева, въ особенности за боченки, бочки и т. д., могущіе замѣнять дубовые.

15) Статскаго Совѣтника П. А. Шторха, 30 р. с., за простые, но вѣрные и дешевые часы, представленные на выставку какимъ-либо крестьяниномъ и сдѣланные имъ въ сельскомъ его быту.

16) Надворнаго Совѣтника М. С. Кушникова, 50 р. с., за телѣгу для перевозки съ полей сжатаго хлѣба, въ снопахъ, въ большемъ количествѣ и съ большею удобностію противу телѣгъ, нынѣ употребляемыхъ.

17) Бернгарда Гаффельдера, 20 р. сер., за удачный посѣвъ лиственицы, произведенный въ 1849 или 1850 годахъ, какъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, такъ и въ Курляндіи.

18) Астраханскаго помѣщика В. П. Копытовскаго, 10 р. сер., для выдачи въ награду тому изъ сельскихъ жителей

Астраханской губерніи, кто преимущественно будетъ имѣть право по шелководству или садоводству.

19) Костромскаго помѣщика, Полковника Маковѣева, 3 р. сер., въ число премій за усовершенствованіе простыхъ земледѣльческихъ орудій.

Опредѣленныя же Членами Общества, Генерал-Лейтенантомъ Графомъ Г. Г. Кушелевымъ, Коллежскимъ Совѣтникомъ В. В. Кочубеемъ и Графомъ П. П. Шуваловымъ, первыми двумя по 300 р. с. каждымъ, а послѣднимъ 400 р. с., получатъ только въ-послѣдствіи свое назначеніе.

Сверхъ-того поступили премія:

20) Отъ Нижегородскаго помѣщика У. Н. Левашева, 10 р. с., за лучшій ржаной хлѣбъ, и

21) Отъ Сызранскаго Городскаго Головы Соплякова, 10 р. сер. за лучшіе пожарные инструменты.

Со стороны В. Э. Общества въ награду производителямъ назначены медали: 505 золотыхъ и серебряныхъ отъ 5 р. до 100 червонцевъ, 190 бронзовыхъ, и кромѣ-того нѣсколько денежныхъ выдачъ, подарковъ и похвальныхъ листовъ.

— Санктпетербургское купечество и особенно торговцы Гостинаго, Апраксина, Щукина дворовъ и Большаго Желѣзно-Москательнаго-ряда, движимые чувствами благоговѣйной признательности къ всеисцѣляющей, неистощимой въ милостяхъ десницѣ небеснаго Промысла, обращались къ епархіальному начальству съ просьбою объ исходатайствованіи разрѣшенія на установленіе каждогоднаго, въ 4 день іюля, крестнаго хода изъ Казанскаго-Собора къ Спасасѣнновской церкви и обратно, по означеннымъ торговымъ мѣстамъ, въ память того, что по совершеніи въ сей-же самый день подобнаго священнопошествія въ 1848 году, свирѣпствовавшая тогда болѣзнь холера начала замѣтно ослабѣвать. Общество Смоленской Ямской-слободы, съ своей стороны, раздѣляя въ полной мѣрѣ набожное рвеніе, воодушевляющее торговыя сословія столицы, ходатайствовало, въ свою очередь, объ учрежденіи таковаго-же хода, 28 іюля, въ день Смоленскія Божіей Матери, изъ церкви Преображенія Господня, на Фарфоровомъ-заводѣ, въ память того, что тамошнимъ обществомъ, еще въ 1831 году, во-время господствовавшей

тогда эпидеміи, воздвигнутъ въ этой церкви образъ Смоленской Божіей Матери.

На учрежденіе обоихъ церковныхъ торжествъ послѣдовало Высочайшее Государя Императора соизволеніе, и вчера, 4 іюля, совершенъ первый крестный ходъ, изъ Казанскаго-Собора по Невскому-проспекту, мимо Гостинаго-двора и по Большой-Садовой улицѣ, прямо къ церкви Спаса на Сѣнной, гдѣ была совершена литургія, и потомъ принесено благодарственное Господу Богу молебствіе, съ колѣнопреклоненіемъ; а за тѣмъ, при обратномъ шествіи, крестный ходъ слѣдовалъ по Большой-Садовой и мимо Большаго Желѣзнаго ряда, по Екатерининскому-Каналу, въ Казанскій-Соборъ.

Ясная погода вполнѣ благопріятствовала этому умилительному торжеству. Многочисленные сонмы вѣрующихъ сопровождали величественное церковное шествіе, и обѣ стороны улицъ, по которымъ оно слѣдовало, унизаны были зрителями всѣхъ сословій, благоговѣйно преклонявшимися предъ Святынею.

— 4-го числа іюля, въ 9-мъ часу утра, произошелъ пожаръ въ 5-мъ Кварталѣ Васильевской Части, по Кожевенной-линіи, въ Чекушахъ. Первоначальный огонь показался съ деревянной сушильни на кожевенномъ заводѣ Почетнаго Гражданина Забѣгаева, а потомъ уже распространился и на прочія строенія, въ смежности находившіяся. Всѣ усилія немедленно собравшихся пожарныхъ командъ были безуспѣшны; пламя разливалось съ необыкновенной быстротою, при порывистомъ и сильномъ вѣтрѣ, уносившемъ чрезвычайно далеко, не только легкія горящія тѣла, но и цѣлыя головни, такъ, что наконецъ огонь былъ переброшенъ на Гутуевскій-островъ, гдѣ тотчасъ же и вспыхнулъ новый пожаръ, причинившій огромные убытки. Хотя были интервалы въ разныхъ мѣстахъ между домами и заводами, но остановить огонь было невозможно. Въ то самое время, когда люди, помѣщаясь на какой-нибудь кровлѣ, направляли всѣ усилія отстоять еще незагорѣвшееся и прервать пожару путь,—огонь яростно обхватывалъ все зданіе. Самоотверженіе дѣйствовавшихъ было выше всякихъ требованій службы. Брандмейстеры и нижніе чины презирали всякую опасность, и не прежде оставляли занятыя ими мѣста, какъ при видѣ неизбѣжной уже гибели. Такимъ-образомъ, желая

удержать огонь на трех-этажномъ домѣ Почетнаго Гражданина *Сазонова*, Брандтмейстеръ Рождественской Части *Шашинъ* съ нижними чинами занялъ крышу упомянутаго дома; но домъ вспыхнулъ, пламя окружило ихъ со всѣхъ сторонъ, и нижніе чины, укрѣпивъ на крышѣ трубный рукавъ, должны были посреди огня спускаться внизъ, между-тѣмъ, какъ Брандтмейстеръ *Шашинъ* былъ лишенъ и этого единственнаго средства своего спасенія: рукавъ оборвался, а приблизиться къ пылающему дому, чтобы доставить *Шашину* способъ сойти съ крыши, было невозможно, потому-что съ одной стороны горѣла куча каменнаго угля, а съ другой, деревянный съ шерстью сарай. Ему оставалось одно — броситься съ кровли наудачу; онъ это сдѣлалъ и упалъ на горящую груду угля. Но примѣрное самоотверженіе другихъ спасло его отъ смерти, если не отъ поврежденій. Брандтмейстеръ *Деменьтьевъ*, унтер-офицеръ *Ващукъ* и рядовой *Козловъ* въ одно мгновеніе кинулись въ пламень и исторгли оттуда изувѣченнаго *Шашина*.

Въ Чекушахъ сгорѣли: кожевенные заводы *Забѣгаева* и Почетной Гражданки *Семеновой*, у которой обгорѣли также и два каменные дома; каменный домъ купца *Кононова* и арендуемый у него купцомъ *Брусницынымъ* кожевенный заводъ; мѣднокотельное заведеніе великобританскаго подданнаго *Картера*, волосяное заведеніе мѣщанина *Андрея Бушмина* и красильное финляндскаго урожденца *Эклунда*; каменный домъ Почетнаго Гражданина *Сазонова* и арендуемый у него купцомъ *Егоровымъ* кожевенный заводъ; красильная мастерская *Краузе* и волосяное заведеніе мѣщанина *Василья Бушмина*, каменный домъ купца *Мануйлова* и при немъ кисейная фабрика купца *Мендта* и мелочная лавка мѣщанина *Моксина*; кожевенные заводы Почетнаго Гражданина *Звѣркова* и купца *Строганова*. Дальнѣйшее распространеніе пожара прекращено въ 4 часа по-полудни; но лѣсные матеріалы, особливо же древесная кора, которою завалены были, какъ всѣ кожевенные заводы, такъ и набережная рѣки, долго сохраняли огонь, не-смотря на принимаемыя мѣры.

На Гутуевскомъ же островѣ, по набережной рѣки Невы, въ складочномъ мѣстѣ, огороженномъ деревяннымъ заборомъ, сгорѣли бочки съ сѣрою, до 49,000 пуд., на сумму 49,000 рублей серебромъ. Сѣра принадлежала купцамъ: *Брандту*, *Клеменсу*, *Шпигелю*, *Лянсу* и *Дювалю*.

— Сообщаемъ подробное описаніе пожара, бывшаго въ Самарѣ 13 іюня с. г. Пожаръ начался въ одиннадцать часовъ по-полудни, близъ церкви Преображенія, на берегу рѣки Волги, на пристани, за амбаромъ купца *Силантьева*, въ нежилой, новой и еще непокрытой избѣ; сильный, порывистый вѣтеръ, который съ быстрымъ распространеніемъ пламени обратился въ грозный ураганъ, безпрестанно перемѣнявшій свое гибельное направленіе, сдѣлалъ всѣ усилія человѣческія для спасенія домовъ и имущества тщетными, и чрезъ два часа послѣ начала пожара, изъ самыхъ тѣсныхъ кварталовъ образовались обширныя площади, покрытыя грудами камней, обгорѣлыхъ балокъ и углей, между которыми, мѣстами, встрѣчались обезображенные огнемъ человѣческіе трупы и погибшія лошади. Пламя было столь грозно, вѣтеръ былъ столь силенъ, что огонь, уничтоживъ всѣ строенія и запасы, бывшіе на хлѣбной пристани и частію на лѣсной, перешелъ на суда, на рѣкѣ Самарѣ, и наконецъ перебрался на предмѣстье города Самары, за рѣкою находящееся, и продолжалъ свое свирѣпство. Распространеніе пламени, измѣнявшее съ чрезвычайною быстротою и неожиданно свое направленіе, истреблявшее мгновенно все встрѣчавшееся на пути, не представляло никакой возможности не только спасти выносимое жителями имущество на болѣе безопасныя и отдаленныя отъ огня площади, но самые люди должны были бѣгать съ мѣста на мѣсто, для своего собственнаго спасенія. Все дѣлалось жертвой всеразрушающаго огненнаго урагана. Послѣдствіемъ пожара 13-го іюня было: сгорѣвшихъ 521 домъ, изъ коихъ каменныхъ 35, деревянныхъ 486, въ томъ числѣ Церковь Спаса Преображенія, зданія Магистрата и Думы, корпусъ присутственныхъ мѣстъ, въ которомъ помѣщались Уѣздный и Земскій Суды, Полиція, Казначейство, канцелярія Уѣзднаго Стряпчаго, съ прилегавшими къ тому каменными службами, гдѣ, между прочимъ, были провіантъ, одежда и аптека; Почтовая и Удѣльная Конторы, квартира Временнаго Управленія казенными землями, квартира Сиротскаго и Словеснаго Судовъ, тюремный замокъ, городовая больница и аптека со всѣми принадлежностями, 126 хлѣбныхъ амбаровъ, въ которыхъ находилось до 300,000 пуд. пшеницы, 3 коноводныя машины, 6 подчалковъ, 12 завозенныхъ лодокъ, провіантъ и аммуниція инвалидной команды; сверхъ-сего, сгорѣлъ пожарный служитель, три трубы и четыре

лошади, и найдено 8 обгорѣлыхъ и 5 утонувшихъ человѣкъ, сколько-же всего человѣкъ лишились жизни, въ настоящее время еще съ достовѣрностью неизвѣстно. Дѣла и документы присутственныхъ мѣстъ, хотя и были вынесены, вмѣстѣ съ имуществомъ гражданъ, на безопасныя отъ огня площади, но вслѣдствіе неожиданно перемѣнившаго свое направленіе вѣтра, сдѣлались жертвою пламени. Посреди всего этого разрушенія, спасена почти вся денежная казна, и арестанты, въ числѣ 207 человѣкъ, въ строгомъ порядкѣ были выведены изъ тюремнаго замка, и помѣщены, за недостаткомъ удобнаго зданія, въ пустопорожнемъ амбарѣ купца *Плотникова*, за сильнымъ карауломъ.—Не можемъ умолчать о человѣколюбивомъ подвигѣ управляющаго села Рождественскаго, г. *Давыдова* двороваго человѣка *Александра Петрова Русакова*, который, не-смотря на бурю и угрожающія погибелью волны, переплылъ чрезъ Волгу въ г. Самару съ своими пожарными трубами и работниками, и въ то время, когда всѣ усилія пожарной команды къ прекращенію пожара оставались тщетными, команда *Русакова*, видя опасность, къ какой находилась Церковь Успенія, сталъ защищать ее и окружающіе обывательскіе домы, и ея дѣйствіями и распорядительностью *Русакова* спасены два большіе квартала домовъ, состоящихъ въ 1-й Части города.—Получивъ донесеніе о постигшемъ Самару несчастіи, г. Симбирскій Гражданскій Губернаторъ, Князь П. Д. Черкасскій, немедленно самъ отправился на мѣсто разрушенія, для сдѣланія нужныхъ распоряженій и для оказанія той помощи погорѣвшимъ жителямъ, которая отъ него зависѣла. Первымъ дѣломъ его было пріискать квартиру для размѣщенія арестантовъ и присутственныхъ мѣстъ, а потомъ, пригласивъ къ себѣ почетнѣйшихъ гражданъ города Самары, Его Сіятельство поспѣшилъ составить подписку для оказанія пособія жителямъ, которые, лишившись всего своего достоянія, не имѣли никакихъ средствъ къ пропитанію себя и своихъ семействъ. Но недостаточно было одной подписки и денегъ, посредствомъ ея собранныхъ: надобно было пріискать средства, какимъ-образомъ удобнѣе удовлетворить жителей, лишившихся всякой возможности къ существованію; а потому г. Гражданскій Губернаторъ, посовѣтовавшись съ почетнѣйшими гражданами города, предложилъ на одну часть собранныхъ денегъ учредить общественные столы для про-

кормлѣнія нуждающихся; что же касается до тѣхъ лицъ, которыя, по своему званію, не могли участвовать въ общихъ столахъ, онъ роздалъ имъ находившуюся въ наличности остальную сумму 551 р., пожертвованную разными лицами на пособіе погорѣвшимъ. Такими распоряженіями, временныя, необходимыя и нетерпящія отлагательства потребности города и пострадавшихъ жителей, были по возможности, удовлетворены. Прибытіе въ городъ Самару, по повелѣнію Государя Императора, Флигель-Адъютанта Его Величества, Князя Оболенскаго, для раздачи пяти тысячъ рублей серебромъ самобѣднѣйшимъ, исполнило сердца жителей чувствомъ живѣйшей признательности къ щедрому Монарху, изъявившему отеческое участіе къ бѣдствію города, и веселило въ нихъ теплую надежду, что ни одна изъ потребностей жизни несчастныхъ не останется безъ совершеннаго удовлетворенія.

Вотъ еще нѣсколько словъ о томъ же несчастномъ событіи, изъ письма въ редакцію Сѣв. Пчелы отъ г. *Шимановскаго*. 13-го іюня, съ восходомъ солнца повѣялъ юго-восточный вѣтеръ; усиливаясь ежечасно, онъ свирѣпѣлъ, и часу въ десятомъ утра превратился въ порывистый ураганъ, мчавшій по улицамъ густые столпы пыли; въ одиннадцать часовъ утра, вдругъ раздался звонъ набатнаго колокола съ соборной церкви, возвѣстившаго намъ о сильномъ пожарѣ. Чтобы судить о быстротѣ разлившагося пламени, какъ самовидѣцъ, разскажу истину къ короткихъ словахъ: берега рѣкъ Волги и Самары, можно сказать, унизаны огромными, тѣсно другъ подлѣ друга стоящими высокими деревянными амбарами, изъ коихъ нѣкоторые могутъ вмѣщать въ себѣ до двухъ сотъ тысячъ пудовъ пшеницы. Съ марта здѣсь почти совершенно не было дождей; необыкновенный жаръ изсушилъ посѣвы хлѣбовъ на поляхъ и травы на степяхъ. При такихъ обстоятельствахъ, всѣ домы города Самары, бо́льшею частію, деревянные, совершенно высохли. Пожаръ начался съ одной караулки, пристроенной къ амбару, находившемуся почти на оконечности юго-восточной части города, по рѣкѣ Самарѣ, именно съ той стороны, откуда свирѣпѣла буря. Въ одно мгновеніе амбаръ отъ караулки загорѣлся, и пламя, крутясь сильно, взвилось къ облакамъ; ближайшій амбаръ подвергся той же участи.... Въ самое короткое время всѣ домы, отъ начала пожара до дома *Путилова*, на пространствѣ не менѣе трехъ

вереть по прямому направленію, были объяты пламенемъ. При такомъ быстромъ распространеніи огня, раздуваемаго сильнымъ ураганомъ, всякая помощь человѣческая была безсильна, ничтожна. Устрашенные граждане спѣшили выносить изъ домовъ своихъ имущество на площади, но скрестившійся вихрь пламени пожралъ сложенное въ кучи имущество. Другіе изъ гражданъ сложили достояніе свое у береговъ рѣкъ Самары и Волги, но загорѣвшіяся суда, особенно конная машина, у которой обгорѣли якорные канаты, гонимая разъяренною бурею, плывшая противъ теченія, и объятая пламенемъ, сообщили пожаръ въ за-Самарское предмѣстье, гдѣ находились салотопенные заводы. Не болѣе какъ въ три четверти часа Удѣльная Контора, Магистратъ, Почтовая Контора, Градская Больница, и проч., словомъ, вся первая часть города, самая красивая и богатая, была совершенно истреблена. Четыре пожарныя трубы, во-время дѣйствія, сгорѣли; многіе служители пожарной команды сдѣлались жертвою своего усердія. Среди всеобщаго унынія, вдругъ подулъ сѣверозападный вѣтеръ; въ шесть часовъ пополудни стихъ юго-восточный ураганъ, выпало нѣсколько капель дождя, и пожаръ уменьшился. Исчислить убытки, понесенные жителями г. Самары въ этотъ злополучный день, нѣтъ никакой возможности: болѣе пяти сотъ тысячъ пудовъ разнаго зерноваго хлѣба, находившагося въ амбарахъ, огромными кучами дымятся на мѣстахъ погорѣвшихъ кладовыхъ; но эта потеря почти ничтожна въ сравненіи съ тѣми убытками, кои понесли частные люди: многіе изъ нихъ остались въ одномъ платьѣ, какое имѣли на себѣ въ этотъ день!

— 18-го іюня, въ 10 съ пол. ч. утра, въ 1-й части города Харькова, на Малой-Кузнецкой-улицѣ, отъ неизвѣстной причины, загорѣлся деревянный сарай во дворѣ Губернскаго Секретаря *Тромщинскаго*. Сильное пламя, отъ порывистаго вѣтра, угрожало большою опасностію сосѣдственному каменному дому, который, однако, дѣйствіемъ пожарной команды отстоянъ. Но вѣтеръ вдругъ повернулъ, и огонь быстро распространился на домъ мѣщанина *Добрынина*, гдѣ загорѣлись склады сосновыхъ досокъ, и на домъ купца *Ковалева*, а также на его амбаръ, гдѣ находилось болѣе 1000 четвертей древеснаго угля, отъ воспламененія котораго пожаръ такъ жестоко усилился, что при всѣхъ дѣйствіяхъ примѣрнаго самоотверженія пожарной

команды трехъ Частей едва можно было остановить распространеніе пожара на домѣ купчихи *Копѣйкиной*.

Сгорѣло: во дворѣ *Тромщинскаго*, деревянный сарай, конюшня и кухня, на 1500 р. сер.; у мѣщанина *Добрынина*— каменный домъ подъ деревянной крышей и другой деревянный на каменномъ полуэтажѣ, подъ желѣзною крышею, и деревянный сарай, на 3 т. р. сер.; и сверхъ сего, въ этомъ-же домѣ сгорѣло брусьевъ и досокъ купца *Тихонова* на 2 т. р. с.; во дворѣ купца *Ковалева* — деревянный сарай, амбары, покрытые деревомъ, деревянный флигель подъ желѣзною крышею и большой запасъ угольевъ, всего на 4,500 р. сер.; во дворѣ купца *Бочарова* — два небольшихъ старыхъ флигеля и сарай подъ деревянною крышею, на 2 т. р. сер.; кромѣ-того, сложенная въ сараѣ шерсть, кожа и бутылки, на 3,500 р. сер.; во дворѣ купчихи *Копѣйкиной* — деревянныя крыши на каменномъ и деревянномъ флигеляхъ, на 1,500 р. сер.; а два флигеля и сарай *спасены*.

Пожаръ сей угрожалъ городу большою гибелью, но съ помощію обывательскихъ водовозовъ, усерднаго дѣйствія жителей сосѣднихъ кварталовъ и предохраненіемъ гнилыхъ крышъ отъ переносимыхъ головней и искръ устроенными на нихъ снарядами — къ 3-мъ часамъ по-полудни былъ благополучно потушенъ.

Вѣтеръ во-время пожара былъ такъ силенъ, что горящія головни перебрасывало въ улицы даже другаго квартала; но дѣйствіемъ устроенныхъ на крышахъ предохранительныхъ снарядовъ, воспламененіе крышъ утушаемо было самими хозяевами, которые, убѣдившись на опытѣ въ спасительности сего, вновь введеннаго, по Высочайшей волѣ, способа, столь доступнаго для всѣхъ обывателей, повсемѣстно стояли на крышахъ. Они ясно видѣли, что отъ своевременно приготовленной на домахъ воды, одной капли

бываетъ иногда довольно для потушенія искры, упавшей на деревянную, мгновенно возгарающуюся, а особенно во-время лѣтнихъ жаровъ, крышу, и для спасенія чрезъ то своего и сосѣдей своихъ домовъ.

При тушеніи горѣвшихъ складовъ досокъ и угля, унтер-офицеры пожарной команды *Лѣсниковъ* и *Васильевъ* и рядовой *Маріевскій* обожгли себѣ лица и руки; отъ сильнаго жара пламени сгорѣло у пожарныхъ трубъ два рукава и два попорчено.

Для прекращенія сего опаснаго пожара были сняты деревянныя ветхія крыши съ дома и амбара чиновника *Тромщинскаго*, съ дома и сарая Титулярнаго Совѣтника *Котлярова* и съ ветхихъ флигелей и навѣсовъ купца Рудакова.

— Въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ напечатано: Голландскій баркъ «Де-Дріе-Брудерсъ», подъ управленіемъ шкипера Х. І. Губерте, идучи изъ Амстердама въ Архангельскъ, въ Бѣломъ-морѣ, у острова Сосновца, бывъ затертъ сплошнымъ льдомъ, сильнымъ напоромъ онаго выброшенъ у помянутаго острова на каменный рифъ, гдѣ и потерпѣлъ 23 мая (4 іюня) совершенное крушеніе. Шкиперъ со всѣмъ экипажемъ корабля, состоящимъ изъ 2 штурмановъ и 10 матросовъ, съ частью провизіи, такелажа и проч. съѣхалъ на берегъ на трехъ гребныхъ судахъ, оставя баркъ въ совершенномъ разрушеніи, а 28-го мая былъ принятъ съ командою и спасенными вещами на англійскій бригъ Алберти, на которомъ и прибылъ, 3 іюня, къ здѣшнему порту.

— Съ англійскаго брига «Готсперъ», 5 іюня, въ 2½ часа по-полудни, при умѣренномъ, съ порывами Ю. вѣтрѣ и большомъ волненіи, послана шлюбка со штурманомъ и 4 матросами, завести стоп-анкеръ съ пѣпнымъ канатомъ: при отдачѣ стоп-анкера шлюбку съ людьми затопило; почему тогда же съ внутренней брандвахты посланы два греб-

ныя судна, изъ которыхъ на одномъ, стараніемъ лоцманскаго старосты Матвѣя Урпина, лоцмана Василья Котцова и рядоваго 7 Ластоваго Экипажа Ивана Амосова, спасены только двое: штурманъ и матросъ, которые возвращены къ жизни и доставлены на корабль; остальныхъ же трехъ человѣкъ, при всѣхъ усиліяхъ спасти было невозможно, и они остались ненайденными. Шлюбка же со стоп-анкеромъ, при усиленномъ стараніи, изъ воды поднята и доставлена также на корабль.

— Іюльская книжка Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ сообщаетъ между прочимъ, слѣдующее происшествіе:

Курляндской губерніи Гольдингенскаго уѣзда, на частной мызѣ Озельнъ, въ крестьянскомъ дворѣ Айспарре, праздновали сватьбу. Одинъ изъ гостей, Ансъ Клейнауге, парень 28 лѣтъ, взялъ стоявшее въ клѣти ружье, принадлежавшее хозяину двора Индрику, съ намѣреніемъ, по тамошнему обычаю, стрѣлять изъ него, ради торжества, на воздухъ. Жена Индрика, замѣтивъ это, совѣтовала Ансу положить ружье на мѣсто; тотъ и послушался, опустилъ поднятое уже дуло ружья и хотѣлъ спустить взведенный курокъ; но курокъ какъ-то выскользнулъ у него изъ рукъ; ружье разрядилось—и весь зарядъ попалъ—въ новобрачную дочь хозяина, въ ту самую минуту выходившую изъ клѣти. Несчастная умерла, черезъ пять часовъ, послѣ ужасныхъ страданій. (1 мая).

— Извѣстно, что въ 1822 году, при разрытіи городскаго вала на Софійской-сторонѣ въ Новгородѣ, найдено было до пуда старинныхъ новгородскихъ рублей и гривенокъ. Нынѣ сдѣлана опять подобная находка. При копаніи земли подъ фундаментъ дома новогородскаго Дворянскаго Собранія, унтер-офицеромъ Внутренняго Гарнизоннаго Батальйона Ильею Давыдовымъ и рядовымъ Петромъ Потрусовымъ найдены, говоритъ донесеніе «старинныя серебряныя деньги—

19 штукъ, имѣющія форму продолговатыхъ обрубковъ». Нѣтъ сомнѣнія, что это древнія гривенки или рубли, смотря по тому, каковъ вѣсъ «обрубковъ». Подобные слитки, по показанію унтер-офицера Давыдова, находимы были рабочими и въ прежніе дни; но какъ они не знали ни качества ни цѣнности ихъ, то и вывозили ихъ, вмѣстѣ съ землею, на сосѣдніе огороды. Къ отысканію этихъ слитковъ, по-полученіи сказаннаго увѣдомленія, немедленно приняты были мѣстнымъ начальствомъ надлежащія мѣры.

— Въ Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ напечатана слѣдующая статья о дѣйствіяхъ тамошней Сберегательной Кассы: Въ февралѣ прошлаго года открыта, по распоряженію Правительства, при здѣшнемъ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія Сберегательная Касса, на основаніи Устава о Сберегательныхъ Кассахъ, Высочайше-утвержденнаго въ 30 день октября 1841 года. Не излишнимъ считаемъ повторить здѣсь благодѣтельную цѣль Правительства въ учрежденіи этихъ кассъ.

Цѣль учрежденія сей новой отрасли кредитныхъ установленій состоитъ въ томъ, чтобы недостаточнымъ лицамъ всякаго званія доставить средства сберегать, вѣрнымъ и выгоднымъ образомъ, небольшія суммы, остающіяся отъ ихъ расходовъ, съ приращеніемъ оныхъ процентами. Согласно такому назначенію Сберегательной Кассы, въ оную принимаются отъ вкладчиковъ суммы отъ 50 копѣекъ до 25 рублей серебромъ; количество-же всего капитала, вносимаго однимъ лицомъ, можетъ простираться до 750 р. с. Суммы, вносимыя въ Сберегательную Кассу, не подвергаются секвестру ни за казенныя, ни за частныя взысканія, и за цѣлость ихъ отвѣтствуетъ Приказъ Общественнаго Призрѣнія собственными своими капиталами. Для пріема и возврата вкладовъ назначаются воскресенье, вторникъ и четвергъ, отъ 9 часовъ утра до 2 часовъ по-полудни. Вносимыя въ Сберегательную Кассу суммы приносятъ по 4%

въ годъ, начиная съ 1-го числа слѣдующаго за взносомъ мѣсяца.

Люди небогатые, неимѣющіе обезпеченнаго состоянія, тѣ, коихъ содержаніе зависитъ единственно отъ ихъ собственныхъ трудовъ, какъ-то чиновники, содержащіе себя получаемымъ ими жалованьемъ, купцы и мѣщане, пріобрѣтающіе средства къ своему существованію отъ небольшихъ оборотовъ по дѣламъ промышленнымъ или торговымъ, ремесленники и работники, достающіе себѣ пропитаніе своими руками,—самыми обстоятельствами поставлены въ обязанность пещись объ устройствѣ своей будущности. Различныя несчастныя перемѣны въ жизни, столь часто и неожиданно постигающія: потеря здоровья, лишеніе мѣста, неудача какого-либо предпріятія и т. п., вдругъ могутъ привести человѣка, неимѣющаго никакого запаса отъ прошедшаго времени, въ самое затруднительное и даже бѣдственное положеніе, и онъ принужденъ бываетъ или искать посторонняго вспоможенія, обременяя другихъ своими нуждами, или самаго себя обременять долгами, а иногда подвергаться опасности совершеннаго разоренія. Сколько несчастныхъ осиротѣвшихъ семействъ терпятъ недостатки отъ того, что для нихъ ничего не было собрано при жизни отца семейства, когда еще было время заботиться объ ихъ участи, и дѣти, лишенныя способовъ къ своему воспитанію и устройству, возрастаютъ въ грубомъ невѣжествѣ, съ порочными наклонностями, дѣлаясь впослѣдствіи вредными членами общества! Между-тѣмъ всякій при полученіи своего жалованья или платы можетъ отдѣлять хотя самую малую часть для сбереженія на будущее время, на случай чорныхъ для себя дней, или въ наслѣдство своему семейству. Изъ этихъ, можно сказать, крохъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ постоянно собираемыхъ, нечувствительнымъ образомъ составится запасный капиталъ, если не въ совершенное обезпеченіе заботливаго собирателя, то, покрайней-мѣрѣ, въ пособіе во-время нужды, а такое пособіе какъ драгоцѣнно, какъ успокоительно, когда нѣтъ другихъ надежныхъ способовъ! Но какъ трудно сберегать и накоплять какую-либо сумму дома изъ ежедневныхъ, часто едва-примѣтныхъ остатковъ отъ своихъ расходовъ! Въ жизни непрестанно встрѣчаются случаи, увлекающіе насъ къ такимъ издержкамъ, безъ коихъ можно было-бы удобно обойтись, и мы, имѣя лишнія деньги у себя подъ рукою,

тратимъ ихъ безъ нужды; но если кто, по благоразумію и разсчетливости, и могъ-бы всегда устоять противъ приманокъ прихоти, или роскоши, то, сохраняя остаточную сумму у себя, онъ не приращаетъ ее процентами, а между-тѣмъ подвергается опасности какимъ-нибудь образомъ лишиться оной.

Сберегательная Касса устраняетъ всѣ сіи затрудненія, предлагая средства вѣрнаго и выгоднаго сохраненія денегъ. Постоянный вкладчикъ, ввѣряя ей свои остатки, чрезъ нѣсколько лѣтъ можетъ собрать, при непрестанно-возрастающихъ процентахъ на каждый внесенный рубль, значительное для себя пособіе—сладкій плодъ своихъ трудовъ, заботъ и бережливости. Даже вносящіе еженедѣльно только по одному рублю, — а таковой вкладъ возможенъ для весьма многихъ, — чрезъ десять лѣтъ непремѣнно составятъ для себя до 600 р. сер. (на ассигнац. 2,100 руб.), сумма которая будетъ тогда казаться находкою, а междутѣмъ для недостаточнаго, въ случаѣ дѣйствительной нужды, весьма-важною и полезною. Сколько добра сдѣлали-бы родители для своихъ дѣтей, если-бы поставили себѣ въ обязанность, безостановочно, по мѣрѣ возможности, вносить свои избытки въ Сберегательную Кассу, въ ихъ пользу, еще со времени ихъ младенчества; съ возрастомъ дѣтей и сіи даже скудныя приношенія возрасли бы, и потомъ составили значительную помощь или для ихъ воспитанія, или для ихъ устройства въ жизни. Содержатели фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ и всякихъ промышленныхъ и торговыхъ заведеній, сколько оказали-бы благодѣяній для многочисленнаго класса ремесленниковъ и работниковъ, если-бы вразумили ихъ, получаемую ими плату не тратить по-пустому, какъ это, къ-сожалѣнію, весьма часто они дѣлаютъ, а улѣлять изъ оной, по возможности каждаго, для внесенія въ Сберегательную Кассу, на случай болѣзни, потери мѣста и другихъ нуждъ въ будущемъ. Этимъ средствомъ работающіе съ одной стороны были-бы побуждаемы къ усердію и старанію въ своихъ работахъ, въ надеждѣ болѣе пріобрѣсти задѣльной платы, — а съ другой удержались-бы отъ неумѣренности, нетрезвости и различныхъ безпорядковъ, въ которые обыкновенно простой народъ впадаетъ отъ своей безпечности. Тоже самое должно сказать и о крестьянахъ, многолюдными артелями собирающихся въ города изъ разныхъ губерній, для работъ, во-время лѣ-

та, а иногда на цѣлые года, которые, съ такимъ трудомъ пріобрѣтая себѣ деньги для прокормленія своихъ семействъ, оставляемыхъ ими въ деревняхъ, подобно ремесленникамъ, подвергаются опасностямъ въ злоупотребленіи или потери своихъ трудовыхъ копѣекъ, единственно отъ того, что они не имѣютъ возможности сберегать ихъ у себя, и потому не рѣдко возвращаются домой не въ помощь, а еще въ отягощеніе своимъ семействамъ и сельскимъ обществамъ. Но невозможно исчислить всѣхъ случаевъ и обстоятельствъ, когда сохраненіе денегъ въ Сберегательной Кассѣ можетъ принести существенную пользу, какъ въ хозяйственномъ, такъ и нравственномъ отношеніи для всей массы народа, для всѣхъ его сословій и обществъ, при той несомнѣнной истинѣ, что трудъ, разсчетливость и бережливость составляютъ настоящее довольство и богатство каждаго семейства и каждаго народа. И потому можно вполнѣ надѣяться, что дѣйствія Сберегательной Кассы мало-по-малу распространятся по всѣмъ слоямъ общества, будутъ споспѣшествовать устройству домашняго хозяйства и улучшенію народныхъ нравовъ, и такимъ образомъ попечительныя мѣры Правительства о благосостояніи народномъ и въ семъ случаѣ достигнутъ своей цѣли.

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ Полтавской Сберегательной Кассы.

Съ открытія этой кассы, т. е. съ 1-го февраля 1849 года, по 1-е января 1850 года взнесено разными лицами незажиточнаго состоянія 9,741 р. 80 к. сереб.; выдано обратно капитала съ процентами 1,353 р. 32 к.; затѣмъ по 1-е января оставалось при Сберегательной Кассѣ наличнаго капитала 8,388 р. 40 к. сереб.

Слѣдующее статистическое свѣдѣніе показываетъ число вкладчиковъ по сословіямъ, и количество внесенныхъ ими суммъ.

	Число лицъ.	Сумма вкладовъ. Р.	К.
Отъ чиновниковъ	88	7,067	80
Лицъ духовнаго званія. . . .	8	480	—
Купцовъ	4	677	—
Мѣщанъ	6	120	—
Крестьянъ и дворовыхъ людей	10	293	—

Иностранцевъ	1	150	—
Разныхъ сословій	4	34	—
И того	121	9,741	80

Слѣдовательно, въ Сберегательную Кассу поступили вклады бо́льшею частію отъ чиновниковъ. Число ихъ въ отношеніи къ общему числу вкладчиковъ составляетъ $^{3}/_{4}$, крестьянъ $^{1}/_{12}$, духовенства $^{1}/_{12}$. Сумма-же вкладовъ чиновниковъ составляетъ $^{4}/_{5}$, купцовъ $^{1}/_{10}$, духовенства $^{1}/_{10}$.

Исчислимъ еще вклады по суммамъ, внесеннымъ въ одинъ разъ.

Въ 1849-мъ году было:

	Вклад.	На сумму р.	к.	с.
25 рублевыхъ	338	8,450.		
24 —	1	24.		
22 —	2	44.		
21 —	1	21.		
20 —	5	100.		
16 —	1	16.		
15 —	17	255.		
14 —	4	56.		
13 —	3	39.		
12 —	2	24.		
11 —	1	11.		
10 —	46	460.		
8 —	1	8.		
7 —	3	21.		
6 —	6	36.		
5 —	20	101.		
4 —	3	12.		
3 —	10	30.		
2 —	9	18.		
$1^{1}/_{2}$ —	1	1.	50	к.
1 —	1	1.		
И того	475	741.	80	к.

Итакъ наибольшее число вкладовъ (въ одинъ разъ) было 25 рублевыхъ ($^5/_4$), потомъ 10 рублевыхъ ($^1/_{10}$), далѣе 5-ти рублевыхъ ($^1/_{24}$), и 15 рублевыхъ ($^1/_{28}$).

Заключимъ наши свѣдѣнія надеждою, что число вкладчиковъ въ Сберегательную Кассу между лицами недостаточнаго состоянія будетъ годъ отъ году увеличиваться, и оправдаетъ тѣмъ благодѣтельные виды нашего попечительнаго Правительства.

Пожалованіе въ званіе къ Высочайшему Двору:

Іюня 14. Дѣвица *Марія Кузнецова* Всемилостивѣйше пожалована во Фрейлины къ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ. Дочь состоявшаго при Его Императорскомъ Величествѣ прусскаго Генерал-Адъютанта *Рауха*, дѣвица *Елизавета*, и дѣвицы Графиня *Елена Толь*, *Лучія Штрандманъ* и княжна *Марія Голицына* тоже во Фрейлины къ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ. Чиновникъ особыхъ порученій при Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ, Статскій Совѣтникъ *Яковъ Ханыковъ* Всемилостивѣйше пожалованъ въ званіе Камергера Двора Е. И. В. Іюня 20, Состоящій при Главнокомандующемъ Дѣйствующею Арміею чиновникомъ особыхъ порученій вѣдомства Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Титулярный Совѣтникъ *Паскевичъ*, и Іюня 24-го, Состоящій при канцеляріи Военнаго Министерства, Титулярный Совѣтникъ князь *Дмитрій Долгоруковъ* Всемилостивѣйше пожалованы въ званіе Камер-Юнкеровъ Двора Его Императорскаго Величества.

Опредѣленіе и назначеніе къ должностямъ:

Іюня 12. Директоръ упраздненной Канцеляріи Министра Государственныхъ Имуществъ по Государственному Коннозаводству, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Калашниковъ*, Членомъ Комитета Государственнаго Коннозаводства.

Членъ того Комитета, въ должности Шталмейстера Высочайшаго Двора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Графъ *Гендриковъ*, Инспекторомъ Государственныхъ Конскихъ Заведеній.

Іюня 28. Главный Докторъ Московской Городской Больницы, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Эвнусъ*, назначенъ Инспекторомъ по медицинской части въ московскихъ учрежденіяхъ Императрицы Маріи, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

Іюня 29. Управляющій дѣлами Комитета объ устройствѣ земскихъ повинностей въ Государствѣ, Камергеръ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Веневитиновъ*, назначенъ Членомъ Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Іюня 7. Бывшій Директоромъ Упраздненнаго Департамента Государственнаго Коннозаводства Генералъ-Лейтенантъ *Фостъ* I-й Членомъ Комитета Государственнаго Коннозаводства.

Іюля 4. Состоящій при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, Тайный Совѣтникъ *Бибиковъ*, назначенъ Гофмейстеромъ Двора Его Императорскаго Величества.

Іюля 1-го. Начальнику 2-й Пѣхотной Дивизіи, Генералъ-Лейтенанту *Адлербергу* 1, Всемилостивѣйше повелѣно присутствовать въ Генералъ-Аудиторіатѣ Военнаго Министерства, съ правомъ голоса.

Увольненіе отъ должности:

По болѣзни: Іюня 22. Чиновникъ особыхъ порученій при Министрѣ Народнаго Просвѣщенія, по медицинской части, и врачъ Департамента, Непремѣнный Членъ Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Спасскій*, съ оставленіемъ въ званіи почетнаго Члена того Совѣта.

Іюня 28. Подольскій Губернскій Предводитель Дворянства, Тайный Совѣтникъ Графъ *Пржездзецкій*.

По прошенію; Іюля 19. Управляющій Калужскою Палатою Государственныхъ Имуществъ, отставной Генералъ-Маіоръ *Пичугинъ*.

За штатомъ: Іюля 22. Вице-Директоръ упраздненнаго Департамента Государственнаго Коннозаводства, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Фраполи*.

Произведены:

Іюня 25-го. Изъ Дѣйствительныхъ Статскихъ въ Тайные Совѣтники: состоящій въ Военно-Медицинскомъ Вѣдомствѣ, Почетный Лейб-Медикъ Его Императорскаго Величества *Мандтъ*. Генералъ-Штабъ докторъ Дѣйствующей Арміи *Четыркинъ*.

Іюля 4-го. Гофмаршалъ Двора Его Императорскаго Величества, Графъ *Шуваловъ*, въ Обер-Гофмаршалы, съ назначеніемъ Президентомъ Придворной Конторы. Состоящій при Дворѣ Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича, Гофмаршалъ *Олсуфьевъ* въ Обер-Гофмейстеры Высочайшаго Двора, съ назначеніемъ управлять по-прежнему Дворомъ Его Высочества. — Управляющій Собственною Его Императорскаго Величества Конторою, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Яниковъ*, въ Тайные Совѣтники, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

Пожалованы орденами:

Св. Анны 1-й ст. съ Императорскою Короною:

Іюня 23. Членъ Совѣта Министра Финансовъ и Предсѣдатель Московскихъ Отдѣленій Мануфактурнаго и Комерческаго Совѣтовъ, въ званіи Камергера, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Баронъ *Мейендорфъ*.

Вынесенъ былъ аналогій съ возложенными на него Животворящимъ Крестомъ и Евангеліемъ, и съ благоговѣніемъ смотрѣлъ батальйонъ на сіи священнѣйшіе символы, предъ которыми за 25 лѣтъ клялся онъ въ вѣрности своему Государю.

Предъ начатіемъ Богослуженія, Батальйону прочтена была грамота, данная Его Императорскимъ Величествомъ въ этотъ день, въ присутствіи Своемъ въ Петергофѣ, и потомъ прочтены были статьи закона, указующія обязанности служащимъ подъ знаменами. Взято было на молитву, и духовникъ батальйона, сказавъ краткую, но трогательную рѣчь, приступилъ къ обряду водоосвященія. Началось молебствіе, и мы съ теплою вѣрою и умиленіемъ молили Царя Царствующихъ, продлить драгоцѣнную жизнь нашего Монарха, и дать Ему много и много разъ радостно встрѣтить торжественный день Его рожденія, а намъ подать новыя силы, служить Ему храбро, честно, какъ всегда служили Русскіе своимъ Государямъ. Когда знамя было окроплено Святою водою, священнослужители, среди торжественной тишины, вручили его предъ монументомъ Основателя батальйона, Командиру батальйона, Полковнику *Кузовлеву*.

Послѣ принесенной присяги, знамя съ должною почестью принято въ батальйонъ, и Бригадный Командиръ, Генералъ-Майоръ *Богаевскій*, поздравилъ его съ Монаршею милостью. Краткая рѣчь Генерала произвела невыразимый восторгъ— и дружное «ура!» огласило площадь.

Батальйонъ съ новымъ знаменемъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ мимо монумента Петра Великаго, и послѣ, когда знамя было поставлено въ квартирѣ Командира, пѣлъ многолѣтіе благополучно царствующему Государю Императору.

Радостно провели мы этотъ день, и сердца наши сладостнымъ біеніемъ отвѣчали на старинное русское изрѣченіе, сказанное Командиромъ:

«За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаютъ».

ИЗВѢСТІЯ СЪ КАВКАЗА.

Въ началѣ мая мѣсяца, Начальникъ II Отдѣленія Черноморской Береговой Линіи, Генерал-Маіоръ *Вагнеръ*, извѣстясь, что изъ рѣки Вулана, впадающей въ Чорное-Море, выходятъ хищники для поисковъ на гребномъ суднѣ, собралъ въ укрѣпленіи Тенгинскомъ отрядъ изъ 360 человѣкъ нижнихъ чиновъ Черноморскихъ Линейныхъ Батальйоновъ и Азовскихъ казаковъ, при 2-хъ фалконетахъ, и на 7 баркасахъ направился, 9-го числа, къ устью означенной рѣчки.

Овладѣвъ, быстрымъ, неожиданнымъ десантомъ, завалами Горцевъ и разбойничьимъ судномъ, Генерал-Маіоръ *Вагнеръ* разсѣялъ непріятельское сборище и предалъ огню аулъ Кедему, главный притонъ хищниковъ; за симъ, отойдя на полмили въ море, повернулъ къ другому враждебному аулу Беше, и также его разорилъ.

Въ обоихъ десантахъ, увѣнчанныхъ полнымъ успѣхомъ, съ нашей стороны контужено только двое нижнихъ чиновъ.

На прочихъ пунктахъ Кавказскаго Края, послѣ геройскихъ подвиговъ казаковъ на Лабѣ и охотниковъ на Лезгинской Линіи, все оставалось спокойнымъ.

Главнокомандующій Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, *произведя* съ Генерал-Адъютантомъ *Княземъ Аргутинскимъ-Долгоруковымъ* военную рекогносцировку верховьевъ Самура, избралъ сильную позицію надъ деревнею Лучекъ, для постройки укрѣпленія, которое прикрывать будетъ Самурскій Округъ, Нухинскій уѣздъ, и новую дорогу по Шин-

скому ущелью. Производство крѣпостныхъ работъ поручено Генералъ-Маіору *Князю Орбеліану*, съ отрядомъ изъ 5 батальйоновъ,

Генералъ-Адъютантъ *Князь Воронцовъ* направился оттуда, чрезъ Дербентъ и Темиръ-Ханъ-Шуру, на лѣвый флангъ Кавказской Линіи.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Франція.

1-го *іюля*. Лордъ *Норменби* отправляется въ Лондонъ, и везетъ съ собою конвенцію, заключенную между двумя правительствами. Онъ хочетъ присутствовать въ Парламентѣ при преніяхъ объ Ирландіи, въ которой онъ долго былъ лордом-губернаторомъ. Несогласіе между Франціею и Англіею совершенно прекращено, и г. *Друенъ де-Люи* уѣхалъ изъ Парижа еще 29 числа; онъ передастъ письма отъ *Президента* лорду *Пальмерстону* и *Королевѣ*; въ послѣднемъ, г. *Людовикъ Бонапарте* выражаетъ свое сожалѣніе о непріятности, причиненной Королевѣ.

— Воздушное путешествіе гг. *Биксіо* и *Барраля*. Они хотѣли подняться на 12,000 метровъ, чтобы изслѣдовать температуру и плотность атмосферы и упругость паровъ на этой высотѣ. Они поднялись въ 10 часовъ утра, съ необыкновенной скоростію. На высотѣ 2 или 3 метровъ, водородъ, заключенный въ шарѣ началъ расширяться до того, что шаръ растянулся до лодки. Тогда г. *Барраль* прорѣзалъ его внизу, и доставилъ газу выходъ; вѣроятно, отверстіе было слишкомъ велико; шаръ началъ опускаться внизъ очень быстро; балластъ былъ выброшенъ, шаръ сталъ-было снова подниматься, но чрезъ нѣсколько времени полетѣлъ опять къ землѣ. Наконецъ, онъ упалъ на виноградникъ: ударъ былъ ужасенъ; вѣтеръ долго еще перебрасывалъ шаръ изъ стороны въ сторону. Г. *Биксіо* остался невреднимъ, но г. *Барраль* заболѣлъ лихорадкою; кожа на

лицѣ его содрана во многихъ мѣстахъ. Путешественники упали въ 30 или въ 35 верстахъ отъ Парижа, недалеко отъ Страсбургской желѣзной дороги.

2-го.—Г. *Араго*, отдавая сегодня Академіи отчетъ объ этомъ путешествіи, сказалъ въ заключеніи, что г. *Барралю* удалось сдѣлать нѣсколько наблюденій надъ пониженіемъ температуры.

3-го. *Зак. Соб.* Г. *Дюпенъ* объявленъ кандидатомъ большинства для занятія мѣста президента Собранія; нѣтъ сомнѣнія, что онъ останется президентомъ.

4-го. *Зак. Соб.* — Подъ предсѣдательствомъ *Леона Фошѣ*, собраніе выбирало себѣ Президента. Всѣхъ голосовъ подано 538, рѣшительное большинство 270, въ пользу *Дюпена* 325, *Мишеля* (*изъ Буржа*) 102, *Ламорисьера* 63, *Бедо* 35, потерянныхъ голосовъ 16. Г. *Дюпенъ* объявленъ президентомъ. Затѣмъ въ другой разъ прочитанъ проектъ закона о кредитѣ въ 5 милліоновъ франковъ для алжирскихъ земледѣльческихъ колоній. Въ этомъ же засѣданіи президентъ объявилъ результатъ выбора вице-президента. Всѣхъ голосовъ подано 530, рѣшительное большинство 266. Въ пользу *Бедо* 330, *Дарю* 320, *Леона Фошѣ* 278, *Бенуа д'Ази* 213, *Амеля Араго* 124, *Гревп* 117, *Матье* (*Дромскаго*) 122, *Жюля де-Ластейри* 132, *Ламорисьера* 38. Гг. *Бедо*, *Дарю*, *Леонъ Фошѣ* и *Бенуа* объявлены вице-президентами.

— Многія значительныя политическія лица, и въ томъ числѣ *Гизо*, отправились изъ Парижа въ Лондонъ, чтобы присутствовать при погребеніи тѣла сэра *Роберта Пиля*.

5-го, *Зак. Соб.* Послѣ того, какъ Собраніе приняло протоколъ вчерашняго засѣданія, г. *Дюпенъ*, вновь избранный президентъ, обратился къ собранію съ слѣдующими словами:

— Господа! Въ ту минуту, какъ Англія оплакиваетъ потерю своего знаменитѣйшаго государственнаго человѣка и краснорѣчиваго оратора, думаю, что прилично было бы французской трибунѣ высказать свое скорбное сочувствіе преждевременной кончинѣ сэра *Роберта Пиля*, тѣмъ болѣе, что этотъ государственный человѣкъ Англіи постоянно питалъ къ Франціи расположеніе и привязанность (*одобреніе*). Если Собраніе раздѣляетъ мои чувства, то имѣетъ ихъ въ протоколъ засѣданія. (*Громкое одобреніе*).

— Портретъ сэра *Роберта Пиля* будетъ повѣшенъ въ Версальскомъ Музеѣ, въ галереѣ знаменитыхъ иностранныхъ мужей.

— Коммиссія, наряженная по поводу лондонской промышленной выставки, избрала своимъ президентомъ барона *Карла Дюпена*, а секретаремъ г. *Фаллу*.

— Къ *Президенту Республики*, во-время прогулки его по Вулоньскому-лѣсу, подошелъ старый африканскій солдатъ, который въ 1839 г. былъ раненъ тремя пулями; онъ нарочно пришелъ изъ Нанта, гдѣ онъ занимается ткачествомъ, чтобы просить пособія у племянника Императора. *Президентъ* приказалъ выдать ему 300 франковъ.

— Очень многіе представители съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстія о дуэли гг. *Девансе и Бона*; первый принадлежитъ къ очень сильнымъ членамъ бонапартистской партіи въ департаментѣ Мена и Луары.

— Всѣ Парижане по-прежнему заняты закономъ о книгопечатаніи. Противъ него возстаютъ даже тѣ газеты, которыя постоянно одобряли всѣ прежнія мѣры правительства. Constitutionnel и Journal des Débats принадлежатъ къ самымъ сильнымъ противникамъ проекта; первый оканчиваетъ свою статью объ немъ словами:

«Если есть какой-нибудь законъ, который не слѣдовало бы ставить на очередь, то это конечно законъ о книгопечатаніи».

— Г. *Персиньи* уѣхалъ въ Берлинъ 3-го іюля, вечеромъ; откуда онъ поѣдетъ въ Данію, а оттуда, какъ увѣряютъ люди, хорошо знакомые съ тайнами Элизе, въ Санктпетербургъ.

6-го. Коммиссія, разсматривающая проектъ закона о книгопечатаніи, принимала вчера депутатовъ отъ книгопродавцевъ, типографій и парижскихъ бумажныхъ фабрикъ; депутаты представили коммиссіи различныя замѣчанія о вліяніи этого закона преимущественно на изданія непріодическія. Они доказали, что три четверти ежегодно выходящихъ сочиненій содержатъ болѣе десяти листовъ въ 32 квадратныхъ дециметра, и слѣдовательно будутъ подлежать уплатѣ штемпельной пошлины, что отъ нея не избавлены

будутъ книги въ 820 страницъ и болѣе, что впредь французскимъ книгопродавцамъ нельзя будетъ бороться съ брюссельскими поддѣлками, наконецъ, что законъ касается всѣхъ сочиненій безъ исключенія, каково бы ни было ихъ достоинство и направленіе. Коммиссія выслушала депутатовъ очень благосклонно, и, кажется, была очень поражена ихъ замѣчаніями, тѣмъ болѣе, что они говорили не во имя какой-нибудь политической партіи, а излагали взглядъ свой на это дѣло съ чисто-промышленной точки зрѣнія. Послѣдствій, на которыя они указывали, коммиссія не могла предвидѣть, и отвѣчала имъ, что употребитъ всевозможныя старанія, чтобы согласить безопасность общества съ ихъ выгодами.

— Со времени февральской революціи никогда еще демократическая партія не упадала духомъ такъ сильно, какъ теперь. Это придаетъ бодрость и смѣлость друзьямъ Элизе. Нѣсколько дней тому назадъ, *Президентъ Республики* обозрѣвалъ нѣкоторыя укрѣпленія; вездѣ принимали его съ криками:

«Да здравствуетъ Наполеонъ! Въ Тюльери! въ Тюльери!»

Нѣкоторые даже кричали:

«Долой республику!»

Многіе приверженцы *Президента* спрашивали:

«Чего мы ждемъ?

Чтобы какъ-нибудь разстроить согласіе, существующее съ нѣкотораго времени между легитимистами и орлеанистами, бонапартисты старались распространить слухъ о беременности графини *де-Шамборъ*; въ-самомъ-дѣлѣ приверженцы обѣихъ партій одно время упали духомъ, но скоро узнали, что слухъ этотъ совершенно неоснователенъ, и старанія бонапартистовъ не имѣли успѣха.

7-го. *Зак. Соб.* было неинтересно; сначала утвержденъ кредитъ въ 1,200,000 фр., уже прежде назначенный для экспедиціи въ Монтевидео; министръ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ, что извѣстія оттуда очень благопріятны. Генералъ *Орибе* отпускаетъ для французскихъ войскъ говядину по 33 сант. за килограммъ, тогда какъ въ городѣ за нее платятъ въ шесть разъ дороже. Нѣсколько одушевленнѣе были пренія о предположеніи снять осадное положеніе въ департаментѣ

Изеры. Г. *Ремонъ*, членъ крайней лѣвой стороны, сказалъ, что департаментъ его совершенно спокоенъ и осадное положеніе можетъ быть снято безъ всякой опасности. Г. *Барошъ* защищалъ распоряженіе министерства, и доказывалъ, что осадное положеніе нисколько не препятствуетъ благосостоянію края. Предложеніе было отвергнуто (404 гол. противъ 202).

— Извѣстія объ учрежденіи въ Версали лагеря произвели сильное впечатлѣніе, и нѣкоторые представители хотятъ требовать у правительства объясненій по этому случаю. Лагерь будетъ подъ главнымъ начальствомъ генерала *Шангарнье*, но непосредственнымъ его начальникомъ будетъ генералъ *Бараге д'Илье*, а подъ нимъ генералъ *Граммонъ*.

— Въ Эмсѣ соберется большой конгрессъ легитимистовъ; туда ѣдетъ, если уже не поѣхалъ, *графъ де-Шамборъ*. Представители партіи отправятся туда одинъ за другимъ. Герцогъ *де-Леви* уже выѣхалъ изъ Парижа и, вѣроятно, уже находится въ Эмсѣ.

Между-тѣмъ приверженцы орлеанской линіи собираются ѣхать въ Лондонъ, чтобы видѣть *Людовика-Филиппа*, котораго здоровье теперь совершенно поправилось, и главное, присутствовать, 20-го н. м. при первомъ принятіи Св. причащенія *графомъ Парижскимъ*.

— Въ Парижѣ полученъ первый нумеръ журнала le Proscrit, въ которомъ помѣщена статья г. *Ледрю Роллена*; онъ обвиняетъ теперешнихъ членовъ Горы въ неспособности. Монтаньяры хотѣли отвѣчать, но такъ какъ журналъ этотъ тотчасъ же былъ схваченъ, то, можетъ-быть, они оставятъ обвиненіе безъ отвѣта.

— Извлекаемъ изъ Journal des Dèbats слѣдующее извѣстіе:

«Въ пятницу (5 ч.) одинъ изъ сторожей Элизе замѣтилъ около дворца молодаго человѣка, лѣтъ восьмнадцати, который ходилъ долго взадъ и впередъ; когда со двора Элизе выѣхала карета, въ которой было нѣсколько генераловъ, онъ быстро приблизился къ ней, и долго всматривался въ лица сидѣвшихъ; въ то же время правой рукою, онъ какъ-будто искалъ подъ сюртукомъ оружіе. Сторожъ подошелъ къ нему, и тотъ прямо сказалъ ему, что хочетъ убить Президента Республики. На допросѣ онъ сказалъ, что съ нѣкотораго

времени намѣреніе умертвить Президента сдѣлалось для него какимъ-то непреодолимымъ стремленіемъ. Зовутъ его *Валькеромъ*. Онъ сказалъ, что никто не зналъ о намѣреніи его; теперь же онъ признался, что только случай избавилъ Президента отъ смерти.

Поведеніе *Валькера* уже давно показывало въ немъ дурныя наклонности; онъ участвовалъ въ самыхъ жаркихъ клубахъ. Изъ показанія его видно, что разсудокъ его поврежденъ: участіе его въ собраніяхъ имѣло на него очень вредное вліяніе.

— Въ Journal de Toulouse напечатано извѣстіе о несчастномъ происшествіи, бывшемъ 21 іюля на тамошней сценѣ. Во-время четвертаго акта «Гугенотовъ», теноръ *Маріе* спѣлъ, по причинѣ болѣзни, довольно слабо; не-смотря на сочувствіе большей части публики къ нему, по окончаніи аріи раздалось два свистка. Долго боролся г. *Маріе*, желая повторить арію, но наконецъ упалъ бездыханный, вслѣдствіе сильнаго потрясенія нервовъ.

8-го.—*Зак. Соб.* Сегодня начались пренія о законѣ касательно книгопечатанія; споръ начался съ вопроса о безотлагательствѣ. Г. *Жирарденъ* требовалъ, чтобы объ этомъ представили особенный докладъ, какъ того требуетъ уставъ Собранія. Президентъ *Дюпенъ* отвѣчалъ, что этотъ докладъ заключается въ общемъ докладѣ коммиссіи и что, слѣдовательно, уставъ соблюденъ. *Шасселу-Лоба* сказалъ, что если собраніе не признаетъ закона безотлагательнымъ, то его должно считать отвергнутымъ. Заключеніе коммиссіи принято (368 гол. пр. 251). Противъ самой сущности проекта говорилъ г. *Мадье де-Монжо*; онъ показалъ истинное значеніе его, цѣль, съ которою онъ предложенъ. Законъ этотъ преимущественно направленъ противъ дешевыхъ изданій, обращающихся между простымъ народомъ. Въ началѣ своей рѣчи, г. *Мадье* сталъ-было выхвалять поведеніе временнаго правительства, за уничтоженіе налога на всѣ изданія. Ему возражалъ министръ юстиціи г. *Руэ*, и назвалъ февральскую революцію *катастрофою*; тогда поднялся страшный шумъ съ лѣва; требовали, чтобы министръ былъ призванъ къ порядку. Г. *Дюпенъ* отвѣчалъ, что онъ самъ сдѣлалъ бы это, но насилію не станетъ повиноваться. Г. *Жирарденъ* сказалъ, что или министръ будетъ призванъ къ порядку, или всѣ члены оппозиціи перестанутъ засѣдать въ собраніи. На это воззва-

ніе ему отвѣчали рукоплесканіями съ права; лѣвая сторона молчала. Говорятъ, что г. *Жирарденъ* послѣ засѣданія хотѣлъ подать просьбу объ отставкѣ, но товарищи удержали его отъ этого. Общія пренія были открыты, и засѣданіе кончено, но представители долго еще оставались въ залѣ.

— Недѣли двѣ тому назадъ, примиреніе между двумя линіями бурбонскаго дома казалось несомнѣннымъ. Въ Элизе даже съ недовѣрчивостію смотрѣли на поѣздки въ Сен-Леонаръ. Теперь вдругъ объявляютъ, что это примиреніе невозможно, и тѣ, которые такъ сильно хлопотали о немъ, видятъ теперь спасеніе Франціи только въ продолженіи власти Президента Республики.

9-го.—*Зак. Соб.* Г. *Кремье* протестовалъ противъ словъ министра юстиціи, назвавшаго февральскую революцію *катастрофой*. Вчера, вечеромъ, собрано было около 200 человѣкъ лѣвой стороны и они рѣшили представить писанный протестъ противъ словъ министра юстиціи, но сегодня президентъ *Дюпенъ* отклонилъ его. Journal des Debats считаетъ слова министра юстиціи о февральской революціи совершенно справедливыми. Le Pays, соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, говоритъ, что г. *Руэ* не долженъ былъ объявлять его съ трибуны, чтобы не подпасть нападенію со стороны оппозиціи.

10-го. — *Зак. Соб.* Всѣ думали, что проектъ закона о книгопечатаніи будетъ безпрепятственно принятъ Собраніемъ; но сегодняшнее засѣданіе обмануло это ожиданіе. Г. *де-Тиньи* предложилъ постановить, что впредь каждая статья въ газетѣ, имѣющая политическое направленіе, должна быть подписана. Предложеніе, не-смотря на противодѣйствіе комиссіи, которая увѣряла, что оно неисполнимо, принято (32 гол.); въ его пользу подавали голоса очень многіе члены горы, между прочимъ *Матьё* (Дромскій). Рѣшеніе это произвело огромное впечатлѣніе на Собраніе. Комиссія, съ своей стороны, желая обезсилить предложеніе, предложила, чтобы имена авторовъ были доставляемы редакторамъ; правительство же можетъ требовать ихъ въ теченіе мѣсяца. Это предложеніе еще не принято.

— Французская Академія занималась присужденіемъ Монтіоновой преміи за самое полезное нравственное сочиненіе. Премія раздѣлена между семью соискателями: *Генрихъ Мар-*

тэнъ, ректоръ руанской академіи; *Гарнье*, профессоръ философіи въ парижскомъ факультетѣ, и *Кастo*, докторъ словесныхъ наукъ въ парижской академіи, получили каждый премію въ 3,000 фран. Г-жи *Бавръ*, *Дебордъ-Вальморъ*, *Шельѣ* (урожденная *Жюссьё*) и *Карпантье* удостоены каждая премією въ 2,000 франковъ.

— Генералъ *Фабье* предложилъ Собранію перевести эмира *Абд-эль-Кадера* изъ Амбуазскаго-замка, гдѣ онъ содержится теперь, въ Александрію или Сен-Жан-д'Акръ, согласно съ условіями, которыя были заключены съ нимъ, но еще не ратифицированы правительствомъ.

— Здоровье г. *Тьера* очень разстроено литературными и политическими трудами. Онъ намѣревается провести нѣсколько дней въ Сѣверномъ-департаментѣ, по домашнимъ дѣламъ, потомъ возвратится въ Парижъ, чтобы принять участіе въ прежіи о бюджетѣ, и по распущеніи Собранія, поѣдетъ къ берегамъ Рейна, гдѣ пробудетъ во все время ваканцій.

— La Patrie говоритъ, что «изъ всѣхъ свѣдѣній, собранныхъ объ Валькерѣ, видно, что онъ помѣшанъ, поэтому его поступокъ есть злоумышленіе частное, отдѣльное, неимѣющее никакой связи съ какою бы то ни было партіею. Вчерашній день показалъ впрочемъ, какъ мало долженъ Президентъ болѣться подобныхъ злоумышленій. Онъ присутствовалъ, безъ конвоя, на Марсовомъ-полѣ, при стеченіи болѣе 200 тысячъ человѣкъ, собравшихся посмотрѣть на новаго воздухоплавателя г. *Пуатвеня*. Президентъ былъ такъ же спокоенъ, какъ въ своемъ дворцѣ.

— Вотъ вкратцѣ разсказъ о воздушномъ путешествіи г. *Пуатвеня*. Въ объявленіи сказано было, что г. *Пуатвень* поѣдетъ верхомъ; по этому, не смотря на то, что за входъ на Марсово-поле нужно было заплатить франкъ, площадь была набита биткомъ. Въ часъ по-полудни, 7 іюля, начали наполнять «Зодіакъ» газомъ; вѣтеръ былъ такъ порывистъ, что операція эта продолжалась очень долго; только къ половинѣ шестаго шаръ былъ наполненъ. Когда къ нему привязана была плетеная платформа для баласта, зрители увидѣли статную бѣлую лошадку, взнузданную и осѣдланную. Ей надѣли крѣпкій холстинный поясъ съ ремнями, стянутыми вмѣстѣ на ляшкахъ и плечахъ; отъ нихъ шли веревки, которыми лошадь была привязана къ платформѣ, въ разстояніи отъ нея футовъ на семь или на восемь; отъ спины

лошади къ платформѣ притянута была лѣстница; такимъ образомъ всадникъ могъ уменьшать балластъ и въ то же время управлять клапаномъ, отъ котораго проведенъ былъ къ нему снурокъ, сквозь отверстіе въ платформѣ. Когда наконецъ все было готово и шаръ спущенъ, лошадь долго искала ногами землю и была сначала очень безпокойна. Долго воздухоплаватель оставался въ виду зрителей; вѣтеръ гналъ его къ сѣверо-востоку и одинъ изъ участниковъ въ предпріятіи, г. *Пеллье*, придумавшій эту новаго рода подпругу, отправился вслѣдъ за нимъ, разумѣется, по землѣ. Чрезъ десять минутъ шаръ пропалъ изъ глазъ. Долго безпокоились о судьбѣ воздухоплавателя, наконецъ на другой день, утромъ, всѣ знали подробности этого путешествія: въ 7 часовъ г. *Пуатвенъ* началъ спускаться, и чрезъ три четверти часа приблизился къ землѣ; порывистый вѣтеръ долго носилъ его надъ лѣсами, и не давалъ пристать; лошадь съ жадностію хватала верхи деревъ, надъ которыми они пролетали; наконецъ г. *Пуатвену* удалось уцѣпиться за дерево, и съ помощію нѣсколькихъ пріятелей, слѣдовавшихъ за нимъ, спуститься на землю. Онъ присталъ близъ деревни Гризи, въ кантонѣ Бри-Конт-Роберъ (Деп. Сены и Марны). Со всѣхъ сторонъ собрались любопытные; въ Гризи устроенъ былъ балъ, и путешественникъ долженъ былъ проѣхать по залѣ на своемъ пегасѣ.

Говорятъ, что на Марсовомъ-полѣ собрано было въ тотъ день отъ 10-ти до 12-ти тысячъ франковъ. Неизвѣстно, какъ высоко поднимался г. *Пуатвенъ*; у лошади шла сильно носомъ кровь, и далѣе подниматься было невозможно. Теперь въ конюшнѣ г. *Пеллье* толпится множество мужчинъ и дамъ; художники приходятъ туда съ карандашами и снимаютъ портретъ знаменитой лошадки. Одинъ Англичанинъ уже предлагалъ за нее баснословную цѣну.

— Сегодня утромъ министръ юстиціи г. *Руэ* былъ рано въ Элизе, и долго совѣщался съ Президентомъ Республики. Говорили объ отставкѣ его, хотя и не утвердительно; хотя Президентъ очень недоволенъ вчерашнимъ поступкомъ его, но все же онъ не хочетъ пожертвовать имъ буйству лѣвой стороны. Со вчерашняго дня этотъ случай служитъ предметомъ всеобщихъ разговоровъ. Публика гораздо меньше, нежели представители, тревожится справедливымъ названіемъ, даннымъ февральской революціи; она давно знаетъ,

что эта революція была несчастіе, и часто могла убѣдиться въ этомъ. Когда г. *Тьеръ* или какой-нибудь другой членъ большинства высказывали эту мысль съ трибуны, всѣ находили, что она справедлива и что они имѣли полное право выразить ее. Но чтобы быть вполнѣ справедливыми, мы должны сказать, что министръ, высказывая ее, сдѣлалъ, если не капитальную погрѣшность, то, по-крайней мѣрѣ, непростительную неловкость, которой ничто не оправдываетъ и которой ничто не вызывало. Многимъ непріятно, что г. *Руэ*, человѣкъ умный и энергическій, поставилъ себя въ такое трудное положеніе, и нѣкоторымъ образомъ увлекъ за собою и Президента Республики. Друзья г. *Руэ* стараются доказать, что можно отличать февральскую революцію отъ правильной республики; объ ней нисколько не думали тѣ, которые дрались 24 февраля, и противъ которыхъ должно было бороться даже временное правительство.

— Constitutionnel и la Gazette des Tribunaux подтверждаютъ извѣстіе о томъ, что *Валькеръ* помѣшанъ. Вотъ что говоритъ Constitutionnel: этотъ человѣкъ иногда самъ сознаетъ умственное разслабленіе, въ которомъ находится.

«Я чувствую, говоритъ онъ, что я не на хорошей дорогѣ. Я хотѣлъ выдти изъ этого положенія. Я употреблялъ всѣ усилія, чтобы записаться въ полкъ, чтобы подчиниться строгой дисциплинѣ. Мнѣ часто отказывали, потому что мнѣ не было семнадцати лѣтъ. Когда этотъ срокъ насталъ, я собралъ мои бумаги и снова началъ искать».

Утромъ въ пятницу онъ былъ у одного полковника, но его не приняли. Отецъ *Валькера*, бывшій при смерти, когда арестовали его сына, умеръ нѣсколько часовъ спустя. Медики, свидѣтельствовавшіе молодаго преступника, долго совѣщались о немъ, и, кажется, результатомъ всего было признаніе *Валькера* мономаномъ, которого ослабленіе умственныхъ способностей дѣлаетъ помѣшаннымъ.

— Изъ Тулона пишутъ, что французскій флотъ будетъ оставаться передъ Неаполемъ до-тѣхъ-поръ, пока дѣла между Англіей и Неаполемъ не установятся окончательно. Неаполитанскій Король самъ желалъ, чтобы французскій флотъ долѣе оставался передъ Неаполемъ. Англійскій флотъ стоитъ у Мальты.

— Всѣ газеты напечатали сегодня слѣдующее объявленіе:

«Начальство узнало, что въ день Св. Генриха назначенъ банкетъ и обѣдня съ музыкою, и что къ этому торжеству приглашены очень многіе. Префектъ полиціи извѣщаетъ приглашенныхъ, что всякое подобное торжество будетъ запрещено.»

Газета Opinion publique совѣтуетъ по этому своимъ друзьямъ, легитимистамъ, воздержаться въ день Св. Генриха отъ всякой гласности, и молиться тихо за *Графа Шамбора.*

11-го.—*Зак. Соб.* Принятіе предложенія г. *Тенье* дало новое направленіе преніямъ Собранія о законѣ касательно книгопечатанія; вѣроятнымъ результатомъ всего будетъ непринятіе закона, въ утвержденіи котораго нѣсколько дней тому назадъ никто не сомнѣвался. Тѣ, которые вообще были недовольны проектомъ, должны по этому быть очень признательными г. *Тиньи.* Правительство и министерскія газеты полагали послѣднюю надежду на измѣненіе, предложенное, отъ имени коммиссіи, *Шаранселемъ.*

Говорятъ, что министерство согласилось на уменьшеніе штемпельной пошлины противъ первоначальнаго проекта, что оно будетъ поддерживать предложеніе объ этомъ, которое скоро представятъ Собранію. Собраніе приняло (449 год. пр. 195) проектъ закона, которымъ утверждается распоряженіе объ осадномъ положеніи острова Гваделупы, но на это рѣшеніе никто, внѣ Собранія, не обратилъ вниманія. Г. *Леверрье* представилъ докладъ десятой парламентской коммиссіи о предложеніи генерала *Граммона,* касательно перенесенія резиденціи правительства изъ Парижа въ другой городъ. Коммиссія признала, что положеніе его затруднительно и не можетъ быть долѣе терпимо; она согласна также, что для этого возможны два только средства: или оставить Парижъ, или изгнать изъ столицы всю армію возмутителей. По этому она рѣшила принять предложеніе генерала *Граммона* къ разсмотрѣнію. Чтобы вѣрнѣе опредѣлить настоящее положеніе дѣлъ, докладчикъ сдѣлалъ Собранію предложеніе, по которому жительство въ департаментѣ, въ которомъ находится Парижъ, запрещается всѣмъ тѣмъ, которые 1) не могутъ представить свидѣтельства о своемъ образѣ жизни; 2) состоятъ подъ вѣдѣніемъ

высшей полиціи или уличены въ бродяжничествѣ; нарушившіе первую статью будутъ подвергнуты аресту отъ одного до шести мѣсяцевъ, нарушившіе вторую—аресту отъ 6 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ.

— *Людовикъ Наполеонъ Бонапарте*, Президентъ Республики, вписанъ въ число избирателей 1-го округа Сенскаго Департамента, вѣроятно, какъ занимающій общественную должность, потому-что онъ не удовлетворяетъ условію трехлѣтняго жительства.

— *Президентъ Собранія* г. *Дюпенъ* получилъ письмо отъ семейства сэра *Р. Пиля*, въ которомъ оно благодаритъ его за рѣчь, произнесенную имъ въ Собраніи въ честь знаменитаго государственнаго мужа, котораго потеряла Англія. Оно благодаритъ также Собраніе за сочувствіе его къ словамъ г. *Дюпена*.

12-го.—*Зак. Соб.* Газета L'Ordre утверждала вчера, что правительство возметъ проектъ закона о книгопечатаніи обратно, вслѣдствіе принятія предложеній гг. *Тьера* и *Перье*. Сегодняшнее засѣданіе не оправдало этого: законъ непремѣнно будетъ принятъ Собраніемъ, и правительство не возметъ его обратно; тому доказательствомъ служитъ горячность, съ которою защищалъ его г. *Руэ* противъ г. *Жюля Фавра*.

— Газеты, говорилъ онъ, противъ своей воли помогаютъ закону: онѣ перепечатали ноту департаментскихъ газетъ, и тѣмъ заставили членовъ большинства соединиться тѣснѣе между собою. Затрудненія, которыя будутъ встрѣчать газеты при исполненіи предложенія г. *Тьера*, непремѣнно сдѣлаютъ ихъ враждебными Собранію и заставятъ содѣйствовать министерству въ достиженіи его цѣлей: онѣ будутъ распространять идею о необходимости продолженія власти Президента, а къ ней уже начинаетъ привыкать средній промышленный классъ общества, нетерпящій вообще перемѣнъ.

Между прочимъ г. *Руэ* привелъ статью, написанную нѣкогда г. *Жирарденомъ* противъ свободы книгопечатанія. Г. *Жирарденъ* объяснилъ, какимъ образомъ перемѣнилъ онъ свое мнѣніе о законахъ относительно книгопечатанія, и считаетъ теперь ложными тѣ правила, которыя онъ высказалъ въ статьѣ, приведенной г. *Руэ*.

— Гг. *Кердрель* и *Сент-Бевъ* представили предложеніе о продолженіи вакацій до 11 ноября, начиная съ 11 августа. Мнѣнія объ этомъ предметѣ очень различны: г. *Леонъ Фоше* требовалъ трехъ мѣсяцовъ; представители, собирающіеся въ улицѣ Пуатье — только шести недѣль; наконецъ легитимисты улицы Риволи говорили, что ваканціи должны продолжаться до 1-го ноября. Коммисія тоже хочетъ трехъ-мѣсячныхъ вакацій, но она не назначаетъ времени, когда онѣ должны начаться, и требуетъ только, чтобы Собраніе разошлось по разсмотрѣніи бюджета на 1851 годъ.

— Теперь меньше говорятъ о версальскомъ лагерѣ, а дѣлаютъ для него больше: уже выбрано мѣсто, на которомъ онъ будетъ разбитъ. Въ немъ помѣстится сначала отъ 12—15,000 человѣкъ. Неизвѣстно, кто будетъ начальникомъ его.

— Коммиссія, разсматривавшая проектъ генерала *Граммона* о перенесеніи резиденціи правительства въ Версаль, согласилась съ нимъ.

13-го.—*Зак. Соб.* Министерство потерпѣло новую неудачу. Основное начало штемпельной пошлины было сначала принято (438 гол. пр. 208,) но штемпельная пошлина въ 4 и 5 сант. на журналы была принята впослѣдствіи очень слабымъ большинствомъ, потому-что легитимисты, недовольные отверженіемъ измѣненія, представленнаго въ пользу департаментскихъ журналовъ, не подавали голосовъ о параграфѣ, постановляющемъ пошлину на періодическія изданія политическаго содержанія. Потомъ легитимисты подавали голоса, за одно съ горою, противъ параграфа, установляющаго пошлину на изданія не-періодическія, состоящія изъ менѣе, нежели десяти листовъ, слѣдовательно, на всѣ изданія, печатаемыя выпусками. Этотъ параграфъ, несмотря на старанія г. *Бароша*, былъ отвергнутъ (339 гол. пр. 227). Предложеніе гг. *Кердреля* и *Сент-Бева* было принято почти единогласно, по-крайней-мѣрѣ, тѣ, которые были въ этомъ отношеніи съ нимъ несогласны, не могли ничего сказать противъ такого рѣшенія. Вслѣдъ за тѣмъ начато разсмотрѣніе бюджета на 1851 годъ, но скамьи опустѣли, никто почти не обратилъ на бюджетъ ни малѣйшаго вниманія; общія пренія продолжались только нѣсколько минутъ. За тѣмъ безъ спора приняты первыя статьи отно-

сительно долга. Г. *Мэнь* предложилъ было уничтожить пенсіонъ въ 300,000 фр., выдаваемый *Герцогинѣ Орлеанской;* извѣстно, что законность этого долга признана Собраніемъ, и оно, разумѣется, не приняло предложенія г. *Мэня.*

—Въ числѣ 150,000 лицъ, исключенныхъ въ Парижѣ изъ списка избирателей, находится *Гено де-Мюссй*, лейб-медикъ Людовика Филиппа. *Тьеръ* также былъ бы вычеркнутъ изъ этого списка, потому-что онъ уже три года живетъ въ домѣ своей тёщи, но онъ сохранилъ право избирателя единственно по своему званію народнаго представителя.

15-го.—*Зак. Соб.* Собраніе перемѣнило вчерашнее свое рѣшеніе, относительно брошюръ: вчера онѣ были освобождены отъ пошлины, сегодня г. *Дабо* представилъ предложеніе, по которому штемпельной пошлинѣ должны подлежать всѣ сочиненія о политикѣ и общественной экономіи, въ объемѣ менѣе шести листовъ; эта мѣра конечно менѣе строга, чѣмъ та, которой требовала Коммиссія: тогда бы пошлинѣ подлежали всѣ брошюры въ 9 листовъ и менѣе; по предложенію г. *Бенуа д'Аза* она еще смягчена, и теперь обложены только брошюры въ два и одинъ печатный листъ. Говоря противъ большихъ газетъ, г. *Монталамберъ* сильно возставалъ на фельетонные романы; сегодня г. *Ріансе* пошелъ далѣе, и предложилъ обложить каждый нумеръ ихъ пошлиною въ сантимъ. Гг. *Жирарденъ* и докладчикъ Коммиссіи *Шасслу-Лоба* противились этому предложенію; первый говорилъ, что было бы логичнѣе во все запретить фельетонные романы и возстановить цензуру; второй указывалъ на трудность отличить иногда романъ отъ статьи историческаго содержанія. Г. *Кокрель* поддерживалъ предложеніе, доказывая, что введеніе романа въ фельетонъ убило критику. Оно принято большинствомъ стаголосовъ. Г. *Базъ*, указавъ Собранію на статью газеты le Pouvoir предложилъ, чтобы Собраніе воспользовалось своимъ правомъ, и призвало отвѣтственнаго редактора, допустившаго въ своемъ изданіи статью, оскорбительную для Собранія. Статья эта подъ заглавіемъ: «Постепенное ослабленіе Національнаго Собранія», принадлежитъ г. *Гранье де Кассаньяку*, который, какъ говорятъ, получаетъ за свое сотрудничество 1,000 фр. въ мѣсяцъ, не отъ редакціи, а прямо изъ Элизе.

Вотъ содержаніе этой статьи:

«Постепенное ослабленіе Законодательнаго Собранія».

«Законодательное Собраніе должно бы отдать подъ судъ, какъ опаснѣйшаго своего врага, того, кто бы сдѣлалъ ему хоть одну четверть того вреда, какой оно само себѣ сдѣлало.

«Никогда еще человѣческимъ взорамъ не представлялось подобнаго непостоянства. Назначенное поутру, отмѣняется въ немъ вечеромъ, и законы родятся по прихоти, вмѣсто того, чтобъ быть плодомъ зрѣлаго соображенія и мудрости.

«Вотъ уже въ третій разъ измѣняется съ самаго основанія законъ о тисненіи. Коммиссія измѣняетъ законъ министерства, гг. *Тиньи* и *Лабули* измѣняютъ проэктъ Коммиссіи, наконецъ г. *Ларошжаклень* измѣняетъ предложенія гг. *Тиньи* и *Лабули*. Остается неизмѣннымъ и увеличивается только одно — глубокое оцѣпѣненіе страны передъ такою коловратностью.

«Спрашивается: при глубокомъ разстройствѣ нынѣшней Франціи, Законодательное Собраніе, совершенно чуждое духа политики и сущности дѣлъ, не гораздо ли болѣе нарушаетъ порядокъ, вмѣсто того, чтобы охранять его; не служитъ ли оно преградой ему, вмѣсто того, чтобъ быть защитою?

«Спрашивается: «не осуждена ли Франція на борьбы, распри и перевороты до-тѣхъ-поръ, пока она будетъ зависѣть отъ Собраній?»

«Да, дѣло признанное и ясное, что несравненно болѣе порядка и спокойствія въ цѣлой странѣ, нежели въ Собраніи, и что волненія, борьба, честолюбіе поддерживаются именно въ этомъ законодательномъ капищѣ. Въ какой области, въ какомъ городѣ нападаютъ другъ на друга, расточаютъ одинъ другому оскорбленія и угрозы съ такою яростью, какъ въ Бурбонскомъ-дворцѣ?... Рѣшительно нигдѣ, и еслибъ было гдѣ-нибудь, то эти мѣста слѣдовало бы, по-крайней-мѣрѣ, объявить въ осадномъ положеніи.

«Кто повѣритъ, чтобы народъ могъ такъ долго и безнаказанно содержать гнѣздилище междоусобныхъ распрей! Мы не вѣримъ этому, и исторія послѣднихъ шестидесяти

лѣтъ свидѣтельствуетъ, передъ нашими глазами, что всегда отъ рѣшающихъ Собраній вспыхивало пламя въ государствѣ.

«Этотъ долгій и печальный опытъ начинаетъ приносить свои плоды. Франція, измученная переворотами и даровыми бѣдствіями, проситъ покоя и безопасности. Горе Собраніямъ, которыя не поймутъ этой потребности, и будутъ питать пламя, вмѣсто того, чтобы тушить его!

«Думали, что Учредительное Собраніе, въ минуту своего паденія, достигло послѣдняго предѣла недовѣрія, до котораго можетъ дойти распадающееся тѣло. Нынѣшнему Собранію, кажется, суждено перешагнуть этотъ предѣлъ. Важное и торжественное испытаніе переноситъ, въ лицѣ этого Собранія, представительный образъ правленія, предоставленный самому себѣ, безъ высокой и твердой мысли, которая могла бы направлять его, поддерживать, противустоять ему. Все предвѣщаетъ близкій конецъ, Собранію, потому-что почти всѣ его дѣйствія — ошибки».

Г. *Руэ* объявилъ, что правительство не знало еще этой статьи, и что оно готово преслѣдовать газету; но для этого нужно, чтобы Собраніе сдѣлало первый шагъ. Г. *Жирарденъ* второй разъ обманывается въ надеждѣ на своихъ товарищей: онъ возставалъ противъ преслѣдованія газеты le Pouvoir; ропотъ, а не одобреніе горы встрѣтили слова его. Г. *Шаррасъ* тоже возставалъ противъ предложенія г. *База*; онъ припомнилъ поведеніе Учредительнаго Собранія, которое презирало подобные нападки, и сказалъ, что ежедневно печатаются статьи, нападающія на Уложенія: ихъ не преслѣдуютъ. Предложеніе спасено г. *Барошемъ*; онъ какъ и г. *Руэ*, утверждалъ, что правительство не знало до сегодняшняго утра этой статьи.

— Неужели вы думаете, господа, что тѣ, которые указываютъ на борьбу между двумя властями, истинные друзья Собранія и благоденствія страны? Эти двѣ власти стремятся къ одной цѣли—возстановить въ государствѣ порядокъ и спокойствіе. Еще одно слово, сказалъ онъ въ заключеніе: едва только указана была статья, правительство распорядилось относительно преслѣдованія газеты.

Собраніе назначило четвергъ (18 ч.) для выслушанія редактора газеты le Pouvoir.

— Несогласіе между генералами *Шангарнье* и *д'Опу* получило новую пищу ; Военный министръ требовалъ отъ одного полковника справки объ какомъ-то солдатѣ, и тотъ удовлетворилъ его желанію, безъ сношенія съ генераломъ *Шангарнье*; онъ за это посаженъ подъ арестъ.

16-го.—*Зак. Соб.* Наконецъ судьба закона о книгопечатаніи рѣшена: онъ принятъ (392 гол. пр. 265.) Между тѣмъ трудно найти законъ менѣе исполнимый. На немъ оправдались слова г. *Жирардена*:

«Коммиссія не нашла средства отвратить злоупотребленій книгопечатанія: проектъ ея измѣняется безпрестанно.»

Собраніе разсмотрѣло предложеніе г. *Фердинанда де Ластери*, по которому публичная продажа должна была производиться на одномъ и томъ же основаніи для всѣхъ газетъ, безъ различія. Его поддерживалъ *генералъ Ламорисьеръ*, доказывая, что въ противномъ случаѣ книгопечатаніе будетъ отдано совершенно въ руки полиціи. Г. *Барошъ* возсталъ противъ предложенія, и оно было отвергнуто; нѣкоторые члены лѣвой стороны потребовали, чтобы ни одна газета не могла быть продаваема публично. Остальная часть преній была совершенно лишена интереса.

— Впечатлѣніе, произведенное на газеты принятіемъ закона о книгопечатаніи, было огромно; оно еще далеко не изгладилось; завтра должна отправиться въ Элизе депутація отъ журналистовъ, чтобы просить Президента Республики отослать законъ Собранію, для вторичнаго разсмотрѣнія его; вѣроятно, просьба эта не будетъ исполнена.

17-го.—*Зак. Соб.* Въ началѣ засѣданія говорили, что генералъ *д'Опу* подаетъ сегодня въ отставку, и объявитъ на трибунѣ о причинахъ, вынуждающихъ его на этотъ поступокъ. Тоже утверждала газета la Patrie. Два раза, во-время преній о вакансіи, г. *д'Опу* приближался къ г. *Дюпену*, который, повидимому, отговаривалъ его. Въ 4 часа онъ ушелъ изъ залы, и болѣе не возвращался; тѣмъ не менѣе отставка его не подлежитъ болѣе сомнѣнію; говорятъ, на его мѣсто будетъ назначенъ генералъ *Рюльеръ*; его назначилъ самъ г. *Шангарнье*. Думаютъ, что если бы споръ между гг. *д'Опу* и *Шангарнье* не былъ рѣшенъ въ кабинетѣ, то они поручили бы дѣло оружію. Г. *Пелетье* говорилъ противъ предложенія гг. *Кердреля*, *Монтемара* и *С. Бёва* о ваканціяхъ, и оспари-

3 фр. 60 сант. Извѣстно, что двѣ трети подписчиковъ на журналы живутъ въ провинціяхъ; остается еще треть, которая состоитъ изъ подписчиковъ Парижа и его предмѣстій. На эту треть также налагается штемпель въ 5 сантимовъ. Должно однакожъ замѣтить, что съ каждаго экземпляра, доставляемаго на домъ собственными разносчиками журналовъ, сбавляется одинъ сантимъ. Итакъ годовая плата за журналъ увеличится 14 франк. 40 сантимами. За-то лишній сантимъ, наложенный на фельетонъ, составитъ порядочныя суммы въ разсчетахъ нѣкоторыхъ журналовъ. Газетамъ «Siècle», «Presse», Constitutionnel», имѣющимъ каждая отъ 30 до 35,000 подписчиковъ, предстоитъ лишній расходъ отъ 300 до 350 фр. въ день. Откажутся ли онѣ отъ фельетона, или набавятъ на подписчиковъ по 3 фр. 60 сант. въ годъ — еще неизвѣстно. Журналы рѣшаютъ этотъ вопросъ всякой по своему. Одни говорятъ: «уничтожимъ фельетонъ; можетъ-быть, черезъ это мы и потеряемъ нѣсколько подписчиковъ, но за-то не станемъ покупать литературныя статьи: чистѣйшая выгода». — Другіе судятъ иначе: «чѣмъ больше подписчиковъ, говорятъ они, тѣмъ больше дохода приносятъ объявленія. Надобно, во что бы ни стало, сохранить фельетонъ: это приманка для подписчиковъ, которые, въ свою очередь, приносятъ объявленія. Развѣ нельзя, оставаясь въ предѣлахъ закона, облегчить налогъ, которымъ хотѣли поразить фельетонъ?... Мы даемъ ежедневно по шести столбцовъ фельетона — хорошо: станемъ же впередъ помѣщать его черезъ день, но по двѣнадцати столбцовъ. Подписчикъ ничего не потеряетъ, а налогъ уменьшится въ годъ на 1 фр. 80 сант.» Впрочемъ, предполагаютъ выпускать журналъ въ двухъ изданіяхъ; одно, съ ежедневнымъ фельетономъ, будетъ 3 фр. 60 сант. дороже изданія безъ фельетона. Опытъ будетъ хорошъ въ томъ отношеніи, что покажетъ, до какой степени публика дорожитъ нынѣшнимъ фельетономъ, и тогда журналы или увеличатъ цѣну, или уволятъ фельетонъ въ совершенную отставку. Есть еще отрасль промышленности, возбудившая много толковъ во-время превій о новомъ законѣ, именно книжная торговля, которая питается собственно крошками журналовъ, то-есть подноситъ публикѣ журнальные фельетоны, въ видѣ новыхъ книгъ. «Если налогъ на фельетоны будетъ принятъ—смерть книжной торговлѣ», говорили защитники фельетона. Благоразумные книгопродавцы отвѣчали имъ на это слѣдую-

щими словами: «Если законъ хочетъ уничтожить не книгопечатаніе, но только фельетонный романъ, то законъ этотъ оживитъ книжный романъ, совершенно разоренный фельетономъ».

20-го. *Зак. Соб.* — Сегодня Собраніе уполномочило министерство употребить 5 *мил.* фр. на земледѣльческія колоніи. Затѣмъ начались пренія о бюджетѣ министерства народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій. Коммиссія уменьшила жалованье профессоровъ и сумму на содержаніе нормальной школы, предлагая допустить въ нее экстерновъ. Г. *Бартелеми Сент-Илеръ* обвинялъ коммиссію въ нерасположеніи къ университету, и отвергалъ оба предложенія; но поддерживаемыя правительствомъ, они были приняты Собраніемъ. Кромѣ того, коммиссія предложила соединить кафедры административнаго и конституціоннаго права, что доставило бы экономію въ 11,000 фр.; по требованію г. *Фландена*, при содѣйствіи лѣвой стороны, первоначальная цифра правительства была удержана.

— Г. *Тестъ*, бывшій министръ при прежнемъ правительствѣ, знаменитый по своему процессу, просилъ *Президента Республики* освободить его отъ уплаты остающихся 50,000 фр., безъ чего онъ не можетъ быть выпущенъ изъ-подъ ареста. *Президентъ* отправилъ просьбу его въ Государственный Совѣтъ, который отказалъ измѣнить рѣшеніе Палаты Перовъ.

— Коммиссія выслушала сегодня г. *Жирардена*, который изложилъ основанія, побудившія его представить предложеніе относительно отчетовъ о засѣданіяхъ Собранія, помѣщаемыхъ въ газетахъ. Г. *Жирарденъ* требуетъ, чтобы газеты приводили рѣчи ораторовъ вполнѣ. Эта мѣра невыгодна для многихъ изданій, по ихъ формату, но она необходима, чтобы избѣжать недобросовѣстности, съ которой составляютъ отчеты. Коммиссія слушала знаменитаго журналиста съ большимъ вниманіемъ, но еще не положила рѣшенія о его предложеніи.

22-го. *Зак. Соб.* — Происходилъ выборъ членовъ временной коммиссіи, въ числѣ которыхъ выбранъ и г. *Ламорисьеръ*. За тѣмъ слѣдовало разсмотрѣніе бюджета министерства просвѣщенія; Коммиссія требовала уменьшенія, въ 150,000 фр., суммы на содержаніе лицеевъ и общинныхъ

школъ. Сильно возставалъ противъ этого г. *Корнъ*; министръ *Парьё* упрекалъ коммиссію въ мелочности; Собраніе съ нимъ согласилось. За то, по предложенію коммиссіи, уменьшены расходы на содержаніе первоначальныхъ училищъ. Результатъ выборовъ въ члены временной коммиссіи провозглашенъ въ концѣ засѣданія; избраны: гг. *Одилонъ Барро*, *Ж. де Ластери*, *Монне*, *С. При*, *Шангарнье*, *д'Оливье*, *Беррье*, *Неттеманъ*, *Моле*, *Лористонъ*, *Ламорисьеръ*, *Бёньо*, *Морнэ*, *Монтебелло* и *Леспинассъ*.

— Г. *Прудонъ* отвѣчалъ, въ послѣднемъ нумерѣ газеты le Peuple, гг. *Ледрю-Роллену*, *Делеклюзу* и проч. на обвиненія, высказанныя ими противъ членовъ лѣвой стороны въ журналѣ le Proscrit. Онъ разбираетъ всѣ десять пунктовъ, въ которыхъ заключается ученіе изгнанниковъ: это, по его мнѣнію, или копія съ того, что сказано было въ 93 году, или громкія фразы безъ смысла. Г. *Прудонъ* показываетъ, что народъ не любитъ революцій и смутъ, что если и участвуетъ въ нихъ, то самъ того сначала не сознавая.

«Къ тому же не обманывайте себя, говоритъ г. *Прудонъ*, народъ не имѣетъ къ вамъ довѣрія; а граждане (bourgeois) и того менѣе».

Г. *Прудонъ* совѣтуетъ имъ изучить философію исторіи, политической экономіи и права, и совѣтуетъ сначала сдѣлаться самимъ другими людьми.

23-го. *Зак. Соб.* — Избрано еще семь членовъ временной коммиссіи: гг. *Кретонъ*, *Рюльеръ*, *Везенъ*, *Лео де Лаборде*, *Казиміръ Перье*, *де Крузель* и *Друэ-Дево*. Въ спискѣ, предложенномъ членами большинства, не было гг. *Кретона*, *Везена* и *Лаборда*.

— Moniteur du Soir, въ одной статьѣ, нападаетъ не только на легитимистовъ и монтаньяровъ, но и на большинство. За уступки, которыя сдѣлалъ *Президентъ*, чтобы сохранить миръ съ Собраніемъ, ему платятъ оскорбленіемъ, потому-что избраніе въ члены коммиссіи генерала *Ламорисьера*, который еще недавно нападалъ на личность *Людовика Наполеона*, есть не что-иное, какъ оскорбленіе. По мнѣнію Moniteur, представители обязаны своимъ избраніемъ имени *Президента;* народъ думалъ, что они ему будутъ преданы; вмѣсто этого, они хотятъ разрыва. Народъ, котораго представи-

тель — *Президентъ Республики*, приметъ оскорбленіе на себя.

«Франція, которая ничего не понимаетъ въ вашихъ маленькихъ счетахъ и страстяхъ», говоритъ Moniteur, «Франція, которая жаждетъ порядка и безопасности, труда, благосостоянія и отдохновенія, ожидаетъ только слова отъ Президента. Развѣ вы не боитесь этого слова? Если вы думаете, что народъ на вашей сторонѣ, то это странное ослѣпленіе, и вы скоро разувѣритесь въ немъ».

Далѣе Moniteur упрекаетъ Собраніе въ томъ, что оно не только само ничего не сдѣлало для народа, но даже не приняло тѣхъ мѣръ, которыя предлагало ему правительство. Статья кончается словами:

«Что бы, по вашему мнѣнію, сказали шесть милліоновъ избирателей, если бы онъ предложилъ имъ выборъ между Президентомъ Республики и Собраніемъ»?

— Газета Constitutionnel пишутъ изъ Тулона, что французское правительство слышало о желаніи турецкаго правительства напасть на Тунисъ, и приготовилось защищать его. *Люди*, достойные всякаго вѣроятія, говорили, что въ этомъ смыслѣ отправлены инструкціи адмиралу *Персеваль-Дешену*. Вѣрно только то, что онъ оставилъ берега Неаполя.

— Въ магазинахъ эстамповъ продается гравюра in 4, изображающая *Графа Шамбора*, *Герцогиню Ангулемскую* и *Графиню Шамборъ*; на другомъ планѣ, влѣво, представлены *Герцогиня Орлеанская* съ двумя сыновьями, за нею *Герцоги Омальскій* и *Монпансье*. Въ срединѣ картины, *Герцогъ Немурскій*, въ генералъ-лейтенантскомъ мундирѣ, представляетъ свое семейство *Графу Шамбору*. Внизу подпись: «Примиреніе». Полиція еще не обратила на нее вниманія, хотя она направлена противъ республики. По причинѣ большаго стеченія людей, ее сняли вечеромъ; сегодня утромъ она опять выставлена.

24-го. Замокъ Бонди, въ которомъ, въ 1814 г., маршалъ *Мармонъ* подписалъ капитуляцію Парижа, назначенъ къ сломкѣ.

— По рѣшенію сенскаго суда первой инстанціи и съ согласія владѣльцевъ, будутъ продаваться съ аукціона лѣса

Анделя, Шомъ и Фёльс, принадлежащіе *Людовику-Филиппу* и его фамиліи, и оцѣненные всѣ вмѣстѣ въ 1,928,813 франковъ.

— Президентъ Республики назначилъ выдать двадцати учителямъ деревенскихъ школъ деньги, для того, чтобы они наняли по два гектара пахатной земли, которую будутъ воздѣлывать учащіеся, подъ ихъ присмотромъ. Президентъ хочетъ сдѣлать этимъ опытъ надъ новою методой обученія, по которой дѣти должны половину дня употреблять на чтеніе, письмо и ариѳметику, а другую на полевыя работы, и если опытъ найдетъ подражателей, то распространить его въ различныхъ мѣстахъ Франціи.

— Президентъ Республики присутствовалъ сегодня, въ церкви Сен-Лё-Таверни, при панихидѣ, по своемъ отцѣ, *Людовикѣ-Бонапарте*, бывшемъ Королѣ Голландскомъ, и приказалъ воздвигнуть въ этой же церкви памятникъ своему дѣду, *Шарлю-Бонапарту*, своему отцу, и брату *Людовику Наполеону*, умершему въ 1831 г. въ Италіи. Церковь Сен-Лё будетъ возобновлена на счетъ Президента, который пожертвовалъ на это 93,000 фр.

— Парижская полиція опять открыла тайное общество, которое собиралось въ винномъ погребѣ, въ улицѣ Сен-Викторъ. Коноводомъ этой шайки былъ нѣкто *Шансель*. Полиція немедленно произвела обыскъ въ домахъ злоумышленниковъ, и отобрала множество бумагъ, пистолетовъ, патроновъ, красныхъ поясовъ, и проч. Обличенные въ посѣщеніи этихъ сходокъ отведены въ префектуру, и будутъ преданы въ руки правосудія.

— Редакторъ газеты «Le Peuple» опять приговоренъ къ пени въ 1,000 фр. и къ заключенію въ тюрьму на цѣлый годъ.

26. *Зак. Соб.* Разсмотрѣло нѣсколько статей бюджета, при чемъ отвергло, согласно съ мнѣніемъ правительства и коммиссіи, нѣсколько предложеній, сдѣланныхъ, по большей части, членами лѣвой стороны, о издержкахъ на желѣзныя дороги. Нѣсколько дней тому назадъ, нѣкоторые представители хотѣли обратить вниманіе Собранія на обидную для Собранія статью въ Moniteur du Soir; но никто не рѣшился сдѣлать перваго шага. Тогда послѣдовала другая статья въ той же газетѣ, еще болѣе рѣзкая. Сегодня г.

Дюпонъ (Бюссакскій) указалъ на нее, и требовалъ, чтобы Собраніе назначило Коммиссію для изслѣдованія дѣла.

«Не въ томъ дѣло, чтобы обвинить какого-нибудь журналиста: за нимъ скрываются участники, зачинщики», говорилъ онъ.

Г. *Фаврь* поддерживалъ это предложеніе, и заставилъ наконецъ г. *Бароша* объясниться; онъ сказалъ, что правительство не можетъ взять на себя отвѣтственности за газетныя статьи.

«Moniteur du Soir продавался на улицахъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, и Министерство не намѣрено запрещать этого».

Эти слова министра возбудили сильный шумъ въ умѣренной партіи, которая равнодушно выслушала обоихъ ораторовъ горы. Квесторъ Собранія, г. *Базъ*, предложилъ Собранію тотчасъ же разойтись по отдѣленіямъ, и назначить коммиссію, сказавъ:

«Противъ Собранія составляется какой-то тайный заговоръ».

Во второй разъ взошелъ на трибуну г. *Барошъ*, жаловался, что за газетныя статьи преслѣдуютъ правительство, и увѣрялъ, что никто не думаетъ о томъ, чтобы произвести переворотъ: старанія министерства направлены къ охраненію того, что есть. Большинство поняло тогда, какъ опасны могли бы быть слѣдствія перваго увлеченія, и требовало, чтобы собраны были голоса; въ первый сборъ результатъ былъ сомнителенъ; по второму рѣшено перейти къ очереднымъ занятіямъ. Лѣвая сторона и крайняя правая поддерживали предложеніе объ учрежденіи коммиссіи.

— Г. *Тьеръ* и его партія готовятъ предложеніе объ уничтоженіи закона, запрещающаго Бурбонамъ въѣздъ во Францію. Извѣстно, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, отвергнуто подобное предложеніе г. *Кретона*. Гора и умѣренная партія будутъ поддерживать его: оно разъединитъ монархистовъ различныхъ партій, а это важно будетъ при выборѣ Президента Республики въ 1852 г. Легитимисты говорятъ, что *Принцъ Жуанвильскій*, который былъ бы тогда однимъ изъ кандидатовъ, сказалъ, что Франціи нужно долгое и сильное монархическое правленіе.

— Президентъ Республики велѣлъ раздать 1,000 фр. бѣднымъ офицерамъ бывшей подвижной гвардіи.

— Князь *Канино* выѣхалъ вмѣстѣ съ семействомъ, 21 ч., въ Тоскану.

— *Сагимъ Бей*, одинъ изъ директоровъ въ турецкомъ военномъ министерствѣ, уже нѣсколько дней живетъ въ Парижѣ, и приглашаетъ офицеровъ бывшей подвижной гвардіи поступить на службу въ войска Султана.

— Вотъ составъ временной коммиссіи: гг. *Одилонъ-Барро*, *Ж. де-Ластери*, *Моне*, генералы: *Сен-При* и *Шангарнье*, *д'Оливье*, *Беррье*, *Неттеманъ* и *Моле*, генералъ *Лористонъ*, *Беньо*, *Морнэ*, *Монтебелло*, полковникъ *Эспинасъ*, *Кретонъ*, генералъ *Рюльеръ*, *Беденъ*, *Лео де-Лабордъ*, *Казиміръ Перье*, *Крузель*, *Дрюе-Дево*, *Комбарель де-Леваль*, *Гарнонъ* и *Шамболь*. Между ними большинство принадлежитъ легитимистамъ и орлеанистамъ, бонапартиста нѣтъ ни одного. Легитимистовъ въ коммиссіи 9, орлеанистовъ 9, членовъ средней партіи 6; 25-й членъ есть генералъ *Шангарнье*, принадлежащій, какъ говорятъ, къ партіи *Шангарнье*.

— На югѣ Франціи начинается броженіе; республиканцы хотѣли помѣшать празднику въ честь *Герцога Бордосскаго*; бонапартисты приготовляютъ праздники въ честь *Людовика Наполеона Бонапарте*; нѣсколько лицъ арестовано.

— Въ Парижѣ находится шесть большихъ станцій, отъ которыхъ тянутся по Франціи шесть большихъ линій желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ главный городъ съ границами и важнѣйшими морскими портами. Площадь земли, занимаемой этими станціями, составляетъ не менѣе 1,043,642 квадрат. метровъ, и распредѣляется слѣдующимъ образомъ: подъ Страсбургской станціей 172,642 кв. метр., подъ Орлеанской—130,000; Сѣверной—240,000; Руанской—219,000; Ліонской—130,000; Западной—152,000 кв. метровъ.

27-го. *Зак. Соб.*—Разсматривало бюджетъ военнаго министерства. Генералъ *Ламорисьеръ* поддерживалъ предложеніе, подписанное многими офицерами, о покупкѣ для жандармовъ исключительно французскихъ лошадей; ему возражали генералы *Удино*, *д'Опу*, гг. *Боше* и *Беррье*, но предложеніе было принято. Г. *Шаррасъ*, еще прежде этого, при разсмо-

третія статья о генеральномъ штабѣ, требовалъ уменьшенія жалованья начальника парижской арміи на 300,000 фран. Генералъ *д'Ону*, противился этому, и защищалъ г. *Шангарнье*. Засѣданіе вообще было очень спокойно, но въ боковыхъ залахъ говорили о новыхъ возраженіяхъ министерству по поводу публичной продажи на улицахъ газетъ Moniteur du Soir и Pouvoir. Почти всѣ газеты согласны въ томъ, что если бы вчера г. *Барошъ* во-время второй рѣчи не измѣнилъ тона, то Собраніе непремѣнно приняло бы предложеніе г. *Дюпона*, до того раздражена была умѣренная партія его первой рѣчью.

— Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, вслѣдствіе рѣшенія Собранія, учреждена комиссія для попеченія объ исправленіи жилищъ рабочаго класса; теперь поправляются для этой цѣли болѣе 2,000 ветхихъ домовъ.

— Въ одномъ изъ засѣданій *Зак. Соб.*, г. *Мортимеръ-Тернò* представилъ списокъ новыхъ расходовъ, которые явились послѣ февральскаго переворота, и превышаютъ бюджетъ *Людовика Филиппа*.

Вотъ эти расходы, входившіе прежде въ королевскій бюджетъ, и теперь распредѣленные между бюджетами министерствъ:

По министерству публичнаго обученія, на библіотеку Лувра, 24,000 фр.; по министерству внутреннихъ дѣлъ, на изящныя искусства и музеи 724,700 фр.; по министерству торговли, на три королевскія мануфактуры, 645,085 фр.; по министерству публичныхъ работъ, на замки, прежде бывшіе королевскими, 2,793,880 фр. Всего, 4,187,665 фр.

Разбирая, чего стоитъ правительство, слѣдовавшее послѣ 24-го февраля, г. *Тернò* приводитъ слѣдующія числа:

На 750 представителей, получающихъ по 9,000 фр., выходитъ въ годъ 6,700,000 фр.

На обыкновенное содержаніе главы исполнительной власти	1,248,000 фр.
На содержаніе Элизе	275,000 —
На расходы представительства , . . .	2,160,000 —
Итого	10,433,000 фр.,

которые вмѣстѣ съ 4,187,665 фр., распредѣленными между бюджетами четырехъ министровъ, составляютъ сумму въ 14,620,565 фр.

обѣщаютъ дарить книги; уже нѣсколько мѣсяцовъ дѣлаетъ это Ordre, но безъ замѣтнаго успѣха; врядъ ли принесетъ эта мѣра пользу Pays и Assemblée nationale, которыя будутъ стоить дороже Presse, Siecle и Constitutionnel. Публика впрочемъ занята гораздо больше будущими подписями подъ статьями, но подписи появятся не ранѣе, какъ черезъ 2 мѣсяца.

30-го.—*Зак. Себ.* Принятъ законъ о театральной полиціи, (352 гол. пр. 194), не-смотря на противодѣйствіе г. *Ноэля Парфе*. Оратору лѣвой стороны, г. *Грем*, удалось на нѣсколько времени возбудить вниманіе большинства, по поводу проекта закона о желѣзныхъ дорогахъ изъ Тура въ Нантъ и изъ Орлеана въ Бордо.

— Constitutionnel, разбирая причины размолвки между Президентомъ Республики и Собраніемъ, говоритъ:

«Глубокій міръ, совершенное согласіе царствовали между обѣими властями. Президентъ совѣтовался съ важнѣйшими лицами изъ большинства. Самые трудные вопросы были разрѣшены съ общаго согласія. Вдругъ генералъ *Ламорисьеръ*, какъ будто невзначай, произноситъ рѣчь оскорбительную и несправедливую противъ Президента Республики. Собраніе выслушало эту сатиру холодно, но не опровергая ее. Министерство, чтобы не раздражить страстей, не приняло вызова. Это нападеніе на Президента повело за собою въ газетахъ нападеніе на Собраніе. Правительство не одобряло газетъ. Le Pouvoir подвергнута суду и обвинена; на другой день всѣ партіи повторяютъ, что обвинена не газета, а Президентъ Республики. Какъ бы для того, чтобы подтвердить такое обидное толкованіе, Собраніе избираетъ автора этого безпричиннаго нападенія на Президента членомъ временной коммиссіи. Это еще не все. Оно выбираетъ, какъ бы съ наслажденіемъ, нѣсколько именъ, выражающихъ, какъ можно болѣе, недовѣрчивость противъ главы исполнительной власти. Газеты толкуютъ объ этомъ выборѣ съ невѣроятнымъ согласіемъ, въ очень вредномъ духѣ.»

Англія.

3-го *іюля*. — *Лондонъ*. Сэръ *Роберть Пиль* умеръ. Въ политическомъ отношеніи, особенно же при теперешнемъ положеніи дѣлъ, это чрезвычайно важная потеря для Англіи. Всѣ политическія партіи, всѣ журналы согласны въ этомъ. Сэръ *Роберть Пиль* былъ единственный человѣкъ, который могъ образовать прочное министерство, въ случаѣ паденія министерства лорда *Джона Росселя*. Смерть знаменитаго баронета ставитъ Англію въ чрезвычайно затруднительное положеніе.

Извѣстіе объ этомъ печальномъ происшествіи произвело въ Парижѣ глубокое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что никакое другое политическое впечатлѣніе не помѣшало ему.

— Вотъ подробности случая, который кончился смертью сэра *Роберта Пиля*:

За нѣсколько минутъ до несчастія, знаменитый баронетъ записалъ свое имя въ книгѣ посѣтителей Королевы, въ Букингемскомъ-дворцѣ. Потомъ, на обратномъ пути въ Конститюшен-Гилль, онъ встрѣтилъ у воротъ Грин-Парка *миссъ Эллисъ*, дочь *леди Доверъ*, которая прогуливалась на лошади, сопровождаемая однимъ слугою. Едва баронетъ успѣлъ поклониться молодой особѣ, какъ лошадь его поднялась на дыбы и не хотѣла идти впередъ. Лошадь эту подарилъ ему г. *Беккетъ Бенисонъ*. Онъ купилъ ее еще въ концѣ апрѣля, и самъ объѣзжалъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, чтобы удостовѣриться, нѣтъ ли въ ней какихъ-либо пороковъ. Лордъ *Вилльерсъ*, зять сэра *Роберта Пиля*, также пробовалъ ее. Лошадь восьми лѣтъ, и очень хорошо дрессирована. Сэръ *Роберть Пиль* ѣздилъ на ней почти ежедневно, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, и она не пугалась ни омнибусовъ, ни военной музыки, во-время прогулокъ баронета въ Пикадильи. Однакожъ лошадь не слушалась, вдругъ сдѣлала быстрый поворотъ, и черезъ голову сбросила своего сѣдока. Онъ упалъ лицомъ на землю. Два человѣка, находившіеся вблизи, подняли сэра *Роберта Пиля*, и посадили. Докторъ *Фоукертъ*, свидѣтель несчастія, также подошелъ. Сэръ *Роберть Пиль* стоналъ отъ боли, и на вопросы, не тяжело ли онъ ушибся, отвѣчалъ:

— *Да*, очень тяжело!

Пока побѣжали искать карету, онъ совершенно лишился чувствъ, и пришелъ въ себя только тогда, какъ подвели экипажъ. На новые распросы д-ра *Фоукерта*, сэръ *Роберть Пиль* отвѣчалъ:

— Теперь мнѣ лучше.

Карета поѣхала черезъ паркъ, къ Уейт-Галль-Гардену, отели баронета. Дорогою, они встрѣтили доктора, сэра *Джемса Клерка*, который тотчасъ присоединился къ нимъ. Въ каретѣ, сэръ *Роберть Пиль* обнаружилъ сильное безпокойство, и хотѣлъ-было привстать; его удержали. Потомъ онъ впалъ въ полубезчувственность, и оставался въ такомъ положеніи до-тѣхъ-поръ, пока экипажъ не подъѣхалъ къ дому. Когда больнаго высадили изъ кареты, онъ снова опомнился, и шелъ, опираясь на руки находившихся возлѣ него. При входѣ въ отель, баронетъ встрѣтилъ леди *Пиль* и другихъ членовъ своего семейства, которые уже были предупреждены о случившемся несчастіи, и съ безпокойствомъ ждали его возвращенія. Леди *Пиль* была въ отчаяніи и хотѣла броситься на шею мужу, но докторъ *Клеркъ* и другія лица остановили ее. Сцена эта произвела тягостное впечатлѣніе на баронета; онъ упалъ въ обморокѣ на руки доктора *Фоукерта*, и былъ отнесенъ на диванъ, въ комнату, возлѣ столовой. Здѣсь больной лежалъ въ продолженіе своей короткой агоніи, и боль его до того усилилась, что только съ большимъ трудомъ могли переложить его съ дивана на постель, поставленную въ комнатѣ. Шесть врачей—сэръ *Джемсъ Клеркъ*, *Фоукертъ*, *Гоукинсъ*, серъ *Банжаменъ*, *Броди*, *Сеймуръ* и г. *Гоидсонъ*, домашній докторъ баронета, составили совѣщаніе. Но тутъ же представилось первое затрудненіе. Боль была такъ сильна, что сэръ *Роберть Пиль* не позволялъ врачамъ освидѣтельствовать раны, и стоналъ при самомъ легкомъ прикосновеніи къ поврежденнымъ частямъ. Въ субботу, вечеромъ, больному позволено было повидаться съ супругой и семействомъ; но послѣ этого свиданія разсудили, что гораздо лучше не допускать посторонныхъ. Ночь съ субботы на воскресенье, серъ *Роберть Пиль* провелъ дурно; страданія увеличивались, и обнаружились опасные признаки. Въ воскресенье, вечеромъ, пульсъ бился отъ 86 до 100 и болѣе ударовъ въ минуту. Чтобы уменьшить воспаленіе, надобно было пустить

кровь. Къ лѣвому плечу поставили двадцать піявокъ, и кровь пошла сильно. Однакожъ эта операція не доставила никакого облегченія больному; онъ оставался въ прежнемъ положеніи. Вечеромъ въ понедѣльникъ онъ сдѣлался еще опаснѣе. Около семи часовъ онъ началъ бредить, и хотѣлъ приподняться на постели. Такъ провелъ онъ бо́льшую часть ночи, и, по-временамъ, былъ до того слабъ, что врачи сомнѣвались, доживетъ ли онъ до утра. Въ бреду серъ *Робертъ Пиль* безпрестанно вспоминалъ имена *Гардинга, Грема* и *Бунцена*. Около четырехъ часовъ онъ спокойно заснулъ, и спалъ до семи. Послѣ сна, мысли больнаго сдѣлались спокойнѣе и свѣтлѣе. Въ полдень онъ почувствовалъ себя нѣсколько лучше, но не надолго. Въ два часа обнаружились новые признаки, еще страшнѣе прежнихъ, и бредъ возобновился. Пульсъ, бившійся до 130 разъ въ минуту, постепенно ослабѣвалъ. Лекарства не помогали. Родныхъ больнаго извѣстили, что никакія усилія науки не могутъ продлить драгоцѣнную для нихъ жизнь. Послали за Гибралтарскимъ Епископомъ, и послѣ свиданія его съ баронетомъ, все семейство его собралось вокругъ постели умирающаго. Серъ *Робертъ Пиль* узналъ всѣхъ, которые окружали его, и простирая къ нимъ слабѣющія руки, нѣсколько разъ проговорилъ шопотомъ:

— Да хранитъ васъ Господь!

При вскрытіи тѣла сера *Роберта Пиля* оказалось, что онъ умеръ отъ опухоли легкихъ, происшедшей отъ натиска пятаго ребра, которое онъ сломилъ, упавъ съ лошади.

Серъ Робертъ Пиль скончался ночью съ 2-го на 3-е число, въ 9 минутъ 12-го. Бюллетени о состояніи его здоровья, сообщаемыя публикѣ днемъ и вечеромъ, приготовили ее къ печальному событію. По-мѣрѣ-того, какъ положеніе больнаго дѣлалось хуже, безчисленная толпа, собравшаяся передъ домомъ славнаго баронета, увеличивалась и распространялась по городу, такъ-что для поддержанія порядка должно было призвать еще одну полицейскую бригаду. Входъ въ отель баронета былъ дозволенъ только его родственникамъ; прочіе справлялись у двора; и печальные отвѣты на вопросы ясно показывали, что почти нѣтъ никакой надежды.

Государственный мужъ, котораго утратила Англія, былъ старшій сынъ сэра *Роберта Пиля*, нажившаго себѣ огромное состояніе бумагопрядильной промышленостію; сэръ *Робертъ Пиль*, отецъ, былъ въ теченіе 28 лѣтъ депутатомъ Тамуорта въ Ниж. Пал., гдѣ его честность и знаніе дѣлъ давали ему большое вліяніе. Онъ умеръ 80-ти лѣтъ отъ роду, когда старшій сынъ его былъ уже министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Серъ *Робертъ Пиль* (сынъ) родился 5 февраля 1788 года въ небольшой деревнѣ, въ окрестностяхъ Чамберс-Галля, близъ Борн. Онъ былъ отданъ въ Гарровскій (Harrow) коллегіумъ, гдѣ учился вмѣстѣ съ Лордомъ *Бейрономъ*, который выражается о немъ, въ одномъ письмѣ, изданномъ Томасомъ Муромъ, слѣдующимъ образомъ:

«Пиль былъ моимъ школьнымъ товарищемъ, мы всегда были пріятелями, а братъ его былъ моимъ короткимъ другомъ. Онъ постоянно подавалъ своимъ учителямъ и товарищамъ большія надежды, которыя и осуществились. Какъ ученикъ, онъ превосходилъ меня, но въ декламаціи и пантомимѣ меня считали, по-крайней-мѣрѣ, равнымъ ему; онъ всегда зналъ свои уроки, я рѣдко».

Въ 1809 году онъ вступилъ въ Парламентъ, въ качествѣ депутата Кашеля. Ему было тогда только 22 года отъ роду, но первая рѣчь его имѣла такой успѣхъ, что доставила ему въ Палатѣ, съ перваго разу, выгодное положеніе. 12 сентября 1812 года онъ былъ назначенъ первымъ секретаремъ у ирландскихъ дѣлъ, и пріобрѣлъ на этомъ мѣстѣ ненависть католиковъ, строгостію, съ которою онъ исполнялъ возложенное на него правительствомъ порученіе.

Нѣсколько лѣтъ спустя былъ представленъ въ парламентъ билль, носящій его имя (Peel's bill). Эта важная мѣра, имѣвшая цѣлію увеличеніе кредита банка и обращенія монеты, получила примѣненіе не ранѣе 1823 года, но банкъ, успѣвшій собрать значительныя суммы, предупредилъ эту эпоху, и возобновилъ платежъ золотою монетою еще въ маѣ 1821 года.

Въ 1824 году, послѣ отставки Лорда *Сидмута*, онъ вступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и оставался на этомъ мѣстѣ до 1827 года.

1826 годъ играетъ важную роль въ жизни *Роберта Пиля*, потому-что онъ началъ въ этомъ году заниматься преобразованіемъ уголовныхъ законовъ.

Въ 1827 году, когда лордъ *Ливерпуль* удалился отъ дѣлъ, а въ главѣ правительства сталъ лордъ *Кенингъ*, *Робертъ Пиль* и герцогъ *Веллингтонъ* вышли въ отставку. Въ 1828 году они снова вступили въ министерство, герцогъ *Веллингтонъ* въ качествѣ перваго министра, а *Робертъ Пиль* министромъ внутреннихъ дѣлъ. 5 марта 1829 года онъ предложилъ Ниж. Пал., освобожденіе католиковъ. Въ послѣднее время ему напомнилъ кто-то, что онъ первый заговорилъ объ этой мѣрѣ, но онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, эта честь принадлежитъ не мнѣ, а *Фоксу*, *Греттеку*, *Плункету*, членамъ этой палаты, принадлежащимъ къ оппозиціи (вигамъ), моему славному другу, котораго уже нѣтъ въ живыхъ (Кенингу). Эта мѣра восторжествовала ихъ усиліями и не-смотря на то, что я сначала ей противился.

Въ 1830 году, министерство герцога *Веллингтона*, видя необходимость совершенно преобразовать Ниж. Пал., подало въ отставку. Тогда-то началась та великая парламентская война, въ которой серъ *Робертъ Пиль* явился главнымъ предводителемъ охранительной оппозиціи. Во-время поѣздки его въ Италію, министерство лорда *Мельборна* неожиданно пало. Призванный изъ Италіи герцогомъ *Веллингтономъ*, *Робертъ Пиль* составилъ, съ необыкновенною быстротою, новое министерство, изъ такихъ людей, которые по дарованіямъ своимъ и вліянію могли смѣло бороться со всякой оппозиціей. Но вступивъ снова въ министерство, *Робертъ Пиль* объявилъ, что такъ какъ общественное мнѣніе подало голосъ свой въ пользу реформы, то колебаться уже не должно. Манифестъ, который онъ написалъ тогда къ жителямъ Тамуорта, произвелъ сильное впечатлѣніе, потому-что хотя онъ и неясно высказывалъ въ немъ свои намѣренія, но подавалъ въ немъ такіе совѣты, которые ясно доказали партіи тори, что онъ никому не дозволитъ опередить себя на пути возможныхъ реформъ и улучшеній. Выборы усилили числительную силу партіи тори, но оппозиція была еще страшна, и тогда-то, въ борьбѣ съ радикалами, вигами и ирландскими либералами, *Робертъ Пиль*

пріобрѣлъ то вліяніе на парламентъ и авторитетъ, которыми пользовался до самой своей смерти.

Въ 1835 году онъ былъ побѣжденъ въ борьбѣ, возникшей по поводу вопроса объ ирландскихъ доходахъ, и вышелъ изъ министерства, но въ 1841 снова сдѣлался министромъ, заставивъ министерство *Мельборна* удалиться отъ дѣлъ. Тутъ онъ въ первый разъ высказалъ категорически начала, которыя принималъ въ основаніе своихъ правительственныхъ дѣйствій, и предъявилъ свои права на коммерческія преобразованія, совершенныя въ 1825 году *Госкиссономъ*.

Въ это время никто не думалъ, что въ Англіи восторжествуютъ начала free trade (свободной торговли), тѣмъ не менѣе однакоже, экономическія правила, высказанныя *Робертомъ Пилемъ* 27 августа 1841 года, испугали партію тори, введшую въ министерство, для надзора надъ сэромъ *Робертомъ Пилемъ*, герцога *Бокингема*. Здѣсь не мѣсто разсуждать объ этой, такъ называемой, свободной торговлѣ (free trade); она можетъ быть полезною Англіи и очень вредною въ другомъ государствѣ, существующемъ при другихъ, ему одному свойственныхъ условіяхъ, и потому, минуя этотъ вопросъ, будемъ продолжать начатый нами очеркъ политической жизни *Роберта Пиля*.

Узнавъ цѣль, съ которою герцогъ *Бокингемъ* вступилъ въ министерство, *Робертъ Пиль* объявилъ Палатѣ, что онъ никому не позволитъ полагать препятствія на избранномъ имъ пути. Тогда началась между нимъ и партіей тори ожесточенная борьба, въ которой онъ остался побѣдителемъ. Герцогъ *Бокингемъ* скоро вышелъ изъ министерства. 11 мая 1842 года онъ представилъ знаменитый билль о совершенномъ преобразованіи тарифа; слѣдствіемъ этого билля было то, что изъ 1,200 обложенныхъ пошлиною статей ввозной торговли, 750 были освобождены отъ пошлины. На нѣкоторыя другія статьи пошлина значительно уменьшена. Въ 1842 году *Робертъ Пиль* уравнялъ пошлины на простое стекло и хрусталь, уменьшилъ пошлины на уксусъ, морское страхованіе, иностранный кофе и, что всего важнѣе, на иностранную шерсть. Въ началѣ парламентскихъ засѣданій 1845 года, представляя бюджетъ и требуя возстановленія закона incometax, близкаго къ совершенному паденію, *Робертъ Пиль* объявилъ о новыхъ преобразованіяхъ; о совер-

шенномъ уничтоженіи пошлины на шерсть, на вывозъ угля, на аукціоны, и значительномъ уменьшеніи пошлины на сахаръ.

1845 годъ былъ неурожайный. Недостатокъ картофеля въ Европѣ, худое положеніе хлѣбовъ и голодъ въ Ирландіи, побудили *Роберта Пиля* на послѣднее и самое важное для Англіи коммерческое преобразованіе—уничтоженіе закона о ввозѣ хлѣбовъ (cornlaws). Онъ встрѣтилъ большое сопротивленіе въ парламентѣ, и принужденъ былъ удалиться изъ министерства, но такъ какъ лорду *Джону Россслю* не удалось составить новаго кабинета, то онъ снова овладѣлъ дѣлами, и заставилъ уничтожить законъ о пошлинѣ на ввозный хлѣбъ.

Въ 1846 году онъ окончательно удалился изъ министерства, передавъ дѣла лорду *Джону Россслю*, а потомъ до 1850 г. былъ представителемъ Уэстбери и наконецъ Тамуорта, и оставался депутатомъ послѣдняго до самой кончины. По поводу ранней кончины этого государственнаго человѣка, журналъ «Times» припоминаетъ другихъ великихъ людей Англіи, столь же рано и неожиданно похищенныхъ смертью въ цвѣтѣ и силѣ ихъ дѣятельности. *Чатемъ* умеръ съ оружіемъ въ рукахъ, говоритъ этотъ журналъ: сынъ его, еще знаменитѣйшій, палъ при вѣсти объ Аустерлицкой-битвѣ; *Персиваль* убитъ въ дверяхъ Нижней-Палаты, съ бумагами въ рукахъ, когда голова его была занята рѣчью, которую онъ готовился произнести; *Бомильи*, тоже государственный человѣкъ и великій юристъ, и лордъ *Ливерпуль Конитъ* поражены смертью въ пору величія и славы, *Гекинсонъ* погибъ ужасною смертью, посреди своихъ прежнихъ товарищей; лордъ *Бешинкъ* также стремился къ славѣ государственнаго человѣка, и пораженъ смертью внезапно. Только одинъ герой сотни битвъ (*герцогъ Веллингтонъ*) пережилъ. Серъ *Робертъ Пиль* заключаетъ собою печальный списокъ. Сколько еще могъ сдѣлать подобный человѣкъ; сколько услугъ могъ онъ оказать, сколько великихъ и благородныхъ мыслей могъ задумать и осуществить этотъ избранный умъ! И все это, все настоящее, все будущее, разбито смертью! При видѣ этой гробницы, всѣ чувства, всѣ мнѣнія партій сливаются въ одно сожалѣніе объ утратѣ великаго человѣка. Всѣ партій будутъ одинаково сожалѣть о немъ; одна изъ оппозиціонныхъ газетъ

удара молніи. Надѣемся, что отечество воздастъ памяти этого доблестнаго государственнаго человѣка всѣ почести, какія оно предоставляетъ величайшимъ своимъ сынамъ.»

3-го.—Г. *Юмъ* предложилъ Ниж. Пал. разойтись, чтобы тѣмъ выразить свою скорбь о недавней утратѣ. Съ глубокимъ молчаніемъ выслушана была рѣчь его; предложеніе принято съ восторгомъ. Послѣ него, со слезами на глазахъ всталъ г. *Гладстонъ*, и голосомъ прерывающимся отъ внутренняго волненія, сказалъ, что жалѣетъ о томъ, что глава министерства не можетъ теперь сдѣлать предложенія, въ томъ же смыслѣ, какъ предложеніе г. *Юма*; съ своей стороны онъ полагаетъ, что хотя серъ *Робертъ Пиль* умеръ удрученный годами, осыпанный почестями, но смерть его нельзя не назвать преждевременною. За нимъ говорили Гг. *Непиръ*, *Инглисъ* и *Сомервиль*, единственный изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи членовъ кабинета.

— 3-го же іюля очень многіе магазины были заперты, по случаю смерти сера *Роберта Пиля*. Газеты разсылаются съ черной перевязью. Утромъ Ниж. Пал. снова разошлась по предложенію сера *Грея*; вечеромъ, *лордъ Джонъ Россель*, упомянувъ въ короткихъ словахъ о заслугахъ *Роберта Пиля*, сказалъ, что правительство намѣрено оказать ему ту же почесть, какой удостоились Гг. *Питтъ* и *Греттенъ*; если семейство и друзья покойнаго на то согласны, то онъ будетъ погребенъ въ Уестминстерскомъ аббатствѣ. Г. *Гумборнъ*, отъ имени друзей и семейства сера *Роберта Пиля*, благодарилъ правительство за почтеніе, ему оказанное, но воля покойнаго должна быть уважена, а онъ хотѣлъ, чтобы его похоронили въ могильномъ склепѣ, гдѣ лежатъ отецъ и мать его.

— Въ Верх. Пал. маркизъ *Ландсдоунъ* сказалъ нѣсколько словъ по тому же поводу; *лордъ Станлей* выразилъ свое удивленіе, что благородный маркизъ заговорилъ объ этомъ предметѣ. Съ своей стороны, онъ убѣжденъ, что только любовь къ отечеству руководила поведеніемъ сера *Роберта Пиля*. Лордъ *Брумъ* отдалъ честь знаменитому покойнику, герцогъ *Веллингтонъ* вспомянулъ о дружбѣ, которою онъ былъ связанъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ съ серомъ *Р. Пилемъ*.

— *Леди Пиль* тяжело больна; *Королева*, герцогъ *Велинг-*

томъ и бо́льшая часть членовъ высшаго круга нѣсколько разъ присылали освѣдомляться о ея здоровьи.

Замѣчательно, что не задолго до катастрофы, бывшей причиною смерти знаменитаго оратора, подобное же несчастіе постигло его племянника, капитана королевской гвардіи. При возвращеніи съ рыбной ловли изъ окрестностей Шалона, коляска его внезапно опрокинулась, и капитанъ *Пиль* былъ выброшенъ на землю. Между-тѣмъ какъ онъ старался подняться, ноги его запутались въ упряжи, и были раздроблены колесомъ, которымъ повреждено также одно плечо. Капитанъ *Пиль* отнесенъ домой почти въ совершенно безчувственномъ состояніи.

— Изъ допроса, которому подвергнутъ былъ *Р. Пэтъ*, видно только то, что его преступленіе не имѣло никакой политической цѣли. По всей вѣроятности, этотъ *Пэтъ* сумасшедшій; прежнія увѣрѣнія о томъ, что *Пэтъ* велъ очень правильную жизнь, не подтвердились; его ненавидѣли товарищи; изъ клуба арміи и флота онъ былъ исключенъ за невзносъ своей части.

— На адрессъ, представленный лордомъ-меромъ и лондонскимъ общиннымъ совѣтомъ, Королева отвѣчала, что принимаетъ его съ живымъ удовольствіемъ; ей пріятно было видѣть изъявленія преданности гражданъ Лондона къ ней самой и ея семейству.

«Я съ упованіемъ смотрю на привязанность моего народа къ нашимъ любимымъ учрежденіямъ, какъ на лучшую опору ихъ существованія и долговѣчности.»

— Депутація отъ издателей лондонскихъ журналовъ просила директора почтъ, лорда *Кленрикарда*, отмѣнить постановленіе, которое запрещаетъ разсылку писемъ и журналовъ по воскреснымъ днямъ. Министръ отвѣчалъ депутатамъ, что онъ первый сожалѣетъ о рѣшеніи, принятомъ Ниж. Пал., и что въ ближайшемъ преніи о биллѣ по этому предмету правительство употребитъ всѣ средства, чтобы пригласить Палату остаться при прежнемъ ея рѣшеніи.

— Въ засѣданіи 2 іюля отвергнуто было Вер. Пал., согласно съ желаніемъ правительства, большинствомъ 5 голосовъ, предложеніе графа *Гарроубея* объ изслѣдованіи хозяйственной части народныхъ школъ.

6-го. *Верх. Пал.* — Продолжала разсмотрѣніе *билля* о распространеніи избирательнаго права въ Ирландіи. Министерство потерпѣло новую неудачу: предложеніе лорда *Станлея* принято было, противъ желанія министровъ, большинствомъ 14 голосовъ. Въ началѣ засѣданія маркизъ *Лансдоунъ* извѣстилъ Палату о мирѣ, заключенномъ между Даніею и Пруссіею.

— Англійскую публику очень занимаетъ вопросъ о томъ, гдѣ будетъ построено огромное зданіе для промышленной выставки 1851 г. Объ Палаты Парламента соглашаются, что Гейд-Паркъ можетъ пострадать отъ этого временнаго строенія и отъ многочисленнаго народонаселенія, которое будетъ стекаться сюда, и потому полагаютъ, что лучше выбрать для выставки Реджент-паркъ, похожій на обширную равнину, изрѣдка усѣянную кустами, между-тѣмъ какъ въ Гейдъ-Паркѣ высокія деревья, подъ столѣтнею сѣнью которыхъ собирается лучшее лондонское общество. По поводу этого вопроса, неимѣвшаго впрочемъ никакихъ послѣдствій, лордъ Джонъ Россель отвѣчалъ на разныя замѣчанія, что выставка останется открытою не долѣе 1-го ноября 1851 г.; что Гейдъ-Паркъ выбранъ послѣ зрѣлаго соображенія, и что правительство не требуетъ никакого кредита для расходовъ на выставку, надѣясь, что издержки могутъ окупиться добровольными подписками и пошлиной со ввезенныхъ произведеній.

— Маіоръ *Мекисонъ*, офицеръ Ост-Индской Компаніи, недавно прибывшій въ Портсмутъ на пароходѣ Медеа, привезъ съ собою знаменитый алмазъ *Куги-нуръ* (гора свѣта), назначенный для поднесенія *Королевѣ Викторіи*, какъ эмблема Индіи.

Исторія этого драгоцѣннаго камня тѣсно связана съ событіями, происходившими въ Индіи въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ. Алмазъ этотъ, найденный въ 1550 году въ копяхъ Голконды, съ покореніемъ мелкихъ княжествъ Декана, перешелъ въ сокровищницу Великаго Могола, въ Дели, и здѣсь-то французскій путешественникъ *Тавернье* разсматривалъ его и, 2-го ноября 1665, свѣсилъ, получивъ на это особенное позволеніе императора *Ауренг-Зеба*. Только ему одному изъ всѣхъ европейцевъ дано было это исключительное позволеніе, во все время, пока алмазъ принадлежалъ индѣйскимъ владѣтелямъ. Коронные бриллі-

яты были представлены ему, на двухъ золотыхъ блюдахъ, казнохранителемъ, между-тѣмъ какъ императоръ сидѣлъ на тронѣ. Богатства драгоцѣнныхъ камней были безчисленны; но всѣ они затмѣвались роскошью и огромною цѣной *горы-свѣта* Алмазъ этотъ находился то въ императорскомъ вѣнцѣ, то на тронѣ, въ хвостѣ павлина, и оставался въ Дели до 1739 года, когда завладѣлъ имъ главный покоритель Индіи, персидскій Шахъ, *Надиръ*. Онъ увезъ эту драгоцѣнность въ Хоразанъ, откуда, послѣ смерти *Надира*, похитилъ ее предводитель Афгановъ *Ахмет-Шахъ*, и перенесъ въ Кабулъ. Одинъ изъ преемниковъ послѣдняго, *Шахъ-Земанъ*, скрылъ драгоцѣнный камень въ стѣнѣ своей темницы, гдѣ онъ и хранился до-тѣхъ-поръ, пока опять не сдѣлался украшеніемъ кабульскаго короля. Г. *Эльфинстонъ*, посланный лордомъ *Минто* къ Шаху *Суджѣ*, могъ видѣть гору-свѣта въ браслетѣ короля. Но едва посланникъ переправился черезъ Индъ, какъ несчастный Шахъ, изгнанный изъ отечества, принужденъ былъ искать убѣжища у лагорскаго короля, *Рунджит-Синга*, однакожъ въ бѣгствѣ, не забылъ голкондскаго сокровища, и *Рунджитъ-Сингъ*, зная, что оно находится въ рукахъ шаха, приказалъ строжайшимъ образомъ наблюдать за нимъ, чтобы не выпустить драгоцѣннаго алмаза изъ своихъ владѣній.

Спустя нѣсколько времени *Рунджит-Синъ* формально потребовалъ у Шаха *Суджи* выдать ему куги-нуръ, котораго этотъ не отдавалъ, подъ разными предлогами. 1-го іюня 1813 г., въ день, назначенный для окончательной развязки, два азіатскіе владѣтеля встрѣтились въ залѣ Рунджитова дворца. Оба они сѣли на полъ, и смотрѣли другъ на друга, не обмѣнявшись ни однимъ словомъ въ продолженіе цѣлаго часа. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, *Рунджитъ* попросилъ одного изъ присутствующихъ напомнить Шаху *Суджѣ* о предметѣ ихъ свиданія. Тогда, евнухъ шаха принесъ свертокъ и положилъ на коверъ между двумя владѣтелями. По знаку *Рунджита*, свитокъ былъ развернутъ, и изумленнымъ глазамъ короля Сейковъ и придворныхъ представился роскошный алмазъ Великаго Могола.

Куги-нуръ продолжалъ оставаться собственностью потомковъ лагорскихъ королей, до окончательнаго завоеванія ихъ страны Англичанами, которые сначала оставили эту драгоцѣнность въ казначействѣ королевства, а потомъ, во-время послѣднихъ событій, она перенесена для бо́льшей безопасности

въ Калькутту, откуда нынѣ благополучно привезенъ въ Портсмутъ.

Это самый большой изъ всѣхъ извѣстныхъ алмазовъ, кромѣ бразильскаго, сберегаемаго въ португальскомъ казнохранилищѣ.

Когда индійскій Императоръ, *Шах-Джеханъ*, получилъ въ подарокъ куги-нуръ, камень этотъ былъ необдѣланъ и вѣсилъ, говорятъ, около 800 каратовъ. Венеціанскій ювелиръ, *Горгензіо Боргисъ*, который взялся огранить драгоцѣнность, уменьшилъ ее до 279 каратовъ, и за свое неискусство былъ присужденъ разгнѣваннымъ Великимъ Моголомъ къ пени въ 10,000 рупій (5,500 р с.). Алмазъ этотъ ограненъ безъ плоской поверхности, и имѣетъ форму маленькаго куринаго полуяйца, на верху заостреннаго.

— Вчера бренные останки сера *Р. Пиля* положены были въ гробъ и перевезены на станцію сѣверо-западной желѣзной дороги; при этомъ присутствовали братъ покойнаго, г. *Фредерикъ Пиль*, виконтъ *Гардингъ*, серъ *Граамъ* и г. *Гольборнъ*. Процессію сопровождали толпы народа до самой станціи. Тѣло сера *Роберта Пиля* отправлено къ Тамуорту, въ его помѣстье.

— Королева сказала лорду *Джону Россслю*, тотчасъ послѣ поступка *Р. Пета*, что она хорошо знаетъ лицо *Пета*; онъ часто встрѣчался ей въ паркахъ, и кланялся съ особеннымъ почтеніемъ.

9-го.—Сынъ покойнаго баронета, серъ *Робертъ Пиль*, прибылъ вчера изъ Берна, гдѣ онъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Онъ отправился въ Тамуортъ, куда тоже поѣхали многіе друзья его отца; погребеніе назначено сегодня.

— Въ публикѣ распространяется желаніе воздвигнуть серу *Роберту Пилю* памятникъ. Въ Манчестрѣ, на одномъ листкѣ внесено было, въ нѣсколько часовъ, 300 ф. ст.; газеты утверждаютъ, что г. *Ричарду Кобдену* поручено собирать подписку съ этою цѣлью, и что онъ предложилъ помѣстить, вмѣсто надписи, слова сера *Р. Пиля*, которыми окончена послѣдняя его министерская рѣчь:

«Можетъ быть оставлю я имя, которое иногда будутъ вспоминать благосклонно въ жилищахъ тѣхъ, которые осуждены на работу, которые должны добывать хлѣбъ свой въ потѣ

лица, въ ту минуту, когда они освѣжатъ силы свои пищею, неотягченною налогомъ и тѣмъ болѣе пріятною, что никакая несправедливость не сдѣлаетъ ея тяжкою.»

— Королевская фамилія погружена въ глубокую печаль. Вчера вечеромъ скончался, послѣ страданій, продолжавшихся нѣсколько недѣль, *Герцогъ Кембриджскій*, дядя Е. В. Королевы. Кончина эта тѣмъ неожиданнѣе, что еще вчера утромъ герцогъ почувствовалъ себя лучше. Въ медицинскомъ бюллетенѣ о кончинѣ Е. В. сказано:

Е. К. В. Герцогъ *Кембриджскій*, послѣ дня, проведеннаго спокойно, скончался неожиданно, безъ всякихъ страданій, въ 20 минутъ одиннадцатаго.

Покойному было 76 лѣтъ; онъ родился 24-го февраля 1774 г. и былъ седьмой сынъ Короля Георга III.

Принцъ *Альбертъ Фридрихъ*, меньшой изъ семи сыновей короля *Георга III* и дядя королевы *Викторіи*, родился 24 февраля 1774 года, воспитывался въ Геттингенскомъ университетѣ, и возвратился въ Англію въ 1794 году. Скоро сдѣлался онъ ревностнымъ приверженцемъ знаменитаго *Питта*. Нѣсколько времени служилъ онъ въ англійскомъ флотѣ близъ Дюнкирхена; на 24 году имѣлъ чинъ генералъ-лейтенанта, а въ 1801 сдѣланъ пэромъ, съ титуломъ Герцога *Кембриджскаго*, графа *Тайпереры* и барона *Коллодена*.

Не-смотря на неудачу Принца Іоркскаго въ Голландіи, *Герцогъ Кембриджскій* назначенъ былъ, въ 1803 году, командиромъ англо-германскаго корпуса въ Ганноверѣ; когда же попытки его убѣдить Ганноверцевъ принять англійскую политику остались тщетными, то онъ воротился въ Англію. По изгнаніи Французовъ, онъ былъ въ Ганноверѣ вице-королемъ до восшествія на престолъ Короля *Эрнеста Августа*, въ 1837 году; здѣсь отличился онъ свойственными ему умѣренностію и обходительностію; онъ уменьшилъ армію, заставилъ высшій классъ нести часть податей, и въ 1830 г. далъ Ганноверу уложеніе, уничтоженное вскорѣ послѣ 1837 года.

Въ 1813 году онъ былъ произведенъ въ фельдмаршалы; въ 1818 г. сочетался бракомъ съ Принцессою *Августою-Вильгельминою-Августою*, третьею дочерью *Ландграфа Фридриха Гессен-Кассельскаго*, которая теперь осталась вдовою; отъ этого брака родились сынъ и двѣ дочери.

Вчера *Королева* и *Принцъ Альбертъ* нѣсколько разъ навѣщали его. Послѣ смерти его (въ 10 часовъ вечера) *Принцъ Альбертъ* снова прибылъ въ Кембриджскій-дворецъ, чтобы выразить свое сожалѣніе *Герцогинѣ* и *Принцу Георгу*.

Сегодня пріѣхала въ Англію дочь покойнаго, Великая Герцогиня Мекленбургъ-Стрелицкая.

По случаю кончины *Герцога Кембриджскаго*, отложены праздники, которые хотѣли дать Королевѣ дипломатическій корпусъ и различныя особы высшаго круга.

— Секретарь, завѣдующій судебными дѣлами, (recorder) объявилъ сегодня уголовному центральному суду свое заключеніе о дѣлѣ *Пэта*; признаніе его виновнымъ подлежитъ рѣшенію присяжныхъ; затѣмъ для разсмотрѣнія вопроса объ его помѣшательствѣ долженъ быть наряженъ спеціальный судъ присяжныхъ.

— Уничтоженіе почтовой службы по воскресеньямъ должно сократить расходы на 50,000 ф. ст.

— Вчерашній день былъ назначенъ для похоронъ сера *Р. Пиля*; взяты были всѣ мѣры, чтобы они были какъ можно менѣе публичны, но не-смотря на это, паркъ Drayton-Manor былъ окруженъ безчисленною толпою гражданъ.

Въ половинѣ втораго тронулся поѣздъ; печальною церемоніею предводилъ старшій въ родѣ Пилей, сынъ покойнаго, серъ *Роберть*. Гробъ поставленъ былъ на скромныя дроги съ обычными шестью траурными лошадьми. По краямъ гроба стояли г. *Гульборнъ*, серъ *Лаулецъ*, г. *Деннисонъ*, Виконтъ *Гардингъ*, серъ *Джемсъ Граамъ*, г. *Бонемъ*, графъ *Абердинъ* и лордъ *Ливерпуль*. За гробомъ слѣдовали ближніе родственники и семейство покойнаго. Панихида совершена Гибралтарскимъ Епископомъ, котораго серъ *Роберть Пиль* призывалъ за нѣсколько часовъ до смерти. Потомъ ѣхало двѣнадцать траурныхъ каретъ; въ нихъ были друзья умершаго; за тѣмъ слѣдовали всѣ фермеры и сосѣди, которые, не-смотря на проливной дождь, хотѣли выразить скорбь свою о покойномъ. Гробъ былъ помѣщенъ въ фамильный склепъ подъ Дрейтонскою церковью, какъ того хотѣлъ серъ *Р. Пиль*.

— Англійскія газеты извѣщаютъ еще объ одной смерти — графа *Доновмора*, пера Англіи и Ирландіи, умершаго 7 іюля, въ

своемъ замкѣ Памперстонѣ, близъ Дублина. Когда онъ назывался еще г. *Гели Гуткинсономъ*, онъ былъ при бѣгствѣ *Лавалетта* изъ Парижа, въ 1814 г.

— *Ниж. Пал.* Въ началѣ засѣданія лордъ *Джонъ Россель* объявилъ, что въ пятницу онъ будетъ просить Палату образоваться въ тайный комитетъ, чтобы обсудить предложеніе о представленіи Королевѣ адреса съ просьбою о воздвиженіи серу *Роберту Пилю* на казенный счетъ статуи въ Уестминстерскомъ соборѣ.

11. Times извѣщаетъ, что серъ *Уэйлдъ* будетъ назначенъ лордомъ канцлеромъ; онъ будетъ исполнять политическую часть этой должности подъ именемъ лорда хранителя печати. Говорятъ, что генералъ-прокуроръ серъ *Джервейсъ* будетъ верховнымъ судьею Common pleas; а на его мѣсто назначатъ сера *Румилли*.

— Лѣтъ за шестдесятъ тому, въ первый разъ явилось въ Англіи газовое освѣщеніе. Теперь, въ соединенномъ королевствѣ находится не менѣе 775 газовыхъ обществъ, съ капиталомъ въ 10½ милліоновъ ф. ст., которыя ежегодно производятъ 9,000 мил. кубическихъ футовъ газа, дающихъ такой же сильный свѣтъ, какъ 33 мил. галоновъ масла, которые стоили бы 13 мил. ф. ст. Газъ обходится компаніямъ въ 1,620,000 ф. стерл.

Ниж. Пал. Отвергнуто предложеніе г. *Чуарта* объ уничтоженіи смертной казни, (46 гол. пр. 40); его защищалъ г. *Юмъ*.

— Были выслушаны свидѣтели по дѣлу *Р. Пета;* онъ объявилъ во всеуслышаніе, что невиноватъ. Докторъ Королевы, серъ *Л. Клеркъ*, сказалъ, что ударъ тростью былъ такъ силенъ, что шляпа была какъ бы разрѣзана. Бывшій полковникъ *Пета* замѣтилъ еще во-время пребыванія его въ полку, что послѣ смерти трехъ лошадей и собаки, которыя были укушены бѣшеною собакою и потомъ убиты, въ поведеніи его было много страннаго. Лакей *Р. Пета* сказалъ, что господинъ его велъ очень правильную жизнь; бралъ утромъ ванну, въ которую сыпалъ камфору, и мылъ виски; во-время купанья онъ кричалъ или пѣлъ. Отецъ обвиненнаго подтвердилъ показаніе о помѣшательствѣ своего сына. Адвокатъ его, г. *Кокборнъ*, основываетъ на этомъ его оправданіе. Въ четвертомъ часу присяжные начали совѣщаться; въ 7 часовъ они еще не выходили

въ публичную залу; наконецъ, не-смотря на многія свидѣтельства въ пользу *Пета* (о его помѣшательствѣ), онъ осужденъ на 7-лѣтнюю ссылку за море. Когда президентъ суда, баронъ *Альдерсонъ* читалъ ему обвинительный актъ, онъ былъ совершенно спокоенъ, а когда тотъ кончилъ, онъ поклонился присяжнымъ и ушелъ, не сказавъ ни слова. Предъ началомъ суда онъ просилъ своихъ свидѣтелей хорошенько обдумать свои показанія, и сказалъ, что ударъ не могъ быть силенъ. Это, можетъ-быть было и причиною, что судъ не призналъ его помѣшаннымъ и не оправдалъ его; фактъ этотъ привелъ генералъ-прокуроръ.

— Холера не прекращается въ Ирландіи съ 29-го сентября 1848 года, то есть въ продолженіе болѣе двадцати-одного мѣсяца; но теперь число жертвъ епидеміи значительно уменьшается. По 31 мая прошлаго года, умерло 55,141 человѣкъ. Правительство заплатило 41,102 ф. ст. за помощь, оказанную бѣднымъ холерикамъ; пособія, выданныя лицамъ, которыхъ болѣзнь лишила средствъ существованія, составляютъ 5,804 ф. стерл.

15-го. — *Вер. Пал.* приняла проектъ закона о работѣ на фабрикахъ. Лордъ *Брумъ* порицалъ министерство за постоянное стремленіе его уменьшать содержаніе высшихъ чиновниковъ, и между прочимъ посланниковъ. По его же предложенію, Палата отвергла проектъ, уже утвержденный Нижнею Палатою, которымъ опредѣлялись отношенія владѣльца земли къ фермеру.

Ниж. Пал. приняла нѣсколько статей проекта о купеческомъ флотѣ, и потомъ рѣшилась разойтись, желая тѣмъ выразить свое сожалѣніе о смерти Герцога Кембриджскаго.

16-го. Происходило погребеніе тѣла *Герцога Кембриджскаго*. Кромѣ сына, зятя и двухъ дочерей покойнаго, при отпѣваніи присутствовали *Принцъ Альбертъ*, *герцогъ Веллингтонъ*, *лордъ Дж. Россель* и *графъ Минто*, и около 1,400 человѣкъ изъ кольдстримской гвардіи, въ которой Герцогъ былъ полковникомъ.

— Въ Ментон-Гоузѣ было, подъ предсѣдательствомъ лорда-мера, многочисленное собраніе, для совѣщанія о памятникѣ, который намѣреваются воздвигнуть въ честь сера *Роберта Пиля*, и открытія подписки для этой цѣли. Въ Собраніи при-

существовали многіе члены парламента, въ томъ числѣ *Юмъ*, *Друммондъ*, *Ротшильдъ*, *Фитцрой* и *Местерманъ*. Изъ рѣчей, произнесенныхъ при этомъ случаѣ, были особенно хороши двѣ—сера Е. *Буксгона* и *Друммонда*. Первый, сравнивая *Пиля* съ серомъ *Робертомъ Вальполемъ*, показалъ, насколько нынѣшняя политическая нравственность Англіи выше, нежели за сто лѣтъ передъ симъ, и отдавалъ полную справедливость характеру покойнаго, безкорыстному и чуждому всякаго тщеславія, и въ подтвержденіе своихъ словъ обратилъ вниманіе на то, что *Пиль* дважды отказывался отъ предлагаемаго ему званія пера и отъ ордена Подвязки—отличіе, котораго удостоился до него только одинъ членъ Нижней-Палаты. Г. *Друммондъ* показалъ въ особенности, какъ часто серъ *Робертъ Пиль* жертвовалъ частными дружескими связями своему политическому убѣжденію.

18-го.—Герцоги *Уэстминстеръ* и *Норменби* благодарили Верхнюю Палату отъ имени Королевы и Герцогини *Кембриджской*, за представленный имъ адресъ; та же обязанность въ Нижней Палатѣ была возложена на лордовъ *Гилля* и *Сеймура*. Первый объявилъ также, что Королева согласна на воздвиженіе серу *Р. Пилю* памятника.

— Ирландское общество репилеровъ, требующее образованія въ Ирландіи отдѣльнаго парламента, на дѣлѣ почти не существуетъ; г. *Джонъ О'Коннель* объявилъ нѣсколькимъ членамъ, что собранія общества прекращаются на неопредѣленное время; комитетъ остается въ сборѣ.

— *Людовикъ Филиппъ* прибылъ со всѣмъ семействомъ въ Лондонъ.

19-го.—*Нижн. Пал.* Приняла предложеніе лорда *Дж. Россела*, о назначеніи пенсій въ 12,000 ф. ст. *Герцогу Кембриджскому*; въ 3,000 ф. ст. *Принцессѣ Маріи*, такой же суммы *Великой Герцогинѣ Мекленбург-Шверинской* и 6,000 ф. ст. вдовствующей *Герцогинѣ Кембриджской*. Въ этомъ засѣданіи Палата согласилась ассигновать требуемую министерствомъ сумму въ 10,000 ф. ст. для покупки датскихъ фортовъ на гвинейскомъ Золотомъ-берегу.

— Серъ *Робертъ Пиль*, сынъ, единогласно выбранъ членомъ Нижней Палаты въ Тамуортскомъ округѣ.

— Въ Indépendance Belge помѣщено въ извлеченіи письмо изъ Лондона, отъ 20 іюля, въ которомъ описывается церемонія перваго причащенія *Графа Парижскаго*. Оно было произведено во французской часовнѣ, Лондонскимъ Епископомъ *Уейземомъ*, при чемъ онъ обратился къ причастнику съ краткою рѣчью, исполненною чувства тихаго и чистаго. За тѣмъ наставникъ *графа*, аббатъ *Гейль* произнесъ молитву, въ которой обратилъ вниманіе присутствующихъ на главу и членовъ семейства, къ которому принадлежитъ причастникъ. Въ часовнѣ, кромѣ королевской фамиліи, были вѣрные спутники ея въ изгнаніи, нѣкоторые Французы, пріѣхавшіе нарочно къ этому дню, и нѣсколько англійскихъ дамъ.

22-го.—Morning Cronicle сообщаетъ подробное извѣстіе о банкетѣ, данномъ *лорду Пальмерстону* клубомъ реформы, въ знакъ сочувствія къ началамъ, руководящимъ его политикой. Послѣ тоста за здоровье королевы, провозглашенъ былъ тостъ за благоденствіе флота. Адмиратъ *Непиръ* сказалъ, что лордъ *Пальмерстонъ* ближе къ флоту, чѣмъ многіе думаютъ; онъ началъ службу морскимъ офицеромъ; первый его политическій скачокъ было занятіе одного изъ мѣстъ лордовъ адмиралтейства. Онъ тоже не чуждъ войску, потому-что изъ адмиралтейства поступилъ въ военное министерство; наконецъ серъ *Непиръ* исчислилъ случаи, въ которыхъ флотъ исполнялъ планы благороднаго лорда, и въ заключеніе еще разъ благодарилъ Собраніе за честь, оказанную флоту. Замѣчательнѣе другихъ была рѣчь самаго лорда *Пальмерстона*, въ которой онъ такъ же прямо указалъ на главныя основанія своей политики; онъ указалъ также на роль, предоставленную Англіи въ судьбѣ другихъ народовъ. Рѣчь его была выслушана съ знаками глубокаго сочувствія. Послѣ тоста за иностранные народы, *баронъ Ротшильдъ* благодарилъ собраніе, и сказалъ, что теперь успѣхъ Евреевъ въ Нижней Палатѣ вѣренъ, потому-что власть находится въ рукахъ честнаго человѣка.

23-го. — *Ниж. Пал.* Сегодня полковникъ *Дюнкъ* получилъ согласіе Палаты на представленіе билля объ измѣненіи закона о бѣдныхъ въ Ирландіи. г. *Юмъ* говорилъ о послѣднихъ происшествіяхъ въ Іонической Республикѣ, и порицалъ политику теперешняго лорда обер-комиссіи, которая изслѣдовала дѣло на мѣстѣ. Это предложеніе поддерживалъ лордъ *Ніоджентъ*, и упрекалъ правительство въ несправед-

ливости къ Іонянамъ. Окончательное рѣшеніе объ этомъ предложеніи отложено до слѣдующаго засѣданія.

24-го.—*Людовикъ Филиппъ* снова уѣхалъ съ семействомъ въ Кларемонтъ.

25-го.—Избиратели города Лондона собрались сегодня въ Лондонской Тавернѣ для совѣщанія о замѣщеніи г. *Ліонеля Ротшильда*, который не могъ въ эту сессію засѣдать въ Палатѣ, потому-что парламентъ не согласился на уничтоженіе запрещенія Евреямъ вступать въ общественныя должности.

— Въ Майо, въ Ирландіи произошло значительное смятеніе между защитниками и противниками свободной торговли, по поводу выбора въ члены парламента. Кандидатъ послѣдней партіи г. *Буттъ* принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Партія эта потерпѣла пораженіе въ Честерѣ, и г. *Станлей* былъ избранъ.

26-го.—*Ниж. Пал.* продолжала утромъ разсмотрѣніе билля о коммерческомъ флотѣ, а вечеромъ лордъ *Наасъ* предложилъ Палатѣ представить Королевѣ адресъ объ устройствѣ правильнаго пароходнаго сообщенія съ австралійскими колоніями; сношенія будутъ ускорены на 50 или 60 дней. Предложеніе это, согласно съ мнѣніемъ канцлера казначейства, было отвергнуто. На сдѣланный ему вопросъ, лордъ *Пальмерстонъ* сказалъ, что Англія еще не признала законности французскихъ владѣній въ Алжирѣ.

Въ залѣ Палаты было много постороннихъ; членовъ было тоже болѣе обыкновеннаго; послѣ присяги, новаго депутата отъ Честера, къ оградѣ подошелъ г. *Ротшильдъ*, вмѣстѣ съ гг. *Джономъ Смитомъ* и *Вудомъ*, для принесенія присяги на Ветхомъ Завѣтѣ. Этому воспротивился серъ *Роберть Инглисъ*, и г. *Ротшильдъ* долженъ былъ удалиться; онъ сѣлъ въ галлереѣ, назначенной для лордовъ. Серъ *Р. Инглисъ* сказалъ, что съ основанія Палаты никто еще не присягалъ, отвергая Новый Завѣтъ.

«Нужно, чтобы Палата была христіанскимъ законодательнымъ учрежденіемъ христіанскаго народа».

Въ заключеніе онъ представилъ предложеніе о недопущеніи не-христіанъ въ Палату. Генералъ-прокуроръ просилъ Палату быть безпристрастной, и предложилъ выслушать объясненія г. *Ротшильда*, относительно причинъ, по которымъ онъ не можетъ принести установленной присяги; то же было сдѣла-

но для г. *О'Коннеля*, когда онъ былъ избранъ въ Клиръ. Г. *Вудъ* говорилъ, что баронъ *Ротшильдъ* избранъ два раза, и по этому можетъ присягнуть безъ объясненій. Присяга должна быть обязательна для присягающаго, по этому каждый долженъ присягать въ томъ видѣ, въ какомъ это для него возможно. Послѣ долгихъ преній, Палата отложила рѣшеніе вопроса до понедѣльника.

29-го.—*Ниж. Пал.* Окончила разсмотрѣніе дѣла г. *Ротшильда*. Уже два раза правительство старалось убѣдить Парламентъ въ необходимости измѣнить форму присяги; предложеніе его отвергнуто было Вер. Пал. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ скорѣе, г. *Ротшильдъ* послѣдовалъ примѣру г. *Даніела О'Коннеля*, который былъ избранъ въ то время, когда католики еще не могли засѣдать въ Парламентѣ. Онъ подошелъ къ оградѣ Палаты, и просилъ, чтобы ему было позволено присягнуть на Ветхомъ Завѣтѣ. Этому противился серъ *Инглисъ*; г. *Юмъ*, напротивъ того, предложилъ принять отъ г. *Ротшильда* присягу, которая можетъ быть обязательна для него. Палата приняла это предложеніе (113 гол. пр. 59). Г. *Ротшильдъ* явился снова для принесенія присяги, но не соглашался присягнуть по установленной формѣ, и снова долженъ былъ удалиться. И такъ вопросъ этотъ былъ рѣшенъ только по наружности. Серъ *Тизигеръ* предложилъ созвать избирателей Лондона для новаго выбора. Г. *Вудъ*, напротивъ, требовалъ, чтобы мѣсто г. *Ротшильда* считалось занятымъ; это предложеніе отвергнуто и по предложенію правительства дѣло отложено до 1 августа. Теперь, по-крайней-мѣрѣ, не нужно будетъ для окончанія его согласія Вер. Пал., потому что Ниж. Пал. можетъ сама утверждать членовъ своихъ въ этой должности.

Данія и Шлезвиг-Гольштейнъ.

Шлезвиг-Гольштейнъ. Киль, 8-го *іюля*. Правительство издало прокламацію къ народу, въ которой говоритъ, что мирный трактатъ, заключенный между Пруссіею и Даніею, признаетъ права Герцогствъ и предоставляетъ имъ защиту ихъ. Правительство обѣщаетъ отстоять ихъ; всякое нападеніе Датчанъ встрѣтитъ сильный отпоръ.

10-го. Департаментъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ объявилъ прибрежнымъ жителямъ, что къ 17 числу должно ожидать военныхъ дѣйствій со стороны Даніи, по этому купцы и мореходцы должны взять заранѣе свои мѣры. Циркулярнымъ предписаніемъ приказано полицейскимъ чиновникамъ удалить изъ провинцій всѣхъ отставныхъ военныхъ иностранцевъ, которые не представятъ свидѣтельства о своемъ занятіи.

18-го.—Корпусъ датскихъ войскъ, находившійся на островѣ Альсенѣ, выступилъ, 16-го, въ Зундевиттъ. Корпусъ этотъ, вмѣстѣ съ выступившимъ изъ Ютландіи, должны сосредоточиться сегодня передъ Фленсбургомъ; войска, стоявшія въ Фіоніи, будутъ перевезены, моремъ, въ тотъ же портъ. Войска еще не совсѣмъ очистили Копенгагенъ; но гражданская гвардія изъявила готовность принять на себя службу, если бы правительству понадобилось вывести изъ столицы и остальные полки.

— Прусскія войска начали выступать изъ Герцотства, именно изъ западной части его. Наканунѣ, отрядъ изъ ста человѣкъ былъ посланъ на фрегатъ «Гефіонъ» который занятъ Пруссіи отъ имени Германіи. Полковникъ *Гаджесъ* оставилъ Фленсбургъ. Въ Рендсбургѣ слышали съ моря сильную канонаду; впрочемъ, ее приписываютъ морскимъ маневрамъ.

— Капитанъ *Сехеръ*, командиръ линейнаго корабля «Скіольдъ», отправилъ съ иностраннымъ купеческимъ судномъ, циркуляръ къ консуламъ нейтральныхъ Державъ, пребывающимъ въ Кіелѣ, предупреждая ихъ, что гавань, можетъ-быть, скоро объявятъ въ блокадномъ состояніи, не извѣщая о немъ заблаговременно. Непріятельскія дѣйствія съ моря уже начались, говорятъ, противъ Гольштейна. Если вѣрить извѣстіямъ нѣкоторыхъ флотскихъ офицеровъ, то одно рендсбургское и одно гейлигенгафенское судно уже захвачены въ плѣнъ Датчанами.

— Король Датскій издалъ, 15 числа, слѣдующій манифестъ къ Герцогствамъ:

«Миръ, заключенный 2-го іюля между Даніей и Германскимъ Союзомъ, еще не утвержденъ симъ послѣднимъ; однакожъ, въ ожиданіи германской ратификаціи, мы считаемъ должнымъ уже теперь всенародно высказать, что одушевляло Насъ при заключеніи этого мира. Искреннѣйшимъ желаніемъ Нашимъ было, чтобы миръ этотъ былъ не только наружный, иначе

онъ не принесъ бы впослѣдствіи никакихъ плодовъ. Для этого необходимо еще другое: необходимо довѣріе, вмѣсто недовѣрчивости, которая, къ крайнему Нашему сожалѣнію, столь долго, вмѣсто прежнихъ пріязненныхъ отношеній, господствуетъ между Германіей и Даніей.

«Недовѣрчивость эта нигдѣ не обнаруживалась такъ враждебно, какъ въ двухъ германскихъ областяхъ, по которымъ Мы принадлежимъ къ членамъ Союза, и въ Шлезвигѣ. Да уничтожатся скорѣе печальныя внушенія этой вражды, чтобы осуществилась Наша надежда—распространить въ Нашихъ Герцогствахъ счастіе и спокойствіе правосуднымъ и кроткимъ правленіемъ.

«Послѣ мира, заключеннаго, въ силу данныхъ полномочій, съ Германскимъ Союзомъ, ни одна область его не можетъ имѣть повода къ продолженію войны, въ особенности же противъ своего Государя. Онъ требуетъ покорности, каковы бы ни были права, которыя эта область желаетъ себѣ присвоить. Это рѣшаетъ право Союза. Если Гольштейнъ послѣдуетъ своему ясному назначенію, Мы все простимъ и забудемъ. Общее всепрощеніе и оставленіе нынѣшнихъ должностныхъ лицъ въ званіяхъ, занимаемыхъ ими въ Гольштейнѣ, Лауенбургѣ и Шлезвигѣ, только съ исключеніями, которыхъ требуетъ необходимость при возстановленіи законнаго порядка, будутъ доказательствами Нашихъ отеческихъ чувствъ. Въ Герцогствѣ Шлезвигскомъ, какъ германская народность, такъ и датская, получатъ желаемыя обезпеченія, и всякое опасеніе о присоединеніи этого Герцогства къ Даніи должно окончательно устраниться Нашимъ объявленіемъ.

«Сообщаемъ Нашу дальнѣйшую волю: если Герцогство Гольштейнъ не будетъ препятствовать Намъ враждебными дѣйствіями, то Мы немедленно созовемъ изъ Шлезвигскаго Герцогства, Датскаго Королевства и Герцогства Гольштейнъ людей, пользующихся общимъ уваженіемъ, чтобы выслушать ихъ мнѣніе о порядкѣ отношеній, съ одной стороны—въ Шлезвигскомъ Герцогствѣ и Датскомъ Королевствѣ, а съ другой—въ Герцогствѣ Гольштейнъ. Изъ Шлезвигскаго Герцогства будетъ созвано лицъ болѣе, нежели изъ Даніи и Герцогства Гольштейнъ; но изъ Королевства и сего послѣдняго Герцогства будетъ созвано въ равномъ числѣ.

«Мы съ довѣрчивостью испытаемъ представленія этихъ людей, и охотно исполнимъ ихъ мнѣнія и желанія Герцогствъ

касательно отношеній ихъ къ Королевству и между собою, если эти мнѣнія и желанія будутъ согласоваться съ благомъ Монархіи.

«Для установленія отношеній Герцогства Лауенбургскаго, Мы также выслушаемъ мнѣніе призванныхъ изъ этого Герцогства людей, пользующихся въ немъ общимъ уваженіемъ.

Замокъ Фредериксборгъ, 14-го іюля 1850 года.

«Фредерикъ».

— Вмѣстѣ съ манифестомъ, Е. В. Король издалъ слѣдующую прокламацію, на датскомъ языкѣ, къ жителямъ Шлезвигскаго Герцогства:

«Шлезвигцы! Наконецъ наступило время, въ которое должно ожидать, что благословеніе мира возвратится нашей странѣ, столь долго бывшей для васъ прежде невозмутимымъ отечествомъ. Чужеземныя войска, которымъ въ послѣднее время должно было ввѣрить поддержаніе порядка и спокойствія, выступили, и наша армія вступаетъ, чтобы принять страну въ Наше, Государя вашего, владѣніе. Армія будетъ радостно встрѣчена на шлезвигской землѣ народонаселеніемъ, непоколебимо сохранившимъ свою подданическую вѣрность посреди лишеній и опасностей. Оружіе Наше доставляетъ вамъ отрадную, давно желаемую защиту. Хотя войско вступаетъ также и для тѣхъ, которыхъ ухо до-сихъ-поръ не внимало Нашему отеческому голосу; однакожъ приходитъ оно не за тѣмъ, чтобы наказывать и мстить. Не только съ правосудіемъ, но также и съ кротостью, держали Мы и Наши предки скипетръ надъ вами и вашими предками; и теперь также будетъ поступлено со всевозможною осмотрительностью, для обращенія заблудшихся и совращенныхъ, къ вѣрноподданическому долгу. При разстроенныхъ и разорванныхъ несчастными спорами отношеніяхъ вашей области, невозможно тотчасъ ввести въ ней министерское управленіе. По этому, Нашъ кабинетный секретарь, камергеръ Тиллишъ, членъ бывшей правительственной коммиссіи, временно принимаетъ отъ Нашего имени и съ званіемъ чрезвычайнаго коммисара правительства гражданское управленіе герцогствомъ. Но отеческая забота Наша съ перваго часа мира будетъ направлена къ тому, чтобы въ возможно скорѣйшемъ времени привести ваши внутреннія отношенія въ твердый и окончательный порядокъ, согласно съ обѣщаніемъ, даннымъ Нами прежде. Для

стоянія отъ 2½ до 3 миль отъ главной квартиры шлезвиг-гольштейнской, такъ-что аванпосты ихъ почти прикасаются одинъ къ другому. Графъ *Ревентлов-Преетцъ*, членъ намѣстничества и директоръ военнаго департамента, уѣхалъ изъ Киля въ главную квартиру. 21-го числа, гольштейнскіе аванпосты имѣли, къ югу отъ Фленсбурга, серьозную схватку съ летучимъ датскимъ корпусомъ; первые потеряли 20 человѣкъ убитыми и ранеными; Датчане унесли своихъ, оставивъ непріятелю колонну провіанта. Близъ Бюлка, гольштейнскій пароходъ «Bonin», вмѣстѣ съ другимъ пароходомъ и двумя канонерскими лодками, выдержалъ незначительное сраженіе съ датскимъ военнымъ кораблемъ «Holger Danske», который получилъ пять бомбъ въ борта, и долженъ былъ уйти въ море. Два гольштейнскіе корабля, захваченные въ плѣнъ, 16-го числа, военными датскими кораблями, отпущены, потому-что одиннадцати-дневный срокъ, назначенный послѣ ратификаціи мирнаго договора, еще не кончился въ тотъ день, когда они захвачены. 20 го, лейтенантъ *Ланге*, командиръ канонирской паровой лодки «Von der Tann», встрѣтившись съ датскимъ пароходомъ бо́льшаго размѣра, взорвалъ шлюпку на воздухъ; экипажъ спасся на лодкахъ. Шведскія войска совершенно очистили Фленсбургъ только 17-го числа, когда прибыли датскія.

— Множество офицеровъ разныхъ германскихъ государствъ стекаются въ Киль, для вступленія въ службу. Высшія должности заняты, бо́льшею частію прусскими офицерами; артиллеріей командуетъ ганноверскій полковникъ, *Виссель*; авангардомъ арміи генералъ *фон-дер-Горстъ* и полковникъ *Гахардъ*, оба Прусаки.

— Касательно задержанія кораблей, шлезвиг-гольштейнское правительство обнародовало слѣдующее объявленіе:

«Ночью съ 20-го на 21-е число, нѣсколько здѣшнихъ горожанъ и жителей пытались своевольно задержать датскій корабль, который, какъ оказалось, хотѣлъ идти по Эльбѣ мимо здѣшней гавани, и обнаружили неприличные, достойные наказанія поступки противъ корабля, мирно приставшаго въ гавани. По этому, полицейское начальство, вслѣдствіе высшаго предписанія, строго предостерегаетъ каждаго отъ повторенія подобныхъ попытокъ своевольства и дерзкихъ поступковъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, тюремнымъ заключеніемъ и другими наказаніями. Съ нарушителями предписа-

ній будетъ поступлено по закону 17-го октября 1848 г. Полицейское управленіе Альтоны, 22-го іюля 1850 г., Г. *Варнштедтъ*».

— «Neue Preussische Zeitung» говоритъ, что въ гражданскомъ отношеніи трудно представить себѣ что̀ нибудь хуже того положенія, въ которомъ находится Гольштейнъ. «Прежде по улицамъ Киля бродили веселыя, пестрыя толпы горожанъ, теперь городъ пустъ, тихъ и печаленъ. Всѣ мужчины, способные носить оружіе, отправились на войну, оставшіеся же заняты исключительно извѣстіями, получаемыми съ границы и береговъ. Напрасно поля золотятся полновѣсными колосьями: собирать хлѣбъ некому. Наполеонъ сказалъ про герцогства, когда его уговаривали не слишкомъ отягощать ихъ контрибуціями: «Невѣроятно, сколько можетъ вынести народъ; если бы шлезвиг-гольштейнскія деревни можно было разорить, то это бы давно уже случилось»! Можетъ теперешняя война успѣетъ сдѣлать то, что̀ не удалось Императору Французовъ».

24-го. Въ гамбургскихъ газетахъ описано сраженіе между датскими и шлезвигскими войсками. Разумѣется, что это описаніе клонится въ пользу Шлезвиг-Гольштейнцевъ, не-смотря на то, что побѣдили Датчане. Имѣя подъ рукою однѣ только гамбургскія и прусскія газеты, мы поневолѣ должны довольствоваться этимъ, можетъ-быть, пристрастнымъ описаніемъ. Утромъ, около 7 часовъ, направился датскій авангардъ изъ Вандерупа, по фленсбурго-газумскому шоссе, на сѣверо-востокъ, къ Тране. Сраженіе открыто шлезвиг-гольштейнскимъ 1-мъ корпусомъ егерей, но сначала имѣло видъ рекогносцировки. Скоро однако датскія войска начали сильно тѣснить армію герцогствъ по шоссе къ Шлезвигу; на 3-й корпусъ егерей, бывшій въ авангардѣ, стремительно напали 4 батальйона пѣхоты. Корпусъ сопротивлялся храбро, постоянно отступая, пока не подоспѣлъ къ нему на помощь, съ громкими пѣснями, 1 батальйонъ. Тогда непріятель былъ оттѣсненъ назадъ, и выдвинулъ кавалерію и артиллерію; но кавалерія тотчасъ же отступила предъ шлезвиг-гольштейнской гранатной баттареей. Противъ датскихъ пушекъ дѣйствовали только два орудія; при нихъ раненъ, подъ сильнымъ огнемъ, только одинъ человѣкъ. На короткое время 3 корпусъ егерей вышелъ изъ линіи; тогда 15 батальйонъ нѣсколько разъ пытался вытѣснить Датчанъ изъ лѣса, но напрасно. Въ обоихъ корпусахъ

довольно много убитыхъ и раненыхъ. Въ то же время Датчане напали съ запада, и прошли до деревни Юбена; здѣсь было жаркое артиллерійское дѣло; по движенію дыма, видному изъ города, заключили, что непріятель отступилъ. Вся бригада стоитъ еще подъ ружьемъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ боя. Настоящее сраженіе начнется только завтра: Датчане еще далеки отъ главной линіи шлезвиг-гольштейнской арміи.

Послѣ полудня полковникъ *Гергардъ*, командующій авангардомъ, старался опять занять Поптолцъ, но только потерялъ двухъ офицеровъ. Датчане между-тѣмъ тѣснили аванпосты лѣваго крыла, у Булгольца, пока къ нимъ не прислано было подкрѣпленіе; выстрѣлы слышались до 8 часовъ, но Датчане не подвигались впередъ.

25-го. Сегодня утромъ, около 3 часовъ, снова началось сраженіе на обоихъ флангахъ шлезвиг-гольштейнской арміи. Сначала нападенія Датчанъ были безуспѣшны; наконецъ на лѣвомъ флангѣ они нѣсколько подвинулись впередъ; скоро однако, не-смотря на сильное сопротивленіе, были они снова оттѣснены стремительною аттакою егерей и пѣхоты; на этомъ пунктѣ они были совершенно разсѣяны. На правомъ флангѣ не могли они сдѣлать ни одного шага впередъ. Послѣ двухъ или трех-часоваго сраженія на флангахъ, Датчане напали на центръ, по фленсбургскому шоссе, пѣхотою, кавалеріею и артиллеріею вмѣстѣ. Легкая шлезвиг-гольштейнская пѣхота отступила за главную позицію у Идштедта, гдѣ Датчане были встрѣчены сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, который принудилъ ихъ отступить; ихъ вблизи преслѣдовали Гольштейнцы до Поптолца. Этотъ маневръ повторялся два раза; на лѣвомъ флангѣ въ это время происходила только перестрѣлка. Сраженіе продолжалось уже 8 час. и, казалось, что оно будетъ имѣть счастливый конецъ. Въ 11 часовъ узнали, что Датчане сосредоточиваютъ всѣ свои силы, чтобы сдѣлать генеральную аттаку на центръ и правый флангъ. Они выдвинули нѣсколько новыхъ баттарей; войска, бывшія уже въ дѣлѣ, замѣнены новыми. Съ своей стороны, генералъ *Виллизенъ* тоже выдвинулъ резервныя баттареи и кавалерію, которая еще вовсе почти не была въ дѣлѣ. Начался страшный огонь; несмотря на превосходное число датскихъ орудій, шлезвиг-гольштейнская артиллерія держалась цѣлые полтора часа.

Вотъ одинъ изъ эпизодовъ этой драмы: небольшая 12 фунтовая баттарея прорвалась сквозь непріятельскій огонь, стала на половинномъ разстояніи отъ Датчанъ и сильно безпокоила

ихъ; наконецъ должна была отступить предъ значительнымъ отрядомъ конницы. Необычайная храбрость всей арміи ничего однако не могла сдѣлать противъ превосходнаго въ числѣ непріятеля; причина этому заключается отчасти въ недостаткѣ снарядовъ. Въ третьемъ часу нѣсколько солдатъ бѣжало по дорогѣ въ Шлезвигъ; скоро за ними послѣдовали отступающіе отряды; Датчане прорвали центръ. Генералъ *Вальмоденъ* отдалъ нужныя приказанія, и маленькая его армія отступила въ отличномъ порядкѣ. Датчане, повидимому, были сильно утомлены и не двинулись съ поля сраженія. Неизвѣстно, говоритъ очевидецъ, куда перенесена будетъ главная квартира; нѣкоторые батальйоны направлены на Эккернфёрде, другіе, къ Рендсбургу. Едштедтское дѣло принадлежитъ къ кровопролитнѣйшимъ сраженіямъ; съ обѣихъ сторонъ уронъ очень великъ; но онъ гораздо значительнѣе въ датской арміи, иначе они не оставили бы Шлезвиг-Гольштейнцовъ безъ преслѣдованія. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ плѣнными (ихъ числомъ до 400), въ датской арміи отъ 45 до 50 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько Шведовъ и Норвежцовъ, въ датскихъ мундирахъ. Объ уронѣ Шлезвиг-Гольштейнцовъ можетъ дать понятіе то, что въ одномъ стрѣлковомъ батальйонѣ осталось подъ ружьемъ около 400 человѣкъ. Артиллерія потеряла только одно орудіе.

Во все продолженіе этого дня въ Шлезвигъ постоянно доставлялись извѣстія съ поля битвы, и такъ какъ до 2 часовъ шлезвиг-гольштейнская армія стояла крѣпко, то всѣ думали, что дѣло приметъ совсѣмъ другой оборотъ.

26. Датчане вступили вчера въ Шлезвигъ, въ девятомъ часу. Шлезвиг-гольштейнская армія стягивается къ Зепштедту. Два или три батальйона и большіе отряды драгунъ вошли прошлой ночью въ Рендсбургъ, но сегодня, въ 10 часовъ, они опять двинутся къ сѣверу.

— Вечерній поѣздъ привезъ сюда многихъ раненныхъ; они съ радостію говорятъ о взятіи двухъ датскихъ знаменъ.

Въ «Альтонскомъ Меркуріѣ» напечатано.

Послѣ сраженія 24 іюля, положеніе нашихъ войскъ было слѣдующее: центръ въ Идштедткругѣ, лѣвое крыло до Трены, правое до Веделшпанга. Датчане начали слабымъ нападеніемъ на правый флангъ, для диверсіи; главная аттака поведена была противъ лѣваго фланга и лѣваго центра, въ направленіи отъ Энебека къ Боллингштедту. Бой былъ тамъ

чрезвычайно упорный; лежащій въ томъ мѣстѣ лѣсъ переходилъ три раза изъ рукъ въ руки, наконецъ въ немъ укрѣпились Датчане; благодаря этому, они могли выставить большое число войскъ противъ нашего центра. Съ нашей стороны была здѣсь укрѣпленная линія отъ Идштедткруга вправо до лѣса, влѣво до Маора. Съ ранняго утра непріятель употреблялъ напрасныя усилія овладѣть этой линіей; онъ потерпѣлъ сильный уронъ. Около 2 часовъ занялъ онъ лѣсъ; 1-я 12-ти фунтовая баттарея истощила къ тому времени всѣ снаряды, равно какъ и прикрывавшая ее пѣхота. Тогда на укрѣпленную линію сдѣлана была аттака сильною колонною. Наша пѣхота все-еще держалась; изъ 1-й баттареи потеряно два орудія; генералъ *Вилизенъ* послалъ два эскадрона во флангъ непріятельской колоннѣ, но она была защищена съ этой стороны и аттака не удалась. Центръ долженъ былъ отступить, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми и плѣнными. Нападеніе на правый флангъ было слабо, но такъ какъ центръ и лѣвое крыло отступили, то и онъ оставилъ свое положеніе, и началъ отступать вдоль Ланце.... О величинѣ потери еще нельзя судить; сюда приведено 400 плѣнныхъ, между прочими маіоръ *Банегенъ*, капитанъ *Штамбергъ*, порутикъ *Каннегіскіольдъ*. Съ нашей стороны ранены: генералъ *Бодиссинъ* легко, маіоръ *фон-Люцовъ* легко, капитанъ *Кроне*, командиръ 4-ой 6-фунтовой баттареи, смертельно (ему оторвало ноги; онъ умеръ еще въ Шлезвигѣ), капитанъ *Укру* легко, и много другихъ офицеровъ.

Сраженіе это, при всемъ своемъ кровопролитіи, не окончило войны; армія въ порядкѣ заняла новую позицію.»

Киль, 27-го. По послѣднимъ извѣстіямъ, шлезвиг-гольштейнская армія, готовая къ новому бою, въ числѣ 25000 чел., стоитъ у Зеештетда.

«Неудача прошлаго сраженія произошла», говоритъ «Börsen Halle», «отъ того, что центръ долженъ былъ отступить; оба крыла не уступали непріятелямъ; правое крыло ночевало на мѣстѣ сраженія, вблизи отъ Датчанъ, которые не могли продолжать боя. Шлезвигъ оставался нѣсколько часовъ безъ войска, по выходѣ изъ него нашего центра; Датчане заняли его около 9 часовъ, но не двинулись дальше. Экернферде сданъ непріятелю, всѣ укрѣпленія срыты. На фрегатѣ «Экернферде» снятъ по этому германскій флагъ и по соглашенію командующаго имъ прусскаго офицера съ однимъ датскимъ пароходомъ, на немъ поднятъ прусскій флагъ. Нѣмецкіе матросы оставили его».

Копенгаген, 27. Вчера, вечеромъ, военный министръ обнародовалъ двѣ телеграфическія депеши изъ Фленсбурга, которыми извѣщается, что Шлезвигъ занятъ, послѣ двухъ-дневной битвы. Королевская армія отняла пять пушекъ, и захватила въ плѣнъ около 1,000 человѣкъ, но лишилась генерала *Шлеппегрелля*, убитаго при нападеніи на центръ арміи мятежниковъ.

Альтона 28. Генералъ *Виллизенъ* отвергнулъ предложеніе датскаго генерала о перемиріи. Армія Герцогствъ стоитъ у Зеештедта, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Эйдеръ соединяется съ каналомъ. Вчера было въ ней 20,000 человѣкъ, слѣдовательно, при Идштедтѣ потеряли Шлезвиг-Гольштейнцы около 4,000 человѣкъ.

— Альтонская полиція объявила многимъ желавшимъ отправиться въ Рендсбургъ, что туда не впускаются даже жители города, а тѣмъ менѣе жены и дѣти и всѣ неспособные носить оружіе.

— Датское войско состоитъ теперь приблизительно изъ 35,000 человѣкъ, изъ этого числа 20,000 стоятъ между Шлезвигомъ и Экернфёрде; прочія 15,000 размѣщены въ Даніи, въ Шлезвигѣ, въ Альсенѣ и Фемернѣ.

— Офицеры экернфёрдскаго гарнизона упрекали, ночью съ 25 на 26 число, генерала *Виллизена* въ дурныхъ распоряженіяхъ, и особенно въ томъ, что онъ не озаботился образованіемъ резерва, что бы дало другой оборотъ дѣлу. Вообще же идштедское сраженіе проиграно, во-первыхъ, вслѣдствіе дурной организаціи шлезвиг-гольштейнской конницы; она никакъ не можетъ соперничать съ датской, а генералъ *Виллизенъ* еще уменьшилъ количество ея, думая, что конница не можетъ принести большой пользы. Отъ этого не удалась фланговая аттака противъ датской пѣхоты, двинувшейся противъ центра. Сраженіе могло бы принять другой оборотъ, если бы, вмѣсто 2 эскадроновъ, послано было въ обходъ 10, а это легко было бы сдѣлать, при изобиліи лошадей въ Гольштиніи. Третья ошибка состояла въ избранной позиціи при Идштедтѣ: плоская мѣстность позволила Датчанамъ наилучшимъ образомъ воспользоваться своей конницей. Нужно было бы дать сраженіе между Шлеи и Эйдеромъ, гдѣ мѣстность покрыта густымъ кустарникомъ.

Альтона, 28. Генералъ *Вильмзенъ* былъ сегодня въ Рендсбургѣ, куда перенесена будетъ главная квартира; авангардъ долженъ стоять у Зеештедта.

30-го.—Въ «Альтонскомъ Меркуріѣ» напечатана нота вальдекскаго правительства къ департаменту иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ оно извѣщаетъ его о высылкѣ 5,000 т. въ главную кассу въ Рендсбургѣ, за содержаніе въ прошломъ году вальдекскаго вспомогательнаго корпуса.

31-го. — «Börsen Halle» говоритъ, что между Экернферде и Килемъ стоитъ небольшой отрядъ датскихъ войскъ; но передъ обѣими гаванями находятся значительныя морскія датскія силы. Нейтральнымъ судамъ входъ въ Киль не запрещенъ; входъ въ Эйдеръ и каналъ свободенъ даже и для шлезвиг-гольштейнскихъ судовъ.

— Датское войско, попрежнему, сосредоточено около Шлезвига; мало-по-малу подвигается впрочемъ оно къ востоку; вчера аванпосты его были около Гетторфа. Извѣстія изъ мѣстъ, гдѣ стоятъ Датчане, очень благопріятны имъ. Въ Экернферде они даже вовсе не живутъ; батальонъ, занявшій это мѣсто, стоитъ въ окрестностяхъ.

Шлезвигъ. Здѣсь и въ Геторфѣ провозглашено осадное положеніе, и сообразно съ этимъ велѣно жителямъ свести оружіе и знамена въ ратушу; изъ квартиръ не дозволяется выходить отъ 9 часовъ вечера до 9 утра; всѣ клубы запрещены; на улицахъ и площадяхъ запрещено сходиться болѣе, нежели 5 лицамъ. Кромѣ-того сдѣлано распоряженіе относительно запрещенія сообщать всякаго рода военныя извѣстія, подъ штрафомъ отъ 50 до 1,000 марокъ; оно подписано еще 22 числа.

30-го.—Въ «Berlinische Zeitung» напечатанъ слѣдующій приказъ генерала *Крога*:

«Изъ главной квартиры въ Шлезвигѣ, 26 іюля.

Солдаты! Вчера оправдали вы мои ожиданія. Послѣ усиленнаго марша и послѣ сраженія, выдержаннаго вами наканунѣ; не заботясь о покоѣ, вы побѣдили упорное сопротивленіе, и отбросили непріятеля изъ крѣпкой позиціи за Шлею. Солдаты! Опять стоите вы на прежней датской землѣ. Но васъ ожидаютъ новыя сраженія, новыя усилія! Вы перенесете ихъ съ тѣмъ же духомъ и съ тою же силою, какъ перенесли до-

сихъ-поръ. Примѣрная дисциплина и порядокъ царствовали во-время занятія Шлезвига; я надѣюсь, что и впредь вы соблюдете ихъ. Солдаты! Я благодарю васъ! *Крогъ.*

Альтона, 2 августа. Съ каждымъ днемъ становится яснѣе, что судьба идштедтскаго сраженія висѣла на волоскѣ. Плѣнные датскіе офицеры сознались, что если бы наша армія въ центрѣ при Идштедткругѣ и идштедскомъ лѣсѣ выдержала нападеніе еще двѣ или три четверти часа, то Датчане отступили бы; послѣдніе резервы ихъ стояли въ огнѣ; это была гвардія, которая только что вступила въ дѣло. Если бы аттака не удалась, и Датчане отступили, то отступленіе ихъ, такъ какъ они до-сихъ-поръ нападали и потеряли очень много людей, было бы очень неправильно и безпорядочно. Изъ офиціяльнаго рапорта видно, что генералъ далъ повелѣніе отступать потому, что узналъ о появленіи въ тылу лѣваго крыла, при Шубье, датскаго отряда, думая, что онъ сильнѣе, чѣмъ то было на дѣлѣ. Стоитъ взглянуть на карту, чтобы убѣдиться, что занятіе Датчанами Шубье прерывало шлезвиг-гольштейнской арміи путь къ отступленію на Рендсбургъ; было бы чрезвычайно неблагоразумно, при всеобщемъ изнеможеніи войскъ, ставить судьбу арміи на карту. Все это однако еще не оправдывало бы отступленія, если бы удержана была позиція въ центрѣ. Неудача въ этомъ пунктѣ произошла не вслѣдствіе истощенія снарядовъ, какъ увѣряли многіе: недостатокъ этотъ былъ тотчасъ же пополненъ, — а истощенія войскъ двух-дневнымъ боемъ, тогда какъ у Датчанъ были свѣжіе резервы. Очевидцы приводятъ слова солдатъ: «Мы бы рады были идти впередъ, но некому было вести насъ». Еще до сраженія замѣтенъ былъ недостатокъ въ офицерахъ, а 24 и 25 числа потеряно ихъ отъ 70 до 80 чел. Побочною причиною пораженія было неудавшееся нападеніе на датскую колонну драгуновъ, которые потомъ, возвращаясь марш-маршемъ, привели въ разстройство баталіонъ пѣхоты. Около того же времени выведена была назадъ батарея, и такъ какъ она, согласно съ правилами, тоже ѣхала маршъ-маршемъ, то батальонъ принялъ движеніе ея за отступленіе. Отъ этого отпоръ, данный Датчанамъ пѣхотою, былъ въ этотъ моментъ слишкомъ слабъ. Если бъ извѣстно было хорошо состояніе датской арміи, то сдѣлана бы была еще попытка удержаться, и сраженіе, можетъ-быть, не было бы проиграно. Удивительно, что изъ нашего штаба никто не остался на мѣстѣ: онъ все время былъ въ жаркомъ огнѣ. Генералъ *Вилльзенъ* ни на минуту не потерялъ

хладнокровія. Прямо подъ лошадью г. *Таннъ* ударилась въ землю датская граната, и потомъ снова взвилась на воздухъ; всадникъ не обратилъ даже вниманія на это. Генералъ *Таннъ* не командовалъ особенною частію арміи, а, какъ начальникъ штаба, появлялся то на правомъ, то на лѣвомъ флангѣ, отчего и произошли противорѣчія въ газетахъ. Онъ перемѣнилъ подъ собою, по-крайней-мѣрѣ, 5 лошадей. Еще утромъ убита была лошадь подъ поручикомъ *Раумеромъ*, состоящимъ при штабѣ; онъ сѣлъ тогда на бѣлую лошадь и хотя это дѣлало его цѣлію датскихъ выстрѣловъ, не былъ даже раненъ.

Пруссія.

Берлинъ, 3-го. «Preussische Staats-Anzeiger» напечаталъ протоколъ мирныхъ условій, заключенныхъ между Пруссіею и Даніею. Въ трехъ статьяхъ протокола постановлено, что

1) Прусскія войска немедленно должны оставить Шлезвигъ; съ своей стороны другія нейтральныя войска тоже должны очистить Герцогство; а затѣмъ датскому правительству предоставляется занять его своими войсками. Прусскій Король обязуется не препятствовать исполненію распоряженій Датскаго Короля въ этой странѣ; до выхода прусскихъ войскъ, датскія войска могутъ быть введены въ нее только тогда, когда въ нее вступитъ гольштейнскій отрядъ.

2) Чрезъ одиннадцать дней послѣ ратификаціи этого договора, прусскія войска должны перейти границу, отдѣляющую Шлезвигъ отъ Гольштейна; еще чрезъ одиннадцать дней они должны оставить Герцогства Гольштейнъ и Лауенбургъ.

3) Ратификаціи настоящаго протокола должны быть обмѣнены въ Берлинѣ не позже восьми дней.

9-го.—Въ восьмомъ засѣданіи временнаго конгресса князей, сообщенъ ему былъ трактатъ, заключенный, между Даніею и Пруссіею; въ слѣдующемъ засѣданіи предсѣдатель, прусскій уполномоченный *Радовицъ*, прочелъ циркуляръ, разосланный принадлежащимъ къ прусскому союзу государствамъ, съ приглашеніемъ присоединиться къ этому трактату.

О положеніи переговоровъ съ Австріею ни въ одномъ изъ этихъ засѣданій президентъ не могъ сообщить ничего удовлетворительнаго. Австрійскому правительству предложено за-

брать такой способъ переговоровъ, который былъ-бы наиболѣе удобенъ для обѣихъ сторонъ. Пруссія, по-прежнему не признаетъ дѣйствительнымъ германскаго уложенія, слѣдовательно, не считаетъ Франкфуртскаго Собранія сеймомъ въ прежнемъ видѣ. Конгрессъ положилъ сообщить ноту прусскаго министра къ австрійскому правительству, соединеннымъ государствамъ, и испросить у нихъ мнѣнія о ней. Затѣмъ конгрессъ рѣшилъ сообщить предложеніе прусскаго правительства о продолженіи временнаго союза, на основаніи котораго онъ собранъ, различнымъ государствамъ, его составляющимъ и ожидать ихъ рѣшенія. Съ согласія конгресса отправленъ къ гессенскому уполномоченному отвѣтъ на его увѣдомленіе, съ изъявленіемъ сожалѣнія объ удаленіи его отъ совѣщаній.

— 1-го іюля 1850 года кончился срокъ торговаго трактата, заключеннаго между Германскимъ Таможеннымъ Союзомъ и Бельгіею, въ 1844 году. По свѣдѣніямъ, собраннымъ правительствами о положеніи различныхъ отраслей промышлености въ Германіи, оказалось невозможнымъ дальнѣйшее продолженіе его, безъ измѣненія нѣкоторыхъ статей, преимущественно относительно ввоза бельгійскаго желѣза, которое было обложено половиною пошлины, платимой съ желѣза другихъ государствъ. На сдѣланное въ этомъ смыслѣ предложеніе, бельгійское правительство отвѣчало, что оно на него согласиться не можетъ, но что совершенно готово вступить въ переговоры, относительно опредѣленія торговыхъ отношеній между Бельгіею и Германскимъ Таможеннымъ Союзомъ. По всей вѣроятности, переговоры эти окончены будутъ къ началу будущаго года.

— Въ «Pr. Stats-Anzeiger» помѣщено письмо прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ къ королевскому посланнику при австрійскомъ дворѣ, сообщенное 9 числа временному конгрессу князей.

«Прусское правительство» сказано въ этомъ письмѣ, «готово употребить всѣ средства, для упроченія единства Германіи; поэтому оно тотчасъ же приняло предложеніе Австріи участвовать на франкфуртскомъ съѣздѣ. Надежды Пруссіи доселѣ-поръ не сбылись, и графъ *Тунъ* отвергъ, съ согласія своего правительства, всѣ предложенія прусскаго уполномоченнаго. Мы должны сложить съ себя и съ своихъ союзниковъ обвиненіе въ такомъ неуспѣхѣ. Мы не представили ни одного требованія, которое бы не было согласно съ правами Пруссіи и ея

союзниковъ. Но мы снова готовы вступить въ переговоры, съ цѣлію соединить германскія государства между собою, и окончить настоящее неопредѣленное положеніе. Такъ какъ послѣднимъ препятствіемъ къ продолженію начатыхъ переговоровъ было требованіе Австріи объ уничтоженіи прусскаго союза, на что не могло согласиться прусское правительство, то теперь остается немедленно начать совѣщанія объ окончательномъ устройствѣ Германіи. Путь къ этому указанъ самимъ княземъ *Шварценбергомъ*: австрійское правительство и тѣ государства, которыя согласны съ нимъ, должны обратиться ко всѣмъ членамъ германскаго союза; такимъ образомъ они будутъ имѣть возможность выразить прямо свое мнѣніе объ этомъ. Мы должны повторить, что не можемъ признать Франкфуртскаго Собранія сеймомъ въ прежнемъ смыслѣ, поэтому и рѣшенія его считаемъ недѣйствительными.» Въ концѣ этого письма, котораго мы привели только содержаніе, выражена надежда о скоромъ рѣшеніи вопроса, занимающаго не только Германію, но и всю Европу. Если, съ другой стороны взять во вниманіе тонъ австрійскихъ министерскихъ газетъ, въ послѣднее время, то надежда эта покажется не совсѣмъ несбыточною.

— Въ сегодняшнемъ одиннадцатомъ засѣданіи временнаго конгресса князей сообщены были отвѣты союзныхъ правительствъ на предложеніе Пруссіи касательно продолженія союза еще на три мѣсяца: до-сихъ-поръ не получены еще отвѣты отъ Нассау и Саксен-Альтенбурга, но и они не замедлятъ, вѣроятно, явиться. Такимъ образомъ каждый членъ конгресса получилъ разрѣшеніе отъ своего правительства участвовать въ засѣданіяхъ его въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, считая съ 16 іюля, что и было объявлено президентомъ. Въ этомъ засѣданіи конгрессу сообщены были мнѣнія различныхъ правительствъ, о средствахъ къ рѣшенію главнаго вопроса, о достиженіи устройства Германіи.

19-го. — Въ «Preus. Staats-Anzeiger» помѣщенъ рескриптъ Короля на имя президента совѣта министровъ, въ которомъ Е. В. благодаритъ тѣхъ, которые выразили въ адрессахъ скорбь свою о печальныхъ послѣдствіяхъ злоумышленія на его особу.

«Большое число адрессовъ ставитъ меня въ невозможность отвѣчать на каждый изъ нихъ особенно. Поэтому, чтобы высказать мою благодарность, сколько это возможно, тѣмъ, которые доставили мнѣ столько утѣшенія и радости, я пору-

чаю вамъ обнародовать въ «Staats-Anzeiger» этотъ приказъ и списокъ полученныхъ адрессовъ.»

Списокъ этотъ занимаетъ въ газетѣ почти десять столбцовъ. Всѣхъ адресовъ получено 891.

За нѣсколько дней до напечатанія этого приказа, именно 12 іюля, въ Потсдамъ отправилась депутація отъ жителей Берлина, для представленія Королю поздравительнаго адресса по случаю его выздоровленія. «Deutsche Reform» передаетъ отвѣтъ Короля въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Господа, я не имѣю привычки принимать, и тѣмъ менѣе вызывать подобныя изъявленія. Но я радъ видѣть моихъ вѣрныхъ и добрыхъ Берлинцевъ, чтобы сказать имъ, что я никогда не сомнѣвался въ вѣрности очень многихъ, даже большей части населенія моей столицы. Я чувствую необходимость объявить это. Если, по древнему обычаю, я не живу въ Берлинѣ, на это есть другія причины. Между вами существуетъ еще безправственная шайка (*приподнимая правую руку*); происшествія двухъ послѣднихъ лѣтъ могутъ объяснить вамъ, кого я подразумѣваю подъ этимъ названіемъ. Къ несчастію, городское начальство не показало еще энергіи, которой я ожидалъ отъ него. Я хотѣлъ указать вамъ на это, какъ на условіе моего возвращенія.

«Но потому-то именно, что я не живу въ Берлинѣ, мнѣ пріятно сказать многимъ гражданамъ его, что въ сердцѣ моемъ не остается слѣда неудовольствія на нихъ. Помѣшать тому, что случилось, было не во власти Берлинцевъ; вслѣдствіе этого произошли толки, которое заставляютъ меня жить вдали отъ ихъ города. Впрочемъ, я благодарю васъ отъ всего сердца за прекрасныя слова, которыя я слышалъ, но которыхъ бы я не принялъ, если бы не былъ увѣренъ, что всѣ находящіеся здѣсь непричастны случившемуся, и что ни одинъ изъ тѣхъ, которые меня слушаютъ, не показалъ признака противозаконнаго чувства».

— Сначала Австрія, основываясь на трактатѣ 1815 г., хотѣла просто возстановить франкфуртскій сеймъ на прежнемъ основаніи, и сохранить право предсѣдательства на немъ; Пруссія, напротивъ требовала, чтобы совѣщанія были совершенно свободны, и чтобы Австрія отказалась отъ предсѣдательства. Затѣмъ Австрія согласилась на эти требованія, но съ условіемъ, чтобы Пруссія уничтожила союзъ, составленный на осно-

вавія трактата 26 мая 1849. На этомъ прекратились въ первый разъ переговоры, вслѣдствіе неуступчивости Пруссіи. Теперь берлинскій кабинетъ поручилъ г. *Бернсторфу* объявить австрійскому министерству, что онъ согласенъ уничтожить трактатъ 26 мая, прекратить совѣщанія о временномъ устройствѣ Германіи и заняться исключительно изысканіемъ средствъ къ окончательной организаціи центральной власти; при этомъ всѣ германскія государства должны имѣть равное число голосовъ и равное право на предсѣдательство (по избранію). «Constitutionelle Correspondenz» говоритъ, что это предложеніе было благопріятно принято въ Вѣнѣ, но признается, что первый пріемъ еще ничего почти не значитъ.»

— Датское правительство отправило къ прусскому правительству замѣчаніе на счетъ прусскихъ офицеровъ, которые прибываютъ въ армію Герцогствъ. Такъ какъ Пруссія заключила миръ во-первыхъ, отъ своего имени, во-вторыхъ, отъ лица Германіи, то Данія требуетъ, чтобы всѣ условія его были исполнены вполнѣ.

— Наконецъ составленъ, повидимому, окончательный планъ о постройкѣ и содержаніи прусскаго флота. На этотъ предметъ назначено единовременно 30 мил. талеровъ, которые должны быть разложены на 10 лѣтъ, и 2 мил. на ежегодные расходы. Построено будетъ двѣнадцать 60-ти-пушечныхъ фрегатовъ, нѣсколько винтовыхъ пароходовъ, 10 паровыхъ корветтъ, 14 паровыхъ канонерскихъ лодокъ и проч. Все это составитъ основаніе восточнаго германскаго флота на сѣверномъ (Нѣмецкомъ) морѣ. Центральная союзная коммиссія опредѣлила, 16 іюля, взыскать для этой цѣли остальную сумму за внесеніе въ матрикулы, что составитъ 700,000 ѳл.

20-го. — Вотъ текстъ договора, заключеннаго въ Берлинѣ, 2-го іюля, между Даніей и Пруссіей, отъ имени этой послѣдней державы и Германскаго Союза:

Ст. 1. Миръ, дружба и доброе согласіе будутъ господствовать на будущее время между Германскимъ Союзомъ и Даніей. Обѣ стороны употребятъ всѣ старанія о поддержаніи согласія, столь счастливо возстановленнаго, и будутъ стараться избѣгать всего, чѣмъ оно можетъ быть нарушено.

Ст. 2. Всѣ договоры и условія, заключенные между Гер-

манскимъ Союзомъ и Даніей, возстановлены нынѣшнимъ договоромъ во всей ихъ силѣ.

Ст. 3. Договаривающіяся стороны удерживаютъ за собой всѣ права, взаимно принадлежавшія имъ до войны.

Ст. 4. По заключеніи настоящаго договора, Е. В. Король Датскій, Герцогъ Гольштейнскій, согласно съ правомъ Союза, можетъ требовать вмѣшательства Германскаго Союза для возстановленія дѣйствія своей законной власти въ Гольштейнѣ, и водворенія мира въ этой странѣ. Если, послѣ этого требованія, Германскій Союзъ сочтетъ за должное не вмѣшиваться, или если его вмѣшательство останется безъ дѣйствія, то Е. В. Король Датскій можетъ употребить противъ Гольштейна военныя мѣры и военную силу.

Въ теченіе шести мѣсяцевъ, послѣ подписанія настоящаго договора, Германскій Союзъ и Е. В. Король Датскій назначатъ коммиссаровъ, для опредѣленія, по документамъ и другимъ относящимся къ нимъ доказательствамъ, границы владѣній Е. В. Короля Датскаго, не входящихъ въ Германскій союзъ и принадлежащихъ ему.

Ст. 6. Настоящій договоръ будетъ ратификованъ и ратификаціи будутъ обмѣнены въ Берлинѣ, въ теченіе шести недѣль, или ранѣе, если это будетъ возможно.

27-го. — Въ засѣданіи временнаго конгресса князей, президентъ сообщилъ членамъ отвѣтъ австрійскаго правительства отъ 21 іюля, на послѣднія предложенія, переданныя ему графомъ *Бернсторфомъ*. Онъ замѣтилъ далѣе, что прусское правительство не можетъ болѣе надѣяться убѣдить прочія германскія государства учредить во Франкфуртѣ «свободный совѣтъ германскихъ государствъ, въ основаніи котораго лежали бы полная свобода и независимость и совершенно добровольное участіе въ немъ». Поэтому прусское правительство тогда же отправило двумъ своимъ уполномоченнымъ приказаніе не участвовать болѣе въ засѣданіяхъ собранія; г. *Матисъ* возвратится въ Берлинъ, а генералъ *Пейкеръ* останется во Франкфуртѣ, какъ членъ центральной коммиссіи союза. Президентъ предложилъ членамъ конгресса увѣдомить объ этомъ свои правительства, и пригласить ихъ тоже вызвать своихъ уполномоченныхъ изъ Франкфурта.

Австрія.

Во многихъ итальянскихъ гарнизонахъ появилась глазная болѣзнь; изъ одной крѣпости передано, 22 іюня, въ Кремонскій госпиталь 74 человѣка больныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже ничего не видѣли. Лойдъ говоритъ, что причина этой болѣзни заключается въ томъ, что пѣхота занимаетъ тѣ мѣста, на которыхъ недавно стояла кавалерія и артиллерія; пыль поднимается тамъ густыми облаками при всякомъ движеніи, и постоянно стоитъ надъ лагеремъ; дыханіе дѣлается тяжело и глаза засоряются.

— 1-го сентября снято будетъ осадное положеніе Вѣны, и тогда же назначено первое коронованіе императора. Вслѣдъ за тѣмъ, вѣроятно, прекратится осадное положеніе въ Прагѣ и Галиціи, и останется только въ Венгріи и Ломбардо-Венеціанскомъ Королевствѣ, пока и тамъ будетъ введено правильное гражданское устройство.

— 1-го іюля скончался здѣсь, отъ холеры, извѣстный писатель *Карлъ Аустерлицъ*. Онъ былъ родомъ Венгерецъ, но уже слишкомъ 20 лѣтъ жилъ въ Вѣнѣ, гдѣ занимался обученіемъ дѣтей и литературными трудами. Между прочими его поэтическими произведеніями замѣчательны метрическіе переводы псалмовъ.

4-го. Въ одной газетѣ напечатано: Посѣтивъ недавно Фросдорфъ, гдѣ находится теперь *Герцогъ Бордосскій*, мы встрѣтили тамъ настоящій придворный штатъ, который окружаетъ Герцога вѣрностію и преданностію, какъ законнаго короля. *Герцогъ Бордосскій*, его супруга и тетка его, *Герцогиня Ангулемская*, своимъ ласковымъ обхожденіемъ и внимательною предупредительностію производятъ большое вліяніе на это собраніе высшей французской аристократіи, въ которомъ особенно замѣчательны графъ *Бланасъ*, *Латур-Дюпенъ*, *де-Виталь*, *С. Анжъ*, герцогъ *Майль*, маркизъ *де Монти*, *де Либри*, *де Вибре* и многіе другіе. Ежедневно прибываютъ въ Фросдорфъ, изъ Франціи и Англіи, новые приверженцы этой династіи, чтобы раздѣлить съ Герцогомъ его изгнаніе и увеличить кругъ его приближенныхъ; сегодня ожидаютъ здѣсь прибытія Гг. *Ларошжаклена*, *Жана де Линьи*, *Трико* и *Фа-*

вора. Всѣ окружающіе Герцога и его супругу называютъ ихъ, въ разговорѣ, не иначе какъ Ихъ Величествами.

— Въ одномъ письмѣ, полученномъ изъ Циллертала, пишутъ: «Съ-тѣхъ-поръ, какъ у насъ распространилось извѣстіе о поселеніи въ Венгріи, на выгодныхъ условіяхъ, чужеземныхъ поселенцевъ, здѣшними жителями все болѣе и болѣе начинаетъ овладѣвать страсть къ переселенію. Уже давно производительность нашей почвы не соотвѣтствуетъ постоянно возрастающему числу народонаселенія, а потому переселенія здѣшнихъ жителей за границу увеличиваются ежегодно. Еще недавно къ окружному комиссару явились выборные отъ одной общины, съ просьбою доставить имъ ближайшія свѣдѣнія относительно условій переселенія въ Венгрію, потому-что многіе изъ членовъ этой общины имѣютъ намѣреніе, проститься съ родиною и переселиться въ плодоносную Венгрію, которой новыя государственныя учрежденія обѣщаютъ самую счастливую будущность. Если первые тирольскіе колонисты останутся довольны послѣдствіями своего предпріятія, то нѣтъ сомнѣнія, что значительная часть народонаселенія Тироля, въ особенности же многолюдныхъ округовъ Верхняго Инна, послѣдуетъ ихъ примѣру, что будетъ равно выгодно, какъ для Венгріи и Тироля, такъ и для самыхъ участниковъ въ этомъ предпріятіи.

— Въ «Миланской Оффиціальной Газетѣ» пишутъ: «Мы получили изъ Вѣны отрадное извѣстіе: Въ день рожденія Е. В. Императора (18-го августа), будетъ обнародовано въ Ломбардо-Венеціанскомъ Королевствѣ общее всепрощеніе. Заранѣе радуемся при этой мысли, что надежда эта вскорѣ исполнится, и что многіе бѣжавшіе изъ отечества, которымъ безъ этой императорской милости суждено было не ступать болѣе на родную землю, опять возвратятся къ своимъ семействамъ.

3-го. Холера въ Вѣнѣ замѣтно уменьшается. Въ Тріестѣ распространился слухъ, что и тамъ появилась эта болѣзнь; говорили, что у двухъ больныхъ оказались холерные припадки; мѣстное начальство почло долгомъ объявить, что слухъ этотъ неоснователенъ и что оба больные уже почти совершенно оправились.

— «Oesterreichische Correspondenz» сообщаетъ слѣдующее: «Чиновники, служащіе въ Венгріи, составили комиссію

списки умерщвленнымъ въ Сербскомъ Воеводствѣ и Темешварскомъ Банатѣ во-время венгерскаго возмущенія. Эти списки служатъ явнымъ противорѣчіемъ тому рыцарскому духу и благородству, которымъ хотѣли окружить себя инсургенты. По судебному приговору, ими составленному, казнено 271 лицо, по преимуществу Сербовъ; 1917 были просто умерщвлены.» Далѣе газета говоритъ, что *Морицъ Перчель*, не только не останавливалъ этихъ убійствъ, а напротивъ поощрялъ къ нимъ, и даже самъ принималъ въ нихъ живое участіе. Если къ числу убитыхъ прибавимъ еще всѣхъ тѣхъ, которые умерли отъ болѣзней и голода во-время бѣгства въ Сербію и Валахію, то увидимъ, что венгерское возмущеніе имѣло пагубное вліяніе на количество народонаселенія.

9-го. Венгерскимъ оружейнымъ мастерамъ строго запрещено выдавать, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, оружіе тѣмъ, которые не предъявятъ свидѣтельства о томъ, что они имѣютъ право держать его.

10-го. Вчера обнародованъ приказъ объ отозваніи барона *Гайнау* изъ Венгріи. «Neuigkeits-Bote» увѣряетъ, что на его мѣсто опредѣленъ будетъ графъ *Штюрмеръ;* другія газеты указываютъ на графа *Грюна* и генерала *Вольгемута*. Извѣщая своихъ читателей объ отставкѣ барона *Гайнау*, газета «Wanderer» старается найти причину этого распоряженія и выписываетъ изъ различныхъ газетъ, служащихъ органами правительству, разсужденія ихъ по этому поводу. Вотъ заключеніе, которое выводитъ изъ нихъ «Wanderer.»

«Оказывается, что фельдцейхмейстеръ *Гайнау*, пользуясь своимъ полномочіемъ, сталъ между короною и народомъ, разорвалъ цѣпь, которая посредствомъ дарованныхъ милостей, должна бы была тѣснѣе соединить ихъ между собою, и старался приписать своей собственной личности распоряженія, за которыя благодарность принадлежитъ коронѣ. Правительство, сознавая необходимость сохранить народную любовь и послѣ того времени, какъ осадное положеніе и военный начальникъ станутъ лишними, должно было удалить человѣка, который разстроивалъ общественное довѣреніе. Прекращеніе этого вреднаго дуализма есть конечно достойный признакъ энергіи министерства. Мы надѣемся,—говоритъ «Wanderer» въ заключеніе,—что очень скоро явится распоряженіе объ образѣ управленія Венгріею; мы увидимъ тогда, какъ должно понимать

толки нѣкоторыхъ министерскихъ газетъ о необходимости замѣненія военной власти гражданскою, и будемъ въ состояніи судить, въ какой степени согласно съ этимъ мнѣніемъ министерство».

— Въ «Wiener-Zeitung» напечатано:

«По представленію совѣта министровъ, утвержденному 9 іюля с. г., Е. В. Императоръ соизволилъ даровать свободу всѣмъ участникамъ въ возмущеніи, бывшемъ въ Венгріи и Трансильваніи, которые военнымъ судомъ были приговорены къ крѣпостнымъ работамъ и заключенію отъ одного года до шести лѣтъ». Этимъ приказомъ помиловано 109 человѣкъ.

— Послѣ отъѣзда владыки изъ Черногоріи, снова начали тамъ являться случаи кровавой мести. Osservatore dalmato разсказываетъ о послѣднемъ изъ нихъ. Одинъ Черногорецъ въ Салоникѣ умертвилъ, вслѣдствіе давней мести, священника; жители деревни возстали всѣ, желая схватить убійцу, но тотъ заперся вмѣстѣ съ пятью другими Черногорцами въ домъ, и объявилъ, что сдастся только братьямъ *Пламенацъ*; тѣ вошли въ домъ, и были тотчасъ же умерщвлены. Наконецъ Черниццапе овладѣли домомъ и схватили четырехъ Черногорцевъ; говорятъ, что они сожли ихъ и изгнали одиннадцать семействъ, родственниковъ убійцамъ священника, конфисковавъ ихъ имущество. Вице-президенту сената, двоюродному брату владыки, *Георгію*, удалось возстановить порядокъ въ Салоникѣ.

— Великій Герцогъ Тоскапскій оставилъ вчера утромъ Шенбруннъ, и отправился во Флоренцію чрезъ Зальцбургъ и Инспбрукъ. Вчера вечеромъ выѣхалъ также во Флоренцію тосканскій министръ иностранныхъ дѣлъ и президентъ совѣта министровъ, кавалеръ *Балдассероии*.

— Въ «Oesterreichische Correspondenz» напечатано:

«Когда въ прошломъ году, въ то время, какъ всѣ европейскія государства были заняты вопросомъ о бѣглецахъ, британскій флотъ дошелъ по Дарданельскому-проливу до Пунта деи Барбари, вопреки трактату 1840 года, австрійское правительство издало энергическій протестъ, противъ такого противозаконнаго поступка. Страннымъ должно было показаться, что лордъ *Пальмерстонъ* не сообщилъ этого протеста парламенту. Было бы полезно, чтобы этотъ пропускъ въ голубой книгѣ былъ пополненъ; мы съ удовольствіемъ узнаемъ,

что скоро этотъ интересный документъ будетъ обнародованъ».

— Въ «Wiener Zeitung» помѣщенъ отчетъ о состояніи банка за этотъ мѣсяцъ. Запасъ звонкой монеты состоялъ изъ 31,349,890 флориновъ; банковыхъ билетовъ ходило въ обращеніи на 241,322,005 флориновъ. Кромѣ-того въ кассахъ банка хранилось билетовъ центральной кассы на 30,435,575 флориновъ.

11-го. Въ «Лойдѣ» напечатано:

«Люди, хорошо знакомые съ положеніемъ дѣлъ, давно уже замѣтили, что между министромъ и фельдцейхмейстеромъ *Гайнау* существуетъ несогласіе. При вступленіи своемъ въ должность, онъ былъ чрезвычайно строгъ; намъ кажется, что онъ дѣлалъ это съ тою цѣлью, чтобы потомъ, когда будутъ раздаваемы амнистіи, приписывать помилованіе обвиненныхъ себѣ. Пользуясь своимъ полномочіемъ, онъ исполнялъ министерскія распоряженія иногда на половину, иногда оставлялъ ихъ вовсе безъ вниманія. Говорятъ, что часто въ Венгріи производились розысканія о лицахъ, уже прощенныхъ въ Вѣнѣ; часто онъ прощалъ тѣхъ, освобождать которыхъ приказано было ему не иначе, какъ по сношеніи съ Вѣною. Упоминаютъ также о другихъ распоряженіяхъ его, напримѣръ относительно взысканія съ Евреевъ, причемъ онъ поступилъ совершенно противно предписаніямъ министерства. Правительство не могло также достигнуть организаціи Венгріи, такъ какъ распоряженія его не исполнялись на мѣстѣ. Оно поэтому не могло оставить главнаго начальника Венгріи въ этой должности, и единственный упрекъ, который можетъ быть ему сдѣланъ — это слишкомъ долгое терпѣніе. Съ другой стороны, мы не можемъ не сожалѣть о томъ, что должно было употребить такую строгую мѣру противъ человѣка, военнымъ достоинствамъ котораго такъ много обязана Австрія. Услуги, оказанныя имъ странѣ, никогда не будутъ заботы. Тѣмъ даже, которые съ неудовольствіемъ смотрѣли на поведеніе его въ Венгріи, было бы пріятно, еслибы распоряженіе, сдѣлавшееся необходимымъ, издано было въ болѣе мягкой формѣ. Мы знаемъ, что поступали съ мѣньшею строгостію со многими людьми, которые, не менѣе виновные, чѣмъ этотъ замѣчательный человѣкъ, далеко уступали ему въ достоинствахъ и заслугахъ.»

— Знаменитый генералъ *Кабрера* пріѣхалъ съ женою въ Вѣну, и отправился въ Фросдорфъ, чтобы быть при графѣ *Шамборѣ*.

— Въ «Neuigkeits-Bureau» напечатано, что увольненный въ отставку баронъ *Гайнау* пробудетъ въ Грецѣ недолго, потому-что онъ намѣренъ поселиться въ Курфюршествѣ Гессенскомъ.

13-го.—«Wanderer» пишетъ:

«Извѣстіе объ увольненіи фельдцейхмейстера *Гайнау* произвело въ Пештѣ не менѣе пріятное впечатлѣніе, какъ и здѣсь, тѣмъ болѣе, что многіе полагаютъ, что въ связи съ нимъ находится закрытіе въ Венгріи военныхъ судовъ, которое будетъ объявлено, какъ говорятъ, 1-го августа с. г. Замѣчательно, что этотъ человѣкъ, котораго осыпали прежде похвалами, не находитъ въ минуту своего паденія ни одного голоса въ свою пользу. Баронъ *Гайнау*, говоритъ далѣе газета, вовсе не таковъ, какимъ его изображали, иначе увольненіе его отъ мѣста не повело бы за собою совершеннаго паденія его. Временнымъ командиромъ 3-го корпуса арміи назначенъ графъ *Вальмоденъ*; окончательное назначеніе объявлено будетъ въ приказѣ по арміи. Такъ какъ графу *Вальмодену* поручено только чисто военное управленіе, то многіе надѣются, что гражданская часть перейдетъ въ завѣдываніе министерства. Переходомъ къ этому должна послужить передача дѣлъ, производившихся въ военныхъ судахъ, гражданскимъ судамъ; это тѣмъ необходимѣе, что такимъ образомъ только возможно приведеніе въ дѣйствіе новаго уложенія.

— Въ «Wiener-Zeitung» напечатано извѣстіе объ осужденіи къ повѣшенію генерал-маіора барона *Іовича фон-Сигенберга* за измѣнническую сдачу инсургентамъ порученной ему крѣпости Эссега. Императоръ благоволилъ замѣнить смертную казнь 20-ти-лѣтнимъ арестомъ въ крѣпости.

15-го. Въ венгерскихъ газетахъ напечатано объясненіе барона *Гайнау* по поводу толковъ о причинахъ выхода его въ отставку. Онъ опровергаетъ обвиненіе Reichs-Zeitung въ «*непослушаніи правительству*», и ссылается на свою 50-лѣтнюю службу.

— «Neuigkeits-Bureau» говоритъ: Съ нѣкотораго времени распространился слухъ о томъ, будто фельдмаршалъ *Ра-*

децій послѣ увольненія барона *Гайнау* подалъ въ отставку; мы можемъ увѣрить, что просьба объ отставкѣ подана имъ уже болѣе двухъ мѣсяцовъ; но все нѣтъ еще отвѣта; но она во всякомъ случаѣ не имѣетъ никакого отношенія къ увольненію барона *Гайнау*.

— Карета, въ которой поѣдетъ, въ день своего коронованія, Императоръ Австрійскій, сдѣлана еще при Императорѣ Карлѣ, заказавшемъ этотъ экипажъ для сватьбы своей дочери, Маріи-Терезіи. Съ-тѣхъ-поръ эта карета употреблялась при коронованіи Императоровъ во Франкфуртѣ. Одна позолота ея стоила 18,000 флориновъ. Картины на дверцахъ писаны *Рубенсомъ* и стоили 60,000 флор. Она будетъ возобновлена для предстоящаго торжества.

17-го Въ оффиціальной части сегодняшняго нумера «Wiener-Zeitung» напечатаны слѣдующіе Высочайшіе приказы:

«Любезный князь Шварценбергъ! Увольняя фельдмаршала-лейтенанта графа Гіулая, по его просьбѣ и съ изъявленіемъ полнаго моего удовольствія къ его службѣ, отъ управленія военнымъ министерствомъ, передаю ему начальство надъ 5-мъ армейскимъ корпусомъ. На мѣсто его, Я назначаю Моимъ военнымъ министромъ фельдмаршал-лейтенанта барона Чориха. Засимъ имѣете вы сдѣлать надлежащія распоряженія. Шёнбруннъ, 16-го іюля 1850. Францъ-Іосифъ.»

«Любезный графъ Гіулай! Увольняя васъ, по вашему желанію и съ изъявленіемъ полнаго моего удовольствія къ вашей службѣ, отъ управленія военнымъ министерствомъ, передаю вамъ начальство надъ 5-мъ армейскимъ корпусомъ. На ваше мѣсто я назначилъ моимъ военнымъ министромъ фельдмаршал-лейтенанта барона Чориха. Шёнбруннъ, 16-го іюля Францъ-Іосифъ. Шварценбергъ.»

«Любезный баронъ Чорихъ! Назначаю васъ, на мѣсто фельдмаршал-лейтенанта графа Гіулая, назначеннаго начальникомъ 5-го армейскаго корпуса, моимъ военнымъ министромъ. Шёнбруннъ, 16-го іюля. Францъ-Іосифъ. Шварценбергъ.

— «Лойдъ» говоритъ:

«Объявленіе фельдцейхмейстера барона *Гайнау* есть косвенное нападеніе на министерство, которое внушило Имне-

ратору отозвать генерала отъ ввѣреннаго ему поста. По этому необходимо обнародовать въ подлинномъ видѣ основанія, побудившія на этотъ поступокъ. Мы слышали, что министерство дѣйствительно намѣрено не оставлять общество въ невѣдѣніи важныхъ причинъ, по которымъ уволенъ главный начальникъ Венгріи. Никто не сомнѣвался въ честности фельдцейхмейстера *Гайнау*, хотя многіе оспоривали умѣнье его управлять такою страною, какъ Венгрія. Хорошій полководецъ не всегда бываетъ государственнымъ человѣкомъ. Фельдцейхмейстеръ показалъ, что онъ неясно понимаетъ положеніе нашего министерства, которое въ одно и тоже время отвѣчаетъ за свои поступки и требуетъ послушанія отъ губернатора Венгріи. Поэтому ложно заключеніе, будто тѣ, которые недовольны поведеніемъ бывшаго губернатора Венгріи, побѣдившаго революцію въ этой странѣ на полѣ сраженія, помогаютъ демократамъ и дѣлаютъ невѣрнымъ положеніе монархіи.»

— Правительство ожидаетъ каждый день уступокъ со стороны Пруссіи, которая должна будетъ наконецъ отказаться отъ своего намѣренія составить тѣснѣйшій союзъ вслѣдствіе отступничества Гессен-Касселя, Дармштадта и Саксен-Веймара. Это ожиданіе было оправдано; теперь Пруссія уже не можетъ болѣе настаивать на своемъ, тѣмъ болѣе, что до-сихъ-поръ еще не получено согласія герцогства Нассау на продолженіе Прусскаго Союза; въ Нассау собирался совѣтъ министровъ для совѣщанія объ этомъ, но рѣшеніе его совершенно неизвѣстно.

18-го. Императоръ назначилъ каждому изъ дѣтей фельдмаршала *Радецкаго* пожизненную пенсію въ 4,000 флориновъ.

— Изъ Гёрца пишутъ: «10-го числа, въ 3¼ часа утра, почувствовано здѣсь довольно сильное землетрясеніе, продолжавшееся отъ 5 до 6 секундъ, и соединенное съ глухимъ шумомъ. Колебанія земли, за исключеніемъ двухъ или трехъ, были такъ сильны, что со столовъ падала посуда и колокольчики звѣнѣли на дверяхъ. Францисканскій монастырь и нѣсколько другихъ строеній покачнулись; въ сосѣднихъ селахъ повалились цѣлыя части домовъ. Землетрясеніе почувствовано, только слабѣе, и въ Лайбахѣ.

Краковъ. Въ 1 ч. по полудни показался огонь въ четырехъ различныхъ концахъ города; при сильномъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ пожаръ быстро распространился; онъ истребилъ 7 улицъ; сгорѣло около 300 домовъ. Пожаръ былъ совершенно погашенъ только 19 ч., въ 9 часовъ утра. Число погибшихъ точно неизвѣстно; до-сихъ-поръ найдено 17 труповъ. Преимущественно пострадала та часть города, которая лежитъ у станціи желѣзной дороги; напротивъ та, въ которой живутъ Евреи, осталась невредимою. Изъ примѣчательнѣйшихъ зданій сгорѣли доминиканскій и францискансій монастыри, двѣ церкви, дворецъ епископа и политехническая школа. Станція уцѣлѣла. Во-время пожара поймано было нѣсколько поджигателей, и тотчасъ наряжено слѣдствіе; по улицамъ ѣздили ночью патрули. Въ Польшѣ, недалеко отъ границы, сгорѣлъ въ тотъ же день замокъ Піескова-Скала.

Пестъ. Въ половинѣ 10-го часа утра, собралось на берегу Дуная, у пристани вѣнскихъ пароходовъ, множество народа, провожать фельдцейхмейстера барона *Гайнау*, объ отъѣздѣ котораго было объявлено наканунѣ. Тутъ же находились всѣ живущіе въ Пештѣ генералы и многіе штаби обер-офицеры; но оказалось, что уѣзжаютъ на пароходѣ «Францъ Карлъ» только супруга и дочь барона, потому-что самъ фельдцейхмейстеръ уже рано утромъ отправился въ Альтафенъ, вѣроятно, для избѣжанія всякаго блеска, и уже тамъ пересядетъ на пароходъ. Кажется, что по той же самой причинѣ отмѣнена и серенада, которую намѣревались дать вечеромъ.

19-го. Въ Фросдорфѣ дѣлаются приготовленія къ отъѣзду *Герцога Бордосскаго* въ Ахенъ. На праздникѣ, который онъ давалъ въ день Св. Генриха, былъ испанскій претендентъ графъ *Монтемолинъ*; 16 и 17 ч. пробылъ онъ въ Шенбруннѣ; говорятъ, что онъ ищетъ у здѣшняго правительства содѣйствія своему браку съ сестрою Короля Неаполитанскаго; но правительство хочетъ остаться нейтральнымъ.

— Въ «Лойдѣ» напечатано: «Г. *Апперт*ъ, предпринявшій, съ человѣколюбивою цѣлью, путешествіе на востокъ, заѣхалъ въ Вѣну, и былъ чрезвычайно радушно принятъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Въ то же время отдано прика-

заніе всѣмъ начальствамъ, дозволять г. *Апперту* свободный входъ во всѣ темницы, госпитали, гражданскія и военныя школы, чтобы онъ могъ дополнить свой добросовѣстный трудъ объ этомъ предметѣ. Императоръ удостоилъ принять друга несчастныхъ на особую аудіенцію. г. *Апперть* представилъ свои послѣднія сочиненія о Пруссіи и Бельгіи, посвященныя королямъ и королевамъ этихъ обоихъ государствъ, и получилъ позволеніе посвятить имени и нашего Монарха свое новое сочиненіе объ Австріи.»

— По распоряженію министерства, впредь дозволяется заводить типографіи, литографіи и металлографіи только въ главныхъ городахъ областей и мѣстъ, и въ мѣстахъ гдѣ находятся окружныя правленія, или, по крайней-мѣрѣ, окружные коллегіальные суды. Книжныя лавки и лавки для продажи древнихъ книгъ дозволяется открывать, кромѣ главныхъ городовъ, областей и мѣстъ, гдѣ находятся окружныя правленія, въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ находятся окружныя капитанства. Открытіе упомянутыхъ заведеній въ другихъ мѣстахъ зависитъ отъ разрѣшенія министра торговли.

Вѣна. 22. Баронъ *Гайнау* прибылъ сюда третьяго-дня; его встрѣтили на станціи желѣзной дороги многіе военные и гражданскіе чиновники.

— Въ низшемъ классѣ народа, въ Пештѣ и Офенѣ, распространился слухъ, будто телеграфъ, проводимый изъ Пешта въ Вѣну, есть не что-иное, какъ пороховая мина, посредствомъ которой хотятъ подорвать Венгрію. «Pesti Napló» говоритъ, что слухъ этотъ такъ много пріобрѣтаетъ приверженцевъ, что нужно было опровергать его съ кафедры.

— Сегодня, въ 10 часовъ утра, происходило, въ Напагедлѣ, торжественное бракосочетаніе фельдцейхмейстера и бана барона *Іеллачича*. При церемоніи присутствовали многіе генералы и штаб-офицеры и важнѣйшія лица изъ сосѣдняго дворянства. Красота и любезность молодой невѣсты возбуждали, по словамъ «Лойда,» общее удивленіе. Княгиня Турна и Таксиса и Герцогиня Виртембергская находились въ церкви при совершеніи брака. Для пріема супруги бана, урожденной графини *фон-Стоккау*, приготовленны въ Аграмѣ роскошно-убранные покои.

— Министерство внутреннихъ дѣлъ предложило открыть во всей имперіи подписку, для пожертвованій въ пользу погорѣвшихъ жителей Кракова.

— «Бреславская» газета сообщаетъ слѣдующія подробности о краковскомъ пожарѣ: «Адвокатъ *Богунскій* схватилъ десятилѣтняго мальчика, который показался ему подозрительнымъ; при немъ найдены были горючіе припасы. Говорятъ, что комендантъ, пріѣхавшій на мѣсто пожара верхомъ, при самомъ началѣ его, собственными руками схватилъ поджигателя, у котораго въ рукахъ были спички, свѣча и порохъ. Арестовано, кромѣ-того, четыре лица. Жителей объялъ такой страхъ, что они отправили къ главѣ правительственной коммиссіи депутацію, съ просьбою объявить городъ въ осадномъ положеніи; чтобы успокоить ихъ, онъ велѣлъ тотчасъ же произвести слѣдствіе надъ арестованными. Послѣ совѣщанія его съ комендантомъ, гарнизонъ поставленъ на военную ногу, вездѣ размѣщены караульные, по улицамъ разсылались обходы. Пожаръ истребилъ улицу Столярку, сѣверную сторону Кольца, бо́льшую часть Виленской и Аннинской улицъ, улицу Голубей и на ней Технологическій-институтъ; зданіе Университета и угольный домъ уцѣлѣли, а также улицы Братьевъ и Городская, до церкви Св. Іосифа. Число жертвъ еще неизвѣстно.

Вѣна, 25-го. Въ газетѣ «Austria» напечатано: «По представленію министра иностранныхъ дѣлъ и на основаніи заключенія совѣта министровъ, Е. В. Императоръ предписалъ, 2 іюля, предоставить въ гаваняхъ Австрійской Имперіи оттоманскому флагу всѣ тѣ права, которыми пользуются наиболѣе покровительствуемыя націи; о чемъ и объявляется во всеобщее извѣстіе».

— Фельдцейхмейстеръ баронъ *Гайнау* имѣлъ у Императора аудіенцію, продолжавшуюся около получаса, и былъ очень милостиво отпущенъ Е В. 20-го и 21-го числа онъ обѣдалъ у *Ротшильда*, и третьяго-дня уѣхалъ въ Баденъ.

— Фельдцейхмейстеръ *Гайнау* получилъ отъ Императора позволеніе уѣхать на два мѣсяца въ Кассель; вчера онъ выѣхалъ изъ Гефенберга. Супруга его прибыла вчера въ Грецъ, и наняла квартиру на нѣсколько мѣсяцевъ.

27-го. Изъ недавно изданнаго морскаго календаря видно,

что австрійскій купеческій флотъ состоитъ, за исключеніемъ каботажныхъ судовъ, изъ 590 кораблей въ 175,475 тоннъ. Лойдъ владѣетъ 31 пароходными лодками въ 14,900 тоннъ. Дунайское Общество 48 лодками въ 12,800 тоннъ. Военный флотъ составляютъ 3 фрегата, 5 корветъ, 6 бриговъ, 5 пароходовъ, всѣ вмѣстѣ въ 16,200 тоннъ.

— Англійскіе фабриканты намѣрены устроить въ Венгріи четыре завода для выдѣлки сахара изъ свекловицы. Вмѣстѣ съ заводчиками пріѣхало нѣсколько химиковъ, которые должны изслѣдовать почву земель, назначенныхъ къ покупкѣ. Австрійскій экономистъ служитъ посредникомъ и переводчикомъ между покупателями и продавцами. Машины и работники будутъ выписаны изъ Венгріи.

— Изъ Милана пишутъ, что преобразованіе ломбардо-венеціанскихъ областей утверждено окончательно. Будутъ два гражданскія намѣстничества, одно въ Венеціи, для венеціанскихъ дѣлъ, другое въ Миланѣ, для дѣлъ Ломбардіи, подъ верховнымъ начальствомъ министра. Въ каждомъ намѣстничествѣ присутствуютъ шесть совѣтниковъ. Для венеціанскаго назначенъ г. *Теггенбургъ*, для миланскаго графъ *Гартигъ*. Въ томъ же письмѣ говорятъ о другихъ уступкахъ, но ни слова о ломбардо-венеціанскомъ сенатѣ. До устройства намѣстничествъ, гражданскими дѣлами будетъ управлять графъ Страссольдо.

28-го. «Лойдъ» сообщаетъ депешу, адресованную 21 іюля княземъ *Шварценбергомъ* къ австрійскому посланнику въ Берлинѣ, барону *Прокеш-Остену*, относительно кассельскаго сейма. Австрійское правительство проситъ прусскій кабинетъ, или предложить сейму назначить общій германскій таможенный съѣздъ, или, вмѣстѣ съ Саксоніею и Баваріею, испросивъ полномочіе прочихъ государствъ, вступить съ Австріею въ переговоры объ этомъ предметѣ. Вѣнскій кабинетъ надѣется, что въ этихъ переговорахъ примутъ участіе члены податнаго союза и тѣ германскія государства, которыя не участвуютъ ни въ одномъ союзѣ.

— Герцогъ *Бордосскій* раздалъ въ день Св. Генриха бывшимъ въ Фросдорфѣ легитимистамъ медаль, съ своимъ портретомъ и надписью «Генрихъ V Французскій». Замѣтили, что съ нѣкотораго времени *Герцогини Ангулемская* и *Беррійская* сняли трауръ.

— Прошлою ночью, въ два часа, былъ видѣнъ въ Вѣнѣ блистательный метеоръ. Онъ явился на сѣверной части неба, шелъ по направленію къ югу, и освѣщалъ дома, стоящіе на берегу Дуная, такъ что они казались объятыми огнемъ. Метеоръ распался съ трескомъ, похожимъ на пушечный выстрѣлъ.

— Императоръ приказалъ прекратить судъ надъ графомъ *Стефаномъ Баттіани*, находящимся теперь за границею, такъ что онъ можетъ теперь свободно воротиться въ Австрію.

— Вѣнскій кабинетъ адресовалъ къ германскимъ правительствамъ циркуляръ, въ которомъ онъ формально протестуетъ, съ своей стороны, противъ нынѣшнихъ отношеній Пруссіи къ Великому Герцогству Баденскому.

— Сегодня въ одной здѣшней больницѣ дѣлали операцію, для которой должно было прибѣгнуть къ хлороформу; но, по несчастію, при этомъ повторился печальный случай, который уже не разъ встрѣчался въ Сѣверной-Америкѣ, Англіи, Пештѣ и Берлинѣ. Не-смотря на всѣ предосторожности и на чрезвычайно умѣренное вдыханіе хлороформа, больной, по совершеніи надъ нимъ операціи, которая продолжалась восемь минутъ, и произвела очень малую потерю крови, не приходилъ въ себя послѣ усыпленія. Всѣ попытки возвратить ему жизнь остались безъ успѣха. Усыпленный былъ тридцати-девяти лѣтъ и, повидимому, очень крѣпкаго тѣлосложенія.

30-го. По послѣднему отчету нижне-австрійской медицинской коммиссіи, въ Вѣнѣ заболѣло холерою, съ 20-го по 27-е іюля, 67 человѣкъ, которые, вмѣстѣ съ больными, оставшимися отъ предъидущей недѣли, составляютъ 125 человѣкъ. Изъ нихъ выздоровѣло 43, умерло 23, и 59 остаются въ госпиталяхъ. Вообще съ начала эпидеміи захворало 337 человѣкъ, выздоровѣло 121 и умерло 157. Въ окрестностяхъ Вѣны всѣхъ больныхъ холерою, по настоящее время, было 31, изъ которыхъ 8 выздоровѣло и 8 умерло. Сравнительно съ предъидущею недѣлей, болѣзнь значительно уменьшилась. Вообще извѣстія, помѣщенныя въ отчетѣ коммиссіи, заставляютъ надѣяться, что даже при нынѣшнихъ жарахъ эпидемія не усилится въ Вѣнѣ.

— Отозваніе барона *Гайнау* произвело чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе на Венгрію и Трансильванію, особенно потому, что многіе боялись вліянія, которое съ нѣкотораго времяни имѣли надъ бывшимъ военнымъ губернаторомъ венгерскіе магнаты; оно могло бы сдѣлаться очень опаснымъ для меньшинства жителей, не-Венгерцовъ: аристократія выставляла ихъ какъ скопище демагоговъ. Устройство внутренняго управленія подвигается впередъ. Въ Трансильваніи почти совершенно образовано управленіе сборомъ податей; при этомъ открыты многія злоупотребленія бывшихъ коммисаровъ: они часто собирали податей болѣе, чѣмъ слѣдовало, и этотъ избытокъ не былъ обращаемъ въ государственную казну. Наконецъ убѣдятся сами Венгерцы, что правильная администрація гораздо предпочтительнѣе бесплодныхъ преимуществъ нѣсколькихъ магнатовъ.

— Жители Милана, Бергамо и Брешіи сильно упали духомъ и сознались въ своемъ безсиліи. Однако замѣтно еще нерасположеніе, существующее между двумя націями; въ кофейныхъ домахъ Италіянцы избѣгаютъ общества австрійскихъ офицеровъ; знатныя фамиліи удалились на берега Комскаго-озера, и на Корсо не видно блестящихъ экипажей. Но просвѣщенные Италіянцы вполнѣ оцѣняютъ благодѣянія, оказанныя странѣ австрійскимъ министерствомъ, и особенно Г. *Брукомъ*, министромъ торговли; они болѣе и болѣе знакомятся и освоиваются съ нѣмецкимъ языкомъ.

Вѣна, 1-го августа. Въ газетѣ «Soldatenfreund» напечатаны слѣдующія подробности о новомъ австрійскомъ министрѣ: «Фельдмаршал-лейтенантъ баронъ *Чорих-фон-Монте-Кристо* былъ усыновленъ своимъ дядей, барономъ *Францемъ Чорих-фон-Монте-Кристо*, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, фельдмаршал-лейтенантомъ и комендантомъ войскъ Баната, умершимъ 4-го мая 1847 г., въ Темешварѣ. По этому усыновленію, онъ былъ причисленъ къ баронамъ австрійской Имперіи, особымъ дипломомъ, отъ 16-го октября 1840 г.

Баронъ *Чорихъ* родился въ 1795 г., въ Махихіи (въ Кроаціи); опредѣлился, въ 1809 г., въ полкъ военной границы, потомъ переходилъ въ другіе полки, и постепенно дослужился до капитана. Онъ участвовалъ въ компаніяхъ 1809, 1813, 1814 и 1815 годовъ, и нѣсколько времени со-

стоялъ адъютантомъ при фельдцейхмейстерѣ князѣ *Алоисѣ Лихтенштейнскомъ*. Въ 1833 г., онъ получилъ чинъ маіора въ пѣхотномъ полку Паломбини, и сдѣланъ адъютантомъ главнокомандующаго армейскаго корпуса, расположеннаго въ Богеміи. Баронъ *Чорихъ* занималъ это мѣсто до 1835 г., до того времени, когда произведенъ въ полковники и назначенъ командующимъ 42-мъ пѣхотнымъ полкомъ, называемымъ полкомъ герцога Веллингтона. Въ 1833 г. ему пожалованъ россійскій орденъ Св. Анны второй степени, а въ 1838 г., Св. Равноапостальскаго Князя Владиміра третьей степени. Получивъ чинъ генерал-маіора и начальство надъ Италійскою-бригадой, баронъ *Чорихъ* въ слѣдующемъ году былъ призванъ въ Вѣну, пожалованъ Императорско-Россійскимъ и Царскимъ орденомъ Св. Станислава первой степени; потомъ назначенъ комендантомъ Зальцбургской крѣпости, и 12-го апрѣля 1848 г. фельдмаршал-лейтенантомъ и дивизіоннымъ начальникомъ.

Въ послѣднее время фельдмаршал-лейтенантъ *Чорихъ* особенно отличался твердостью и силою характера послѣ усмиренія Вѣны, 31-го октября, за что и награжденъ орденомъ Маріи-Терезіи. Только барону *Чорихъ* и капитану главнаго штаба *Калику* обязаны взятіемъ города въ этотъ день.

Подвиги барона *Чорихъ* въ венгерскую войну еще свѣжи въ памяти каждаго; излишне было бы напоминать о нихъ.

Въ награду за свои заслуги фельдмаршал-лейтенантъ *Чорихъ* украшенъ орденами желѣзной короны и россійскимъ орденомъ Св. Анны первой степени; въ 1849 г. сдѣланъ шефомъ 15-го пѣхотнаго полка, а въ ноябрѣ того-же года главнокомандующимъ 1-го армейскаго корпуса. На этомъ постѣ баронъ *Чорихъ* оставался до той минуты, когда довѣріе Императора призвало его въ совѣтъ министровъ».

Германія.

Замѣчанія о настоящемъ состояніи вопроса объ единствѣ Германіи. Въ настоящее время германскія дѣла все еще находятся въ такомъ запутанномъ положеніи, что совершенно невозможно сказать, хотя и приблизительно, какъ и когда бу-

детъ рѣшена трудная задача объ единствѣ Германіи; по этому и изслѣдованіе этого вопроса должно ограничиваться разсмотрѣніемъ причинъ несогласія между нѣмецкими князьями. Два года тому назадъ, профессорская партія, подъ начальствомъ г. *Гагерна*, прикоснулась къ уложенію Нѣмецкаго Союза и уничтожила его, не имѣя еще никакого понятія о томъ, чѣмъ бы можно его замѣнить. Народъ этотъ дерзкій опытъ встрѣтилъ радостными привѣтствіями; только весьма-немногіе предвидѣли уже тогда послѣдствія, и горевали. Франкфуртскій парламентъ почелъ себя всемогущимъ, и не видя, въ своемъ ослѣпленіи, никакихъ препятствій, истощилъ свои силы въ борьбахъ, возникшихъ между разными его партіями; вскорѣ онъ исчезъ, и Германія получила отъ него въ наслѣдство такъ-называемыя «основныя народныя права» (Grundrechte). Тутъ правительства поняли, что преобразованіе Германіи единственно на основаніи теорій, порожденныхъ революціею, невозможно.

Они стали искать другихъ средствъ для достиженія тойже цѣли; но, къ несчастію, пути, избранные ими, были различны, и такимъ-образомъ посѣяно было первое сѣмя раздора. Маленькія государства Тюрингскія (Саксонскія Герцогства) прибѣгнули къ средству истинно отчаянному, пробуя присвоить себѣ основныя народныя права, съ нѣкоторыми маловажными измѣненіями. Въ Виртембергѣ сдѣлали опытъ не болѣе удачный, вступивъ въ двоякую борьбу—съ прежними государственными чинами (Standesherren) и съ народною партіей—въ первой придерживаясь основныхъ народныхъ правъ, и опираясь на нихъ, какъ на законъ, а въ другой оспаривая ихъ законность. Вмѣстѣ съ министерствомъ *Ремера* упала и эта система, но оставила по себѣ глубокіе, донынѣ неизглаженные слѣды. Баварія и Ганноверъ занялись и занимаются еще теперь преобразованіями въ старыхъ своихъ уложеніяхъ, чтобъ привести въ равновѣсіе прежнія свои учрежденія съ нововведеніями, казавшимися имъ необходимыми вслѣдствіе требованій народа. Въ Пруссіи конституція 5-го декабря 1848 года имѣла цѣлію примѣнить новыя идеи къ государственной жизни; послѣдовательныя преобразованія вытѣснили изъ новаго уложенія вошедшіе въ него революціонные элементы. Въ такой политикѣ маленькія государства увидѣли спасеніе и себѣ, и стали придерживаться къ Пруссіи, какъ къ

оплоту противъ революціонной бури, все еще волновавшей ихъ.

Ихъ стремленіе домогаться покровительства Пруссіи породило въ ней самой мысль сдѣлаться главою Германіи, и слѣдствіемъ этого былъ Прусскій-Союзъ (Union). Другія королевства вскорѣ поняли, что если этотъ планъ осуществится, то они будутъ принуждены играть роль совершенно второстепенную и незначительную, и потому вовсе отдѣлились отъ Пруссіи. Австрія только въ послѣднее время могла обратить вниманіе на германскія дѣла; вслѣдствіе принятыхъ ею мѣръ, образовался франкфуртскій конгрессъ, коего цѣль: рѣшить задачу о единствѣ Германіи, основываясь на трактатахъ и договорахъ, которые дали начало Германскому-Союзу въ той формѣ и въ томъ объемѣ, въ какихъ онъ существовалъ донынѣ.

Австрія пригласила и Пруссію принять участіе въ этомъ конгрессѣ, чтобъ приступить къ преобразованію Германскаго Союза соединенными силами и съ общаго согласія всѣхъ его членовъ. Но до-сихъ-поръ Пруссія не соглашается сдѣлать какія-либо измѣненія въ своемъ собственномъ проектѣ, не-смотря на то, что основанія, на которыхъ она хочетъ образовать новый союзъ, назначены ею совершенно произвольно. По новѣйшимъ извѣстіямъ, Пруссія объявила, что она прекратитъ дальнѣйшіе переговоры по этому предмету, а франкфуртскій конгрессъ, съ своей стороны, готовится приступить, независимо отъ Пруссіи, къ учрежденію новаго центральнаго органа.

Эти факты ведутъ къ заключенію, что въ судьбѣ Германіи еще не скоро послѣдуетъ окончательное рѣшеніе; все зависитъ отъ оборота, который приметъ соперничество Пруссіи и Австріи. За кѣмъ изъ нихъ останется побѣда, предвидѣть нельзя. Сказать можно только то, что послѣдніе два года доказали неопровержимымъ образомъ, что единство Германіи, какъ оно снилось доктринерамъ, есть чистая мечта, принадлежащая къ области опасныхъ химеръ.

— Германскія дѣла запутываются; Австрія требовала отозванія прусскихъ войскъ изъ Бадена, а баденскихъ изъ Пруссіи; снова заговорили о войнѣ. Изъ Франкфурта между-тѣмъ, 29 числа, выѣхали уполномоченные многихъ государствъ Прусскаго Союза; генералъ *Пейкеръ* остается какъ членъ центральной комиссіи; но ожидаютъ, что Австрія отзоветъ изъ нея своихъ членовъ.

Саксонія.—Дрезденъ, 10-го *іюля*. Распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ запрещены собранія ремесленниковъ.

— Вчера было торжественное открытіе памятника, воздвигнутаго въ честь воинамъ, павшимъ во-время возмущенія въ Дрезденѣ. Памятникъ стоитъ на кладбищѣ, гдѣ они похоронены, имѣетъ видъ обелиска, и вытесанъ изъ краснаго гранита; онъ поднимается на 20 футовъ надъ поверхностію земли. На четырехъ сторонахъ обелиска изображены золотыми буквами имена погребенныхъ воиновъ, прусскихъ и саксонскихъ. Кромѣ-того, на западной сторонѣ, обращенной къ главному фасаду церкви, написано: Дрезденъ, 3—9 мая 1849; а на восточной—«Соединенные и вѣрные до смерти въ бою за короля и законъ».

При этомъ торжествѣ присутствовали *Король*, *Принцъ Іоаннъ* и *Принцъ Альбертъ*. Къ обѣду въ Пилницкомъ-дворцѣ приглашены были по одному офицеру и одному унтеръ-офицеру стоящихъ здѣсь отрядовъ, всего около 40 человѣкъ, и депутація отъ королевско-прусскаго полка Императора Александра.

22-го. Сегодня Король открылъ засѣданіе Палатъ рѣчью, въ которой благодарилъ членовъ, явившихся на зовъ его чтобы окончательно опредѣлить государственныя отношенія въ странѣ.

«Вы конечно убѣждены вмѣстѣ со мною, что намъ нужно возвратиться къ тому уложенію, которое въ продолженіе 18 лѣтъ составляло счастіе Саксоніи, сдѣлавъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія, согласно съ измѣнившимися обстоятельствами».

Сначала предложены будутъ Палатамъ наиболѣе необходимые законы. «Не откажите мнѣ въ вашемъ важномъ содѣйствіи въ великомъ дѣлѣ, и благодарность отечества, справедливая признательность потомства будутъ принадлежать вамъ!» сказалъ Король.

Баварія. 10-го *іюля*. Газета Палатина извѣщаетъ, что 20 іюня обвинительное отдѣленіе цвейбрикенскаго апелляціоннаго суда произнесло приговоръ о 404 участникахъ въ послѣдней революціи: 20 изъ нихъ совершенно оправданы, для 9, находящихся, большею частію въ бѣгствѣ, судъ былъ

отложенъ, 38 человѣкъ отосланы въ исправительные суды, остальные 333, между которыми много иностранцевъ, будутъ судимы особеннымъ судомъ, для этого учрежденнымъ.

Баденъ. 14-го *іюля*. Въ здѣшней газетѣ напечатана прокламація, объявленная, отъ имени Герцога баденскимъ войскамъ, идущимъ въ прусскія крѣпости; въ ней показана причина занятія Бадена прусскими войсками, и невозможность въ настоящее время содержать эти войска и въ то же время формировать новые полки изъ баденскихъ подданныхъ.

«Примѣръ великой, отлично устроенной и вѣрной арміи укрѣпитъ васъ въ чувствѣ долга и любви къ отечеству, и вы скоро возвратитесь назадъ на радость всѣмъ вѣрнымъ сердцамъ». Прокламація кончается словами: «Да сопутствуетъ вамъ небо, и да будетъ оно вамъ защитою, пока снова не соединитъ насъ радостное свиданіе!»

Ганноверъ. 2-го *іюля*. Извѣщая о паденіи министерства г. *Стуве*, франкфуртскій корреспондентъ «Indépendance Belge» говоритъ, что это можно считать побѣдою для Австріи. Она торжествовала бы еще больше, если-бы изъ Лондона получено было извѣстіе о паденіи лорда *Пальмерстона*: тогда нерасположеніе къ Пруссіи очень бы усилилось въ Ганноверѣ; избраніе же министерства изъ партіи тори повело-бы за собою союзъ между Англіею и Австріею.

Виртембергъ. *Штутгардъ*, 5-го *іюля*. Новыми министрами назначены Гг. *Миллеръ*, *Линденъ*, *Кнаппъ* и *Плессенъ*. Г. *Рейнгардъ* опять уѣхалъ во Франкфуртъ; говорятъ, что онъ не соглашался съ своими товарищами относительно выбора новыхъ депутатовъ.

6-го. По поводу распущенія Палатъ Король издалъ къ народу воззваніе; въ немъ указано на медленность и безпорядки, съ которыми онѣ дѣйствовали; новые выборы произведены будутъ на основаніи закона 1 іюля прошлаго года. Вообще эта мѣра взята была по той же причинѣ и съ тою же цѣлію, какъ въ Саксоніи.

Гамбургъ, 8-го *іюля*. Въ газетѣ «Hamburger-Correspondent» напечатанъ отвѣтъ здѣшняго сената на приглашеніе ганно-

верскаго правительства; онъ считаетъ договоръ 26 мая 1849 дѣйствительнымъ, и по этому отказывается отъ участія въ предполагаемомъ союзѣ Сѣверныхъ Государствъ.

Кассель, 6-го *іюля*. «Neue hessische Zeitung» говоритъ, что сегодня открыты засѣданія конгресса членовъ Цольферейна; онъ составленъ изъ уполномоченныхъ отъ Пруссіи, Баваріи, Виртемберга, Саксоніи, Бадена, Курфиршества Гессенскаго, В. Герцогства Гессенскаго, Государствъ Тюрингенскаго Таможеннаго Союза, Брауншвейга, Нассау, вольнаго города Франкфурта. Предсѣдательствуетъ уполномоченный Гессенскаго Курфиршества.

Мекленбургъ-Шверинъ, 2-го *іюля*. Вчера распущены Палаты представителей; новые выборы начнутся 26 августа. Противъ распространенія зловредныхъ ученій взяты очень строгія мѣры; за изданіе противозаконной статьи, издатель подвергается тюремному заключенію на четыре мѣсяца, уплатѣ штрафа въ 8,000 фл., или лишенію всѣхъ правъ; эти наказанія простираются на писателей, типографщиковъ, разнощиковъ газетъ и брощюръ, хотя бы онѣ были напечатаны за границею.

Италія.

Римъ, 1-го *іюля*. Папа позволилъ многимъ лицамъ, участвовавшимъ въ послѣднихъ происшествіяхъ, возвратиться въ отечество. Говорятъ, что совѣтъ кардиналовъ полагаетъ отложить до іюня 1851 г. обнародованіе Motu. proprio.

— Е. С. Папа пожертвовалъ, изъ своей собственной кассы, значительныя суммы для возобновленія церквей, пострадавшихъ во-время осады.

2-го. — Вчера на площади Св. Петра благословляли первый папскій линейный полкъ. Генералъ *Левальянъ* собралъ около себя офицеровъ, и напомнилъ имъ, чего ожидаетъ отъ нихъ Папа.

«Теперь вы должны принять на себя обязанность служить ему съ неизмѣнной вѣрностію, и истреблять зловредныя партіи, если онѣ снова появятся.»

Потомъ онъ указалъ на бѣдность и разстройство, окружающее ихъ: какъ на неизбѣжное слѣдствіе революціи:

«Вы должны предупредить ихъ вѣрностію Государю и неразрывнымъ союзомъ между собою; исполняйте обязанности ваши ревностно, и не оставляйте наставлять подчиненныхъ вамъ. Святой отецъ увѣренъ въ васъ, въ вашей чести: вы оправдаете мое ожиданіе.»

— Предводитель разбойниковъ, *Пассаторе*, съ шайкою изъ семи-сотъ человѣкъ, продолжаетъ опустошать Романью. Онъ находится въ связи съ разбойниками Абруццкихъ горъ и осмѣливается даже нападать на тосканскую границу.

— Римское правительство основывало свое требованіе о выдачѣ *Чернуски* отчасти на томъ, что онъ римскій подданный, отчасти же на томъ, что еще недавно открытъ обширный заговоръ, въ которомъ участвуютъ многіе Французы.

— Корреспондентъ газеты «Corriere Mercantile» говоритъ, что число заключенныхъ въ римскихъ тюрьмахъ простирается не до 16,000, какъ увѣряли, а до 60,000 человѣкъ.

Тоскана, 26-го *іюля*. «Austria» извѣщаетъ, что въ Ливорно пріѣхалъ изъ Ниццы князь *Канино* съ прусскимъ паспортомъ. Хотя французскій консулъ нашелъ паспортъ въ исправности, но тѣмъ не менѣе правительство отправило на корабль 2 жандармовъ для надзора.

Неаполь.—*Графъ Монтемолинъ*, сынъ *Дона-Карлоса*, просилъ у Неаполитанскаго Короля руки его сестры, *Принцессы Карлотты*, и получилъ согласіе; испанскій посланникъ Герцогъ *де-Піонъ* воспротивился этому, и былъ одобренъ своимъ правительствомъ; оно предписало ему даже выѣхать изъ Неаполя, если Король не уважитъ его протеста. «Bulletin de-Paris» говоритъ, что бракъ этотъ не можетъ состояться вслѣдствіе родства между *графомъ де-Монтемолиномъ* и *Принцессою Карлоттою*, которой мать была *испанская Инфанта*. Неаполитанскій Король отвѣчалъ г. *де-Піону*, что бракъ этотъ не имѣетъ политическаго значенія.

— Всѣ путешественники, бывшіе въ Неаполѣ, знаютъ огромное зданіе, называемое Granili (житница), которое видно на берегу моря, когда приближаешься къ столицѣ.

Зданіе это, имѣющее болѣе ста оконъ по фасаду, сдѣлалось позорищемъ трагическаго происшествія.

Карлъ III обратилъ это обширное строеніе въ хлѣбный магазинъ; но отъ близости болотъ и моря оно такъ отсырѣло, что не могло болѣе удовлетворять своему назначенію. Теперь въ немъ помѣщаются казарма и ссыльные; сюда же были сложены лишнія вещи изъ королевскихъ арсеналовъ и аммуниція, со времени постыднаго мятежа, волновавшаго прекрасное Королевство Обѣихъ Сицилій.

По этому случаю, въ верхнемъ этажѣ, зданія устроена канатная фабрика, отъ которой еще недавно треснули своды потолка. Инженеры, назначенные для слѣдствія, объявили, что отъ этого поврежденія еще нѣтъ большой опасности. Но въ воскресенье, 16-го іюня, сводъ верхняго этажа обрушился, и увлекъ за собою нижніе, на пространствѣ сорока оконъ по фасаду. Стѣны и остальная часть зданія уцѣлили, доказательство необыкновенно крѣпкой постройки.

При первомъ извѣстіи о несчастіи, Король, находившійся тогда въ своемъ дворцѣ, въ Казертѣ, тотчасъ, отправился по желѣзной дорогѣ, сѣлъ у станціи въ наемную карету, и прибылъ къ мѣсту катастрофы, гдѣ присутствовалъ самъ при всѣхъ распоряженіяхъ, принятыхъ для скорѣйшаго спасенія несчастныхъ, засыпанныхъ обломками сводовъ. Въ одинъ этотъ день открыто двадцать труповъ, жестоко обезображеныхъ; столько же раненыхъ отправлено въ госпиталь.

10-го. Совершенно было бракосочетаніе графа *Монтемолина* съ младшею сестрою Короля Неаполитанскаго. Испанскій посланникъ герцогъ *Ривасъ* выѣхалъ, вслѣдствіе этого, въ тотъ же день изъ Неаполя.

11-го. Въ письмѣ къ Journal des Débats сообщаются подробности о бракѣ графа *Монтемолина*. Онъ былъ совершенъ вчера безъ всякаго блеска, даже не были приглашены иностранные посланники. Также тайно ведены были переговоры съ Римомъ; никто не зналъ о нихъ. Этотъ бракъ имѣетъ политическое значеніе, поэтому онъ обращаетъ на себя всеобщее вниманіе: особенно важно то, что графъ *Монтемолинъ* всегда очень ясно выражалъ свое мнѣніе объ испанскомъ правительствѣ. Герцогъ *Ривасъ*, выѣхавшій вчера же изъ Неаполя, умѣлъ заслужить во-время своего пре-

бываніи здѣсь уваженіе и любовь жителей; это было видно особенно вчера, когда онъ отправлялся къ пароходу. Марсельскій корреспондентъ «Indépendance Belge» винитъ генерала *Нарваеса* въ томъ, что онъ повелъ дѣло слишкомъ рѣзко, и отъ этого запуталъ его. Другое видимъ въ Римѣ: тамошній испанскій посланникъ г. *Мартинесъ де ла Роза* противился выдачѣ разрѣшенія на бракъ, но онъ не объявилъ, что выѣдетъ изъ Рима, въ случаѣ если бракъ будетъ разрѣшенъ, и теперь сношенія съ папскимъ правительствомъ не будутъ прерваны.

13-го. Важность, которую приписываютъ браку графа *Монтемолина* съ Неаполитанскою Принцессою въ политическомъ отношеніи, увеличивается вслѣдствіе прибытія въ Неаполь генерала *Кабреры*. Претендентъ еще въ прошломъ году старался склонить на свою сторону испанскія войска, бывшія въ Римѣ. Теперь миръ между Испаніею и Неаполемъ трудно возстановить; прежде важную роль играла въ этомъ отношеніи Королева-мать; Испанская Королева *Христина* была любимая дочь ея, и она всячески старалась удержать Неаполь въ дружбѣ съ Испаніею.

Испанія.

— Въ Парижѣ получена изъ Мадрида телеграфическая депеша о разрѣшеніи Королевы Испанской отъ бремени, въ 4 часа по-полудни: ребенокъ умеръ чрезъ нѣсколько часовъ.

Мадридскія газеты описываютъ обстоятельства, предшествовавшія разрѣшенію Королевы отъ бремени.

Всѣ высшіе сановники были собраны во дворцѣ. Въ комнатѣ Королевы были Королева-мать, Герцогиня *Монпансье*, первый докторъ Королевы *Саккесъ*, хирургъ *Инса* и три придворныя дамы; въ сосѣдней комнатѣ были Король съ отцомъ и Герцогъ *Монпансье*: далѣе былъ совѣтъ министровъ. Съ семи часовъ вечера, цѣлую ночь, Толедскій архіепископъ и придворные священники пѣли каноны въ честь Пресвятой Дѣвы. Толпа часть ночи окружала дворецъ; предъ нимъ расположенъ былъ эскадронъ кавалеріи и батальйонъ пѣхоты. Телеграфы были приготовлены, курьеры

ожидали приказаній около своихъ лошадей; войска были тоже на готовѣ.

Цѣлую ночь продолжались страданія Королевы, но не предвѣщали ничего дурнаго. Она не ложилась цѣлую ночь, и была очень болна. Къ десяти часамъ утра, боль уменьшилась и она могла отдохнуть.

Не-смотря на жестокія страданія, Королева не теряла присутствія духа; медики говорятъ, что смерть младенца произошла отъ неправильнаго положенія его in utero. Когда дознана была необходимость операціи, Королева тотчасъ согласилась на нее; она была поручена *Д. Дрюмонту*; младенецъ вышелъ ногами впередъ; надъ нимъ едва успѣли совершить обрядъ Св. Крещенія, ничто не могло оживить его: онъ жилъ только три четверти часа. Кормилица, назначенная для него, перенесла тѣло его въ сопровожденіи министровъ, въ залу, гдѣ собраны были высшіе чиновники. Герцогъ *Валенцскій* передалъ горестную вѣсть Королю. Погребеніе должно быть совершено 14 числа, со всѣмъ торжествомъ, приличнымъ высокому сану младенца.

Смерть Принца Астурійскаго произвела тяжелое впечатлѣніе во всѣхъ провинціяхъ.

21-го. Королева встала сегодня съ постели. Такъ какъ состояніе здоровья ея очень удовлетворительно, то отправленіе ежедневныхъ депешъ прекращено.

Герцогъ *Валенцскій* хочетъ возвратить неаполитанскому посланнику, принцу *Карини*, его паспорты и тѣмъ объявить Неаполю разрывъ. Надѣются впрочемъ на соглашеніе; потому-что Австрія взяла на себя посредничество, и графъ *Монтемолинъ* называетъ себя въ оффиціальныхъ актахъ только Инфантомъ Испаніи, хотя этотъ титулъ ему не принадлежитъ по праву.

22-го. По случаю рожденія *Принца Астурійскаго* послѣдовалъ королевскій декретъ, по которому приговоренные къ исправительному наказанію подвергаются только половинѣ этого наказанія; заключеннымъ въ тюрьмѣ убавляется годъ заключенія: а тѣмъ изъ нихъ, которые содержатся уже двѣнадцать лѣтъ, даруется свобода. Тремъ первымъ преступникамъ, которые будутъ приговорены къ смертной казни, она замѣняется наказаніемъ, непосредственно за нею слѣдующимъ; осужденнымъ на каторжную работу, оковы, ссылку и заключеніе, назначаются легчайшія наказанія,

слѣдующія за тѣми, къ которымъ они приговорены. Послѣ этихъ перемѣнъ, преступники, принадлежащіе къ тому или другому разряду, которымъ остается пробыть менѣе года въ заключеніи, будутъ изгнаны изъ провинціи, гдѣ они совершили преступленіе, на столько времени, сколько слѣдовало бы имъ быть въ заключеніи.

Португалія.

Лиссабонъ, 21-го іюня. Еще до прибытія американскихъ кораблей «Independance» и «Mississippi», посланникъ Соединенныхъ Штатовъ, г. *Клэй* представилъ португальскому правительству, въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ, нѣсколько старинныхъ требованій; упомянутые же корабли прибыли, вѣроятно, для того, чтобы подкрѣпить эти требованія. Впрочемъ, мы не думаемъ, чтобы сѣверо-американское правительство, въ случаѣ отказа Португаліи, рѣшилось немедленно приступить къ принудительнымъ мѣрамъ, потому-что Президентъ *Тейлоръ* изъявилъ намѣреніе адрессовать конгрессу особенное посланіе, если Португалія откажется удовлетворить упомянутымъ требованіямъ. Тѣмъ не менѣе, правительство Соединенныхъ Штатовъ, повидимому, вовсе не намѣрено предоставить этотъ вопросъ рѣшенію третьей, посреднической державы.

23-го. Соединенные Штаты не хотятъ уступить, а Лордъ *Пальмерстонъ*, съ своей стороны, требуетъ вознагражденія издержекъ экспедиціи *дона Педро* въ 1812 году; онъ намѣренъ также настоять на исполненіи торговаго трактата касательно вывозной пошлины на портвейнъ.

— Вотъ болѣе подробныя свѣдѣнія о требованіяхъ, которыя правительство Соединенныхъ Штатовъ сдѣлало Португаліи: во-время послѣдней войны между Англіею и Штатами, зашелъ сѣверо-американскій корабль «Генералъ Армстронгъ» 26 сентября 1814 года въ нейтральную португальскую гавань Файаль; за нимъ послѣдовали туда два англійскихъ линейныхъ корабля и бригъ, и капитанъ «Армстронга», г. *Рейдъ*, поставилъ свой корабль подъ защиту португальскихъ пушекъ. Вечеромъ нейтралитетъ португальской гавани былъ нарушенъ. Капитанъ *Рейдъ* объявилъ подъ

присягою, что на его корабль напали четыре англійскіе бота и не хотѣли долго удалиться, не смотря на представленія его и португальскаго начальства. Около полуночи отдѣлилось отъ англійскихъ кораблей еще болѣе лодокъ, и онѣ завладѣли американскимъ судномъ. Англійскій офицеръ объявилъ, что первая лодка, въ которую стрѣляли съ «Армстронга», была невооружена, и послана только для рекогносцировки, и что Американцы первые начали военныя дѣйствія. Правительство Штатовъ утверждаетъ, что губернаторъ Файаля долженъ былъ защищать сѣверо-американскій корабль, и теперь, чрезъ 38 лѣтъ, португальское правительство должно вознаградить за грузъ «Армстронга», и заплатить 208,000 долларовъ. Нужно замѣтить еще, что Файальскій фортъ былъ тогда въ очень дурномъ состояніи, что весь гарнизонъ состоялъ изъ 100 солдатъ и 8 артиллеристовъ. Сѣверо-американскій повѣренный въ дѣлахъ намѣренъ теперь, если ультиматумъ его не будетъ принятъ, сѣсть на эскадру. Хотя она не такъ велика, чтобы съ нею можно было напасть на Лиссабонъ, но блокада устья Таго нанесетъ торговлѣ значительной ущербъ. Другія требованія незначительны. Сѣверо-американскій повѣренный не принимаетъ никакого посредничества.

— Палата Депутатовъ утвердила (37 гол. пр. 22), измѣненія въ законѣ о книгопечатаніи, принятыя Палатою Перовъ. Г. *Сильва Кабралъ* возставалъ противъ политики своего брата, перваго министра г. *Коста Кабраля*.

— Засѣданія португальскихъ кортесовъ закрыты 21 іюля, и начнутся снова не ранѣе 2 января.

Швейцарія.

Бернъ, 1-го іюля. Число политическихъ бѣглецовъ уменьшается здѣсь съ каждымъ днемъ, и, вѣроятно, вскорѣ только весьма немногіе изъ нихъ останутся въ предѣлахъ Швейцаріи, потому что Союзный Совѣтъ разрѣшилъ уже департаменту полиціи кредитъ въ 10,000 фр., на вспомоществованіе тѣмъ изъ нихъ, которые пожелаютъ переселиться въ Америку.

По предложенію военной дирекціи, Правительственный Совѣтъ рѣшилъ, чтобы пятнадцать выходцевъ, которые еще содержатся здѣсь на счетъ государства, были употреблены для работъ на дорогахъ.

— Охранительный оборотъ, который приняли дѣла въ Швейцаріи, привелъ въ броженіе всю радикальную партію. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ деревняхъ Юры собрано много оружія и составились вольные корпуса изъ швейцарскихъ радикаловъ и политическихъ бѣглецовъ. Въ Женевѣ, г. *Фази* намѣренъ отказаться отъ должности президента.

Грецiя.

Аѳины. 9-го іюля. Общественное мнѣніе занято тремя важными вопросами. Это, во-первыхъ, присоединеніе къ греческой церкви анатольскихъ христіанъ православнаго исповѣданія; во-вторыхъ, — слѣдствія новаго закона о книгопечатаніи. Его дѣйствіемъ уничтожаются прежнія злоупотребленія, происходившія или отъ дурнаго исполненія законовъ, или отъ упущеній въ нихъ. Такъ напр. аѳинскія газеты не имѣли отвѣтственныхъ редакторовъ; хотя онѣ выставляли фамиліи, но это ничего не значило; по этому многія изъ нихъ, будучи обвинены, должны были сначала пріискать себѣ редакторовъ. Третій вопросъ составляютъ извѣстія изъ Лондона о шаткомъ положеніи лорда *Пальмерстона*, о чемъ свидѣтельствуютъ рѣшеніе Палаты Лордовъ и то обстоятельство, что залогъ, представленный Греціею въ англійское посольство (150,000 др.) по дѣлу *Пачифико*, переданъ французскому посланнику г. *Тувенелю*.

15-го. Сегодня подписана была, въ присутствіи французскаго посланника, конвенція между Англіею и Греціею; греческое правительство сдѣлало это съ большою радостію.

Турцiя.

Константинополь, 13-го іюня. Е. В. Султанъ возвратился вчера, въ 5 часовъ вечера, въ столицу изъ путешествія

своего въ Архипелагъ. При входѣ парохода «Таифъ»,, на которомъ находился Е. В. и который былъ сопровождаемъ тремя другими пароходами, раздались пушечные выстрѣлы съ сухопутныхъ и морскихъ батарей; на встрѣчу Е. В. Султану выѣхали, на пароходѣ, Султанша-мать, министры, высшіе сановники порты и англійскій посолъ; всѣ суда, стоявшія въ Босфорѣ, были украшены флагами, и вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. — По отплытіи съ ост. Кандіи Е. В. посѣтилъ о. Родосъ, куда пріѣзжалъ египетскій генерал-губернаторъ *Аббас-Паша*, для изъявленія ему своей преданности; за тѣмъ Е. В. Султанъ посѣтилъ о. Хіосъ и городъ Смирну. Е. В. былъ встрѣчаемъ повсюду жителями съ величайшимъ восторгомъ, и вездѣ былъ дѣлаемъ ему самый блистательный пріемъ.

— Русскій посланникъ г. *Титовъ* переѣхалъ на прошедшей недѣлѣ, со всѣми чиновниками посольства, на лѣто, въ Буюк-дере.

— Главный инспекторъ первоначальныхъ и второстепенныхъ турецкихъ училищъ *Кемаль-эфенди* получилъ отъ правительства повелѣніе отправиться во Францію, Англію, Германію и Италію, для изученія тамъ устройства университетовъ и училищъ и для покупки важнѣйшихъ сочиненій, назначаемыхъ для обогащенія библіотеки предполагаемаго въ Константинополѣ университета.

— Въ письмахъ изъ Бѣлграда сообщаютъ, что въ Болгаріи въ Бѣлграшикѣ, въ Виддинскомъ, округѣ, произошли нѣкоторыя смятенія, которыя, говорятъ, были возбуждены убійствомъ мусульманскаго пастуха. Инсургенты намѣревались овладѣть бѣлграшикскимъ фортомъ, но были отражены. Полагаютъ, что эти неважныя смятенія будутъ въ скоромъ времени подавлены.

— Изъ Валахіи пишутъ, что бывшіе господари обоихъ дунайскихъ княжествъ, гг. *Бибеско* и *Стурдза*, отправились въ Германію.

Съ Боснійской границы, 4 іюля. Омер-Паша сталъ лагеремъ въ Травникѣ; говорятъ, что онъ Францъ, по имени *Карлъ Латесъ*; лѣтъ 20 тому назадъ какъ принялъ магометанство, и быстро началъ возвышаться. Теперь онъ губернаторъ Сконіи, прежде того былъ въ 1835 году Пашею въ

Смутаріи, во-время тамошнихъ безпорядковъ; въ войнѣ противъ египетскаго паши онъ участвовалъ въ чинѣ генерала.

— Въ Константинополь прибылъ недавно изъ Малой-Азіи извѣстный русскій путешественникъ и натуралистъ г. *Чихачевъ*. На этой недѣлѣ прибыли также сюда *г-нъ и г-жа Ламартинъ* на французскомъ пароходѣ «Оронтъ», и бывшій въ турецкой службѣ, а потомъ министромъ во Франкфуртѣ, генералъ *Іохмусъ*.

— По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Булгаріи, вспыхнувшее тамъ возмущеніе приближается къ окончанію; мятежники, потерявши около пятидесяти человѣкъ близъ Бѣлграшика, разсѣялись во всѣ стороны, и часть ихъ бѣжали въ Сербію, гдѣ они положили оружіе; туда отправленъ генералъ *Гадзи-Риза-паша*. Дѣла въ Босніи также приходятъ въ порядокъ.

— Султанъ со всѣми министрами и многочисленною свитою присутствовалъ при публичныхъ годичныхъ испытаніяхъ въ военномъ училищѣ съ приготовительнымъ при немъ отдѣленіемъ; въ числѣ присутствовавшихъ тамъ находился и г. *Ламартинъ*. Въ минувшій понедѣльникъ Е. В. почтилъ равнымъ образомъ своимъ присутствіемъ публичныя испытанія и раздачу наградъ инженернаго и артиллерійскаго и главнаго медицинскаго училищъ, происходившія въ залѣ перваго изъ этихъ заведеній. Послѣ испытаній въ послѣднемъ училищѣ, 26 воспитанниковъ возведены были въ званіе докторовъ медицины. Въ оба эти дня Султанъ былъ принимаемъ въ означенныхъ заведеніяхъ съ большою торжественностью, и раздача наградъ производилась при пушечныхъ выстрѣлахъ.

— Съ 10 іюля наступилъ турецкій постъ *рамазанъ*.

— По извѣстіямъ изъ Букареста, новый русскій генеральный консулъ въ дунайскихъ княжествахъ, Статскій Совѣтникъ *Халчинскій* прибылъ туда и вступилъ въ отправленіе своей должности.

— Возстаніе въ Болгаріи совершенно подавлено. Комиссаръ Порты выхлопоталъ, чрезъ посредство сербскаго правительства, у Султана прощеніе виновнымъ Болгарамъ, которые и возвращаются теперь изъ сосѣднихъ мѣстъ на роди-

ну. Кромѣ дарованныхъ уже правъ, Болгаре получатъ новыя. Неизвѣстно еще, въ какой мѣрѣ основателенъ слухъ о сравненіи Болгаріи съ княжествомъ Сербіей въ отношеніи ежегодной дани Турціи. Поведеніе турецкаго правительства показываетъ, что возстаніе направлено было только противъ злоупотребленій Аги и Субашей; теперь оно сдѣлаетъ ихъ невозможными.

19-го. Подъ предсѣдательствомъ *Измаила-Паши* образована коммиссія для завѣдыванія отправленіемъ продуктовъ на всемірную выставку. Кромѣ нѣсколькихъ чиновниковъ министерства торговли, въ ней участвуетъ англійскій купецъ г. *Лафонтенъ*, три турецкихъ купца—Армянинъ *Якубъ*, Грекъ *Горго* и Алеппскій купецъ *Гева*.

Америка.

Нью-Іоркъ, 19-го іюля. Споръ между Испаніею и Соединенными Штатами, возникшій вслѣдствіе экспедиціи противъ Кубы, рѣшенъ путемъ мира, потому-что всѣ плѣнные предаются испанскими начальствами суду только для формы, и потомъ освобождаются. По тѣмъ же извѣстіямъ, въ 20-ти миляхъ отъ Кленеланда сгорѣлъ пароходъ «Griffith»; причемъ слишкомъ 200 человѣкъ погибло въ пламени и въ волнахъ моря.

— Изъ Бомбея получены подробныя извѣстія о взрывѣ въ Бенаресѣ транспорта съ порохомъ. Транспортъ состоялъ изъ тридцати лодокъ; пороху было на нихъ не менѣе 3,000 боченковъ. 1-го мая, этотъ транспортъ прибылъ въ Бенаресъ, и сталъ на якорѣ въ центрѣ города. Вдругъ на одной изъ лодокъ вспыхнуло пламя, и затѣмъ послѣдовалъ страшный взрывъ, отъ котораго домы поколебались, двери и окна были выбиты и отъ 1,000 до 1,200 человѣкъ лишились жизни или тяжело ранены; изъ нихъ, 420 человѣкъ убито на мѣстѣ. Лодки всѣ уничтожены. Взрывъ былъ слышенъ на разстояніи десяти миль.

Гавана 18-го мая. Вся страна въ очень безпокойномъ состояніи; ожидаютъ новаго набѣга Сѣверо-Американцевъ. Плѣн-

ные еще не выпущены, потому-что изъ Мадрида не получено приказаній на этотъ счетъ.

Генералъ *Лопецъ* и многіе его товарищи, между прочимъ генералъ *Квитманъ* и бывшій губернаторъ одного изъ штатовъ, подвергнуты были въ Нью-Іоркѣ допросу. Они обязались явиться въ декабрѣ въ Верховный-Судъ, и представили залогъ.

Плѣнники арміи *Лопеца* содержатся въ Гаванѣ, на линейномъ карблѣ «Soberano», гдѣ производится надъ ними слѣдствіе. Подсудимымъ запрещено всякое сношеніе съ кѣмъ-бы то ни было, даже съ консуломъ Соединенныхъ Штатовъ.

Калифорнія.—Въ городѣ Сан-Франциско только-что возникающемъ, пожаръ истребилъ, 4-го мая, около трех-сотъ домовъ. Товаровъ и строеній сгорѣло на 5 милліоновъ долларовъ (6,500,000 р. с.). Пожаръ начался въ кварталѣ, занимаемомъ купцами, и все, что было здѣсь, сдѣлалось жертвою пламени. Несчастіе это приписываютъ злоумышленности, и обѣщаютъ 20,000 фр. тому, кто укажетъ виновнаго. Впрочемъ, по извѣстіямъ отъ 15 мая, жители уже успѣли возобновить часть города, истребленную огнемъ. При большомъ подвозѣ товаровъ изъ Европы и Соединенныхъ Штатовъ, даже строевой лѣсъ—статья, которая до-сихъ-поръ крѣпко держалось въ цѣнѣ—не вздорожалъ противъ прежняго. Новости, получаемыя съ золотоносныхъ пріисковъ, исполнены чудесъ. Кажется, что золото является въ Калифорніи въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, даже пластами, какъ каменный уголь. Разумѣется, во всѣхъ этихъ разсказахъ много преувеличеннаго; однако-жъ они доказываютъ, что новое Эльдорадо сдержитъ обѣщанія, которыя даются отъ его имени. Въ продолженіе шести дней, предшествовавшихъ 16-му числу марта, въ гавань Сан-Франциско пришло 76 судовъ съ товарами.

Нью-Іоркъ. — При допросѣ объ экспедиціи генерала *Лопеца* оказалось, что оружіе было выдано ему изъ государственнаго арсенала. Нью-Орлеанъ встрѣтилъ *Лопеца* не какъ виноватаго, а какъ тріумфатора.

— Въ 1852 году предположено открыть въ Сѣверной Америкѣ выставку произведеній промышленности всего свѣта, и потому правительство Штатовъ уже принимаетъ мѣры для того, чтобы даже тѣ произведенія, которыя будутъ находиться въ слѣдующемъ году на лондонской выставкѣ, были потомъ доставлены изъ Англіи въ Сѣверную-Америку. Въ циркулярѣ, разосланномъ по поводу этого предпріятія, сказано, что торговый домъ братьевъ *Беринъ и Ко*, принимаетъ на себя посредничество въ пересылкѣ товаровъ, и что извѣстія о предметахъ, назначаемыхъ къ выставкѣ, должны быть доставляемы сколько возможно скорѣе, въ американскую коммиссію, находящуюся въ Лондонѣ.

— Большая скала Ніагарскаго водопада, называемая Table-Rock оборвалась. По-счастію, люди, находившіеся здѣсь во-время обрыва, успѣли спастись.

Нью-Іоркъ. Умеръ генералъ *Тэлоръ*, Президентъ Республики Соединенныхъ Штатовъ. Онъ заболѣлъ во-время церемоніи по поводу воспоминанія объ освобожденіи Штатовъ, 4 іюля, и скончался ночью съ 8 на 9 іюля.

Генералу *Тэлору* было 70 лѣтъ; онъ родился въ 1780 году. Лучшіе годы жизни провелъ онъ на службѣ, въ войнѣ противъ Индѣйцевъ; до мексиканской войны онъ не пользовался большою извѣстностью, хотя былъ очень любимъ въ арміи. Побѣды при Буэнавистѣ и Монтереѣ составили его славу и пріобрѣли ему любовь согражданъ. Онъ не имѣлъ особенныхъ способностей къ управленію государствомъ; но онъ истинно любилъ миръ, а честность его доставила ему всеобщее уваженіе, даже тогда, когда министры его были обвинены въ постыдныхъ поступкахъ.

Мѣсто генерала *Тэлора* займетъ вице-президентъ г. *Миллард-Филльморъ*; это тринадцатый президентъ Штатовъ. Онъ сначала былъ адвокатомъ, но потомъ вступилъ на политическое поприще. Онъ также, какъ и генералъ *Тэлоръ*, принадлежитъ къ партіи виговъ.

Полагаютъ, что смерть Президента поможетъ министерству выйти изъ труднаго положенія, въ которомъ оно теперь на-

ходятся, особенно послѣ обвиненія двухъ министровъ въ присвоеніи казенныхъ денегъ.

— Между Техасомъ и Новой-Мехикой война неизбѣжна; второму штату будутъ помогать войска Союза. Нова-Мехика два года не могла добиться включенія своего въ Союзъ, и наконецъ составила для себя уложеніе, на основаніи котораго невольничество въ ней уничтожено. Техасъ хотѣлъ заставить отмѣнить это распоряженіе, и завязалъ войну. Ему помогали нѣкоторые южные Штаты.

Нью-Іоркъ. Погребеніе г. *Тэлора* происходило 13 числа. День этотъ ознаменованъ приличными случаю церемоніями по всѣмъ главнымъ городамъ Союза. Наканунѣ, тѣло умершаго выставлено было на парадной постели въ Уэйтгудѣ. Съ утра закрыты были всѣ присутственныя мѣста; по городу (Вашингтону) раздавались плачевный гулъ колоколовъ и грохотъ орудій; знамя Союза развѣвалось на шпицахъ общественныхъ зданій, покрытыхъ трауромъ. Въ полдень двинулась погребальная процессія изъ дома Президента въ Капитолій; она состояла изъ 1,500 солдатъ и безчисленнаго множества чиновниковъ и гражданъ. Вашингтонъ давно не видѣлъ такого великолѣпнаго зрѣлища. У гроба стояли знатнѣйшіе члены сената и палаты представителей. Гробъ спущенъ въ гробницу при пушечныхъ выстрѣлахъ, среди всеобщей печали. Говорятъ, что тѣло будетъ перенесено въ Кентуки и погребено рядомъ съ отцомъ г. *Тэлора*.

— Узнавъ о смерти Президента, Палаты тотчасъ прекратили засѣданія. На другой день приняли онѣ присягу г. *Фильмора*, и единогласно избрали вице-президентомъ и предсѣдателемъ сената Алабамскаго сенатора г. *Уилльяма Кинга*; за тѣмъ сенатъ разошелся до 15 ч., и тогда возобновятся пренія по предложенію г. *Клэя*, о невольникахъ. Представители южныхъ Штатовъ стараются отвергнуть его, но если новый Президентъ въ-самомъ-дѣлѣ станетъ поддерживать его, то крайнія стороны обѣихъ партій будутъ разбиты. Нѣкоторыя газеты увѣряютъ напротивъ, что г. *Фильморъ* намѣренъ представить палатамъ посланіе, въ которомъ обозначенъ будетъ его образъ мыслей. Неизвѣстность царствуетъ повсюду. Г. *Фильморъ*, не имѣя славы своего пред-

шественника, имѣетъ противниковъ болѣе, нежели имѣлъ тотъ. Поведеніе его должно быть чрезвычайно осторожно.

— Министры отказались остаться на своихъ мѣстахъ еще 30 дней, какъ ихъ просилъ о томъ г. *Фильморъ*.

— Въ Мехикѣ сильная холера; ежедневно умираетъ до 300 человѣкъ.

— *Санта-Анна* сдѣлался банкиромъ въ Венесуэлѣ.

— Бостонскія газеты напечатали декретъ Президента Новой-Гренады, отъ 18 мая, которымъ изгоняются іезуиты; онъ изданъ по представленію Палаты представителей; этого требовало настоятельно общественное мнѣніе, такъ озлоблены всѣ граждане долгимъ и жестокимъ правленіемъ партіи, которой іезуиты были дѣятельные сообщники. Демократическія газеты съ радостію приняли это извѣстіе.

Азія.

Мода на журналы болѣе и болѣе распространяется въ Индіи, между туземцами. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ Бомбеѣ, Мадрасѣ, Дели, Агрѣ, Мирзапурѣ и другихъ городахъ, выходила въ свѣтъ дюжина періодическихъ листковъ на языкѣ Индустана. Но въ послѣднее время число ихъ увеличилось, и журналы появились въ городахъ, гдѣ прежде не было ихъ. Вотъ для примѣра, названія нѣсколькихъ изъ этихъ журналовъ, которыхъ нумера, красиво литографированные, получены въ Парижѣ: *Мальва-акбаръ* (Новости Мальвы); *Умдаль-Умлакбаръ* (Столбъ новостей); *Акбар-Улькфанхъ* (свѣтскія новости); *Садр-Улекбаръ* (Центръ новости); *Каралуссодеинъ* (сочетаніе двухъ счастливыхъ планетъ, то-есть Юпитера и Венеры), иллюстрованный жур-

налъ, издаваемый въ Дели, подъ редакціей *Дарамъ-Нараяна*. Въ журналахъ помѣщаются ученыя статьи, жизнеописанія древнихъ и современниковъ, стихотворенія и текущія новости.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СВЯТОСЛАВА.

Изъ дальнихъ походовъ, съ толпой удальцовъ,
Герой Святославъ возвращался домой;
И много добычи, и много даровъ
На родину везъ онъ съ собой....
Закованъ въ желѣзо, на рьяномъ конѣ,
Могучъ, величавъ,—ѣдетъ Князь Святославъ;
Лучъ солнца горитъ на кольчатой бронѣ,
Чело осѣняетъ блестящій шеломъ,
И вѣютъ орлиныя перья на немъ;
Виситъ при бедрѣ его мечъ боевой;
Усталъ, чуть идетъ его конь вороной.

За Княземъ ступаютъ всѣ конники въ рядъ;
Угрюмы ихъ лица, и мраченъ ихъ взглядъ;
И ѣдутъ всѣ молча.... Не раны, не бой
Измучили витязей—жажда и зной.
На шлемахъ ихъ лавры, и пыль на щитахъ
Изрублены панцыри въ жаркихъ бояхъ.

Вотъ солнце склонилось; ужъ вечеръ насталъ,
И сумракомъ долы, лѣса одѣвалъ.
Ужъ ночи царица—тиха и блѣдна,
Надъ степью пустынною встала луна,
И нѣжно и томно на землю глядитъ;
А небо ночное звѣздами горитъ....
Вотъ близятся витязи къ брегу Днѣпра:
Все тихо въ природѣ: полночи пора.
Лишь волны сверкаютъ, и волны крутятъ,
И брызги фонтаномъ алмазнымъ летятъ.
Нависли утесы; глядятся въ водахъ
Столѣтніе дубы; въ прозрачныхъ струяхъ
Рисуются небо и мѣсяцъ златой,
И мшистыя ели и берегъ крутой...

М. ИСТОМИНЪ.

Архангѣльскъ.

1850 г.

* * *

Не дичись, не гляди
Сомнѣваясь вокругъ.
Счастье ждетъ впереди,
Много счастія, другъ!

Не смущайся отъ бѣдъ,
Ты разкинь лишь умомъ:
Есть къ спасенію слѣдъ—
Міръ не сталъ же угломъ!

Въ небѣ есть благодать—
Не тревожься-жъ душой.
А придется страдать—
Будь надъ горемъ большой!

На скрижаляхъ судьбы
Путь намъ врѣзанъ земной—
Внемлетъ небо мольбы,
Въ немъ Отецъ нашъ родной!

Не тревожься-жъ душой!
Эта жизнь коротка!
А съ молитвою трудъ—
И задача легка.

Полюби-же ты трудъ,
Полюби ты людей—
Не зови ихъ на судъ,
Но люби и жалѣй!

Пой во славу Творца,
Гимны радостно пой
Ждя вседневно конца—
Какъ въ сраженьи герой!

М. ПОЛОВЦОВЪ.

МИНИНЪ.

НАРОДНОЕ ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ВЪ 2-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

ВОЕВОДА НИЖЕГОРОДСКІЙ.
ИЗВОЛЕВЪ.
РАДИЛОВЪ.
ОГНИЩЕВЪ. } Дворяне Нижегородскіе.
АКИНИНЪ.
МИНИНЪ.
ОТРѢНЕВЪ.
КЛАДОВЪ. } Купцы Нижегородскіе.
ШАМШУРИНЪ.
ТАТЬЯНА, жена
НЕФЕДЪ, сынъ
МАША, дочь } Минина.
ДАНИЛЫЧЪ, родственникъ.
ПЕТРОВНА, няня Маши.
ПАРАША, сѣнная дѣвушка въ домѣ Минина.
БЕЗДУШИНЪ.
ПРИЖИМКИНЪ. } Подьячіе.
АНТИПОВНА, сваха.
ЖИТЕЛИ НИЖЕГОРОДСКІЕ, разныхъ званій, пола и возраста.
СТРѢЛЬЦЫ Нижегородскіе.

Дѣйствіе происходитъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1611 году.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ горницу въ домѣ Минина; чистыя дубовыя стѣны, вдоль которыхъ такія же лавки или скамьи; на боковыхъ стѣнахъ по двери; у задней декораціи два окна; на сценѣ дубовый столъ и подлѣ него такая же небольшая скамья.

ЯВЛЕНІЕ I.

Маша и Петровна, *первая сидитъ подлѣ окна, разсматриваетъ рубашечное ожерелье, а вторая ходитъ по горницѣ и вяжетъ чулокъ.*

Маша.

Посмотри еще, няня, нейдетъ ли батюшка.

Петровна, *смотритъ въ окно.*

Никого не видать, родная; только у сосѣдей старуха Тарасьевна коровушку выгоняетъ.

Маша.

Жду не дождусь, поднесу ему мой гостинецъ; вѣдь такъ порадую его родимаго; онъ такой добрый ко мнѣ, и такъ любитъ мое рукодѣлье. Не правда ли, няня?

Петровна.

И всеконечно, родимая; такихъ отцовъ поискать.

Маша.

Вышивающи ему это ожерельице, вѣдь сколько сидѣла, сколько ноченокъ очей не смыкала, и еле-еле, что управилась. Давича насилу отстояла въ церкви, такъ устала. Ну, да оно бы все ничего, ежели-бъ только ненаглядный мой батюшка, хотя сегодня, для дня своего ангела, былъ повеселѣе. Съ-той-поры, какъ въ бѣлокаменной Москвѣ за-

сѣли недруги, онъ все такой грустный, такой угрюмый, ни днемъ, ни ночью не знаетъ покоя, и таетъ какъ свѣча передъ иконою. Боже мой! Боже мой! да будетъ ли разъ конецъ этой невзгодѣ? Будутъ ли у насъ радости и веселья? Ужъ, право, глядя на все, и бѣлый свѣтъ опостылитъ. Не увидишь, какъ красная молодость отцвѣтетъ и завянетъ.

Петровна.

И вѣстимо, что такъ. Ахти-хти, дожили-жъ до времячка, того и смотри, что Нижній верхъ-дномъ обратятъ. Да ты никакъ опять плачешь, мое дитятко? Распрекрасное мое солнышко! лебедушка невинная! ужъ не дурной ли глазъ давича, какъ домой шли, на тебя посмотрѣлъ? Не оборотень ли какой (*оглядывается по сторонамъ*) примерещился? Кажись наше мѣсто свято! Съ нами крестная сила! Чуръ насъ! *Оставляетъ чулокъ и подходитъ къ Машѣ.*

Маша.

Ахъ, не то, няня! про сегодняшній страшный сонъ вспомнила.... грустно.... ужъ, вѣрно, не къ добру онъ! Вѣрно, скоро мнѣ горемычной лечь въ мать сыру землю, распроститься съ бѣлымъ свѣтомъ и съ родными милыми.

Петровна.

Успокой ее Господи! А вотъ родная — заговорю я тебя отъ тоски всяческой, какъ научили меня старые люди. Отъ востока и запада, отъ полудня до полуночи, отъ рѣки до моря, отъ пути до перепутья, пролегала путь дороженька, всѣмъ дорогамъ старшая и большая, по той дорожкѣ шли дщери Иродовы. Вы, дщери Иродовы, не ходите по пути и дороженькѣ, на міръ кости знобить, тѣло сушить, людей мучить, а идите вы на травушку съ муравушкой, что на ту травушку, гдѣ сидитъ тоска съ кручиной, и велите вы тоскѣ съ кручиной, чтобъ онѣ изгнали изъ ретива сердца красной дѣвицы, у рабы Машеньки, наносную тоску, а не покорится вамъ тоска съ кручиной, и вы учните бить въ пруты ивовы. Заговариваю симъ моимъ заговоромъ крѣпко на-крѣпко....

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и Татьяна.

Татьяна.

Ну, вотъ, Машенька... да что это ты, голубушка? Не недугъ ли какой? Не зашиблась ли?

Петровна.

Богъ миловалъ, матушка Татьяна Онисимовна, случиться ничего не случилось; да вотъ опять про сонъ заговорила, опять закручинилась. Ужъ я отъ тоски заговаривала.

Татьяна.

И, Машенька, ежели только про сонъ, такъ не горюй, не плачь, слезами моря не наполнишь. Говорила я тебѣ: не сиди ночи поченскія, глазъ не смыкаючи; шуточное ли дѣло, почитай не спать столько сутокъ. Вотъ, моя красавица, ты и пріустала, примаялась, а тутъ и всякія грезы пригрезились. Успокойся, милая, Господь съ нами! Купимъ тебѣ лѣтничекъ новый, атласный.

Петровна.

Да и сережекъ Кузьма Мининъ не пожалѣетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и Параша.

Параша.

Илья Даниловичъ пожаловалъ.

Татьяна.

Милости просимъ; добрымъ людямъ всегда рады; а своимъ и подавно.

Параша подходитъ къ двери, и по входѣ Даниловича, остановясь около нея, вышиваетъ узоръ на полотенцѣ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Данилычъ, *который, войдя въ комнату, кланяется Татьянѣ, Машѣ и Петровнѣ.*

Данилычъ.

Матушкѣ сестрицѣ Татьянѣ Онисимовнѣ, съ сожителемъ и съ чадами, многолѣтное здравіе. Со днемъ ангела дорогаго Кузьмы Минича поздравленье приносимъ и да подастъ вамъ Господь Богъ долгоденственное и богатое житіе.... Да что это, кажись, не все по здорову?

Татьяна.

Добро пожаловать, дорогой гость! Благодаримъ за привѣтъ и за память. Вотъ Машенька наша все кручинится.

Петровна.

Дурной сонъ сегодня привидѣлся, батюшка, такъ вотъ что вспомнитъ, то и зальется слезами....

Данилычъ.

И матушка, вѣдь не все то на яву сбывается, что во снѣ снится: страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ; чего Имъ не суждено, тому и не бывать. Гласитъ же писаніе, что безъ Его святой воли и волосъ съ головы нашей не упадетъ. Зачѣмъ пригорюниваться? Кому же и снамъ сниться, какъ не молодымъ дѣвушкамъ? Вѣдь въ день-то дѣвьской у нихъ въ головѣ чего не перебродитъ? Не правда ли, Машенька?

Маша.

У тебя все шутки, дядюшка, а кабы ты зналъ да вѣдалъ, каково мнѣ было? Такой страшный сонъ, Такой страшный....

Данилычъ.

Ну, хотя бы и самый страшеннѣйшій? Такъ стоитъ ли объ немъ думать и говорить; а особливо сегодня, когда всѣмъ намъ роднымъ надо быть веселымъ и благодарить Господа Бога, что Онъ многомилостивый сподобилъ насъ дожить еще до дня ангела отца твоего. Къ этому же разнеслась и радостная вѣсточка, что наши подъ матушкою подъ Москвою пріободрились, пріосамились, и только ждутъ,

что Прокофій Петровичъ Лапуновъ поуправится, а тамъ благословясь и на недруговъ пріударятъ. Создатель милосердъ, авось и наша возьметъ. Не все будетъ на вражьей улицѣ праздникъ, не все коту масляница.... попировали, побушевали, пора и честь знать. Всякой вещи свое время, кусаютъ и комары до поры.

Татьяна.

Кабы твоими устами да медъ пить! Порадовалось бы сердечушко! Ну, да кстати, что ты пожаловалъ, Данилычъ; побудь-ка съ Машей, да поразвесели ее, она вѣдь больно охотлива до твоихъ рѣчей; а мы съ Петровной потуровнимъ обѣдомъ. Не увидишь, какъ и Миничъ съ Нефедомъ подойдутъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Маша, Данилычъ и Параша.

Данилычъ.

Ну что, Машенька, ходила въ церковь?

Маша.

Какъ не ходить, дядюшка! У насъ сегодня въ семьѣ большой день.

Данилычъ.

И послѣ службы повстрѣчалась съ старцемъ, Никитичемъ.

Маша.

Встрѣтилась, дядюшка.

Данилычъ.

И поклонилась ему низехонько.

Маша.

Какъ слѣдуетъ, дядюшка.

Данилычъ.

И вѣрно опять примѣтила его внука, молодца, въ синей ферези?

Маша, *въ замѣшательствѣ.*

Такъ, примѣтила, дядюшка; они были вмѣстѣ.

Данилычъ.

И онъ тебя примѣтилъ?

Маша.

Не знаю, дядюшка, можетъ статься.

Данилычъ.

Можетъ статься, можетъ статься, а я такъ напрямки скажу, что сталось: ужъ гдѣ сердце лежитъ, туда и глазъ бѣжитъ. Вотъ видишь, Машенька, дядя твой и не пророкъ, да угадчикъ.

Маша.

Я не знаю, что ты хочешь сказать, дядюшка.

Данилычъ.

Э-эхъ племянница! вѣдь стараго воробья на мякинѣ не обманешь; языкъ молчитъ, да глазъ говоритъ. Какая же дѣвушка и не примѣтитъ добраго, красовитаго молодца, и долго ли дѣвичью сердцу до зазнобушки! Оно бы и все ничего: внукъ-то Никитича малый честный, богобоязливый; родствомъ, дородствомъ, пригожествомъ и умомъ не обиженъ, да одна бѣда: больно бѣденъ, нѣтъ ни кола, ни двора. Послушай-ко меня, Машенька, да вынь эту занозу изъ ретивого сердечушка; вѣдь не только свѣту, что въ окнѣ, не только жениховъ, что Митя, да еще вотъ этотъ, смѣхъ и вспомнить, старый подъячій Еремѣичъ. У насъ въ Нижнемъ, кажись, найдешь ихъ вдоволь, а вѣдь отъ родства съ вашимъ домомъ никто не откажется. Былъ бы хлѣбъ, а зубы ужъ сыщутся.

Маша.

Во всемъ воля Божія, да родительская. Чему быть, того

и не миновать. Суженаго конемъ не объѣдешь, а все-таки подруженьки мои твердятъ, что съ немилымъ жить охъ! куда грустно! Сохрани только Богъ отъ Еремѣича, онъ такой нехорошій, да и люди-то всѣ говорятъ, что у него сердце черствое.

Данилычъ.

Объ немъ и не думай, Маша. Пусть себѣ тѣшится, да рядится.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже, Татьяна и Петровна, *послѣдняя покрываетъ столъ бѣлою скатертью, и опять уходитъ, а первая ставитъ на столъ золотую чару, и большой серебряный кубокъ, сдѣланный въ видѣ медвѣдя на заднихъ лапахъ.*

Данилычъ.

Вотъ ужъ видно, что праздникъ, и завѣтное серебро на столѣ.

Татьяна.

Таковъ обычай. Вѣдь и праздникъ-то, какихъ въ году немного: одинъ, другой, да и обчелся. Да и серебро-то, почитай, ужъ послѣднее. Бывало, у кого серебра, да жемчугу, да каменья дорогова посмотрѣть? у Мининыхъ; у кого казны призанять? у Мининыхъ; у кого хлѣба, соли откушать—у Мининыхъ. Нечего Господа гнѣвить, была полная чаша; а какъ пошли на Руси невзгоды, такъ Миничъ чуть не все попереслалъ подъ Москву, да для нашихъ ратныхъ людей. Ежели, чего избави! да еще годика два, три такихъ, какъ послѣдніе, такъ доживемъ и до того, что люди станутъ на насъ указывать, да говорить: бывали у вороны большія хоромы, а теперь и кола нѣтъ.

Маша.

Не кручинься, матушка, вѣдь батюшка сколько разъ говаривалъ, что такъ должно, что безъ того быть нельзя, и что такія приношенія пріятны Господу.

ТАТЬЯНА.

Оно бы и такъ, да не въ прокъ идетъ. Что прибыли? Нашъ разоренье, а лихому недругу потѣха. Какой-то будетъ конецъ всему этому!

ДАНИЛЫЧЪ.

И матушка! страшную тучу Богъ пронесетъ. За тьмою бываетъ свѣтъ, за грозою ведрышко. Авось и все придетъ на прежній ладъ. (*Подходитъ къ столу*). А! да на посудинѣто и слова вырѣзаны. (*Читаетъ на кубкѣ вокругъ ошейника*). У-ми-шутки, лапки сладки... Видно мастеръ былъ не послѣдній проказникъ, ухитрился придумать! (*Читаетъ вокругъ чары*). «Лю-бовь у-по-до-би-ся со-су-ду зла-ту: ему-же раз-би-тіе ни-ког-да не бы-ва-етъ, аще и по-гнется». Вотъ еще.... еще лучше. Ужъ подлинно хитеръ былъ на выдумки. Любовь хоть и погнется, такъ не разобьется. (*Качаетъ головой*).

ТАТЬЯНА.

А что жъ? И заподлинно такъ: гдѣ у мужа, да у жены ладъ, тамъ нѣтъ и разладу. Поссорятся, да и помирятся, а безъ того, что-бы и за житье; не отвѣдавъ горечи, не узнаешь и сладости, не дорого бы было и ведро безъ дожжичка. Вотъ, Божіимъ и родительскимъ благословеніемъ, живемъ съ Миничемъ не одинъ десятокъ, и нечего сказать, благодаримъ Создателя.... Не безъ того-то, чтобы онъ кормилецъ, подъ-часъ и не поворчалъ, а когда и не прибранилъ; ну, домашнее дѣло; мало-ль что случается; такъ за-то ужъ какъ приласкаетъ, такъ славно медокъ по сердцу пройдетъ. Да мудрено-жъ безъ того и прожить: мужъ голова въ домѣ, его журьба не бѣда: жену журить, добру учить, а то дай волю, такъ и самую добрую жену испортишь.

ДАНИЛЫЧЪ.

Вотъ ужъ люблю правду-матку; покойница моя Авдотья Сидоровна почитай то же говаривала, да кажись и всякая разумная хозяйка такъ думаетъ.

ТАТЬЯНА.

Еще не все, Данилычъ, изволь дослушать. Покойный отецъ

мой, дай Богъ ему царствіе небесное, какъ пришли мы изъ вѣнца, такъ взялъ меня и Минича за руки, да и приговорилъ: смотри, Тапюшка, чтп и любп мужа паче отца роднаго, а ты, зятюшка, любп ее, да чуръ не давай забарываться; да тутъ и прибавилъ смѣючись: береги ее, какъ шубу дорогую соболью, понимаешь ли; подъ часъ провѣтривай, да выколачивай. Такой, право, былъ затѣйникъ.... Ну, да бабье дѣло, заболталась; пойду, вѣдь обѣдъ не за горами. *Уходитъ въ одну дверь, а Минпнъ входитъ въ другую.*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Мининъ, Данилычъ, Маша и Параша.

Мининъ, войдя, кланяется по три раза, цалуетъ Данилыча и Машу.

А, ты старый дружище, ужъ и здѣсь! Признаться, я виноватъ, зазвалъ гостя, да и ждать заставилъ. Вотъ видишь, послѣ обѣдни я остался одинъ въ церкви; молилъ Творца небеснаго, да умилостивится надъ нашею Русью, давно ли еще богатою, сильною, а теперь бѣдною изнуренною; да и не видѣлъ, какъ ушло время. Въ бесѣдѣ съ Богомъ о времени и не подумаешь.... Что это у тебя, Машенька, ужъ, вѣрно опять подарочекъ?

Маша подходитъ къ отцу, цалуетъ руку, и подаетъ ожерелье.

Не прогнѣвайся, родимый, что даръ малъ; чѣмъ богата, тѣмъ и рада. Вотъ тебѣ ожерельице; сама шила, по атласу венедицкому, зернами жемчуга бурмицкаго. Носи, батюшка, во здравіе; дай Богъ сносить, да и другое нажить.

Мининъ.

Спасибо, Машенька! Ты всегда была такая добрая къ отцу и къ матери. Сердцевѣдецъ Господь тебя за то не оставитъ. Вѣдь Онъ же заповѣдалъ намъ: чти отца твоего и матерь твою. Да и какое узорочное! Правду молвить, такъ ужъ и не для моей стариковской шеи. Возьми же, Ма-

ша, дорогой твой гостинецъ, да прибереги вместѣ съ поясомъ, которымъ ты меня подарила прошлый годъ. Я надѣну ихъ въ первый радостный день, которымъ Богу будетъ угодно благословить Русское Государство.

Маша.

А я такъ радовалась, думала, что ты, батюшка, меня потѣшишь, надѣнешь ожерельице нынче же? Ты, родимый, все грустишь, что день, то худобы себѣ прибавляешь.

Мининъ.

Какъ же быть?... Время краситъ, а безвременье портитъ; ржа ѣстъ желѣзо, а печаль сердце. Не огорчайся, Маша: до обновокъ ли, когда тоска злодѣйка грызетъ ретивое? До игрушекъ ли дѣтищу, когда мать плачется въ мукахъ? Русь, православная Русь, намъ мать; мы, мы всѣ, чада ея, видимъ, что злые враги треплютъ ее, какъ коршуны голубицу; видимъ... и, какъ птенцы безсильные, не можемъ помочь ей!...

Маша.

Да будетъ воля твоя родительская. *Уходитъ, а за нею и Параша.*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Мининъ и Данилычъ.

Данилычъ.

Эхъ, братъ Миничъ, что-бы тебѣ Машу потѣшить? Вѣдь у васъ сегодня праздникъ. И Татьяна-то твоя такъ и хлопочетъ, изъ себя рвется. Видишь и кубокъ и чара на столѣ, Забудемъ на часокъ горе, выпьемъ за твое здоровье, за семейный ладъ, да за радости будущія, да пожелаемъ Машенькѣ жениха по нраву и по сердцу, а тамъ какъ приведетъ Господь, такъ веселымъ пиромъ да и за свадебку.

Мининъ.

Та ли пора, Данилычъ, чтобъ заниматься свадьбами да весельями? Помнишь ли, какъ въ прежніе годы, въ этотъ

день собирались у насъ всѣ родные и пріятели, хлѣба-соли откушать, и какъ я, наливъ полную братину, возглашалъ: во здравіе батюшки Государя Царя и Великаго Князя всея Руси! Да сохранитъ его Господь Богъ на многія лѣта!

Данилычъ.

Да что ты сегодня, Мининъ, ужъ больно разрюмился? Не самъ ли ты еще недавно говаривалъ: все перемѣнится, все пройдетъ, все станетъ на прежню стать. Не бывать свѣтлому дню безъ солнышка краснаго! Не бывать въ христіанской землѣ церкви святой безъ креста Христова, не бывать и Русскому Царству безъ Царя Православнаго! а нынче иную пѣсню поешь.

Мининъ.

То была пора, теперь другая. Вѣрилъ я, что близокъ конецъ нашимъ бѣдамъ и напастямъ; утѣшалъ другихъ, а теперь, что грѣха таить, самъ извѣрился. Да и какъ же иначе? Бояре думаютъ, да ничего не придумаютъ, никакъ страхъ у всѣхъ разумъ отнялъ. Воеводы подъ Москвою стоятъ, народъ и казну изводятъ, а дѣла не дѣлаютъ: что дальше, то хуже. Видно велики грѣхи наши, что Господь насъ такъ наказуетъ. Еще въ отрочествѣ моемъ, отецъ Гарасимъ, какъ помнишь, грамотѣй и книжникъ великій, разказывалъ мнѣ, что давно, когда Русь еще не была тѣмъ, чѣмъ Богъ благословилъ ее послѣ—праотцы наши жили, ни дать, ни взять, въ томъ же безначаліи, въ какомъ и мы теперь бѣдствуемъ. Набольшаго не было, всякъ управлялся по своему, ну, словомъ, дымъ коромысломъ, да и только! Вотъ и взялись за умъ, да и послали пословъ къ Варягамъ за море, просить къ себѣ въ Государи Князя Рюрика съ братьями, и велѣли посламъ сказать имъ: Князья! земля наша богата и велика, но порядка въ ней нѣтъ; прійдите, княжите надъ нами. И пришли Князья, и сталъ на Руси Государь, и Русь стала государствомъ, и пошла матушка, съ Государевой легкой руки, расти и полнѣть: вправо, влѣво, на полночь, на полдень. Долго все шло чиннехонько и хорошохонько, а тамъ развелись споры, да пошли смуты; кто во что горазъ. Господь прогнѣвал-

ся, да и послалъ Татарщину. Двѣсти лѣтъ лиходѣи сосали русскую кровь, пока угомонились, да потомъ ужъ и сами стали подъ нашу руку. Какъ подумаешь: теперь не то ли же самое! Начала нѣтъ, власти презрѣны, и недруги гуляютъ на святой Руси, какъ волки въ стадахъ овецъ. Двѣсти лѣтъ, Данилычъ, не двѣсти дней! а похоже, что и намъ пить такую же чашу, какую нѣкогда испили наши предки!

ДАНИЛЫЧЪ.

Сохрани Господи и избави отъ такой казни!

МИНИНЪ.

И мы заслужили ее. Царь Федоръ Борисовичъ, Царь Василій Ивановичъ, и надежа Русскаго Царства Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ Шуйскій не вопіютъ ли на наши беззаконія. Давно-ли Русь одна, безъ друзей, съ самодержавнымъ законнымъ Царемъ, завоевала три сильныя царства, Казанское, Астраханское, Сибирское? Давно-ли матушка одна управлялась со Шведами, Ляхами, Турками, а нынче однимъ Ляхамъ почитай поддалась. Вздумали нанять друзей за моремъ, да что нажили: тѣ сами обратились въ недруговъ, да въ Великомъ-Новгородѣ господствуютъ; какъ подумать, такъ страхъ и срамъ: самозванецъ за самозванцемъ! Какой-то бродяга засѣлъ въ Тушинѣ, оградилъ себя станомъ неприступнымъ, да окружилъ всякимъ сбродомъ, ворами, разбойниками, и завеличалъ себя царемъ русскимъ, и въ этого царя вѣрили, и этому царю крестъ цаловали. Ха, ха, ха! Царь! Вотъ только, что Борисъ Федоровичъ Годуновъ завелся иноземщиною; а то Боже милостивый! Прежніе наши Цари, развѣ прятались отъ своихъ подданныхъ за крѣпкими оградами и затворами, да окружали себя стражею несмѣтною. У нихъ только и бывало ограды и стражи, что сердца да молитвы народа.... вотъ стѣны, которыя тверже всякихъ другихъ!

ДАНИЛЫЧЪ.

Такъ, по твоимъ рѣчамъ, всѣ наши упованія....

Мининъ.

На людей? Кончены! Развѣ одно чудо спасетъ Русскую землю; но вѣдь и чудеса-то Господь только тамъ посылаетъ, гдѣ къ нему приходятъ съ раскаяніемъ.... Правда, есть еще между воеводами одинъ Прокофій Петровичъ Ляпуновъ.... Хоть иные и говорятъ, что не чисты его намѣренія, но одинъ Богъ ихъ видитъ и вѣдаетъ, и Онъ одинъ ему судья. Намъ онъ теперь дорогъ, и можетъ-статься, онъ успѣетъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже, Татьяна и Маша.

Татьяна.

Ужъ, право, мы дорогаго гостя заморили; пора бы и за столъ; того и смотри, что пирогъ въ печи перейдетъ; а Нефеда все нѣтъ, какъ нѣтъ. Да гдѣ ты, отецъ, его оставилъ?

Данилычъ.

И, родные, что за счеты между своими.... голодны не будемъ.

Мининъ.

За бесѣдою забылъ-было и про обѣдъ. Ну, да родненька не взыщетъ. Нефеда, идучи домой, я встрѣтилъ да послалъ по дорогѣ къ гостю Биркину. Ужъ давно бы ему и вернуться пора. Да не онъ ли и воротился.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣже и Антиповна, *съ огромнымъ пряникомъ въ рукахъ. Торопясь войти въ горницу, она спотыкается о порогъ, и падая, роняетъ пряникъ, который разсыпается въ куски. Татьяна и Маша бросаются къ ней и помогаютъ ей подняться съ полу.*

Антиповна, *вставая и оправляясь.*

Ахти, нелегкая! Старость ноги подкосила.

Татьяна.

Не ушиблась ли, кормилица? Не помяла-ли косточекъ?

Мининъ.

Видно заторопилась, Антиповна, пришла съ важнымъ дѣломъ.

Антиповна, *кланяясь.*

Съ коврижкой, родимый! Да лукавый подшутилъ. Не въ добрый часъ пошла изъ дому.

Мининъ.

У Бога всѣ часы равны, Антиповна, а вѣрно не съ добромъ на умѣ пожаловала.

Антиповна.

Не гнѣви Бога, Козьма Миничъ! Пришла къ тебѣ я посланницею. Трифонъ Еремѣичъ не запамятовалъ, что у тебя, Козьма Миничъ, съ дорогою хозяюшкою Татьяною Онисимовною, да съ краснымъ молодцомъ Нефедомъ Кузмичемъ, да съ ненаглядным солнышкомъ, дочкою Марьею Кузминишною, сегодня семейный праздникъ. Вотъ и прислалъ онъ меня, грѣшную богомолицу вашу, тебя съ сожительницею, сынкомъ и дочкою поздравить и тебѣ, многомилостивецъ, съ сожительницею жъ, сынкомъ и дочкою, пожелать многая и многая лѣта, да поклониться вамъ медовою коврижкою, чтобы кушали во здравіе; а я, негодная, быть мнѣ битой отъ Еремѣича, коврижку-то и не донесла, разсыпала!...

Мининъ.

Благодаримъ за память. Знаемъ мы коротко Трифона Еремѣича! Ну, Антиповна, не наказывалъ-ли онъ чего, въ прибавку къ коврижкѣ. Поговори, а мы послушаемъ.

Маша, *тихо Даниловичу.*

Дядюшка! вѣрно опять за меня сватается; помоги мнѣ, мнѣ не милъ Еремѣичъ....

Даниловичъ.

Успокойся, Машенька.... послушаемъ, съ чѣмъ пришла ворона отъ коршуна.

Антиповна.

Не погнѣвайся только, родимый. Вольному воля говорить, вольному воля слушать. Жилъ былъ бояринъ....

Мининъ.

Жило было ихъ много, да и теперь всѣхъ не перечтешь. Говори, матушка, напрямки, мы люди простые и темные, любимъ слушать рѣчи безъ притчей и присказокъ.

Антиповна.

Слушаю, коли ужъ такъ приказываешь. Извѣстно тебѣ Козьма Мининъ, что Трифонъ Еремѣевичъ человѣкъ разумный, дѣлецъ, таровать и богатъ.

Мининъ.

И плутовать, и воровать. Про это весь Нижній извѣстенъ. Ну что-же дальше?

Антиповна.

Кого злые языки не обнесутъ!... Трифонъ Еремѣевичъ человѣкъ богобоязливый.

Мининъ.

Боится суда Божія за многія и тяжкія свои прегрѣшенія.

Антиповна.

Смышленъ въ законахъ.

Мининъ.

А и того больше въ беззаконіяхъ.

Антиповна.

Въ милости у воеводы....

Мининъ.

Пока воевода не провѣдалъ всѣхъ его плутней.

Антиповна.

Напраслина, Козьма Миничъ, напраслина! Такихъ людей, какъ Еремѣичъ, немного сыщется.

Мининъ.

И слава Богу! Чѣмъ меньше дурной травы въ полѣ, тѣмъ полю лучше. Да въ чемъ же дѣло? Кажись, мы уже немало съ тобой поговорили, а рѣчь твоя въ началѣ.

Антиповна.

Безъ начала не бываетъ и конца, Козьма Миничъ. Вотъ видишь, у Трифона Еремѣича всего вдоволь. Домъ полная чаша, нѣтъ только сожительницы, а онъ спитъ и видитъ....

Мининъ.

Какъ бы, похоронивъ двухъ женъ, найти да похоронить третью, не такъ-ли Антиповна? Да ужъ не пришла ли ты искать ее въ моемъ домѣ?

Антиповна.

Не погнѣвайся, родимый! Трифонъ Еремѣичъ только и видитъ, что твою Машеньку. Да вправду, чѣмъ бы она ему не жена, и чѣмъ бы онъ ей не мужъ?

Маша *бросается къ отцу*.

Батюшка! Не погуби дочь родную!... Не хочу идти за Еремѣича.

Мининъ.

Чѣмъ бы она ему не жена? чѣмъ бы онъ ей не мужъ? Дѣльно! Чѣмъ голубка не подъ-стать ястребу, а овца волку?... Слушай, Антиповна, наскучила уже мнѣ эта пѣсня. Козьма Мининъ не торгуетъ дочерью, какъ Еремѣичъ совѣстью; Козьма Мининъ не промѣняетъ дочери ни на какое золо-

то; и если Еремѣичъ, или ты, ты, или онъ, вздумаете еще разъ придти ко мнѣ съ такимъ сватовствомъ, то, суди меня Богъ и люди, я не поручусь за себя и разсыплю васъ въ прахъ, какъ разсыпала ты свою заколдованную коврижку. Вотъ тебѣ Богъ, а вотъ и двери! Да и позабудь, гдѣ стоитъ домъ Мининыхъ.

Антиповна.

Прощенья просимъ. Вишъ какъ расчванились, великое дѣло — торгаши!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣже, кромѣ Антиповны.

Данилычъ.

Ты ужъ больно осерчалъ, Миничъ. Вѣль и Еремѣичъ чѣмъ виноватъ, что приглянулась ему твоя Машенька?... Даромъ что старъ, а глаза, видно, все молоды.

Мининъ.

Ты и въ могилу съ шутками ляжешь, Данилычъ, а мнѣ такъ ужъ и говорить про Еремѣича тошно. Да съ чего онъ взялъ, чтобы я, живущій въ правдѣ и страхѣ Божіемъ, могъ отдать за него, многогрѣшника, мою Машу! А вотъ и Нефедъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣже и Нефедъ.

Мининъ.

Экъ ты запропастился! Мать и сестра тебя ждутъ, не дождутся, да и гостя то голодать заставилъ.

Нефедъ, *кланяется отцу и прочимъ.*

Безъ вины виноватъ, родимые. Вотъ только что вышелъ отъ Бирюкова, какъ слышу, что прискакалъ гонецъ къ во-

сводъ. Думаю недаромъ. Иду, бѣгу сломя голову, и узнаю, что сосѣди Рязанцы прислали нарочнаго съ дурною вѣстію....

Мининъ.

Что? Ужъ не было-ль у нихъ съ недругами рѣшительной схватки, и нашихъ не одолѣли-ль?....

Нефедъ.

Не то батюшка! Казаки Заруцкаго подъ Москвою зарѣзали Ляпунова.

Татьяна.

Ахти Господа!

Маша.

Боже милосердый!

Данилычъ.

Божье наказаніе!

Мининъ.

Прокофья Петровича? Полно такъ-ли, Нефедъ, правду-ль тебѣ сказали? Не ослышался-ли ты?

Нефедъ.

Нѣтъ, батюшка! Я и самъ было не повѣрилъ, да сталъ распровѣдовать: точно что Прокофья Петровича убили, да и съ нимъ воеводу Ивана Ржевскаго, что былъ ему недругомъ, а тутъ, видя его правду, за него же сталъ!

Мининъ.

Вѣчная имъ память! Господь праведный! Ужели этого еще недоставало?(*Садится на скамью и облокачивается на столъ.*) Зарѣзали!... Князя Михаила Васильевича опоили зеліемъ.... мало!... Прокофья Петровича уходили.... Пропадай, погибай Русь! видно таковъ твой предѣлъ, его же не прейдеши. (*Послѣ нѣкотораго молчанія встаетъ.*) Матушка Москва, тяжко и вспомнить, какъ бывало и ретивое прыгало при видѣ еще издалека многоглавыхъ церквей твоихъ! Какъ, бывало, любовался я величавымъ Кремлемъ твоимъ! Какъ дивовался пышнымъ царскимъ поѣздамъ!.... Теперь не видать, вѣрно, мнѣ твоихъ стѣнъ бѣлокаменныхъ, не слыхать благовѣста

колоколовъ твоихъ, не молиться у гробницъ Государей. По площадямъ и улицамъ твоимъ толпятся дружинами Ляхи, въ палатахъ Царей пируютъ Ляхи, въ церквахъ Господнихъ безчинствуютъ Ляхи, а православные наши воеводы стоятъ сложа руки, да глазѣютъ, какъ будто имъ любо, что въ кремлевскихъ стѣнахъ вражья гордыня смѣется надъ русскимъ горемъ!... Тяжко, тяжко!...

Данилычъ.

Все-такъ, Мининъ, да нельзя много винить и воеводъ; вѣдь и имъ подъ Москвою трудно; самъ ты вѣдаешь, что враги грозятъ разорить въ Кремлѣ всѣ соборы и царскія палаты, ежели на нихъ больно крѣпко наступать станутъ.

Мининъ.

Такъ это помѣха спасать Царство? По моимъ мыслямъ, пусть разорятъ, пусть сроютъ до тла, мы снимемъ камни съ могилъ нашихъ отцовъ, да изъ нихъ построимъ новыя палаты царямъ, новыя церкви Господу!....

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣже и Петровна.

Петровна.

Не прикажешь ли, матушка Татьяна Онисимовна? Ужъ пирогъ на столѣ! Я за нимъ такъ ухаживала, все къ порѣ изровила.

Татьяна.

И впрямъ давно пора. (*Обращается къ Мининy.*) Неизволишь ли, родимый: гостя впередъ, да и обѣдать.

Мининъ.

До обѣда ли мнѣ, жена, когда грусть какъ тяжелый камень лежитъ на сердцѣ? Да и что я, недостойный грѣшникъ, медлю въ рѣчахъ, теряю время! Успокою совѣсть передъ людьми и Богомъ, послѣднее добро пошлю подъ Москву, нашимъ на подмогу. Татьяна, Маша, Нефедъ!

идите, сбирайте все, что еще осталось у насъ цѣннаго: все за Русь! (*Хочетъ идти.*)

ТАТЬЯНА.

Помилуй, родимый, да съ чѣмъ же мы останемся, ужъ и такъ противъ прежняго почитай совсѣмъ обнищали.

МИНИНЪ.

Съ чѣмъ мы останемся? А съ тѣмъ, къ чему Богъ приведетъ. Спасемъ родную землю, такъ наживаемъ всего; заживемъ опять, какъ прежде бывало, припѣваючи, а пойдемъ на тотъ свѣтъ за вѣнцомъ мученическимъ, такъ тамъ о земномъ и не подумаемъ. Господи всеблагій и всемилостивый! Твое же писаніе гласитъ, что Ты творилъ чудеса для народа Израилева! Ты избавилъ Русь отъ тяжкаго ига татарскаго! Ты столько вѣковъ блюлъ ее подъ Твоею святою десницею! Не отвергни же ее и теперь, сиротствующую, погибающую! Если неисповѣдимымъ Твоимъ промысломъ, уже непремѣнно намъ суждено нести крестъ терпѣнія и испытаній, то наложи его на одного меня, на раба Твоего, въ прахъ передъ Тобою повергающагося. (*Падаетъ на колѣни.*) Ниспошли на меня всѣ напасти и бѣдствія, повергни въ нищету, дай умереть въ мукахъ лютыхъ, похорони заживо, лишивъ жены и чадъ милыхъ: съ смиреніемъ и безъ ропота покорюсь Твоей святой волѣ! Казни Козьму, но только Русскую землю спаси и даруй ей Царя отъ крови русской. (*Прочіе падаютъ на колѣни. Занавѣсъ опускается.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ часть улицы въ Нижнемъ-Новгородѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Бездушинъ и Прижимкинъ.

Бездушинъ.

Ну, дорогой куманекъ! Каково поживаешь? Все ли по добру, по здорову?

Прижимкинъ.

Не што, пока живется. Ни шатко, ни валко, ни на сторону. А каково твои дѣлишки идутъ? Каково твое сватовство?

Бездушинъ.

За Машу Мининыхъ? Да такъ покамѣсть, ни то, ни се. Отецъ-то что-то не поддается; говоритъ молода, не то время. А что тутъ за молодость! Дѣвушка словно ягода на кустѣ; нарови какъ созрѣла, а не то, какъ ужъ переспѣетъ.

Прижимкинъ.

Ну, да коли правду сказать, такъ ты, Еремѣичъ, для нея переспѣлъ. Вѣдь тебѣ десятковъ...

Бездушинъ.

Отца и матери моихъ въ живыхъ нѣтъ, а кромѣ ихъ да меня, годовъ моихъ считать некому.

Прижимкинъ.

Такъ, да ты, Еремѣичъ, уже во-вторые вдовѣешь.

Бездушинъ.

Ну такъ что жъ? За-то обѣ хозяйки не помногу въ замужествѣ жили. Богъ долгаго вѣку не далъ.

ПРИЖИМКИНЪ.

А люди то думаютъ иное: говорятъ, что отъ твоего худаго житья. Немудрено, что и Минины опасаются. Ну да, когда ужъ на то пошло, такъ по-пріятельски скажу тебѣ: толкуютъ еще, будто вдова Тряпичкина....

БЕЗДУШИНЪ, *дѣлая знакъ, что хочетъ зажать Прижимкину ротъ, и оглядываясь.*

Цсъ! безумная голова! не всякому вздору вѣрь. Вотъ подожду, съ чѣмъ придетъ сваха Антиповна, а коли ни съ чѣмъ, такъ и другія мѣры возьмемъ. Воевода-то намъ съ руки. Небось, иначе запоютъ. Сами съ поклономъ придутъ: окажи честь, Трифонъ Еремѣичъ! возьми дочьку! Тамъ ужъ чему другому не бывать, а что я Машинъ суженый, такъ это вѣрнѣе смерти. Умѣемъ дѣло обдѣлывать. Не учи рыбу плавать, а птицу летать. Хмъ! не пройдетъ и съ недѣльку, какъ у Еремѣича грянетъ пиръ на весь міръ, и запоютъ красныя дѣвицы:

Подымалася погодушка
Отъ московскія сторонушки,
Уносила лебедь бѣлую....
или: Черныя кудри за столъ пошли,
Русую косу за собой повели!

А удалая-то молодежъ дружно затянетъ:

Какъ у нашего сосѣда
Весела была бесѣда!

Хе, хе, дружище, будетъ разливное море: пей, ѣшь, не хочу!... (*Хочетъ идти, но увидя Антиповну, возвращается.*) А! словно сонъ въ руку. Ну, что новаго и хорошаго?

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ и АНТИПОВНА.

АНТИПОВНА.

Ни новаго, ни хорошаго, Трифонъ Еремѣичъ. Насилу-то

тебя доискалась, а то часа съ три, съ четыре изъ дому въ домъ бѣгала. Рада, что встрѣтила. Все раскажу по порядку. Вотъ какъ вошла я къ Миминымъ, они и всѣ тамъ, окромя сына. Я прямо къ хозяину, съ поздравленіемъ отъ тебя и съ поклономъ.

Бездушинъ.

И съ коврижкою.

Антиповна.

Съ коврижкою! Да и съ коврижкою, родной, да объ ней рѣчь впереди. Вотъ и поклонилась отцу низехонько и стала говорить чинехонько, не впрямъ, знаешь, а притчею о боярине Скородумѣ; а онъ и рта разинуть не далъ, мы де люди темные, простые, говори-де намъ безъ притчей и присказокъ. Я и стала тебя выхваливать, а онъ Миничъ въ отвѣтъ: знаю-де Еремѣича, и весь Нижній его знаетъ: и плутовать и воровать, и чорту братъ, и беззаконникъ, и грѣховодникъ, и такой, и сякой всяческой...

Прижимкинъ.

Ахъ онъ, пудовикъ, образина этакая.

Бездушинъ.

Ну, а дочка-то, что?

Антиповна.

И та туда же: не хочу-де за Еремѣича, не пойду за Еремѣича, не люблю Еремѣича!...

Бездушинъ.

А мать что?

Антиповна.

И та старая подпѣвала: не выходи за Еремѣича, не выйдешь за Еремѣича.

Бездушинъ.

Ну, а ты что?

Антиповна.

А я, милостивецъ, не пріуныла, не далась въ дуры. Напраслина-де, говорю: Трифонъ Еремѣичъ человѣкъ добрый,

честный, богобоязливый, и чѣмъ бы Машѣ не мужъ, а Маша ему не жена? А старикъ-то и пуще расходился: Чѣмъ-де голубка не чета ястребу, а овца волку?... Да я-де дочерью не торгую, какъ твой Еремѣичъ совѣстью, да я-де не породнюсь съ Еремѣичемъ, да я-де васъ обоихъ разсыплю, какъ разсыпала ты свою колдовскую коврижку! Ахти, проговорилась, окаянная!... Изволь видѣть, Трифонъ Еремѣичъ, какъ пришла я къ дверямъ, такъ мнѣ и примерещился оборотень, ноги вотъ такъ и подкосило, хотѣла черезъ порогъ, анъ ни тутъ-то было, запнулась и растянулась лежмя на полу, а коврижка-то изъ рукъ вонъ, да и разсыпалась. Виновата, родимый; не осерчай, повинную голову и мечъ не сѣчетъ.

Бездушинъ.

Ухожу я тебя, добраго молодца! Далеко бороться безграмотному торгашу съ грамотѣемъ. На то нашему брату и книги въ руки. А ты, старая, еще величаешься свахой, а не съумѣла донести и подарочнаго пряника. Напалъ же я на дурищу, кого посылать сватать; въ началѣ все дѣло испортила! Слушай же, Антиповна, чтобы отнынѣ впредь ты не попадалась мнѣ встрѣчу, чтобъ ты и не знала, не вѣдала, гдѣ живетъ Трифонъ Еремѣичъ Бездушинъ!

Антиповна.

Да чѣмъ же я виновата, отецъ родной? Старалась сколько силы было, но лукавый на порогѣ попуталъ.

Бездушинъ.

Чѣмъ виновата? Виновата тѣмъ, что ты дура. Убирайся же... а не то... (*Замахивается палкою.*)

Антиповна, *убѣгаетъ.*

Уйду, проклятый, чтобъ тебѣ не дожить до завтраго!

ЯВЛЕНІЕ III.

Бездушинъ и Прижимкинъ.

Бездушинъ, *послѣ нѣкотораго молчанія.*

Воровать, плутовать, чорту брать, ястребъ, волкъ... Да, Кезьма Миничъ, буду я тебѣ ястребомъ и волкомъ. Карабкайся голубчикъ, а изъ сѣтей моихъ не выкарабкаешься... (*Подходя къ Прижимкину, обнимаетъ его одною рукою.*) Слушай, братъ Терентьевичъ, да отвѣчай на мой спросъ; крѣпка у тебя память?

Прижимкинъ.

Память! Не смѣемъ хвастать, да и пожаловаться грѣшно.

Бездушинъ.

Ну, такъ ты вспомнишь, какъ два лѣта тому назадъ, о Масляной, у Сутягина была вечеринка, и мы тамъ лихо поѣли да попили?...

Прижимкинъ.

Сутягина? Припоминаю, Еремѣичъ.

Бездушинъ.

И припомнишь, какъ пошли изъ гостей два пріятеля, да дорогою позашумѣли, да одинъ другаго въ бокъ, а тотъ и не взвизгнулъ. А люди-то виноватаго искали, да и по сей день не нашли.

Прижимкинъ, *съ смущеніемъ.*

Да къ чему жъ эта рѣчь, Трифонъ Еремѣичъ; дѣло давней давности и въ хмѣлю учинилось.

Бездушинъ.

А кто прибѣжалъ къ Еремѣичу, какъ мышь отъ кошки? Кто въ ногахъ валялся у Еремѣича, да просилъ совѣта? Кому помогъ Еремѣичъ, такъ, что и концы въ воду? А? Мерт-

вые-то молчатъ, да у живыхъ языкъ не на привязи. Что̀, голубчикъ, чай памятно?

Прижимкинъ.

Да что̀ съ тобой, Трифонъ Еремѣичъ? По твоей милости все шито и крыто, да вѣдь и не даромъ же: послѣдніе достатки тебѣ отдалъ; теперь и избенки поправить нечѣмъ. Не наводи страха на душу, не губи грѣшника. (*Кланяется Бездушину въ ноги.*) И послѣднюю избенку отдамъ, пойду по міру, не раскрывай стараго.

Бездушинъ.

И, полно, Терентьичъ, не въ земныхъ поклонахъ и не въ избенкѣ твоей дѣло. Хотѣлъ я только попытать, твердъ ли ты памятью, да напомнить тебѣ, что долгъ красенъ платежомъ. Можешь и ты теперь сослужить мнѣ служебку, за которую новый домъ тебѣ поставлю, краше Денежкина. Слушай. Не будь я Трифонъ Еремѣичъ, коли не отплачу этому Минину, да не возьму за себя его дочку. Теперь время смутное, только и слышишь, что тотъ продался Ляхамъ, тотъ перешелъ къ Ляхамъ. Послѣ сегоднишней вѣсти про Ляпунова, здѣшній народъ пріунылъ пуще прежняго, такъ и про всякую измѣну не разсуждая повѣритъ. Время благопріятно и дорого. Ступай же ты прямо къ Воеводѣ, да скажи ему, что Козьма Мининъ, дескать, замышляетъ измѣну, хочетъ уйти къ врагу, да въ расплохъ подвести его подъ Нижній, да и тебя подкупомъ уговаривалъ, а ты въ дьявольскую затѣю не дался.

Прижимкинъ.

Страшно!

Бездушинъ.

Страшно! А какъ приведутъ къ двумъ столбамъ съ перекладиной, да привѣсятъ къ ней словно языкъ къ колоколу, тамъ и еще страшнѣе будетъ.

Прижимкинъ, *всторону.*

Іуда предатель! (*Обращаясь къ нему*). Такъ и быть Ере-

мѣичъ, дѣло слажено. Была не была! Да чуръ уговоръ! Вѣкъ ни полслова про Масляную?

Бездушинъ.

Вотъ, давно бы такъ, а то только и поешь: страшно, да совѣстно. Ну-ко, пріятель, ступай къ воеводѣ, а тамъ пускай Минычъ концы распутываетъ.

Прижимкинъ.

Сейчасъ бѣгу? (*Уходитъ, но тотчасъ опять возвращается.*) А домишко-то, Трифонъ Еремѣичъ! Вѣдь твое жъ обѣщаніе.

Бездушинъ.

Вѣрно, и ненарушимо. За мной дѣло не станетъ.

Прижимкинъ.

Прощенья просимъ.

Бездушинъ.

Счастливый путь. Посмотримъ, чья возьметъ! (*Уходитъ за Прижимкинымъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Огреневъ и Кладовъ.

Кладовъ, *смотря вслѣдъ подъячимъ.*

Хороши гуси! Хоть что прозакладую, если не сговорились на чью-нибудь голову!

Огреневъ.

Видно, такъ суждено искони. На бѣломъ свѣтѣ у всякаго свое, у звѣрей—медвѣдь да волкъ; у птицъ—коршунъ да ястребъ; у рыбъ — щука, а у насъ грѣшныхъ — Еремѣичъ да Бездушинъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже и Шамшуринъ, *прибѣгаетъ запыхавшись.*

Огрѣневъ.

Что́ это́ ты, Григорьичъ? Словно заяцъ отъ гончихъ. Кто *тебѣ* такую передрягу задалъ?

Шамшуринъ.

Насилу добѣжалъ... дайте братцы духъ перевести. Ахти горе наше! Сгибли наши головушки.

Огрѣневъ.

Да что́ сталось?

Кладовъ.

Не воры ль вломились, не разбойники-ль?

Шамшуринъ.

Охъ, нѣтъ, братцы! хуже, не въ примѣръ хуже. Смахнутъ матушку-Русь съ бѣла свѣта, какъ съ головы шапку!... Слушайте жъ: подъ Москвою всѣ перемутились, погубили воеводъ, князя Димитрія Тимофѣевича Трубецкаго, да Прокофья Петровича Ляпунова, да и самъ Владиславъ королевичъ неожиданно прикатилъ, да и сѣлъ на Русское царство. На всѣхъ главахъ церковныхъ кресты поснимали, да пѣтуховъ понаставили, а колокольню-то Ивана *Великаго* батюшки, королевичъ велѣлъ при себѣ подкопать; какъ грохнулась родимая о земь, такъ ижно въ Костромѣ всѣ колокола загудѣли, да люди изъ домовъ выскакали!...

Огрѣневъ.

Ну, исполать, Григорьичъ! насказалъ турусы на колесахъ.

Да какое нелегкое угораздило тебя на такія новости? По твоему и Нижній-то нашъ ужъ не провалился ли сквозь землю?

Шамшуринъ.

Ужъ подлинно, Фома невѣрный! По моему такъ красна рѣчь слушаньемъ. Что говорятъ, тому и вѣрь, а то еще разскажи: гдѣ слышалъ, да какъ слышалъ, да когда слышалъ! Конца нѣтъ! Ну, пожалуй, разскажу, гдѣ слышалъ. Прислушайте: сегодня еще до обѣденъ отъ Дарьи Корытниковой, что, знаешь, живетъ бокъ-о-бокъ съ Плотниковыми; баба, надо сказать, умная, да промолвилась, знаешь, бабы дуры, золовка, а золовка-то, женское дѣло,—не утерпѣла, разсказала свекрови Шапкиной, а та, по пріятельству, сосѣдкѣ Ситниковой, а Ситникова, по кумовству, намъ; а я, жену, чтобъ дальше не проболталась, на запоръ, самъ навострилъ лыжи сюда, съ вами, братцы, подѣлиться новостями; теперь добѣгу до кумы Огарковой, да до кума Федотина. Грѣшно бы было и имъ не дать вѣсточки; чего добраго отъ другихъ прежде узнаютъ! (*Поспѣшно убѣгаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Огреневъ и Кладовъ.

Огреневъ.

Слышалъ, Прохорычъ? Вѣдь другому-то вѣкъ прожить, да этакой небывальщины не выдумать. *Слышны удары набатнаго колокола.* Чу! набатъ! Неужели Шамшуринъ? Кажись невозможно...

Кладовъ.

Чѣмъ лукавый не шутитъ! А можетъ-быть и пожаръ, и отъ того да избавитъ Господь. Эка невзгода!... (*Поспѣшно уходитъ съ Огреневымъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Декорація перемѣнляется, и представляетъ площадь, окруженную деревенскими домами. Въ сторонѣ церковь съ колокольнею; въ глубинѣ сцены лавки съ товарами. Площадь усѣяна жителями разнаго званія, въ числѣ которыхъ: Изволевъ, Радиловъ, Огнищевъ, Акининъ, Мининъ, Нефедъ, Данилычъ, Шамшуринъ, Бездушинъ и Прижимкинъ, а вскорѣ появляются Огреневъ и Кладовъ. Предъ домами у всѣхъ оконъ женщины и дѣти. Въ числѣ зрителей Татьяна, Маша и Петровна.

Одинъ изъ народа.

Ужъ не бѣда ли какая? Не гроза ли отъ недруговъ нашему Нижнему?...

Другой.

Вѣрно цаловать крестъ королевичу.

Третій.

Типунъ бы тебѣ на языкъ, съ твоимъ королевичемъ! Жили мы и безъ него; а онъ намъ не по нраву и не по сердцу. Къ чужому что-то душа не лежитъ.

Четвертый.

Не то, ребята! Рязанцы помочи просятъ. Шамшуринъ самъ читалъ имъ грамоту къ нашему воеводѣ.

Шамшуринъ.

Да, да, читать не читалъ, а слышать слышалъ.

Огреневъ.

Слышалъ, что звонили, да не узналъ гдѣ.

Данилычъ.

А вотъ подождемъ, такъ и узнаемъ.

Пятый изъ народа.

А я такъ навѣрное слышалъ, что гроза грозитъ нашему

Нижнему; злые недруги замышляютъ полонить и выпалить огнемъ всѣ низовые города Руси. Бѣда велика, а отвратить ее малы... Воевода нашъ не хочетъ взять на себя грѣха, дѣлать что-либо одною своею головою, и потому сзываетъ насъ на совѣтъ и рѣшенье.

Изволевъ.

Ежели такъ, то, по моему, каждому крѣпко стоять за свой городъ, и намъ Нижняго безъ боя не отдавать. Вооружиться всѣмъ отъ стараго до малаго, и оградясь постомъ и молитвою, бодро ждать недруга.

Радиловъ.

Наша рать подъ Москвою теперь, почитай, безъ пользы стоитъ... города не спасутъ, а она пропадетъ задаромъ, такъ не лучше ли воротить ее въ Нижній? Нашимъ здѣшнимъ надежнѣе будетъ.

Шамшуринъ.

Что больше силы, то больше отпору. Вѣдь недруги какъ налягутъ, да запалятъ изъ пищалей, такъ только держись знай! Пожалуй и небу жарко станетъ!

Огнищевъ.

Двухъ смертей не бывать, а одной не миновать; такъ честнѣе умереть теперь, сражаясь за вѣру и за отчіи домы, чѣмъ послѣ быть подъ латинскою властію, въ срамотѣ, можетъ-статься, въ работѣ египетской.

Бездушинъ.

Худой миръ лучше доброй ссоры. Куда намъ противъ вражьей силы?... Насъ много ли, а ихъ видимо невидимо! Такъ вѣрнѣе договориться съ ними, чтобы и волки сыты и овцы цѣлы были—дракою правъ не будешь. (*Въ народѣ замѣтно неудовольствіе.*)

Радиловъ.

Недолго проживутъ овцы, когда волки станутъ у нихъ воеводами.

Кладовъ.

Наше торговое дѣло; разныхъ обычаевъ не знаемъ, а думаемъ, что коли не такъ обширно мѣсто, то оборонить легче. Не надобно ль сжечь посады?

Прижимкинъ.

Вишь выдумалъ! Въ десятки годовъ кое-какъ сколотилъ домишко, а тутъ жги—больно хитеръ!

Бездушинъ.

Упаси Господи! Да этакъ сколько христіанскихъ душъ пойдутъ по міру!

Кладовъ.

Сирѣчь и твоя, Еремѣичъ? А врагъ одолѣетъ, лучше будетъ? Да что! вѣдь по вашему жить хоть въ Ордѣ, да только бы въ добрѣ. Вотъ каковъ ты Еремѣичъ! Какъ ваши домы пришлись въ посадахъ, такъ вамъ рѣчь моя и не по нраву; а какъ сосчитать, сколько душъ вы обобрали, да пустили по міру.... (*Въ народѣ хохотъ.*)

Бездушинъ.

Обида... безчестье... по судебнику Царя Ивана Васильевича.... (*Новый говоръ въ народѣ.*)

Нѣсколько голосовъ.

Тсъ! воевода идетъ говорить съ народомъ.

Изволевъ.

Милости просимъ.

Огревневъ.

Видно и впрямь важное дѣло. (*Говоръ умолкаетъ и народъ готовится къ слушанію.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже и Воевода, *предшествуемый нѣсколькими стрѣльцами.*

Воевода, *приподнимая шапку, кланяется по сторонамъ.*

Преименитаго Нижняго-Новагорода господа, дворяне и дѣти боярскіе и Нижняго же Новагорода головы и старосты и всѣ посадскіе, служилые и жилецкіе люди, и всѣ православные христіане! Всѣмъ вамъ уже вѣдома вѣсть, что думнаго дворянина и воеводы Прокофія Петровича Ляпунова попущеніемъ Божіимъ и великою людскою измѣною не стало. Между начальными воеводами подъ Москвою идутъ смуты; недруги Русскаго царства день ото дня берутъ верхъ, и изъ-подъ Москвы, отъ воеводы понизовой рати, князя Александра Андреича Репнина, пришла ко мнѣ грамота, что видно Господь въ конецъ прогнѣвался на Русскую землю и нѣтъ надежды на спасенье. По-крайней-мѣрѣ, по его милости, нашъ именитый и вѣрный славный городъ пребывалъ непричастнымъ измѣнѣ, а теперь за наши грѣхи, и въ средѣ насъ явились измѣнники, душепродавцы, втайнѣ замышлявшіе предать Нижній Ляхамъ. Въ Нижегородской землѣ измѣна дѣло несыханное! Прежде, чѣмъ назову преступника, предаю его на судъ народный; что приговоритъ міръ, тому и быть такъ; безъ лицепріятія, безъ послабленія.

Разные голоса.

Казнить его... замучить... вырвать языкъ... жерновъ на шею, да и въ матушку Волгу... побить каменіемъ.

Бездушинъ.

Не допустить и души до покаянія.

Прижимкинъ.

А животы и пожитки отписать на доносителя.

НЕФЕДЪ.

Не щадитъ виноватаго, будь онъ хоть кровный мнѣ; родная земля и честь Нижняго всего дороже.

МИНИНЪ.

Господинъ воевода! Судъ дѣло великое и снявши голову опять не приставишь. Есть ли улика и сознался ли обвиненный? Про измѣнниковъ въ Нижнемъ мы и отъ отцевъ не слыхивали.

ВОЕВОДА.

Доноситель готовъ цаловать крестъ — чего же больше? Козьма Минычъ! Ты лучше всѣхъ измѣнника знать долженъ: онъ тебѣ изъ самой ближайшей родни.

МИНИНЪ.

Мнѣ, Воевода? Ближе семьи, братьевъ, да Данилыча у меня нѣтъ, а за нихъ я, какъ за себя поручусь. Въ нашемъ родѣ предателей не бывало, да едва ли и во всемъ Нижнемъ найдутся они между православными.

БЕЗДУШИНЪ.

Высокоповелительный г. воевода! разрѣши недоумѣніе вѣренной тебѣ паствы, и ускори отдѣлить отъ овецъ козлище. Да казнитъ его судъ людской прежде суда Божія! Назови преступника.

ГОЛОСА ВЪ НАРОДѢ.

Назови его, воевода! Укажи, кто измѣнникъ?

ВОЕВОДА.

Измѣнникъ, православные! Могли ли всѣ вы, и могъ ли я самъ ожидать этого, измѣнникъ здѣсь, посреди насъ! (*Указывая на Минина.*) Вотъ онъ! *При послѣднихъ словахъ воеводы народъ дѣлаетъ движеніе впередъ, но увидѣвъ, что указано на Минина, останавливается въ удивленіи и недоумѣніи.*)

Мининъ.

Я измѣнникъ? Господинъ воевода! если бы ты не собралъ насъ всѣхъ на мірскую сходку и не говорилъ бы съ нами подлѣ Божьяго храма, я почелъ бы слова твои шуткою, но здѣсь ей нѣтъ ни мѣста, ни времени. Въ какой же измѣнѣ винятъ меня и чей языкъ могъ поворотиться доноса изменну на Козьму Минина?

Воевода, *указывая на Прижимкина.*

Доноситель на лицо. Ты, Мининъ, употребляя во зло общее къ тебѣ почтеніе и довѣріе, склонялъ Прижимкина участвовать въ тайномъ уходѣ къ Ляхамъ. Ты не собралъ ли въ твоемъ домѣ все золото, серебро, каменья и жемчугъ, чтобы тайкомъ увезти ихъ изъ Нижняго? Ты замыслилъ подвесть Ляховъ въ расплохъ подъ нашъ городъ и предать имъ родину?

Мининъ, *послѣ нѣкотораго молчанія.*

Я,—измѣнникъ!... Ну, коли такъ, воевода и вы всѣ православные люди, такъ отдаюсь вамъ безъ прекословья—судите и казните. Можетъ-быть, Господь услышалъ мою молитву, и смерть моя нужна въ число жертвъ, для искупленія отчизны отъ позора и плѣна. Благодарю Создателя, если Онъ и меня къ тому избралъ. Не откажите только дать время благословить кровныхъ и принести предъ Богомъ послѣднее покаяніе. Вѣдь нѣтъ человѣка безгрѣшнаго....

Бездушинъ.

Премудрый воевода обѣщалъ поступить по приговору народа, безъ лицепріятія и послабленія, а впрочемъ мое дѣло сторона. Во всемъ здѣсь творящемся умываю руки. О! прости Господи великаго грѣшника: человѣкъ есть.

Нефедъ.

Батюшка, я раздѣлю твою участь, если міръ и законъ требуетъ твоей казни. Господинъ воевода! Отецъ мой невиненъ, клянусь вамъ всѣмъ, что невиненъ! Это клевета, козни лбединческіе! Прижимкина я не видывалъ въ нашемъ домѣ,

да и отецъ мой не любитъ водиться съ этимъ противнымъ семянемъ.

Голоса въ народѣ.

Тутъ что-нибудь да не такъ... А почему знать, кого не искуситъ лукавый... Жаль Минина.

Маша, *прибѣгаетъ и бросается на колѣни предъ Воеводою.*

Помилуй! пощади! не казни родимаго! Что же мы безъ него будемъ? Для спасенья его я готова на все, даже быть женою Еремѣича, только пощади и помилуй!

Бездушинъ, *тихо.*

Ага, наша взяла! Какъ жутко пришло, такъ и сама напрашивается.

Мининъ.

Маша, не напоминай о Бездушинѣ. Пусть умру я безъ покаянія, а на этотъ бракъ благословенія ужъ не дамъ.

Татьяна, *прибѣгаетъ вскорѣ за Машей.*

Клеветники, нехристи! Да разразится надъ вами громъ Господень! Козьма Миничъ! неужто ты и оправдать себя не захочешь?

Мининъ.

Мнѣ оправдываться? Да развѣ какая-нибудь великая вина тяготитъ мою душу? А цаловать крестъ, къ чему приведетъ это? Вѣдь и Прижимкинъ его поцалуетъ. (*Къ народу.*) Я вашъ, добрые люди: жду вашего суда и осужденія.

(*При этихъ словахъ Бездушинъ подаетъ знаки стрѣльцамъ, чтобъ они подошли къ Минину. Двое или трое подходятъ къ нему. Жена и дѣти Минина бросаются къ нему*).

Воевода.

О, какъ тяжело быть градоправителемъ и творить судъ правый....

Кладовъ, *Огреневу*.

Прижимкинъ доноситель! Да знаешь, сосѣдъ, что пришло мнѣ въ голову; помнишь, какъ давича, онъ бесѣдовалъ съ Бездушинымъ? Вѣдь мы тогда же смѣкнули, что вѣрно не даромъ. Почему знать....

Огневъ.

И въ-самомъ-дѣлѣ! А вотъ пощупаю Прижимкина. Послушай-ко, Терентьичъ; ты вотъ также ходишь въ Божію церковь, и покаянье приносишь, и Даровъ пріобщаешься; подумалъ ли же ты о послѣднемъ твоемъ часѣ и о томъ, какой дашь отвѣтъ за то, что лишилъ жизни безвиннаго? Отъ людскаго то суда ты уйдешь, а отъ Божьяго не упрячешься.

Прижимкинъ, *испугавшись*.

Зарѣзалъ? кого зарѣзалъ? да, зарѣзалъ... (*Падаетъ въ ноги воеводѣ.*) Согрѣшилъ воевода, неволею согрѣшилъ, въ хмѣлю сотворилъ злодѣяніе, спроси хоть у Еремѣича. За то въ семь недѣль изо дня въ день по убитомъ поминки служилъ, а и теперь, что утро да вечеръ, то по трижды три земныхъ поклона кладу. Не погуби, отпусти душу на покаяніе....

Бездушинъ.

Чуръ меня.... Онъ никакъ съ ума спятилъ.

Воевода.

Не понимаю тебя, Терентьичъ; ты говоришь, какъ въ бреду. Кого же ты извелъ?

Прижимкинъ.

Его, воевода, его, купца Иволгина....

Воевода.

Иволгина!

Голоса въ народѣ.

Иволгина? Такъ вотъ кто его извелъ?

ПРИЖИМКИНЪ.

Смилуйся, воевода! Бѣсъ въ грѣхъ впуталъ: шли съ покойникомъ изъ гостей, да дорогой повздорили, оба въ хмѣлю были, а я и ударилъ его. Самому жаль стало, да мертваго не воскресишь. Побѣжалъ къ Еремѣичу, а онъ и пособилъ изъ бѣды выпутаться. Я думалъ, что онъ только одинъ про то вѣдаетъ, а вижу, что и другіе подмѣтили. Виноватъ, безъ оправданія виноватъ!

БЕЗДУШИНЪ.

Лжетъ! Не вѣрьте ему: онъ или хмѣльной, или сумасшедшій!

ШАМШУРИНЪ.

Хмѣльной! А что у хмѣльнаго на языкѣ, то у трезваго на умѣ.

ОГРЕВНЕВЪ.

Вязалъ сѣти другому, да самъ попалъ. (*Прижимкину, указывая на Бездушина.*) Такъ не онъ ли же давича училъ тебя и доносу на Минина?

ПРИЖИМКИНЪ.

Онъ, кормилецъ, убей Богъ, онъ! Застращалъ, да заобѣщалъ, предатель проклятый, только меня въ бѣду ввелъ. Не погубите честные, люди!

ВОЕВОДА.

Подлинно велики чудеса твои, Господи! Въ одинъ мигъ оправдалъ ты праваго и открылъ сокровенное злодѣяніе. Такъ мы, люди, судимъ часто въ слѣпотѣ своей, и осуждая безвиннаго, освобождаемъ отъ суда и наказанія виноватаго. (*Въ продолженіе этихъ словъ, Бездушинъ старается ускользнуть въ толпу народа и скрыться. Но одинъ его схватываетъ за воротъ и проталкиваетъ къ воеводѣ.*)

ГОЛОСА ВЪ НАРОДѢ.

Держите его... не отпускайте... къ суду его!

Огнищевъ.

А вотъ и еще преступникъ. Кайся, искуситель!

Бездушинъ, *падая на колѣни.*

Грѣшенъ, предъ Богомъ и людьми грѣшенъ! На старости любовишка попутала и нечистый ввелъ во искушеніе. Научилъ Прижимкина всклепать на Минина.

Воевода.

И я, доживъ до сѣдыхъ волосъ, едва не опозорилъ себя и своей памяти осужденіемъ безвиннаго. Прости и обними меня, Козьма Миничъ. (*Обнимаетъ Минина*). Предъ всѣмъ народомъ прошу у тебя прощенія и забвенія.

Мининъ.

Въ чемъ мнѣ прощать тебя, воевода? Ты исполнялъ долгъ свой, и безъ Божіей воли на землѣ ничего не дѣлается.

Татьяна.

Слава-те Господи! отъ души отлегло. Ахъ, они бусурманы! Да что задумали!

Маша.

Вотъ матушка, и сонъ мнѣ не даромъ привидѣлся: быть-было горю, бѣдѣ неминучей.

Воевода.

Козьма Миничъ! выдаю тебѣ обоихъ преступниковъ головою; твори надъ ними, что вздумаешь. (*Бездушинъ и Прижимкинъ падаютъ на колѣни передъ Мининымъ и наклоняются головою до полу.*)

Мининъ *отводитъ занесенную руку.*

Не мнѣ быть судьею и палачомъ, господинъ воевода! Прикажи встать имъ, мнѣ они зла не сдѣлали, а за то, что хотѣли сдѣлать, я прощаю имъ, да и тебя прошу позабыть. Теперь дѣло уже прошлое.

ОГРЕНЕВЪ.

Ну, Мининъ! намъ всѣмъ поучиться у тебя христіанскому смиренію. Былъ ты у всѣхъ насъ въ почтеніи и довѣріи, а теперь будешь и еще болѣе.

ВОЕВОДА.

Ты властенъ, Миничъ, по добротѣ души твоей простить виноватыхъ, но законъ велитъ судить ихъ за открывшееся убійство. Стрѣльцы! уведите ихъ и закуйте въ желѣза!

(*Трое стрѣльцовъ, по двое по сторонамъ, а одинъ назади уводятъ подъячихъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢЖЕ, КРОМѢ БЕЗДУШИНА И ПРИЖИМКИНА.

ОГРЕНЕВЪ.

Однако, сходка наша еще не кончена. Коли Прокофья Петровича уходили, да нашимъ подъ Москвою такъ плохо, такъ скоро и до насъ дойдетъ очередь. Надобно жъ подумать о Нижнемъ. Вѣдь не принимать же незваныхъ гостей безъ гостинцевъ.

РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

Вѣстимо, что такъ... не поддадимся Ляхамъ, укрѣпимъ городъ пуще нынѣшняго... за Нижній свой постоимъ! Нижняго своего безъ боя не выдадимъ!

МИНИНЪ.

Господинъ воевода, и вы всѣ православные люди, позвольте и мнѣ грѣшному словечко молвить. Можетъ-быть, изъ моихъ рѣчей что-нибудь къ дѣлу пригодится.

ВОЕВОДА.

Говори, Миничъ! Ты уже не разъ на мірскихъ сходкахъ

давалъ благіе совѣты, и Нижегородцы еще не каялись, что имъ слѣдовали.

Голоса въ народѣ.

Говори, Козьма Миничъ, просимъ!

Мининъ, *кланяясь народу.*

Коли такъ, православные, такъ позвольте уже высказать все, что лежитъ на сердцѣ. И давича и теперь я слышалъ рѣчь про Нижній. По моему малому уму, не о Нижнемъ намъ теперь думать, а думать о Москвѣ, гдѣ вся наша Святыня, гдѣ палаты всѣхъ нашихъ великихъ царей, и гдѣ опочиваютъ тѣлеса ихъ! Не Нижній намъ отстаивать, а отстаивать и спасать Москву. Русь безъ Нижняго простоитъ, а не станетъ Москвы, сердца Русскаго Царства, такъ что станетъ съ этимъ царствомъ, братцы-Нижегородцы? Гибнетъ Русь, и никто изъ ея чадъ не подаетъ ей помочи! Дѣти земли Русской! Ужели не исполнилась мѣра нашего долготерпѣнія? Ужели въ конецъ забыли мы Господа Бога, и не постоимъ за матерь нашу? Коли отчизнѣ грозитъ погибель, ужели кто изъ насъ всѣхъ для спасенья ея пожалѣетъ, не только казны, но крови, и самой жизни?

Голоса въ народѣ.

Никто! всѣ идемъ! всѣ готовы!

Мининъ, *продолжая рѣчь.*

Не медля вооружимъ сильную рать, а для содержанія ея отдадимъ все наше серебро и золото; мало того—распродадимъ наше имущество, заложимъ жонъ и чадъ нашихъ. Ляжемъ всѣ, но святыхъ мощей, царскихъ гробовъ и чести своей, живые на поруганье врагу не оставимъ! Съ нами Богъ и кто же на ны?

Голоса въ народѣ.

Выкупимъ! постоимъ за матушку Москву, и за всю Русскую землю. Спасемъ Русь... не пожалѣемъ живота... Съ нами Богъ!

Мининъ.

Все мое достояніе, трудами отцевъ и моими нажитое! казну, домъ, кровь мою и семью... все жертвую для спасенья Русскаго царства!

Голоса въ народѣ.

И мы наше... гибни все, но воскресни Русь!

Изволковъ.

Спасибо, Миничъ! Люба намъ рѣчь твоя, она Рускому по сердцу. Не только собрать ратныхъ людей и отдать для нихъ наше имущество, мы сами идти готовы; но кто же будетъ предводить нами? Кто будетъ у насъ ратнымъ воеводою? Вѣдь нашему воеводѣ оставить городъ нельзя.

Огревевъ.

Кто, кромѣ Минича! Онъ началъ благое дѣло, пусть онъ же и довершаетъ его. Вѣдь ратное дѣло бывало ему не обычай.

Воевода.

Предъ провозвѣстникомъ спасенія Руси, я первый преклоняю голову.

Народъ, *Мининy*.

Будь воевода, гдѣ ты, тамъ и мы!

Мининъ, *кланяясь воеводѣ и народу*.

Много милости, но да идетъ она мимо меня недостойнаго. Гордому Богъ противится, а смиренному благодать посылаетъ. Не мнѣ, темному человѣку, подлежитъ именитый санъ воеводы; въ большемъ мѣстѣ сидѣть, надо много ума имѣть.

Воевода.

Козьма Миничъ! Не то теперь время, чтобы вести счеты о

знатности, да о старѣйшинствѣ рода! Теперь тотъ боляринъ, кто больше другихъ болитъ душею о язвахъ родной земли, и кто же будетъ головою нашей рати, ежели ты, виновникъ началу священнаго земскаго дѣла, ежели ты не станешь надъ нею?

Мининъ.

Не я стану, а станетъ тотъ, кому принадлежитъ эта честь, по праву рожденья и разума. Онъ отъ насъ не за горами и знаемъ здѣсь всѣми, отъ стараго до малаго.

Голоса въ народѣ.

Кто же? Назови, Козьма Миничъ!

Мининъ.

Стольникъ и Воевода, Князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Онъ живетъ возлѣ нашего Нижняго, въ своей отчинѣ, и врачуетъ тяжкія свои раны, за отечество полученныя. Намъ извѣстна свѣтлая душа его, а недруги знакомы съ его могучею рукой. Любь ли вамъ Князь Димитрій Михайловичъ?

Народъ.

Любъ! да будетъ онъ у насъ воеводою!

Воевода.

Господь наставилъ тебя, Миничъ, назвать достойнаго воеводу; но вѣдь и самъ и ты знаешь, князь боленъ отъ ранъ, не встаетъ съ одра.

Мининъ.

Кто намъ далъ единомыслiе, тотъ и князю подастъ силы. Всѣ мы, Нижегородцы, пойдемъ къ избранному воеводѣ, падемъ ницъ передъ нимъ, и не встанемъ доколѣ не получимъ согласiя. Понесемъ Князя на раменахъ нашихъ, только бы онъ, наша надежа, предводилъ нами.

Изволевъ.

Да будетъ по твоему; да будетъ князь Димитрій Михайловичъ нашимъ и всѣхъ понизовыхъ городовъ воеводою; а ты, Козьма Миничъ, — грѣхъ на тебѣ и на дѣтяхъ твоихъ, если откажешь, — будь у насъ первой по князѣ! будь хранителемъ всей казны, какая у насъ соберется! будь отъ Нижняго Новагорода, отъ всей Русской земли выборнымъ человѣкомъ!

Голоса въ народѣ.

Будь выборнымъ! храни казну нашу... все тебѣ ввѣряемъ!

Воевода.

Гласъ народа, гласъ Божій, Козьма Миничъ. По всему видимъ, что Царь Царей избралъ тебя на великое дѣло.

Мининъ.

Не по силамъ, не по разуму и не по заслугамъ мнѣ честь, православные люди! Но исполню волю вашу по совѣсти. Боже праведный! помоги мнѣ снести бремя, на меня возлагаемое.

Воевода.

А я пойду въ соборную церковь, гдѣ весь духовный синклитъ ждетъ, чѣмъ окончится наше сходбище. Возвѣщу ему о нашемъ рѣшеніи и единомысліи. *Идетъ въ соборъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ дворянъ и стрѣльцовъ.*

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣже, кромѣ Воеводы *и сопровождающихъ его.*

Огрѣневъ.

А не пора ли и намъ къ дѣлу? Пойдемъ въ домы наши

и соберемъ все, что̀ сможемъ удѣлить. Кто постоитъ за лишнимъ, когда грѣхъ пожалѣть и о нужномъ?

Голоса въ народѣ.

По домамъ братцы! ни за чѣмъ не постоимъ!

Татьяна.

Теперь и сама отдамъ послѣднюю запонку.

Мининъ, *останавливая народъ.*

Приношенія не уйдутъ, было бы усердіе, а его намъ не занимать стать. Прежде всего возблагодаримъ Господа силъ, что Онъ, Всеблагій, ниспослалъ намъ единомысліе. Будемъ молить Его, да осѣнитъ Онъ Своимъ Святымъ покровомъ наше дружное начинаніе, а тамъ всѣмъ соборомъ къ Князю Димитрію Михайловичу. Онъ поведетъ насъ на спасеніе Москвы и царства!

ЯВЛЕНІЕ XI и ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣже и Воевода, *со знаменемъ въ рукѣ, сопровождаемый дворянами и стрѣльцами. Народъ раздается.*

Воевода

Весь священный синклитъ ожидаетъ насъ въ соборѣ. Онъ поручилъ мнѣ передать тебѣ, выборному человѣку, эту хоругвь. Она та самая, которая бывала съ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ, во всѣхъ его бояхъ съ недругами Русскаго Царства и которую, онъ, возвратясь раненый, поставилъ у насъ въ соборѣ. Теперь настала ей

опять чреда развиться передъ храбрыми дружинами нижегородскими. Прими ее, Козьма Минычъ, и да будетъ она для насъ...

Мининъ, *принимая знамя.*

Знаменіемъ побѣды и избавленія! Теперь принесемъ нерушимый обѣтъ, всѣмъ намъ за православную нашу Вѣру и за наше великое Государство стоять, другъ отъ друга не отставать, другъ друга не выдавать и просить у Бога на Царство Царя отъ крови Русской, и тому Государю служить вѣрой и правдой! Кто-же изъ насъ измѣнитъ, не буди на томъ благодать Божія, и да будетъ тотъ проклятъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ!

Народъ.

Да будетъ!

Мининъ.

Братья! русскіе люди! Будущее въ рукѣ Божіей, наше дѣло отслужить Государству по силамъ и совѣсти, какъ служивали наши отцы и дѣды, да не укорятъ насъ ни дѣти, ни внуки, ни други и ни недруги. Русскаго имени не посрамимъ! Тамъ, чѣмъ Господь благословитъ, а ужъ за вѣру, отца, за домъ Царей, и за честь свою дружно постоять разумѣемъ. Управлялась Русь съ чужеземщиной, да и теперь управится!

Народъ.

Ура!

Народъ въ предшествіи Воеводы и Минина, при колокольномъ звонѣ идетъ къ собору.

На авансценѣ является декорація: въ живой картинѣ из-

образована часть Красной-площади въ Москвѣ съ памятникомъ Минину и Пожарскому и съ надписью на пьедесталѣ: Гражданину Минину и Князю Пожарскому, благодарная Россія 1818 года. Играетъ оркестръ, и за тѣмъ уже занавѣсъ опускается).

Конецъ.

СЛУЧАЙ.

—

Разсказъ.

—

Пароходъ «Михаилъ» уже готовъ былъ совсѣмъ къ отплытію въ Кронштадтъ, чтобы доставить туда пассажировъ со всѣми вещами на пароходъ Storfursten, на которомъ они должны были отправиться въ Ревель и Гельсингфорсъ. Палуба парохода и пристань были залиты народомъ; родные и знакомые, прощаясь, плакали, какъ-будто отправлялись въ какое-нибудь кругосвѣтное плаваніе; только въ самой кормѣ можно было замѣтить двухъ человѣкъ, которые, какъ кажется, очень хладнокровно разставались съ Петербургомъ и со всѣмъ, что въ немъ есть. Одинъ изъ нихъ былъ мужчина уже лѣтъ 45, въ буркѣ и въ военной фуражкѣ; онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на сцены разставанья, и напѣвалъ подъ сурдинку какой то мотивъ. Другой былъ молодой морякъ, около 25-ти лѣтъ; усѣвшись на гакартѣ онъ, казалось, ни о чемъ недумалъ, и по видимому расслагался, какъ-бы заснуть, зная, что пароходъ, такъ нагруженный, не скоро привезетъ его въ Кронштадтъ. Съ наслажденіемъ потягиваясь, онъ уже прислонялся къ флагштоку, и вдругъ былъ исполнить свое намѣреніе; но вдругъ какъ-будто отъ сильнаго гальваническаго удара, онъ вскочилъ, бросился къ

борту, и только что успѣлъ схватить за руку даму, которая, какъ бы забыла, что она на пароходѣ, и прощаясь съ какимъ-то офицеромъ, стоявшимъ на пристани, незамѣтно подалась къ тому мѣсту парохода, гдѣ нѣтъ перилъ; если бы ее не удержалъ морякъ, она непремѣнно бы упала въ воду. Получивъ за свой подвигъ только одно merci, нашъ герой опять отправился на свое мѣсто, но уже теперь ему было не до сна; хотя онъ едва видѣлъ ту, которой подалъ помощь, но однако успѣлъ замѣтить, что она была очень хороша собой; только что онъ началъ думать какъ бы вступить съ ней въ разговоръ, какъ пароходъ отвалилъ отъ пристани, и медленно шевеля своими колесами, пошелъ внизъ по рѣкѣ.

— А что, г. морякъ, мы, кажется, выбрали съ вами самыя лучшія мѣста на пароходѣ: и удобно и выгодно? началъ офицеръ въ буркѣ.

— Да, и вы видѣли, кажется, что я успѣлъ уже воспользоваться выгодами моего положенія; отсюда видна вся палуба со всѣмъ ея народонаселеніемъ.

— Да, какъ же, видѣлъ; вы, молодые люди, всегда успѣете подать помощь хорошенькой женщинѣ.

— А развѣ вы, полковникъ, не сдѣлали бы тоже самое, если бы увидали прежде меня?

— Ну, да, конечно. А знаете ли вы, кто эта дама?

— Нѣтъ, я въ первый разъ ее вижу.

— Ну, такъ я вамъ скажу, чтобы вы были немного осторожнѣе, и берегли свое сердце. Она вдова. Вы видите подлѣ нея мальчика лѣтъ 4-хъ, — это ея сынъ. Въ первый годъ замужства лишившись мужа, она поступила подъ защиту своего роднаго брата, полковника Карина, съ которымъ она теперь прощалась. Эта женщина многихъ уже свела съ ума своимъ кокетствомъ. Позволивъ сперва нѣкоторыя вольности въ обращеніи, она завлекала несчастнаго, который ей попадался, но черезъ двѣ или три недѣли бросала его и принималась за кого-нибудь другого. Я это все вамъ говорю для того, чтобы вы не дались ей на удочку.

— О, полковникъ, за меня не бойтесь! Если я очень скоро и влюбляюсь въ женщину, то еще скорѣе могу ее разлюбить, и

умну съ ея стороны невниманіе или хладнокровіе ко мнѣ. Да, впрочемъ, я съ ней еще и не познакомился.

— Это совсѣмъ не такъ трудно, какъ вы думаете. Подите къ ней теперь же, и благодарите ее за то, что она доставила вамъ случай быть ей полезнымъ, и что вы бы желали, чтобъ она совсѣмъ упала въ воду. Услуга была бы еще важнѣе, если бъ вы ее вытащили изъ воды.

— Въ самомъ дѣлѣ, я послѣдую вашему совѣту. Это будетъ чрезвычайно оригинально: начать знакомство, пожелавъ ей, чтобъ она упала въ воду.

Сказавъ это, молодой морякъ всталъ и началъ пробираться по пароходу къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла вдова; но это было не легко; поминутно надобно было прыгать черезъ ящики, корзины, и лавируя между столпившимися пассажирами, извиняться на-право и на-лѣво. Но однако же, кое-какъ, минуя множество препятствій, онъ добрался до цѣли своего плаванія, и только что хотѣлъ начать приготовленную рѣчь, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то сзади крѣпко обнимаетъ его, и въ тоже время какой-то пискливый голосъ подъ самымъ его ухомъ закричалъ:

— Спиридонъ Артемьичъ, какъ вы, батюшка, сюда попали?

Быстро обернулся нашъ морякъ, и съ изумленіемъ разсматривалъ маленькую фигуру, которая стояла передъ нимъ съ растопыренными руками. Это былъ маленькій, толстенькій человѣкъ, въ огромной круглой шляпѣ, въ пальто гороховаго цвѣта, съ прищуренными отъ удовольствія глазками. Онъ готовъ былъ опять повторить свое лобзаніе, но увидѣвъ передъ собой совсѣмъ незнакомаго человѣка, и видя, что онъ ошибся, смѣшался, началъ ретироваться, бормоча что-то въ родѣ извиненія, наступилъ на ногу какой-то старухѣ, и получивъ эпитетъ невѣжи, совсѣмъ сконфузился и при разразившемся хохотѣ всего парохода, съ шумомъ скатился по трапу въ кормовую каюту. Но это происшествіе сбило и нашего героя; онъ забылъ свою роль, и стоя спиной къ своей дамѣ, хохоталъ отъ души надъ несчастіями маленькаго человѣка. Если бъ она сама не начала съ нимъ разговора, онъ, можетъ-быть, забылъ бы начатое, и не подошелъ бы къ ней.

— Я еще не поблагодарила васъ за мое спасеніе, сказала она,

довольно исчисто выговаривая слова по-русски, что даже замѣтно, что она иностранка.

— Напротивъ, я долженъ васъ благодарить за то, что вы задумались чуть-чуть не упасть за бортъ; даже я бы желалъ, чтобъ вы совсѣмъ упали, чтобъ показать вамъ, что для вашего спасенія я готовъ броситься въ воду.

— Благодарю за желаніе; оно только показываетъ мнѣ, что вы большой эгоистъ и что вы рады бы были бросить меня въ воду, чтобы доставить себѣ удовольствіе спасти меня, не спрашивая, пріятно ли бы это было мнѣ.

— Боже мой! не разсердились ли вы за мое пустое желаніе?

— О! нѣтъ! нисколько. Я знаю, что вы сказали это не отъ души, и прощаю васъ съ удовольствіемъ. Только вы должны сказать мнѣ, кто это сидѣлъ съ вами тамъ, у флага?

— Это полковникъ Хернбергъ. Онъ служитъ на Кавказѣ, дрался съ горцами, теперь пріѣхалъ въ Петербургъ, взялъ отпускъ, и ѣдетъ лечиться въ Гельсингфорсъ или въ Ревель, не знаю навѣрное.

— Хернбергъ! Я что-то слышала эту фамилію прежде. Какъ это досадно, что онъ тоже ѣдетъ вмѣстѣ съ нами въ Гельсингфорсъ, М-г....?

— М-г Ольтовъ. М-me....?

— М-me Вестергардъ. А скоро мы придемъ въ Кронштадтъ М-г Ольтовъ?

— Я опять боюсь сказать, что желалъ бы, какъ можно долѣе не придти туда, чтобы имѣть больше времени видѣть васъ и говорить съ вами; но вы опять сочтете это за эгоистическія желанія.

— О! вы ужъ начинаете говорить комплименты: я ихъ не люблю!

— Нѣтъ, это не комплименты; я привыкъ говорить все то, что чувствую, и говорю всегда прямо, не выбирая окольныхъ дорогъ. Только-что вы вошли на пароходъ, я уже васъ замѣтилъ и отличилъ отъ всѣхъ дамъ, какія здѣсь есть, потому что вы такъ хороши, что....

— Это, кажется, ужъ Петергофъ видѣнъ, М-г Ольтовъ?

— Не вижу.

— Да вы не туда смотрите.

— Я смотрю на васъ.

— Перестаньте, довольно; посмотрите, какъ вашъ полковникъ сердито на васъ смотритъ; хорошо, что онъ не слышитъ, что вы мнѣ тутъ наговорили, а то онъ бы васъ побранилъ.

— А вы?

— Я васъ послѣ побраню, а теперь прощайте. Я пойду въ каюту. Кажется собирается дождь.

И точно, погода, до-сихъ-поръ прекрасная, начала портиться; сдѣлалось чувствительно холодно, вѣтеръ усилился, и началъ накрапывать маленькій дождь. Тогда на пароходѣ все пришло въ движеніе: кто имѣлъ право, тотъ ушелъ внизъ, въ каюту. Ольтовъ, хотя имѣлъ мѣсто внизу, но закутавшись въ шинель, со стоическимъ хладнокровіемъ выдерживалъ всѣ непріятности погоды. Полковникъ тоже, подъ защитою своей бурки, оставался на верху. Пароходъ подходилъ уже къ Кронштадту. Видъ рейда и кораблей, стоявшихъ на якорѣ, привлекалъ вниманіе молодаго моряка; страстно любя свою службу и море, онъ только по особеннымъ обстоятельствамъ не могъ втти это лѣто въ компанію, и потому какъ-бы съ нѣкоторою завистью смотрѣлъ на офицеровъ, находившихся на корабляхъ, которымъ предстояло скоро отправиться въ плаваніе. Но онъ скоро долженъ былъ оставить свои наблюденія чтобы позаботиться о переноскѣ своихъ вещей съ Михаила на Сторфурстенъ. Черезъ полчаса эта операція была кончена, а черезъ часъ пароходъ, гордо разсѣкалъ волны, отправляясь въ обычное свое путешествіе до Стокгольма и обратно. Всякой, кому хоть разъ удалось быть въ какомъ-нибудь путешествіи, продолжавшемся болѣе сутокъ, знаетъ, сколько предстояло нашему моряку случаевъ быть полезнымъ своей дамѣ, которая тоже, съ своей стороны, не упускала ничего, чтобы совершенно завладѣть молодымъ человѣкомъ, такъ что вечеромъ они между собой были какъ будто самые старинные знакомые. Полковникъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на молодаго Ольтова, и видѣлъ, что его совѣты нисколько не помогли, и что морякъ совершенно покорился сухопутной силѣ. Вечеромъ, къ 10-ти часамъ, погода

сдѣлалась еще хуже; вѣтеръ засвѣжѣлъ, повернулъ къ сѣверу, и своими холодными порывами пронялъ большую часть пассажировъ по каютамъ. На палубѣ не слышно было ни разговоровъ, ни пѣсень; шкиперъ, едва стоя на ногахъ отъ большой качки, хмурился болѣе и болѣе, вмѣстѣ съ погодой; темныя облака, подвигаясь съ навѣтру, облегли почти весь горизонтъ; все предвѣщало, что ночь пройдетъ не очень спокойно. Только двое изъ жителей парохода, кажется, забыли и погоду и все ихъ окружающее; дружно пріютившись въ одинъ уголокъ на ютѣ, они защищали одинъ другаго отъ брызговъ, которыя летѣли отъ ударовъ воды на пароходъ.

— Однако жъ, послушайте, М-г Ольтовъ, это не опасно, что такой сильный вѣтеръ, мы вѣдь не потонемъ? спросила довольно слабымъ голосомъ г-жа Вестергардъ. По ея холодному лицу видно было, что она начинала уже чувствовать непріятное послѣдствіе качки; но ея красота ничего отъ этого не потеряла; напротивъ она сдѣлалась еще болѣе интереснею, потому Ольтовъ, находившійся все еще подъ вліяніемъ ея магической силы, отвѣчалъ со всѣмъ жаромъ юноши:

— Я бы желалъ, чтобъ насъ выкинуло на необитаемый островъ. О! какъ бы я былъ тогда счастливъ!

Проговоривъ эту блистательную глупость, онъ замолчалъ и, можетъ-быть, думалъ уже, какъ развести колонію на томъ островѣ куда ихъ выкинетъ, какъ громкій смѣхъ его собесѣдницы заставилъ его сойти съ небывалаго острова.

— О! М г Ольтовъ, вы совсѣмъ не такой прозаикъ и холодный наблюдатель жизни, какъ вы мнѣ про себя говорили, если у васъ иногда раждаются идеи, подобныя этой Но хорошо, что этого не случится, что вы все это выдумали для своего удовольствія, потому что мы плывемъ въ Финскомъ заливѣ, гдѣ, кажется, нѣтъ необитаемыхъ острововъ, да и ураганы не такъ часто случаются. Однако жъ вамъ должно быть очень холодно въ одной вашей шинели, подвиньтесь ко мнѣ поближе, я закрою васъ своимъ салопомъ, вамъ будетъ теплѣе.

Съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее Ольтовъ, но, конечно, съ восторгомъ исполнилъ ея желаніе, и вскорѣ на пароходѣ все

спокойно, только въ счастливомъ уголкѣ слышался непрерывный разговоръ.

На другой день рано утромъ проснулся нашъ герой, если только онъ спалъ, и тихонько высвободившись изъ сладкихъ салона, быстрыми шагами началъ ходить по пароходу. Видно было, какъ кровь кипѣла въ молодомъ человѣкѣ; лицо его было блѣдно, но черезъ минуту покрывалось вдругъ особеннымъ румянцемъ, потомъ опять принимало свой прежній цвѣтъ; голова его была занята Богъ знаетъ чѣмъ, такъ что онъ и не замѣтилъ, какъ сошелся съ полковникомъ Херибергомъ.

— Здравствуйте, любезный морякъ, вы ужъ не хотите больше знать прежнихъ своихъ знакомыхъ; вы такъ занялись своей дамой, что совсѣмъ спустили флагъ и сдались безъ всякой капитуляціи.

— Полковникъ, перестаньте шутить; вы не понимаете этой женщины. Ея вольное обращеніе со мной доказываетъ только то, что она надѣется на мое благородство и на свои силы. Эта женщина со своей красотой, граціей и умомъ можетъ изъ всякаго мужчины сдѣлать все, что она хочетъ. Да, вы видите: меня, холоднаго скептика и человѣка, который боялся женщинъ, который убѣгалъ ихъ общества, она заставила въ себя влюбиться. Не смѣйтесь, полковникъ, я влюбленъ и влюбленъ такъ, какъ вы, конечно, никогда не любили и не можете любить.

— Послушайте, Ольтовъ, мнѣ васъ жаль, потому-что я знаю эту женщину. Не хотите ли держать со мной пари, что по пріѣздѣ въ Гельсингфорсъ она непремѣнно найдетъ себѣ кавалера, конечно побогаче, да и немного полюбезнѣе васъ, потому-что вы со своимъ меланхолическимъ и довольно скучнымъ характеромъ не можете долго нравиться ни какой женщинѣ; повѣрьте, что немного есть и мужчинъ, которые бы вполнѣ поняли вашъ благородной и прямой характеръ, вашу душу, открытую для всѣхъ чистыхъ и возвышенныхъ чувствъ, и ваше сердце, хоть гордое, но слишкомъ слабое, чтобъ устоять противъ обольщеній свѣта.

Молча подалъ руку полковнику молодой морякъ, и тихо отошелъ вспорону. Полковникъ послѣдовалъ за нимъ.

— Я знаю, вы не разсердитесь на меня за мои слова, но вы боитесь признаться, что все, что я сказалъ — правда, и потому по-

император сказал: бросьте эту женщину, забудьте ее, и будьте уверены, что эта любовь также скоро пройдет, как и родилась.

— Послушайте, полковник, если все то, что вы сказали про г-жу Вестергардъ, правда, и я точно буду вскоре замѣнена другимъ, если я увижу опять холодность и невнимательность ко мнѣ, тогда.... тогда, вы знаете мой характеръ, что я такихъ женщинъ ненавижу какъ и люблю, и что я такихъ умѣю отмѣчать, — обидой за обиду!

— Да развѣ вы забыли, что она женщина. Мстить женщинѣ и обижать ее не въ вашемъ характерѣ, и я знаю, что вы этого не сдѣлаете.

— Увидимъ, что будетъ, а теперь прощайте, полковникъ; она проснулась, надо итти къ ней.

И точно г-жа Вестергардъ уже встала, и съ улыбкой встрѣтила подбѣжавшаго къ ней Ольтова. Весело и беззаботно начался и этотъ день на пароходѣ, и Ольтовъ могъ его причислить къ однимъ изъ счастливѣйшихъ дней своей жизни. Безпрестанно угождая своей дамѣ, онъ каждый разъ былъ вознаграждаемъ или улыбкой, или дружескимъ пожатіемъ руки. Въ одиннадцать часовъ утра въ этотъ же день пароходъ пришелъ въ Ревель, высадивъ бо́льшую часть пассажировъ на берегъ, въ томъ числѣ и полковника Херцберга, который, на прощанье, просилъ своего молодаго друга не забывать его совѣтовъ. Принявъ нѣсколько новыхъ пассажировъ, пароходъ въ два часа отправился въ Гельсингфорсъ, куда и пришелъ въ 8-ь часовъ вечера. Скучны и томительны показались первые два дня, проведенные моряками въ Гельсингфорсѣ. Потерявъ при переборкѣ съ парохода на берегъ г-жу Вестергардъ, онъ былъ въ отчаяніи. Цѣлые дни и ночи онъ бѣгалъ по всѣмъ улицамъ города, бросался то въ садъ при заведеніи минеральныхъ водъ, то въ ботаническій садъ, вездѣ была таже неудача; дама его пропала. Въ это время, онъ, съ горя, познакомился съ однимъ Французомъ, котораго всѣ звали прямо М-г Артуръ. Пріѣхавъ за недѣлю сюда, онъ также не зналъ, что дѣлать отъ скуки, каждый день ходилъ обѣдать въ Собраніе, и разъѣзжалъ по городу, убивая какъ-нибудь время. Этотъ молодой человѣкъ, сынъ богатыхъ родителей, которые занимались какими то заграничными торговыми дѣлами, былъ собою довольно интере-

сень; бѣдное и худое его лицо показывало, что онъ, можетъ-быть, слишкомъ уже пользовался своимъ богатствомъ. Это знакомство хоть немного развлекло Ольтова, потому что г-нъ Артуръ былъ очень образованный молодой человѣкъ; зная много европейскихъ языковъ, онъ читалъ лучшія произведенія французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ авторовъ въ оригиналѣ, и между-тѣмъ, довольно хорошо говоря по-русски, умѣлъ всегда всѣхъ занять такъ, что Ольтовъ иногда забывалъ, что ему надо ихъ искать пропавшую г-жу Вестергардъ. На третій день своей жизни въ городѣ, гуляя безъ цѣли въ Ботаническомъ саду, онъ ужъ около часу бродилъ по его пустымъ аллеямъ, какъ вдругъ между деревьевъ мелькнуло что-то розовое. Онъ бросился въ ту сторону. Шла какая-то дама; впереди бѣжалъ мальчикъ, одѣтый съ чрезвычайнымъ вкусомъ, въ казакинѣ чистаго голубаго цвѣта съ серебряными шнурками, и въ большой круглой соломенной шляпѣ. Будучи немного близорукъ, Ольтовъ долго не могъ повѣрить своему счастію, потому что это была г-жа Вестергардъ, но наконецъ онъ узналъ ее. Въ скромномъ розовомъ платьѣ и черномъ суконномъ бурнусѣ, въ рѣзной соломенной шляпкѣ, она была такъ хороша, что Ольтовъ, и узнавъ ее, не могъ двинуться съ мѣста, и съ наслажденіемъ всматривался въ прекрасныя черты ея.

— Вы все еще меня не узнаете, М-г Ольтовъ, сказала она съ обыкновенной своей улыбкой, которая каждый разъ заставляла сердце бѣднаго моряка ускорять свое біеніе.

— О, нѣтъ, я узналъ васъ сейчасъ, но молча любовался вами, потому-что вы теперь такъ хороши, что невольно все позабудешь!...

— Вы опять за старое, а я думала, что вы въ эти два дня, когда мы съ вами не видались, разучились говорить комплименты; ну, да Богъ съ вами, васъ не исправишь; дайте мнѣ вашу руку; я немного устала, а домой еще итти рано.

Такъ снова началось на нѣсколько времени прерванное знакомство между этими двумя лицами, которые были такъ непохожи другъ на друга чувствами, характеромъ и положеніемъ въ свѣтѣ, и которые между-тѣмъ оба чрезвычайно были довольны своимъ нынѣшнимъ состояніемъ — Ольтовъ тѣмъ, что онъ нашелъ, какъ ему казалось, женщину, которая могла его полюбить за всѣ его

угожденія и за его любовь къ ней, а она тѣмъ, что могла играть имъ какъ куклою, видя, что онъ рабски исполняетъ всѣ ея желанія, не требуя отъ нея ни малѣйшаго вознагражденія. Зная непрочность его чувствъ, она позволяла себѣ много вольности въ обращеніи съ нимъ, позволяла ему цѣловать свои руки. Ольтовъ блаженствовалъ, катаясь по островамъ, гуляя по дачамъ, все съ ней вдвоемъ, подъ ручку; это хоть кому вскружитъ голову, а тѣмъ болѣе такому молодому человѣку, каковъ былъ нашъ герой.

Все казалось ему въ этой жизни свѣтло и прекрасно, а туча между тѣмъ собиралась, и несчастіе готово было разразиться надъ нимъ.

Въ одну изъ поѣздокъ въ Свеаборгъ, онъ пригласилъ съ собой Артура; это было величайшей съ его стороны ошибкой, и съ того-то дня начались всѣ неудовольствія моряка. Г-жа Вестергардъ, найдя во Французѣ любезнаго молодаго человѣка, въ полномъ смыслѣ дамскаго кавалера, который для женщины готовъ былъ на все, видимо начала клониться на его сторону. Ольтовъ началъ ей надоѣдать, его угожденія были какъ то не въ пору, и вскорѣ несчастный морякъ увидѣлъ, что онъ совсѣмъ брошенъ, какъ никуда негодная вещь, которая только тяготила своимъ присутствіемъ.

Поздно вспомнилъ онъ совѣты полковника, и увидѣлъ всю мелочность этой женщины. Сильно задѣло его за сердце это предпочтеніе безвѣстному Французику, который лучше его былъ только тѣмъ, что умѣлъ какъ-то особенно унижаться передъ дамами, и видѣлъ въ нихъ какихъ то высшихъ существъ этого міра. Наступило воскресенье. На водахъ былъ балъ; много народу толпилось уже въ залѣ и по галлереямъ, но музыка еще не начиналась; кого-то ожидали. Г-жа Вестергардъ весело разговаривала съ Артуромъ. Ольтовъ угрюмо стоялъ возлѣ, и съ насмѣшкою смотрѣлъ на пестрыя толпы, которыя собрались сюда собственно для танцевъ. Не понимая этого наслажденія, онъ однакоже хотѣлъ протанцовать одинъ кадриль съ г-жею Вестергардъ, болѣе для того, чтобы поговорить съ ней, и потому, только-что заиграли первый ритурнель, онъ обратился къ ней.

— Могу ли я васъ просить на первый кадриль?

— Нѣтъ я ужъ ангажирована и танцую съ М-г Артуромъ.

— А второй?

— Съ нимъ же, онъ позаботился прежде васъ ангажировать меня.

— Такъ третій.

— Если я буду въ состояніи танцовать третій кадриль, такъ хорошо, но я думаю, что послѣ втораго я уѣду.

Молча отошелъ отъ нея Ольтовъ. Кровь кипѣла въ немъ ключемъ, но сильно владѣя своими страстями, онъ не позволилъ досадѣ и гнѣву вырваться наружу; но что̀ испытывалъ онъ внутри, не дай Богъ испытать никому! Больше всего поразило его то, что въ немъ не имѣютъ ни какой нужды, и что онъ совершенно лишній. Онъ рѣшился во что̀ бы то ни стало доказать противное, и мы увидимъ какъ онъ исполнилъ свое обѣщаніе. Первую и вторую кадриль онъ не танцовалъ; заиграли третью; онъ хотѣлъ итти искать свою даму, вдругъ къ нему подошелъ Артуръ.

— М-г Ольтовъ, вамъ велѣла сказать М-me Вестергардъ, что она танцуетъ съ вами четвертую кадриль.

— Но она дала мнѣ слово на третью.

— Да, но третью она опять танцуетъ со мною; у насъ есть уже визави.

Это уже рѣшительно истощило терпѣніе Ольтова. Онъ понялъ, что надъ нимъ смѣются, что имъ пренебрегаютъ, и новое чувство вспыхнуло у него въ груди, чувство это была досада.

— Такъ скажите М-me Вестергардъ, что если она не можетъ со мной танцовать третью, такъ я не хочу съ нею танцовать четвертую, и что я не намѣренъ служить ей игрушкой.

— Помилуйте, опомнитесь, М-г Ольтовъ — отказывать дамѣ въ танцахъ.

— А какое вамъ до этого дѣло; васъ послали ко мнѣ съ предложеніемъ, вы получили отвѣтъ, и извольте его передать въ точности! Прощайте! И быстро схвативъ подъ руку стоявшаго подлѣ него знакомаго ему офицера, онъ бросился вонъ изъ залы. Черезъ пять минутъ его снова остановилъ Артуръ.

— М-г Ольтовъ, я пришелъ еще разъ отъ М-мие Вестергардъ просить васъ, чтобъ вы танцовали съ ней четвертую кадриль; въ противномъ случаѣ она сказала, что все будетъ между вами кончено.

— Что не начиналось, того нечего и кончать.

Но вдругъ онъ замолчалъ; какая-то новая мысль пришла ему въ голову, и онъ сказалъ:

— А впрочемъ скажите ей, что если она такъ уже хочетъ со мной танцовать, то, пожалуй, я буду съ ней танцовать четвертую.

Шумно устанавливались пары на четвертую кадриль. Безпрестанно толкаясь и извиняясь, пробрался кое-какъ Ольтовъ съ г-жею Вестергардъ на свое мѣсто. Въ глазахъ ея сіяло торжество; она думала, что все-таки заставила его танцовать съ нею ту кадриль, какую она хотѣла. Ольтовъ тоже былъ чрезвычайно веселъ, хохоча и разговаривая поперемѣнно со всѣми его окружающими, кромѣ своей дамы. Досада изобразилась на лицѣ г-жи Вестергардъ, которая видѣла, что ею совсѣмъ не занимаются; она сама уже хотѣла начать разговоръ, какъ вдругъ одинъ изъ офицеровъ спросилъ довольно громко Ольтова, такъ чтобы дама слышала:

— Кто это, братецъ, съ тобой танцуетъ? откуда ты ее взялъ?

— Да не знаю! Она сама два раза посылала ко мнѣ цѣлое посольство, съ просьбою протанцовать съ ней немного. Ну, да вы знаете, какой я танцоръ. Михайловъ заступи, пожалуйста, мое мѣсто, потанцуй съ ней, ты вѣдь охотникъ, а я пойду въ буфетъ закусить.

И точно, въ срединѣ кадриля Ольтовъ бросилъ свою даму, передалъ ее другому, и весело напѣвая арію изъ Любовнаго напитка, началъ пробираться между танцующими къ сторонѣ буфета.

Страшно поблѣднѣла г-жа Вестергардъ, но ни слова не сказала удалявшемуся Ольтову. Кадриль кончился, а за нимъ и самый балъ. Трудно было рѣшить, какія чувства волновали грудь г-жи Вестергардъ по пріѣздѣ домой, и спокойно ли она спала ночь, но на другой день, при встрѣчѣ съ Ольтовымъ, на церемонный его поклонъ, она не отвѣчала даже наклоненіемъ головы, и спѣшила удалиться, чтобъ скрыть сильно выступившій румянецъ.

Съ этихъ поръ даже поклоны между ними кончились, и они держали себя такъ, какъ-будто никогда и не были знакомы. Для нея это, кажется было все-равно, потому что, найдя въ Артурѣ раб, своего поклонника своей красоты, она повидимому, не нуждалась болѣе въ Ольтовѣ. Катанья на острова и по дачамъ снова возобновились, только съ перемѣной кавалера. Не и Ольтовъ не оставался въ бездѣйствіи: зорко слѣдилъ онъ за новыми друзьями. Куда бы они ни поѣхали, вездѣ встрѣчали его холодное безстрастное лицо. Наконецъ, онъ довелъ ее до того, что она боялась выйти изъ своей квартиры, чтобъ не встрѣтиться опять съ нимъ. Артуръ бѣсился, но ни чѣмъ не могъ помочь своей дамѣ. Вдругъ Ольтовъ пропалъ, два дня нигдѣ онъ не показывался. Наши пріятели обѣдали, и въ тотъ же день отправились гулять на одинъ изъ острововъ, окружающихъ Гельсингфорсъ. Около часу уже ходили они по острову, взбирались на скалы, время проходило какъ нельзя лучше; г-жа Вестергардъ поднялась на самую высокую гору острова, и любовалась картиною, которая раскинулась передъ ея глазами. Весь островъ былъ видѣнъ, какъ на ладони; въ самомъ низу горы, на противоположной сторонѣ, отъ той, по которой она поднялась, въ глубокой расщелинѣ прыгалъ горный ручей, унося въ своемъ теченіи груды камней, стволы деревъ. Но вдругъ за этимъ ручьемъ она увидѣла Ольтова, который, стоя со сложенными руками, забавлялся ея удивленіемъ. Эта неожиданность такъ ее поразила, что она вскрикнула, оступилась и стремглавъ полетѣла на ту сторону, гдѣ стоялъ Ольтовъ. Перепрыгнувъ черезъ ручей, морякъ съ быстротою молніи бросился вверхъ по горѣ, и вскорѣ встрѣтилъ падающую красавицу. Только съ его силою можно было удержать ее отъ совершеннаго паденія. Твердо упершись ногой въ обломокъ гранита, онъ схватилъ уже безчувственную г-жу Вестергардъ, и перебросивъ ее на плеча пошелъ съ этой ношей на самый верхъ горы, гдѣ стоялъ Артуръ и чуть не плакалъ отъ досады, что не могъ помочь своей дамѣ. Добравшись до верху, Ольтовъ положилъ на траву г-жу Вестергардъ, и когда Артуръ бросился къ нему и началъ его благодарить въ самыхъ отборныхъ выраженіяхъ, онъ только холодно сказалъ ему: Gardez mieux votre dame, M-r Arthur, и медленно удалился, не дожидаясь, когда очнется и придетъ въ себя дважды спасенная имъ краса-

вица. Этотъ поступокъ Ольтова заставилъ задуматься г-жу Вестергардъ. Неужели изъ одного человѣколюбія бросился онъ спасать ее, подвергая самъ свою жизнь опасности, онъ, кто по ея мнѣнію и въ самомъ дѣлѣ былъ совершенный эгоистъ? Не было ли тутъ примѣшано частички прежней его любви къ ней. Эти размышленія навели ее на сравненіе Ольтова, съ его хотя иногда рѣзкими, но всегда прямыми и благородными поступками съ низенькимъ характеромъ М-г Артура, ползающаго передъ женщинами. Ей сдѣлалось немного досадно. Но черезъ день она совсѣмъ забыла обо всемъ, благодаря Французу. Быстро проходили дни за днями; болѣе и болѣе приближался срокъ пріѣзда ея брата. Артуръ тоже ей надоѣлъ, но она держала его еще при себѣ, потому-что не нашла никого новаго, и видимо искала случаевъ, чтобы какъ-нибудь опять сойтись съ Ольтовымъ; но теперь онъ самъ избѣгалъ съ ней встрѣчи, никогда между тѣмъ не терял ее изъ виду и зорко слѣдя за всѣми ея поступками, что дало ему еще разъ случай быть избавителемъ ея отъ несчастія гораздо большаго прежнихъ.

Новый случай еще болѣе утвердилъ г-жу Вестергардъ въ мнѣніи, что любовь Ольтова къ ней еще не прошла, потому-что кто бы сталъ съ такой энергіей и силой защищать женщину, къ которой не чувствовалъ ни какого особеннаго влеченія. Она поняла, что Ольтовъ не хочетъ съ ней сблизиться отъ того, что, видя постоянно около нея Артура, считалъ себя лишнимъ, и что не любя соперничества ни въ чемъ, особенно въ расположеніи женщинъ, онъ самъ удаляется отъ нея, чтобы своимъ присутствіемъ не раздражать ее болѣе противъ себя, но между-тѣмъ, невидимо, зорко слѣдитъ за ней, зная ненадежность ея кавалера въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чему были уже примѣры. На Артура это происшествіе подѣйствовало совсѣмъ другимъ образомъ. Видя съ того дня увеличивающуюся холодность къ нему г-жи Вестергардъ, онъ возненавидѣлъ молодаго моряка; но не смѣя самъ явно выказать ему свои чувства, съ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда ея брата; зная вспыльчивый и горячій характеръ послѣдняго, онъ увѣренъ былъ, что представя ему съ нѣкоторыми преувеличеніями поступки моряка и потомъ всегдашнее преслѣдованіе г-жи Вестергардъ, доведетъ до чего-нибудь серьознаго необходимое между ними объясненіе. И точно, черезъ

два дня пріѣхавшій Карпинъ былъ взбѣшенъ на Ольтова, когда Артуръ разсказалъ ему со всѣми прибавленіями всю исторію бала и послѣдствій ея. Такъ, что на другой день своего пріѣзда, когда Ольтовъ спокойно занимался въ своей маленькой квартирѣ, братъ г-жи Вестергардъ быстро вошелъ въ его комнату и довольно грубо спросилъ, не онъ ли г. Ольтовъ.

— Я самъ къ вашимъ услугамъ, г. Карпинъ, если не ошибаюсь. Я ожидалъ васъ.

— Вѣрю, но теперь не до вѣжливостей. Вы должны мнѣ объяснить, по какому праву вы позволили подобный поступокъ съ моей сестрой? Вы думали, что если женщина пріѣхала одна въ чужой городъ, такъ всякій, подобный вамъ, можетъ ее публично оскорблять въ собраніи; вы думали, что, не имѣя тогда защитника, она должна будетъ снести ваши дерзости; вы не думали, что у нея есть братъ, который въ состояніи заставить васъ разскаяться въ вашемъ поступкѣ. Я именно теперь за тѣмъ и пришелъ сюда, чтобы сказать вамъ, что вы должны на завтрашнемъ балу публично просить у моей сестры прощеніе; въ противномъ случаѣ я прибѣгну къ другимъ мѣрамъ.

— Довольно. Вы видите, я хладнокровно выслушалъ всѣ ваши дерзости, которыя вы конечно сказали не подумавши, въ первомъ жару гнѣва; я увѣренъ, что вы еще одумаетесь. Позвольте же теперь мнѣ высказать вамъ то, что я думаю. При самомъ вашемъ пріѣздѣ сюда, я хотѣлъ лично идти къ вамъ, и объяснивъ вамъ все дѣло такъ, какъ оно было, попросить у г-жи Вестергардъ, но не публично, забвенія всего прошедшаго. Но теперь, когда вы подобнымъ образомъ вошли въ мою квартиру, съ такими предложеніями и даже съ угрозами, я объявляю вамъ, что ни какого извиненія просить не буду; слѣдовательно, ваши угрозы ни къ чему не служатъ, и потому....

Карпинъ не слыхалъ и половины его фразы, онъ чуть не бѣжалъ по улицѣ, стараясь хотя физическимъ утомленіемъ побѣдить тревогу чувствъ.

По уходѣ Карпина, Ольтовъ снова сѣлъ на свое мѣсто, къ столу, гдѣ онъ писалъ письма въ Ревель друзьямъ, и роднымъ въ Петербургъ. Неужели, думалъ онъ и имъ писать объ этой ссорѣ, которая можетъ-быть кончится ничѣмъ.

Такъ и случилось:

Г-жа Весвергардтъ, видя безпокойство брата, преслѣдовала его вездѣ, и когда онъ встрѣтился съ Ольтовымъ и начались объясненія безъ запальчивости, она сознала неосторожность обращенія своего съ Артуромъ, призналась въ опрометчивости своей въ отношеніи къ Ольтову, сказала ему нѣсколько пріятныхъ словъ въ забвеніе прошедшаго; но стоическимъ хладнокровіемъ Ольтовъ принялъ ихъ. Каринъ съ Ольтовымъ сошлись и были друзьями, пристыженный Артуръ за благо разсудилъ уѣхать изъ города и поступилъ весьма благоразумно.

П. а.

=

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЭРНЕСТЪ МАЛЬТРАВЕРСЪ.

Романъ Э. Л. Бульвера.

(*Переводъ съ англійскаго.*)

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Увѣряю васъ, намѣренія мои, относительно этой дѣвушки, были чисты... однакожъ, кто могъ бы подозрѣвать западню, въ которую я попалъ?

Шекспиръ: «Конецъ вѣнчаетъ дѣло».

Въ 18.. году, миляхъ въ четырехъ отъ одного изъ нашихъ сѣверныхъ мануфактурныхъ городовъ, находилась большая, невоздѣланная пустошь. Болѣе печальнаго мѣста невозможно и вообразить. Полузасохшая трава кой-гдѣ росла на черной и каменистой почвѣ. Ни одного дерева не было видно на большомъ разстояніи. Сама природа, казалось, избѣгала этого уединеннаго

уголка земли, какъ бы боясь безпрестаннаго шума сосѣднихъ кузницъ, и искусство, извлекающее изъ всего пользу, или удовольствіе, отказалось отъ этого ничего необѣщающаго мѣста, на которомъ лежало роковое клеймо запустѣнія. Проѣзжая по этой пустоши въ длинную зимнюю ночь, вы удивились бы, замѣтя вдали красноватый, неровный огонь, истекавшій изъ оконъ сосѣднихъ фабрикъ и придававшій ихъ наружности что-то сверхъестественное. Вамъ никогда не могло бы придти въ голову, чтобъ на этой безплодной и обнаженной пустоши горѣли огни, зажженные рукою человѣка. Проѣзжая нѣсколько миль по болотамъ, вы не встрѣтили бы и признака какого-нибудь жилья; но приближаясь къ городу, вы тотчасъ замѣтили бы въ недальномъ разстояніи отъ большой дороги, пересѣкающей пустошь, уединенную и бѣдную хижину.

Въ этомъ уединенномъ жилищѣ, въ то самое время, какъ начинается моя исторія, сидѣли два человѣка: Одинъ изъ нихъ былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, въ грязной одеждѣ, которая однакожъ имѣла претензію на роскошь и смѣшное щегольство. Шолковый платокъ, на которомъ красовалась булавка съ фальшивыми камнями, кокетливо былъ повязанъ вокругъ его мускулистой и худой шеи. Его разодранные башмаки также были украшены серебряною и стальною пряжками. Онъ былъ большаго роста, худощавъ, но бодръ и силенъ. Лицо его было изрѣзано преждевременными глубокими морщинами; съ просѣдью волоса покрывали его низкій лобъ, нахмуренный даже и тогда, когда онъ улыбался, а улыбался онъ часто. Это лицо говорило о давнемъ и закоренѣломъ порокѣ — оно было одно изъ тѣхъ, на которыхъ прошедшее начертало неизгладимые знаки. Рука палача не могла бы сдѣлать ихъ явственнѣе, и болѣе возбудить подозрѣніе честнаго или робкаго человѣка.

Онъ былъ занятъ счетомъ небольшаго количества мелкихъ монетъ, и хотя ихъ весьма не трудно было повѣрить, но онъ считалъ и пересчитывалъ, какъ будто бы это дѣйствіе могло увеличить итогъ.

— Тутъ должно быть деньги не всѣ... Алиса? сказалъ онъ тихимъ и дрожащимъ голосомъ: мы не могли столько истратить. Ты знаешь, у меня въ понедѣльникъ было еще двѣ гинеи въ кассѣ, а теперь... Алиса... ты, вѣрно, украла деньги.

Женщина, къ которой относились эти слова, сидѣла у противоположной стороны смраднаго и едва свѣтящагося камина. Она спокойно подняла глаза. Ея физіономія представляла рѣзкій

контрастъ съ физіономіею мужчины. Она казалась лѣтъ пятнадцати, и лицо ея было замѣчательной чистоты и нѣжности, не-смотря на загаръ, происходившій отъ солнца и тяжелой работы.

Ея длинные свѣтло-каштановые волосы разсыпались по лбу натуральными замѣчательно-роскошными локонами. Ея наружность была прекрасна; ни одной неправильности въ ея мягкихъ, какъ бы дѣтскихъ чертахъ, но выраженіе ихъ возбудило бы въ васъ состраданіе—оно было безсмысленно. Когда лицо ея было спокойно, то ее можно было принять за дурочку; но когда она говорила, улыбалась, или хотя одинъ мускулъ ея лица приходилъ въ движеніе, тогда глаза ея, румянецъ на щекахъ и губы загарались жизнью; это доказывало, что въ ней былъ умъ, но еще погруженный въ дремоту...

— Я не украла ни одной монеты, сказала она спокойнымъ голосомъ: но я желала бы взять ихъ нѣсколько, еслибы не знала, что ты прибьешь меня за это.

— А на что тебѣ деньги?

— Купить хлѣба, когда бываю голодна...

— А еще на что?

— Не знаю.

Дѣвушка замолчала.

— Отчего ты не отпустишь меня, сказала она, спустя немного, отчего ты не пускаешь меня работать на фабрику, съ другими дѣвушками? Я заработала бы деньги и для себя и для тебя.

Онъ улыбнулся. Казалось, внезапное удовольствіе разлилось по его отвратительному лицу.

— Дитя, отвѣчалъ онъ, тебѣ уже пятнадцать лѣтъ, а какъ ты еще глупа! Если я отпустилъ бы тебя на фабрику, то, можетъ-быть, ты ушла бы отъ меня. Какъ же я останусь безъ тебя?

Дѣвушка повторила разсѣянно:

— Мнѣ очень хотѣлось бы на фабрику.

— Вздоръ! сказалъ старикъ съ досадою, у меня три желанія....

Тутъ онъ былъ прерванъ громкимъ стукомъ въ дверь хижины.

Старикъ поблѣднѣлъ.

— Кто бы это могъ быть? пробормоталъ онъ. Уже поздно... около одиннадцати часовъ... Еще, еще! Спроси Алиса, кто стучится?

Дѣвушка, какъ бы очарованная, остановилась у двери. Въ это время ея станъ, едва примѣтно округленный, ея блестящій взглядъ, ея измѣняющійся цвѣтъ лица, ея нѣжная молодость и особенная грація ея позы и движеній могли бы представить художнику идеалъ сельской красоты.

Немного погодя, она приложила губы къ замочной скважинѣ, и повторила вопросъ старика.

— Прошу васъ, извините меня, сказалъ чистый, громкій, но вѣжливый голосъ.—Увидѣвши свѣтъ въ вашемъ окнѣ, я осмѣлился спросить, не проводитъ ли меня кто-нибудь до ***? Я бы хорошо заплатилъ за услугу.

— Отвори дверь, Алиса, сказалъ хозяинъ хижины.

Дѣвушка отодвинула большой засовъ. Человѣкъ высокаго роста ступилъ черезъ порогъ.

Пришелецъ былъ въ полномъ цвѣтѣ молодости. Его появленіе удивило старика и дѣвушку. Одинъ, пѣшкомъ, въ такой часъ. Его безошибочно можно было принять за джентльмена, несмотря на его простое и запыленное платье и небольшую котомку, которую онъ держалъ на плечахъ. Входя, онъ снялъ шляпу съ какою-то иностранною вѣжливостью, и прекрасные чорные волосы разсыпались по обѣ стороны его высокаго и величественнаго лба. Черты его были прекрасны, не бывши совершенно правильны, а взглядъ его былъ, въ одно и тоже время, и смѣлъ и привѣтливъ.

— Я вамъ очень благодаренъ за вашу снисходительность, сказалъ онъ, приближаясь развязно къ хозяину, который разсматривалъ его зоркими глазами: и право, товарищъ, вы еще болѣе увеличите ваше одолженіе, если проводите меня до ***.

— Вы не можете сбиться съ дороги, сказалъ грубо старикъ. Огни доведутъ васъ.

— Они-то и сбили меня съ дороги. Они, кажется, окружаютъ всю пустошь, а между-тѣмъ на ней не видно ни одной тропинки. Впрочемъ, если вы мнѣ только разскажете, гдѣ я могу найти прямую дорогу, я не буду больше безпокоить васъ...

— Уже очень поздно, сказалъ старикъ двусмысленно.

— Поэтому-то мнѣ и надобно спѣшить въ ***. Ну, мой добрый другъ, надѣвайте шляпу, я дамъ вамъ полгинеи за безпокойство.

Старикъ тронулся съ мѣста, потомъ остановился, призадумался, еще разъ осмотрѣлъ своего гостя, и сказалъ:

— Вы совершенно одни, сэръ?

— Да.

— Вѣроятно, васъ знаютъ въ ***.

— Нѣтъ. Но что вамъ до этого? Я чужой въ этихъ краяхъ.

— До *** будетъ полныхъ четыре мили.

— Такъ далеко, а я ужасно усталъ! вскричалъ молодой человѣкъ.

Говоря это, онъ вынулъ часы.

— Уже одиннадцать часовъ!

Часы бросились въ глаза хозяину хижины; злые глаза засверкали. Онъ провелъ рукою по лбу.

— Я думаю, сэръ, сказалъ онъ потомъ тономъ, какъ ему казалось, болѣе привѣтливымъ: если уже такъ поздно, и какъ вы очень устали, то не лучше ли будетъ...

— Что? вскричалъ путникъ, топнувъ нетерпѣливо ногою.

— Я не буду упрашивать... впрочемъ, моя бѣдная кровля къ вашимъ услугамъ, а завтра на разсвѣтѣ я пошелъ бы съ вами въ ***.

Путникъ пристально взглянулъ на хозяина хижины, потомъ на полуразрушившіяся ея стѣны. Онъ почти готовъ былъ уже отказаться отъ гостепріимнаго предложенія, но глаза его внезапно остановились на Алисѣ, которая съ пылающимъ взглядомъ и съ открытымъ ртомъ пристально смотрѣла на прекраснаго пришельца. Когда глаза ихъ встрѣтились, она покраснѣла и отвернулась. Взглядъ этотъ, казалось, перемѣнилъ намѣреніе путешественника. Онъ колебался еще съ минуту, и, проговоривъ что-то сквозь зубы, положилъ свою котомку на полъ, бросился на стулъ, расправилъ свои усталые члены, и весело сказалъ:

— Будь по вашему, хозяинъ. Заприте опять дверь. Принесите мнѣ на ужинъ кружку пива и корочку хлѣба; я останусь доволенъ такимъ ужиномъ. Что же касается до постели, то этотъ стулъ мнѣ замѣнитъ ее превосходно.

— Можетъ-быть, я найду для васъ что-нибудь покойнѣе этого стула, сказалъ хозяинъ.

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ путникъ, мѣшая уголья въ каминѣ. Я много перенесъ въ своей жизни, и потому думаю, что мнѣ нетрудно будетъ спать на стулѣ, въ домѣ честнаго человѣка...

Лицо старика искривилось. Обернувшись къ Алисѣ, онъ велѣлъ ей подать на столъ все, что было въ кладовой.

Нѣсколько корокъ хлѣба, нѣсколько холодныхъ картофелинъ, и немного крѣпкаго пива составляли весь запасъ, поставленный передъ путешественникомъ.

Придвинувъ къ столу стулъ, и увидѣвъ такой скромный ужинъ, нашъ путешественникъ поморщился, забывъ свои хвастливыя слова, что онъ будетъ доволенъ корочкою хлѣба и стаканомъ пива. Но онъ сдѣлался веселѣе, когда глаза его опять встрѣтились съ глазами Алисы, когда она вздыхала возлѣ стола, и говорила какія-то невнятныя извиненія. Онъ взялъ ея руку, и пожавши ее нѣжно, сказалъ:

— Прекраснѣйшая изъ дѣвушекъ!

Говоря это, онъ взглянулъ не нее съ непритворнымъ удивленіемъ.

— Человѣкъ, продолжалъ онъ, прошедши пѣшкомъ цѣлый день по самому гадкому краю, между тремя морями, достаточно вознагражденъ вечеромъ, встрѣтивши такое прекрасное личико.

Алиса вырвала руку, отошла и сѣла въ углу комнаты, откуда продолжала смотрѣть на незнакомца, по обыкновенію безсмысленно, но съ полуулыбкою.

Старикъ строго посмотрѣлъ на молодыхъ людей.

— Кушайте, сэръ, сказалъ онъ съ ироническою усмѣшкою: и не расточайте медовыя слова; бѣдная Алиса прекрасная дѣвушка, какъ вы сейчасъ сказали сами.

— Я и не сомнѣваюсь въ этомъ, отвѣчалъ путешественникъ, работая съ большимъ усердіемъ своими крѣпкими и ослѣпительно-бѣлыми зубами надъ жесткими корками.— Я не хотѣлъ обидѣть васъ; но дѣло въ томъ, что я полуиностранецъ, а въ чужихъ краяхъ, вы знаете, всякой можетъ сказать какое-нибудь вѣжливое слово хорошенькой дѣвушкѣ, не оскорбляя ни ея, ни отца ея.

— Полуиностранецъ! какъ же вы говорите по-англійски такъ же хорошо, какъ я? сказалъ хозяинъ, котораго произношеніе и слова были нѣсколько выше его быта.

Путникъ улыбнулся.

— Благодарю васъ за комплиментъ, сказалъ онъ.—Этимъ я хотѣлъ сказать только то, что я долго былъ въ чужихъ краяхъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, я только-что возвращаюсь изъ Германіи; но родомъ Англичанинъ.

— И идете домой?

— Да.

— Далеко ли отсюда?

— Миль тридцать.

— Судя по вашимъ лѣтамъ, странно, что вы идете одни.

Путешественникъ не отвѣчалъ на это. Кончивъ свой нелишнимъ аппетитный ужинъ, онъ снова пододвинулъ свой стулъ

къ огню. Тогда, подумавъ, что довольно удовлетворилъ любопытство своего хозяина, и въ свою очередь можетъ позволить себѣ подобные вопросы, онъ сказалъ:

— Вы, вѣроятно, работаете на фабрикахъ?

— Работаю, сэръ. Худыя времена!

— А ваша хорошенькая дочка?

— Смотритъ за хозяйствомъ.

— Есть у васъ еще дѣти?

— Нѣтъ. Я едва могу прокормить одинъ ротъ, кромѣ своего собственнаго.... Вы займете мою постель, сэръ, а я могу уснуть и здѣсь.

— О! ни подъ какимъ видомъ, сказалъ живо путешественникъ.—Прибавьте немножко углей въ огонь, и позвольте мнѣ распорядиться самому.

Старикъ всталъ. Не настаивая болѣе онъ вышелъ изъ комнаты за топливомъ. Алиса все оставалась въ своемъ углу.

Путешественникъ подошелъ къ ней.

Она вдругъ нахмурилась и отбросила со лба свои локоны.

— Если у васъ есть деньги, сказала она шопотомъ, то не говорите объ этомъ Дарвилю. Не спите, если только можете. Я боюсь... тсъ... онъ идетъ!

Молодой человѣкъ встревоженный возвратился на свое мѣсто, и когда хозяинъ вошелъ, тогда онъ въ первый еще разъ сталъ внимательно его разсматривать. Неясный свѣтъ одной, почти догарающей, свѣчки, вспыхивая освѣщалъ и затемнялъ замѣчательно грубыя и дикія черты хозяина хижины. Когда глазъ путника скользнулъ съ лица по членамъ и крѣпкому тѣлосложенію старика, то въ умѣ его невольно обозначилось все несчастіе, какое можетъ сдѣлать этотъ человѣкъ.

Путешественникъ погрузился въ грустныя мечты. Вѣтеръ выл, дождь билъ, въ окно не свѣтилось ни одной спасительной звѣздочки, все было темно и мрачно... Могъ ли онъ пуститься въ путь одинъ, не подвергнется ли онъ еще большимъ опасностямъ посреди пустынныхъ болотъ, не можетъ ли старикъ послѣдовать за нимъ и напасть на него въ темнотѣ? У него не было другаго оружія, кромѣ палки. Здѣсь въ крайнемъ случаѣ подлѣ него была кухонная кочерга. Во всякомъ случаѣ онъ счелъ благоразумнѣе подождать. Оставшись одинъ въ хижинѣ, онъ можетъ отодвинуть засовъ, и какъ-нибудь незамѣтно уйти.

Такъ размышлялъ путешественникъ въ то время, какъ хозяинъ раздувалъ въ каминѣ огонь.

— Вы уснете крѣпко эту ночь! сказалъ старикъ улыбнувшись.

— Гм!.. когда я слишкомъ устану, то проходитъ иногда часъ или два, пока я усну; но заснувши, я сплю какъ камень!

— Пойдемъ, Алиса, сказалъ старикъ, оставимъ джентльмена. Покойной ночи, сэръ.

— Покойной ночи, покойной ночи, отвѣчалъ путешественникъ, зѣвая.

Старикъ и молодая дѣвушка исчезли за дверью, находившеюся въ углу комнаты. Гость слышалъ, какъ они всходили по крутой лѣстницѣ; потомъ все стихло.

— О, я глупецъ! сказалъ самъ себѣ путешественникъ.—Можетъ ли что научить меня, что я уже не студентъ геттингенскаго университета и тѣмъ избавить меня отъ подобныхъ пѣшеходныхъ приключеній? Случилось ли бы это со мною, еслибъ не эти темно-голубые глаза? Теперь я былъ бы уже въ ***, совершенно цѣлъ и невреднмъ, еслибы, однакожъ, этотъ старикъ не убилъ меня въ дорогѣ. Но я еще сыграю съ нимъ штуку: еще полчаса и я буду въ болотахъ; я долженъ нѣсколько обождать. А между-тѣмъ, здѣсь есть кочерга. При большомъ несчастіи, вѣдь мы одинъ на одинъ; только, кажется, злодѣй очень силенъ....

Какъ ни старался путешественникъ ободрить себя такими размышленіями, однакожъ, сердце его билось сильнѣе обыкновеннаго. Онъ не спускалъ глазъ съ двери, за которою скрылся хозяинъ хижины, и не выпускалъ изъ рукъ огромную кочергу.

Въ это время Алиса, вмѣсто того, чтобъ пойти спать въ свою каморку, пришла въ комнату старика.

Старикъ сидѣлъ въ ногахъ своей постели, устремивъ глаза на полъ, и разсуждалъ что-то самъ съ собою.

Дѣвушка остановилась, смотря ему прямо въ лицо, и скрестя руки на груди.

— Они должны стоить двадцать гиней! сказалъ хозяинъ отрывисто.

— Что намъ за дѣло, чего стоятъ часы этого джентльмена.

Старикъ вздрогнулъ.

— Вы хотите, сказала спокойно Алиса: обидѣть этого молодаго человѣка; но вамъ это не удастся.

Лицо старика почернѣло, какъ ночь.

— Какъ, вскрикнулъ онъ громкимъ голосомъ, который вдругъ перешелъ въ глухое ворчаніе: какъ ты смѣешь говорить мнѣ такія слова? Иди спать! Иди спать!

— Не пойду.

— Нѣтъ?

— Я не выйду изъ этой комнаты до разсвѣта.

— Мы это тотчасъ увидимъ, сказалъ старикъ, пробормотавъ проклятіе.

— Троньте только меня, я разбужу джентльмена, и скажу ему....

— Что ты скажешь ему?

Дѣвушка подошла къ старику, приложила губы къ его уху и прошептала:

— Скажу, что вы хотите ограбить его.

Хозяинъ хижины задрожалъ всѣмъ тѣломъ; онъ закрылъ глаза и едва дышалъ.—Алиса, сказалъ онъ ласково послѣ нѣкотораго молчанія иди спать. Я ничего не сдѣлаю этому молодому человѣку. Ты думаешь, мнѣ хочется попасть въ петлю. Нѣтъ! нѣтъ! поди прочь! поди!

Лицо Алисы, разгорѣвшееся и воодушевленное въ продолженіе этого разговора, снова приняло свое обычное безсмысленное выраженіе.

— Конечно, если вы его ограбите, васъ непремѣнно повѣсятъ. Не забудьте этого. Покойной ночи. И говоря это, она ушла въ свою каморку, находившуюся противъ комнаты хозяина.

Оставшись одинъ, старикъ крѣпко прижалъ руки ко лбу, и оставался около получаса въ такомъ положеніи.

— Если бы эта проклятая дѣвчонка заснула, пробормоталъ онъ наконецъ, осматриваясь кругомъ, — это дѣло можно было бы покончить духомъ. Тутъ неподалеку есть глубокій прудъ.... а на разсвѣтѣ я могу сказать, что малый утонулъ. Онъ, кажется, чужой въ здѣшнемъ краю, такъ никто не станетъ и искать его. Онъ долженъ быть богатъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень простъ, что даетъ полгинеи за то только, чтобъ проводили его за четыре мили! А мнѣ нужны деньги....

Разсуждая такимъ образомъ, онъ чувствовалъ что воздухъ давилъ его; онъ отворилъ окно и высунулся въ него. Крупный дождь началъ капать ему на голову. Онъ съ проклятіемъ затворилъ окошко, снялъ башмаки тихонько прокрался черезъ порогъ, и со свѣчкою, которую прикрывалъ рукою, осмотрѣлъ противу-

положную дверь. Она была заперта. Потомъ онъ нагнулся впередъ и сталъ прислушиваться....

— Все тихо, подумалъ онъ.—Можетъ-быть, онъ уже спитъ. Прокрадусь внизъ. Если бы Джакъ Уалтерсъ былъ эту ночь здѣсь, то дѣльцо можно было бы обдѣлать прекрасно.

Старикъ осторожно спустился съ лѣстницы. Въ углу подъ лѣстницей лежалъ разный хламъ, нѣсколько охапокъ дровъ и топоръ.

— Ага! проворчалъ онъ. — Тутъ еще гдѣ-нибудь долженъ быть молотъ Уалтерса. Потомъ, прислонившись къ двери, старикъ приложилъ глаза къ замочной скважинѣ, въ которую неясно видно было комнату, освѣщенную по временамъ вспыхивающимъ огнемъ камина.

II.

....Что здѣсь такое? Трупы!

Венеціанскій купецъ.

Почти въ это же самое время путешественникъ подумалъ, что пора начинать отступленіе.

Глухой говоръ, слышанный имъ на верху, во-время разговора старика съ молодою дѣвушкою, смолкъ, и свѣта уже стало невидно. Тишина придала ему бодрости, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что долженъ быть гораздо осторожнѣе. Онъ подкрался къ наружной двери, смѣло отодвинулъ засовъ, но нашелъ, что дверь была заперта на ключъ, а ключа въ замкѣ не было. Молодой человѣкъ не замѣтилъ, что въ продолженіе ужина, и прежде чѣмъ въ головѣ его родилось сомнѣніе, хозяинъ, закладывая засовъ и запирая дверь хижины, унесъ ключъ съ собою. Опасенія его подтвердились. Первая мысль его была выскочить въ окно. Хотя ставни едва были притворены, но окно, какъ обыкновенно бываетъ въ маленькихъ хижинахъ, поднималось только до половины, и отверстіе было такъ мало, что невозможно было пролезть въ него. Надобно было

ломать все окно; а этого нельзя было сдѣлать безъ шума и, слѣдственно, безъ видимой опасности.

Онъ остановился въ отчаяніи. Отъ природы онъ былъ твердъ и мужественъ, и привыкъ къ разнымъ опасностямъ въ жизни, но въ эту минуту сердце его готово было измѣнить ему; тишина становилась замѣтнѣе и какъ бы томила его; холодный потъ выступалъ у него на лбу. Въ этомъ состояніи сомнѣнія и нерѣшимости онъ старался собраться съ мыслями; вдругъ до слуха его, которому страхъ придавалъ сверхъестественную чуткость, долетѣлъ слабый и сдерживаемый шумъ шаговъ. Онъ услышалъ, какъ скрипнула лѣстница. Звукъ этотъ разрушилъ очарованіе. Страхъ исчезъ при приближеніи опасности. Присутствіе духа возвратилось. Онъ бросился къ камину, схватилъ кочергу, началъ мѣшать ею угли, кашлялъ и старался какъ можно громче дать знать, что онъ не спитъ.

Онъ чувствовалъ, что его подстерегали, онъ чувствовалъ, что ему угрожала неминуемая опасность. Внутренній голосъ говорилъ ему, что притвориться спящимъ значило бы подать сигналъ къ смертельной битвѣ. Время шло, а въ хижинѣ все было тихо. Но спустя полчаса опять послышались шаги человѣка, всходящаго на лѣстницу. Это положеніе, наконецъ, становилось ему невыносимо. Оно раздражало его нервически. Теперь это былъ уже не страхъ, а ежеминутное томительное ожиданіе смертельнаго врага, чувство человѣка, который знаетъ, что глаза тигра устремлены на него, и предвидитъ, что рано или поздно хитрое животное бросится на него. Самое ожиданіе становилось страшною мукою, и онъ желалъ ускорить смертельную борьбу, если уже нельзя было избѣжать ее.

Будучи уже совершенно не въ силахъ болѣе выносить волненіе своихъ чувствъ, путешественникъ всталъ, устремилъ глаза на роковую дверь, и готовъ былъ закричать тому, кто его подслушивалъ, чтобы онъ вошелъ къ нему. Въ это самое время путешественникъ услышалъ легкой стукъ въ окно. Стукъ этотъ повторился три раза, и при послѣднемъ ударѣ чей то тихій голосъ произнесъ имя Дарвиля. Было ясно, что пріѣхали сообщники. Теперь уже борьба предстояла не одинъ на одинъ. Онъ затаилъ дыханіе, и наострилъ уши, въ которыхъ сильно шумѣло. Сильно билось его сердце. Онъ услышалъ шаги, удаляющіеся отъ окна по размокшей землѣ. Все опять стихло.

Онъ остановился на минуту, потомъ осторожно, но смѣло подошелъ къ внутренней двери, у которой, по его мнѣнію, сто-

ялъ хозяинъ; смѣлою рукою схватился за замокъ. Но дверь была заперта съ противной стороны.

— И такъ, сказалъ онъ, заскрипѣвъ зубами,—я долженъ умереть, какъ крыса въ ловушкѣ. Хорошо, я умру, но прежде буду кусаться...

Онъ возвратился на свой прежній постъ, собрался съ силами, и сталъ ждать, не выпуская изъ рукъ свое незамысловатое оружіе, готовый на всякой случай, съ гордымъ однакожъ сознаніемъ своихъ собственныхъ выгодъ: молодости, проворства, силы и смѣлости. Время летѣло. Послышался шорохъ за внутренней дверью; кто-то началъ тихонько отодвигать болтъ. Путешественникъ поднялъ кочергу обѣими руками. Дверь отворилась. Вошла Алиса. Она была босая, блѣдная, какъ мраморъ, и держала палецъ на губахъ. Она подошла къ незнакомцу, и дотронувшись до него рукою, прошептала едва внятнымъ голосомъ:

— Они здѣсь, за хижиной, подъ навѣсомъ. Они хотятъ ограбить васъ... Спасайтесь! Бѣгите скорѣе.

— Но какъ же бѣжать? Дверь заперта.

— Постойте. Я унесла ключъ изъ его комнаты.

Она подошла къ двери, вложила въ нее ключъ, повернула его. Дверь отворилась. Путешественникъ, взбросивъ свою котомку на плеча, однимъ прыжкомъ очутился за порогомъ. Дѣвушка остановила его.

— Не говорите ни кому объ этомъ; онъ мой воспитатель, и его повѣсятъ за это.

— Нѣтъ, нѣтъ. Но вы? Я увѣренъ, что вы будете безопасны; я же никогда не забуду, чѣмъ обязанъ вамъ. Теперь, по которой же дорогѣ идти?

— Держите влѣво.

Въ темнотѣ и по дождю, путникъ бѣжалъ съ быстротою молодости. Онъ былъ уже далеко. Дѣвушка постояла съ минуту, вздохнула, потомъ громко захохотала, заперла и задвинула засовомъ дверь, и возвращалась уже тихонько въ свою комнату, какъ въ это мгновеніе во внутреннюю дверь вошелъ страшный хозяинъ хижины и другой мужчина, небольшаго роста, но широкоплечій и крѣпкаго сложенія.

— Какъ! Алиса здѣсь! вскричалъ хозяинъ. — А! негодная, ты выпустила его!

— Я сказала вамъ, что вы не сдѣлаете ему вреда.

Съ ужаснымъ проклятіемъ злодѣй повергъ молодую дѣвушку на землю, перешагнулъ черезъ нее, отворилъ дверь, и сопровождаемый своимъ товарищемъ, выбѣжалъ вонъ, преслѣдовать путешественника.

III.

Вамъ извѣстно лучше, чѣмъ кому-либо, о моей дочери.

Венеціанскій купецъ.

Свѣтало. Утро было тихое, сырое и туманное; ноги вязли въ грязи и оставляли по себѣ глубокіе слѣды. Дороги сдѣлались непроходимы, и большія лужи встрѣчались на каждомъ шагу. Телѣги, фургоны и пѣшеходныя группы давно уже были въ движеніи подлѣ города; иногда долеталъ до слуха рѣзкій звукъ рожка ранняго дилижанса, катившагося по сѣверной дорогѣ; пассажиры, сидѣвшіе на наружныхъ мѣстахъ, кутались въ шубы и шинели, а изъ каретъ торчали головы въ ночныхъ колпакахъ.

Молодой человѣкъ перелезъ черезъ заборъ на большую дорогу, противъ самаго столба, означающаго мили и показывавшаго, что до **** оставалась одна миля.

— Благодарю Тебя, Боже! сказалъ онъ почти громко.—Утомившись плутать ночью по болотамъ, подобно блуждающему огню, наконецъ я приближаюсь къ городу. Благодарю Тебя, Боже, тысячу разъ благодарю за всѣ милости, оказанныя мнѣ въ эту ночь! Я дышу свободно! Я невредимъ!

Онъ пошелъ нѣсколько скорѣе; скоро обогналъ едва тащившуюся телѣгу, потомъ толпу работниковъ, потомъ стадо барановъ, и увидѣлъ передъ собою молодую женщину, которая шла очень тихо. Она была въ бѣдномъ и изношенномъ платьѣ, и, усталая, съ трудомъ передвигала ноги. Онъ почти уже прошелъ мимо ея, какъ вдругъ услышалъ слабый крикъ. Обернувшись, онъ узналъ въ путницѣ ту самую дѣвушку, которая спасла его въ предыдущую ночь.

— Боже мой! вскрикнулъ онъ.—Вы ли это? Вѣрить ли глазамъ?

— Я отыскивала васъ, сэръ, сказала дѣвушка робкимъ голосомъ.—Я также ушла, и не возвращусь туда болѣе. Теперь мнѣ негдѣ пріютить свою голову.

— Бѣдное дитя! Но какъ же это случилось? Онъ, вѣрно, билъ васъ за то, что вы выпустили меня?

— Онъ такъ ударилъ меня, что повалилъ на землю, а когда возвратился назадъ, то билъ еще... я уже болѣе не возвращусь домой. Я теперь одна въ мірѣ. Что, что я буду дѣлать?

И она ломала свои руки. Путешественнику стало жаль ее.

— Добрая дѣвушка! сказалъ онъ съ жаромъ,—вы спасли мнѣ жизнь, и я не буду неблагодаренъ. Это вамъ на квартиру и на пропитаніе, и онъ положилъ ей въ руку нѣсколько золотыхъ монетъ.—Отдохните, вы, кажется, очень нуждаетесь въ этомъ; и потомъ повидайтесь со мною еще разъ, и мы потолкуемъ немного о судьбѣ вашей.

Дѣвушка взяла деньги равнодушно, и пристально смотрѣла въ лицо незнакомца, когда онъ говорилъ. Во взорѣ ея было столько наивности и вся наружность ея была такъ прекрасна, скромна и дѣвственна.

— Бѣдная дѣвушка! сказалъ онъ, съ смущеніемъ и послѣ краткаго молчанія.—Вы очень молоды, и очень, очень хороши собою. Въ городѣ вы будете подвержены многимъ искушеніямъ... Будьте осторожны въ выборѣ помѣщенія. Вѣроятно, у васъ есть друзья въ городѣ.

— Друзья! что такое друзья? спросила Алиса.

— Нѣтъ ли у васъ знакомыхъ; родныхъ со стороны матери?

— Никого.

— Знаете ли вы, гдѣ найти пристанище?

— Нѣтъ, сэръ; но идти туда, гдѣ пристаетъ воспитатель мой, я боюсь, потому-что тамъ онъ отыщетъ меня скоро.

— Въ такомъ случаѣ, займите нумеръ въ какомъ-нибудь шумномъ постояломъ дворѣ, и повидайтесь со мною сегодня, въ семь часовъ, здѣсь, на самомъ этомъ мѣстѣ, съ полмили отъ города. Я между тѣмъ постараюсь что-нибудь придумать для васъ. Но вы, кажется, очень устали, вы съ трудомъ передвигаете ноги; если вы не въ силахъ будете придти на свиданіе, то его можно отложить и до другаго дня.

— О! нѣтъ,—нѣтъ! мнѣ такъ пріятно увидѣть васъ еще, сэръ.

Взоры молодаго человѣка встрѣтились со глазами молодой дѣвушки. Чистая лазурь ихъ была наполнена слезами. Они проникли въ душу молодаго человѣка.

Онъ быстро отвернулся и увидѣлъ, что онъ и его молодая и прекрасная спутница была уже предметомъ любопытнаго наблюденія многихъ прохожихъ.

— Не забудьте же! прошепталъ молодой человѣкъ, и крупнымъ шагомъ пошелъ въ городъ.

Скоро онъ достигъ до главнаго отеля, и вошелъ въ него съ видомъ человѣка, который привыкъ имѣть хорошій пріемъ вездѣ, гдѣ онъ добывается и продается за деньги. Тутъ передъ пылающимъ огнемъ и довольно сытнымъ завтракомъ, молодой человѣкъ забылъ ужасы прошедшей ночи, или, лучше сказать, радовался при мысли, что прибавитъ новую и страшную главу въ каталогъ прежнихъ приключеній Эрнеста Мальтраверса.

IV.

Велъ пріятную бесѣду съ дамою.

Мартинъ.

Мальтраверсъ первый пришелъ на свиданіе. Характеръ его отличался во многихъ случаяхъ энергіею, рѣшительностью и преждевременнымъ развитіемъ; но только это не относилось къ женщинамъ: съ ними онъ покорялся влеченію мечтательнаго и поэтическаго воображенія. Мальтраверсъ былъ, почти безсознательно, поэтъ, поэтъ дѣйствія, а женщина была его муза.

Онъ не дѣлалъ еще никакого плана на счетъ поведенія своего съ бѣдною дѣвушкою, которая встрѣтилась на пути его. Будь она и непрекрасна, онъ равно былъ бы благодаренъ ей.

Наступила зимняя ночь и сильный морозъ. Воздухъ былъ чистъ. Звѣзды ярко блестѣли на небѣ, и длинныя тѣни спо-

койно дремали вдоль широкой дороги и далѣе, по обнаженнымъ и побѣлѣвшимъ отъ снѣга полямъ.

Молодой человѣкъ весело ходилъ взадъ и впередъ, напѣвая вполголоса старинные нѣмецкіе и англійскіе стихи, и останавливаясь каждую минуту, чтобъ полюбоваться безмолвными звѣздами. Онъ не слишкомъ много думалъ о предстоящемъ свиданіи.

Наконецъ онъ увидѣлъ Алису. Она робко подошла къ нему. Сердце молодаго человѣка забилось сильнѣе.

— Милая дѣвушка! сказалъ онъ ей, начиная разговоръ, по привычкѣ, невольнымъ комплиментомъ: какъ этотъ полусвѣтъ идетъ къ вамъ! Какъ я благодаренъ вамъ, что вы не забыли меня.

Алиса подошла къ нему довѣрчиво.

— Какъ васъ зовутъ? спросилъ онъ, склоняясь къ лицу дѣвушки.

— Алиса Дарвиль.

— А этотъ ужасный человѣкъ отецъ вашъ?

— Нѣтъ! онъ воспитатель мой.

— Что заставило васъ подозрѣвать, что онъ хотѣлъ ограбить меня? Развѣ онъ уже замышлялъ подобныя злодѣянія?

— Нѣтъ; но послѣднее время онъ часто говорилъ о грабежѣ. Но когда я увидѣла его глаза, когда онъ унесъ ключъ, въ то время, какъ вы стояли спиною къ двери, я почувствовала что... что вы были въ опасности.

— Добрая дѣвушка! Но продолжайте...

— Я сказала ему это, когда мы пришли наверхъ. Я не знала, что подумать, когда онъ сказалъ мнѣ, что не сдѣлаетъ вамъ ничего дурнаго; однакожъ все-таки украла ключъ отъ наружной двери, который онъ бросилъ на столъ, и ушла въ свою комнату. Я подслушивала за дверью, слышала, какъ онъ сходилъ съ лѣстницы и остановился на ней; я наблюдала за нимъ сверху. Съ этой лѣстницы можно было выйти въ поле заднимъ выходомъ. Спустя нѣсколько времени, я услышала, что кто-то шептался съ нимъ. Я узнала голосъ, это былъ Джонъ Уальтерсъ; я испугалась его. Скоро они оба ушли заднимъ выходомъ.—Я также украдкою сошла внизъ и подслушивала. Джонъ Уальтерсъ искалъ молотка своего. Дарвиль сказалъ, что молотокъ подъ лѣстницей. Тутъ я увидѣла, что медлить нечего, сэръ, и... и... но вы знаете остальное.

— Но какъ же вы ушли?

— О! послѣ разговора съ Джономъ Уальтерсомъ, Дарвиль вошелъ въ мою комнату, билъ меня, стращалъ... и наконецъ выгналъ изъ дому. Въ это время начинало уже свѣтать. Я шла, не останавливаясь, до-тѣхъ-поръ, пока встрѣтилась съ вами.

— Бѣдная малютка, въ какой вертепъ порока были вы заброшены!

— Что вы сказали, серъ?

— Она не понимаетъ меня! Учили ли васъ читать и писать?

— Нѣтъ.

— Но я увѣренъ, что васъ, по-крайней-мѣрѣ, учили закону Божію и молиться Богу.

— Что это такое молиться? *

Мальтраверсъ отступилъ въ ужасѣ. Такое глубокое невѣжество оскорбило его. Онъ никогда не встрѣчался лицомъ къ-лицу съ человѣческимъ существомъ, которое не имѣло бы понятія о Богѣ.

— Бѣдная дѣвушка! сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, — мы не понимаемъ другъ друга. Вы знаете, что есть Богъ?

— Нѣтъ, серъ.

— Неужели вамъ никогда не говорили, кто сотворилъ звѣзды, которыя вы видите на небѣ, и землю, на которой стоите?

— Нѣтъ.

— А вы сами никогда объ этомъ не думали?

— Нѣтъ, серъ.

Мальтраверсъ посмотрѣлъ на нее недовѣрчиво.

— Видите ли вы это большое зданіе съ высокою колокольнею, поднимающеюся подъ самыя облака.

— Да, серъ, вижу.

— Какъ оно называется?

— Какъ? Церковь.

— Бывали ли вы въ ней когда-нибудь?

* Это страшное невѣжество и многія другія черты въ характерѣ Алисы списаны съ натуры; подобное невѣжество, соединенное съ совершеннымъ понятіемъ о добрѣ и злѣ, которое, очевидно, должно было инстинктивно развиваться въ ней, встрѣчается весьма нерѣдко, что свидѣтельствуютъ донесенія полиціи. Въ «Examiner» въ 1835 году, (не слѣдуя за нитью этого журнала, не могу опредѣлить настоящаго числа) найдено дѣло одной молодой дѣвушки, которая отвѣчала на вопросы магистрата почти тѣми же словами, какъ Алиса Мальтраверсу. *Примѣчаніе сочинителя.*

— Нѣтъ, серъ. Дарвель меня не пускалъ изъ дома.

— Вашъ воспитатель... но оставимъ это... Боже мой! что я буду дѣлать съ этою несчастною!

— Да, серъ, я очень несчастна, сказала Алиса, поняавши наконецъ его послѣднія слова; и слезы тихо текли по щекамъ ея.

Мальтраверсъ въ жизнь свою не былъ такъ растроганъ. Его благодарность и дружеское участіе къ ней приняли видъ братской любви.

— Вы знаете, по-крайней-мѣрѣ, спросилъ онъ, что такое школа?

— Да, я говорила объ этомъ съ дѣвушками, которыя ходятъ въ нее.

— А хотѣли ли бы вы также ходить туда?

— О нѣтъ, серъ, прошу васъ, нѣтъ!

— Что же вы хотѣли бы дѣлать? говорите прямо, моя милая. Я вамъ такъ много обязанъ, что считалъ бы себя счастливымъ, еслибъ могъ устроить васъ по вашему собственному желанію.

— Я желала бы жить съ вами, серъ.

Мальтраверсъ вздрогнулъ, едва примѣтно улыбнулся и покраснѣлъ... Но взглянувъ въ глаза дѣвушки, которыя были устремлены на него страстно, и въ тоже время имѣли такъ много наивности въ своемъ нѣмомъ и безсознательномъ взорѣ, онъ увидѣлъ, что она совершенно не понимала, какъ можно было перетолковать ея простодушное признаніе.

Я сказалъ уже, что Мальтраверсъ былъ энтузіастъ, и самое причудливое созданіе, какое только можно вообразить себѣ. Голова его была наполнена странными нѣмецкими романами и *метафизическими наблюденіями*. Разъ онъ заперся на нѣсколько мѣсяцовъ, чтобъ изучать астрологію, и даже подозрѣвали, что онъ серьозно вздумалъ отыскивать философскій камень. Нѣкоторыя изъ подобныхъ глупостей заставили его оставить Германію ранѣе, чѣмъ онъ самъ и родители его того пожелали. Въ немъ не было той строгой положительности, какою отличаются его соотечественники. Все, что было странно и неопредѣленно, имѣло необыкновенную прелесть для Эрнеста Мальтраверса. Согласно съ этою наклонностью, въ головѣ его закружилась идея, которая восхитила его подвижное и фантастическое воображеніе. Онъ задумалъ самъ воспитывать это дитя природы.

— Итакъ, сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія,—

вы хотѣли бы жить со мною. Но, Алиса, мы не должны любить другъ друга.

— Я не понимаю васъ, сэръ.

— Такъ и ненужно! сказалъ Мальтраверсъ, нѣсколько смутившись.

— Я всегда желала идти въ служеніе.

— Гм!

— А вы были бы добрый хозяинъ.

Мальтраверсъ былъ наполовину разочарованъ.

— Не слишкомъ лестное преимущество! подумалъ онъ.— Тѣмъ безопаснѣе для насъ. Хорошо, Алиса, ваше желаніе будетъ исполнено. Покойно ли вамъ въ вашей новой квартирѣ?

— Нѣтъ.

— Отчего? Не обидѣлъ ли васъ кто?

— Нѣтъ; но тамъ шумятъ, а я желала бы покойно думать о васъ.

Молодой человѣкъ началъ снова обдумывать свой прежній планъ.

— Хорошо, Алиса. Идите теперь домой. Завтра я найму хижину, и вы будете пристроены. Я научу васъ читать, писать и молиться Богу. Вы узнаете, что у васъ есть милосердный Отецъ тамъ на небѣ, который любитъ васъ больше, чѣмъ кто-либо на землѣ. Повидайтесь со мною еще завтра, въ этотъ самый часъ. О чемъ же вы плачете, Алиса? О чемъ вы плачете?...

— Я такъ счастлива!... отвѣчала дѣвушка, рыдая. Я буду жить съ вами, я буду видѣть васъ.

— Идите, дитя, идите! сказалъ Мальтраверсъ съ живостью, и пошелъ прочь отъ дѣвушки.

Обернувшись, молодой человѣкъ увидѣлъ, что Алиса все еще стоитъ тамъ же, гдѣ онъ ее оставилъ, и провожаетъ его взоромъ! Онъ махнулъ ей рукою, и она медленно пошла, слѣдомъ за нимъ, въ городъ....

Хотя, Мальтраверсъ былъ не старшій сынъ, но имѣлъ въ виду большое наслѣдство, и пользовался прекраснымъ доходомъ, котораго достаточно было на удовлетвореніе потребностей молодаго человѣка. Воспитывавшись въ Германіи, онъ не научился расточительности, столь свойственной Англичанамъ его лѣтъ и положенія. Онъ былъ баловень не другихъ, но своего собственнаго воображенія; домой, на родину, его еще не ожидали, слѣдственно ничто не могло удерживать его отъ этого новаго плана.

На слѣдующій день онъ отыскалъ хижину по сосѣдству отъ города. Это былъ одинъ изъ тѣхъ хорошенькихъ домиковъ, крытыхъ соломою, съ балконами, уставленными мѣсячными розами, съ теплицей и большимъ лугомъ, словомъ, которые оправдываютъ англійскую пословицу: «въ хижинѣ любовь». Хижина эта была выстроена однимъ старымъ негоціантомъ, для какой то бѣлокурой Розамонды, и дѣлала честь его вкусу. Старуха, оставленная хозяиномъ при домѣ, должна была стряпать и исправлять всю домашнюю службу. Такимъ образомъ Алиса была пристроена. Алиса была подъ именемъ служанки. Ни негоціантъ, ни старуха, не понимали намѣреній молодаго человѣка, но онъ платилъ впередъ за квартиру и за услугу, и они не пускались въ дальнѣйшіе разспросы. Однакожъ Мальтраверсъ думалъ, что благоразумнѣе будетъ, если онъ не скажетъ своего имени, котораго, конечно, достаточно было для того, чтобъ о молодомъ человѣкѣ заговорили въ городѣ, находящемся очень близко отъ мѣстопребыванія его отца, богатаго и стариннаго дворянина той провинціи. Вслѣдствіе этого онъ назвался Бутлеромъ именемъ, которымъ назывался одинъ его родственникъ по матери. Только подъ этимъ именемъ онъ былъ извѣстенъ и Алисѣ и въ городѣ. Отъ нея онъ не имѣлъ никакого намѣренія скрываться, но просто не представился ни разу случай поговорить съ нею, ни о своемъ родствѣ, ни о званіи.

V.

Мысли разстроили ихъ счастіе.

Мальтраверсъ поселился въ сосѣдствѣ Алисы, приходилъ всякій день давать ей уроки, и нашелъ въ ней такую кроткую воспитанницу, какую только могъ пожелать самый разсудительный наставникъ. Впрочемъ чтеніе и письмо весьма неинтересныя начала! Если выведенъ фундаментъ, то на немъ легко соорудить прекрасныя палаты знаній; но выкапываніе земли и построеніе сводовъ очень скучная и тяжелая работа. Вѣроятно,

молодой человѣкъ почувствовалъ это, потому-что, спустя нѣсколько дней, Алиса была передана съ рукъ на руки старому и безобразнѣйшему учителю чистописанія, единственному въ сосѣднемъ городѣ. Удивительно, какъ Мальтраверсъ заботился о нравственности Алисы. Бѣдная дѣвушка сначала горько плакала при этой перемѣнѣ, но серьозныя убѣжденія и торжественныя увѣщанія Мальтраверса примирили наконецъ ее съ новымъ учителемъ, и она обѣщала учиться прилежно и быть внимательною во-время уроковъ. Не скажу однакожъ, чтобы я вполнѣ былъ увѣренъ, что скука была единственная причина, отвратившая нашего мечтателя отъ предпринятаго труда; можетъ-быть, онъ чувствовалъ всю опасность своего положенія; при всѣхъ измѣнчивыхъ грезахъ его фантазіи въ груди его билось доброе, великодушное и благородное сердце. Онъ успѣлъ снискать любовь не одной сентиментальной Нѣмочки. Но онъ былъ слишкомъ молодъ, слишкомъ живъ, и слишкомъ восторженъ. Правда, онъ весьма легко влюблялся, или лучше сказать воображалъ себя влюбленнымъ; — но въ любви его было много идеальнаго, и онъ не могъ понять игру страсти, гдѣ не участвовало бы сердце или воображеніе. И хотя Алиса была очень хороша и очень привлекательна, онъ однакожъ не былъ влюбленъ въ нее, да и не имѣлъ намѣренія влюбиться. Первый вечеръ послѣ того, какъ онъ передалъ Алису на руки другаго учителя, показался Мальтраверсу немного длиннымъ; но въ самомъ себѣ онъ имѣлъ много источниковъ развлеченія. Онъ разложилъ передъ собою на столѣ Шекспира и Шиллера, и закуривъ свой нѣмецкій meerschaum, читалъ до-тѣхъ-поръ, пока чтеніе вдохновило его. Тогда онъ сталъ писать, сочинилъ небольшіе стансы, и не удовольствовался до-тѣхъ-поръ, пока не положилъ ихъ на музыку и не пропѣлъ ихъ. Самъ Мальтраверсъ любилъ музыку и пѣніе съ энтузіазмомъ Нѣмца; къ тому же онъ имѣлъ пріятный и обработанный голосъ, и глубокое знаніе въ этомъ искусствѣ. Какъ солнце затмѣваетъ звѣзды, такъ разгорѣвшееся пламя его воображенія затмило на время фантастическую мысль о его прекрасной воспитанницѣ.

Было уже очень поздно, когда Мальтраверсъ пошелъ спать. Проходя черезъ узкій корридоръ, который велъ въ его комнату, онъ услышалъ легкіе шаги, и увидѣлъ мелькнувшую женскую фигуру, скрывшуюся въ противуположную дверь. — Ребенокъ, подумалъ онъ, угадывая, кто бѣжалъ передъ нимъ: —

Она подслушивала мое пѣніе. Непремѣнно побраню ее. Но онъ забылъ это намѣреніе.

Проходилъ день за днемъ. Мальтраверсъ почти не видѣлъ свою воспитанницу, для которой заперся въ хижинѣ, во-время глубокой зимы. Онъ нисколько не раскаивался въ своемъ предпріятіи образовать бѣдную дѣвушку, даже не былъ утомленъ своимъ затворничествомъ; но не хотѣлъ слѣдить за успѣхами Алисы, потому-что боялся разочароваться ихъ медленностью. Вѣдь какъ ни прекрасна собою дѣвушка, а въ одинъ день читать и писать не выучится. Онъ находилъ развлеченье въ самомъ себѣ. Онъ былъ счастливъ, что могъ быть наединѣ съ своими собственными мыслями. Жизнь его достигла одной изъ тѣхъ періодическихъ эпохъ, когда мы желаемъ вздохнуть и осмотрѣться на методическомъ пути, по которому идемъ до гроба. Онъ желалъ собрать запасы своихъ прежнихъ попытокъ, и отдохнуть умомъ, прежде чѣмъ снова броситься въ міръ дѣйствительности. Время было чрезвычайно холодное; но Эрнестъ Мальтраверсъ былъ неустрашимый любитель природы, и ни снѣгъ, ни холодъ не могли удержать его отъ ежедневныхъ прогулокъ. Около полудня онъ обыкновенно откладывалъ въ сторону тетради и книги, бралъ шляпу и палку, и отправлялся, насвистывая или напѣвая свои любимыя аріи, по пустыннымъ улицамъ, или вдоль замерзшей рѣки, или по обнаженному лѣсу, смотря потому, куда вела его фантазія. Мальтраверсъ не былъ ни Эдуинъ, ни Гарольдъ, которые берегли свои мечты для уединенныхъ ручейковъ и пастушескихъ холмиковъ. Мальтраверсъ любилъ природу во всемъ, особенно въ людяхъ. Самый скромный и узкій переулокъ многолюднаго города имѣлъ для него что-то поэтическое; онъ всегда былъ готовъ вмѣшаться въ толпу, еслибы даже она собралась вокругъ шарманки, или около собачьей драки, и прислушивался ко всему, что говорили, и замѣчалъ все, что дѣлалось. Это, я думаю, и есть настоящій поэтическій темпераментъ, свойственный каждому артисту, который желаетъ быть чѣмъ-нибудь выше простаго маляра. Но всего болѣе его интересовало развитіе человѣческихъ страстей. Онъ любилъ изучать сердце въ естественномъ его видѣ, тамъ, гдѣ оно гораздо прозрачнѣе,—то-есть у людей невоспитанныхъ, простыхъ. Можетъ быть, въ самомъ-дѣлѣ, большею частію своего глубокаго знанія человѣческаго сердца онъ былъ обязанъ своему убѣжденію, что нѣтъ такой развращенной души, въ которой нельзя было бы отыскать хоть одной свѣтлой черты. Но Мальтраверсъ имѣлъ также свои припадки нелюдимости. Тогда

онъ находилъ отраду только въ самыхъ уединенныхъ мѣстахъ. Зима и лѣто, невоздѣланная, обнаженная почва и роскошная зелень, все имѣло въ его глазахъ прелесть, потому-что красота ихъ отражалась въ его душѣ, сквозь которую онъ смотрѣлъ на природу. Съ прогулокъ этихъ онъ возвращался домой когда уже становилось темно, тутъ ожидалъ его простой обѣдъ; потомъ, въ продолженіе длинныхъ вечеровъ, онъ сочинялъ стихи или читалъ, съ такимъ непостоянствомъ, которое можно сравнить съ музыкою или съ веселыми мечтами молодаго человѣка, который видитъ передъ собою цѣлую жизнь удовольствій. Счастливый Мальтраверсъ! Богатства всѣхъ Ротшильдовъ не могутъ купить молодости и таланта! А, ты, Мальтраверсъ, честолюбивъ! жизнь по твоему тянется слишкомъ медленно! Ты желалъ бы подгонять часовыя колеса. Безумецъ! Ты молодъ и поэтъ! Чего тебѣ еще надобно? Вели времени остановиться навсегда!

Въ одно утро Эрнестъ всталъ ранѣе обыкновеннаго, и медленно прохаживался по теплицѣ, которая прилегала къ гостиной. Онъ спокойно и съ любопытствомъ разсматривалъ нѣкоторыя растенія. Учившись когда-то ботаникѣ, онъ имѣлъ особенное, воображаемое понятіе о жизни растеній, и видѣлъ въ нихъ тайны, которыхъ ни одинъ ботаникъ не научаетъ насъ. Вдругъ въ недальнемъ разстояніи отъ себя онъ услышалъ тихое, но весьма мелодическое пѣніе. Онъ сталъ прислушиваться, и съ удивленіемъ узналъ собственныя слова, которыя недавно положилъ на музыку, и которыя любилъ пѣть по вечерамъ.

Когда пѣніе смолкло, Мальтраверсъ тихонько прокрался черезъ теплицу, отворилъ дверь въ садъ, и увидѣлъ Алису, сидѣвшую у отвореннаго окна своей комнаты. Эта комната выдавалась отъ общаго строенія въ сторону, и составляла собою ту неправильность, которая служитъ украшеніемъ подобнаго рода зданій. Алиса не замѣчала его до-тѣхъ-поръ, пока онъ не назвалъ ее раза два по имени. Услышавъ свое имя, она встрепенулась.

— Алиса, сказалъ Мальтраверсъ привѣтливо, — надѣньте пляшку, и пойдемте гулять въ садъ: вы какъ-будто блѣдны, дитя мое; утренній воздухъ освѣжитъ васъ.

Алиса покраснѣла и улыбнулась; черезъ нѣсколько минутъ она была уже возлѣ него. Между тѣмъ Мальтраверсъ вошелъ въ комнату, и закуривъ свою пѣнковую трубку, которая была его лучшимъ вдохновителемъ, когда мысли его мѣшались, или когда обыкновенная говорливость его измѣняла ему. Съ этимъ вѣрнымъ союзникомъ онъ ожидалъ Алису на дорожкѣ, облегав-

шей долину, посреди вѣчно-зеленѣющихъ кустарниковъ.

— Алиса, сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, но вдругъ остановился.

Алиса взглянула на него серьезно.

Можетъ-быть дымъ непріятенъ вамъ, сказалъ Матраверсъ.— Это одна изъ моихъ дурныхъ привычекъ.

— Нѣтъ, серъ, отвѣчала Алиса, съ недовольнымъ видомъ.

Мальтраверсъ остановился, сорвалъ подснѣжникъ и сказалъ:

— Какой прекрасный цвѣтокъ! Любите ли вы цвѣты?

— О, страстно! отвѣчала Алиса, съ нѣкоторымъ энтузіазмомъ:—я нигдѣ не видала ихъ столько, какъ здѣсь.

— Теперь я могу продолжать, подумалъ Мальтраверсъ, — но что-же мнѣ сказать?

— Вы премило поете, Алиса! сказалъ онъ.

— Ахъ, серъ, вы... вы... Она вдругъ остановилась и видимо смутилась.

— Да, я подслушалъ васъ, Алиса, говорилъ Мальтраверсъ.

— И сердитесь?

— Я? Боже избави! Это *талантъ*; но вы не знаете, что-такое талантъ; я хотѣлъ сказать, что чрезвычайно хорошо имѣть слухъ, голосъ и чувство въ музыкѣ; а въ васъ я нахожу все это.

Онъ остановился, потому-что въ это самое время Алиса схватила его руку и поцаловала. Мальтраверсъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ; но взоръ дѣвушки ясно показывалъ, что она совершенно не понимала, что это было неприлично и нескромно.

— Я было такъ испугалась, подумавъ, что вы разсердились, сказала она, оставляя его руку, и утпрая глаза.—А теперь я вижу, что вы все знаете.

— Все?

— Да, какъ я подслушивала васъ каждый вечеръ, и какъ послѣ я не могла заснуть во всю ночь, потому-что музыка раздавалась въ моихъ ушахъ, и я старалась напѣвать потихоньку тоже. Наконецъ я рѣшилась запѣть громко. Мнѣ это нравится гораздо больше, чѣмъ учиться читать.

Все это восхищало Мальтраверса. Дѣвушка тронула его слабую струну; однакожъ онъ молчалъ.

— А теперь, сэръ, продолжала Алиса,—я надѣюсь, вы позволите мнѣ каждый вечеръ стоять за дверью вашей комнаты, и слушать васъ; я не сдѣлаю ни малѣйшаго шума, я буду такъ смирна!

— Какъ, въ этомъ холодномъ корридорѣ, въ такія морозныя ночи?

— Я привыкла къ холоду, сэръ. Дарвиль не позволялъ мнѣ разводить огонь, когда самъ не бывалъ дома.

— Нѣтъ, Алиса, вы будете приходить въ мою комнату, когда я играю, и я даже дамъ вамъ одинъ или два урока музыки. Я очень радъ, что у васъ хорошій слухъ; это, можетъ-быть, послужитъ вамъ, когда вы меня оставите, средствомъ, честнымъ образомъ доставить себѣ пропитаніе.

— Когда я.... вскричала Алиса со страхомъ; потомъ продолжала покойно: но я не намѣрена никогда оставить васъ, сэръ!

Мальтраверсъ прибѣгнулъ къ своей трубкѣ.

Въ эту самую минуту, можетъ-быть, къ счастію, къ нимъ подошолъ мистеръ Симкоксъ, старый учитель чистописанія. Алиса ушла въ комнаты приготовлять свои книги, а Мальтраверсъ, положа руку на плечо учителя, сказалъ ему:

— Надѣюсь, сэръ, у васъ прилежная ученица.

— О весьма, весьма, мистеръ Бутлеръ. Она идетъ славно. Она занимается много безъ меня, да и я не щажу труда.

— А успѣли ли вы внушить бѣдной дѣвушкѣ, сказалъ Мальтраверсъ, торжественнымъ голосомъ,—тѣ священныя понятія, о которыхъ я говорилъ вамъ при первомъ нашемъ свиданіи.

— Какъ же, сэръ; а ужъ, признаться, она была совершенная язычница, совершенная магометанка; но теперь она начинаетъ.

— Чему же вы научили ее?

— Что Богъ создалъ ее.

— Научилась ли она молиться Богу?

— О! да, Богъ благословилъ ее. Когда я растолковалъ ей, почему она должна молиться Богу, то она не успокоилась дотѣхъ-поръ, пока я не прочелъ ей изъ молитвенника одну молитву, и она тотчасъ же выучила ее наизустъ.

— Довольно, мистеръ Симкоксъ. Я не удерживаю васъ болѣе.

Забывая свой неначатый завтракъ, и продолжая курить, Мальтраверсъ размышлялъ до-тѣхъ-поръ, пока не убѣдился, что обязанность его была развить въ Алисѣ прекрасный талантъ, которымъ природа одарила ее и который могъ обезпечить всю ея будущность. Онъ думалъ сложить съ себя тяжелую отвѣтственность, которая часто безпокоила его. Мысль эта была прекрасна. Алиса могла современемъ выступить на путь жизни съ знаніемъ благороднаго и честнаго ремесла.

роды, о благости и могуществѣ Бога, о таинственной и духовной исторіи человѣчества.

Восхищенный внимательностью и способностью своей ученицы, Мальтраверсъ рѣшился наконецъ перейти съ нею отъ наукъ къ поэзіи. Онъ повторялъ ей самые простые и самые ближайшіе къ природѣ отрывки, выбранные имъ изъ его любимыхъ поэтовъ; онъ сочинялъ для нея стихи, доступные ея понятію. Эти-то стихи ей нравились всего больше, и она легко выучивала ихъ наизустъ. Никогда молодой поэтъ не имѣлъ при себѣ болѣе обворожительнаго вдохновенія, и никогда суровый и негармоническій свѣтъ не подчинялъ себя такъ снисходительно его нѣжнымъ мечтамъ. Растенія въ теплицѣ были переданы на попеченіе Алисы, и кромѣ ея, никто еще не смѣлъ прикасаться къ книгамъ Мальтраверса, или измѣнять лирическій безпорядокъ въ его комнатѣ. Когда, утромъ, онъ приходилъ въ свой кабинетъ, или возвращался домой съ прогулки, тогда находилъ все въ порядкѣ, и именно, какъ бы магическою силою, всякая вещь была на томъ самомъ мѣстѣ, какъ бы онъ желалъ. Любимые цвѣты его, только-что сорванные, красовались на столѣ; широкое кресло, стоявшее какъ-разъ въ углу, возлѣ камина, протягивало оттуда самымъ привѣтливымъ образомъ свои радушныя объятія желанному гостю; все показывало присутствіе заботливой женщины. А какъ только било восемь часовъ, являлась сама Алиса, такая хорошенькая и улыбающаяся, съ такимъ счастіемъ во взорѣ, что неудивительно, что одинъ часъ, первоначально назначенный для урока, скоро разросся до трехъ.

Любила ли Алиса Мальтраверса?... Если это и было, то признаки этой страсти не выказывались обыкновеннымъ путемъ. Она не дѣлалась ни скрытнѣе, ни застѣнчивѣе, и не обнаруживала никакого безпокойства; никакой червь не точилъ пышныхъ розъ на щечкахъ ея. Напротивъ того, хотя она оказалась довольно смѣлою съ самаго перваго свиданія съ Эрнестомъ, теперь, съ каждымъ днемъ она становилась еще развязнѣе, свободнѣе въ обращеніи и довѣрчивѣе. Въ-самомъ-дѣлѣ, она никогда и не подозрѣвала, что должна была вести себя иначе; въ ней не было той условной боязливой стыдливости дѣвушекъ, которыя уже научились, что въ любви есть таинственность и опасность. Чувства ея были такъ чисты! Могла-ли она удерживать восторгъ свой, слушая Мальтраверса, и скрывать тоску, когда онъ заговаривалъ о разлукѣ? Все, что она чувствовала, она высказывала съ такимъ простодушіемъ, что

чистосердечно! Такое спокойное чистосердечіе иногда совершенно ослѣпляло и обманывало нашего молодаго мечтателя.

— Нѣтъ, думалъ онъ, она не любитъ меня. Въ противномъ случаѣ она не могла бы такъ свободно выражать свои чувства. Она любитъ меня, какъ брата, и нѣсколько изъ благодарности. Милая дѣвушка, я очень радъ, что это такъ. Я зналъ, что тутъ не могло быть опасности....

Но любилъ ли онъ ее? Это читатель долженъ разрѣшить самъ.

— Алиса, сказалъ Мальтраверсъ однажды вечеромъ, послѣ продолжительнаго молчанія и раздумья, въ-то-время какъ дѣвушка разсѣянно разучивала свой послѣдній урокъ на фортепіано,—Алиса, нѣтъ не оборачивайтесь, останьтесь на вашемъ мѣстѣ, но выслушайте меня. Мы не можемъ жить всегда, какъ въ настоящее время....

Алиса не послушалась его, обернулась, и ея большіе голубые глаза устремились на него съ такою тоскою, что онъ, смущенный, не зналъ, что̀ ему дѣлать, и машинально началъ искать по комнатѣ свою трубку. Но Алиса, угадывавшая по инстинкту малѣйшія его желанія, подала ему ее, тогда какъ онъ еще искалъ въ самыхъ отдаленныхъ углахъ комнаты, куда, разумѣется, трубка никогда не могла попасть. Она уже лежала передъ нимъ, набитая благовонною салонникою, сверхъ которой искрилась золотистая ленешка, которая, хотя и была нѣсколько вредна для здоровья, но запахомъ своимъ услаждала взыскательный вкусъ Мальтраверса, потому-что онъ былъ эпикуреецъ въ своихъ привычкахъ.

Трубка была уже въ прелестныхъ ручкахъ. Принимая ее, Мальтраверсъ невольно долженъ былъ притронуться къ нимъ, и раскуривая благовонное зелье, долженъ былъ трепетать и краснѣть передъ большими голубыми глазами молодой дѣвушки.

— Благодарю васъ, Алиса, сказалъ онъ,—благодарю. Сядьте тамъ, подальше, чтобъ вамъ не дуло. Я отворю окно, вечеръ такой чудесный.

Онъ отворилъ окно, обросшее вьющимися растеніями. Свѣтъ луны прекрасно озарялъ гладкую долину. Торжественная тишина ночи успокоила и возвысила его мысли; онъ оторвался отъ взора Алисы, и продолжалъ твердымъ, но ласковымъ голосомъ:

— Милая Алиса, мы не можемъ жить всегда такъ, какъ теперь. Вы уже довольно благоразумны, можете понять меня,

и выслушаете терпѣливо. Молодая женщина никогда не имѣетъ недостатка ни въ счастьи, ни въ средствахъ къ пропитанію, пока не потеряетъ добраго имени; потерявши же его, она всегда будетъ бѣдна и сдѣлается предметомъ общаго презрѣнія. Въ свѣтѣ же легко лишаться добраго имени, какъ проступкомъ, такъ и по неосторожности. Если вы останетесь жить здѣсь дольше, то это будетъ очень неосторожно, и ваше доброе имя пострадаетъ такъ много, что вы не въ состояніи будете открыть себѣ путь къ честному пропитанію. Тогда, вмѣсто того, чтобъ оказать вамъ услугу, я сдѣлалъ бы вамъ смертельное зло, которое никогда не былъ бы въ состояніи поправить. Однимъ словомъ, продолжалъ Мальтраверсъ болѣе вашимъ тономъ, вамъ не должно оставаться въ настоящемъ положеніи. Я долженъ ѣхать домой. Родные будутъ сердиться на меня, если я стану скрываться отъ нихъ еще на нѣсколько недѣль. Вы же, милая Алиса, слишкомъ много успѣли въ наукахъ и имѣете теперь нужду въ лучшемъ образованіи, чѣмъ какое мистеръ Сампсонъ или я можемъ дать вамъ. Я думаю помѣстить васъ въ какое-нибудь почтенное семейство, гдѣ вамъ будетъ жить гораздо покойнѣе и приличнѣе, чѣмъ здѣсь. Вы можете кончить ваше воспитаніе, и тогда, вмѣсто того, чтобъ учиться, вы будете въ состояніи учить другихъ. Съ вашею красотою, Алиса, (и Мальтраверсъ вздохнулъ), съ вашими врожденными талантами и кроткимъ характеромъ, вамъ остается только жить честно и благоразумно, и вы современемъ найдете себѣ достойнаго мужа и счастливый бытъ. Слышали ли вы меня, Алиса? Вотъ планъ, сдѣланный мною для вашей будущности.

Молодой человѣкъ дѣйствительно думалъ какъ говорилъ. Намѣреніе его было искренно, руководителемъ его была честь; для него самого это была большая жертва, чѣмъ, можетъ-быть, предполагаетъ читатель. Если сердце Мальтраверса и было наполнено страстями, но въ немъ не было нисколько эгоизма; онъ чувствовалъ, говоря собственнымъ его выраженіемъ, не краснорѣчивымъ, но сильнымъ, что оставаться въ такомъ положеніи имъ было невозможно.

Алиса не понимала свою собственную опасность, а потому не поняла, къ чему клонились разсужденія Эрнеста. Она встала блѣдная, дрожа всѣмъ тѣломъ подошла къ Мальтраверсу и кротко взяла его за руку.

— Я уйду, когда и куда вы прикажете... чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... завтра... да завтра... Вы стыдитесь за бѣдную Алису

и, съ моей стороны было очень дурно, что я была такъ счастлива...

Она съ минуту боролась съ душевнымъ волненіемъ, потомъ продолжала:

— Вы знаете, что Богъ услышитъ меня, когда я буду далеко отъ васъ. Онъ благословитъ васъ, сэръ, и сдѣлаетъ счастливымъ, потому-что это одно, о чемъ я могу молить его.

Съ этими словами она повернулась и гордо пошла къ двери. Но переступивъ черезъ порогъ, она остановилась и осмотрѣлась, какъ бы прощаясь въ послѣдній разъ. Всѣ воспоминанія, связанныя съ этимъ милымъ жилищемъ, столпились въ головѣ ея; у нея замерло дыханіе; она пошатнулась, и упала безъ чувствъ на полъ.

Мальтраверсъ мигомъ очутился подлѣ нея; онъ приподнялъ милую тяжесть на руки, и страстныя восклицанія вылетали изъ груди его.

— Алиса, милая Алиса, говорилъ онъ,—прости меня!... мы никогда не разстанемся!

Онъ отогрѣвалъ ея ручки въ своихъ рукахъ, и головка ея покоилась на груди его...

VII.

Барка несется изъ родимой бухты!

Венеціанскій купецъ.

На слѣдующее утро Мальтраверсъ вышелъ изъ своей комнаты пасмурный и печальный. Онъ желалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ боялся встрѣтить Алису... Услышавъ ея шаги въ теплицѣ, онъ остановился въ нерѣшимости, но наконецъ пошелъ къ ней. Увидѣвъ его, она спросила едва слышнымъ голосомъ:

— Теперь должна ли я оставить васъ?

— Никогда! отвѣчалъ Мальтраверсъ съ жаромъ.

Лицо ея засіяло такою радостью, что Малтраверсъ невольно развеселился... Алиса платила Эрнесту любовью за умъ, который почерпала въ его познаніяхъ... Вся душа ея перелилась въ

это чувство. Она перестала думать о себѣ. Цѣлый этотъ день они гуляли вмѣстѣ по саду, и Мальтраверсъ помирился самъ съ собою.

Дни летѣли для нихъ незамѣтно.

Зима прошла; настала ранняя весна со своимъ яркимъ солнцемъ, своими цвѣтами, и служила какъ бы зеркаломъ ихъ молодости. Алиса никогда не сопровождала Мальтраверса въ его дальнихъ прогулкахъ, частію потому, что боялась встрѣтиться съ своимъ воспитателемъ, а частію оттого, что Мальтраверсъ желалъ избѣгать всякой огласки. Весь міръ сосредоточивался для нихъ на этихъ трехъ десятинахъ, на которыхъ былъ разсаженъ садикъ, долина, ручей, лѣсокъ и терраса, все это принадлежало имъ, и Алиса никогда и не спрашивала, былъ ли другой міръ, кромѣ этого.

Теперь она сдѣлалась совершенно ученою, какъ увѣрялъ самъ мистеръ Симкоксъ. Она могла читать бѣгло вслухъ для Мальтраверса, и мелкимъ, хотя неслишкомъ твердымъ почеркомъ списывала его любимыхъ поэтовъ, и ему ненужно было болѣе рыться въ саксонскомъ словарѣ, чтобъ передавать ей свои мысли. Любовь отворила для нихъ всѣ лепестки души своей.

VIII.

> Тучи несутся, какъ коршуны на добычу... Небо утратило свое лазурное одѣяніе, звѣзды свой лучезарный блескъ.
>
> *Байронъ. «Небо и земля.»*

Былъ чудесный апрѣльскій вечеръ; погода стояла необыкновенно тихая и ясная для этого времени года въ сѣверныхъ частяхъ нашего острова. Прозрачныя капли недавняго дождя сверкали на почкахъ сирени и каприфолія, которыя куртинами росли вокругъ хижины Мальтраверса. Маленькій фонтанъ, играющій посереди круглаго бассейна, на свѣтлую поверхность котораго разсыпающаяся водяная лилія бросала свою прекрасную тѣнь, придавалъ свѣжесть молодой и мягкой, какъ бархатъ,

травѣ долины, на которой рѣдкіе и ранніе цвѣты закрывали свои отяжелѣвшія отъ дождя чашечки. Этотъ утренній дождикъ придалъ необыкновенную теплоту воздуху, а вѣтерокъ, разносившій ароматъ, похищенный имъ изъ клумбъ, наполненныхъ фіялками, едва замѣтно шевелилъ золотистыя кудри Алисы, когда она сидѣла возлѣ молчаливаго и погруженнаго въ восторгъ Мальтраверса. Они сидѣли на простой скамейкѣ, возлѣ самой хижины, въ которой окна были отворены, и въ нихъ можно было видѣть уютную комнату Алисы, съ полкою книгъ и музыкальнымъ инструментомъ, такъ краснорѣчиво выражавшую поэзію домашняго быта.

Мальтраверсъ былъ молчаливъ, потому-что его перемѣнчивое и впечатлительное воображеніе создавало тысячу призраковъ на этомъ прозрачномъ воздухѣ, на этихъ темныхъ фіялковыхъ клумбахъ. Въ эту минуту онъ не думалъ, а воображалъ. Его умъ задумчиво отдыхалъ въ тихомъ, но чудномъ сознаніи своего счастія. Алиса не была единственнымъ предметомъ его мысли, но она безсознательно придавала ей особенный колоритъ, и еслибъ она отошла отъ него, то въ туже минуту исчезло бы все очарованіе. Алиса, не будучи ни поэтомъ, ни геніемъ, *думала*, и думала только о Мальтраверсѣ... Образъ его былъ для нея какъ зеркало, разбитое на тысячу равныхъ кусковъ, которые отражали въ себѣ все прекрасное ихъ микроскопическаго міра. Она не думала о будущемъ, а наслаждалась настоящимъ.

— Алиса, сказалъ Мальтраверсъ, выходя наконецъ изъ своей задумчивости, и взглянувъ на это дѣтски-оживленное личико,— вы также счастливы въ эту минуту, какъ я?

— О! гораздо больше!

— Больше! отчего такъ?

— Потому-что я думаю о васъ, а вы, можетъ-быть, не думаете о себѣ.

Мальтраверсъ улыбнулся.

— Алиса, какъ вы кажетесь молоды при этомъ полусвѣтѣ, сказалъ онъ, глядя на нее нѣжно.

— А развѣ вы любили бы меня меньше, еслибы я была старая? сказала Алиса.

— Мнѣ кажется, я не любилъ бы васъ такимъ образомъ, *еслибъ* вы были уже стары, когда я увидѣлъ васъ въ первый разъ.

— А я увѣрена, что чувствовала бы къ вамъ тоже самое, еслибы вы были... старый... совсѣмъ старый!...

— Какъ! съ морщинистыми щеками, съ трясущуюся головою, въ чорномъ парикѣ, безъ зубовъ, какъ мистеръ Симкоксъ?

— О! вы никогда не можете быть такимъ! Вы будете всегда казаться молодымъ, сердце ваше всегда будетъ выражаться на вашемъ лицѣ. Эта милая улыбка... Ахъ! вы будете прекрасны до конца вашей жизни.

— Но Симкоксъ, который теперь не слишкомъ презентабеленъ, былъ, смѣло скажу, въ свое время гораздо лучше меня. И я, Алиса, былъ бы чрезвычайно доволенъ, еслибъ, дожившн до его лѣтъ, я могъ бы сохраниться, какъ онъ.

— Для меня вы никогда не состаритесь, потому-что я могу смотрѣть на васъ столько, сколько мнѣ угодно. Иногда вы задумаетесь, нахмурите брови и смотрите такъ сурово, что я дрожу отъ страха, но тогда я воображеніемъ вызываю улыбку на ваши уста... взгляну на васъ, и хотя вы все хмуритесь, я мнѣ кажется, что вы улыбаетесь. Я увѣрена, что другіе на васъ смотрятъ не такими глазами, какъ я... И время скорѣе можетъ лишить меня зрѣнія, чѣмъ измѣнить васъ въ глазахъ моихъ.

— Вы очень краснорѣчивы, милая Алиса, потому-что говорите о любви.

— Это говоритъ мое сердце. Ахъ! я желала бы выразить все, что чувствуетъ мое сердце. Я желала бы сочинять стихи, какъ вы, или чтобы слова мои были музыкою, и я никогда не говорила бы съ вами иначе. Я съ восторгомъ начала учиться музыкѣ, потому-что когда я играю, мнѣ кажется, что я разговариваю съ вами! Я увѣрена, что тотъ, кто выдумалъ музыку, любилъ страстно, и имѣлъ надобность выражаться звуками. Я говорю «онъ», но я думаю, что это была женщина. Не такъ ли?

Пойдемте въ комнаты, сказалъ Мальтраверсъ, воздухъ становится свѣжъ, и вы можете простудиться здѣсь.

Они вошли въ хижину. Комната улыбнулась ихъ приходу. Алиса, сердце которой и въ половину не выказало своей полноты, сѣла за фортепіано, чтобъ ещё «говорить о любви» по-своему.

Это было въ субботу, вечеромъ. Теперь всякую субботу Мальтраверсъ получалъ изъ сосѣдственнаго города мѣстную провинціальную газету. Это въ настоящее время было единственное средство сообщенія его съ свѣтомъ. Но не новости заставляли его съ жадностью хвататься за газеты, и пожирать все въ нихъ

заключающееся. Графство, въ которомъ жилъ его отецъ, граничило съ тѣмъ, гдѣ находился Эрнестъ, и газета въ своихъ сложныхъ столбцахъ заключала свѣдѣнія этихъ смежныхъ дистриктовъ. На душѣ Эрнеста становилось легче, совѣсть его нѣсколько успокоивалась и тоска отъ разлуки съ родными затихала, когда по-временамъ онъ прочитывалъ: «мистера Мальтраверса видѣли на охотѣ за лисицами въ такой-то день и въ такомъ-то лѣсу»; или «мистеръ Мальтраверсъ, со своею обыкновенною щедростью, пожертвовалъ двадцать гиней на сооруженіе богоугоднаго заведенія въ графствѣ...» И теперь Мальтраверсъ, увидѣвши желанныя бумаги, лежащія подлѣ шипящаго самовара, быстро схватилъ ихъ, сорвалъ обертку, и поспѣшилъ къ хорошо-знакомому отдѣлу, въ которомъ говорилось о томъ уѣздѣ, гдѣ жилъ его отецъ. Первыя слова, поразившія Эрнеста, были слѣдующія:

«Ужасная болѣзнь мистера Мальтраверса.

«Съ сожалѣніемъ объявляемъ, что этотъ примѣрный и извѣстнѣйшій джентльменъ, въ среду, вечеромъ, внезапно почувствовалъ ужасныя спазмы. Докторъ... былъ немедленно призванъ, и нашелъ, что это подагра въ желудкѣ. Первые лондонскіе врачи были приглашены на консультацію.»

«P. S. Сію минуту мы получили отвѣтъ на наши справки въ Лейзль-Куртѣ. Почтенному владѣльцу его гораздо хуже; но есть еще нѣкоторая надежда на его выздоровленіе. Капитанъ Мальтраверсъ, его старшій сынъ и наслѣдникъ, находится уже въ Лейзль-Куртѣ. Нарочный посланъ отыскать мистера Эрнеста Мальтраверса, втораго сына помѣщика. Полагаютъ, что онъ, послѣ долговременнаго путешествія, находится теперь въ Парижѣ.»

Бумага упала на полъ. Эрнестъ опустился въ кресла, и закрылъ лицо руками.

Алиса въ одну минуту очутилась возлѣ него. Онъ взглянулъ на нее, и встрѣтилъ ея нетерпѣливый и испуганный взоръ.

— О, Алиса! вскричалъ онъ горько и почти отталкивая ее отъ себя,—до какихъ угрызеній совѣсти довела ты меня!

Съ этими словами онъ вскочилъ и выбѣжалъ изъ комнаты.

Весь домъ пришелъ въ волненіе. Садовникъ, находившійся всегда въ комнатахъ, когда время приходило къ ужину, теперь полетѣлъ въ городъ за почтовыми лошадьми. Старая служанка была въ отчаяніи отъ прачки, потому-что первая и послѣдняя мысль ея была о рубашкахъ мистера.

Эрнестъ заперся въ своей комнатѣ. Алиса! бѣдная Алиса!

Минутъ черезъ двадцать почтовая карета стояла у подъѣзда. Эрнестъ, блѣдный какъ смерть, возвратился въ ту комнату, гдѣ оставилъ Алису.

Она сидѣла на полу, и роковая бумага лежала на ея колѣняхъ. Она напрасно старалась отгадать, что̀ могло такъ-сильно огорчить Мальтраверса, потому-что, какъ я сказалъ уже прежде, она не знала его настоящаго имени, и слѣдственно, злополучный параграфъ не остановилъ на себѣ ея вниманія.

Эрнестъ взялъ отъ нея газету. Ему хотѣлось читать ее и перечитывать; онъ думалъ найти въ ея столбцахъ малѣйшее слово надежды и утѣшенія, которое могло ускользнуть отъ него въ первыя минуты волненія. Алиса бросилась къ нему на грудь.

— Не плачьте, сказалъ онъ,—Богъ свидѣтель, что я и такъ уже довольно огорченъ. Отецъ мой умираетъ! Такой добрый, такой благородный! О, Боже прости меня! Успокойтесь. Дня черезъ два вы получите обо мнѣ извѣстіе.

Онъ простился съ нею какъ будто холодно и принужденно. Онъ спѣшилъ ѣхать. Она услышала, какъ колеса загремѣли по мостовой, бросилась къ окну, но милаго для нея образа не было видно. Мальтраверсъ опустилъ шпоры и спрятался во внутренность кареты, чтобъ предаться своему горю. Еще минута и самая карета, которая быстро увозила его, исчезла изъ виду. А передъ нею были цвѣты и долина, освѣщенная звѣздами, и играющій фонтанъ, и скамья, на которой они еще недавно сидѣли въ такомъ свѣтломъ, сердечномъ упоеніи. Онъ уѣхалъ. Часто, о! какъ часто! Алиса вспоминала, что послѣднія слова его были произнесены совсѣмъ особеннымъ тономъ. И прощаніе его было холодно.....

IX.

«Ты въ правѣ, о! мой милый отецъ! требовать отъ меня слезъ и жгучей тоски, которые природа, и любовь, и сыновняя нѣжность воздадутъ тебѣ вполнѣ.

Шекспиръ. Генр. IV.

Было уже поздно ночью, когда карета Мальтраверса остановилась у воротъ парка. Эрнесту показалось, что прошелъ цѣ-

лый вѣкъ, прежде чѣмъ онъ могъ разбудить сторожа, находившагося во внутренности караулки, и спавшаго крѣпкимъ сномъ, здоровья и трудолюбія.

— Мой отецъ, вскричалъ онъ, когда ворота заскрипѣли на петляхъ:—отецъ мой, лучше ли ему? Живъ ли онъ?

— О! успокойтесь, мистеръ Эрнестъ, мистеру Мальтраверсу сегодня вечеромъ было немного лучше.

— Благодарю Бога! Пошолъ.... пошолъ!

Отъ лошадей валилъ паръ, но они поскакали по дорожкѣ, извивавшейся по вѣковымъ, густымъ аллеямъ. Свѣтъ луны нѣжно покоился на полянѣ, а разбуженный скотъ лѣниво вставалъ, и разсѣянно смотрѣлъ на безвременнаго пришельца. Величественъ кажется въ полночь старинный и благородный англійскій паркъ. Есть что-то дико-роковое въ его невоздѣланной землѣ, въ его рвахъ, и долинахъ, поросшихъ мохомъ и травою, наполненною папоротникомъ, и въ его вѣковыхъ деревьяхъ, которыя видѣли и рожденіе и смерть цѣлой сотни поколѣній. Такія мѣста представляютъ собою послѣдніе великіе и меланхолическіе слѣды нормандскаго рыцарства и старинныхъ романсовъ, среди веселыхъ ландшафтовъ воздѣланной Англіи. Они, подобно нѣкоторымъ древнимъ священнымъ зданіямъ, всегда набрасываютъ какую-то торжественную грусть на расположеніе духа человѣка, изучавшаго вѣкъ, къ которымъ они принадлежатъ. Величественъ, какъ соборъ природы, этотъ вѣковой лѣсъ съ своими темными перспективами, съ своими колонадами стволовъ, и арками изъ широкихъ листьевъ. Обыкновенно таинственное величіе нравится намъ болѣе, нежели всякая веселая долина и блестящія картины нынѣшняго вкуса. Въ настоящую минуту, эта темнота наводила на Мальтраверса уныніе и была для него какъ-бы злымъ предвѣщаніемъ: смерть, казалось, скрывалась за каждой тѣнью, и ея роковые стоны слышались въ каждомъ порывѣ вѣтра.

Карета остановилась въ другой разъ. Яркій свѣтъ замелькалъ въ окнахъ нижняго этажа; въ комнатѣ, гдѣ спалъ больной, свѣтъ казался гораздо слабѣе. Громко зазвенѣлъ колокольчикъ, висѣвшій посреди плюща, обвивающаго крыльцо. Наружная дверь отворилась... Мальтраверсъ стоялъ на порогѣ. Его отецъ былъ живъ.... ему стало лучше.... онъ проснулся. Сынъ былъ въ объятіяхъ старика.

X.

«Дубовая крыша стонала; въ воздухѣ раздавались плачевные звуки».

Прошло много дней, а Алиса была все еще одна; она получила отъ Мальтраверса два письма, но въ нихъ была видна поспѣшность и они были коротки. Въ первомъ письмѣ онъ писалъ, что отцу его лучше, и что есть надежда на выздоровленіе; во второмъ, что доктора не надѣются, чтобы онъ прожилъ еще недѣлю. Его письма были *первыя*, которыя Алиса когда-либо получала. Эти *первыя* письма составляютъ эпоху въ жизни дѣвушки. Въ жизни Алисы они были чрезвычайно грустнымъ событіемъ. Эрнестъ не просилъ ее писать къ нему. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ никакъ не могъ рѣшиться открыть ей настоящее свое имя при теперешнихъ обстоятельствахъ, и получать письма отъ тайнаго предмета любви въ домѣ, въ которомъ отецъ его лежалъ на одрѣ смерти. Онъ могъ бы дать вымышленный адресъ на имя, которое онъ уже себѣ присвоилъ, и притомъ въ какой-нибудь отдаленный почтовый городъ, гдѣ бы никто его не зналъ. Но чтобъ получать эти письма надобно было бы оставлять отца на нѣсколько часовъ. Это было невозможно. Онъ не объяснилъ Алисѣ этихъ затрудненій.

Ей показалось страннымъ, что онъ не желаетъ имѣть о ней извѣстіе; но она была покорна. Что она могла сказать ему чѣмъ бы стоило безпокоить его въ такое время? Но какъ онъ добръ, что пишетъ къ ней! Какъ дороги эти письма! Однакожъ они разстроивали ее и заставляли проливать слезы: они были такъ короки, такъ переполнены его горемъ, такъ мало говорилось въ нихъ о ихъ любви, и *милая Алиса*, такъ нѣжно произносимое его голосомъ, казалось холодно на безжизненной бумагѣ. Еслибъ, по-крайней-мѣрѣ, она знала, гдѣ онъ; это было бы для нея отрадою; но она знала только то, что онъ уѣхалъ, и что онъ въ горѣ; и хотя онъ былъ отъ нея въ какихъ-нибудь тридцати миляхъ, но ей казалось, что неизмѣримое пространство раздѣляетъ ихъ. Впрочемъ она утѣшала себя, какъ могла, и старалась укоротить длинные и печальные дни, играя его любимыя аріи, и читая въ книгахъ тѣ мѣста, кото-

рыя онъ хвалилъ. О! какъ она усовершенствовалась къ его возвращенію, и какъ разросся ихъ садикъ! Всякой день деревья и кустарники украшались новою улыбкою весны. О! они могли бы быть счастливы еще разъ! Алиса изучала теперь жизнь въ будущемъ; но ея молодое сердце не научилось еще не довѣрять надеждѣ. Уѣзжая изъ книжныя, Мальтраверсъ забылъ, что у Алисы не было денегъ; теперь же, предвидя, что пребываніе его у отца могло быть продолжительно, онъ послалъ ей банковый билетъ. Такъ какъ многіе счеты не были уплачены, въ томъ числѣ и за квартиру, то Алиса, къ которой обращалась объ уплатѣ, поручила этотъ билетъ старой служанкѣ, чтобъ она расплатилась. Вечеромъ, принеся Алисѣ остальныя деньги, добрая старуха казалась чрезвычайно разстроенною. Она была ужасно блѣдна и взволнована, и, какъ она выражалась сама, чувствовала припадки трясенія.

— Отчего это, мистрисъ Джонсъ? нѣтъ ли извѣстія о немъ... о.... о моемъ..... о вашемъ господинѣ?.

— Нѣтъ, милое сердценко, нѣтъ, миссъ, отвѣчала мистрисъ Джонсъ: откуда мнѣ получить извѣстіе? Но я.... я не желаю пугать васъ.... у сосѣдей случился ужасной разбой.

— Вотъ и все! воскликнула Алиса.

— О, не говорите такъ, миссъ; это страшное дѣло для двухъ женщинъ, какъ мы, которыхъ окна съ тонкими ставнями и совершенно почти на землѣ! Вотъ видите ли; какъ я взяла банковый билетъ и пошла въ большую мускатильную лавку Гаррисса, размѣнять его, то попала, какъ разъ въ то время, когда бѣдный народъ закупалъ водку къ завтраму,—это было въ субботу вечеромъ, вторая суббота послѣ отъѣзда Эрнеста; отъ этой эпохи Алиса вела свое лѣтосчисленіе,—и всѣ толковали о грабежѣ послѣдней ночи. Вотъ, видите ли, миссъ, воры связали старую Бетти. Вы знаете Бетти? препочтенная женщина, она много перенесла горя, и пила у меня чай всякую недѣлю. Хорошо, миссъ; они, подумайте, привязали Бетти къ кровати, въ одной рубашкѣ.... бѣдная старуха! Когда мистеръ Гаррисъ размѣнивалъ мнѣ билетъ.... потрудитесь посмотрѣть, миссъ, все ли вѣрно,—и я, какъ слѣдуетъ попросила на водку, вдругъ вижу стоитъ подлѣ меня мужчина съ звѣрскимъ лицомъ, что-то покупаетъ, и такъ уставилъ глаза на ваши деньги, что, признаюсь, я думала, что онъ схватитъ ихъ и убѣжитъ изъ лавки. Я скорѣе забрала деньги и ушла. Но повѣрите ли вы, миссъ, какъ только я дошла до аллеи, что ведетъ въ ворота, то нечаянно обернулась и увидѣла, что за мною, это вѣрно какъ то,

что я вотъ здѣсь, бѣжитъ, какъ сумасшедшій, тотъ самый разбойникъ. О, я начала кричать, какъ безумная. Въ это время молодой Доббинсъ гналъ съ поля свою корову. Услышавъ мой крикъ, онъ перескочилъ черезъ заборъ; корова за нимъ также со своими рогами, спасибо ей, голубушкѣ! Такимъ образомъ воръ остановился, а я скользнула подъ ворота, и добралась до дома. Ну вотъ, мисъ, что, если и насъ ограбятъ и убьютъ?

Алиса не выслушала и половины этой рѣчи; но то, что она слышала, весьма мало подѣйствовало на ея крѣпкія, развивавшіяся нервы. Гораздо болѣе безпокоилъ ее шумъ, который подняла мистрисъ Джонсъ, запирая двери двойными замками и задвигая всѣ окна заржавленными желѣзными болтами. Эта операція продолжалась, по-крайней-мѣрѣ, полтора часа.

Наконецъ все стихло. Мистрисъ Джонсъ ушла спать, и въ объятіяхъ сна забыла весь свой ужасъ. Алиса пошла на верхъ, раздѣлась, помолилась, поплакала, и со слезами на темныхъ своихъ рѣсницахъ начала мечтать объ Эрнестѣ. Было уже за полночь; часы внизу у лѣстницы пробили часъ, но этотъ ударъ никто не слышалъ. Луна скрылась, густыя и черныя тучи быстро сдвигались со всѣхъ концовъ неба, мелкій и лѣнивый дождикъ началъ накрапывать на цвѣты.

Въ это время внизу, за тонкими ставнями гостиной послышался тихій, ровный и скребущій шорохъ, предшествуемый слабымъ звукомъ, похожимъ на звукъ стеколъ, упавшихъ на песокъ. Наконецъ шумъ смолкъ, и осторожный, едва замѣтный свѣтъ фонаря упалъ на полъ комнаты; черезъ минуту въ ней стояло два человѣка.

— Тсъ, Джакъ! прошепталъ одинъ изъ нихъ: открой фонарь, и посмотримъ, что намъ дѣлать.

Глухой фонарь, теперь немного открытый, не представилъ глазамъ воровъ ничего такого, что-бы могло удовлетворить ихъ жадность. Книги, ноты, стулья, столы, коверъ и каминныя принадлежности, оцѣненные весьма дорого въ описяхъ мебели, не имѣли никакой цѣны въ глазахъ разбойниковъ.

— Джакъ, сказалъ тотъ же, который говорилъ прежде, мы должны пронюхать, гдѣ лежатъ ложки и вилки, а потомъ хорошо бы подобраться и къ деньжонкамъ. У старой дѣвки было тридцать *золотыхъ*! кромѣ мелочи.

Товарищъ подалъ знакъ согласія; фонарь былъ опять закрытъ вполовину, и воры вышли изъ комнаты, медленными и осторожными шагами. Спустя нѣсколько минутъ, громкій, пронзительный вопль разбудилъ Алису. Она вздрогнула. Но когда все

снова смолкло; она подумала, что это ей приснилось. Ея сердце, забившееся сначала очень сильно, мало-по-малу возвратилось опять къ своему настоящему движенію. Однакожъ она встала; потому-что природная доброта ея заговорила гораздо сильнѣе страха; она вообразила, что мистрисъ Джонсъ дурно, и потому она должна идти подать помощь. Съ этою мыслію она начала тотчасъ же одѣваться. Въ это мгновеніе въ отдаленной комнатѣ ясно послышались тяжелые шаги и чужой голосъ. На этотъ разъ она перепугалась не на шутку. Ея первая мысль была убѣжать изъ дома, а слѣдующая за тѣмъ задвинуть засовомъ дверь, и громко звать на помощь. Но кто услышалъ бы ея крики?... Блѣдная и трепещущая сидѣла она въ ногахъ своей кровати и нерѣшительно колебалась между двумя намѣреніями. Вдругъ необыкновенный свѣтъ показался въ щель двери, въ ту же минуту чья-то грубая рука схватила ее.

— Послушайте, *милая*, не пугайтесь, мы ничего вамъ худого не сдѣлаемъ, только скажите, гдѣ у васъ золотая пыль—деньги? Старая дѣвка сказала, что они у васъ. Подавайте ихъ сюда.

— О, сжальтесь! сжальтесь!... Джакъ Уальтерсъ, вы ли это?

— Проклятіе! пробормоталъ воръ, отшатнувшись назадъ; стало быть ты меня знала когда-нибудь; но ты меня не поймаешь; ты не донесешь на меня, ты....

Съ этими словами онъ опять схватилъ Алису. Въ эту минуту опасности въ комнату вошелъ другой воръ, остававшійся еще съ минуту внизу, чтобъ навести страхъ на служанку. Услышавъ восклицаніе Алисы и проклятіе своего товарища, онъ бросился къ кровати, быстро взглянулъ на Алису, и отбросилъ Уальтерса въ другую сторону комнаты.

— Ты, кажется, обезумѣлъ? пробормоталъ онъ сквозь зубы. Развѣ ты не знаешь ее? Это Алиса; это моя воспитанница.

Алиса встала, и съ ужасомъ устремила взоры на мрачную и отвратительную физіономію своего стараго хозяина.

— О Боже, это.... Дарвиль! проговорила она чуть слышно и упала безъ чувствъ на полъ.

— Воспитанница плп нѣтъ, сказалъ Джакъ Уальтерсъ; я не хочу, чтобъ голова моя была во власти этой дѣвчонки; помнишь ли, какъ она перепугала насъ, когда ты сгоряча прогналъ ее, она, небойсь, не возвратилась.

Дарвиль стоялъ въ мучительной задумчивости, а его товарищъ подкрался къ нему съ такимъ угрюмымъ звѣрствомъ во взорѣ, что даже самъ Дарвиль невольно содрогнулся.

— Ты правъ, пробормоталъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, положивъ свои сильныя руки на плеча товарища, дѣвчонка эта не должна оставаться здѣсь.... телѣга у насъ крытая.... Мы оставляемъ эту страну; я имѣю права на мою воспитанницу.... она поѣдетъ съ нами. И такъ, товарищъ, забирай деньги.... они на столѣ.... ложки уже у тебя. Теперь въ путь.

Говоря это, Дарвиль обхватилъ Алису, накинулъ на нее шаль и салопъ, первые попавшіеся подъ руку, и вынесъ ее изъ дому.

Уальтерсъ пожалъ плечами, и стоялъ, какъ окопанный.

— Поспѣшимъ, заревѣлъ Дарвиль.

Когда Алиса пришла въ чувство, заря едва занималась, и первые лучи солнца освѣщали обнаженные вершины дикихъ холмовъ. Она лежала на жесткой соломѣ.... Телѣга прыгала по колесовинамъ узкой уединенной дороги, и возлѣ Алисы видно было пасмурное лицо ея похитителя.

XI.

«Однакожъ взоръ его мысленно созерцаетъ ее.... ему представляется образъ, который онъ никогда болѣе не встрѣтитъ.... Она явилась и исчезла, какъ мечта любви, тогда какъ блестящій ручей рѣзво журчитъ у ногъ его.»

Спустя недѣли три послѣ этой ужасной ночи, экипажъ Мальтраверса остановился у дверей хижины; всѣ окна были закрыты и затворены ставнями; никто не откликался на многократные призывы почтаря. Мальтраверсъ, изумленный и испуганный, вышелъ изъ экипажа самъ; онъ былъ въ глубокомъ траурѣ. Онъ съ нетерпѣніемъ побѣжалъ къ заднему ходу; ходъ также былъ запертъ; онъ подошелъ къ окнамъ гостиной, которыя во этого времени всегда даже въ сильные зимніе морозы оставались полуотворенными, теперь и тѣ были заперты, какъ и все остальное. Онъ съ ужасомъ закричалъ: «Алиса! Алиса!» но нѣтъ на отвѣтъ нѣжнаго голоса, задыхающагося отъ радости, не-

ольшими прекрасныхъ шаговъ, бѣгущихъ на встрѣчу. Въ эту минуту показался садовникъ, идущій по долинѣ. Исторія тотчасъ была разсказана; домъ былъ ограбленъ, старуха на утро найдена привязанная къ кровати, съ распоркою во рту; а Алиса убѣжала. Дали знать полиціи, сомнѣніе пало на бѣглянку. Никто не зналъ, кто она и откуда, не выключая и самой старухи. Мальтраверсъ, разумѣется, настрого приказывалъ Алисѣ сохранять эту тайну, а она повиновалась ему тѣмъ съ бо́льшею въ этомъ случаѣ охотою, что боялась, чтобъ Дарвиль не узналъ про нее и не потребовалъ ее къ себѣ.

Извѣстно было однако же, что она вошла въ домъ бѣдною крестьянскою дѣвушкою, а что̀ можетъ быть обыкновеннѣе для женщинъ нѣкотораго класса, какъ убѣжать отъ своего любовника, захвативши по ошибкѣ все его добро. А его можно было ожидать отъ бѣдной дѣвушки, какъ Алиса? Судья улыбнулся, а констэбли расхохотались. Славная шутка была сыграна съ молодымъ человѣкомъ! Такъ какъ со стороны Мальтраверса не было никакой жалобы, то мѣстное начальство, не зная мѣста его пребыванія, и думая, что онъ не хочетъ поднимать это дѣло, и при томъ желаетъ отклонить преслѣдованіе, вело свои розыски довольно вяло. Но два дома были ограблены въ предшествовавшую ночь. И владѣльцы ихъ хлопотали сильнѣе. Подозрѣніе пало на Джона Уальтерса, человѣка съ ужасною репутаціею, но онъ скрылся изъ этого края. Послѣднее время его видѣли вмѣстѣ съ подобнымъ же праздношатающимся пьяницою, о которомъ носились слухи, что онъ когда-то жилъ въ довольствѣ, что былъ искусный механикъ, вырабатывалъ хорошія деньги до-тѣхъ-поръ, пока привычка къ воровству и пьянству не оставила его безъ работы; впослѣдствіи онъ былъ обвиненъ въ сообщничествѣ съ шайкою фальшивыхъ монетчиковъ, но все ускользалъ отъ суда, за недостаткомъ надлежащихъ доказательствъ. Этотъ человѣкъ былъ Люкъ Дарвиль. Его хижина была обыскана; но онъ также скрылся. Слѣдъ телѣжныхъ колесъ отъ воротъ Мальтраверса подалъ еще слабый поводъ къ преслѣдованію; и спустя нѣсколько дней, послѣ тщательныхъ розысковъ дознали, что люди соотвѣтствующіе описанію подозрѣваемыхъ воровъ, съ которыми была и молодая женщина, слѣдовали къ постоялому двору, стоящему на берегу моря, и извѣстному всѣмъ какъ пристанище контрбандистовъ. Но оттуда слѣдъ ихъ совершенно исчезъ.

Мальтраверсъ съ удивленіемъ выслушалъ этотъ разсказъ. Болтовня садовника избавляла его отъ необходимости собствен-

ныхъ розысковъ; имя Дарвиля объясняло ему все, что̀ казалось темно для другихъ. Алиса была обвинена въ такомъ низкомъ и чорномъ поступкѣ! Ни ея тихая уединенная жизнь, ни его покровительство не могли удалить отъ нея клевету, отъ которой Мальтраверсъ надѣялся охранять ее вѣчно. Но раздѣлялъ ли онъ это ужасное подозрѣніе? Мальтраверсъ слишкомъ хорошо понялъ это дѣло, и имѣлъ благородную и возвышенную душу.

— Негодяй! сказалъ Эрнестъ испуганному слугѣ: осмѣлься произнесть еще одно слово подозрѣнія на счетъ ея, и я научу тебя говорить иначе....

Старуха, которая клялась, что ни за какія блага міра не останется въ этомъ домѣ послѣ такой «ночи потрясеній», прибѣжала, хромая, какъ узнала о пріѣздѣ своего господина. Она подоспѣла въ ту самую минуту, когда Мальтраверсъ бранилъ садовника.

— Подѣло́мъ ему; хорошенько его, ваша честь! Богъ да подкрѣпитъ ваше доброе сердце; какъ! говорю я: миссъ обокрала домъ! миссъ убѣжала! говорю я. О, не вѣрьте этому. Они убили ее, и спрятали тѣло.

У Мальтраверса замерло дыханіе, и не сказавъ ни слова, онъ опять сѣлъ въ экипажъ и поскакалъ къ судьѣ. Онъ нашелъ въ немъ дѣловаго, достойнѣйшаго и самаго снисходительнѣйшаго человѣка въ свѣтѣ. Эрнестъ открылъ ему, кто была Алиса. Судья согласился съ его предположеніемъ, что Алиса была открыта и увезена Дарвилемъ. Сдѣлали новые розыски, золото полилось. Мальтраверсъ самъ направлялъ сыщиковъ. Но все пришло къ тому же самому результату, какъ и прежде, выключая того, что по описанію платья и слезъ молодой женщины, сопутствующей людямъ, въ которыхъ подозрѣвали Дарвиля и Уальтерса, онъ увѣрился, что Алиса была по-крайней-мѣрѣ жива; онъ надѣялся, что она можетъ убѣжать отъ нихъ опять и возвратиться сюда. Въ этой надеждѣ онъ томился въ этомъ краю недѣли.... мѣсяцы; но время шло, а извѣстія о ней никакого не было.... Наконецъ онъ долженъ былъ покинуть этотъ край, столь милый и столь печальный. Но онъ имѣлъ уже друга въ судьѣ, который обѣщалъ сообщить ему, если Алиса возвратится, или откроется мѣстопребываніе Дарвиля. Эрнестъ обогатилъ мистрисъ Джонсъ, которая одна противъ всѣхъ защищала доброе имя Алисы. Онъ обѣщалъ богатую награду за малѣйшее открытіе, съ сжатымъ и отчаяннымъ сердцемъ пово-

нецъ повиновался заботливымъ и нѣсколько разъ повтореннымъ приглашеніямъ своего друга, попеченіямъ котораго онъ былъ ввѣренъ съ самаго дѣтства.

XII.

«Конечно есть поэты, которые никогда не мечтали о Парнасѣ».

Дениэль.

Мистеръ Фредерикъ Кливеландъ, младшій сынъ лорда Борнгэма, и слѣдственно, имѣвшій право на названіе знатнаго, былъ воспитатель и другъ Эрнеста Мальтраверса. Ему было около сорока трехъ-лѣтъ; онъ былъ литераторъ и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ свѣтскій, если позволено намъ будетъ употребить это устарѣлое выраженіе, какъ болѣе классическое и болѣе точное, нежели какое-либо новое слово, выражающее тоже самое? Получивъ прекрасное воспитаніе и одаренный отъ природы способностями, гораздо выше посредственности, Кливеландъ съ молодыхъ лѣтъ жаждалъ славы писателя.... Онъ писалъ хорошо и легко, и хотя его сочиненія имѣли весьма значительный успѣхъ, но онъ далеко не удовлетворилъ его ожиданія. Дѣло въ томъ, что, на зло критикамъ, новая литературная школа господствовала надъ публикою, школа совершенно различная отъ той, въ которой мистеръ Кливеландъ сформировалъ свои безстрастные и гладкіе періоды. Его можно сравнить съ старымъ графомъ, кажется Норвичскимъ, который въ царствованіе Карла Перваго, считался первымъ умникомъ двора; въ царствованіе же Карла Втораго его находили весьма обыкновеннымъ человѣкомъ. Всякой вѣкъ имѣетъ свой собственной литературный характеръ,—старые же манускрипты складываются въ кабинеты, какъ рѣдкости, на которыя никто уже не обращаетъ вниманія. Кливеландъ не могъ сдѣлаться любимымъ авторомъ публики, не-смотря на то, что партіи превозносили его, редакторы боготворили, а знатныя дамы и аматеры, дилетанты поку-

пазй и переплетали томы его гармонической поэзіи и мірной прозы.

На Кливеландъ принадлежалъ къ знатной фамиліи, имѣлъ прекрасное состояніе, былъ краснорѣчивъ, отличался превосходными манерами и всѣми тонкостями свѣтской жизни, и вообще былъ любезный и образованный человѣкъ. Вотъ почему и неудивительно, что въ обществѣ его любили и уважали. Хотя онъ былъ не геній, но имѣлъ много здраваго смысла; онъ не довелъ до раздраженія свой кроткій и спокойный нравъ, и не изсушилъ свое доброе сердце, бѣгая за тѣнью, и безпокоя себя напрасно. Довольный тѣмъ, что снискалъ репутацію честнаго и умнаго человѣка, и успѣлъ укрыться отъ зависти, онъ взялъ вѣрхъ надъ грезами о той высокой славѣ, которыя, какъ онъ увидѣлъ ясно, была несуждена на его долю. Тѣмъ не менѣе онъ не разсорился съ свѣтомъ, не жаловался на него вслухъ, хотя въ своихъ сокровенныхъ мысляхъ осуждалъ его за его литературные капризы. Кливеландъ никогда не былъ женатъ, и жилъ иногда въ городѣ, но бо́льшею частію въ Темплѣ-Гровѣ, въ виллѣ недалеко отъ Ричмонда. Здѣсь, имѣя отличную библіотеку и превосходные сады и парки, окруженный друзьями, которые любили его и въ числѣ которыхъ были избранные и замѣчательнѣйшіе члены такъ называемаго *хорошаго общества*, этотъ образованный человѣкъ проводилъ жизнь, можетъ-быть, гораздо счастливѣе, чѣмъ тогда, еслибъ грезы его молодости исполнились и грозная судьба бросила его на трудное поприще литературы. Хотя Кливеландъ не имѣлъ истиннаго и природнаго дара творчества, но все-таки стоялъ гораздо выше многихъ авторовъ своего круга. Удалившись съ этой арены треволненій, онъ съ большимъ рвеніемъ предался изученію мыслей и образцовыхъ твореній другихъ. Изъ образованнаго человѣка онъ сдѣлался глубоко ученымъ. Науки присоединили новыя сокровища къ его познаніямъ, до-сихъ-поръ нѣсколько поверхностнымъ и смѣшаннымъ, а размышленіе придало болѣе отчетливости и вѣсу его уму, который безъ того могъ бы сдѣлаться женственнымъ, вѣтрянымъ и мелочнымъ. Привычка къ свѣтской жизни, свѣтлый умъ и снисходительность въ сужденіяхъ сдѣлали его избраннымъ судьею тѣхъ нескончаемыхъ мелочей и мелкихъ пустяковъ, итогъ которыхъ составляетъ знаніе большаго свѣта. Я говорю большаго свѣта потому, что свѣтъ, безъ прилагательнаго большой, Кливеландъ натурально зналъ, но мало. Но все, что относилось къ этой возвышенной сферѣ, въ которой джентльмены и леди двигаются въ опредѣленномъ порядкѣ,

Кливеландъ изучилъ глубоко. Нѣкоторые изъ его поклонниковъ называли его Горасомъ Уальполемъ того времени. Хотя въ нѣкоторыхъ наружныхъ и поверхностныхъ чертахъ характера они были сходны, но Кливеландъ не имѣлъ той тонкости ума; за-то въ немъ было несравненно болѣе сердца.

Покойный мистеръ Мальтраверсъ, человѣкъ не ученый, но почитатель литераторовъ, былъ прекрасно образованный и радушный помѣщикъ. Онъ былъ самый первый другъ Кливеленда, который состоялъ подъ его покровительствомъ въ Этонѣ. Впослѣдствіи, при первомъ вступленіи въ свѣтъ, Кливеландъ нашелъ, что Галь Мальтраверсъ (прекрасный Галь!) былъ уже постоянный посѣтитель и фаворитъ клубовъ. Годъ или два они были неразлучны. Когда же мистеръ Мальтраверсъ женился и влюбившись въ сельскія занятія, поселился въ своемъ старинномъ замкѣ Лейзль—Куртѣ, достаточно понявъ, что онъ гораздо болѣе значитъ въ своихъ собственныхъ огромныхъ владѣніяхъ, нежели среди лондонской аристократіи Кливеландъ велъ съ нимъ постоянную переписку, и посѣщалъ его два раза въ годъ. Мистрисъ Мальтраверсъ умерла, давши жизнь своему второму сыну, Эрнесту. Мужъ любилъ ее нѣжно, и долго былъ неутѣшенъ. Онъ не могъ выносить присутствія ребенка, который стоилъ ему такой ужасной жертвы. Кливеландъ и сестра его, леди Джулія Данверсъ, были во-время этого несчастія въ Лейзль-Куртѣ. Леди Джулія предложила помѣстить безсознательнаго виновника на нѣсколько мѣсяцовъ у себя, съ своими дѣтьми. Предложеніе было принято, и только два года спустя, Эрнестъ возвратился подъ отеческій кровъ. Бо́льшую часть этого времени, то есть весь періодъ своего дѣтскаго развитія, Эрнестъ находился подъ кровлею холостяка Фредерика Кливеленда. Все это кончилось тѣмъ, что Кливеландъ полюбилъ ребенка, какъ отецъ. Первой лепетъ Эрнеста привѣтствовалъ Кливеленда именемъ «папа», и когда наконецъ малютку повезли въ Лейзль-Куртъ, Кливеландъ привелъ въ изумленіе всѣхъ мамокъ такими наставленіями, приказаніями, обѣщаніями и угрозами, которыя заставили бы покраснѣть иныхъ нѣжныхъ мамепекъ. Это обстоятельство скрѣпило еще болѣе дружбу Кливеленда и Мальтраверса. Съ этихъ поръ Кливеландъ посѣщалъ Лейзль-Куртъ не два, а три раза въ годъ. Ничтѣ не дѣлалось для Эрнеста безъ разрѣшенія Кливеленда. Не смѣли даже надѣть на ребенка въ первый разъ пантолончики безъ особеннаго согласія Кливеленда. Кливеландъ избралъ для Эрнеста школу, и самъ отвезъ его туда. Во-время каждыхъ

вакацій, Эрнестъ проводилъ недѣлю у Кливеленда. Былъ ли мальчикъ когда наказанъ или награжденъ, желалъ ли получить какую-нибудь книгу, обо всемъ этомъ Кливеленду зналъ первый. Къ-счастію въ Эрнестѣ рано развились наклонности, въ которыхъ Кливеленду, этотъ пріятной писатель, нашелъ сходство со своими юношескими грезами. Въ ученикѣ рано развились замѣчательныя способности и любовь къ наукамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ проявилось столько жизненной и душевной силы, столько энергіи и смѣлости, что Кливеленду началъ безпокоиться; все это казалось ему несвойственнымъ ни капризной чинности возраждающагося генія, ни обыкновенной кротости скороспѣлаго школьника. Между тѣмъ отношенія отца и сына были чрезвычайно странны. Мистеръ Мальтраверсъ побѣдилъ наконецъ свое первое; неестественное отвращеніе къ безвинному виновнику своей невозвратимой потери. Онъ восхищался и даже гордился своимъ мальчикомъ, какъ гордился всѣмъ, что̀ принадлежало ему. Онъ баловалъ и лелѣялъ его даже болѣе, чѣмъ Кливеленду, но ни мало не заботился о его воспитаніи. Старшій сынъ его Кютбертъ завладѣлъ, если не всѣмъ его сердцемъ, то всѣми попеченіями. Съ Кютбертомъ онъ соединялъ идею наслѣдствія своего древняго имени и благосостоянія, богатства своихъ предковъ. Кютбертъ не былъ человѣкомъ геніальнымъ, да и не желалъ быть имъ; онъ былъ, что̀ называется, настоящій богатый владѣлецъ. Отецъ понималъ Кютберта, могъ ясно опредѣлить его характеръ, и предвидѣть его карьеру. Онъ не колебался ни минуты, направляя его воспитаніе, и формируя его возрастающій умъ. Эрнестъ же затруднялъ его. Въ его присутствіи онъ какъ-то терялся, и никогда не могъ совершенно побѣдить того страннаго чувства, которое онъ испыталъ, принимая своего сына отъ Кливеленда, вмѣстѣ съ наставленіемъ своего друга, какъ должно обходиться съ ребенкомъ. Съ-тѣхъ-поръ ему всегда казалось, что другъ его имѣлъ такія же права на ребенка, какъ и онъ самъ. Онъ даже находилъ неловкимъ побранить Эрнеста, хотя очень часто, сердясь на Кютберта, выходилъ изъ себя. Чѣмъ болѣе младшій сынъ подросталъ, тѣмъ очевиднѣе было, что Кливеленду понимаетъ его болѣе, чѣмъ родной отецъ; и такимъ образомъ, какъ я сказалъ уже прежде, отецъ не слишкомъ безпокоился, сложивши всю отвѣтственность воспитанія на Кливеленда.

Можетъ-быть, мистеръ Мальтраверсъ не былъ бы такъ равнодушенъ, еслибъ участь Эрнеста была подобна участи всѣхъ

младшихъ сыновей въ Англіи. Еслибъ ему нужно было ремесло, то натурально мистеръ Мальтраверсъ позаботился бы избрать для него какое-нибудь. Но Эрнестъ наслѣдовалъ съ материнской стороны помѣстье, приносившее около четырехъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода, и слѣдовательно, въ этомъ отношеніи былъ независимъ отъ отца. И такъ мистеръ Мальтраверсъ постепенно пріучился смотрѣть на Эрнеста, не какъ на своего роднаго сына, котораго нужно было бы напутствовать наставленіями и совѣтами, но какъ на милаго и любезнаго молодаго человѣка, который, не причинивъ съ своей стороны никакого огорченія, исключая того, которое предшествовало его рожденію, могъ дѣлать большую честь семейству и удовлетворять свои прихоти на четыре тысячи фунтовъ годоваго дохода.

XIII.

Если вы хотите сдѣлать маленькое движеніе, чтобъ придать болѣе прелести покою, то это здѣсь не запрещается. Вы можете бесѣдовать съ музами, въ прохладной тѣни, или любоваться цвѣтами, уборомъ весны.

Домъ мистера Клинелеида была итальянская вилла, приноровленная къ англійскому климату. Арка іоническаго ордена служила въѣздомъ въ помѣстье, занимавшее девяносто или сто десятинъ земли, но такъ хорошо усаженное деревьями, и такъ искусно расположенное, что пріѣзжій, гуляя по саду, не могъ бы предположить, что невидимыя границы были въ такомъ недальномъ разстояніи. Дорога извивалась по зеленымъ лугамъ, по которымъ высокія и старыя деревья скрывались вполовину между множествомъ мелкаго кустарника, и цвѣты, собранные въ корзины, оплетенныя вьющимися растеніями, или распускающіеся въ этрускихъ вазахъ, разставлены были съ большимъ вкусомъ и классическою заботою, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они должны были дополнить красоту и гармонію цѣлаго. Вся-

кій старый дубъ, обвитый плющомъ, вѣковая скромная, склонившаяся ива, носили на себѣ особенный характеръ искусства хозяина. Мѣсто это казалось прелестнымъ разнообразнымъ садомъ, не будучи въ тоже время ни слишкомъ засаженнымъ, ни черезъ чуръ обработаннымъ (обыкновенная ошибка въ виллахъ богатыхъ людей); самый воздухъ принималъ различный ароматъ отъ разныхъ растеній; оттѣнки цвѣтовъ и листьевъ измѣнялись на каждомъ поворотѣ дороги.

Наконецъ, когда на долинѣ, наклонной къ гладкому озеру, показывался самый домъ, окаймленный липами и каштанами, и прислоненный задомъ къ лѣсу, то, казалось, весь ландшафтъ получалъ внезапно окончательный ударъ кисти. Домъ былъ длинный и низкій. Широкій перистиль, поддерживающій крышу, тянулся во весь фасадъ, а какъ онъ былъ приподнятъ на фундаментѣ, то имѣлъ видъ крытой террасы; огромное крыльцо, съ широкими ступенями и съ массивными рѣшотками, поддерживая вазы съ алоями и померанцовыми деревьями, вело въ долину; подъ перистилемъ были разставлены статуи, старые римскіе антики и рѣдкія растенія. Посю сторону озера, будто для контраста съ наклоннымъ и мрачнымъ берегомъ той стороны, была другая огромная терраса, украшенная во многихъ мѣстахъ урнами и изваяніями; съ нее, сквозь просѣку рощи, открывался огромный и отдаленный ландшафтъ, посреди котораго извивалась величественная Темза. Внутренность дома соотвѣтствовала его наружной отдѣлкѣ. Всѣ главныя комнаты, даже спальни, были въ одномъ этажѣ. Небольшая, но высокая, восьмиугольная зала вела въ слѣдующія четыре комнаты. На одномъ концѣ дома была скромно убранная столовая. Въ ней на плафонѣ была копія съ прекрасной картины Гвидо Рени «Часы», а по стѣнамъ были развѣшены съ большимъ искусствомъ ландшафты, писанные самимъ Кливерендомъ. Мраморная статуя, представляющая Фавна, играющаго на флейтѣ, стояла, какъ бы въ нишѣ, на большомъ кругломъ окнѣ, украшая, но не затемняя его. Пурпуровыя и оранжевыя занавѣски придавали ей цвѣтъ живаго тѣла. Эта комната вела въ небольшую картинную галлерею; въ ней, разумѣется, не было тѣхъ сокровищъ, которыми владѣютъ принцы, потому что состояніе Кливеренда было весьма обыкновенное состояніе джентльмена, и только управляемое съ его благоразумною экономіею, оно могло удовлетворять всѣ его затѣи. За-то картины эти имѣли другой интересъ и были доступны любителю съ посредственнымъ состояніемъ.

Тутъ было собраніе портретовъ въ оригиналахъ и копіи (послѣднія часто были лучше) любимыхъ авторовъ Кливеленда. Задумчивое и истощенное лицо Попе занимало почетное мѣсто посрединѣ. Это давало понятіе о характерѣ и направленіи хозяина дома. За этой комнатою весьма кстати находилась библіотека, самая огромная комната въ домѣ, и самая замѣчательная, какъ своею величиною, такъ и убранствомъ. Въ ней было футовъ шестдесятъ въ длину. Розоваго дерева шкафы съ рѣзьбою, были уставлены сверху бронзовыми бюстами, и отдѣлены другъ отъ друга зеркалами, которыя, отражая въ себѣ открытыя арки съ разставленными въ нихъ статуями, имѣли вездѣ видъ открытыхъ галлерей, которыя примыкали къ этой, какъ къ главной, и придавали комнатѣ тонъ классической легкости и спокойствія. Окна прекрасно гармонировали съ этими арками; они отворялись на перистиль, и изъ нихъ былъ чудный видъ; статуи, цвѣты, террасы, озеро на концѣ, и весь этотъ живой ландшафтъ очаровалъ бы ваши взоры, и вы были бы увѣрены, что это картина, нарисованная рукою какого-нибудь мастера поэтическихъ садовъ, которые и теперь еще красуются въ окрестностяхъ Рима. Солнечный лучъ, пробиваясь сквозь матовыя верхнія стекла, и пышный темный цвѣтъ занавѣсокъ, разливалъ на все пріятный полусвѣтъ и довершалъ оптическій обманъ. Кливеленд особенно любилъ скульптуру, и сочувствовалъ тому сильному движенію, которое получило это искусство въ Европѣ и особенно въ Англіи, въ послѣднее полустолѣтіе. Онъ готовъ былъ поддерживать мнѣніе, впрочемъ не совсѣмъ еще признанное въ этой странѣ, что Флаксманъ превзошелъ Канову. Онъ слишкомъ любилъ скульптуру, не только за собственную красоту ея, но за прекрасный и благородный эффектъ, производимый ею повсюду, гдѣ допущены ея произведенія.

— Большая ошибка, говорилъ онъ часто, со стороны собирателей статуй, разставлять ихъ одну возлѣ другой, въ длинныхъ, однообразныхъ галереяхъ. Одинъ барельефъ, одна статуя, одинъ бюстъ, или простая урна, поставленные кстати въ маленькой жилой комнатѣ, восхищаютъ насъ гораздо болѣе, нежели всѣ гигантскіе музеумы, въ которыхъ статуи нагромождены одна на другой, въ неудобныхъ залахъ, куда ходятъ только изъ любопытства, и дрожатъ отъ холода. Кромѣ-того, обыкновеніе устроивать галереи, считаемое многими весьма хоро-

шимъ, удаляетъ скульптуру отъ оцѣнки публики. Не насчитаешь и дюжины людей, которые могли бы завести галерею. Но всякій посредственно-богатый джентльменъ можетъ имѣть статую или бюстъ. Невыразимо вліяніе, производимое на умы и вкусъ людей постояннымъ и привычнымъ созерцаніемъ произведеній скульптуры. Глядя на мраморныя изваянія Грековъ, мы почти нечувствительно знакомимся съ характеромъ греческой жизни и литературы. Этотъ Аристидъ, этотъ геній смерти, этотъ обломокъ неподражаемой Психеи, стоютъ тысячи Скалигеровъ!

— Читая Эсхилла, заглядывали ли вы когда-нибудь въ латинскій переводъ? спросилъ однажды ученикъ Кливеленда.

— Вотъ мой переводъ, отвѣчалъ Кливелендъ, показывая на Лаокоона.

Съ одной стороны къ библіотекѣ прилегалъ небольшой кабинетъ рѣдкостей и медалей, изъ котораго, по прямой же линіи, выходила длинная стеклянная галерея, оканчивающаяся небольшою круглою бесѣдкою, которая, по нечаянному повороту, находящагося внизу озера, висѣла почти перпендикулярно надъ его прозрачною поверхностью, а издали казалось, что она выстроена на воздухѣ, такъ легки были ея стройныя колонны и куполъ. Другая дверь изъ библіотеки вела въ корридоръ, въ который выходили всѣ главныя спальни. Ближайшая дверь изъ корридора отворялась въ кабинетъ, назначенный для особенныхъ ученыхъ занятій Кливеленда, и соединяющійся съ его спальнею и уборною. Остальныя комнаты были назначены его друзьямъ, имена которыхъ были надписаны надъ дверями.

Мистеръ Кливелендъ былъ уже предупрежденъ нѣсколькими наскоро написанными строчками о пріѣздѣ своего воспитанника. Онъ принялъ молодаго человѣка съ радушною улыбкою, хотя глаза его были влажны и губы тряслись, потому-что Эрнестъ былъ очень похожъ на отца! Для Кливеленда началось новое поколѣніе.

— Милости просимъ, мой милый Эрнестъ, сказалъ онъ: я такъ доволенъ свиданіемъ съ тобою, что не буду бранить тебя за твое таинственное отсутствіе. Вотъ твоя комната; ты видишь имя твое надписано на дверяхъ; она гораздо больше той комнаты, которую ты привыкъ занимать прежде, но теперь ты

уже не мальчикъ, а взрослый человѣкъ. Въ этой комнатѣ есть мѣсто для Шиллера и твоей пѣнковой трубки. Дурная привычка этотъ meerschaum!..... Ты видишь, что выходъ изъ твоей комнаты прямо на перистиль. Meerschaum, кажется, полезенъ для цвѣтовъ, и такъ не стѣсняй себя. Но какъ ты блѣденъ, мой милый! Успокойся.... успокойся.... Ну! я уйду, или ты заразишь меня своею горестью.

Кливелендъ поспѣшно вышелъ; онъ вспомнилъ о своемъ умершемъ другѣ. Эрнестъ бросился на первый попавшійся ему стулъ, и закрылъ лицо руками. Камердинеръ Кливеленда вошелъ, съ шумомъ развязалъ чемоданъ, выбралъ все платье, приготовилъ одѣться, но Эрнестъ не взглянулъ на него ни разу и не заговорилъ; прозвонили разъ, потомъ другой, но эти звонки не долетѣли до его уха. Онъ былъ совершенно подавленъ своею горестью. Первый звукъ привѣтливаго голоса Кливеленда тронулъ чувствительную струну его сердца, которую мѣсяцы страданій и лихорадочныхъ тревогъ довели до болѣзненнаго состоянія тоски, но никакъ не могли извлечь изъ глазъ его ни одной слезинки. Нервы его, эти крѣпкіе молодые нервы, разстроились! Первый взглядъ на Кливеленда напомнилъ ему отца. но теперь же, осмотрѣвъ приготовленную для него комнату, онъ замѣтилъ все стараніе, приложенное о ея удобствахъ, и все нѣжное попеченіе, съ какимъ вспоминали о малѣйшихъ его привычкахъ; Алиса, заботливая, покорная, нѣжная, потерянная Алиса, предстала его воображенію. Удивленный долгимъ отсутствіемъ Эрнеста, Кливелендъ вошелъ въ его комнату; Эрнестъ все еще сидѣлъ закрывъ лицо руками. Кливелендъ нѣжно развелъ его руки, и Мальтраверсъ зарыдалъ какъ ребенокъ. Не трудно было извлечь слезы изъ глазъ этого молодаго человѣка; благородная мысль, старинная пѣсня или самая простая мелодія приводили въ движеніе его нѣжное сердце. Теперь же, послѣ долговременной душевной тревоги, онъ плакалъ въ первый разъ.

XIV.

«Музыка звучала уныло въ его угрюмой душѣ.»

Спенсеръ.

Мальтраверсъ все еще былъ печаленъ, и душа и тѣло его были какъ-бы въ разслабленіи. Проницательный Кливолендъ давно уже понялъ, что любовь произвела въ его воспитанникѣ перемѣну, которая начинала уже сильно безпокоить его, но былъ слишкомъ деликатенъ и не хотѣлъ вынуждать молодаго человѣка къ откровенности. Но мало-по-малу онъ такъ ловко опуталъ сердце Эрнеста, что однажды вечеромъ молодой человѣкъ самъ разсказалъ ему всю свою исторію. Какъ человѣкъ свѣтскій, Кливолендъ, можетъ-быть, даже обрадовался, что положеніе дѣла было не хуже, потому-что онъ боялся чего-нибудь худшаго. Но какъ человѣкъ, а человѣкъ вообще лучше свѣта, онъ сочувствовалъ несчастной дѣвушкѣ, которую Эрнестъ обрисовалъ ему вѣрными и пельстивыми красками, и долго не говорилъ ему ни одного слова утѣшенія, предвидя, что они будутъ напрасны. Онъ былъ увѣренъ, что Эрнестъ не такой человѣкъ, который потерялъ бы лѣто жизни подъ тѣнію мирть, и зналъ, что уныніе не устоитъ долго противъ такого пылкаго, живаго и твердаго характера. Однакожъ, скоро онъ сталъ серьозно бояться за здоровье своего воспитанника. Постоянная мрачная тоска, казалось, вела его въ гробъ.

Напрасно Кливолендъ, тайно желавшій, чтобъ онъ вступилъ на общественное поприще, старался возбудить въ немъ честолюбіе; разсудокъ молодаго человѣка, казалось, былъ совершенно разбитъ, и не только лица съ политическимъ направленіемъ, даже самый разговоръ о политикѣ, прогонялъ Эрнеста въ его уединенную комнату. Наконецъ болѣзнь Эрнеста приняла совсѣмъ новый видъ. Ему вдругъ сдѣлалось гораздо хуже. На него напалъ паническій страхъ, онъ дрожалъ при малѣйшемъ шорохѣ. Его больное воображеніе создавало видѣнія гигантскаго размѣра. И земля и небо равно казались ему мрачны. Эти видѣнія приводили Кливоленда въ отчаяніе, онъ не зналъ

никакого лекарства отъ этой болѣзни. Всѣ занятія и науки, которымъ Эрнестъ предавался прежде съ такою любовію, теперь казались ему скучнымъ препровожденіемъ времени. Однимъ-словомъ, можно было думать, что Эрнестъ или умретъ въ домѣ ума лишенныхъ, или наслѣдуетъ мрачныя видѣнія поэта Коупера, безъ его свѣтлыхъ проблесковъ.

XV.

«Умъ проницательный, смѣлый и безпокойный, немогущій остановиться ни на одномъ мѣстѣ.

Кто обладаетъ множествомъ идей, интересныхъ для общества, въ которомъ онъ живетъ, тотъ въ глазахъ этого общества будетъ всегда слыть умнымъ человѣкомъ.

Драйденъ.

Въ то самое время, когда Эрнестъ чувствовалъ себя какъ нельзя хуже, въ Темпль-Гровъ пріѣхалъ одинъ молодой человѣкъ. Онъ назывался Люмлій Феррерсъ, ему было около тридцати лѣтъ, состояніе его простиралось до восьми сотъ фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода, и онъ не имѣлъ еще никакого занятія. Люмлій не былъ, какъ обыкновенно говорятся, геній, то-есть, онъ не имѣлъ энтузіазма; и если слово талантъ можно перевести словами: дѣлать что-нибудь лучше другихъ, то Феррерсъ не могъ похвастаться и въ этомъ случаѣ. Онъ не имѣлъ способности ни къ литературѣ, ни къ ораторству, ни къ музыкѣ, ни къ живописи, ни къ обыкновенному знанію казаться совершенствомъ, и даже въ это время способность его не выказалась еще на трудномъ, но полезномъ поприщѣ общественныхъ дѣлъ. Но Феррерсъ имѣлъ то, что часто лучше всякаго таланта или генія — проницательный и хитрый умъ. Къ этому присоединились прекрасныя манеры, веселый нравъ, оригинальное остроуміе и сатирическая живость въ разговорѣ, ничѣмъ несмущаемая дер-

ность и глубокое сознаніе собственныхъ достоинствъ. Онъ страстно любилъ интригу и инсинуацію; онѣ не только забавляли, но и оживляли его. Его сарказмы и аргументы были такъ сильны, что онъ обыкновенно производилъ удивительное вліяніе на всѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ только дѣло. Его развязность, откровенность въ высочайшей степени, и правота въ обращеніи скрывали главные его недостатки. Его можно было считать человѣкомъ образованнымъ, хотя далеко не такъ ученымъ, какъ Мальтраверсъ. Онъ поверхностно зналъ многія науки, весьма довольный ихъ общими правилами, и отложилъ ученость въ сторону, увѣренный, что никогда не забудетъ выученнаго, но также никогда и не подвинется впередъ. Сверхъ-того, онъ отличался знаніемъ всего, что было признано образцомъ въ новѣйшей литературѣ. Чему удивлялись немногіе, то Люмлій не бралъ даже на себя труда и читать. Живя между этими мелочами, онъ умѣлъ сдѣлать ихъ интересными и новыми своею особенною манерою разсуждать о нихъ и наслѣдовать ихъ. И вотъ гдѣ былъ истинный талантъ, талантъ общежитія, талантъ наслаждаться какъ можно больше, и безпокоиться какъ можно меньше. Такимъ-образомъ Люмлій Феррерсъ былъ именно одинъ изъ тѣхъ людей, о которыхъ всѣ говорятъ, что они чрезвычайно умны, но никто однакожъ не можетъ объяснить, въ чемъ состоитъ этотъ умъ. Въ-самомъ-дѣлѣ это была та необъяснимая сила, которая принадлежитъ знанію жизни, и которая ставитъ одного человѣка во всемъ гораздо выше другаго, хотя въ малѣйшихъ подробностяхъ этотъ человѣкъ не имѣетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго. Кажется, Гете сказалъ гдѣ-то, что, читая біографіи величайшихъ геніевъ, мы всегда находимъ, что они были въ связяхъ съ людьми выше себя, но которые никогда не достигли ихъ извѣстности. Къ классу этихъ великихъ людей можно причислить и Люмлія Феррерса. Хотя послѣдній журналистъ могъ бы превзойти его въ искусствѣ сочиненія, но мало геніальныхъ людей, хотя весьма замѣчательныхъ, могли бы поставить себя выше Феррерса въ истинной твердости и пластической силѣ природнаго ума. Чтобъ докончить портретъ этого необыкновеннаго молодаго человѣка, характеръ котораго еще не совсѣмъ былъ развитъ, остается только прибавить, что онъ видѣлъ свѣтъ много, и могъ ужиться со всякимъ характеромъ и во всякомъ образѣ жизни. Любитель, ученый, законникъ, поэтъ, патрицій и выскочка, всѣ были равны для Люмлія Феррерса.

Эрнестъ былъ, по обыкновенію, въ своей комнатѣ, когда услышалъ вдоль коридора неопредѣленный шумъ, возвѣщающій о пріѣздѣ гостя. Вслѣдъ за этимъ послышался чрезвычайно громкій смѣхъ, потомъ сильный, звонкій и чистый голосъ пролетѣлъ, какъ стрѣла, сквозь его уши. Эрнестъ вскочилъ во всемъ пылу раздраженнаго дурнаго расположенія духа. Онъ вышелъ на террасу портика, чтобъ избѣжать повторенія этого безпокойства. Тутъ онъ опять погрузился въ свои разбитыя ипохондрическія думы, и сложивъ руки, потупивъ взоръ и нахмуривъ брови, началъ шагать взадъ и впередъ, по той части перистиля, которую занималъ самый уединенный уголъ дома. Вдругъ онъ остановился, потому-что наткнулся на какой-то предметъ, котораго прежде не встрѣчалъ. Онъ вздрогнулъ, вытаращилъ глаза, и увидѣлъ передъ собою молодаго человѣка, одѣтаго просто, съ благородною наружностью и осанкою.

— Мистеръ Мальтраверсъ, если не ошибаюсь, сказалъ незнакомецъ.

Эрнестъ узналъ тотъ же голосъ, который такъ разстроилъ его.

— Счастливая встрѣча! Мы можемъ отрекомендоваться другъ другу, потому-что я замѣтилъ, что мистеръ Клиффендъ тоже желаетъ, чтобы мы познакомились покороче. Мистеръ Люмлій Феррерсъ, мистеръ Эрнестъ Мальтраверсъ. Затѣмъ, такъ какъ я старшій, то первый предлагаю мою руку, съ приличною гримасою. Всѣ гримасничаютъ, заключая новое знакомство! Хорошо, это уже рѣшено. По которой дорожкѣ вы хотите гулять?

Мальтраверсъ могъ, когда хотѣлъ, принимать такой холодновеличественный видъ, какъ будто онъ никогда не покидалъ Англіи. Онъ вдругъ выпрямился, съ удивленіемъ и досадою высвободилъ свою руку отъ пожатія Феррерса, и сказалъ очень холодно:

— Извините меня, серъ, я занятъ! и гордо возвратился въ свою комнату. Онъ бросился въ свои кресла, и почти уже забылъ свою непріятную встрѣчу, какъ вдругъ, къ невыразимому его удивленію и ярости, рѣзкій и чистый голосъ опять раздался надъ его ухомъ.

Феррерсъ послѣдовалъ за нимъ въ комнату, черезъ окно à la française.

— Вы говорите, что вы заняты, мой добрый товарищъ. Мнѣ нужно также написать нѣсколько писемъ; мы не будемъ прерывать другъ друга, не безпокойтесь.

И Феррерсъ сѣлъ возлѣ письменнаго стола, обмокнулъ перо въ чернила, положилъ передъ собою въ порядкѣ бумагу, и принялся исписывать страницу за страницею, самыми скорыми и самыми іероглифическими каракулями, которыя когда-либо пытали терпѣніе женщинъ, и приводили въ отчаяніе кредиторовъ.

— Надутый глупецъ! пробормоталъ Мальтраверсъ довольно внятно; но выйдя наконецъ изъ своей задумчивости, и разсмотрѣвши съ нѣкоторымъ любопытствомъ столь, повидимому, спокойнаго пришельца, онъ долженъ былъ сознаться, что наружность Феррерса не имѣла въ себѣ ничего ни надутаго, ни глупаго.

Гладкій и твердый лобъ осѣнялъ маленькіе, умные и блестящіе свѣтлокаріе глаза; черты лица были прекрасны, хотя слишкомъ острый носъ придавалъ ему сходство съ лисицею. Цвѣтъ лица его, хотя не слишкомъ розовый, имѣлъ тотъ здоровый видъ, который всегда доказываетъ твердое и переполненное жизнью сложеніе; его полный подбородокъ физіономистъ могъ бы принять за признакъ энергіи и силы воли; но большія и толстыя губы изобличали въ немъ человѣка чувственнаго, и хотя ихъ безпрестанное движеніе и привычная улыбка говорили о веселости и хорошемъ расположеніи духа, но въ спокойномъ положеніи въ нихъ было что-то скрытное и врачное.

Мальтраверсъ смотрѣлъ на него въ угрюмомъ молчаніи; когда Феррерсъ кончилъ свое четвертое письмо скорѣе, чѣмъ другой дошелъ бы до конца первой страницы, тогда отложилъ перо, и въ свою очередь посмотрѣлъ на Мальтраверса веселымъ, но проницательнымъ взоромъ; въ выраженіи лица пришельца и во всей этой сценѣ было нѣчто столь странное и комическое, что Мальтраверсъ вызвалъ на свои губы улыбку, первую послѣ многихъ недѣль.

— Я вижу, вы читаете, Мальтраверсъ, сказалъ Феррерсъ, небрежно перевертывая книги, лежащія на столѣ. Все это прекрасно; мы должны начинать жизнь съ книгою въ рукѣ; они умножаютъ умственные доходы. Это родъ капитала; но капиталъ мертвъ, когда на него не получаются проценты, и

ги—безполезная бумага, если мы не употребляемъ въ дѣйствіе мудрость, которую пріобрѣли размышленіемъ. Дѣйствіе, Мальтраверсъ, дѣйствіе, вотъ наша жизнь. Въ наши лѣта, мы имѣемъ страсть, воображеніе, чувство; мы не должны тратить все это на чтеніе, или на бумагомараніе; мы должны жить на этотъ капиталъ, не скупясь, но и не расточая его понапрасну.

Мальтраверсъ былъ пораженъ; пришелецъ не былъ тотъ пустозвонъ, какимъ онъ себѣ вообразилъ его.

— Жизнь, мистеръ Феррерсъ.... сказалъ онъ, лѣниво приподнявшись съ кресель.

— Остановитесь, *mon cher*, остановитесь; не называйте меня *мистеромъ*; мы должны быть друзьями; я терпѣть не могу замедлять хоть однимъ словомъ то, что должно быть. Вы—Мальтраверсъ, *я* — Феррерсъ. Но вы начали говорить о жизни; подумайте, не лучше ли въ это самое время пользоваться жизнію, чѣмъ толковать о ней. До обѣда остается еще часъ; пойдемте гулять по парку; мнѣ надобно возбудить аппетитъ; къ тому же я люблю природу, когда не нужно взбираться на швейцарскія горы, чтобъ увидать хорошій пейзажъ. *Allons!*

— Извините.... началъ опять Мальтраверсъ, вполовину заинтересованный, вполовину разсерженный.

— Пусть меня разстрѣляютъ, если я васъ оставлю. Пойдемте.

Феррерсъ подалъ Мальтраверсу шляпу, взялъ его подъ руку, и они были на большой террасѣ, возлѣ озера, прежде чѣмъ Эрнестъ опомнился.

Какъ оживлена, разнообразна и проста была болтовня Феррерса! (это именно была болтовня, а не разговоръ, потому-что говорилъ онъ одинъ). Книги, люди и мысли,—онъ подбрасывалъ ихъ и игралъ ими, какъ воланъ. Потомъ послѣдовалъ хвастливый и длинный рядъ приключеній, въ которыхъ онъ былъ героемъ; онъ разсказывалъ ихъ такимъ образомъ, что невозможно было не смѣяться съ нимъ и надъ нимъ. И женщина, блестящая свѣтская женщина была узломъ всѣхъ этихъ исторій!

—

XVI.

Ясная утренняя звѣзда, предвѣстница дня, весело засіяла на востокѣ...

Мильтонъ.

До-сихъ-поръ Эрнестъ не встрѣчалъ ни одного ума, который имѣлъ бы такое сильное вліяніе на его умъ. Дома, въ школѣ, въ университетѣ, вездѣ онъ былъ блестящій и упорный руководитель другихъ, умѣя уговорить каждаго и командовать головами умнѣе и старше себя; даже Кливерендъ всегда уступалъ ему, самъ того не замѣчая. Человѣкъ старѣе насъ отъ двухъ до десяти лѣтъ можетъ плѣнить и увлечь насъ. У него тѣже побужденія, тотъ же взглядъ на вещи, онъ ищетъ тѣхъ же удовольствій, но онъ искуснѣе и опытнѣе насъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ идетъ съ нами тѣмъ же путемъ, по которому мы положили себѣ слѣдовать, и противъ тѣмъ же опасностей, отъ которыхъ старѣйшее поколѣніе тщетно желаетъ оградить насъ. Гдѣ нѣтъ большой симпатіи, тамъ вліяніе весьма слабо. И такъ пріѣздъ Феррерса въ Темпль-Гровъ былъ эпохою въ умственной жизни Мальтраверса. Онъ въ первый разъ встрѣтилъ умъ, который началъ управлять имъ. Можетъ-быть физическое состояніе его нервовъ дѣлало его неспособнымъ оградиться отъ грубоватаго, но всегда забавнаго владычества Феррерса. Со всякимъ днемъ этотъ пришлецъ дѣлался болѣе и болѣе скрытымъ властелиномъ Мальтраверса. Феррерсъ, будучи эгоистомъ въ высочайшей степени, никогда не старался выманить довѣрія у своего новаго друга. Секреты другихъ, если они не были полезны для достиженія какихъ-нибудь его видовъ, онъ считалъ нестоющими и трехъ соломенокъ. Онъ говорилъ съ такимъ увлеченіемъ о себѣ, о женщинахъ, объ удовольствіяхъ и о веселой, дѣятельной жизни городовъ, что умъ Мальтраверса проснулся отъ своей глубокой летаргіи безъ особеннаго съ его стороны усилія. Мрачные призраки постепенно исчезли, сознаніе выглянуло изъ-за облаковъ.

Можетъ-быть, никто другой не успѣлъ бы такъ скоро вылечить Мальтраверса отъ его душевной болѣзни. Въ доказательствахъ своихъ. Люмлій Феррерсъ работалъ своею желѣзною

логикою, какъ молотомъ по наковальнѣ, издавая изъ нея при каждомъ ударѣ блестящія искры. Люмлій Феррерсъ былъ именно такой человѣкъ, который могъ бороться съ воображеніемъ Мальтраверса и побѣдить его разсудокъ. Съ той минуты, какъ дѣло дошло до разсужденія о болѣзни, воспослѣдовало совершенное исцѣленіе.

Однажды вечеромъ Мальтраверсъ тихонько ушолъ въ свою комнату, открылъ Новый-Завѣтъ, и читалъ его небесныя наставленія. Кончивши чтеніе, онъ упалъ на колѣни и съ умиленіемъ молился Богу. И въ эту ночь сонъ Эрнеста Мальтраверса былъ крѣпокъ и спокоенъ, и сновидѣнія его были пріятны. На слѣдующее утро онъ проснулся въ пріятномъ расположеніи духа.

XVII.

«Нѣкоторые люди случайно вылечиваютъ опасныя болѣзни, хотя они не доктора, а просто шарлатаны».

Феррерсъ положилъ себѣ за правило употреблять все и всѣхъ въ свою пользу. Ему хотѣлось ѣхать на нѣсколько лѣтъ за границу, и для этого ему нуженъ былъ компаньйонъ, во-первыхъ потому, что онъ не любилъ одиночество, а во-вторыхъ потому, что товарищъ участвуетъ всегда въ издержкахъ; человѣкъ же, имѣющій только восемь сотъ фун. ст. годоваго дохода и привыкшій къ роскоши въ жизни, не можетъ пренебрегать тѣмъ, кто за него платитъ. Феррерсъ положилъ себѣ за правило дружиться съ людьми гораздо богаче себя, но на этотъ разъ онъ довольствовался и обществомъ Эрнеста. Съ перваго своего визита въ Темпль-Гровъ, онъ положилъ, что Эрнестъ поѣдетъ съ нимъ за границу. И принявши это рѣшеніе, ему уже не трудно было привести его въ исполненіе.

Мальтраверсъ горячо привязался къ своему новому другу, и

теперь страстно желалъ перемѣны. Клавеленду трудно было разстаться съ нимъ, но онъ боялся возобновленія болѣзни, если молодой человѣкъ останется на его рукахъ. Итакъ онъ не колебался ни минуты и далъ свое согласіе. Тотчасъ купили дорожную карету со всевозможными вашами, чемоданами и сундуками. Наняли швейцарца, который долженъ былъ исправлять должность камердинера. Тысячу фунтовъ стерлинговъ назначили Мальтраверсу на ежегодные расходы; и въ одно теплое и прекрасное октябрское утро Феррерсъ и Мальтраверсъ были на половинѣ дороги къ Дувру.

— Какъ я доволенъ, что оставляю Англію, сказалъ Феррерсъ: это славная страна для богачей; но восемь сотъ фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода и безъ другаго занятія, кромѣ развѣ собственнаго удовольствія, здѣсь хватятъ только на перецъ и соль, тогда какъ въ другомъ мѣстѣ можно на нихъ жить въ полномъ довольствѣ.

— Кажется, я слышалъ отъ Клавеленда, что вы будете современемъ очень богаты.

— О, да! я имѣю, какъ говорится, нѣчто въ виду! Я долженъ вамъ сказать, что я сижу на двухъ сѣдлахъ: знатности и богатствѣ; а вы помните пословицу: между двумя сѣдлами.... Теперешній лордъ Саксингемъ, а попрежнему просто Франкъ Лезселлссъ, и мой отецъ мистеръ Феррерсъ были двоюродные братья, Два, три родственника по добротѣ сердца скончались;— Франкъ Лезселлсъ сталъ графомъ; но земли не послѣдовали за титломъ; онъ женился на богатой наслѣдницѣ. Жена его умерла; состояніе все перешло единственной дочери, самой очаровательной дѣвочкѣ, какую вы когда-либо видѣли! Прелестная Флоренса, какъ часто я желаю имѣть право возвести свой взоръ до тебя! Богатство перейдетъ въ ея собственное распоряженіе, какъ только она достигнетъ совершеннолѣтія, но теперь

она еще въ кругу нянекъ и мамокъ кушаетъ кедъ, да пряни-ки. Отецъ мой женился на миссъ Темпльтонъ, дѣвушкѣ безъ денегъ и безъ громкаго имени. Саксингэмская линія учтиво прервала съ нимъ всѣ сношенія. У моей матери былъ братъ, человѣкъ весьма искусный, предпріимчивый, какъ говорится, и незнающій въ дѣлахъ устали. Онъ становился богаче и богаче, но ни отцу моему, ни матери отъ этого лучше не было, они умерли, не воспользовавшись ни однимъ пенни его богатства. Я достигъ совершеннолѣтія, и получилъ не болѣе и не менѣе, какъ уже вамъ извѣстные восемь сотъ фун. стерл. годоваго дохода. Мой богатый дядя женатъ, но не имѣетъ дѣтей. Слѣдовательно, я его ближайшій наслѣдникъ, но онъ скупъ, хотя и любитъ иногда похвастать своимъ богатствомъ. Раздоръ между дядею Темпльтономъ и Саксингэмами до-сихъ-поръ продолжается. Темпльтонъ сердится, если я видаюсь съ Саксингэмами, а Саксингэмы, по-крайней-мѣрѣ, самъ лордъ, не слишкомъ увѣренъ, что я буду наслѣдникомъ Темпльтона, и безъ сомнѣнія, боится, что я когда-нибудь приду просить его милость доставить мнѣ мѣсто. Вы знаете, что лордъ Саксингемъ при министерствѣ. Такимъ-образомъ, мое положеніе въ лондонскомъ обществѣ какое-то двойное, земноводное, которое мнѣ очень неправится. Съ одной стороны я знатный родственникъ, котораго линія выходцевъ принимаетъ всегда ласково; съ другой стороны я полузависящій членъ младшей линіи, на котораго знатные родственники смотрятъ учтиво, но холодно. Придетъ время, когда мнѣ наскучитъ праздность и путешествіе, я возвращусь и начну бороться съ этими маленькими неудовольствіями жизни; постараюсь подбиться къ дядѣ, методисту, и привязать къ себѣ мою знатную кузину. Теперь мнѣ еще рано устроивать свое положеніе въ свѣтѣ, я гожусь на что-нибудь получше.

Сухія щепы горятъ всегда гораздо ярче, чѣмъ зеленое дерево! Но какъ этотъ лѣнивецъ насъ тихо тащитъ! Гей, ты милостивый государь, вези скорѣе! Подумай, двѣнадцать миль

въ часъ, и ты получишь шесть пенсовъ за милю! Дайте мнѣ вашъ кошелекъ, Мальтраверсъ; я какъ старшій и, слѣдовательно, благоразумнѣйшій, долженъ быть кассиромъ; мы можемъ сосчитаться по окончаніи путешествія....

ЭРНЕСТЪ МАЛЬТРАВЕРСЪ.

Романъ Э. Л. Бульвера.

(*Переводъ съ англійскаго.*)

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

«Кто въ цвѣтѣ юности, у того обманчивыя видѣнія, и сердце, незнающее покоя».

Симонидъ.

«Было что-то странное въ моихъ чувствахъ къ этой прелестной женщинѣ.

Былъ блестящій балъ въ палаццо австрійскаго посланника въ Неаполѣ; толпа праздныхъ людей, молодыхъ и старыхъ, прицѣпляющихся всегда къ колесницѣ первенствующей красоты, вертѣлась вокругъ мадамъ де-Сент-Вантадуръ. Говоря вообще — капризъ, а не вкусъ, часто выбираютъ царицу на идалійскій тронъ. Ничто не поражаетъ такъ новичка въ обществѣ, какъ первый взглядъ, брошенный на женщину, которой свѣтъ присудилъ золотое яблоко. Однакожъ впослѣдствіи онъ присоединяется къ толпѣ поклонниковъ, и съ неимовѣрною быстротою

переходить отъ полнаго негодованія, порожденнаго первою минутою, къ совершенному очарованію. Въ-самомъ-дѣлѣ, тысяча другихъ условій, кромѣ тонкой правильности чертъ лица, способствуютъ выбору временной Цитеры.... знаніе свѣта, особенный тактъ въ обществѣ, прелесть манеръ и невыразимый, плѣняющій блескъ. Въ комъ свѣтъ находитъ соединеніе граціи, ту провозглашаетъ Венерою. Немногіе достигаютъ до первенства, въ чемъ бы то ни было, безъ какихъ нибудь случайныхъ и совершенно посторонныхъ обстоятельствъ. Нѣкоторыя особенныя достоинства и странныя приключенія жизни придаютъ имъ таинственную прелесть.... «Точно ли мистеръ такой-то?...» спрашиваете вы недовѣрчиво. «О! да», отвѣчаютъ вамъ.—Знаете ли вы что нибудь, касающееся до него? Вотъ что говорятъ, вотъ что случилось. Кумиръ интересенъ самъ собою, а они обожаютъ его принадлежности.

Въ это время мадамъ де-Сент-Вантадуръ была красавица Неаполя, и хотя въ залѣ было пятьдесятъ женщинъ прекраснѣе ея, но никто не осмѣлился бы сказать этого. Даже женщины сознавали ея превосходство, потому-что она обладала искусствомъ туалета въ такомъ совершенствѣ, какое рѣдко можно встрѣтить даже въ самой Франціи, а женщины открыто отдаютъ справедливость этому, по преимуществу, женскому искусству, которое всѣ изучаютъ и въ которомъ немногія отличаются. Никогда женщина не признаетъ красоту того лица, на которомъ надѣта дурно сдѣланная шляпа, и также никогда скоро не согласится найти неправильною ту женщину, у которой чепчики всегда безукоризненны. Сверхъ-того, мадамъ де-Сент-Вантадуръ отличалась особенною очаровательностью, происходящею отъ знатнаго рода, и доведенною до высочайшей степени привычкою быть въ отборномъ обществѣ. По своимъ движеніямъ и физіономіи, она была въ полномъ смыслѣ слова grande dame, какъ будто природа произвела ее именно для этого. Она принадлежала къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Франціи; шестнадцати лѣтъ вышла за-мужъ за человѣка, равнаго себѣ по происхожденію, но стараго, глупаго и надутаго; его можно было назвать не портретомъ, а карикатурою. Однакоже на маленькое облако не затмѣвало горизонта славы мадамъ де-Сент-Вантадуръ. Одни говорили, что это происходило отъ гордости, а другіе отъ холодности. Умъ ея имѣлъ всю тонкость и мягкость придворнаго ума; она умѣла управлять собою; но истинно французскій складъ ея не имѣлъ никакого сходства съ летаргическою, молчаливою неподвижностью Англичанокъ. Молча-

ливые люди всегда кажутся довольно умны. Одинъ грумъ женился на богатой леди, и боялся быть посмѣшищемъ своихъ гостей, которыхъ его новое положеніе въ свѣтѣ собирало за его столъ, пока одинъ умный человѣкъ не далъ ему такой совѣтъ: «Носите всегда черное платье, и держите языкъ на привязи!» Грумъ послѣдовалъ этому совѣту, и теперь его считаютъ за самаго благороднаго и пріятнаго собесѣдника въ графствѣ. Разговоръ есть пробный камень настоящей деликатности и тонкой граціи, которыя составляютъ нравственный идеалъ хорошаго тона.

Мадамъ де-Сент-Вантадуръ сидѣла нѣсколько поодаль отъ танцующихъ; сзади ея стула молчаливый англійскій денди, лордъ Тонтонъ, одѣтый по послѣдней модѣ стоялъ вытянувшись, какъ бы боясь скрыть хоть нѣсколько свой прекрасный ростъ. По лѣвую сторону отъ нея вздыхалъ сантиментальный нѣмецкій баронъ фонъ-Шомбергъ, покрытый орденами, причесанный до послѣдняго волоска въ совершенствѣ. По правую же сидѣлъ французскій министръ, ловкій, льстивый и любезный. Вокругъ ея толпились со всѣхъ сторонъ секретари посольства и итальянскіе князья, казна которыхъ есть игорный столъ, а все состояніе картинная галлерея, изъ которой, когда карта не везетъ, продаютъ одну картину за другою также какъ Англичане срубаютъ свои лѣса. Прелестная мадамъ де-Сент-Вантадуръ умѣла обворожать всѣхъ и каждаго; улыбка для молчаливаго, шутка для веселаго, политика для Француза, поэзія для Нѣмца, и краснорѣчіе любезной красоты для всѣхъ. Она была въ лучшей порѣ жизни. Едва замѣтный румянецъ оживлялъ ея прозрачную кожу и придавалъ еще болѣе живости ея большимъ, сверкающимъ чорнымъ глазамъ, въ которыхъ, сквозь ихъ яркій блескъ, проглядывала какая-то особенная тайная кротость (особенность, принадлежащая однимъ Француженкамъ), столь же различная отъ неподвижной томности глазъ Испанки, какъ и отъ величественнаго, полнаго гордости взора Итальянки. Чорное бархатное платье и граціозный уборъ съ богатыми перьями представляли разительный контрастъ съ алебастровою бѣлизною ея рукъ и шеи. Глядя на эти обворожительные глаза, на этотъ цвѣтъ лица, на эту прозрачность кожи, на эти чудныя розовыя губки и на эти маленькіе и бѣлые, какъ изъ слоновой кости, зубы, ни одинъ самый холодный критикъ не могъ замѣтить, что подбородокъ ея былъ слишкомъ остръ, ротъ великъ, и носъ, такой прекрасный, когда смотрѣть на него прямо, былъ далекъ отъ совершенства, въ профиль.

— Скажите пожалуйста, были ли вы сегодня въ Strada Nuova? спросилъ Нѣмецъ такимъ сладкимъ голосомъ, какъ-будто онъ произносилъ объясненіе въ вѣчной любви.

— Разумѣется; иначе что же намъ, женщинамъ, дѣлать, съ нашимъ утромъ? отвѣчала мадамъ де-Сент-Вантадуръ. Жизнь наша отъ колыбели до гроба есть вѣчное движеніе безъ цѣли, и препровожденіе времени послѣ полдня обозначаетъ типъ нашей карьеры. Прогулка и толпа, *voilà tout*! Мы не иначе видимъ свѣтъ, какъ съ высоты нашей коляски.

— То есть, вы видите его самымъ пріятнымъ образомъ, сказалъ Французъ.

— *J'en doute;* самая тяжолая усталость есть та, которую ощущаешь, не дѣлавши движенія.

— Угодно ли вамъ сдѣлать мнѣ честь провальсировать со мной? сказалъ высокій англійскій лордъ, который понялъ изъ словъ мадамъ де-Сент-Вантадуръ, что она желала бы лучше танцовать, чѣмъ сидѣть.

Французъ улыбнулся.

— Лордъ Тонтонъ желаетъ приложить къ практикѣ вашу собственную теорію, сказалъ министръ.

Лордъ Тонтонъ улыбнулся, частію потому, что всѣ улыбнулись, а частію потому, что у него были прекрасные зубы; но онъ, повидимому, съ безпокойствомъ ждалъ отвѣта.

— Не сегодня, лордъ; я рѣдко танцую. Но кто эта хорошенькая дама? Какой всегда чудный цвѣтъ лица у Англичанокъ! А этотъ джентльменъ, молодой человѣкъ, что стоитъ у дверя, продолжала мадамъ де-Сент-Вантадуръ, не дождавшись отвѣта на первый вопросъ.

— Съ чорными усами? сказалъ лордъ Тонтонъ: это мой двоюродный братъ.

— О нѣтъ! Не полковникъ Бельфрильдъ, я знаю его... какой онъ забавный! Джентльменъ, про котораго я спрашиваю, безъ усовъ.

— Высокій Англичанинъ съ блестящими глазами и открытымъ лбомъ, сказалъ французскій министръ. Онъ только что пріѣхалъ, съ востока, кажется.

— У него очень замѣчательная физіономія, сказала мадамъ де-Сент-Вантадуръ; въ очеркѣ его головы есть что-то рыцарское. Онъ, безъ сомнѣнія, благороднаго происхожденія, лордъ Тонтонъ.

— Да, онъ то, что вы называете благородный, а мы джентльменъ; фамилія его Мальтраверсъ. Мистеръ Мальтраверсъ. Онъ, кажется, имѣетъ хорошее состояніе.

— Мистеръ Мальтраверсъ? Только мистеръ? сказала мадамъ де-Сент-Вантадуръ.

— Вы знаете, сказалъ французскій министръ, что англійскому джентльмену не нужно частицу *де* или какой-нибудь титулъ, чтобъ отличиться отъ простолюдина.

— Я знаю это; но онъ, кажется, выше простаго *джентльмена*. Въ его взорѣ есть какое-то *величіе*, хотя правду сказать, не то условное величіе, которое даетъ высокое происхожденіе.

— Вы, вѣрно, не находите его красивымъ? сказалъ лордъ Тонтонъ почти сердито, (потому-что онъ былъ одинъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ, а красивые иногда бываютъ ревнивы).

— Красивымъ! я не сказала этого, отвѣчала мадамъ де-Сент-Вантадуръ улыбаясь. У него, скорѣе можно сказать, прекрасная голова, чѣмъ красивое лицо. Меня нѣсколько удивляетъ, что онъ очень ловокъ; впрочемъ всѣ вы, Англичане, милордъ, прекрасно образованы.

— Да, глубоко, глубоко, а не поверхностно, сказалъ лордъ Тонтонъ, выправляя свои манжеты.

— Мадамъ де-Сент-Вантадуръ, позвольте мнѣ представить вамъ одного изъ моихъ соотечественниковъ, сказалъ, приближаясь, англійскій министръ,—мистера Мальтраверса.

Мадамъ де-Сент-Вантадуръ полуулыбнулась и слегка покраснѣла, когда, поднявъ глаза, увидѣла, что это гордое и задумчивое лицо, которое она только что замѣтила, смотрѣло уже на нее съ удивленіемъ.

Введеніе было сдѣлано; обмѣнялись обыкновенными фразами. Французскій дипломатъ всталъ и пошелъ прохаживаться съ англійскимъ министромъ. Мальтраверсъ занялъ его кресло.

— Долго ли вы были въ чужихъ краяхъ? спросила мадамъ де-Сент-Вантадуръ.

— Только четыре года, впрочемъ весьма довольно для того, чтобы спросить меня, не сталъ ли я болѣе чуждъ для Англіи, чѣмъ для какого-либо другаго мѣста.

— Вы были на востокѣ; я завидую вамъ. Грепія, Египетъ, сколько воспоминаній! Вы путешествовали въ прошедшемъ, и

тѣмъ осуществили желаніе мадамъ д'Эпине; вы вырвались отъ образованности, и погрузились въ романъ.

— Однакожъ мадамъ д'Эпине провела всю свою жизнь сочиняя прелестные романы посреди самаго образованнаго міра, сказалъ Мальтраверсъ улыбаясь.

— Вы, вѣрно, читали ея записки, сказала де-Сент-Вантадуръ, слегка покраснѣвъ. Немногіе находятъ время, въ потокѣ новой, болѣе увлекательной литературы, читать второстепенныхъ писателей прошлаго столѣтія.

— Не бываютъ ли эти второстепенные писатели часто гораздо занимательнѣе и привлекательнѣе даже самыхъ извѣстныхъ? сказалъ Мальтраверсъ: особенно когда эта посредственность старается придерживаться деликатности, даже, можетъ-быть, слабости — чувства милаго и трогательнаго? Записки мадамъ д'Эпине въ этомъ родѣ. Она понимала добродѣтель и любила ее; она была женщина не геніальная, но живо сочувствовала всѣмъ впечатлѣніямъ генія. Нѣкоторые люди родятся съ темпераментомъ и наклонностями генія, не имѣя его силы творчества; у нихъ та же нервозная система, но чего-то недостаетъ въ ихъ умственныхъ способностяхъ. Они также живо все чувствуютъ, но выражаются слабо. Въ характерѣ этихъ людей есть какой-то невыразимый родъ пафоса. Записки о Франціи послѣдняго столѣтія наполнены подобными примѣрами. Весьма интересна борьба этихъ пылкихъ умовъ противъ летаргіи незамысловатаго, но блестящаго общества, которое ослѣпляло ихъ до усыпленія. Для насъ они должны быть тѣмъ интереснѣе, прибавилъ Мальтраверсъ, съ нѣкоторою перемѣною въ голосѣ, потому-что многіе изъ насъ могутъ видѣть въ нихъ себя, какъ въ зеркалѣ.

А гдѣ же былъ въ это время нѣмецкій баронъ? Онъ любезничалъ на другомъ концѣ залы. А англійскій лордъ? Онъ бросалъ односложныя слова стоящимъ въ дверяхъ денди. А младшіе тѣлохранители? Они танцовали, шептались, любезничали и пили лимонадъ. А мадамъ де-Сент-Вантадуръ сидѣла одна, съ молодымъ иностранцемъ, посреди толпы, состоящей изъ восьми сотъ человѣкъ.

Разговаривая такимъ образомъ, Мальтраверсъ вдругъ вздрогнулъ, услышавъ за собою пронзительный и писклявый голосъ, который говорилъ по-французски.... Гмъ! гмъ! у меня свой взглядъ на вещи.

Мадамъ де-Сент-Вантадуръ оглянулась съ улыбкою.

— Это мой мужъ, сказала она спокойно: позвольте мнѣ вамъ его представить.

Мальтраверсъ всталъ и поклонился маленькому и худенькому человѣку, весьма тщательно одѣтому и съ огромными очками на длинномъ и острому носу.

— Очень радъ познакомиться съ вами, серъ! сказалъ мосье де-Вантадуръ. Давно ли вы въ Неаполѣ?... чудесная погода, но она не можетъ простоять долго. Гмъ, гмъ, у меня свой взглядъ на вещи. Только и говорятъ о томъ, что вашъ парламентъ будетъ скоро распущенъ! Опера въ Лондонѣ была плоха въ нынѣшнемъ году.... Гмъ, гмъ, у меня свой взглядъ на вещи.

Этотъ монологъ былъ проговоренъ съ приличными жестами. Всякую фразу мосье де-Вантадуръ начиналъ чѣмъ-то въ родѣ поклона; а когда впадалъ въ свое неизмѣняемое заключеніе, которое выказывало и его дальновидность и недосѣрчивость, тогда дѣлалъ таинственный знакъ указательнымъ пальцемъ, ставя его въ параллельную линію съ носомъ, который тоже, въ свою очередь, принималъ участіе въ церемоніи, дѣлая три судорожныя подергиванія, которыя, казалось, потрясали его въ основаніи.

Мальтраверсъ съ нѣмымъ удивленіемъ смотрѣлъ на мосье де-Вантадура, а мосье де-Вантадуръ, высказавши все, что ему казалось необходимымъ, заключилъ свое красивую рѣчь тѣмъ, что выразилъ величайшее желаніе видѣть мистера Мальтраверса у себя, въ отели. За тѣмъ, обратившись къ женѣ, онъ началъ увѣрять ее, что уже поздно, и что пора отправляться домой. Мальтраверсъ удалился, и въ самыхъ дверяхъ, его догналъ нашъ старинный пріятель Люмлей Феррерсъ.

— Поѣдемте, мой милый, я уже съ полчаса васъ жду. Allons, Но, можетъ-быть, такъ какъ мнѣ до смерти хочется поскорѣе улечься въ постель, то вы вздумаете остаться ужинать. Есть люди, которые совсѣмъ не думаютъ о другихъ.

— Нѣтъ, Феррерсъ, я къ вашимъ услугамъ. Молодые люди спустились съ лѣстницы, и пошли вдоль по набережной къ своей гостинницѣ. Когда они достигли до огромной площади, на которой она находилась, и прекрасное море представилось ихъ взорамъ, которое, казалось, спало въ объятіяхъ огибающаго его берега, Мальтраверсъ, до-тѣхъ-поръ слушавшій въ молчаніи своего говорливаго спутника, вдругъ остановился.

— Взгляните на это море, Феррерсъ! вскричалъ онъ. Какое зрѣлище! Какой свѣжій воздухъ! Какъ спокойно свѣтитъ луна!

Не представляются ли вамъ въ эту минуту тѣ древніе греческіе удальцы, которые первые завели колоніи въ этой дивной сторонѣ, любимицѣ океана, и которые, смотря на эти прекрасныя волны, не сожалѣли болѣе о своемъ отечествѣ, о Греціи?

— Я ничего подобнаго не могу себѣ представить, сказалъ Феррерсъ. И повѣрьте мнѣ, что эти господа, въ такой поздній часъ ночи, если не разбойничали гдѣ-нибудь, потому-что эти древніе колонисты были всѣ отчаянные злодѣи, то, вѣрно, спали, растянувшись на своихъ постеляхъ.

— Писали ли вы когда-нибудь стихи, Феррерсъ?

— Разумѣется, всякой порядочный человѣкъ писалъ стихи разъ въ жизни; оспа и поэзія—это двѣ болѣзни, которыхъ нельзя избѣгнуть.

— А чувствовали ли вы когда-нибудь поэзію?

— Чувствовалъ?

— Да; если вы, напримѣръ, въ своихъ стихахъ описывали луну, чувствовали ли вы ея сіяніе въ вашемъ сердцѣ?

— Милый мой Мальтраверсъ, если я употреблялъ слово луна, то, вѣрно, для того, чтобы приложить ее къ какой-нибудь рифмѣ. Теперь пора домой, Мальтраверсъ, а луну оставимъ до слѣдующаго привала.

— Нѣтъ, я хочу остаться здѣсь.

— Въ этомъ нѣтъ здраваго смысла. Намъ ли, съ которыми уже было столько приключеній, столько сценъ, что можно было бы удовлетворить самаго жаднаго читателя романовъ, хотя бы онъ дожилъ до лѣтъ феникса, намъ ли сантиментальничать и вздыхать при свѣтѣ луны, подобно безбородымъ школьникамъ или пакетботомъ Маргета? Я повторяю, что это безсмысленно. Мы слишкомъ много прожили, чтобы сохранить эту юную болѣзнь — чувствительность.

— Можетъ-быть вы правы, Феррерсъ, сказалъ Мальтраверсъ, но я еще до-сихъ-поръ могу наслаждаться прекрасною ночью.

— О, если вы любите мухъ въ *вашемъ* супѣ, говорилъ разъ гость своему хозяину, складывая опять этихъ чорныхъ насѣкомыхъ въ суповую чашку: если вы любите мухъ въ вашемъ супѣ, такъ извольте, извольте, — *buona notte*.

Въ теоріи Феррерсъ дѣйствительно былъ правъ. Когда мы переживаемъ столько приключеній въ дѣйствительности, то дѣлаемся менѣе чувствительны. Жизнь есть сонъ, въ которомъ

бредятъ болѣе въ началѣ и въ концѣ, въ срединѣ же онъ слишкомъ крѣпокъ, чтобы можно было бродить. Но съ своей стороны Мальтраверсъ не былъ также неправъ, говоря, что мы можемъ еще иногда наслаждаться прекрасною ночью, особливо въ Неаполѣ, на берегахъ моря.

Мальтраверсъ ходилъ взадъ и впередъ нѣсколько времени, погрузясь въ свои мечты. Сердце его успокоилось. Старинныя баллады звучали въ его ушахъ, прежнія воспоминанія роились въ головѣ его. Но чорные и кроткіе глаза мадамъ де-Сент-Вантадуръ свѣтились сквозь тѣнь всего прошедшаго. Чудное упоеніе! Жидкость изъ кубка розоваго цвѣта, которая есть не что иное, какъ игра фантазіи, а кажется любовью!

II.

Горе тому, кто даетъ волю страстямъ! Въ началѣ онѣ слабы, едва примѣтны; но скоро, благодаря нашей снисходительности, разростаются. Не должно ждать, для сопротивленія имъ, чтобы онѣ достигли своей страшной силы.

Спенсеръ.

Мальтраверсъ часто посѣщалъ домъ мосьё и мадамъ де-Вантадуръ; два раза въ недѣлю домъ ихъ былъ открытъ для большаго свѣта, а три дня принимались одни друзья. Мальтраверсъ скоро попалъ въ разрядъ послѣднихъ. Въ дѣтствѣ своемъ, мадамъ де-Вантадуръ была въ Англіи, потому-что родители ея были эмигранты. Она бѣгло и хорошо говорила по-англійски, и это нравилось Мальтраверсу, потому-что хотя французскій языкъ и былъ ему знакомъ, какъ его природный, но онъ, какъ и многіе другіе, которые разсчитываютъ болѣе на свой умъ, нежели на свою персону, боялся рисковать своими задушевными мыслями на чужестранномъ языкѣ. Мы не обращаемъ вниманія на грамматическія ошибки и на неправильность произношенія,

когда говорилъ о пустякахъ; но когда хотимъ выразить мысли, заключающуюся въ душѣ нашей, мы содрогаемся при мысли сдѣлать самомалѣйшую ошибку.

Мальтраверсъ особенно боялся этого; онъ всегда и во всемъ любилъ приличіе. И эта любовь къ порядку, этотъ зародышъ хорошаго тона, выказывались у него въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ, и предохраняли его отъ той искусственной небрежности, которою многіе молодые люди любятъ хвастаться. Привычная опрятность, любовь къ порядку и строгое соблюденіе законовъ образованнаго вкуса, избавляли его отъ заботы щеголять экипажемъ и богатымъ гардеробомъ.

Мальтраверсъ и двухъ разъ во всю жизнь свою не подумалъ о томъ, хорошъ ли онъ собою; онъ, подобно многимъ, которые изучали прелестный полъ, зналъ, что красота мужчины было послѣднее дѣло въ глазахъ умной женщины. Тонъ, манеры, разговоръ, какое-нибудь обстоятельство жизни, которое можетъ заинтересовать, или какое-нибудь качество, которымъ можно гордиться,—вотъ принадлежности мужчины, которыя могутъ заставить полюбить его. А красавецъ девять разъ изъ десяти ничего болѣе не выигрываетъ, не считая восхищенія его тетушекъ, какъ удовольствіе слышать восклицанія служанокъ: «настоящій амуръ»!

Но пора кончить наше отступленіе. Итакъ, мы сказали, что Мальтраверсъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что могъ разговаривать съ мадамъ де-Вантадуръ на своемъ отечественномъ языкѣ. Разговоръ ихъ обыкновенно начинался по-французски, а потомъ незамѣтно переходилъ къ англійскому языку. Они оба были краснорѣчивы, но представляли собою разительный контрастъ въ мысляхъ и выраженіяхъ. Мадамъ де-Вантадуръ смотрѣла на все глазами свѣтской женщины. Природа одарила ее блестящимъ сосредоточеннымъ умомъ и чрезвычайною деликатностью и нѣжностью чувствъ; но все это было облечено въ свѣтскую форму. Она образовалась подъ вліяніемъ большаго свѣта, и складъ ея ума часто изобличалъ ея воспитаніе. Живая, остроумная и вмѣстѣ съ тѣмъ задумчивая, она была типъ тѣхъ женщинъ, описаніе которыхъ мы находимъ въ запискахъ о Франціи, одна изъ прелестнѣйшихъ и умнѣйшихъ будуарныхъ Аспазій, которыя умѣютъ заинтересовать своею легкою граціею и чрезвычайно-утонченнымъ изяществомъ, и умѣютъ оградить себя отъ упрека въ вѣтрености и поверхностности, частію слишкомъ глубокимъ знаніемъ общественной системы, въ которой онѣ движутся, а частію полускрытымъ и трогательнымъ него-

ленiемъ на мелочи, на которыя онѣ принуждены растрачивать свои способности и чувства. Онѣ составляютъ особенный классъ во всѣхъ странахъ и сословiяхъ, въ которыхъ блеститъ и страдаетъ женщина, безъ домашнихъ обязанностей и домашней жизни.

Валерiя де-Сен-Вантадуръ была совершенно новымъ образчикомъ женщины для Мальтраверса, а онъ, въ свою очередь, казался необыкновеннымъ мужчиною для свѣтской Француженки. Они находили величайшее удовольствiе быть вмѣстѣ, хотя очень часто не соглашались въ мнѣнiяхъ.

Мадамъ де-Вантадуръ ѣздила верхомъ, и Мальтраверсъ былъ однимъ изъ ея обычныхъ спутниковъ; мы говоримъ одинъ изъ спутниковъ, потому-что она высоко цѣнила всѣ приличiя большаго свѣта, и никакъ бы не позволила себѣ гулять только съ однимъ кавалеромъ. И какiя чудныя мѣста посѣщали онѣ во время своихъ ежедневныхъ прогулокъ!

Мальтраверсъ былъ человѣкъ ученый. Творенiя безсмертныхъ древнихъ писателей были ему знакомы, какъ собственныя. Поэзiя, образъ мыслей и общественный бытъ художественныхъ Грековъ и изнѣженныхъ Римлянъ составляли главную часть его занятiй и воспоминанiй. Умъ его былъ переполненъ Пактоломъ древности, и золотыя зерна отдѣлялись отъ классическаго Тмола, со всякимъ приливомъ его. Это изученiе отжившихъ народовъ, очень часто безполезное, составляетъ необыкновенную прелесть тогда, когда находишься въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ жили эти исчезнувшiя знаменитости. На Хайгетскомъ холму мысль о древнихъ народахъ не приходитъ намъ и въ голову, но въ Бейѣ, Помпеѣ и подъ тѣнiю Виргилiевыхъ рощей мы жаждемъ познакомиться съ ними какъ можно ближе. Какимъ драгоцѣннымъ чичероне былъ Мальтраверсъ для пылкой и любопытной Француженки! Съ какимъ жаромъ она прислушивалась къ разсказамъ его о жизни, гораздо изящнѣйшей, чѣмъ въ Парижѣ, о цивилизацiи, которую свѣтъ уже болѣе не узнаетъ; тѣмъ лучше, потому-что она была испорчена до самаго мозга, хотя имѣла видъ здоровой комплекцiи. Эти холодныя имена и бесплотныя тѣни, надъ скелетами которыхъ, называемыми исторiями, мадамъ де-Вантадуръ привыкла зѣвать, казалось, оживали и начинали дышать въ краснорѣчивыхъ описанiяхъ Мальтраверса; въ нихъ загоралась жизнь; они двигались, присутствовали на своихъ пиршествахъ, влюблялись, были умны или глупы, веселы или печальны, какъ-будто живыя существа. Съ другой стороны, Мальтраверсъ изучалъ тысячу для него но-

III.

Эрнестъ Мальтраверсъ не былъ уже такъ добръ, какъ при отъѣздѣ изъ Англіи. Онъ жилъ въ такихъ странахъ, гдѣ общественное мнѣніе не имѣетъ никакого вліянія, ни правилъ, а это не дѣлаетъ человѣка лучшимъ. Сверхъ-того, брошенный въ дѣйствительную жизнь, онъ, съ пылкими страстями и съ превосходствомъ умственныхъ способностей, впадалъ, движимый первыми, во многія заблужденія, изъ которыхъ выпутывался съ помощью вторыхъ. Необходимость укрѣпить себя для свѣта, чтобы имѣть силу бороться сегодня съ насиліемъ, завтра съ обманомъ, подернула черствою корою поверхность его сердца, средина котораго осталась свѣжа и чувствительна. Къ тому же въ послѣдніе годы Мальтраверсъ не имѣлъ никакой постоянной цѣли, и жилъ на капиталъ своихъ способностей и чувствъ, какъ безразсудный, расточительный спекулянтъ. Ничто не можетъ быть вреднѣе для способнаго и пылкаго молодаго человѣка, какъ отсутствіе опредѣленной цѣли въ жизни.

Мальтраверсъ сталъ невольнымъ эгоистомъ, и впадалъ иногда въ систему увлеченія за собственными удовольствіями, не думая о вредныхъ, какъ для него, такъ и для другихъ, отъ того послѣдствіяхъ. Къ тому же онъ былъ уже не такой восторженный, какъ прежде, а болѣе привязался къ интересамъ жизни матеріальной...

Обхожденіе Валеріи, попеременно то льстя его самолюбію, то укалывая его, вызвало его гордость и тщеславіе на помощь фантазіи. Онъ рѣшился утвердить свою власть надъ нею; она сдѣлалась для него предметомъ честолюбія. Онъ жилъ въ большомъ свѣтѣ, и свѣтъ имѣлъ на него такое же вліяніе, какъ и на многихъ другихъ. Но и теперь иногда онъ чувствовалъ въ своемъ сердцѣ, что не исполняетъ ни своего назначенія, ни долга; и когда ему удавалось оторваться на мгновеніе отъ блестящихъ, но холодныхъ и недостойныхъ забавъ, въ немъ тотчасъ же оживали давно знакомые ему порывы къ прекрасному, великому и благому. Впрочемъ, Эрнестъ Мальтраверсъ забывалъ все въ присутствіи чудной Валеріи де-Вантадуръ.

Однажды вечеромъ Мальтраверсъ, Феррерсъ, маленькій французскій министръ и хорошенькая Италіянка, княгиня ***, составляли все общество, собравшееся у мадамъ де-Вантадуръ.

Разговоръ зашёлъ о странныхъ исторіяхъ, такъ часто случающихся съ Англичанами на твердой землѣ.

— Правда ли, сказалъ французскій министръ, обращаясь съ важностью къ Люмлію, что ваши соотечественники самые странные изъ всѣхъ народовъ? Очень странно то, что во всякомъ городѣ, который я проѣзжалъ, мнѣ всегда разсказывали какую-нибудь исторію, героемъ которой непремѣнно былъ Англичанинъ. Я ничего подобнаго не слыхалъ ни о Французахъ, ни объ Итальянцахъ, toujours les Anglais!

— Потому-что насъ всякій скандалъ чрезвычайно оскорбляетъ, и мы дѣлаемъ изъ него много шуму, тогда какъ вы принимаете его спокойно. Порокъ для насъ эпизодъ, а для васъ эпопея.

— Положимъ, что такъ, сказалъ французскій министръ, желая казаться какъ можно серьознѣе. — Если мы плутуемъ въ игрѣ, или любезничаемъ съ хорошенькими дамами, мы это дѣлаемъ съ благопристойностью, и сосѣди наши не находятъ нужнымъ поднимать изъ-за этого все вверхъ дномъ; они могутъ рѣзаться съ ними, но никакъ не притянутъ къ суду. А у васъ на малѣйшій грѣшокъ смотрятъ, какъ на дѣло общественнаго интереса, и разсуждаютъ, и толкуютъ, и кричатъ о немъ на весь свѣтъ.

— Я предпочитаю систему скандала, проговорила мадамъ де-Вантадуръ отрывисто: говорите, что хотите, но страхъ удерживаетъ многихъ изъ насъ, и мы по неволѣ остаемся добродѣтельными. Проступокъ казался бы нѣкоторымъ не такъ ужаснымъ, еслибъ мы не боялись послѣдствій, хотя даже только наружныхъ.

— Гм, гм! пробормоталъ мосье де-Вантадуръ, входя въ комнату; здоровы ли вы? какъ ваше здоровье? Очень радъ васъ видѣть. Вечеръ пасмурный, я предполагаю, что будетъ дождь. Гм, гм.... Ага, мистеръ Феррерсъ, comment ça-va-t-il? Хотите ли дать мнѣ реваншъ въ экартѣ? Я имѣю предчувствіе, что сегодня буду счастливъ. Гм, гм.

— Въ экартѣ? съ удовольствіемъ! сказалъ Феррерсъ. Онъ игралъ хорошо.

Разговоръ на минуту прекратился. Все общество усѣлось вокругъ стола; всѣ, исключая Валеріи и Мальтраверса. Опустѣвшіе стулья раздѣляли ихъ, но скоро какъ-то незамѣтно они очутились рядомъ.

— Играете ли вы когда-нибудь? спросила мадамъ де-Вантадуръ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Игралъ когда-то, отвѣчалъ Мальтраверсъ. Мнѣ знакомо это

искушеніе, но я не смѣю болѣе играть. Я испыталъ сильныя ощущенія игры, но меня ужасаетъ то униженіе, до котораго она иногда насъ доводитъ. Игра есть нравственное опьяненіе, которое гораздо хуже физическаго.

— Вы говорите объ этомъ съ необыкновеннымъ жаромъ.

— Потому-что я слишкомъ глубоко чувствую то, что теперь говорю. Мнѣ разъ случилось обыграть одного человѣка, котораго я очень уважалъ и который былъ бѣденъ. Его отчаяніе послужило для меня страшнымъ урокомъ. Возвратясь домой, я ужаснулся, подумавъ, какъ могъ я радоваться тому, что дѣлало несчастнымъ другаго. Съ этого вечера я уже больше не игралъ.

— Какая сила воли! сказала Валерія съ удивленіемъ, выразившимся и въ голосѣ и въ глазахъ ея. Вы необыкновенный человѣкъ. Другіе исправляются проигрышемъ, а вы выигрышемъ. Похвально имѣть такія нравственныя убѣжденія въ ваши лѣта, мистеръ Мальтраверсъ.

— Я боюсь, не гордость ли это, а не нравственныя убѣжденія, сказалъ Мальтраверсъ. Нѣтъ ничего горче заблужденія, которое заставляетъ насъ краснѣть передъ самимъ собою. Ужасно стыдиться самого себя!

— О! прошептала Валерія, это эхо моего собственнаго сердца! Она встала и отошла къ окну. Мальтраверсъ остановился на минуту, потомъ послѣдовалъ за нею. Можетъ-быть онъ думалъ, что это движеніе было не что иное, какъ приглашеніе...

Передъ ними была пустынная улица, съ рѣдкими и тусклыми фонарями; вдали нѣсколько звѣздочекъ, едва проглядывавшихъ на небѣ сквозь необыкновенную густую облачную атмосферу, указывали мѣстами бушующее море. Валерія прислонилась къ стѣнѣ, и оконныя занавѣсы скрыли ее отъ всѣхъ гостей, кромѣ Мальтраверса, но между нимъ и ею стояла огромная мраморная ваза, наполненная цвѣтами. Валерія, казалось, была задумчива, и отъ полусвѣта огней, довольно отдаленныхъ, розовыя ея щеки были блѣднѣе и еще нѣжнѣе обыкновеннаго.

Увидѣвъ Мальтраверса, Валерія вздрогнула непритворно, потому-что она совсѣмъ не ожидала, чтобы онъ былъ такъ близко, и въ тоже время начала обрывать цвѣты (обыкновенная уловка женщинъ) изъ вазы, находившейся между ею и Эрнестомъ. Чудная, маленькая, почти прозрачная ручка! Мальтраверсъ смотрѣлъ на нее пристально, потомъ взглянулъ въ лицо

Валерія, потомъ опять на ручку. Ему казалось, что все волновалось передъ нимъ.

— Прости, прости меня, прошепталъ Эрнестъ задыхающимся голосомъ: но есть одно чувство, въ которомъ я не могу не признаться тебѣ.

Валерія подняла на него свои большіе, сіяющіе глаза, и не отвѣчала.

Мальтраверсъ продолжалъ:

— Брани меня, презирай меня, ненавидь меня, если можешь. Валерія, я люблю тебя!

Валерія оставалась безмолвна.

— Скажи мнѣ одно слово, сказалъ Эрнестъ, наклоняясь къ ней, умоляю тебя, одно слово!

Онъ остановился; отвѣта все-таки не было; онъ прислушивался, едва переводя дыханіе, и услышалъ рыданія. Да, эта гордая, умная и ловкая свѣтская женщина въ эту минуту была такъ же слаба, какъ самая простая дѣвушка, которая въ первый разъ слышала слова любви.

— Мистеръ Мальтраверсъ, сказала она, наконецъ, голосомъ тихимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе твердымъ и чистымъ: кости брошены; я потеряла навсегда друга, для счастія котораго я не имѣю права жить, но за котораго я готова была бы умереть. Я должна была бы предвидѣть это, но я была слѣпа. Ни слова болѣе, ни слова болѣе; приходите къ намъ завтра, а сегодня оставьте меня!

— Но, Валерія! ..

— Эрнестъ Мальтраверсъ, сказала она, — *нѣтъ ничего горче заблужденія, которое заставляетъ насъ краснѣть передъ самимъ-собою!*

И прежде, чѣмъ онъ могъ отвѣчать что-нибудь на повтореніе своего афоризма, Валерія ускользнула, и уже сидѣла у карточнаго стола, возлѣ хорошенькой Итальянки.

Мальтраверсъ также подошелъ къ обществу, и устремилъ глаза на мадамъ де-Вантадуръ; но лицо ея было спокойно, ни одного слѣда волненія не было на немъ замѣтно. Тотъ же голосъ, таже улыбка, таже непринужденная свѣтская любезность, какъ при первомъ ихъ свиданіи.

— Какія притворщицы эти женщины! пробормоталъ про-себя Мальтраверсъ, и на губахъ его явилась презрительная улыбка, которая, съ нѣкотораго времени, часто замѣняла прежнее спокойное и граціозное выраженіе его лица. Но Мальтра-

вересъ ошибался на счетъ женщинъ, которыя осмѣивались презирать.

Эрнестъ скоро оставилъ мальчика и возвратился въ свою гостиницу. Пока онъ въ раздумьи разхаживалъ по кабинету, Феррерсъ также возвратился домой. Прошло то время, когда Феррерсъ имѣлъ вліяніе на Мальтраверса. Теперь Эрнестъ спокойно сознавалъ свое превосходство надъ Люліемъ. Онъ не могъ довѣрить ему того, что произошло у него съ Валеріей. Люлій былъ слишкомъ грубъ, чтобы можно было сдѣлать его повѣреннымъ въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ сердце играетъ главную роль. Въ минуты веселья, онъ былъ незамѣнимъ; но въ печали, или въ минуту глубокаго размышленія, Феррерсъ былъ одинъ изъ самыхъ несносныхъ собесѣдниковъ.

— Вы что-то сегодня мрачны, mon cher, сказалъ Люлій, зѣвая. — Вѣрно, вы спать хотите. Есть же такіе художественные эгоисты, которые совсѣмъ не думаютъ о своихъ друзьяхъ. Никто не спроситъ меня, какъ я игралъ въ экартe. Не спите долго завтра утромъ, я терпѣть не могу завтракать одинъ, а я никогда не встаю позднѣе трехъ четвертей девятаго. Я ненавижу эгоистовъ съ дурными манерами. Покойной ночи!

Проговоривши все это, Феррерсъ ушелъ въ свою комнату. Тамъ, раздѣвшись довольно медленно, онъ разсуждалъ такимъ образомъ: «Кажется, я извлекъ для себя изъ этого человѣка все, что только можно было. Мы не можемъ долѣе плыть вмѣстѣ; кажется, я и самъ начинаю скучать этого рода жизнью. Но это еще не резонъ.»

IV.

— Видѣть ее завтра! и это завтра настало, думалъ Мальтраверсъ, когда онъ всталъ на другое утро, не сомкнувши глазъ во всю ночь. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ повиноваться нетерпѣливымъ призываніямъ Феррерса, который три раза присылалъ сказать ему, «что онъ никогда никого не заставлялъ ждать себя», вошелъ лакей съ пачкою писемъ изъ Англіи. Они только что пришли съ одною изъ этихъ рѣдкихъ почтъ, ко-

торыя иногда удостоиваютъ Неаполь, могущій быть весьма прибыльнымъ рынкомъ для англійской коммерціи, селибъ въ Италіи занимались немного больше коммерціею, а англійскіе лорды иностранною политикою. Письма отъ управляющихъ и банкировъ, Мальтраверсъ пробѣжалъ наскоро, а потомъ принялся за данное посланіе. Кливеленда. Въ письмѣ этомъ заключалось много такого, что трогало Эрнеста до глубины души. Послѣ многихъ сухихъ подробностей о дѣлахъ и нѣкоторыхъ незначительныхъ замѣчаній на столь же незначительное послѣднее письмо Мальтраверса, Кливеленъ продолжалъ:

— Признаюсь тебѣ, милый мой Эрнестъ, что я очень желаю видѣть тебя опять въ Англіи. Ты былъ довольно долго за границею, чтобы узнать другія страны; не оставайся же тамъ до тѣхъ поръ, пока предпочтешь ихъ своему родному краю. Ты теперь въ Неаполѣ, и я страшусь за тебя. Я знаю хорошо эту очаровательную и безпечную жизнь Италіи, столь завлекчивую для ученыхъ съ живымъ воображеніемъ и столь благопріятную безпечной, веселой юности и удовольствіямъ. Но, Эрнестъ, не чувствуешь ли уже ты, какъ она разслабляетъ, и какъ это очаровательное *far niente* дѣлаетъ неспособнымъ къ серьезнымъ занятіямъ? Человѣкъ склоненъ извѣживаться до того, что дѣлается неспособнымъ къ полезнымъ предпріятіямъ въ жизни, и нигдѣ скорѣе онъ не можетъ этого достигнуть, какъ въ Италіи. Милый мой Эрнестъ, я довольно тебя знаю. Ты не сотворенъ быть знатокомъ, у котораго кабинетъ набитъ картинами, а голова разнородными картинами, еще менѣе цѣнными чичисбеемъ какой-нибудь прекрасной Италіянки, сердце которой наполнено одной страстью, а въ головѣ негдѣ помѣститься и двумъ мыслямъ; но я зналъ многихъ, которые были также благоразумны какъ ты, и которыхъ эта коварная Италія перерождала въ то или другое изъ этихъ женоподобныхъ существъ. Не обманывай себя мыслью, что у тебя еще слишкомъ много времени впереди. Это неправда. Въ твои лѣта и съ твоимъ состояніемъ, (какъ бы я желалъ, чтобъ ты былъ не такъ богатъ!) праздники одного года дѣлаются необходимою привычкою слѣдующаго. Если ты хочешь быть человѣкомъ полезнымъ и извѣстнымъ въ Англіи, то надобно трудиться. Но трудъ тогда только пріятенъ, когда къ нему привыкаешь съ юныхъ лѣтъ. Мы народъ суровый, но вмѣстѣ съ тѣмъ мужественный. Ты скажешь, можетъ-быть, что ты не честолюбивъ. Теперь такъ, но будешь честолюбивъ современемъ, и по вѣрь мнѣ, нѣтъ ничего несчастнѣе честолюбца, неимѣющаго-

надежды на успѣхъ, честолюбца, который жаждетъ извѣстности и не видитъ возможности пріобрѣсть ее, и который желаетъ достигнуть своей цѣли, но не хочетъ и не имѣетъ духу сбросить туфли, й бѣжать за нею. Я могъ бы сказать еще многое, но надѣюсь, что и въ томъ, что́ я сказалъ, есть много лишняго. Если это такъ, то напиши мнѣ, успокой меня. Помни, Эрнестъ, если ты не пойдешь по пути, который назначила тебѣ природа, то будешь или жолчнымъ мизантропомъ, или лѣнивымъ сластолюбцемъ, скучающимъ жизнью въ зрѣломъ возрастѣ, раздраженнымъ и нечувствительнымъ ни къ какой радости въ старости. Но если ты хочешь слѣдовать своему назначенію, то скоро должно будетъ тебѣ поступить въ ученье, для того, чтобъ приготовиться. Дай мнѣ увидѣть, что ты трудишься, что ты стремишься къ чему бы то ни было. Трудись, трудись. Вотъ все, чего я отъ тебя требую!

Желалъ бы я, чтобъ ты побывалъ въ твоемъ прадѣдовскомъ замкѣ. Онъ имѣетъ видъ самой живописной древности, и пока ты выросъ, плющъ обвился вокругъ трехъ стѣнъ. Монтень не отказался бы жить въ немъ.

Прощай мой милый Эрнестъ,

Любящій тебя и безпокоющійся о тебѣ

Фредерикъ Клиффордъ.

«P. S. Я составляю въ настоящее время книгу. Это займетъ меня лѣтъ на десять, но займетъ безъ усталости. Послѣдуй моему примѣру.»

Мальтраверсъ только что кончилъ это письмо, какъ Феррерсъ вошелъ съ выраженіемъ нетерпѣнія.

— Поѣдете ли вы кататься верхомъ? спросилъ онъ. Я отослалъ завтракъ; потому что увидѣлъ, что съ моей стороны была тщетная надежда позавтракать сегодня; право, и аппетитъ совсѣмъ прошелъ.

— Пхъ! сказалъ Мальтраверсъ.

— Пхъ! гмъ, прекрасный отвѣтъ; что́ касается до меня, я люблю людей благовоспитанныхъ.

— Я получилъ письмо отъ Клиффорда.

— Какое же отношеніе между письмомъ и шоколатомъ?

— О Люмлій, вы нестерпимый эгоистъ; только и думаете, что о самомъ-себѣ, и то со стороны животной.

— Ну да, и я думаю, что я совершенно правъ, отвѣчалъ

Феррерсъ съ нѣкоторымъ достоинствомъ.—Я думаю, что все, что̀ не летаетъ, есть животное. Еслибъ я былъ травоядное животное, я ѣлъ бы траву и пережовывалъ бы жвачку, а такъ какъ я человѣкъ, и къ тому же гастрономъ, то я ѣмъ котлеты, браню соусы, и смѣюсь надъ вами. И это-то вы называете быть эгоистомъ!

Было уже далеко за полдень, когда Мальтраверсъ пришелъ въ палаццо мадамъ де Вантадуръ. Онъ удивился, но удивился пріятно, замѣтивъ, что въ первый разъ былъ допущенъ въ это недоступное убѣжище, называемое на обыкновенномъ языкѣ будуаромъ. Но кабинетъ мадамъ де-Вантадуръ, въ которомъ она читала, писала, и размышляла, вовсе не походилъ на разукрашенныя шолкомъ и золотомъ комнаты, которыя обыкновенно носятъ это названіе. Это довольно большая комната, убранная очень просто, но со вкусомъ, и наполненная книгами, скорѣе походила на скромный пріютъ Корнелія, нежели на раззолоченный салонъ Аспазіи.

Валеріи въ будуарѣ не было. Мальтраверсъ окинулъ комнату быстрымъ взглядомъ, и прислонился задумчиво къ стѣнѣ. Черезъ нѣсколько секундъ дверь отворилась, и вошла Валерія. Она была необыкновенно блѣдна, и Мальтраверсу показалось, что глаза ея были заплаканы. Онъ былъ тронутъ, и сердце его забилось сильно.

— Боюсь, не заставила ли я васъ ждать, сказала Валерія, показывая ему на кресло въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ того, въ которое она сѣла сама. Вы простите меня, прибавила она съ легкою улыбкой, и замѣтивъ, что Мальтраверсъ хотѣлъ что̀ то сказать, она быстро продолжала: — Выслушайте меня, мистеръ Мальтраверсъ; прежде чѣмъ вы начнете говорить, выслушайте меня! Вы высказали мнѣ вчера то, чего бы я никогда не должна была узнать. Вы сказали, что любите меня.

— Да, Валерія, сказалъ Мальтраверсъ: когда я встрѣтилъ васъ въ первый разъ, то во мнѣ проснулось давно забытое, но чудное чувство, а впослѣдствіи какія глубокія ощущенія породило оно! Вашъ граціозный умъ, ваши милыя, умныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ женственныя мысли, довершили побѣду, которую начали прекрасное лицо и голосъ. Валерія, я люблю васъ!

— Теперь выслушайте меня, Эрнестъ Мальтраверсъ, сказала Валерія, повидимому, спокойнымъ, но очень тихимъ голосомъ. Мы не должны больше видѣться.

— Какъ! воскликнулъ Мальтраверсъ, немного падая къ ея ногамъ. Нѣтъ, я не хочу васъ слушать!...

Мадамъ де Вантадуръ встала, и сказала съ холоднымъ достоинствомъ:

— Выслушайте же меня спокойно, или я сейчасъ уйду изъ комнаты, и все, что я хотѣла бы вамъ теперь сказать, останется для васъ тайною.

Мальтраверсъ всталъ, и скрестивъ руки на груди и кусая губы, стоялъ передъ Валеріей.

— Мадамъ де Вантадуръ, сказалъ онъ съ нѣкоторою важностью: вы не услышите болѣе отъ меня словъ, которыя вамъ кажутся оскорбительными, и я повѣрю выраженію вашего лица, вашему обращенію, хотя не желалъ бы вѣрить словамъ вашимъ.

— Вы несправедливы, сказала Валерія, грустно улыбаясь:— но таковы всѣ люди. Теперь позвольте мнѣ объясниться, дать вамъ о себѣ понятіе. Я принадлежала къ фамиліи, въ которой всѣ женщины были добродѣтельны, а мужчины храбры. Изъ множества женщинъ, прославившихся преступной любви, я не нашла ни одной, которая была бы совершенно счастлива. Добродѣтель— вотъ мой любовникъ, моя слава, моя отрада, жизнь моей жизни. Если вы истинно меня любите, то, вѣрно, не захотите отнять у меня это сокровище!... Когда я узнала васъ короче, я составила въ своемъ воображеніи чудный, романическій планъ. Я хотѣла быть вашимъ истиннымъ, непоколебимымъ другомъ, вашимъ повѣреннымъ, вашимъ совѣтникомъ, и даже, можетъ-быть, въ нѣкоторыхъ эпохахъ вашей жизни вашимъ путеводителемъ и вдохновеніемъ. Но увѣряю васъ, я не подозрѣвала никакой опасности быть въ вашемъ обществѣ. Я начала смотрѣть на жизнь сквозь призму моего чистѣйшаго удовлетворенія къ возвышенной натурѣ и къ благородной чувствительной душѣ. Я воображала, что мы можемъ всегда оставаться—подпорою и утѣшеніемъ одинъ другаго. Скажу вамъ еще болѣе: я часто даже мечтала о вашей женитьбѣ, о томъ, какъ я буду любить вашу жену, какъ вмѣстѣ съ нею буду заботиться о вашемъ счастіи. Вдругъ всѣ эти видѣнія исчезли, прекрасные замки разрушились, и я проснулась на краю пропасти... Вы меня любите, и въ минуту этого роковаго признанія завѣса спала съ глазъ моихъ. Вѣря въ благородство души вашей, я умоляю васъ, содѣйствовать моему чувству долга. Умоляю васъ, покажите мнѣ ваше хорошее мнѣніе... ваше уваженіе... оставьте меня!...

Подъ конецъ этого чистосердечнаго объясненія, голосъ Валеріи сдѣлался невыразимо трогателенъ.

Мальтраверсъ стоялъ какъ очарованный. Наконецъ онъ приблизился, преклонилъ передъ Валеріею колѣно, поцѣловалъ ея руку съ видомъ глубокаго благоговѣнія, и потомъ хотѣлъ, намѣреваясь выйти изъ комнаты, но не смѣя произнести ни одного слова.

— О! нѣтъ, нѣтъ! воскликнула Валеріа, не оставляйте меня такъ, это наше послѣднее свиданіе, послѣднее!.. Скажите мнѣ, что вы поняли меня, что вы не считаете меня холодной кокеткой!...

— Валеріа, сказалъ Мальтраверсъ, если я до сихъ поръ молчалъ, то это потому, что сердце мое было слишкомъ переполнено. Вы возвысили въ моихъ глазахъ весь женскій родъ. Я любилъ васъ, но теперь я благоговѣю передъ вами. Ваша благородная откровенность, столь различная отъ коварныхъ несчастныхъ уловокъ обыкновенныхъ женщинъ, тронула струну моего сердца, которая уже много лѣтъ не издавала звуковъ. Оставляя васъ, я уношу съ собою лучшее мнѣніе о всемъ родѣ человѣческомъ. О! продолжалъ онъ, — постарайтесь забыть обо мнѣ все, что можетъ огорчить васъ. Но позвольте мнѣ думать, что и въ отсутствіи моемъ и въ горести, дружба ваша будетъ имѣть на меня то облагораживающее вліяніе, о которомъ вы говорили. А если впослѣдствіи имя мое будетъ произнесено съ похвалою, съ честью, то знайте, Валеріа, знайте, что я, потерявъ вашу любовь, старался вознаградить себя, сдѣлавшись достойнымъ вашей довѣренности и вашего уваженія. О! зачѣмъ мы не встрѣтились ранѣе, когда еще никакая преграда не раздѣляла насъ!

— Идите, идите, прошептала Валеріа. — Богъ да сохранитъ васъ... идите!

Мальтраверсъ проговорилъ нѣсколько несвязныхъ словъ, и выбѣжалъ изъ комнаты.

V.

Возвратившись въ этотъ день съ своей обыкновенной прогулки, Феррерсъ не мало удивился, увидѣвъ, что крыльцо и залу того нумера, который они занимали вмѣстѣ съ Мальтра-

персомъ, были завалены мѣшками, чемоданами, сундуками и книгами. Швейцарецъ же, лакей Эрнеста, отдавалъ приказанія носильщикамъ и трактирному слугѣ на французскомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкахъ, изъ которыхъ онъ составлялъ родъ мозаики.

— Что все это значитъ? спросилъ Люмлій.

— Il signore va partir, seure, ah! mon Dieu! tout af e sudden.

— О, о! а гдѣ онъ теперь?

— Въ своей комнатѣ, серъ.

Феррерсъ перескочилъ черезъ весь этотъ хаосъ, и отворивъ безъ церемоніи дверь въ кабинетъ Мальтраверса, увидѣлъ его сидящаго въ креслѣ.

Голова Эрнеста была повинкнута на грудь, руки небрежно лежали на колѣняхъ.

— Что все это значитъ, мой милый Эрнестъ? Надѣюсь, что вы не убили никого на дуэли?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ и куда вы уѣзжаете?

— Какое вамъ дѣло, оставьте меня въ покоѣ.

— По-пріятельски, очень по-пріятельски! сказалъ Феррерсъ. А что будетъ со мною? Какого товарища отыщу я себѣ въ этомъ проклятомъ логовищѣ антикваріевъ и лаццарони? Вы совсѣмъ не имѣете чувства, мистеръ Мальтраверсъ!

— Такъ не хотите ли ѣхать со мною? сказалъ Мальтраверсъ, напрасно стараясь преодолѣть себя.

— Да куда вы ѣдете?

— Куда угодно; въ Парижъ, въ Лондонъ...

— Нѣтъ; я уже устроилъ свои дѣла на лѣто. Я не такъ богатъ, какъ нѣкоторые. Я ненавижу перемѣны, онѣ разорительны.

— Но, милый мой...

— Хорошо ли вы поступили со мною? продолжалъ Люмлій, который въ первый разъ въ жизни былъ дѣйствительно огорченъ.—Еслибъ я былъ старый фракъ, который вы протаскали бы уже лѣтъ пять, то и тогда вы, вѣрно, не бросили бы меня съ такою небрежностью!

— Феррерсъ, простите меня. Честь велитъ мнѣ оставить этотъ городъ. Я надѣялся, что вы останетесь здѣсь моимъ гостемъ и въ отсутствіе хозяина. Вы знаете, что за квартиру заплачено за три мѣсяца впередъ.

— Гм! проворчалъ Феррерсъ; — если это такъ, то мнѣ и здѣсь будетъ хорошо. Но къ чему же такъ секретничать? Ужъ

не разлюбила-ли васъ мадамъ де Вантадуръ? Или ея умный мужъ возъимѣлъ подозрѣніе, съ помощью своихъ взглядовъ на вещи, гм! гм?'

Мальтраверсъ едва удержалъ свое негодованіе при этой грубой выходкѣ;—нѣтъ, можетъ-быть, труднѣйшей пытки для терпѣнія, какъ неделикатное и неловкое замѣчаніе друга на счетъ сердечныхъ отношеній.

— Феррерсъ, сказалъ онъ: если вы хоть немного расположены ко мнѣ, то не произносите никогда ни одного неуважительнаго слова на счетъ мадамъ де Вантадуръ!

— Такъ зачѣмъ же вы уѣзжаете изъ Неаполя?

— Не мучьте меня.

— Прощайте, серъ, сказалъ Феррерсъ, глубоко оскорбленный, и гордо вышелъ изъ комнаты. Эрнестъ уѣхалъ не увидѣвшись съ нимъ болѣе.

Была уже ночь, когда Мальтраверсъ очутился, наконецъ, одинъ въ своей каретѣ, слѣдуя, освѣщаемый однимъ блескомъ звѣздъ, по старой и меланхолической гаэтской дорогѣ.

Уединеніе это казалось Мальтраверсу необыкновенною роскошью; онъ чувствовалъ невыразимое удовольствіе, освободившись отъ Феррерса. Его грубая логика, его эгоистическое самовластіе, прикрытое юморомъ, его животная чувственность были бы истинною пыткою для Эрнеста въ настоящемъ состояніи его души.

На другое утро, когда онъ проснулся, до него долетѣлъ запахъ цвѣтущихъ померанцовыхъ деревьевъ, стоящихъ подъ окнами постоялаго двора гаэтской пристани, въ которомъ онъ остановился. Было начало весны. Никто не возьмется описывать ароматическаго запаха и свѣжести воздуха и земли этого времени года. Сама Италія можетъ похвалиться немногими мѣстами, которыя были бы привлекательнѣе гаэтской гавани, и море, омывающее этотъ берегъ, такъ же величественно и очаровательно, какъ въ Неаполѣ и Сорренто.

Почти не дотронувшись до поданнаго завтрака, Мальтраверсъ пошелъ блуждать по померанцовымъ аллеямъ, и дошелъ до залива. Тутъ, лѣниво растянувшись на травѣ, при тихомъ ропотѣ волнъ, онъ, въ первый разъ послѣ разлуки съ Валеріею, старался собрать и изслѣдовать свои мысли и чувства. Къ величайшему своему удивленію, онъ нашелъ себя не столько удрученнымъ горестью, какъ ожидалъ. Напротивъ, онъ чувствовалъ какую-то необъяснимую сладость, которая соединялась съ воспоминаніемъ о прекрасной Француженкѣ. Можетъ-быть, тайна

этого заключалась въ томъ, что гордость его не была оскорблена, а совѣсть была спокойна. Онъ какъ-будто пробудился отъ сна, и сталъ болѣе справедливымъ цѣнителемъ рода человѣческаго, и особенно женщинъ. Онъ встрѣтилъ честь, вѣрность и добродѣтель въ женщинѣ, окруженной людьми ничтожными и порочными, въ женщинѣ, неогражденной отъ обольщеній ни мнѣніемъ своихъ друзей, ни нравами и понятіями своего отечества, ни покровительствомъ своего мужа, однимъ-словомъ, въ женщинѣ свѣтской—въ Парижанкѣ! Валерія де Вантадуръ научила его не презирать женщинъ, не судить по наружности и не упадать духомъ отъ лицемѣрія свѣта. Онъ искалъ въ своемъ сердцѣ любовь къ Валеріи, и нашолъ въ немъ любовь къ добродѣтели. Онъ былъ убѣжденъ, что Валерія де Вантадуръ была не такого свойства женщина, которая не могла бы устоять противъ сердечнаго влеченія, достойнаго порицанія.

— Но пусть будетъ такъ! сказалъ онъ почти вслухъ. Я заставлю мое сердце радоваться, когда узнаю, что она вспоминаетъ обо мнѣ, какъ о другѣ. Пусть ея любви самое величайшее счастіе—ея уваженіе.

Такимъ размышленіемъ оканчивались мечты Мальтравера; и съ каждою милею, удалявшею его отъ юга, это чувство становилось сильнѣе и сильнѣе.

ЭРНЕСТЪ МАЛЬТРАВЕРСЪ.

Романъ Э. Л. Бульвера.

(Переводъ съ англійскаго.)

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

«Не всѣ люди видѣли Аполлона. Кто видѣлъ его, тотъ великій человѣкъ!»

Каллимахъ.

«Здѣсь мы отдохнемъ, и пусть звуки музыки чаруютъ наши уши,—тишина ночи будетъ служить клавесиномъ сладостной гармоніи.»

Шекспиръ.

Пѣснь лодочника на Комскомъ озерѣ.

I.

«Прекрасный край! страна любви! чудная Италія. Небо смотритъ на тебя нѣжными глазами матери, и улыбается тебѣ. Каждый распускающійся цвѣтокъ, каждый сіящій лучъ есть доказательство его любви къ тебѣ.

II.

«Прекрасное озеро, чудное Ларіенское озеро *, волны твои подобны волнамъ моря. Никогда богиня охоты и ея ослѣнительныя нимфы не имѣли такой прекрасной купели. Смотри, вотъ царица ночи и ея лучезарныя наперсницы еще и теперь погружаются въ струяхъ твоихъ.

III.

«Прекрасное дитя уединенныхъ горъ, да будетъ всегда благословенъ твой сонъ! Съ самаго твоего рожденія, земныя слезы никогда не смѣняли твоей улыбки. Зарывшись въ цвѣты, часы, эти прилежныя пчелы, приносятъ тебѣ только сладостный сокъ.

* * *

Такія строфы, пропѣтыя на прекрасномъ итальянскомъ языкѣ, и переданныя нами не въ совершенствѣ, раздавались въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ по Комскому озеру. Лодка, въ которой слышалось пѣніе, едва плыла по сверкающимъ струямъ, направлялась къ покрытымъ дерномъ берегамъ покатаго луга, на вершинѣ котораго бѣлѣла стѣна виллы, окруженной виноградникомъ. На этомъ лугу стояла прекрасная молодая женщина, опершись на руку своего мужа и прислушиваясь къ пѣнію. Но удовольствіе ея усилилось, когда лодочники, приблизившись къ берегу, перемѣнили каденсъ музыки, и она поняла, что это пѣніе исполнялось въ честь ея.

Серенада пѣвицѣ.

1.

Тихонько, тихонько положимъ наши весла, и не будемъ тревожить волнъ, вздыхающихъ у берега. Священно то мѣсто,

* Старинное названіе Комскаго озера.

гдѣ сверкающія волны встрѣчаются съ заливомъ, гдѣ такъ сладко вѣетъ ароматомъ лимонныхъ деревъ. Какое то очарованіе влечетъ насъ вдоль по волнамъ къ послѣдней нашей музѣ, младшей дочери гармоніи, генію пѣнія, которая, плавая по этимъ тихимъ водамъ, спасла отъ грозы одну лавровую вѣтвь для нашихъ береговъ.

2.

Они слышали твой голосъ Тереза, эти Тевтоны и Галлы, суровые сыны сѣвера; они слышали твой голосъ и поклонялись могуществу твоего пѣнія. Звуки твоего голоса раздавались на развалинахъ земли нашей, власть которыхъ повсемѣстна, какъ власть любви надъ сердцами, власть луны въ атмосферѣ, и власть души надъ тѣломъ. Честь и слава навсегда истолкователницѣ таинствъ искусства для очарованной толпы.

* * *

— Не раскаиваешься ли ты, моя Тереза, что отказалась отъ своего блестящаго поприща, для незначительнаго домашняго быта и для мужа, который могъ бы быть твоимъ отцомъ, сказалъ мужъ женѣ, съ улыбкою человѣка, который заранѣе знаетъ отвѣтъ.

— О нѣтъ! сказала она, и это привѣтствіе было бы для меня совсѣмъ не такъ пріятно, если бы ты не раздѣлялъ это удовольствіе со мною.

Это была знаменитая пѣвица Италіи, синьора Чезарини, теперь мадамъ де-Монтень. Она съ ранней молодости явилась на сценѣ, и ея превосходный голосъ обѣщалъ ей величайшую славу въ будущемъ. Но, не-смотря на блистательный успѣхъ, она въ скоромъ времени вышла замужъ за Француза, богатаго и хорошей фамиліи, сошла со сцены, и проводила жизнь свою попеременно, то въ веселыхъ салонахъ Парижа, то на тихихъ берегахъ Комскаго озера, гдѣ мужъ ея купилъ маленькую, но прекрасную виллу. Но въ тѣсномъ кругу своихъ пріятелей она, попрежнему, не оставляла своего волшебнаго искусства, къ которому эта молодая женщина, одаренная природою и прекрасно развитая воспитаніемъ присоединила даръ импровизаціи. Она только что пріѣхала на все лѣто въ свой милый пріютъ, какъ партія молодыхъ энтузіастовъ изъ Милана собралась на озеро

Комо, и съ приличнымъ уваженіемъ привѣтствовала ея возвращеніе пѣніемъ и музыкою.

Это обыкновеніе пріятный остатокъ прежнихъ дней прекрасной Италіи. Я самъ слышалъ на тихихъ водахъ этого же озера подобный привѣтъ еще большему генію, дивной Пастѣ—Семирамидѣ пѣнія! Въ то время, какъ лодка моя остановилась, и я началъ приходить въ такой же восторгъ, какъ и пѣвцы, лодочникъ тронулъ меня, и показавъ мнѣ на одно мѣсто озера, на которое заходящее солнце бросало свою розовую улыбку, сказалъ: «Тамъ, синьоръ, утонулъ одинъ изъ вашихъ соотечественниковъ, bellissimo uomo! che fu bello!»—Да, въ этомъ мѣстѣ съ гордымъ сознаніемъ своей многообѣщающей молодости и своей благородной и почти небесной красоты, подъ самыми окнами и въ глазахъ супруги, волны безжалостно поглотили кумира многихъ сердецъ, прекраснаго и любезнаго Л. ... И надъ его могилою разстилалось это роскошное небо, и раздавалась эта веселая музыка!...

Когда лодка приплыла къ берегу, мадамъ де-Монтень приблизилась къ музыкантамъ, и поблагодаривъ съ непритворнымъ жаромъ за привѣтствіе, такъ деликатно ей высказанное, просила ихъ выйти на берегъ. Миланцы, ихъ было шестеро, приняли предложеніе, и привязали свою лодку у пристани. Тогда де-Монтень показалъ своей женѣ еще лодку, которая тихо плыла подъ тѣнью береговъ. Въ ней сидѣлъ молодой человѣкъ, который, казалось, съ восхищеніемъ слушалъ музыку, и даже присоединилъ къ хору (который былъ повторенъ два раза) свой голосъ, столь вѣрный и сильный, столь гибкій и полный, что произвелъ удивленіе въ самихъ давателяхъ серенады.

— А этотъ молодой человѣкъ принадлежитъ также къ вашей партіи? спросилъ де-Монтень у Миланцевъ.

— Нѣтъ, синьоръ, мы его не знаемъ, былъ отвѣтъ. Его лодка подплыла къ намъ внезапно, въ то время какъ мы пѣли.

Въ то самое время, какъ съ одной стороны былъ предложенъ вопросъ, а съ другой сдѣланъ отвѣтъ, молодой человѣкъ тронулся съ мѣста, и весла его ударили по гладкой поверхности озера, какъ разъ противъ де-Монтеня. Съ ловкостью, свойственною Французамъ, де-Монтень приподнялъ шляпу, и жестомъ остановилъ весла гребца.

— Не сдѣлаете ли вы намъ честь, присоединившись къ маленькому нашему обществу? сказалъ де-Монтень.

— Я самъ искалъ этого удовольствія, и потому никакъ не могу отказать себѣ въ немъ, отвѣчалъ гребецъ съ чуть замѣт-

нымъ иностраннымъ удареніемъ, и черезъ минуту онъ былъ уже на берегу.

Онъ былъ замѣчательной наружности. Его прекрасные, довольно длинные волосы небрежно разсыпались по лбу, на которомъ спокойствіе и задумчивость выражались не по лѣтамъ. Въ обращеніи его была замѣтна необыкновенная степенность и даже нѣкоторая гордость, которая казалась еще разительнѣе отъ его высокаго роста. Черты лица его были необыкновенно благородны, но какая-то спокойная меланхолія выражалась въ его глазахъ и улыбкѣ.

— Повѣрите ли, сказалъ онъ, — что, не смотря на холодность, которую приписываютъ вообще моимъ соотечественникамъ (потому-что вы, вѣрно, уже догадались, что я Англичанинъ), я не могъ не раздѣлять восторга окружающихъ меня, блуждая такъ близко береговъ, посвященныхъ вдохновенію. Къ тому же я живу въ настоящее время въ виллѣ, что напротивъ вашей, имя мое Эрнестъ Мальтраверсъ, и я въ восхищеніи, что имѣю случай познакомиться лично съ тою особою, которой громкая слава долетѣла до меня гораздо прежде.

Мадамъ де-Монтень понравилось открытое обращеніе молодаго Англичанина, которое выражало гораздо болѣе словъ. Черезъ нѣсколько минутъ, подъ вліяніемъ счастливой континентальной сообщительности, все общество, казалось, было знакомо уже многіе годы. Вина, фрукты и разные прохладительные напитки были принесены и поставлены на простой деревенскій столъ, вокругъ котораго усѣлись всѣ гости, хозяинъ и хозяйка; свѣтъ луны озарялъ ихъ, а озеро спало внизу, какъ-будто въ серебрѣ. Эта сцена была достойна кисти Боккаччіо или Клода-Лоррена.

Разговоръ, натурально, зашелъ о музыкѣ, единственный предметъ, знаніемъ котораго Итальянцы могутъ похвастаться; впрочемъ и это знаніе дается имъ природою, потому-что музыку, какъ науку, они совсѣмъ не понимаютъ. Однакоже, гордясь послѣднимъ обломкомъ своего національнаго генія музыки, также какъ древніе Римляне гордились имперіею всѣхъ искусствъ и оружія, они считаютъ варварскою — мелодію всѣхъ прочихъ странъ; они не умѣютъ ни понять, ни оцѣнить могучую нѣмецкую музыку, которая есть настоящая мелодія *рода человѣческаго*, музыка героизма и воображенія, — послѣ которой звуки новѣйшей итальянской музыки кажутся женственными, фантастическими и изысканно слабыми. Россини есть Канова му-

— Впрочемъ, въ вашемъ обществѣ и при этомъ чудномъ свѣтѣ луны, отражающемся въ озерѣ, музыка должна была бы служить намъ, вмѣсто словъ, выраженіемъ нашего разговора. Попросимъ этихъ господъ подарить насъ еще одною аріею.

— Вы какъ-будто отгадали мое намѣреніе, сказала ему испѣвица.

Мальтраверсъ подалъ гитару синьору Тирабалосси. Итальянецъ, горѣвшій желаніемъ выдти изъ затруднительнаго положенія, въ которое его невольно ввелъ Мальтраверсъ, взялъ гитару съ надлежащею гримасою скромности, и сказалъ, обращаясь къ мадамъ де-Монтень:

— Вотъ пѣсня, сочиненная однимъ молодымъ человѣкомъ, моимъ пріятелемъ, которую дамы очень любятъ, хотя мнѣ кажется, что она немножко сантиментальна.

И онъ пропѣлъ слѣдующіе стансы съ такимъ чувствомъ, (такъ могъ только исполнить ихъ искусный пѣвецъ), какъ бы дѣйствительно понималъ ихъ.

Ночь и любовь.

Когда звѣзды блещутъ на небѣ, тогда я еще болѣе томлюсь по тебѣ. О! посмотри на меня своими нѣжными взорами, какъ звѣзды смотрятся въ море.

Наши мысли, какъ волны, текутъ спокойнѣе ночью, при свѣтѣ звѣздъ; пламя моей земной страсти стихаетъ передъ небомъ твоей чистой любви.

Въ тотъ часъ, когда грубыя души погружены въ сонъ, тогда, о! прекрасное видѣніе, покажись мнѣ.

Есть часъ, когда небесныя грезы мелькаютъ сквозь дремлющій умъ, и въ этотъ таинственный часъ, мнѣ кажется, ты должна находиться возлѣ меня.

Мысль о тебѣ слишкомъ чиста для обыкновеннаго дневнаго свѣта; я могу видѣть тебя только, какъ мою звѣзду и мое свѣтлое видѣніе!

* * *

Примѣръ былъ поданъ. Похвалы прекрасной хозяйки возбуждали общее соревнованіе. Гитара ходила изъ рукъ въ руки, и каждый изъ Итальянцевъ заплатилъ свою дань. Можно было за-

думать, что присутствуешь на какомъ-нибудь древнемъ греческомъ праздникѣ, гдѣ лира и миртовая вѣтвь ходили вокругъ стола.

Однакожъ, какъ Англичанинъ, такъ и Итальянцы, почли бы праздникъ неполнымъ, не услышавъ знаменитой пѣвицы, и импровизатрисы, которая первенствовала въ немъ. Мадамъ де-Монтень, какъ женщина съ тактомъ, отгадала общее желаніе, и предупредила просьбы, въ которыхъ была заранѣе увѣрена. Она взяла гитару изъ рукъ послѣдняго пѣвца, и обращаясь къ Мальтраверсу, сказала:

— Вы, безъ сомнѣнія, слышали нѣкоторыхъ изъ нашихъ знаменитыхъ импровизаторовъ; не-смотря на то, я попрошу васъ дать мнѣ тему, хотя бы мнѣ пришлось доказать вамъ, что даръ импровизаціи дается не всѣмъ, даже и въ Италіи.

— Ахъ, сказалъ Мальтраверсъ: я точно видалъ нѣкоторыхъ уродливыхъ стариковъ съ огромными бакенбардами и съ угрожающими жестами, которые поражали слушателей своими оглушительными аксиомами. Но мнѣ ни разу не пришлось слышать импровизацію молодой и прекрасной женщины. Я только тогда повѣрю вдохновенію, когда увижу его дѣйствіе на самой музѣ.

— Хорошо, я употреблю все мое искусство, чтобы заслужить ваши комплименты, но вы должны дать мнѣ тему.

Мальтраверсъ подумалъ съ минуту, и назначилъ: вліяніе похвалы на генія.

Импровизатриса кивнула головою въ знакъ одобренія, и послѣ короткой прелюдіи, продекламировала самымъ пріятнымъ голосомъ очень разнообразные стихи, въ которыхъ соединялись отличное знаніе, вкусъ, глубокія чувства и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то дикость. Восхищенные слушатели воображали, что таковъ долженъ быть говоръ Армиды. Но поэзія этого рода, какъ и всякое мимолетное изліяніе, никогда не остается въ памяти, и потому не можетъ быть передаваемо.

Когда пѣніе мадамъ де-Монтень смокло, за нимъ не послѣдовало оглушительныхъ рукоплесканій. Итальянцы были слишкомъ поражены ея искусствомъ, а Мальтраверсъ глубокимъ чувствомъ, и потому не могли прибѣгнуть къ обыкновеннымъ похваламъ. Еще продолжалось это молчаніе всеобщаго восторга, когда новое лицо, спустившись изъ рощи, которою оканчивался холмъ сзади дома, внезапно очутилось посреди общества.

— Ахъ, милый братъ мой, вскричала мадамъ де-Монтень, вскочивъ съ мѣста и взявъ нѣжно незнакомца за руку, — зачѣмъ ты остаешься такъ долго въ лѣсу? Здоровье твое такъ слабо! Какъ ты себя чувствуешь? Ты, что-то, ужасно блѣденъ!

— Это отъ свѣта луны, Тереза, сказалъ пришелецъ.—Я чувствую себя хорошо. Говоря это, онъ окинулъ общество глазами и намѣревался уйти.

— Нѣтъ, нѣтъ, прошептала ему Тереза: ты долженъ на минуту остаться и быть представленъ нашимъ гостямъ; между ними есть Англичанинъ, который тебѣ понравится и заинтересуетъ тебя.

Съ этими словами она почти толкнула его впередъ, и представила гостямъ.

Въ поклонѣ, которымъ синьоръ Чезарини отвѣчалъ на привѣтствіе общества, была какая-то смѣсь робости и надменности, неловкости и граціи.—Проговоривъ, для вѣжливости нѣсколько невнятныхъ словъ, онъ бросился на скамейку и, казалось, туже минуту погрузился въ свои грезы. Мальтраверсъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на пришельца, наружность котораго была не прекрасна, но въ ней было что-то особенное,—странное. Онъ былъ чрезвычайно худъ и гибокъ, щеки его были впалы и безцвѣтны, густыя и чорныя шелковистыя кудри падали почти до плечъ. Большіе, впалые глаза его необыкновенно блестѣли, тоненькіе аркообразные усы придавали еще болѣе суровости его рту, который былъ сжатъ съ мрачною и почти саркастическою твердостью. Онъ былъ одѣтъ не такъ, какъ обыкновенно одѣваются. Поношенная темная камлотовая блуза, на которую былъ откинутъ широкій воротникъ рубашки, узкій черный шолковый шарфъ, не повязанный, а скорѣе скомканный вокругъ шеи, панталоны въ обтяжку и пара полуботинокъ составляли его костюмъ. Замѣтно было, что этотъ молодой человѣкъ (ему было не болѣе девятнадцати или двадцати лѣтъ) придерживался въ своемъ костюмѣ живописности; это родъ кокетства, встрѣчающійся у тщеславныхъ людей гораздо чаще, чѣмъ самое кокетство моды.

Удивительно, отчего иногда случается, что прибытіе одного новаго лица разстроиваетъ всю гармонію, царствовавшую до того въ цѣломъ собраніи. Это бываетъ и въ такомъ случаѣ, когда пришелъ человѣкъ любезный и сообщительный. Но въ

настоящую минуту привидѣніе было бы радушнѣе къ гостямъ и болѣе желаннымъ товарищемъ. Присутствіе этого человѣка, молчаливаго, дикаго и высокомѣрнаго, обдало какимъ-то холодомъ все общество. Веселый Тирабалоски тотчасъ же нашелъ, что пора расходиться, и хотя прежде объ этомъ никто и не подумалъ, но въ-самомъ-дѣлѣ было уже поздно. Итальянцы засуетились, начали собирать свои инструменты, осыпать хозяевъ любезными фразами, кланяться и улыбаться; потомъ сѣли въ лодку, и поплыли къ гостинницѣ, стоящей на Комскомъ озерѣ, гдѣ у нихъ былъ приготовленъ ночлегъ. Между тѣмъ какъ лодка быстро скользила по водѣ и двое изъ молодыхъ людей начали грести, остальные запѣли прощальную пѣсню.

Была полночь; глубокая тишина царствовала во всей природѣ, могущественное безмолвіе оковало все,—и прозрачный воздухъ, и тѣни, падающія на воду отъ ближайшихъ береговъ и отдаленныхъ холмовъ. Музыка и пѣніе, сливаясь съ удаляющимися мѣрными взмахами веселъ, производили чудную, магическую гармонію.

Оставшіеся стояли на берегу и молчали; Тереза опиралась на руку де-Монтеня, и слеза благодарности блестѣла на свѣтлыхъ глазахъ. Казалось, разница лѣтъ ихъ дѣлала привязанность ея къ мужу сильнѣе и глубже. Женщина, полюбившая мужчину не старика, но все-таки гораздо старѣе себя, любитъ его любовію, смѣшаною съ уваженіемъ и гордостью.

Мальтраверсъ, задумчиво сложивъ руки на крестъ, стоялъ отъ четы въ нѣкоторомъ отдаленіи, на самомъ краю покатаго берега.

— Какъ это случается, сказалъ онъ, не замѣчая того, что говорилъ почти громко: что самые обыкновеннѣйшіе смертные бываютъ способны доставить намъ неземное удовольствіе? Какой контрастъ между этими музыкантами и этою музыкою! Смотря издали, сквозь вечерній сумракъ, на этихъ творцовъ такихъ сладостныхъ звуковъ, подумаешь, что они совсѣмъ другіе люди, нежели мы. Можетъ-быть, отъ того и поэзія прошедшаго раздается въ ушахъ нашихъ гораздо сильнѣе, и кажется намъ глубокою и могущественною, что духъ поэта уже отрѣшенъ отъ земной оболочки, въ которой онъ жилъ. О, искусство, искусство, какъ ты возвышаешь и украшаешь насъ!—Что природа безъ тебя?

— Вы поэтъ, синьоръ, сказалъ кто-то чистымъ и пріятнымъ голосомъ, возлѣ увлекшагося Эрнеста. Мальтраверсъ вздрогнулъ, увидѣвъ совсѣмъ неожиданно, что молодой Чезарини послушалъ его.

— Нѣтъ, сказалъ Мальтраверсъ: — я срываю только цвѣты, но не обработываю землю.

— Отчего же нѣтъ! сказалъ Чезарини, съ чувствомъ. — Вы Англичанинъ—и у васъ есть публика, — публика живая, движущаяся, дышущая....

Взглянувъ на молодаго человѣка, Мальтраверсъ удивился, замѣтивъ внезапное одушевленіе, разлившееся по блѣдному лицу его.

— Вы сдѣлали мнѣ вопросъ, который я обращаю теперь къ вамъ, сказалъ Эрнестъ молодому человѣку, послѣ нѣкотораго молчанія.—Вы, кажется, поэтъ?

— Я воображалъ, что могу быть поэтомъ. Но поэзія у насъ — птица въ пустынѣ;—она поетъ по собственному влеченію, но пѣніе это замираетъ, не бывъ никѣмъ услышано. О, еслибъ я принадлежалъ живой націи—Англіи, Германіи, Америкѣ, а не гнилому остову умершаго гиганта!—такова теперь родина древней лиры....

— Позвольте мнѣ еще разъ и какъ можно скорѣе увидѣться съ вами, сказалъ Мальтраверсъ, протягивая ему руку.

Чезарини колебался съ минуту, потомъ взялъ руку и дружески отвѣчалъ на привѣтствіе. Не-смотря на его нелюдимость, Эрнестъ пришелся ему по душѣ. И въ-самомъ-дѣлѣ, въ Мальтраверсѣ было что-то невыразимое, что обворожало эксцентриковъ, которые движутся не въ обыкновенной орбитѣ свѣта.

Нѣсколько минутъ спустя, Эрнестъ раскланялся съ хозяевами, и его легкая лодочка заскользяла по водамъ.

— Что ты думаешь объ этомъ Англичанинѣ? сказала мадамъ де-Монтень своему мужу, когда они возвращались домой. Объ Миланцахъ они не сказали ни слова.

— Онъ держитъ себя прекрасно и благородно, сказалъ Французъ: онъ, кажется, довольно видѣлъ свѣтъ, много страдалъ, и умѣлъ извлечь изъ этого пользу.

— Онъ будетъ находкою для нашего общества въ здѣшнемъ краю, подхватила Тереза:—онъ меня очень интересуетъ, а тебя

Каструччіо? сказала она, обращаясь къ брату; но Чезарини ушелъ уже въ домъ, своимъ обыкновеннымъ, легкимъ и скорымъ шагомъ.

— Увы, мой бѣдный братъ! продолжала она: я никакъ не могу понять его. Чего онъ хочетъ?

— Литературной славы! сказалъ кротко де-Монтень. Она есть не что-иное, какъ пустая тѣнь, потому и неудивительно, что онъ терзается понапрасну.

II.

> Увы! что выигрываютъ безпрестанными заботами и глубокими размышленіями о неблагодарной музѣ? Не лучше ли, какъ поступаютъ нѣкоторые, летать съ Амариллою въ тѣни рощей, или забавляться, расплетая прекрасныя косы Неэры?
>
> *«Лисидасъ» Мильтона.*

Нѣтъ ничего полезнѣе для людей дѣятельныхъ, какъ случайныя минуты отдыха. Тогда мы заглядываемъ въ самихъ себя, вмѣсто того, чтобы осматриваться кругомъ, и почти *нечувствительно* разбираемъ (потому-что я полагаю, что изслѣдовать самаго себя сознательно, случается намъ гораздо рѣже, нежели мы думаемъ) то, что мы сдѣлали и что способны еще сдѣлать. Мы останавливаемся передъ прошедшимъ, и какъ должники или занимодавцы отдаемъ ему отчетъ, прежде чѣмъ пускаемся въ новыя спекуляціи.

Такою минутою отдыха наслаждался теперь Мальтраверсъ. Онъ провелъ въ совершенномъ удаленіи отъ общества нѣсколько недѣль, ознакомливаясь съ своимъ собственнымъ умомъ и характеромъ. Онъ много читалъ, много размышлялъ, но всегда безъ цѣли. Кажется, Монтень сказалъ гдѣ-то: «люди толку-

ютъ о размышленіи, — что-же касается до меня, я думаю только тогда, когда собираюсь писать.» Я полагаю, что это весовсѣмъ справедливо, потому-что люди, которые не пишутъ, иногда также здраво мыслятъ, какъ и тѣ, которые пишутъ; но извѣстно, что точная, хорошо развитая мысль, въ контрастѣ неясныхъ соображеніямъ, должна имѣть планъ или цѣль; и вотъ почему мы должны быть, или писателями, или людьми дѣятельными, если хотимъ испытать свои силы, и разобрать симметрически слившіеся цвѣта нашихъ умственныхъ способностей. Мальтраверсъ не постигалъ еще этой истины, но уже ощущалъ въ себѣ неясное къ тому влеченіе. Мысли, воспоминанія и грезы толпились несвязно въ головѣ его; онъ желалъ привесть все это въ порядокъ, но у него не доставало на то силы. Онъ былъ подавленъ нестройнымъ богатствомъ своего воображенія и ума. Еще въ дѣтствѣ своемъ онъ часто думалъ, что можетъ сдѣлать что-нибудь для свѣта, но никогда постоянно не размышлялъ о своемъ настоящемъ назначеніи, и будетъ ли онъ, современемъ, литераторомъ, или дѣловымъ человѣкомъ. Онъ писалъ стихи, когда они невольно изливались изъ источника душевнаго волненія; но когда вдохновеніе проходило, онъ смотрѣлъ на эти изліянія небрежно и холодно.

Мальтраверса неслишкомъ томило желаніе славы, — истинные геніи рѣдко чувствуютъ это томленіе, пока оно не разовьется въ нихъ искусственно. Въ умахъ правильныхъ и здравыхъ, со всѣми уравновѣшивающими ихъ дарами, есть спокойное сознаніе собственнаго могущества; они чувствуютъ, что силы ихъ, обращенныя къ одной цѣли, должны осуществить обыкновенный результатъ силы. Напротивъ того, люди второстепенные бываютъ раздражительны и нервны; они гоняются за славою и цѣнятъ ее не по своимъ талантамъ, но по талантамъ другихъ. Они видятъ башню, измѣряютъ только ея тѣнь, и думаютъ, что собственная ихъ высота, о которой они не имѣютъ понятія, должна бросать такую же тѣнь на землю. Маленькій человѣкъ всегда ходитъ выпрямившись, какъ стрѣла, и поднявъ голову къ верху. Высокій сгибается, а сильный всегда пользуется своею силою.

Мальтраверсъ еще не испыталъ жгучаго влеченія къ славѣ; онъ еще не зналъ ни сладости, ни горечи этого роковаго напитка, послѣ котораго часто чувствуешь неутолимую жажду! Онъ не имѣлъ враговъ, которыхъ хотѣлъ бы уничтожить своими достоинствами. Вотъ одна изъ самыхъ обыкновенныхъ причинъ, возбуждающихъ усиліе умовъ гордыхъ. Правда,

его считали человѣкомъ умнымъ, и глупцы боялись его; но какъ онъ не шелъ наперекоръ людскимъ притязаніямъ, то никто не считалъ необходимымъ называть его безумцемъ. Слѣдовательно, умъ его въ это время совершенно спокойно, по влеченію одной природы, силился найти настоящую дорогу своего назначенія. Онъ лѣниво и небрежно началъ набрасывать свои мысли и впечатлѣнія. То, что̀ полагалось на бумагу, порождало въ его головѣ новыя мысли; наконецъ, онѣ стали яснѣе для него самаго, и страница сдѣлалась зеркаломъ его собственнаго образа. Онъ началъ писать съ чрезвычайною быстротою, но безъ методы. Единственною его цѣлію была забава и облегченіе его переполненной души, и подобно многимъ молодымъ писателямъ, сюжетъ его писанія былъ эгоистическій. Мы обыкновенно начинаемъ писать съ маленькимъ зародышемъ страсти и опыта, а впослѣдствіи кругъ расширяется, и, можетъ-быть, самые величайшіе писатели и самые всемірные знатоки жизни и сердца человѣческаго, вначалѣ были эгоистами. Человѣкъ, одаренный великими способностями, обладаетъ даромъ тонкаго познанія собственнаго существованія и своего чувства. Человѣкъ, съ живымъ воображеніемъ и чувствительнымъ сердцемъ, живетъ въ десять разъ болѣе глупца съ тяжелою головою, хотя бы онъ былъ Геркулесъ по силѣ. Человѣкъ впечатлительный дѣлится на тысячу предметовъ, принаравливаетъ ихъ къ себѣ, живетъ въ нихъ. Позднѣе, когда онъ успокоится, тогда собираетъ свои силы въ цитадели, но и тамъ собираетъ свѣдѣнія и интересуется землями, которыя онѣ покрывали. Онъ понимаетъ другихъ, потому-что жилъ въ другихъ, въ живыхъ и мертвыхъ, и думалъ, какъ поступилъ бы онъ въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, какія только могутъ встрѣтиться.

Такимъ-образомъ, когда онъ начинаетъ описывать человѣческій характеръ, совершенно различный отъ своего, то познаніе является ему на помощь, и онъ описываетъ его, какъ домъ, въ которомъ онъ когда-то жилъ, хотя и короткое время. Отсюда происходятъ тотъ вкусъ и та вѣрность описанія лицъ, у великихъ писателей исторіи, романовъ и драмъ; ихъ творенія—не тѣни или автоматы, а плоть и кровь. Я долженъ, можетъ-быть, просить извиненія за эти размышленія; но если я и сдѣлаю это, то все-таки мнѣ придется часто возобновлять ихъ въ продолженіе этого разсказа.

И такъ Мальтраверсъ былъ эгоистъ въ то время, когда началъ свои несвязныя и неправильныя записки. Въ слогѣ его, какъ я сказалъ прежде, видна была безпечность, какъ у человѣка, ко-

торый еще не находитъ, что выраженіе есть искусство. Но и въ этихъ дикихъ, ничего нестоющихъ опытахъ литературы, въ этомъ восторгѣ и тайныхъ признаніяхъ сердца, онъ находилъ для себя невыразимую прелесть. Онъ началъ вкушать восторгъ и упоеніе, какъ авторъ. О, какъ она роскошна, эта первая любовь къ музѣ! этотъ процессъ, чрезъ который мы даемъ ясную форму неосязаемымъ мечтамъ, долго летавшимъ вокругъ насъ, прекрасное видѣніе идеала, которое мы вызываемъ въ нашихъ уединенныхъ кельяхъ, однимъ взмахомъ простаго пера!...

На другой день послѣ перваго своего знакомства съ де-Монтенями, Мальтраверсъ, около полудня, сидѣлъ въ своей любимой комнатѣ, въ той, которую онъ выбралъ для своихъ серьезныхъ занятій изъ множества комнатъ своего обширнаго и уединеннаго жилища. Онъ сидѣлъ въ амбразурѣ открытаго окна, которое выходило на озеро. Книги были разбросаны по столу и Мальтраверсъ лѣниво излагалъ критику на то, что онъ прочелъ, и смѣшивалъ ее со своими впечатлѣніями о томъ, что видѣлъ. Самый занимательный родъ сочиненій есть—записки человѣка, который трудится въ уединеніи, наблюдаетъ въ обществѣ, и который способенъ все чувствовать и всему удивляться. И такъ онъ былъ занятъ этою пріятною работою, когда доложили о приходѣ Чезарини, и молодой братъ прекрасной Терезы вошелъ въ комнату.

— Я очень поспѣшилъ воспользоваться вашимъ приглашеніемъ, сказалъ Итальянецъ.

— А я благодарю васъ за вниманіе, отвѣчалъ Мальтраверсъ, пожимая протянутую ему руку.

— Я вижу, вы писали, сказалъ Чезарини, садясь: вы занимаетесь литературою. Я прочелъ это въ вашихъ чертахъ, и услышалъ это въ вашемъ голосѣ.

— Ваша правда, я лѣниво обманываю лѣнивѣйшую праздность, сказалъ Мальтраверсъ.

— Но вы, вѣрно, не для себя одного пишете; у васъ въ виду великіе трибуналы — время и публика.

— Совсѣмъ нѣтъ, увѣряю васъ честью, сказалъ Мальтраверсъ, улыбаясь.—Если вы заглянете въ книги, которыя у меня на столѣ, вы увидите, что это великія творенія древнихъ и новыхъ писателей; эти творенія обезкураживаютъ новичковъ.

— Или вдохновляютъ ихъ.

— Я не думаю этого. Образцы могутъ образовать нашъ вкусъ, какъ критика, но не могутъ сдѣлать изъ насъ авторовъ. Наши собственныя движенія души, наши мысли—вотъ, я полагаю, рычагъ, великій двигатель бездѣйственныхъ матеріяловъ, накопившихся въ нашемъ мозгу. «Загляни въ свое сердце и пиши», сказалъ одинъ старый англійскій писатель *, который однакожъ самъ не примѣнялъ своего ученія къ практикѣ. А вы, синьоръ?...

— Я ничто, а желалъ бы быть чѣмъ-нибудь, проговорилъ молодой человѣкъ горько и отрывисто.

— Какимъ же образомъ желаніе не ведетъ къ осуществленію своего предмета?

— Единственно потому, что я Итальянецъ, сказалъ Чезарини. — У насъ нѣтъ публики для литературы, нѣтъ огромнаго класса читающихъ; у насъ есть dilettanti и literati и даже писатели, но все это составляетъ только партію, а не публику. Я писалъ, издавалъ свои сочиненія, но меня никто не слушалъ. Я авторъ безъ читателей.

— Это случается нерѣдко и въ Англіи, сказалъ Мальтраверсъ.

Итальянецъ продолжалъ:

— Я думалъ жить въ устахъ людей, расколыхать давно онѣмѣвшія мысли, и разбудить заснувшія струны старой лиры! Напрасно. Я, какъ соловей, пою только для того, чтобы терзать свое собственное сердце фальшивымъ и горестнымъ подражаніемъ пѣнію другихъ.

— Во всѣхъ странахъ бываютъ эпохи, сказалъ кротко Мальтраверсъ: когда извѣстныя жилы литературнаго рудника выходятъ совсѣмъ изъ употребленія, и никакой геній не имѣетъ столько силы, чтобъ возстановить ихъ. Но вы очень основательно замѣтили, что есть два верховные трибунала,—публика и время. Вы еще можете воззвать къ послѣднему. Ваши великіе итальянскіе историки писали для тѣхъ, которые тогда еще не родились, и творенія ихъ были только изданы по смерти ихъ. Это равнодушіе къ современной славѣ, по моему, заключаетъ въ себѣ что то величественное.

* Серъ Филипъ Сидней.

— Я не могу подражать имъ, они не были поэтами, сказалъ Чезарини съ жаромъ.—Для поэта похвала есть необходимая пища, невниманіе для него смерть.

— Милый мой синьоръ Чезарини, сказалъ Англичанинъ съ чувствомъ: не давайте мѣста такимъ мыслямъ. Здравое честолюбіе должно состоять изъ грубой матеріи твердаго постоянства; оно должно жить надеждою, что рано или поздно придетъ день, въ который всѣ трудившіеся получатъ награду по заслугамъ своимъ.

— Но мои труды, можетъ-быть, не заслуживаютъ награды. Я иногда боюсь этого—а это ужасная мысль!

— Вы еще очень молоды, сказалъ Мальтраверсъ: въ ваши лѣта рѣдко случается подобная жажда къ славѣ. Первый шагъ есть, можетъ-быть, уже половина дороги къ наградѣ.

Я не совсѣмъ увѣренъ, чтобы Эрнестъ думалъ то же, что говорилъ; но это было самое тонкое утѣшеніе, предложенное человѣку, неожиданная откровенность котораго смутила и огорчила его.

Молодой человѣкъ покачалъ безнадежно головою.

Мальтраверсъ старался перемѣнить предметъ разговора; онъ всталъ и пошелъ на балконъ, который висѣлъ надъ озеромъ; потомъ заговорилъ о погодѣ, любовался превосходнымъ ландшафтомъ, и указалъ съ знаніемъ и вкусомъ человѣка, изучившаго природу во всѣхъ ея подробностяхъ, на ея малѣйшія и сокровеннѣйшія красоты.

Поэтъ воодушевился и развеселился; онъ сталъ даже краснорѣчивъ, говорилъ стихи и дѣлалъ на нихъ свои замѣчанія.

Мальтраверсъ все болѣе и болѣе принималъ въ немъ участіе. Ему хотѣлось узнать, равнялся ли талантъ молодаго человѣка его честолюбивымъ мечтамъ, и выразилъ Чезарини свое желаніе прочитать его произведенія; этого только и желалъ молодой поэтъ. Бѣдный Чезарини! Для него было слишкомъ много пріобрѣсть новаго слушателя, и онъ безумно вообразилъ, что всякій добросовѣстный слушатель долженъ быть непремѣнно страстнымъ поклонникомъ. Но съ жеманностью, свойственною этому классу, онъ колебался и выражалъ нехотѣніе, однимъ—словомъ, мучилъ свое собственное нетерпѣніе. Мальтраверсъ, чтобы облегчить ему этотъ путь, предложилъ катанье по озеру.

— Одинъ изъ моихъ людей будетъ грести, сказалъ онъ,—вы

будете читать мнѣ ваши стихи, и я буду для васъ то, что̀ была для Мольера его старая ключница.

Мальтраверсъ становился чрезвычайно добръ, когда сердце его было тронуто, хотя онъ и не былъ одаренъ тѣмъ, что̀ называется хорошимъ расположеніемъ духа, которое плаваетъ всегда на поверхности и улыбается каждому. Онъ заключалъ въ себѣ много сока доброты человѣческой, но очень мало ея эссенціи.

Поэтъ согласился, и нѣсколько минутъ спустя они были уже на озерѣ. Былъ полдень, солнце палило, и въ воздухѣ было душно; лодка плыла тихо подъ тѣнью береговъ, и Чезарини вынулъ изъ кармана нѣсколько рукописей, мелкаго и прекраснаго почерка. Кому неизвѣстна та заботливость, съ какою молодой поэтъ старается придать хорошую наружную форму своему любимому сочиненію?

Чезарини читалъ хорошо и съ чувствомъ. Все благопріятствовало чтецу: его поэтическая наружность, его голосъ, его въ половину одерживаемый восторгъ, заранѣе возбужденный интересъ его слушателя, поэтическая прелесть времени и мѣста (потому-что въ подобныхъ случаяхъ время есть важная вещь!). Мальтраверсъ слушалъ со вниманіемъ. Весьма трудно судить о настоящемъ достоинствѣ стиховъ на иностранномъ языкѣ, хотя мы знали бы этотъ языкъ хорошо; такъ много есть неуловимаго въ непереводимой особенности выраженія и въ малѣйшихъ тонкостяхъ слога. Но у Мальтраверса, какъ онъ самъ сказалъ, еще свѣжо было изученіе великихъ оригинальныхъ писателей, и потому онъ не могъ не чувствовать, что слушаетъ мелодическую, но слабую посредственность. Это была поэзія словъ, а не мысли. Но онъ все-таки думалъ, что съ его стороны было бы слишкомъ жестоко явиться строгимъ критикомъ, и потому пробормоталъ всѣ обыкновенныя въ такихъ случаяхъ похвалы, какія только пришли ему въ голову. Молодой человѣкъ пришелъ въ восторгъ.

— А все-таки у меня нѣтъ читающей публики, сказалъ онъ со вздохомъ. — Въ Англіи меня оцѣнили-бы.

Увы! въ Англіи въ эту минуту было пятьсотъ поэтовъ такихъ же молодыхъ, такихъ же ревностныхъ и, можетъ-быть, еще съ лучшими дарованіями, сердце которыхъ горѣло тѣмъ же желаніемъ, а нервы были разстроены такими же неудачами.

Мальтраверсъ понялъ, что молодой пріятель его не сталъ бы слушать ни одного сужденія, которое не льстило бы его влеченію. Какъ только Чезарини кончилъ читать свои стихи, то тотчасъ пожелалъ сократить прогулку; онъ желалъ быть до-

ма, для того, чтобъ въ одиночествѣ насладиться самому тѣмъ удивленіемъ, какое онъ возбудилъ въ своемъ слушателѣ. Оставя свои поэмы у Мальтраверса, онъ выскочилъ на берегъ у Плиніевой виллы, и вскорѣ скрылся изъ виду.

Мальтраверсъ въ этотъ же вечеръ прочелъ его поэмы съ большимъ вниманіемъ, и остался при прежнемъ своемъ мнѣніи. Молодой человѣкъ писалъ безъ знанія дѣла. Въ немъ не было оригинальности, потому-что не было опытности. Его стихи были не что-иное, какъ прекрасная механика! Но они легко могли бы обмануть каждаго, потому-что пріятно звучали для слуха, и серебряная поэзія Тассо казалась не музыкальнѣе гармоническихъ стансовъ Каструччіо Чезарини.

Чтеніе этихъ стиховъ и разговоръ съ поэтомъ погрузили Мальтраверса въ глубокое размышленіе.

— Этотъ бѣдный Чезарини можетъ служить мнѣ примѣромъ, подумалъ онъ. — Лучше рубить дрова, или возить воду, чѣмъ посвятить себя искусству, не имѣя къ тому отличныхъ способностей.... Это значитъ откинуть всѣ здравые предметы жизни для больныхъ грёзъ; это значитъ принесть человѣческую красоту въ жертву улыбкѣ сильфиды, которая показывается намъ только въ видѣніяхъ.

Мальтраверсъ пересмотрѣлъ свои собственныя сочиненія, и бросилъ ихъ въ огонь. Онъ худо спалъ эту ночь. Его самолюбіе было затронуто. Онъ похожъ былъ на красавицу, увидѣвшую на себя карикатуру.

III.

«Всегда слѣдуй за здравымъ смысломъ, душою всякаго искусства!»

Поше.

Эрнестъ Мальтраверсъ проводилъ бо́льшую часть своего времени въ семействѣ де-Монтеня. Ни въ какой періодъ жизни, мы не бываемъ такъ доступны чувству дружбы, какъ въ минуты моральнаго истощенія, которое слѣдуетъ за разочарованіемъ страстей. Тогда эта тихая привязанность оживляетъ и согрѣваетъ насъ, не возбуждая лихорадочнаго волненія. Мальтраверсъ смотрѣлъ съ привязанностью брата на блистательную, многостороннюю и живую Терезу. Тереза же едва знала, что́ такое

спокойствіе. Играла ли она съ своими дѣтьми (у ней было двое прекрасныхъ малютокъ, изъ которыхъ старшему было шесть лѣтъ), прерывала ли своими рѣзвостями спокойное размышленіе своего мужа, импровизировала ли стихи, наигрывала ли на гитарѣ или на фортепіано какую-нибудь арію, которую никогда не оканчивала, предпринимала ли прогулку по озеру, однимъ-словомъ, во всѣхъ своихъ занятіяхъ и забавахъ она казалась Цинтіею минуты, всегда была весела и рѣзва, всегда въ духѣ, не вѣрила ни въ заботы, ни въ непріятности жизни; только слабое здоровье и мрачное настроеніе духа ея брата затемняли иногда ея свѣтлую атмосферу. Но и въ этомъ случаѣ пылкая растяжимость ея ума и сложенія, тотчасъ прогоняла безпокойство, и она увѣряла себя, что Каструччіо съ лѣтами окрѣпнетъ, и современемъ будетъ извѣстнымъ и счастливымъ человѣкомъ. Каструччіо велъ образъ жизни, который романическіе рифмачи называютъ жизнью поэта. Онъ любилъ смотрѣть на восходящее солнце изъ-за отдаленныхъ Альповъ, или на полуночную луну, спящую въ озерѣ. Онъ проводилъ половину дня, а часто и половину ночи въ уединенныхъ прогулкахъ, сплетая свои воздушные стихи, или предаваясь своимъ мрачнымъ грезамъ, и думалъ, что уединеніе есть стихія поэта. Увы! Данте, Альфіери, даже Петрарка, могли бы доказать ему, что поэтъ долженъ также коротко знать людей, какъ и горы, если онъ желаетъ быть творцомъ. Когда Шеллей, въ одномъ изъ своихъ предисловій, хвастается своимъ знакомствомъ съ Альпами, ледниками и еще съ чѣмъ-то подобнымъ, критическій художникъ не можетъ не пожалѣть, что онъ не былъ также знакомъ съ Fleet-Street или Strand. Можетъ-быть, тогда онъ былъ бы въ состояніи осуществить характеры плоти и крови, сочинилъ бы тѣлесное, совершенное цѣлое, а не блестящіе, несвязные отрывки.

Эрнестъ питалъ искреннюю привязанность къ Терезѣ, принималъ глубокое участіе въ Каструччіо, но къ де-Монтеню онъ чувствовалъ особенно высокое уваженіе. Этотъ Французъ былъ когда-то знакомъ съ свѣтомъ обширнѣйшимъ, неограничивавшимся одною партіею. Онъ служилъ въ военной службѣ, а потомъ занималъ высокія гражданскія должности. Опытъ и нѣкоторыя неудачи въ жизни сдѣлали его философомъ; онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы видѣть во всемъ одну хорошую сторону, и слишкомъ справедливъ, чтобы быть мизантропомъ. Онъ наслаждался жизнью съ благоразуміемъ, и шелъ дорогою, которая казалась ему лучшею, не утверждая однако жъ,

чтобы она была лучшею и для другихъ. Можетъ-быть, его можно было упрекнуть въ излишней строгости къ заблужденіямъ, происходящимъ отъ слабости самолюбія, но за-то онъ былъ чрезвычайно снисходителенъ къ тѣмъ ошибкамъ, которыя имѣютъ своимъ источникомъ благородные помыслы и возвышенныя чувства. Въ числѣ его характеристическихъ чертъ было глубокое уваженіе къ Англіи. Свое отечество онъ любилъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ къ нему какое-то презрѣніе. Заносчивость и легкомысліе его соотечественниковъ противорѣчили его понятію о достоинствѣ и мудрой воздержности. По его мнѣнію, здравый смыслъ былъ principium et fons всѣхъ теорій и практикъ. Мысли его по этому предмету были чрезвычайно любопытны.

— Здравый смыслъ, сказалъ онъ разъ Мальтраверсу, гуляя вмѣстѣ съ нимъ по своей виллѣ, на берегу озера: здравый смыслъ не есть чисто принадлежность ума, это скорѣе результатъ правильнаго равновѣсія всѣхъ нашихъ способностей, какъ умственныхъ, такъ и моральныхъ. Человѣкъ безчестный, и тотъ, который служитъ постоянною игрушкою собственныхъ страстей, могутъ быть также людьми геніальными; но они рѣдко, или, лучше сказать, никогда не имѣютъ здраваго смысла въ управленіи жизнію. Они могутъ часто выиграть огромные призы, но этимъ бываютъ обязаны одному случаю, а не своей ловкости. Но человѣкъ, идущій прямою дорогою по почетному поприщу, справедливый къ другимъ и къ самому себѣ. (мы должны быть справедливы къ самимъ-себѣ въ заботахъ о своемъ благосостояніи, о своемъ добромъ имени, и въ управленіи своими страстями) есть достойнѣйшее дитя своего Творца, чѣмъ человѣкъ геніальный, но односторонній. О такихъ людяхъ мы можемъ сказать, что они не только имѣютъ здравый смыслъ, но и отличаются безпристрастіемъ, самоуваженіемъ и самоотверженіемъ. Тысячи испытаній, изъ которыхъ онъ вышелъ побѣдителемъ съ помощію здраваго смысла, были не что-нное, какъ искушеніе его честности, его умѣренности, однимъ-словомъ, всѣхъ многоразличныхъ сторонъ его сложной натуры. Но я не думаю, чтобы онъ могъ сохранять этотъ здравый смыслъ, если не возметъ постоянную привычку охранять свой умъ отъ отравы зависти, тщеславія и другихъ разнородныхъ душевныхъ тревогъ, которыя заблуждаютъ и одуряютъ насъ. Стало-быть, здравый смыслъ не есть качество отвлеченное или особенная способность. Какъ совокупность индивидуальныхъ совершенствъ образуетъ это качество въ человѣкѣ, такъ сово-

купность людей, одаренныхъ этимъ качествомъ, даетъ характеръ цѣлой націи. Въ вашей Англіи есть много людей, которые прославились не только своимъ здравымъ смысломъ, но и другими прекрасными свойствами, которыя идутъ рука объ руку съ чувствомъ прямоты въ человѣкѣ: неподкупною честностью, добросовѣстностью въ сношеніяхъ, пламенною любовью къ справедливости и безпристрастію, и энергическимъ преслѣдованіемъ разъ начатаго предпріятія, что означаетъ необыкновенную силу и смѣлость.

— Наши войны.... нашъ долгъ.... началъ Мальтраверсъ.

— Извините, прервалъ де-Монтень: я говорю о характерѣ вашихъ соотечественниковъ, а не о политикѣ вашего государства.

— Нѣкоторыя націи, равно какъ и нѣкоторые люди, сказалъ Мальтраверсъ, медленно приходятъ въ зрѣлый возрастъ, а другія кажутся зрѣлыми еще въ колыбели. Англичане, благодаря ихъ мужественному саксонскому происхожденію, которое еще болѣе возвысилось отъ смѣшенія съ нормандской кровью, не знали младенчества. Разница поразительна, какъ въ людяхъ государственныхъ, такъ и въ писателяхъ Англіи и Франціи.

— Точно, сказалъ де-Монтень: даже Ришелье самый серьозный и самый мужественный изъ нашихъ государственныхъ людей, имѣлъ въ себѣ столько французскаго ребячества, что воображалъ себя красавцемъ, любезникомъ, остряком и умнымъ критикомъ. Что касается до литераторовъ расиновской школы, они, зараженные подраженіемъ, были не что-иное, какъ холодные копіисты псевдоклассиковъ, обращавшіе все вниманіе на форму, а не на духъ сочиненія. Гдѣ менѣе можно найти римскаго, греческаго, еврейскаго, какъ не въ ихъ римскихъ, греческихъ и еврейскихъ трагедіяхъ! Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ вашего грубаго Шекспира видѣнъ истинный духъ древняго міра, именно потому, что онъ не подражалъ ничему древнему. Но мы, Французы, списывали гигантскія изображенія древности, подобно какъ школьная дѣвочка списываетъ картину сквозь стекло, на самую тоненькую бумажку.

— А ваши новые писатели, мадамъ де-Сталь и Шатобріанъ?

— Я нахожу одинъ недостатокъ въ чувствительной школѣ, отвѣчалъ строгій критикъ: чрезвычайную слабость; они не имѣютъ ни костей, ни мускуловъ въ своемъ дарованіи, все вялo и округлено въ ихъ женственной симметріи. Они, кажется, думаютъ, что сила заключается въ цвѣтущихъ фразахъ и коротенькихъ афоризмахъ, и набрасываютъ всевозможныя бури серд-

ца человѣческаго съ тщаніемъ живописца, рисующаго миніатюры на кости. Цѣлъ! эти два писателя дѣти въ другомъ родѣ, жеманные, разукрашенные, разодѣтые, дѣти-сороконожки, чрезвычайно ловкіе, но все-таки не болѣе какъ дѣти. Ихъ раздирающіе крики, ихъ чувствительность, ихъ эгоизмъ и тщеславіе не могутъ возбуждать участія людей зрѣлыхъ, которые знаютъ, что такое дѣйствительная жизнь, и понимаютъ самыя высокія цѣли.

— Вашъ шуринъ, вѣрно, находитъ васъ чрезвычайно строгимъ критикомъ? сказалъ Мальтраверсъ съ легкою улыбкою.

— Мой бѣдный Каструччіо, возразилъ де-Монтень, съ полувздохомъ: одна изъ жертвъ, съ притязаніями на славу, несоразмѣрную способностямъ. Подобные люди встрѣчаются чаще, нежели мы думаемъ. Я соглашаюсь съ однимъ великимъ германскимъ писателемъ, который говоритъ, что ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права вступать на поприще искусства, если онъ не чувствуетъ въ себѣ потребной крѣпости и силы. Каструччіо могъ бы быть пріятнымъ членомъ общества; мало-того, онъ могъ быть способнымъ и полезнымъ человѣкомъ, еслибъ хотѣлъ приложить свои силы къ предметамъ, имъ доступнымъ. У него большія способности, еслибъ онъ рѣшился только посвятить себя чему-нибудь другому, а не поэзіи.

— Однако не всѣ же авторы, заслужившіе народную память, принадлежатъ къ первому разряду.

— Я полагаю, что непремѣнно къ первому разряду, въ какомъ то ни было родѣ. Они должны занимать мѣсто въ исторіи ихъ литературы; говоря о нихъ, непремѣнно надобно сказать: «что въ такой-то школѣ, хорошей или дурной, они имѣли такое или иное вліяніе»; однимъ-словомъ, они должны образовать собою звено въ великой цѣпи національныхъ писателей, звено, которое поверхностная публика впослѣдствіи забудетъ, но безъ котораго цѣпь была бы неполна. Такимъ-образомъ, они могутъ не быть первоклассными навсегда, но въ свое время, вѣрно, были изъ числа первыхъ писателей. Но Каструччіо—только отголосокъ другихъ.

— Однакожъ, присовокупилъ еще де-Монтень, послѣ нѣкотораго молчанія: эта несчастная болѣзнь брата моей жены могла бы пройти сама собою, будь онъ не Итальянецъ. Въ вашемъ одушевленномъ и трудящемся отечествѣ, послѣ достаточнаго разочарованія на поприщѣ поэзіи, онъ незамѣтно соскользнулъ бы на какую-нибудь другую дорогу, и его тщеславіе и ненасытность къ эффектамъ нашли бы себѣ че-

ственный и умный выходъ. Самое лучшее, что я могу желать для Каструччіо, это то, чтобы онъ наконецъ сдѣлался антикваріемъ, и проводилъ всю жизнь въ спорахъ о развалинахъ съ Римлянами. Все же лучше, чѣмъ эта посредственная поэзія.

Мальтраверсъ молчалъ и былъ задумчивъ. Но странно то, что доводы де-Монтеня нисколько не поколебали его собственнаго новаго и тайнаго влеченія къ торжеству умственной дѣятельности; не потому, чтобы онъ чувствовалъ въ себѣ силу достигнуть его немедленно, но онъ понялъ свою желѣзную натуру, и зналъ, что человѣкъ, въ натурѣ котораго заключается желѣзо, долженъ наконецъ на какомъ-нибудь поприщѣ выковать изъ этого металла полезную форму.

Въ эту минуту самъ Каструччіо догналъ разговаривающихъ. Онъ былъ молчаливъ и мраченъ какъ обыкновенно, особенно въ присутствіи де-Монтеня, при которомъ самолюбіе поэта сильно страдало; потому-что, не смотря на свое притворное равнодушіе къ суровой откровенности своего зятя, онъ долженъ былъ согласиться, что де-Монтень не такой человѣкъ, сужденіями котораго можно было бы пренебрегать.

Мальтраверсъ обѣдалъ и провелъ весь вечеръ у де-Монтеня. Онъ не могъ не замѣтить, что Каструччіо, выражавшій въ своихъ стихахъ самыя нѣжнѣйшія чувства, и имѣвшій отъ природы нѣжное и любящее сердце, былъ сильно заряженъ наивреднѣйшимъ изъ умственныхъ пороковъ—вѣчнымъ взвѣшиваніемъ собственнаго превосходства, талантовъ, и несправедливости къ нему людей. Онъ совсѣмъ не платилъ любовію за все нѣжное попеченіе окружающимъ его. Въ немъ не было ни тѣни общежитія, ни того игриваго расположенія къ веселости, что доказываетъ всегда доброе сердце, и которыми люди геніальные, какъ бы ни были возвышенны ихъ занятія, и какъ бы ни были они серьозны и удалены отъ свѣта и людей, постоянно отличаются въ кругу любимыхъ друзей и собственнаго семейства, которому они служатъ украшеніемъ. Занятый одною мыслію, погруженный въ самаго себя, молодой Итальянецъ былъ мраченъ и холоденъ съ каждымъ, кто не сочувствовалъ его больной мечтѣ. Отъ дѣтей, отъ сестры, отъ друга, и отъ всего живущаго на землѣ, онъ улеталъ къ поэмѣ—уединенію, или къ стансамъ въ честь славы.

— Я никогда не буду сочинителемъ, сказалъ самъ себѣ Мальтраверсъ: никогда не буду вздыхать о славѣ, если эту тѣнь надобно купить такою дорогою цѣною!

IV.

Должно какъ можно глубже напечатлѣть въ своемъ умѣ, что трудъ есть цѣна, за которую можно достать умственныя стяжанія, и что надѣяться пріобрѣсть что-либо безъ особеннаго труда такъ же нелѣпо, какъ ожидать жатвы не сѣявъ.

Бейль.

Время шло, осень приближалась къ зимѣ, а Мальтраверсъ все еще мечталъ на озерѣ Комо. Онъ видался съ очень немногими, исключая де-Монтеней, и потому бо́льшую часть своего времени проводилъ въ уединеніи. Онъ продолжалъ испытывать свои способности, и онѣ постепенно становились сильнѣе и явственнѣе. Однакожъ онъ рѣшился не показывать своимъ новымъ друзьямъ своихъ комскихъ досуговъ; ему не нужно было слушателей; онъ не думалъ о публикѣ, онъ писалъ единственно для того, чтобы практически занять свой умъ. И по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ, онъ добровольно сознавался, что человѣкъ не можетъ, ни глубоко изучить, ни сочинять искусно, не задавъ себѣ опредѣленной цѣли, или изслѣдовать какую-нибудь отрасль науки, или, наконецъ, приложить какую-нибудь мысль къ практикѣ.

Умъ его, такъ-сказать, пресытился глубокими изученіями и размышленіями; но когда онъ остановился, то ему показалось, что онъ совсѣмъ не жилъ въ уединеніи, а прошелъ сквозь процессъ дѣйствія шумнаго свѣта; такъ справедливо и такъ ясно стало его понятіе о себѣ и о другихъ. Но хотя эти розысканія освѣщали его умственныя изслѣдованія, онъ не ограничивался ими. Поэзія и легкая литература были для него уже не пустымъ развлеченіемъ, а критическою и глубокомысленною наукою. Онъ находилъ величайшее удовольствіе проникать въ причины, заставившія начать эти воздушныя ткани, сработанныя людскимъ воображеніемъ, и имѣющія такое продолжительно-могущественное вліяніе надъ смѣлымъ и будничнымъ свѣтомъ. А вокругъ него была такая чудная природа, такое прекрасное небо, такая благорастворенная атмосфера, такое прекрасное лѣто, чтобы начинать проекты честолюбія, того честолюбія, цѣль котораго утвердить владычество въ сердцахъ и памяти рода человѣческаго! Я вѣрю, что мѣсто, гдѣ человѣку въ первый разъ пришло въ голову, что назначеніе его—быть, литераторомъ имѣетъ большое вліяніе на всѣ послѣдующіе труды его!

Эти занятія Эрнеста были прерваны вторымъ письмомъ Кливеленда. Другъ его огорчался и даже сердился за то, что онъ не послѣдовалъ его совѣту, и не возвратился въ Англію. Онъ высказалъ свое неудовольствіе тѣмъ, что не отвѣчалъ на письмо Эрнеста, наполненное извиненіями. Послѣднее время опасная болѣзнь едва не свела его въ могилу; но теперь, воспользовавшись первыми минутами облегченія, съ сердцемъ, разнѣженнымъ отъ совершеннаго истощенія силъ, онъ снова писалъ къ Мальтраверсу, увѣдомляя его о своей болѣзни и опасности, и еще разъ побуждая возвратиться въ Англію. Мысль, что Кливеленъ, милый, добродушный и заботливый воспитатель его молодости, былъ такъ близокъ къ смерти, что, можетъ-быть, уже болѣе не приметъ его въ свои радушныя объятія, и что онъ не услышитъ еще разъ его отеческаго голоса, наполнила ужасомъ и угрызеніями совѣсти сердце Эрнеста. Онъ тотчасъ же рѣшился возвратиться въ Англію, и началъ дѣлать къ тому приготовленія.

Онъ пошелъ проститься съ де-Монтенями. Тереза, въ красивомъ но неизысканномъ утреннемъ неглиже, сидѣла у открытаго окна виллы, и учила читать своего первенца. Граціозный, смѣлый и здоровый мальчикъ безбоязненно смотрѣлъ въ глаза своей матери, когда она, полусерьезно и полушутя старалась, ввести его въ таинства азбуки. Хорошенькій мальчикъ и прекрасная молодая мать составляли превосходную живую картину. Де-Монтень читалъ опыты своего знаменитаго однофамильца, которымъ, не знаю справедливо ли, онъ хвастался, какъ своимъ предкомъ. Отъ времени до времени онъ отрывался отъ страницы, чтобы взглянуть на успѣхи своего наслѣдника, и поддержать ходъ его умственнаго развитія. Но онъ не вмѣшивался въ его обученіе, благоразумно сознавая, что есть дружеская симпатія между матерью и ребенкомъ, которая стоитъ выше самой власти отца, и болѣе способствуетъ къ облегченію его первыхъ шаговъ въ наукѣ. Притомъ онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ не отвергнуть всѣ модныя системы наукъ, по которымъ ребенка должно подчинять ученію съ пеленокъ. Онъ зналъ, что философы ни въ чемъ такъ не ошибались, какъ утверждая, что умственное воспитаніе дѣтей, должно начинать съ колыбели. Слишкомъ довольно и того, если обращаютъ особенное вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей и исправляютъ эту отвратительную привычку лгать, которую можно назвать господствующею эпидеміею дѣтей. Но сверхъ-того, что̀ можетъ замѣнить разстроенное здоровье дитяти, или разбитый умъ его? Должно стараться,

сколько можно, удалять ребенка отъ страха. Смѣлый ребенокъ, который смотритъ вамъ прямо въ глаза, говоритъ всегда правду; вотъ элементы, изъ которыхъ образуются добрые, храбрые, разумѣется, и умные люди!

Мальтраверсъ вошелъ безъ доклада въ этотъ очаровательный семейный кружокъ, и стоялъ, нѣсколько минутъ незамѣченный, у отворенной двери. Маленькій ученикъ первый замѣтилъ его присутствіе, и забывая свои силады, побѣжалъ съ нимъ здороваться; потому-что Мальтраверсъ, не-смотря на то, что въ его характерѣ было болѣе кротости, чѣмъ веселости, былъ всегда любимцемъ дѣтей, и его прекрасное, спокойное и привѣтливое лицо призывало къ нему ихъ больше, чѣмъ, еслибы его карманы, подобно карманамъ Гольдсмитова Бёрчеля, были всегда наполнены пряниками и яблоками.

— Ахъ, что вы сдѣлали, мистеръ Мальтраверсъ, вскричала Тереза, вставая: вы стерли всѣ буквы, которыя я такъ старалась начертить на пескѣ.

— Нѣтъ, синьора, сказалъ Мальтраверсъ, садясь на стулъ и усаживая малютку къ себѣ на колѣни: мой маленькій другъ займется еще усерднѣе урокомъ, послѣ этого коротенькаго антракта въ его трудахъ.

— Надѣюсь, вы останетесь съ нами цѣлый день? сказалъ де-Монтень.

— Я хотѣлъ только-что просить на то вашего позволенія, сказалъ Мальтраверсъ, потому-что завтра ѣду въ Англію.

— Возможно ли? вскричала Тереза. Такъ внезапно! Чѣмъ же вамъ здѣсь худо? О! не уѣзжайте!... Но, можетъ-быть, вы получили непріятныя извѣстія изъ Англіи?

— Я получилъ извѣстіе, которое вызываетъ меня отсюда, отвѣчалъ Мальтраверсъ: мой воспитатель и второй отецъ былъ опасно боленъ. Я чрезвычайно виноватъ передъ нимъ, и упрекаю себя, что забылъ его на такое долгое время въ вашемъ обворожительномъ обществѣ.

— Дѣйствительно, мнѣ весьма прискорбно потерять васъ, сказалъ де-Монтень съ жаромъ, проявляющимся болѣе въ выраженіи, чѣмъ въ словахъ. Но я надѣюсь, что мы скоро опять увидимся: можетъ быть, вы пріѣдете въ Парижъ?

— Весьма вѣроятно, сказалъ Мальтраверсъ; а вы, можетъ-быть въ Англію?

— Ахъ, какъ бы я этого желала! воскликнула Тереза.

— Не желай этого, сказалъ мужъ: тебѣ вовсе не понравится Англія; ты найдешь, что въ ней чрезвычайно скучно.

Она одна изъ тѣхъ странъ, въ которой иностранцы не могутъ найти никакого развлеченія, именно потому, что она наполнена серьозными и нетребующими отлагательства занятіями для своихъ гражданъ. Самыя пріятныя земли для иностранцевъ тѣ, въ которыхъ туземцамъ не слишкомъ хорошо (доказательство Италія), и vice versâ.

Тереза откинула свои темные локоны, и, казалось, не была убѣждена этими доводами.

— А гдѣ Каструччіо? спросилъ Мальтраверсъ.

— Въ своей лодкѣ, на озерѣ, отвѣчала Тереза. Онъ будетъ неутѣшенъ по васъ. Вы единственный человѣкъ, котораго онъ могъ понять, или лучше-сказать, который его понялъ; единственный во всей Италіи, и почти могу сказать во всемъ свѣтѣ.

— Мы еще увидимся съ нимъ за обѣдомъ, сказалъ Эрнестъ, а между прочимъ, позвольте мнѣ предложить вамъ прогуляться до *Плиніяны*. Я хочу проститься съ этимъ кристаловиднымъ фонтаномъ.

Тереза, любившая прогулки, тотчасъ же согласилась.

— И я также, мама, закричалъ мальчикъ, и моя маленькая сестрица?

— О, разумѣется, сказалъ Мальтраверсъ, глядя на родителей.

Нѣсколько минутъ спустя, все общество было готово отправиться по сверкающимъ волнамъ Комскаго-озера. Былъ полдень, погода была тихая, ясная и теплая. Въ Италіи ноябрь тоже, что на сѣверѣ начало сентября. Дѣти лепетали, а большіе толковали о тысячи предметахъ. Какое пріятное воспоминаніе этотъ послѣдній день, проведенный на озерѣ Комо! Прощаніе дружбы заключаетъ въ себѣ что-то меланхолическое и тоскливое, какъ прощаніе любви. Можетъ-быть, было бы гораздо лучше, если бы мы могли никогда не знать любви. Жизнь безъ нея текла бы спокойнѣе и счастливѣе. Дружба есть вино жизни, а любовь—одуряющій напитокъ.

По возвращеніи, они нашли Каструччіо, сидящаго въ долинѣ. Узнавши о скоромъ отъѣздѣ Эрнеста онъ, казалось, не былъ такъ сильно огорченъ, какъ того ожидала Тереза. Каструччіо съ нѣкотораго времени былъ очень недоволенъ и даже огорченъ, видя, съ какимъ удовольствіемъ зять его и сестра проводили время въ обществѣ Эрнеста.

— Отчего это? часто спрашивалъ онъ самъ себя: отчего это они находятъ больше удовольствія съ постороннимъ чело-

вѣкомъ, чѣмъ со мною? Природа одарила меня такимъ же умомъ, а все-таки, даже мой холодный и сухой зять признаетъ его таланты, и предсказываетъ, что *она* будетъ великимъ человѣкомъ, тогда, какъ я—нѣтъ! никто не знаетъ, что случится!

Несчастный молодой человѣкъ! Умъ его производилъ самыя зловредныя, сорныя травы больнаго поэтическаго темперамента, и они заглушали цвѣты, которые могли бы произрастать на этой почвѣ при хорошей воздѣлкѣ. Впрочемъ Каструччіо ожидалъ тотъ переломъ, въ которомъ впечатлительный и поэтическій человѣкъ или переродится и окрѣпнетъ, или погибнетъ.

Мальтраверсу теперь не приходило и въ голову, какъ тѣсно впослѣдствіи его собственная судьба будетъ связана съ этимъ эпизодомъ изъ жизни Итальянца!

Каструччіо старался отвести Мальтраверса въ сторону, и когда они были уже въ лѣсу, находившемся позади дома, онъ сказалъ ему съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ:

— Кажется, вы ѣдете въ Лондонъ?

— Я буду въ Лондонѣ проѣздомъ. Не могу ли я исполнить какую-нибудь вашу коммиссію?

— Да, да, мои поэмы! Я желалъ бы издать ихъ въ Англіи: ваша аристократія занимается итальянскою литературою, и, можетъ-быть, красота и знатность будутъ читать мои сочиненія. Вотъ настоящая аудиторія поэтовъ. Простонародную толпу —я презираю.

— Милый мой Каструччіо, я берусь издать ваши поэмы въ Лондонѣ, если вы этого желаете; но не обманывайте себя слишкомъ лестными мечтами. Въ Англіи мы мало читаемъ стиховъ, даже и на родномъ нашемъ языкѣ, а къ иностранной литературѣ мы очень равнодушны.

— Да, къ иностранной литературѣ вообще, и въ этомъ случаѣ вы справедливы, но *мои* стихи особеннаго рода! Они могутъ возбудить вниманіе въ образованномъ и ученомъ кругѣ.

— Хорошо! попробуемъ; вы отдадите мнѣ ваши сочиненія, когда мы будемъ разставаться.

— Благодарю васъ, сказалъ Каструччіо весело, и пожимая руку своего друга, и потомъ въ продолженіе всего вечера онъ казался совершенно другимъ существомъ; онъ даже ласкалъ дѣтей и не насмѣхался надъ серьезнымъ разговоромъ своего зятя.

Когда Мальтраверсъ всталъ, чтобы проститься, Каструччіо вручилъ ему свертокъ бумагъ; и потомъ съ головою, переполненною

ненною воображаемою будущею славою, взчезъ изъ комнаты, чтобы вполнѣ предаться своимъ грезамъ. Онъ и не думалъ болѣе о Мальтраверсѣ. Воспользовавшись его любезнымъ предложеніемъ, онъ и не думалъ огорчаться его отъѣздомъ, потому-что этотъ отъѣздъ былъ Avator его появленія въ новомъ свѣтѣ!..

Шелъ мелкій дождь, хотя мѣстами звѣзды проглядывали сквозь разорванныя облака. Тереза не смѣла выйти изъ дома; она дала поцаловать свою атласную щечку молодому гостю, пожала ему руку, и простилась съ нимъ со слезами на глазахъ.

— Ахъ! сказала она, когда мы еще встрѣтимся, я надѣюсь, что вы будете уже женаты. Я сердечно полюблю вашу жену. Нѣтъ другаго подобнаго счастія, какъ супружество и домашній бытъ! И она взглянула на де-Монтеня съ искреннею нѣжностью.

Мальтраверсъ вздохнулъ; мысль его въ эту минуту перенеслась къ Алисѣ. Гдѣ она? что сталось съ этою бѣдною, всѣми покинутою дѣвушкою, невинная любовь которой когда-то сіяла на горизонтѣ его жизни. Въ отвѣтъ мадамъ де-Монтень, онъ машинально пробормоталъ какую-то неясную, общую фразу, и вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ ея мужемъ, который непремѣнно хотѣлъ проводить его. Когда они были уже недалеко отъ озерра, де-Монтень первый прервалъ молчаніе.

— Милый мой Мальтраверсъ, сказалъ онъ съ серьознымъ и задумчивымъ выраженіемъ въ голосѣ,—пройдетъ, можетъ-быть, много лѣтъ прежде, чѣмъ мы съ вами опять встрѣтимся. Я принимаю живое участіе въ вашемъ счастіи и въ вашей будущей карьерѣ; да, карьерѣ, я повторяю это слово. Я не имѣю привычки возбуждать въ людяхъ честолюбіе. Многимъ изъ нихъ довольно быть добрыми и честными гражданами. Но вы другое дѣло. Я вижу въ васъ не безумца, мечтающаго о несбыточной славѣ, но ревностнаго и благоразумнаго человѣка, обѣщающаго много въ зрѣлости. Правда, что умъ вашъ еще несовершенно установился, но онъ. твердый и ясный, поднимается изъ броженія грезъ и страстей. Все вамъ благопріятствуетъ: хорошее состояніе, знатный родъ, связи. Вамъ предстоитъ поприще, на которое, однакожъ, нельзя вступить безъ дарованія и безъ труда; ну, чтожъ, тѣмъ лучше! На немъ сильные и рѣшительные соперники захотятъ подстрекнуть ваше соревнованіе; и на это-то соревнованіе вы должны будете употребить всѣ свои силы. Сойдя съ поприща своего назначенія, съ какою радостью вы скажете, что играли роль, которая не можетъ быть забыта человѣчествомъ, что вы, по волѣ Великаго Творца, были медіумомъ всего честнаго и прекраснаго. Вотъ истинное честолюбіе; желаніе собственно-личной извѣстности есть не честолюбіе, а тщеславіе. Вы никакъ не должны думать, Мальтраверсъ, что дѣятельная карьера есть путь, усыпанный розами. Теперь у

васъ нѣтъ враговъ, но какъ скоро вы достигнете извѣстности, васъ будутъ оскорблять, унижать, и клеветать на васъ Вы сами будете оскорблены этою яростью, возбужденною вашимъ превосходствомъ, вздохнете о своей прежней неизвѣстности, и согласитесь съ Франклиномъ, что «вы слишкомъ дорого заплатили за свой свистокъ». Но за всѣ эти частныя непріятности, какая благородная награда имѣть другомъ публику, а можетъ-быть и потомство!... Къ тому же, прибавилъ де-Монтень, съ торжественностью въ голосѣ,—умъ также подчиненъ совѣсти, какъ и сердце, и человѣкъ, разсѣявшій свои таланты по вѣтру, терзается въ старости такими же угрызеніями совѣсти, какъ и тотъ, который употребилъ во зло свою врожденную добродѣтель. Глубокое и пріятное самодовольствіе, съ которымъ человѣкъ, смотря на прошедшія свои усилія, чувствуетъ, что онъ жилъ ненапрасно, что онъ завѣщалъ свѣту въ наслѣдство или просвѣщеніе, или счастіе, это одно самодовольствіе есть величайшее блаженство, какое способна ощущать человѣческая совѣсть! Что значатъ, въ самомъ-дѣлѣ, наши частныя ошибки, дѣйствующія на весьма-небольшой кругъ, и кончающіяся съ нашею жизнью, въ сравненіи съ тѣмъ неизчислимымъ и вѣчнымъ добромъ, которое можетъ дѣлать человѣкъ, одаренный высшими способностями и геніемъ? Я нахожу, что въ васъ соединены всѣ условія, которыя могутъ извлечь возвышенной умъ и истинное честолюбіе изъ роскошной лѣни литератора сибарита, и побудить смѣло выступить на обширную арену большаго свѣта, чтобы оспаривать себѣ высокіе призы.

Мальтраверсъ никогда еще не слыхалъ ничего, что бы такъ пріятно подстрекало его высокія и благородныя стремленія. Торжественное краснорѣчіе и теплыя ободренія этого человѣка, обыкновенно холоднаго и строгаго въ своихъ сужденіяхъ, гремѣли въ его ушахъ, подобно звукамъ трубы. Онъ остановился, едва переводя дыханіе, щеки его горѣли.

— Де-Монтень, сказалъ онъ:—слова ваши разсѣяли во мнѣ тысячу недоумѣній и колебаній; они дошли прямо до моего сердца. Я теперь только понимаю, что такое слава, какая цѣль и какая награда за труды! Я могъ имѣть и свѣдѣнія, и надежды, и вдохновенія; вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ я чувствовалъ, что происходило что-то особенное во всемъ моемъ существѣ; но все это было неясно, темно, неопредѣленно. Прощайте! въ радости и печали, въ успѣхахъ и неудачахъ, я постараюсь быть достойнымъ вашей дружбы!...

Мальтраверсъ прыгнулъ въ лодку, и темнота ночи скрыла его отъ устремленнаго на него взора де-Монтеня.

Продолженіе въ слѣдующей книгѣ.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

I.

МЕТЕОРОЛОГІЯ.

О ВЛІЯНІИ ЛЮДЕЙ НА КЛИМАТЪ.

Наука мало-по-малу вводитъ въ кругъ свой атмосферическія и климатологическія явленія. Хотя она и не достигла до общаго результата, но за-то породила очень много гипотезъ и даже возобновила страсть прежнихъ временъ, узнавать по примѣтамъ будущую погоду. Несмотря на эти отступленія отъ истинной науки, она все болѣе и болѣе распространяетъ кругъ своихъ наблюденій. Мы не будемъ исчислять ихъ, а соберемъ только факты, изданные астрономомъ Араго въ «Annuaire pour l'an 1848» германскимъ естествоиспытателемъ Фраасомъ (Klima und Pflanzenwelt in der Zeit).

Прежнее мнѣніе, что планеты, кометы и луна имѣютъ вліяніе на нашъ климатъ, давно уже оставлено учеными. По самымъ тщательнымъ наблюденіямъ физиковъ и астрономовъ, оказывается, что вліяніе планетъ вовсе не дѣйствуетъ на климатъ земли. Но что открыли, что самъ человѣкъ сильно способствуетъ къ измѣненію мѣстнаго климата.

Въ числѣ теллурическихъ вліяній можно во-первыхъ назвать ...е. Атмосфера, находящаяся въ данный день и часъ надъ мо-

ренъ, дѣлается вспорѣ атмосферою материковъ, особливо въ небольшихъ широтахъ и при западныхъ вѣтрахъ. Слѣдственно, то, что измѣняетъ нормальную температуру моря, измѣняетъ атмосферу и материковъ. Одна изъ сильныхъ перемѣнъ морской температуры происходитъ отъ ледяныхъ горъ и отъ неизмѣримой поверхности замерзшаго моря у полюсовъ. Тамъ совершаются быстрыя и значительныя перемѣны. Восточный берегъ Гренландіи былъ въ прежнія времена доступенъ и значительно населенъ. Вдругъ огромныя массы льда заградили къ нему всякій доступъ, и нѣсколько столѣтій сряду, Европа не могла имѣть сообщенія съ Гренландіею. Въ 1815 году эти ледяныя массы вдругъ пришли въ движеніе, отдѣлились отъ берега, двинулись на югъ, и очистили берегъ на нѣсколько градусовъ. Эти плавающія ледяныя горы имѣютъ весьма сильное вліяніе на нашъ климатъ. Онѣ ежегодно спускаются къ югу отъ Баффинова залива и со Шпицбергена. Онѣ отдѣляются съ громомъ отъ общихъ массъ, когда волны разшатаютъ ихъ основаніе, и быстро замерзающая дождевая вода произведетъ въ нихъ такія большія трещины, чтобъ привести ихъ въ движеніе. Не тая отъ теплоты, доходятъ онѣ до высокихъ широтъ, и производятъ сильныя перемѣны въ температурѣ. Такъ напримѣръ, 19 января 1818 года, затерли эти ледяныя массы капитана Даймана, и 28 дней несли его къ югу, пока въ широтѣ 44° 37′ удалось ему освободиться отъ нихъ. Онѣ высовывались изъ воды на 14 футовъ, и были такъ обширны въ окружности, что съ вершины мачтъ не видно было ихъ окончанія. Капитанъ насчиталъ болѣе ста подобныхъ горъ. 29 марта 1818 усмотрѣлъ капитанъ Вивіанъ въ широтѣ 41° 50′ множество *ледяныхъ острововъ*, которые занимали пространство въ семь миль, и изъ которыхъ нѣкоторые были въ 2950 футовъ вышиною надъ водою.

Море не такъ легко нагрѣвается, какъ земля, потому-что вода прозрачна. Слѣдственно, все, что нарушаетъ эту прозрачность, производитъ вмѣстѣ съ тѣмъ измѣненіе въ температурѣ воды, и потому измѣненіе въ атмосферѣ надъ моремъ, повторяется нѣсколько ранѣе позже въ атмосферѣ материковъ. Морская вода часто лишается этой прозрачности на большомъ пространствѣ. Скоресби [redacted] щаетъ, что въ сѣверныхъ широтахъ море часто принимаетъ [redacted] ково-зеленый цвѣтъ, происходящій отъ скопленія множества медузъ и другихъ морскихъ животныхъ, и при этомъ море всегда

теряетъ свою прозрачность. Онъ часто находилъ такія мѣста въ 50 часовъ длины и 25 ширины. Морскія теченія переносятъ подобныя мѣста на огромныя пространства. Эти непрозрачныя мѣста больше нагрѣваются, нежели прозрачныя, и потому имѣютъ значительное вліяніе на измѣненіе температуры.

Тоже самое можно сказать о свѣтящихся пространствахъ моря. Свѣтъ морскихъ волнъ происходитъ отъ маленькихъ животныхъ, которыя почти лишаютъ воду ея прозрачности, и слѣдственно измѣняютъ ея температуру.

Есть однако и мѣстные признаки, еще необъясненныя наукою и имѣющіе вліяніе на климатъ. Зимою въ 1763 — 1764 году, такъ называемые *Олонскіе пески* (Sables d'Olonne) и окрестныя полосы земли образовали родъ оазиса теплоты. Луара замерзала до самаго почти устья; морозы простирались до 10°; полевыя земледѣльческія работы прекратились; но въ Олонскихъ пескахъ температура была умѣренная, и во всемъ этомъ округѣ не было ни одного мороза.

Еще примѣчательнѣе разсказъ Эрмана объ одной полосѣ земли въ Сибири, гдѣ въ продолженіе всей зимы воздухъ безпрестанно чистъ, и не падаетъ ни одной снѣжинки.

Атмосфера наполняется иногда на значительныя пространства такими разнообразными веществами, которыя отнимаютъ у нее часть ея прозрачности. Иногда эти вещества переносятся изъ огнедышащихъ горъ, находящихся въ состояніи изверженія. Доказательствомъ тому служитъ огромный столбъ пепла, поднявшійся въ 1812 году съ волкана на островѣ Санъ-Винцентъ и затмившій совершенно на островѣ Барбадосѣ воздухъ, въ самый полдень. Подобныя дымныя атмосферы являются и тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ огнедышащихъ горъ. Канада подвержена подобнымъ явленіямъ. Тамъ долго думали, что это происходитъ отъ пожара лѣсовъ, но факты опровергли это мнѣніе.

16 октября 1786 года горизонтъ въ Квебекѣ покрылся столь густыми облаками, что въ полдень нельзя было ничего разсмотрѣть въ двухъ шагахъ. Эти облака занимали пространство въ 60 часовъ длины и 80 ширины. Казалось, что онѣ шли изъ Лабрадора, гдѣ однакоже нѣтъ лѣсовъ. Да онѣ и не имѣли ничего похожаго на дымъ.

12 іюля 1785 года окружили подобныя облака нѣсколько ко-

рабдей въ открытомъ морѣ, противъ устья рѣки Св. Лаврентія. Темнота продолжалась съ 2 числа полудня до 3-го вечера.

Къ категоріи этихъ облаковъ можно причислить и дымную атмосферу, часто распространяющуюся въ Европѣ. Имѣя дѣйствительно происходятъ отъ пожара лѣсовъ, но другія не что иное, какъ особеннаго свойства испаренія изъ земли; но онѣ производятъ одинаковое измѣненіе въ температурѣ.

Въ 1783 году атмосфера была помрачена отъ Лапландіи до Африки, и тогда приписывали это помраченіе хвосту кометы, который обхватилъ земную атмосферу.

Землетрясенія имѣютъ также большое вліяніе. Въ тропическихъ странахъ Америки, жители привѣтствуютъ повторенные подземные удары, какъ предвѣстниковъ обильнаго дождя. Гумбольдтъ разсказываетъ даже, что землетрясеніе производило часто дождь тотчасъ же и гораздо раньше наступленія дождливаго періода.

Сожиганіе большаго количества луговыхъ травъ производитъ также дождь. Этотъ фактъ извѣстенъ былъ и въ древности. Бэконъ разсказываетъ, что нѣкоторые историки передали извѣстіе, что когда Гюйенна принадлежала еще Англичанамъ, то жители Бардо и окрестныхъ мѣстъ подавали просьбу англійскому королю, чтобъ онъ запретилъ своимъ подданнымъ графства Сусекса и Гамптона сожигать луга въ концѣ апрѣля (они это дѣлали съ увѣренности, что травы лучше послѣ уродятся), потому-что отъ этого сожиганія происходятъ сильные вѣтры и дожди, вредящіе ихъ виноградникамъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ одинъ естествоиспытатель, Эсли, предложилъ даже, чтобы, во время сильныхъ засухъ, производить искуственные дожди посредствомъ большихъ пожаровъ. Предложеніе свое подтверждаетъ онъ опытами парагвайскихъ Индѣйцевъ, которые, по свидѣтельству миссіонеровъ, зажигаютъ свои обширныя саванны, когда сильная засуха угрожаетъ ихъ жатвѣ. Жители Новой Шотландіи зажигаютъ луга для этой же цѣли. Колонисты Луизіанны зажигаютъ луга для этой же цѣли, такъ равно и колонисты Делавара и Освего.

Это удостовѣряетъ, что Эсли убѣдился въ этомъ фактѣ многочисленными опытами.

Онъ же, въ примѣръ матеріальныхъ измѣненій, представляетъ, что климатъ въ Манчестерѣ весьма перемѣнился съ-тѣхъ-поръ, какъ въ немъ развилась промышленость. Дѣйствительно, съ-тѣхъ-

[illegible] городѣ [illegible] огромное количество трубъ, выпускающихъ угольный дымъ, дождь идетъ тамъ почти всякій день.

Арава говоритъ также, что дымовая труба большой фабрики можетъ иногда лишить электричества всю окрестную атмосферу.

Обратимся теперь къ ближайшимъ вліяніямъ человѣка на климатъ. Осушеніе болотъ и озеръ производитъ вездѣ значительное измѣненіе въ климатѣ. Въ Сѣверной Америкѣ приморскія мѣста имѣютъ совсѣмъ другой климатъ, чѣмъ во внутренности материка подъ тою же широтою. Только по близости большихъ озеръ, это различіе исчезаетъ.

Въ Италіи сдѣлано замѣчаніе, что съ умноженіемъ числа полей засѣянныхъ рисомъ, умножается и число дождевыхъ дней въ году.

Но величайшее вліяніе имѣютъ на климатъ лѣса, по электрическому своему отношенію. Срубите лѣсъ, и вы лишаетесь такого же количества громовыхъ отводовъ, сколько было деревьевъ—и отнимаете у всей окрестности благотворное воздушное электричество. Вы подвергаете свои поля градобитію, которое уничтожалось прежде лѣсами.

Подкрѣпимъ теорію практикою.

По вѣрнымъ статистическимъ таблицамъ, піемонтскія владѣнія, съ 1820 по 1828 годъ, понесли отъ градобитія убытку на двѣнадцать милліоновъ рублей серебромъ. Но въ этихъ таблицахъ вовсе нѣтъ провинціи Val d'Aoste, Vallée de Luze и Maurrienne, гдѣ никогда не бываетъ града, потому-что горы этихъ провинцій поросли самымъ густымъ лѣсомъ. Самая жаркая провинція — генуэзская, тоже рѣдко посѣщается градомъ, потому-то она еще богата лѣсами.

Атмосферическое электричество бываетъ причиною самыхъ разнообразныхъ и многочисленныхъ явленій. Есть тутъ и мѣстныя исключенія, о которыхъ можно только упомянуть.

13-го іюля 1788 года начался поутру градъ въ Южной Франціи, и пройдя въ нѣсколько часовъ все королевство, перешелъ въ Бельгію и Голландію. Всѣ мѣста, побитыя градомъ лежали въ двухъ параллельныхъ линіяхъ: юго-западная и сѣверо-восточная. Одна изъ нихъ была 176 часовъ длины, другая—около 200. Средняя ширина западной линіи обхватывала пространство въ [illegible] часа, а восточной только *два*. Въ промежуткѣ этихъ линій

шелъ только дождь, — и средняя ширина этого промежутка составляла *пять* часовъ. Буря шла съ юга къ сѣверу, со скоростію 8 ми миль въ часъ. 1039 общинъ потерпѣли во Франціи отъ этого града, и убытокъ простирался на 21 милліонъ франковъ. Образованіе града началось съ округовъ Они (Aunis) и Сентонжа. Слѣдственно, тамъ условія электричества для образованія града должны были быть самыя выгодныя, то есть мѣста были безлѣсныя.

При этомъ случаѣ должны мы коснуться и двукратной жестокой ост-индской гостьи, посѣтившей Европу, — именно *холеры*. Въ древности ее не знали. По-крайней мѣрѣ, она могла существовать въ своемъ климатѣ и на отдѣльныхъ лицахъ, подвергающихся быстрымъ переходамъ, безъ малѣйшихъ мѣръ осторожности отъ тропическаго дневнаго жара къ холоду ночей. Но она не обходила земной шаръ, не была эпидемическою. Наука не успѣла еще отъискать причину ея происхожденія и способъ передачи отъ лица къ лицу или отъ одной области другой. Но всего вѣроятнѣе гипотеза многихъ ученыхъ, полагающихъ, что лишеніе атмосферы нѣкотораго количества положительнаго электричества производитъ упадокъ и разслабленіе жизненныхъ силъ, имѣющихъ то бо́льшее, то мѐньшее вліяніе на лица, смотря по организму каждаго. Если это дѣйствительно такъ, то повсемѣстное уничтоженіе лѣсовъ наиболѣе должно способствовать недостатку электричества и распространенію болѣзни. Въ древнія вре́мена она не распространялась, потому-что лѣса, какъ живые громоотводы, удерживали ее, сохраняя въ воздухѣ достаточное электричество. Теперь—всеобщее безлѣсье служитъ наилучшимъ проводникомъ холеры, — а мы все-таки продолжаемъ истреблять лѣса. Замѣчено, что она идетъ по теченію рѣкъ, и это именно оттого, что тутъ то и нѣтъ лѣсовъ. Но возвратимся къ общей метеорологіи.

Во всѣхъ гористыхъ мѣстахъ, вѣтры періодически дуютъ въ долинахъ; отъ мая до сентября эта періодичность самая правильная и сильная. Съ утра 7—8 часовъ дуютъ они до 3—4 пополудни. Тутъ достигаютъ они всей своей силы. До 7-ми же [illegible] дня постепенно слабѣютъ. Они должны имѣть важное вліяніе на климатъ близлежащихъ мѣстъ. Причина этого явленія происходитъ отъ согрѣванія солнечными лучами центральныхъ [illegible]

отъ которыхъ начинаются эти долины, — и оттого — состоятъ ли эти массы изъ голыхъ скалъ, или изъ поросшихъ лѣсомъ.

Хроники древнихъ и среднихъ вѣковъ убѣждаютъ насъ, что климаты многихъ земель измѣнились. Причина измѣненія заключается въ уничтоженіи лѣсовъ и въ осушкѣ болотъ. Въ Германіи, на Рейнѣ, гдѣ теперь растетъ каштанъ и миндаль, во времена Плинія промерзала озимь. Тогда вся Германія была сплошнымъ лѣсомъ. Во всей Европѣ было тоже. Перемѣну климата можно видѣть по измѣненіямъ въ растительномъ царствѣ Греціи. Въ ней теперь вовсе нѣтъ лѣсовъ. Только на горахъ, превышающихъ 3000 футовъ, растутъ тополи и каштановыя деревья. Въ долинахъ же нѣтъ ничего. Теофрастъ пишетъ, что Греція богата всѣми родами деревъ; теперь осталось одно оливковое дерево для выдѣлки масла; прочія удалились на горы, куда человѣческая истребительность еще не проникаетъ. Нѣкогда жаловались на островѣ Кипрѣ на непроходимость лѣсовъ. Страбонъ разсказываетъ, что тамъ раздавали земли во владѣніе тѣмъ лицамъ, которыя ихъ прежде очистятъ отъ лѣса. Теперь, этотъ островъ сдѣлался пустынею, — и вся растительность на немъ состоитъ изъ дикихъ кустарниковъ.

По описаніямъ Геродота берега Евфрата были въ его время самыми плодородными на всемъ земномъ шарѣ; возвышенныя равнины Малой Азіи и даже Персія славились роскошною растительностію. Теперь — все это пустыни, потому-что лѣса здѣсь исчезли, а съ ними и вода.

Въ тропическихъ горныхъ степяхъ Африки недавно нашли доказательства, что въ прежнія времена тамъ шли сильные дожди. Даже въ Египтѣ теперь гораздо жарче, суше и песчанѣе, нежели за 3000 лѣтъ. Сикоморъ и акація, которыя прежде росли по всему верхнему Египту, теперь удалились въ Дельту. Масличное дерево и виноградъ также исчезли. Уже Мехметъ-Али возобновилъ опыты къ насажденію ихъ опять. Даже лотосъ, этотъ египетскій символъ безсмертія, который въ прежнія времена такъ изобильно росъ, что цѣлыя области питались его кореньями (стоитъ вспомнить Лотофаго въ Одиссеѣ), исчезъ совершенно изъ Сиріи, Киликіи и Египта.

Въ нижней Франціи на опытѣ узнали какія печальныя слѣдствія влечетъ за собою уничтоженіе лѣсовъ. Климатъ ея измѣнился самымъ невыгоднымъ образомъ. Вмѣсто прежнихъ дождей,

орошавшихъ поля, теперь облака или мимо пройдутъ, или прольютъ какъ изъ ведра. Теперь рѣки, то высыхаютъ, то выступаютъ изъ береговъ. Все это происходитъ отъ недостатка лѣсовъ, и тамъ теперь стараются разводить ихъ. Въ Провансѣ всѣ холмы одѣваются деревьями, и по-крайней-мѣрѣ будущее поколѣніе воспользуется этими прекрасными мѣрами.

Въ Сѣверной Америкѣ ежегодно исчезаютъ большія пространства лѣсовъ. Вездѣ, куда проникаютъ Европейцы, дѣлается тоже, — и климатъ вездѣ будетъ измѣняться отъ этой непредусмотрительности человѣка. Вездѣ будетъ уменьшаться вода, дожди, усиливаться вѣтры, уничтожаться растительность, — и если человѣкъ не примется за разведеніе повсюду лѣсовъ, то на всемъ земномъ шарѣ климатъ будетъ измѣняться ко вреду растительности и здоровья.

II.

ГЕОГРАФІЯ и АРХЕОЛОГІЯ.

—

ЮКАТАНЪ

и

МЕХИКАНСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Юкатанъ составляетъ восточную часть Мехиканскаго союза. Съ востока онъ омывается Антильскимъ моремъ и граничитъ англійскими Бализскими колоніями; съ сѣвера и запада мехиканскимъ заливомъ, а сверхъ того, съ западною его частію граничатъ Табаско и Чіапасъ; къ югу же Гватемальскою республикою и англійскими владѣніями. Величина Юкатана простирается до 3823 испанскихъ миль; народонаселеніе до 630,000 человѣкъ, (слѣдственно 165 душъ на милю). Названіе Юкатанъ объясняютъ различнымъ образомъ. По инымъ,—когда первые Испанцы спрашивали туземцевъ о названіи ихъ земли, то тѣ отвѣчали: *Юкатанъ?* (Что ты говоришь)? Другіе же производятъ это слово отъ индѣйскаго нарѣчія въ Гаити, составляютъ его изъ *Юка* (маньокъ — растеніе) и *Іоатну* (земля). *Франциско Гернандесъ де Кодова*, первый открылъ эту землю въ 1517 году, переправясь сюда изъ С. Доминго. Первыя колоніи находились на островѣ Козумель, который теперь необитаемъ, и на которомъ еще видны развалины тогдашнихъ зданій. Юкатанъ, соединявшійся, вѣроятно, нѣкогда, въ доисторическія времена, съ островомъ Кубою, который только въ 30 миляхъ отъ него, составляетъ теперь полуостровъ. Подъ 15 градусомъ сѣверной широты переходитъ черезъ него, въ сѣверовосточной ча-

сти полосъ Кордильеровъ, идущій изъ Гватемалы, и понижающій тутъ свои вершины болѣе и болѣе, покуда у мыса Катоша оканчивается обыкновенными лѣсистыми холмами. Общее возвышеніе полуострова надъ моремъ составляетъ сто футовъ. Вдоль сѣверныхъ береговъ его простирается мексиканскій заливъ, имѣющій тутъ сильное теченіе. Морскіе берега около всего полуострова усѣяны песчаными отмелями, и тянутся однообразною линіею, съ весьма немногими бухтами, какъ напримѣръ Кампешевая бухта, которыя составляютъ простые загибы береговъ, а не заливы. Въ иныхъ мѣстахъ берега эти образуютъ возвышенія, какъ-то: мысъ Катошъ, Пунта Эскандида, Гарда и др. На восточномъ берегу находятся значительнѣйшія бухты, именно, Багіа де-лаанунсіонъ и Багіа де-Бакаларъ. Примѣчательнѣйшіе острова суть: на сѣверовосточной сторонѣ Капкунъ, величайшій изъ всѣхъ, — Гольвасъ, Эль-Коптай, Ласъ-Мугересъ; на югѣ островъ Козумель. Озеръ совсѣмъ нѣтъ на полуостровѣ; большихъ рѣкъ тоже. Приморскія рѣки очень незначительны, исключая Ріо-Гранде, которая впадаетъ здѣсь въ Бакаларскую бухту. Юкатанъ вообще бѣденъ водою. Во внутренности—чрезвычайный недостатокъ въ ключахъ, а отъ устья Сан-Франсиско до мыса Катоша нѣтъ по всему берегу прѣсной воды.

Одна изъ рѣдкостей природы состоитъ въ такъ-называемыхъ *Бокасъ де-Конилъ*. Это ключи прѣсной воды, которые, при сѣверныхъ берегахъ, бьютъ посреди моря, на разстояніи отъ берега на 1300 футовъ. Гумбольдтъ объясняетъ это явленіе тѣмъ, что ключевая вода, пробираясь съ окрестныхъ известковыхъ горъ подземными каналами, спускающимися подъ морское дно, вдругъ вырывается оттуда посредствомъ сильнаго гидростатическаго давленія, и бьетъ изъ моря на значительную высоту, не успѣвая смѣшиваться съ солено-горькою морскою водою.

Климатъ Юкатана принадлежитъ къ самымъ жаркимъ—тропическимъ. Съ февраля до октября небо безпрерывно чисто; въ октябрѣ начинаются проливные дожди. Хотя иногда здѣсь и оказывается желтая лихорадка и черная рвота, но климатъ здѣшній вообще здоровъ. Причиною тому сухость почвы, которая сохраняется и въ воздухѣ. Даже тропическіе дожди быстро всасываются этою каменно-песчаною почвою, и сырость скоро уничтожается.

Плодоноснѣйшая, хотя и мало населенная часть полуостро-

находится на равнинахъ, которыя идутъ отъ восточнаго хребта до моря. Европейскій зерновый хлѣбъ тамъ неудается; овощи — тоже. Народонаселеніе питается маньокомъ, маисомъ, діоскореемъ, бананами, бобами, тыквами, пататами и т. п. Тропическіе плоды здѣсь растутъ въ изобиліи. Кромѣ того, воздѣлываютъ табакъ, сахарный тростникъ, хлопчатую бумагу, табасканскій перецъ (myrtus pimento), какао, индиго, енеквы и агавы, которыхъ нити служатъ къ дѣланію канатовъ.

Обширныя лѣса составляютъ настоящее богатство Юкатана. Здѣшнее кампешевое дерево въ большой славѣ. Это дерево, которое, по срубкѣ, должно лежать цѣлый годъ, стоитъ здѣсь по два рубли серебромъ за 100 фунтовъ. Вся область покрыта кампешевыми лѣсами. Красное же дерево (mahagoni) встрѣчается только отдѣльно. Копальное дерево (copaifera officinalis) тоже въ изобиліи; изъ него выработываютъ масло и благовонную смолу, продаваемую за перувіанскій бальзамъ. Много также гвайака, сассафраса, тамариндовыхъ деревьевъ и т. п.

Домашнихъ животныхъ здѣсь мало. По неимѣнію пастбищъ нечѣмъ ихъ кормить. Дикихъ звѣрей много: ягуары, тигровыя кошки, дикобразы, двуутробки, обезьяны, олени, зайцы, кролики, векши, тапиры и аллигаторы. Между птицами: ястребы, соколы, попугаи, перечники, колибри, фазаны, утки, нырки. Изъ числа земноводныхъ огромныя черепахи, исполинскія лягушки, и разнаго рода змѣи. Многочисленные ульи дикихъ пчелъ даютъ много меду и воска. Множество рыбы въ рѣкахъ и морѣ даютъ хорошую и вкусную пищу. Никакихъ рудниковъ здѣсь нѣтъ. Морскія берега даютъ соль и сѣрый янтарь.

Торговля Юкатана вовсе не такъ значительна, какъ бы могла быть по богатству произведеній. Въ Южной Америкѣ все еще не хотятъ иначе богатѣть, какъ посредствомъ золотыхъ рудниковъ. Между-тѣмъ Юкатанъ также плодороденъ, какъ всѣ вестиндскіе острова. Здѣсь нѣтъ кофейныхъ плантацій. Какао, табакъ и сахаръ разводятъ только для собственнаго употребленія. Изъ бумажныхъ товаровъ продается небольшое количество въ Веракрузъ. Иностранная торговля упала противу прежняго, а именно, сношенія съ Гаванною были прежде гораздо дѣятельнѣе. Заморская торговля производится чужими кораблями, которые, привозя свои товары, берутъ отсюда дерево, воскъ и амбру. Собственнаго мореходства нѣтъ у жителей Юкатана.

Образованіе Юкатанцевъ очень запоздалое, помѣщая развѣсти телей Кампеша, въ которомъ много бываетъ иностранцевъ. Зажиточные жители отправляютъ дѣтей своихъ для воспитанія въ Европу.

Современи послѣднихъ политическихъ переворотовъ, Юкатанъ, бывшій прежде Меридскимъ интендантствомъ въ генерал-капитанствѣ Гватемалы, сдѣлался теперь областью Мехиканскаго Союза, и раздѣленъ на 15 округовъ. На югѣ, господство Республики очень слабо, потому что тамъ въ дремучихъ лѣсахъ обитаютъ независимые Индѣйцы. Главный городъ Юкатана — Мерида, резиденція правительства и епископа. Городъ этотъ былъ основанъ въ 1542 году Мондехомъ, а епископство въ 1618. Къ городу принадлежитъ небольшая гавань, защищаемая фортомъ.

Городъ Сан-Франсиско де Кампешъ, основанный въ 1540 году, важенъ по своей гавани. Она лучшая въ Юкатанѣ. Самый городъ въ цвѣтущемъ состояніи, и содержится довольно чисто для Мехиканцевъ. Кромѣ этого, есть еще два города: Валладолидъ и Саламанка.

Въ продолженіе войны, недавно оконченной между Соединенными Штатами и Мехикою, правительство Вашингтона предписало обходиться съ Юкатанамъ, какъ съ нейтральною землею.

Старинныя развалины, найденныя въ Юкатанѣ и Гватемалѣ въ 1787 году, обратили на себя вниманіе всѣхъ ученыхъ. Значительнѣйшія и красивѣйшія развалины находятся близъ Гуегуеллапалана, обыкновенно называемыя Испанцами casas de piedros (каменными домами), — и лежатъ на плоской возвышенности, отдѣляющей Юкатанъ отъ Гватемалы. О нихъ носились прежде только темные слухи, но въ 1787 году, тогдашній намѣстникъ Гватемалы послалъ капитана Антоніо дела Ріо осмотрѣть ихъ и изслѣдовать. Ріо нашелъ ихъ въ густомъ лѣсу, поросшими кустарникомъ и вьющимися растеніями, — и ему надобно было употребить множество Индѣйцевъ, чтобъ проложить себѣ туда дорогу. Ему удалось преодолѣть всѣ препятствія и очистить ворота, окна, двери и даже подземные ходы. Донесеніе его отправлено было въ Мадридъ, но по обычаю Испанцевъ осталось тамъ въ архивахъ, и не прежде 1822 года напечатано. Вотъ сущность донесенія.

Обширность этихъ развалинъ составляетъ отъ 7 до 8 часовъ ходьбы (по 20 на градусъ, слѣдственно болѣе 35 верстъ) въ длину, а въ ширину гораздо уже, такъ что въ иныхъ мѣстахъ не

более двухъ съ половиною верстъ. Большая часть развалинъ находится въ совершенномъ разрушеніи; другія же, особенно главныя зданія, сохранились очень хорошо. Всего замѣчательнѣе правильная четвероугольная площадь, въ 300 аршинъ длиною и 450 шириною, на которой возвышается главное зданіе, окруженное тринадцатью другими, подобными же строеніями. Отъ этой площади идутъ подземные каменные водопроводы къ небольшому озеру. Построеніе всѣхъ зданій обнаруживаетъ большое знаніе въ архитектурѣ, но ни желѣза, ни другихъ металловъ нигдѣ не видно. Главное зданіе стоитъ на фундаментѣ въ 20 аршинъ вышины, — и по массѣ своей должно было быть построено для вѣковой прочности. Входъ находится съ восточной стороны, посредствомъ портика въ 36 аршинъ длины и 3 ширины. Онъ поддерживается плоскими, прямоугольно-высѣченными столбами, безъ пьедестала, но съ архитравами, сдѣланными изъ четвероугольныхъ камней въ 4 фута толщины. Чрезъ эти архитравы ведетъ со столба на столбъ другой рядъ камней, также прямоугольно-высѣченныхъ, въ 5 футовъ длины и 6 ширины. Столбы и комнаты украшены какими-то гипсовыми щитами, на которыхъ есть разныя изображенія. На одномъ видны остатки человѣческихъ череповъ. Между этими щитами продѣланы по всей стѣнѣ впадины, въ видѣ оконъ, то четвероугольныя, то въ формѣ креста. По ту сторону этого портика находится четвероугольной дворъ, на возвышеніи 7 ступеней. Сѣверная сторона разрушилась, но по всему видно, что тутъ былъ такой же портикъ, какъ съ восточной стороны. Нижній фасъ занимаютъ небольшія комнаты, безъ всякихъ украшеній, только съ окнами. Западная сторона устроена точно такъ же какъ восточная, но находящіяся тутъ изображенія грубѣе, хотя и лучше сохранились, и представляютъ странныя человѣческія фигуры съ короною на головѣ и длинною бородою.

Далѣе къ западу находится второй дворъ, который отличается отъ перваго меньшими своими размѣрами и корридоромъ, идущимъ вокругъ. Въ этомъ корридорѣ есть двѣ комнаты и внутренняя галлерея, выходящая на дворъ и на площадь. Другіе изображенія представляютъ повидимому человѣческія жертвоприношенія.

На южной сторонѣ есть башня въ 16 аршинъ высоты, которая заключаетъ въ себѣ много замѣчательнаго. Она состоитъ изъ

4 этажей, которые къ верху становятся все уже, въ видѣ террасъ, и не имѣютъ никакихъ украшеній.

Внутри этой башни устроена вторая, такая же, прямо восходящая, которой окна выходятъ прямо въ отверстія наружной, для доставленія ей свѣта и воздуха.

Позади маленькихъ четырехъ комнатъ коридора, о которыхъ выше упомянуто, находятся еще другія бо́льшаго размѣра, съ грубыми украшеніями, между которыми многія пестрыя, или разрисованныя гипсовыя работы. Онѣ представляютъ священные предметы, которымъ тогда поклонялись, что́ доказывается положеніемъ около стоящихъ статуй. Еще южнѣе есть еще двѣ комнаты, въ которыхъ нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ камня эллиптической формы, выдавшагося изъ стѣны на одинъ аршинъ. Подъ этимъ камнемъ находится другой, гладкій, четвероугольный, въ видѣ стола на четырехъ ножкахъ, съ барельефами, представляющими человѣка въ положеніи посильщика. На бокахъ стола изсѣчены буквы, которыя часто встрѣчаются на всѣхъ прочихъ развалинахъ, и слѣдственно составляютъ родъ іероглифовъ. Въ концѣ комнаты есть отверстіе, ведущее въ подземный ходъ. Туда ведутъ ступени, прерывающіяся площадками, для отдыха.

Два другіе подземные хода устроены такимъ же образомъ, и каждый сообщается нѣсколькими воротами съ отверстіями, ведущими въ подземелья. Отдѣльно отъ этой группы домовъ, возвышается зданіе на холмѣ, въ 40 аршинъ вышины. Оно построено въ видѣ продолговатаго четыреугольника, съ четыреугольными столбами, наружною галереею и большою комнатою въ 10 аршинъ длины и $3^1/_2$ ширины. Передняя часть ея украшена рядомъ барельефовъ изъ гипса, представляющихъ женщинъ съ дѣтьми на рукахъ, въ натуральную величину. Къ сожалѣнію, у всѣхъ этихъ фигуръ отбиты головы. У наружной галлереи и по бокамъ каждой двери, ведущей въ комнаты, находятся по три камня одинаковой величины, покрытыхъ разными письменами. И въ комнатахъ, и въ галлереяхъ — полъ каменный.

Около этихъ зданій лежатъ кучи развалинъ, по которымъ достигаютъ до небольшой долины, за которою начинаются опять строенія. Къ востоку есть группа зданій, въ которыхъ первые посѣтители сдѣлали важныя находки. Эти зданія лежатъ на трехъ холмахъ, составляющихъ треугольникъ. Архитектура ихъ разнит-

ся отъ предыдущихъ тѣмъ, что на нихъ есть маленькія башенки въ 3 аршина вышины, покрытыя гипсовыми фигурами и письменами. Въ одномъ изъ этихъ зданій, разрушенная галлерея ведетъ въ залу, по концамъ которой есть маленькія комнаты. Въ срединѣ залы устроено возвышеніе въ 3 аршина вышины и столько же ширины, которое очень похоже на кафедру. У входа съ обѣихъ сторонъ лежатъ каменья, украшенныя изображеніемъ человѣка. Полъ здѣсь также каменный.

Когда Рio велѣлъ пробить полъ въ срединѣ кафедры, тогда открыты были въ углубленіи полу-аршина два круглые глиняные сосуда, соединенные одинъ съ другимъ посредствомъ смазки. Четверть аршина глубже нашли большой круглый камень, который по снятіи открылъ углубленіе съ лежащимъ въ немъ остреемъ копья изъ кремня, краснымъ шаромъ изъ киновари, двумя маленькими сосудами съ крышами, наполненными камешками, и наконецъ двумя маленькими пирамидами, въ которыхъ вдѣлана сердцеобразная фигура изъ кристальнаго темнаго камня (*лалла*).

Подобныя же углубленія найдены во всѣхъ четырехъ углахъ кафедры. Въ одномъ изъ зданій, лежащихъ къ сѣверу, найдены были острые камни, обдѣланные въ видѣ ножей, и глиняный сосудъ, въ которомъ лежало много костей и зубовъ.

Кромѣ Гуегуелапаллана, есть въ Юкатанѣ и другія развалины зданій большаго размѣра, занимающія пространство нѣсколькихъ часовъ ходьбы и также покрытыя барельефами и іероглифами. Въ непроходимыхъ лѣсахъ, вѣроятно, много еще скрывается подобныхъ развалинъ. Сѣверо-Американскій путешественникъ открылъ тамъ въ 1842 году развалины *большаго города, который былъ одинъ изъ величайшихъ на земномъ шарѣ.*

Эти развалины, названные имъ *Чичень*, находятся на большой долинѣ, на разстояніи около ста миль отъ моря и безъ всякой рѣки въ окрестности. Расположеніе города лишено всякой правильности; нѣтъ даже улицъ; но строеніе зданій доказываетъ, что народъ, обитавшій здѣсь, имѣлъ много опытности въ механическихъ искуствахъ. Лучше всего сохранились главныя зданія, храмы, крѣпость, пирамиды и другія строенія. Домы образуютъ рядъ террассъ изъ камня, соединеннаго цементомъ, — и имѣютъ общую связь одинъ съ другими, посредствомъ стѣнъ изъ известняка. Фасы всѣхъ зданій соотвѣтствуютъ всегда четыремъ главнымъ странамъ свѣта; передній же фасъ обращенъ

всегда на востокъ. Сперва стѣны строенія идутъ вверхъ перпендикулярно, до половины зданія, потомъ начинаются балки, — и отъ нихъ до самаго карниза, фасадъ раздѣленъ на квадраты, какъ шашечница, на которыхъ придѣланы каменныя украшенія, фигуры ваятельнаго искуства и различные іероглифы.

Камни построекъ составляютъ кубы въ 12 дюймовъ длины и 6 ширины. Они соединены тѣмъ же цементомъ, какой употребленъ на террасѣ; высота всѣхъ зданій не свыше 20—25 футовъ. Онѣ состоятъ изъ одного длиннаго этажа, безъ оконъ; комнаты расположены въ два ряда; свѣтъ получается только въ двери. Крыши образуютъ дугу, которой вершина сходится углами. Они построены изъ плоскихъ камней, которые выдаются за стѣну зданія.

Внутренность всѣхъ комнатъ покрыта прекрасною бѣлою краскою, которой составъ неизвѣстенъ. Есть и живопись al fresco, которой краски хорошо сохранились, особенно лазурно-голубая и свѣтлозеленая. Можно различить изображенія людей и другія фигуры, но недовольно явственно, чтобы судить о художественномъ исполненіи. Полъ покрытъ какою-то твердою массою. Надъ дверями вырѣзаны іероглифы и какія-то линіи. О существованіи же самыхъ дверей можно видѣть по петлямъ, кольцамъ и отверстіямъ.

Вообще во всей Мехикѣ есть везде болѣе или менѣе этихъ развалинъ, въ особенности близъ столицы. Дворцы, храмы, домы, мосты, водопроводы, крѣпости и пирамиды очень хорошо сохранились. Къ замѣчательнымъ остаткамъ пирамидъ принадлежитъ жертвенная пирамида изъ огромныхъ кусковъ порфира, найденная лѣтъ семдесятъ тому назадъ партіею охотниковъ въ густомъ лѣсу у Веракруза. Эти пирамиды большею частію состоятъ изъ трехъ или четырехъ террассъ. Исключеніемъ изъ этого правила служитъ пирамида *Черро де Монтезума*, близъ Ремедіоса, которая, простираясь въ высоту на 240—300 футовъ, состоитъ всѣ изъ ступеней отъ низу до верху. Всѣ эти пирамиды имѣютъ вверху площадки, — и у большей части найдены подземные ходы и галлереи.

Всѣ мехиканскія древности можно раздѣлить на три класса: 1-е, самыя грубыя, изъ песчаника и известняка; 2-е, средней образованности, построенныя изъ кирпича, высушеннаго на солнцѣ, — и 3-е, настоящія архитектурныя зданія. Переходными

періодомъ къ послѣднимъ служатъ строенія, подражающія естественнымъ холмамъ съ приплюснутою вершиною и обложенныя камнемъ. Не многія изъ этихъ зданій описаны, а большая часть, вѣроятно, еще и не открыта. По совершенному равнодушію креоловъ къ древностямъ и по всегдашнему старанію Индѣйцевъ, затруднять для Европейцевъ изслѣдованія о первобытной ихъ исторіи, — всѣ свѣдѣнія объ этомъ предметѣ еще очень не достаточны. Уже неоднократно спрашивали въ ученомъ мірѣ: кому принадлежатъ эти памятники? Когда впервые открыли развалины Гуегуелапаллана, тогда общее мнѣніе возвѣстило, что найденъ городъ египетской или финикійской колоніи. Мнѣніе это подробно изложено въ сочиненіи: *Гуегуелапалланъ, древній большой городъ Америки въ королевствѣ Гватемалы, вновь открытый капитаномъ Дель-Ріо и разсматриваемый какъ городъ Финикійско-Хананейской, и Карѳагенской, колоніи, — соч. Павла Феликса Кабреры.*

Чтобъ убѣдить въ этомъ мнѣніи, представлено было всевозможное: высокая образованность древнихъ обитателей Америки, которые непремѣнно составляютъ колонію древняго міра; сходство строеній съ египетскими; древнее повѣрье о существованіи Атлантиды; вѣроятное соединеніе Африки съ Америкою въ доисторическія времена, чему служитъ доказательствомъ одинаковая форма береговъ, и т. п. Но дальнѣйшее изслѣдованіе доказало, что главный доводъ, выставляемый въ сходствѣ построенія съ Египтянами, вовсе неоснователенъ. Пирамидальная форма самая естественная для всѣхъ первобытныхъ народовъ, и существовала вездѣ. Если бы поэтому заключить, что одинъ народъ перенималъ у другаго, то надобны бы были и другіе признаки, кромѣ общей формы. Но этихъ признаковъ тутъ нѣтъ, — и даже въ общихъ очеркахъ есть значительныя измѣненія: изъ всѣхъ мехиканскихъ пирамидъ ни одна не кончается вверху остреемъ какъ египетскія; всѣ онѣ приплюснуты, — такъ что на верхней площадкѣ можетъ стоять храмъ, или изображеніе божества. Только одна Тепаплитанская пирамида служитъ исключеніемъ, — и вершина ея въ видѣ купола; но и онъ сдѣланъ такимъ образомъ, чтобы тамъ могъ стоять храмъ. Свидѣтельство Испанцевъ убѣждаетъ, что эти храмы и кумиры существовали, потому что въ числѣ подвиговъ конквистадоровъ было и то, что они всѣ эти кумиры стаскивали и разрушали. Изъ этого уже видно,

какую различную цѣль имѣло построеніе тѣхъ и другихъ пирамидъ. Египетскія — не что иное, какъ огромныя гробницы царей, памятники могущества жрецовъ, защита Египта отъ песковъ пустыни и т. п. У Мехиканцевъ имѣли они вовсе другое назначеніе.

Другое важное измѣненіе состоитъ въ формѣ террассъ американскихъ построеній. Они или состоятъ изъ трехъ-четырехъ перпендикулярныхъ уступовъ, — или, какъ пирамида у Хочикалко, идутъ въ косвенномъ направленіи, — и этихъ послѣднихъ гораздо больше. Изображенія фигуръ ничего не доказываютъ. Всякій народъ хочетъ выразить свои мысли посредствомъ фигуръ, но, чтобъ доказать родство народовъ, надобно и тутъ ближайшее сходство, какъ то въ одинаковыхъ эмблемахъ понятливости и въ доказательствахъ равной степени образованности. Гдѣ наконецъ въ Юкатанѣ муміи людей и звѣрей, которыя непремѣнно были бы, если бъ здѣсь все перенесено было изъ Египта, и Америка была египетскою колоніею? Народъ, построившій эти зданія, конечно, находился на значительной степени образованности, — и завоеватели подтверждаютъ это состояніе Мехиканцевъ. У нихъ были вѣрныя свѣдѣнія объ астрономическомъ годѣ, то есть такія, какія имѣли Римляне во время пунической войны. Они имѣли математическія познанія, какія нужны для составленія картъ и плановъ. У нихъ были художества разныхъ родовъ, — какъ-то: обработка металловъ, полировка и граненіе драгоцѣнныхъ камней, фабрикація нарядовъ, оружій и издѣлій изъ разноцвѣтныхъ перьевъ; познанія къ построенію большихъ зданій. У нихъ былъ хорошій цементъ, обширныя каменоломни; они умѣли очень хорошо доставлять строительные матеріялы изъ отдаленныхъ мѣстъ; дороги ихъ были хорошо содержимы, и плотины прочно устроены. Общественныя отношенія народа, духовенства и дворянства были хорошо узаконены — и образъ правительства учрежденъ правильно. Хранителями всеобщей образованности были жрецы. Они составляли государственныя хроники, описывали важнѣйшія народныя событія, назначеніе [illegible] ницъ, судебные приговоры и т. п. Со времени завоеванія Америки Испанцами — все исчезло. Преслѣдованія ихъ наиболѣе простирались на знатный классъ и на жрецовъ, — и съ истребленіемъ образованнаго сословія исчезло всякое просвѣщеніе. Съ жрецами погибла и тайна ихъ письменъ. Первый епископъ Мехики

францискаискій монахъ Фра-Хуанъ де-Зумаррага, болѣе всего старался о уничтоженіи всѣхъ американскихъ документовъ. Какъ произведенія нечистаго духа, свозили ихъ возами и бросали въ пылающіе костры. Совершенное невѣжество, въ которое ввергнуты Американцы истребленіемъ ихъ наставниковъ и искорененіемъ ихъ прежней вѣры, не позволяетъ теперь добиться до какихъ-нибудь свѣдѣній о первобытныхъ временахъ этихъ народовъ. При видѣ важныхъ памятниковъ своей исторіи, ни одинъ Индѣецъ не въ состояніи сказать, кто и когда ихъ построилъ и для какой цѣли они служатъ. Ученыя изслѣдованія начинаютъ мало-по-малу озарять этотъ мракъ. Теперь же извѣстно о большомъ переселеніи народовъ Америки, отъ VII-го до XII-го вѣка нашей эры, происходившемъ съ сѣвера на югъ. Съ тѣхъ поръ, какъ открыли этотъ историческій фактъ, утвердилось мнѣніе, что Америка заселена выходцами изъ сѣверной Азіи. Сходство лицъ и череповъ Индѣйцевъ и Монголовъ подтверждаетъ эту гипотезу, но не объясняетъ образованности древней Америки. Отъ дикихъ, скитающихся племенъ сѣверной Азіи, Индѣйцы не могли ее получить. Конечно, Китайцы тоже давно знали Мехику, и могли быть ея просвѣтителями, но на это надобно еще гораздо больше ученыхъ изслѣдованій, нежели мы до-сихъ-поръ сдѣлали. Извѣстно только, что два народа, Тольтеки и Ацтеки, вторглись какъ завоеватели въ Мехику, около 648 года нашей эры.

Народоселеніе Юкатана, кажется, совершенно отлично отъ мехиканскаго и не находилось никогда подъ владычествомъ Ацтековъ. Испанцы уже нашли, что этотъ полуостровъ раздѣленъ былъ на многія мелкія владѣнія. Индѣйцы разсказываютъ однако же, что до этого было у нихъ одно большое государство, котораго вассалы сдѣлались независимыми. Въ сраженіяхъ, бывшихъ по этому случаю, разрушенъ былъ главный городъ Майапанъ, за 70 лѣтъ до прибытія Испанцевъ. Но гдѣ былъ этотъ городъ,— они не знаютъ. Да и могли ли вырости дремучіе лѣса на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были такіе обширные города, въ теченіе трехъ вѣковъ? Не случилось ли, можетъ-быть въ Америкѣ тоже самое, что было въ Европѣ при разрушеніи Римской Имперіи? Сѣверные и восточные варвары не разрушили ли и здѣсь все просвѣщеніе древней Греціи и Рима, — такъ что цѣлыя пять сотъ лѣтъ не знали почти ничего о прежнемъ просвѣщенномъ состояніи

человѣчества. Но въ Европѣ христіанская религія спасла многія отрасли познаній, — а въ Америкѣ, если существовали просвѣщенные народы и погибли при нашествіи варваровъ, то никакихъ историческихъ воспоминаній не могло быть спасено. А если сверхъ того, вскорѣ потомъ явились и Испанцы, которые уничтожили и новыхъ покорителей и старыя преданія, то теперь, разумѣется, мы никогда ничего не объяснимъ. Надобно будетъ добираться по сходству древнихъ и новѣйшихъ языковъ до происхожденія этихъ народовъ. На это надобно много трудовъ и времени, — а индѣйскія племена день ото дня исчезаютъ съ лица земли, — и скоро *краснокожіе* останутся только въ романахъ. Подарокъ европейской образованности — *водка* вскорѣ уничтожитъ ихъ всѣхъ.

=

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

«Добро есть, братіе, почитанье книжное».
Изъ древнѣйшей славянской рукописи: Сборника 1076 года.

65 *Письма Царевича Алексѣя Петровича къ его родителю Петру Великому.* Одесса. Въ городской типографіи. 1850. Стр. VIII, 90 in 4°.

Въ письмѣ выражаются мысль, душа пишущаго, выказываются нерѣдко самыя глубокія, затаенныя чувства, особенно если письма эти пишутся къ лицамъ близкимъ, и если они не оффиціальныя, по обязанностямъ службы и различнымъ гражданскимъ отношеніямъ. Тутъ иногда совсѣмъ неожиданно попадается слово, которое, или само по себѣ, или по тѣмъ мыслямъ, на которыя оно наводитъ, объясняетъ многое, и дѣло изслѣдователя въ этомъ случаѣ добраться до истиннаго смысла выраженія, до источника мысли.—Въ письмахъ оффиціальныхъ ясность есть обыкновенно элементъ преобладающій. Но вообще трудно опредѣлить, какой видъ этихъ писемъ заслуживаетъ предпочтеніе въ глазахъ историка: въ каждомъ частномъ случаѣ вопросъ этотъ разрѣшается различно, и исторія признаетъ письма людей государственныхъ, на какомъ бы то ни было поприщѣ дѣйствовавшихъ, преимущественно же людей, стоявшихъ во главѣ управленія, за источникъ познанія быта го-

сударства и жизни, какъ этихъ дѣятелей, такъ и самого народа. Тѣмъ бо́льшаго заслуживаютъ вниманія письма царственныхъ особъ, для правильнаго уразумѣнія характера и дѣятельности этихъ лицъ. При недостаткѣ иныхъ свѣдѣній, письмо есть настоящій кладъ, который, будучи открытъ, самъ наводитъ на очень многое, и богато вознаграждаетъ за трудъ, употребленный для отысканія его.

Съ этой точки зрѣнія кажутся намъ изданныя нынѣ г. *Мурзакевичемъ*, по подлинникамъ, хранящимся въ библіотекѣ Его Сіятельства Князя М. С. Воронцова, письма Царевича Алексѣя Петровича, чрезвычайно важными и заслуживающими особеннаго вниманія, какъ ученаго изслѣдователя, такъ и каждаго просвѣщеннаго Рускаго, любящаго свою отчизну и благоговѣющаго предъ протекшими надъ нею вѣками. И дѣйствительно жизнь Великаго Петра такъ славна, дѣянія его такъ громки, что едвали какое-нибудь изъ нихъ укрылось отъ вниманія современниковъ и отъ свѣдѣнія потомства; но жизнь первороднаго сына его, наслѣдника престола, Царевича Алексѣя Петровича, осталась мало извѣстною; всѣ свѣдѣнія историческія и документальныя о немъ заключались до-сихъ-поръ въ одномъ только процессѣ суда, который былъ совершенъ надъ нимъ. Событіе это весьма важно въ жизни Петра I-го, и велика жертва, принесенная отцемъ и государемъ благу государства; поэтому не можетъ не быть любопытно узнать жизнь Царевича до этой эпохи, и попытаться, на-основаніи данныхъ, сохранившихся въ его письмахъ, объяснить причины, по которымъ онъ во многихъ отношеніяхъ не раздѣлялъ мыслей своего Великаго Родителя.

Мы начнемъ съ внѣшней формы изданныхъ нынѣ писемъ, и за тѣмъ перейдемъ къ ихъ содержанію и къ положеніямъ, которыя изъ него вытекаютъ.

По древнему русскому обычаю, Царевичъ начинаетъ свои письма «благословясь», т. е. ознаменовавъ крестомъ не только себя, но и начинаемое дѣло. Это обыкновеніе онъ продолжалъ до 1710 года.—Въ началѣ письма Царевичъ желаетъ «Милостивому Государю Батюшкѣ», чтобы «здравіе его было храними Божіею десницею», и послѣ краткаго обыкновеннаго содержанія подписывался отъ 1703 по 1705 годъ: «сынишко твой Алексѣй», а впослѣдствіи: «сынъ твой Алексѣй», къ чему прибавлялось: «благословенія твоего прошу и поклоненіе приношу», или «челомъ бью, всепокорно, усердно кланяюся» и т. п. Начиная же съ 1707 года подпись сократилась въ: «сынъ твой Алексѣй»; а съ 1712 года Царевичъ подписывался такъ: «всепокорнѣйшій

сынъ твой и рабъ». Эти видоизмѣненія важны въ томъ отношеніи, что какъ первыя формы подписи близки къ древнему стилю, такъ послѣднія, обязанныя своимъ происхожденіемъ Петру Великому, показываютъ переходъ къ новому слогу; прибавленіе же въ подписи слова—*рабъ* легко объясняется употреблявшимся въ то время на западѣ и существующимъ у насъ досихъ-поръ обыкновеніемъ писаться *слугою*, вслѣдствіе чего въ писанномъ изъ Кракова, въ 1709 году, нѣмецкомъ письмѣ Царевичъ подписался: «meines gnädigsten Papas gehorsamster Diener und Sohn Alexius».

Относительно содержанія писемъ мы сдѣлаемъ предварительно одно замѣчаніе: письма эти начинаются съ 1703, тогда слѣдовательно когда Царевичу, родившемуся въ 1690 году, было 13 лѣтъ, и продолжаются до 1716 года. По этому первыя письма суть неболѣе, какъ дѣтскія посланія сына къ отцу, которыя заключаются почти всегда въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «прошу у Государя милости, прикажи о своемъ здравіи писаніемъ посѣтить мнѣ во обрадованіе», и т. п., или содержатъ въ себѣ краткое извѣщеніе о какихъ-нибудь домашнихъ дѣлахъ, или о здоровьи самаго Царевича. Съ 1707 года только дѣятельность Царевича стала разнообразнѣе, и письма его получаютъ характеръ болѣе оффиціальный. Во-время отсутствія Государя за границу и во-время войны съ Шведами, въ 1709, году Царевичу была поручена важная отрасль управленія, а именно военное дѣло, и такъ какъ въ это время только начинали приходить, такъ-сказать, въ силу преобразованія Государя по устройству новаго войска и новой администраціи, то извѣстія, Царевичемъ сообщаемыя, любопытны потому преимущественно, что показываютъ, какъ опыты эти осуществлялись трудно и какъ Великій Государь требовалъ точнаго выполненія своихъ предначертаній. На нападающіеся иногда упреки отца, что Царевичъ «не съ прилежаніемъ врученныя ему дѣла дѣлаетъ», онъ отвѣчалъ, что исполняетъ порученія «сколько силы есть и ума», и иногда прибавлялъ, «нѣкто тебѣ Государю на меня солгалъ, въ чемъ я имѣю великую печаль», и въ оправданіе неполнаго успѣха приводилъ обыкновенно, что его приказанія не точно исполняются лицами, къ тому обязанными. Вообще же Царевичъ въ письмахъ своихъ доноситъ Государю, въ какой мѣрѣ и какимъ образомъ осуществлены предписанія Монарха,—и потому здѣсь встрѣчаются любопытныя свѣдѣнія, кромѣ дѣлъ домашнихъ, о предметахъ государственнаго управленія и хозяйства, какъ то: о заготовленіи фуража и провіанта, наборѣ офицеровъ,

солдатъ и рекрутъ, ихъ обмундированіи и вооруженіи, смотрѣ и пріученіи къ службѣ, заготовленіи артиллеріи и ея припасовъ, наблюденіи за крѣпостными работами въ Москвѣ, о сношеніяхъ съ шведскими плѣнными, пересылкѣ разныхъ лицъ, передачѣ полученныхъ извѣстій, опредѣленіи и смѣнѣ должностныхъ лицъ, наблюденіи за теченіемъ дѣлъ, повѣркѣ счетовъ, устройствѣ почтъ и поставкѣ подводъ, заготовленіи корабельныхъ лѣсовъ, и т. п.

Политическихъ собственно вопросовъ относительно ведеными въ то время Петромъ Великимъ войнъ, и вообще современной Европы, Царевичъ въ письмахъ своихъ вовсе не касается, и только изрѣдка поздравлялъ Государя съ одержанными надъ Шведами побѣдами, и желалъ, чтобы «всегда отъ нашихъ войскъ непріятелю такой трактаментъ былъ».

Въ прибавленіе къ письмамъ Царевича Алексѣя Петровича къ Государю Петру Великому помѣщены письма его же: 1) къ Государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, одно изъ Карлсбада, а другое изъ Екатериндорфа, оба 1714 года; 2) далѣе 9 писемъ къ Алексѣю Васильевичу Макарову, состоявшему при Петрѣ Великомъ Кабинетъ-Секретаремъ; 3) письма къ Царевичу Алексѣю Петровичу отъ дѣтей Его Высочества сына Петра и дочери Наталіи, и 4) посланія къ Великому Князю отъ разныхъ лицъ, какъ то отъ Министра-Резидента князя Долгорукова о собраніи провіанта въ познанскій магазинъ, отъ капитана Петрова-Соловаго о томъ же, отъ князя Никифора Вяземскаго донесеніе о разныхъ домашнихъ дѣлахъ и о состояніи здоровья дѣтей Царевича.

Изданіе писемъ Царевича г. Мурзакевичъ обогатилъ примѣчаніями, которыя, если не всегда отличаются новостью сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ «Дѣяній Петра Великаго» соч. Голикова, или изъ журнала этого Государя, во многихъ отношеніяхъ однако объясняютъ содержаніе писемъ Царевича и встрѣчающіеся въ нихъ намеки на лица и событія.

Въ внѣшнемъ типографскомъ отношеніи изданіе *Писемъ* Царевича Алексѣя Петровича, превосходно, и вообще остается только желать, чтобы г. Мурзакевичъ, подарившій уже отечественную литературу Псковскою Судною Грамотою, которая по историческому достоинству, какъ справедливо отозвалась о ней Археографическая Коммиссія, равняется Русской Правдѣ и судебникамъ Іоанна III и IV-го, и впредь не оставлялъ своихъ полезныхъ розысканій и открытій въ библіотекѣ просвѣщенна-

го любителя наукъ и покровителя художествъ Князя М. С. Воронцова.

Дворцовые Разряды, по Высочайшему повелѣнію изданные II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Томъ первый. 1612 — 1628. Спб. 1850. Стран. XXXVI. 1223 in 8°.

Давно уже историческая и юридическая литература наша не обогащалась такимъ важнымъ и многознаменательнымъ изданіемъ, какъ то, котораго заглавіе мы выписали, и этимъ наука обязана Великому своему Вѣнценосному Покровителю. Только подъ руководствомъ Его мощной воли могли быть обнародованы въ два десятилѣтія сотни тысячъ памятниковъ нашей старины, памятниковъ, раскрывшихъ въ полной и живой картинѣ обычаи нашихъ предковъ, ихъ образъ жизни, ихъ вѣрованія, показавшихъ вообще быть древней Руси. Правда, это все еще матеріалы, изъ которыхъ должно когда-нибудь создаться что-нибудь цѣлое, что-нибудь прекрасное, великое; и нельзя не позавидовать тому счастливому зодчему, которому суждено дать смыслъ и значеніе этимъ отдѣльнымъ составнымъ частямъ зданія, которое безъ такой подготовки было бы невозможно. Съ этой точки зрѣнія становится важнымъ и призваніе нашихъ дѣятелей—собирать и обнародывать матеріалы для исторіи нашего отечества: сознаніе пользы, такого труда—велико, если и не для настоящаго мгновенія то, по-крайней-мѣрѣ, въ будущемъ.

Во-время послѣдняго пребыванія Государя Императора въ Москвѣ, Его Величеству благоугодно было повелѣть всѣ дошедшія до насъ, какъ оффиціальныя, такъ и принадлежавшія частнымъ лицамъ, но впослѣдствіи дошедшія до Правительства рукописи Разрядовъ, привести въ точную извѣстность, сличить ихъ, повѣрить однѣ другими и издать. Для этой цѣли была составлена въ Москвѣ особая комиссія изъ лицъ, которыхъ свѣдѣнія по этой части извѣстны, и плодъ трудовъ ихъ передъ нами.

Прежде всего мы должны сказать нѣсколько словъ о значеніи и важности *Разрядовъ* вообще, потомъ перейти къ *Разрядамъ Дворцовымъ*, къ различнымъ ихъ редакціямъ, къ плану изданія, и наконецъ оцѣнить содержаніе изданнаго нынѣ перваго тома этихъ Разрядовъ.

Въ древней Руси по своему матеріальному богатству и по политическому значенію выше другихъ стоялъ Московскій Великій Князь; но и онъ первоначально былъ не болѣе, какъ богатый

Удѣльный Князь, блестящій дворомъ и войскомъ. И тутъ какъ и въ удѣльныхъ княжествахъ вообще, отношенія служилыхъ людей были ясны: звалъ Великій Князь на службу, предстояла опасность—служилые люди являлись и становились подъ знаки избраннаго Государемъ лица.

Гораздо сложнѣе стали отношенія между самими служилыми людьми съ одной стороны, и между ними и Государствомъ съ другой, когда Москва расширилась въ Московское Государство и когда прежнія Удѣльныя Княжества, утративъ свою самостоятельность, примкнули къ ней въ видѣ нераздѣльныхъ частей одного цѣлаго. Не говоря уже о томъ, что на Москвѣ и на Московскомъ Государѣ и обладателѣ всея Россіи лежала трудная обязанность заботиться, чтобы всѣ части Россіи были надлежащимъ образомъ охранены отъ нападеній непріятелей, чтобы внутреннее управленіе было надежно, чтобы при пріемѣ пословъ другихъ державъ, при царскихъ торжествахъ, обѣдахъ, выходахъ были поддержаны блескъ двора и достоинство Государя, не говоря обо всемъ этомъ, необходимо было подумать объ уясненіи служебныхъ отношеній лицъ, посвятившихъ свою дѣятельность пользѣ Московскаго Государства. Сколько тутъ было разнародныхъ элементовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свое стремленіе, свои виды, и которые необходимо было примирить, чтобы направить къ одной цѣли! Къ московской основной дружинѣ, окружавшей постоянно и прежде Московскаго Государя, составлявшей его войско и совѣтъ, присоединились: 1) Удѣльные Князья, которые, ставъ *Князьями служилыми* и подданными Московскаго Государя, тѣмъ не менѣе слишкомъ живо помнили свою прежнюю независимость, и недружелюбно смотрѣли на московскую дружину, на сторонѣ которой была долговременная служба, заслуга и довѣренность Государя, и 2) У каждаго Князя, какъ мы сказали, была своя дружина, и она вмѣстѣ съ Удѣльными Князьями подчинилась волѣ московскаго Государя. Какая ожидала ее участь? Чего ждать ей отъ великокняжеской дружины? Это были вопросы жизненные, разрѣшеніе которыхъ нельзя было предоставить ни обычаю, потому что отношенія эти были слишкомъ еще новы и неопредѣленны, ни самимъ служилымъ людямъ, которые стали бы судьями въ своемъ собственномъ дѣлѣ, и конечно не съумѣли бы кончить дѣло ко благу общему. Это выполнилъ тотъ именно Московскій Великій Князь и обладатель всея Россіи, которому принадлежитъ заслуга, что онъ сплотилъ самыя разнородныя части Россіи въ одно цѣлое, въ одно Государство.—По этому, начиная съ В. Кн.

Іоанна III, *разрядныя* книги продолжаются почти безпрерывно до новыхъ установленій Петра Великаго, и такъ какъ *Разряды* были первоначально назначены для того только, чтобы опредѣлять служебныя отношенія и распорядокъ лицъ, посвятившихъ себя службѣ, то они составляютъ полную лѣтопись правительственной и служебной дѣятельности въ Россіи во все продолженіе московскаго періода нашей исторіи.

Это Разряды чисто государственные, т. е. росписи на службу по различнымъ вѣдомствамъ, гражданскому и военному, и изрѣдка по службѣ придворной. По этому они велись и хранились въ Разрядномъ Приказѣ.

Въ отличіе отъ этихъ Разрядовъ, такъ-сказать, общихъ, были еще особенныя записныя книги по вѣдомству придворному: это и были *Разряды Дворцовые*. Они велись Приказомъ Большаго Дворца, и заключали въ себѣ извѣстіе обо всемъ, происходившемъ при Дворѣ Царскомъ. Пріемы пословъ, бракосочетанія, обѣды и выходы царей по разнымъ торжественнымъ случаямъ составляютъ главное и существенное содержаніе этихъ Дворцовыхъ Разрядовъ. Кромѣ-того мы находимъ въ нихъ чрезвычайно любопытныя указанія на существовавшее у Государей нашихъ хозяйство и на управленіе ихъ Дворомъ. — Такъ какъ Приказу Большаго Дворца были подчинены: 1) *Сытенный дворъ*, завѣдывавшій всѣми питьми, употреблявшимися при царскомъ столѣ и въ раздачу по назначенію Царя, 2) *Кормовой дворъ*, въ распоряженіи котораго находилось приготовленіе кушанья, какъ для царскаго стола, такъ и въ раздачу боярамъ, ближнимъ людямъ, посламъ иностранныхъ державъ и другимъ лицамъ по назначенію Государя, и 3) *Хлѣбный и житенный дворы*, принимавшіе зерновой, хлѣбъ и завѣдывавшіе приготовленіемъ хлѣбовъ разнаго рода для царскаго обихода и Двора; такъ какъ всѣ эти дворы находились въ зависимости отъ Приказа Большаго Дворца, то въ Дворцовыхъ Разрядахъ заключаются подробныя, между прочимъ, свѣдѣнія о пріемѣ съѣстныхъ припасовъ и пересылкѣ ихъ изъ одного дворца къ другой, объ отпускѣ блюдъ къ царскому столу, о раздачѣ ихъ боярамъ и другимъ лицамъ, и вообще о дворцовой администраціи. Они проливаютъ совершенно новый свѣтъ на многія стороны жизни нашихъ Государей, и потому мы возвратимся еще разъ къ ихъ содержанію, а теперь позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о мѣстничествѣ, такъ какъ споры *о мѣстѣ* составляли главное

содержаніе Разрядовъ: они возникали при каждомъ почти назначеніи на службу нѣсколькихъ лицъ въ извѣстномъ между ними соотношеніи, при каждомъ нарядѣ быть при государевомъ столѣ, при пріемѣ пословъ, при какомъ бы то ни было торжествѣ. Прежде всего возникалъ вопросъ не о томъ, можетъ ли назначенное на извѣстное мѣсто лицо исполнить возложенную на него обязанность, или какъ выполнить порученіе, но о томъ, *въ версту-ли, глазъ ли въ глазъ* люди, которымъ повелѣно было состоять на службѣ вмѣстѣ, въ товарищахъ, а тѣмъ болѣе подъ начальствомъ другаго? Боязнь *потерки*, *поруки* и вслѣдствіе того *безчестья* всему роду, къ которому принадлежалъ обойденный и чрезъ то обиженный, доходила до странности. Служилый человѣкъ, разумѣется *родословный*, (потому-что *неродословные*, какъ мы это еще увидимъ, не имѣли права мѣстничаться), повидимому, и самъ не всегда былъ убѣжденъ въ правости своего иска, а искалъ безчестья съ соперника, тѣмъ вооружалъ его противъ себя, возбуждалъ безконечный споръ изъ того только, чтобы не заслужить упрека потомства, что онъ пренебрегъ честью рода и не защитилъ его отъ нареканій. Общимъ правиломъ было — *въ жизни и службѣ Государь воленъ*, и потому служилый человѣкъ, поспоривъ, что ему съ тѣмъ или другимъ лицамъ *быти невмѣстно*, исполнялъ волю Государя и шелъ на службу, но молилъ, чтобы протестъ его записали на память будущимъ поколѣніямъ въ Разряды. А какъ велика была иногда энергія, съ которою лицо оспаривало правильность назначенія его на то или другое мѣсто! *Самъ не пойду*, говорилъ иной, *за столъ Государевъ*, не могу сидѣть съ тѣмъ-то или ниже его, а *поведутъ*, такъ на то воля Государя. Къ какимъ уловкамъ не прибѣгалъ иной, чтобы только избавиться отъ такого безчестья: извинялся болѣзнью, увѣчьемъ, недосугомъ, и когда его уличали въ несправедливости показанія, онъ билъ челомъ, чтобы Государь велѣлъ *дать счета*, и отъ воли Царя зависѣло, или передать дѣло законному судебному разсмотрѣнію бояръ и думныхъ дьяковъ, или, если случай былъ ясенъ самъ по себѣ, разрѣшить его тотчасъ же въ пользу того или другаго, виновнаго и непокорнаго подвергнуть опалѣ, тюремному заключенію и т. п., или наконецъ отложить рѣшеніе дѣла до окончанія службы, чтобы счетами о мѣстахъ не прерывать правильнаго исполненія служебныхъ обязанностей. Рѣдкій Разрядъ, по какой бы то ни было службѣ, не сопровождался челобитьемъ о *невмѣстности* назначенія и просьбою *развести*. Самое производство по этому предмету

дѣла излагалось въ Разрядѣ же, и потому для исторіи Разрядовъ всѣхъ видовъ очень важно подробное знаніе правилъ мѣстничества, и основаній на которыхъ оно опиралось.

Если, какъ мы видѣли, мѣстничество такъ глубоко проникло въ жизнь служилаго человѣка, если при томъ такое явленіе было не мѣстное, которое бы могло объясниться образомъ воззрѣнія того или другаго лица на службу и на отношенія, изъ нея вытекающія, но явленіе общее, то можно заключить, что была какая-нибудь, историческими причинами условливаемая для него основа въ жизни народа.

По нашему мнѣнію, главное, на что при разрѣшеніи этого вопроса должно обратить вниманіе, есть та смѣсь различныхъ дружинъ—княжескихъ и великокняжеской московской, та неопредѣленность отношеній между боярами Удѣльныхъ Князей и Московскаго Государя, и наконецъ между самими Князьями, которая была порождена, совершенно естественно, преобладаніемъ и господствомъ Москвы. При этомъ враждебно встрѣтились два основанія, по которымъ давалось служилымъ людямъ преимущество: старшинство по происхожденію, *по родословцу*, съ одной стороны, и старшинство по службѣ, *по лѣствицѣ*, по служебной іерархіи, съ другой. Первое основаніе чисто кровное, и такъ какъ родовыя отношенія были въ большомъ вообще почетѣ, то старшинство родовое всегда уважалось, и потому человѣкъ *старый*, т. е. *родословный*, сперва по обычаю, а потомъ даже и по положительному правилу, которое неразъ повторялась въ Разрядахъ, не могъ считаться мѣстами съ человѣкомъ *молодымъ*, *неродословнымъ*. Въ случаѣ столкновенія такихъ лицъ по службѣ, судъ былъ коротокъ: родословный одерживалъ верхъ.

Иногда же вступали въ борьбу старшинство по происхожденію и старшинство служебное: въ этомъ случаѣ разборъ дѣла былъ труднѣе, потому-что различныя основанія, на которыя опиралась каждая сторона, и доказательства справедливости притязаній каждой изъ нихъ были сложнѣе и запутаннѣе. Прибѣгали *къ случаямъ* и къ *лѣствицѣ*, т. е. къ прошедшей службѣ споривших, и смотрѣли по Разрядамъ, въ какихъ службахъ употреблялись и какія мѣста занимали они прежде, такъ, что нерѣдко лицо, старшее по роду, долженствующее особенно имѣть преимущество по происхожденію, но *захудавшее* или *затерщееся*

по службѣ, теряло старшинство свое, уступало его *людямъ* младшимъ, опередившимъ по службѣ. По общему правилу, служба и мѣсто на ней, разъ занятое и законнымъ образомъ, такъ сказать, укрѣпленное записью въ Разряды, давало потомству лица право ссылаться на заслуги предка, и защищаться отъ назначенія на мѣсто низшее и слѣдственно службѣ рода несоотвѣтствующее. Такимъ образомъ неродословый человѣкъ, ставшій высоко по службѣ, нерѣдко одерживалъ верхъ надъ человѣкомъ *старымъ*, и чѣмъ болѣе развивалось въ Россіи государственное начало, которое такъ возвысило и укрѣпило Москву, чѣмъ болѣе чувствовалъ Государь потребность въ *людяхъ*, которые бы не только были богаты заслугами предковъ и матеріальными средствами, но которые бы понимали общее благо отечества и старались споспѣшествовать достиженію общихъ цѣлей, тѣмъ болѣе отдавалось предпочтенія, особенно въ случаяхъ важныхъ (напр. во-время опасной войны) *людямъ*, хотя и неродословнымъ, но способнымъ.

Первый Царь, нанесшій довольно рѣшительный ударъ мѣстничеству былъ Годуновъ, стремившійся къ развитію самодержавія, въ распредѣленіи мѣстъ по службѣ не всегда, по-крайней-мѣрѣ, слѣдовалъ началу старшинства родоваго, и кромѣ того, что покровительствовалъ своимъ родственникамъ, раздавалъ мѣста по способностямъ. При Годуновѣ не смѣлъ никто доказывать несправедливость назначенія къ той или другой должности, но жалобы на этотъ произволъ не разъ встрѣчаются въ Разрядахъ позднѣйшаго времени.

Цари Михаилъ Ѳедоровичъ и Алексѣй Михаловичъ были внимательнѣе къ жалобамъ служилыхъ людей, что имъ невмѣстно служить съ тѣмъ или другимъ лицомъ, но не-смотря на то, начало старшинства родоваго не такъ уважалось. Царь часто *кручинился*, какъ говорится въ Разрядахъ, что его безпокоятъ, что ему докучаютъ своими спорами, даже люди, которые собственно мѣстничаться и права не имѣютъ. Чаще стали назначать походъ, выходъ, столъ пріемъ пословъ и т. п. *безъ мѣстъ*, является болѣе произвола въ разборѣ и рѣшеніи мѣстническихъ споровъ, чаще стали выдавать головою упорныхъ мѣстниковъ, нехотѣвшихъ подчиниться лицу, назначенному на службу волею Государя; нѣкоторыя должности, напримѣръ объѣзжихъ головъ, были объявлены навсегда безъ мѣстъ. Особенно-замѣчательно вліяніе на дѣла о мѣстничествѣ *думныхъ дьяковъ*, главныхъ дѣльцовъ при разборѣ дѣлъ этого

рода, и притомъ людей неродословныхъ, темнаго происхожденія. Они имѣли выгоду смотрѣть враждебно на мѣстничество, заслонявшее для нихъ дорогу къ высшимъ степенямъ чести; и потому думный дьякъ, разбиравшій споръ о *мѣстахъ*, по повелѣнію Государя, не только руководствовался въ этомъ случаѣ произволомъ, но даже обходился съ мѣстниками до чрезвычайности грубо и оскорбительно; такъ въ 1617 году, когда Лодыженской билъ челомъ на Вердеровскаго и наказу не взялъ, думный дьякъ Сыдавной-Васильевъ, сказано въ Дворцовыхъ Разрядахъ (1.287) «бивъ его по щекамъ, да наказъ ему далъ, и послалъ на Тулу.» А что это было не слишкомъ рѣдко, приводимъ и другой случай: въ разрѣшеніе мѣстническаго спора Князя Шаховскаго, съ Чихачовымъ, бояре велѣли послѣдняго бить кнутомъ. «И думной дьякъ Томило-Луговской», продолжаетъ Разрядъ (стр. 436), сказалъ боярамъ: долго до того ждать, да взявъ у него посохъ, и сталъ его бить по спинѣ и по ногамъ, а боярин Иванъ Никитичъ Романовъ, другимъ посохомъ билъ, по спинѣ и по ногамъ же, а говорили: не подѣломъ бьешь челомъ, знай свою мѣру, и бивъ его, велѣли ему быть въ бѣломъ платьѣ (въ рындахъ) по прежней сказкѣ.»

Чѣмъ болѣе вчитываешься въ Разряды, преимущественно половины XVII столѣтія, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что мало-по-малу утрачивалось то глубокое уваженіе къ мѣстническимъ спорамъ, которые даже при Грозномъ принимались всегда во вниманіе при распредѣленіи служилыхъ людей, тѣмъ болѣе становится яснымъ общее сознаніе несообразности этого явленія съ новымъ порядкомъ вещей, который съ каждымъ царствованіемъ, приближавшимъ Россію ко временамъ Петра Великаго, проявлялся съ большею силою. Государственная стихія не только не могла равнодушно терпѣть существованія этихъ споровъ, но должна была имъ даже противодѣйствовать, такъ какъ иной споръ мѣстниковъ въ критическую минуту, напримѣръ, выступленія въ походъ, дѣлалъ нерѣдко невозможнымъ осуществленіе глубоко обдуманнаго плана, и бывалъ причиною неудобствъ и неудачъ разнаго рода, иногда отзывавшихся для государства пагубными послѣдствіями.

Мы видѣли уже выше, какъ сами правители невыгодно смотрѣли на мѣстничество, и потому къ царствованію Государя Ѳеодора Алексѣевича все уже было подготовлено для произведенія въ этомъ дѣлѣ окончательной реформы. Въ 1682 году Государь поручилъ боярину Князю Василію Васильевичу Голицыну «вѣдать ратныя дѣла, для лучшаго ратей устроенія и

управленія, и по совѣщаніи съ выборными и воинскими чинами, какія будутъ ими для того предложены мѣры, — докладывать себя Великаго Государя.» По совѣщаніи съ боярами выборные люди предложили составить новый распорядокъ воинскимъ чинамъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ, «чтобы въ тѣхъ чинахъ всѣ были межъ себя безъ мѣстъ и безъ подбора, по назначенію Государя.» Желаніе это было неоднократно повторяемо выборными, и для разсужденія объ этомъ важномъ предметѣ. Царь велѣлъ собрать думу.

Такимъ образомъ 12-го января 1682 года, были собраны во дворецъ Патріархъ, духовныя власти, бояре, окольничіе и думные люди, «дабы то доброначальное дѣло имъ объявить, и при помощи Божіей усовѣтовать, въ какомъ опредѣленіи оному удобнѣе быти.»

Въ рѣчи своей, предъ думою произнесенною, Царь объяснилъ, что мѣстничество оказывается «благословенной любви вредительно, міра и братскаго соединенія искоренительно, противу непріятелей общаго и пристойнаго промышленія усердію разорительно», и что вслѣдствіе того и согласно желанію предковъ его Государя необходимо уничтожить мѣстничество, и положить конецъ спорамъ о мѣстахъ Мысль эту, какъ мы видѣли, раздѣляли и выборные, и потому Государь повелѣлъ «для совершеннаго искорененія и вѣчнаго забытія тѣ всѣ прошенія о случаяхъ, и о мѣстахъ записки» предать огню, что тутъ же и было исполнено.

Изъ приведенныхъ нами словъ соборнаго дѣянія, нѣкоторые вывели, будто сожжены были при этомъ случаѣ подлинныя, разрядныя книги, и что такимъ образомъ исторія нашего отечества лишилась самаго богатаго источника для познанія жизни и дѣятельности лицъ, на поприщѣ государственной службы подвизавшихся. Этому мнѣнію противорѣчатъ какъ самый фактъ открытія множества списковъ Разрядовъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже и изданы, такъ и приведенныя нами слова грамоты, изъ которыхъ оказывается, что преданы огнѣ только *прошенія о случаяхъ и о мѣстахъ записки*, т. е. бумаги, составлявшія именно дѣла мѣстническія. Эти дѣла входили, конечно въ составъ разрядныхъ книгъ, но бо́льшею частію лишь въ краткомъ изложеніи, безъ подлинныхъ прошеній или документовъ, и какъ случайное дополненіе къ существенному ихъ содержанію, т. е. къ означенію распоряженій правительства по службѣ, наказовъ воеводамъ и другимъ чинамъ, и ихъ донесеній или отписокъ Царю. Разряды притомъ, какъ документы оффиціальные и въ нѣкоторыхъ случаяхъ единственные, были слишкомъ важны въ гла-

зачъ правительства для того, чтобы быть сожженными, и потому велись съ чрезвычайною подробностію и точностію до мелочей, и послѣ 1682 года. Правда только, что мы, къ сожалѣнію, можемъ располагать не всѣми разрядными книгами: многіе изъ подлинниковъ этихъ книгъ погибли отъ разныхъ случаевъ, пожаровъ, расхищенія нѣкоторыхъ государственныхъ архивовъ во-время нашествій непріятельскихъ, и наконецъ иногда отъ небреженія тѣхъ, кому было ввѣряемо ихъ храненіе.

Всѣ рукописи Разрядовъ должны быть раздѣлены на два рода: 1) на оффиціальныя, сохранившіяся въ дѣлахъ Разряднаго Приказа въ Архивѣ Старыхъ Дѣлъ при Сенатѣ, и 2) на принадлежавшія частнымъ людямъ, такъ какъ многіе изъ служившихъ лицъ, отчасти на память потомству, отчасти для того, чтобы имѣть средство защиты отъ притязаній мѣстниковъ, вели, такъ-сказать свои послужные списки, т. е. выписки изъ оффиціальныхъ, разрядныхъ книгъ, такъ чтобы по нимъ можно было видѣть всю исторію службы извѣстнаго рода. Хотя конечно на эти частные Разряды нельзя полагаться съ такою достовѣрностью, какой заслуживаютъ оффиціальные списки, потому-что принадлежавшія частнымъ лицамъ, книги не рѣдко *обльгали* Разряды, т. е., или представляли выписки неполныя, изъ тѣхъ только Разрядовъ, которые клонились въ ихъ пользу, или переиначивали событія, тѣмъ не менѣе, однако и эти списки заслуживаютъ вниманія: они могутъ быть повѣряемы, дополняемы одни другими, и оказываются весьма полезными, по-крайней-мѣрѣ, за тѣ годы, о которыхъ не сохранилось оффиціальныхъ разрядныхъ книгъ. Многіе изъ этихъ списковъ находятся въ рукахъ любителей отечественной старины, другіе хранятся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ Москвѣ, въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ Румянцовскомъ Музеумѣ и въ Библіотекѣ Академіи Наукъ.

При изданіи обнародованнаго нынѣ 1-го тома Дворцовыхъ Разрядовъ приняты въ основаніе: во 1-хъ) одна оффиціальная рукопись — книги Дворцовыхъ Разрядовъ $\frac{7183}{1674 \text{ и } 1675}$ года, единственная въ своемъ родѣ, и безъ сомнѣнія принадлежащая къ числу оффиціальныхъ Разрядовъ Большаго Дворца. Здѣсь съ особенною подробностію изложены событія и распоряженія при выходахъ Государей и при путешествіяхъ ихъ въ разные храмы и монастыри, гдѣ они имѣли *станы*, гдѣ отдыхали, кто былъ у стола, и кто *смотрѣлъ въ столъ*, т. е., наблюдалъ за порядкомъ при обѣдахъ, и т. д.; и во-2-хъ восемь рукописей, при-

надлежащихъ частнымъ лицамъ, ученымъ обществамъ и книгохранилищамъ. — Сверъ того были приняты при изданіи Разрядовъ во вниманіе, такъ называемые *портфели* бывшаго Начальника Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ Д. С. С. Миллера и по его же указаніямъ изданныя въ 1769 году Повседневныя Дворцовыя Записки времени Государей, Царей и Великихъ Князей Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михаловича (2 тома въ Москвѣ, въ типографіи Новикова).

Текстъ рукописей, принятыхъ, по полнотѣ и достовѣрности сообщаемыхъ ими свѣдѣній, за основныя, сохраненъ безъ всякихъ измѣненій, несходства же самыя незначительныя, даже ошибки писцовъ, указаны въ примѣчаніяхъ. Нельзя не подивиться при этомъ терпѣнію, съ которымъ издатели Разрядовъ, понимая важность возложенной на нихъ обязанности, исполнили ее. Такая точность и добросовѣстность заслуживаютъ подражанія издателей памятниковъ нашей старины, потому-что малѣйшая иногда ошибка, отъ неосмотрительности одного лица происшедшая, вводитъ въ погрѣшности изслѣдователей, которые невольно доходятъ до результатовъ невѣрныхъ. Вообще чѣмъ важнѣе и многознаменательнѣе документъ, тѣмъ бо́льшая необходима при изданіи его осмотрительность. Мы не выписываемъ изъ предисловія къ 1-му тому Разрядовъ всѣхъ правилъ, которыми руководствовалось II-е Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи при изданіи ихъ, будучи убѣждены, что никто изъ просвѣщенныхъ нашихъ соотечественниковъ не оставитъ книги этой безъ должнаго вниманія. Наше дѣло было только указать въ самомъ краткомъ экскизѣ, какъ должно смотрѣть на нее, и особенно высказать свое убѣжденіе на счетъ мѣстничества, которое хотя и объяснено образцовымъ разсужденіемъ покойнаго Валуева въ 1-мъ томѣ изданнаго имъ въ 1845 году въ Москвѣ «Симбирскаго Сборника», тѣмъ не менѣе далеко еще не все исчерпано. Дворцовые Разряды, какъ документъ, касающійся преимущественно, если и не исключительно, службы гражданской и придворной, въ отличіе отъ обыкновенныхъ Разрядовъ, по службѣ военной, представляютъ въ этомъ отношеніи матеріалъ чрезвычайной важности, матеріалъ, которымъ конечно не замедлитъ воспользоваться кто-нибудь изъ нашихъ дѣятелей на маловоздѣланномъ еще поприщѣ критической разработки памятниковъ нашей старины.

Въ чемъ же, спросите вы, заключается важность этихъ разрядовъ? Такому справедливому требованію мы готовы удовлетворить, тѣмъ болѣе, что не беремся разсказывать въ подробно-

сти содержаніе Разрядовъ, помѣщенныхъ на 1220 страницахъ и заключающихъ въ себѣ повѣствованіе о самыхъ мелкихъ и разнообразныхъ событіяхъ, какъ въ государствѣ вообще, такъ и при Дворѣ въ особенности.

Сообразно этому содержанію Дворцовыхъ Разрядовъ, мы скажемъ о важности и необходимости ихъ, съ одной стороны для политической исторіи нашего отечества, и съ другой—для исторіи жизни нашихъ Государей и вообще внутренняго быта Россіи.

Положимъ, мы знаемъ, въ какомъ году имѣло мѣсто то или другое событіе въ нашемъ отечествѣ, какія его сопровождали обстоятельства, знаемъ далѣе дѣйствовавшихъ при этомъ лицъ; но за-то, какъ часто исторія молчитъ о внутреннихъ пружинахъ, незримыхъ для частнаго человѣка, для лѣтописца и историка, и тѣмъ не менѣе, отмѣченныхъ въ оффиціальныхъ документахъ. Вы знаете, напримѣръ, что такую-то побѣду выигралъ извѣстный полководецъ, что такое-то лицо было главнымъ дѣятелемъ при веденіи дипломатическихъ переговоровъ, но всегда ли вы знаете, (а нельзя отрицать, что иногда это бываетъ или необходимо, или только любопытно), какихъ трудовъ стоило Царю, отстоять этого дѣятеля отъ столкновенія съ мѣстничами, или на оборотъ, какія невыгодныя послѣдствія имѣло какое-нибудь предпріятіе только по тому, что выборъ главнаго при этомъ распорядителя былъ неудаченъ, а сдѣланъ былъ онъ въ угоду мѣстничеству.—Особеннаго также заслуживаютъ вниманія описанія пріема пословъ иностранныхъ державъ, переговоровъ съ ними, какія были имъ оказаны почести и преимущества, и т. д. Соображаясь со всѣми этими данными, историкъ можетъ сдѣлать вѣрный выводъ относительно образа воззрѣнія нашихъ Государей на сношенія съ тою или другою державою, и объяснить, почему извѣстные дипломатическіе переговоры имѣли опредѣленныя послѣдствія, или повели къ дружбѣ, или на оборотъ кончились ничѣмъ. Повторяемъ при внимательномъ чтеніи и изученіи Разрядовъ становятся ясными и наглядными многія пружины политическихъ событій въ древней Руси.

Съ другой стороны, Дворцовый Разрядъ, есть подробная лѣтопись Двора, при которомъ малѣйшія событія отмѣчены со всевозможною подробностію: въ какихъ палатахъ происходили торжества, былъ столъ, выходъ, какъ сидѣли бояре, стояли рынды, какъ были расположены служилые люди, съ какими церемоніями облачался Царь, какія на немъ были одежды, цѣпи, въ чемъ были бояре и лица другихъ сословій, какъ убраны лошади подъ

стрѣльцами, въ чемъ состоялъ обѣдъ и т. п. Такихъ свѣдѣній бездна, и подробность церемоніала, кромѣ необходимости точнаго его исполненія, во избѣжаніе разнаго рода непріятностей, и столкновеній, объясняется тѣмъ преимущественно, что при торжественныхъ особенно случаяхъ встрѣчались мѣстническіе споры, для предупрежденія и устраненія которыхъ всего болѣе была необходима опредѣленность воли Государей.

Впрочемъ, кромѣ извѣстій о Царскомъ Дворѣ, изданные нынѣ Дворцовые Разряды заключаютъ въ себѣ превосходные матеріалы для исторіи древней нашей администраціи и службы. Такъ какъ между разными родами службы, въ древней Руси не было строгаго различія, и самая простота ея допускала возможность распредѣленія служилыхъ людей въ ту или другую службу по волѣ Царя, то назначеніе воеводъ по городамъ и областямъ Россіи, намѣстниковъ, даже дьяковъ и объѣзжихъ головъ, послѣднихъ для *обереженія* отъ пожаровъ въ различныхъ частяхъ Москвы по росписанію, далѣе точное распредѣленіе бояръ, окольничихъ, дворянъ, стольниковъ, стряпчихъ и другихъ придворныхъ чиновъ, при разныхъ случаяхъ, напримѣръ пріемѣ и проводахъ пословъ и посланниковъ, при празднествахъ — все это находило себѣ мѣсто въ Разрядахъ, и всѣ описанія эти, кромѣ важности сообщаемыхъ свѣдѣній, заслуживаютъ особеннаго вниманія, потому-что достовѣрны и, слѣдовательно, на нихъ можно положиться и на основаніи ихъ дѣлать выводы, которые, лишь бы были правильны и послѣдовательны, поведутъ къ богатымъ результатамъ.

Наконецъ, сверхъ всего того, что въ разрядахъ высказались невольно черты частнаго быта нашихъ предковъ, дворянскія наши фамиліи должны смотрѣть на этотъ документъ съ особеннымъ благоговѣніемъ: здѣсь они встрѣчаютъ подробный и безпристрастный разсказъ о жизни и дѣятельности ихъ предковъ, свѣдѣнія о томъ, въ какихъ они бывали службахъ и въ какихъ находились отношеніяхъ къ другимъ благороднымъ фамиліямъ: хотя извѣстія эти уже потеряли для насъ ту важность и наглядность, которыми они пользовались во-время существованія мѣстническихъ споровъ, тѣмъ не менѣе однако документы эти важны въ смыслѣ частныхъ семейныхъ лѣтописей, и какъ матеріалъ для родословій: во внесенныхъ въ Разряды спорахъ о мѣстахъ и въ рѣчахъ мѣстниковъ мы очень часто встрѣчаемъ мѣтнія указанія на родословіе нашихъ дворянскихъ фамилій, на происхожденіе ихъ отъ старшаго или младшаго колѣна, отъ того или другаго (по старшинству и счету) сына общаго ро-

доначальника, что, какъ мы видѣли, для *счета* было очень важно.

Съ этой точки зрѣнія мы смотримъ на изданный нынѣ первый томъ Дворцовыхъ Разрядовъ, обнимающій собою пространство времени съ $\frac{7120}{1612}$ по $\frac{7137}{сент.\ 1628}$ годъ, годъ рожденія Царя Алексѣя Михаиловича.

Въ самомъ началѣ этой разрядной книги изложена подробно исторія восшествія на престолъ Царя Михаила Ѳедоровича, какъ Россія *по общему земскому грѣху* лишилась послѣдней отрасли *прекрасно-цвѣтущаго* царскаго рода, и какъ отечеству нашему, сознавшему великую истину, «что безъ Государя Московскому Государству стояти немочно и печися объ немъ и людьми Божіими промышляти некому, и безъ Государя и досталь Московское Государство разорятъ», былъ данъ юный Царь излюбленный всею землею и превознесенный Промысломъ. Съ этимъ находится въ связи краткое лѣтописное повѣствованіе объ освобожденіи Москвы отъ Поляковъ и Литвы, равно какъ о подвигахъ, при этомъ случаѣ Минина и Князя Пожарскаго. За тѣмъ слѣдуютъ разряды по порядку лѣтъ, и наконецъ приложенія, касающіяся избранія на престолъ Царя Михаила Ѳедоровича и времени управленія Государствомъ Великаго Совѣта до прибытія Государя въ Москву. Здѣсь мы встрѣчаемъ свѣдѣнія о присягѣ юному Царю одного города за другимъ, о распоряженіяхъ, которыя дѣлалъ Земскій Совѣтъ для защиты городовъ, подвергшихся нападеніямъ со стороны Шведовъ и Поляковъ, о приготовленіяхъ для встрѣчи Государя въ Москвѣ и о прибытіи его въ столицу.

Сказанное нами говоритъ о достоинствахъ книги ясно, безъ лишнихъ похвалъ. Мы приносимъ только за себя и за всякаго цѣнителя на поприщѣ отечественной исторіи, благодарность за изданіе Дворцовыхъ Разрядовъ, изданіе, которое сдѣлало для каждаго доступнымъ то, что до-сихъ-поръ скрывалось въ пыли архива, и къ-счастію не истлѣло еще отъ времени и не погибло отъ пожара или подобныхъ тому причинъ. Ждемъ съ нетерпѣніемъ продолженія этого полезнаго труда, и увѣрены, что ожиданіе это осуществится.

66 *Объ историческомъ значеніи Царствованія Бориса Годунова.* Соч. Павлова. Москва. 1850. стр. VI. 132. in 8°.

Есть личности въ исторіи, которыхъ Провидѣніе сдѣлало какъ бы проявителями идеи, осуществить которую предназначено народу, въ движеніи его на пути развитія. На этихъ личностяхъ наука любитъ останавливаться: въ нихъ оживаетъ давно минувшее, онѣ двигали массами, онѣ дали направленіе жизненной силѣ, онѣ разрѣшили вопросъ, который иногда столѣтія оставался нерѣшеннымъ. Этихъ центровъ, въ которыхъ бы сосредоточивалась дѣятельность народа, этихъ фокусовъ, въ которыхъ бы ярко и наглядно отразилась, такъ-сказать, задушевная мысль народа въ извѣстный періодъ времени, немного, и тѣмъ большая лежитъ на историкѣ отвѣтственность оттѣнить эти личности какъ можно вѣрнѣе, представить ихъ какъ можно рельефнѣе и осязательнѣе. Мы знаемъ, что это такъ же трудно, какъ нарисовать хорошій портретъ въ миніатюрѣ, но за-то высоко цѣнится отчетливое исполненіе такой трудной задачи.

Нельзя отрицать, что въ отечественной исторіи, въ ряду двигателей идеи, одно изъ выгоднѣйшихъ мѣстъ принадлежитъ Царю Борису Ѳедоровичу Годунову, если и не потому, что онъ довершилъ что-нибудь великое, начатое его предшественниками, или далъ Россіи новое направленіе, то, по-крайней-мѣрѣ, потому, что онъ понялъ, усвоилъ себѣ мысль, къ осуществленію которой стремились Іоанны III и IV, и которой окончательное воплощеніе въ жизни принадлежитъ только времени Петра Великаго. И эта заслуга—понять и поддержать стремленіе къ лучшему—немаловажна, особенно если вспомнимъ, какъ слабо было бы безъ Годунова правленіе Царя Ѳедора Іоанновича, и какимъ пагубнымъ послѣдствіямъ могла бы подвергнуться Россія во-время смутъ самозванцевъ, еслибы Годуновъ не употреблялъ всѣхъ усилій, чтобы укрѣпить внутренній составъ царства, чтобы сплотить Государство на прочномъ основаніи. Но при этомъ на обязанности историка лежитъ объясненіе, въ какой мѣрѣ старанія Годунова увѣнчались успѣхомъ, были ли средства, имъ употребленныя, всегда неукоризненны, шелъ ли онъ къ цѣли по прямому пути и т. д. Разрѣшая эти вопросы, невольно останавливаешься на характерѣ этого человѣка, спрашиваешь себя, какъ онъ достигъ до престола, за что его проклинали современники и проклинали потомки? Все это не изъ одного пустаго любопытства, которое можетъ остаться и неудовлетвореннымъ; напротивъ они слишкомъ важны для того, что

бы пройти ихъ молчаніемъ, и потому не одинъ ученый брался уже за разъясненіе ихъ, но все-таки всякій новый по этому предмету трудъ радуетъ насъ, такъ какъ послѣдній глаголъ еще не высказанъ, а въ дѣлѣ науки онъ-то и важенъ.

Съ большими надеждами взялись мы за книгу г. Павлова, будучи увѣрены, что трудъ молодаго ученаго, который долженъ былъ воспользоваться всѣмъ, что было сдѣлано до него по этой части, подвинетъ науку впередъ, и, признаемся, мы не ошиблись въ ожиданіяхъ, хотя не во всемъ раздѣляемъ мнѣніе автора. Но прежде всего, мы словами самого же г. Павлова объяснимъ, какъ онъ смотритъ на свой предметъ: «Сочиненіе объ историческомъ значеніи Царствованія Бориса Годунова имѣетъ своимъ предметомъ одинъ изъ моментовъ исторіи перехода *юридической родовой* Руси въ *государственную*. Эта исторія, на сколько мы понимаемъ основную мысль, послѣдовательно раскрывающуюся въ ея содержаніи, обнимаетъ четыре поры саморазвитія русскаго общества, преемственно слѣдующія одна за другою. Въ *первую* пору саморазвитія, простирающуюся отъ 1462 до 1600 г., приходятъ въ упадокъ въ Руси сѣверо-восточной юридическія родовыя отношенія, *княжескія* и *вѣчевыя* (при Іоаннѣ III и его сынѣ Василіѣ IV), *боярскія* (при Іоаннѣ IV Грозномъ), *общинныя* (при Борисѣ Годуновѣ); мѣсто ихъ заступаетъ начало государственное.—*Во вторую* пору саморазвитія, простирающуюся отъ 1600 до 1613 г., юридическія родовыя отношенія, *боярскія*, *общинныя*, *вѣчевыя*, непосредственно и посредственно стремятся къ самовозстановленію въ прежнемъ или измѣненномъ видѣ; одновременно съ тѣмъ Казань и Астрахань, окончательно покоренныя при Іоаннѣ IV Грозномъ, обнаруживаютъ порывъ къ нѣкоторой самостоятельности. Вмѣшательство иноземцовъ въ дѣла наши и повсемѣстныя опустошенія ускоряютъ выходъ изъ безгосударнаго безначалія въ среду государственнаго порядка.—Въ *третью* пору саморазвитія, простирающуюся отъ 1613 до 1700 г., юридическія родовыя отношенія совершенно приходятъ въ упадокъ, и окончательно водворяется въ жизни начало государственное. Въ этотъ же промежутокъ времени, Малороссія навсегда присоединяется къ державѣ Русскихъ Царей. —Въ *четвертую* пору саморазвитія, *Петровскую*, побѣдоносное государственное начало, равно какъ и древнее родовое общество, сознательно пересоздаются подъ вліяніемъ западнаго, европейскаго образованія, уже поднявшагося на высоту общечеловѣческаго значенія.»

«Задумываясь надъ содержаніемъ исторіи перехода родовой Руси въ государственную, изслѣдователь невольно задаетъ себѣ вопросъ: которой Руссн слѣдуетъ отдать преимущество, родовой или государственной? Ни той, ни другой—отвѣчаетъ умъ, свободный отъ пристрастія. Русь родовая и государственная представляютъ собою двѣ естественныя ступени, два неизбѣжные возраста, черезъ которые должно пройти всякое человѣческое общество, способное къ саморазвитію.»

Изъ приведенныхъ нами словъ видно, что г. Павловъ въ развитіи своего предмета, слѣдуетъ началамъ, выработаннымъ новѣйшею нашею историческою школою, принимающею совершенно справедливо постепенный переходъ рода и общины въ государство. Нельзя не согласиться съ окончательнымъ выводомъ автора, и хотя съ перваго взгляда кажется послѣдовательнымъ раздѣленіе исторіи саморазвитія жизни нашего отечества на четыре періода, мы смѣемъ сознаться, что представляемые выводы бездоказательны и не будучи аксіомами возбуждаютъ вопросъ касательно степени ихъ правильности. Какъ понимать напримѣръ, что во вторую пору саморазвитія, отъ 1600 до 1613 года, юридическія родовыя отношенія, *боярскія*, *общинныя* и *вѣчевыя* стремятся къ самовозстановленію, въ прежнемъ или измѣненномъ видѣ? Въ періодъ смутъ, правда, мы встрѣчаемъ *земскіе совѣты*, видимъ далѣе не одно возмущеніе, но что̀ все это доказываетъ? Совсѣмъ не стремленіе къ осуществленію идеи, совсѣмъ не шагъ въ саморазвитіи: это было послѣдствіе или горькой необходимости или безначалія въ безгосударномъ государствѣ. Если авторъ понималъ дѣло иначе, то ему слѣдовало бы привести въ подтвержденіе своей мысли, по-крайней-мѣрѣ, самые рѣзкіе доводы. Sapienti sat. Но такъ какъ, къ сожалѣнію, имъ этого не было сдѣлано, то всѣ подобные приведенному вопросы остаются безъ разрѣшенія, а вѣрить на слово.... какъ-то не хочется.

Впрочемъ введеніе, изъ котораго мы привели отрывокъ, заключаетъ въ себѣ мысли общія, какъ бы не прямо относящіяся къ предмету ученаго разсужденія. Переходимъ къ самому сочиненію г. Павлова. Онъ начинаетъ свой трудъ описаніемъ смерти Царя Ѳеодора Іоанновича, по выраженію лѣтописи, «послѣдняго цвѣта Русской земли» и повѣствованіемъ о распоряженіяхъ при этомъ случаѣ и по кончинѣ Государя, какъ боярской думы, такъ и *изряднаго* правителя Бориса Годунова. Въ живомъ разсказѣ авторъ передалъ давно впрочемъ извѣстныя событія о призывѣ Годунова на престолъ и объ отказѣ его

отъ предлагаемой почести. Событіе это важно, и авторъ привелъ его потому-что оно является, по собственному его выраженію, необходимымъ полнымъ слѣдствіемъ прежней придворной и правительственной дѣятельности Бориса, итогомъ его неуклонныхъ стремленій къ одной цѣли—вѣнцу царскому. Выводъ смѣлый, и хотя справедливость его раздѣляется большинствомъ, но необходимо было привести въ подтвержденіе его нѣсколько данныхъ. Авторомъ это и сдѣлано въ слѣдующихъ мѣтко написанныхъ строкахъ, заключающихъ въ себѣ результатъ всего предыдущаго изложенія: «На земскомъ соборѣ вспоминаютъ о милостяхъ, оказанныхъ Борису и его сестрѣ Грознымъ; Ѳеодоръ передъ смертью вручаетъ скипетръ Иринѣ, и приказывая свою душу Патріарху Іову и Ѳедору Никитичу Романову, въ тоже время приказываетъ ее и Годунову. Сверхъ-того представителямъ Россіи расказываютъ о милостяхъ Ѳеодора къ Борису, о его мудромъ правительствѣ при покойномъ Царѣ. Далѣе на земскомъ соборѣ Патріархъ, говоря именемъ духовенства и народа, мимо голоса выборныхъ, безъ околичностей, предлагаетъ въ Цари своего любимца, послѣ чего въ обители Одигитріи является самымъ ревностнымъ увѣщателемъ правителя, чтобы согласился принять державу. Мало того: три раза въ различное время торжественно благословляетъ избранника на царство, и наконецъ по случаю предложенія объ установленіи новаго празднества въ честь Богоматери Одигитріи, съ крестнымъ ходомъ, въ день согласія Бориса принять вѣнецъ, требуетъ отъ бояръ и всего земскаго собора, чтобы вѣрно служили новому государю и его дому. Изъ городовъ Московскаго Государства, по происканъ преданныхъ слугъ, заблаговременно туда посланныхъ правителемъ, являются выборными большею частою доброхоты Борисовы, дворяне и дѣти боярскіе (мелкіе владѣльцы, обыкновенно составлявшіе войско), люди служилые и изворотливые приказные. Потомъ, намѣренно распустивъ слухъ о вторженіи хана Крымскаго съ огромными силами, правитель собираетъ подъ Серпуховымъ войско (т. е., опять мелкихъ владѣльцевъ), чтобы показать боярамъ и всѣмъ людямъ приверженность къ себѣ ратныхъ, и для того, чтобы еще болѣе утвердить эту приверженность щедрыми подарками и богатыми, дотолѣ невиданными пирами. По поводу же избранія Годунова въ Цари обнаруживается въ двукратномъ предложеніи Щелкалова—цѣловать крестъ на имя думы боярской—властолюбіе вельможъ, особенно князей Шуйскихъ, запоздалое стремленіе родовыхъ интересовъ боярскихъ возвратиться къ старинѣ отжившей. По поводу того же избранія въ

обители Одигитріи, многіе изъ людей (по всей вѣроятности посадскіе и крестьяне) не хотятъ молить правителя, чтобъ принялъ державу, не хотятъ пасть ницъ, и пристава принуждены бить ослушныхъ, принуждены требовать, чтобы они, по недостатку слезъ искреннихъ, мочили глаза слюною. Наконецъ, при своемъ вѣнчаніи Годуновъ клянется во всеуслышаніе, что послѣднюю рубаху раздѣлитъ со всѣми, какъ бы желая задобрить тѣмъ низшій бѣдный классъ, чувствуя къ себѣ его нерасположеніе.»

Авторъ разсказываетъ жизнь Годунова, предшествовавшую смерти Царя Ѳеодора Іоанновича и вступленію его, Годунова, на престолъ. Въ прекрасно-написанномъ очеркѣ г. Павловъ обрисовываетъ участіе Годунова въ дѣйствіяхъ Іоанна IV и его сына. Къ лучшимъ страницамъ въ разсужденіи принадлежитъ повѣствованіе о перемѣнахъ, произведенныхъ подъ руководствомъ Годунова и по его мыслямъ въ законодательствѣ и въ бытѣ различныхъ классовъ народонаселенія Московскаго Государства. Чрезъ всѣ эти распоряженія постоянно проглядываетъ стремленіе Годунова къ престолу, чего не упускаетъ изъ виду и авторъ разсужденія. Особенное вниманіе правителя и впослѣдствіи Государя было обращено на лица, которыя прежде были какъ бы въ тѣни и которыхъ можно было привязать къ себѣ разными благодѣяніями: это были *дѣти боярскія*, обязанныя ратною службою. Вопросъ объ этомъ сословіи, его происхожденіи и исторіи не разъ уже занималъ ученыхъ, и не-смотря на то, не установилось еще окончательное объ этомъ предметѣ мнѣніе. Г. Павловъ также старается объяснить его, и видитъ въ дѣтяхъ боярскихъ сиротъ боярскаго происхожденія, которые, по обычаю изгойства, были исключены изъ своего роднаго наслѣдства, искали за жалованье службы, либо у князей, либо у бояръ, какъ болѣе сообразной съ ихъ честью, воспитаніемъ, привычками и образомъ жизни.—Въ подтвержденіе справедливости такого мнѣнія не говоритъ ни одно, сколько мы знаемъ, мѣсто въ нашихъ памятникахъ, и объясненіе это едва ли выдержитъ критику. У насъ до-сихъ-поръ и въ законахъ и въ народѣ существуютъ употреблявшіяся въ глубокой древности выраженія—купеческій сынъ, братъ, племянникъ и т. д., и это ничуть не значитъ сирота, послѣ купца оставшійся, а просто лицо, само еще не достигшее значенія такого, чтобы называться своимъ титуломъ, а заимствующее свѣтъ отъ другаго лица, стоящаго во главѣ семейства. Точно такъ же дѣти боярскія, т. е., дѣйствительно лица, къ боярскимъ фамиліямъ

принадлежавшія, носили эти названія, пока значеніе ихъ въ государственной службѣ какъ-нибудь не опредѣлялось иначе, пока они не повышались въ служебной іерархіи. Поэтому въ памятникахъ они являются вездѣ послѣдними въ ряду служилыхъ людей, и мелкими землевладѣльцами, и въ этомъ результатѣ мы сходимся съ г. Павловымъ. На этихъ-то дѣтей боярскихъ опиралась вся надежда Бориса Годунова и чтобы прикрѣпить ихъ къ себѣ, онъ довершилъ то, что подготовлялось уже прежде и что онъ утвердилъ только положительнымъ закономъ.

Г. Павловъ посвящаетъ нѣсколько превосходныхъ страницъ дѣйствіямъ Годунова для улучшенія нравственности народа, для умственнаго его просвѣщенія, утвержденія дипломатическихъ связей Россіи съ другими державами, и вообще мѣрамъ, предпринятымъ для возвышенія положенія нашего отечества. Какъ ни хороша эта часть сочиненія, намъ кажется только, что она написана съ излишнимъ увлеченіемъ и съ чрезмѣрною любовью къ главному лицу. Правда, что многое было задумано Годуновымъ, многія изъ его мыслей достойны названія великихъ, но не многое имъ осуществлено, а это-то и забываетъ г. Павловъ, тогда какъ это обстоятельство, нерѣдко отъ насъ независящее, ничуть не уменьшаетъ заслугъ Бориса Ѳедоровича Годунова.

Кромѣ этихъ небольшихъ недостатковъ, сочиненіе г. Павлова такъ хорошо, что мы не боимся преувеличить его достоинствъ, причисляя его къ лучшимъ монографіямъ новѣйшей нашей исторической литературы. Обращаемъ вниманіе на необыкновенную чистоту и живость слога, равно какъ на любовь, съ которою ученый смотрѣлъ на свой предметъ; множество же примѣчаній, которыми обогащена книга, свидѣтельствуетъ о начитанности просвѣщеннаго автора. Такое вступленіе на поприще литературы отрадно и подаетъ большія надежды.

67 *Etudes sur quelques institutions de la Russie.* Etablissement et mécanisme du gouvernement depuis Jean III jusqu'a Paul premier. 1642—1796, par Ch. Lawton.—S.-Petersburg. 1850 p. XIV, 345 en 8°.

Россія еще задолго до Петра Великаго стала вдвигаться въ западную Европу, стала принимать участіе въ ея политикѣ, заимствовать отъ нея тѣ или другія усовершенствованія; современъ же Петра I-го безъ нея не обходилось почти ни одно важное событіе въ Европѣ: военныя, торговыя и другія сношенія стали безпре-

рывны, и голосъ Россіи получилъ на западѣ большое значеніе. Между тѣмъ точно такъ какъ, имѣя дѣло съ частнымъ человѣкомъ, не только желаешь знать его настоящее, его положеніе въ обществѣ и государствѣ, его отношенія къ другимъ, но и стараешься проникнуть въ его прошедшее, въ исторію его жизни, происхожденія, воспитанія и вообще дѣятельности, такъ и въ сношеніяхъ между собою державы должны стремиться взаимно къ познанію своего современнаго состоянія, а для бо́льшаго уясненія причинъ, почему извѣстное государство достигло опредѣленной степени развитія, изучать его исторію, или вполнѣ, или только исторію взаимныхъ сношеній державъ, ихъ переговоровъ и условій. Но такъ какъ почти съ начала текущаго столѣтія ни одна война, ни одинъ миръ не обходился безъ участія всѣхъ державъ Европы, такъ какъ въ настоящее время политику и дѣятельность одного какого-нибудь государства трудно, если и не всегда невозможно, отдѣлить отъ дѣятельности остальной Европы, то планъ сочиненія, имѣющаго цѣлью познакомить Европу съ исторіею и современнымъ состояніемъ Россіи, долженъ быть въ объемѣ такъ же великъ, какъ велико участіе, въ настоящее время, отечества нашего въ общемъ ходѣ событій, а сочиненіе объ этомъ предметѣ должно быть достойно важности и огромности своего содержанія.

Для удовлетворенія такому справедливому требованію необходимо всестороннее познаніе, не только Россіи и ея прошедшаго, но и быта остальной Европы, и тогда только сочиненіе о Россіи, имѣющее цѣлью познакомить съ нами другія державы, будетъ достигать вполнѣ цѣли, когда отечество наше и его исторія не будутъ являться чѣмъ-то особеннымъ, отдѣльнымъ отъ другихъ державъ, а когда напротивъ его дѣятельность будетъ идти, такъ-сказать, въ параллель съ современнымъ состояніемъ другихъ государствъ. Не отрицаемъ, что это идеалъ, но стремиться, приблизиться къ нему и достигнуть его, сколько то возможно, должно составлять желаніе каждаго, кто берется за такой трудъ.

Предисловіе къ книгѣ иногда лучше всякихъ разсужденій объясняетъ образъ воззрѣнія автора на предметъ, показываетъ, чего онъ желаетъ, и какъ читатель долженъ смотрѣть на его произведеніе. По этому послѣ сказаннаго вообще о сочиненіяхъ, написанныхъ съ цѣлью познакомить западную Европу съ Россіею, мы переведемъ предисловіе къ книгѣ г. Лаутона, тѣмъ болѣе, что оно невелико. «Когда смотришь на постепенное увеличеніе того могущества, котораго достигла Россія современ-

Іоанна III, естественно стремленіе отыскать источникъ и причины, доведшія это государство до такой степени благосостоянія. Внимательное и добросовѣстное воззрѣніе на исторію этой страны, которой, кажется, предопредѣлена еще болѣе блистательная будущность, показываетъ, что основаніе такой силы опирается на единствѣ управленія и на мудрыхъ учрежденіяхъ, установленныхъ сначала В. Княземъ Іоанномъ III, измѣненныхъ Петромъ Великимъ и Екатериною II, сообразно потребностямъ народа и вѣка, и совершенствуемыхъ со дня на день ихъ Преемниками. Подъ вліяніемъ этой мысли мы начали изучать учрежденія Россіи, старались образовать изъ нихъ одно цѣлое, которое и составляетъ содержаніе нынѣ издаваемой книги. По окончаніи этого труда намъ показалось, продолжаетъ авторъ, что было бы еще полезнѣе для иностранцевъ и преимущественно для Англичанъ, если мы его дополнимъ извлеченіемъ изъ полнаго собранія законовъ русскихъ, относительно сношеній, существовавшихъ между Россіею и Англіею, начиная съ царствованія Алексія Михайловича до нашихъ дней».

Изъ этого ясно, что самъ авторъ Англичанинъ, писалъ свое сочиненіе преимущественно для Англичанъ, желая познакомить ихъ съ исторіею учрежденій Россіи. Если стремленіе это, такъ сказать, слишкомъ тѣсно, если осуществленіе его принесетъ мало пользы какъ Россіи, такъ и Англіи, потому-что картина недокончена, самое ближайшее и, пожалуй, самое необходимое оставлено безъ вниманія, если, далѣе, въ книгѣ г. Лаутона мало новаго и такого, что̀ проливало бы свѣтъ на отечественное право̀ и на исторію его, тѣмъ не менѣе нельзя не поблагодарить просвѣщеннаго иностранца за вѣрность образа воззрѣнія его на Россію и на учрежденія ея, на добросовѣстность и безпристрастіе, съ которыми онъ изложилъ свой предметъ, и наконецъ за отчетливость при собраніи изъ разныхъ источниковъ матеріаловъ для своего труда. Главнымъ руководствомъ его въ этомъ дѣлѣ служили сочиненія г. Арсеньева о статистикѣ нашего отечества, источникъ вѣрный и надежный.

Мысль автора объ исторіи Россіи и учрежденіяхъ ея выразилась въ избранномъ имъ для книги эпиграфѣ. Это извѣстное выраженіе покойнаго графа Сперанскаго, что если въ постепенномъ развитіи государства жизненныя его силы постоянно увеличиваются, если земледѣліе, торговля и промышленость постоянно развиваются и расширяются,—это обстоятельство служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что въ странѣ

существуютъ твердые законы и въ исполненіи ихъ царствуетъ строгій порядокъ.—И дѣйствительно, во всемъ сочиненіи авторъ проводитъ это начало, принѣнное преимущественно къ Россіи, которой дарованы Промысломъ твердое единство и та внутренняя сила, которыя охраняютъ святость закона отъ нарушенія.

Авторъ начинаетъ исторію Россіи, какъ самостоятельнаго твердаго государства, только со временъ Великаго Князя Іоанна III, такъ какъ до него это было не болѣе, какъ рядъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ Удѣльныхъ Княжествъ, изъ которыхъ каждое имѣло свое отдѣльное существованіе, свои цѣли и стремленія, свои силы, и соединеніе ихъ на случай опасности было временное и условное. Іоаннъ III, сплотивъ всѣ эти мелкія владѣнія въ одно цѣлое, свергнувъ окончательно тяготѣвшее надъ Россіею иго монгольское, давъ отечеству нашему законы, сообразные съ тогдашнимъ состояніемъ страны, дѣйствительно является первымъ Государемъ Московскимъ, который далъ государству направленіе, понятое и упроченное Петромъ Великимъ.

По этому г. Лаутонъ съ особенною подробностью развиваетъ исторію учрежденій Іоанна III, и въ краткомъ только очеркѣ проходитъ событія, царствованію этого Великаго Князя предшествовавшія, показываетъ, какъ постепенно увеличивались предѣлы Россіи, какъ, сообразно тому, измѣнялся титулъ Русскаго Государя, и какъ другія державы постепенно признавали различныя наименованія Великаго Князя, Царя, Государя и Обладателя. Кромѣ-того авторъ представилъ перечень Русскихъ Великихъ Князей, съ означеніемъ, кто былъ въ правленіе ихъ татаро-монгольскимъ ханомъ, и сказалъ нѣсколько словъ о нападеніяхъ Монголовъ на Россію и о постепенномъ ослабленіи господства ихъ надъ отечествомъ нашимъ. На основаніи этихъ указаній, авторъ дѣлитъ избранное имъ пространство времени отъ 1462 до 1796 года, на четыре періода: первый отъ Іоанна III до Петра Великаго, второй обнимаетъ царствованіе Петра I-го, третій простирается отъ конца его государствованія до восшествія на престолъ Екатерины II, и наконецъ послѣдній, четвертый, посвященъ царствованію этой Государыни.

Хотя мы не можемъ слѣдить за авторомъ при развитіи имъ исторіи учрежденій, какъ потому, что сообщаемыя г. Лаутономъ свѣдѣнія объ этомъ предметѣ извѣстны, такъ и потому, что мы могли бы утомить тѣмъ читателей нашихъ, мы скажемъ однако нѣсколько словъ о каждомъ періодѣ, и начнемъ съ раздѣленія, принятаго авторомъ. Хотя оно обыкновенно приня-

мастоя историками нашими, и въ смыслѣ политическомъ, можетъ-быть, и вѣрно, но для исторіи учрежденій и вообще для исторіи нашего законодательства, что собственно составляетъ содержаніе книги г. Лаутона, важно правленіе Царя Алексія Михайловича, важно его Уложеніе, которое собрало въ себѣ, какъ въ фокусѣ, всѣ постановленія, до него существовавшія и до этого царствованія сохранившія свою силу и свое значеніе, Уложеніе, которое послужило основаніемъ для современнаго намъ законодательства, и система котораго перешла въ Сводъ законовъ. Это тоже, что законъ XII таблицъ для Рима и его законодательства. Вообще жаль, что г. Лаутонъ, излагая довольно подробно факты, привязывается слишкомъ много къ событіямъ, и за ними не видитъ мысли, общей идеи, облекшейся въ фактъ, забываетъ сдѣлать общій выводъ, а извѣстно, что ничто такъ не улетучивается, какъ афоризмы, ничѣмъ несвязанные между собою. Съ другой же стороны, когда фактъ совершенно ясенъ, когда онъ, такъ-сказать, освоенъ, мысль вытекаетъ изъ него сама собою, но читатель конечно желаетъ, чтобы трудъ вывода взялъ на себя самъ авторъ, которому событія хорошо извѣстны, и чтобы онъ не предоставлялъ этой обязанности другому. Повторяемъ, недостатокъ мысли, которая бы сковывала событія, недостатокъ выводовъ очень много вредитъ книгѣ Лаутона, не-смотря на всѣ ея хорошія стороны.

Изложеніе перваго періода, т. е. исторіи Іоанна III-го, авторъ начинаетъ тѣмъ, что показываетъ, какъ при Государѣ этомъ пали Удѣльные Князья, и какъ на развалинахъ различныхъ Княжествъ возникло одно государство—Московское. Нельзя опять не пожалѣть, что не показано, какая была причина такого явленія, и какъ она съ каждымъ правленіемъ все болѣе и болѣе обнаруживалась, что давно уже объяснено Гг. Погодинымъ, Соловьевымъ и иными, а безъ того какъ-то странно, что удѣльная система, что совмѣстное существованіе нѣсколькихъ княжествъ продолжалось столѣтія, и при Іоаннѣ III вдругъ пала. Кромѣ-того, что это неестественно, потому-что такихъ внезапныхъ кризисовъ въ исторіи народа не бываетъ, это и невѣрно: переломъ этотъ готовился не одинъ десятокъ лѣтъ; права младшей братьи постепенно переходили къ старшему брату, Великому Князю, и наконецъ мысль о единодержавіи окончательно созрѣла при Іоаннѣ III, и при немъ же осуществилась.

Жаль также, что г. Лаутонъ не понялъ удѣльнаго періода нашей исторіи, и не захотѣлъ не облекать его въ одежду феодальную, которая нашимъ удѣламъ никогда не принадлежала. Удѣль-

ные Князья никогда не были вассалами (въ западно-европейскомъ значеніи слова) Московскаго Великаго Князя, главнымъ образомъ уже и потому, что не завоеваніе мечемъ было основаніемъ, почему тому или другому Князю принадлежала извѣстная область, а напротивъ мирное, и даже въ смыслѣ семейственномъ невсегда произвольное раздѣленіе Россіи, вотчины Государевой, между дѣтьми и родичами Государя, какъ наслѣдственнаго имѣнія. При этомъ руководствовался завѣщатель началомъ старшинства, и если иногда между Князьями бывали войны за обладаніе тою или другою областію, за владѣніе городомъ, если нерѣдко перевѣсъ оставался на сторонѣ сильнаго, правило однако, что воля завѣщателя и старшинства должны служить при этомъ исходнымъ пунктомъ, до послѣднихъ временъ существованія удѣловъ не теряло своего значенія, хотя подъ конецъ этого времени, особенно въ періодъ преобладанія Москвы, оно утратило свою прежнюю наглядность.

Если мысль г. Лаутона о феодальномъ характерѣ нашего т. н. удѣльнаго періода и невѣрна, тѣмъ не менѣе любопытна параллель, проведенная между правленіемъ Іоанна III и современными ему царствованіями западной Европы. Изъ обзора исторіи того времени оказывается, что всѣ державы Европы стремились тогда къ утвержденію у себя монархій и къ уничтоженію феодализма, отжившаго уже свой вѣкъ и уступавшаго свое мѣсто другимъ, новымъ интересамъ.

Обращаемъ вниманіе читателей на исторію Приказовъ при Іоаннѣ III и на свѣдѣнія, сообщаемыя г. Лаутономъ о боярахъ и окольничихъ, объ управленіи разными частями государственнаго хозяйства, объ имѣніяхъ монастырскихъ и т. д. Исторію разныхъ установленій авторъ развиваетъ вмѣстѣ съ исторіею Приказа, которому подчинялась извѣстная отрасль администраціи. Эта часть труда г. Лаутона самая интересная, и она много бы еще выиграла, если бы онъ зналъ сочиненія по этой части Мальгина, Успенскаго, Неволина, Кавелина и др., если бы изучилъ Котошихина; но не знаемъ, почему онъ вездѣ ограничивался однимъ сочиненіемъ г. Арсеньева.

Причину преобразованія, произведеннаго въ государственномъ управленіи Петромъ Великимъ, авторъ объясняетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Царствованіе Алексѣя Михайловича, его мудрые и справедливые законы, произвели въ Россіи большія перемѣны, вѣрный признакъ необходимости реформы. И дѣйствительно не было болѣе возможности поддерживать древнюю систему администраціи. Слишкомъ много представлялось зло-

употребленій при исполненіи многочисленныхъ распоряженій, истекавшихъ, какъ отъ верховнаго правителя, такъ и отъ второстепенныхъ властей. Бояры и окольничьи, стоявшіе во главѣ суда и расправы, мало-по-малу стали независимыми судьями, верховными распорядителями въ дѣлахъ, ввѣренныхъ ихъ управленію. Удаляясь отъ постановленныхъ правилъ, они слушались только своихъ капризовъ и страстей. Присутственныя мѣста и члены, ихъ составлявшіе, дѣйствовали совершенно произвольно, какъ это выражено въ указѣ 22 декабря 1718 года. Петръ Великій, пораженный огромностью зла, твердо вознамѣрился помочь ему, произведя совершенную реформу во всѣхъ частяхъ управленія. Основы, положенныя этимъ безсмертнымъ геніемъ, оставались почти нетронутыми до царствованія Императрицы Екатерины II: она сохранила коллегіи Петра 1-го, но вмѣстѣ съ тѣмъ установила много новаго въ управленіи областей».

Мысль о томъ, что произволъ и неопредѣленность въ управленіи, которые засталъ Петръ Великій и которые обветшали, справедлива, но не эта причина была единственнымъ поводомъ къ произведенію коренной реформы въ администраціи; жаль, что оставлено безъ вниманія вліяніе на эти перемѣны иностранцевъ, окружавшихъ Государя, и впечатлѣніе, произведенное на него, во-время путешествія, установленіями западной Европы, особенно Германіи. Перемѣны въ управленіи, которыя съ теченіемъ времени производилъ Петръ I-й, объясняются между тѣмъ совершенно просто бо́льшимъ и бо́льшимъ знакомствомъ его съ западомъ, и желаніемъ перенесть къ намъ лучшее, что́ тамъ существовало и что́ могло принесть пользу Россіи.

Въ развитіи учрежденій, обязанныхъ своимъ существованіемъ Петру Великому, равно какъ перемѣнъ, произведенныхъ въ этомъ отношеніи Императрицею Екатериною II, авторъ слѣдуетъ такому порядку: сперва говоритъ о высшемъ управленіи— о Сенатѣ, Синодѣ, Коллегіяхъ, за тѣмъ переходитъ къ управленію губерній и областей, далѣе уѣздовъ и округовъ, городовъ, деревень, и наконецъ не оставилъ безъ вниманія и исторія надзора за администраціею вообще. И эта часть труда, отличающаяся полнотою изложенія и богатствомъ матеріаловъ, страдаетъ общимъ недостаткомъ выводовъ.

Въ концѣ книги приложенъ подробный перечень трактатовъ, различнаго содержанія, между Россіею и Англіею, начиная со временъ Царя Алексѣя Михайловича. Свѣдѣнія эти извлечены изъ Полнаго Собранія законовъ Россійской Имперіи, и изложены

въ хронологическомъ порядкѣ. Такъ какъ въ Полномъ Собраніи законовъ начинаются постановленія только съ изданія Уложенія 1649 года, то и г. Лаутонъ оставилъ сношенія Россіи съ Англіею, которыя предшествовали этому времени и о которыхъ свѣдѣнія сохранились въ памятникахъ нашей исторіи.

Изданіе книги г. Лаутона хорошо, и мы увѣрены, что трудъ этотъ, способствуя Англичанамъ ближе узнать Россію (съ этою цѣлью и написано сочиненіе), принесетъ ожидаемую пользу; но еще лучше было бы, если бы авторъ смотрѣлъ на изданное имъ нынѣ сочиненіе, какъ на историческое только введеніе къ труду, который бы познакомилъ западную Европу съ современнымъ состояніемъ нашего законодательства и преимущественно съ тѣми постановленіями, которыя приняты въ быту иностранцевъ во-время пребыванія ихъ въ отечествѣ нашемъ. Тогда трудъ г. Лаутона будетъ доконченъ и цѣль вполнѣ достигнута, особенно если онъ будетъ стараться избѣгать тѣхъ недостатковъ, которые мы указали именно потому, что понимаемъ важность предмета, составляющаго содержаніе книги, и великость той пользы, которую можно ожидать отъ подобнаго сочиненія. Мы убѣждены, что почтенный авторъ не посѣтуетъ на насъ за эти замѣчанія, высказанныя добросовѣстно и съ желаніемъ, чтобы при дальнѣйшемъ развитіи предмета авторъ, котораго имя мы, сколько помнимъ, встрѣчаемъ впервые въ отечественной литтературѣ, избѣгалъ недостатковъ, лишающихъ серьозный трудъ надлежащаго достоинства.

А. Л—ъ.

68 *Описаніе военныхъ дѣйствій* 1839 года въ Сѣверномъ Дагестанѣ. Соч. Полковника Милютина, 1850. С.-Петербургъ.

Книга, изданная г. Милютинымъ, содержитъ въ себѣ описаніе нашихъ военныхъ кавказскихъ дѣйствій противъ Шамиля. Укрѣпивъ двѣ скалы, Ахульго и Новое Ахульго, Шамиль полагалъ себя непобѣдимымъ. Нужно было принять противъ него мѣры, и чеченскій отрядъ, подъ командою Генерала Граббе, назначенъ былъ разувѣрить дерзкаго предводителя въ его увѣренности. Между-тѣмъ, не желая кровопролитія, правительство наше послало нѣкоторыхъ преданныхъ намъ горцевъ образумить Шамиля. Онъ отвѣчалъ, что повѣситъ каждаго, кто только явится къ нему съ предложеніемъ о сдачѣ. Всѣ-

ныя дѣйствія начались, и войска отряда соединились у крѣпости Внезанной, и стали лагеремъ на правомъ берегу Акташа. Число войскъ въ строю простиралось до 7000 человѣкъ. Сперва предполагалось прямо идти противъ Шамиля въ Дагестанъ, и потомъ уже осенью въ Чечню, но полученныя извѣстія о томъ, что Тамав-Хаджи намѣревается напасть намъ въ тылъ, заставили перемѣнить первое намѣреніе. Генералъ Граббе рѣшился сдѣлать тайное нападеніе на урочище Ахмет-Тала, въ которомъ Тамав-Хаджи укрѣпился. 9 мая отданъ былъ приказъ тайно изготовиться, и съ наступленіемъ темнаго вечера войско наше снялось съ позиціи. Еще до зари главный отрядъ пришелъ къ станицѣ Аксай, а передовой отрядъ, подъ командою Полковника Лабинцева, незамѣтно приблизившись къ самому укрѣпленію Тамав-Хаджи, и скрылся въ лѣсу, поджидая утра. Только что начала заниматься заря, какъ егеря наши уже лезли на завалы, а спѣшенные казаки съ одною ротою начали пробираться лѣсомъ, чтобы отрѣзать непріятелю всякое отступленіе. Укрѣпленіе вскорѣ было взято и сожжено; горцы бѣжали, и начали сбираться въ урочищѣ Ахмет-Тала. Генералъ Граббе двинулся туда съ главными силами, для атаки съ фронта, пославши кавалерію въ обходъ лѣса. Это непредвидѣнное движеніе принудило горцевъ бѣжать, бросивъ всѣ приготовленные завалы, и наши почти безъ выстрѣла расположились у Балансу. 11 мая отрядъ достигъ селенія Рагонкама; авангардъ былъ отправленъ въ Саясани, гдѣ находился главный пунктъ Тамав-Хаджи. Полковникъ Лабинцевъ взялъ съ бою это укрѣпленіе, потерявъ только 10 человѣкъ убитыми и 47 ранеными, и тѣмъ вторично рѣшительно разбилъ Ташивъ-Хаджи. Онъ бѣжалъ, и многіе аулы изъявили свою покорность. Экспедиція эта, въ землю Ичкеринцевъ, продолжалось только шесть дней. Оставалось только взять Ахульго, чтобы нанести Шамилю рѣшительный ударъ. Поразивъ горцевъ у Балки Теренгулъ, Генералъ Граббе положилъ идти къ Аргуани, оставивъ всѣ тяжести у подошвы Суукъ-Булака, подъ прикрытіемъ и защитою наскоро сдѣланнаго укрѣпленія, названнаго Удачнымъ. Шамиль собралъ у Аргуани 16,000 Лезгинъ, и надѣялся, что по неприступности этого селенія Русскіе отступятъ. Передъ разсвѣтомъ артиллерія наша открыла огонь, и русскія колонны, составленныя изъ старыхъ солдатъ, закаленныхъ въ бою, двинулись на штурмъ. Аргуани въ-самомъ-дѣлѣ было почти неприступно. Бой продолжался до глубокой ночи, и кончился бѣгствомъ непріятеля. Наши потеряли 146 убитыхъ (въ этомъ числѣ 6 офи-

церовъ), и 500 нижнихъ чиновъ и 30 офицеровъ были ранены. Горцы оставили на мѣстѣ 500 труповъ, а по собраннымъ впослѣдствіи свѣдѣніямъ, потеря ихъ простиралась до 2000 человѣкъ.

Г. Милютинъ прекрасно описываетъ геройскіе подвиги нашихъ солдатъ противъ ожесточенныхъ мюридовъ. Генералъ-Лейтенантъ Граббе, за дѣло при Аргуани, назначенъ былъ Генералъ-Адъютантомъ, а Генералъ-Маіоръ Галафѣевъ, Полковники Пулло и Лабинцевъ произведены въ слѣдующіе чины. Разбитый Шамиль заперся съ своими приверженцами въ Ахульго, построенномъ на двухъ огромныхъ скалахъ и превосходно укрѣпленномъ. Съ нимъ было болѣе 4000 человѣкъ обоего пола, изъ которыхъ болѣе 1000 мюридовъ. Сто самыхъ отчаянныхъ мюридовъ, подъ предводительствомъ Али-Бека, засѣли въ отдѣльномъ укрѣпленіи, Сурхаевой-Башнѣ. Генералъ Граббе рѣшился блокировать Ахульго съ обѣихъ сторонъ рѣки Койсо, но рекогносцировка показала, что силы отряда были недостаточны для совершенной блокады, а потому и положено было довольствоваться однимъ бомбардированіемъ Ахульго до прибытія подкрѣпленій. Были еще выписаны 2 легкія орудія и 4 мортирки, съ двойнымъ комплектомъ зарядовъ на каждое орудіе; притомъ же г. Граббе просилъ Генерала-отъ-Инфантеріи Головина прислать нѣсколько батальйоновъ изъ отряда, расположеннаго въ долинѣ Самурской.

Въ слѣдствіе этой просьбы три батальйона графа Паскевича-Эриванскаго полка, съ двумя легкими и двумя горными орудіями, были посланы на подкрѣпленіе къ Генералу Граббе, но прибыли къ нему не ранѣе 12-го іюля.

Между-тѣмъ Шамиль, видя такія приготовленія, дѣлалъ воззванія не только къ жителямъ Дагестана, но даже къ отдаленнымъ племенемъ, Гумбетовцамъ и Андійцамъ.

Воспламененые воззваніями Шамиля, племена эти полагали, что одно ихъ появленіе принудитъ Руских снять блокаду, и почти въ одно и тоже время показались съ разныхъ сторонъ, на разсвѣтѣ, 19 іюня. Съ громкими пѣснями стиховъ Корана, горцы начали перестрѣлку. Наши солдаты смѣло кинулись на высоты, и штыками сбили непріятелей. Генералъ Граббе счелъ необходимымъ преслѣдовать ихъ и разсѣять, и потому, оставивъ часть войскъ, подъ начальствомъ Генерала Галафѣева, предъ Ахульго самъ, съ 4-мя батальйонами пѣхоты, 4 горными орудіями, конными казаками и милиціею выступилъ за горцами, и отразивъ ихъ за Андійскіе Койсу, къ вечеру 23 іюня возвратился назадъ къ

Ахульго изъ котораго Шамиль сдѣлалъ наканунѣ сильную вылазку, узнавъ объ удаленіи Генерала Граббе.

Между-тѣмъ осадныя наши работы продолжалась, и Сурхаева-Башня была окружена совсѣхъ сторонъ. Такъ какъ она затрудняла дѣйствія нашихъ войскъ, то положено было взять ее приступомъ, и 29 іюня храбрые егеря наши кинулись на приступъ. Бой продолжался цѣлый день, солдаты наши оказывали чудеса храбрости, но приступъ не былъ успѣшенъ, и стоилъ намъ 300 человѣкъ потери; въ томъ числѣ убито 2 офицера и 34 человѣка солдатъ. Горцы понесли значительный уронъ; множество мюридовъ было перебито, и самъ Али Бекъ, лучшій помощникъ Шамиля, умеръ отъ тяжкихъ ранъ. Изъ Темир-Хан-Шуры прибыло еще 4 полевыя орудія и одинъ батальйонъ пѣхоты, и 4 іюля Сурхаеву-Башню начали бомбардировать. На полуразрушенныя стѣны ея бросилась на приступъ толпа охотниковъ; но мюриды защищались съ ожесточеніемъ. Командующій отрядомъ, чтобъ избѣгнуть новаго кровопролитія, приказалъ охотникамъ сойдти съ вершины скалы. Между-тѣмъ артиллерія продолжала громить Сурхаеву-Башню, погребая, своими выстрѣлами, мюридовъ подъ развалинами стѣнъ. Съ наступленіемъ ночи охотники снова бросились на приступъ, ворвались въ башню, но нашли въ ней только нѣсколько раненыхъ. Оставшіеся отъ истребленія мюриды тихонько выбрались, пользуясь темнотою ночи.

Взятіе Сурхаевой-башни было очень важно для покоренія Ахульго. Около недѣли строили новыя батареи, и чтобы удержать горцевъ отъ дерзкихъ попытокъ, батареи эти поддерживали огонь цѣлую ночь. Наконецъ осадныя работы были кончены, и Генералъ Граббе положилъ взять Ахульго штурмомъ.

16 іюля, артиллерія съ утра открыла сильный огонь со всѣхъ батарей, и въ пять часовъ по-полудни три штурмующія колонны двинулись на приступъ. Главная изъ нихъ, подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ, быстро прошла ровъ, взобралась на передовое укрѣпленіе Новаго-Ахульго, мгновенно сбила непріятеля, и съ крикомъ ура заняла всю переднюю площадку. Но за площадкой находился еще второй, глубокій перекопъ, обстрѣливаемый перекрестнымъ огнемъ изъ двухъ скрытыхъ блокгаузовъ. Напрасно солдаты наши старались овладѣть ими, и проникнуть далѣе, всѣ попытки ихъ были тщетны, тѣмъ болѣе, что въ колоннѣ не осталось уже *ни одного* офицера; всѣ были или убиты или ранены. Колонна оставалась на первой площадкѣ до самаго вечера, обстрѣливаемая сильно горцами. Ночью всѣ колонны возвратились на сборные пункты, потерявъ 156 человѣкъ убитыми

ми (въ томъ числѣ 7 офицеровъ), 719 раненыхъ и контуженыхъ (офицеровъ 45). Когда Русскіе овладѣли первою площадкою, то мюриды, приведенные въ замѣшательство и изумленіе, готовы были убѣжать, какъ явились женщины съ дѣтьми, и своими криками удержали мужчинъ. Многія изъ черкешенокъ, переодѣтыя въ мужскія платья, дрались съ ожесточеніемъ на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, въ передовыхъ укрѣпленіяхъ.

Генералъ Граббе рѣшился, во что-бы ни стало взять Ахульго.

Г. Милютинъ очень подробно описываетъ всѣ работы, происходившія подъ Ахульго въ теченіе цѣлаго мѣсяца, отъ 16 іюля до 16 августа, въ продолженіе которыхъ, въ мелкихъ перестрѣлкахъ выбыло у насъ изъ строя 100 человѣкъ, убитыми или ранеными. Между-тѣмъ Шамиль, видя упорство нашихъ войскъ и настойчивость, съ которою продолжалась осада болѣе двухъ мѣсяцовъ, нѣсколько разъ старался войдти въ переговоры. Всякій разъ Генералъ Граббе приказывалъ отвѣчать ему, что онъ не иначе вступитъ съ нимъ въ переговоры, какъ тогда, когда Шамиль покорится русскому правительству, и въ знакъ искренней покорности дастъ въ аманаты сына, и что русское начальство неиначе можетъ смотрѣть на Шамиля, какъ на мятежника, испрашивающаго себѣ прощенія отъ великодушія Государя Императора. Эти переговоры продолжались четыре дня и наконецъ Генералъ Граббе приказалъ объявить, что если до наступленія ночи Шамиль не выдастъ своего сына, то на другой же день Ахульго будетъ штурмовано. Въ-самомъ-дѣлѣ, ночью сдѣланы были для штурма всѣ распоряженія. Съ зарею, 17 августа артиллерія открыла со всѣхъ баттарей сильнѣйшій огонь. Послѣ сильнаго боя, Шамиль, отчаявшись удержаться въ Новомъ-Ахульго, поспѣшилъ, въ знакъ перемирія, выставить бѣлый флагъ и выслать аманатомъ своего сына, (который поступилъ потомъ на воспитаніе въ Первый Кадетскій Корпусъ). Чтобы ускорить переговоры, Генералъ-Маіоръ Пулло, поѣхалъ въ Ахульго для личнаго свиданія съ Шамилемъ. Шамиль настаивалъ, чтобы ему позволено было удалиться въ горы, и чтобы сынъ его оставался аманатомъ въ Чиркеѣ, у тамошняго старшины Донамана. Съ каждымъ днемъ, надѣясь еще поддержать оборону Ахульго, Шамиль увеличивалъ свои требованія, и потому, 21 августа, штурмъ опять возобновился. Мюриды держались крѣпко, и выбить ихъ изъ укрѣпленія не было возможности. Тогда прибѣгли къ послѣднему средству: саперы ночью начали устраивать мину, высѣкая галерею въ сплошномъ камнѣ. Однакожъ,

въ туже ночь Шамиль, видя общее уныніе и гибель своихъ лучшихъ мюридовъ, рѣшился оставить Новое-Ахульго съ своимъ семействомъ, и скрыться въ пещеру надъ рѣкою Койсу. Всѣ прочіе горцы удалились въ Старое Ахульго. 22 числа, при взятіи Стараго-Ахульго завязался бой отчаянный, ожесточенный съ обѣихъ сторонъ; дрались даже женщины; но, несмотря на всю отчаянную защиту горцевъ, Русскіе съ крикомъ ура ворвались въ укрѣпленія, и къ двумъ часамъ по-полудни на стѣнахъ обонхъ Ахульго развивались русскія знамена. Окончательный бой этотъ, продолжавшійся полторы сутокъ, заставилъ у насъ выбыть изъ строя 150 убитыми (6 офицеровъ) 494 ранеными и контуженными (15 офицеровъ). Но между-тѣмъ бой еще не кончился, а изъ общаго превратился въ одиночный, продолжавшійся семь дней. Каждую пещеру, каждый камень и саклю нужно было брать съ бою противъ мужчинъ, женщинъ и даже дѣтей, которые, не желая сдаваться, бросались на штыки или съ отчаянія кидались въ пропасти. Цѣлыя семейства погибли подъ развалинами сакель. Убитыхъ горцевъ было болѣе тысячи, и бо́льшая часть ихъ труповъ неслась по рѣкѣ; плѣнными мы захватили до 900 человѣкъ, въ числѣ которыхъ бо́льшею частію были женщины, дѣти и старики, — которые, будучи даже въ неволѣ, покушались отмстить намъ. Все успо коилось только 29 августа. Самому Шамилю удалось спастись.

Блокада Ахульго, продолжавшаяся 80 дней, стоила намъ 500 человѣкъ убитыми, до 1722 раненными и 694 контуженными; въ этомъ числѣ убито офицеровъ 23, 91 раненъ и 33 контужено.

Взятіе Ахульго имѣло для насъ важныя послѣдствія; оно уничтожило вліяніе Шамиля на горныя племена. Вѣсть о взятіи Ахульго, истребленіе партіи мюридовъ и бѣгство самаго Шамиля распространили повсюду уныніе и навели ужасъ на горцевъ. Не только окрестныя, но и многія отдаленныя племена Дагестана покорились русскому правительству, и прислали въ нашъ лагерь депутатовъ. Желая однимъ разомъ успокоить все, Генералъ Граббе двинулся, 31 августа, чрезъ Унцукуль, въ Гимры, селеніе самое мятежное изъ всего Дагестана, родину Кази-Муллы и Шамиля; оно тоже покорилось намъ. Генералъ Граббе привелъ въ покорность и Чиркеевцевъ.

Чтобы читатели имѣли возможность полнѣе узнать о блистательныхъ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ на Кавказѣ, мужествѣ и храбрости, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ, мы рекомендуемъ имъ прекрасную книгу г-на Милютина, въ которой все изложено въ самыхъ вѣрныхъ подробностяхъ.

69 *Продолжительность любви.* Романъ Поль-де-Кока, въ 2 частяхъ. Москва. 1850 года.

Содержаніе романовъ Поль-де-Кока уже извѣстно читателямъ. Это почти одна и таже картина, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями.

Если кому есть досужное время, тотъ можетъ прочесть двѣ эти маленькія книжоночки, посмѣяться и позѣвать.

70 *О литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ*, сочиненіе Николая Малиновскаго. С.-Петербургъ.

Книга, необходимая для каждаго христіанина, въ которой авторъ подробно излагаетъ значеніе нашей литургіи и содержаніе ея. Мы совѣтуемъ запастись ею каждому вѣрующему, чтобы понимать важность Преждеосвященнаго служенія и значеніе каждой молитвы и каждаго духовнаго пѣнія, въ ней заключающагося.

71 *Краткое хронологическое обозрѣніе Русской Исторіи.* С.-Петербургъ.

Краткое хронологическое обозрѣніе русской исторіи можетъ служить очень хорошимъ вспомоществованіемъ при изученіи полной русской исторіи. Въ ней кратко изложены всѣ событія нашего отечества, по годамъ, начиная съ самаго основанія Руси. Книга эта очень облегчаетъ запамятованіе, и служитъ какъ-будто канвою, по которой остается только дополнить происшествія.

—

СМѢСЬ.

ПИСЬМА ПУТЕШЕСТВЕННИКА КЪ ДРУЗЬЯМЪ. *Письмо двадцать-третье.*

Веймаръ: Гёте и его Записки.

Въ дѣятельности искалъ Гёте развлеченія отъ горестныхъ мыслей, продолжавшихъ его тревожить. *Философія* представила ему новое поприще наблюденій, размышленій. *Живопись*, любимое искусство отца Гёте, пріятно разнообразила серьозныя занятія. Нѣжная дружба сестры имѣла благодѣтельное вліяніе на сердце Вольфганга.

Настало время поступленія въ университетъ, и—новая странность проявляется въ характерѣ молодаго человѣка. Въ началѣ своихъ Записокъ Гёте говоритъ, что отецъ его уважительно отзывался обо всѣхъ университетахъ, исключая Гёттингенскаго; къ послѣднему онъ питалъ необъяснимое отвращеніе. Не-смотря на то, по странному противорѣчію, Вольфгангъ просится именно въ этотъ университетъ. Отецъ его остается непреклоннымъ и, nolens volens, Гёте отправляется въ Лейпцигъ. Безъ малѣйшаго сожалѣнія оставляетъ онъ Франкфуртъ.

По рекомендательнымъ письмамъ молодой Гёте сблизился съ г. Бёме, профессоромъ исторіи; но страсть къ литературѣ влекла его къ Геллерту, профессору словесности. Онъ надѣялся, что его стихотворенія послужатъ ему рекомендаціей, но — увы! ошибся. Геллертъ былъ отъявленный врагъ поэзіи; онъ не переставалъ возставать противъ нея въ своихъ лекціяхъ; стихи казались ему игрушками, шалостями. Чтобы войти въ милость

къ Геллерту, Гёте сталъ писать прозой; но и проза не имѣла лучшаго успѣха....

Огорченный, Гёте собралъ всѣ свои сочиненія, связалъ ихъ въ пачку и сжегъ.

Во время трехлѣтняго пребыванія въ Лейпцигѣ, Гёте не слѣдуетъ ни за однимъ курсомъ съ постоянствомъ. Онъ переходитъ отъ одного профессора къ другому; безпокойный, нѣсколько восторженный умъ его, напомненный отрывками, такъ сказать, разнообразнѣйшихъ познаній, но не округленный ни однимъ цѣлымъ, ищетъ чего-то, о чемъ самъ не имѣетъ еще понятія.

Одно остается въ немъ твердымъ, неизмѣннымъ: желаніе сдѣлаться извѣстнымъ, прославиться. Каждый писатель, пользующійся извѣстностью, становится для него предметомъ особеннаго уваженія; онъ старается быть представленнымъ ему, ищетъ сблизиться съ нимъ. Въ каждой знаменитости онъ видитъ образецъ, идеалъ.

Изъ всѣхъ литературныхъ попытокъ Гёте, относящихся къ этому времени, уцѣлѣли только двѣ театральныя піесы: *Приговоръ влюбленнаго* и *Сообщники*. Нѣтъ, однакоже, сомнѣнія, что впослѣдствіи онъ переработалъ ихъ.

Разстройство здоровья, сильная боль въ горлѣ заставили Гёте вернуться во Франкфуртъ. Возвращеніе его въ родительскій домъ было печально. Отецъ его, котораго природа создала педагогомъ, ворчалъ и сердился на болѣзнь сына, препятствовавшую ему заниматься и съ нимъ. Мать Вольфганга вела жизнь однообразную. Вдалась въ піетизмъ, въ который болѣе и болѣе завлекала ее одна старая дѣвица, о которой Гёте отзывается съ большимъ почтеніемъ.

Вслѣдствіе горловой боли, на шеѣ Вольфганга образовался нарывъ. Докторъ, лечившій его, страстный любитель мистическихъ сочиненій, открылъ молодому человѣку, что онъ обладаетъ таинственнымъ средствомъ противу всѣхъ болѣзней, но — вмѣсто того, чтобы воспользоваться случаемъ и тотчасъ же на дѣлѣ доказать дѣйствительность своего средства, онъ совѣтуетъ Гёте приняться за изученіе разныхъ мистико-химическо-алхимическихъ сочиненій!

Вмѣсто того, чтобы прямо назвать этого доктора мистика шарлатаномъ, Гёте, находившійся уже подъ вліяніемъ піетистки сестры дѣвы, принимается разбирать съ нею загадки разныхъ сочи-

ненiй. Этотъ странный кругъ мистики не помогъ, однакожъ, Гёте открыть панацею, а между-тѣмъ болѣзнь его усилилась до такой степени, что онъ сталъ отчаяваться въ выздоровленiи; прибѣгли къ медицинѣ, и Гетё выздоровѣлъ.

Занятiя эти познакомили молодаго человѣка съ химiею и нѣкоторыми другими естественными науками.

Два года пробылъ Гёте въ родительскомъ домѣ; семейныя ссоры ускорили отъѣздъ его въ Страсбургъ, гдѣ онъ долженъ былъ окончить курсъ юриспруденiи.

Въ Страсбургѣ Гёте ведетъ жизнь болѣе созерцательную, нежели дѣятельную; онъ предпочитаетъ живыя развлеченiя наукѣ. Проѣздъ несчастной Марiи-Антоанетты служитъ поводомъ къ торжествамъ и церемонiямъ, за которыми Гёте слѣдитъ гораздо ревностнѣе, нежели за практическими лекцiями своего профессора. Молодые люди, съ которыми онъ сблизился, были Юнгъ и Лерсе; первый сдѣлался впослѣдствiи извѣстнымъ въ литературномъ мiрѣ, подъ именемъ *Штиллинга;* второй послужилъ Гёте образомъ *Лерса* въ Гёцѣ-фонъ-Берлихингенѣ.

Замѣчательнѣйшiй эпизодъ этого перiода жизни Гёте, знакомство его съ Хердеромъ.

«Едва узнали мы о его пріѣздѣ», — разсказываетъ Гетё, — «какъ пожелали видѣть его. Случай помогъ мнѣ. Я зашелъ навѣстить знакомаго въ гостинницѣ, въ которой остановился Хердеръ. На лѣстницѣ я встрѣтилъ мужчину, повидимому духовнаго, намѣревавшагося идти на верхъ. Волосы его были завиты; на немъ былъ чорный фракъ и длинный шолковый плащъ того же цвѣта; конецъ плаща былъ загнутъ и воткнутъ въ карманъ. Этотъ нѣсколько странный, но красивый костюмъ, о которомъ мнѣ уже говорили, убѣдилъ меня въ томъ, что я вижу предъ собою знаменитаго человѣка, о пріѣздѣ котораго насъ извѣстили. Я обратился къ нему какъ знакомый. Онъ спросилъ, какъ меня зовутъ, хотя имя мое не могло быть ему извѣстно; не смотря на то, мой открытый видъ, казолось, понравился ему. Онъ Отвѣчалъ мнѣ благосклонно, и когда мы поднялись на лѣстницу, между нами завязался уже живой разговоръ. Прощаясь, я просилъ у него позволенiя навѣстить его, на что онъ охотно согласился. Нѣсколько разъ пользовался я этимъ позволенiемъ, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе привязывался къ нему. Обращенiе его было вѣжливо, безъ натяжки. Лицо его кругло, лобъ высокъ и

величественъ, носъ нѣсколько коротокъ, и хотя губы были нѣсколько толсты, но выраженіе рта — чрезвычайно пріятно. Чорные глаза, осѣненные чорными бровями, были выразительны, хотя одинъ изъ нихъ былъ красенъ и воспаленъ. Онъ много разспрашивалъ меня о моемъ званіи, моемъ состояніи, и будучи отъ природы откровененъ, я вскорѣ не имѣлъ ничего тайнаго отъ моего новаго друга. Однакожъ то, что было отталкивающаго въ его характерѣ, не замедлило обнаружиться, и произвело на меня непріятное впечатлѣніе. Я часто разсказывалъ ему о моихъ дѣтскихъ занятіяхъ и наклонностяхъ, и между прочимъ, о коллекціи, печатей, которую составилъ съ помощію одного друга нашего дома, имѣвшаго пространную корреспонденцію. Я привелъ свою коллекцію въ порядокъ по адресс-календарю, и познакомился такимъ образомъ съ гербами государей, принцевъ и даже низшаго дворянства. Часто справлялся я съ пользою со своею геральдическою коллекціею, особенно во-время коронованія римскаго императора, а потому говорилъ о ней съ удовольствіемъ.

«Я имѣлъ случай испытать на себѣ страсть его къ противорѣчію; ибо, намѣреваясь разстаться съ принцомъ, съ которымъ онъ пріѣхалъ, и заняться леченіемъ своей глазной боли, онъ рѣшился остаться въ Страсбургѣ. Глазная болѣзнь принадлежитъ къ числу непріятнѣйшихъ и тягостнѣйшихъ. Она была тѣмъ непріятнѣе для Хердера, что для излеченія ея онъ долженъ былъ подвергнуться чрезвычайно трудной операціи, успѣхъ которой былъ невѣренъ.

«Онъ разстался съ принцомъ, и нанялъ квартиру на свой счетъ; *Лобштейнъ* взялся за операцію. Старанія, употребленныя мною для преодолѣнія своей чувствительности, послужили, при этомъ случаѣ, въ мою пользу. Я могъ присутствовать при операціи, и оказать нѣсколько услугъ моему достойному другу. Я удивлялся его твердости и покорности. Ни-многократные надрѣзы, ни примочки не вырвали у него ни одной жалобы. Онъ, казалось, страдалъ менѣе насъ, присутствовавшихъ. Но въ промежуткахъ между операціями мы не разъ терпѣли отъ его прихотливости. Я говорю: мы, потому-что вмѣстѣ со мною за нимъ ухаживалъ добрякъ, Русскій, по фамиліи Пегловъ. Онъ познакомился съ Хер-

дерономъ въ Ригѣ, и хотя былъ уже немолодъ, но старался усовершенствоваться въ хирургіи, подъ руководствомъ знаменитаго Лобштейна. Хердеръ былъ то привѣтливъ и любезенъ, то угрюмъ, не въ духѣ. Всѣ люди болѣе или менѣе расположены къ подобнымъ переходамъ. Немногіе могутъ побѣждать дурное расположеніе духа; многіе умѣютъ только притворяться. Что касается до Хердера, то у него горечь и противорѣчія ума должно было приписать страданіямъ. Дѣйствіе подобныхъ причинъ часто предоставляется въ жизни, и мы часто дурно судимъ о многихъ характерахъ только потому, что намъ кажется, будто бы здоровье нашихъ ближнихъ всегда въ хорошемъ состояніи, и они умѣютъ владѣть собою.

«Во все время леченія Хердера, я навѣщалъ его утромъ и вечеромъ, и оставался у него иногда весь день. Мало-по малу я привыкалъ къ его колкому, насмѣшливому характеру, научаясь каждый день болѣе уважать прекрасныя и рѣдкія качества, обширность познаній, глубину ума его. Онъ былъ только пятью годами старѣе меня, но между молодыми людьми подобное различіе лѣтъ рѣзко обозначается. Его признанныя заслуги и мое уваженіе къ его литературнымъ трудамъ давали ему большое преимущество надо мною, и, вообще, знакомство съ этимъ нелюдимомъ имѣло странное вліяніе на мой умъ. Лица старѣе меня, съ которыми я до-сихъ поръ былъ въ сношеніи, старались развивать мои способности снисходительностію. Отъ Хердера же ни въ какомъ случаѣ нельзя было ожидать одобренія. Съ одной стороны моя привязанность и мое уваженіе къ нему, съ другой неудовольствіе, которое онъ внушалъ мнѣ къ самому-себѣ, порождали во мнѣ борьбу и внутреннія противорѣчія, какихъ я еще никогда не испытывалъ. Его бесѣда, всегда занимательная, его вопросы и отвѣты рождали во мнѣ, по временамъ, новыя размышленія, новыя идеи. Въ Лейпцигѣ я заключилъ себя въ узкій кругъ занятій. Во время послѣдняго моего пребыванія во Франкфуртѣ я не сдѣлалъ большихъ успѣховъ въ изученіи нѣмецкой литературы. Мои полу-химическія и полу-мистическія изысканія увлекли меня въ туманныя сферы, и почти все вышедшее въ послѣднее время въ мірѣ словесности было мнѣ незнакомо. Хердеръ внезапно открылъ мнѣ всѣ новыя попытки, всѣ виды нашей словесности, въ которой онъ самъ принималъ уже дѣятельное участіе. По своимъ отрывкамъ, критическимъ и

другими сочиненіями, онъ сталъ на ряду съ знаменитѣйшими людьми, которыми славилось наше отечество. Нельзя составить себѣ вѣрной идеи о движеніи могущественнаго ума, объ идеяхъ и соображеніяхъ, которыми питалась богатая, плодотворная натура, проявлявшаяся впослѣдствіи во всемъ, что Хердеръ издалъ въ свѣтъ.

«Въ началѣ нашего знакомства онъ открылъ мнѣ, что трудится для премiи, предложенной Берлинской Академіей тому, кто напишетъ лучшее сочиненіе о происхожденіи языковъ. Вскорѣ и тѣмъ онъ повѣрилъ мнѣ свою рукопись, красиво переписанную. Мнѣ не случалось еще думать объ этомъ предметѣ; я былъ такъ углубленъ въ изученіе языковъ, что мнѣ не приходило на умъ изыскивать происхожденіе ихъ. Кромѣ-того, вопросъ этотъ казался мнѣ пустымъ, незначительнымъ. Богъ, создавшій человѣка, даровалъ ему и даръ слова вмѣстѣ съ другими способностями. Я изъявилъ автору все удовольствіе, доставленное мнѣ его разсужденіемъ, позволивъ себѣ только нѣкоторыя замѣчанія, внушенныя мнѣ моимъ собственнымъ взглядомъ на предметъ. Но Хердеръ не принялъ ни моей похвалы, ни моихъ замѣчаній, и обратилъ ихъ въ горькую насмѣшку. Толстый хирургъ нашъ былъ безцеремоннѣе меня: онъ избавился отъ разсужденія, объявивъ, что неспособенъ заниматься такими отвлеченными предметами, и въ заключеніе, уговорилъ насъ присѣсть лучше за ломберный столъ и приняться за карты, за которыми мы проводили каждый вечеръ.

«Во все время своего тягостнаго леченія, Хердеръ не терялъ своей живости, но съ каждымъ днемъ она становилась менѣе благосклонною. Онъ не могъ написать записки, хоть бы въ ней заключалась просьба, безъ примѣси какой-либо колкости; такъ напримѣръ, прося меня однажды прислать ему письма Брута, находящіяся въ собраніи писемъ Цицерона, онъ подшучивалъ надъ моимъ именемъ.

Wenn des Brutus Briefe dir sind in Cicero's Briefen,
Dir, den die Tröster der Schulen von wohlgehobelten Brettern,
Prachtgerüstete, trösten, doch mehr von aussen als innen,
Der von Göttern du stammst, von Gothen oder vom Kothe,
Göthe, sende sie mir.

Мнѣ казалось, что онъ могъ бы удержаться отъ подобной

[illegible] пуговицы. [illegible] которой можно держать за [illegible], а [illegible], приноровленное къ [illegible] росту, или, вѣрнѣе, самая кожа его, расплавливающаяся въ [illegible] старую и покорую [illegible] ни [illegible], ни [illegible], не причиняя ему боли. [illegible]

«Онъ упрекалъ меня, и не безъ причины, [illegible] въ томъ, что я болѣе заботился о наружности моихъ книгъ, нежели о внутренности ихъ. Я привезъ съ собою въ Страсбургъ порядочное количество книгъ, и въ томъ числѣ многія изящныя изданія изъ библіотеки моего отца. Я разставилъ ихъ на хорошенькихъ полкахъ, съ твердымъ намѣреніемъ пользоваться ими; но могъ ли я имѣть на то время въ тысячѣ и одномъ занятіяхъ, которыя я создалъ себѣ? Хердеръ, постоянно рывшійся въ книгахъ, съ перваго посѣщенія напалъ на мое прекрасное собраніе и тотчасъ же замѣтилъ, что я почти не прикасался къ нему. Отъявленный врагъ всего, что основывалось только на наружности, онъ не поскупился въ этомъ случаѣ на насмѣшки и упреки....

«....Леченіе Хердера шло медленно; Лобштейнъ казался неувѣреннымъ, колеблющимся. Это обстоятельство имѣло вліяніе на наши сношенія; нетерпѣніе и отчаяніе овладѣвали Хердеромъ. Дурной успѣхъ его леченія стали приписывать слишкомъ сильному напряженію его ума, живости и веселости нашихъ бесѣдъ. Эти замѣчанія заставили Хердера отказаться отъ привычной дѣятельности. Словомъ, послѣ стольких страданій, должно было отказаться отъ надежды на выздоровленіе, а во избѣжаніе увеличенія боли, пришлось увеличить рану. Твердость Хердера во время операціи была изумительна; но грустная покорность его при мысли о томъ, что онъ осужденъ на всю жизнь на тяжкую немощь, имѣла въ себѣ нѣчто дивно-возвышенное. Болѣзнь, искажавшая его благородное и пріятное лицо, была для него тѣмъ горестнѣе, что въ Дармштадтѣ онъ познакомился съ молодою дѣвицею рѣдкихъ качествъ, заслужилъ привязанность ея, и надѣялся соединиться съ нею неразрывными узами. Онъ приступилъ къ леченію преимущественно для того, чтобы, по возвращеніи, явиться передъ своею возлюбленною съ облегченнымъ сердцемъ и болѣе пріятною наружностью. Не смотря на то, что надежды его не сбылись, онъ поспѣшилъ оставить Страсбургъ, и тѣмъ какъ пребываніе въ этомъ городѣ стоило ему дорого, то

и порядочную сумму денегъ, которую тотъ обѣщался возвратить мнѣ въ условленный срокъ. Время проходило, а денегъ не было. Наконецъ я получилъ письмо отъ Хердера, который и въ этомъ случаѣ не измѣнилъ себѣ; ибо, вмѣсто признательности и извиненій, письмо его, написанное вольными стихами, было наполнено колкими насмѣшками.

«Обнародованіе своихъ или чужихъ недостатковъ дозволено только въ такомъ случаѣ, если оно можетъ принести пользу. То, что я сейчасъ разсказалъ, внушаетъ мнѣ слѣдующее размышленіе:

«Признательность и неблагодарность находятся въ числѣ феноменовъ, безпрестанно повторяющихся въ нравственномъ мірѣ и подлежащихъ различнымъ сужденіямъ.

«Я съ молоду пріучилъ себя перебирать въ умѣ всѣ предметы, принадлежавшіе мнѣ, и припоминать, какимъ образомъ я пріобрѣлъ ихъ; я вспоминаю о лицахъ, которымъ обязанъ различными предметами моихъ коллекцій, объ обстоятельствахъ и случаяхъ, доставившихъ мнѣ дорогія для меня вещи, и каждому отдаю должное. Такимъ образомъ все окружающее меня становится живымъ, связываясь съ пріятными воспоминаніями. Съ большимъ еще удовольствіемъ обращаюсь я къ предметамъ, неподлежащимъ матеріальному, чувственному обладанію, какъ напримѣръ, къ ощущеніямъ, мнѣ внушеннымъ, къ познаніямъ, которыми обогатили мой умъ; настоящая жизнь моя возвышается и обогащается такимъ образомъ воспоминаніемъ прошедшаго; воображеніе напоминаетъ сердцу моему дателей тѣхъ благъ, которыми я наслаждаюсь; нѣжное воспоминаніе присоединяется къ ихъ образу, и неблагодарность становится для меня невозможною....»

Чувство чрезвычайно пріятное, которое можно встрѣтить даже у величайшаго эгоиста. Развѣ наслаждаться воспоминаніемъ оказанныхъ намъ благодѣяній значитъ быть признательнымъ? Подобное расположеніе души ведетъ, конечно, къ признательности, но невсегда.... Это даже не *первый шагъ*, а только *дорога*.

Тѣ же три оттѣнка, которые Гёте отличаетъ въ неблагодарности, являются и въ признательности, которую можно раздѣлить на увлеченіе сердца, признательность и себялюбіе. Первое врождено человѣку; это невольное отраженіе счастія на виновника этого счастія; признательность, проистекающая прямо изъ сердца, согрѣтаго благодѣяніемъ, способна на величайшее самоотверженіе; но тѣмъ сильнѣе, пламеннѣе это движеніе сердца, тѣмъ оно не прочнѣе,

кратковременное. Пылкость сердца умѣряется разумомъ. Если разумъ развращенъ ложными философическими идеями, то за увлеченіемъ его сердца слѣдуетъ то холодное равнодушіе, отъ котораго предостерегаетъ Гёте. При здравомъ же разумѣ движеніе сердца теряетъ преимущества порыва, но, съ другой стороны, пріобрѣтаетъ преимущества постояннаго, обдуманнаго чувства. Подобная признательность соразмѣряетъ возмездіе съ благодѣяніемъ; она платитъ проценты умѣренные, но вѣрные.... Первая болѣе проявляется на словахъ и обѣщаніяхъ, искреннихъ въ минуту произнесенія, но часто превышающихъ силы и средства облагодѣтельствованнаго; вторая холодна, но сосредоточивается въ самой себѣ, и обнаруживается только на дѣлѣ. Наконецъ, третій оттѣнокъ, признательность по себялюбію, эгоизму, встрѣчается, къ сожалѣнію, гораздо чаще двухъ первыхъ. Человѣкъ, питающій только подобную признательность, вполнѣ зараженъ духомъ *свѣтскихъ* условій. Это уже не должникъ, а заимодавецъ, отдающій свою признательность на проценты. Въ этомъ случаѣ преобладаетъ не сердце, ни даже разумъ, а животный инстинктъ собаки, становящейся на заднія лапы при видѣ кости. Подобная признательность хуже гнуснѣйшей неблагодарности, потому-что основныя начала ея эгоизмъ и лицемѣріе; а между тѣмъ люди все еще вѣрятъ ей....

Изъ описанія отношеній между Гёте и Хердеромъ довольно ясно обрисовываются характеры ихъ. Въ первомъ преобладаетъ сердце, со всѣми добрыми качествами и недостатками его. Принадлежа къ роду богатыхъ франкфуртскихъ гражданъ, Гёте, при вступленіи въ жизнь не встрѣтилъ тѣхъ препятствій, которыя нерѣдко имѣютъ вліяніе на развитіе умственныхъ способностей. Горести, о которыхъ онъ говоритъ, ничтожны; Гёте придаетъ имъ чрезъ-чуръ преувеличенную важность только потому, что не испыталъ болѣе серьозныхъ, дѣйствительныхъ страданій. Жажда извѣстности тревожитъ его; онъ не боится труда, но ему хотѣлось бы узнать все *разомъ*, чтобы скорѣе достигнуть цѣли. Но наука кокетка: каждый день представляетъ она новую прелесть полюбившему ее, каждый день отталкиваетъ она его загадочными, непостижимыми прихотями. Даже одного постоянства не достаточно, чтобы побѣдить ее; правда, она вводитъ въ свой домашній кругъ постояннаго поклонника, но въ свое святилище впускаетъ она только человѣка, которому удается стать

выше ея, который, разгадавъ всѣ тайны ея, покоряетъ ее своей власти....

У Гёте недоставало даже постоянства. Нѣсколько избалованный похвалами своимъ ребяческимъ стихосплетеніямъ, и полагаясь на свои блистательныя природныя способности, онъ постоянно гонится за той наукой, которая далась бы ему легко.

Вдругъ онъ встрѣчаетъ въ Хердерѣ строгаго судью, незнающаго снисходительности. Жизнь Хердера развилась совершенно иначе, нежели жизнь Гёте. Нужда заставила его приняться за науку, какъ за ремесло; усиленный трудъ, неутомимая дѣятельность доставили ему извѣстность, но не обезпечили еще матеріальнаго существованія его. Едва ли бы Хердеръ позволилъ себѣ какую-нибудь колкость на счетъ своего молодаго друга, еслибъ не привязался къ нему искренно, и еслибъ не угадалъ природныхъ прекрасныхъ способностей его; но пренебреженіе послѣднихъ, повидимому, и сердитъ его. Онъ видитъ молодаго человѣка, щедро одареннаго матеріяльными и нравственными средствами, тратящаго жизнь въ стремленіяхъ къ извѣстности. Это кажется ему непростительнымъ, и безъ всякой снисходительности, порицаетъ онъ въ Гёте даже то, что̀ при другихъ обстоятельствахъ заслужило бы, быть-можетъ, похвалу его. Какъ истинный доктеръ богословія, требуетъ онъ много отъ того, кому дано много....

Это сужденіе я основываю на кротости, на добродушіи, проявляющихся не только въ сочиненіяхъ Хердера, но даже во всей частной и общественной жизни его. Гёте же, со свойственною ему снисходительностію къ самому-себѣ, приписываетъ обращеніе Хердера съ нимъ той горечи, которую въ немъ развили обстоятельства.

Знакомя Гёте съ новѣйшими и замѣчательнѣйшими произведеніями литературы, Хердеръ прочиталъ ему и Пеглову переводъ *Векфильдскаго Пастора*.

«Я полагаю — говоритъ Гёте, — что сочиненіе это знакомо моимъ читателямъ. Для нечитавшихъ его, я замѣчу только, что жена пастора, добрая, дѣятельная женщина, постоянно заботящаяся о своихъ и о самой-себѣ, но легковѣрна и подвержена нѣкоторымъ химерическимъ идеямъ. У нея двѣ дочери, Олинія, красавица, всѣ ощущенія которой проявляются наружу, и Софія, тоже милая дѣвушка, но болѣе скрытная, сосредоточенная въ самой-себѣ. Я не долженъ забыть сына, Моисея, прилежнаго

юношу, наслѣдовавшаго добродѣтели родителей, но нѣсколько жесткаго въ обращеніи.

«Хердеръ, читая намъ этотъ романъ, досадовалъ на избытокъ чувствительности, овладѣвавшей мною болѣе и болѣе съ каждой страницей. Я ощущалъ какъ человѣкъ, какъ юноша. Все казалось мнѣ истиннымъ, живымъ, дѣйствительнымъ. Что̀ касается до него, обращавшаго вниманіе на образъ, форму сочиненія, то онъ не одобрялъ моего увлеченія занимательностію сюжета. Замѣчанія Петрова, не отличавшіяся особенною тонкостью, были еще хуже принимаемы. Болѣе всего досадовалъ Хердеръ на нашу непроницательность, на нашу неспособность предугадывать событія, подготовленныя авторомъ, замѣчать противуположности, создаваемыя имъ. Видно было, что романъ въ его глазахъ былъ не что̀нное, какъ произведеніе искусства; мы же были въ тѣхъ лѣтахъ, въ которыя и произведенія искусства производятъ на насъ впечатлѣнія созданій природы.

«Чтеніе это произвело сильное впечатлѣніе на мой умъ; я никакъ не ожидалъ быть вскорѣ перенесеннымъ изъ этого идеальнаго міра въ дѣйствительный.»

Изъ этихъ словъ видно, что Гёте жилъ воображеніемъ, живописные образы котораго болѣе наполняли жизнь его, нежели сухія, но плодотворныя формулы наукъ. Господство воображенія въ человѣкѣ ослабляетъ его энергію, точно такъ какъ употребленіе опіума убиваетъ тѣло.

Гёте восхищается прекраснымъ произведеніемъ Гольдсмита, какъ *публика*, — разумѣется, просвѣщенная; Хердеръ оцѣниваетъ его какъ *критикъ*, — разумѣется, добросовѣстный. Вакфильдскій Пасторъ дѣйствуетъ на воображеніе одного, на умъ другаго. Вотъ почему сужденіе перваго выливается, такъ сказать, изъ избитой формы общихъ мѣстъ.

«Онъ, — говоритъ Гёте о романѣ Гольдсмита, — имѣетъ еще великое нравственное, христіанское значеніе, въ чистѣйшемъ смыслѣ этого слова; ибо представляетъ вознагражденную добродѣтель, постоянство добродѣтели, подкрѣпленное полною вѣрою въ Бога. Онъ утверждаетъ вѣрованіе въ конечное, непремѣнное торжество добра надъ зломъ....»

Это сужденіе Гёте о Вакфильдскомъ Пасторѣ противорѣчитъ собственнымъ произведеніямъ его. Гдѣ награда Миньоны, Вер-

тера, Маргариты? Зачѣмъ придаетъ онъ самому Фаусту высокія качества, заставляющія любить его?...

Нѣтъ, не таково высокое назначеніе писателя. Онъ долженъ быть строгимъ, неподкупнымъ судьею, а не преслѣдователемъ.

И. ФУРМАНЪ.

ПОКЛОННАЯ ГОРА. Въ послѣднее время журналы начали помѣщать на своихъ страницахъ очерки петербургскихъ окрестностей. Хотя эти очерки въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и не совсѣмъ сходны съ истиною, но содержа въ себѣ вѣрное описаніе главныхъ предметовъ, знакомятъ публику съ мѣстами, на которыхъ другому и во всю жизнь не придется побывать. Намъ нерѣдко приходитъ на мысль, что журналы, сообщая въ разное время описаніе окрестностей, возбудятъ въ комъ-нибудь желаніе собрать всѣ подобныя описанія въ одну общую книгу и издать въ свѣтъ. Такая книга много бы принесла пользы, въ особенности для желающихъ жить на дачахъ. Раскрываете: «Описаніе окрестностей Петербурга», выбираете, соотвѣтственно своему желанію ту или другую мѣстность, и потомъ отправляетесь нанимать дачу, слѣдовательно, избѣгаете безполезныхъ разъѣздовъ, розысковъ и т. п. Найдя въ этой книгѣ описаніе занятій и увеселеній тѣхъ загородныхъ мѣстъ, вы, сидя въ кабинетѣ, разсчитываете всѣ расходы на проживаніе въ теченіе наступающаго лѣта и впередъ составляете себѣ планъ будущихъ увеселеній. Я твердо убѣжденъ, что описаніе каждой мѣстности нашей столицы, гдѣ только поселяются дачники, должно быть полезно. Газеты наши въ разное время сообщали о многихъ замѣчательныхъ окрестностяхъ; говорили и о Спасской-мызѣ, и о Парголовѣ; но никто еще не говорилъ ни слова о промежуткѣ между двумя этими пунктами. О немъ то мы хотимъ сказать нѣсколько словъ. Кто ѣздилъ въ Парголово, и кто не бывалъ тамъ? Всякій, вѣроятно, замѣтилъ на 11 верстѣ Выборгской, дороги отъ Петербурга большую возвышенность, называемую *Поклонною горою*. Названіе это, по преданію, происходитъ отъ слѣдующаго: Носятся слухи, будто бы, на этомъ мѣстѣ въ первый разъ Шведы сдались (*поклонились*) Петру Великому. На этой горѣ, въ лѣсу, указываютъ, сдѣланные два угловые, сажень на 50 одинъ отъ другаго разстояніемъ; вала. Съ этихъ то пунктовъ, будто бы стрѣляли Русскіе въ Шведовъ. А какъ это мѣсто довольно возвышенно (*до* 34 сажень отъ уровня воды) и

кругомъ защищено лѣсомъ, то Шведы и не могли сопротивляться, сдались—*поклонились*—Петру Великому, а потому и гора получила названіе *Поклонной*. Не вдаваясь въ изслѣдованіе этого преданія, просимъ взойти на вершину Поклонной-горы. Тамъ вы увидите четыре дороги: 1-я въ Парголово, 2-я въ Колымаги, 3-я къ Выборгской заставѣ и 4-я на Спасскую-мызу. Послѣднія двѣ дороги пересѣкаются поперечною дорогою, границею Спасской мызы, почему мѣстность эта изображаетъ треугольникъ, вершиной котораго служитъ Поклонная-гора; основаніемъ—разстояніе 3 версты по Выборгской дорогѣ; меньшею стороною—граница Спасской-мызы; а большею—дорога со Спасской-мызы въ Парголово. Всѣ эти дороги чрезвычайно различны между собою: такъ Выборгская составляетъ вначалѣ отъ Поклонной-горы сильный скатъ, а далѣе довольно горизонтальную покатость; правая сторона ея вымощена камнемъ, а другая немощеная. Замѣчательно, что на этой дорогѣ, на протяженіи 3 верстъ, помѣщаются 5 харчевень, одинъ кабакъ и нѣсколько мелочныхъ лавочекъ! Во всѣхъ этихъ *заведеніяхъ* главными присутствующими членами бываютъ чухонцы проѣзжающіе въ Парголово, что можно замѣтить по ихъ однообразнымъ одноколкамъ (таратайкамъ).

По другую сторону лежатъ поля Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, столь замѣчательнаго въ области науки сельскаго хозяйства. Не можемъ не благодарить г. Директора Училища за доставленіе удовольствія осмотрѣть это прекрасное раціональное хозяйство, въ которомъ замѣчательны особенно сельскія строенія и собраніе земледѣльческихъ орудій; изъ нихъ каждому помѣщику необходимо имѣть англійскую молотильную машину, недавно пріобрѣтенную Училищемъ, и способную къ переноскѣ—Вальсона; американскія косы для кошенія ржи и плугъ Земледѣльческаго Училища, какъ намъ кажется, Роджера, только съ нѣкоторыми измѣненіями. Эти вещи должны привлечь туда каждаго помѣщика—хозяина. Для посѣтителей назначены праздничные дни, а чтобъ видѣть все, дается провожатый — десятникъ изъ воспитанниковъ училища. Для насъ былъ назначенъ Л—нинъ, который прекрасно объяснилъ всѣ земледѣльческіе апараты, пріемы и систему хозяйства, и такъ отвѣчалъ на заданные нами агрономическіе вопросы, что мы изумились, до какой степени въ этомъ училищѣ развита не только практическая часть, но и теоретическая! Дай Богъ побольше такихъ воспитанниковъ; они могутъ упрочить наше русское хозяйство. И за все мы должны

принести душевную признательность покойнику М. А. Байкову.... Но отправимтесь дальше.... На 8 верстѣ начинается дорога, отдѣляющая треугольникъ отъ Спасской-мызы. Дорога эта немощеная, изъ хорошо утрамбованнаго песку, постепенно возвышается, и потому сухая; она выходитъ на дорогу, ведущую изъ Спасской-мызы въ Парголово, которая въ свою очередь привѣтно возвышается до самой вершины Поклонной-горы; она нѣсколько извилиста, не мощена и состоитъ изъ весьма плотнаго песку. Въ право лежитъ сосновый лѣсъ, а на лѣвой сторонѣ расположены дачи. Нагорная дорога казалась бы удобнѣйшею для расположенія главныхъ фасадовъ дачъ; тому способствуетъ возвышенность мѣста, песчаный грунтъ земли, и прекрасный хвойный лѣсъ, испускающій здоровый смолистый запахъ; но этому послѣдовали не всѣ владѣтели дачъ, какъ и увидимъ ниже, а предпочли для главныхъ фасадовъ низменную дорогу. Какъ ни великъ описываемый нами треугольникъ, но онъ принадлежитъ только пяти главнымъ владѣльцамъ. Отъ Спасской-мызы начинается дача *жены чиновника 6 класса Петровой*. Она имѣетъ до 10 отдѣльныхъ, хорошо выстроенныхъ домовъ, расположенныхъ лицевою стороною на Выборгскую-дорогу. Въ концѣ дачи помѣщается харчевня и мелочная лавка. За домами довольно обширный чистый садъ съ прудомъ, въ который втекаютъ нѣсколько маленькихъ рѣчекъ. Позади сада идетъ лѣсъ, выходящій на нагорную дорогу. Рядомъ съ Петровой дачею, дача г-на Юшкова, состоящая изъ большаго одноэтажнаго съ мезониномъ дома, не совсѣмъ краснаго вида, прилегающаго къ нагорной дорогѣ; позади лѣсъ, идущій до Выборгской-дороги, гдѣ границу дачи составляетъ харчевня. Далѣе дача мануфактуръ совѣтника Гинтера, извѣстнаго своею фабрикою фаянсовыхъ издѣлій. Всѣ строенія ея расположены ближе къ нагорной дорогѣ; въ числѣ строеній есть вѣтряная мельница, приводящая въ движеніе 8 жернововъ, растирающихъ фаянсовый составъ, и 12 толчей, приводящихъ въ порошокъ тигли, для обжиганія посуды. На среднихъ мѣстности выстроены мастерскія для дѣланія посуды, магазинъ и жилище рабочихъ. Здѣсь любопытно побывать, чтобъ взглянуть, съ какою быстротою дѣлаются самыя мелкія вещи и вся фаянсовая посуда учениками и мастерами этого завода. Число мастеровыхъ простирается до 50. Они работаютъ скоро, съ знаніемъ дѣла. Мы здѣсь встрѣтили вещи, вылѣпленныя вместе

ромъ, незнающимъ грамотѣ, лѣтъ 30, изъ фаянса лучше и изящнѣе, нежели изъ гипса, вещи, по исполненію заслуживающія художническаго назначенія. Г-ну Гинтеру принадлежитъ сверхъ-того большое количество земли, часть ея засѣяна рожью и овсомъ, а на Выборгскую-дорогу выведенъ домъ, въ которомъ есть тоже *харчевня*. Возлѣ дачи Гинтера, дача Бушина, имѣющая нѣсколько домиковъ, выстроенныхъ на Выборгскую и нагорную дорогу. Въ укоръ прочимъ владѣльцамъ, здѣсь нѣтъ харчевни. Тотчасъ за этою дачею, начинается хорошо расчищенный лѣсъ, а потомъ рядъ домовъ и за ними опять лѣсъ, до вершины Поклонной-горы; все это принадлежитъ почетному гражданину Лихачеву. Эта часть Поклонной-горы самая населенная, лучшая и здоровая. Рядъ домовъ, числомъ до 15, расположенъ главными фасадами на самомъ возвышенномъ мѣстѣ, въ сравненіи съ прочими, на горную дорогу. Дома неизящной архитектуры, но удобны для помѣщенія. Позади ихъ по склону горы большое поле и лѣсъ, выходящій на Выборгскую-дорогу, по которой отмежевано нѣсколько земли для коллежскаго асессора Гайдукова, купца Чернягина и г-жи Суловской. Они на этой землѣ выстроили собственные домики. На дачѣ г-на Лихачева есть тоже харчевня и мелочная лавка! Всѣ эти дома, впереди или позади имѣя отдѣльные садики, назначаются для найма. Послѣдній въ наймы отдающійся домъ Лихачева отдѣляется отъ собственно ему принадлежащей дачи вымощенною дорогою, идущею отъ Выборгской на нагорную дорогу. Дачу эту составляетъ двухъ-этажный домъ; по бокамъ съ обѣихъ сторонъ его флигеля, ближе выступающіе къ дорогѣ, отчего передъ большимъ домомъ образуется площадка засѣянная разноцвѣтными георгинами. Задняя сторона дома колоннами и терассою выходитъ въ садъ. Такъ какъ домъ выстроенъ на самомъ высокомъ мѣстѣ, куртина около задняго фасада дома, усажена различнымъ кустарникомъ и деревьями, между которыми извилисто идутъ дорожки, ведущія въ главную широкую алею, съ боковъ усаженную георгинами. Эта алея раздѣляетъ садъ на двѣ половины и идетъ прямо къ пруду, находящемуся въ концѣ сада у Выборгской-дороги. Въ саду, хотя не роскошно усѣянномъ цвѣтами, но весьма обширномъ, имѣются кегли и качели для всѣхъ жителей дачь Лихачева. Мы были въ этомъ саду 16 августа: въ это время главная алея и фасады дома были иллюминованы разноцвѣтными фонарями; на пруду горѣли три огромныя звѣзды

бриллiантовымъ огнемъ. На террасѣ былъ расположенъ полный оркестръ кавалергардской музыки, дирижируемый Васильевымъ. Это привлекло весьма много народу съ окрестныхъ дачъ. Хозяинъ не отступилъ даже отъ нынѣшней дачной потребности *шарлатанiи* и спустилъ довольно значительной величины шаръ, освѣщенный бенгальскимъ огнемъ. Вообще жить на Поклонной-горѣ довольно весело, и гулянья повторяются въ лѣто иногда по нѣскольку разъ. Не даромъ дача Лихачева называется *Отрада*. Эта дача составляетъ границу описываемыхъ нами дачъ; за нею до вершины горы идетъ сосновый лѣсъ, принадлежащiй тоже Лихачеву. Вотъ планъ всей мѣстности. Скажемъ нѣсколько словъ объ удобствахъ жизни: 1, здорово, ясно на сторонѣ Поклонной-горы; возвышенная, песчаная мѣстность, весьма поздно являющаяся и рано сходящая роса. Въ окружности прекрасный хвойный лѣсъ, сухая почва и благорастворенный воздухъ. Во все продолженiе эпидемiи, также какъ и 18 лѣтъ тому назадъ, не было здѣсь ни одного холернаго случая. Утромъ въ 6 часовъ къ дачѣ является булочникъ съ цѣлою повозкою булокъ. Не позже 10 часовъ зеленщикъ, сверхъ-того на вершинѣ горы есть дача, гдѣ во всякое время можно имѣть зелень, а на будущiй годъ хозяинъ предполагаетъ открыть тамъ колонiальную и мясную лавки, рыбакъ, чухонка съ яицами и чухонецъ съ масломъ и сливками; мясникъ съ полною телегою мяса; разносчикъ съ цыплятами, дичью и проч.; все это является каждое утро. Мимо ходитъ парголовскiй дилижансъ, отвозящiй за 50 коп сер. на Невскiй-проспектъ; можно также, отправившись пораньше на Спасскую-мызу, за 25 к. сер. доѣхать въ городъ. Конечно не всегда можно найти билеты на извѣстный часъ; а потому хорошо бы сдѣлалъ г-нъ Лихачевъ, если бъ завелъ хотя два экипажа для жителей своего околодка. Мы увѣрены, что онъ не остался бы въ накладѣ. Здѣсь не обращаютъ вниманiя на наряды; одѣвайтесь какъ угодно. Львы и онагры чрезвычайно рѣдки, а если и проживаютъ, то придерживаются простоты! Развлеченiя просты, но прiятны, прогулка по лѣсу, на озеро, значительной величины при подошвѣ горы, бѣганье по песчаной горѣ около озера, вверхъ-то внизъ, чѣмъ забавляются единодушно жители всѣхъ возрастовъ, катанье на лодкѣ по озеру, на которомъ, сказать мимоходомъ, намъ однажды случилось видѣть пробу лодки съ новымъ двигателемъ, неподвигавшимъ лодки ни взадъ, ни впередъ; а владѣ-

тель ея, вѣроятно, самородный механикъ, увѣрялъ однако же въ слухъ, сидѣвшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ лодкѣ, какъ быстро плыла лодка; забавникъ, вѣроятно, хотѣлъ подшутить надъ пассажирами, и былъ счастливъ: тѣ совершенно съ нимъ согласились! Спусканіе большихъ змѣевъ аршинъ въ 12 квадр. съ трещетками нынче вошло также въ моду, и доставляло много удовольствія молодымъ людямъ. Катанье верхомъ и въ телегахъ совершалось довольно часто. Къ концу лѣта, рѣдкій темный вечеръ былъ пропущенъ, чтобъ кто нибудь не спустилъ ракету, не зажегъ бенгальскій огонь; а даже довольно нерѣдко являлись и порядочнаго размѣра фейерверки, наиболѣе домашняго приготовленія. Освѣщеніе домовъ разноцвѣтными фонарями; гуляніе съ фонарями по дорогамъ и въ лѣсу повторялись очень часто. Намъ понравилась между прочимъ прекрасная выдумка жителей Лихачевой дачи. Изъ воротъ дачи выѣхала линѣйка, вмѣщающая до 14 человѣкъ, запряженная четверней; около покрышки линейки были развѣшены разноцвѣтные фонари, на углахъ линейки возвышались два, позади три и на козлахъ два фонаря; всего до 30 фонарей украшали линейку. Линейка двигалась къ Спасской-мызѣ; и намъ представилась подвижная иллюминація, которая постепенно исчезала изъ нашихъ глазъ! Въ самомъ дѣлѣ эта выдумка проста, но очень мила; она вызвала много аплодисментовъ на Спасской-мызѣ. Вотъ какъ живутъ на дачахъ около Поклонной-горы: желаемъ веселиться такъ жителямъ прочихъ окрестностей нашей столицы.

Фанни Черито. *Біографическій очеркъ.* Черито родилась въ Неаполѣ, въ 1821 году. Страсть къ танцамъ развилась въ ней еще въ дѣтствѣ. Одиннадцати лѣтъ она дебютировала на театрѣ Сан-Карло, въ балетѣ *Гороскопъ*. Она была тогда нѣжнымъ, слабымъ ребенкомъ, но въ танцахъ ея было уже много граціи и ловкости, что обѣщало первоклассную артистку.

Съ театра Сан-Карло Фанни Черито перепорхнула на театръ Аполлона въ Римъ, гдѣ произвела энтузіазмъ, и къ ногамъ ея каждый день падали цвѣты, оды и сонеты. Репутація ея распространялась по Италіи. Флоренція и Неаполь оспаривали ея присутствіе.

1836 году она поѣхала въ Туринъ, гдѣ ее встрѣтили съ восторгомъ; слѣдующій карнавалъ провела она въ Вѣнѣ, потомъ въ Шестѣ, и вездѣ имѣла огромный, заслуженный успѣхъ; но слава

ея была упрочена въ Миланѣ, на театрѣ Ла-Скала, гдѣ она была увѣнчана въ 1838 году. Ей было тогда только семнадцать лѣтъ, но талантъ ея былъ во всей силѣ и блескѣ.

Импрессаріо Мерелли составилъ съ Фанни Черито контрактъ, и посылалъ ее въ Падую, въ Венецію, въ Вѣну, въ Кремону, гдѣ ее приняли за небесную жительницу. Въ это время начались переговоры Фанни Черито съ Парижскою Музыкальною Академіей, но Лондонъ покрылъ золотомъ крылышки сильфиды, и она явилась на Друриленскомъ-театрѣ вмѣстѣ съ Тальйони, въ *Озерѣ волшебницъ* и въ *Тореадорѣ*, гдѣ она имѣла такой же успѣхъ, какъ Тальйони.

Въ одинъ вечеръ Фанни Черито танцовала въ балетѣ *Альма*, и производила фуроръ своею граціею, легкостію и гибкостію. Вдругъ башмачекъ ея развязался; тогда изъ боковой ложи выскочилъ на сцену Англичанинъ, поцаловалъ ленточку отъ ея башмачка, и вернулся въ ложу, при громкихъ рукоплесканіяхъ публики. Въ Англіи поднесли Фанни Черито три золотыя медали съ ея портретомъ въ трехъ лучшихъ роляхъ. Изъ Лондона она однимъ прыжкомъ очутилась въ Миланѣ, и создала роль *Сильфиды*, на представленія которой трудно было достать билеты, потому-что у кассы происходила всегда драка.

Фанни Черито нельзя сравнивать ни съ Тальйони, ни съ Фанни Эльслеръ; талантъ ея оригинальный. Танецъ ея живъ, легокъ, неожиданъ; она мелькаетъ, какъ пламя, порхаетъ, какъ ласточка, едва касаясь до земли. Она обязана всѣмъ Перо, который былъ въ 1837 году балетмейстеромъ въ Вѣнѣ и который далъ прекрасное направленіе ея таланту.

Для Черито написаны слѣдующіе балеты: *Альма*, *Озеро волшебницъ*, *Маркитанша*, *Лалла Рукъ*. Кромѣ-того она танцовала въ *Сильфидѣ*, *Жизели*, *Эсмеральдѣ*, въ *Путешествіи на островъ Любви*, въ *Воспитанникѣ природы*, въ *Мечтѣ живописца*.

Общее мнѣніе приписываетъ танцоркамъ легкомысленное поведеніе и непостоянство, но клевета не можетъ ничего сказать предосудительнаго о Фанни Черито, добродѣтель которой устояла противъ всѣхъ обольщеній. Во Флоренціи Ибрагим-Паша сдѣлалъ ей блистательныя предложенія, но молодая артистка не хотѣла быть украшеніемъ гарема, и отвѣчала, смѣясь, что ни за что не согласится жить въ странѣ, гдѣ женщины закрываютъ себѣ лицо.

Въ 1845 году она вышла замужъ за танцовщика Сен-Леона, который имѣлъ большой успѣхъ въ Парижѣ, въ балетѣ своего сочиненія *Скрипка діавола*. Сен-Леонъ, замѣчательный скрипачъ, учился музыкѣ у *Молина*, *Паганини*, *Майзедера*. Когда онъ соединился съ Фанни Черито, то все его состояніе заключалось въ ногахъ и скрипкѣ. Состояніе же невѣсты было значительно, но она не хотѣла имѣть преимущество передъ мужемъ, отдала все своему семейству, и принесла въ приданое одинъ талантъ и богатую будущность.

Въ 1847 году она явилась въ Парижѣ, на той же самой сценѣ, гдѣ блистали Тальйони и Фанни Эльслеръ, и дирекція обязана ей тѣмъ, что всякій день театръ былъ полонъ, и сборы доходили до семи тысячъ франковъ. Это самое вѣрное доказательство того, что она понравилась въ Парижѣ.

НѢСКОЛЬКО ФАКТОВЪ И МЫСЛЕЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ КРАСОТѢ И БЕЗОБРАЗІЮ. Вишьель-Марвиль сдѣлалъ нѣсколько оригинальныхъ замѣчаній о человѣческомъ лицѣ.

«Удивительно, говоритъ онъ, что изо всѣхъ людей, живущихъ на землѣ, трудно найти двухъ, которые бы имѣли совершенно одно и тоже лицо, но еще удивительнѣе то, что какъ бы безобразно ни было лицо, если только оно не изуродовано случаемъ, въ немъ нельзя ничего перемѣнить, не сдѣлавши его еще безобразнѣе, потому-что даже въ безобразіи природа сохранила симметрію, которую не должно нарушать. Еслибы напримѣръ, можно было вытянуть носъ курносому, то онъ нисколько не сдѣлался бы отъ этого красивѣе, потому-что длинный носъ не соотвѣтствовалъ бы симметріи прочихъ частей лица его, которыя по своему положенію требуютъ пропорціональнаго носа. Стало-быть, по неизмѣннымъ правиламъ, курносый долженъ остаться курносымъ, и сдѣлается уродомъ, если ему приставятъ орлиный носъ».

Авторъ сочиненія *Essai sur la laideur*, Англичанинъ Ге (Hay), говоритъ: «Тѣлесное безобразіе очень рѣдко; изъ 558 джентельменовъ, составлявшихъ Нижнюю-Палату, одинъ я могу пожаловаться на свою наружность. Благодарю моихъ товарищей, что они никогда не дѣлали никакого замѣчанія о моей некрасивой фигурѣ, обѣщаю, что они не будутъ никогда жаловаться на мое поведеніе».

Вотъ, начиная не далѣе, какъ съ XIV вѣка, извѣстныя лица, которыя прославились своимъ безобразіемъ: Маргарита, Граская Тирольская, прозванная Maultasche; ея отвратительный портретъ можно видѣть въ Версальской-галереѣ; Леонс-Пилатъ, греческій ученый четырнадцатаго вѣка, Джіото Каппонаи, итальянскій писатель пятнадцатаго вѣка; де ла Тремуль, другъ г-жи Севенье, про котораго разсказываютъ слѣдующій анекдотъ: однажды онъ смотрѣлъ на молодую женщину, въ которую былъ влюбленъ, и стоялъ спиною къ другой хорошенькой особѣ, которая закричала: «Онъ, вѣрно, мнѣ хочетъ понравиться!» Знаменитая ясновидящая Буриньонъ была тоже безобразна; Сен-Мартенъ, французскій писатель семнадцатаго вѣка, дѣвица Скюдери, Данте, Делиль, Флоріанъ, Гиббонъ, Коффеи, англійскій писатель, Буланже, авторъ *Открытой древности*, Шовеленъ, гастрономъ Гримо-дела Реньеръ, Ленге, Мирабо, Дантонъ, Грасси, историкъ и поэтъ девятнадцатаго вѣка; наконецъ знаменитый англійскій актеръ Маттеусъ былъ также безобразенъ, какъ Лекенъ, его соперникъ по славѣ.

Безобразіе Пелиссона вошло въ пословицу. Одна дама просила его позволить срисовать съ него портретъ, для изображенія на одной картинѣ чудовища. Когда къ Герцогу Бургонскому пригласили одного господина, и сказали, что онъ очень не хорошъ собою, то принцъ отвѣчалъ: «Я теперь никого не испугаюсь, потому-что видѣлъ Пелиссона.»

Моралистъ Вовенаргъ былъ до того обезображенъ оспою, что не смѣлъ являться въ общество, и въ уединеніи написалъ превосходныя свои сочиненія. Девиріо, посредственный писатель, тоже сдѣлался страшнымъ послѣ болѣзни, и не смѣя явиться во Францію, убѣжалъ въ Константинополь.

Мы не знаемъ достовѣрно, не по этой ли самой причинѣ прусскій натуралистъ Гильзенбергъ убѣжалъ въ Мадагаскаръ! Не смотря на это, Мадагаскарцы, которые, кажется, умѣютъ цѣнить красоту, назвали европейскаго ученаго: вурундулъ, т. е. цугало. Онъ былъ очень бѣлъ, съ самыми свѣтлыми волосами и бровями, и глаза его окружались краснымъ ободочкомъ.

Беккеръ, нѣмецкій писатель, былъ отвратительно дуренъ собою.

Переводчикъ *Метаморфозъ Овидія*, Сен-Фаріо, извѣстный болѣе подъ именемъ Сент-Анжа, отличался своимъ безобразіемъ. Его огромный ротъ, длинный ростъ и странная прическа навлекали на него всеобщія насмѣшки.

Скарронъ описываетъ самъ свой портретъ слѣдующимъ образомъ: «Мнѣ за тридцать лѣтъ, и я былъ хорошо сложенъ, хотя мало ростомъ, но моя болѣзнь согнула меня въ дугу. Моя голова велика по моему росту; зубы, прежде бѣлые, какъ перлы, почернѣли, и весьма многихъ уже недостаетъ. Мои ноги и бедры составляли прежде тупой уголъ, потомъ ровный, и наконецъ острый; мои бедра и корпусъ составляютъ другой уголъ, голова склоняется на животъ, и я представляю довольно удачно букву Z. Я былъ всегда вспыльчивъ и любилъ ворчать; я тоже немного лѣнивъ. Часто я зову моего слугу дуракомъ, а послѣ сударемъ. Я никого не презираю, и желаю, чтобъ и мнѣ отвѣчали тѣмъ же.»

Сен-Павенъ описываетъ себя слѣдующими стихами:

Soit par hasard, soit par dépit,
La nature injuste me fit
Court en taille, la panse grosse;
Au milieu de mon dos se hausse
Certain amas d'os et de chair
Fait en pointe comme un clocher;
Mes bras d'une longueur extrême
Et mes jambes presque de même,
Me font prendre le plus souvent
Pour un petit moulin à vent.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СЛѢПЫХЪ, КРИВЫХЪ И КОСОГЛАЗЫХЪ. Со времени Гомера было много слѣпыхъ поэтовъ: Мильтонъ, любекскій поэтъ, слѣпой отъ рожденія: Леопольдъ (1753) Ламоттъ Ударъ, Делиль, Блаклокъ, Ависсъ, Козловъ и Луиза Эглофъ, которая ослѣпла еще въ дѣтствѣ.

Асканіо Педіанъ, грамматикъ перваго вѣка, Дидискъ, знаменитый докторъ въ Александріи, Флорентинецъ Брандолини, проповѣдникъ и латинскій поэтъ, знаменитый итальянскій грамматикъ Понтанусъ, Германецъ Гризингеръ, который зналъ семь языковъ, филологъ піемонтскій Грасси и много другихъ замѣчательныхъ лицъ ослѣпли въ зрѣлыхъ лѣтахъ.

Самый замѣчательный изъ слѣпыхъ знаменитостей былъ Англичанинъ Саундерсонъ, который, бывши по второму году, въ 1683 году лишился зрѣнія послѣ оспы. Не-смотря на это, онъ преподавалъ въ Кембриджскомъ университетѣ математическія наук и

и оптику. У него осязаніе было такъ тонко, что онъ отличалъ настоящія римскія медали отъ поддѣльныхъ, чего не могли сдѣлать даже зрячіе. По перемѣнѣ воздуха, онъ узнавалъ близость предмета, и тѣлесность слуха его была такъ велика, что онъ по звуку узнавалъ величину комнаты, въ которую его вводили, и разстояніе, на которомъ онъ находился отъ стѣнъ комнаты.

Знаменитый ботаникъ Руммеръ, естествоиспытатель Жюссье, голландскій математикъ Боргесъ, французскій инженеръ и астрономъ графъ Пагани, астрономъ Кассини, Галилей, натуралистъ Губеръ, написавшій превосходныя изысканія о пчелахъ, были слѣпы подъ конецъ жизни. Беверъ, ослѣпшій 23-хъ лѣтъ, послѣ этого уже былъ долгое время профессоромъ математики въ Безансонѣ, и изобрѣлъ *фотофоръ*, свѣтоносный инструментъ.

Лун Дюлокъ, хорошій виртуозъ на флейтѣ, ослѣпъ съ восьми лѣтъ. Вольфъ, директоръ начальной школы въ Дрезденѣ, изобрѣлъ для нея рельефную и подвижную азбуку, посредствомъ которой онъ написалъ *автобіографію*, изданную въ послѣдствіи Вилландомъ.

Дѣвица Паради, знаменитая вѣнская піанистка, ослѣпла двухъ лѣтъ, и имѣла въ Парижѣ, въ 1784 году, большой успѣхъ.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, въ Вичинцѣ играли Софоклова Эдипа въ переводѣ Орзамо Джустиніяни, и роль Эдипа въ послѣднемъ актѣ игралъ Лун Гротто, драматическій авторъ, слѣпой отъ рожденія.

Въ семнадцатомъ вѣкѣ скульпторъ Жанъ Гонелли ослѣпъ двадцати лѣтъ, и не-смотря на это, продолжалъ работать и сдѣлалъ нѣсколько бюстовъ, которые считаютъ образцовыми. Во дворцѣ Барберини, въ Римѣ, находится портретъ папы Урбана восьмаго его работы. Гонелли только проводилъ рукою по лицу особы, которую хотѣлъ изобразить и этого было довольно, чтобъ представить поразительное сходство. Аббатъ Арно говоритъ объ немъ въ своихъ запискахъ слѣдующее :

«Принцесса Палестрини, донна Анна Колонна, жена принца Барберини, проѣзжала черезъ Лукку во Францію и хотѣла видѣть знаменитаго артиста, котораго знала при дворѣ папы Урбана, когда онъ еще не потерялъ зрѣнія. Желая испытать, можетъ ли онъ осязаніемъ узнать кого-нибудь, она подала ему медаль, и сказала, что это изображеніе ея мужа. Артистъ, ощупав

медаль, поднесъ ее къ губамъ, и сказалъ: «Вы обманываете меня, это портретъ моего добраго государя, папы Урбана.»

Ломаццо, итальянскій живописецъ восьмнадцатаго вѣка, ослѣпъ въ преклонныхъ лѣтахъ.

Нѣкоторые слѣпые полководцы, управляли войскомъ. Генрихъ Дандоло, венеціанскій дожъ, былъ однимъ изъ предводителей итальянской арміи, которая овладѣла Константинополемъ въ 1204 году. Другой слѣпой воинъ былъ Іоаннъ Трочовъ, извѣстный подъ именемъ Жишки, то есть *криваго*. Онъ потерялъ одинъ глазъ еще въ дѣтствѣ, играя съ дѣтьми, сдѣлался начальникомъ ужасной войны Гусситовъ, продолжавшейся около пол-вѣка и въ сраженіи лишился послѣдняго глаза, при осадѣ Рабы, въ 1440 году. Не смотря на это, *слѣпая собака*, какъ онъ называлъ самъ себя, одержала много блистательныхъ побѣдъ.

Ланфанъ, въ своей исторіи войны Гусситовъ говоритъ, что Жишку приводили со знаменемъ на холмъ, разсказывали ему мѣстоположеніе, и онъ устанавливалъ свое войско, и назначалъ планъ сраженія. Впрочемъ, для него не существовали ни день, ни ночь, когда онъ долженъ былъ сражаться. Однажды вечеромъ онъ далъ приказъ нападать на непріятеля, и когда ему сказали, что темнота мѣшаетъ дѣйствовать, онъ велѣлъ зажечь близь лежащее селеніе, чтобы освѣтить свою побѣду. Онъ умеръ отъ чумы, при осадѣ Прибыслава, въ 1474 году.

Извѣстна славная смерть Богемскаго Короля *Іоанна Слѣпаго*, въ сраженіи при Кресси, въ 1346 году. Услыша, что сраженіе проиграно, онъ приказалъ своимъ рыцарямъ свести его въ средину битвы, гдѣ и погибъ со своими спутниками, сражаясь храбро до послѣдней минуты. Въ исторіи греко-восточной и музульманской имперій встрѣчается много слѣпыхъ властителей. Въ другихъ земляхъ были слѣдующіе слѣпые государи: Людовикъ III, Король Прованса, Болеславъ III, Герцогъ Богемскій, Магнусъ IV, Король Норвежскій, Бела II, Король Венгерскій.

Натаніель Прейсъ, книгопродавецъ въ Норвичѣ, въ девятнадцатомъ вѣкѣ, потерялъ зрѣніе во-время путешествія въ Америку, что не помѣшало ему сдѣлаться искуснымъ переплетчикомъ. Жанъ Торри, умершій въ 1660 году, былъ знаменитый проповѣдникъ и педагогъ. Джемсъ Вильсонъ, слѣпорожденный, издалъ біографіи знаменитыхъ слѣпыхъ поэтовъ, философовъ и проч. (Бирмингамъ 1833).

Косоглазіе не безобразитъ, если оно не въ сильной степени. Монморанси былъ немного косъ, и это пришлось при дворѣ Людовика XIII. Декартъ любилъ косыхъ, потому-что его кормилица была коса. Есть однакоже люди, которые чувствуютъ боль въ глазахъ, когда смотрятъ на косаго.

Между знаменитыми кривыми назовемъ Тиртея, Филиппа Македонскаго, Аннибала, Боемонда IV, владѣтеля Антіохіи, Раула I-го, Графа Вермандуа, Венцеслава III, Короля Богемскаго, грамматика Депотера, Камоенса, Порро, итальянскаго гравера шестнадцатаго вѣка, Лилло, англійскаго драматическаго автора, Сен-Марка, писателя восьмнадцатаго вѣка, Потемкина, химика Конте и датскаго антикварія Арендта.

Изъ косоглазыхъ, мы назовемъ Нерона, Калиса Гешана, Персидскаго Шаха Мир-Махмута, живописца Гверкино и г-жу Монтозье.

Светоній говоритъ, что глаза Тиберія были очень велики, и что онъ видѣлъ въ темнотѣ, но только недолго.

Восточный императоръ Анастасій I имѣлъ одинъ глазъ черный, другой — голубой, почему его назвали *Дикоромъ*.

ЗАМѢТКИ О ФИЗІОНОМІИ И ДРУГИХЪ ОТНОСИТЕЛЬНЫХЪ ПРИЗНАКАХЪ НѢКОТОРЫХЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЛИЦЪ. Физіономія рѣдко согласуются съ характеромъ. Брантомъ говоритъ, что Тимолеонъ Коле, графъ Бриссакъ, любилъ сражаться, и поступалъ жестокимъ образомъ съ врагомъ. Не-смотря на это, онъ былъ прекрасной наружности, и нѣженъ, какъ женщина. Храбрый Строцци съ чернымъ и страшнымъ лицомъ, былъ обыкновенно добръ и милостивъ къ побѣжденнымъ. Въ его жизни есть однакожъ ужасный поступокъ, который, впрочемъ, не всѣми подтверждается. Говорятъ, что по его приказанію утоплены были однажды 800 женщинъ, которыя слѣдовали за его арміею.

Тиртей, Парни, Шекспиръ, Бейронъ и Вальтеръ-Скоттъ, хромали. Зонтъ, Агезилай, Гензерикъ, Робертъ II, Герцогъ Норманскій, Генрихъ II, Германскій Императоръ, Оттонъ II, Герцогъ Брауншвейгскій, Карлъ II, Король Неаполитанскій, Тамерланъ, были также хромы, какъ и дѣвица Лавальеръ, Бенжаменъ Констанъ и другіе. Бейронъ говорилъ, что въ безобразномъ тѣлѣ всегда скрывается пламенная душа, которая старается заставить

забыть другихъ о физическихъ недостаткахъ тѣла. Раздражительный и самолюбивый Байронъ всю жизнь страдалъ отъ этого недостатка, потому что чрезвычайно какъ заботился о своей наружности. Онъ спалъ иногда съ платкомъ во рту, чтобы зубы его не потеряли эмаль отъ тренія во время сна.

Были живописцы однорукіе или лѣвши. Знаменитый Жувене, послѣ паралича, писалъ лѣвою рукою. Мацола, директоръ императорской галереи въ Миланѣ, согласился, чтобы ему послѣ болѣзни отняли руку, только тогда, когда увѣрился, что можетъ писать лѣвою. Даль Соль былъ тоже однорукій артистъ, за что его прозвали *Manchino de Paesi*. Ришаръ Мартинъ владѣлъ тоже только одною рукою. Многіе живописцы, впрочемъ, прекрасно писали лѣвою рукою; между ними замѣчателенъ Гольбейнъ. Голландскій живописецъ Корнелій Кетель, умершій въ началѣ XVII вѣка, подъ конецъ своего артистическаго поприща пересталъ совершенно рисовать кистями, и замѣнилъ ихъ рукою. Такимъ образомъ, т. е. пальцами правой руки, онъ нарисовалъ свой портретъ, и еще нѣсколько другихъ, которые пользуются извѣстностью.

Мулей Могамедъ VII, пятнадцатый гренадскій король, былъ прозванъ Эль-Гайзари (лѣвша). Гастрономъ Гримо де-ла-Реньеръ родился съ такими безобразными руками, что принужденъ былъ придѣлать себѣ искусственные пальцы.

Между властителями и извѣстными воинами было много горбатыхъ: Іоаннъ II, графъ Арманьякъ, Беранже, Раймондъ *Согнутый*, графъ Барцелоны, Герцогъ Пармскій, маршалъ Люксембургскій, Вильгельмъ III, Принцъ Оранскій.

Между горбатыми литераторами извѣстны: Амелунгъ, Сенъ-Павенъ, Пьеръ де-Сенъ-Лу, который былъ, какъ полишинель, горбатъ спереди и сзади, Дезоргъ, Шампенуа, Понсъ и проч.

Причисляемъ сюда Сесиля, министра Елизаветы, депутата Шовелена, теолога Эбера, философа Гвиди, физика Лихтенберга. Послѣдній былъ также большой чудакъ. Что же касается до горба Ричарда III, то, кажется, ему не должно вѣрить, потому что историки изображаютъ его олицетвореніемъ безобразія для того, чтобъ яснѣе выразить его испорченную душу.

Въ древности извѣстны замки: Демосоенъ и Клавдій, позже

Людовикъ-*Заика*, Михаилъ II, Восточный Императоръ, Мехметъ-эль-Нассеръ, Маврскій Король въ Испаніи, Эрикъ, Король Шведскій, адмиралъ Анебо, инженеръ Тарталіа, поэтъ Малербъ, который имѣлъ также привычку часто плевать, когда читалъ свои стихи. Маренъ сказалъ про него однажды: Я никогда не видалъ болѣе сухаго поэта, и болѣе мокраго человѣка. Комартенъ, министръ юстиціи Людовика XIII, заикался также, какъ самъ король. Про него сказалъ однажды Людовикъ XIII: «Комартенъ заикается также, какъ я. Онъ долженъ помогать мнѣ говорить, а самъ нуждается въ помощникѣ.»

Докторъ-поэтъ Даренъ, адвокатъ Кокеле, актриса Инчбальдъ тоже заикались. О Кокеле есть очень забавный каламбуръ. Однажды, защищая дѣло въ судѣ противъ адвоката Леиге (Linguet), онъ называлъ его заикаясь: Lin-gu-et. Тотъ, въ свою очередь, называлъ его: Coqu-et-led (Cocu et laid). И то и другое было справедливо. Инчбальдъ потомъ вылечилась отъ этого недостатка. Камилъ Демуленъ, Буасси д'Англо и живописецъ Давидъ были заики.

Между глухими назовемъ Дибиля Алкофай, арабскаго поэта восьмаго вѣка, тактика Фолара, германскаго поэта Энгельшаля, Лесажа, Кондамина и Бетговена.

Изъ нѣмыхъ назовемъ Фернандеса, испанскаго живописца шестнадцатаго вѣка.

Атеней въ своей книгѣ посвятилъ цѣлую главу лицамъ, которыя отличались тучностью.

Изъ толстыхъ государей замѣчательны Птоломей VII й и сынъ его Александръ. Этотъ послѣдній такъ растолстѣлъ, что не могъ ходить, если его не поддерживали двое. Но во время танцевъ онъ былъ очень легокъ и ловокъ.

Монахъ Вильгельмъ говоритъ о жизни Сюгера слѣдующее: «Небо надѣлило его всѣми благами, отказавъ ему только въ одномъ: получивъ мѣсто правителя Сенъ-Денп, онъ нисколько не потолстѣлъ, тогда какъ другіе отъ одного его прикосновенія толстѣли.»

Изъ толстяковъ еще можно назвать Вильгельма Завоевателя, Карла-Толстаго, Людовика-Толстаго, Гумбера II, графа Моріенны Генриха I, Короля Наварскаго, Генриха III, графа Шампанья, Генана III, Герцога Британскаго, Санчо I, Короля Леонскаго, Ан-

фонса II, Короля Португальскаго, итатьянскаго поэта Бруни, Вивона, начальника галеръ при Людовикѣ XIV, ботаника Диллеліуса, Галлера, Людовика XVIII и Фридриха I, Короля Виртембергскаго. Въ парижской ратушѣ долгое время хранился столъ съ вырѣзкою. За этимъ столомъ Фридрихъ сидѣлъ во-время обѣда, даннаго по случаю брака Маріи-Луизы.

Между низенькими людьми древности назовемъ Агезилая, оратора Лицинія Кальвуса, который говорилъ противъ Цицерона, и актера Луція. Алипій Александрійскій, знаменитый философъ, былъ двухъ футовъ вышины. Разсказываютъ, что онъ благодарилъ небо за то, что оно дало его душѣ такую маленькую частицу тлѣнной матеріи.

Между знаменитыми людьми малаго роста отличались Аттила, историкъ Прокопій, Григорій Турскій, Пепинъ Короткій, Филиппъ Августъ, Карлъ III Король Неаполитанскій, Альбертъ Великій, которому Папа, разговаривая съ нимъ, говорилъ нѣсколько разъ, чтобъ онъ всталъ, думая, что онъ все еще стоитъ передъ нимъ на колѣнахъ; Папа Іоаннъ XXII, Польскій Король Владиславъ IV, прозванный локоткомъ (Lokietek), португальскій мореплаватель Гама, италіянскій философъ Помпонацци, Эразмъ Роттердамскій; юрисконсульты: Бальде, Дюмуленъ и Куясъ; Піеръ де-Сенъ-Луи, Годо, названный карликомъ Юліи, нѣмецкій ученый Фрегеръ, Гвитонъ, который храбро защищалъ противъ Ришелье Лароше, гдѣ онъ былъ меромъ, голландскій живописецъ Доесъ, англійскій живописецъ Джибсонъ, Принцъ Евгеній, Марія Терезія, химикъ Руэль, испанскій адмиралъ Гравина, жирондистъ Бриссо, актеры Флери и Гаррикъ, нѣмецкій писатель Гофманъ, Итальянецъ Апостоли, посланникъ республики Санъ-Марино, про котораго говорили, что онъ ростомъ съ государство, которое представляетъ; Гуссейнъ-Паша, извѣстный реформами при Селимѣ III и прозванный *кучукомъ* (маленькимъ), путешественникъ и антикварій Арендъ и баронъ Денонъ. Прусскій писатель *Кваде* издалъ книгу, подъ названіемъ: О людяхъ маленькихъ ростомъ и великихъ *ученостью* (De viris statura parvis et eruditione magnis. Грейфсвальде 1786.)

Изъ историческихъ людей высокаго роста были: Вильгельмъ Шотландскій, Эдуардъ III, Готфридъ Бульонскій, Филиппъ Долгій, Ферфаксъ, Фетъ-Али-Шахъ, Колумбъ, Эрсила, авторъ поэмы *Араукана*, Рочестеръ, любимецъ Карла II, юрисконсультъ Потье, натуралистъ Банксъ, Галль, Кофингаль, Брилья Саваренъ, Бен-

Ланселъ Констанъ, живописецъ Даніэль, Белларъ, географъ Данвиль, и Керъ, основатель журнала Gentleman's Magazine.

Между лицами, одаренными необыкновенною силою-замѣчательны: Императоръ Максиминъ, Камюсъ Мостезонъ-Била, Эдмундъ *желѣзное ребро*, Король Англійскій, Болдуинъ *желѣзная рука*, Графъ Фландрскій, Вильгельмъ IV, Герцогъ Аквитанскій, Христофъ, Герцогъ Баварскій, Готфридъ Бульонскій, Императоръ Карлъ IV, Скандербергъ, Леонардъ да-Винчи, де-Шатеньере, англичанинъ Доннстеръ, маршалъ де-Саксъ, актриса Готье, танцовщикъ Мельфортъ и другіе.

Светоній говоритъ, что тѣло Августа было покрыто пятнами что эти пятна были расположены какъ звѣзды въ созвѣздіи Медвѣдицы. Онъ постоянно чувствовалъ слабость въ лѣвой ногѣ и въ боку, и часто хромалъ на эту сторону. Въ указательномъ же пальцѣ лѣвой руки онъ чувствовалъ иногда онѣмѣніе, и когда писалъ, то надѣвалъ на палецъ костяное кольцо.

Александръ Македонскій наклонялъ немного голову на-сторону, и имѣлъ съ Куясомъ то сходство, что его потъ издавалъ пріятный запахъ. Свойствомъ, противнымъ этому, отличался въ особенности Генрихъ IV.

Въ Средніе-вѣка многіе считали рыжіе волосы безчестіемъ. Монахъ Сенъ-Галь разсказываетъ, что у одного рыжаго бѣдняка не было шапки, и онъ, стыдясь цвѣта своихъ волосъ, закрывалъ голову полою платья, и не смѣлъ войти въ церковь, гдѣ служилъ эпископъ.

Зенлъ, Фулькъ I, Графъ Анжуйскій, Іоаннъ I, Герцогъ Бретанскій, Мехмедъ-эль-Нассеръ, Король Африки и Испаніи, Колумбъ, Камоэнсъ, Анна Боленъ, Евгеній Богарне, маршалъ Ней, были рыжи. Названіе *tete d'étoupe* дано было Вильгельму, Герцогу Аквитаніи и Раймонду Беранжеру II, Графу Барцелоны, по цвѣту и густотѣ ихъ волосъ.

Когда Людовикъ Баварскій, въ 1294 году, узналъ невинность жены, которую казнилъ за измѣну, то его волосы вдругъ посѣдѣли. Тоже самое случилось съ геллинистомъ Вовильё послѣ страшнаго сна, съ комедіантомъ Бризаромъ, который упалъ въ Рону и повисъ на кольцѣ моста. Борода и волосы Герцога Брауншвейгскаго побѣлѣли въ одни сутки, когда онъ узналъ, что отецъ его смертельно раненъ при Ауерштедтѣ.

Невѣжество, не по этой ли причинѣ, у всѣхъ членовъ фамиліи Роганъ былъ спереди локонъ сѣдыхъ волосъ.

Аббатъ де-Мароль говоритъ, что регентъ Бриссо могъ по произволу шевелить ушами, что удивительно, потому-что въ этой части у человѣка нѣтъ мускуловъ, которые бы приводили ушь въ движеніе.

Гюи, литераторъ восьмнадцатаго вѣка, родился съ однимъ ухомъ.

Многіе родились съ зубами, какъ-то: Гильомъ Било, докторъ и философъ шестнадцатаго столѣтія, Людовикъ XIV, и англійскій поэтъ Бойдъ.

Калигула, говорилъ, что трагикъ Апелессъ кричалъ мелодически, когда его сѣкли.

У Сентъ-Эвремона была огромная шишка между глазами; у Лейбница и біографа Росса были шишки на маковкѣ головы.

Портретъ Жака-дела-Рошъ, дворянина, родившагося въ 1595 году, походитъ, какъ двѣ капли воды, на Оливера Кромвеля, умершаго въ 1658. Германскіе живописцы, братья близнецы, Жераръ и Фердинандъ Кугельгенъ, были такъ похожи другъ на друга, что ихъ прозвали менехмами.

Карлъ II, Король Наварскій, былъ прозванъ *дрожащимъ*, потому что дрожалъ всегда передъ сраженіемъ, но когда сраженіе начиналось, онъ былъ храбръ и владѣлъ рѣдкимъ присутствіемъ духа.

Брантомъ говоритъ, что храбрый рыцарь Имберкуръ, убитый при Мариньянѣ, былъ такого слабаго сложенія, что каждый разъ при началѣ сраженія долженъ былъ сходить съ лошади; однако онъ былъ одинъ изъ самыхъ храбрыхъ воиновъ королевства. Доктора часто замѣчаютъ эту странность комплекціи у нѣкоторыхъ лицъ.

Брантомъ могъ бы также, приводя этотъ случай, назвать Генриха IV, потому-что, не-смотря на его храбрость, когда ему говорили, что непріятель приближался, онъ также всегда.... ослабѣвалъ.

ДЕРЕВЯННЫЕ ДОМА ВЪ АМЕРИКѢ. Въ Соединенныхъ Штатахъ дерево часто съ пользою замѣняетъ камень и желѣзо. Улицы многихъ городовъ вымощены досками или бревнами. Набережная въ Бостонѣ и Нью-Іоркѣ тоже деревянная, въ Соединенныхъ

Штатахъ вообще очень много деревянныхъ мостовъ. Дерево, доснхъ-поръ главный матеріялъ, изъ котораго строятъ дома во внутренности земель. Деревянные дома бываютъ трехъ родовъ: самые простые, это — *log-houses*, обыкновенное жилище поселенцевъ въ лѣсу. Сѣверо-Американецъ начинаетъ тѣмъ, что срубаетъ нѣсколько деревьевъ, не обтесавъ ихъ и даже не содравъ съ нихъ коры. Быки привозятъ матеріялы на мѣсто, которое онъ выбралъ для жилища. Потомъ онъ посѣщаетъ сосѣднія жилища, и приглашаетъ двадцать или тридцать колонистовъ, чтобы помочь ему строить домъ. Въ этомъ случаѣ никто не отказывается. Въ назначенный день всѣ сосѣди собираются, выбираютъ начальника работъ, и начинаютъ строить домъ. По бокамъ кладутъ камни, которыя поддерживаютъ два бревна, составляющихъ длину дома. Потомъ накладываютъ бревна параллельно въ отверстія, сдѣланныя въ главныхъ бревнахъ. Послѣ умѣреннаго обѣда всѣ работники расходятся, и хозяинъ уже одинъ задѣлываетъ щели, покрываетъ домъ крышей изъ древесной коры, и обиваетъ досками внутри. Онъ самъ складываетъ печь внутри или снаружи дома, смотря по его величинѣ, и дѣлаетъ отверстія для дверей и оконъ. Часто семейство новаго поселенца переѣзжаетъ въ домъ, когда онъ еще не совсѣмъ отстроенъ. Такіе дома опрятны, удобны и держатся отъ двадцати до сорока лѣтъ, такъ что въ это время хозяинъ можетъ пріискать себѣ другое, приличное жилище. Тогда онъ покидаетъ *log-houses*, который разрушается или сгораетъ. Путешественникъ часто встрѣчаетъ въ лѣсу или въ полѣ грубую каменную колонну, это труба, оставшаяся отъ жилища поселенца. Это единственныя *развалины*, которыя встрѣчаются въ Соединенныхъ Штатахъ.

Другая постройка домовъ, называемыхъ *block-houses*, дѣлается изъ обтесанныхъ досокъ. Къ несчастію, нижнія доски скоро гніютъ, притомъ же во-время засухи дерево коробится и стѣны портятся. По этому такіе дома встрѣчаются очень рѣдко.

Самыя красивыя строенія называются *frame-houses*. Онѣ выкрашены бѣлою краской, въ окнахъ зеленыя ставни; но эти дома, не смотря на всѣ заботы, не долго противятся холоду и жару, и не-могутъ существовать долѣе полувѣка. За-то въ нихъ есть то удобство, что ихъ можно переносить съ мѣста на мѣсто. Если въ Соединенныхъ-Штатахъ хозяинъ хочетъ построить новый домъ на мѣстѣ стараго, то онъ не ломаетъ его, а продаетъ, и по-

купатель можетъ перевезти свою покупку куда ему вздумается. Иногда перевозка дома бываетъ по другимъ причинамъ. Вотъ одинъ случай: хозяинъ мельницы, построенной въ три этажа, пятидесяти футовъ длины и сорока ширины, хотѣлъ перенести свое жилище на сто метровъ дальше, гдѣ теченіе воды было сильнѣе. Онъ сторговался за 100 долларовъ съ механикомъ, который взялся за это дѣло. Механикъ построилъ деревянныя рельсы отъ мельницы до новаго мѣста. Рельсы были составлены изъ пяти полосъ, соотвѣтствующихъ пяти главнымъ продольнымъ бревнамъ, на которыхъ былъ настланъ полъ перваго этажа. Полъ сняли, чтобъ открыть бревна, которыя приподняли въ одно время съ земли деревянными рычагами. Подъ каждое бревно подложили по четыре деревянныя колеса восьми дюймовъ въ діаметрѣ и пяти футовъ въ длину. Въ этихъ колесахъ были проверчены дыры, въ которыя можно было просунуть рычагъ. У каждаго рычага поставили по работнику и черезъ три часа домъ перекатили на новое мѣсто, вынули изъ подъ него колеса, поставили на новый фундаментъ, и въ это время не разбили ни одного стекла. Эту трудную работу исполнилъ простой мастеровой, доказавшій какъ Американцы искусны въ механикѣ.

О монетѣ въ Европѣ. Въ Европѣ считаютъ вообще 8 тысячъ милліоновъ звонкой ходячей монеты, которые безпрестанно возобновляются и изъ которыхъ удовлетворяютъ всѣмъ нуждамъ промышленности. Изъ этихъ восьми тысячъ милліоновъ Франція имѣетъ 3, Англія только одну тысячу. Соединенные-Штаты съ ихъ разбросаннымъ народонаселеніемъ, что заставляетъ увеличивать число монеты, имѣли въ 1835 году только 500 милліоновъ звонкой монеты, а тогда дѣла ихъ были въ самомъ цвѣтущемъ положеніи.

Старые и новые металлы, которые употребляютъ въ Европѣ и въ Сѣверной-Америкѣ на украшенія и посуду, составляютъ слишкомъ 150 милліоновъ франковъ.

По мнѣнію Мак-Кюлоха потери монетъ отъ несчастныхъ случаевъ и кораблекрушеній равняются одному на сто всей цѣны монетъ. Стало-быть, одна Европа теряетъ въ годъ 80 милліоновъ, а Франція 30 милліоновъ, что трудно допустить. Если слѣдовать этой гипотезѣ, то тысяча милліоновъ монеты, выбитой въ началѣ вѣка, въ концѣ представитъ только 366 милліоновъ; черезъ два вѣка 134, а послѣ пяти-сотъ лѣтъ — это будетъ ничтожная сумма

въ 6,600,000 фр. Если потери и вдвое меньше, чѣмъ означилъ Мак-Кюлохъ, то есть $1/_{200}$ въ годъ, то все-таки изъ тысячи милліоновъ сдѣлается чрезъ сто лѣтъ 605 милліоновъ, черезъ два вѣка 366 милліоновъ, черезъ пять вѣковъ 81 милліонъ и 6,600,000 черезъ тысячу лѣтъ. Наконецъ принимая мнѣніе г. Жакоба, который говоритъ, что потеря монетъ равняется $1/_{600}$, тысяча милліоновъ сдѣлается въ сто лѣтъ 755 милліонами, черезъ пять сотъ лѣтъ 240, а черезъ тысячу лѣтъ 66 милліонами. Слѣдуя этому мнѣнію, если при Константинѣ было 5 тысячъ милліоновъ звонкой монеты, и если рудники не производили металловъ, то при Филиппѣ-Прекрасномъ осталось бы только 300 милліоновъ.

Это отчасти объясняетъ, почему драгоцѣнные металлы сдѣлались очень рѣдки въ Европѣ въ эпоху открытія Америки, тогда какъ ихъ было очень много въ столицѣ Римской Имперіи. Золото и серебро, собранное персидскими царями, доходило до 2 тысячъ милліоновъ. Въ Греціи, во-время Демосѳена, золото и серебро было гораздо рѣже, чѣмъ при Солонѣ. Всѣ богатства имперіи уменьшались постепенно. Подати, заплаченныя варварамъ, не могли вознаградиться новыми побѣдами; рудники ничего не производили; вторженіе непріятелей заставило прятать драгоцѣнные металлы. Крестовые походы перенесли тоже на востокъ много монеты, которая не возвратилась. По всѣмъ этимъ причинамъ должно считать, что въ концѣ XVI вѣка было въ Европѣ отъ 800 до 900 милліоновъ звонкой монеты.

Напрасно думаютъ, что открытіе Америки совершенно измѣнило порядокъ вещей. Богатства Ацтековъ и Инковъ было недостаточно, чтобы произвести переворотъ въ цѣнности металловъ. Золото, которое Пизарро и Альмагро взяли въ храмахъ солнца, составляло сумму въ 20 милліоновъ франковъ. Если все это было чистое золото, то все-таки оно составляло только треть кубическаго метра. Вся добыча въ Мехикѣ послѣ знаменитой осады Кортеса доходила только до 1,125 килограммовъ золота. Только въ половинѣ XVI вѣка серебряные рудники въ Потози дали столько серебра, что цѣны всѣхъ предметовъ измѣнились. Гектолитръ хлѣба стоилъ отъ 14 до 18 граммъ серебра, и вдругъ возвысился до 40, потомъ до 60; теперь онъ стóитъ 90.

Цѣны золота и серебра измѣняются смотря по времени и мѣсту. Въ Греціи, прежде Александра, золото было въ двѣнадцать разъ дороже серебра одинаковаго вѣсу. Послѣ же побѣдъ героя,

который вывезъ изъ Азіи несмѣтныя богатства, серебро сдѣлалось въ десять разъ дешевле золота. Тоже самое было въ Европѣ при открытіи Америки. Послѣ же, въ продолженіе вѣка эта разница была то въ 10, то въ 7, то въ 12 разъ; въ послѣдніе два вѣка разница отъ 14 до 16, въ послѣдніе года — отъ 15 съ половиной до 15 и 3/4. Въ Японіи, гдѣ золота больше, чѣмъ серебра, разница въ 8 или въ 9 разъ, въ Китаѣ 12 или 13; въ началѣ нынѣшняго вѣка она дошла до 17.

Нѣкоторые рудники Стараго-Свѣта доставляютъ такое же хорошее серебро, какъ и Новый-Свѣтъ, какъ-то въ Конгсбергѣ въ Норвегіи, въ Шнебергѣ въ Саксоніи, въ Сентъ Мари-о-минъ во Франціи. Они давали 30 килограммовъ серебра, что случается рѣдко въ Новомъ-Свѣтѣ, въ мехиканскихъ и перуанскихъ рудникахъ, которыя считаются лучшими.

Америка производитъ 36 тысячъ 600 милліоновъ, изъ которыхъ 26 тысячъ 700 милліоновъ серебра и 9 тысячъ 900 милліоновъ золота, вѣсомъ 120,169,000 килограммовъ серебра и 2,877,600 килограммовъ золота. Все серебро на земномъ шарѣ составитъ 11,477 кубическихъ метровъ или шаръ, радіусъ котораго имѣетъ 14 метровъ. Поставленное возлѣ Вандомской колонны оно, не достало-бы до двухъ третей ея вышины. Золото составило бы только 149 кубическихъ метровъ, и хотя говорятъ, что выкупъ Атагуальта наполнилъ цѣлый храмъ, но золото всего міра не наполнитъ и до половины комнаты въ 5 метровъ вышины и 8 метровъ длины и ширины.

РОЗЫСКАНІЯ О ПАРИЖСКИХЪ ТЕАТРАХЪ. Всѣ знаютъ, какое вліяніе имѣли древніе театры на вкусъ и нравы Грековъ и Римлянъ. Значительные расходы для сценическихъ представленій брались то изъ публичной казны, то были жертвуемы первыми лицами государства, которыя старались роскошью затмить другъ друга. Эдилы бросали богатства для римскихъ театровъ. Великолѣпіе древнихъ театровъ послужило къ ихъ скорому паденію. Теперь изъ нихъ берутъ богатые матеріялы. Дорогія мраморныя колонны прежнихъ театровъ украшаютъ храмы и дворцы Италіи. Развалины свидѣтельствуютъ о великолѣпіи и о геніальной архитектурѣ этихъ зданій. Ничто не можетъ быть лучше ихъ плановъ, удобства и помѣщенія.

Теперешніе театры очень далеки отъ своихъ образцовъ, но на-

добно сознаться, что разница въ образованности, нравахъ, привычкахъ и декламаціи сдѣлала необходимыми новыя перемѣны. Кромѣ-того, въ древніе театры пускали даромъ, по этому мѣста были одинаковы, что заставляло строить амфитеатры съ уступами.

Первый театръ въ Парижѣ былъ учрежденъ въ длинной, узкой залѣ госпиталя. Съ-тѣхъ-поръ удовольствіе сцены принадлежитъ только тѣмъ, которые могутъ заплатить за это, а разнообразіе сословій и состояній дѣлаетъ необходимымъ раздѣленіе мѣстъ для публики.

Въ Парижѣ, въ улицѣ Сенъ Дени, въ госпиталѣ *Братья страстей* представляли первыя *мистеріи*. Зала была 42 метра въ длину и 12 въ ширину. Такъ какъ на сценѣ не было кулисъ, то актеры не уходили, а только садились; это значило, что зритель не долженъ ихъ видѣть.

Два вѣка театры слѣдовали этому неловкому обыкновенію, и наконецъ приняли для залы продолговатый четвероугольникъ. При Людовикѣ XIII и Людовикѣ XIV ложи были по бокамъ залы, откуда зрители очень дурно видѣли сцену, зрители же въ партерѣ не были отдѣлены отъ сцены оркестромъ, который помѣщался въ другомъ мѣстѣ; наконецъ суфлеръ сидѣлъ не въ *будкѣ*, какъ у насъ, но въ углу сцены.

Большія люстры со свѣчами висѣли надъ головою артистовъ, и освѣщали залу. Объ нихъ очень много говорятъ современники, потому-что свѣчи и музыканты всегда занимали публику. Шестеро музыкантовъ сидѣли по бокамъ сцены, и играли въ антрактахъ совсѣмъ не гармонически; если же они смѣли пропустить хотя минуту между послѣднимъ стихомъ актера и началомъ симфоніи, то публика шикала имъ и осыпала ихъ яблоками.

Что касается до тѣхъ лицъ, которыя снимали со свѣчей, то должность ихъ была гораздо труднѣе, чѣмъ музыкантовъ, и за успѣхъ они получали громкіе аплодисементы. Въ концѣ каждаго акта люстры опускалась, и *снималыцики* выходили на сцену съ острыми щипцами. Каждую свѣчку надобно было снимать смѣло, вѣрно и сразу. Публика забывала музыкантовъ, и слѣдила за искусными щипцами, и если вся люстра была снята безъ исключеній, то публика громко выражала свое удовольствіе. Такъ какъ снимальщикъ игралъ обыкновенно роли *друзей*, то его тирады принимали съ оглушительными аплодисментами, какими не награждали даже Флоридора и Барона.

Недовольный успѣхами своихъ артистовъ, Корнель объявилъ однажды, что онъ будетъ писать піесы только для снимальщиковъ со свѣчъ.

По этому можно судить, что партеръ былъ въ это время порядочно безпокоенъ и опасенъ. Одинъ современный писатель говоритъ слѣдующее: «Въ партерѣ смотрѣть піесу очень непріятно, потому-что тамъ тѣснота, и мошенники пристаютъ къ порядочнымъ людямъ, ссорятся и часто дерутся, что останавливаетъ піесу. Они кричатъ, шикаютъ, не слушаютъ актеровъ, и все это потому, что ничего не заплатили за входъ и пришли въ театръ отъ нечего дѣлать.

Тоже самое утверждаетъ и аббатъ д'Обьякъ. Въ своемъ трактатѣ о театрѣ, онъ упрекаетъ Плавта въ томъ, что онъ въ піесѣ Амфитріонъ истребляетъ сценическую иллюзію: «Не надобно, говоритъ онъ, чтобъ царь боговъ обращался къ зрителямъ и говорилъ имъ: «Граждане! я Юпитеръ, и превращаюсь въ Амфитріона, когда мнѣ вздумается, для вашего удовольствія и для любви Алкмены, которая, въ концѣ комедіи будетъ признана невинною.» Эти разговоры актера съ публикою не имѣютъ смысла, и истребляютъ очарованіе піесы. Если же въ партерѣ зашумятъ, то актеру позволительно остановить піесу, и попросить публику, чтобъ она замолчала.»

Невѣроятно, чтобы порядочныя женщины осмѣлились являться въ партерѣ, гдѣ часто дрались и ловили мошенниковъ.

Вотъ еще любопытныя подробности изъ исторіи французскаго театра, написанной Шапюзо въ 1674 году. «Въ театрѣ устроены два мѣста, гдѣ продаютъ напитки и сласти. Одно мѣсто близъ ложъ, другое въ оркестрѣ, и оба они прекрасно освѣщены и украшены. Лѣтомъ здѣсь продаютъ всѣ сорты прохладительнаго, зимою же напитки, которые согрѣваютъ желудокъ. Прежде, я помню, въ этихъ мѣстахъ продавали только простое пиво и водку, но все на свѣтѣ улучшается, и Парижъ никогда еще не былъ такъ великолѣпенъ, какъ теперь.»

НѢСКОЛЬКО ФАКТОВЪ, ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ. Исторія литературы представляетъ намъ много любопытныхъ примѣровъ, изъ которыхъ мы видимъ, что поэты всѣхъ временъ и всѣхъ странъ любили сами выводить себя въ своихъ произведеніяхъ. Вообще въ этихъ случаяхъ они давали полную волю

ихъ тщеславію. Произведенія нѣкоторыхъ авторовъ представляютъ даже забавную сторону, и ко многимъ изъ нихъ можно примѣнить то, что Бартелеми разсказывалъ о монсиньорѣ Баярди.

Онъ хотѣлъ его познакомить съ своими латинскими поэтическими произведеніями, и между прочимъ, прочиталъ ему пѣсню, написанную на фонтанъ въ Треви. Вотъ, говоритъ Бартелеми въ своихъ запискахъ, какое было содержаніе этого маленькаго произведенія:

« Поэтъ прибѣгаетъ къ новому фонтану; вдали видитъ онъ прекраснаго Нептуна, который своимъ трезубцомъ ударяетъ въ скалы, лежащія подъ его ногами, и оттуда истекаетъ вода сильными потоками.

« Онъ приближается къ бассейну, гдѣ собранныя воды представляютъ восхитительное зрѣлище; посреди ихъ играютъ наяды; самъ поэтъ вмѣшивается въ ихъ игры. Онъ употребилъ все, чтобы описать съ точностію счастливыя перемѣны, испытанныя имъ въ это время. Онъ останавливался съ самодовольствіемъ на легкости движеній, на округлости формъ, на пріятности чертъ. Между тѣмъ, какъ онъ представлялъ мнѣ эту картину, испорченную быстрымъ чтеніемъ и произношеніемъ неправильнымъ, я сравнивалъ состояніе этой прежней нимфы съ ея настоящимъ видомъ. Его подбородокъ, покрытый густой бородой, его отвислыя щеки, усыпанныя желтыми пятнами, его глаза, углублявшіеся въ ихъ орбиты, морщины, разнообразными складками покрывавшія его лобъ, — все это такъ меня поразило, что по окончаніи чтенія, послѣ нѣсколькихъ комплиментовъ, я сказалъ автору: «Я все-таки не могу скрыть, что вы нѣсколько перемѣнились послѣ вашей метаморфозы.» Онъ засмѣялся, думая, что я шутилъ, говоря ему эту злую насмѣшку: Подождите, вы меня видѣли нереидой, теперь я вамъ покажусь вакханкой; и тотчасъ вынувъ изъ своего неисчерпаемаго ящика диѳирамбъ страшной величины, и собравшись съ силами, онъ началъ читать; но жаръ, съ какимъ онъ декламировалъ, произвелъ, съ первыхъ стиховъ, такой жестокій кашель, что я просилъ его отложить до другаго дня продолженіе чтенія. Онъ согласился на это, хотя съ сожалѣніемъ, и я скорѣе ушелъ, рѣшившись никогда болѣе его не видѣть.»

Десятая Муза. Имя десятой музы было давано многимъ лю-

женщинъ писательницъ всѣхъ странъ, между прочимъ, италіянкамъ Аваградо, Федеси (въ пятнадцатомъ вѣкѣ), Бертини (въ шестнадцатомъ вѣкѣ); Чиччи, Сульгеръ Фантастичи, Фенароли (въ восемнадцатомъ вѣкѣ); Португальцѣ Віолантѣ де-Сео (въ семнадцатомъ вѣкѣ); Англичанамъ: Екатеринѣ Филипсъ и Аннѣ Кингегрю (въ семнадцатомъ вѣкѣ); наконецъ Французенкамъ: Перретъ Гиньё (въ шестнадцатомъ вѣкѣ); Клодинѣ Коллетъ, Дезулье, Гурне, Еритье, ла-Сюзъ, Аннѣ де-ла-Винь (въ семнадцатомъ вѣкѣ); Бернаръ и Буретъ (въ восемнадцатомъ столѣтіи).

Семейства ученыхъ. Обыкновенно говорятъ, что наука не наслѣдственна и что она почти не переходитъ отъ отцевъ къ дѣтямъ, къ братьямъ, къ племянникамъ, къ двоюродныхъ братьямъ; однакожъ есть семейства, которыя можно назвать семействами ученыхъ, таковы семейства Манучіа, Этьена, Скалигера, Мореля, Годефруа, Питу, Монтелона, де-Ту, Биньона, Дюпюи, Селье, Талона, Демезъ, Ламуаньона, Хейнзіуса, Боэціуса, Капеля, Валуа, Сенъ-Марка, Моро, Патена и Бернулли.

Нѣсколько словъ о великихъ людяхъ. Самое любопытное мѣсто въ біографіи великихъ людей—это первыя впечатлѣнія ихъ сердца и ума, и причины, которыя часто невольно дѣйствуютъ на ихъ качества и развиваютъ ихъ геній. Этотъ вопросъ поучителенъ, разнообразенъ, любопытенъ. Сколько людей сдѣлались знаменитыми только оттого, что выражали чувства и мысли матери, сестры или жены. Какую прекрасную книгу составила бы эта тайная исторія генія, котораго изучили бы въ первыхъ впечатлѣніяхъ семейства. Но это занимательное начало въ біографіяхъ почти всегда неизвѣстно.

Одни нашли въ семействѣ, въ наслѣдственныхъ преданіяхъ, въ занятіяхъ отца, то, что имѣло рѣшительное вліяніе на ихъ умъ. Отецъ Рафаеля былъ посредственный живописецъ, но онъ былъ добръ, честенъ, ученъ, услужливъ, и безпрестанный видъ кистей и красокъ имѣлъ большое вліяніе на наклонности сына. Не приводя всѣхъ древнихъ и новыхъ примѣровъ, мы скажемъ, что отецъ Торвальдсена былъ рѣзчикъ, и знаменитый скульпторъ; началъ подъ присмотромъ отца вырѣзывать фигуры нимфъ и тритоновъ, для кораблей. Джонсонъ, сынъ переплетчика, въ рабочей отца при-

страстился къ книгамъ, что сдѣлало изъ него замѣчательнаго писателя. Гессеперъ тоже родился на берегахъ Цюриха, между книгъ своего отца. Гёте, которому фортуна не отказала ни въ чемъ, опирался съ дѣтства на трехъ рѣдкихъ, благородныхъ людей: на дѣда, важнаго члена государственнаго совѣта, на отца, человѣка твердаго, разсудительнаго, методическаго, который внимательно слѣдовалъ за ученіемъ сына, и на мать, женщину нѣжную, которая своею любовью смягчала строгость отца.

Очень многіе писатели и артисты родились въ самомъ простомъ состояніи: Борисъ сынъ скромнаго фермера, Блумфильдъ сынъ портнаго, Киркъ Виттъ сынъ мясника, Гогъ шотландскій пастухъ, Вондель, одинъ изъ лучшихъ поэтовъ Голландіи, былъ простой вязальщикъ; Гансъ Саксъ башмачникъ въ Нюренбергѣ, и многіе поэты сѣвера: Гольбергъ, Баггезенъ, Эвальдъ, Андерсенъ Витали, начали свое поприще безо всякой подпоры. Душа ихъ развилась и укрѣпилась въ борьбѣ съ матеріяльными препятствіями жизни. Бо́льшая часть изъ нихъ нашла въ своемъ родномъ домѣ вознагражденіе за преслѣдованія судьбы. Слѣдующія лица были сыновья пасторовъ и протестантскихъ священниковъ: въ Англіи Юнгъ, Томсонъ, Гольдсмитъ, Кольриджъ; въ Германіи Лессингъ, Бюлеръ, Жанъ-Поль, Гердеръ (сынъ школьнаго учителя); въ Швеціи Далинъ, Стагнеліусъ и Линней.

Кажется, что въ нѣкоторыхъ семействахъ есть родъ электрическаго тока ума и чести, который сообщается въ одно время многимъ членамъ, и передается отцомъ сыну, черезъ нѣсколько поколѣній.

МОДА НОСИТЬ ЛОРНЕТЪ. Немногіе знаютъ, что мода носить лорнетъ, ущемленный въ глазъ, изобрѣтена извѣстнымъ писателемъ-туристомъ: княземъ Пюклеръ-Мускау. Долгое время она однакоже не находила подражателей, и тѣ самые, которые и слѣдовали потомъ этой модѣ, сначала смѣялись надъ нею. Князь хвалился умѣньемъ поддерживать лорнетъ въ глазу, и утверждалъ что не всякій можетъ сдѣлать это. Ротмистръ Фонъ-деръ-Денеръ услышавъ однажды эти слова, въ свою очередь, сталъ увѣрять князя, что это вовсе нетрудно, и держалъ съ нимъ пари что онъ удержитъ въ глазу, не только легкій лорнетъ, но и желый серебряный талеръ, даже въ двухъ глазахъ и въ [illegible] комъ видѣ объѣдетъ на лошади весь плацъ-парадъ у Брандъ

бургскихъ-воротъ, не уронивъ изъ глазъ талеры. Пюклеръ-Мускау принялъ пари, и въ назначенный день ротмистръ поѣхалъ по плацъ-параду съ двумя талерами въ глазахъ. Онъ уже оканчивалъ свое путешествіе, и, безъ сомнѣнія, выигралъ бы пари, но, по несчастью, на встрѣчу ему попался носильщикъ (Eckensteher), который, увидя человѣка съ талерами вмѣсто глазъ, закричалъ, отъ удивленія. Лошадь испугалась, шарахнулась, и тряхнула такъ сильно всадника, что онъ выронилъ талеры.

Большой обѣдъ. Самый большой обѣдъ былъ данъ въ Англіи, которая чрезвычайно какъ любитъ обѣды, лордомъ Ромнеемъ, въ присутствіи Короля Георга III, близъ Медстона, волонтерамъ Кентскаго Графства, которымъ король дѣлалъ смотръ. Столъ, накрытый для солдатъ, имѣлъ въ длину $8\frac{1}{2}$ англійскихъ миль, и одни доски, употребленныя на устройство такого стола, стоили 15,000 фунтовъ стерлинговъ.

НОВОСТИ УЧЕНАГО МІРА.

Вѣсъ небесныхъ тѣлъ земными фунтами. — Электрическая лампа г. Леона Фуко. — Продольныя полосы въ призматическомъ разложеніи солнечныхъ лучей г. Кноблауха. — Дѣйствіе хлороформа на растеніе мимозу (недотрога).

ВѢСЪ НЕБЕСНЫХЪ ТѢЛЪ ЗЕМНЫМИ ФУНТАМИ. Для людей, незнающихъ астрономіи, покажется съ перваго взгляда страннымъ и несбыточнымъ, чтобы выразить земными фунтами вѣсъ небесныхъ тѣлъ, но въ-самомъ-дѣлѣ дѣло это не такъ трудно. Мы очень хорошо знаемъ, что притягательная сила составляетъ общее качество всѣхъ тѣлъ въ природѣ. Какъ скоро находимъ мы въ какихъ-нибудь явленіяхъ пропорціональное отношеніе притягательной силы одного тѣла въ сравненіи съ другимъ, то знаемъ, значитъ, отношеніе ихъ массъ, то есть тяжестей. Узнавъ это, открываемъ мы удѣльную тяжесть каждаго, то есть плотность матеріи, составляющей его. Исчисленіе же притягательной силы производится всегда по паденію тѣлъ на поверхности каждой планеты.

При обтеченіи однаго небеснаго тѣла около другаго, узнаемъ мы силу притяженія по дугѣ орбиты, потому-что еслибы при-

тягательная сила мгновенно прекратилась, то и обтекающее тѣло не слѣдовало бы по кривой линіи, а вошло бы прямо. Слѣдственно, кривая линія, совершаемая каждымъ тѣломъ и есть сила притяженія центральнаго тѣла, заставляющаго первое приближаться къ нему. При разныхъ орбитахъ и одинаковыхъ углахъ, линія эта тѣмъ болѣе, чѣмъ обширнѣе орбита, а сила притяженія центральнаго тѣла тѣмъ болѣе, чѣмъ скорѣе совершается обтеченіе. Такимъ образомъ масса центральнаго тѣла опредѣляется отношеніемъ между величиною орбиты и временемъ обтеченія.

Если нѣсколько планетъ или спутниковъ обтекаютъ около одного центральнаго тѣла, то между величиною ихъ орбитъ и временемъ обтеченія есть всегда постоянное отношеніе, которымъ и опредѣляются ихъ массы. Такимъ образомъ опредѣляется содержаніе солнечной массы къ каждой планетѣ отдѣльно и спутниковъ около своихъ планетъ (Земли, Юпитера, Сатурна и Урана), какъ скоро извѣстно разстояніе каждаго тѣла отъ центральнаго и время обтеченія около него.

Плотность тѣла есть отношеніе между массою и пространствомъ, ею занимаемымъ. Чѣмъ болѣе массы, тѣмъ тѣло тяжелѣе, и оно тѣмъ плотнѣе, чѣмъ болѣе массы содержитъ въ одной и той же величинѣ. Слѣдственно, удѣльная тяжесть — таже плотность, и зная, по астрономіи, величину каждаго небеснаго тѣла, надобно сравнить только, массу его съ нею, чтобъ получить результатъ плотности, или удѣльной тяжести.

Паденіе тяжелыхъ тѣлъ на поверхность каждой планеты, въ первую секунду паденія, есть слѣдствіе силы притяженія ея. Оно зависитъ не только отъ массы планеты, но и отъ разстоянія падающаго тѣла отъ средоточія планеты. Чѣмъ ближе оно къ этому средоточію, тѣмъ скорѣе падаетъ тѣло. Такъ напримѣръ, тѣла на земной поверхности падали бы не 15 футовъ въ первую секунду, какъ теперь, а 30, — еслибы земля при теперешней величинѣ своей имѣла вдвое больше плотности, а еслибы, при теперешней своей тяжести, земля была вдвое менѣе, то есть вдвое была бы плотнѣе, то тѣла бы падали вчетверо скорѣе теперешняго, то есть, 60 футовъ въ секунду, потому что они были бы вдвое ближе къ средоточію земли, слѣдственно, притягивались бы вчетверо сильнѣе.

Зная всѣ массы и величину поперечниковъ, какъ солнца, такъ и всѣхъ планетъ, а равно открывъ опытами, что тѣла падаютъ

на землѣ по 15 футовъ въ секунду, легко исчислить, сколько футовъ онѣ падаютъ на другихъ небесныхъ тѣлахъ.

Объяснимъ это примѣромъ. Радіусъ орбиты четвертаго спутника Юпитера въ 4¾ больше, нежели радіусъ лунной орбиты, — и луна наша употребляетъ на обтеченіе своей орбиты почти ⅔ болѣе времени, нежели означенный спутникъ. Слѣдственно, будучи на разстояніи въ 4 — 5 разъ далѣе отъ центральнаго своего тѣла, спутникъ Юпитера движется почти вдвое скорѣе, нежели наша луна. Изъ этого слѣдуетъ, что Юпитеръ въ 316 разъ болѣе имѣетъ массы нежели земля. Но какъ поперечникъ его въ 11 разъ больше земнаго, то по содержанію массъ, онъ въ 1333 больше земли. Но въ этой величинѣ содержитъ онъ въ себѣ только въ 316 разъ больше массы. Слѣдственно, эта масса разрыхлена у него на пространствѣ, вчетверо превосходящемъ землю, то есть, что плотность его вчетверо менѣе плотности земли.

Еслибъ обѣ эти планеты были одинаковой величины, то тѣла на поверхности Юпитера падали бы въ 316 разъ быстрѣе, то есть 4740 футовъ въ секунду, потому-что сила притяженія его въ 316 разъ сильнѣе земли. Но какъ мы нашли, что поперечникъ его въ 11 разъ больше земнаго, и слѣдственно тѣла на поверхности въ 11 разъ далѣе отъ средоточія планеты, нежели на землѣ, то сила притяженія его будетъ 11 × 11, то есть въ 121 разъ слабѣе, нежели означенная цифра 4730, а именно, паденіе тѣлъ будетъ 39 футовъ съ секунду.

Результатъ всѣхъ этихъ вычисленій слѣдующій: Солнце содержитъ въ себѣ 337,086 разъ болѣе массы, нежели земля; Юпитеръ въ 316 разъ больше, Сатурнъ въ 95 разъ, Уранъ въ 17 разъ больше; Венера почти столько же, какъ земля, Марсъ едва 4-ю часть массы земли. Слѣдственно, Венера $\frac{1}{15}$ плотнѣе земли; всѣ прочія планеты и самое солнце состоятъ изъ легчайшей матеріи. Земля вчетверо плотнѣе солнца, Юпитера и Урана, въ 10 разъ плотнѣе Сатурна и ¼ плотнѣе Марса.

Тѣла падаютъ на поверхности земли 15 футовъ 1 дюймъ въ секунду; на солнцѣ падаютъ онѣ 422 фута, на Ураѣ — 14 фут. 7 дюймовъ, на Сатурнѣ 1 футъ 2 дюйма, на Юпитерѣ 38 фут. 9 дюймовъ, на Марсѣ 6 фут. 4 дюйма, на Венерѣ 15 фут. 10 дюймовъ.

Извѣстно, что явленія прилива и отлива есть слѣдствіе притягательной силы луны. Зная отдаленіе и величину луны, узнаемъ

мы и массу, а по дѣйствію притяженія и другихъ обстоятельствъ вычисляется и сила притяженія.

Возмущенія, претерпѣваемыя четырьмя спутниками Юпитера въ эллиптическихъ ихъ обтеченіяхъ, отъ взаимной силы притяженія, такъ значительны, что даютъ возможность вычислить ихъ массы съ величайшею точностію. Результатъ этихъ вычисленій слѣдующій:

Земля содержитъ въ себѣ 68—69 разъ больше массы, нежели луна, и вполовину плотнѣе ея. Третій спутникъ Юпитера содержитъ въ себѣ вдвое, а четвертый столько же массы, какъ наша луна; второй только вполовину, а первый $\frac{1}{2}$; но всѣ четверо не столь плотны, какъ она. На лунѣ падаютъ тѣла въ первую секунду 2 фута и 10 дюймовъ; на первомъ спутникѣ Юпитера только 9 дюймовъ; на прочихъ трехъ — около 21 футовъ.

Солнце наше превосходитъ массою всѣ планеты, вмѣстѣ взятыя, въ 800 разъ, и потому составляетъ центральное тѣло всей нашей міровой системы. Сильнѣйшее послѣ всего тѣло — Юпитеръ, который имѣетъ въ 1000 разъ менѣе массы, нежели оно. На Сатурнѣ сила тяжести таже, какъ и на землѣ; на Уранѣ и Венерѣ немного разности, но на солнцѣ она въ 28 разъ сильнѣе. Тамъ наше 12-ти фунтовое ядро вѣсило бы 335 фунтовъ, то есть давило бы тяжестію этого количества нашихъ фунтовъ.

Мы говорили, что солнце въ 337,086 разъ тяжелѣе земли, но сколько сама земля вѣситъ мы еще не сказали. Примемся и за этотъ вопросъ.

По притягательной силѣ луны, поднимающей океанъ во-время приливовъ и отливовъ, и по извѣстной величинѣ и отдаленности этого спутника, знаемъ мы содержаніе обѣихъ массъ. Слѣдственно, еслибъ мы знали массу луны, то, помноживъ ее на 68, имѣли бы массу земли. Но какъ узнать ту, или другую?

Еслибы, вмѣсто луны, былъ повѣшенъ шаръ какого нибудь извѣстнаго вещества, напримѣръ чугунное ядро значительной величины, такъ, чтобы тѣла, падающія на землю, были, въ свою очередь, притягиваемы имъ, то притягательная сила земли чрезъ то умоньшилась бы, во сколько ядро было бы больше. Такъ напримѣръ, еслибы тѣла падали, вмѣсто 15, только 14 футовъ, то значитъ земля потеряла бы на $\frac{1}{15}$ часть своей притягательной силы, то есть содержаніе притягательныхъ силъ ядра и земли было бы какъ 15 : 1. Въ такомъ случаѣ, земля бы имѣла въ 15 разъ боль-

ше массы, чѣмъ означенное ядро извѣстной величины, т. е. вѣсило бы въ 15 разъ столько фунтовъ.

Но такого ядра негдѣ повѣсить, — а надобно приняться за возможное. Кромѣ паденія тѣлъ, притягательная сила земли обнаруживается и въ другихъ явленіяхъ. Напримѣръ, если на нитке повѣсить тяжесть, то притяженіе земли натянетъ ее перпендикулярно, — такъ что продольныя линіи этой нити, нижняя пройдетъ черезъ центръ земли, а верхняя чрезъ зенитъ того мѣста; Теперь возьмемъ чугунное ядро, и повѣсимъ его подлѣ нитки съ лотомъ. Очевидно, что притягательная сила его заставитъ лотъ отойти отъ зенита; но это отклоненіе будетъ такъ незначительно, что только можетъ замѣчено быть астрономическимъ образомъ, то есть на продолженной линіи лота къ зениту.

Квадранты, секстанты и секторы суть инструменты, употребляемые астрономами для наблюденія небесныхъ тѣлъ. Это дуги, посреди которыхъ вписитъ лотъ и утвержденъ телескопъ. Если направить послѣдній на звѣзду въ ту минуту, какъ она, находясь на меридіанѣ подходитъ къ зениту, то часть дуги между нитью лота и телескопомъ дастъ уголъ разстоянія между продолженною линіею лота и звѣздою и который равенъ углу разстоянія той звѣзды отъ зенита, еслибы на лотъ дѣйствовала одна притягательная сила земли. Вообразимъ себѣ теперь, что упомянутое чугунное ядро подвинуто къ нижней части лота, отъ этого онъ уклонится къ югу, а продолженная до зенита линія уклонится къ сѣверу, — такъ что нить лота и телескопъ будутъ составлять небольшой уголъ. Разность этого угла съ прежнимъ, произведеннымъ одною притягательною силою земли, обозначитъ въ цифрахъ притягательную силу ядра и отношеніе этого притяженія между землею и ядромъ.

Но мы такъ малы и слабосильны, что не въ состояніи поставить подлѣ лота такое огромное тѣло, которое бы имѣло вліяніе на уклоненіе его. За то сама природа устроила ихъ. Напримѣръ: въ Шотландіи есть гора чрезвычайно правильной формы, — и близъ нея то были дѣланы многократные опыты. Сперва на сѣверной, а потомъ на южной сторонѣ горы измѣрены были по квадранту и направленію линіи лота разстоянія нѣсколькихъ звѣздъ. Въ первомъ случаѣ лотъ былъ притянутъ къ югу, во второмъ къ сѣверу: половина разности уклоненія обозначала силу притяженія горы. Этимъ получено отношеніе между притягатель-

ною силою горы и всей земли. Оставалось изслѣдовать плотность массы горы съ плотностію всей планеты. Отношеніе ихъ нашлось какъ 9: 5, потому-что гора состояла изъ гранита, который въ 2 раза тяжелѣе воды, и слѣдственно, плотность всей земли содержится въ водѣ какъ 9: 2.

Подобные же опыты, дѣланные въ горахъ Южной Америки, дали тотъ же результатъ, и такимъ образомъ получено окончательное свѣдѣніе, что масса всей земли (еслибы она изъ однороднаго матеріала состояла) въ $4\frac{7}{10}$ плотнѣе, или тяжелѣе воды.

Слѣдственно, вся масса земли вѣситъ $3\frac{7}{10}$ квадрилліоновъ фунтовъ

Получивъ однажды эту цифру, легко уже примѣнить ее и ко всѣмъ небеснымъ тѣламъ, которыхъ отношенія намъ извѣстны. Такъ напримѣръ, солнце вѣситъ болѣе *квинтиллліона* фунтовъ. Масса его нѣсколько плотнѣе воды, то есть почти какъ каменный уголь, или дубовое дерево. Уранъ и Юпитеръ равны плотностію янтарю. Сатурнъ едва вдвое тяжелѣе пробочнаго дерева. Наша луна подобна плотностію горному хрусталю, Марсъ — алмазу; Венера нѣсколько плотнѣе магнита; Меркурій — самое плотное тѣло нашей системы и равно плотностію серебру, или свинцу. Такимъ образомъ легко представить въ цифрахъ вѣсъ каждаго небеснаго тѣла.

Главною пользою въ составленіи всѣхъ подобныхъ цифръ былобы то, что необразованный человѣкъ перестанетъ мечтать о важности своей маленькой планеты и о самомъ-себѣ, когда посредствомъ астрономическихъ вычисленій можетъ удостовѣриться, что вся солнечная наша система со всѣми планетами, спутниками, кометами, астероидами, составляетъ невидимую точку въ милліонахъ подобныхъ системъ млечнаго пути и туманныхъ пятенъ.

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ЛАМПА Г. ЛЕОНА ФУКО. Въ послѣднемъ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ г. Дюма представилъ записку г. Фуко о безпрерывномъ освѣщеніи, которое можно получать электрическимъ сожиганіемъ угля. Въ аппаратахъ этого рода, употребляемыхъ до-сихъ-поръ, надобно было безпрестанно сближать полюсы углей, по-мѣрѣ ихъ сожиганія. Въ лампѣ же, устроенной г. Фуко, полюсы сдвигаются, сами собою со скоростію, соотвѣтствующею ровному горѣнію обоихъ углей, — такъ, что не только они остаются на томъ разстояніи, которое

необходимо для произведенія яркаго свѣта, но свѣтящаяся точка остается неизмѣнною въ пространствѣ.

ПРОДОЛЬНЫЯ ПОЛОСЫ ВЪ ПРИЗМАТИЧЕСКОМЪ РАЗЛОЖЕНІИ СОЛНЕЧНЫХЪ ЛУЧЕЙ Г. КНОБЛАУХА. Существованіе этихъ продольныхъ полосъ, параллельныхъ съ краями призматическихъ изображеній и перпендикулярныхъ тѣмъ полосамъ, которыя были открыты Фраунгофероиъ, наблюдаемо было гг. Зантедеско, Рагона и Вартманомъ. Гг. Кноблаухъ и Керстенъ вновь изслѣдовали ихъ. Лучъ, отраженный геліостатическимъ зеркаломъ, пропустили они сквозь скважину въ камеръ-обскуру, и приняли его на призму, позади которой было объективное стекло въ 4 — 5 футовъ фокуснаго разстоянія, чтобы получить цвѣтное изображеніе на бѣлой поверхности.

Результатъ наблюденій привелъ г-на Кноблауха къ заключенію, что безъ скважины и зеркала, при ясномъ небѣ, нѣтъ никакихъ продольныхъ полосъ. Онъ изыскивалъ потомъ, какимъ образомъ существованіе нѣкоторыхъ неровностей въ краяхъ скважины, или неправильностей въ отражающей поверхности, можетъ произвести продольныя полосы въ призматическомъ разложеніи. Оказалось, что эти полосы происходятъ отъ невѣрности аппарата.

ДѢЙСТВІЕ ХЛОРОФОРМА НА РАСТЕНІЕ МИМОЗУ (недотрога). Профессоръ Марсе представилъ Физическому Женевскому Обществу опыты свои надъ хлороформомъ въ дѣйствіяхъ его на растенія. Одна, или двѣ капли хлороформа, пущенныя на верхній конецъ общей листовой вѣточки, производятъ то, что немедленно стволъ опустится, а потомъ и листочки одинъ за другимъ попарно, начиная съ верхнихъ. (Капля воды, осторожно пущенная на листья мимозы, не производитъ никакого дѣйствія). Нѣсколько минутъ спустя ранѣе, или позже, по чувствительности мимозы, опускаются и закрываются прочіе нижніе листочки на томъ же стеблѣ, хотя и въ меньшей степени, нежели подвергнутые дѣйствію хлороформа. Черезъ нѣсколько временн потомъ открываются опять листочки, но замѣчательно то, что они теряютъ свою способность свертываться при прикосновеніи пальца. Въ этомъ состояніи нечувствительности остаются они иногда по нѣскольку часовъ — послѣ чего пріобрѣтаютъ свое прежнее качество. Если во-время этой безчувственности подвергнуть ихъ снова дѣйствію

хлороформа, то они свертываются по-прежнему. Однакоже послѣ нѣсколькихъ опытовъ теряютъ и это свойство, по-крайней-мѣрѣ, до слѣдующаго дня. При частомъ же повтореніи опытовъ увядаютъ иногда совсѣмъ. Всѣ эти явленія тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чище хлороформъ и свѣжѣе растеніе.

То же явленіе оказывается, если пустить капли хлороформа на крайніе листки стебля. Тогда свертываются попарно всѣ листки стебля. Послѣ нихъ свертываются и всѣ прочіе листья той же вѣточки.

Самое странное при этомъ опытѣ, есть направленіе въ дѣйствіи хлороформа, которое остается тоже самое, если даже хлороформъ испарится, что дѣлается въ нѣсколько мгновеній. А именно, дѣйствіе распространяется сверху внизъ.

Декандаль произвелъ подобный же опытъ съ мимозою посредствомъ капли селитряной, или сѣрной кислотъ, — и нашелъ, что закрываются сперва верхнія пары листьевъ, тогда какъ нижнія не подвергаются этому дѣйствію. Это можно объяснить тѣмъ, что восходящій сокъ изъ растенія увлекаетъ съ собою кислоту. Но какъ же объяснить противуположное дѣйствіе хлороформа? Развѣ тѣмъ, что нисходящій сокъ имѣетъ свойство принимать наркотическія вещества, а восходящій — ѣдкія? Или въ этомъ растеніи есть особенный органъ, который поражается растительными ядами, какъ нервная система животныхъ? Не-смотря на многочисленные опыты Дютроше, Шлейдена и другихъ физіологовъ ботаническаго міра, этотъ вопросъ еще не рѣшенъ.

Опыты съ очищеннымъ сѣрнымъ эѳиромъ даютъ тѣже результаты, съ тою разницею, что дѣйствіе не такъ далеко простирается, не касаясь даже ближайшей пары листьевъ. Впрочемъ, надобно присовокупить, что опыты съ хлороформомъ были произведены въ такое время года, когда чувствительность мимозы бываетъ слабѣе.

ПОХОЖДЕНІЯ ПРОВИНЦІЯЛА ВЪ СТОЛИЦѢ.

Рано утромъ, 10-го іюля, Петръ Александровичъ получилъ по городской почтѣ записку слѣдующаго содержанія:

Почтеннѣйшій и любезный Петръ Александровичъ, два раза заѣзжалъ я къ вамъ, но не заставалъ дома. Вѣроятно, ваши столичныя удовольствія заставляютъ васъ забывать, что у васъ есть въ Петербургѣ искренніе друзья. Въ добрый часъ! Чтобы вы не приняли этихъ словъ за упрекъ, прошу васъ заглянуть въ календарь, и освѣдомиться, день какого мученика будетъ 12-го числа этого мѣсяца, іюля. Надѣюсь, что вы не откажетесь пожаловать къ намъ откушать хлѣба-соли безъ церемоніи. Будутъ одни родные, всѣ люди свои.

Примите увѣреніе въ искреннемъ уваженіи.

Прокл Мимозинъ.

— Мм—мм, проворчалъ Мошкинъ, и въ-самомъ-дѣлѣ, этотъ почтеннѣйшій Францъ Францовичъ со своими гуляньями и даровыми букетами вовсе сбилъ меня съ толку, заставилъ забыть лучшихъ, сердечныхъ друзей. Со времени моего пріѣзда я побывалъ раза два у своего стараго знакомца и сослуживца Прокла Родіоновича, и—не-смотря на его радушныя приглашенія, послѣ того и носу къ нему не показывалъ. Надобно исправиться... Да что это онъ пишетъ 12-го іюля? Что тамъ у него будетъ? Посмотрѣть въ календарѣ.

Мошкинъ досталъ книжечку, чистенько переплетенную въ сафьянъ, и сталъ ее перелистывать.

Наконецъ онъ дошелъ до страницы двадцатой, на верху которой было напечатано крупными буквами:

ІЮЛЬ.

Отыскавъ 12-е число, онъ прочиталъ:

Мученика Ироѳея.

— Ахти! вскричалъ Петръ Александровичъ, да Машенькѣ-то въ этотъ день именинникъ. Рѣшительно не зналъ! Надобно извѣстить, непремѣнно надо; тѣмъ болѣе, что мнѣ пора отдохнуть отъ этихъ свѣтскихъ удовольствій.... Хороши, конечно, и публичныя развлеченія, но утомительны... и сердцу, право, иногда хочется отдохнуть въ семейномъ кругу, безъ шума, между людьми, искренно любящими другъ друга....

И отчего-то Петръ Александровичъ задумался, а глаза его невольно продолжали слѣдить по чертѣ, въ которой было выставлено имя мученика.

И далѣе, подъ рубрикою: теченіе солнца, виды луны и прочія небесныя явленія, онъ прочиталъ:

Наибольшая сѣверная широта.

Календарь-то у Машеньки оказался 1815 года; въ нынѣшнемъ году не успѣлъ купить, опоздалъ; экземпляры были всѣ распроданы. Вотъ почему и бѣлый листочекъ, вложенный для замѣтокъ, былъ весь исписанъ. Петръ Александровичъ отыскалъ и тутъ замѣтку, имъ самимъ написанную:

Не то скверно, что входитъ въ уста, а то скверно, что выходитъ изъ нихъ.

Машенькѣ вспомнился, вѣроятно, непріятный случай, по поводу котораго были написаны эти слова, вздохнулъ, и махнувъ рукой, произнесъ тихонько:

— Охъ, люди, люди!

Потомъ, скоро перевернувъ страничку, навѣвавшую на него грусть, онъ опять прочиталъ машинально:

Заря во всю ночь.

Наконецъ въ глазахъ его зарябѣло отъ множества цыфръ, и онъ захлопнулъ книгу.

Машенькѣ облокотился на столъ, подперъ виски обѣими ру-

ками, и задумался. Богъ его знаетъ, о чемъ онъ думалъ, но мысли его были далеко не тѣ, съ которыми онъ, новичокъ, пріѣхалъ въ Петербургъ.... Онѣ не были даже въ Петербургѣ, а гдѣ-то далеко, гдѣ на холмикѣ высился скромный господскій домъ, къ которому примыкалъ тѣнистый садикъ, въ которомъ весною сирени распространяли нѣжныя благоуханія.... Тамъ, подъ холмикомъ, журчала неширокая рѣчка, въ которой вода была такъ чиста, такъ прозрачна.... изъ незатѣйливой высокой бесѣдки, выстроенной въ саду, виднѣлись за рощей простенькія крыши крестьянскихъ избъ, а тамъ, вдали, и зеленый куполъ церкви сосѣдняго села....

Близъ дома проходили, по-временамъ, люди; все лица знакомыя.... Петръ Александровичъ былъ убѣжденъ, что улыбка на этихъ лицахъ непритворная.

Но вотъ мчатся двѣ тройки.

Сосѣди ѣдутъ, друзья, повеселиться у Мошкина, поиграть помаленькой, потолковать, пошумѣть. Петръ Александровичъ въ халатѣ, да что́ за бѣда! Не взыщутъ....

Звуки шарманки, раздавшіеся подъ самымъ окномъ, вывели добраго Мошкина изъ размышленій. Мысль его опять очутилась въ петербургской квартирѣ. Онъ скоро поднялъ голову и вытаращилъ глаза.

Теперь только замѣтилъ онъ, что по щекамъ его текли двѣ крупныя слезы.

— Хорошо въ гостяхъ, а дома все-таки лучше! проговорилъ Мошкинъ, скоро утеревъ слезы, какъ бы стыдясь ихъ. Экъ я разчувствовался! Вѣдь это глупо; Францъ Францовичъ мнѣ уже нѣсколько разъ твердилъ, что предаваться какому-бы то ни было движенію сердца прилично только людямъ, незнающимъ свѣтскихъ приличій.... Лучше уѣхать куда-нибудь!... А куда? Всѣ эти гулянья съ музыкой мнѣ порядочно надоѣли....

Мошкинъ рѣшился остаться дома, и взялся разсматривать газеты того дня; но ни политика, ни нижнеэтажное фельетонное остроуміе не тѣшили его, а потому онъ остановился на самомъ невинномъ, безобидномъ, на томъ, что́ Французы называютъ *четвертою страницею*, а именно, на объявленіяхъ.

Напрасно многіе съ пренебреженіемъ смотрятъ на объявленія. Въ нихъ много пищи наблюдательному уму.

Мошкинъ, какъ наблюдатель и философъ, подписывался не только на Полицейскія Вѣдомости, но и на Санктпетербургскія *съ прибавленіями*.

— Мм, проворчалъ онъ, прочитавъ одно объявленіе, вотъ она, слава-то! Содержатель гостинницы *такой-то* увѣдомляетъ почтеннѣйшую публику, что къ нему поступилъ *вновь* (или *новый*?) поваръ, отлично знающій свое дѣло, и который можетъ приготовлять весьма пріятнаго вкуса разныхъ сортовъ кушанье.... Имя повара не выставлено. Онъ будетъ приготовлять *пріятнаго вкуса разныхъ сортовъ кушанье*, а хозяину честь и слава! Ишъ ты куда оно пошло!

Далѣе:

«По весьма умѣреннымъ цѣнамъ, чтобъ всякому недостаточному возможно нынѣ воспользоваться, вставляетъ искуственные зубы такой-то....»

— Вотъ это благое дѣло! Теперь, по-крайней-мѣрѣ, и черствая корка даромъ не пропадетъ. Посмотримъ, что далѣе:

«На дачѣ Королевыхъ,...»

— Знаю, знаю!

«Съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаемъ о кончинѣ любезнаго роднаго брата нашего, N. N., холостаго, скончавшагося*** сего года въ С. Петербургѣ....»

Бѣдные родственники! Но что тутъ еще далѣе:

«....послѣ котораго мы состоимъ единственными и законными наслѣдниками; почему, если кто состоитъ покойному должнымъ....»

— Ну, кажись, не совсѣмъ бѣдные.

«Монументы. N. N. честь имѣетъ объявить почтеннѣйшей публикѣ, что онъ *приготовляетъ* (?) надгробные памятники въ лучшемъ вкусѣ и архитектурѣ (тоже лучшемъ?). За прочность и чистоту полировки N. N., ручается и принимаетъ на себя поставку на всѣхъ кладбищахъ столицы, а равно и прочихъ городахъ (*не городовъ* ли?) и съ *подпушкою* обноситъ на мѣстахъ стѣнки гранитнымъ или путиловскимъ цоколемъ кругомъ могилъ, *по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ*».

Мошкинъ недавно прочиталъ только-что вышедшія сочиненія Нелединскаго-Мелецкаго, въ смирдинскомъ изданіи, а потому читая далѣе сталъ, какъ-бы невольно, говорить сквозь зубы эпитафію князя В. М. Долгорукова:

Прохожій, не дивись что пышной мавзолея
Не зришь надъ прахомъ ты его;
Бываютъ оною покрыты и злодѣи:
Для добродѣтели нѣтъ славы отъ того.
Пусть гордость тлѣнныя гробницы созидаетъ:
По Долгоруковѣ Москва рыдаетъ.

— Вотъ это такъ монументъ въ наилучшемъ вкусѣ и наилучшей архитектурѣ!

«Карета, совершенно новая, дрожки-пролетки, пара вороныхъ лошадей, со всею упряжью, продаются за весьма дешовую цѣну, по обстоятельствамъ».

— Охъ, ужъ эти *обстоятельства*!... Ну, да будетъ.

Петръ Александровичъ позвонилъ.

Явился лакей съ сіяющимъ лицомъ.

— Что это ты, братецъ, такъ веселъ?

— Ничего-съ, сударь; такой право, славный городъ эвтотъ Питеръ!

— А что?

— Ужъ не соскучишься!

— Ой-ли?

— Ей-ей, такъ, сударь; хошь не хошь, а веселись; самъ не пойдешь, такъ къ тебѣ придутъ.

— Какое же къ тебѣ веселье пришло?

— Да что, сударь, цѣлыя комедіи по улицамъ ходятъ. Сижу я, извольте видѣть, въ прихожей, вдругъ слышу на музыкѣ играютъ. Гляжу въ окно: цѣлая, сударь, компанія; двое мальчугановъ вонъ ентакихъ, въ такомъ нарядномъ платьѣ, что, просто, заглядѣнье! хоть бы кому, сударь, такъ впору; шолковыя курточки и все золотыя блесточки; разложили, сударь, коверъ,—такъ, просто, съ позволенія сказать, на мостовой, да и ну кувыркаться, да бѣситься; то сюда руку загнетъ, то туда ногу заложитъ; смотришь,—головы не видать; и ивѣсть куда ушла! Такіе художники!

— Есть тебѣ охота смотрѣть на кривлянья.

— Ничево-съ, оно все искусство. Вотъ прибрали коврикъ, да ширмы поставили; ширмы, вотъ такъ, съ позволенія сказать, обыкновенныя ширмы; и пошло, знаете, кукольное преставленіе; ни дать, ни взять живые человѣки; руками машутъ, пляшутъ, палку бросаютъ и преставляются, что говорятъ,—да нѣтъ! не надуешь; я вѣдь видѣлъ какъ за ширмы-то спрятался мусьякъ въ фуражкѣ....

— Какую же они представляли комедію?

— А кто ихъ знаетъ: всего не разобралъ; сначала поговорили о чемъ-то, потомъ пустились въ-плясъ, тамъ драка—какъ и на дѣлѣ бываетъ-съ—а наконецъ пришелъ какой-то мохнатый, съ рогами; взялъ, да и унесъ пестраго, а на музыкѣ заиграли какую-то заунывную. Вѣкъ бы смотрѣлъ, сударь, такая забава! Ну, ужъ Питеръ, нечаго сказать!

— Ну, ладно; ступай, принеси мнѣ изъ трактира обѣдъ.

— Нѣчто дома изволите кушать? спросилъ лакей съ кислой миной.

Пользуясь частыми отлучками барина, и онъ составилъ себѣ свой кругъ знакомства, и весело проводилъ все свободное время.

— Да, я останусь дома.

— Въ такую чудесную погоду?

— Надоѣла мнѣ эта чудесная погода.

— *Здѣсь-то* надоѣла?... Въ деревнѣ, сударь, дѣло другое; тамъ и дождичекъ иногда—мое почтеніе! А здѣсь, сударь, онъ хоть и вѣкъ не будь,—не требуется.

— Пошелъ, не разсуждай.

Лакей пошелъ, но выйдя въ прихожую, остановился и уперъ руки въ бока.

— Вонъ оно какъ! Чево бы, кажется?... Такъ нѣтъ!... Чево не попросишь, — угощайся.... анъ нѣтъ, надоѣло!...

Мошкинъ просидѣлъ два дня дома. Чѣмъ болѣе предавался онъ своимъ мыслямъ, тѣмъ болѣе овладѣвала имъ хандра.

Космополитскій не показывался.

Такова, впрочемъ, бо́льшая часть свѣтскихъ отношеній. Въ веселомъ обществѣ—первые друзья; въ минуту грусти, уныніи, болѣзни—бѣгутъ, какъ отъ чумы! Умри, — опять сбѣгутся со всѣхъ концовъ....

Пожалѣть?... Нѣтъ, повеселиться.

Что̀ имъ за дѣло, что въ тѣлѣ, которое они въ приличномъ нарядѣ опускаютъ въ холодную, сырую землю, нѣтъ уже души!... Заботились ли они когда-нибудь объ этой душѣ, сочувствовали ли они ей, старались ли они хоть понять ее?... Знали ли они, что подъ простою, иногда даже безпечною куковою, скрывалось много теплаго, много благаго, прекраснаго?...

Понимали ли они, что иногда вспышки, производившія на нихъ непріятное впечатлѣніе, служили отголоскомъ дурно понятаго человѣческаго чувства?

Ничего не знали, ничего не понимали, ничего не угадывали.

Не помню кто сказалъ, что *друзья* суть наши величайшіе *враги*.

. . . . . .

Наступило двѣнадцатое число іюля.

Мошкинъ приодѣлся, переси́лилъ грустное чувство, и придалъ своему лицу приличное имянинное выраженіе.

Проклъ Родіоновичъ Мимозинъ жилъ на дачѣ, хоть не совсѣмъ. Онъ нанималъ въ отдаленной части города домикъ съ

садомъ. Тамъ, въ минуты отдохновенія, онъ проводилъ тихо и мирно время, въ кругу нѣжно-любимаго семейства; страстно любя природу и всѣ проявленія ея, онъ самъ ухаживалъ за своимъ садомъ, рылся въ землѣ, сажалъ и пересаживалъ цвѣты, подрывалъ ихъ, и неутомимо преслѣдовалъ всякую негодную траву, отнимавшую частицу жизненнаго сока у дорогихъ его цвѣтовъ....

Погода была сѣренькая. Вооружившись зонтикомъ, пробирался Мошкинъ къ тому тракту, по которому проѣзжалъ дилижансъ. Не-смотря на твердое намѣреніе, онъ не могъ вполнѣ отдѣлаться отъ мыслей, тревожившихъ его.

Вдругъ кто-то схватилъ его подъ-руку.

Мошкинъ вздрогнулъ, оглянулся и невольно отшатнулся.

Рядомъ съ нимъ шолъ Космополитскій.

— Куда, дружочикъ мой, стремительно спѣшишь?
Ужель компаніи своей меня, негодный, ты лишишь?...

проговорилъ Космополитскій, подражая голосу актера.

— Что отуманилась, Мошечка милая? продолжалъ онъ: что такъ задумчивъ и грустенъ идешь?

— Фу, Францъ Францовичъ, какъ вы меня испугали!

— Злодѣй! должно быть совѣсть нечиста; признавайся сейчасъ, куда идешь?

— Въ гости.

— Фи, mon cher! Когда ты отучишься отъ своихъ старосвѣтскихъ привычекъ?

Петръ Александровичъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на пріятеля.

— Какія старосвѣтскія привычки? спросилъ онъ.

— Невинность ты эдакая! Кто же говоритъ: иду въ гости?

— А какъ же?

— Саго mio, иду на дежене, на обѣдъ, на вечеръ, на балъ, а не въ гости!

— На то же и выходитъ.

— Упрямый! Ну, да Богъ съ тобою; куда-же ты идешь, bijou?

— Къ одному старинному пріятелю, на именины.

— И на именины нынче никто не ходитъ. Das ist altmodisch, amico mio.

— А какъ позовутъ? отказать, что ли.

— И звать не слѣдуетъ. Это manvaise genre.

— Ужъ вы, Францъ Францовичъ, черезъ-чуръ строги.

— Я строгъ! я?... Мошка, ты сегодня не въ духѣ, и мнѣ бы слѣдовало наказать тебя; но знай, шалунъ, что я плачу за зло только добромъ. Нанимай коляску.

— Зачѣмъ?

— Петръ Александровъ сынъ Мошкинъ, ты сегодня рѣшительно не въ своей тарелкѣ. Нанимай, говорю, коляску, и ѣдемъ.

— Куда?

— Къ твоему имянинику.

— Да развѣ....

— Mein Herz, я тебѣ хочу доказать, что я не строгъ, люблю и уважаю всѣ патріархальные обычаи.... Вотъ, кстати, и извощики. Нанимай, Петя.

— Позвольте, Францъ Францовичъ, развѣ вы знакомы...?

— Съ кѣмъ?

— Съ имянинникомъ.

— Ты меня представишь.

— Не знаю.... я, извольте видѣть.... самъ....

Между тѣмъ извощики, по знаку Космополитскаго, уже окружили пріятелей. Мошкинъ скрѣпя сердце, нанялъ коляску, надѣясь дорогой отдѣлаться отъ незванаго.

Сѣли и поѣхали.

— Францъ Францовичъ, заговорилъ Мошкинъ, я долженъ признаться вамъ, что самъ не такъ коротокъ въ домѣ, чтобы могъ представить....

Онъ хотѣлъ-было сказать *перваго встрѣчнаго*, но удержался.

— Cher ami, cher ami! Скажи мнѣ на милость, не изъ Патагоніи ли ты пріѣхалъ? Ты затрудняешься въ вещи самой простой, ежедневной!... Но чтобы успокоиться, скажи: къ кому ты ѣдешь?

— Къ Проклу Родіоновичу Мимозину.

— Мимозину! Ха-ха-ха! Да мы съ нимъ, душечка, на мы! Не хочешь ли я же отрекомендую тебя? Impayable!

Мошкинъ выпучилъ глаза и ничего не возражалъ.

— Онъ женатъ на.... на.... постой, какъ бишь ее?... У нея еще отецъ служитъ въ.... въ.... ахъ, Боже мой! какъ же ее звали?

— Клонина.

— Именно, Клонина! Ну, видишь ли, mon cher? А Проклъ Ларіоновичъ такой невысокой....

— Нѣтъ, онъ средняго роста.

— Ну да, да, знаю; толстенькій....

— Несовсѣмъ.

— Именно! Мошка, ты не хочешь, чтобы тебя называли толстымъ, а потому въ твоихъ глазахъ и бочка кажется спичкой. Знаю, знаю, Прокла Ларіоновича!

— Родіоновича.

— Какой Родіоновичъ! ошибаешься, Петя, Ларіоновичъ.

— Ну, ужъ нѣтъ; за это я постою.

— Ты говоришь, что онъ Родіоновичъ? Пѣтушокъ, ошибаешься!

— Нѣтъ, извините, знаю навѣрное.

— Ты думаешь?... И Францъ Францовичъ подумалъ съ минуту, потомъ продолжалъ: ты въ-самомъ-дѣлѣ, кажется, правъ, Петя; точно, Родіоновичъ, точно, точно... Ларіоновичъ-Чутковъ. Ошибся, сознаю свою вину, а признаніе есть первый шагъ къ исправленію. Доволенъ ли ты теперь мною?...

Во всю дорогу Космополитскій болталъ безъ умолку. Наконецъ коляска остановилась у дома, занимаемаго Мимозинымъ.

Едва гости вступили въ переднюю, какъ къ нимъ вышелъ на встрѣчу радушный, гостепріимный хозяинъ.

— Здраствуйте, мой милый Петръ Александровичъ, какъ я радъ, что вы пріѣхали! Наконецъ-то мы дождались васъ....

И вдругъ, обратившись къ Космополитскому, хозяинъ остановился въ нѣкоторомъ недоумѣніи при видѣ незнакомаго лица.

Но Францъ Францовичъ не терялъ никогда присутствія духа.

— Извините, сказалъ онъ, сходство имевъ обмануло меня.... Я уступилъ убѣдительнымъ приглашеніямъ милаго Пети только потому, что думалъ ѣхать къ знакомому....

— Ишъ оно куда пошло! подумалъ Мошкинъ.

— Les amis de nos amis, sont nos amis! весело вскричалъ хозяинъ: милости просимъ!

— Помилуйте....

— Нѣтъ, ужъ коли вы вошли въ мой домъ, такъ я васъ не выпущу....

— Браво, браво! вскричалъ Космополитскій: располагайте мною, я вашъ.

— Вотъ люблю! вскричалъ хозяинъ.

— Позвольте же мнѣ поздравить васъ со днемъ вашего ангела, сказалъ незваный гость, и пожелать вамъ....

Онъ не договорилъ, обнялъ хозяина, и поцѣловалъ его въ обѣ щеки.

Вошли. Гостей было довольно. Лицо хозяина сіяло непритворною радостью; онъ суетился, переходилъ отъ одной группы къ другой, старался занять всѣхъ.

Стали закусывать.

— Дивная водка! произнесъ Космополитскій: это нектаръ!

— Кушайте на здоровье, господа, кушайте на здоровье! говорилъ хозяинъ, весело потирая руки.

— Денегъ стоитъ, произнесъ какой-то господинъ, съ умной, выразительной физіономіей, но угрюмый и какъ бы недовольный цѣлымъ міромъ.

— Но за-то хороша, возразилъ кто-то.

— А развѣ простая водка, дешовая, не то же дѣйствіе производитъ? возразилъ угрюмый господинъ, и отвернулся.

Мошкинъ вытаращилъ глаза.

— Дивныя сардинки! прокричалъ опять Космополитскій, какъ бы поставившій себѣ въ обязанность выхвалять каждый глотокъ и каждый кусокъ.

— Можно бъ было просто закусить рѣдькой, проворчалъ угрюмый.

Сѣли обѣдать.

Космополитскій продолжалъ всѣмъ восхищаться, все хвалить. Угрюмый долго слушалъ, ѣлъ, какъ бы не хотя, и вдругъ, послѣ самыхъ восторженныхъ похвалъ Космополитскаго, посреди наступившаго, минутнаго молчанія, произнесъ протяжно:

— О, какъ презираю я тѣхъ людей, которые служатъ мамоне, которые, подобно сарданапаламъ, наряжаются въ шолковыя ткани, нагружаются дорогими яствами, упиваются сладкими питіями,... Къ-чему всѣ эти излишества? Зачѣмъ тратить рубль, когда гроша достаточно?

Всѣ съ изумленіемъ посмотрѣли на оратора. Самъ хозяинъ нѣсколько сконфузился.

— Помилуйте, Иванъ Ивановичъ, развѣ грѣшно угостить добрыхъ друзей?

— Угощайте ихъ проще! этого достаточно.

— А трудомъ нажитую копѣйку прикажете беречь?

— Употребляйте ее въ пользу ближняго.

— А развѣ тутъ нѣтъ пользы, если копѣйка, трудомъ нажитая, идетъ опять на уплату труда? Разумѣется, во всемъ есть мѣра. Расточительность такъ-же вредна, какъ скупость, но благоразумное израсходованіе трудомъ нажитыхъ денегъ—благодѣтельно.

— Превратныя, ложныя понятія....

Хозяинъ пожалъ плечами и рѣшился не продолжать разговора.

— Вотъ тебѣ разъ! подумалъ Мошкинъ: за его же добро, да его же отдѣлываютъ.

Угрюмый налилъ себѣ стаканъ воды и замолчалъ.

Самъ хозяинъ, немножко пріунылъ. Одинъ Космополитскій продолжалъ ѣсть и восхищаться. За шампанскимъ похвалы его дошли до пафоса.

Послѣ обѣда онъ закурилъ сигару, и взявъ Мошкина подъ-руку, вышелъ съ нимъ въ садъ.

— Мошечка, сказалъ онъ ему тихимъ голосомъ: я на тебя сердитъ.

— За что?

— Золъ, золъ!

— Да за что?

— Зачѣмъ ты затащилъ меня сюда!... Я буду боленъ, цѣлую недѣлю буду боленъ.... Что за обѣдъ, что за вина!...

— Чѣмъ же не хороши?

— Мошка, ништни; ты въ этомъ не знаешь толку.... Ты меня затащилъ сюда, и завтра же долженъ отплатиться.... я закажу на твой счетъ у Дюссо настоящій Diner stomachique....

Въ это время подошелъ хозяинъ.

— А, cher ami! вскричалъ вдругъ Космополитскій, да какъ же вы насъ угостили! Браво, браво!...

Мошкину стало дурно,—только не отъ обѣда.

— Вотъ онъ дружественный-то кружокъ! ворчалъ онъ, пробираясь въ прихожую, вотъ оно что!...

Добравшись до пальто, шляпы и зонтика, Петръ Александровичъ хотѣлъ уже бѣжать, какъ вдругъ хозяинъ остановилъ его.

— Что это? вскричалъ онъ.. Такъ *ли* поступаютъ друзья?

— Нѣтъ, Прокл Родіоновичъ, отвѣчалъ Мошкинъ печально, я знаю, что друзья *не такъ* поступаютъ, но у меня есть чрезвычайно важное дѣло....

— Коли такъ, то Богъ съ тобой!...

Хотѣлъ Мошкинъ что-то сказать, но удержался.

И зачѣмъ говорить? Счастливъ тотъ, кто не знаетъ!...

— Ухъ, душно, душно! твердилъ про-себя Мошкинъ, спѣша домой: я въ лѣсъ хочу, я въ лѣсъ хочу!...

И долго не могъ онъ заснуть въ тотъ вечеръ. Онъ много думалъ, думалъ, думалъ, и каждая мысль оставляла въ сердцѣ его горькій, прегорькій осадокъ....

Неопытенъ былъ еще Мошкинъ. Не зналъ онъ, что подобными вещами огорчаться не должно....

Мошкинъ проснулся въ шесть часовъ утра, съ твердымъ на-

мѣрѣніемъ ѣхать въ Шлиссельбургъ, *провѣтриться*, какъ онъ самъ говорилъ.

— Я буду домой часовъ въ десять, сказалъ онъ уходя лакею.

Послѣдній мигнулъ глазомъ за барономъ.

— Вотъ оно что: третьяго дня и хорошая погода надоѣла, а сегодня, кажись, и дождичекъ будетъ, а ни по чемъ!... А я то что буду сегодня дѣлать? Ильича и видѣть не хочу! притворялся такимъ ласковымъ, а вчера на повѣрку вышло, что онъ только трунилъ надо мной, и за глаза косолапымъ называлъ.... Далъ же я ему за то....

Было уже три четверти девятаго, когда Петръ Александровичъ приплелся на скромномъ ванькѣ къ пристани парохода, за Невскимъ-Монастыремъ.

На пристани была толкотня, суматоха. Чорный дымъ, страшно шипя, валилъ изъ трубы парохода. Тутъ тащили тюкъ съ товаромъ, тамъ катили бочки, далѣе несли ящики и корзины.

Живая картина эта нѣсколько разсѣяла грусть Мошкина. Онъ заплатилъ цѣлковый, получилъ мѣдную контромарку, и вступилъ на пароходъ.

На передней части, подъ палаткой, всѣ почти скамьи были заняты пассажирами разныхъ сословій: тутъ были и военные, и статскіе, и дамы въ шляпкахъ и чепцахъ, и купцы, и купчихи. Мошкинъ особенно замѣтилъ присутствіе многихъ лицъ духовнаго званія, монаховъ и монахинь.

На задней части, гдѣ солнце пекло, гдѣ отъ котла распространялся, кромѣ-того, нестерпимый жаръ, просто не было проходу. Тамъ стояли, сидѣли и лежали добрые мужички, иные бесѣдуя о своихъ дѣлахъ, другіе отдавая дань Морфею.

У русскаго мужичка безсонница бываетъ только тогда, когда не велятъ спать.

Раздался третій звонокъ. Колеса зашумѣли. Пароходъ тронулся.

Было ровно девять часовъ.

Занявъ мѣсто на одной изъ скамеекъ у борта, Петръ Александровичъ съ любопытствомъ осматривалъ невскіе берега, поворачивая голову то въ одну, то въ другую сторону.

Пароходъ пронесся уже мимо провіантскихъ магазиновъ, мимо казармъ лейб-гвардіи казачьяго полка, мимо невской заставы, какъ вдругъ Мошкинъ увидѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега огромное зданіе.

Какъ человѣкъ любознательный, онъ обратился къ своему сосѣду.

— Позвольте узнать, что̀ это за строеніе?

— Энто вотъ-съ?

— Да-съ.

— А вы, вѣрно, не здѣшніе-съ? спросилъ въ свою очередь сосѣдъ, какъ бы желая напередъ взять проценты съ любопытства вопрошавшаго.

— Я пріѣзжій.

— Текъ-съ, протяжно произнесъ сосѣдъ, осмотрѣвъ Мошкина съ головы до ногъ: ентo строеніе, продолжалъ онъ, Стеклянный-заводъ. Отличественное заведеніе-съ! Не бывали-съ?

— Не былъ.

— Стòитъ полюбопытствовать. Войдете, знаете, въ огромную палату; посреднѣ пребольшущій горнъ, въ которомъ сидятъ нѣсколько горшковъ съ раскаленнымъ составомъ. Возьметъ, знаете, работникъ, составъ длиннымъ ухватомъ, и не успѣешь высморкаться, готовъ стаканъ, настоящій стаканъ—хошь сейчасъ пей! Прелюбопытственно-съ!

— Я думаю.

— Какъ-же-съ! Другая палата, просто, знаете, на землѣ. Тамъ настоящій феворокъ, такъ-съ огнемъ и горитъ вся; на доскахъ словно огненное тѣсто! а люди-то, люди! ужасти! Въ чорныхъ, знаете, такихъ балахонахъ, въ чорныхъ шляпахъ съ распущенными полями, словно у факельщиковъ, что̀, знаете, у гроба идутъ. Тутъ, извольте видѣть, зеркала производятся. То есть, не повѣрите, что̀ за чудеса! Рѣжутъ, сударь мой, зеркала, словно сухари.... Разрѣзали, дали застыть, и хошь сейчасъ смотрись....

— Въ-самомъ-дѣлѣ это должно-быть очень любопытно, сказалъ Мошкинъ, обратившій уже вниманіе на другое зданіе: а это что̀?

— Ентo-съ? Французъ, знаете, шолковыя разныя матеріи мастерилъ, да, говорятъ, и промастерился!

— Жалко.

— Ничево-съ, это бываетъ-съ.

Противъ Мошкина на другой скамьѣ сидѣли двѣ женщины. Одна изъ нихъ была въ измятомъ чепцѣ, въ какомъ-то коротенькомъ и узкомъ салопѣ мутнаго цвѣта, высокая, худощавая. Другая, маленькая, тоже очень худощавая, была въ розовой шляпкѣ, со множествомъ искуственныхъ полинялыхъ цвѣтовъ, и въ желтыхъ сафьянныхъ башмакахъ.

Онѣ давно уже о чемъ-то разговаривали, и, по видимому, ни та, ни другая не была довольна результатомъ переговоровъ.

— Вотъ спросите у этого, сказала маленькая, указавъ на Петра Александровича.

— Да знаетъ ли онъ по-русски? сказала высокая, бросивъ косвенный взглядъ на модное пальто Мошкина, купленное по рекомендаціи Франца Францовича.

— Какъ-же-съ, я сейчасъ слышала.

Высокая нѣсколько нагнулась впередъ, и обратившись къ Мошкину, спросила:

— Позвольте васъ спросить, милостивой государь, сколько вы заплатили за мѣсто?

— Рубль серебра, отвѣчалъ Мошкинъ, всегда вѣжливый съ дамами, въ какой бы оболочкѣ онѣ не представлялись передъ нимъ.

— Вотъ видите! вскричала маленькая.

— Гм! пробормотала высокая злобно: это вѣрно оттого-съ, что вы въ шляпкѣ!

— Помилуйте, возразила маленькая жеманно: я сама одѣта какъ Богъ знаетъ какая!

— Ничево-съ, продолжала высокая съ прежнею злостію, вы и полтинничекъ заплатили, да намъ не хуже вашего.

Маленькая принужденно засмѣялась.

— Конешно-съ, продолжала высокая, вы въ шляпкѣ, а у насъ полтинникъ лишній въ карманѣ. А вы, батюшка, сколько заплатили? спросила она, обратившись къ купцу: вѣдь вы тоже въ шляпѣ.

— По состоянію заплатили-съ, не въ кредитъ ѣздимъ-съ! отвѣчалъ купецъ, погладивъ усы и отходя.

Между-тѣмъ къ Мошкину подошелъ полковникъ съ эполетами.

Пароходъ проѣзжалъ мимо Чугуннаго-завода.

— Какое удивительное зданіе! сказалъ полковникъ.

— Это тоже, кажется, заводъ? спросилъ Мошкинъ.

— Какъ же-съ, это Чугунный. Прежде Чугунный-заводъ находился за Екатерингофомъ, на взморьѣ. Наводненіе 7-го ноября 1824 года разрушило его, и послѣ того здѣсь отведено новое мѣсто.

Петръ Александровичъ увидѣлъ рядъ каменныхъ зданій, а въ нѣкоторомъ отдаленіи красивую и чистую слободу, съ деревянными крашенными домиками, для помѣщенія офицеровъ Горнаго Вѣдомства, служащихъ при заводѣ, и мастеровъ.

— Право, сказалъ Мошкинъ, я видѣлъ много уѣздныхъ городовъ, которые уступаютъ этой фабричной слободѣ.

— Я думаю, возразилъ полковникъ; и вы не повѣрите, съ какою быстротою все это было выстроено: едва прошло полтора года по заложеніи перваго камня, какъ здѣсь началась уже работа. Только въ одной Россіи можно видѣть такія чудеса!

— Браво, браво! сказалъ Мошкинъ со свѣтлой улыбкой удовольствія.

— Главныя пружины всего великаго: терпѣніе, трудолюбіе и искусство истощили здѣсь всѣ свои силы, чтобы довести это заведеніе до настоящей степени совершенства.

— Браво, браво! повторилъ Петръ Александровичъ, и вынувъ изъ кармана сигарочницу, поднесъ ее полковнику: не прикажете ли?

Закурили сигары.

— Видите ли, продолжалъ полковникъ: чугунъ есть природный матеріалъ Россіи, всего болѣе способный противустоять разрушительному дѣйствію нашего сѣвернаго климата. По удобности придавать желѣзу разные виды, желательно, чтобъ всѣ памятники народной славы и всѣ украшенія храмовъ и цѣлыхъ городовъ дѣлаемы были изъ чугуна, который можно покрывать разными металлами и красками.

— Прекрасная мысль!

— Современемъ чугунъ замѣнитъ самые прочные матеріалы для украшенія зданій. Стоитъ только видѣть наши мосты, чтобы удостовѣриться въ истинѣ этого предположенія.

И много дѣльнаго говорилъ еще полковникъ, и внимательно слушалъ его Петръ Александровичъ которому, по своей русской натурѣ, ужасно хотѣлось отплатить чѣмъ-нибудь умному собесѣднику. Ему очень хотѣлось пригласить его позавтракать съ нимъ, но конфузно было.

Между-тѣмъ глазамъ его представилось на томъ же лѣвомъ берегу, новое зданіе, прекрасной, опрятной наружности.

— Вотъ еще заводъ, сказалъ ему полковникъ.

— Неужели? Признаться сказать, это зданіе не похоже на заводъ.

— Это болѣе чистенькій, опрятный заводъ: Императорскій фарфоровый.

— Давно основанъ?

— Въ 1744 году, въ царствованіе Елисаветы Петровны. Произведенія его доведены теперь до высокой степени совершенства; цвѣтъ, прочность фарфора, живопись на немъ—прелесть!

— Видалъ, видалъ.

— Здѣшніе мастера и мастеровые, люди счастливые: у нихъ

свой домикъ, свое хозяйство, свои доходы, свою собственность, и порядочное жалованье,—у иныхъ до трехъ и болѣе тысячъ рублей; дѣти ихъ призрѣны, будущность обезпечена, и они съ радостнымъ, широкимъ, по-русски сердцемъ, работаютъ для Батюшки-Царя, на славу матушки Россіи!

— Браво, браво! сказалъ Мошкинъ съ чувствомъ.

— Вотъ все это слобода Фарфороваго-завода.

— Чудо, чудо! какая чистота; такъ все довольствомъ и дышетъ.

Пароходъ поровнялся съ рядомъ огромныхъ каменныхъ строеній, расположенныхъ на берегу Невы, въ прекрасномъ живописномъ мѣстоположеніи, посреди котораго зданія казались какъ бы особымъ городкомъ.

Петръ Александровичъ вопросительно посмотрѣлъ на своего услужливаго чичероне.

— Это Александровская-мануфактура, сказалъ послѣдній. Здѣсь прежде была, въ царствованіе Екатерины II, дача генералъ-прокурора князя Вяземскаго. Мануфактура учреждена въ 1798 году, а съ 1799 по конецъ 1828 года, находилась подъ покровительствомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Благотворная Монархиня дала здѣсь пріютъ тысячамъ сиротъ изъ воспитанниковъ и воспитанницъ Воспитательнаго-Дома, занимающихся здѣсь бумагопряденіемъ, льнопряденіемъ, ткачествомъ и дѣланіемъ игральныхъ картъ....

— Ага! такъ вотъ онѣ откуда выходятъ! Долженъ быть доходецъ!

— Огромный. Здѣсь изготовляется до 150 тысячъ дюжинъ картъ.

— Нечего сказать, козыряютъ!

— Дома для чиновниковъ, мастеровъ и мастеровыхъ образуютъ цѣлый городокъ, весьма дѣятельный, а по праздникамъ веселый и оживленный....

Въ эту самую минуту съ парохода подали сигналъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ убавили ходу. Отъ берега отчалила лодка.

— Ага! вотъ я и пріѣхалъ, сказалъ полковникъ, кланяясь Мошкину.

— Какъ! пріѣхали?

— Я живу лѣтомъ въ Мурзинкѣ, хорошенькой деревенькѣ возлѣ мануфактуры. Прощайте!

— Покорно васъ благодарю за пріятную бесѣду и крайне сожалѣю, что....

— Готово! пожалуйте, ваше высокоблагородіе! крикнулъ кто-то

Петръ Александровичъ съ непритворнымъ сожалѣніемъ пожалъ руку полковнику, и печально смотрѣлъ вслѣдъ удалявшейся лодкѣ.

Полковникъ вышелъ на берегъ и скрылся въ рощѣ. Мошкинъ вздохнулъ и осмотрѣлся.

Какъ человѣкъ общежительный, онъ сталъ искать, нельзя ли опять съ кѣмъ-нибудь сойтись и побесѣдовать.

Въ двухъ шагахъ отъ него стоялъ молодой человѣкъ съ длинными волосами, въ стальныхъ очкахъ, свѣтло-сѣромъ пальто и соломенной фуражкѣ. Опершись однимъ колѣномъ о скамейку, онъ внимательно перелистывалъ какую-то тоненькую книгу, по-временамъ нетерпѣливо поднимая голову.

— А! наконецъ-то! произнесъ онъ вслухъ, когда пароходъ поровнялся съ богатымъ, прекрасно-отстроеннымъ селомъ, тянувшимся далеко по берегу Невы.

Долго смотрѣлъ молодой человѣкъ на село, потомъ вдругъ обернулся, и скрестивъ руки на груди, сталъ смотрѣть на противуположный берегъ.

Тамъ тоже тянулся длинный рядъ красивыхъ, опрятныхъ домиковъ, но совершенно другаго характера, другой архитектуры.

Мошкинъ рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы пріобрѣсти новаго собесѣдника. Онъ подошелъ къ молодому человѣку.

— Позвольте узнать, что̀ это? спросилъ онъ, указывая на берега.

— Это?... Русское гостепріимство и нѣмецкая признательность.

— Какъ вы изволили сказать?

— Это излишекъ и недостатокъ; сближеніе двухъ крайностей въ благодѣтельную гармонію.

Мошкинъ не понялъ, улыбнулся, и хотѣлъ уже отойдти.

— Вотъ тамъ, продолжалъ молодой человѣкъ, указывая на лѣвый берегъ: Рыбацкая-слобода, широкій русскій просторъ; на всемъ печать совершенно русская, народная, свойственная волостямъ, лежащимъ вдоль по матушкѣ, по Волгѣ. Тамъ,— онъ указалъ на правый берегъ,—нѣмецкая колонія, примѣненная къ русскому простору, опрятная, аккуратная, сохранившая свой отличительный характеръ... Въ соединеніи этихъ двухъ разнородныхъ элементовъ заключается глубокій смыслъ: нѣтъ никакого сомнѣнія, что Нѣмцы, впервые поселившіеся здѣсь, были люди бѣдные, умиравшіе, быть-можетъ, съ голоду, у себя

на родинѣ.... Россія пріютила ихъ со свойственнымъ ей радушіемъ.... Но кто знаетъ, не оттого ли такъ богата и красива Рыбацкая-слобода, что въ ней отозвалась аккуратность сосѣдей? какъ вы думаете?

— Мм, мм, можетъ-статься, возразилъ Мошкинъ. Но, скажите мнѣ, пожалуйста, что же это за Рыбацкая-слобода? Я пріѣзжій....

— А! въ такомъ случаѣ я съ удовольствіемъ подѣлюсь съ вами тѣмъ, что самъ знаю. Слобода эта населена при Петрѣ Великомъ жителями, переведенными съ Оки. Вотъ отчего въ ней и нѣтъ той смѣси, которая встрѣчается во многихъ подгородныхъ деревняхъ. Каменная церковь, которую вы видите, воздвигнута Императрицею Елисаветою Петровною. Туда далѣе, за домами, видны еще слѣды дворца Императрицы, любившей это мѣсто. Здѣсь, въ обширномъ паркѣ, она часто охотилась, летая въ амазонскомъ платьѣ, на ретивомъ конѣ.... Впрочемъ теперь нѣтъ и слѣда ни лѣса, ни парка. При Императрицѣ Екатеринѣ II, во-время шведской войны, неожиданно возгорѣвшейся въ 1788 году, жители Рыбацкой, движимые патріотическимъ духомъ, добровольно пожертвовали изъ среды своей значительное число ратниковъ. Признательная Императрица приказала воздвигнуть въ память этого событія памятникъ....

— Это весьма замѣчательная слобода.

— Памятникъ теперь довольно трудно отыскать: онъ полуразрушенъ, закрытъ строеніями и надпись не уцѣлѣла. Но слушайте, слушайте далѣе: вотъ тамъ, по лѣвую руку большой дороги, стоитъ просторный каменный домъ, въ два этажа.... Тамъ, тамъ жилъ русскій алмазъ, алмазъ чистый, свѣтлый, хотя и не отдѣланный ни въ золотѣ, ни въ серебрѣ и не окруженный ни рубинами, ни изумрудомъ! Такимъ людямъ, батюшка, нашему брату приходится кланяться въ поясъ.... Вы не знали его?

— Кого?

— Не знали, такъ узнаете. Слушайте, какъ онъ самъ отдастъ отчетъ въ своемъ тридцатилѣтнемъ хозяйствѣ. Слушайте!

Молодой человѣкъ развернулъ книгу, перевернулъ нѣсколько страницъ, и сталъ читать:

Сначала былъ мой капиталъ,
Лишь только на полпуда груши.
Лотокъ, безмѣнъ себѣ досталъ,
Пустился въ торгъ; не бить баклуши;

Сухая грушица въ горшокъ;
Сварилъ ее, да на лотокъ,
И съ ней по улицамъ носился,
Да грушу припѣвать учился;
Счастливый день открылъ мнѣ путь,
Корысть прибавила отваги,
Пустился въ торгъ, не какъ-нибудь;
Кипѣли съ грушей двѣ корчаги,
Насыпалъ мой лотокъ въ окатъ,
Пошелъ я потчивать солдатъ;
Мое варенье полюбили,
И земляки живой рукой
Весь мой товарецъ раскупили!
И такъ, я съ грушей дорогой,
Съ весны до осени бурливой,
Похаживалъ, какъ конь ретивой,
Ни въ чемъ усталости не зналъ,
Похаживалъ, — да припѣвалъ.

Къ зимѣ взвозилася копѣйка,
Въ моемъ лосиномъ кошелькѣ;
Да только дума чародѣйка,
Забыть велѣла объ лоткѣ:
Я спалъ и видѣлъ—снять лавчонку,
Казалось мнѣ, найду въ ней клалъ;
А прибылъ кто здѣсь не радъ?
Любилъ я Невскую сторонку,
И домикъ у мосточка тамъ;
Не тратя время по пустому,
Въ слободкѣ снялъ,—и по рукамъ —
Съ хозяйкой, да поклонъ Пахому;
Онъ былъ и плотникъ и столяръ,
И за цѣлковичекъ, да чарку,
Онъ все уладилъ по порядку.
Есть полки: запасай товаръ.
Запасъ я ленточки, шнурочки,
И ложки, плошки и горшочки,
Тесемки, разныхъ мелочей,
И огородныхъ овощей,
И разныхъ крупъ въ полу-мѣшечкахъ,
Гороху, солода въ кулечкахъ.

Все размѣстилъ и обрядилъ,
Въ часъ добрый лавку отворилъ...

— Слышите-ли, какъ это хорошо?... Въ часъ доброй лавку отворилъ?... Это чисто по-русски!

Въ часъ добрый лавку отворилъ,
И жду гостей, ставъ за вѣсками;
Идутъ ко мнѣ за сухарями,
Кто за капустой, за медкомъ,
А прихотливыя старушки,
За кофейкомъ и сахаркомъ,
Бредутъ купить по пол-осмушки,
На грошъ цикорію, клейку,
А кто на пятачокъ — чайку;
Ко мнѣ весь край оборотился,
И за отвагу полюбилъ.
Я на походецъ не скупился,
За-то сосѣдъ мой волкомъ злился,
И зубы на меня точилъ.

— Чудо, чудо!... За то сосѣдъ мой.... чудо, чудо!

Однажды поздними часами,
Собрался я свести разсчетъ,
Каковъ-то лавочный доходъ?
Смѣкнулъ—что чуть концы съ концами!
На память груша мнѣ пришла,
И съ ней привольное гулянье,
На сердце скука налегла,
И походило на роптанье!
Но горевать я не любилъ.
Прошло за полночь,—все забылъ
Проснулся утренней зарею,
Надежда укрѣпила грудь;
Подумалъ: — Съ помощью святою,
Найду себѣ счастливой путь!
Межъ-тѣмъ работой призанялся,
Старушкамъ угодить старался;
И такъ промаялся я—годъ,
А не подвинулся впередъ;
Тогда ужъ загрустилъ душою.

Гляжу—вечернюю порою,
Идетъ лихой сосѣдъ къ дверямъ,
Съ осанкой гордой и спѣсивой,
Мнѣ молвилъ:—Рады ли гостямъ?
Я встрѣтилъ съ ласкою учтивой,
Просилъ пріютъ мой посѣтить,
Чѣмъ могъ, старался угостить;
А онъ—на все тутъ любовался,
Казалось, будто удивлялся;
И намекалъ издалека,
Что мнѣ въ слободкѣ не ужиться!
Я понялъ рѣчи земляка;
И думалъ: худо съ волкомъ биться!
Надежнѣй мѣсто уступить,
Да дальше лыжи навострить.

Сказалъ: коль по сердцу владѣнье,
Сними сосѣдъ!—Охотно сдамъ,
Товаръ ты примешь по цѣнамъ,
Да сотню дашь за заведенье,
Чѣмъ посторонниихъ допускать.
Сосѣдъ заморщился, скривился,
Сталъ торговаться и пугать;
Какъ ни хитрилъ, какъ ни ершился,
Хлопъ по рукамъ, перекрестясь,
И дѣло въ ходъ, и съ плечъ забота,
Сбивать сосѣдей не охота;
Трудненько денежка далась!

Не унывалаго десятка,
Бывалъ я съ молоду друзья;
Махнулъ, какъ рѣзвая лошадка,
Одинъ въ нѣмецкіе края;
Не думайте, не за границы,
Но верстъ двѣнадцать отъ столицы,
Противъ Рыбачей-слободы,
Гдѣ домы—дачами, сады—
Весной и лѣтомъ зеленѣли,
А жители въ поляхъ кипѣли
За пашнями, какъ муравьи!
На трехъ верстахъ одно селенье,

Вдоль по крутому бережку;
Близъ кирки ветхое строенье,
То лавка, — тлѣла на боку,
Подъ дряхлой кровлею дремала,
Меня какъ-будто дожидала.

Тогда былъ шульцемъ Климанъ Штернъ,
Онъ мнѣ сказалъ: — знай лавка *керль*!
Избушка худъ!—но ты не бойся,
Здѣсь будетъ *алес*! Ты заготовься,
Табакъ побольше, кофе, *лихте*,
Продай на деньга, *шульдих нихте*;
Живи ты безъ аренда, — даромъ,
Расходъ большой пойдетъ товарамъ!
По сердцу пробѣжалъ восторгъ,
Шульцъ подалъ руку: знакъ почтенья;
Благодаря его, какъ могъ,
Я обошелъ вокругъ строенья,
Смекнулъ, и радуясь душой,
Какъ на крылахъ—летѣлъ домой!

Всю ночь продумалъ я съ полушкой:
Какъ мнѣ съ нѣмецкою старушкой
Крутую зиму зимовать?
Какъ примыкать? какъ поправлять?
Къ ручью стѣнами наклонилась,
А крыша вся разрѣшетилась;
Нѣтъ путныхъ оконъ, ни дверей;
Взгромоздъ немного, — и скорѣй,
Досталъ я бревенъ, тесу, глины,
Двухъ плотниковъ и печника,
И три удалые дѣтины
Покрыли крышу, а бока
Скрѣпили бревнами, какъ сѣно,
Строенье справныхъ; — печь готова,
И лавочка вся расцвѣла!

Молодой человѣкъ, дочитавъ до этого мѣста, ударилъ рукою по книгѣ, потомъ выпучилъ глаза на Мошкина.

— Что же вы молчите! вскричалъ онъ.

— Я слушаю, отвѣчалъ Петръ Александровичъ.

— Да вы слушаете ушами, а не сердцемъ! Поняли ли вы сколько въ послѣднихъ стихахъ русской беззпечной широты? Тяпъ да ляпъ, и готовъ корабль! Люблю русскую натуру, поклоняюсь ей!... Дальше:

Вездѣ узорные шпалеры,
Вѣски какъ золото!—а мѣры,
Свѣтлѣли, будто серебро!
Рядъ ящиковъ на полкѣ чайныхъ,
Чай, кофей въ баночкахъ стеклянныхъ,
А порторико - на ребро,
Уставлено все для прикрасы;
Жемки, орѣшки съ леденцомъ,
И барганотной подъ свинцомъ,
На выручкѣ!—А тамъ припасы:
Мука, крупа, горохъ, пшено,
Селедки, солодъ, толокно;
У стѣнки квасъ шумѣлъ въ боченкѣ,
А сахару безъ фунта пудъ,
И то въ кускахъ; что̀ было тутъ,
Привезъ на муромской клячонкѣ!

Такъ въ день воскресный,—гулевой,
Открылъ я лавку; тутъ мамзели,
Мадамы дюжія, - какъ рой
Ко мнѣ за лакомствомъ летѣли,
А тамъ - камрады на отборъ,
Шумѣлъ межъ ними разговоръ:
Унзеръ ной кремеръ—истъ эйнъ прехтигеръ маннъ!
Хатъ филе ваарэ! - ундъ истъ рейхъ!
Не зналъ я, что̀ тутъ говорили,
Меня бранили, иль хвалили?
Но послѣ я уже узналъ,
Ихъ похвалу въ мою отраду,
Гостей по русскому обряду,
Съ привѣтной лаской угощалъ.

— Браво, браво! закричалъ Мошкинъ какъ бы невольно.

— Ага, расходилась натура, сказалъ молодой человѣкъ, и продолжалъ:

Прошла зима, прошли морозы
Зазеленѣла мурава,
И заструилася Нева!
Подъ парусами перевозы
Летѣли по крутымъ валамъ!
Гляжу: отважная мадамъ,—
Какъ бѣлоснѣжная лебедка,
Одна чрезъ быструю плыла;
Между валовъ ныряла лодка,
И слушалась ея весла—
Носилась чрезъ валы сѣдые;
Вились ленты голубыя
Вкругъ шапочки ея цвѣтной!—
Отвага въ сердцѣ загорѣлась,
Въ груди моей вскипѣла смѣлость;
Какъ не знакомиться съ Невой!
Досталъ я лодку, веслы, лейку,
Спилъ тонкой парусецъ—и самъ,
Готовъ услуживать гостямъ,
Да зашибать себѣ копѣйку.

Сосѣдъ мой близкій Яковъ Штро,
Радушный Нѣмецъ, откровенный,
Товарищъ въ нуждѣ неизмѣнный,
Нерѣдко дѣлалъ мнѣ добро;
Камрадъ веселый, умный, зоркій,
Меня онъ скоро разгадалъ;
Привычной шуткой, поговоркой—
Намеки добрые давалъ:
Кого не знать, кого держаться,
И гдѣ рублями позаняться;
Былъ Брейнеръ, Далингеръ и Штро,
Штейнмиллеръ младшій, Готлибъ Ро;
Ихъ сундуки другихъ полнѣе!
Давай знакомиться скорѣе;
У нихъ я началъ занимать;
Да всѣ товары закупать;
Завелъ я круглую уплату,
У Карла взялъ, платилъ Филату,
Филатовы—носилъ Ѳомѣ;
А Ѳомины пошли къ Андрею,

Андреевы — неслись къ Матвѣю,
А Карловъ срокъ держалъ въ умѣ.
Уже камралы догадались,
Какъ я работалъ ихъ займомъ;
Зайда въ прогулку, вечеркомъ,
Разговорясь со мной, смѣялись!

— Ишъ оно куда пошло! сказалъ Петръ Александровичъ улыбаясь.

— Ничего, слушайте далѣе:

Но вѣрность я любилъ хранить,
На срокъ занять, и въ срокъ платить.
За-то и не было отказа;
Укоромъ не кололи глаза.

И въ годъ мнѣ восемь-сотъ рублей
Послалъ Создатель за работу;
А рубль откроетъ сто мыслей,
Придастъ и смѣлость и охоту.
Тутъ съ родины моя жена,—
Ко мнѣ на радость прикатила,
Душой усердствуя, она
Со мной всегда труды дѣлила,
Тогда я сшилъ ей сарафанъ,
Да ситцевой шугай съ фалборкой,
Себѣ изъ спорочковъ кафтанъ,
И шляпу новую съ бархоткой.
Всѣмъ любовались, какъ находкой.

Второй счастливо прожилъ годъ,
И мой удвоился доходъ:
Поладилъ съ языкомъ нѣмецкимъ;
Тутъ за товаромъ рыбаки,
Ко мнѣ летятъ изъ-за рѣки,
За-то и прозванъ я *Зарѣцкимъ*.
Такъ прокатило восемь лѣтъ,
Спокойной жизни межъ камраловъ,
Любилъ я ихъ, какъ будто братовъ.
Но прочнаго на свѣтѣ нѣтъ:

Пошла по свѣту вѣсть моя—
И много пользы видѣлъ я!...

Простите, я заговорился,
Съ разсказомъ далеко ушолъ.
Я мало повдовѣлъ, женился,
Мать къ восмерымъ дѣтямъ привелъ,
Она потерю замѣнила,
Сиротъ моихъ добру учила;
И озаботясь вмѣстѣ съ ней,—
Пяточикъ выдалъ дочерей,
Да старшаго женилъ сына;
Осталась въ домѣ половина.
На все потребенъ свой расходъ;
Мнѣ пѣсни новый путь открыли,
Торговлѣ дали вольный ходъ;
Стихи меня озолотили *.
Тогда придумалъ снять заводъ,
Съ однимъ шатромъ, съ двумя печами;
Пошелъ возиться съ кирпичами;
Старье долой, вновь разводилъ,
Сбивалъ бугры и лѣсъ рубилъ.
Раздѣлалъ рупасы, и валки,
Раздвинулъ очести съ водой;
Засыпалъ ямы, буераки,
И для укладки дровяной,
Уладилъ пристань, строилъ хаты;
На горочкѣ себѣ пріютъ,
Какъ домикъ сельскій, небогатый;
Развелъ и огородикъ тутъ;
Шатеръ навѣсами покрылся;
Тамъ баня, погребокъ со льдомъ,
Со всѣхъ сторонъ огородился—
На славу новымъ плетнемъ.

* Сочинитель удостоился получить за стихи свои отъ Всемилостивѣйшихъ щедротъ Государя Императора кафтанъ съ золотыми галунами, золотую медаль съ изображеніемъ Его Величества, для ношенія на Александровской лентѣ, и золотую медаль отъ Императорской Россійской Академіи.

Пришла пора, ко мнѣ артели,
Кирпичедѣльцевъ, сушниковъ,
Какъ вереницы налетѣли.
Условились;—зачинъ готовъ;
На гумнахъ дружно закипѣли,
Работы въ мастерскихъ рукахъ,
Кирпичъ рядами,—и въ печахъ
Пары изъ дымниковъ всклубились,
И на успѣшные труды—
Смотря насмѣшники дивились.
Ужъ новой выдѣлки ряды
Въ судахъ, какъ маковъ цвѣтъ, краснѣли;
По вѣтру къ устью прилетѣли—
Суда и съ нашимъ кирпичомъ!
Смотрѣла ненависть сычомъ,
Привѣтствуя насмѣшкой злою;
А къ намъ, какъ тутъ, купецъ на бортъ;
Мы доброй продали цѣною,
Пошелъ и нашъ кирпичикъ въ ходъ!
Глядь,—продали еще къ строенью;
На честь и прибыль заведенью,
Узналъ насъ Питеръ и Кронштадтъ;
И сколько въ десять лѣтъ,—палатъ
Настроили въ столицѣ славной!
Вездѣ разсчетъ вели исправной,
Во лжи никто не укорилъ;—
Кому чѣмъ долженъ,—заплатилъ;
Живу съ покойною душою,
Доволенъ я моей судьбою;
Мнѣ сердца зависть не гнететъ.—
И тѣмъ—мой кончется отчетъ.

— Вотъ это поэма, такъ поэма! вскричалъ молодой человѣкъ закрывая книгу.

— Вспомнилъ, вспомнилъ! сказалъ Мошкинъ, это стихи Слѣпушкина.

— Да-съ, Федора Никифоровича Слѣпушкина, простаго крестьянина...: который былъ не только поэтомъ, но и живописцемъ, самороднымъ! Въ домѣ его, всѣ комнаты наполнены портретами, весьма схожими, его собственной работы. Скажите, кто открылъ ему тайну тѣней и сочетанія красокъ?... Непостижимо, давно!

— Правда ваша, замѣчательный былъ человѣкъ.

— Знаете ли, какъ сильно было его воображеніе? У Слѣпушкина былъ знакомый, купецъ Брюховъ кажется. Купецъ этотъ умеръ. Прошло нѣсколько времени, и вдругъ Слѣпушкинъ, руководствуясь единственно своею необыкновенною памятью, написалъ портретъ покойнаго, до того схожимъ, что вдова и друзья Брюхова были поражены!... Что вы на это скажете?

— Сказать ничего не умѣю, а удивляюсь! отвѣчалъ Петръ Александровичъ.

— Люблю за отвѣтъ!

Пароходъ несся довольно быстро противъ теченія. Берега сдѣлались пустыннѣе. Только изрѣдка чаща лѣсная прерывалась немногими дворами деревушки; тамъ и самъ виднѣлись черныя крыши незатѣйливыхъ кирпичныхъ заводовъ. Мѣстами валъ становился живописнѣе, и посреди высокихъ деревъ являлась красивая дача.

— Вотъ дача бывшая Дубинскаго, сказалъ молодой человѣкъ, указывая на дачу, мимо которой проѣзжалъ пароходъ;— Дубинскаго, на несчастную кончину котораго Державинъ написалъ извѣстное стихотвореніе, которое онъ самъ довольно некстати назвалъ романсомъ:

Изъ-за облакъ мѣсяцъ красный
Всталъ и смотрится въ рѣкѣ;
Сквозь туманъ и мракъ ужасный,
Путникъ ѣдетъ въ челнокѣ.

* * *

Блескъ луны предъ нимъ сверкаетъ.
Онъ гребетъ сквозь волнъ и тьму;
Мысль утѣхи воображаетъ,
Берегъ видится ему.

* * *

Но челнокъ вдругъ развалился,
Путникъ мрачну пьетъ волну;
Сколь ни силился, ни бился,
Онъ пошелъ, какъ ключъ ко дну.

* * *

Се видъ жизни скоротечной!
Сколь надежда намъ не льсти,
Всѣ потонемъ въ безднѣ вѣчной:
Милый братъ и другъ прости!

* * *

— Какъ вамъ нравится этотъ *романсъ*?

— Хорошъ, начего-съ, отвѣчалъ Мошкинъ.

— Вотъ она рутина-то! Хорошъ, потому-что Державина!... Неужели у Державина не можетъ-быть слабыхъ вещей?

— Конечно, есть, но есть за-то и геніальныя.

— Согласенъ; но что хорошаго въ этомъ?

Напримѣръ, что за *красный* мѣсяцъ? .. И если мѣсяцъ *всталъ* и смотрится въ рѣкѣ, то можетъ ли быть *мракъ ужасный*?... *Блескъ луны* предъ нимъ *сверкаетъ*, а онъ все-таки гребетъ *сквозь тьму*.... А это еще что за картина: но челнокъ *вдругъ развалился*? Возможно ли это? Развѣ онъ ударился о подводный камень?... Наконецъ и это выраженіе слишкомъ тривіально для подобнаго предмета: *онъ пошелъ какъ ключъ ко дну*! А заключеніе? Воля ваша, слабо, очень плохо даже!

— Ухъ, какой крючокъ! подумалъ Мошкинъ; видно онъ самъ по этой части. Потомъ, посмотрѣвъ на часы, онъ сказалъ вслухъ: Уже первый часъ.... Нѣсколько свѣжій, рѣчной воздухъ возбуждаетъ аппетитъ.... мм, мм, позволите ли вы мнѣ.... какъ сказать.... попросить васъ.... выпить со мною рюмочку.... да и закусить....

Петръ Александровичъ ужасно конфузился. Однако молодой человѣкъ тотчасъ же ободрилъ его. Онъ принялъ предложеніе Мошкина съ безцеремонностью человѣка, который самъ, при случаѣ, готовъ угостить.

Новые знакомцы сошли внизъ. Въ большой каютѣ было много народу, а потому они поворотили въ маленькую. Тамъ стояли два стола. За однимъ изъ нихъ сидѣлъ уже молодой человѣкъ открытой веселой физіономіи. На немъ былъ зеленый охотничій сюртучокъ и огромные охотничьи сапоги. Возлѣ него на диванѣ лежалъ весь охотничій приборъ, а подъ столомъ красивая собака.

При входѣ незнакомыхъ людей послѣдняя заворчала.

— Флора, молчать! закричалъ на нее охотникъ-любитель.

За Мошкинымъ и его новымъ знакомцемъ пошелъ буфетчикъ.

— Подай намъ, братецъ, водочки, да чего-нибудь закусить, сказалъ Петръ Александровичъ.

— Водочки! прекрасное дѣло! вскричалъ охотникъ безцеремонно: садитесь-ка, господа, сюда ко мнѣ! Мѣсто всѣмъ будетъ, а мнѣ надоѣло сидѣть одному.

Петръ Александровичъ и товарищъ его поклонились и сѣли.

Послѣ такого безцеремоннаго вступленія наступила минута молчанія. Чтобы возстановить разговоръ, надобно было начать какимъ-нибудь общимъ мѣстомъ.

— Какъ погода-то разгулялась, сказалъ Мошкинъ: а утромъ небо было сѣренькое.

— А мнѣ все-равно! сказалъ охотникъ, махнувъ рукою: я дождя не боюсь; то-ли еще на охотѣ бываетъ!

— Вы, вѣроятно, любитель охоты?

— Такой любитель, что бѣда! Я, пожалуй, ни ѣсть, ни пить не стану, только бы поохотиться.... Впрочемъ одно другому не мѣшаетъ, и такъ какъ мы теперь не на охотѣ, то позвольте мнѣ предложить вамъ стаканчикъ хересу.... Я взялъ съ собою маленькій запасецъ, а одному пить скучно.... ей, буфетчикъ, скорѣе стаканы!

— Извините, сказалъ Мошкинъ, мнѣ совѣстно лишать васъ....

— Э! что за церемонія! Сейчасъ видно, что вы не охотникъ.

— Ошибаетесь, я у себя не разъ гонялся за зайцами.

— Верхомъ? Это, батюшка, франтовство! Походите-ка пѣшечкомъ.... За ваше здоровье, господа! Пойдемте вмѣстѣ на охоту; за Шлиссельбургомъ, около маяка, чудесныя мѣста, дичи пропасть!

— Должно-быть, замѣтилъ господинъ въ очкахъ, прихлебывая хересъ, тамъ мѣста ужасно болотистыя.

— Просто страшно! Безъ проводника и не суйся; утонешь.

— А какіе же тамъ проводники?

— Шлиссельбургскіе охотники, народъ лихой! А какъ стрѣляютъ метко, такъ чудо!

— Я думаю, сказалъ Мошкинъ улыбаясь, иногда у охотниковъ-любителей только и дичи, что эти молодцы настрѣляютъ.

— Случается, отвѣчалъ охотникъ, засмѣявшись: но я, батенька, не изъ такихъ; у меня Флора—молодецъ.... Флора! Посмотрите какая чудесная собака; только сегодня у ней немножко нога болитъ. А впрочемъ и то правда, что вы сейчасъ сказали: у меня былъ одинъ знакомый, который ходилъ на охоту только для моціону, и всегда, возвращаясь, покупалъ дичь у охотниковъ, чтобы не вернуться къ женѣ съ пустыми руками. Одинъ-

ды пріятели рѣшились подшутить надъ нимъ. Запасшись порядочною провизіею купленной дичи, мой знакомый воротился домой. Небрежно бросилъ онъ ягдташъ на столъ, и сказалъ женѣ:—ну, сегодня охота была дѣйствительно счастливая!—Хозяюшка обрадовалась, и поспѣшно открыла ягдташъ и—что же? Изъ него посыпались вареные раки!... Пріятели подмѣнили.

Петръ Александровичъ и товарищи его захохотали.

— Нѣтъ, продолжалъ охотникъ, такимъ господамъ надобно охотиться за воробьями.... маленькая рыбка все-таки лучше, чѣмъ большой тараканъ....

Завтракъ и бесѣда продолжались до самаго пріѣзда въ Шлиссельбургъ.

Наконецъ пароходъ остановился. Пары зашумѣли пуще прежняго; путешественники засуетились, стали выходить на берегъ.

Мошкинъ и молодой человѣкъ въ очкахъ вышли на палубу. Охотникъ остался еще внизу и собиралъ свой снарядъ.

Наискось отъ пристани глазамъ Петра Александровича представились двѣ каменныя церкви, обнесенныя одною оградою; тамъ-же, по близости, каналъ съ колоссальными, величественными шлюзами; прямо противъ пристани довольно обширная площадь, окруженная двумя или тремя каменными и многими деревянными домами; по сторонамъ тянулись сѣренькіе деревянные домики обывателей, и наконецъ, налѣво, на самомъ устьѣ Невы, крѣпость, грозная, неприступная.... за крѣпостью озеро сливалось съ горизонтомъ.

— Вы пріѣхали сюда по дѣламъ? спросилъ Петра Александровича молодой человѣкъ въ очкахъ.

— Нѣтъ, прогуляться.

— Такъ пойдемте вмѣстѣ. Если хотите познакомиться съ Шлиссельбургомъ, такъ вотъ вамъ умный путеводитель, сказалъ молодой человѣкъ, вытащивъ изъ кармана еще книгу. Я безъ этого добра никуда не ѣзжу.

— Браво, браво!

— А что же на охоту-то? вскричалъ вдругъ охотникъ, выглядывая изъ каюты, нагруженный до нельзя.

— Мы будемъ охотиться за историческими воспоминаніями, за идеями, отвѣчалъ улыбаясь господинъ въ очкахъ.

— А я за дичью! Прощайте, господа.

— Исполать! Убивайте живое, мы будемъ оживлять мертвое...

РУССКАЯ ПОЧТА. *Ростовское огородничество.* Крестьане Ростовскаго уѣзда, особенно изъ селеній ближайшихъ къ Ростову, занимаются преимущественно огородничествомъ въ столицахъ, одни самостоятельно и въ обширномъ размѣрѣ, другіе въ работникахъ. Изъ послѣднихъ, самую большую плату, 300 — 350 руб. асс., получаетъ тотъ, кто отвозитъ овощи на рынокъ для продажи; прочимъ же дается отъ 180 до 280 руб. за время огородныхъ работъ.

Огородничество домашнее, на родинѣ, въ довольно обширномъ видѣ. Наиболѣе употребительные предметы этой промышлености — горошекъ, цикорій и картофель. Цикорій чорный (или молотый цикорный кофе) продавался въ прошломъ году въ Москвѣ отъ 3 руб. до 3 руб. 50 коп., а бѣлый (изрѣзанный кусочками и поджаренный) по 5 руб. ассиг. за пудъ; цѣна очень хорошая. Крестьане деревни Твердина, и ихъ сосѣди, сами кофе не обдѣлываютъ, а продаютъ заводчикамъ самый цикорій высушенными кореньями. Обширнѣйшее производство кофе въ Порѣчьѣ, Скнятиновѣ, Климотинѣ и Кораваевѣ.

Картофель засѣваютъ большими количествами, даже и на поляхъ. Главное употребленіе изъ него мукà, которую трутъ то на заводахъ, то сами производители у себя на дому. Изъ четверти картофеля выдѣлывается около 2½ пудовъ сырой мукѝ. Четверть картофеля покупаютъ на мѣстѣ (сверхъ своего доморощеннаго) по 2 р. асс., а сырая мукà продается отъ 1 руб. 25 коп. до 1 руб. 35 коп. ассигн. за пудъ: слѣдовательно, за 2½ пуда сырой мукѝ производитель получаетъ, среднимъ числомъ, 3 руб. 37½ коп. асс. чистаго барыша, за издержками на покупку картофеля 1 руб. 37½ коп. — Хорошій работникъ въ день можетъ истереть въ мукý три четверти картофеля. — Сухая мукà продается съ большою выгодою въ Москвѣ, именно, по 5 руб., и по 5 руб. 50 коп. за пудъ, но за-то и себѣ стоитъ подороже сырой; изъ пуда сырой едва ли выдетъ болѣе полупуда сухой. Кромѣ того, принимается въ разсчетъ провозъ отъ мѣста производства до мѣста сбыта. Съ особенною выгодою могутъ заниматься производствомъ и торговлею сухой мукѝ тѣ изъ крестьянъ, у которыхъ есть какой-нибудь капиталецъ самостоятельный для насущныхъ расходовъ; они по этому по-

гутъ продавать свой товаръ на кредитъ, хотя на короткіе сроки, а при кредитѣ и охотнѣе покупаютъ у нихъ, и копѣекъ по 5 на рубль даютъ больше противъ обыкновенной цѣны.

Херсонъ 1-го іюля. — Въ ночь, съ 30-го іюня на 1-е іюля, была въ Херсонѣ, начиная ровно съ полуночи, замѣчательная гроза съ дождемъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль постоянныхъ удушливыхъ жаровъ Удары грома были очень сильны, молніи многочисленны. — Изъ непріятныхъ случаевъ, причиненныхъ грозою, вотъ нѣкоторые: крѣпко ушибло громомъ 2-хъ или 3-хъ человѣкъ, изъ нихъ одинъ раненъ смертельно разрывомъ ружья, происшедшимъ отъ удара молніи во-время его сна; одно трехлѣтнее дитя утонуло въ лужѣ 1-го іюля. Штукатурка потолковъ въ очень многихъ домахъ обвалилась, такъ какъ вода проходила, чрезъ старыя или высохшія, въ продолженіе постоянныхъ жаровъ, крыши. Размыты нѣкоторыя каменныя стѣны. У г. Генриха Мулена размывкою стѣны, причинено убытку на 600 р. сер. Въ окрестностяхъ, на Веревчиной, сожгло двѣ хаты, а въ 12 верстахъ отъ города, въ имѣніи генеральши де-Дотъ молнія ударила изъ окна въ печь, отвалила уголъ, и вышла въ трубу.—1-го іюля шелъ дождь, 2-го происходило тихое разряженіе электричества съ среднимъ глухимъ громомъ.

Сакскія цѣлительныя грязи. Цѣлительныя грязи, находящіяся въ Евпаторійскомъ уѣздѣ, при д. Сакахъ, въ 19 верстахъ отъ г. Евпаторіи и въ 43 отъ Симферополя, издавна пользуются справедливою извѣстностію, и по отзывамъ опытныхъ химиковъ, занимаютъ первое мѣсто между цѣлительными лиманами и грязями Новороссійскаго края. Лучшимъ доказательствомъ справедливости этой извѣстности, безъ сомнѣнія, служитъ то, что съ каждымъ годомъ числу пріѣзжающихъ пользоваться этими грязями и получающихъ совершенное выздоровленіе, весьма и весьма увеличивается, такъ что необходимость указала нынѣ существующее заведеніе, довольно обширное, построить въ гораздо большемъ размѣрѣ.

Обращая вниманіе на возможно-лучшее устройство заведенія для помѣщенія посѣтителей, губернское начальство не могло не прилагать ежегодно особенныхъ стараній, и къ возможно-лучшему устройству продовольственной части, и къ доставленію

возможности пріѣзжающимъ пользоваться цѣлительными грязями, за умѣренную цѣну имѣть постоянно на мѣстѣ всѣ жизненные припасы. Къ сожалѣнію, усилія эти не вполнѣ достигали своей благотворной цѣли. Не далѣе, какъ въ прошломъ году, если не всѣ, то многіе, отправляясь въ Саки, принуждены были брать съ собою, не только разные продовольственные припасы, но даже кухонную посуду, что у многихъ отнимало охоту ѣхать пользоваться грязями, хотя бы настояла въ этомъ крайняя необходимость. Нынѣ спѣшимъ сдѣлать извѣстнымъ, что на текущій годъ и на будущее время эти неудобства, по возможности, устранены. Вслѣдствіе принятыхъ губернскимъ начальствомъ мѣръ, пользующіеся сакскими грязями найдутъ тамъ все, не только необходимое для продовольствія, въ какомъ угодно качествѣ, но въ нѣкоторой мѣрѣ и то, что составляетъ предметы роскоши и прихоти, при томъ, что очень важно, за довольно умѣренную цѣну, если принять въ соображеніе неудобство мѣстныхъ обстоятельствъ.

Новое маркитанство учреждено на болѣе прочномъ основаніи, какъ того требовали важность и извѣстность цѣлительныхъ Сакскихъ грязей, равно и быстро возрастающее число посѣтителей, пріѣзжающихъ пользоваться, какъ изъ ближнихъ, такъ и изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ нашего неизмѣримаго отечества.

(Изъ Херс. Губ. Вѣд.)

ИНОСТРАННАЯ ПОЧТА. Парижъ. — На луну. — Новые Икары. — Г. Петеаръ. — Воздушный экипажъ. — Китайцы, Персіяне и Негры. — Звѣри-артисты. — Суфлёръ и медвѣдь. — Донья Маріа Мартинецъ. — Чорная пѣвица. — Халеви и Скрибъ. — Обѣдъ Люилея. — Знаменитый кухмистеръ. — Шекспировскій крустадъ а-ля-Халеви-Скрибъ. — Кухмистеръ между Мольеромъ и Скрибомъ.

Парижъ живетъ теперь воздухомъ. Только и толку, что о воздухоплавателяхъ; одинъ шаръ отправляется за другимъ въ неизмѣримое пространство, къ звѣздамъ, къ лунѣ...

Одинъ очень умный и добрый пріятель сказалъ мнѣ на-

дняхъ, что всѣ эти опыты воздухоплаванія поведутъ къ чему-нибудь *высокому*,—безъ всякой игры словъ.

— Кто знаетъ, прибавилъ онъ, можетъ-быть потомки наши взберутся на луну?

Не-смотря на всю эксентричность этого предположенія, нельзя не задуматься надъ нимъ. Сколько чудесъ совершилось въ нашъ вѣкъ и въ самое короткое время! Сколько было невѣрующихъ...

Даже Наполеонъ презрѣлъ то, что́ теперь ясно и очевидно уму самому ограниченному.

Наука перехитрила воображеніе, сказка превратилась въ исторію.

То, о чемъ поэты только мечтали, осуществляется. Человѣкъ не долженъ уже завидовать крыльямъ птицы; онъ самъ создалъ себѣ постоянно дѣйствующія, неутомимыя крылья, и благодаря новому изобрѣтенію *г. Петена*, современные намъ Икары уже не слетятъ съ Олимпа, если и приключится бѣда, а тихонько спустятся съ него...

Я назвалъ г. *Петена*. Запомните это имя: оно пользуется уже извѣстностью, и, быть-можетъ, сдѣлается безсмертнымъ. Г. Петенъ изобрѣлъ *воздушный экипажъ*; онъ занесетъ насъ въ тѣ дѣвственныя страны, географы которыхъ до-сихъ-поръ одни астрономы.

Предоставимъ людямъ спеціальнымъ объясненіе новоизобрѣтеннаго механизма; упомянемъ о немъ только какъ о *важной новости*.

На машинѣ г. Петена вы будете безопаснѣе, нежели въ вагонѣ, спокойнѣе, нежели на пароходѣ и поѣдете гораздо скорѣе. Помощію разныхъ приборовъ, изобрѣтатель не страшится бури, борется съ вѣтрами... Мало того, поднявшись надъ полосою бурь и грозъ, машина возносится до вѣчно ясной полосы безконечнаго пространства...

Отправившись изъ Парижа утромъ, г. Петенъ очутится въ полдень въ центрѣ Африки.

Эта скорость почти невѣроятна; но она объясняется тѣмъ, что ему содѣйствуетъ самое обращеніе земнаго шара, такъ что, по мѣрѣ того, какъ машина приближается къ какому-либо мѣсту, самое это мѣсто въ свою очередь приближается къ нему.

Не удивляйтесь: сказки въ наше время не сказки: наука

зашла такъ далеко, что она можетъ сразу опровергнуть ихъ, либо должна подтвердить.

Скажите сами, что всѣ городскіе слухи, всѣ новости въ сравненіи съ такими чудесами? То, что прежде возбуждало бы всеобщее любопытство, теперь проходитъ незамѣченнымъ. Недалеко, какъ на прошлой недѣлѣ, на представленіи новой піесы Альфреда-де-Мюссе присутствовали два Китайца,—настоящіе,—около семи Персіянъ,—тоже настоящихъ,—и большое количество чернокожихъ, татуированныхъ и разукрашенныхъ.... И что же? Никто и не смотрѣлъ на нихъ.

Чтобы хоть чѣмъ-нибудь удивить публику, нѣкоторые директоры парижскихъ театровъ заказали драматическимъ писателямъ эффектныя піесы съ животными.

Укротители дикихъ звѣрей явились со своимъ отлично-дрессированнымъ товаромъ. Но когда дѣло дошло до репетицій, первый инстинктъ новыхъ артистовъ пробудился, и они стали разыгрывать свои роли черезъ-чуръ натурально. Въ одномъ, напримѣръ, театрѣ, суфлёръ находился въ величайшей опасности. Медвѣдь-артистъ упорно оспоривалъ у суфлёра его ложу, которая показалась звѣрю берлогой.

Артисты пустились бѣжать, и отказались играть въ этой піесѣ.

Виноватъ,—есть еще одна новость, о которой много говорятъ; эта новость называется:

Донья Маріа Мартинецъ.

Вы видѣли, вѣроятно, и В. А. Каратыгина и Рубини въ роли Отелло?

Видѣли и Мартынова въ роли Отѣлова?

Словомъ, вы видѣли артистовъ бѣлыхъ въ ролихъ чорныхъ.

Удивительнаго тутъ ничего нѣтъ. Взялъ, да и замазалъ себѣ лицо чѣмъ-нибудь темнымъ, и дѣло съ концомъ. Бѣлое зачернить не трудно; гораздо труднѣе выбѣлить чорное.

Можете ли вы представить себѣ чорную актрису въ бѣлой роли?

Не можете, потому-что вы не видали *Доньи Маріи Мартинецъ*. Она, дочь Новаго-Свѣта, пользуется чорнымъ цвѣтомъ лица, чорнымъ, какъ полированное чорное дерево.

Много теперь негровъ въ Европѣ, и негровъ весьма образи-

ванныхъ, умныхъ; но до-сихъ-поръ не было ни одного актера, а теперь вдругъ явилась замѣчательная пѣвица.

У негровъ своя музыка, *бамбула*, народныя пѣсни, которыя они твердятъ день и ночь, во-время работы, веселья, плясокъ; эти пѣсни убаюкиваютъ ихъ, когда угаснутъ палящіе лучи солнца, онѣ сопровождаютъ грустныя мечтанія ихъ во-время безсонныхъ ночей...

Эти пѣсни оригинальны, но однообразны.

Каково же вдругъ увидѣть на сценѣ негритянку, образованную по всѣмъ правиламъ музыки, поющую съ душою, съ увлеченіемъ?

Такова донья Мартинецъ, прелестная и молодая женщина самой безукоризненной *черкизны*.

Донья Маріа Мартинецъ-Меренсъ родилась на родинѣ сигаръ,—разумѣется, гаванскихъ. Родители ея были люди вольные; отецъ искусный чернодеревецъ. Имѣя весьма ограниченное состояніе, родители отдали Марію въ домъ гаванскаго военнаго-губернатора Агвилара-и-Конде.

Будучи отозванъ обратно въ Испанію, донъ Агвиларъ не захотѣлъ покинуть ребенка, къ которому онъ привязался всѣмъ сердцемъ; испросивъ позволеніе родителей, онъ взялъ малютку съ собою.

Маріи было въ то время только два года.

Эпидемическая болѣзнь сразила почти въ одно время отца и мать маленькой негритянки, и съ-тѣхъ-поръ привязанность доньи Агвиларъ къ своему пріемышу выказалась самымъ благороднымъ образомъ: она дала ей приличное образованіе.

Но смерть, нещадящая никого, похитила въ 1840 и 1841 двухъ покровителей Маріи, которая вышла за нѣсколько времени до того за-мужъ, въ Малагѣ, за капитана испанской арміи, г. Меренса. Счастіе не улыбалось молодой женщинѣ. Политическіе перевороты Испаніи не пощадили ни г. Меренса, ни многихъ другихъ офицеровъ испанской службы: одни были изгнаны, другіе заключены въ темницы.

Тогда донья Маріа Мартинецъ страстно занялась изученіемъ музыки. Ея замѣчательное происхожденіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекрасный, звучный голосъ-сопрано обратили на нее вниманіе диллетантовъ.

Испанская королева пожелала слышать донью Мартинецъ, и

пригласила ее остаться при дворѣ. Такимъ-образомъ новая жизнь началась для сироты.

Теперь она въ Парижѣ и, — заставляетъ парижанъ забывать загородную свѣжесть, прелесть цвѣтущихъ луговъ и вечернюю прохладу... Донья Мартинецъ поетъ, аккомпанируя себѣ гитарой, и вмѣстѣ съ очаровательнымъ талантомъ пѣвицы соединяетъ въ себѣ острый умъ и прекрасное обращеніе образованной свѣтской женщины.

Господа Халеви и Скрибъ возвратились въ Парижъ, увѣнчанные лондонскими лаврами. Они провели въ Лондонѣ шесть недѣль и во всѣхъ обществахъ были принимаемы самыхъ радушнымъ образомъ.

Наканунѣ ихъ отъѣзда, г. Люмлей, директоръ театра-Королевы, пригласилъ ихъ къ себѣ въ свой загородный домъ, на сельскій праздникъ. Около шести сотъ гостей было приглашено. Чтобы угостить достойнымъ образомъ знаменитыхъ гостей, славнѣйшій поваръ трехъ соединенныхъ королевствъ, мосьё Сойе, изобрѣлъ новыя, чудесныя блюда: ростбифы и пудинги à la Скрибъ, соусы и желѐ à la Халеви, филѐ à la Лаблашъ, кремы à la Зонтагъ, сладкій горошекъ à la Люмлей, и т. п.

На дачѣ г. Люмлея, на берегу Темзы, гдѣ собралось лучшее англійское общество въ области моды, наукъ и искусствъ, за обѣдомъ, изъ шести сотъ блюдъ, поданныхъ господиномъ Сойе, особенное вниманіе обратило на себя миніатюрное изображеніе корабля *Бури*. Это новое кулинарное изобрѣтеніе было названо: *Шекспировскій крустадъ а-ла-Халеви-Скрибъ*. Внутренность корабля была обложена персиками, надъ которыми сквозь чистый, прозрачный желѐ видны были прекрасно нарисованные портреты двухъ французскихъ гостей. Литой сахаръ и прозрачный желѐ представляли волны вокругъ корабля, а по нимъ плавалъ корабельный грузъ изъ винограда, сливъ, персиковъ, абрикосовъ и тому подобнаго.

Всѣ гости осыпали похвалами знаменитаго кухмистера.

— Вы оказали мужу моему большую честь, сказала ему г-жа Скрибъ.

— Честь, сударыня! вскричалъ г. Сойе: я старался только сдѣлать обѣдъ достойнымъ такого гостя, которому позавидовалъ бы самъ Мольеръ!...

Этотъ обѣдъ составитъ эпоху въ лѣтописяхъ кухоннаго искусства.

МЫСЛЬ И УЛЫБКА.—Правописаніе иностранныхъ словъ.—Драматическая фантазія Н. Хвощинской. — Отрывки. — Новый и старый поэтъ. — Присутствіе духа больнаго. — Какъ пишутся иныя критики. — Строгій взглядъ остроумія.—Разныя племена.—Ножъ, *сказка*.—Розалинда, *романъ написанный дамою*.

Было время въ русской литературѣ, когда Шекспира называли *Шакеспеаромъ*, Реньо—*Регнольтомъ*, Лейта—*Лиштомъ*, Ньютона—*Невтономъ*, Уатта—*Ваттомъ* и т. п.

Нынче завелось весьма похвальное обыкновеніе писать иностранныя имена такъ, какъ ихъ *произносятъ* иностранцы. Это очень хорошо, но во всемъ есть извѣстная мѣра.

Отъ дѣльнаго къ смѣшному полшага.

Есть люди, которые вообразили, что буква *а* вовсе не существуетъ въ англійскомъ языкѣ, и даже имя *Гаррика*, извѣстнаго актера, пишутъ—*Гэррикъ*.

А въ имени Гаррика произносится мягко, но вовсе не какъ *е*. Зачѣмъ же замѣнять эту букву оборотнымъ *э*, которое давно пора бы вовсе исключить изъ русской азбуки, въ которой и безъ него есть уже *е* и *ь*, страшныя точки преткновенія для *многихъ*!...

Въ «Пантеонѣ» мы съ особеннымъ удовольствіемъ прочитали драматическую фантазію *Джулію* Н. Хвощинской. Стихъ автора этого новаго произведенія уже знакомъ читателямъ Сына Оте-

чества; не-смотря на то, мы не можемъ не помѣстить нѣсколькихъ мѣстъ изъ *Джуліо*.

I.

Сельскій домикъ на скатѣ холма, окруженный деревьями. Вечеръ.

Корнелія и Тереза.

Тереза.

Закатъ темнѣетъ. Матушка, смотри,
Какія сизыя клубятся тучи;
Гроза къ полночи будетъ. А теперь,
Какъ тихо все, какъ чудно воздухъ дышетъ
Прохладой чистой! Посмотри, цвѣты
Поникнули головкой, засыпаютъ:
Роса дрожитъ на листикахъ, а въ ней
Дрожатъ послѣдніе лучи заката....
О чудный вечеръ, чудный міръ! Господь
Его создалъ на радость!

Корнелія.

Посмотри,
Нейдетъ ли Джуліо?

Тереза.

Нѣтъ, не видать. Опять
Онъ гдѣ-нибудь надъ моремъ замечтался.
Сегодня я прощу ему,—мы вмѣстѣ
Въ одинъ и тотъ-же часъ мечтаемъ; онъ
Тамъ, на утесѣ, надъ шумящей бездной,
Я здѣсь, надъ нѣжными цвѣтами.... Боже!
Когда-бъ вся жизнь могла пройти такъ тихо,
Такъ безмятежно, какъ весенній вечеръ....

* *
*

Джуліо.

....Пойми меня,—
Я мучусь, я тружусь, поденщикъ столько

Не трудится. Прикованный къ одной
Своей завѣтной мысли, будто къ цѣпи,
Я отъ нея на шагъ не отхожу;
Цѣпь въ землю заколочена, на небо
Стремлюся я.... Не дивная-ль мечта,
Высокая, прекрасная! Зачѣмъ же
Не сбыться ей? Зачѣмъ, зачѣмъ? Она
Такъ чудно, упоительно прекрасна!
Творцомъ быть въ мірѣ вѣчнаго Творца,
Возсоздавать Его творенье, видѣть
Небесное, сходящее на землю....

* *
*

Ночь темна;
Темна тому, кого земныя очи
Одни отверсты; для очей души
Сіяетъ въ мракѣ свѣтъ нетлѣнный неба.
Иначе бы страшила эта бездна,
Что у подошвы этихъ скалъ рокочетъ,
Иначе бы страшило, что скала,
Мое подножье, отъ прибоя волнъ
Трепещетъ, какъ испуганный младенецъ;
Онъ испугался бъ этихъ воплей бури,
Я не боюсь. Передо мной разгнута
Великая страница книги жизни,
Огнемъ она начертана во мракѣ,
Я въ ней читаю Божью славу....

* *
*

Блестящій сводъ, очамъ въ слезахъ открытый
Ты утѣшитель. Звѣздные міры,
Вы перлы свѣтлаго Господняго вѣнца,
И ими Онъ, насъ плачущихъ дѣтей,
Во тмѣ полночи утѣшаетъ. Сладко
Глядѣть на васъ; чудесныя мечты
Вы зажигаете холодными лучами!...
Вотъ въ полусвѣтѣ выблятся листы
Деревьевъ, вѣтеръ трепетно крылами
Взмахнулъ, спорхнулъ изъ горней высоты,
Улегся, спитъ....

Въ полмірѣ, можетъ-быть,
Лишъ я одинъ не сплю.

. . . . . .

....Я жду, жду утра!
Жду *свѣтлаго разсвѣта*,—не глазамъ
Моимъ онъ нуженъ: лучше въ тиѣ ночной
И слезы спрячутся, и на щекахъ
Жаръ горькаго стыда сойдетъ незримо...
Я дня для сердца жду...

. . . . . .

О Боже мой, чѣмъ заслужилъ я это?
За пятилѣтній трудъ награда гдѣ-же?
И точно ли напрасенъ былъ мой трудъ?
Въ который разъ еще на смѣхъ людей
Предстать, и правду страшную услышать?...

. . . . . .

А, вотъ оно, вотъ утро,
Вотъ солнце!... Ну, добро пожаловать, сюда!
Свѣти, земное утро, освѣщай
Того, кто съ неба сброшенъ прямо въ пропасть,
И головой о камень!...

* * *

Домъ родной,
Вотъ ты, на скатѣ сизаго холма,
И также въ свѣтломъ, солнечномъ закатѣ
Горятъ твои окошки, также вьются,
Щебечутъ птички надъ твоею кровлей,
И также вѣетъ яворъ у порога,
И также блѣдный цвѣтъ ночной, въ тиши,
Благоухаетъ подъ навѣсомъ мирта,
Все такъ-же, какъ и было!... Гдѣ же ты,
О радость сердца, ты, чѣмъ трепетало
Оно, когда ребенокъ, я спѣшилъ
Въ часъ вечера туда, къ моей родной,
Спѣшилъ, бѣжалъ, какъ будто мнѣ хотѣлось,
Чтобъ солнца лучъ нечевнуть не успѣлъ,
Не освѣтивъ еще забавъ нашихъ?
А вы, восторги юноши, когда
Моя невѣста, прежняя подруга
Забавъ и игръ, съ улыбкою встрѣчала

Меня, любимца сердца, у порога,
Гдѣ вы?... Стремясь за лавровымъ вѣнкомъ,
Я затопталъ цвѣтокъ любви прекрасный,—
И кто теперь его съ земли подниметъ
И освѣжитъ?...
Создатель, о Создатель!
Дай мнѣ опять привычку къ тихой жизни,
Безъ прежнихъ грезъ, безъ прежняго волненья,
То благо, что̀ безумный я отвергъ!
Печаль есть въ сердцѣ,—а печаль дитя!
Она привыкнетъ скоро; ей нужна лишь
Одна любовь!—дай мнѣ ее найти!...

* *
*

Джулio.

Скажи, старикъ, что̀ всѣ у васъ какъ прежде
Живутъ?... Здѣсь, помнится, была красотка,—
Терезой звали,—что̀ она?...

Старикъ.

Она?...
О первой ты о ней спросилъ не даромъ,
Она была красавица.—Давно
Ужъ замужемъ и счастлива.

. . . . . .

....У нея безумный былъ женихъ;
Ее оставилъ, самъ ушелъ,—куда,
Про то Богъ знаетъ. Видишь, грѣхъ попуталъ,
Хотѣлъ попасть въ художники....

. . . . . .

. . . . . Онъ мать
Одну оставилъ, бросилъ; та въ тоскѣ,
Ждала, и долго, долго все ждала,
Все плакала одна и горевала,
И всякій день до вечера съ утра
Съ дороги глазъ не отводила....

. . . . . .

Господь надъ нею сжалился, ее
Позвалъ къ себѣ....

* *
*

У г-жи Н. Хвощинской прекрасный талантъ. Отъ души желаемъ, чтобы ее не сбили съ толку различныя мнѣнія о стихахъ, чтобы, не слушая шуточекъ *Новаго-поэта* (тѣ же *фантифлюйки*), она помнила лучше слова *Стараго-поэта*:

Звонкопріятная лира!
Въ древни златые дни міра
Сладкою силой твоей
Ты и боговъ и царей,
Ты и народы плѣняла.

* *
*

Гласъ тихострунный твой, звоны,
Сердце врѣзающи томы,
Съ дебрей, вертеповъ, степей
Птицъ созывали, звѣрей,
Холмы и дубы склоняли.

* *
*

Нынѣ желѣзные-ль вѣки?
Тверже-ль кремней человѣки?
Сами не знаясь съ тобой,
Свѣтъ не плѣняютъ игрой,
Чужды красотъ доброгласья.

* *
*

Доблестью чужды плѣняться,
Къ злату, къ серебру лишь стремятся,
Помнятъ себя лишь однихъ,
Слезы не трогаютъ ихъ,
Вопли сердецъ не доходятъ....

За нѣсколько часовъ до смерти извѣстнаго нѣмецкаго писателя Бёрне, къ нему пришелъ докторъ,

Послѣдній просидѣлъ нѣсколько минутъ у кровати больнаго, прислушивался къ дыханію, къ кашлю его, и наконецъ, покачавъ головой, сказалъ:

— Вы кашляете съ трудомъ.

— Странно,—возразилъ Бёрне едва слышнымъ голосомъ, но сохранивъ еще столько присутствія духа, что могъ даже шутить:—странно, я, кажется, упражнялся цѣлую ночь въ кашлѣ.

Какъ пишутся иныя критики:

«115) Новый Русскій букварь для дѣтей. Изданіе третіе. Спб. 1850.

Право жаль, что я не обладаю такимъ взглядомъ, какимъ отличаются въ наше время нѣкоторые фельетонисты, рецензенты и прочая пишущая братія журналовъ и газетъ! Сколько пищи или повода къ остроумію представляетъ, напримѣръ, хоть бы книжечка: «Русскій букварь!» Въ немъ есть и заглавныя прямыя и строчныя прямыя, и церковныя малыя и большія, и рукописныя большія и малыя, и всякія нужныя буквы, и разные склады, хорошо составленные, и склады церковными буквами, и нравоученія, и, въ заключеніе, разумѣется, попрыгунья стрекоза,—да, кромѣ-того, цыфры церковныя, гражданскія и римскія—и даже табличка умноженія...»

И все.

А хороша ли книга?

Неизвѣстно.

Стòитъ ли обратить на нее вниманіе?

Видно не стòитъ, коли не обращено.

Зачѣмъ же упомянуто объ ней?

Такъ,—*чтобы въ оглавленіи гуще* было, да еще—увы!—ради краснаго словца.

Гдѣ же оно, это красное-то словцо?

Оно все въ—недостаткѣ *остроумія*.

Англійскій ученый, д-ръ Пикерингъ опредѣляетъ числа разныхъ племенъ слѣдующимъ образомъ:

Бѣлаго племени —	350,000,000.
Монгольскаго —	300,000,000.
Малайскаго — —	120,000,000.
Телингскаго — —	60,000,000.
Негритянскаго — —	55,000,000.
Ефіопскаго — — —	5,000,000.
Абиссинскаго — —	3,000,000.
Папуанскаго — —	3,000,000.
Негрилльоскаго — —	3,000,000.
Австралійскаго — —	500,000.
Готтентотскаго — —	500,000.
Всего	900,000,000.

—

НОЖЪ.

Сказка.

У мужика
Поиступился ножъ. Бѣда не велика!
Онъ поточилъ его, и ножикъ сталъ острѣе.
— Постой же,—думаетъ такъ мужичокъ съ собой:—
Я поступлю умнѣе,
И ножикъ мой,
Когда трудовъ прибавлю,
Какъ бритву острымъ я поставлю! —
Онъ точитъ, пробуетъ,—ужъ ножъ какъ бритва сталъ;
Но онъ-то не переставалъ:
Все ножикъ точитъ, точитъ,
Острѣе бритвы сдѣлать хочетъ,
Потѣетъ часъ, другой,—и ножъ
Ужъ противъ прежняго сталъ вдвое тоньше...

Тогда онъ палочку сыскалъ потолще,
Давай-ка пробовать... Но что̀жъ?
Переломился
Вдругъ ножикъ по-поламъ!...
Тутъ мужичокъ увидѣлъ самъ,
Что лишъ во вредъ себѣ трудился!

РОЗАЛИНДА.

Романъ, написанный дамою.

Розалинда родилась на *боку морскомъ*. Домъ *ихъ давалъ* одною стороною *на солнце*, палящее, знойное, но очаровательное, другою въ садъ, гдѣ *ночью* появлялась *плавная луна*.

Ей никогда не удавалось видѣть, какъ солнце встаетъ, однако она всегда любила *видѣть*, какъ оно *ложится*...

Конечно, Розалинда любила гулять, потому-что прекрасныя *окруженія* города *давали* ей *склонность* гулять. Она особенно любила *удивляться на* море, какъ оно прекрасно *выглядитъ*. *Ейное* сердце было наполнено нѣгой, когда она собирала *съ рукою* приморскіе камушки... *Ихное* подъ ногами *хрустѣніе* и *ревѣніе* моря заставляло ее *размышлять*.

Одна свѣтская дама давала въ городѣ балъ.

Давно уже Розалинда никуда не выѣзжала, потому-что маленькая сестра ея *дѣлала зубы, то* нѣжная мать *не отходила изъ горницы отъ больной*. Теперь, благодаря Богу, *маленькой стало хорошо*, и *мамаѣ* приказала ей готовиться на балъ.

Ахъ! Розалинда была въ восторгѣ; только она не могла рѣшиться, какое *лутче одѣть* на себя платье, и какіе *лутче положить* на голову цвѣты. *По различныхъ мнѣніяхъ* она рѣши-

лась *надѣться* въ голубое кисейное платье и велѣла Машинькѣ *сдѣлать себѣ голову.*

Поѣхали на балъ.

Розалинда *выглядѣла* такъ хорошо, что когда она вошла *въ залъ*, всѣ дамы *на нее остановились* съ завистію.

Прекрасный собою молодой человѣкъ, по имени Адольфъ, ангажировалъ ее. Онъ очень ловко *польковалъ* и *дѣлалъ съ нотами* такъ хорошо!

Но вдругъ... не можно себѣ представить, какъ у Розалинды разболѣлась голова. Она часто была *подвержена нервамъ.*

Адольфу было досадно *видѣть ее мало* танцовать. *Неограниченна* была досада его, но она стала *еще больше*, когда Розалинда уѣхала съ *маманъ* домой.

На другой день Розалиндѣ *объявили* Адольфа.

Однако она не могла *сойдти внизъ*, потому что *дѣлала свой туалетъ.* Ей подали письмо отъ Адольфовой сестры; она долго боялась его *отворить*, но наконецъ рѣшилась *съ дрожащею* рукою. Она заключало приглашеніе гулять за-городъ верхомъ.

Розалиндѣ никогда не удавалось *видѣть ѣхать верхомъ* Адольфа, а потому она обрадовалась.

Когда она *кончила свой туалетъ, то сошла внизъ.*

— *Прошла ли ваша голова?* спросилъ ее Адольфъ, взглянувъ на нее съ *нѣжными глазами.*

— *Я васъ благодарю*, мнѣ теперь гораздо *лутче*, отвѣчала Розалинда.

Они долго *вмѣстѣ говорили.* Не прошло и четверти часа какъ Розалинда *перемѣнила цвѣтъ*; изъ блѣдной сдѣлалась румяной отъ удовольствія.

Розалиндѣ всегда хотѣлось *попробовать* Адольфову привязанность, которую онъ всегда старался *дать ей видѣть...*

(Продолженіе менѣе замѣчательно, а потому читатели обойдутся и безъ него.)

Въ Парижскихъ газетахъ какой-то шарлатанъ долгое время печаталъ слѣдующее лаконическое объявленіе:

«10,000 франковъ тому, кто докажетъ, что отъ употребленія *воды Л. Лоби* не вырастаютъ волосы на самой лысой головѣ!»

Замѣтьте, что тутъ *не опредѣлено время*, въ которое волосы должны вырости. Не-смотря на то, явились однакожъ охотники на полученіе этой суммы, и стали доказывать, что вода эта имъ нисколько не помогла.

— Возьмите еще стклянку, отвѣчалъ мосьё Лобъ.

И то не помогло.

— Возьмите еще.

Такъ какъ стклянки стоятъ довольно дорого, то охотники на выигрышъ отказались; но въ то же время стали вездѣ кричать, что Лобъ шарлатанъ.

Обиженный *волосороститель* напечаталъ около тысячи благодарственныхъ писемъ и свидѣтельствъ отъ лицъ, обнаженное чело которыхъ онъ осѣнилъ волосами.

Противники стали кричать, что эти свидѣтельства вымышлены, что они пуфы.

Г. Лобу, видно, непремѣнно хочется, чтобы кто-нибудь выигралъ обѣщанные имъ 10,000 франковъ, потому-что на днѣхъ мы нашли на четвертой страницѣ одной газеты новое объявленіе слѣдующаго рода:

НЕ УГОДНО ЛИ КОМУ ПОЛУЧИТЬ 10,000 ФРАНКОВЪ?

Говорятъ, что не должно вѣрить свидѣтельствамъ; я берусь опровергнуть эти ложныя увѣренія и защитить честь тысячи особъ, достойныхъ всякаго уваженія, которыя дали мнѣ свидѣтельства, доказывающія силу моей *воды-Лобъ*, помощію которой онѣ вы-

ростили, сдѣлали густыми свои волосы, хотя въ числѣ этихъ особъ есть и такія, *которыя были лысыми болѣе 25 лѣтъ!* Слѣдовательно я не боюсь предложить 10,000 фр. тому, кто докажетъ что свидѣтельства, хранящіяся у меня, ложны и недѣйствительны.

«*И такъ, нѣтъ болѣе головъ лысыхъ или съ рѣдкими волосами!* Одна стклянка моей *воды-Лобъ*, употребленная по моему предписанію, достаточна для того, чтобы вырастить и сгустить волосы. *Я отвѣчаю за успѣхъ.*

«Стклянки по 5 и 10 франковъ, высылаются на вексель или на наличныя. Берегитесь поддѣлокъ. Франкировать.—Адресоваться ко мнѣ,

«Leopold Lob, chimiste, rue Saint-Honoré, 281, à Paris.»

Нарочно выписываю адресъ для желающихъ,—не вырастить волосы,—а получить 10,000 франковъ, что на наши деньги составляетъ 2,500 руб. серебромъ.

Что говоритъ природа человѣку. Извѣстно, что бо́льшая часть попытокъ сдѣлать Индѣйцевъ Сѣверной Америки земледѣльцами и осѣдлыми, остались тщетными и безплодными. Французскіе іезуиты въ Канадѣ и англійскіе миссіонеры въ Соединенныхъ-Штатахъ тщетно пытались основывать селенія краснокожихъ: страсть къ кочевой жизни, повидимому, врожденная этому племени, и отвращеніе отъ всякаго постояннаго труда, всегда разсѣивали эти новыя колоніи. Самое незначительное число индѣйскихъ хижинъ находятся на всемъ пространствѣ этого обширнаго материка; однако обитатели ихъ несовершенно отстали отъ бродячей жизни; отлучаясь часто для охоты за звѣрями, они предоставляютъ женамъ своимъ обработываніе земли и пастьбу скота.

Кромѣ природнаго влеченія краснокожихъ къ кочевой жизни, предразсудокъ, дѣлающій всякій трудъ постыднымъ для человѣка, поддерживаетъ между ними это несчастное расположеніе. Индѣецъ, слѣдующій во всемъ преданіямъ своихъ предковъ, занимается только охотой за звѣрями и войной съ сосѣдними племенами; только эти два занятія достойны его; всякій другой трудъ, по его мнѣнію, приноситъ безчестіе человѣку.

Уклоненія отъ этихъ понятій случаются, хотя впрочемъ довольно рѣдко. Американскій миссіонеръ, Гекевельдеръ, авторъ книги: *о нравахъ и обычаяхъ Индѣйцевъ*, разсказываетъ, что онъ зналъ одного Индѣйца изъ племени краснокожихъ, который пріобрѣталъ собственными своими трудами необходимѣйшіе для ежедневнаго обихода предметы. Хижину его можно сравнить съ хижиной незначительнаго американскаго фермера. — Когда Гекевельдеръ сталъ удивляться трудолюбію Индѣйца, и поощрять его, тотъ отвѣчалъ:

— Въ молодости своей я вовсе не трудился, подобно прочимъ краснокожимъ, почитая трудъ удѣломъ бѣлыхъ и негровъ. Однажды утромъ, когда я сидѣлъ на берегу рѣки Сускеганнахъ, я былъ пораженъ удивленіемъ, увидѣвъ бобровъ, собиравшихъ мелкіе камешки для постройки жилищъ, гдѣ они могли бы укрыться. Я закурилъ трубку и сталъ внимательно наблюдать за ними. Нѣніе птички заставило меня оглянуться. Я увидѣлъ самку, которая заботливо устроивала гнѣздо свое. Я задумался. Бобры весело трудились въ водѣ, а птички—въ воздухѣ; взглянувъ на самаго-себя, я увидѣлъ, что имѣю двѣ большія руки; что каждая изъ этихъ рукъ оканчивается кистью, которою я могу свободно дѣйствовать; что мнѣ данъ гибкій станъ, поддерживаемый двумя твердыми ногами.

Возможно ли, сказалъ я тогда самому себѣ, жить въ бездѣйствіи, будучи созданнымъ такимъ образомъ, въ то время какъ звѣри трудятся безъ всякаго къ тому принужденія! Ужели Великій Духъ безъ всякой цѣли надѣлилъ меня этими членами? Нѣтъ, это невозможно! Вслѣдствіе этого, я построилъ себѣ хижину, сталъ разводить маисъ, и тогда какъ другіе проводятъ время въ пляскахъ, а потомъ страдаютъ отъ

голода, я живу въ изобилiи. У меня есть лошади, коровы, свинья и домашнiя птицы. Я совершенно доволенъ своей судьбой и счастливъ. Вы видите, другъ мой, чтобы научиться размышлять и трудиться, достаточно только внимать голосу природы, которая одинаково говоритъ какъ племени краснокожихъ, такъ и племени бѣлыхъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Начнемъ съ описанія новой парижской картинки, приложенной къ нынѣшней книгѣ Сына Отечества. Вотъ туалеты для гулянья. Первый костюмъ:—платье изъ голубой, шелковой матеріи съ затканнымъ узоромъ. Талія полуоткрытая назади и вырѣзанная сердцемъ напереди. По краямъ нашиты въ три ряда ленты, собранныя рюшемъ. Рукава довольно широкіе, фасона *pagodes*, отдѣланы такъ-же, какъ и талія, собранными лентами; шемизетка *guimpe*, съ вышитыми пришивками и кружевами; бѣлые рукава, обшитые въ два ряда собранными кружевами, имѣютъ названіе *pleureuses*. Шляпка волосяная, вышитая соломной, украшена черной блондой и перьями. Перчатки датскія. Зонтикъ турецкій, съ длинной бахрамой.—Второй костюмъ: Платье изъ свѣтлокоричневой тафты, вышитое на манеръ арабесокъ, агрементами. Рукава полудлинные. Черные бархатные браслеты, *fantaisie*, застегнуты пряжкой. Шляпка изъ paille de riz. Дѣтскій костюмъ, кажется, не имѣетъ нужды въ описаніи. Стоитъ только взглянуть на картинку, чтобъ составить полное понятіе объ этомъ нарядѣ.

Вѣроятно, наши читательницы не удовольствуются описаніемъ одной картинки, и пожелаютъ подробнѣе узнать о томъ, что происходитъ въ царствѣ моды. Постараемся угодить ихъ желанію, хотя въ лѣтніе мѣсяцы, мода не подвергается важнымъ преобразованіямъ, потому-что законодательницы модъ удаляются въ свои деревни или загородные дома, гдѣ онѣ не имѣютъ нужды много заботиться о причудахъ моды.

Нашимъ читательницамъ уже извѣстно, что модныя шляпки имѣютъ поля шире, чѣмъ въ прошломъ году. На шляпкахъ изъ итальянской соломы носятъ цвѣты и плоды. Не правда ли, что это странно, хотя и ново. Если плоды, сдѣланные рукою художника, походятъ совершенно на настоящіе, то не мудрено, что они возбудятъ въ комъ-нибудь желаніе отвѣдать вкуснаго, хотя и запрещеннаго плода. По нашему мнѣнію, это уже не есть украшеніе. Цвѣты—вотъ это другое дѣло. На креповыхъ

знать исторію безъ тщательнаго изученія фактовъ, изъ которыхъ составляется все зданіе этой науки, точно также, какъ невозможно умѣть читать, не изучивъ предварительно буквъ и слоговъ, изъ которыхъ составляются слова. По этому, не говоря уже объ обучающемся юношествѣ, которое, естественно и необходимо, сначала должно изучить факты, чтобъ уже послѣ, усвоивъ ихъ своему уму, образовать изъ нихъ систематическое цѣлое или знаніе науки; не говоря о людяхъ спеціально посвятившихъ себя и исторіи, для которыхъ собраніе историческихъ фактовъ столько же необходимо, сколько собраніе законовъ для законовѣда, каждый образованный человѣкъ, любящій слѣдить за развитіемъ просвѣщенія и гражданственности, необходимо долженъ пріобрѣсти сочиненіе, въ которомъ въ двѣнадцати тетрадяхъ, заключены всѣ самыя малѣйшія историческія происшествія, случившіяся въ періодъ времени отъ 2000 лѣтъ, до Р. Х. до 1840 года послѣ Р. Х., т. е. въ продолженіе 3840 лѣтъ,— трудъ тяжелый, стоившій автору 20 лѣтъ. Хотя въ заглавіи сказано: только *европейскихъ земель и государствъ*, но самое сочиненіе обнимаетъ исторію всѣхъ частей свѣта, разумѣется, по мѣрѣ выступленія ихъ на историческое поприще. Съ особенною полнотою и подробностями изложены событія новой исторіи, гдѣ послѣдовательно, годъ за годомъ, безпрерывно слѣдуютъ происшествія въ ихъ неразрывной хронологической и синхронистической связи, сожалѣемъ, что не можемъ представить содержанія, по многочисленности входящихъ предметовъ. Скажемъ только, что весь Атласъ состоитъ изъ тридцати-восьми таблицъ въ листъ, самой мелкой печати, а каждая таблица отъ одного до восьми печатныхъ листовъ, что̀ равняется, приблизительно, шестидесяти печатнымъ листамъ большаго формата; кромѣ-того, къ Атласу приложены родословныя таблицы, обнимающія владѣтельные дома, не только Европы, но и Азіи и Америки, въ періодъ отъ основанія Рима до нашихъ временъ, безъ которыхъ, какъ всякому понятно, въ исторіи было бы много непонятнаго или запутаннаго. Чувствуя пользу и важность вышеозначеннаго сочиненія, и желая по этому самому сдѣлать его доступнымъ каждому,

Предлагаемъ его по уменьшенной цѣнѣ три руб серебр. съ пересылкою.

АТЛАСЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ДРЕВНИХЪ, СРЕДНИХЪ И НОВЫХЪ ВѢКОВЪ, составленный К. Твелькмейеромъ, преподавателемъ всеобщей исторіи въ Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Посвященъ Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу, Главному Начальнику Военно-Учебныхъ Заведеній. Выпускъ первый. С. П. 1850. Большаго полулистоваго формата, на веленевой бумагѣ Ц. 1 руб. 75 коп., съ перес. 2 руб. Послѣдующіе выпуски изготовляются, и выйдутъ въ непродолжительномъ времени.

ВЕЛИКІЙ-ПОСТЪ или бесѣды на Св Четыредесятницу, соч. Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, второе изданіе С. П. 1850. Ц. 1 руб. 25 коп., съ перес. 1 руб. 75 коп.

МЫСЛИ О ПРАВОСЛАВІИ, при посѣщеніи Святыни русской, Соч. А. Н. Муравьева. С. П. 1850. Ц. 1 руб. 50 коп., съ перес. 2 руб.

РАЗМЫШЛЕНІЕ О ХРИСТІАНСКОЙ ЛЮБВИ. С. П. 1850. Ц. 50 коп., съ перес. 75 коп.

ЭЛЕМЕНТАРНОЕ УЧЕНІЕ О БОЛѢЗНЯХЪ СОЧЛЕНЕНІЙ. А. Нелатона, переводъ съ французскаго, докторъ Я. Чистовичъ. Съ 9 политипажами. С. П. 1850. Ц. 2 руб. 50 коп., съ перес. 3 руб.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ. Сочиненіе *Нелединскаго-Мелецкаго* и *Дельвига*, изд. А. Смирдина. С. П. 1850. Ц. 1 руб. вѣсовыхъ за 2 фун.

ЭКОНОМИЧЕРКІЙ ПОРТФЕЛЬ, для городскихъ и деревенскихъ хозяевъ и хозяекъ, съ рисунками, въ 3 час. М. 1850. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

ИСКУССТВЕННЫЯ УДОБРЕНІЯ ИЛИ ТУКИ. Книга, необходимая для всѣхъ занимающихся земледѣліемъ, соч. Ю. Либиха, профессора гессенскаго университета и члена разныхъ ученыхъ обществъ. С. П. 1850. Ц. 50 коп., съ перес. 75 коп.

БИБЛІОТЕКА ПУТЕШЕСТВІЙ ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ. *Путешествіе вокругъ свѣта Дюмонъ-Дюрвиля*, съ 45 картинками и портретами, гравированными на мѣди, 10 томиковъ. С. П. 1850. Ц. съ раскрашенными картинками 5 руб., съ черными 4 руб. за перес. 1 руб. 25 коп.

КУРСЪ РУССКАГО, ФРАНЦУЗСКГО И НѢМЕЦКАГО СКОРОПИСАНІЯ, по методѣ Карстера, принятой въ Военное-Учеб-

ныхъ Заведеніяхъ, состав. В. Ходоровскимъ. С. П. 1846. Ц. 1 руб. 50 коп.

СВЯТЫЙ ДИМИТРІЙ, МИТРОПОЛИТЪ РОСТОВСКІЙ. М. 1849. Ц. 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 руб. 75 коп.

КРУШЕНІЕ КОРАБЛЯ НЕВЫ у береговъ Ново-Архангельскаго порта, разсказъ очевидца. А. Маркова. С. П. 1850. Ц. 30 коп., съ перес. 60 коп.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще какъ прежде изданными, такъ и вновь выходящими замѣчательными произведеніями русской литературы, по всѣмъ отраслямъ наукъ и изящной словесности, находящимся въ моемъ магазинѣ, въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ.

Всѣ требованія будутъ выполняемы безостановочно, съ устукою, соразмѣрною достоинству и количеству требуемыхъ книгъ.

Гг. завѣдывающіе полковыми и другими библіотеками могутъ высылать свои требованія съ частью причитающейся по смѣтѣ суммы.

Гг. иногородные, желающіе имѣть книги въ переплетѣ, платятъ за каждую книгу: въ простомъ кожанномъ корешкѣ 20 коп. сер., въ сафьянномъ французскомъ корешкѣ 40 коп. Если книги встрѣтятся форматомъ въ 4 д. листа или въ листъ, то плата за переплетъ удвоивается.